Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова
Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды»

Золотоордынское наследие

Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума
«Pax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст»
Болгар – Казань, 9–11 июня 2025 г.

Выпуск 6

Казань – 2025

The Tatarstan Academy of Sciences
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates
International Public Organization "Association of Researchers of the Golden Horde"

Golden Horde Legacy

Materials of the VIII International Golden Horde Forum
"Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context"
Bolgar – Kazan, June 9–11, 2025

Issue 6

Kazan – 2025

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)
З-80

Издание подготовлено в рамках VIII Международного Золотоордынского форума в соответствии с Республиканским планом основных мероприятий

Утверждено к печати Ученым советом Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Научный редактор
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *А.В. Аксанов*

Редактор английских текстов
И.И. Хузеев

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Л.Ф. Абзалов*
кандидат исторических наук *Э.Г. Сайфетдинова*

Редакционная коллегия:
А.А. Тимерханов, Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, С.П. Карпов, И.Л. Измайлов, Ильяс Кемалоглу, А.В. Беляков, Р.Ю. Почекаев, А.В. Аксанов, Л.Ф. Байбулатова, Э.Г. Сайфетдинова, П.Н. Петров

З-80 **ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г. Выпуск 6.** – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2025. – 476 с., ил.

GOLDEN HORDE LEGACY: Materials of the VIII International Golden Horde Forum "Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context", Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025. Issue 6. – Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. – 476 p., with illustrations.

ISBN 978-5-94981-405-5
DOI: 10.22378/978-5-94981-405-5.2025

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2025
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ганиев Р.Т. Политика империи Суй в отношении восточных тюрков во второй половине VI – начале VII в. 9

Астайкин А.А. Историографические фантомы – участники битвы на Калке 1223 г. 14

Порсин А.А. Курултаи 1249 и 1251, как результат борьбы чингизидских семей за власть в Монгольской империи 18

Миргалеев И.М. Оформление политической самостоятельности Улуса Джучи 30

Васильев Д.В. Город Сарай: о наименовании ставки правителей Улуса Джучи 33

Нуриева Ф.Ш. Общий взгляд на формирование и функционирование старотатарского литературного языка в золотоордынский период 39

Битюков В.С. Борьба Большой Орды за влияние в Крыму в 1476–1477 гг. 45

Исхаков Д.М. К вопросу об интерпретации имен и статусов знатных лиц из тюменско-ногайской коалиции в ходе разгрома Большой Орды в 1481 году 50

Аксанов А.В. К вопросу о взаимоотношениях Астраханского ханства с постордынскими государствами 54

Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Владения тюменских шибанидов на Сырдарье и в Приаралье 58

Исхаков Д.М. Клановая система татарского сословия в Казанском ханстве: новые подходы и находки 65

Хамидуллин Б.Л. «Черемисские татары» как неотъемлемая часть Pax Tatarica XVI века: сведения европейских историков, географов, писателей, дипломатов, военных, купцов и путешественников о предках марийцев в составе Казанского государства 71

Атыгаев Н.А. Послы Казахского ханства (XV – начало XVIII вв.) 76

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Сайфетдинова Э.Г. Сочинение Ибн ʻАбд аз-Захира как источник сведений о начале дипломатических отношений Улуса Джучи и Египта 81

Сабитов Ж.М. Классификация и «критика происхождения» средневековых источников XIV–XVI веков по генеалогии Джучидов 87

Уланбек Калмурза уулу. Социальная и культурная жизнь в золотоордынском Хорезме и ее проявления в трудах фикха 100

Миргалеев И.М., Гибадуллин И.Р. Письмо Тимур-хана Йаламан-беку, написанное из Дешт-и Кыпчака 107

Кушкумбаев А.К., Сабитов Ж.М., Нурманова А.Ш. «Шайбани-нама» Мухаммада Салиха как источник по военному делу кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака 111

Бородовская Л.З. Суфийские ритуальные практики средневековых татар: новые источники 119

Маслова С.А. Сборщики ордынских выплат с русских земель по данным ярлыков, выданных русским митрополитам 128

Селезнев Ю.В. Холмогорская летопись как исторический источник по истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений 135

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Закирова И.Г. Варианты татарского дастана «Идегей»: сюжетные линии и система образов 140
Миргалеев И.М., Абибуллаева Э.Э. Крымскотатарские и добруджинские варианты эпоса «Идегей» 146
Гумру Шахрияр. Поэтические особенности татарского эпоса «Идегей» 151
Мухаметзянова Л.Х. Эпос «Чура батыр» в историческом контексте 156
Очир А., Нанжид Б., Ганбат Н. Происхождение эпоса у монголов 162

ИНФОРМАЦИЯ, РЕЛИГИЯ, МУЗЫКА, ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Гаркавец А.Н. Кыпчакская молитва венгерских кунов 178
Измайлов И.Л. Урбанизация и информационные потоки в Улусе Джучи: новый взгляд на внутреннее единство империи 200
Лушников О.В. Золотая Орда и «Pax Eurasica»: исторический контекст 209
Дэлгэржаргал П. Великий Шёлковый путь в Евразийской степи в древности (юэчжи, хунну, жоужан) 215
Керим Г.А. Золотая Орда и Шелковый путь 224
Lahmer H. Geography and Conditions of the Golden Horde in the Writings of Islamic Western Travelers 231
Малиновская Р.В. Географические представления европейских путешественников о просторах Монгольской империи 240
Gamal Abdel Rehem Ibrahim Hassan. Artworks of Sultan an-Nasir Muhammad and his emirs 248
Жданова Т.В. Политические и духовно-нравственные аспекты функционирования Сарайской епархии в XIII–XIV вв. 252
Костогрызова С.Е. Роль восточных христиан в дипломатических контактах государств Чингизидов с Западной Европой 263
Заатов И.А. Тюрко-исламская основа музыки крымских татар периода Золотой Орды 269

ЭПИГРАФИКА, НУМИЗМАТИКА, АРХЕОЛОГИЯ

Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В., Аминов Р.Р., Аксанов А.В., Багаутдинова Л.Н. Оценка состояния и вопросы сохранения эпиграфических памятников золотоордынского периода (XIV в.) на территории Республики Татарстан 277
Усманов В.М., Гумеров И.Г., Ахунов А.М. Исследование состояния татарских надмогильных камней XIV–XVII вв.: оценка результатов эпиграфических экспедиций 2019–2024 гг. 286
Усманова Э.Р., Захаров С.В., Панюшкина И.П. Природно-исторические локусы Улуса Джучи в Улытау 293
Нечвалода А.И. Покажи мне свой мавзолей, и я скажу кто ты… Мавзолей Жанибек-Шалкар эпохи средневековья в Казахстане: биоантропологические аспекты исследования 307
Ахметгалин Ф.А. Мавзолеи XVI–XVII вв. ханской столицы города Касимова 324
Зиливинская Э.Д. Раскопки в окрестностях городища Каратобе в 2019 году 336
Болдырева Е.М. Изучение жилого квартала ремесленников на Селитренном городище. По материалам раскопок Поволжской экспедиции ГИМ в 2022–2024 гг. 345
Каверин А.Н. Перспективы изучения археологических объектов, подверженных длительному антропогенному воздействию (на примере ОАН «Солодовский пригород Царевского городища») 353

Клименко П.Г. Результат археологических разведок на поселении «Зубовское-2», проведенных в 2024 году 360
Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. История формирования музейных коллекций глазурованной керамики из раскопок золотоордынского городища Солхат 368
Ханов С.А., Русланов Е.В., Стародубцев М.В. К вопросу о происхождении некоторых сюжетов на бронзовых зеркалах золотоордынского времени по материалам случайных находок с территории Южного Урала 377
Петров П.Н. Присырдарьинская нумизматика и ее проблемы 381
Маммадова А.М. Монеты Джучидов как факт средневековых торговых связей Азербайджана 387
Добромыслов Л.Б., Леонов Б.И. Монеты Токтамыша с легендой чекан Орды «Сэтудан» 392
Добромыслов Л.Б. Необычная монета золотоордынского хана Токтамыша с символом веры 401

ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

Беляков А.В. Птицы как знак власти в Золотой Орде и Московской Руси 405
Воротынцев Л.В. О пленном Олеге замолвите слово: реанимация историографического мифа как тема научного исследования? 413
Алимджанов Б.А. Тюркская идентичность в Узбекистане: альтернатива советскости и исламскости? 421
Парунин А.В. В.П. Костюков как исследователь истории Золотой Орды 425
Почекаев Р.Ю. Два исследования о западе и востоке Улуса Джучи 431
Галимов Т.Р. Рецензия на книгу А.В. Шумкина «Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории)» (Челябинск: ЧГИК, 2019. 164 с.) 436
Наматов М.А. Татары и Византия 440
Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад. Некоторые топонимы в Молдове, связанные с названиями отдельных родов ногайских татар 449
Курбатов В.А. Районы исходной локализации и маршруты миграций татаро-казанских сообществ 457
Гиниятуллина Л.С. Динамика развития журнала «Золотоордынское обозрение» в контексте исследований истории Золотой Орды 474

CONTENTS

HISTORY

Ganiev R.T. The policy of the Sui Empire towards the Eastern Turks in the second half of the 6th – early 7th centuries 9
Astaykin A.A. Historiographical phantoms – participants of the battle on Kalka River in 1223 14
Porsin A.A. Kurultais of 1249 and 1251, as a result of the struggle of the chingizid families for power in the Mongol Empire 18
Mirgaleev I.M. Formation of political independence of the Ulus of Jochi 30
Vasiliev D.V. The City of Sarai: about the name of the headquarters of the rulers of the Jochi Ulus 33
Nurieva F.Sh. General view on the formation and functioning of the Old Tatar Literary language in the Golden Horde period 39
Bityukov V.S. The struggle of the Great Horde for influence in Crimea in 1476–1477 45
Iskhakov D.M. On the question of interpretation of names and statuses of noble persons from the Tyumen-Nogai coalition during the defeat of the Great Horde in 1481 50
Aksanov A.V. On the issue of the relations of the Astrakhan Khanate with Post-Golden Horde states 54
Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Possessions of the Tyumen Sibanids in the Syr Darya and the Aral Sea region 58
Iskhakov D.M. Clan system of the Tatar Class in the Kazan Khanate: new approaches and findings 65
Khamidullin B.L. ”Cheremis Tatars” as an integral part of the Pax Tatarica of the 16th century: information from European historians, geographers, writers, diplomats, military men, merchants and travelers about the ancestors of the Mari people as part of the Kazan state 71
Atygayev N.A. Ambassadors of the Kazakh Khanate (15th – early 18th centuries) 76

SOURCE STUDIES

Sayfetdinova E.G. The work of Ibn ʻAbd az-Zahir as a source of information about the beginning of diplomatic relations between the Ulus of Jochi and Egypt 81
Sabitov Zh.M. Classification and "origin criticism" of medieval sources of the 14th–16th centuries on the Genealogy of the Jochids 87
Kalmurza Uulu U. Social and cultural life in the Golden Horde Khwarezm and its manifestations in fiqh works 100
Mirgaleev I.M., Gibadullin I.R. Timur Khan’'s letter to Yalaman bek, written from Dasht-i Kipchak 107
Kushkumbaev A.K., Sabitov Zh.M., Nurmanova A.Sh. "Shaiban-i-nama" of Muhammad Salikh as a source on military affairs of the nomads of Eastern Dasht-i Kipchak 111
Borodovskaya L.Z. Sufi ritual practices of the medieval tatars: new sources 119
Maslova S.A. Collectors of the Horde payments from Russian lands according jarlighs issued to Russian metropolitans 128
Seleznev Yu.V. Kholmogorskaya Chronicle as a historical source on the history of the Golden Horde and Russian-Horde relations 135

HISTORICAL LEGENDS

Zakirova I.G. Variants of the Tatar dastan «Idegey»:
plot lines and system of images.....140
Mirgaleev I.M., Abibullaeva E.E. Crimean Tatar and Dobrudja variations of the epic "Idegey".....146
Shahriyar G.F. Poetic features of the Tatar epic "Idegey".....151
Mukhametzianova L.Kh. Epos "Chura batyr" in historical context.....156
Ochir A., Nanjid B., Ganbat N. Origin of the Epic among the Mongols.....162

INFORMATION, RELIGION, MUSIC, SILK ROAD

Garkavets A.N. Kypchak prayer of the Hungarian Kuns.....178
Izmailov I.L. Urbanization and information flows in the Ulus of Jochi:
a new look at the internal unity of the Empire.....200
Lushnikov O.V. The Golden Horde and "Pax Eurasica": historical context.....209
Delgerjargal P. The Eurasian Silk Road in the ancient times
(Yuezhi, Xiongnu, Juanjuan).....215
Kerim G.A. The Golden Horde and the Silk Road.....224
Lahmer H. Geography and Conditions of the Golden Horde
in the Writings of Islamic Western Travelers.....231
Malinovskaya R.V. Geographical representations of European travelers
about the expenses of the Mongolian Empire.....240
Gamal Abdel Rehem Ibrahim Hassan. Artworks of Sultan an-Nasir Muhammad and his emirs.....248
Zhdanova T.V. Political, spiritual and moral aspects of the functioning
of the Sarai Diocese in the 13th – 14th centuries.....252
Kostogryzova S.E. The role of Eastern Christians in the diplomatic contacts
of the Genghisid states with Western Europe.....263
Zaatov I.A. Turkic-Islamic basis of the Crimean Tatars music of the Golden Horde period.....269

EPIGRAPHY, NUMISMATICS, ARCHEOLOGY

Gainullin I.I., Abdullin Kh.M., Kasimov A.V., Aminov R.R., Aksanov A.V., Bagautdinova L.N. Assessment of the statement and questions of preservation
the Golden Horde period (14th century) epigraphic monuments
in the territory of the Tatarstan Republic.....277
Usmanov V.M., Gumerov I.G., Akhunov A.M. Study of the condition of Tatar
tombstones from the 14th to 17th centuries: assessment of the results
of epigraphic expeditions of 2019–2024.....286
Usmanova E.R., Zakharov S.V., Panyushkina I.P. Natural-historical loci
of the Jochi Ulus in Ulytau.....293
Nechvaloda A.I. Show me your Mausoleum and I will tell you who you are…
Zhanibek-Shalkar Mausoleum of the Middle ages in Kazakhstan:
bioanthropological aspects of research.....307
Akhmetgalin F.A. Mausoleums of the 16th–17th centuries
in the Khan's capital of Kasimov city.....324
Zilivinskaya E.D. Excavationes in the vicinity Karatobe settlement in 2019.....336

Boldyreva E.M. Study of the Residential Artisans' Quarter at Selitrennoe settlement. By the excavations' materials of the Lower Volga expedition of the State Historical Museum in 2022–2024 345
Kaverin A.N. Prospects for the study of archaeological sites exposed to prolonged anthropogenic impact (by example of the Object of Archaeological Heritage "Solodovsky suburb of Tsarevskoye settlement") 353
Klimenko P.G. Result of archaeological exploration at the settlement "Zubovskoe-2" conducted in 2024 360
Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. History of the formation of Museum collections of glazed ceramics from the excavations of the Golden Horde Solkhat settlement 368
Khanov S.A., Ruslanov E.V., Starodubtsev M.V. To the question of the origin of some scene on bronze mirrors of the Golden Horde period based on the materials of accidental finds from the Southern Urals territory 377
Petrov P.N. Numismatics of the Syrdarya region and its problems 381
Mammadova A.M. Coins of the Juchid as a fact of medieval trade relations of Azerbaijan 387
Dobromyslov L.B., Leonov B.I. Tokhtamysh coins with the legend of the Horde coinage "Setudan" 392
Dobromyslov L.B. Unusual coin of the Golden Horde Khan Tokhtamysh with the symbol of faith 401

DISCUSSIONS, REVIEWS

Belyakov A.V. Birds as a sign of power in the Golden Horde and Muscovy 405
Vorotyntsev L.V. Speak out in defense of the captive Oleg: Resuscitation of the historiographical myth as a topic of scientific research? 413
Alimjanov B.A. Turkic identity in Uzbekistan: an alternative to Sovietism and Islamism? 421
Parunin A.V. V.P. Kostyukov as a researcher of the Golden Horde history 425
Pochekaev R.Yu. Two studies on the West and East of the Ulus of Jochi 431
Galimov T.R. Review of the book by A.V. Shumkin "Turks of the Central Caucasus in the 16th–18th centuries (problems of ethnic history)" (Chelyabinsk, 2019. 164 p.) 436
Namatov M.A. Tatars and Byzantium 440
Mayevskaya L.B., Aga Khaisam Muhammad. Some toponyms in Moldova related to the names of individual clans of Nogai Tatars 449
Kurbatov V.A. Original localization areas and migration routes of Tatar-Kazan communities 457
Giniyatullina L.S. The dynamics of the journal "Golden Horde Review" development in the context of research the Golden Horde history 474

ИСТОРИЯ

УДК 94(5), 94(510)

ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ СУЙ В ОТНОШЕНИИ ВОСТОЧНЫХ ТЮРКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI – НАЧАЛЕ VII В.

Р.Т. Ганиев
Уральский федеральный университет

Династия Суй пришла к власти в 581 г., объединив Китай после длительного периода раздробленности (эпоха Южных и Северных династий). Одной из главных задач новой династии было укрепление границ и контроль над кочевыми народами, особенно тюрками, которые представляли угрозу для северных рубежей Китая. Полководец и дипломат Чжансунь Чэн стал ключевой фигурой в решении этих задач. Он прославился своими дипломатическими навыками, которые он использовал для ослабления тюркских каганатов и предотвращения их набегов на Китай. Чжансунь Чэн искусно использовал противоречия между Восточным и Западным Тюркскими каганатами, а также между различными кланами внутри этих объединений. Он поддерживал одни группы против других, ослабляя их единство, заключал союзы с отдельными тюркскими лидерами, предоставляя им подарки, титулы и поддержку в обмен на лояльность. Это позволяло Китаю контролировать ситуацию на границах без крупных военных конфликтов влоть до 609 г.

Ключевые слова: империя Суй, древние тюрки, восточные тюрки, Чжансунь Чэн, дипломатия

Чжансунь Чэн (长孙晟, 551–609) – выдающийся дипломат и полководец, служивший при дворе династии Суй (581–618) в Китае. Его деятельность сыграла важную роль в укреплении государства, расширении его границ и стабилизации отношений с кочевыми народами, особенно с восточными тюрками. Династия Суй пришла к власти в 581 г., объединив Китай после длительного периода раздробленности (эпоха Южных и Северных династий). Одной из главных задач новой династии было укрепление границ и контроль над кочевыми народами, особенно тюрками, которые представляли угрозу для северных рубежей Китая. Чжансунь Чэн стал ключевой фигурой в решении этих задач, водивший личную дружбу с правителем Восточно-тюркского каганата. В статье используются материалы из биографии суйского дипломата, содержащиеся в династийной хронике «Суй шу» [1; 10, s. 97–110], ранее не привлекавшиеся в отечественной историографии. Это поможет углубить наше понимание особенностей политики суйского Китая по отношению к Восточно-тюркскому каганату и обогатить источниковую базу отечественного востоковедения.

Для средневекового Китая можно выделить два основных типа международных отношений. Концепция «ди го» (равные государства) предполагала признание других государств как равноправных партнеров. Империи Северная Чжоу и Северная Ци, будучи слабее тюркских каганатов, вынуждены были придерживаться этой доктрины, что выражалось в выплате дани и признании превосходства тюрков. Концепция «мироустроительной монархии», уходящая корнями в конфуцианство, рассматривала Китай как центр цивилизации, а все остальные народы – как потенциальных вассалов [см. подробнее: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Династия Суй, возрождая традиции империи Хань, взяла на вооружение эту концепцию, что означало радикальное изменение в отношениях с кочевниками. Объединив Китай после длительного периода раздробленности, она стремилась восстановить статус Китая как «Срединной империи». Это включало в себя утверждение превосходства Китая над кочевыми народами. В отличие от Северной Чжоу и Северной Ци, которые платили дань тюркам, династия Суй начала активно вмешиваться во внутренние дела Тюркских каганатов. Чжансунь Чэн, как ключевой дипломат и стратег, использовал разделение, подкуп и дипломатию для ослабления тюрков и превращения их в вассалов Китая. Новая политика Суй не могла остаться незамеченной для тюрков, они восприняли её как угрозу своей независимости, что привело к напряженности и конфликтам.

После прихода к власти династии Суй в 581 г. Шэту каган, правитель Восточно-тюркского каганата, объединился с мятежником Инчжоу Гао Баонином. В 582 г. их совместные силы атаковали северную границу Китая, создав серьезную угрозу для новой династии. Император Гао-цзу, опасаясь вражеского наступления, приказал укрепить Великую Стену и направил войска для защиты северной границы. Однако

он понимал, что военное противостояние с тюрками может быть долгим, поэтому искал альтернативные решения. Чжансунь Чэн осознавал, что тюркские лидеры – Шэту, Датоу, Або и Чулохоу – были родственниками, но между ними существовало глубокое недоверие. Он также понимал, что тюрки контролировали обширные степные территории и обладали значительной военной силой, что делало прямое военное противостояние рискованным. Чжансунь Чэн предложил императору использовать хитрость для разжигания раздоров среди тюркских лидеров. Его план заключался в том, чтобы усилить существующие противоречия между Шэту, Датоу, Або и Чулохоу, что привело бы к ослаблению их единства и власти. Чжансунь Чэн использовал дипломатические маневры, такие как предоставление почетных титулов и подарков одним лидерам (предоставление Датоу более высокого почетного места, чем Шэту на аудиенции у императора), чтобы вызвать зависть и недоверие у других. Он также распространял ложные сведения о планах и намерениях тюркских лидеров, что усиливало их взаимное недоверие.

Супруга Шэту, принцесса Цяньцзинь, происходила из дома Юйвэнь, бывших правителей Северной Чжоу, и испытывала враждебность к династии Суй. В 582 г. она убедила Шэту начать крупное вторжение в китайские пограничные области, собрав армию из 400 000 солдат. Датоу, один из полководцев Шэту, неожиданно отказался продолжать наступление и отвел свои войска, что стало первым признаком раскола среди тюрков. Однако Чжансунь Чэн убедил Циминя, сына Чулохоу, передать Шэту ложные сведения о готовящемся восстании племен телэ. Это заставило Шэту отвести войска от границы и вернуться в свои владения, чтобы подавить предполагаемую угрозу.

В 583 г. тюрки столкнулись с засухой, голодом и эпидемией, что значительно ослабило их экономику и военную мощь. Эти бедствия создали благоприятную возможность для Китая усилить давление на Восточно-тюркский каганат [1; 10, s. 48–49]. Император Гао-цзу, воспользовавшись трудным положением тюрков, начал активные военные действия против Восточно-тюркского каганата. Серия поражений тюрков от суйских войск поставила Шэту кагана в сложное положение. В 584 г. Шэту каган, осознавая свое бедственное положение, отправил посланников к императору Суй с предложением условий перемирия. Император направил Чжансунь Чэна и посланника Юй Цинцзэ к Шэту для передачи вассальной грамоты. Чжансунь Чэн сыграл ключевую роль в переговорах, убедив Шэту кагана принять условия вассалитета.

Следующая напряженность в отношениях империи Суй и тюрков возникла в 593 г., когда Ян Цинь, беглец из Китая, прибыл к тюркам и распространил слухи о заговоре против династии Суй, в котором якобы участвовали хоу Пэнчэн Лю Чан и его супруга из семьи Юйвэнь. Эти слухи вызвали недоверие кагана Дулань к Суйскому Китаю, и он перестал платить дань, что стало серьезной угрозой для влияния Суй в степи. Принцесса Да-и, супруга кагана, была ключевой фигурой в этом конфликте. Она не только поддержала Ян Циня, но и поручила своему любовнику, согдийцу Ань Суйцзя, разработать план по настраиванию кагана против Суй, что также свидетельсвует о ее важной роли при дворе тюрков. Чжансунь Чэн, несмотря на холодный прием при тюркском дворе, смог через своих шпионов узнать о заговоре принцессы Да-и и ее связи с Ань Суйцзя. После того как каган Дулань отказался выдать Ян Циня, Чжансунь Чэн использовал подкуп, чтобы выяснить местонахождение беглеца. Ночной захват Ян Циня и его предъявление кагану стали решительным шагом, который подорвал доверие Дулань к принцессе Да-и. Чжансунь Чэн не только захватил Ян Циня, но и раскрыл любовную связь принцессы Да-и с Ань Суйцзя. Это привело к аресту Ань Суйцзя и убийству принцессы Да-и каганом в приступе ярости, что устранило ключевую угрозу для Суйского Китая. Благодаря действиям Чжансунь Чэна, династия Суй смогла восстановить контроль над ситуацией в степи и предотвратить потенциальный союз тюрков с внутренними врагами империи. Каган Дулань, лишившись влияния принцессы Да-и, был вынужден вернуться к более лояльной политике по отношению к Суй. За успешное выполнение миссии Чжансунь Чэн был награжден титулом главнокомандующего гвардии (кайфу), что подчеркивает его важность для суйского двора. Этот эпизод также укрепил его репутацию как одного из самых эффективных дипломатов и стратегов своего времени.

После убийства своей супруги, принцессы Да-и, Дулань каган оказался в сложной политической ситуации. Он стремился укрепить свои позиции, обратившись к суйскому императору с просьбой о новой свадьбе с китайской принцессой [10, s. 104]. Такой брак дал бы ему легитимность и поддержку со стороны Китая, что могло бы усилить его власть и угрожать интересам Суй. Дулань каган враждовал с другим тюркским лидером, Датоу, что создавало возможность для китайской дипломатии играть на этих противоречиях. Циминь, сын Чулохоу, был более лоялен к Китаю и уже два поколения служил интересам Суй. Чжансунь Чэн убедил императора не соглашаться на свадьбу с Дулань каганом, аргументируя это его непостоянством и потенциальной угрозой для Китая. Он предупредил, что, получив поддержку Китая, Дулань каган мог бы объединить тюркские племена и стать слишком сильным, что поставило бы под угрозу безопасность империи. Вместо этого Чжансунь Чэн предложил выдать китайскую принцессу за Циминя, который был более лоялен и слаб в военном отношении. Это решение позволяло Китаю создать противовес Дулань кагану и укрепить свои позиции в степи. Чжансунь Чэн также уговорил Циминя переселиться на юг, на гору Дуцзинь, где ранее располагались тюрки. Это стратегическое расположение позволяло Ци-

миню наблюдать за действиями Дулань кагана и своевременно информировать китайский двор о его передвижениях. В 597 г. Циминь отправил 500 всадников для сопровождения Чжансунь Чэна, чтобы привезти китайскую невесту в свою ставку. Император присвоил дочери из императорского дома титул Ань-и и выдал ее замуж за Циминя, что укрепило его лояльность к Китаю. Благодаря стратегии Чжансунь Чэна, династия Суй смогла укрепить свои позиции в степи, не прибегая к крупным военным конфликтам. Создание буферного государства под руководством Циминя позволило Китаю контролировать тюркские племена и предотвращать их объединение. Таким образом, действия Чжансунь Чэна в 597 г. являются ярким примером того, как дипломатия и стратегия могли быть использованы для защиты интересов государства. Его умение играть на противоречиях между тюркскими лидерами и создавать лояльные буферные государства позволило династии Суй укрепить свои позиции в степи и предотвратить потенциальные угрозы.

Циминь, лояльный тюркский лидер, вскоре после женитьбы на китайской принцессе, был важным союзником династии Суй. Однако после поражения в битве у Великой стены в 599 г. его положение стало крайне шатким. Его племя было разгромлено, а семья убита, что заставило его задуматься о поиске новых союзников, включая своего бывшего врага Датоу. Дулань каган, объединившись с Датоу, стал серьезной угрозой для Китая. Их совместное нападение на Циминя показало, что тюркские племена могут объединяться против общего врага, что было опасно для Суй. Чжансунь Чэн, понимая, что Циминь может перейти на сторону Датоу, использовал хитрость, чтобы предотвратить это. Он приказал зажечь сигнальные огни в гарнизоне, создав видимость приближающейся угрозы [10, s. 105]. Это заставило Циминя отказаться от планов перехода к Датоу и направиться в китайский гарнизон, где он был под контролем. Чжансунь Чэн лично сопроводил Циминя ко двору императора и там его назначили Илимидоуцижэнь каганом [10, s.106]. Это укрепило его лояльность к Китаю и восстановило его статус как союзника. Благодаря действиям Чжансунь Чэна, династия Суй смогла сохранить своего союзника Циминя и предотвратить его переход на сторону врагов. Это позволило Китаю сохранить контроль над ситуацией в степи и ослабить угрозу со стороны Дулань кагана и Датоу. Поддержка Циминя и его назначение каганом создали баланс сил в степи, что было выгодно не только для Китая, но и для тюрков под руководством Циминь кагана.

В 600 г. Дулань каган был убит своими подчиненными, что привело к расколу среди тюрков. Это создало благоприятную возможность для Китая усилить свое влияние в степи. Датоу каган, объединив оставшиеся силы тюрков, начал готовиться к военной кампании против Китая. Чжансунь Чэн предложил императору воспользоваться ситуацией, направив людей Циминя для подчинения тюрков. Это привело к тому, что многие тюрки перешли на сторону Китая. В ходе противостояния с армией кагана Датоу Чжансунь Чэн предложил отравить воду в реке, которую использовали тюрки. Это привело к гибели многих людей и животных в лагере Датоу, что деморализовало его войско. После того как Датоу каган бежал с поля боя, Чжансунь Чэн организовал преследование, в ходе которого было обезглавлено более тысячи вражеских солдат, взято в плен более ста человек и захвачено несколько тысяч голов скота [10, s. 107–108]. Таким образом, благодаря действиям Чжансунь Чэна, династия Суй смогла укрепить свои позиции в степи и ослабить тюркские каганаты. Это позволило Китаю сохранить контроль над ситуацией и предотвратить угрозу со стороны кочевых народов. Репутация Чжансунь Чэна как грозного и авторитетного командира была настолько велика, что тюрки сравнивали его с громом и молнией. Это свидетельствует о его влиянии и уважении как среди союзников, так и среди врагов.

В 601 г. Чжансунь Чэн сообщил императору о наблюдении «кровавого дождя» – природного явления, которое, согласно древним книгам о ведении войны, предвещало гибель государства. Это стало для него сигналом к активным действиям против тюрков. К этому времени Восточно-тюркский каганат был ослаблен внутренними конфликтами и расколами, а Западно-тюркский каганат под руководством Датоу также находился в состоянии нестабильности. В 602 г. Чжансунь Чэн и главнокомандующий Лян Мо провели успешную военную кампанию против тюрков, преследуя их на протяжении 60 ли. Многие враги сдались, что значительно ослабило тюркские силы. Чжансунь Чэн убедил Циминя отправить посланников к племенам телэ и другим кочевым группам, чтобы переманить их на сторону династии Суй. Это способствовало дальнейшему расколу среди тюрков. В 603 г. более десяти племен телэ, включая сыцзэ, фулицзюй, хунь, сеса, аба и пугу, восстали против Датоу кагана и перешли на сторону Китая. Датоу каган был вынужден бежать на запад к туюйхуням, что привело к краху его власти и освобождению обширных территорий. Чжансунь Чэн распорядился, чтобы Циминь занял освободившиеся территории и разместил там свою орду. Это сделало Циминя единоличным правителем огромных земель, включая часть Восточно-тюркского и Западно-тюркского каганатов. Благодаря действиям Чжансунь Чэна, династия Суй смогла установить контроль над обширными территориями в степи и устранить угрозы со стороны тюрков. Это позволило Китаю укрепить свои северные границы и создать буферную зону, защищающую от кочевых набегов. Циминь каган, став союзником Китая, играл ключевую роль в поддержании стабильности в регионе. Его власть и влияние росли, но он оставался верным вассалом династии Суй.

К концу своей жизни Чжансунь Чэн обладал множеством титулов и огромным авторитетом. Он был не только доверенным лицом императора, но и ключевой фигурой в отношениях с тюрками. Его влияние простиралось далеко за пределы Китая, и даже такие могущественные фигуры, как Циминь каган, признавали его авторитет.

Император Ян-ди, стремясь продемонстрировать свою мощь, задумал провести масштабный военный маневр за границей, который должен был пройти через территорию Циминя. Однако он опасался, что Циминь может испугаться или неправильно истолковать эти действия, поэтому отправил Чжансунь Чэна для разъяснения своих намерений. Прибыв к Циминю, Чжансунь Чэн заметил, что шатровый двор кагана зарос сорняками. Это стало для него поводом для дипломатического урока. С иронией спросив, не является ли эта трава «душистой», он мягко, но настойчиво указал на необходимость проявления уважения к императору. Чжансунь Чэн объяснил, что дороги, по которым проходит император, должны быть очищены и подготовлены, чтобы показать уважение и преданность. Циминь, осознав свою ошибку, немедленно взял меч и лично выкосил сорняки, а его сановники последовали его примеру. Это демонстрирует, насколько велико было влияние Чжансунь Чэна. По приказу Чжансунь Чэна была проложена дорога длиной около 3000 ли и шириной 100 шагов, что стало символом подчинения Циминя императору и готовности сотрудничать с империей [10, s. 109].

Смерть Чжансунь Чэна в 609 г. и последовавшая за ней смерть Циминь кагана ознаменовали конец эпохи стабильных и дружественных отношений между династией Суй и Восточно-тюркским каганатом. Этот период, охватывающий последнюю треть VI – нач. VII вв., был временем, когда Чжансунь Чэн играл ключевую роль в формировании внешней политики Китая и управлении отношениями с тюрками. Преемник Циминя, Шиби каган, не был лоялен к Китаю, что привело к возобновлению конфликтов. Позже, в 615 г. тюрки осадили императора Ян-ди в крепости Яньмэнь, что стало символом утраты контроля над ситуацией в степи. Император с сожалением отметил, что, если бы Чжансунь Чэн был жив, этого бы не произошло [10, s. 110].

Таким образом, действия Чансунь Шэна определили основные направления китайской дипломатии в степи на протяжении нескольких десятилетий. Он умело использовал разделение, подкуп, дипломатию и военную силу для достижения своих целей. Его умение предвидеть и нейтрализовать угрозы сделало его одним из самых эффективных государственных деятелей своего времени. Период с 584 по 609 гг., когда Чжансунь Чэн активно влиял на политику, стал временем стабильности и процветания для династии Суй [2, с. 5, 514], а его смерть ознаменовала конец этой эпохи и начало нового периода нестабильности. Внешняя политика Суй, основанная на концепции «мироустроительной монархии», стала образцом для последующих династий, таких как Тан. Однако эта политика также имела свои ограничения, что стало очевидным после смерти Чжансунь Чэна и ухудшения отношений с тюрками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биография Чжансунь Чэна. Суй шу. Глава 51. 隋書/卷51 – 维基文库, 自由的图书馆 URL: https://wikisource.org (дата обращения 03.02.2025).

2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пьхи цзы чжи тхун-цзянь ганму. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Пер. с кит. И. Бичурина. Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 7. Ед. хр. 7–8. Тетр. 34, 37–39. С. 5, 514.

3. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М., 1986. 295 с.

4. Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. 275 с.

5. Кроль Ю.Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной (II в. до н. э. – II в. н. э.) // Народы Азии и Африки. 1978, № 6. С. 45–57.

6. Кроль Ю.Л. О концепции «Китай-варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 13–29.

7. Крюков М.В., Переломов Л.С, Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние Китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. 416 с.

8. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978. 282 с.

9. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М, 1981. 333 с.

10.Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhange. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag, 1958. 831 s.

Сведения об авторе: Рустам Талгатович Ганиев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, зав. Лабораторией естественно-научных методов в гуманитарных исследованиях Уральского Федерального университета (Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4568-7179. E-mail: rusthist@yandex.ru

THE POLICY OF THE SUI EMPIRE TOWARDS THE EASTERN TURKS IN THE SECOND HALF OF THE 6th – EARLY 7th CENTURIES.

R.T. Ganiev
Ural Federal University

The Sui Dynasty came to power in 581, uniting China after a long period of fragmentation (the era of the Southern and Northern Dynasties). One of the main tasks of the new dynasty was to strengthen the borders and control the nomadic peoples, especially the Turks, who posed a threat to China's northern borders. The military leader and diplomat Zhangsun Cheng became a key figure in solving these problems. He became famous for his diplomatic skills, which he used to weaken the Turkic Khaganates and prevent them from raiding China. Zhangsun Cheng skillfully exploited the contradictions between the Eastern and Western Turkic Khaganates, as well as between the various clans within these associations. He supported some groups against others, weakening their unity, and formed alliances with individual Turkic leaders, providing them with gifts, titles, and support in exchange for loyalty. This allowed China to control the situation on the borders without major military conflicts until 609.

Keywords: Sui Empire, ancient Turks, eastern Turks, Qimin Qaghan, diplomacy

About the author: Rustam T. Ganiev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Head of the Laboratory of Natural Science Methods in Humanitarian Research, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4568-7179. E-mail: rusthist@yandex.ru

УДК 94(47)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ – УЧАСТНИКИ БИТВЫ НА КАЛКЕ 1223 Г.

А.А. Астайкин
Независимый исследователь

Целью исследования является показать один из традиционных и, к сожалению, небесспорных подходов исследователей в перечислении и различных характеристиках участников битвы на р. Калке 1223 г. Материалом исследования служат русские летописи, а также работы специалистов на эту тему, сообщения которых сравниваются между собой для вычленения несоответствий. Результатом исследования является установление состава участников сражения, максимально приближенному к сообщениям Новгородской Первой старшей редакции и Ипатьевской летописям, а также указание наиболее распространённых историографических ошибок по этой теме.

Ключевые слова: русские князья, битва на Калке 1223 г., русские летописи, монголы, половцы

Говоря о фантомах-участниках битвы на реке Калке в 1223 г., я имею в виду не только упоминания в русских летописях XV–XVII вв. фольклорных персонажей – Александра Поповича, Торопа, Добрыни Рязанича Златого пояса, 70 безымянных богатырей, хотя и этот факт тоже не следует забывать [см.: 28, стб. 282; 21, с. 203; 17, с. 111; 25, стб. 28, 342; 18, с. 85; 20, с. 198; 5, с. 71; 14, с. 121; 31, с. 90; 8, стб. 509; 3, с. 69; 11, с. 50, 208; 13, с. 153; 27, с. 75; 10, с. 92; 12, с. 132; 16, с. 234, 320; 32, с. 29, 69; 1, с. 85]. Имеется в виду интересный историографический феномен – закрепление в работах исследователей искажений первоначальных текстов поздними летописными источниками, а также и порождение новых ошибок и несуразностей.

Поясню свою мысль. По сообщениям ранних вариантов Повести о битве на Калке в Новгородской I, Ипатьевской и Лаврентьевской летописях в событиях принял участие 21 русский князь, а непосредственно в сражении – 15 (по подсчётам Дж. Феннела – 18 [33, с. 106], Ю.В. Селезнёва – 15 [26, с. 164–165]) и почти все они известны по именам. Это Мстислав Галицкий, Мстислав Киевский, Мстислав Черниговский, трубчевский и путивльский князья, Даниил Волынский, Олег Курский, Мстислав Немый, князь Андрей, Александр Дубровецкий, Святослав Яневский, Изяслав Ингворович, Святослав Шумский, сын Мстислава Черниговского, Юрий (Гюрг) Невежский [19, с. 61–63; 6, стб. 740–745; 8, стб. 445–447]. В более поздних летописях княжеские имена искажаются и трансформируются. Поскольку многие из этих князей упоминаются в списке погибших при монгольском преследовании с поля боя до Днепра и последовательность повторения имён в этом списке остаётся постоянной, то изменения в текстах легко улавливаются.

Этот список небольшой, в Новгородской I летописи старшей редакции он звучит так: «А иныхъ князь до Днепре гоняче, убиша 6: Святослава Яневьскаго, Изяслава Ингворовиця, Святослава Шюмьскаго, Мьстислава Черниговьскаго съ сыномь, Гюргя Невежьскаго» [19, с. 63]. А, например, в записи Никоновской летописи эта фраза звучит иначе: «А иныхъ князей избиша гоняще до Днепра 6: князя Святослава *Каневскаго*, князя Изяслава Ингваревичя, князя Святослава Шумскаго, князя Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, князя Юрьа *Неверскаго*, *и тысятцкихъ, и воеводъ и боаръ множество; … убиша же на томъ бою: и Александра Поповичя, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязаничя Златаго пояса, и седмьдесять великихъ и храбрыхъ богатырей*…» [10, с. 92] [1].

Таким образом, в поздних летописных пересказах Святослав Яневский становится Святославом Каневским (или Мстиславом Яневским, Мстиславом Невским, Святославом Ольговичем Киевским) [10, с. 92; 24, стб. 342; 5, с. 71; 30, с. 90; 28, стб. 282; 27, стб. 569; 3, с. 69; 12, с. 132 (в рукописи); 4, с. 116], Александр Дубровецкий – Александром Дмитровским [16, с. 156], Гюрг Невежский – Юрием Неверским, Невеждским, Нежесвеским или Несвижским [10, с. 92; 5, с. 71; 29, с. 218]. Особенно большое количество ошибок (вместе с непроверяемой информацией) находится в работе «последнего летописца» В.Н. Татищева. Они самого разного рода: так, бояр Семьюна Олюевича и Василько Гавриловича он «произвёл» в князья, одного из предводителей галицких выгонцев Юрия Домамирича назвал Юрием Домажировичем[2], включил в число участников похода Михаила Всеволодовича и никогда не существовавшего брата Даниила Романовича Всеволода [29, с. 215–217; 30, с. 363]. Одного из погибших князей В.Н. Татищев, вслед за своими поздними летописными источниками, «удвоил»: вместе с реальным Изяславом Ингваревичем (у

[1] Выделено мной – *А.А.*

[2] Реальное лицо, не имеющее никакого отношения к событиям на Калке 1223 г.

автора – Изяслав Ингоревич северский) назвал мифического Ярослава неговорского (позднее эту ошибку повторил Л.В. Войтович и даже добавил князю отчество «Юрьевич») [29, с. 218; 30, с. 364; 2, с. 362]. Подобного «удвоения» не избежал А.В. Эммаусский, который называл участниками сражения одновременно Святослава Яневского и Святослава Рюриковича [35, с. 163, прим. 147]. У П.А. Левашова на Калке сражался никогда не существовавший внук великого киевского князя Ростислав [9, с. 18]. К сожалению, примерно такая же ошибка есть у моего учителя О.М. Рапова. У него со ссылкой на Воскресенскую летопись в число участников событий включён Изяслав Владимирович Теребовльский [24, с. 125; 12, с. 236][3]. Особая и долгая тема для разговора – ошибки в популярной литературе. Для краткости и наглядности приведу только два примера. В основательно забытой статье писателя-романиста Михаила. Каратеева 1990 г. зять киевского князя Андрей без всяких оснований назван Вяземским, Александр Дубровецкий сделан Туровским, а Святослав Яневский превращён в Изяслава Каневского [7, с. 68]. В небольшом очерке 2003 г. «Завоевательные походы Бату-хана» монгольский журналист Чойжилжавын Чойсамба утверждает следующее: «Сам Мстислав Черниговский сложил голову вместе со своим сыном, былинным героем Александром (Алешёй) Поповичем, ставшим легендой ещё при жизни» [34, с. 42–43].

Подобного рода несуразности можем найти и в отношении половцев. Так, Львовская летопись (частично – Тверской сборник) сообщает о прибытии на Русь вместе с Котяном «оживших» Юрия Кончаковича и Данило Кобяковича (они-участники сражения на Калке по А. Финко).[13, с. 152; 25, стб. 339; 36, p. 103; 22, с. 116]. Как полагал К. Свердруп, одним из половецких вождей, наряду с Котяном и Бастыем, был некий Норц (Nortz) [38, p. 205]. «Общим местом» в историографии стало включение Котяна и Басты (или только одного Котяна) в число участников сражения, что не подтверждается сообщениями ранних источников [35, с. 92; 23, с. 10], а также причисление Яруна к половцам [10, с. 91; 30, с. 363; 7, с. 68; 15, с. 119; 34, с. 41].

В отношении монголов историографических ошибок значительно меньше, но, тем не менее, и они случаются – главным образом, в англоязычной литературе. Историк-эмигрант Сергей Зенковский, например, считал, что осадой лагеря киевского князя руководили лично Чингиз-хан (у автора Chigyz Khan) и Тешу-хан (Teshu Khan, т.е. Джучи) [39, p. 195]. По Тимоти Мэю, Джебе погиб после сражения с грузинами ещё в 1222 г. и далее Субедей продолжал поход в одиночку [37, p. 43]. Ч. Чойсамба считал, что на Калке наравне с Джебе и Субедеем сражался покойный командир третьего тумена Точагар [34, с. 38, 41]. А В.В. Похлёбкин называл нойона Джебе ханом, а погибшего где-то в районе Хортицы монгольского предводителя Гемябека половцем и ханом [23, с. 8-9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. М.: «Наука», 1965. Т. 30. 239 с.

2. Войтович Л. Княжа доба: портрети елити. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с.

3. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 26. 412 с.

4. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 40. 202 с.

5. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23. 239 с.

6. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II. 648 с.

7. Каратеев М. Битва на Калке // Слово. 1990. №12. С. 68.

8. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 496 с.

9. Левашов П. Картина или Описание всех нашествий на Россию татар и турков и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно почти чрез восемьсот лет продолжавшихся. СПб, 1792. 167 с.

10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. X. 248 с.

11. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 28. 410 с.

[3] На самом деле там говорится, что в Киеве сел Изяслав, сын (?) погибшего на Калке Мстислава Романовича.

12. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Э. Праца, 1856. Т. 7. 345 с.

13. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 20. Ч. 1. 418 с.

14. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. Т. 25. 462 с.

15. Мячин А.Н. 100 великих битв. М.: Вече, 2005. 640 с.

16. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. XXVII. 436 с.

17. Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. Т. 42. 224 с.

18. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2004. Т. 43. 368 с.

19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. III. 720 с.

20. Новгородская пятая летопись // Полное собрание русских летописей. Пг.: Типография Я. Башмаков и К^{о}, 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. 264 с.

21. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Пг.: Типография Я. Башмаков и К^{о}, 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. 320 с.

22. Пилипчук Я.В. Кыпчаки в Калкской битве // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО “Фолиант”, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 116–124.

23. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М.: Международные отношения, 2000. 192 с.

24. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 264 с.

25. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XV. 432 с.

26. Селезнёв Ю.В. Киевский князь всея Руси в битве на Калке: к вопросу о полномочиях и статусе правителя // Первый штурм: Монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг. (К 800-летию битвы на Калке). М.: ИВ РАН, 2024. С. 162–169.

27. Софийская I летопись по списку И.Н. Царского // Полное собрание русских летописей. М.: «Наука», 1994. Т. 39. 204 с.

28. Софийская I летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. VI. Вып. 1. 312 с.

29. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Тома II и III. История Российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. 688 с.

30. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Том IV. М.: Ладомир, 1995. 556 с.

31. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг.: 2-я Государственная типография, 1921. Т. 24. 271 с.

32. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // Полное собрание русских летописей. Л.: «Наука», 1982. Т. 37. 227 с.

33. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.

34. Чойсамба Ч. Завоевательные походы Бату-хана. М.: Идея-Пресс, 2006. 168 с.

35. Эммаусский А.В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров: КОГУП. Кировская областная типография, 1998. 168 с.

36. Finko A. Ukraine, the Turkic World, and Central Asia // Central Asia and Caucasus. 2009. №2 (56). P. 102–112.

37. May T. The Mongol Conquest in World History. London: Reaktion Books Ltd, 2012. 319 p.

38. Sverdrup C.F. The Mongol Conquests. The Military Operations of Genghis Khan and Sübe’etei. Tarxien: Helion & Company, 2016. 391 p.

39. Zenkovsky Serge A. (ed.) Medieval Russias Epics, Chronicles, and Tales London-New York: A Meridian Book, 1974. 526 p.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Астайкин – историк-картограф, независимый исследователь (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4372-6517. E-mail: Astaykin.Andrey@yandex.ru

HISTORIOGRAPHICAL PHANTOMS – PARTICIPANTS OF THE BATTLE ON KALKA RIVER IN 1223

A.A. Astaykin
Independent Researcher

The purpose of the study is to show one of the traditional and, unfortunately, indisputable approaches of researchers in the enumeration and various characteristics of the participants in the battle on the Kalka River in 1223. The research material is Russian chronicles, as well as the work of specialists on this topic, whose reports are compared with each other to identify inconsistencies. The result of the study is to establish the composition of the participants in the battle, as close as possible to the reports of the Novgorod First Chronicle in the Older Edition and the Hypatian Codex, as well as an indication of the most common historiographical errors on this topic.

Keywords: princes of Rus´, the battle on Kalka River, Russian chronicles, Mongols, Polovtsians

About the author: Andrey A. Astaykin – Historian-cartographer, Independent Researcher (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4372-6517. E-mail: Astaykin.Andrey@yandex.ru

УДК 94(47)(=221.18)

КУРУЛТАИ 1249 И 1251, КАК РЕЗУЛЬТАТ БОРЬБЫ ЧИНГИЗИДСКИХ СЕМЕЙ ЗА ВЛАСТЬ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

А.А. Порсин
Научный институт изучения Улуса Джучи

В статье рассматривается политическая борьба за верховную власть в Монгольской империи в конце 40-х – начале 50-х гг. XIII в. В 1249 и 1251 г. состоялись два курултая, по результатам которых кааном стал сын Толуя Менгу, отстранивший от власти потомков своего дяди Угедея. События 1249–1251 гг. были важным этапом установления легитимности правления этой семьи. Поэтому в исторических текстах, созданных под контролем Толуидов, таких как сочинения Джувейни и Рашид ад-Дина, они освещались крайне тенденциозно.

Ключевые слова: курултай, Угедеиды, Чагатаиды, Толуиды, цензура, улус Джучи

Историография, посвященная событиям конца 40-х – начала 50-х годов XIII века, которые полностью изменили соотношение политических сил в Монгольской империи, достаточно обширна [26, p. 151–166; 1, с. 57–69; 23, p. 2–3, 54–58; 8, с. 282–289; 14, с. 87–91; 11, с. 210–239]. Стоит выделить статью Д. Аялона, который рассматривал Ясу Чингиз-хана и то, как применение ее норм, отражалось в письменных источниках. Автор сформулировал несколько выводов крайне важных для данной темы. Они позволяют по-другому взглянуть на то, как события курултая 1251 года отразились в исторических текстах, написанных как монголами, так и представителями покоренных ими народов.

Во-первых, политические процессы в Монгольской империи развивались в двух противоположных направлениях. С одной стороны – центральное правительство в лице каана и его окружения, стремилось сохранить единство внутри многочисленной правящей династии. С другой стороны – противоречия между отдельными чингизидскими семьями все сильнее разрывали единую империю изнутри. Эти противоречия приводили к постоянной борьбе за лидерство, территории и ресурсы. При этом символическим центром политической системы империи являлась фигура ее основателя Чингиз-хана. Поэтому вопрос о соблюдении или несоблюдении норм его Ясы был политическим.

Во-вторых, авторы исторических трудов часто находились под влиянием определенной чингизидской семьи. Поэтому в своих текстах они описывали приверженность близкого им лидера Ясе, и в то же время обвиняли его противников в ее нарушении. Политические противоречия влияли на описания исторических событий. Авторы текстов не являлись сторонними наблюдателями и стремились отразить точку зрения одной из конкурирующих групп элиты.

Именно такая предвзятость проявляется в том, как Джувейни описывает приход к власти Менгу и расправу над его политическими противниками в 1251 году. Автор описывает ситуацию, при которой Менгу и его сторонники якобы были полностью не готовы к заговору Чагатаидов и Угедеидов потому, что такие действия противоречили Ясе. В то же время сам Джувейни в своём труде несколько раз указывает на то, что Толуиды во главе с Соркоктани-беки были единственной чингизидской семьей, сознательно и последовательно соблюдающей ее правовые предписания. Автор заключил, что если бы в политической борьбе конца 40-х – начала 50-годов XIII века победили не Толуиды и Джучиды, а их противники Угедеиды и Чагатаиды, то до нас бы дошли совершенно иные описания этих событий.

Для решения этой проблемы исследователь использовал системное сравнение сообщений текстов, написанных под влиянием монголов и независимых источников. Стоит отметить, что его прежде всего интересовало отражение в них норм Ясы, как корпуса монгольского средневекового права. Поэтому детальное сравнение осуществлялось между египетскими и официальными имперскими источниками. Описание Джувейни событий 1251 года рассматривалось как яркая иллюстрация его тенденциозности, без анализа конкретных событий [26, p. 151–166].

П. Джексон представил одну из наиболее полных на настоящий момент реконструкций событий, связанных с распадом Монгольской империи. Он поддержал выводы Д. Аялона, при этом существенно их расширив и уточнив. Автор отметил, что абсолютно такая же тенденциозность в описании прихода к власти Менгу и свержения Угедеидов присутствует в труде Рашид ад-Дина и в сообщениях «Юань ши». По его мнению, значительно большую ценность представляют сведения европейских путешественников, таких как Плано Карпини и Рубрук, а также армянских авторов XIII и начала XIV веков, которые были более независимы в своих описаниях [1, с. 57–69]. Конкретные заключения П. Джексона касательно самих событий 1249 и 1251 годов будут рассмотрены ниже.

Также стоит отметить статьи К. Этвуда, посвященные политической биографии сына Чингиз-хана Джучи и формированию текста «Секретной истории монголов». Хотя в этих работах напрямую не затрагиваются события, связанные с приходом к власти Менгу, автор использует ту же методологию. Исследователь выделил так называемые «источники имперского круга», которые были написаны после 1251 года в улусах, в которых правили потомки Толуя. Речь прежде всего идет о работах Джувейни, Рашид ад-Дина, «Тайной истории монголов», «Шэн-у цинь-жэн-лу» и «Юань ши». В них отразился официальный взгляд династии Толуидов на важные для нее исторические события, который зачастую сильно искажал реальность. Для того, чтобы реконструировать произошедшее, нужно сопоставить данные источников толуидских источников с текстами, созданными вне действия имперской цензуры: отчётами путешественников, региональными хрониками и в некоторых случаях биографиями «Юань ши» [24, p. 1–44; 25, p. 35–54]. Последние создавались в империи Юань, в которой правили потомки сына Толуя Хубилая. Но часто при составлении использовались записи из семейных архивов героев биографий. Поэтому туда иногда попадали сведения, исключенные из других текстов по цензурным соображениям.

Также стоит отметить достаточно подробный разбор событий, связанных с курултаями 1251 года, осуществленный Р.Ю. Почекаевым. Автор в целом опирался на ту картину событий, которую описывали Джувейни и Рашид ад-Дин. При этом он справедливо указывал: «Кажется, не было ни одного нарушения традиций курултая, которое не допустили бы организаторы во главе с Берке-огулом» [14, с. 87].

Итак, в историографии является вполне устоявшейся идея о том, что официальные источники, созданные в улусах, подчиненных Толуидам, описывали отдельные исторические события крайне тенденциозно. С другой стороны, сам переворот 1251 года обычно описывается исследователями в тех рамках, которые задают официальные имперские источники, прежде всего Джувейни и Рашид ад-Дин. Это вполне естественно, так как в данном случае практически отсутствуют внешние независимые источники, данные которых можно соотнести со сведениями имперских текстов.

Рубрук, посетивший Монголию через несколько лет после прихода к власти Менгу, упоминает о заговоре потомков Угедея. Однако, его краткий рассказ очень близок к описаниям Джувейни и Рашид ад-Дина [15, с. 135; 28, p. 167–168]. Похожее описание приводит работавший в Делийском султанате Джузджани [37, p. 1182–1186]. Информация о событиях 1251 года также содержится в труде Джамала ал-Карши, написанного на рубеже XIII–XIV веков на территории подвластной внуку Угедея Кайду [5, с. 121–122]. Этот уникальный рассказ фактически является единственным дошедшим до нас описанием произошедших событий, не отражающим взгляды Толуидов. Но реконструировать их на основе только этого краткого и не всегда ясного описания затруднительно.

Очевидно, что сюжет о случайно раскрытом Менгу заговоре был крайне важен для легитимации власти Толуидов в империи. То, что он в очень схожем виде отразился у Рубрука и у враждебного монголам Джузджани, подтверждает его официальный характер. Эта версия событий сознательно транслировалась Менгу и его окружением. Для того, чтобы реконструировать произошедшие события, необходимо разобрать противоречия в этом официальном сюжете, которые содержат сами официальные имперские тексты, а затем сравнить полученные результаты с описанием ал-Карши. Таким образом можно будет в общих чертах представить то, как события развивались в реальности.

Каан Гуюк внезапно скончался в дороге, весной 1248 года. Согласно «Юань ши»: «Весной, в третьей луне года у-шэнь (27 марта – 24 апреля 1248 г.), 3-го [от установления правления), государь почил в местности Кан-хан-Ир (Heng-hsiang-i-erh)» [19, с. 179; 21, s. 152]. Согласно Джувейни, это произошло в местности Кум-Сенгир, в неделе пути от Бешбалыка [2, с. 180]. Рашид ад-Дин говорит о том, что он умер, когда «достиг пределов Самарканда, откуда до Бишбалыка неделя пути» [17, с. 121; 34, с. 395]. П. Пелльо справедливо предположил, что в данном случае составитель текста ошибся, и речь изначально шла о местности Кум-Сенгир («Песчаный мыс») в верхнем течении реки Урунгу [2, с. 599].

Официальные имперские источники ничего не сообщают о причинах смерти Гуюка. Но, судя по всему, в элите империи были распространены представления о ее насильственном характере. Рубрук в своем труде зафиксировал две версии причины смерти каана. Первую он узнал от вдовы сына Джучи Шибана, а вторую от Андре Лонжюмо. Согласно первой, Бату и Гуюк направлялись на встречу друг другу. При этом хан улуса Джучи явно опасался нового каана. Бату отправил к Гуюку своего брата Шибана. При встрече между Шибаном и Гуюком произошла ссора и оба они были убиты. Согласно второй версии, Гуюк был отравлен по приказу Бату [15, с. 135; 28, p. 167–168]. Известие о причастности Шибана к смерти Гуюка не подтверждается другими источниками. Однако можно согласиться с В.П. Костюковым, признававшим его историчность [10, с. 54].

Согласно Джувейни, весной 1248 года известие о смерти Гуюка застало Бату в Алакамаке: «Когда ханство унаследовал Гуюк-хан, Бату, по его просьбе и приглашению, отправился навестить его. Когда он достиг Алакамака, Гуюк-хан скончался… Бату выступил из своей орды в стране булгар и саксинов, чтобы проследовать ко двору Гуюк-хана, и, прибыв в Алакамак, что в неделе пути от города Каялыка, получил

сообщение о смерти Гуюк-хана» [2, с. 184, 403]. П. Пелльо полагал, что именно об этой местности идет речь в «Юань ши», где упоминается курултай в A-la-t'o-hou-la-wou [33, p. 61].

Само по себе это сообщение Джувейни является ярким примером существования цензурных ограничений, которые регулировали описания исторических событий проблемных для династии. Сразу несколько источников описывают совершенно иную картину событий. Рашид ад-Дин был абсолютно лоялен Толуидам, но писал свой труд на сорок лет позже. Даже он сообщает о том, что Гуюк отправился в свой юрт на Эмиле под предлогом необходимости пребывания в местном благоприятном климате. Однако Соркоктани-беки отправила Бату тайное послание, в котором сообщала: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы». Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним» [17, с. 121]. Ал-Умари также прямо говорит о том, что Гуюк и Бату двигались навстречу друг другу во главе армий, и их целью было военное столкновение [32, s. 101]. На это же указывает Ц. де Бридиа, описывая отношения Бату и Гуюка: «Кроме того, братья говорят, что из своих владений он уже направляется к Куюк-кану. К тому же между ними возник большой разлад, и если бы он имел продолжение, [то] христиане смогли бы получить в течение многих лет передышку от тартар» [20, с. 113]. Написанный в 90-е гг. XIII в. китайский источник «Байчжу юаньшуай чуши шиши» также сообщает о том, что «в прошлом император Динцзун [Гуюк] подготовил экспедицию к царю Бату» [30, p. 329]. Джувейни, по его собственному признанию, получил распоряжение написать исторический труд при дворе Менгу в 1252 году [2, с. 4,9]. Он служил брату Хулагу и был глубоко включен в элиту империи. Сложно допустить, что он мог не знать реальное положение вещей. Другое дело, что в данном случае иранский автор просто недоговаривает и не упоминает опасных для династии сведений. Формально война объявлена не была. Официальной причиной движения Гуюка на запад был отдых в его коренном юрте на Эмиле, который граничил с улусом Джучи. Вероятно, и Бату открыто не объявлял о том, что целью его перемещения на восток своих владений вместе с войском было возможное военное столкновение с новым кааном.

Местность Алакамак обычно размещают либо рядом с горным хребтом Алатау, между озером Иссык-Куль и рекой Или, либо в окрестностях Каялыка, южнее озера Балхаш [18, с. 204]. На наш взгляд, верен именно второй вариант локализации. Джувейни объясняет продвижение Бату навстречу Гуюку тем, что избранный каан призвал его к себе на встречу. Но в реальности оба Чингизида двигались друг по направлению к другу во главе армий, готовых к бою. Рашид ад-Дин подчеркивает, что, узнав от Соркоктанибеки о намерениях своего врага, «Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним» [17, с. 121].

Согласно Джувейни, Алакамак находился в неделе пути от Каялыка. Город Каялык располагался в 120 км. к западу от озера Алаколь. Изначально он принадлежал к владениям Джучи. Об этом сообщается в ярлыке, который был выдан Чингиз-ханом Джучи, и в сообщении Вассафа [2, с. 30; 5, с. 139–140; 6, с. 163]. Река Эмиль, долина которой была коренным юртом Гуюка, впадает в озеро Алаколь с востока. Видимо эту местность имеет ввиду Плано Карпини, говоря о кочевьях старшего сына Джучи Орду, при описании своего маршрута в Монголию на курултай 1246 г. [15, с. 73].

В историографии сложились две точки зрения по поводу этого сообщения Карпини. Ключевой проблемой, возникающей при его интерпретации, является локализация города Омыл, который был восстановлен по приказу каана. В другом месте Карпини указывает, что речь идет о каане Угедее: «В земле же вышеназванных Кара-Китаев Оккодай-кан сын Чингис-кана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл; вблизи него к югу есть некая великая Пустыня, в которой, как говорят, наверное, живут лесные люди» [15, с. 38].

С одной стороны, соотнесение Омыла с Эмилем кажется очевидным, учитывая статус этого региона при Угедее. Но, проблема состоит в том, что Омыл, о котором говорит Карпини, исходя из логики описания его маршрута, располагался западнее, а не восточнее Алаколя. Это противоречие решается исследователями по-разному. Начиная с К.Р. Бизли и В.В. Рокхила, популярна точка зрения, согласно которой Карпини спутал детали своего путешествия в Монголию и обратно. Поэтому он вставил описание своего посещения Эмиля в рассказ о пути с запада на восток [27, p. 306; 35, p. 16]. С другой стороны, В. Долбе полагает, что автоматическое соотнесение Омыла с Эмилем не имеет серьезных оснований. По мнению автора, Омыл – это населенный пункт, который можно локализовать на расстоянии одного дневного перехода от юго-западного берега Балхаша [3].

Но, для рассматриваемой темы это противоречие не является принципиальным. Очевидно, что в описании Карпини речь идет о маршруте с запада на восток. Сначала сообщается про «некое море, не очень большое», которое путешественник оставил с левой стороны. Здесь речь идет о Балхаше и Алаколе. Уровень воды в Балхаше в период с XIII по XVII века. был максимален, гораздо выше современного [36, p. 140–141]. Затем упоминается «первая орда императора, в которой была одна из его жен». Речь идет о юрте Угедея и Гуюка на Эмиле. После говорится о земле Найманов. Хорошо известно, что западной ее границей являлся Иртыш. В таком случае, «земля в которой живет Орду» и в которой «имеется также ор-

да, или двор, его отца» Джучи – это юго-восточное Прибалхашье, с востока ограниченное берегом озера Алаколь. Примечательно, что Карпини вообще не упоминает Каялык, в то время как Рубруку этот город был хорошо знаком. Именно там он дожидался представителя Бату, перед продолжением своего пути в ставку Менгу [15, с. 38, 136]. Итак, согласно Карпини, в 1246 году владения Орду примыкали к западному, а возможно и к юго-западному берегу Алаколя. Проехав их, он оказался во владениях Угедеидов. То есть регион Каялыка и юго-западного побережья Алаколя являлся границей улуса Джучи на востоке. Дальнейшие события показывают, что именно эта пограничная местность и именовалась Алакамак. Эта локализация в целом подтверждается и ал-Карши, согласно которому первое избрание Менгу состоялось в районе Каялыка [5, с. 121].

Согласно Джувейни, после смерти Гуюка его вдова Огул-Гаймиш направилась в юрт своего покойного мужа – «в Кобак и Эмиль». Бату в это время находился в Алакамаке. Он, вероятно, с позиции старшего в роду главы улуса, подтвердил регентский статус Огул-Гаймиш. В то же время, он «послал приказ всем царевичам и эмирам, повелевающий им явиться в то место, чтобы вместе обсудить вопрос о передаче ханства достойному человеку»[1]. Сыновья Гуюка Коджа и Наку должны были явиться в сопровождении Кадака – атабека покойного каана. Последний не хотел ехать на встречу потому, что «он произнес весьма неосторожные слова, которые не подобали его чину, и от своей чрезвычайной глупости и крайнего невежества высказал то, что стало причиной паники и источником сплетен». В.П. Костюков справедливо предположил, что, вероятнее всего, «неосторожные слова» Кадака, из-за которых он боялся ехать к Бату, были связаны с обстоятельствами смерти Гуюка и причастностью к ней хана улуса Джучи.

Как его атабек, Кадак должен был сопровождать своего воспитанника в походе и больше других быть в курсе того, что же в действительности произошло весной 1248 года в окрестностях Кум-Сенгира [2, с. 180–181; 9, с. 180]. Кадак притворился больным. Огул-Гаймиш также отказалась ехать в Алакамак. На курултай прибыли только Коджа и Наку, однако пробыли они там недолго. Через пару дней они вернулись, оставив своим представителем при Бату Тэмур-нойона. Они поручили ему письменно зафиксировать их согласие на любую кандидатуру, утвержденную курултаем. Когда собрание выбрало Менгу, Тэмур-нойон вынужден был подписать согласие. Узнав об этом, сыновья Гуюка были возмущены и самим решением курултая, и тем, что их представитель зафиксировал согласие на кандидатуру Менгу. Более того, они собирались устроить засаду на его пути обратно в Монголию и физически устранить своего конкурента [2, с. 181–182].

В другом месте Джувейни говорит о том, что среди Угедеидов, делегировавших право письменного согласия под любым решением курултая, был и Ширамун: «А что до Сиремуна и других внуков и жен Каана, которые находились в том краю, они послали своим представителем Конкуртакай-нойона, эмира Каракорума, передав с ним такое письмо: «Бату – ага всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово – закон». Далее сообщается о прибытии Коджи и Наку, об их отъезде и о передаче ими права голоса Тэмур-нойону. Здесь же Джувейни уточняет состав участников первого курултая. Угедеидов на собрании напрямую представлял только Кадан. От Чагатаидов присутствовали Кара-Хулагу и Муджи Яя [2, с. 403–407].

Близкую картину событий описывает Рашид ад-Дин. После смерти Гуюка Бату направил остальным Чингизидам приглашение на курултай, на котором должен был быть избран новый каан. Судя по содержанию отказа, собрание должно было быть проведено на территории, подконтрольной Бату: «Коренной-де юрт и столица Чингиз-хана – Онон и Келурен, и для нас не обязательно идти в Кипчакскую степь». Однако, несмотря на это, Угедеиды отправили на курултай своих представителей: «Ходжу, Нагу, Кункур-Тогая (Qonquriyatai) и Тимур-нойона, который был эмиром Каракорума, они послали своими заместителями, с тем чтобы те письменно подтвердили то, о чем царевичи согласятся». Узнав об этом, Соркоктанибеки отправила на курултай Менгу. Бату выдвинул его кандидатуру на каанский престол, и она была поддержана собранием: «он приказал, чтобы братья его – Орда, Шейбан, Берке – и весь род Джучи, а из царевичей правого крыла Кара-Хулагу из потомков Чагатая, – [все] собрались и несколько дней пировали; и после этого они заключили соглашение о том, чтобы посадить Менгу-каана на престол».

[1] Для избрания верховного правителя в период империи монголы проводили два курултая. На первом решался вопрос о престолонаследии, и шли реальные переговоры. На втором проходила официальная процедура интронизации [30, p. 320]. Обязательным условием легитимности избрания было присутствие на обоих курултаях старших представителей всех четырёх чингизидских семей и их общее официальное признание кандидатуры нового каана. При этом, по крайней мере для проведения первого курултая было необходимо согласие и личное присутствие «ака» – старшего в роду Чингизидов. После смерти Угедея и Чагатая им являлся Бату. Об этом прямо говорит Рашид ад-Дин, поясняя длительную задержку, возникшую с интронизацией Гуюка: «Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил, и когда его потребовали на курилтай, то он под [предлогом] болезни уклонился от участия [в нем]. Так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] каана» [17, с. 79–80; 34, p. 360].

Было решено провести второй курултай для официальной интронизации Менгу в следующем году в Монголии. После того, как Угедеиды и Чагатаиды узнали о результатах курултая, они отказались их признавать: «Часть царевичей из дома каана и Гуюк-хана, Йису-Менгу и Бури, потомки Чагатая по этому поводу чинили отказ и в том деле создавали отлагательство под тем предлогом, что ханское достоинство должно [принадлежать] дому каана и Гуюк-хана» [17, с. 129–131; 34, p. 401–404]. В биографии сына Субедея Урянхатая в «Юань ши» первый курултай датируется концом весны – началом лета 1249 года [19, с. 241]. Однако у ал-Карши он отнесен к маю-июню 1250 года [5, с. 121]. Последняя датировка менее вероятна, учитывая последующие события.

В своих описаниях прихода Менгу к власти Джувейни и Рашид ад-Дин не упоминают о каких-либо дебатах в ходе курултая. Согласно Джувейни, после нескольких дней обсуждений собравшиеся передали право окончательного решения о кандидатуре нового каана Бату, как старшему среди царевичей. Он отказался занять престол сам и выдвинул Менгу, ссылаясь на его знание «Ясы Чингисхана и обычаев Каана», военные заслуги, храбрость и мудрость [2, с. 403–405]. Рашид ад-Дин более подробно перечисляет основания этого решения Бату: 1 – хорошие отношения с Угедеем; 2 – многочисленные военные заслуги и, прежде всего, участие в западном походе; 3 – отцом Менгу был Толуй, который имел право на престол (отсылка к монгольскому обычаю согласно которому младший сын наследует центр отцовских владений). И только после завершения курултая Угедеиды начали высказывать свое несогласие с его результатами [17, с. 129–130; 34, p. 401–404]. Но, в труде Рашид ад-Дина есть два ретроспективных сообщения, которые позволяют заключить, что представители Угедеидов, направленные на курултай с правом подтверждения его решения, были полностью не согласны с кандидатурой Менгу. В «Рассказе о восшествии на престол Бату» и в разделе о племени джалаир описывается дискуссия по поводу избрания Менгу. Представитель Угедеидов Элджидай напомнил о клятве, которую участники курултая давали Угедею касательно закрепления права на трон за его прямыми потомками. Сторонники Менгу привели в ответ свои аргументы: 1 – Угедеиды сами нарушили завещание Угедея, отвергнув кандидатуру его официального наследника Ширамуна и возведя на престол Гуюка; 2 – в вину Угедеидам ставилось решение о казни дочери Чингиз-хана Алталун после курултая 1246 года [16, с. 95; 17, с. 80; 34, p. 39, 631]. Содержание этой полемики на первом курултае подтверждается сообщением «Юань ши». Согласно источнику, кандидатуру Ширамуна продвигал Бала – представитель Огул-Гаймиш и один из влиятельных нойонов в правление Гуюка. Его оппонентом, доказавшим то, что Угедеиды сами дезавуировали статус Ширамуна как наследника, был младший брат Менгу царевич Муга [19, s. 181; 22, s. 17].

Ключевой загадкой событий, связанных с первым курултаем 1249 года в Алакамаке, является непоследовательность Угедеидов. Почему Ширамун и Наку сначала отправили своих представителей на курултай, доверив им подтвердить любое его решение, а затем отказались признавать кандидатуру Менгу, ссылаясь на то, что престол должен принадлежать кому-то из них? Убедительное объяснение этому странному противоречию предложил П. Джексон. Он обратил внимание на два факта. Во-первых, от Угедеидов на курултай прибыли две делегации. Конгуртай, как эмир Каракорума, представлял Ширамуна, тогда как Коджа и Наку специально прибыли к Бату, чтобы назначить своим представителем Тэмурнойона. Во-вторых, в генеалогических таблицах «Юань ши» Наку обозначен как «тай-цзы», то есть «принц-наследник» [31, p. 85]. На этом основании исследователь заключил, что и Ширамун, и Наку на тот момент были конкурентами в борьбе за престол. Ширамун претендовал на него по завещанию Угедея, а Наку по завещанию своего отца Гуюка. Оба были уверены в собственном избрании и, вероятно, имели договоренности с Бату. Хан улуса Джучи каким-то образом убедил их не присутствовать на курултае лично, а оставить представителей с правом признать решение собрания. Новость об избрании Менгу была для них настоящим потрясением. Именно с этим были связаны их решительные протесты. И лишь после этого Ширамун и Наку вынуждены были заключить союз [1, с. 58–59].

Эта гипотеза полностью объясняет все неясные моменты в описаниях источниками событий первого курултая. Стоит лишь сделать два уточнения. Во-первых, сложная интрига Бату, использовавшего уверенность Угедеидов в их исключительном праве на каанский престол, была бы вряд ли возможна, будь хорошие отношения между ним и Менгу общеизвестным фактом. Ширамун и сыновья Гуюка были уверены в своем избрании еще и потому, что на тот момент Толуиды во главе с Соркоктани-беки находились с ними в союзе еще со времен Гуюка. Поэтому можно согласиться с Р.Ю. Почекаевым, который впервые указал на то, что распространенное в историографии представление о том, что между Бату и Менгу существовали теплые отношения еще со времен западного похода, не находит подтверждения в источниках [14, с. 88].

Во-вторых, конкуренция между Ширамуном и Наку объясняет юридический смысл аргументов сторонников Менгу на курултае. В системе права Монгольской империи важное значение играли «заслуги» и «проступки» того или иного лица в отношении «золотого рода» и норм Ясы Чингиз-хана. При этом они могли влиять на весь коллектив, который возглавлял или представлял их носитель, и передавались по на-

следству [13, с. 243–246]. Ширамун опирался на завещание Угедея. Факт коллективного отказа Угедеидов от его соблюдения в 1246 г., когда кааном был избран Гуюк, с точки зрения собравшихся его аннулировал. Наку опирался на волеизъявление своего отца Гуюка. Именно в противовес его завещанию был приведен случай с убийством Алталун. Эта дочь Чингиз-хана была казнена в 1246 году, сразу после прихода Гуюка к власти. Казнь производилась по решению каанского суда, но без согласия всех членов «золотого рода» [12, с. 24–36]. Нет никаких данных о том, что Наку был к ней причастен. Но, грубейшее нарушение Ясы Гуюком в этом вопросе, видимо, ставило под сомнение легитимность статуса его сына как наследника.

Избрание на курултае 1249 года кандидатуры Менгу стало для Угедеидов и поддерживавших их Чагатаидов тяжелым ударом. Надо заметить, что в голосовании на первом курултае (как и на втором) принимали участие те представители этих семей, которые сами не могли претендовать на верховную власть в улусах. Поэтому они только выигрывали от политического поражения своих более могущественных родственников [1, с. 59]. В 1249 году это были: шестой сын Угедея от наложницы Кадан, старший сын Чагатая Муджи Яя[2] и Кара-Хулагу, лишенный престола Чагатаидского улуса в пользу Есу-Менгу по воле Гуюка. И Джувейни, и Рашид ад-Дин говорят о том, что наиболее статусные Чагатаиды, такие как Есу-Менгу и Бури, не признали итоги первого курултая и поддержали Угедеидов.

Началась подготовка ко второму курултаю в Монголии. Согласно Джувейни, Коджа и Наку собирались устроить Менгу засаду на его пути в коренной юрт [2, с. 182]. Но эти намерения так и остались нереализованными. Джувейни говорит об отсутствии единства среди Угедеидов, противостоявших избранию Менгу. Огул-Гаймиш формально продолжала оставаться регентом. В тоже время Коджа и Наку, которые «содержали каждый по двору, отдельно от двора своей матери; и так в одном месте оказалось три правителя». Хотя их поддерживали такие крупные фигуры как Чинкай и Кадак, отсутствие единства между ними привело к ослаблению госаппарата и к хаосу в управлении [2, с.182–183]. Джувейни не говорит о положении Ширамуна в этот период, но дальнейшие события покажут, что он достиг согласия с сыновьями Гуюка далеко не сразу.

Переговоры о проведении второго курултая затянулись на полтора или даже два года (по крайней мере, Берке писал Бату о двухлетней задержке). Джувейни просто сообщает о том, что Бату в Монголии представляли его братья Берке и Тука-Тимур. Рашид ад-Дин же прямо указывает на то, что они были отправлены туда с многочисленным войском вместе с Менгу [2, с. 407; 17, с. 131; 34, p. 403]. Судя по последнему уточнению, основной претендент на каанский престол двигался из Алакамака в Монголию под охраной Джучидов. По всей видимости, эта мера была связана в том числе с намерениями Коджи и Наку убить Менгу, о которых упоминал Джувейни.

Далее и Джувейни, и Рашиад да-Дин с определенными отличиями описывают следующую цепочку событий. Когда стало ясно, что противники Менгу будут продолжать затягивать переговоры, было принято решение о проведении второго курултая. Согласно Рашид ад-Дину, «Берке послал Бату [следующее] извещение: «Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-хана, а [также] Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли». Бату прислал ответ: «Ты его посади на трон, всякий, кто отвратится от Ясы, лишится головы»». В Монголию направились Кадан, Кара-Хулагу и другие лояльные царевичи из орды Улуг Эф (орда Чагатая). Весной 1251 года все царевичи собрались и еще раз отправили послание к саботировавшим курултай Чагатаидам и Угедеидам. Менгу был возведен на престол 1 июля 1251 года. На курултае были предприняты серьезные меры для обеспечения нужного для организаторов результата. Согласно Рашид ад-Дину, «Берке решил, чтобы Бучек ввиду болезни ног сидел на своем месте и Кубилай чтобы тоже сидел, а все внимали словам Кубилая. [Затем] приказали Муке стать у дверей, чтобы ему можно было задержать царевичей и эмиров, а Хулагу приказал стать впереди стольников и телохранителей, чтобы никто не говорил и не слушал неподобающих речей. Сообразно с этим установили порядок, и [только] они двое ходили взад и вперед, пока не закончился курилтай». Менгу был избран. После этого начались обычные в таких случаях пиршества, длившиеся одну неделю.

Во время этого праздника прибыли Кадан, его брат Мелик и Кара-Хулагу. В это время Ширамун, Наку и Тотак (Хутук)[3] направлялись в их сторону, якобы с целью участия в курултае. В реальности же их сопровождал большой хорошо вооруженный отряд. По счастливой случайности, у сокольничего Кешика пропал верблюд, и тот в поисках животного случайно наткнулся на заговорщиков. Заглянув в одну из повозок, он увидел там много оружия. Это показалось ему подозрительным. Прикинувшись своим, он

[2] Согласно более поздним спискам текста Рашид ад-Дина, которые отразились во всех известных переводах, Муджя Яя был сыном Чагатая, рожденным от изнасилованной служанки его жены. С. Камола отмечает, что в более ранних версиях текста этот сюжет отсутствует. Муджи Яя там назван старшим сыном от старшей жены Йисулун. Автор предположил, что этот сюжет был включен Рашид ад-Дином в текст для того, чтобы дискредитировать сыновей Муджи Яя – Текудера и Ахмата, которые находились во враждебных отношениях с Ильханами [29, p. 137]; Но, несмотря на неясность в статусе его матери, очевидно, что наследником власти в улусе он никогда не был.

[3] Сын Карачара, внук Угедея.

какое-то время ехал вместе с отрядом. Убедившись, что его подозрения верны, Кешик направился к ничего не подозревавшим участникам курултая, праздновавшим интронизацию нового каана. Поначалу Менгу ему не поверил, но под давлением окружения все же отправил нойона Менгусера с несколькими тысячами воинов для проверки сообщения. Отряд Ширамуна, Наку и Тотака был окружен. Поняв, что заговор провалился, они отказались от сопротивления и были доставлены в орду Менгу. Три дня они участвовали в пирах, а на четвёртый собрались уезжать, но были задержаны. Менгу выдвинул против них официальное обвинение. Началось расследование, за которым последовала казнь нойонов, поддерживавших заговорщиков.

Прибывшие Есу-Менгу и Бури были арестованы и отправлены к Бату. Жена Есу-Менгу Тогашай была казнена Кара-Хулагу. Огул-Гаймиш и Коджа не собирались приезжать. К ним были направлены посланники. Коджа, под влиянием уговоров жены, согласился приехать и был прощен. Огул-Гамиш была насильно доставлена в ставку Соркоктани-беки. Там она и мать Ширамуна Кадагач-хатун были казнены Менгусером. Затем были казнены Чинкай и Кадак. Для поимки сторонников Чагатаидов и Угедеидов была организована грандиозная военная операция, по типу загонной охоты [2, с. 409–428; 17, с. 131–140; 34, p. 403]. Как уже отмечалось, похожие, хотя и более краткие описания произошедшего содержатся в текстах Рубрука и Джузджани [15, с. 135; 28, p. 167–168; 37, p. 1182–1186].

Ключевым для правильного понимания произошедших событий, на наш взгляд, является указание Джувейни и Рашид ад-Дина на то, что союзники Толуидов и Джучидов Кара-Хулагу, Кадан и Мелик прибыли на собрание в середине недели пиров, последовавшей за процедурой интронизации [2, с. 416; 17, с. 133; 34, p. 405]. То есть, согласно источникам, ближайшие союзники Толуидов и Джучидов, поддержавшие Менгу на курултае 1249 года, опоздали на курултай 1251 года. Фактически Чагатаиды и Угедеиды вообще не принимали участие в официальной интронизации Менгу. Джувейни пишет об этом прямо. Перечисляя участников, он называет только сыновей Кутана. Рашид ад-Дин дает полный список царевичей, поддержавших интронизацию Менгу: Кара-Хулагу, Кадан и сын Кутана Мунгэту. Но и он говорит о прибытии Кара-Хулагу, Кадана и Мелика в середине недели пиров [2, 411; 17, с. 132; 34, p. 403]. Вероятно, именно в присутствии Мунгэту на курултае состояла особая заслуга сыновей Кутана перед Менгу, о которой сообщал Рашид да-Дин [17, с. 11; 34, p. 306].

Опаздывали также и Ширамун с Наку. Согласно Джувейни, союз между ними возник относительно поздно, когда стало ясно, что саботировать второй курултай не удастся: «Перед этим Сиремун уже посылал гонцов к Ходже и Наку, поскольку между ними возникли отношения любви и дружбы, ибо во времена бедствия дурные чувства исчезают. Когда они поняли, что из задержки не выйдет добра, Наку-Огуль отправился в путь. Выступили из своих ставок и Кадак-нойон и некоторые эмиры двора Гуюк-хана. И Есун-Тока-Огул, брат Кара-Хулагу, [выступив] из своих владений, прибыл с ними к Сиремуну, так что все они собрались в одном месте; и пошли слухи, что они замышляли недоброе против мусульман». И тем не менее, Ширамун и Наку продвигались к месту сбора очень медлительно: «И они отправились в путь со скоростью неподвижных звезд, двигаясь медленно с лошадьми, всадниками и войском, с навьюченными верблюдами и бесчисленными повозками» [2, с. 410].

Можно с точностью установить, когда конкретно заговорщики должны были подойти к месту общего собрания. Об этом говорит уточнение Рашид ад-Дина, согласно которому «три дня они пировали, у них ничего не спрашивали. На четвертый день они пришли во дворец и намеревались уехать». Очевидно, что речь идет не об отдельном пире, устроенном по поводу прибытия заговорщиков, а о неделе пиров, традиционно проводимых после курултая. То есть Ширамун и Наку должны были прибыть к месту общего собрания в то же время, что и «опоздавшие» Кара-Хулагу, Кадан и Мелик – в середине недели пиров. Обе группы опоздали к месту на три-четыре дня.

Подобную непунктуальность Кара-Хулагу, Кадана и Мелика, которые были заинтересованы в избрании Менгу, а также Ширамун и Наку, которые стремились его не допустить, можно объяснить лишь переносом изначально назначенного времени проведения собрания[4]. Судя по всему, Толуиды и Джучиды решили форсировать события и провести курултай до прибытия основных конкурентов. Это предположение объясняет большинство странностей в описании произошедших событий. В противном случае непонятны беспрецедентные меры контроля за собравшимися на курултае, целью которых была возможность «задержать царевичей и эмиров», и «чтобы никто не говорил и не слушал неподобающих речей» [17, с. 132; 34, p. 403]. Ведь ни Чагатаидов, ни Угедеидов (кроме сына Кутана) на собрании просто не было.

[4] Вероятно, именно поэтому Джувейни акцентирует внимание не только на опоздании Угедеидов и Чагатаидов, но и на том, что дата курултая была определена астрологами. Причем, судя по его описанию, прогноз был составлен незадолго до самого события: «Когда назначенное время прошло, а они все еще не торопились появиться и их задержка и опоздание превысило все пределы, несколько присутствовавших там мудрецов и астрологов назначили дату 9 раби II 649 года [1 июля 1251], поскольку по гороскопу в этот день счастливые планеты должны были принести удачу, Юпитер – усилить ее влияние, а Венера – озарить ее своим светом» [2, с. 410].

Вероятно, возмущение прибывших на курултай аристократов могло быть вызвано не недовольством самой кандидатурой Менгу, а грубейшим нарушением установленной процедуры.

Итак, статусные сторонники нового каана из числа Чагатаидов и Угедеидов на самом его избрании не присутствовали. Очевидно, что голос внука Угедея Мунгэту при наличии его живых и дееспособных сыновей, не мог придать легитимности курултаю, при том, что Чагатаиды на процедуре избрания вообще отсутствовали. Интересно, что и Джувейни, и Рашид ад-Дин, на уровне описания конкретных событий вполне ясно говорят о полной нелегитимности второго курултая, при этом снабжая свои рассказы многочисленными уверениями в единстве Чингизидов и их верности Ясе.

Гипотеза о переносе Толуидами и Джучидами установленных сроков курултая также объясняет «загадочный» характер самих передвижений Чагатаидов и Угедеидов. Согласно Джувейни, внук Чагатая и третий сын Мутугена Есун-Тоа, узнав о произошедшем, «оставил все свое войско и по собственной воле отправился в путь с тридцатью всадниками» [2, с. 425]. Рашид ад-Дин говорит о совместном прибытии Есу-Менгу (в тесте источника ошибочно Есун-Тоа), его жены Тогашай и Бури: «Оставив все войска в пути, они прибыли сами с тридцатью всадниками» [17, с. 137; 34, p. 408]. Также автор описывает и передвижения Ширамуна: «Ширамун перед этим оставил свой аурук в местности Маски, а [сам] налегке подходил с пятьюстами всадников» [17, с. 134–135; 34, p. 406].

Последнее сообщение поясняет то, что сообщает Джувейни о движении Ширамуна с войском и бесчисленными повозками. Он прикочевал к месту встречи вместе со своим ауруком (ставкой) и войском. Туда же подвели свои армии Есун-Тоа, Есу-Менгу и Бури. Затем они с отрядами в тридцать человек отправились на курултай, где и были арестованы. Как и в случае с первым курултаем в Алакамаке, основной проблемой для участников была личная безопасность. Судя по всему, между ними была достигнута договорённость о встрече на нейтральной территории, со строго оговорённым количеством вооруженного сопровождения. Но Толуиды и Джучиды провели курултай раньше на несколько дней и сумели нейтрализовать направлявшихся в ним практически беззащитных конкурентов.

Где проводился курултай? Джувейни говорит о том, что послание Угедеидам и Чагатаидам о том, что из-за них курултай откладываться больше не будет, направили царевичи, собравшиеся на реке Керулен, то есть на территории коренного юрта в Монголии. Но дальше действия каким-то образом переносятся в Каракорум, то есть в Западную Монголию. По крайне мере, именно туда «ко двору» доставили арестованного Кадака [2, с. 409, 423]. «Юнь ши» также говорит о курултае в Коде-арале на Ононе, тогда как Рашид ад-Дин локализует его в Каракоруме [19, с. 183; 17, с. 132; 34, p. 404]. Р.Ю. Почекаев считает, что в Каракаруме находился Берке, пытавшийся откуда организовать курултай [14, с. 90]. С этой точкой зрения сложно согласиться прежде всего потому, что Западная Монголия и столица империи в том числе находилась на территории улуса Угедея и должна была контролироваться его потомками.

Эта путаница, вероятнее всего, связана с тем, что изначально второй курултай планировалось провести в подконтрольном Толуидам коренном юрте. Понятно, что Чагатаиды и Угедеиды не хотели отправляться туда и отдавать себя в руки своих врагов. Поэтому курултай был перенесен на запад, в Каракорум, на территорию улуса Угедея. Именно туда Угедеиды и Чагатаиды подтянулись вместе с войсками, и именно там было выбрано место, где родичи могли бы встретиться, приведя с собой минимальные по численности отряды телохранителей. Однако Толуиды и Джучиды провели курултай раньше времени, а прибывшие на него царевичи оказались под их полным контролем. Судя по всему, история с оружием, которое везли Ширамун и Наку, была лишь формальным поводом для подозрений. Реальное обвинение, помимо полученных под пытками признаний, вероятно, основывалось на серьезном нарушении оговоренной численности вооруженного сопровождения. Заговорщики вели на встречу хорошо вооруженный отряд в пятьсот человек, тогда как Есун-Тоа, Есу-Менгу и Бури сопровождали группы по тридцать человек. Естественно, что обвинение было абсолютно лицемерным. Сами Толуиды привели на встречу как минимум две-три тысячи человек, что и стало залогом их победы. Можно заключить, что имперские источники не сильно исказили историческую действительность. Просто в реальности заговоров был не один, как писали Джувейни и Рашид ад-Дин, а два. Заговор Угедеидов провалился, тогда как Толуиды и Джучиды получили полный контроль над своими конкурентами.

Такая реконструкция проясняет и географию последовавших за курултаем репрессий. Согласно Джувейни, «они послали Бурилджитей-нойона с десятью туменами отважных юношей и храбрых тюрков в области Улугтак, Кангай и Кумсенгир, что лежат между Бешбалыком и Каракорумом, чтобы оттуда протянуть нерге[5] к Конгуран-Огулу, который находился в окрестностях Каялыка, а его войско занимало земли вплоть до области Отрара. А Йеке-нойон с двумя туменами был послан в страну кыргызов и кемчиудов» [2, с. 423–424]. Аналогичное сообщение приводит Рашид ад-Дин [17, с. 137–138; 34, p. 408]. Казнь уйгурского идикута, произошедшая сразу после курултая, по обвинению в подготовке репрессий против му-

[5] Способ загона зверя во время облавной охоты у монголов.

сульман, говорит о том, что он являлся сторонником проигравших царевичей. Согласно Джувейни, слухи о том, что Ширамун и Есун-Тоа «замышляли недоброе против мусульман», распространились еще до курултая [2, с. 410].

Вероятно, отряд Менгусера, которого сопровождал брат Менгу Хулагу, а также тумены Бурундая были отправлены для поимки и ареста двигающихся на восток Чагатаидов и Угедеидов одновременно. Согласно «Юань ши»: «Ширемун вместе с разными младшими братьями – Наку и прочими, не могли успокоиться и таили замыслы. Государь отправил чжувана Хулагу вместе с Мэнгусаром во главе войск, чтобы следили за ними. Чжуваны Есу-Мэнгу, Бури, Ходжа и другие не прибыли и после назначенного срока [курултая], [Мэнгу] послал Буралгидая пойти с войсками в качестве предосторожности против них» [19, с. 183–184; 22, s. 18]. Как было показано выше, назначенный срок собрания был сознательно перенесен организаторами на более раннее время.

Поражение в борьбе 1251 г. привело улусы Чагатая и Угедея к политической катастрофе. В орде Бату был казнен Бури и, вероятно, Байдар. По крайней мере, Киракос Гандзакеци сообщает, что сын Байдара Алгуй во время войны с улусом Джучи в начале 60-х гг. обвинял на тот момент уже хана улуса Джучи Берке в «истреблении всего его рода» [7, с. 236]. Есу-Менгу, согласно Джувейни, также был отправлен к Бату, но, по Рашид ад-Дину, он был казнен вдовой Кара-Хулагу Оркиной-хатун. Также были казнены Огул-Гаймиш, Тогашай, Кадак, Чинкай, Эльджигитей и ряд других крупных чагатидских и угедеидских нойонов, имена которых названы в источниках. Однако общее количество жертв толуидского и джучидского террора неизвестно. Ясно только, что оно было достаточно велико.

Рассмотрев описания Джувейни и Рашид ад-Дина, стоит вернуться с сообщению ал-Карши [5, с. 121–122][6]. Несмотря на общую путанность рассказа, в нем все-таки прослеживается несколько смысловых линий, которые можно соотнести с приведённой выше реконструкцией на основе сообщений толуидских источников. Во-первых, согласно автору, враждебные планы друг против друга вынашивали обе стороны, при этом формально пытаясь создать видимость поиска компромисса: «Потомки Гуйука пытались напасть на него и замышляли его убийство. Когда он дал согласие присутствовать на их коронации, то они сделали вид, что забыли про все его хитрости и простили все злые деяния, направленные против них. Манку-хан, услышав об их замыслах и почувствовав их хитрость, посоревновался с ними в обмане, коварстве и опередил их в убийствах». Во-вторых, исходя из этого же сообщения, можно сделать вывод о том, что какие-то договоренности перед курултаем все-таки были достигнуты. Формально их признавали и Менгу, и Угедеиды, хотя в реальности обе стороны готовили силовые акции друг против друга. В-третьих, позиция Чагатаидов также не была единой. По крайней мере, Бури был готов признать власть Менгу и имел основания полагать, что власть в улусе Чагатая достанется ему. Судя по всему, Бату и Мен-

[6] «Манку-хан занял престол в сафаре, 648/мае-июне 1250 года, победив и уничтожив сыновей Гуйука и других [людей] из рода Чингиз-хана в количестве более сорока амйров и около двух тысяч военачальников. Только после этого укрепилась его власть, и он почувствовал себя уверенно на троне своего государства… И он был первым, кто взялся за меч против своего рода, вонзил острие (мечей) в свою семью. Потомки Гуйука пытались напасть на него и замышляли его убийство. Когда он дал согласие присутствовать на их коронации, то они сделали вид, что забыли про все его хитрости и простили все злые деяния, направленные против них. Манку-хан, услышав об их замыслах и почувствовав их хитрость, посоревновался с ними в обмане, коварстве и опередил их в убийствах. Он спешно отправил к ним буйных храбрецов и толпу грабителей – людей, которые глубокой ночью внезапно напали на спящих. Убив их, расчленили тела мечами и отдали на съедение птицам и зверям. Избавившись от детей ка'ана [Гуйука], он обратился к чагатайцам. В то время на троне отца восседал Ййсу-Манку ибн Чагатай , а во главе войск стоял Бури, сын его брата. Они (Ййсу-Манку и Бурй) (в то время) были довольно могущественны, обладали [достаточной] территорией, властью, оружием, бесчисленным и сильным войском. Он [Манку] посоветовался в отношении их [чагатаидов] с тем, кто имел верные сведения – ведущим из вазйров, который посоветовал ему возвести на трон Чагатайа его внука Кара-Хулаку ибн Мйтукана ибн Чагатай, находившегося при Манку-хане. Он [Кара-Хулаку], полагаясь на свое родство с ним через свою супругу Уркина Суруггани – со стороны матери Манку-хана, отправился к Манку-хану с жалобой на своего дядю Ййсу-Манку, что тот отнял царство, которое ему завещал дед Чагатай, и просил, чтобы он [Манку-хан] (вернул ему) трон его деда Чагатайа. Манку-хан разрешил [Кара-Хулаку] позвать его брата Бури к себе, чтобы тот развязал (для него) этот узел своими руками. Когда посланник Кара-Хулаку прибыл к старшему брату Бури ибн Мйгукан и известил о том, что его брат обещал власть для него, тот оказал сопротивление своему дяде, изменив отношение к нему. Желая власти, он не понял, что его толкают на гибель. Однажды он [Бури] зашел к своему дяде и сказал: «Отвечай хану, о дядя». [Тот] спросил: «А кто Хан?» [Бури] ответил: «Манку-хан». Сказал [дядя]: «Удивительно, но до сегодняшнего дня он не был ханом для тебя, как же Манку сегодня вдруг стал им?» Он [Бурй] ответил дяде: «Он – хан, и нам надлежит повиноваться ему». И дядя был вынужден присоединиться (к нему) прошв своей воли. Он не понимал, что своим обманом он ведет себя к гибели: И отправился он, но не ведал, что приготовила ем усадьба, Видящие стали слепыми, как удивительно, когда заявляется судьба – взоры не видят. Когда они прибыли в ставку Манку-хана, то [люди] изолировали их. Судьба была уже определена, потому что они попали, как птица, в силки удушающей веревки. Первым из них был взят и закован Бурй и тотчас отправлен на повозке к тому, кто стоит на страже жизни [палачу]. С ними было покончено».

гу применили прием, успешно сработавший в отношении Ширамуна и Наку в 1249 г. Пообещав ярлык на правление не только Кара-Хулагу, но и Бури, они внесли раскол в лагерь Чагатаидов, что привело к полному разгрому последних.

Остается лишь добавить, что Кара-Хулагу также не удалось воспользоваться правом на престол своего деда, а Чагатаидам сохранить реальную политическую самостоятельность своего улуса. В 1251 г. по ярлыку Менгу ханом улуса Чагатая стал Кара-Хулагу. Однако по пути в свои владения в районе Алтая он внезапно, и крайне своевременно для Толуидов, скончался. Право казни Есу-Менгу принадлежало Кара-Хулагу, но ее осуществила его вдова Оркина-хатун уже после смерти мужа. Она стала регентом, так как ее и Кара-Хулагу сын Мубарак-шах был еще слишком мал [2, с. 431; 17, с. 97, 140; 34, p. 376, 410]. Естественно, как регент при малолетнем правителе, она находилась под полным контролем каана Менгу.

Можно заключить, что при написании официальных исторических работ в Монгольской империи и отдельных ее улусах действовали определенные цензурные ограничения. Они были направленны на корректирование описаний исторических событий, способных подорвать легитимность правящей династии. В случае с курултаями 1249 и 1251 гг. основная задача толуидской цензуры заключалась в том, чтобы показать действия Менгу и Бату как абсолютно законные и соответствующие нормам Ясы Чингиз-хана. Их противники Угедеиды и Чагатаиды описывались как заговорщики, выступавшие против коллективного решения «золотого рода» и готовившие попытку государственного переворота.

В реальности события 1249 и 1251 гг. представляли собой сложную комбинацию политических интриг, в которой Бату и Менгу выступали как вполне активные действующие лица. Место для проведения первого курултая в 1249 г. было выбрано не случайно. Алакамак, хотя и являлся джучидской территорией, но находился на самой границе с владениями Угедеидов. Там их представители могли чувствовать себя в относительной безопасности. Бату воспользовался разногласиями в лагере противников, где на престол претендовали сразу двое кандидатов: Ширамун по завещанию Угедея и Наку по завещанию Гуюка. Заверив каждую из угедеидских партий в собственной поддержке в деле выдвижения на престол, Бату убедил их отправить на курултай представителей нойонов с правом признания его решения и подписи. Но, как только представители Угедеидов оказались в его власти, Бату выдвинул на рассмотрение кандидатуру Менгу, которую собравшиеся царевичи единогласно поддержали. Решение было вполне легитимно, так как на курултае присутствовали старшие представители всех четырех домов, в том числе шестой сын Угедея Кадан, старший сын Чагатая Муджи Яя и внук Чагатая и наследник по его завещанию Кара-Хулагу. Представители же Ширамуна и Наку перед курултаем получили распоряжение официально признать любое его решение, поэтому вынуждены были подчиниться.

Но проведение второго курултая в Монголии затягивалось. Ширамун и Наку отбросили разногласия и вступили в союз, а сил Толуидов и джучидского корпуса под командованием Берке, направленного Бату в Монголию, было явно недостаточно для военного подавления Угедеидов. Первоначально курултай должен был быть проведен в коренном юрте Чингиз-хана на Керулене, который контролировали Толуиды. Но, Угедеидов и Чагатаидов такой вариант не устраивал, так как вынуждал их отправляться на территорию, подконтрольную политическим конкурентам, попадая при этом в полную зависимость от их воли. Поэтому ближе к 1251 г. место проведения курултая было перенесено в район Каракорума, на территорию Угедеидов.

Участники, прикочевавшие туда со своим войсками, должны были оставить их и прибыть в назначенное место с небольшими отрядами вооруженной охраны, численность которых была строго оговорена. При этом, Ширамун и Наку с одной стороны и Менгу и Берке с другой, готовили силовые акции против конкурентов. Угедеиды вели на встречу вооруженный отряд численностью в пятьсот человек (вместо оговоренных тридцати). Но, Толуиды и Берке оказались к этому готовы. Они провели процедуру интронизации раньше на несколько дней и в тоже время скрытно подвели туда отряд в несколько тысяч человек. Ширамун и Наку были окружены и арестованы. Та же участь ожидала прибывших на курултай Есу-Менгу и Бури. В то же время войска Толуидов и Джучидов начали масштабную акцию по окружению и разгрому лишенных руководства угедеидских и чагатаидских войск и аресту лояльных арестованным царевичам нойонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джексон П. Распад Монгольской империи // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 50–83.
2. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
3. Долбе В. О скорости и маршруте передвижения путешественников середины XIII века на пути из Сарая-Бату в Каракорум и обратно. 2012. URL: http://annales.info/step/dolbe/2karakorum.htm?ysclid=luqlqnxxls427865606 (дата обращения 24.10.2024).
4. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.

5. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 410 с.
6. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
7. Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. с древнеармянского предисловие и примечания Л.А. Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 357 с.
8. Костюков В.П. О Сартаке или Где решалась судьба Ирана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2005. №.4. С. 279–282.
9. Костюков В.П. Улус Джучи и Синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. №1. С. 169–207.
10. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С. 43-98.
11. Костюков В.П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. №2. 2009. С. 69–89.
12. Порсин А.А. Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. № 1. 2023. С. 24–36.
13. Порсин А.А. Политическая цензура и историческая пропаганда в монгольских государствах XIII – начала XIV веков на примере сюжета о взятии Ургенча // Stratum plus. №5. 2024. С. 333-348.
14. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.
15. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
16. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.Л.: Издательство АН СССР, 1952. 197 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.
18. Хаутала Р. Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. М.: Индрик, 2021. С. 199–208.
19. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т.3. М. 2009. 336 с.
20. Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
21. Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-Shih // Zentralasiatische Studien. №10. 1976. S. 117–167.
22. Abramowski W. Die chinesischen Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. №13. 1979. S. 8-71.
23. Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley and Los Angeles, 1987. 278 p.
24. Atwood C. The Date of the ‘Secret History of the Mongols’ Reconsidered // Journal of Song-Yuan Studies. №37. 2007. p. 1–48.
25. Atwood C. Jochi and the Early Western Campaigns // How Mongolia Matters: War, Law, and Society. Leiden Brill. 2017. p. 35–56.
26. Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Reexamination (Part B) // Studia Islamica. №. 34. 1971. p. 151–180.
27. Beazley C.R. Dawn of Modern Geography. vol. 2. London, 1897.
28. Jackson P., Morgan D.O. The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255. Translated by Peter Jackson; introduction, notes and appendices by Peter Jackson with David Morgan. London: Hakluyt Society, 1990. 312 p.
29. Kamola S. Making the Mongol History: Rashid al-Din and the Jami‘ al-Tawarikh. Édimbourg: Edinburgh University Press, 2019. 310 p.
30. Kim Hodong. A Reappraisal of Güyüg Khan // Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World. Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. 2005. p. 309–338.
31. Hambis L. Supplément: Le Chapitre CVII du Yuan Che. T'oung Pao, Second Series, vol. 38, 1945, 181 p.
32. Lech K. Das mongolische Weltreich. Al-‘Umari’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik alamsar. Asiatische Forschungen. Bd. XXII. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. 475 p.
33. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté // Revue de l’Orient chrétien. vol. 8. №28. Paris: Bureau des oeuvres d’Orient; Librairie Alcide Picard, 1931. p. 3-84.
34. Rashiduddin Fazlullah’s Jami‘u’t-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. 819 p.
35. Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1253–1255, as Narrated by Himself, with Two Accounts of the Earlier Journey of John or Pian de Carpine. London, 1900.
36. Shahgedanova M. The Physical Geography of Northern Eurasia. Oxford University Press, 2002. 596 p.

37. Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 [810 A.D.] to A.H. 658 [1260 A.D.] and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu- 'Umar-i-'Usman Jawzani. vol. 2. London: Gilbert and Rivington, 1881. 1296 p.

Сведения об авторе: Артем Александрович Порсин – независимый исследователь (Магнитогорск, Российская Федерация); научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0009-0008-4517-5265, ResearcherID: rid49362. E-mail: porsinart@gmail.com

KURULTAIS OF 1249 AND 1251, AS A RESULT OF THE STRUGGLE OF THE CHINGIZID FAMILIES FOR POWER IN THE MONGOL EMPIRE

A.A. Porsin
Research Institute for Jochi Ulus Studies

The article examines the political struggle for supreme power in the Mongol Empire in the late 40s – early 50s of the 13th century. In 1249 and 1251, two kurultais were held, as a result of which Tolui's son Mengu became khaan, removing the descendants of his uncle Ogedei from power. Events of 1249–1251 were an important stage in establishing the legitimacy of the rule of this family. Therefore, in historical texts created under the control of the Toluids, such as the works of Juvayni and Rashid ad-Din, they were covered in an extremely tendentious manner.

Keywords: kurultai, Ögedeids, Chagataids, Toluids, censorship, Jochi ulus

About the author: Artem A. Porsin – Independent Researcher (Magnitogorsk, Russian Federation); Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0009-0008-4517-5265, ResearcherID: rid49362. E-mail: porsinart@gmail.com

УДК 94(47)

ОФОРМЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ УЛУСА ДЖУЧИ

И.М. Миргалеев
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена вопросу получения независимости и оформлению политической самостоятельности Золотой Орды в первой половине XIII-го века. Подчеркивается большая роль первых джучидов, таких как Бату, Берке и Менгу-Тимур во всемонгольских делах, их влиянии на политику Монгольской империи. Джучиды видели свою цель в юридическом закреплении своего суверенитета и признания этого факта со стороны других чингизидских правителей. Поэтому они стояли за организацией всемонгольских курултаев 1251 и 1269 годов, решения которых были важным этапом в становлении независимости Улуса Джучи.

Ключевые слова: Улус Джучи, Бату, Берке, Чингизиды, западный поход, таласский курултай

Становление Улуса Джучи и оформление ее в качестве независимой политии заняло несколько десятилетий. Хотя еще при создании самой Монгольской империи в далеком 1207 году Чингиз-хан выделил старшему сыну Джучи отдельный улус, однако расширение ее границ и оформление политической самостоятельности происходило вплоть до конца 60-х годов XIII века.

Безусловно, Джучи управлял своим улусом как суверен и представитель власти Чингиз-хана. Как его сын, он сам представлял из себя Монгольскую империю. После смерти Джучи в 1225 году [1, с. 76], его многочисленные сыновья занялись расширением улуса своего отца. Это все еще время становления Монгольской империи и все чингизиды занимались расширением территории империи. Однако, после панмонгольского второго западного похода Улус Джучи сильно расширил свою территорию, а империя начала устанавливать свою власть и на новозавоеванных землях на западе. Достаточно сказать, что западный поход хотя и возглавлял сын и преемник Джучи знаменитый Батый, однако решение о походе было принято на всемонгольском курултае 1235 года [9]. Полководцы были под властью хакана Монгольской империи Угедея. Официально это решение было продиктовано выполнением «завещания» Чингиз-хана, согласно которой все земли на западе должны были принадлежать его старшему сыну Джучи. Однако панмонгольский характер интервенции на запад, когда в поход были отправлены все принцы чингизиды, а не только джучиды, ясно показывает, что после этого Улус Джучи должен был попасть под сильную власть имперских структур. К тому же, другие линии чингизидов также должны были иметь свои территории на западе и получать с них доходы.

Именно после западного похода мы фиксируем наличие в Улусе Джучи имперских чиновников и сборщиков налогов. Безусловно, Угедей выполняя завещание Чингиз-хана, не только расширил улус старшего брата, но и хотел поставить под контроль центральных властей джучидов. Во время западного похода (1236–1242 года) параллельно с завоеваниями устанавливали власть империи. Но после смерти хакана Угедея западный поход был остановлен и чингизиды вернулись в Каракорум для избрания нового хакана.

Джучиды же остались на новозавоеванных землях и начали укреплять свою власть. Хотя империя оставила своих представителей, но в условиях неразберихи в Каракоруме джучиды воспользовались данной ситуацией и как показывает дальнейшие события сильно укрепили свою власть и уже во время хакана Гуюка начали вести себя как вполне равные хаканской власти [2]. Джучиды из имперских институтов сохранили баскаков, но не дали укрепиться представителям других чингизидов.

В источниках есть явные доказательства о непростых отношениях Джучи со своим отцом [1, с. 75] и в дальнейшем его сыновей с двоюродными братьями – угедеидами и чагатаидами. Конфликт во время западного похода между двоюродными братьями даже стал предметом разбирательства на уровне хакана Угедея [8, с. 148–149].

Изначальная конфликтная ситуация в семье Чингиз-хана явно влияла на поведение джучидов и была причиной их недоверия Каракоруму. Уход чингизидов после остановки западного похода джучиды использовали в свою пользу и включили часть политической элиты завоеванных народов в состав правящей прослойки нового государства. Тем самым политическая элита Улуса Джучи была замкнута на джучидах и не имела связей с Монголией. Учитывая и тот факт, что сами джучиды и их приближенные не жили в Монголии и родились и выросли в улусе своего отца в прииртышье, становится понятным, почему они не стремились в Монголию. Также это показывает общий настрой политической элиты Улуса Джучи по отношению к метрополии и к другим чингизидам. После западного похода джучиды превратили По-

волжье в центр своего государства. Функцию столицы в 40-х годах XIII века выполнял город Болгар на Среднем Поволжье. В последующем джучиды организовали глобальную стройку нескольких городов на Нижнем Поволжье и переместили туда центр страны. Для них интересы своей страны было превыше чем интересы империи, где к ним отношение явно было враждебное.

Бату вел себя как независимый правитель и всячески старался укрепить свою власть. Были созданы новые административные единицы, правительство, установлены налоги, начали восстанавливать и строить города и активизировать торговлю. На огромной территории от Иртыша до Дуная и от Кавказа до северных пределов булгар и русских княжеств строилось новое государство, которое стало известным под названием Золотая Орда.

Явная ликвидация имперских институтов на территории Улуса Джучи происходило уже при Бату. На это указывает смещение Батыем Андрея Ярославича с великого владимирского княжения и назначение на его место Александра Невского в 1252 году.

Происходила чистка в политической плоскости в Улусе Джучи. Сторонников империи лишили власти или переподчинили себе. Джучиды были настроены очень серьезно и сумели переформатировать даже имперскую власть. В 1251 году джучиды и сыновья младшего сына Чингиз-хана Тулуя организовали всемонгольский курултай. Угедеиды и чагатаиды были практически уничтожены. К власти в Монгольской империи с помощью Бату пришел тулуйид Менгу. При этом Бату стал соправителем Менгу хакана. Но Джучиды не стремились в Каракорум, они предпочли оставаться в Дешти-Кыпчаке и продолжать укреплять личную власть в своем улусе.

Политику Бату продолжил его брат Берке. Хотя, после смерти Батыя Менгу хакан попытался укрепить свое влияние в Улусе Джучи через сына Бату Сартака [4, с. 54], но тот скоропостижно скончался и к власти пришел младший брат и соратник Бату Берке. Со смертью Менгу хакана в 1259 году договоренности между домами Джучи и Тулуя практически закончились. В это время два сына Менгу хакана Хубилай и Хулагу вели завоевания в Китае и на Ближнем Востоке и командовали имперскими войсками. Хаканом был объявлен Арык-буга, однако его не признали свои же братья, стоящие во главе двух крупных армий. Хаканом себя объявил Хубилай, началось открытое военное противостояние, в которое постепенно втянулись и другие чингизидские правители, прежде всего джучиды. Именно их помощь позволила продержаться некоторое время Арык-буге.

Берке не признал Хубилая и начал чеканить монеты со своей тамгой [6], что было открытой демонстрацией своей независимости. После смерти Берке в 1266 году к власти пришел Менгу-Тимур, который начал чеканить монеты от своего имени. Именно при нем и произошло юридическое оформление суверенитета Золотой Орды.

Менгу-Тимур начинает активно «восстанавливать» дома Чагатая и Угедея в Средней Азии, как буферную зону между землями Хубилая и Джучидов. Именно благодаря поддержке джучидов, Хайду, внук Угедея смог восстановить улус своего деда. Правда, «восстановленный» «Улус Угедея» расположился на землях чагатаидов, которые также активно пытались выживать как отдельная полития. Джучидам крайне важно было «разорвать» связь между землями Хубилая и Хулагу. Для этого им нужно было установить мир на своих среднеазиатских границах и реанимировать остальные чингизидские дома. Оказалось, что чагатайцы воспряли и более того смогли победить союзника джучидов Хайду. Поэтому джучиды поменяли тактику и решили помириться с правителем чагатайцев Бораком. Борак был остановлен благодаря джучидам, которые отправили против него большой воинский контингент [7, с. 70]. Джучиды не стали добивать Борака, в сложившейся ситуации он был крайне важен для противостояния против Хубилая и Хулагу. Поэтому они послали к нему родственника Хайду – Кипчака, который был дружен с Бораком и заключили мир. Они решили поставить точку во всех накопившихся проблемах. Было решено организовать курултай.

Таласский курултай является последним всемонгольским съездом и датой заключения мира между чингизидами из дома Джучи, Чагатая и Угедея, где были установлены границы их владений и признаны два новых улуса тулуйидов: Улус Хубилая и Улус Хулагу, возникновение которых не имело отношение к завещанию Чингиз-хана, и не было до этого урегулировано. И Хубилай и Хулагу пока имели только статусы главнокомандующих войск, отправленных для новых завоеваний.

Курултай 1269 года поставил юридическую точку в процессе распада Монгольской империи. Как и во время курултая 1251 года, так и в 1269 году за организацией съезда стояли джучиды. У них была цель, юридически закрепить признание своей независимости со стороны других чингизидских правителей.

Чингизиды из дома Джучи, Чагатая и Угедея собрались на курултай в 1269 году в Таласской долине, в местечке Йанги Тараз (территория современного Кыргызстана) [5, с. 71], на землях подконтрольной Хайду, за которым стояли джучиды. Этим участники давали понять своим соперникам из дома Тулуя, что они возвращают внутридинастийные споры к временам законного хакана Угедея, назначенного в свое время официальным преемником самого Чингиз-хана на семейном совете, где присутствовали сам основа-

тель империи и все первые принцы [8, с. 137]. Тем самым, обойдя вопрос интронизации потомков Тулуя, младшего сына Чингиз-хана.

Участники Таласского курултая юридически разделили империю Чингиз-хана, и официально признали друг друга независимыми государствами, попутно объявив и о союзе между тремя чингизидскими державами [3]. С этого периода Менгу-Тимур принял титул хана (император). Также и другие чингизидские правители Хайду и Борак начали именоваться ханами. Тем самым таласский курултай официально поставил точку в вопросе оформления Улуса Джучи как независимого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М. Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

2. Миргалеев И.М. Новые приоритеты во взаимоотношениях чингизидов после смерти Угедея // Золотоордынское наследие. Выпуск 1. Казань, 2009. С. 42–45.

3. Миргалеев И.М. Распад Монгольской империи: таласский курултай // Золотоордынское наследие. Выпуск 3. Казань, 2019. С. 47–50.

4. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003.

5. Петров П.Н., Камышев А.М. Йанги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 266–282.

6. Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.

7. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том III. М.-Л., 1946.

8. Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А. Козина. М., 2002.

9. Mirgaleev I.M. Kurultai of 1235: Question of Expansion of the Ulus of Jochi // Golden Horde Review. 2014, no. 3(5), pp. 22–30.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

FORMATION OF POLITICAL INDEPENDENCE OF THE ULUS OF JOCHI

I.M. Mirgaleev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The article is devoted to the issue of gaining independence and formalizing the political autonomy of the Golden Horde in the first half of the 13th century. The major role of the first Jochids, such as Batu, Berke and Mengu-Timur in all-Mongol affairs and their influence on the policy of the Mongol Empire is emphasized. The Jochids saw their goal in legally securing their sovereignty and recognition of this fact by other Chinggisid rulers. Therefore, they stood behind the organization of the all-Mongol kurultais of 1251 and 1269, the decisions of which were an important stage in the formation of the independence of the Ulus of Jochi.

Keywords: Ulus of Jochi, Batu, Berke, Chingizids, Western campaign, Talas kurultai

About the author*:* Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

УДК 94/904

ГОРОД САРАЙ: О НАИМЕНОВАНИИ СТАВКИ ПРАВИТЕЛЕЙ УЛУСА ДЖУЧИ

Д.В. Васильев
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астраханский музей-заповедник

В статье рассматривается этимология происхождения названия столицы Улуса Джучи на Волге – города Сарая. Автор исходит из широко известного положения, что в Золотой Орде власть концентрировалась в кочевой ставке – орде. Именно кочевая орда как центр власти, периодически посещала окрестности городов, при этом города эти также становились центрами власти. Однако в отсутствие ханской ставки город переставал быть центром власти. На основании лингвистического анализа в статье выдвигается предположение, что само слово «Сарай», имеющее персидское происхождение, являлось дословным переводом тюрко-монгольского термина «орда» – «ставка». Именно таким термином и предлагается переводить название золотоордынской столицы, в отличие от устоявшейся формы перевода «дворец». Термин «ставка» был более понятен и приемлем для представителей кочевой аристократии Улуса Джучи XIII века, чем термин «столица» или «дворец». На основании вышесказанного автор предполагает, что все золотоордынские города, в составе названия которых есть корень «сарай», в своё время являлись местоположениями ханской ставки. Большое внимание уделяется аргументации локализации Старого Сарая в окрестностях с. Красный Яр Астраханской области, Нового Сарая – на Селитренном городище в Астраханской области. Предполагается также, что некоторое время в конце XIII – первой половине XIV вв. ставка могла располагаться на городище Ак-Сарай (у пос. Комсомольский в Астраханской области).

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, город Сарай, Орда, ставка, столица

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-10086 «Город Саксин – столица неизвестной страны в дельте Волги (комплексные археологические исследования на Самосдельском городище)»

Данная статья посвящена некоторым вопросам интерпретации названия столицы Золотой Орды (Улуса Джучи). Общеизвестным фактом является наличие в Золотой Орде столичного населённого пункта с названием Сарай. При этом начиная с XIX века исследователями золотоордынской истории и археологии велись дискуссии по поводу количества золотоордынских столиц и их местоположения. Чуть ниже мы рассмотрим этот вопрос более подробно. В данном контексте следует рассмотреть ряд спорных вопросов, а именно: являлся ли Сарай первой столицей Улуса Джучи, сколько было столиц в Улусе Джучи, корректно ли вообще применять слово «столица» к местоположению правителя Улуса Джучи?

Г.А. Фёдоров-Давыдов, говоря об организации власти в Улусе Джучи, фиксирует двойственность его государственно-политического устройства, описывая оседлую ставку в городе и кочевую ставку – Орду [31, с. 63–67].

Слово «орда» или «орду», является общим для тюрко-монгольских языков и считается исконным в словаре этих языков. Его исходное значение–«юрта», «ханская юрта», «дворцовая юрта», «парадная юрта», из которого выросло новое значение – ставка, резиденция хана, правителя [32, с. 22; 9, с. 370; 26, с. 470–472]. Рядом с ханской ставкой (ордой) постоянно присутствовали значительные количества купцов, мастеров различных специальностей, слуг, у всех этих людей были семьи, юрты, обширное хозяйство. Перемещаясь по степи вместе с ханской ставкой, эти люди представляли собой огромный кочевой город. Такие кочевые города назывались орда-базар, буквально «орда-рынок», естественно, в восточном смысле этого слова. Ведь на Востоке, впрочем, как нередко и в Европе, рынок был не только торжищем, но и местом производства разнообразной продукции, например кулинарных изделий. В войнах кочевых владетелей орда-базар бывал нередко причиной степной кампании и ценным трофеем, который уводили на далекие расстояния, исчисляемые сотнями и тысячами километров [32, с. 22]. Так, в Устюжском летописном своде содержатся сведения о том, что в 1481 году хан Ивак (Ибак) напал на лагерь хана Ахмата, убил его и «ордабазар» его увёл с собой в Тюмень [30, с. 93–94]. Так неожиданно в отдаленных местах вдруг возникали города, которых раньше там не было. Из кочевых они могли превращаться в обычные города оседлых жителей.

Известен город Орда-Базар, который являлся центральной ставкой Синей Орды (городище располагается в 150 км к СЗ от Джезказгана. Здесь располагается мавзолей, известный как мавзолей Джучи-хана. Современные казахстанские историки считают Орда-базар первой столицей Улуса Джучи. Иногда термин

орда в смысле «ставка хана, правителя» приобретал дополнительное значение с прибавлением слов-эпитетов, например слова *сарай* в значении «дворец». Например, походная ставка Тамерлана называлась «Сарай-Ордум», или «Ордум-Сарай». Употреблялись также её наименования «Высокая Орда» [12, с. 108, 139, 156], или «Великая Орда» [12, с. 126].

Надо отметить, что синонимом слова *орда* выступало слово *брга-врга-врге*, имеющее в некоторых тюрко-монгольских языках и значение «свадебная юрта». Однако, слово *врга* в значении «ставка правителя» отражено в старом названии г. Улан-Батора – столицы Монголии. Оно звучит как *Урга*, поскольку столичный город вырос именно из ханской ставки [32, с. 23]. Другим синонимом слова *орда* является тюркское слово *уй* – обозначение всё тоё же юрты или любого жилого сооружения. В Семиречье была известна, например, ставка Чингизидов, именовавшаяся *Улуг-Иф* или *Улуг-эв* (или *Улуг-й/Улуг-Уй*) – «Большая (Великая, Старшая) Ставка». Известен монетный двор в Улусе Джучи под названием Орду ал-Муаззам, который функционировал в конце XIV – начале XV вв. [14, с.58–70].

В процессе семантического развития на тюркской почве слово *орда*, как и слова *урга* и *уй*, обросли многочисленными дополнительными значениями, такими как «войско, армия», «свита», «дворец, замок», «становище, стан, лагерь», «двор» или «резиденция правителя», «семья в кибитке», «жилище жен знатных людей», «очаг». Кроме того, слово *урга* стало означать «павильон, большой дом, замок, возвышение, крутое место, фундамент, храм, трон, престол, стоянка, ночлег, восход» и т.д. [26, с. 546–547]. Нас интересует, главным образом, слово *орда* в значении «дворец, замок», «резиденция правителя».

Персидские и арабские источники XIII – первой половины XIV в. знают только одно значение термина «орда». Для них это кочевая ставка, кочевая резиденция каана, хана или улусного держателя. В таком же значении этот термин встречается и в древнетюркских надписях (ставка, дворец), и в «Codex Cumanicus» (конец XIII в.), и в византийских сочинениях вплоть до XV в. [32, с. 63].

В значении ставки хана термин «орда» употребляется в ханских ярлыках их русских переводах в течение всего XIV в. Западные источники XIII–XIV вв. называют ордой именно ставку хана, а иногда шатер хана или бека в ставке. Аналогично употребление этого слова («волидо») китайскими источниками.

Ибн-Баттута так описывает орду хана Узбека: «Подошла ставка, которую они называют урду... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху; они варят (пищу) во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то шатры снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно..., подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [29, с. 205].

Орда, ставка хана, видимо, объединяла несколько орд-ставок: ставки его жен с их людьми и охраной и ставку самого хана с его свитой. «И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого Моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин», – так описывал орду Гильом де Рубрук [22, с. 92].

После завоевания практически всего мусульманского Востока – Средней Азии и Персии – монголы оказались в ситуации, когда огромное значение в культуре покорённых ими территорий и стран начинает играть персидский язык в качестве *лингва франко.* Культура Улуса Джучи испытывала огромное влияние персидской культуры за счёт колоссальной эмиграции во владения Джучидов из Персии после окончательного завоевания остатков Багдадского халифата ханом Хулагу. Так, например, известно об ордынских дипломатах – мусульманах в годы правления Туда-Менгу («кыпчацкие правоведы» «Меджддеддин Ата со своим спутником Нуреддином» [29, с. 68–69]) и Тохты (послы в Египет «Алаэддин Али и товарищ его, сын Ахиабкара» [29, с. 123]). Из сочинения Эльмуфаддаля мы узнаѐм о посольстве египетского султана в Орду: «Когда они приблизились (к орде), то их встретил визирь Шерефеддин Эльказвини, который разговаривал по-арабски и по-тюркски...» [29, с. 192]. Даже такая важная государственная должность, как должность визиря, была отдана мусульманину, судя по нисбе, выходцу из Багдадского халифата [2, с. 20].

Культурные связи Улуса Джучи и Персии были чрезвычайно сильны – это проявляется и в архитектурных традициях, и в традициях изготовления керамики, и во многих других элементах материальной культуры. Насколько велико было влияние персидской духовной культуры, говорит даже тот факт, что одна из ханских резиденций XIV в. в Нижнем Поволжье носила название Гюлистан, что является отсылкой к средневековой персидской поэме «Гюлистан-и Ирем» («Райский сад»). Многочисленные надписи на посуде, на архитектурных деталях, которые обнаруживаются в ходе археологических исследований на Нижней Волге, сделаны именно на персидском языке. Вполне логично, что именно на персидский язык был дословно переведён термин *орда.* Давайте ещё раз проанализируем термин *Сарай*, который традиционно переводится с персидского на русский язык как «дворец».

Современный электронный словарь Abadis переводит это слово следующим образом:

Значение слова سرای (sarāi) и его синонимы в персидском языке:

خانقاه(xāneqah) – место дома منزل، (manzel) – квартира مسکن، (maskan) – место жительства جا، (jā) – место برج، (borj) – башня, форт نشیمن، (našiman) – жилище; обитель; жильё; خانه، (xāne) – дом اهل خانه، (ahl-e xāne) – место дома جایگاه، (jāigāh) – место اهل بیت، (ahl-e beit) место дома محل سکنی، (mahal-e sakani) – место жительства منزلگاه، (manzelgāh) – место квартиры.

Согласно словарю Фасмера, слово *сарай* происходит от среднеперсидского slʾd (srāy, «зал, дом»), от древнеперсидского *srāda, от протоиранского *thraya («защищать»), от протоиндоевропейского *trā-yo-, суффиксной формы *terh- («переходить»).

Можно сравнить со старо-армянским ս ր ահ (CPA, «зал; занавес»), ս ր ահ ակ (srahak, «занавес»), еврейско-персидским סראה(srāh, «преддверие»), арабским سُرَادِق(surādiq, «тент, палатку, павильон, навес»), и классическим Мандейским (sradqā, «шатер, навес; штора»).

Итак, главными значениями слова *сарай* являются в современном персидском значения «дом, место дома», но в основе своей это слово имеет происхождение от слов «занавес, тент, палатка, навес», то есть «лёгкое переносное жилище». Ещё одним семантическим значением слова *сарай* является значение «местопребывание государя».

Таким образом, мы видим практически полную кальку с тюрко-монгольского термина орда и вправе предположить, что именно термин орда был переведён на персидский язык словом сарай. Таким образом, более правильным переводом названия столицы Улуса Джучи в Нижнем Поволжье на современный русский язык был бы перевод в варианте «ставка» или «орда». В кочевом обществе, которое представлял собой Улус Джучи в XIII веке, именно такой вариант перевода был бы понятен элите. Вполне вероятно, что для реалий Золотой Орды вообще было бы корректнее применять термин «ставка» вместо термина «столица». В условиях постоянного перемещения ханского двора столица, то есть центр управления государством, располагалась там, где располагался носитель центральной власти. Поэтому функции столицы выполняли попеременно то города, то кочевые ставки.

На основании этого мы можем расширить и продолжить наши предположения. Вполне вероятно, что все города Золотой Орды, в составе названий которых есть слово *Сарай*, в тот или иной момент времени являлись ставками хана. Таких городов в Улусе Джучи довольно много, и часть из них располагается в Нижнем Поволжье. Это, прежде всего, город Сарай или Старый Сарай, это Новый Сарай или Сарай ал-Джедид, это город Ак-Сарай, располагающийся предположительно на месте городища у пос. Комсомольский, это Сарайчик к северу от современного Атырау.

Вопрос о локализации первой столицы Золотой Орды был рассмотрен А.В. Пачкаловым [16, с. 60–62; 18, с. 73–74; 19, с. 122–128; 20, с. 171–180; 21, с. 75–76; 15, с. 332–340; 17, с. 131–183], С.Ю. Скисовым [28, с. 375–384] и мною [2; 3; 4, с. 165–176; 5, с. 436–445]. Суть его заключается в том, традиционная точка зрения о расположении первой столицы Золотой Орды на Селитренном городище, а второй на Царёвском была подвергнута критике на рубеже XX и XXI вв. На Царёвском городище в настоящее время исследователями локализуется город Гюлистан, а на Селитренном – город Сарай ал-Джадид [1; 8, с. 345–350; 10; 23, с. 122–127; 24, с. 182–183; 25]. Выдвигавшаяся В.Г. Рудаковым и Е.Ю. Гончаровым первоначальная гипотеза о местоположении двух столиц Золотой Орды – Нового и Старого Сараев – на Селитренном городище была подвергнута критике со стороны И.В. Волкова, указавшего на многочисленные письменные и картографические свидетельства существования двух столиц в Золотой Орде [6; 7, с. 119–120], и А.В. Пачкалова [16, с. 60–62]. Надо сказать, что в более поздних статьях В.Г. Рудаков продемонстрировал, что уже не держится за эту точку зрения [24, с. 122–127], давно пересмотрел её и склоняется ко мнению, о котором речь пойдёт ниже. Точно так же давно пересмотрел свои взгляды и Е.Ю Гончаров.

В настоящее время в качестве возможного местонахождения города, основанного Бату в XIII веке, рассматривается Красноярское городище, располагающееся примерно в 40 км к СВ от Астрахани, на северо-восточной границе дельты. Основаниями для такого предположения являются, во-первых, результаты анализа монетного материала, происходящего как с поверхности и культурных слоёв городища, так и из захоронений могильника Маячный бугор, который соотносится с Красноярским городищем как его городской некрополь. Я не буду вдаваться в подробности нумизматических изысканий, отослав всех интересующихся данным вопросам к упомянутым выше статьям А.В. Пачкалова и С.Ю. Скисова. Скажу только, что согласно мнению этих авторов, имеющаяся информация, позволяет считать, что золотоордынский город, располагавшийся на месте Красного Яра, существовал уже во второй половине XIII в. Здесь найдены сарайские монеты XIII века, которые практически не обращались после правления хана Токты, а также монеты Укека, которые редко встречаются к югу от Саратовского Поволжья. Некоторые особенности монетного обращения Красноярского городища позволяют характеризовать его как крупный город. С.Ю. Скисов выделяет следующие особенности монетного обращения Красноярского городища: начало денежного обращения относится к началу 70-х г. XIII в., и достигает наивысшей активности в конце правления хана Токты – в начале правления хана Узбека. В 30-х гг. XIV в. денежное обращение резко сокра-

щается, а затем практически прерывается в 40-х гг., возобновляясь лишь через 10 лет, но уже в другом качестве [21, с. 75–76; 28, с. 375–384].

Во-вторых, основанием для рассмотрения Красноярского городища как возможного места локализации первой столицы Золотой Орды является наличие рядом крупного и богатейшего могильника Маячный бугор, оставленного представителями высшей золотоордынской знати. Здесь зафиксировано наибольшее на всей золотоордынской территории скопление захоронений с монетами и наибольшее в процентном отношении количество богатых захоронений (с золотыми и серебряными предметами). Ряд черт погребального обряда позволяют связать данные захоронения с выходцами с Дальнего Востока – чжурчжэнями, уйгурами или китайцами, исповедовавшими буддизм [5, с. 436–445; 11, с. 177–207]. Мною уже выдвигалось предположение о связи данной группы захоронений с высшей буддистской знатью Золотой Орды XIII- начала XIV вв. [2, с. 146–147; 3, с. 135]

Большое количество вышеописанных косвенных данных (поскольку о прямых речи быть и не может) позволяет довольно обоснованно предположить, что столица Золотой Орды в XIII веке находилась именно здесь. Д.А. Сиксимов в своё время задался вопросом – почему в Нижнем Поволжье отсутствуют клады монет чекана Сарая XIII века? Он предположил, что отсутствие кладов здесь связано с неразвитостью товарно-денежных отношений, а поскольку нет места концентрации монет чекана Сарая, то, видимо, монеты чеканились не в городе, а в кочевой ставке. Таким образом, ограниченная партия монет чекана Сарая ал-Махруса, обнаруженная на Селитренном городище, позволяет предположить, что этот эпитет относился не к Старому Сараю, а к Сараю Новому в качестве одного из его наименований [27, с. 117–126]. По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, перенос ставки правителя улуса был произведён в 1330-х годах из-за желания монгольских ханов окончательно порвать с традициями домонгольского времени, возможно – с влиянием старой знати. На момент написания работы «Общественный строй Золотой Орды» у исследователей ещё не было достаточных фактов на руках, которые позволяли бы достоверно судить о местоположении первой и второй столиц, а вследствие этого – и о причинах переноса, не были проведены детальные раскопки на памятниках дельты Волги, которые позволили бы судить о масштабах трансгрессии Каспия XIII–XIV вв.

Некоторые исследователи, касавшиеся проблемы локализации столицы Улуса Джучи в XIII–XIV вв. (В.П. Лебедев, С.Ю. Скисов) предполагали, что перенос столицы вызван природными причинами, а именно трансгрессией Каспия в начале XIV века. Если предположить, что ставка Бату располагалась около Красного Яра, то подъём Каспийского моря и увеличение подпора воды в реках не позволило бы кочевой орде переправляться в окрестности столицы с 1330-х гг., и это послужило причиной переноса столицы на более высокий левый берег Ахтубы и на 100 км выше по течению.

Весьма вероятно, что столица из окрестностей Старого Сарая была перенесена не сразу. Вторым местопребыванием зимней ставки мог стать город Ак-Сарай, который располагался на левом берегу Ахтубы около вершины волжской дельты и обслуживал один из самых удобных маршрутов переправы на правый берег в район города Хаджи-Тархана. На городище у пос. Комсомольский (Ак-Сарай), правда, не выявлены слои XIII века, однако рядом с ним имеется мавзолей, содержащий погребение с монетами мамлюкского султана Бейбарса, которое датируется второй половиной XIII века [13, с. 74–77]. Лишь с дальнейшим подъёмом воды ставка могла быть перенесена ещё выше, туда, где сейчас располагается Селитренное городище.

В заключение позволю себе ещё раз кратко перечислить основные выводы работы. Название города Сарая персидского происхождения, оно является полной калькой (переводом) тюрко-монгольского термина *орда*, обозначающего «кочевая ставка», «местопребывание правителя». Все золотоордынские города, в составе названия которых содержится слово *сарай*, являлись ханскими ставками. Город Сарай XIII века располагался в окрестностях райцентра Красный Яр Астраханской области. Город Сарай XIII века мог представлять собой кочевой лагерь – ставку-орду, поэтому его остатки следует искать на довольно обширной территории в окрестностях современного села Красный Яр в Астраханской области. Лишь на рубеже XIII-XIV вв., судя по наличию компактного могильника на Маячном бугре, оформилось оседлое городское ядро. Причиной переноса города на новое место было не стремление правителей Золотой Орды порвать с традициями домонгольского времени, а подъём уровня Каспийского моря и затопление традиционных бродов и мест установки лагеря ханской ставки в конце 1320-х – начале 1330-х гг. Перенос города в результате подъёма Каспийского моря происходил поэтапно, возможно, что функции местоположения ставки в конце XIII – начале XIV вв. мог выполнять город Ак-Сарай на левом берегу Ахтубы у главной переправы через Волго-Ахтубинскую пойму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варваровский Ю.Е. К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Гюлистана // Археологические вести. №7. СПб., 2000. С. 251–265.

2. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 170 с.

3. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009. 178 с.

4. Васильев Д.В. К вопросу о локализации первой столицы Золотой Орды на Красноярском городище // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Девятый выпуск. № 1. 2009. С. 165–176.

5. Васильев Д.В. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 436–445.

6. Волков И.В. Золотоордынская принцесса, современные «историки-новаторы» и город Сарай ал-Джедид, не связанные между собой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006.

7. Волков И.В. Источники о двух столицах Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 119–120.

8. Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк : ДонНУ, 2000. С. 345–350.

9. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.

10. Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царёвского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей. Ч. 2. Саратов : СГПИ, 1997.

11. Костюков В.П. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1-2, 2006. С. 177–207.

12. Материалы по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В. А. Ромодин. М : Наука, 1973. 283 с.

13. Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 74–77.

14. Пачкалов А.В. Города Нижнего Поволжья в XV веке. // Золотоордынская цивилизация. 2006. №1. С. 58–70.

15. Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 332–340.

16. Пачкалов А.В. К вопросу об интерпретации эпитета «ал-Джедид» (по материалам городов улуса Джучи) // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 60–62.

17. Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. XIII. Wiesbaden, 2004. С. 131–183.

18. Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія Східної Эвропи : матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3. С. 73–74.

19. Пачкалов А.В. Очерк по истории Старого и Нового Сараев – столиц Золотой Орды // Azerbaijan and Azerbaijanis. Азербайджан и азербайджанцы. Vol. 103–104, № 1–2. Baku, 2009. С. 122–128.

20. Пачкалов А.В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань : Инст. истории АН Татарстана, 2007. Вып. 8. С. 171–180.

21. Пачкалов А.В., Скисов С. Ю. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. М. : Нумизматическая литература, 2009. С. 75–76.

22. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. 272 с.

23. Рудаков В.Г. К вопросу о существовании двух Сараев и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: ГИМ, 1999. С. 122–127.

24. Рудаков В.Г. Город Сарай в системе международной торговли // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 182–183.

25. Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. ГИМ, 2000.

26. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.

27. Сиксимов Д.А. Проблема локализации Сарая XIII века в современной историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Выпуск 12. 2007. С. 117–126.

28. Скисов С.Ю. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 375–384.

29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 : Извлечения из сочинений арабских. СПб. : Тип. имп. АН, 1884. 564 с.

30. Устюжский летописный свод: (Архангелогородский летописец). Академия наук СССР. Институт истории. Ленинградское отделение. М.-Л.: АН СССР, 1950. 128 с.

31. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.

32. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 14–56.

Сведения об авторе: Дмитрий Викторович Васильев – кандидат исторических наук, доцент-исследователь кафедры истории, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; старший научный сотрудник отдела истории, Астраханский музей-заповедник (Астрахань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2346-8856. E-mail: hvdv@mail.ru

THE CITY OF SARAI: ABOUT THE NAME OF THE HEADQUARTERS OF THE RULERS OF THE JOCHI ULUS

D.V. Vasiliev
Astrakhan Tatishchev State University,
Astrakhan Museum-Reserve

The article examines the etymology of the origin of the name of the capital of the Ulus of Jochi on the Volga – the city of Sarai. The author proceeds from the well-known position that in the Golden Horde, power was concentrated in the nomadic headquarters – the Horde. It was the nomadic horde as the center of power that periodically visited the vicinity of cities, while these cities also became centers of power. However, in the absence of the khan's headquarters, the city ceased to be the center of power. Based on linguistic analysis, the article suggests that the very word "Sarai", which has a Persian origin, was a literal translation of the Turkic-Mongolian term "horde" – "headquarters". It is with this term that it is proposed to translate the name of the Golden Horde capital, in contrast to the established form of translation "palace". The term "headquarters" was more understandable and acceptable to representatives of the nomadic aristocracy of the 13th century Jochi Ulus than the term "capital" or "palace". Based on the above, the author assumes that all the Golden Horde cities, which have the root "sarai" in their names, were at one time the locations of the Khan's headquarters. Much attention is paid to the argumentation of the localization of the Old Sarai in the vicinity of the village of Krasny Yar in the Astrakhan region, and the New Sarai in the Selitrennoye settlement in the Astrakhan region. It is also assumed that for some time at the end of the 13th – first half of the 14th centuries, the headquarters could be located on the Ak-Sarai settlement (near the village Komsomolsky in the Astrakhan region).

Keywords: Jochi Ulus, Golden Horde, Sarai city, Horde, headquarters, capital

Financial Support: The paper was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10086 "The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga Delta (comprehensive archaeological research at the Samosdelka settlement)"

About the author: Dmitry V. Vasiliev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Department of History, Astrakhan Tatishchev State University; Senior Researcher, Department of History, Astrakhan Museum-Reserve (Astrakhan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2346-8856. E-mail: hvdv@mail.ru

УДК 94(47).031

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТАРОТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Ф.Ш. Нуриева
Казанский федеральный университет

В работе представлены результаты исследования по изучению начального этапа становления татарского литературного языка. *Целью работы* является установление специфики функционирования общетюркской литературной традиции в золотоордыский период, определение основных параметров литературного языка исследуемого периода, показать, что золотоордынекий период является важнейшим этапом становления регионального варианта – старотатарского литературного языка. *Материалом исследования* является литература Золотой Орды, представленная письменными памятниками религиозно-дидактического и светского содержания, созданных в культурных центрах: в Сарае, Хорезме и мамлюкском Египте, написанные местными писателями и выходцами из Золотой Орды. *Результаты и научная новизна.* На основе обследования литературных памятников разного содержания и словаря «Codex Cumanicus» показано, в эпоху Золотой Орды происходит наложение двух традиций: караханидско-уйгурской, восходящей к традициям предшествующих периодов, и новой, основанной на региональном кыпчакском койне. Полученные результаты интерпретируются через понятия «норма» и «вариативность», для анализа использована статистическая обработка материала. Языковые особенности исследованных памятников свидетельствуют о возникновении ареального варианта литературного языка Поволжского региона, старотатарский литературный язык.

Ключевые слова: Золотая Орда, караханидско-уйгурская традиция, кыпчакское койне, старотатарский язык, языковая норма

Среди тюркских языков татарский считается старописьменным языком и имеет непрерывную письменно-литературную традицию. Литературный язык является важнейшим атрибутом общей духовной культуры народа, посредством литературного языка выражается ход и результаты художественного, научного, философско-религиозного, политического и административно-юридического мышления народа. Литературному языку в отличие от общенародного устно-разговорного языка характерны дополнительные признаки как обработанность, наддиалектный характер, функционально-стилистическая вариативность, наследование престижной традиции. Литературный язык не может рассматриваться вне конкретно-исторических событий в жизни народа. Ко времени создания золотоордынских письменных памятников сложилась следующая этнолингвистическая ситуация.

К началу XIV в Поволжье, Приуралье и северном Хорезме, на огромном пространстве Великой Степи, данная территория в источниках традиционно именовался «Дашт-и Кыпчак» сформировалось мощное авторитарное государство Улус Джучи или Золотая Орда, в котором процветали центры городской культуры, активно развивалась культурная и экономическая жизнь. В Золотой Орде выделяются культурные центры: Северный Хорезм, Поволжье, с XIV века появляется третий очаг – мамлюкский Египет, где выходцы из Золотой Орды создали многочисленные произведения.

При поддержке ханской администрации, интенсивно развивались десятки крупных городов. Согласно исследованиям В.Л. Егорова, общее число городов и населенных пунктов Золотой Орды, основанных самими монголами и существовавших до их прихода (наиболее ярким примером служит Великий Булгар, бывшая столица Волжской Булгарии (остатки находятся в Татарстане), где была начата чеканка первых монет), составляет 110 объектов [2, с. 75–141]. Данные о развитии городов в Улусе Джучи могут быть весьма показательны для характеристики культурно-лингвистического фона в рассматриваемый период.

С ростом городов появляется новая социальная сила – городское койне, языковую основу которого составлял язык кыпчакского типа. По единодушному мнению большинства исследователей, государственным языком Золотой Орды был кыпчакский [11; 12, с. 81–82; 21, с. 94–101]. Устно-разговорный койне золотоордынского периода зафиксирован в многочисленных арабско-кыпчакские глоссариях, грамматиках XIII–XIV веков как «Таржумани турки вэ гараби», (1245 г.), словарь «Китаб ал-идрак ал-лисан ал-атрак», составленный Абу Хайаном 1312 году и др. Среди словарей особое место занимает «Codex Cumanicus» (1303), который является крупнейшим письменным памятником кыпчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кыпчакской группы. Язык «Codex Cumanicus» уже в

нем самом назван татарским: *«Иисус Христос битик тилинчэ, татарча «куткардачы...»* «Иисус Христос как написано на татарском, «спаситель» [23, p. 48, 83].

Крупные знатоки тюркских языков В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов считали наиболее близким к языку «Codex Cumanicus» кумыкский, карачаево-балкарский, караимский и особенно татарские наречия, из мертвых – половецкий. Известный татарский диалектолог Л.Т. Махмутова в своих исследованиях представила сравнительный анализ степени близости между татарским языком и языком «Codex Cumanicus» в области лексики, фонетики и грамматики [6, с. 68–153; 7, с. 117–143]. По мнению ученой: «Несмотря на сравнительно небольшой объем и своеобразную тематику текстов памятника, лексика их достаточно разнообразна и богата. Из общего числа слов (2223), включенных в команско-немецкий словарь В.В. Радлова, в татарском представлено 1781 слов (80%), подавляющее большинство которых составляет исконно-тюркские слова. Сравнительный обзор некоторых наиболее ярких фонетических и морфологических черт этих языков («Codex Cumanicus» и татарский язык) показывает, что они, несмотря на прошедшие почти семь веков, очень близки между собой» [6, с.71; 7, с. 140]. Об этом свидетельствует, в частности, регулярный **j**-признак: **-j**: *ajaq (96, 18, 163) «нога», bijik (130, 25) «высокий», qajγy (126, 11, 37) «горе», qajyn (97, 11) «береза», kij (12, 25, 151) «одевай».* Устойчиво наблюдается озвончение интервокального **-q-**, хотя есть и случаи его сохранения: *çγγar (124, 36, 142) «выпусти», saγγş (151, 11) «печаль», », joqary baqyp (83) «смотря вверх»* и др. Сочетание **–aγy, -uγu** регулярно отражается как дифтонг **-uw**: *avuz (41, 8) «рот», buzau (107, 27, 139, 14) «теленок».* Наблюдается вариативное написание *baγla ~ baula (163) «вязать».* Регулярно опускается конечное **-γ**: *bitti (119, 21, 148) «письмо», jamau (163, 3) «заплатка», tau (35, 31, 78) «гора»* и др. Достоинство этого памятника в том, что в своей основе ориентированы не только на разговорную речь, но, прежде всего, на доступность языка в тюркской среде. Именно поэтому памятник ценен как образец фиксации разговорного стиля в кыпчакских диалектах XIV века.

В начале XIV века было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов. Мусульманские духовные лица оказывали существенное воздействие на становление в Золотой Орде феодального общественного сознания, письменности, литературы и культуры в исламской религиозной форме [20; 21; 22; 5; 4 и др.]. Исследование социально-культурной жизни центров Золотой Орды позволяет сделать два важных вывода:

1) в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кыпчакской языковой группы;

2) культурная среда, наличие административных центров, мусульманская образованность, представленная медресе, улемами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создание на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей: ярлыки (Токтамыша (1392) и Тимура Кутлуга (1398), эпитафические памятники, научные труды (Ибн Арабшах (1388–1451), Амин аль-Холи), путевые заметки (записи Ибн Фадлана, Ибн Баттуты и др.), произведения по мусульманской юриспруденции («Иршад ал-мулук вас-салатин» (1383), глоссарии, важные источники о разговорном языке Золотой Орды.

Основную часть письменных памятников периода Золотой Орды составляют произведения художественной литературы. По сведениям Низами Арузи «Средневековая поэзия была ученой профессией, считалась «наукой наук». Она категорически требовала широкой образованности, писатель должен был обладать широкой эрудицией, литературной начитанностью: в ранней молодости он должен был заучить 20 тысяч стихов предшественников и прочесть 10 тысяч стихов современников, вдумчиво анализируя их мастерство [13, с. 59]. Достаточно интересное сведение по этим требованиям сохранилось в труде Берке Факиха по мусульманской юриспруденции «Иршад ал-мулук вас-салатин» (1387), текст принадлежит тому известному Берке Факиху, который в 1383 году в Искандерии переписал «Хосров и Ширин» Кутба. Берке о себе оставил информацию, что он из кыпчаков, известный в мамлюкском Египте как улем, поэт и переводчик. По нашему случаю примечательно его заявление о том, что, желал написать все свои мысли в стихотворной форме, используя стихотворный размер «Кутадгу билик», к сожалению, не смог реализовать этот замысел [24][1]. Эти слова для нас являются неопровержимым доказательством того факта, что караханидско-уйгурская традиция для тюркских носителей мусульманской культуры в Золотой Орде и в Египте была не «абстрактной моделью», а основывалась на реальном знании конкретных литературных текстов и, самое примечательное, крупного литературного памятника караханидской эпохи «Кутадгу билик» Йусуфа Баласагуни, о котором Берке говорит, спустя 200 лет.

Принятие ислама в Улусе Джучи привело к существенным изменениям в государственно-правовой сфере, ислам становится официальной идеологией. В этих условиях не случайно то, что основная масса художественной литературы представлена религиозной и религиозно-дидактической литературой: «Кысас ал-анбия» (КР) Рабгузи (1310), «Нахдж ал-Фарадис» (НФ) Махмуда ал-Булгари (1358); «Джумджума сул-

[1] Описание дается по исследованиям Р.Топарлы.

тан» (Дж) Хисама Кятиба (1369), «Кисекбаш китабы» (Кб). Однако грамотность и образованность населения, интересы правителей, влияние своих и восточных традиций вносили тематическое разнообразие, создавалась и светская литература: «Хосров и Ширин» (ХШ) Кутба (1383), «Мухаббат-наме» (МН) Хорезми (1353); «Гулистан бит-тюрки» (Гб) Сейифа Сараи (1391).

Упомянутые писатели, носители караханидско-уйгурской литературной традиции в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения, что способствовало сложению в наддиалектное койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. Золотоордынские источники известны не один десяток лет, они привлекали внимание нескольких поколений историков, тюркологов [3]. Положение о единстве литературного языка и об изменчивости его под влиянием живых диалектов составляли основу выдвинутой А.Н. Самойловичем периодизации письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации. А.Н. Самойлович придавал особое значение второму периоду, кыпчакско-огузскому, так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингиз-хана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-тюркских племен монгольского государства, кроме того, именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-тюркских литературных языков. Ученый прямо указывает на преемственность современного татарского языка относительно литературного языка Золотой Орды: «...казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» [19, с. 21]. В трудах С. Вахиди также подчеркивается, что «во второй половине XIV века в Золотой Орде существовал вполне обработанный местный литературный язык, отличающийся от уйгурского и так называемого чагатайского наречия» [1, фонд 53, опись 1].

Наши исследования языка художественной литературы подтверждают мнения ученых и свидетельствуют о воздействии народно-разговорного койне на складывающуюся в указанных условиях на норму письменно-литературного языка золотоордынского периода [14]. Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами нашли разные формы отражения в языке отдельных памятников. Это зависило от ряда факторов. Если обратиться религиозно-мусульманской литературе, общетюркская традиция оставалась более устойчивой.

В данной работе в качестве признаков, классифицирующих языковую принадлежность письменного памятника приняты следующие показатели: графическое выделение перебоев ا (алиф) (карах.-уйгур. традиция) и ایـ (алиф йай) (кыпчак койне); действие губной гармонии (карах.-уйгур. традиция) делабиализация (кыпчак койне); соответствие d~δ (карах.-уйгур. традиция) ~ j (кыпчак койне); сохранение смычного увулярного -q– в интервокальном положении (карах.-уйгур. традиция), озвончение -γ- (кыпчак койне); сохранение традиционных сочетаний -aγy, -aγu, -uγu, -yγy (карах.-уйгур. традиция); сохранение ауслаутного -γ и –g (карах.-уйгур. традиция), пропуск (кыпчак койне).

Из первых произведений, написанных в золотоордынский период, в 1310 году в северной части Хорезма относится «Кысас ал-анбия» Рабгузи (далее КР), который был чрезвычайно востребован в мусульманском мире, поэтому до наших дней дошло большое количество списков. Анализ его языка позволил выделить нормативные признаки караханидско-уйгурской литературной традиции в области фонетики и графики. Сравните: для языка КР характерно одновариантное графо-фонетическое оформление, 100% сохранение караханидско-уйгурской языковой традиции. Примеры: (алиф) типа ار – *är* "мужчина", устойчиво сохраняется губная гармония اوكوت (5-12) ögüt «стыд», كونكول (16-9) köŋül «сердце», орфографической нормой являются слова с – **δ** – графемой بوذلوع *(6-2) boδluγ «рослый»*. Последовательно сохраняется: – q – جيقار *(5-7) çyqar «отпусти»,* традиционные сочетания -aγ; -uγ: اغيز *(7-12) aγyz «рот»,* ساعيب *(17-3) saγyb «подоив» и др.*

Религиозно-дидактические произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (1358), «Джумджума султан» Хисама Кятиба (1369), «Кисекбаш китабы», написанные спустя 50 лет «Кысас ал-анбия», показывают другую языковую картину, новацией является вариативность использования традиционных форм и показателей кыпчакского разговорного койне, хотя нужно отметить, по статистическим данным превалируют традиционные языковые признаки. Особенно интересен в этом плане произведение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари. В силу своей коммуникативной установки Махмуд Булгари вполне конкретно представлял себе своего адресата. Во введении Булгари обращается своему читателю: «Үмид ол турур ким бу китапны окуганлар болгай ким бу китап сөзләри бирлә гамәл кылгайлар тәкый бу китап анларка Хак Тәгаләнең уштмахларынга йолчы болгай (НФ, с.17). ‘Надеемся кто прочтет эту книгу, будет жить сообразно словам этой книги, он будет для них путеводителем в рай’. Для установления контакта с читателем, убедить в своих наставлениях он привлекает труды богословов, увлекательные новеллы, мудрые притчи для наставления верности исламу. Для реализации коммуникативной установки автору

необходим был язык понятный, доступный своему читателю. Именно этим фактором можно объяснить использование черт разговорного языка, о чем свидетельствует фонетико-графическая вариативность использования традиционных и разговорных форм в оформлении лексики. Сравни: ار *är (366-14)* ~ ایر *ir (367-1) «мужчина»,* کجا *käçä (287-3)* ~ کیجا *kiçä (232-3) «вчера»,* یاروقی *(48-5, 262-2) jaruqy* ~ یاروغی*(246-2) jaruγy «его свет» и др.* Наблюдения над лексикой языка «Нахдж ал-Фарадис» показали, что каждое из ключевых понятий, особо важных для автора таких как «бог» представлено многочисленным синонимическим рядом из арабского, тюркского, персидского языков: Бир вә Бар (тюрк.) ‘Единственный и Существующий’, Тәңри (тюрк.) ‘Тенгри’, ‘Бог’, Парвардигяр (перс.) ‘Кормилец’, ‘Воспитатель’, Хак (араб.) ‘Истинный’, Хак Тәгалә (справедливый), Хак Тәбәрәкә вә Тәгалә (от араб. – Истинный, Благословенный и Всевышний), Рабб (от араб. – «господь; властелин»), Раббил Ғаләмин (араб. Господь миров), Баари (араб. – «творец, создатель») и др. Выбор слов из большого синонимического ряда помимо коранических имен Аллаха тюркские теонимы Тәңри, Бир вә Бар, скорее всего, объясняется тем, что в период становления ислама в Золотой Орде Махмуд ал-Булгари сохранил ряд региональных лексем, способствующих распространению ислама в Поволжском регионе. Оценивая язык произведений религиозно-дидактического содержания, следует отметить, что комплекс выделенных базисных признаков характеризует этот язык как продолжателя караханидско-уйгурской письменной традиции, несмотря на четкое проявление признаков кыпчакской языковой системы.

По анализированным материалам можем констатировать, что светская литература быстрее принимала новации. В языке «Хосров и Ширин» сохраняется караханидско-уйгурская литературная норма, а два других текста по своим базисным формам представляют кыпчакскую языковую норму. Объясняется это различие, прежде всего, тем, что автор произведения Кутб, будучи, видимо, из Поволжского региона, свою литературную деятельность связал с Сараем, создал в конце жизни по заказу правителя Тенибека данное произведение, причем, как установлено литературоведами, образцом для него послужило произведение Низами, язык которого был классическим литературным фарси [8]. Кутб, преподнося свое произведение правителю Золотой Орды, придерживался традиционного этикета, предполагающего высокий поэтический стиль, облаченный в поэтическую литературную форму языка, который в тюркской литературе того времени восходил к караханидско-уйгурской традиции. Представляется, что все эти факторы: высокая образованность Кутба, его преклонный возраст, заказной характер произведения со стороны хана, и традиционный придворный этикет повлияли на особенности языка поэмы «Хосров и Ширин» Кутба.

В языке «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейифа Сараи (1391) региональные кыпчакские показатели становятся языковой нормой, показывают графо-фонетическую идентичность лексемами из словаря «Codex Cumanicus». Во всех памятниках вместо традиционного [*ä*] одновариантное написание слов с кыпчакским показателем с ایـ (алиф йай): ایرین *irin (MH 362, 359) «губа»,* ایشی *(MH227) işi «его дело»,* ایشیک *(MH 80) işik «дверь»,* ایلی *(MH14) ili «его страна»,*ایشیک (Гб119-11, 125-9) ایشیک (Гб119-11, 125-9) işik «дверь», j – признака: ایاق *(MH277) ajaq «нога»*, ایاق *ajaq(Гб90v-2) «нога»*بوی (MH6,45) *boj «стан»* , *بوی (Гб70v-12, 180v-10, 15v-13, 77v-5, 179r-4, 181r-1) boj «стан»,* ауслаутное **-γ** всегда опускается: *اجی (Гб29v-2, 35v-4, 141r-4) açy «гневный, злой», یارلی (Гб179r-6) jarly «бедный», اولو (9r-13, 81v-8, 127v-12), اوزلی ای (MH302a) aj jüzle «луноликая», تاتلی (MH298в) tatly süzli «сладкоречивый»* и другие.

Надо отметить, что каждый из этих памятников есть конкретное и живое отражение языковой ситуации. Становлению региональных языковых показателей нормой в тексте «Мухаббатнаме» послужил заказчик-спонсор. Произведение было написано по просьбе Мухаммед Ходжа-бека, о котором в разделе «Славословие» автор оставил такие строки: *Tilärmin kim biznin til birlä päjda / Kitabi äjläsän bu qyş qatymda (Мн, 36) / «Я хочу, чтобы ты на нашем языке / В эту зиму книгу написал при мне».*

В появлении кыпчакских новаций и их нормированность в тексте Сейифа Сараи роль сыграла племенная принадлежность автора и его владение родным языком. В Лейденской и ташкентской рукописях и в исследованиях Х.Ю. Миннегулова [9; 10, с. 190–231] утверждается, что Сейиф Сараи родился в 1321 году в Поволжье в местности Камышлы, учился и занимался литературной деятельностью в Сарае, в 80-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет и в 1391 году завершил свое знаменитое произведение «Гулистан бит-тюрки».

Здесь следует оговориться, в данной статье сделана попытка рассмотреть лишь некоторые социолингвистические факторы, графо-фонетические черты литературного языка золотоордынского периода. Наиболее полно материалы представлены в наших работах [14; 15; 16; 17; 18 и др.]. Из фонетико-графических признаков устойчивыми оказываются следующие: губная гармония, интервокальное -q– и сочетание типа –aγu. Из фонетических признаков наиболее динамичным, менее устойчивым является [ä], который последовательно уступает позиции узкому нелабиализованному гласному переднего ряда [i], что определяется графически, а также смена признаком -j, -δ, так как язык памятников отражает то состояние, когда j – графема проникает в язык текстов. Данные сопоставительного анализа языка памятников золотоордынского периода свидетельствуют о том, что их язык зафиксировал состояние, когда диалектная j

форма проникла во все парадигмы, однако характер этого проникновения неодинаков. В языке КР, ХШ, НФ, Дж еще довольно заметно преобладает δ – признак, несущий караханидско-уйгурскую традицию, над j-признаком. А в языке Гб, МН, КБ без каких-либо ограничений используется j, становясь новой языковой нормой. В тексте произведений, написанных в середине или во второй половине XIV века, характерным является вариативное написание слов: с начальным ا (алиф) или ايـ (алиф йай), или пропуск и отражение ـيـ (йай) в первом слоге. Сравни: для языка КР – характерно одновариантное написание слов с ا (алиф), для НФ, КБ характерно сохранение древнетюркского типа: ا (алиф) и вариативное написание ا (алиф) и ايـ (алиф+йай), где ا (алиф) привалирует. В языке ХШ и МН, КБ, Дж наблюдается характерное для среднетюркских памятников вариативное написание, однако в анлауте превалирует графическая передача ايـ (алиф+йай). Для Гб и СС характерно одновариантное написание слов лишь с ايـ (алиф йай) и с [i].

Проведенный языковой анализ имеет важное социолингвистическое содержание. С одной стороны, увидеть истоки старотатарского языка. С другой стороны, определена роль регионального койне кыпчакского типа, которое будучи распространенным в пределах Золотой Орды оказало решающее влияние на изменение традиционного литературного языка. Наши материалы и прежде всего статистические данные убедительно доказывают, что в культурных центрах Золотой Орды в Поволжье складывалась этнодемографическая ситуация, в которой решающую роль играли носители кыпчакских диалектов. Лингвистические данные убедительно подтверждают результаты исследований историков о процессах кыпчакизации местного населения и сложения тюрко-татарской этнической общности, начавшееся в 20-30 годах XIII века, почти полностью завершившегося к середине XIV столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, фонд С. Вахидова 53-1, дело 26-43.

2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XV–XVI вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

3. История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XVв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1047 с.

4. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань, 2000. 136 с.

5. Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушкин А.И. Религия в Золотой Орде. Учеб. пособие для студентов ист. фак. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 127 с.

6. Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex cumanicus» по данным лексики // Исследования по исторической диалектологии. Вып. 2. Казань, 1982. С. 68–153.

7. Махмутова Л.Т. О некоторых татарско-куманских параллелях (по материалам фонетики и грамматики // Исследования по исторической диалектологии. Вып. 3. Казань, 1985. С. 117–143.

8. Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и восточная классика. Казань: Изд-во КГУ, 1993. 384 с.

9. Миңнегулов Х.Ю. Дөньяда сүземез бар… Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 336 б.

10. Миңнегулов Х.Ю. Рухи мирасыбыз сәхифәләре. Казан: «Халкыбыз мирасы» нәшр., 2022. 488 б.

11. Наджип Э.Н. Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. В 2-х кн. Алма Ата: Наука, 1975. Кн. 1. 210 с.; Кн. 2. 301 с.

12. Наджип Э.Н. Исследование по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. 291 с.

13. Низами А.С. Собрание редкостей или четыре беседы. М., 1963. 164 с.

14. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 376 с.

15. Нуриева Ф.Ш. Алтын Урда чоры урта Идел буе төрки язма әдәби теленең фонетик һәм график-орфографик үзенчәлекләре // Татар әдәби теле тарихы. (XIII гасыр – XX йөз башы). Казан: ТӘһСИ, 2015. I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Б. 271–326.

16. Нуриева Ф.Ш. Алтын Урда чоры Идел буе төрки-татар язма әдәби теленең морфологик үзенчәлекләре // Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы). Казан: ТӘһСИ, 2017. II т.: Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Б. 112–194.

17. Нуриева Ф.Ш. Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 184–198.

18. Нуриева Ф.Ш. Төрки-татар әдәби теле формалашуның тарихи, мәдәни һәм лингвистик алшартлары // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. 1 т. Борынгы чор һәм Урта гасырлар. Казан: Татар кит. нәшр., 2021. Б. 371–401.

19. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али Шир. Л., 1928. С. 3–25.

20. Усманов, М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

21. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманского духовенства в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 177–185.

22. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань: Магариф, 1995. 255 с.

23. Radloff W. Das turkische Sprahmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887. 111 p.

24. Toparli R. Irşadul-Mülük Ves-Selatin, Ankara. 1992. 627 s.

Принятые сокращения

Гб – A Fourteenth century turkic translatijn of Sa`dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan bit-turki). By.A.Bodrogligeti. Budapest, 1969. 450 p.

Дж – Исламова А.И. Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан -и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: Дис. … канд. филол. наук. Казань, 1998. С. 39–62.

IM – Toparli R. Irşadul-Mülük Ves-Selatin. Ankara, 1992. 627 s.; Faksimile. 1992. 498 s.

Кб – Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. С. 124–143.

СС – Radloff W. Das turkische Sprahmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887. Wörterverzeichniss. S. 1–132. Einzelne Sätze. S. 1–79. Vorwort. S. 80–111.

КР – Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе. Сб. ст. СПб., 1897. 281 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. С. 323–341.

МН – Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. 223 с.

НФ – Eckmann J. Nehcű'l – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara, 1956. 444 s.

ХШ – Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. Warszawa, 1958. Tect. 304 s.; Faksimile. 238 s.; Slownik. 207 s.

Сведения об авторе: Фануза Шакуровна Нуриева– доктор филологических наук, профессор кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9957-9734, Scopus AuthorID: 56242322300. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

GENERAL VIEW ON THE FORMATION AND FUNCTIONING OF THE OLD TATAR LITERARY LANGUAGE IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

F.Sh. Nurieva
Kazan Federal University

The article presents the results of the study of the initial stage of the formation of the Tatar literary language. The aim of the work is to establish the peculiarities of the functioning of the common Turkic literary tradition in the period of the Kipchak Khanate, to determine the main parameters of the literary language of the studied period, and to show that the Kipchak Khanate period is the most important stage in the formation of the regional variant of the Old Tatar literary language.

Research materials. The material of the study is the literature of the Golden Horde, represented by written monuments of religious-didactic and secular content, created in cultural centres: in Saray, Khorezm and Mamluk Egypt, written by local writers and natives of the Golden Horde.

Results and novelty of the research. Based on the examination of monuments of different contents and the Codex Cumanicus dictionary, it is shown that during the Golden Horde era there is an overlap of two traditions: the Karakhanid-Uyghur tradition, dating back to the traditions of previous periods, and a new one based on the regional Kypchak koine. The obtained results are interpreted through the concepts of 'norm' and 'variation', and statistical processing of the material is used for analysis. The linguistic features of the studied monuments testify to the emergence of an areal variant of the literary language of the Volga region, the Old Tatar literary language.

Keywords: Golden Horde, Karakhanid-Uyghur tradition, Kypchak koine, Old Tatar language, linguistic norm

About the author: Fanuza Sh. Nurieva – Dr. Sci. (Philology), Professor at Tatar Linguistics Department of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9957-9734, Scopus AuthorID: 56242322300. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

УДК 930.23

БОРЬБА БОЛЬШОЙ ОРДЫ ЗА ВЛИЯНИЕ В КРЫМУ В 1476–1477 гг.

В.С. Битюков
Воронежский государственный университет,
ГБУК «Музей-заповедник «Дивногорье»

Статья посвящена вмешательству Большой Орды в политику Крымского ханства в 1476–1477 гг. Выясняется степень данного вмешательства, а также причины, по которым хану Большой Орды – Ахмату не удалось удержать своего ставленника в Крымском Юрте. В статье проведен анализ дореволюционной, советской и современной историографии, а также ряда источников касательно степени вмешательства Большой Орды в дела Крымского ханства. Исследователи оказались едины во мнении о том, что формой вмешательства была попытка Ахмата утвердить свою власть в Крыму, чем он пытался воспользоваться в момент внутренних противоречий внутри Крымского ханства. На основании источников делается вывод о том, что хан Ахмат, воспользовавшись непрочным положением в Крыму Менгли-Гирея, вытеснил его оттуда и посадил Джанибека, однако данная акция оказалась провальной, так как при помощи осман и части крымской элиты, которая была против ордынского влияния, удалось вернуть Менгли-Гирея обратно, что позволило ему утвердиться окончательно. Это привело, к тому, что Крымское ханство получило от султана не только защиту, но и перспективу стать вассалом. Другим последствием стало осознание важности союза с Московским княжеством для дальнейшей борьбы с Большой Ордой.

Ключевые слова: Большая Орда, Крымское ханство, Менгли-Гирей, Ахмат, Эминек, Иван III, Мехмед II Фатих, Никоновская летопись, Иосафат Барборо, Каффа, Нур-Девлет, Айдар, Джанибек

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, https://rscf.ru/project/23-18-00147

В середине XV в. Большая Орда теряет из-под своего контроля Крымский Юрт, где устанавливается своя династия Чингизидов под руководством Хаджи-Гирея, который начинает проводить независимую политику, в том числе враждебную ордынцам. После этого одной из задач престольной державы является возвращение Крыма в её состав. Начинаются периоды противостояний между двумя осколками Золотой Орды, представляющие из себя сражения, набеги, дипломатические игры, периоды мирного затишья. Одним из таких событий является попытка хана Большой Орды –Ахмата изгнать из Крыма хана Менгли-Гирея и посадить там своего ставленника, таким образом, вернуть полуостров под своё влияние. Однако, не достаточно ясна степень вмешательства Большой Орды в данное событие и причины, по которым Ахмату не удалось окончательно утвердить своё влияние.

Источниками, сообщающими о данном событии, являются Никоновская летопись и посольская грамота, Иосафат Барборо в «Путешествии в Тану», письмо османского правителя Мехмеда II Фатиха хану Большой Орды Ахмаду, письмо Эминека турецкому султану от 8–17 октября 1478 г, а также ярлык хана Ахмата Ивану III.

Перед тем, как перейти к разбору источников, необходимо рассмотреть то, как начало данного события было изучено в исторической науке. В.Н. Татищев передал содержание летописных данных, однако их интерпретации не дал [11, с. 46]. М.Н. Карамзин видел завоевание Крыма, как попытку большеордынским ханом – восстановить великодержавность Большой Орды [6, с. 93]. С.М. Соловьёв объяснял изгнание Ахматом Менгли-Гирея в 1476 г. нестабильностью власти крымского хана и считал, что только поддержка со стороны Ивана III поможет крымскому правителю укрепиться и отказаться от ордынского вмешательства: «Но и самъ Менгли-Гирей просилъ Іоанна, чтобъ тотъ принялъ его в случаѣ бѣды» [с. 1435]. К такому же мнению склонялись Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский, считавшие, что в 1475 в Крымском ханстве была смута [3, с. 423]. Немецкий историк Б. Шпулер писал о том, что Ахмат пытался посадить в Крыму своего сына – Джанибека [14, с. 164] А.А. Горский считает, что вторжение Ахмата в Крым связано с попытками восстановить Орду, поэтому хан Большой Орды посадил там зависимое от престольного владения лицо [2, с. 222]. В.В. Трепавлов пришёл к выводу, что поход был вызван попытками Ахмата утвердить своего ставленника в Крымском ханстве, и в этот момент он воспользовался противоречиями среди местных беков [13, с. 255]. И.В. Зайцев считает, что в Крыму в тот момент была гражданская война, поэтому Менгли-Гирей был вывезен в Турцию [5, с. 88]. За власть в Крыму, как выяснил И.В. Зайцев, боролись братья крымского хана: Айдар и Нурдевлет [5, с. 88]. Именно такая смута, как считает исследователь, заставила хана Большой Орды Ахмата вклиниться в эту борьбу [5, с. 88]. Таким образом, исследо-

ватели оказались едины во мнении о том, что причиной похода была попытка Ахмата утвердить свою власть в Крыму, чем он пытался воспользоваться в момент внутренних противоречий внутри Крымского ханства.

Рассмотрев трактовку начальных событий и их причин в историографии, необходимо перейти к анализу источников. В Никоновской летописи этот эпизод начинается с заглавия «О взятіи Крыма» [9, с. 168], что показывает, что современникам русской стороны было известно о данном событии. После этого говорится об Ахмате – хане Большой Орды, который посылает своего сына на Крым: «…посла царь Ахматъ Ординскій сына своего съ Татары…» [9, с. 168]. Стоит отметить, что другие русские летописи, а также польские и литовские хроники умалчивают о начале данного события. Посольские грамоты также молчат о начальных акциях похода Ахмата на Крым.

В дальнейшем в летописи сообщается о том, что хан Ахмат захватывает Крымское ханство: «…и взя Крымъ и всю Агизирѣеву Орду…» [9, с. 168]. Данном в этом случае имеется ввиду Орду первого крымского хана – Хаджи-Гирея. Исходя из фразы «взя» [9, с. 168], стоит предположить, что Ахмат утвердил свою власть в Крыму не без сражения, какое-то сопротивление могло быть ему оказано противниками возвращения в состав Большой Орды. После этого указывается, что большеордынский изгоняет с Крыма нынешнего его правителя – Менгли-Гирея: «…а сына Агизирѣева Мендли-Гирѣя согна…» [9, с. 168]. Однако следом летописец сразу сообщает о вмешательстве осман: «егоже Турки посадиша» [9, с. 168]. Имеется в виду возвращение хана обратно в Крым при помощи османского султана. Причём фраза: «егоже Турки посадиша» [9, с. 168] характеризует это действие, как переход Крымского ханства под протекторат Османской империи. Необходимо обратить внимание на цитату летописца: «Громъ бысть страшен» [9, с. 168]. Она характеризует негативное отношение русской стороны к захвату в Крыму власти, что объясняется недавно заключённым союзом между Иваном III и Менгли-Гиреем, против Большой Орды и Великого княжества Литовского [10, с. 4].

Что же об этом событии сообщают посольские грамоты? Касательно захвата власти ордынцами, и внутренних усобиц внутри Крыма, а источниках ничего не обнаружено. Кроме того, не упоминается сам «виновник» данного события – хан Ахмат. Однако в посольстве от Великого князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с Иваном Белым пишется, что Иван III выражает радость по поводу того, что Менгли-Гирей снова месте своего отца, и на своём юрте: «…что Богъ тобя помиловалъ, на отца твоего мѣстѣ и на твоемъ юртѣ осподаремъ учинилъ. И язъ, слышевъ твое здоровье, тому есми обрадовался.» [10, с. 15]. Данное сообщение датируется 30 апреля 1479 годом, то есть Менли-Гирей вернулся на престол через три года после своего изгнания. Кроме того, в этом письме Иван III назвал Джанибека недругом Менгли-Гирея: «…о своемъ недругѣ о царѣ о Зенебекѣ…» [10, с. 15], что подтверждает известие Никоновской летописи о том, что при помощи хана Большой Орды там утвердилось именно данное лицо.

Необходимо отметить, что именно возвращением Менгли-Гирея в Крымский Юрт можно объяснить появление в Крыму русских послов, так как посол Иван Белый заверял крымского хана, что московский князь готов к дальнейшему продолжению союза, а также обещал прислать поминки: «…хотѣлъ есми послати своего доброво человѣка твоё здоровье видѣти съ добрыми поминками…» [10, с. 15]. Из известий посольской грамоты можно сделать вывод о том, что ордынское вмешательство в политику Крымского ханства могло осложнить дальнейшие перспективы борьбы Московского княжества с Большой Ордой, а также усилить последнюю, чего опасались в Москве.

Довольно неоднозначно трактуются данные события у Иосафата Барборо в «Путешествии в Тану». Согласно Барборо, правителем в Крыму был знатный карачи-бек из рода Ширинов – Эминек: «Тогда правителем в том месте, а именно – в степях, был один татарин по имени Эминакби.» [8, с. 155]. У него возникает конфликт с каффинцами, которые решили его изгнать и посадить на его место Менгли-Гирея, причём в источнике он не представляется, как реальный правитель Крыма, и по каким-то причинам он находится в Орде: «При его содействии и при помощи его сторонников консул намеревался изгнать Эминакби. Поэтому он послал [из Каффы] корабль в Тану. На корабле был посол от консула, который и отправился в орду, где находился хан.» [8, с. 155]. Данное известие можно объяснить тем, что именно в тот момент Менгли-Гирей решил совершить поход на Большую Орду, в результате чего потерпел поражение, а в Крыму находился в этот момент Эминек, который стал испытывать давление со стороны Каффы. Однако В.В. Трепавлов считал, что поход Менгли-Гирея был совершён на Молдавию [13, с. 301]. То есть в этот момент крымский хан находился вне полуострова.

Каким-то образом каффинцы вернули Менгли-Гирея в Крым, однако с этим не согласился Эминек и попросил поддержки со стороны Османской империи: «тогда Эминакби, опасаясь за свое дело, отправил посла к Оттоману, обещая ему (если он пошлет свой флот для осады Каффы с моря) осадить город с суши и таким образом отдать ему Каффу, которой тот хотел овладеть.» [8, с. 155]. Это привело к османскому вторжению, была взята Каффа, а Менгли-Гирей попал в плен: «Менглигирей был захвачен и отослан к Оттоману, у которого оставался в тюрьме многие годы.» [8, с. 155]. После этого сообщается, что отноше-

ния Эминека с османами тоже не заладились, и они решили перевести Менгли-Гирея на содержание в Кафу: «Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу].» [8, с. 155]. В дальнейшем упоминается, что Менгли-Гирей бежал от османской опеки из Кафы в столицу крымского ханства – Солхат, где вернул свою власть: «Менглигирей стал правителем тех мест.» [8, с. 156]. Кроме того, о Иософата Барборо мы находим сведения о том, что Менгли-Гирей убил Эминека [8, с. 156]. Стоит отметить, что ордынский фактор практически не указан у Иософата Барборо: не упоминается поход хана Ахмата, а также установление власти Джанибека. П. Гулевич пришёл к выводу, что указанные сообщения являются неверными, и наоборот Менгли-Гирей вернулся в Крым при поддержке Эминека и османского султана [4, с. 316]. Джанибек же оказался в Крыму, по мнению исследователя, при поддержке не только Большой Орды, но и крымских могущественных кланов, желавших ограничить влияние Эминека и Менгли-Гирея [4, с. 300].

Важно упомянуть, что Менгли-Гирей не сразу вернулся в Крым после ухода Джанибека, так как там закрепились братья Менли-Гирея: Нур-Девлет и Айдар, которые, по мнению В. П. Гулевича, и являлись фактическими правителями: «…существование в Крыму двух правителей было фактом уже в 1477 г…» [4, с. 311]. Данные лица также были посажены при поддержке османского султана, что отражено в письме османского правителя Мехмеда II Фатиха хану Большой Орды Ахмаду [7, с .894]. В данном письме османский правитель сообщает большеордынскому хану, что Нур-Девлет находится под покровительством Османской Империи: «…Даулат-хан, принадлежащий к той величественной династии (Чингизидам – прим. пер.), искренне ухватился за «крепкую вервь» (хабл аль-матин) нашей вечной державы и вековечного халифата, к нему устремлен наш взор благосклонности и покровительства, он получил возможность благочестивого служения и похвальных усилий.» [7, с. 894]. Такое послание хану Ахмату можно расценивать, как предупреждение со стороны султана о том, что Большая Орда не должна вмешиваться в политику Крымского Юрта.

Касательно того, что почему Нур-Девлет и Айдар не удержались в Крыму, мы находим ответ в письме Эминека османскому султану от от 8–17 октября 1478 г., часть которого отразил в своём труде В.П. Гулевич: «Из-за того, что они оба [Нур-Девлет и Айдар] враждовали и не мирились, наши края пришли в разруху… Нур-Девлета вообще не хотят видеть край и беи, он вообще не годен для дел. Он враждует со своим братом» [4, с. 312]. То есть в тот момент происходила борьба за первенство между Нур-Девлетом и Айдаром, а также знатных группировок вокруг этих царевичей. Кроме того, в письме сообщается и об опасности со стороны Большой Орды: «Ныне хан [Большой] Орды Ахмат пошел к людям по имени Оксюзлер (?), стал сильным» [4, с. 312]. Мнение о том, что ордынцы совершали нападение на Крым и пытались установить там своё влияние, подтверждается ярлыком Ахмата Ивану III, где сообщается о том, что крымская знать укрывалась от ордынской агрессии в своих городах: «…четыре карачи в Крыму ся от меня отсѣдили» [1, с. 101].

Как же трактуется возвращение Менгли-Гирея в Крым в историографии? В.Н. Татищев пришёл к выводу о том, что с помощью осман крымский хан вернул своё место. [12, с. 49]. М.Н. Карамзин также указывает на важную роль османского султана в поддержке и возвращении Менгли-Гирея на крымский стол. Однако М.Н. Карамзин посчитал помощь осман Крымскому ханству навязанной и дал негативную оценку действиям султана, так как, по его мнению, предварительно турецкие войска пограбили Крымское ханство и захватили Кафу, и только после этого Менгли-Гирей был возвращён обратно в Крым [6, с. 90]. То есть после этого события, по мнению исследователя, Менгли-Гирей начинает становиться вассалом османского султана [6, с. 90]. С.М. Соловьёв причину изгнания ханом Ахматом Менгли-Гирея в 1476 г. видел в нестабильности крымского хана и считал, что только поддержка со стороны Ивана III помогла крымскому правителю укрепиться и избавиться от ордынского вмешательства: «Но и самъ Менгли-Гирей просилъ Іоанна, чтобъ тотъ принялъ его в случаѣ бѣды» [11, с. 1435]. Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский предположили, что во время смуты в Крыму в 1475 году именно хан Ахмат сверг Менгли-Гирея и посадил его в темницу, откуда он выбрался только с помощью турецкой помощи [3, с. 423]. Б. Шпулер тоже являлся сторонником того, что Менли-Гирей вернулся на Крымский стол при поддержке турецкого султана, а крымский хан стал его вассалом [210]. Б. Шпулер увидел в данном действии опасение Менгли-Гирея по поводу того, что большеордынский хан снова сможет забрать власть в Крыму [14, с. 210]. Это же причина, как видел исследователь, сблизила Менгли-Гирея и Ивана III и привела к тесному сотрудничеству, оформленному в полноценный союз [14, с. 210]. А.А. Горский также является сторонником того, что Менгли-Гирей смог вернуть крымской престол только благодаря вмешательству османского султана в 1478 году [2, с. 164]. Илье Владимировичу Зайцеву удалось рассмотреть дальнейшие действия Ахмата после захвата власти в Крыму: ордынский хан, зная о том, что Менгли-Гирей будет пытаться вернуть своё место при помощи осман, хотел заключить антитурецкий союз с Венецией [5, с.89]. Однако Джанибек продержался в Крыму недолго, что, по мнению исследователя, стало причиной срыва переговоров между Большой Ордой и Венецией [5, с.89].

Детальную оценку данных событиям дал В.В. Трепавлов. По его мнению, Ахмат воспользовался моментом, когда Менгли-Гирей был в походе на Молдавию, ворвался в полуостров и утвердил царевича Джанибека, таким образом, вернув Крым в состав Большой Орды: «Фактически произошло кратковременное объединение двух ханств.» [13, с. 301]. Историк являлся сторонником точки зрения о том, что крымско-ордынское противостояние было связано со стремлением хана Ахмата «восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность – собрать под своей властью отпавшие юрты…» [13, с. 305].

Резюмируя, стоит сказать о том, что хан Ахмат, воспользовавшись непрочным положением в Крыму Менгли-Гирея, изгнал его оттуда и посадил там Джанибека, однако при помощи осман и части крымской элиты, которая была против ордынского влияния, Менгли-Гирея удалось вернуть обратно, что позволило утвердиться окончательно династии Гиреев. Вторжение Большой Орды привело, к тому, что Крымское ханство получило от султана не только защиту, но и перспективу стать вассалом. Другим последствием стало осознание важности союза с Московским княжеством для дальнейшей борьбы с Большой Ордой. Таким образом, степень ордынского вмешательства в крымские дела была значительна, ведь этому привело к тому, что Менгли-Гирей потерял временно власть, а в Крыму утвердился ставленник Тахт эли. Однако хан Ахмат не смог удержать своё влияние по причине османского вмешательства, а также крымской знати, которая не поддержала возвращение Крымского Юрта в зону влияния Большой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.А. Бещисленыя рати и великия труды. Проблемы русской истории X–XV вв. Спб: Изд-во Олега Абышко, 2018. 409 с.

2. Горский А.А. Москва и Орда. М.: «Наука», 2000. 203 с.

3. Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. Л.: изд-во Акад. наук СССР, 1950. 479 с.

4 .Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым В 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2018. 492 с.

5. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва, Османская Империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Москва: «Типография «Новости», 2004. 216 с.

6. Карамзин М.Н. История государства Российского. Спб.: «Тип. Н. Греча», 1819. Т. 6. 544 с.

7. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р.Галеева; редактор текстов на арабице М.Р.Исмагилова; ответственные редакторы Л.И.Шахин, И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 256 с.

8. Иосафат Барборо. Путешествие в Тану. URL: https://drevlit.ru/texts/b/b_barbaro_text.php (дата обращения 31.03.2025).

9. Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Спб.:«Типографія И. Н. Скороходова», 1901. Т. 12. 266 с.

10. Памятники дипломатических сношений древней Россіи. Сборник русского исторического общества. Спб.: «Типографія Ѳ. Елеонскаго и К», Т. 41. 1884. 638 с.

11. Соловьёв С. М. История с древнейших времён. Спб.: Товарищество «Общественная польза», 1851. Т. 1-4. 1726 с.

12. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.: Императорский Московский Университет. 1768. Т. 5. 533 с.

13. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: «Квадрига», 2015. 368 с.

14. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: Истории имени им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

Сведения об авторе: Валентин Сергеевич Битюков – аспирант Воронежского государственного университета, научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения культуры Воронежской области «Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (Воронежская область, Лискинский район, хутор Дивногорье, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1455-1895. E-mail: vbitzzz7@gmail.com

THE STRUGGLE OF THE GREAT HORDE FOR INFLUENCE IN CRIMEA IN 1476–1477

V.S. Bityukov
Voronezh State University,
State Budgetary Cultural Institution Museum-Reserve "Divnogorye"

The purpose of the study: The article is devoted to the intervention of the Great Horde in the politics of the Crimean Khanate in 1476–1477. The extent of this interference is being investigated, as well as the reasons why the Khan of the Great Horde, Akhmat, failed to keep his protege in the Crimean Yurt. The article analyzes pre-revolutionary, Soviet and modern historiography, as well as a number of sources regarding the extent of the intervention of the Great Horde in the affairs of the Crimean Khanate. The researchers were unanimous in their opinion that the reason for the intervention was Akhmat's attempt to assert his authority in Crimea, which he tried to take advantage of at the time of internal contradictions within the Crimean Khanate. Based on sources, it is concluded that Khan Akhmat, taking advantage of Mengli Giray's precarious position in Crimea, ousted him from there and imprisoned Janibek, but this action proved to be a failure, as with the help of the Ottomans and part of the Crimean elite who opposed the Horde influence, Mengli Giray was brought back, which allowed him to establish yourself definitively. This led to the fact that the Crimean Khanate received not only protection from the sultan, but also the prospect of becoming a vassal. Another consequence was the realization of the importance of the alliance with the Moscow Principality for further struggle against the Great Horde.

Keywords: The Great Horde, the Crimean Khanate, Mengli Giray, Akhmat, Eminek, Ivan III, Mehmed II Fatih, the Nikon Chronicle, Iosophat Barboro, Kaffa, Nur-Devlet, Aidar, Janibek

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00147, implemented at Voronezh State University, https://rscf.ru/project/23-18-00147

About the author: Valentin S. Bityukov – Postgraduate Student of Voronezh State University, Research Fellow of the State Budgetary Institution of Culture of the Voronezh Region "Natural, Architectural and Archaeological Museum-Reserve "Divnogorye" (Divnogorye farm, Liski District, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1455-1895. E-mail: vbitzzz7@gmail.com

УДК 94(47).031"12/13"

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕН И СТАТУСОВ ЗНАТНЫХ ЛИЦ ИЗ ТЮМЕНСКО-НОГАЙСКОЙ КОАЛИЦИИ В ХОДЕ РАЗГРОМА БОЛЬШОЙ ОРДЫ В 1481 ГОДУ

Д.М. Исхаков
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
Редакция журнала «Туган җир»

Изучаемое длительное время наступление тюменско-ногайских войск против Большой Орды в 1481 г., закончившееся убийством хана Ахмада, все ещё не до конца раскрыто. В частности, сохраняются дискуссионные моменты в трактовке имён и статусов лиц, стоявших во главе этих коалиционных войск. Сохранение неясности в этом вопросе объясняется противоречивостью источников и их разной полнотой. В основном речь идет о сведениях из русских летописей, хотя имеется и один документ восточного происхождения. Это грамота крымского хана Менгли-Гирея, в переводе сохранившийся в составе Литовской метрики. Для адекватного понимания содержащихся в этих источниках сведений о знатных лицах, возглавлявших многочисленную армию из «казаков» Тюменского ханства и Ногайской Орды, потребовалось их сравнительное исследование с привлечением дополнительных данных. В итоге были выяснены точные имена и статусы всех упоминаемых в источниках фигур, возглавлявших объединенное войско, разгромившее в 1481 г. ставку хана Ахмата.

Ключевые слова: Большая Орда, Тюменское ханство, Ногайская Орда, хан, султан, бий, мурзы, бек, беклярибек, Ибак (Сайид-Ибрагим), Мамук, Аббас, Муса, Ямгурчи, Менгли-Гирей, Казимир

Хорошо известный из русских летописей, а также некоторых других источников, эпизод разгрома ставки хана Большой Орды в 1481 г. тюменско-ногайской коалицией, сопровождавшийся убийством хана Ахмата, уже неоднократно становился предметом отдельного рассмотрения [см.: 17, с. 114–115; 3, с. 92; 1, с. 182; 18, с. 64; 6, с. 110–117; 5, с. 160–174]. Однако, до сих пор не достигнут консенсус относительно состава и политического статуса тех знатных лиц, которые возглавляли объединенное тюменско-ногайское войско в ходе данной весьма важной для Большой Орды/«Тахт Эли», акции. Проблема с этими фигурами возникает потому, что в русских летописях, сообщающих об этом событии, их состав передан с некоторыми разночтениями и неполно, а вот в одном документе из состава Литовской метрики, дающем развернутую перечень имён знатных лиц из тюменско-нагайского войска, эти имена по техническим причинам при издании должным образом знаками препинания не были отделены друг от друга, что не позволяет, как это видно из названной выше монографии В.В. Трепавлова и по двум указанным исследованиям А.В. Парунина, досконально разобраться с именами и статусами фигурирующих там лиц. Нашей задачей как раз было разобраться с этим, уточнив их имена и статусы.

Обзор документальных источников.

Основными для нас являются русские летописи, с разной полнотой освещающие события января (скорее всего, происходившие 6 или 21 числа 1481 г. В Патриаршей (Никоновской) летописи есть две версии события, одна из которых чуть более подробная: «Егда прибежа (хан Ахмат – Д.И.) в Орду, тогда приеде на него царь Ивак Нагайский и Орду взял; а самого безбожнаго Ахмата убил шурин его Ногайский мурза Ямгурчей» [10, с. 202–203; 8, с. 328; 11, с. 182; 14, с. 275; 15, с. 449; 12, с. 201][1]. В ряде других летописей (Московском летописном своде конца XV в.; Ермолинской летописи, Воскресенской; Львовской; Типографской) это известие повторяется, единственно, в Львовской летописи вместо «царь Ивак» стоит «князь Ивак», а в Ермолинской, Воскресенской и Типографской летописях убийцей хана Ахмата назван «царь Ибак», т.е. хан Сайид-Ибрагим, правитель Тюменского ханства, тогда как в Московской и Львовской летописях в роли убийцы хана выступает шурин хана Ивака (Сайид-Ибрагим) ногайский мурза Ямгурчи (Амгурчий). Но вот в двух летописных сводах – Вологодско-Пермской и Устюжской (Архангелородская редакция) летописях можно обнаружить несколько более своеобразные сообщения о событиях января 1481 г. Так, в Вологодско-Пермской летописи после известия о стоянии на Угре идет предложение «…безбожных Агарян на царя Ахмата. И приде на него из Заволжья Нагаевич князь Иванча, Нагаинский князь, а самого уби, а царевичи же дети его убежаша, а дочерь его взя и Орду распустиши, а базар разграби, и полон весь за Волгу перевезе в Ногаи» [9, с. 274]. Как видим, тут «Иванча», то есть явно хан Ибак

[1] Надо иметь в виду, что схожие сообщения имеются и в других русских летописях (в Холмогорском и т.д.), которые тут не рассматриваются из-за того, что они дают сходные тексты.

(Сайид-Ибрагим), фигурирует в качестве «Нагаинского князя», а событие излагается с указанием на ряд деталей (о бегстве детей хана Ахмата; о разграблении базара Большой Орды; о переведении полона на левый берег Волги, в Ногайскую Орду; о захвате победителями дочери хана). Ещё более развернутое сообщение об изучаемом нами событии находим в Устюжской летописи (Архангелородский летописец). Это известие весьма подробное, поэтому приведем его полностью: «6989 (1481). Тое же зимы слыша царь Ивак Шибанский, что царь Ахмат идет с Русь, а воевал землю Литовскую и полону и богатство бесчисленно, и приде царь Ивак в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков. И взем с собою шурью свою из Нагаи Мусу мырзу да Ямгурьчеи мырза, а с ними силы пять на десять тысящь казаков, и переведеся Волгу на горную сторону, а уже осень. И поиде переем на Ахмата царя, и перенял след его за Доном, и поиде после Ахмата по вестем. И как Ахмат разделися своими ити салтаны, на зимовще приде и ста зимовати располошася. А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него на утро изнорвяся, а царь Ахмат ещё спит. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахъматову и уби его своими руками. А силы меж собою не билися. А шибаны и нагаи начаша ахматову Орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял царь Ивак 5 днеи на Ахматове Орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полну литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел...» [13, с. 95].

Как видим, в последнем источнике Ивак фигурирует как «царь Шибанский», чьих собственных войск было относительно немного – 1000 воинов (казаков), а вместе с ним действовало многочисленное войско – 50000 воинов (казаков) Ногайской Орды в голове с шуринами Ивака (Сайид-Ибрагима) Мусою и Ямгурчеем, определенным в данной летописи как «мырзы». В рассматриваемом известии есть ещё ряд деталей, на которых остановимся позже, но отметим, что все-же в Устюжской летописи убийцей хана Ахмата выступает сам хан Сайид-Ибрагим, что сближает это сообщение с данными ряда других русских летописей. Несмотря на значительно большую детализированность информации из Устюжской летописи, некоторые подробности событий 1481 г. авторам этого источника не были известны, зато они имеются в одном документе, сохранившемся в составе Литовской метрики.

Речь идет о послании (грамоте) крымского хана Менгли-Гирея, отправленного в адрес великого князя Литовского и короля Польского Казимира IV Ягеллончика (1427–1492). К сожалению, послание сохранилось только в переводе и точная дата его тоже неизвестна (издатели указали даты от 1479 по 1481 годы), но грамота, надо полагать, относится к 1481 г. [4, с. 29]. Вот что в нем сообщается, с учетом однако того, что в опубликованном тексте знаки препинания поставлены, как думается, неправильно: «От Мендлигерея Казимиру Королю брату поклон. То так ведайше: Генваря месяца в двадцать первый пришод Царь Шибанский [,] а Ибак Солтан его[,] а Макму князь[,] а Обат мурза[,] а Муза[,] а Евгурцы пришодь Ахматову Орду потоптали, Ахмата Царя умертвили, все люди его и улусы побрали, побравши прочь пошли, а Князь Тимиръ з Ахмата царевыми детьми и з слугами к нам прибегли и пригорнулися, пришли, над Охматом Царом так ся стало, умер, нам брат он был, а вам приятель был... Я не панъ Ахматовым детям, которые к нам пришли и Темиру коней и портишь много дали есьмо, а ещё много есьмо им одолжилися… На том з нишаном грамоту послали есьмо» [4, с. 29].

Итак, перед нами официальное послание крымского хана Менгли-Гирея, подтвержденное его печатью (нишаном) и информация, содержащаяся в нем, более чем вероятно, была получена из первых рук – от султанов, детей покойного хана Ахмата и от беклярибека большой Орды – князя Темира (Тимура) б. Мансура б. Идегея из клана мангыт [о нем см.: 17, с. 27, 99, 120–124, 130–132, 135, 183, 193, 450, 566, 575, 628]. И тут отчетливо видно, что в наступавших на владение хана Ахмата в войсках находились не два, а три знатных мангыта – Обат (Аббас), Муза (Муса) и Евгурцы (Ямгурчи). Но для того, что бы выяснить, кто из них какой статус имел, нам необходимо более подробно проанализировать грамоту Менгли-Гирея с привлечением дополнительных сведений. При этом следует критически рассмотреть разбор данного документа, произведенный до нас В.В.Трепавловым и А.В. Паруниным.

А.В. Парунин предложил, вопреки трактовке грамоты крымского хана Менгли-Гирея, предложенной В.В. Трепавловым и Д.Н. Маслюженко, что читать в тексте надо «Макму князь», идентифицируя его с братом хана Ибака султаном Мамуком, а хана Ибака считать султаном при каком то неназванном «шибанском царе». Причем в его прочтении «Обат Мурза», «Муза» и «Евгурцы» – это лидеры Ногайской Орды Аббас-бек, Муса и Ямгурчи, но без объяснения, почему тогда его трактовка статусов этих лиц не вполне совпадает с реальным положением дел [6, с. 117; 5, с. 168–169]. Попытка же А.В. Парунина видеть в «княжеском титуле Мамука … его высокий статус в <Тюменском> ханстве» [5, с. 169], вообще не поддается какому-либо разъяснению. Очевидно, что все эти совершенно искусственные построения данного автора есть результат следования тексту грамоты Менгли-Гирея с неправильно проставленными при его издании знаками препинания. Поэтому мы поддерживаем вывод В.В. Трепавлова, писавшего ранее об искажениях в тексте данного документа при его переводе с тюрки [17, с. 115]. Однако, несмотря на такое замечание последнего, он сам Ибака, стоявшего, как он пишет, «на вершине властной пирамиды», назвал

«султаном», хотя знал прекрасно, что в документах русского происхождения тот определялся как «царь», то есть, хан. А в «Макму», в котором В.В. Трепавлов совершенно правильно увидел брата хана Ибака Мамука, он почему-то предложил видеть «князя», в его представлении – беклярибека при хане Ибаке. Наконец, В.В. Трепавловым никак не было объяснено, почему мангытские предводители – глава Мангытского юрта (Ногайской Орды) Аббас, фактический лидер ногаев Муса с непростым прошлым и его брат Ямгурчи оказались титулованными всего лишь как «мирзы» [17, с. 115].

В.В. Трепавлов, понимая, что с прочтением опубликованного документа не все в порядке, предложил этот текст читать в двух возможных, по его по его мнению, вариантах: а) «… пришод цар шибаньски Аибак солтан, а Макму князь, а Обат мурза»; б) «… пришод царь шибаньский Аибак, а солтан его Макму князь, а Обат мурза» [17, с. 115, примечание 20]. На деле вполне очевидно, что такое прочтение тоже неудовлетворительно, ибо не соответствует данным других источников. Поэтому Д.Н. Маслюженко предложил с учетом политических реалий и дипломатических материалов читать разбираемый текст таким образом, чтобы в Ибаке в видеть «шибанского царя», а в его брате Мамуке (Макму) – султана, в следующем за ним иерархически точным по порядку Обате, т.е. Аббасе, бия (князя) Ногайской Орды [18, с. 64]. В таком случае Муса оказывается мирзой, правда его брат Ямгурчи в грамоте остается без выраженного титула. Но о титуле последнего мы знаем из других документов – Ямгурчи б. Ваккас до определенного времени являлся мирзой [16, с. 504; 7, с. 33, 44; 17, с. 107, 136], хотя и имевшим высокий статус, о чем свидетельствует выход замуж его дочери Каракош за казанского хана Али (Ильгама) [17, с. 136]. Но далее Ямгурчи после смерти своего брата Мусы между 1502–1504 гг. пребывал и в статусе бия Ногайской Орды [17, с. 140]. Со статусом же Мусы все обстоит несколько сложнее. Хотя он в документах фигурирует как «мирза», он в свое время (с конца 1450-х годов) успел побывать беклярибеком Шибанида Ядигар-хана [17, с. 116–117], но такой статус, дающий право именоваться «беком», после смерти сюзерена был утерян. Именно из-за этого в структуре Мангытского Эля он имел только статус мирзы, но видимо памятуя прошлое, все время выказывая претензии на более высокий статус.

Вообще в вопросе о месте и статусе на постордынском политическом пространстве мангытской знати, контролировавшей не только Ногайскую Орду, но и сидевшей в ряде татарских ханств, есть определенная неясность. Дело в том, что статусные проблемы мангытов возникли ещё при Идегее, что проявляется и в дастане, посвященном ему – речь идет о том месте эпоса, где сын и Идегея Нураддин в татарской версии дастана предлагает отцу возвести его на «ханский престол» или самому его занять. Аналогичные сюжеты имеются и в иных версиях эпоса. На самом деле в данном случае скорее всего подразумевается желание сына Идегея, происходившего по материнской линии то ли от сестры хана Тохтамыша, то ли от дочери эмира Тимура, «развести» две должности отца – главы всего государства или главы левого крыла Золотой Орды, то есть, беклярибека и лидерства (бийства) в собственном Мангытском эле [подробнее см.: 12, с. 143–144]. Как мы знаем, в дальнейшем это и произошло, недаром уже в дастане «Идегей» в одних его версиях подчеркивается получение после смерти всемогущего эмира, беклярибека Идегея должности бия его сыном Мансуром, а в других версиях – сыном Нураддина Мусой. Тут фиксируется реальный процесс начавшегося размежевания двух политически значимых постов – главы всей Золотой Орды или его левого крыла через должность беклярибека и главы Мангытского эля, через эту должность бывшего и главой Ногайской Орды. Действительно, в итоге потомки Мансура занимали должность беклярибеков в Большой Орде, а Муса и его ближайшие родичи – должность биев Мангытского эля/Ногайской Орды. Но тут возникает другая малоизученная проблема о связях мангытских князей (беков), вписанных в политическую структуру конкретных татарских ханств, как к примеру, это было в Казанском ханстве, с его «мангытскими князьями» и правящей элиты Мангытского эля/Ногайской Орды. Как показывает опыт беклярибекства Мусы при Шибаниде Ядигар-хане, в определенных условиях можно было с этого статуса вернуться обратно в Ногайскую Орду, правда, при действующем бии заняв там только позицию мирзы. В целом ж этот вопрос, имеющий ряд аспектов, требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 728 с.
2. Исхаков Д.М. Смерть Идегея: исторические реалии и эпическая традиция // Сибирский сборник: сборник научных статей / под. ред. З.А. Тычинских. Вып. 9. Тобольск: УрО РАН, 2024. С. 129–147.
3. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. С. 168.
4. Муханов П. Сборник Муханова. СПб., 1866. 622 с.

5. Парунин А.В. Некоторые аспекты внутренней политики Тюменского ханства в XV веке // Сибирский сборник: сборник научных статей / под. ред. З.А. Тычинских. Вып.9 – Тобольск: УрО РАН, 2024. С. 160–174.

6. Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430–1508 гг. Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 247 с.

7. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 360 с.

8. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

9. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.

10. ПСРЛ. Т.XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

11. ПСРЛ. Т.XIII. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.

12. ПСРЛ. Т.XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

13. ПСРЛ.Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. 227 с.

14. Русские летописи. Том третий. Воскресенская летопись. Рязань: ЗАО Изд-во «Слог-Пресс-Спорт». Изд-во «Сюита», 1998. 256 с.

15. Русские летописи. Том четвертый. Львовская летопись. Рязань: ЗАО Изд-во «Слог-Пресс-Спорт». Изд-во «Сюита», 1998. 615 с.

16. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т. 1. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. 558 с.

17. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 752 с.

18. Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Казхань: Изд. Казанского ун-та, 2018. 560 с.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация); главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

ON THE QUESTION OF INTERPRETATION OF NAMES AND STATUSES OF NOBLE PERSONS FROM THE TYUMEN-NOGAI COALITION DURING THE DEFEAT OF THE GREAT HORDE IN 1481

D.M. Iskhakov

Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board of the Journal "Tugan Jir. Native Land"

The offensive of the Tyumen-Nogai troops against the Great Horde in 1481, which ended with the murder of Khan Akhmad, has been studied for a long time, and is still not fully understood. In particular, there are still debatable points in the interpretation of the names and statuses of the persons who led these coalition troops. The continued ambiguity in this matter is explained by the contradictory nature of the sources and their varying completeness. Basically, we are talking about information from Russian chronicles, although there is one document of eastern origin. This is a charter of the Crimean Khan Mengli Giray, a translation of which has been preserved in the Lithuanian Metrica. To adequately understand the information contained in these sources about the noble persons who led the numerous army of "Cossacks" of the Tyumen Khanate and the Nogai Horde, a comparative study was required with the use of additional data. As a result, the exact names and statuses of all the figures mentioned in the sources who led the united army that routed the headquarters of Khan Akhmat in 1481 were determined.

Keywords: Great Horde, Tyumen Khanate, Nogai Horde, khan, sultan, biy, murzas, bek, beklyaribek, Ibak (Sayyid Ibrahim), Mamuk, Abbas, Musa, Yamgurchi, Mengli Giray, Casimir

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation); Chief Editor of the Journal "Tugan Jir. Native Land" (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

УДК 94(47).031"14/15"

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВА С ПОСТОРДЫНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

А.В. Аксанов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена анализу взаимоотношений Астраханского ханства с другими государствами постордынского пространства: Большой Ордой, Ногайской Ордой, Крымским и Казанским ханствами, а также Московским царством. Рассматриваются политические, военные и дипломатические аспекты этих связей, включая конфликты, союзы и торгово-экономическое взаимодействие. Астраханское ханство возникло после распада Большой Орды в 1502 году и с самого начала столкнулось с угрозой со стороны Крымского ханства. Не имея достаточных ресурсов для самостоятельной обороны, Астрахань искала поддержки у Ногайской Орды, что позволило ей долгое время противостоять внешним угрозам. Однако внутренние междоусобицы и неудачная политика некоторых ханов привели к ослаблению ханства. Особое внимание уделяется роли Астрахани как важного торгового и культурного центра, связывающего Восток и Европу. Город был ключевым пунктом на пути паломников в Мекку и центром исламской учености. Торговые связи способствовали экономическому развитию, но зависимость от внешнеполитической ситуации делала ханство уязвимым. В статье также рассматриваются отношения Астрахани с Казанским ханством, которые носили союзнический характер в борьбе против Москвы, но из-за военного давления со стороны Русского государства не могли стать решающим фактором в региональной политике. К середине XVI века Астраханское ханство, ослабленное внутренними кризисами и внешними поражениями, стало легкой добычей Московского царства, что предопределило его падение в 1556 году.

Ключевые слова: Астраханское ханство, Большая Орда, Ногайская Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Московская Русь, дипломатия, торговля, культура

В источниках не сохранилось сведений о возникновении Астраханского ханства. Об этом мы можем судить лишь на основе косвенных данных. Есть мнение, что оно выделилось из состава Большой Орды в 1460-е гг. Однако более аргументированной представляется версия о возникновении Астраханского ханства после распада Большой Орды в 1502 г. [5, с. 32–35]. Так или иначе, начальная история этого постордынского государства связана с Большой Ордой.

Основателем Большой Орды был Кучук Мухаммад, который в 1430-е гг. отвоевал Сарай у хана Улуг Мухаммада. В летописи «Кара таварих» четко обозначено, что «река Идиль, Хаджи Тархан и Сарайчук достались» [13, с. 80] Кучук Мухаммаду. В 1459 г. ханом этих земель стал его сын, Махмуд. В этот период в Астрахани чеканились монеты от имени хана Махмуда [6, с. 745]. В 1465 г. хан Махмуд потерпел поражение от крымского хана Хаджи-Гирея, что привело к междоусобной войне внутри Большой Орды. Возможно, это было противостояние Махмуда с родным братом, Ахмадом, в результате которого позиции Махмуда на некоторое время ослабли, но все же в источниках он продолжал именоваться ханом «ордынским» [12, с. 10] до 1475 г. В этот период Астрахань стала уделом детей Махмуда. После смерти Махмуда в середине 1470-х гг. его старший сын, Касим, будучи правителем Астрахани, вступил в борьбу за ханское место против своего дяди, Ахмада. Однако вскоре Касим признал первенство дяди и принял участие в походе Ахмада на Угру в 1480 г. [5, с. 41–45]. То есть, несмотря на то, что иногда Астрахань выходила из-под контроля Большой Орды, она не стала центром самостоятельного ханства до 1502 г.

В 1502 г. великому князю Ивану III и крымскому хану Менгли-Гирею удалось включить Ногайскую Орду в антиордынский альянс. Это позволило Крыму нанести сокрушительное поражение войскам Большой Орды и присоединить ее западные улусы. Но Большая Орда не была полностью повержена. В 1503 г. астраханский хан Абдулкерим отбил натиск хана Большой Орды Шейх-Ахмада, который после этого вынужден был прекратить борьбу за власть [7, с. 204]. В этих условиях Абдулкерим, будучи сыном хана Большой Орды Махмуда, мог претендовать на все улусы своего отца. Показателем признания самостоятельности Астрахани на международной арене служит и то, что в Духовной грамоте Ивана III от 1504 г. она значится среди ордынских юртов, которым полагалось выплачивать «выход» [4, с. 362].

Однако вместе со статусом Астраханское ханство унаследовало от Большой Орды и конфликт с Крымом. В то же время в распоряжении Астрахани было намного меньше ресурсов, чем у Большой Орды. Она не могла в одиночку бороться с Крымом и вынуждена была искать союзников. Наиболее эффективную поддержку могла оказать Ногайская Орда. Поэтому отношения с Крымом и ногаями играли ключевую роль в истории Астрахани вплоть до 1550-х годов.

Впрочем, в посольском архиве сохранились косвенные свидетельства того, что с самого начала своей истории Астраханское ханство пыталось установить дипломатические отношения и с другим сильнейшим государством постордынского мира – Великим княжеством Московским. В 1503 г. в Астрахани находился московский гонец [12, с. 486], а под 1508 г. зафиксировано первое упоминание об астраханском посольстве в Москве, тогда же появились и Астраханские книги Посольского приказа [9, с. 177–178]. В результате этой дипломатической активности Астрахани удалось нейтрализовать Москву. Однако и Москва, опасаясь усиления Крыма, была не заинтересована в войне против Астраханского ханства. При этом хан Абдулкерим заручился поддержкой ногайцев. В 1509–1511 гг. произошло несколько военных столкновений астраханско-ногайских сил с крымскими татарами. Несмотря на военный перевес, Крымское ханство не смогло сломить сопротивление Астрахани и установить контроль над Нижним Поволжьем.

Астраханское ханство успешно сдерживало натиск Крыма, пока сохранялись союзнические отношения с ногайцами. Но в 1514 г. новый астраханский хан Джанибек из-за неосторожного вмешательства в ногайскую междоусобицу испортил эти отношения. После чего часть ногайцев перешла на сторону Крыма. Воспользовавшись этим, крымский хан Мухаммад-Гирей перешел в наступление. Однако в ходе противостояния, развернувшегося в 1516–1520 гг., астраханским татарам все же удалось отстоять свои земли. В 1521 г. амбициозный крымский хан отправил своего брата Сахиб-Гирея в Казань, а сам организовал поход на Москву. Накануне этого похода он предложил астраханскому хану выступить вместе против Москвы, но получил отказ. Более того, астраханцы напали на Крым во время похода Мухаммад-Гирея на Русь [5, с. 87].

В 1523 г. крымские татары совместно с ногайцами организовали масштабный поход на Астрахань. Астрахань пала, однако ногаи – главные союзники Мухаммад-Гирея – опасаясь усиления Крыма, предательски убили крымского хана и организовали разорительный набег на его земли. После этого ногайский бий Мамай попытался захватить Астрахань. Резкое усиление позиций Ногайской Орды вынудило Крым и Астрахань пойти на установление союзнических отношений. Впрочем, из-за внутриполитической нестабильности астраханцам так и не удалось заключить прочный союз с Крымом.

В 1546 г. астраханский хан Аккубек во второй раз был свергнут с ханского места. Этот переворот стал поводом для похода на Астрахань крымского хана Сахиб-Гирея. Новый астраханский хан Ямгурчи бежал из Астрахани, а Сахиб-Гирей победоносно вошел в город и опустошил его. После чего политический кризис в Астраханском ханстве усилился. Чтобы подавить оппозицию и вновь утвердиться на астраханском престоле, вернувшийся из бегства хан Ямгурчи обратился за помощью к царю Ивану IV. Но в 1552 г. Ямгурчи переориентировался на сближение с крымским ханом Давлет-Гиреем [5, с. 145–147]. Все это привело к конфронтации с Москвой, завершившейся ликвидацией Астраханского ханства.

В политическом плане отношения с Казанским ханством не играли столь существенной роли в истории Астрахани, как отношения с Крымом и Ногайской Ордой. Это было обусловлено тем, что ко времени возникновения самостоятельного Астраханского ханства Казанское ханство находилось в зависимости от Москвы. Периодически Казань, опираясь на Крым и ногаев, выходила из политического фарватера Москвы, но вернуться к активной внешней политике не могла. Известно лишь, что в 1517 г., когда бездетный казанский хан Мухаммад-Амин был при смерти, казанцы просили крымского хана прислать человека для правления и угрожали, что в противном случае они возьмут хана из Астрахани. Однако, по справедливому замечанию И.В. Зайцева, планы взять хана из Астрахани были высказаны лишь для того, чтобы крымский хан не медлил с решением прислать своего человека на казанский престол [5, с. 81]. Другой эпизод казанско-астраханских отношений зафиксирован под 1523 г., когда астраханский хан Хусейн обратился к казанскому хану Сахиб-Гирею за помощью в борьбе с ногайским бием Мамаем [7, с. 209]. Однако в 1523 г. на Казанское ханство напало большое войско Василия III, поэтому едва ли казанцы могли выделить силы для защиты Астрахани. По данным русских летописей, в 1530 г. астраханские татары участвовали в обороне Казани [10, с. 204–205].

В период второго правления казанского хана Сафа-Гирея (1535–1546 гг.) астраханские татары вместе с казанцами участвовали в походах на восточные окраины Московского государства. Известно, что после переворота 1546 г. Сафа-Гирей вместе с сеидом Мансуром укрылся в Астрахани и, в том же году, получив военную помощь от астраханского хана Аккубека, вернулся на казанский престол [11, с. 58–59; 5, с. 138].

Впрочем, сохранившиеся сведения об астраханско-казанских связях – это всего лишь вершина айсберга. Но даже по ним видно, что как минимум с 1520-х годов Астраханское ханство выступало союзницей Казани в ее борьбе против Московского царства. Возможно, это было обусловлено желанием отстоять общие экономические интересы, связанные с волжской торговлей. Так или иначе, судьбы этих государств очень тесно переплелись. Не случайно, главным информатором Утемыша-хаджи при описании истории Казанского ханства выступил астраханский хан Аккубек. Аккубек правил в 1532–1533 и в 1545–1546 гг. и

хорошо ориентировался не только в современной ему ситуации, но и в прошлом казанских ханов, начиная с Улуг Мухаммада [13, с. 80].

Астрахань связывали с Казанью и другими постордынскими ханствами и духовные нити. Астрахань была ключевым перевалочным пунктом на пути паломников в Мекку. К 1554 г. в городе насчитывалось около 3000 мусульманских ученых-богословов и проповедников. Такое значительное число «мулл, ахунов, сеидов и абызов» [9, с. 200] говорит о том, что Астрахань была важным духовным центром Улуса Джучи. С Астраханью связывали свое происхождение многие сейиды[1], имевшие, наряду с духовно-просветительскими функциями, дипломатические и военные полномочия. Сохранились свидетельства того, что казанские верховные сейиды Кул-Мухаммад и Кул-Шариф были родом из Астрахани. Известны генеалогические данные, указывающие на родство сейидов Астрахани, Казани, Касимова, Крыма, Кубани и Дагестана [2, с. 22].

В силу выгодного географического положения Астрахань являлась крупнейшим торговым центром, связывающим рынки Средней Азии, Ирана, Османской империи и Европы. Поэтому в Астрахани можно было приобрести разнообразные товары не только из постордынских государств, но и из стран мусульманского Востока и Европы. Здесь торговали ремесленными и ювелирными изделиями, солью, льняными и хлопчатобумажными тканями, шелком, драгоценными камнями, пряностями, лекарствами, мехами и другими товарами. Тесные торгово-экономические контакты, наряду с политическими, религиозными и культурными нитями, связывали Астраханское ханство с другими частями распавшейся Золотой Орды. Поэтому любые перемены в жизни соседних государств незамедлительно сказывались на ситуации в Астраханском ханстве.

Однако не стоит преувеличивать степень политической зависимости Астрахани от сильнейших держав постордынского мира. Как было показано выше, долгое время Астрахань сдерживала натиск Крымского ханства и при необходимости давала отпор Ногайской Орде, а также поддерживала Казань. То есть до вторжения войск Сахиб-Гирея Астраханское ханство успешно проводило независимую политику по сохранению баланса сил. Но в 1547 г. крымский хан нанес сокрушительный удар, после которого Астрахань так и не оправилась и впоследствии стала легкой добычей Москвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

2. Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань: Магариф, 2010. 375 с.

3. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.

5. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.

6. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.

7. История крымских татар. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.

8. История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с. + 4 с. цв. вкл.

9. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1112 с.

10. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. VI + V + 242 с.

11. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. 391 с.: ил.

12. Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою Нагайскою ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елионского и К°, 1884. 558 с.

13. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научн. редакция И.М. Миргалеева / Серия «Язма

[1] Сейиды – потомки пророка Мухаммада (ﷺ).

мирас. Письменное наследие. Textual Heritage», Вып. 4. Отв. ред. выпуска И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus AuthorID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE RELATIONS OF THE ASTRAKHAN KHANATE WITH POST-GOLDEN HORDE STATES

A.V. Aksanov
Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

The article examines the relations of the Astrakhan Khanate with other post-Golden Horde states, including the Great Horde, the Nogai Horde, the Crimean and Kazan Khanates, as well as the Muscovite Tsardom. It explores the political, military, and diplomatic aspects of these interactions, covering conflicts, alliances, and trade-economic ties. The Astrakhan Khanate emerged after the collapse of the Great Horde in 1502 and immediately faced threats from the Crimean Khanate. Lacking sufficient resources for independent defense, Astrakhan sought support from the Nogai Horde, which allowed it to resist external pressures for a long time. However, internal strife and the misguided policies of some khans eventually weakened the khanate. Special attention is given to Astrakhan's role as a major trade and cultural hub connecting the East and Europe. The city was a key stop for pilgrims traveling to Mecca and a center of Islamic scholarship. Trade relations contributed to economic prosperity, but dependence on external political dynamics made the khanate vulnerable. The article also analyzes Astrakhan's relations with the Kazan Khanate, which were largely cooperative in opposing Moscow. However, due to military pressure from the Russian state, this alliance could not become a decisive factor in regional politics. By the mid-16th century, the Astrakhan Khanate, weakened by internal crises and external defeats, became an easy target for the Muscovite Tsardom, leading to its fall in 1556.

Keywords: Astrakhan Khanate, the Great Horde, Nogai Horde, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Moscow Rus, diplomacy, trade, culture

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus AuthorID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

УДК 94(57)+94(574)"15-16"

ВЛАДЕНИЯ ТЮМЕНСКИХ ШИБАНИДОВ НА СЫРДАРЬЕ И В ПРИАРАЛЬЕ

Д.Н.Маслюженко, Е.А. Рябинина
Курганский государственный университет

Цель статьи: выявить время и особенности формирования владений Тюменских Шибанидов на Сырдарье и в Приаралье. Работа проведена на основе анализа опубликованных письменных (среднеазиатские хроники и летописи, в том числе Абу-л-Гази, «Кара Таварих» Утемиша Хаджи) и картографических источников. Имеющиеся источники позволяют говорить о том, что на протяжении большей части XV–XVI веков степные территории между Западной Сибирью и присырдарьинскими городами также находились под контролем различных представителей этой династии. Сосредоточенность тюменских лидеров на сибирских и поволжских вопросах привела в итоге к утрате их влияния на юге степной зоны, что при этом не мешало сохранять им там отдельные владения. Именно по этой причине во второй половине 1530-х – 1540-е гг. потомки Ибрахима, возможно при поддержке ногайского клана Шейхмамаевичей (Алтыулов) приняли участие там в борьбе за владения в Бухарском ханстве и в войнах с казахами. Память об этом сохранялась у тюменских татар еще в XVIII веке и отразилась в собранных Г.Ф. Миллером легендах.

Ключевые слова: Шибаниды, Тюменское ханство, Ногайская Орда, Алтыулы, Средняя Азия

На протяжении XX – начала XXI вв. было сделано несколько попыток картографических реконструкций границ Тюменского и Сибирского ханств, в частности карта Сибири XVI–XVII вв. (до 1618 г.) К.Н. Сербиной к изданию первого тома «История Сибири» Г.Ф. Миллера [20, прил.], карта Сибирского ханства (к 1580 г.) А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова к их монографии «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории» [18, рис.2], карта «Тюменское (1468–1495 гг.) и Сибирское (1495–1582 гг.) ханства» А.А. Астайкина к IV тому «История татар» [8, цвет.вкладка]. Проблема всех представленных карт заключается в самой невозможности выделения именно четких границ для средневековых (причем не только кочевых) политий вместо зон влияния, а также в фиксации реально мобильных ситуаций на некий условный момент.

Понятно, что как визуализация эти карты могут быть удобны для учебного процесса или для популяризации неких знаний об этих политиях, но в таком случае возникает вопрос обоснованности территориальных реконструкций, которые в лучшем случае отражают зоны расселения сибирских татар или же, в случае карты А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова, связанные с ними археологические памятники. При этом для карт, созданных в XXI веке, принципиально важной оказывается еще и фиксация соседей этих ханств. В данной работе для нас играют роль только южные степные соседи в Урало-Иртышском междуречье. Так, у омских археологов почти вся южная периферия ханства к 1580 году занята казахами и лишь в Тоболо-Исетском междуречье указаны ногаи. При этом на картах А.А. Астайкина есть интересное расхождение. На карте Мангытского юрта (Ногайской Орды) именно ногаи занимают всю южную периферию шибанидских ханств Западной Сибири XV – конца XVI вв., а на карте Тюменского и Сибирского ханств в Приишимье появляются найманы, аргыны и кереи, связанные с Казахским ханством.

Тем самым исследователи по аналогии с оседлыми державами пытаются привязать ханства Шибанидов к конкретным северным территориям и не считают нужным рассматривать два эти государства как степные, продолжающие традиции кочевой государственности предшествующего времени. При этом редко задаются несколько довольно простых вопросов. Во-первых, насколько территориальность вообще могла быть признаком государственности Чингисидов, по крайней мере, до начала активного давления на них оседлых соседей в конце средневековья и особенно в раннее новое время? Во-вторых, насколько эти границы, не обусловленные конкретными соглашениями, были подвижны в условиях активизации той или иной степной политии Чингисидов? В-третьих, насколько вообще можно определить границы между союзными кочевыми государствами, например Тюменским ханством при хане Ибрахиме и Ногайской Ордой?

Представляется, что попытки в современной картографии нарисовать такие точные границы для государств потомков Чингисхана, особенно в Восточном Деште, чаще всего не отражают действительную историческую ситуацию, а скорее создают мнимую географическую реальность деления степей, что потенциально может и даже используется в современной политической риторике для обоснования территориальных претензий. В конструировании таких визуализаций часто используются источники за весь период существования кочевого государства, в то время как эти границы и зоны влияния могли сильно варьироваться в зависимости от массы разных ситуаций и конкретных направлений активности политических

лидеров. В конечном итоге именно управляемое население (улус) являлось основным содержанием Монгольской империи, а территориальность (юрт) была привязана к необходимости его обеспечения кочевьями [7; 34, с.43–44]. В условиях Восточного Дешта, где в степной зоне и в период Золотой Орды не было сильной урбанизации, эти признаки кочевых политий могут быть перенесена на государственность Шибанидов и Тукатимуридов. При этом города южной (присырдарьинской) и северной (сибирской) периферии были важными элементами экономической системы.

В этом отношении гораздо продуктивнее подход Юрия Брейгеля в его «Историческом атласе Центральной Азии» (An historical atlas of Central Asia) 2003 года. На карте «1469–1499: The Timurids, Moghuls and Uzbeks» он выделяет территорию Сибирского ханства Ибака (до 1495 года) и Тайбугидов (после 1495 года). Для 2003 года такой подход был вполне адекватен текущему состоянию историографии. Нас в данном случае больше интересует территория ханства, которая на севере начинается чуть ниже устьев Ишима и Иртыша, а на юге доходит до рек Тургай и Иргиз, где смыкается с Мангытским улусом [37, p.47]. Даже на последующих двух картах, отражающих ситуацию первой половины XVI века, территории Тайбугидов продолжают включать в себя всю протяженность рек Тобол и Ишим, хотя автор вполне оправданно отказывается от определения северных границ их владений [37, p.51, 53]. Наконец, на карте «The second half of the 16th century: Abdallah khan, the Arabshahids and the Dasht-i-Qipchaq» исток Тобола оказывается под контролем Ногаев, а исток Ишима – Казахского ханства (каганата), но при это к территориям Сибирского ханства относятся земли на северном берегу Иртыша [37, p.55]. К сожалению, в комментариях автор не объясняет эти изменения, но в целом сам подход к созданию карт не на весь период существования ханства, а на каждые несколько десятилетий представляется оправданным, как и понимание, что местным Шибанидам должны были принадлежать не только земли лесостепной Западной Сибири, но и прилегающие степи. В свете этого рискнем поставить еще два вопроса. Как относится к наличию у тюменских и сибирских ханов населения или владений на Сырдарье или в Приаралье? Считать ли их частью управляемых ими государств и тем самым зоны влияния (условные границы) выносить далеко на юг?

Наиболее полное описание владений Шибана было сделано еще в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [2, с.104]. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что согласно «Таварих-и гузида – нусрат-наме» во владения Шибана Бату были отданы следующие тумены (земли и народы): Джулат Черкес на Кавказе (Северная Осетия), Кара Улак (Молдавия, Валахия или Болгария), Кырк йер (Крым), Янгикент (город в низовьях Сырдарьи), Кюйдей (Западная Сибирь или Северный Казахстан) [23, с.242]. Возможное подтверждение сырдарьинским владениям Шибана можно найти в рассказе Плано Карпини о владении этим огланом городами Янгикент, Барчкенд, Ургенч [26, с.33].

В отношении владений Шибанидов некоторые изменения произошли в правление Берке, который вновь перебросил их на европейский театр военных действий [10, с.216; 11, с.77–78]. Уже при Менгу-Тимуре с активизацией угрозы с востока земли «улуса Шибана» были восстановлены [29, с.272; 11, с.78]. Однако, при этом он лишил Шибанидов прямого управления городами, оставим за ними лишь описанную Абу-л-Гази степную территорию [9, с.197; 12, с.133–139; 26, с.33].

Наследники Пулада Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах «разделили отцовы владения, вместе в одной земле и кочевали, и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму – при устье Сыра» [2, с.105], что, видимо, подтверждает утрату более восточных кочевий по Сырдарье с основными городами. Деятельность Пулада в Золотой Орде относится примерно к 1363–1364 гг., а его сына Арабшаха довольно уверенно датируется 1377–1380 гг.. При этом указанный в источнике Ибрахим был дедом Абу-л-Хайра. Судя по всему, после его смерти улус достался Девлет-Шейх-оглану, а затем должен был перейти к Абу-л-Хайру, но в связи с его малолетством оказался в руках у другого Шибанида Джумадука. Б.А. Ахмедов считал, что речь шла о землях к северу от Аральского моря, по берегам притоков Сырдарьи Сары-су и Эмбе [1, с.42–43]. Видимо, после гибели Джумадука в начале правления Абу-л-Хайра некая ситуация на юге заставила его в начале заручиться поддержкой северных племен и сделать местом пребывания трона Чинги-Туру, а лишь после накопления значительных сил начать борьбу за Туркестан и особенно его самый северный город Сыгнак.

Х. Нагаминэ вполне аргументировано считает его «стольным городом и «городом-мавзолеем» для левого крыла Джучидов…» а также рассматривает его как «порт Дашт-и Кыпчака» [24, с.533]. Следует учесть, наверное, еще один момент: по сути, город напрямую примыкал к традиционным южным кочевьям Шибанидов. На данный момент в историографии нет единого понимания того, кому принадлежали земли в среднем течении Сырдарьи, то есть на севере Туркестана. Возможно, в конце XIII – начале XIV вв. здесь появились Ордуиды [24, с.537], кочевья которых тем самым смыкались с Шибанидами. Но в 1340/1341 году хан Узбек отправил в чагатайские земли своего сына Тинибека, который в результате и

занял престол в Сыгнаке [34, с.151–153]. В дальнейшем за этот город будут вести борьбу различные семьи Тукатимуридов (например, Урус и Токтамыш [34, с.185–189], которые постепенно продвигались и в Северное Приаралье на традиционные кочевья потомков Шибана. Следует согласиться с К. Ускенбаем в том, что после 1395 года Сыгнак и прилегающие территории оказались в руках Тимура и его потомков до событий 1426–1427 гг. когда они были захвачены еще одним Тукатимуридом ханом Бараком [34, с.244–245].

Для Абу-л-Хайра вопрос мог быть не только в восстановлении временно утраченных (?) приаральских кочевий, но и присоединении к ним остальных земель по Сырдарье, то есть на севере Туркестана. В таком случае становится понятен и его договор с Тимуридом Шахрухом [28, с.117] и недатированное объявление независимости от потомков Тука-Тимура [1, с.48], которое могло быть в том числе связано с подчинением Сыгнака в результате похода конца 1446-начала 1447 года [19, с.159]. Продвижение Абу-л-Хайра к югу вновь создало основу для расширения владений Шибанидов на Сырдарье и в Приаралье, что и будет заметно как в политике его сыновей и внуков, так и в действиях их конкурентов в лице потомков хана Едигера Ильбарса и Бильбарса. В тоже время остается не ясным то, какое место в этой политике занимала тюменская правящая семья потомков Хаджи-Мухаммада. По сути, именно эти три семьи Шибанидов и стали основателями наиболее мощных шибанидских ханств позднего средневековья.

Информация источников по этому вопросу носит лишь косвенный характер. Так, в результате неких неизвестных нам событий, связанных, видимо, с уменьшением авторитета хана Ибрахима и росте значения внука Абу-л-Хайра Мухаммада Шейбани «…с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [19, с.26]. Очевидно то, что хан Ибрахим действительно некоторое время в 1470-е гг. контролировал земли на самом юге владений Шибанидов в Приаралье, что и закреплялось наличием у него титула «Шибанского царя». Ибрахим, видимо, в этом отношении был продолжателем политики Абу-л-Хайра, стараясь не выпускать из своего внимания земли присырдарьинского региона. Судя по тексту источника, ушли от него представители омаков дурман, уйгур, найман и ички, а также тарханы из числа потомков табунщика Кашлыка. Шейбани-наме позволяет, как минимум, представителей дурманов и тарханов связать с потомками тех людей, которые были при дворе Абу-л-Хайре [36, с.LX]. Найманы, уйгуры и ички также присутствовали в окружении этого хана [15, с.47]. При этом относительно ички и тарханов до сих пор не ясно идет ли речь о социальной группе или формировании на ее основе новой клановой общности. По контексту источника, этот уход можно очень условно отнести ко второй половине 1470-х гг.

Интересно в этом отношении указание на правление Ибрахима «страной Кыркыз» [35, с.83], особенно если под ней понимать не земли в районе Алтая или по Енисею. Как известно, в источниках некие киргизы упоминаются совместно с могулами или калмаками еще в событиях середины XV века в контексте походов на Моголистан, а позднее как союзники казахов [3, с.512–513; 19, с. 211–213, 231]. В таком случае фраза Продолжателя Утемиш-хаджи является еще одним подтверждением наличия у Ибрахима неких людей и связанных с ними владений в Средней Азии.

По сути, именно после конфликта Ибрахима и Мухаммада Шейбани история шибанидской государственности окончательно пошла по пути образования отдельных династий с закреплением их престольных мест в Бухаре, Ургенче (позднее Хиве) и Чинги-туре (с переносом позднее в Сибир или Искер). При этом важным остается вопрос о том сохранили ли члены семьи Хаджи-Мухаммада какие-то владения на Сырдарье после описанного выше случая с Ибрахимом.

Некоторая часть тюменских Шибанидов в первой четверти XVI века в связи с Малым Ледниковым периодом и коллапсом своего государства могли уйти к Ногаям или в Мавераннахр, передав управление Тюменской и Сибирской землей своим родственникам из числа ногайской аристократии, в частности Шейх-Мамаю [6, с.164, 181] или буркутским бекам из Тайбугидов. Чаще всего, миграцию на юг связывают с событиями откочевки узбеков Ильбарса и Бильбарса в 1510–1511 гг., с которыми мог быть и кто-то из тюменских Шибанидов. Однако, в своей переписке с А.Д.Васильевым В.В.Трепавлов обратил внимание, что в опубликованном в 2016 году османском документе из Архива Музея дворца Топкапы об иерархии власти у Шейбанидов нет указания на присутствие в перечне царевичей и наместников Бухары сибирских династов в начале 1530-х гг. [5, с.20].

Скорее всего, по мере упадка Тюменского ханства местные Шибаниды отступали в союзную и родственную им Ногайскую Орду. Еще в 1502 году там оказался сын тюменского и казанского хана Мамука Ахмад [33, с.109, прим.2]. Между 1505–1508 гг. оттуда вели переписку с московскими великими князьями тюменский хан Агалак, царевич Ак-Курт и его сын Ак-Девлет между 1505–1508 гг. [14]. В 1530–1540-е гг. при могущественном Шейх-Мамае находились внуки Ибрахима Ахмад-Гирей и Кучум [30, с.209–210]. Таким образом, вполне возможно, что тюменские Шибаниды появились в Средней Азии несколько позднее, то есть уже после формирования этого списка, причем вполне возможно вместе с потомками Шейх-Мамая.

Это могло быть связано с двумя событиями: с оформлением к лету 1536 союза между Ногаями, Бухарой и Хорезмом против казахов, который привел к катастрофическому поражению последних летом 1537 года [30, с.204] и откочевкой Шейхмамаевичей (Алтыулов) на Эмбу и Сырдарью. Где они впервые упоминаются осенью 1549 г. после смерти их отца [31, с.81]. Возможно, именно они оказывали потомкам Ибрахима поддержку в дальнейших военных действиях в Туркестане.

Иначе сложно интерпретировать указание Продолжателя Утемиш-хаджи относительно деятельности двух потомков хана Ибрахима: «Имена огланов Сары султан и Муртаза султан, они наконец став взрослыми подчинили себе весь Мавераннахр, между (рек) Инрек и Сувнак Дерйа-и Тур в домах Элифа (?) стал ханом» [22, с.65]. В этом отношении интересно, что в преданиях тюменских татар, которые были информаторами Г.Ф.Миллера, также сохранилась память о том, что Муртаза был ханом «Большой Бухары», причем именно оттуда был прислан и сам Кучум [20, с.192]. Понятно, что переносить данные этих поздних сообщений на бухарские реалии XVI века довольно проблематично, но среди местных Шибанидов в 1540–1550-е гг. действительно велись междоусобные войны, что и позволяло принять в них участие кому-то из потомков хана Ибрахима, тем самым вернув под свой контроль некие местные владения. Кстати, немаловажно то, что у Г.Ф.Миллера сохранилась, видимо, также из рассказов сибирских татар, информация о том, что Ахмад-Гирей возвращался из Сибири в Бухару, чтобы принять там управление землями умершего отца Муртазы (вопреки привязки к дате первой исламской миссии 1572 года, это должно было случится не позднее 1569 года) [20, с.195], передав сибирский престол Кучуму. Лишь в 1574 году вместе с новой миссией он по просьбе Дин-Али-ходжи и Шербети-шейха и прямому указанию хана Абдаллаха II вернулся в Сибирь, в результате чего второй раз взошел на престол [27, с.137].

У Продолжателя также сообщается, что «У этого Муртаза-хана родились три сына. Одного звали Ахмед Гирей, еще одного говорят Кучум-хан. И этот (Кучум-хан) говорят был умным и совершенным. И Чайлу-султан также является сыном Муртаза-хана и до сих пор в Казахских юртах (Казак йуртларында) у него говорят есть сын. Кучум-хан также воевал в Туркестане в стороне Отрара и со всей страной казахов (Казак мәмләкәти) противостоял и воевал» [22, с.64]. Датировать эти события, на наш взгляд, довольно проблематично, но с учетом предложенной В.В.Трепавловым даты рождения Кучума в 1537 году [32, с.12], это могло происходить как раз в 1550–1560-х гг., то есть частично совпадая с указанными выше войнами. Возможно, что при этом действия в Туркестане и против казахов могли быть двумя разными событиями, тогда под последним имелись в виду известные сибирско-казахские столкновения 1569–1570 гг.

Косвенным признаком среднеазиатских связей Кучума может быть и происхождение одной из его жен, матери царевича Каная. В отписке уфимского веводы Михаила Нагого тюменскому воеводу князю Луке Щербатову (не ранее 9 марта 1601 г.) сообщалось, что бухарские торговые люди из «бухарского из Шаврана города» приезжали к Кучумовым царевичам и звали царевича Каная на княжение туда, поскольку туда «за старость» была отпущена мужем, то есть Кучумом, мать царевича [21, с.197]. Скорее всего, здесь имеется в виду город Сауран, расположенный на Сыр-Дарье в 43 км от Туркестана. С учетом специфики брачной политики Шибанидов, скорее всего, этот брак отражал важные для Кучума связи с какой-то местной влиятельной политической группой, важной для него как раз в период борьбы за Отрар.

На картах А.Ортелия 1570 г. и Й.Хондиуса 1606 г. фиксируется «Zibierairorum Horda», то есть искаженное «Орда сибирских татар», которая располагается в степях к северу от Туркестана и Мавераннахра. Проведенный нами анализ европейских карт XVI века показал, что эта орда заместила известных на более ранних картах шибанских татар [17]. По всей видимости, размещение этой орды в степной зоне современного Казахстана сложилось не столько после поражения Кучума от Ермака [32, с.124], сколько было традиционным как для правления этого хана, так и его предков со времен хана Ибрахима. В более широком смысле эта Орда занимает почти всю территорию т.н. «Боз Орды» Шибанидов в трактовке А.К.Кушкумбаева [12, с.142].

Представляется, что некие владения Кучума в приаральском или присырдарьинском регионе, которые могли быть как раз спорными между его семьей и родственными им Алтыулами («вы взяли землю Авлия мирзину, а он ваши в присвоенье»), могли выступать и важным фактором в создании трехстороннего союза ханов Абдаллаха II, Кучума и алтыульского мирзы Аулии. Бухарский лидер для вовлечения последних в этот союз предлагал Кучуму отдать некие земли Аулие, причем указывая, что «…в той ж земле [цари]цы ваши и братья были, и они все вкупе жили. А нынеча земля вам досталася…» [4, с.236–237].

Отметим, что, если убрать управление Бухарским и Сибирским ханствами представителями одной семьи Шибанидов и явные связи между Абдаллахом II и Кучумом, сама ситуация с владениями одной династии (тюменско-сибирской) на территории другой (бухарской) несколько напоминает ситуация с уделами ордынских ханов на территории Китая, которая хорошо описана Р.Ю.Почекаевым [25]. Понятно, что в обоих случаях сложно говорить о прямом включении таких территорий именно в состав государства; тем более, что в последнем случае сами ханы там не бывали, но получали оттуда доходы, в том числе некоторое время с помощью лояльных им наместников. В этом отношении весьма интересная параллель

напрашивается с родственными связями представителей социальной группы или клана тархан из потомков табунщика Кашлыка, которые могли управлять как отдельными сибирскими городками, например Тархан-Кала, так и городами в Средней Азии [16]. При этом рассматриваемая нами ситуация несколько сложнее, поскольку в рамках Арало-Уральского цикла кочевания тюменские Шибаниды не только получали какие-то выплаты от своих владений в Средней Азии, но периодически сами находились в своих южных владениях, воевали за их расширение и черпали оттуда людские ресурсы для сибирской политики.

Таким образом, с первых лет правления тюменского хана Ибрахима его семья была связана с отдельными племенами, территориями и городами в низовьях Сырдарьи и Северном Приаралье. При этом, судя по европейской картографии, степные территории современного Казахстана в значительной степени были заняты шибанскими татарами или Ордой сибирских татар на протяжении почти всего XVI века, что объясняет возможную легкость передвижения с севера на юг в едином шибанском политическом пространстве между Сибирью и Бухарой. Представляется, что именно оно, несмотря на периодическую деградацию в ходе междоусобиц и конфликты с казахами, позволяло тюменской и сибирской правящей семье иметь владения далеко на юге. Подход к этой проблеме только с позиций территориальности и границ модернизирует ситуацию и заводит нас в логический тупик непонимания, поскольку здесь вряд ли применимо традиционное понимание «границ», если оно вообще может быть использовано в современном смысле к средневековым политиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 181 с.

2. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С.Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. Москва; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.

3. Бартольд В.В. Киргизы // Сочинения. Т.2. Ч.I. Москва: Наука, 1963. С.473–546.

4. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6. С.229–243.

5. Васильев А.Д. О Вадиме Винцеровиче Трепавлове и наших беседах о внешнеполитических связях шейбанидов Бухары // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В.Трепавлова. Москва: Институт российской истории РАН, 2024. С.17–24.

6. Герберштейн С. Записки о Московии. Москва: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

7. Дугарова С.Ж. Определение понятия «ТӨР УЛС» (государство) и его признаков в монгольской историографии // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия». 2011. № 8. С.155–157.

8. История татар с древнейших времен. В 7 т. Т.IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Фолиант, 2014. 953 с.

9. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000. 324 с.

10. Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI. С.210–224.

11. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII века) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. №1. С.43–97.

12. Кушкумбаев А.К. Орды в политической истории Джучиева Улуса (источники и историография). Алматы: Шыгыс пен Батыс, 2020. 160 с.

13. Маслюженко Д.Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С.117–134.

14. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С.62–68.

15. Маслюженко Д.Н. Поименные списки соратников Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып.3. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. С.44–60.

16. Маслюженко Д.Н. К истории института тарханства в государствах Шибанидов на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С.71–74.

17. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Территория Тюменского и Сибирского ханства на западноевропейских картах XVI – начала XVII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2020. С.23–26.

18. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.

19. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

20. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.I. Москва: Вост.лит., 2005. 630 с.

21. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Москва: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.

22. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С.64–66.

23. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. Москва: Вост.лит, 2011. С. 228–248.

24. Нагаминэ Х. Сыгнак как «порт Дашт-и Кыпчака» и «город-мавзолей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551

25. Почекаев Р.Ю. Китайские владения Золотой Орды: административно-правовое положение // Золотоордынское наследие. Вып.2. Материалы II Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 60–64.

26. Сабитов Ж.М. Улусы Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды в XIII–XIV веках // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С.31–38.

27. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. Москва: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

28. Таварих-и гузида Нусрат-наме / иссл., критический текст А.М.Акрамова. Ташкент: Фан, 1967. 135 с.

29. Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // Archivum Eurasiae Mediiaevi. T.VII (1987–1991). Wiesbaden, 1992. Pp.249–278.

30. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

31. Трепавлов В.В. «Шесть сыновей». Остатки Ногайской Орды в казахских степях // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С.79–94.

32. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва: Вост.лит., 2012. 231 с.

33. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н.Маслюженко, А.Г.Ситдикова, Р.Р.Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 560 с.

34. Ускенбай К. Восточный Дешт-и Кыпчак в XIII – начале XV вв. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

35. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

36. Шейбаниада. История монголо-тюрков, изданная И.Березиным. Казань: Университетская типография, 1849. 332 с.

37. Bregel Yuri. An historical atlas of Central Asia (Handbook of Oriental Studies. Section eight. Central Asia ; vol. 9). Leiden, Boston: Brill, 2003. XII+109 p.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551- 2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Елена Алексеевна Рябинина – старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

POSSESSIONS OF THE TYUMEN SIBANIDS IN THE SYR DARYA AND THE ARAL SEA REGION

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina
Kurgan State University

Purpose: to identify the time and features of the formation of the Tyumen Shibanid possessions in the Syr Darya and the Aral Sea region. Materials: the work is based on the analysis of published written (Central Asian chronicles and chronicles, including Abu l-Ghazi, Kara Tavarikh Utemish Haji) and cartographic sources. Results and scientific novelty. The available sources suggest that for most of the 15th–16th centuries, the steppe territories between Western Siberia and the Prisyrdarya cities were also under the control of various representatives of this dynasty. The Tyumen leaders' focus on Siberian and Volga issues eventually led to the loss of their influence in the south of the steppe zone, which did not prevent them from maintaining separate possessions there. It is for this reason that in the second half of the 1530s – 1540s, the descendants of Ibrahim, possibly with the support of the Nogai clan of Sheikhmamaevich (Altyuls), took part there in the struggle for possessions in the Bukhara Khanate and in the wars with the Kazakhs. The memory of this was preserved among the Tyumen Tatars as early as the 18th century and was reflected in the legends collected by G.F. Miller.

Keywords: Shibanids, Tyumen Khanate, Nogai Horde, Altyuli, Central Asia

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Elena A. Ryabinina – Senior Lecturer of the Department of History and Documentation, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

УДК 94(47).031"12/13"

КЛАНОВАЯ СИСТЕМА ТАТАРСКОГО СОСЛОВИЯ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И НАХОДКИ[1]

Д.М. Исхаков
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
Редакция журнала «Туган җир»

В Казанском ханстве правящее сословие состояло из золотоордынских татар с клановым делением. Несмотря на ряд исследований, посвященных изучению истории формирования данной страты общества, далеко не все аспекты его становления раскрыты. В настоящей публикации обсуждаются такие не полностью раскрытые вопросы, как время появления в Казанском ханстве отдельных карачабекских кланов (шырын/ширин, барын, мангыт), соотношение этих и других знатных кланов с остальными родо-племенными группами преимущественно в Приуралье. Рассматривается также проблема образования Мангытского юрта (княжества) в Казанском ханстве в связи с формированием подходов к определению границ между этим государством и Ногайской Ордой.

Ключевые слова*:* Казанское ханство, Ногайская Орда, Ногайская дорога (Мангытское княжество), мангыты, ширины, барыны, татарское сословие

К настоящему времени вряд ли можно сомневаться в том, что сословие татар, образовавшее правящий слой Казанского ханства, состояло из клановых групп – в этом государстве в той или иной степени прослеживается присутствие кланов шырын (ширин), барын, аргын и кыпчак [12; 13, с. 66–67]. К этой «четверке», игравшей ключевую роль в социально-политической структуре Казанского ханства, можно было бы добавить и пятую группу – клан мангыт, но лишь после дополнительных исследований [9, с. 140–176]. На основе названных клановых сообществ в этом ханстве функционировала постоянно действующая армия из клановых войск численностью до 12 тыс. чел. [9, с. 69, 78], а также было осуществлено административно-территориальное деление данного государства на 5 «дорог» *(даруг)* [9, с. 14–15].

На первый взгляд относительно места и роли татарского сообщества этого государства на сегодня имеется стройная концепция [5, с. 790–795]. Но из-за ограниченности источников далеко не все аспекты проблемы формирования татарского политического ядра Казанского ханства уже установлены в полной мере. В их числе остается до конца не проработанным весьма важный вопрос о начальном этапе становления в данной политии ее татарского сословия. В том числе из-за источниковых ограничений во многом не ясна клановая дифференциация татар, правивших в Булгарском вилайете до прихода туда в 1430-х годах новой группы татар во главе с ханом Улу-Мухаммедом [8; 11]. Приход на эту территорию относительно немногочисленной (3-3,5 тыс. воинов) группы, составившей вместе с женщинами, детьми и т.д. около 10 тыс. чел., возможно и несколько больше, демографическую ситуацию в Среднем Поволжье вряд ли изменил коренным образом, но создал тем не менее иную социально-политическую реальность, когда должны были в том числе взаимодействовать «старые» и «новые» группы татар. Имело ли место такое взаимодействие или прежние кланы покинули территорию Казанского юрта, остается неизвестным из-за состояния источников.

Другим проблемным моментом при попытке обоснования изначального присутствия в составе прибывшей вместе с ханом Улу-Мухаммедом в Булгарский (Казанский) вилайет группы представителей названных выше 4-х кланов (пятый клан – мангыты, скорее всего появился позже) является узость существующей на сегодняшний день источниковой базы. Поэтому, до сих пор в той или иной мере было более детально обосновано появление тогда в Среднем Поволжье в составе людей этого хана кланов аргын и кыпчак [12; 6]. А вот насчет времени появления в Булгарском (Казанском) вилайете кланов барын и ширин остаются вопросы. Это касается и клана мангыт. С последним следует выяснить, когда именно все-таки его представители закрепились в Казанском ханстве – прежние данные об их институциональном устройстве в этом государстве в виде особого княжества в первой половине XVI в. скорее всего следует уточнить.

Наконец, необходимо каким-то образом встроить в общую концепцию существования в Казанском ханстве кланово-дифференцированного правящего татарского сословия из пяти кланов (шырын, барын,

[1] Текст доклада, прочитанного на Всероссийской научной конференции «Портреты средневековой татарской истории». Казань, 4 марта 2024 г.

аргын, кыпчак, мангыт) значительного числа родо-племенных групп (ыру, иль, волость), фиксирующихся на бывших восточных территориях этого государства уже после их присоединения к Московскому царству, то есть, в составе Казанского и части Уфимского уездов в XVI – XVII вв. [7; 11]. Эти родо-племенные группы скорее всего существовали там и в период ханства. Вопрос однако в том, что в основном это было ясачное население, тогда как татары Казанского ханства являлись военно-служилой корпорацией.

Кроме того, вопрос о приуральских группах значительно усложняется нерешенностью общей проблемы территориального размежевания на северо-западе Приуралья границ Казанского ханства и Ногайской Орды, а на северо-восточных рубежах – Казанского и Сибирского ханств. В этой связи надо отметить, что не вполне проясненным остаются вопросы о наличии в русское время таких носящих общее наименование административно-территориальных единиц, как «Ногайская дорога» в Казанском и Уфимском уездах. Как, впрочем, и «Казанской», а также «Сибирской» дорог в Уфимском уезде, трактуемых как отголоски былой принадлежности их, соответственно, к Казанскому и Сибирскому ханствам [30]. На самом деле нами хотя и не ставится задача углубления в рассмотрение этих проблем, они достаточно важны, ибо, например, без установления границ пределов Ногайской дороги Казанского уезда XVI–XVII вв. затруднено решение проблемы «Мангытского юрта», «мангытского места», контролировавшегося в Казанском ханстве особым «мангытским князем», отмечаемом в этом государстве ближе к середине XVI в. (анализ проблем см.: [9, с. 16-17]). Главная сложность с этим административно-территориальным образованием, существовавшим в Казанском ханстве, заключается в неясности его статуса в рамках казанско-ногайских политических отношений. А без определенности по этому пункту трудно выработать обоснованный подход и к вопросу о тех довольно многочисленных родо-племенных группах северо-западного Приуралья, которые могли входить в состав Казанского ханства, но, не исключено, частично относились и к Ногайской Орде, точнее, как мы ранее предполагали, к Ногайской дороге/Мангытскому юрту, существовавшему в политических рамках ханства имея какую-то связь и с Ногайской Ордой [9, с. 16–26, 140–166].

Все отмеченные проблемные моменты в одной публикации осветить не представляется возможным. Скажем, весьма трудный вопрос о татарских клановых группах в Булгарском вилайете Золотой Орды, ранее уже рассмотренный нами в пределах имеющихся источников [8; 11], тут не будет затрагиваться. Не предполагаем мы и детального рассмотрения административно-территориального деления Казанского ханства и их границ, сосредоточившись лишь на вопросе о восточных рубежах Ногайской дороги данного государства. Начать же наш анализ следует с некоторых уточняющих замечаний относительно кланов барын и шырын периода их вселения в Казанский юрт в составе людей Улу-Мухаммеда в 1430–1440-х годах.

Относительно клана барын имеются некоторые новые материалы, которые прошли мимо внимания исследователей, но именно они позволяют датировать появление его представителей в Казанском юрте. Прежде всего надо обратить внимание на содержащееся в ряде русских летописей сообщение за 1437 г. о составе воинов хана Улу-Мухаммеда, где отмечены и двое «дараг князей» – это Усеин Сараев и Усень-Хозя [20, с. 205]. Безусловно, они являлись карачабеками, следовательно, как князья, возглавляли самостоятельные кланы. Во главе каких же кланов они стояли?

Для ответа на этот вопрос вначале надо присмотреться к фигуре князя Усеина Сараева и тогда мы обнаружим, что под 1409 г. в русских летописях в сообщении об отправке по распоряжению хана Золотой (Большой) Орды Булата рати во главе с Едигеем против русских земель, фигурирует князь Сарай сын Урусаха [20, с. 205]. Ранее нами высказывалось мнение, что в этом князе надо видеть находившегося в 1391 г. в войсках хана Тохтамыша Урусчука из племени кыйат. Но сейчас этот вывод приходится признать ошибочным, ибо в настоящее время личность князя Сарая можно установить более точно. Для этого, во-первых, следует опереться на данные, имеющиеся в дастане «Идегей» и в таких татарских исторических трудах, как «Кара таварих» Утемиша-хаджи, «Джамигут-таварих» Кадыр-Али бека и «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми. Согласно дастана «Идегей», раненного беклярибека Идегея прикончил некто «Барын мырза» [4, 243 б.; 16, 56 б.], который при сравнительном изучении отмеченных трех татарских исторических источников оказался беком племени барын Сараем [31, с. 77, 146; 14, б. 27; 17, с. 77–78]. Учитывая, что он действовал в эпизоде убийства Идегея совместно с главой клана шырын, у нас есть основания считать князя – «дарагу» Усеина Сараева из летописного сообщения за 1437 г. именно беком той части клана барын, который ушел с Улу-Мухаммедом и оказался в Казанском юрте. Есть несколько дополнительных аргументов на этот счет. В частности, обращает на себя внимание имя адресата московского митрополита Ионы, присутствующие в его послании в Казанское ханство за 1455–1456 гг. по торговым делам – его звали Шаптак Сараевич [1, с. 497–498]. Вряд ли митрополит входил в переписку в рядовым лицом, что наталкивает на мысль о том, что Сарай бека, князя Усеина Сараева, а также Шаптака Сараевича надо рассматривать в одном ряду как представителей клана барын. Еще один аргумент в пользу такого заключения последует далее. В итоге у нас появляются все основания полагать, что представители клана барын в Казанском ханстве появились еще при хане Улу-Мухаммеде и его сыне Махмудеке.

О клане шырын прежние данные относились в большинстве своем к первой половине XVI в., хотя мы уже обращали внимание на один документ (точнее, на их группу), рассказывающий об уходе в 1487 г. «Алегамовых царевых людей» из Казанского ханства и на присутствие в их составе двух (отца и сына) знатных татар из Ширинов, имевших статус «карача», то есть бывших карачабеками [12, с. 354]. Отметим, что эти татары – эмигранты вначале оказались в Ногайской Орде, а затем перебрались в Тюменское ханство. Привлечение крымских материалов позволило установить, что за Бегиша и его сына Утеша, согласно посланию за 1502 г. крымского хана Менгли-Гирея в Москву, хлопотали крымские Ширины, а в содержании послания указывалось: «…Ширин Бигишев сын Утеш … <являлся> царевем (то есть казанского хана – Д.И.) холопом карачем» [26, с. 73]. Так обнаруживаются следы клана шырын в Казанском ханстве уже в 1480-х годах, причем устанавливается сохранение ими связей со своими крымскими сородичами, также имевшими высокий статус там. В результате у нас появляется возможность поиска знатных лиц из данного клана в Казанском юрте применительно к первой половине XV в. И вот тут мы должны вернуться к фигуре второго «даражского» князя из летописного сообщения за 1437 г. – к Усеин-Хозе. При этом выясняется, что это имя очень напоминает имя постельничьего хана Улу-Мухаммеда из летописного сообщения за 1432 г. – того звали «Усеинъ» [23, с. 16]. А про него известно, что он являлся «братаничем» (племянником) бека племени шырын Тегени [24, с. 249]. Тегине же являлся не просо главой клана шырын, а до вынужденного ухода Улу-Мухаммеда в Среднее Поволжье, беклярибеком правого крыла Золотой Орды, причем именно он совместно с главой клана кунграт Айдар беком после гибели в сражении с Идегеем хана Кадыйр-Берди б. Тохтамыша поднял на ханский трон молодого султана Улу-Мухаммеда [17, с. 76]. То есть клан шырын был особенно близок к хану Улу-Мухаммеду (с кунгратами у него отношения не сложились) не только как один из наследственных *(каучин)* групп, но и как поддержавший его фигуру на ханское место. В такой ситуации недавнюю попытку Р.А. Беспалова отождествить вышеназванного князя Усеина Сараева с постельничим этого хана Усеин-Хозей [2, с. 52], надо признать неудачной, на самом деле Усеин-Хозя/Усеин был знатным лицом из клана шырын. Можно привести и один косвенный аргумент в пользу сказанного, на этот раз присутствующий в хронике И. Стрыйковского, рассказывающей о приходе около 1443 г. в Великое Литовское княжество за Хаджи-Гиреем для того, чтобы посадить его на престол Крымского ханства, «татар перекопских, барынских и ширинских» [27, с. 194]. Как думается, именно эти два клана являлись старшими (ведущими) среди четырех племен-каучинов рода хана Тохтамыша [11, с. 853]. Не является случайностью и присутствие двух «даражских» князей – Усеин-Хози (Усеина) и Усеина Сараева в окружении хана Улу-Мухаммеда как глав оказавшихся в составе людей Улу-Мухаммеда частей кланов шырын и барын. Поэтому мы можем достаточно уверенно утверждать, что представители клана шырын в Казанском юрте оказались с самого начала становления ханства, а статус казанских Ширинов как беклярибеков, хорошо фиксирующийся в документах первой половины XVI в., тоже восходил к ранним временам, когда при хане Тохтамыше предок Ширинов Уренг-Тимур играл такую же роль при завоевании сарайского престола и после этого события (см., например: [17, с. 61–66; 31, с. 59]).

Итак, у нас есть все основания видеть в 4-х кланах (шырын, барын, аргын, кыпчак) первоначальные, карачабекские кланы Казанского юрта. Подтверждением данного вывода является известный договор бывшего казанского хана Абдыл-Латыфа за 1508 г. с Московским великим князем, в котором были обговорены особые права «Ширинова роду и Барынова и Аргынова и Кыпчакова» на свободный уход (отъезд) из Московского великого княжества их представителей, находившихся в окружении Абдыл-Латыфа [26, с. 35, 51]. Хотя мы точно не знаем, куда бы могли выехать эти представители знатных кланов – то ли в Крымское, то ли в Казанское ханства – из приведенного сообщения ясно проглядывается «укорененность» в Казанском ханстве именно этих четырех кланов, а вот мангытов среди них нет, что скорее всего связано с их тогда еще не завершенным закреплением на территории этого государства. В таком случае закономерен вопрос: а когда же мангыты институционально обосновались в Казанском ханстве?

Вообще-то самое ранее прямое упоминание на территории Казанского ханства знатного представителя клана мангыт относится к 1503 г. и оно по ряду причин заслуживает особого внимания. Речь идет о том, что казанский хан Мухаммад-Амин в своем послании в Москву за 1503 г. извещал Ивана III об отправке в Ногайскую Орду «своего князя Мустофара Мангыта» [25, с. 504]. Хотя мы тут имеем дело лишь с одиночной фигурой, эта личность интересна тем, что Мустофар обладал титулом князя, то есть бека (бия). Но в Ногайской Орде только его правитель из клана мангыт мог обладать титулом бия, поэтому из-за того, что в этом государственном образовании князя/бия с таким именем мы не знаем, а Мустофар явно был из клана мангыт, бекский статус он, похоже, приобрел уже в Казанском ханстве, тем более, что Мухаммад-Амин именует его «своим князем». Вот и возникает вопрос: а не о начале ли формирования в Казанском ханстве Мангытского юрта/Ногайской дороги свидетельствует этот факт? Для того, чтобы укрепиться в этом мнении, следует проанализировать еще некоторые данные. Так, нельзя пройти мимо такой фигуры, как князь Канымет/Калимет. В первый раз князь Канимет, Итяков брат, упоминается в рядах казанской рати, отправленной в 1490 г. ханом Мухаммад-Амином против Большой Орды [25, с. 113]. В следующий

раз в 1496 г. в числе четырех «казанских князь» – явно карачабеков – всплывает имя Калимета [20, с. 248; 21, с. 328]. Так как приведенные имена созвучны, к тому же оба этих князя обладали одинаковыми титулами, а в 1490 г. Канимет, брат Итяка находился в войсках, что было характерно именно для карачабеков, считавшихся «князьями-воеводами», у нас появляются основания для предположения о тождественности Калимета/Канимета. В пользу такого заключения может говорить и то, что у ногайского бия Мусы, умершего между 1502-1507 гг., был известен сын по имени Идяк [3]. Бия по имени Идяк мы в Ногайской Орде не знаем, хотя из-за того, что Канимет обладал титулом князя, его брат Итяк/Идяк тоже должен был бы иметь такой же титул. Отсюда заключаем, что княжеский (бекский) статус оба они могли получить в Казанском хастве будучи местоблюстителями «Мангытского юрта/Ногайской дороги» как «мангытские князья». Правда, в этом государстве имелись еще двое князей со сходными именами. Один из них – «казанский князь Калмет», был убит около 1502 г. по распоряжению хана Мухаммад-Амина [22, с. 52, 99]. Не исключено, что это был тот же мангытский князь, брат Идяка (Итяка), ибо в русских летописных известиях из-за особенностей летоисчисления в них, некоторая хронологическая неувязка вполне могла иметь место. А пострадать этот князь мог как раз из-за казанско-ногайских военных действий конца XV – начала XVI вв. Второй князь со сходным именем и титулом «казанского князя» к 1505 г. контролировал крепость (возможно, историческую «Имян-кала») в районе будущего г. Уфы – его звали Кара-Килимбет, чье имя при стяжении (Килимбет/Канымбет) также дает знакомое нам уже имя. Так вот, этот «казанский князь» в 1505 г. был отправлен с дипломатический миссией из Казанского ханства в Москву [22, с. 52, 99]. Но из-за отмеченного выше убийства «казанского князя» Калмета (Канимета) около 1502–1503 гг., Кара-Килимбета мы не можем рассматривать в ряду отмеченных выше фигур, хотя в нем тоже можно заподозрить одного из знатных лиц клана мангыт, ибо из ногайских дел за 1508 г. известен брат мурзы Алчагира (тот являлся сыном бия Мусы) по имени Кулахмет [18, с. 71], а это имя можно считать вариантом имени Килимбет/Кол-Ахмет. Об этом приходится задумываться потому, что сын мурзы Алчагира по имени Урак, приходившийся внуком ногайского бия Мусы, в 1536 г. сообщал: «…ныне по лету кочуючи до Казани докочевали, и торговали есми, а в Казань дружбы для есми не дошли, занеже то известное наше кочевище к Казани кочевати» [19, с. 350]. В том же году другой сын ногайского бия мурза Ших-Мамай утверждал: «…прошлые зимы Белую Воложку[2] перелезши сын мой Хан-мурза твою (Ивана IV – Д.И.) землю Нократ воевал, ино уже ту землю мои люди видели, да и сами мы ту землю видели…» [19, с. 326].

Эти сообщения, пожалуй, могут указывать на постепенное усиление в Казанском ханстве влияния Ногайской Орды начиная с конца XV в., особенно такое влияние могло быть существенным на юго-восточных, закамско-приуральских территориях Казанского ханства. Отсюда следующая гипотеза: если принять во внимание собственно тюркское понимание Белой Воложки/Ак Идели, не есть ли фигурирующая в русских летописях территория под названием «Беловолжская» тот самый будущий «Мангытский юрт»/«Ногайская дорога» Казанского ханства? Вполне возможно, что это так. В данном плане заметим, что отмечаемый в Казанском ханстве в 1549–1550-х годах «мангытский князь», более чем вероятно, контролировал именно эту территорию, собирая оттуда так называемые «мангытские доходы», частично скорее всего отправлявшиеся в Ногайскую Орду как «выход», то есть дань [9, с. 16-17]. Намеки на существование подобных выплат из данного ханства в Ногайскую Орду прослеживаются в ногайских документах уже в 1530-х годах (за 1535 г.) [19, с. 235; 18, с. 66].

Эти материалы как раз говорят об институциональном оформлении начиная с рубежа XV–XVI вв. и по первую половину XVI в. в рамках Казанского ханства самостоятельного административно-территориального образования – Мангытского юрта, позже известного как Ногайская «дорога», со своей знатью из клана мангыт, возглавлявшей группу выходцев из Ногайской Орды, не обязательно, кстати, находившихся в глубине Казанского ханства, а более вероятно, расселенных в закамско-приуральской зоне. Формирование вот этого пятого структурного элемента государства во главе с представителями клана мангыт было прямым следствием серьезных политических изменений на позднезолотоордынском политическом пространстве рубежа XV–XVI вв., начавшихся с разгрома в 1481 г. ногайско-шибанидской (тюменской) коалицией Большой Орды, которая после этого уже не смогла оправиться и в 1502 г. под ударами Крымского ханства перестала существовать, ее население было присоединено к владениям крымских Гиреев, частично оформившись в Астраханское ханство.

Кроме сказанного можно предположить и влияние с начала XVI в. на политические процессы климатических изменений, связанных с «малым оледенением» XVI в., когда, не исключено, под их воздействием между 1509–1511 гг. значительная масса (до 240 тыс. чел) кочевников во главе с Шибанидами, с которыми до определенного времени мангыты имели тесные политические связи, покинули степные про-

[2] Белая Воложка – это р. Белая/Ак Идель, но не в современном понимании. По старым тюрко-татарским представлениям Ак Идель это не только р.Белая, но и р. Кама от впадения в нее р. Белой до впадения р. Камы в р. Волгу (Идель).

сторы южно-уральских и северо-казахстанских территорий, перебравшись в Среднюю Азию и обосновавшись в Бухарском ханстве [28, с. 101; 15, с. 242]. Именно как итог этих весьма существенных геополитических изменений Мангытский иль, постепенно ставший Ногайской Ордой, выдвинулся вплоть до р. Волги, заняв и Южное Приуралье. В ходе этих изменений возникли условия для тесного, далеко не всегда дружественного, взаимодействия Казанского ханства с Ногайской Ордой, к 1530-м годам ставшей значительной военно-политической силой.

Население Ногайской Орды – ногайские татары, в дальнейшем ногайцы (ногаи), являвшиеся сложным конгломератом большого числа родо-племенных групп (детальнее об этом см.: [29]) во главе с мощным кланом потомков Идегея мангыт, в процессе частичной интеграции в состав Казанского ханства (аналогичные процессы протекали и в Крымском ханстве, но несколько позже) привнесли в состав татар государства новый этнический элемент с клановым делением, не обязательно состоявшем только из мангытов. Однако вопрос о том, все ли эти группы, оказавшиеся в сфере влияния Казанского ханства, можно причислить к правившей в этом государстве корпорации татар, остается пока открытым. Мангытов, имевших одинаковый и остальными четырьмя карачабекскими кланами, статус, можно смело отнести с их рядовыми сородичами, возможно и из иных кланов, к татарскому сословию. Но положение других закамско-приуральских групп, в частности, ясачных, было иным, что не исключает вхождения в состав татар Казанского ханства их социальной верхушки. Но эту проблему, как думается, связанную с приуральскими татарами, еще только предстоит разобрать, так как она пока изучена весьма однобоко (см., например, наш опыт изучения данного вопроса [10]).

Совершенно самостоятельным аспектом истории татарского сословия Казанского ханства является комплекс проблем, имеющий отношение к казанско-сибирским взаимоотношениям, имевшим длительный характер и не осмысленный до конца в исторических трудах. Но он в данной публикации не затрагивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1334–1598. СПб., 1841. Т.I. 622 с.
2. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Сборник ст. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант»; Инт-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
3. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т.5. С. 178–419.
4. Идегәй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988 254 б.
5. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
6. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
7. Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 36–65.
8. Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилаяте в 60–70-х годах XIV–40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 68 с.
9. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
10. Исхаков Д.М. По следам Монаш-бека: раняя история предков // Туган җир. Родной край. 2024. №1. С. 11–39.
11. Исхаков Д.М. Проблема становления татарского сословия в Казанском ханстве (конкретно-исторические и теоретические аспекты) // Золотоордынское обозрение. 2023. Том 11, №4. С. 843–862.
12. Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 329–366.
13. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2005. 116 с.
14. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исследования, критич. текста, перевода с тюрки, словаря Р. Аминов; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
15. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.
16. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. 248 б.

17. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage», Вып. 5 / Перевод с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисл. и коммент. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508). М.: АН СССР, Институт истории СССР, 1984. 100 с.

19. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791. 353 с.

20. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 266 с.

21. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М., Л.: Наука, 1963. 411 с.

22. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1982. 227 с.

23. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

24. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 488 с.

25. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т. 1. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. – 558 с.

26. Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. 1508–1521 гг. Под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. СПб., 1895. 706 с.

27. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVIII века. В 2-х томах. М.: Изд.дом «Рубежи XXI», 2005. Т. I. 314 с.

28. Султанов Т.И. Поднятие на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. 276 с.

29. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ры» РАН, 2001. 752 с.

30. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башгиз, 1960. 195 с.

31. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научн. редакция И.М. Миргалеева / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage», Вып. 4. Отв. ред. выпуска И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация); главный редактор журнала «Туган җир. Родной край» (Казань, Российская Федерация)); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

CLAN SYSTEM OF THE TATAR CLASS IN THE KAZAN KHANATE: NEW APPROACHES AND FINDINGS

D.M. Iskhakov

Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board of the Journal "Tugan Jir. Native Land"

In the Kazan Khanate, the ruling class consisted of Golden Horde Tatars with clan division. Despite a number of studies devoted to the study of the history of the formation of this stratum of society, not all aspects of its formation have been disclosed. This publication discusses such incompletely disclosed issues as the time of the appearance of individual Karachabek clans in the Kazan Khanate (Shyryn/Shirin, Baryn, Mangyt), the relationship of these and other noble clans with other tribal groups, mainly in the Urals. The problem of the formation of the Mangyt yurt (principality) in the Kazan Khanate is also considered in connection with the formation of approaches to defining the borders between this state and the Nogai Horde.

Keywords: Kazan Khanate, Nogai Horde, Nogai road (Mangyt principality), Mangyts, widths, baryns, Tatar class

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation); Chief Editor of the Journal "Tugan Jir. Native Land" (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

УДК 94(470.343)

«ЧЕРЕМИССКИЕ ТАТАРЫ» КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ PAX TATARICA XVI ВЕКА: СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОРИКОВ, ГЕОГРАФОВ, ПИСАТЕЛЕЙ, ДИПЛОМАТОВ, ВОЕННЫХ, КУПЦОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ПРЕДКАХ МАРИЙЦЕВ В СОСТАВЕ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Б.Л. Хамидуллин
Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения им. М.Х.Хасанова АН РТ

Так как в XV в. открывается т.н. «Эпоха великих географических открытий», напрямую связанная с геополитикой католических стран Европы, их потребностью в новых материальных и человеческих ресурсах и новых торговых путях, европейских авторов XVI в. стали активно интересовать народы Центральной Евразии, их история и культура, их современное состояние, включая быт, нравы, верования и военные возможности. В данной статье рассматриваются сведения европейских историков, географов, писателей, дипломатов, военных, купцов и путешественников XVI в. о черемисах (предках марийского народа) как неотъемлемой части Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) и Pax Tatarica XVI в.

Ключевые слова: Pax Tatarica, Казанское ханство, «черемисские татары», марийцы, письменные источники, труды европейцев XVI в.

Финно-угорское население Казанского ханства (1438/1445–1552/1556) состояло из некоторой части мордвы (в первую очередь – мордвы-мокши), некоторой части предков удмуртов (в первую очередь – южных удмуртов) и предков марийцев. Князь А.М. Курбский, участник завоевания Казанского государства, чётко указывал, что «кроме татарского языка [т.е. народа], в том царстве пять различных языков: мордовский, чюважский, черемиский, воитецкий або арский, пятый башкирский» [16].

Вплоть до 1918 г. в большинстве письменных и фольклорных источников марийцы фигурируют как «черемисы», при этом сами себя они с какого-то периода именовали этнонимом «мари». Когда впервые зафиксирован эндоним «мари» я не знаю, в историографии я такой информации не встречал, в письменных документах периода Казанского ханства я этот термин не наблюдал. Вплоть до начала XX в. татары именовали марийцев «чирмеш», чуваши – «сярмас», русские – «черемис». По мнению некоторых филологов, данный термин ранее обозначал в тюркских языках понятие «воинственный народ», происходя от слова «чери/чериг» – войско (Отмечу также, что Ата Малик Джувейни в XIII в. использовал слово «чериг» для обозначения не монголо-тюркских вспомогательных военных сил).

Первое письменное упоминание о черемисах в форме «ц-р-м-с» встречается в пространной редакции письма хазарского правителя Иосифа Хасдаю бен Шапруту в середине X в. Упоминаются они там среди «многочисленных народов», которые платят дань хазарскому кагану. Как эти люди сами себя называли с X по XVI в. включительно, мы не знаем, а термин «черемисы» это скорее всего экзоним.

Территория черемисов в XV – первой половине XVI в. большей частью находилась в составе Казанского ханства, где они занимали, по мнению Георгия Перетятковича, «выдающееся положение» [9, с. 118], и у которых, по мнению Александра Бахтина, «сложились союзнические конфедеративные отношения» с татарами [5, с. 134]. Западная граница Казанского государства проходила по реке Суре, включая в состав ханства горных черемисов, на северо-западе рубежи страны проходили по землям, населённым луговыми черемисами. Черемисы входили в состав Галицкой, Алатской и Арской даруг государства, а также некоторых административно-податных «сотен» Горной стороны ханства [2; 19, с. 204–216; 12]. В этот период окончательно оформляются внешние границы основной территории расселения черемисов, не намного превышающие современные границы Марий Эл [4]. С учётом сведений различных письменных источников, йошкар-олинский историк А.Г. Бахтин предположил, что общая численность черемисов в то время равнялась 70–120 тысячам человек [2, с. 29, 33].

Черемисы периода Казанского ханства испытали существенное влияние соседних народов: казанских татар, чувашей, мордвы, русских и предков удмуртов. Например, от тюркоязычных народов региона они восприняли многочисленные языковые и наиболее прогрессивные культурно-бытовые элементы. Некоторые черемисы, в основном – социальная верхушка и т.н. «черемиса ближняя», упомянутая казанским летописцем середины XVI в. около г. Казани, под влиянием татар в XV–XVI вв. исповедовали ислам, однако по верованиям и обрядам наиболее близкими к черемисам были мордва-эрзя и мордва-мокша. Есте-

ственно, сами черемисы также оказывали этнокультурное воздействие на жизнь соседних народов, о чём, в частности, свидетельствует тот факт, что нередко в период Казанского ханства «черемисами» называли и чувашей, и предков удмуртов. Попутно отмечу, что термины «чуваши» и «Чувашия» впервые упоминаются в источниках не ранее первой четверти XVI в. [19, с. 168].

В силу определенных природно-географических условий проживания, своеобразия социально-экономического развития и этнического окружения постепенно выделились две основные этнографические группы черемисов: луговые и горные. Князь А. Курбский и казанский летописец вполне конкретно писали об этих двух группах в составе Казанского государства. Выделяя их, нельзя не отметить и наличие некоторых других территориальных групп черемисов периода Казанского ханства. Так, в «Казанской истории» есть упоминание о «кокшайских» и «ветлужских» черемисах, а также о «дальней черемисе», жившей в 700 верстах от Казани в «башкирских улусах» [19, с. 207–209]. Эта «дальняя черемиса» в последующем явилась основой этнографической группы восточных марийцев [15]. Бежавшие же в 1527 г. и позднее из московского плена в Великое княжество Литовское горные черемисы (а о них нам сообщает, в частности, С.Герберштейн) стали известны там под этнонимом «чемерисы», оставив о себе память в украинском фольклоре и материальной культуре, топонимии и антропонимии [6; 7, с. 167–179].

Как видим, казанский летописец рассматривал черемисов в виде совокупности больших территориальных групп родственного населения, не представлявшего собой единый народ. Это дало выдающемуся отечественному этнологу Клавдии Ивановне Козловой, а позднее – автору монографии «Народы Казанского ханства» Б.Л. Хамидуллину, дополнительный довод сделать вывод, что черемисы в то время ещё не представляли единого этнического целого. Это подтверждают и многочисленные исследования развития феодальных отношений черемисов в XV – первой половине XVI в., в частности монографии и статьи С.Х.Алишева, А.Г.Бахтина и С.К.Свечникова [10, с. 111, 161, 291; 8, с. 82–93; 1, с. 58–61; 2, с. 32–34; 13; 19, с. 209–215; 11].

Обратимся же к трудам европейских историков, географов, писателей, дипломатов, военных, купцов и путешественников XVI в., дающих нам сведения о черемисах (сочинений европейцев XV в. с упоминанием термина «черемисы» я не знаю). Не буду подробно останавливаться на теме, почему и зачем европейцев и европейских авторов XVI в. стали активно интересовать народы Центральной Евразии, их история и культура, их современное состояние, включая быт, нравы, верования и военные возможности. Отмечу лишь всем известный факт, что в XV в. открывается т.н. «Эпоха великих географических открытий», напрямую связанная с геополитикой католических стран Европы, их потребностью в новых материальных и человеческих ресурсах и новых торговых путях.

В хронологическом порядке тексты европейских авторов XVI в., прочитанных и использованных мной в научных переводах на русский язык, выглядят так (подробнее см.: [18]): «Трактат о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского в переводе Сергея Аннинского, письмо голландца Альберта Кампензе папе Клименту VII в переводе В.И.Семёнова, «Записки о Московии» немца Сигизмунда Герберштейна в переводе Александра Малеина и Александра Назаренко, «Донесение о Московии» неустановленного автора, часто приписываемое итальянцу Марко Фоскарино, в переводе Владимира Огородникова, записки о путешествии в Москву англичанина Энтони Дженкинсона в переводе Юрия Готье, «Рассуждение о делах Московии» итальянца Франческо Тьеполо в переводе Сергея Аннинского, служебные донесения белоруса Филона Семёновича Кмита-Чернобыльского на старобелорусском языке, в 2023 г. опубликованные Александром Бахтиным [20, с. 73–77], «Хроника Европейской Сарматии» итальянца Александра Гваньини в переводах Галины Козловой на русский язык и Юрия Мицика на украинский язык [17], «Записки о Московии» немца Генриха Штадена в переводах Ивана Полосина и С.Н.Фердинанд, сочинение «Московия» итальянца Антонио Поссевино в переводе Лидии Годовиковой, «О государстве русском» англичанина Джильса Флетчера в переводе Михаила Оболенского, «Универсальная география» итальянца Джованни Маджини в переводе Александра Бахтина [20, с. 93–94].

Я прекрасно понимаю, что данные письменные источники содержат те или иные субъективные штампы и взгляды европейцев и лично европейских авторов XVI в. на народы Восточной Европы, какие-то непредумышленные неточности и даже сказочные небылицы, однако они часто достаточно серьёзно восполняют некоторые лакуны наших исторических знаний, ибо доносят до нас иной раз очень уникальную информацию.

Так, Матвей Меховский в своём издании 1517 г. сообщает нам, что «на северо-востоке за Московией», «на краю северной Азии» находятся «народы и области… Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела». В этом тексте мы наблюдаем самое первое указание европейцем на некую область «Чиремисса», к большому сожалению – без конкретных географических привязок. Стоит особо подчеркнуть, что Меховский ни разу в своей книге не использует этноним «черемисы» и никак не объясняет своему читателю происхождение названия области «Чиремисса». Второе упоминание «Черемиссии» мы находим уже лишь в сочинении Штадена, написанном в конце 1570-х гг. В его тексте отмечаются «улусы луговой и нагорной

Черемиссии», «которые раскинулись далеко и широко». Третье упоминание «Черемисии» мы находим в труде Поссевино, впервые опубликованном в 1586 г., и опять-таки, как в текстах Меховского и Штадена, без конкретных географических привязок, географических рубежей и т.д.

Этноним «черемисы» впервые у европейских авторов XVI в. фиксируется в письме Кампензе, написанном в 1523 или 1524 г. Фиксируется 2 раза. В разделе, именуемом «О положении Московии и её пространстве; о татарском императоре Тамерлане и о народах, сопредельных московитянам» он информирует: «На сём пространстве обитают многие народы, а именно: югры, карелы, печоране, вогуличи, башкиры и черемисы». В разделе «Владения, составляющие собственно государство Московское» он пишет: «За печоранами и вогуличами, по берегу Северного океана, живут другие скифские племена, как то: югры, карелы, башкиры и черемисы». Вторым европейским автором, в текстах которого мы находим этноним «черемисы», является Герберштейн, издавший свои «Записки» в 1549 г. Необходимо подчеркнуть, что он в 1526 г. лично видел в Московии пленных мужчин и женщин черемисов (тех, которые затем бежали в Великое княжество Литовское), и что он очень активно использует термин «черемисы» и фразу «народ, зовущийся черемисами» – в его книге я насчитал не менее 15-ти таких случаев.

Гваньини, писавший во второй половине 1570-х гг., отмечает, что племена, «называющиеся черемисами», «являются смешанными». Две большие этнотерриториальные группы черемисов – т.н. «луговых» или «северных», а также т.н. «верхних или горных», «горных», «нагорных» – упоминают Герберштейн, Гваньини, один раз про «луговую и нагорную Черемиссию» и три раза про «луговых и нагорных черемис» пишет Штаден, их хорошо знает Флетчер, побывавший в Московии в 1588–1589 гг.

Хотелось бы также отметить, что многие европейские авторы XVI в. именуют черемисов не просто «черемисами», а «черемисскими татарами». Первым это делает анонимный автор «Донесения о Московии», некий венецианец, в 1557 г. побывавший в Москве и даже общавшийся лично с Иваном IV. В его тексте мы читаем такую фразу: «Есть ещё так называемые серемийские татары». Дженкинсон, четырежды – с 1557 по 1571 г. – побывавший в Москве и, по его собственному утверждению – «у черемисов, у мордвы, у вятчан, у ногайцев и у других народов», в своём тексте упоминает «страну татар, называемых черемисами». Филон Чернобыльский, писавший свои донесения в 1573–1574 гг., среди разных «орд татарских» отдельно отмечает «черемису луговую». Поссевино указывает, что «государство великого князя московского сопредельно… на востоке с татарами, в особенности с теми, которые называются черемисами». Флетчер пишет про «земли черемисских татар» и сообщает читателям, что «черемисские татары обитают между русскими и нагайцами».

Какие же доводы европейских авторов мы можем увидеть/прочесть в их текстах, позволяющие этим авторам причислять черемисов XVI в. к «татарскому миру», к «Pax Tatarica»? По-видимому, основанием для такого мнения – включения черемисов XVI в. к «татарскому миру» – являются несколько тезисов европейских авторов, которые они регулярно повторяют, условно говоря «копируя» эти мысли друг у друга. Тремя главными из них я бы назвал: 1) причисление черемисов к народу, проживающему восточнее и севернее христианской Московии, то есть отнесение их к совокупности «восточных» либо «северных» «нехристианских народов»; 2) причисление черемисов не только к «язычникам и идолопоклонникам», но и конкретно к мусульманским народам; 3) причисление черемисов к народам, активно воевавшим в войнах между Казанским и Московским государствами на стороне казанских татар.

К «северным» либо «восточным» нехристианским народам черемисов относят Меховский, информировавший читателя, что «область Чиремисса» «коснеет в язычестве и идолопоклонстве», а также Кампензе, писавший, что «югры, карелы, башкиры и черемисы… коснеют в идолопоклонстве».

«Полуязычниками, полутатарами» называет черемисов Дженкинсон.

Первые сведения европейцев об исламе среди черемисов мы находим у Герберштейна, повторюсь – лично видевшего мужчин и женщин черемисов. В одном месте своего текста он указывает, что «народ, зовущийся черемисами… следует не христианской, а магометанской вере», в другом месте отмечает, что у черемисов «свой язык, и следуют они учению Магомета». Это мнение полностью поддерживает Гваньини: «они исповедуют учение не христианское, а магометанское»; «мордва – язычники, черемисы – магометане», – пишет он. Ещё позже об этом же сообщает Маджини: «у них [черемисов] есть собственный язык, они придерживаются мусульманской веры».

Напомню всем – о распространении ислама и даже формировании своеобразного языческо-мусульманского синкретизма в среде черемисов писали исследователи Г.И. Перетяткович, Н.Н. Фирсов и М.Г. Худяков, в конце 1990-х гг. и по сегодняшнее время об этом часто пишут А.Г.Бахтин, С.К. Свечников, Б.Л. Хамидуллин и иные авторы.

Причисление черемисов к народам, активно воевавшим в войнах между Казанским и Московским государствами на стороне казанских татар, мы наблюдаем в текстах Герберштейна, Тьеполо и Филона Чернобыльского. Эта информация полностью подтверждается многими письменными, археологическими, фольклорными источниками, а также научными исследованиями истории Среднего Поволжья XV–XVI вв.

[3; 14; 5]. Следует также особо отметить, что описывая события первой половины 1520-х гг. в большом параграфе, именуемом «Казанское царство», Александр Гваньини (либо его чуть более поздний соавтор поляк Марчин Пашковский) указывал: «Казанская орда настолько велика, что может выставить на битву 20 тысяч войска. А если к ним присоединяются черемисы, то их бывает до 300 тысяч». Если названное здесь число «300 тысяч» это не типографская опечатка и не ошибка современного переводчика, вместо «30 тысяч», то явно это небылица, выдумка либо итальянца Гваньини либо поляка Пашковского, т.к. даже общая численность населения Казанского ханства не превышала 500 тысяч человек [16]. Однако эта информация (без разницы – измышление это или опечатка в написании числа), безусловно, несёт в себе большую смысловую нагрузку, подчёркивая для читателя степень важности, ценности, востребованности черемисов не только в казанском войске, но и во всём «татарском мире» XVI в., частью коего многие европейцы видели предков современного марийского народа…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья, XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.

2. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

3. Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI вв.: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

4. Бахтин А.Г. Народы Горной стороны в составе Казанского ханства // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1996. № 1. С. 50–58.

5. Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2022. 528 с.

6. Бахтин А.Г. Чемерисы // Энциклопедия Республики Марий Эл / Марийс. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; отв. ред. Н.И. Сараева. Йошкар-Ола, М.: Галерия, 2009. С. 812.

7. Бахтин А.Г., Соколов А.В. Военная история марийского народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2021. 309 с.

8. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 342 с.

9. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева и К°, 1877. 338 с.

10. Происхождение марийского народа / Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967. 308 с.

11. Свечников С.К. Доклассовая социальная структура марийцев в период Казанского ханства (XV–XVI вв.) // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. Вып. 29. С. 168–179.

12. Свечников С.К. Марийцы в XIII–XVI веках // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 28–35.

13. Свечников С.К. Основные черты социального строя марийцев в XV – первой половине XVI вв. // Финно-угроведение. 1999. № 2/3. С. 69–71.

14. Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.

15. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1975. 244 с.

16. Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Портал «Большая российская энциклопедия». URL: https://bigenc.ru/c/kazanskoe-khanstvo-83f288 (дата обращения 8.02.2025).

17. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства в «Хронике европейской Сарматии» Александра Гваньини // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2024. № 3. С. 116–125.

18. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 1/2. С. 50–62.

19. Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книжное изд-во, 2002. 335 с.

20. Черемисы в источниках / Сост. А.Г.Бахтин. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2023. Т. 1. 331 с.

Сведения об авторе: Булат Лиронович Хамидуллин – кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения татарской диаспоры, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х.Хасанова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0585-350X. E-mail: bulat.antat@mail.ru

"CHEREMIS TATARS" AS AN INTEGRAL PART OF THE PAX TATARICA OF THE 16th CENTURY: INFORMATION FROM EUROPEAN HISTORIANS, GEOGRAPHERS, WRITERS, DIPLOMATS, MILITARY MEN, MERCHANTS AND TRAVELERS ABOUT THE ANCESTORS OF THE MARI PEOPLE AS PART OF THE KAZAN STATE

B.L. Khamidullin
M.Kh. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences

Since the so-called "Epoch of Great Geographical Discoveries" began in the 15th century, which was directly related to the geopolitics of the Catholic countries of Europe, their need for new material and human resources and new trade routes, European authors of the 16th century became actively interested in the peoples of Central Eurasia, their history and culture, their current state, including their way of life, customs beliefs and military capabilities. This article examines the information of European historians, geographers, writers, diplomats, military men, merchants and travelers of the 16th century. about the Cheremis (the ancestors of the Mari people) as an integral part of the Kazan Khanate (1438/1445–1552/1556) and the Pax Tatarica of the 16th century.

Keywords: Pax Tatarica, Kazan Khanate, "Cheremis Tatars", Mari people, written sources, European writings of the 16th century

About the authors: Bulat L. Khamidullin – Cand. Sci. (History), Head of the Center for the Tatar diaspora Study, M.Kh. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0585-350X. E-mail: bulat.antat@mail.ru

УДК 93/94

ПОСЛЫ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА (XV – НАЧАЛО XVIII В.)

Н.А. Атыгаев
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

В данной работе специально рассмотрены сведения о послах Казахского ханства XV – нач. XVIII в., т.е. периода до распада казахского государства на отдельные жузы, которые содержатся в письменных источниках. В результате работы автор приходит к выводу, что в Казахском ханстве были лица, которые выполняли дипломатические функции в межгосударственных отношениях. Имена некоторых из них сохранились в архивных документах и средневековых нарративных трудах и приведены в данной работе. Как показывают эти исторические источники в роли дипломатических работников – послов выступали как сами чингизиды, так и представители «черной кости», которые заслужили доверие своих правителей: аталыки (воспитатели наследников престола), ходжи, батыры, а иногда и люди, которые не были казахами по этническому происхождению. Однако все они служили интересам независимого казахского государства – Казахского ханства.

Ключевые слова: история Казахстана, Казахское ханство, ханы, послы, исторические источники

Финансирование: Статья выполнена в рамках ПЦФ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (BR24992916).

Созданное Джучидами Керей-ханом и Жанибек-ханом Казахское ханство было полноправным субъектом международных отношений и находилась в дипломатических отношениях как с ближайшими соседями, так и отдаленными странами. Важную, нелегкую и зачастую опасную миссию «наводить мосты» с другими государствами выполняли наиболее близкие и доверенные лица казахских ханов. В русских источниках они названы терминами «посол» и «посланец», в мусульманских, персоязычных и тюркоязычных, источниках в отношений их применяется термин «илчи» (ایلچی, каз. яз. – елші) [8, с. 191, 192; 10, с. 3–4; 15, с. 82, 87; 16, с. 321, 489]. Именно они *налаживали межгосударственные связи* в политической, экономической, культурной сфере, вели диалог, находили компромиссы и отстаивали внешнеполитические интересы Казахского ханства. Оценивая значение послов очень высоко, казахи говорили: «Жауластырмақ жаушыдан, елдестірмек *елшіден» (*Раздор зависит от посредника, мир – от *посла).*

К сожалению, история дипломатических отношений Казахского ханства с соседними государствами все еще слабо изучена, и мы мало о ней знаем. Еще меньше мы знаем об исторических личностях, которые в качестве послов устанавливали контакты Казахского ханства с соседями. Поэтому в своей работе намерены обратить внимание на, хотя и очень фрагментарные, сведения исторических письменных источников о послах Казахского ханства XV – нач. XVIII в., т.е. периода до распада казахского государства на отдельные жузы.

Следует отметить, что в письменных нарративных сочинениях и в архивных документах упоминания о казахских посольствах не так уж редки, однако в них обычно не называется имя посла. В качестве одного из первых выполнявших дипломатическую миссию лиц, имя которого известно, можно назвать сына Жанибек-хана, одного из основателей казахского государства, знаменитого султана, затем хана Касыма. Персидский историк XVI в. Гияс ад-Дин Хондемир в труде «Хабиб ас-сияр» сообщает том, что в марте 1496 г. правителя Хорасана Султана Хусейна Байкару посетил Касым-султан, «один из сильнейших государей Дешти-Кипчака, и могущественнейших владельцев того времени» [6, с. 264; 18, с. 203]. К сожалению, Гияс ад-Дин Хондемир не называет цель приезда казахского султана, который уже в это время наряду с верховным правителем Бурундык-ханом и Адик-султаном, другим сыном Жанибек-хана, был одним из наиболее влиятельных лиц казахского государства. Можно только предположить, что Касым-султан представлял интересы Бурундук-хана и возможной целю его приезда было заключение военно-политического союза против Шибанида Мухаммед-Шейбани-хана, который представлял угрозу как государству Тимуридов, так и Казахскому ханству. Тот факт, что Казахское ханство представлял сам Касым-хан показывет значимость данной задачи для Бурундук-хана.

Сведения о послах Казахского ханства содержатся также в китайских источниках, однако в них также в единичных случаях фиксируются их имена. Китайский автор Янь Цунцзянь в написанном около 1574 г. труде *Шуюй чжоу зи лу* упоминает имена послов Кожа Пиле (Ходжа Билал) и Турсуна, которые прибыли с посольскими миссиями в Минский Китай из «страны Эцзиче». Эта страна, где жил «Хасин-

ван» (Касым-хан), находилась в горах севернее Самарканда. Б. Еженханулы китайский термин «Эцзиче» реконстрируется как «Узбек», из чего высказывается предположение о взаимоотношениях Минского Китая с узбеками, частью которых были и казахи [7, с. 668]. По мнению синолога Н. Кенжеахмета, речь идет о послах Казахского ханства [17, с. 18].

Именно в период правления Касым-хана мы наблюдаем активизацию внешнеполитических связей с соседними государствами, в частности с Московским (Русским) государством. К сожалению, до наших дней не дошли самые ранние документы о казахско-русских отношениях, тем не менее, об их существовании свидетельствуют описи русских архивов. Это прежде всего опись Царского архива XVI века, в которой имеется запись: «Ящик 38-й. А в нем книги и списки казатцкие при Касым царе и тюменские при Иваке царе» [1, с. 339; 23; 5, с. 78]. Данные документы, по всей видимости, относятся к 1524–1525 гг., когда казахи еще не были оттеснены ногайскими племенами на восток [2, с. 156].

Также имеются упоминания о посольствах между Хакк-Назар-ханом Иваном Грозном в середине XVI века. Однако в этих документах имена послов в них не отсутствуют [8, с. 171]. Вероятно, документов о казахско-русских отношениях того времени было больше, чем дошли до нашего времени. На это указывают также различные описи. Так в описи Посольского приказа, которая относятся к 1594 г., указывается: «С кизылбашским и с шемахейским и з бухарским и с самарханским делом и с юргенчтским и с тюменским и с визюрским и с сибирским и с казацким и туркосанским и с ташкентским и с крымшевкаловым и з барколским делом ящики 1, 43» [5, с. 1].

В «Описи архива Посольского Приказа» 1614 г. имеется запись о том, что в одной из связок архива находились «тетрати Шемахейские, // и Сибирские и Казацкие Орды, старые и розных годов…» [11, с. 107; 6, с. 78].

Важный этап в дипломатических отношениях Казахского ханства и Московского (Русского) государства начался в конце XVI в., когда казахский правитель Тауекель-хан отправил свое посольство в Москву. Важную роль в этих дипломатических контактах сыграл посол Тауекел-хана Кул-Мухаммед. Кул-Мухаммед, который в грамоте русского царя Феодора Ивановича назван «татарином Кулмагметом» [8, с. 199; 9, с. 7], прибыл в Москву в качестве посла Казахского ханства в начале 1594 г. Перед ним, согласно историческим материалам, казахский правитель Тауекель-хан поставил две важные конкретные задачи – получить у московских правителей огнестрельное оружие («огненного боя») и добиться освобождения из русского плена Ораз-Мухаммед-султана [8, с. 201; 9, с. 3–14]. Современные исследователи указывают, что получение военной помощи от правителей Московского государства для борьбы с Абдаллах-ханом, правителем Бухарского ханства и его союзником Сибирским ханом Кучумом было главной целью посольства Тауекель-хана [11, с. 609].

Здесь же в Москве Кул-Мухаммед предпринял активные попытки установить контакт с прибывшими в Москву послами шаха Аббаса I, правителя Сефевидского (Кызылбашского) государства в Иране и Азербайджане. Свою цель казахский посол объяснял довольно ясно: «Нам с кизылбаским сослатца и стоять бы с кизылбаским на бухарсково» [8, с. 193; 9, с. 4]. Ему удалось встретиться с послом сефевидского шаха Гадибеком (Адибеком). Союз с Казахским ханством был выгоден и для Сефевидского государства. Заключив в 1590 году очень тяжелый для государства мирный договор с Османской империей, Аббас-шах I готовился к новой войне и искал себе союзников. В результате переговоров в казахскую степь вместе с Кул-Мухаммедом и русскими послами отправился «шахов человек Дервиш-Магмет», который должен был лично встретиться с правителем казахов. Также и Кул-Мухаммед послал своего доверенного человека к сефевидскому шаху.

В Казахское ханство к Тауекель-хану было отправлено и русское посольство, которое возглавлял переводчик В. Степанов. В мае 1595 г. оно прибыло в ставку казахского хана, которая располагалось в районе Алатау («Пегих гор»). Русский посол был принят с почетом и прожил у Тауекель-хана до конца июля. Обратно с ним в Москву отправились несколько человек, среди которых был Кул-Мухаммед и Мурат-султан, сын Тауекеля [8, с. 208; 9, с. 13]. Однако результаты дальнейших казахско-русских переговоров не получили отражения в исторических источниках.

О послах, правивших после Тауекель-хана, Есим-хана и Турсын-хана, конкретных сведений нет. Имеются сведения о послах Жангир-хана, сына Есим-хана, правившим в Казахском ханстве в середине XVII в. Так из персоязычного труда «Тарих» могульского историка Шах-Махмуда Чураса известно об Йунус-ходже, который ездил около 1656/57 г. послом от Жангир-хана к могульскому правителю Абдаллаху, который правил в Могульским государством в Восточном Туркестане. В данном историческом труде сообщается, что он был потомком шейха Хаванд-Тахура (Шейх-Антур). Потомки этого среднеазиатского суфия, как известно, в тот период жили в Ташкенте [14, с. 208, 288]. По сведениям Шах-Махмуда Чураса известно также, что также ездили с дипломатическими миссиями в Могульское государство двое сыновей Жангир-хана – будущий хан Тауке и его брат Аппак [14, с. 208–209].

Больше всего в исторических источниках сведений о послах Тауке-хана, который считается последним правителем единого Казахского ханства. Особенно активно развивал Тауке-хан политические связи Русским государством. «Только в 1686–1693 гг. Тауке-хан отправил в Россию пять посольств с важными дипломатическими поручениями», – отмечает Т.И. Султанов [13, с. 228]. В исторических документах упоминаются имена следующих послов Тауке-хана: Ташим-батыр, Келде-батыр, Кабай (Казбакай) Аталыков, Туманчи-батыр, Тай-Қараңұр-бахадур.

Ташим-батыр был одним из доверенных лиц Тауке-хана, выполнявших важные дипломатические миссии. В 1687 г.в своем письме г русским царям Ивану V, Петру I и царевне Софье Алексеевне казахский правитель пишет, что «… ныне-де дружбу меж нами положить» отправил «надежного ближнего Ташима-батыря послом» [16, с. 83]. Ташим-батыр выехал из Туркестана в Тобольск в мае 1687 г. Проехав шесть недель, он прибыл 6 июля 1687 г. в Тобольск и вручил «лист» (письмо) правителя Казахского ханства полномочному послу царя Ф.А. Головину. Казахский посол также передал подарки Тауке-хана: «3 лука да выбоек, и пестредей и бязей», которые были оценены «посацкими людьми» в «9 рублей на 20 на 3 алтына на 2 деньги» [8, с. 389]. По приказу Ф.А. Головина Тобольский «служилый татарин Авезбакей Кулмаметов, бухаретин Максют Алимов» перевели письмо Тауке-хана на русский язык [15, с. 83]. В своем письме Тауке-хан сначала напоминал русскому царю о том, что «отчичи и дедичи многим государствам меж нами хаживали, торговые люди – в совете, в дружбе». Затем казахский хан просил «…посла и торговых людей чтоб пожаловали, з добрым посланником с торговыми людьми отпустили» [15, с. 83]. Затем этот перевод был отправлен в Москву в Сибирский приказ боярину, князю И.Б. Репнину. Согласно принятым тогда правилам, Ташим-батыру выдали «жалованье за ево подарки» и отпустили тогда же в июле из Тобольска [8, с. 389].

В 1691 г. Тауке-хан для развития торговых отношений с сибирскими купцами, прерванными в ходе казахско-джунгарских войн, отправил 2 своих послов Тобольск. Этими послами были Сары-мырза, сына Токтакелди (Тактагильдеев, Тангильдеев) и Келде-батыра (Кильдей-мурза), сын Тенибек-мырзы, внук Шак-мырзы («Чаково князя внук») [15, с. 83, 398]. Однако, послы были обвинены в организации антирусских действий и задержаны около Ямышевского озера. Согласно словам русской администрации, они во главе 200 воинов русских «ратных людей копьями кололи и и из ружья по них стреляли, и грабили» [8, с. 408]. Тем самым представителями русской администрации был нарушен дипломатический имунитет посла. В письме к Петру I выражая свое недовольствие их действием, Тауке-хан писал: «И ведоме от Адама и по се время такова дела не слыхали, что за воровских людей держать посланца» [8, с. 404]. «С каких это пор было, чтобы посланца (илчи) задерживали как разбойника (карақчи). А сейчас это в порядке вещей» – негодовал Тауке-хан в своем письме к Тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину от октября 1693 года [15, с. 87]. Однако Сары-мурза умер в плену [8, с. 401; 15, с. 86], а Келди-батыр был освобожден только в 1694 г. благодаря настойчивым требованиям Тауке-хана [7, с. 407].

В переговорах по освобождению Келди-батыра участвовали несколько казахских послов. В ноябре 1692 года первыми прибыли в Тобольск с письмом Тауке-хана его «посланцы» Туманшы-батыр (Туманчи-батыр) и Кабай-аталык (Кабай Аталыков). В своем письме казахский правитель писал: «…ныне доброва человека Туманчи-батыря в Тобольск послали в посланниках». Более подробные требования Тауке-хана Туманшы-батыр должен был озвучить устно [15, с. 84–85].

Другой посол Тауке-хана – Кабай (Казбакай)-аталык упоминается в исторических документах несколько раз, в том числе как «Бака Аталыков» в письме Тауке-хана к Петру I от 1691 г. [15, с. 84; 398]. Вероятно, здесь русские переводчики превратили придворную должность Кабая – «аталык» – в его фамилию. Он назван в тексте письма Тауке-хана как “Кабай-ясаул”. Кабай-аталык также был одним из наиболее доверенных лиц Тауке-хана и был послан казахским ханом в Москву [15, с. 86].

Еще одним из послов Тауке-хана был Тай-Кара-унгур-батыр, сын Култаба-аталыка. В своем письме к Петру I от 1693 г. казахский правитель называет его «Тайкумур Колтубай Аталыков» [9, с. 14–15; 15, с. 400–401]. Согласно другому документу, его имя было «Тай-Қараңұр-бахадур ибн Култаба-аталык» [15, с. 87]. Как видим, имя Култаба-аталыка (قل تبا اتاليق) [15, с. 436] в русском переводе превратилось в фамилию. Он также участвовал в переговорах по освобождению Келде-мурзы. Хотя в документе он назван посланцем «из самого меньшого чину» [8, с. 406], ему поручалось передать устно слова Тауке-хана, которые нельзя было отразить в письме. Из этого можно заключить, что он пользовался большим доверием казахского правителя. После смерти Тауке-хана Тай-Қараңұр-бахадур выполнял дипломатические функции у Каип-хана [15, с. 93, 95]. Еще при жизни Тауке-хана у Каип-хана служил посланцем Уразанбет-батыр [15, с. 92].

Материалы исторических источников свидетельствуют о существовании долговременных контактов (с 60-х гг. по 90-е гг. XVII в.) Тауке-хана с такими Сефевидскими правителями как Аббас-шах II (1641–1666), Сефи II Сулейман (1666–1694) и, возможно, Султан Хусейн (1694–1722). По мнению ирановеда К. Кари, одним из послов Тауке-хана был Бакибек, который в 60-е гг. XVII в. представлял интересы Ка-

захского ханства в государстве Сефевидов [10, с. 180–182]. Однако данное мнение у нас вызывает сомнение (Наш перевод документа см. [3, с. 656–661]).

Также в 90-е гг. XVII в. отправляли своих послов в Русское государство и другие представители казахской знати. Так в 1692 г. в Тобольск прибыл Шошагул-батыр (Чочегуль-батыр, Чочагуль-батыр), посол Абылай-хана, который был зятем Тауке-хана. Шошагул-батыр привез письмо от своего правителя к русским царям Ивану V и Петру I, в котором говорилось о необходимости поддерживать дружественные отношения. Абылай-хан писал: «Всяк человек не безсмертен, а всякое злое покинуть, чтоб бедные и нужные к вам и к нам ездили и дороги пространили, чтоб вам и нам о том слава добрая». Далее он уверял: «Кто вам, великим государем, друг – и тот нам друг, а кто вам недруг – и нам недруг; а как мы живы, апричь добрые славы нам ничто не надобно. При вас и при нас вам и нам – добрая слава, о всем мы добро пишем; до скончания века, подай вам Бог, и боле счастия». Шошагул-батыр привез в подарок выбойку [15, с. 88–89].

Тогда же прибыл в Тобольск Айжачи-батыр, посол другого Абылая – Абылай-бахадур-султана, сына Косроу-султана, который вместе со своим братом Каип-ханом имел ставку в городе Карнаке, близ Туркестана [15, с. 89]. В 1712 г. Абылай-бахадур-султан отправил посольство к Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину. Казахский хан в своем письме писал о необходимости дружеских и торговых отношений. Это письмо привезли как указано в документе «Бекбулат, Султан-Мамета». Возможно, произошла ошибка послом был сын Султан-Мемета Бекбулат, т.к. далее Абылай-бахадур-хан просит отпустить Бекбулата «до снегу», однако о Султан-Мамете не упоминает [15, с. 90].

В русских архивных материалах XVIII в имеются сведения о многих людях, выполнявших посольские миссии в России, Джунгарии, Цинском Китае, в Иране: Тантай-батыр, сын аталыка Араслан-батыра (Арыстан-батыр), «Чюмакай-Балкинского роду» Байбек-бий (Байбек-аталык), «Баганалы-Найманского роду» Олжабай-аталык, Байтерек-аталык из «Алача-Баюлынского роду», Даулетбай-аталык, Жолан и др.

В целом, исторические источники показывают, что хотя история казахской дипломатии имеет глубокие корни, она все еще малоисследована. Пока же можем отметить, что в Казахском ханстве были лица, которые выполняли дипломатические функции в межгосударственных отношениях. Имена некоторых из них сохранились в архивных документах и средневековых нарративных трудах и приведены в данной работе. Как показывают эти исторические источники, в роли дипломатических работников – послов выступали как сами Чингизиды, так и представители «черной кости», которые заслужили доверие своих правителей: аталыки (воспитатели наследников престола), ходжи, батыры, а иногда и люди, которые не были казахами по этническому происхождению. Однако все они служили интересам независимого казахского государства – Казахского ханства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598 / Гл. ред. А. Ширинский-Шихматов. Санкт-Петербург, 1836. 546 с.
2. Атыгаев Н. Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV–XVII веков. Алматы: Евразийский научно-исследовательский институт МКТУ им. Х.А. Ясави, 2023. 225 с.
3. Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Письмо Сефевида Аббас-шаха II к казахскому хану Тауке. Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. №3. С. 656–661.
4. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Каз. ССР. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
5. Беляков А. В. Русско-сибирские дипломатические контакты по сведениям Титулярника 1577 г.: новое прочтение старых документов//Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2021, № 1. С. 1–10.
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. 498 с.
7. Еженханұлы Б. Қазақ жері туралы XVIII ғасырдың бірінші жартысына дейінгі қытай-мәнжу карталарындағы мәліметтер // Үлкен Алтай әлемі. Халықаралық ғылыми журнал. 3 (4), 2017. С. 667–684.
8. История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словников указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с. + 16 с. вкл.
9. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. XVI+743 с.
10. Қари Қ. Иран шахының Тәуке ханға хаты // Жұлдыз. 2006. №3. 180–182 бб.
11. Лапин Н.С. Сибирское и Бухарское ханства в материалах казахско-русских переговоров 1595 года // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 619–643. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643
12. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года / Ред. С.О. Шмидт. М., 1960. 194 с.

13. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
14. Шах-Махмуд Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010: 496.
15. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «АБДИ-Компании», 2014. 696 с. + вкл. 44 с.
16. Alam-ara-i Shah Ismail. Ba mukadamma va taskhih va talik-i Asgar Muntazar Sahib. Chap-e duvvom. Tehran, 1384. 703 s.
17. Nurlan Kenzheakhmet. European-Chinese Imperial Maps and Gazetteers Related to the Kazakh (Qazaq) Khanate and Its Adjacent Regions from the 16th to the 19th Centuries. Deutsche Ostasienstudien 44. OSTASIEN Verlag. 425 p.
18. Tarih-i Habib as-siiar fi ahbar afrad al-bashar talif-i Giias ad-Din ibn Humam ad-Din al'-Huseini al-maduvv ba-Hondemir. Chap-e chaharom. Tehran, 1380 (2001–2002). Vol. 4. 796 s.

Сведения об авторе: Нурлан Адилбекович Атыгаев – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и средневековой истории Казахстана, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-2696-1008. E-mail: nuratygaev@mail.ru

AMBASSADORS OF THE KAZAKH KHANATE (15th – EARLY 18th CENTURIES)

N.A. Atygayev
Abai Kazakh National Pedagogical University

Research objectives: Consideration of the information of written sources about ambassadors of the Kazakh khanate 15th – early 18th centuries.

Research materials: medieval written historical works, published archival materials and historical scientific literature on the history of the Kazakh Khanate of the 15th–18th centuries.

Results and scientific novelty: The scientific novelty of the study is that this work specifically considers the information about the ambassadors of the Kazakh Khanate of the Kazakh Khanate 15th – early 18th centuries, i.e. the period before the collapse of the Kazakh state into separate zhuzes, which are contained in written sources. As a result of the work, the author comes to the conclusion that in the Kazakh khanate there were persons who performed diplomatic functions in interstate relations. The names of some of them are preserved in archival documents and medieval narrative works and are given in this paper. As these historical sources show, both the Chingizids themselves and representatives of the "black bone", who had earned the trust of their rulers: atalyks (educators of the heirs to the throne), khojas, batyrs, and sometimes people who were not Kazakhs by ethnic origin, acted as diplomatic envoys. However, all of them served the interests of the independent Kazakh state – the Kazakh Khanate.

Keywords: history of Kazakhstan, Kazakh Khanate, khans, ambassadors, historical sources

Financial Support: This research has been funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR24992916).

About the author: Nurlan A. Atygayev – Cand. Sci. (History), Professor, Head of the Chair of Ancient and Medieval History of Kazakhstan, Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-2696-1008, Scopus AuthorID: 57194592674. E-mail: nuratygaev@mail.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

СОЧИНЕНИЕ ИБН ‘АБД АЗ-ЗАХИРА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАЧАЛЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ УЛУСА ДЖУЧИ И ЕГИПТА

Э.Г. Сайфетдинова
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье рассматриваются межгосударственные отношения Улуса Джучи (Золотой Орды) с мамлюкским Египтом. Источниковая база содержащая в себе сведения по истории взаимоотношений этих средневековых государств многоязычна и представлена в латинских, персидских, армянских, арабских сочинениях. В данном контексте важно привлекать сведения арабоязычной литературы XIII–XIV вв., преимущественно созданной на территории Мамлюкского султаната. Одним из таких средневековых арабских источников является сочинение «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» (“Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира”) Мохи ад-дина ‘Абдуллаха бин ‘Абд аз-Захира бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри (ум. 1292). Сочинение написано в жанре сиры: (жизнеописания правителя) и летописной хроники. Сочинение «Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира» содержит много информации и документов (текстов дипломатических писем) о внутренней и внешней политике государства. Сведения Ибн ‘Абд аз-Захира стали первоисточником для многих последующих авторов XIV–XV вв. (Бейбарс ал-Мансури, ал-Калькашанди, ан-Нувейри и др.).

Ключевые слова: история Золотой Орды, Мамлюкский султанат, средневековые арабские источники, Ибн ‘Абд аз-Захир, дипломатические отношения, Берке, Бейбарс

Межгосударственные отношения всегда играли ключевую роль в развитии любого государства, и период средневековья не является исключением. Во второй половине XIII в. на фоне ослабления власти Монгольской империи укрепляются отдельные улусы чингизидов, в частности империя хулагуидов в Иране и джучидов в Дешт-и кыпчаке, которые боролись между собой за политическое влияние, территориальное преимущество. С одной стороны попытки влияния на отношения этих государств оказывает Европа, с другой стороны в междоусобные взаимоотношение этих двух улусов вклинивается Мамлюкский султанат, преследовавший свои интересы и заключавшийся как отмечают многие исследователи, в усилении конфронтации между чингизидскими кланами. Причиной, так называемых дружественных дипломатических отношений мамлюков с Золотой Ордой стало желание осуществить свои амбициозные планы в отношении укрепления султаната и повышения своего авторитета в мировом сообществе. Исламизация Берке и культурная идентичность населения Золотой Орды в отношении тюрков-мамлюков способствовали налаживанию панибратских взаимоотношений, хотя и здесь существовали свои трудности.

Источниковая база, содержащая в себе сведения по истории взаимоотношений этих двух средневековых государств многоязычна, но более широко представлена в арабских и персидских сочинениях. Более того, большинство арабоязычной литературы XIII–XV вв. известной на данный период, представлен произведениями, созданными на территории Мамлюкского султаната (1250–1517).

Одним из таких средневековых арабских источников является сочинение «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» (“Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира”) Мохи ад-дина ‘Абдуллаха бин ‘Абд аз-Захира бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри (ум. 1292). Сочинение написано в жанре «сиры» (жизнеописания правителя) и летописной хроники.

Автор Мохи ад-дина ‘Абдуллаха бин ‘Абд аз-Захира бин Нишвана ал-Хазами ал-Масри родился в 1223 году в Каире, умер в 1292 году. Служил главой государственной канцелярии «Диван-и инша» при разных мамлюкских султанах Кутузе, Бейбарсе I, ал-Мансуре Калавуне. При Бейбарсе I был его личным секретарем.

Некоторые отрывки из сочинения Ибн ‘Абд аз-Захира вошли в «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских» В.Г. Тизенгаузена. В.Г. Тизенгаузену не был доступен полный текст сочинения, свои извлечения он делал из неполной рукописи, хранившейся в Британском музее, которая состояла из 98 листов и охватывала сведения 658–663 г.х. (1259–1265) [11, с. 46–64]. Более полный список рукописи данного сочинения, датированный концом XIV-началом XV в. и объемом в 194 листа был обнаружен в Турции арабским исследователем ‘Абдел-‘Азиз ал-Хаватиром. Они

были сличены с рукописью, находящейся в Британском музее, и более полный текст рукописи «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-Малик аз-Захир» был опубликован в 1976 году в ар-Рияде (Саудовская Аравия) [5]. В данном издании хронология описываемых событий доведена до 676 г.х. (1277 г.) и заканчивается упоминанием о процессе захоронения Бейбарса I в Дамаске. В данном исследовании мы пользуемся изданием 1976 года.

Автор сочинения Ибн ‘Абд аз-Захир являлся свидетелем и участником битвы Айн Джалут[1], при котором армия хулагуидов под руководством Китбуги нойона была разгромлена мамлюками. Армией мамлюков тогда руководил Кутуз, из рода Хорезмшахов-ануштегинидов[1, с. 195]. Ибн ‘Абд аз-Захир именно в этом походе был примечен тогда еще эмиром Бейбарсом I и впоследствии сделал его личным секретарем и руководителем «Диван-ал-инша». Ибн Абд-Захир лично занимался дипломатической перепиской, в частности его рукой, были написаны послания золотоордынскому правителю Берке.

Сочинение “Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира” содержит много информации и текстов документов (например, дипломатических писем), о внутренней и внешней политике государства, Ибн ‘Абд аз-Захир руководил Диван ал-инша на протяжении всего правления Бейбарса I (1260–1277) и его сыновей, а также правления ал-Мансура Калавуна, более того, представленный в сборнике В.Г. Тизенгаузена отрывок из анонимного сочинения о биографии ал-Мансура Калавуна современные арабские исследователи также считают сочинением Ибн ‘Абд аз-Захира [15, с. 13]. В виду невозможности сличения сведений, представленных в сочинении Ибн ‘Абд аз-Захира с оригиналами документов возникают вопросы о достоверности приведенных в нем текстов документов[2].

Сведения из данного произведения стали источником для многих последующих авторов мамлюкской эпохи: Бейбарса ал-Мансури, ал-Калькашанди, ан-Нувейри и др. Поскольку произведение своего рода панегерик восхваление султана Бейбарса I, главный акцент сделан на роли Бейбарса I, как спасителя и защитника мусульман от крестоносцев и хулагуидов. Этими дифирамбами и начинается сочинение, правда наличие правок и пропусков в тексте введения говорит о том, что эта часть переписывалась неоднократно. Последовательность событий нарушена, хотя автор пытается структурировать сочинение согласно годам, в процессе повествования он возвращается и к более ранним событиям.

История дипломатических отношений между мамлюкским Египтом и Золотой Ордой по сведениям Ибн ‘Абд аз-Захира была рассмотрена в нескольких исследованиях [2; 3; 4; 6; 7; 9; 10; 12; 13; 14], однако почти все они были основаны на неполной Британской рукописи, использованной В.Г. Тизенгаузеном [11].

Отношения между Нилом и Волгой по видению Ибн ‘Абд аз-Захира начинаются с отправлением письма в Орду через аланских купцов. В разделе под названием «Воспоминание о том, кто прибыл к нему [султану] в 660 г.х.» упоминается, что в 1261 году, как только Бейбарс взошел на трон, ему пришло письмо от Ласкариса, правителя Никейской империи, который стал постоянным посредником в межгосударственных взаимоотношений мамлюков с чингизидами. Ласкарис больше благоволил хулагуидам и пытался уговорить мамлюков на соглашение с ними. В этом письме Ласкарис клянется в том, что когда султан Бейбарс будет нуждаться в его помощи, он всегда будет готов помочь ему. Ответом на послание Ласкариса, стали подарки от Бейбарса: жираф и пленённые татары с татарскими конями и снаряжением [5, с.88][3]. В этом же 1261 году было написано письмо Берке, «**великому татарскому царю**», в котором Бейбарс подстрекал Берке на войну с Хулагу, сделав главной причиной развязывания битвы религиозный фактор. Первое письмо было отправлено с аланскими купцами[5, с. 88], Бейбарс видимо не был настроен снарядить посольство в Золотую Орду, изначально решив узнать ответную реакцию со стороны джучидов. Многие исследователи до этого сомневались кому же принадлежит первенство в установлении отношений между Египтом и Золотой Ордой, согласно сочинению Ибн ‘Абд аз-Захира становится ясно, что первой письмо было отправлено из Египта. Необходимость усиления своих позиций Бейбарс видел именно в сближении именно с золотоордынским двором, принимая во внимание исламизацию Берке, и что этот козырь сможет усилить противоречия между чингизидами.

Ранее в 1260 хулагуиды осуществили набег на сирийские земли, но были разгромлен в битве при Хомсе, но египетский султан Бейбарс не участвовал в ней. Однако в адрес султана от группы татар пришло послание: «Я [Ибн ‘Абд аз-Захир] наткнулся на послание, которое прибыло для султана от группы татар Алиджака, Каджара, Калганус, Балага, Фаварга и Алал ал-Мад ал-Лакмати. Погибли в этом событии их герои, витязи…» [5, с.97]. Из текста непонятно о какой группе татар идет речь и почему они написали

[1] Битва при Айн-Джалуте – сражение 3 сентября 1260 года между войском египетских мамлюков под командованием Кутуза и эмира Бейбарса и монгольскими войсками Хулагу под командованием Китбуги-нойона.

[2] Этот вопрос поднимался в частности Мари Фаверо: Фаверо-Думенджу М. Золотая Орда и мамлюки [14, с.334–352].

[3] Эти послы с султанскими подарками возвращаются в Каир 27 июня 1262 года ирассказывают о добром приеме и подарке императора [5, с. 124–125].

султану. Учитывая, что битва при Хомсе 1260 года была актом противостояния правителей областей Шама в отношении правомочности власти Бейбарса, возможно эти татары ждали поддержки от египетской армии. Султан некоторым выдал икта[4], а некоторых отправил в Египет.

Желая взять реванш и укрепить свой авторитет, Бейбарс решает возвести в Каире нового халифа, потомка халифа аз-Захира Мустансира (1226–1242). Тем самым Бейбарс хотел ускорить процесс, легитимации своей власти среди мамлюков. В книге описывается процесс принятия нового халифа и текст его хутбы [5, с.99–109]. После возведения нового халифа ал-Мустансира Бейбарс устанавливает связи с наместниками Мосула, Алеппо и Хомса, желая получить соратников в борьбе с хулагуидами. Наместники Шама, несмотря на победу над монголами, все же не решались вступить в прямую конфронтацию с хулагуидами и лавировали в отношениях с ними. После похода нового халифа ал-Мустансира на освобождение Багдада и его столкновения со ставленником сирийских наместников халифом ал-Хакимом, Мустансир уходит из поля зрения Ибн ‘Абд аз-Захира. Далее он описывает события налаживания взаимоотношений с правителями областей мусульманского мира. В Египет наряду с правителями из других государств и областей также прибывают и послы султана Из ад-Дина Кейкавуса с письмом, в котором он просит защитить его и, что он готов уступить половину своих земель мамлюкскому султану. Бейбарс собирает армию и средства на помощь султану Рума, далее Из ад-Дин Кейкавус отправляет еще одно письмо в котором благодарит султана и что когда недруги услышали о войске Бейбарса они были напуганы этим известием [5, с. 128]. Тем самым Ибн ‘Абд аз-Захир подчеркивает высокую роль Бейбарса в спасении мусульманского мира, его щедрость, в отношении тех, кто был готов противостоять хулагуидам. Поскольку набеги хулагуидов были достаточно частым явлением, Бейбарс через наместников Шама пользовался данными разведчиков, которые отслеживали перемещение татар-хулагуидов «*Когда пришло время, от хаджи Ала ад-Дина пришло письмо, что разведчики обнаружили большую группу татар мустааманин[5] и вафидиин[6] [направляющуюся] в Египет и что они поданные царя Берке. Они были подкреплением для Хулагу. И когда произошла между ними [ссора], царь Берке написал им, чтобы вернулись к нему. Если они не смогут сделать это, [то пусть] переходят к египетскому войску. Они упомянули, что вражда между ними усилилась и что сын Хулагу убит в Мисафе. И что их около двухсот всадников. Султан написал наместникам Шама [оказать] им почет и устройство, отнести жалованные одежды для них и их женщин и хорошо обращаться с их четырьмя вождями. Он направил из Египта груз из овец, сахара, ячменя и предметов первой необходимости, который прибыл в четверг 24-го зул-хиджа (*5 ноября 1263 – С.Э.). *Султан вышел их встретить в субботу 26 этого [месяца]. Ни один из жителей Каира и Египта не ушел пока [султан] не отошел. И это был великий день. Они увидели нечто, поразившее их умы, среди большого количества солдат и большого количества ученых. Султан выделил им здание Адера и резиденции недалеко от Лук*» [5, с. 137].

В устройстве жизни в Египте этих татар, воинов Берке участвовал и сам Ибн ‘Абд аз-Захир о чем он сообщил далее: «*В субботу 26-го я сделал для них важное приглашение в Лук и принес им жалованные одежды, подогнал лошадей, разделил им имущество и они сыграли в мяч с султаном. Затем [султан] приказал их старшинам командовать сотней всадников и меньше, а остальных распределил по группам его бахритских мамлюков. И каждый из них стал как бы независимым эмиром. У него [были] войска и слуги. Даровал им благосостояния явные и скрытые. Выделил для них место, из которого они могли получать жалованье, татарам сообщили об этом и все они стали мусульманами. Пребывали группы за группами. И султан относился к ним с добротой и, разделял их каждую группу между такими же мамлюками султана* [5, с. 137–138] [7]*».*

Прибывший в Египет отряд татар армии Берке стал основанием для снаряжения официального посольства: *«Потом султан обратил внимание на благо ислама, отправив послов к царю Берке – да возвеличится могущество его. Отправил факиха (правоведа) Медж ад-Дина и эмира Сейф ад-Дина Кушарбека, вместе с ними два человека из прибывших татар, сподвижников Сурагана. При содействии их он написал письма о положении ислама и присяге халифа – мир ему! – и приказал изготовить родословную его (халифа), восходящую до пророка, – благословение на него Аллаха и мир! Она (родословная) [была] написана и раззолочена и отправил ее к царю Берке. И отправил свое родословное древо, засвидетельствованное главою кадиев Тадж ад-Дином.*

---

[4] Икта (араб. إقطاع – надел) – передача государством (правителем) принадлежащей государству территории и доходов (харадж) с неё какому-то конкретному лицу с правом наследования. При этом возможна передача территории под полный контроль какого-то лица (мульк), либо же только получение доходов (ушр или харадж) с них. Об этом см: Сайфетдинова Э.Г. Форма доходов с землевладения (икта) в армии мамлюкского Египта [8, с. 35–40].

[5] благонадежных.

[6] приезжих.

[7] Далее идет рассказ о снаряжении послов к Берке, который зафиксирован в Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. С. 59.

Когда эти письма были готовы, султан привел эмиров, и представителей Диван ал-Муфрад[8] *и других, прочел им всем письмо и просил совета насчет этого. Они одобрили его мнение. После того прибыло письмо царя Ласкриса с известием о приезде к нему этих послов и о том, что он отправил их в сообществе своих послов (ехавших туда) по службе*[9][11, с. 56].

Из сочинения понятно, что первый отряд «*благонадежных татар*», как именует их автор, прибывший в Египет, не был единственным и слух о добром приеме султана разошелся довольно быстро и поток татарских отрядов все возрастал: «*Пришли письма о прибытии другой большой группы [татар]. Султан устроил торжество для них и выехал к ним на встречу. Потом прибыла другая группа, и [султан] отнесся к ним с доверием и были прибывающие на службу. И это было трижды. Из их знатных эмиров: Кермун ага, и он из тех, кто завоевал все земли тюрков и Амтага ага, Нука ага, Джабрак ага, Канан ага, Табшур, Тасфих, Хату, Саджати, Худжала, Аджкарака, Аркарак, Салагыя, Масаддам. Они встретились с теми татарскими эмирами, которые прибыли до них: Сарган ага и кто был с ним, и каждый из них стал эмиром своего времени. Потом султан призвал их принять ислам и через его благословенные руки они стали мусульманами, и все были очищены [от грехов]* [5, с. 180]. К сожалению Ибн ‘Абд аз-Захир не уточняет, откуда прибыли эти группы татар, однако учитывая то, что они были знакомы с татарскими эмирами, прибывшими ранее, дает возможность полагать, что это были воины Берке. Наряду с султаном Бейбарсом о прибывших в Египет татарах заботились и эмиры, возможно, по своей родословной происходивших из Улуса Джучи, так например, некий Бадр ад-Дин ал-Хазандар «разделил между ними за один час сто восемьдесят лошадей» [5, с. 195].

Возможно желая показать свою значимость не только как правителя мамлюкского Султаната, но и наложив на себя де-факто обязанности «халифа» Бейбарс отправляет в Золотую Орду, Коран Османа, о чем пишет Ибн ‘Абд аз-Захир: «Когда письмо это было окончено, то изготовили высочайшие подарки, как-то: священное писание, написанное как говорят, Османом, сыном Аффана, – да ниспошлет ему Аллах свое благоволение – в обложке из красного, шитого золотом, атласа, и в футляре из кожи, подбитой шелком, налой для него из слоновой кости и чернаго дерева, выложенный частями серебра, с серебряным замком». [11, с. 60]. Известно, что подарок такого рода значимости должен был как-то настроить Берке на активизацию отношений с Египтом, но этого не произошло.

В 666 г.х. (1267) услышав о смерти Берке, султан Бейбарс направляет в Золотую Орду письмо: *В месяц сафар этого года он [султан] написал письмо с соболезнованиями и поздравлениями преемнику царя Берке, по имени Менгу Тимур сын Тогана сын Бату хана сын Башукаана*[10]*, и подстрекал его против сына Хулагу*»[5, с. 288]. Из текста сочинения понятно, что Бейбарс и после смерти Берке не терял надежду на активизацию действий золотоордынцев против хулагуидов, хотя Никейский император Ласкарис через своих послов активно участвовал в урегулировании противостояния между мамлюками и хулагуидами. Так, в 667 г.х. (1268) Ибн ‘Абд аз-Захир упоминает о прибытии посла от Ласкариса с письмом: «*Из тех, кто встретился в Египте, был посол Ласкариса. В письме, которое было у него в руках, содержалось изменение первоначального мнения [Ласкариса] относительно устрашения, которое он высказывал ранее. Я отвечу больше, чем это. Он [Ласкарис] сказал, что отправил послов после того, как поклялся султану, а посол задержался [по причине] смерти Берке и после него [Берке] воссел [на престол] сын его брата. И просил [Ласкарис] у султана примирения. И просил перемирия султана с Абагой сыном Хулагу. И что он [Ласкарис] решает это дело также с «домом» Берке. Я [Ибн Абд аз-Захир] редактировал копию [письма] султана для Ласкариса. В его содержании было согласие на клятвенную просьбу заключить мир с Менгу Темуром сыном Тугана сыном Суфа. (Что касается Абаги то для него ничего кроме меча, он потребовал от нас возмездие мусульманам). В копии клятвы он просил, чтобы султан был другом его друга, и Ласкарис намеревался включить в эту клятву Абагу сына Хулагу, поскольку он был его зятем, но султан на это не ответил»* [5, с. 334-335]. В этом же году после посредничестве султана Бейбарса послы Берке все же добрались до Египта и через них Бейбарс направил письмо уже преемнику Берке Менгу Тимуру о том, что *«они [хулагуиды] затаили злобу и не перестанут запугивать страну султана и его войско. И рассказ Ласкариса, о том, что он решил заключить перемирие с ними и [просьбу оказать] заступничество в этом деле и отправил с ними [послами] подарок царю Берке»* [5, с. 335].

В 669 г.х. (1270 г.) в Египет было доставлено письмо золотоордынского беклярибека Ногая [5, с. 373]. Представлен текст письма и ответ султана на него. Поскольку В.Г. Тизенгаузен пользовался неполной Британской рукописью, которая была доведена лишь до 1265 года в его сборнике это письмо Ногая присутствует в разделе сочинений другого автора Рукн ад-Дин Бейбарса [11, с. 101–102]. При сличении двух арабских текстов стало понятно, что текст письма был слово в слово переписан из сочинения Ибн ‘Абд аз-Захира, что

[8] У Тизенгаузена (том 1. С. 56. – начальники отдельных частей).

[9] Далее идет раздел под названием «Об отправлении послов к царю Берке». См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. С. 56–59.

[10] Джучи.

еще раз подтверждает свидетельство того, что труд Ибн‘Абд аз-Захира стал настольной книгой многих последующих авторов мамлюкской эпохи. Из ответного письма Бейбарса Ногая было понятно, что султан упрекал Ногая в том, что послание «*ограничивается разъяснением* искренности его исповедования и следования по стопам Берке хана в защите им религии и войны его против неверных» [11, с. 102].

Ввиду пассивной военной политики золотоордынского двора в отношении содействия мамлюкам против хулагуидов вынуждает Бейбарса играть по–другим правилам, он не старается вмешиваться в прямые столкновения с ильханидами, с другой стороны его наместники в других областях султаната, так и Ласкарис призывают Бейбарса идти по пути примирения с домом Хулгау, уже в лице его нового правителя, сына Хулагу – Абаги хана. Абага хан, желая примириться с мамлюксим султаном пишет ему послание и отправляет посла «*с ярлыком и золотой пайцзой*» [5, с. 340]. Однако в тексте письма, представленного Ибн ‘Абд аз-Захиром Абага упрекает мамлюков в том, что они сами виновны в разжигании войны и что сейчас он предоставляет им шанс для подписания договора о мире: *«Если между нами будет подписан договор, то людей, которых вы просили мы отдадим вам»* [5, с. 341]. Речь идет о некоторых эмирах кыпчаках, которые находились в плену у хулагуидах. Письмо было написано в Багдаде 20-го числа месяца раби ал-ахир 667 г.х. (4 декабря 1268 г.). Ответ Бейбарса на практически ультиматум Абаги не заставил себя ждать: «Как можно достичь соглашения, если сегодня наша Яса величественней чем Яса Чингиз-хана?» [5, с. 341]. Здесь речь идет, скорее всего о религии Ислама, тем самым Бейбарс дал понять, что позиция принуждения не будет рассмотрена как примирение, из чего Абага сделал вывод и сказал своим эмирам: «От примирения идет только вред, а от вражды – исходит польза» [5, с. 404]. Во время правления Бейбарса не будет заключено дипломатическое соглашение с хулагуидами, несмотря на желание заинтересованных сторон, будь то со стороны Ласкариса и некоторых наместников Шама достигнуть его. Бейбарс все еще пытается сохранить доброжелательные отношения с Золотой Ордой, даже несмотря на смерть Берке, он снаряжает посольство к Менгу Тимуру о котором упоминает Ибн ‘Абд аз-Захир «*В шагбан этого года [671 г.х.] (28 Февраля 1273 – С.Э.) султан снарядил послов [к] Менгу Тимуру. Снарядил к их сообществу махмандара*[11] *эмира Сайф ад-Дина ас-Саваби и хаджиба Бадр ад-Дина бин ‘Азиза. Приготовил с ними подарки и лекарства и все что Менгу Тимур просил передать ему. Он написал Менгу Тимуру об истории Абаги и о прибытии его послов, а также об осаде армии ал-Биры*[12] *и победе над ними*» [5, с. 411].

В целом, сочинение Мохи ад-Дина Ибн ‘Абд аз-Захира «Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир» (“Видный сад в жизнеописании ал-малика аз-Захира”) не может носить характер полностью объективной и документальной информации по истории взаимоотношений Золотой Орды и мамлюкского Египта, все же сочинение написано в жанре “сира” (سيرة– букв. дорога, путь, образ жизни). Зачастую сира не всегда отражает действительное положение дел того времени, некоторые исторические события, представленные в ней принимали легендарную окраску, были поданы в тенденциозном виде. Более того учитывая, что она была написана по приказу самого Бейбарса, некоторые моменты подверглись обработке, а в процессе переписи рукописи отдельные ее части возможно видоизменились. Однако удалить этот труд из списка средневековых арабских источников также было бы неверным, поскольку автор являлся непосредственным участником событий того времени и владел авторитетом в канцелярской службе султанов и среди политической элиты той эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буниятов З.М. Государство хорезмшахов – Ануштегинидов. М.: «Наука», ГРВЛ, 1986. 250 с.
2. Зайнуддинов Д. Р. Обстоятельства, в которых проходили дипломатические отношения между мамлюкскими султанами и золотоордынскими ханами (к вопросу анализа переводов арабских источников В. Г. Тизенгаузена) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. И. М. Миргалеев. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 21–30.
3. Зайнуддинов Д. Р. Арабоязычные источники по истории Золотой Орды: анализ переводов В. Г. Тизенгаузена // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей / Ред. И. М. Миргалеев. Вып. 3. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 110–120.
4. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом: XIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 162 с.
5. Мохи ад-дин Абдуллах бин Абд аз-захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976. 522 с.
6. Сайфетдинова Э.Г. Личность султана Бейбарса и его роль в развитии взаимоотношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой по арабским источникам // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 4. С. 726–735. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.726-735

[11] Махмандар занимался контролем питания гостей эмиров.

[12] Речь идет о завоевании Бейбарсом христианских крепостей весной 1265 года. Сначала была захвачена Бира, затем после пятидневной осады мамлюки завоевали Кейсарию.

7. Сайфетдинова Э.Г. Султан Бейбарс и его роль в развитии взаимоотношений между Золотой Ордой и Мамлюкском Египтом // «Дешті қыпшақтың тарихи тұлғалары: бейбарыс және оның кезеңі» – Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдарының жинағы. Атырау, 3–4 қазан 2023 ж. 203 б.

8. Сайфетдинова Э.Г. Форма доходов с землевладения (икта) в армии мамлюкского Египта // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань, 2021. С. 35–40.

9. Сидоренко В.А. Сведения египетского хрониста Абд аз-Захира как источник для истории Крыма третьей четверти XIII в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 92–126.

10. Спивак И.А. О Новых тенденциях в переводах текстов Ибн Абд аз-Захира // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. № 26. С. 673–691.

11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.

12. Фаверо М. К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд. «ФЭН» АН РТ, 2009. С. 46–54.

13. Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

14. Фаверо-Думенджу М. Золотая Орда и мамлюки // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 334–357.

15. Хаватир А. Мукаддима (Введение) // Мохи ад-дин Абдуллах бин Абд аз-захир бин Нишван ал-Хазами ал-Масри. Ар-рауда аз-захир фи сира ал-малик аз-Захир. Ар-Рияд, 1976. С. 13.

Сведения об авторе: Эльмира Гаделзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

THE WORK OF IBN ʻABD AZ-ZAHIR AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE BEGINNING OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE ULUS OF JOCHI AND EGYPT

E.G. Sayfetdinova
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

In the second half of the 13th century, against the backdrop of the weakening power of the Mongol Empire, individual Chingizid uluses were strengthened, fighting among themselves for political influence and territorial advantage. On the one hand, the central government, represented by the khaan of the Mongol Empire, attempts to influence the relations of these states, on the other hand, the Mamluk Sultanate, pursuing its own interests, which, as many researchers note, consisted in increasing the confrontation between the Chingizid clans, wedges itself into the internecine relations of these two uluses. The source base containing information on the history of the relations between these medieval states is multilingual and is presented in Latin, Persian, Armenian, Arabic works. In this context, it is important to draw on information from Arabic-language literature of the 13th–14th centuries, mainly created on the territory of the Mamluk Sultanate. One of such medieval Arabic sources is the work "Ar-rawda az-zahir fi sira al-malik az-Zahir" ("A Prominent Garden in the Life of al-Malik az-Zahir") by Mohi ad-Din ʻAbd Allah bin ʻAbd az-Zahir bin Nishwan al-Khazami al-Masri (d. 1292). The work is written in the genre of sira: (biography of a ruler) and annalistic chronicle. The work ("A Prominent Garden in the Life of Al-Malik az-Zahir") contains a lot of information and docu-ments (texts of diplomatic letters) about the domestic and foreign policy of the state. Information from Ibn ʻAbd az-Zahir became the primary source for many subsequent authors of the 14th–15th centuries (Baybars al-Mansuri, al-Qalqashandi, an-Nuwayri, etc.).

Keywords: history of the Golden Horde, Mamluk Sultanate, medieval Arabic sources, Ibn ʻAbd az-Zahir, diplomatic relations, Berke, Baybars

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

УДК 929.53

КЛАССИФИКАЦИЯ И «КРИТИКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ XIV–XVI ВЕКОВ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ДЖУЧИДОВ

Ж.М. Сабитов
Научный институт изучения Улуса Джучи

В статье представлен источниковедческий анализ («критика происхождения») средневековых источников XIV–XVI веков по генеалогиям Джучидов, разобраны многие аспекты критического анализа таких средневековых источников по генеалогии Джучидов как Джами ат-Таварих и Шуаб-и Панджгана Рашид ад-Дина, «Синоптический рассказ» (B. 411) и «Мунтахаб ат-Таварих Муини» Муин ад-Дина Натанзи, «Муизз ал Ансаб», «Нусах-и-джеханара» Кази Ахмеда Гаффари, Таварихи Гузидайи Нусрат-наме. Обоснован тезис о том, что Джами ат-Таварих был базовым источником по генеалогии Джучидов, повлиявшим на все остальные источники. Помимо этого, каждый из этих источников будет разобран по трем методологическим уровням: 1. Критика происхождения. 2. Критика достоверности. 3. Критика точности.На основе данных методов нами установлены «генеалогические связи» как между списками одного сочинения, так и между разными источниками.

Ключевые слова: Рашид ад-Дин, Джами ат-Таварих, Муизз ал Ансаб, Натанзи, Золотая орда, Мунтахаб ат-Таварих

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования (проект ИРН BR24992878).

Изучение источников по генеалогиям Джучидов существенно продвинулось за последние 25 лет. Но несмотря на перевод новых источников на разные современные языки, на чрезвычайно выросшую историографию, ряд историков сохраняют отдельные тезисы касательно отдельных генеалогических источников [7–9] [49], опираясь на реконструкции XIX века, когда количество источников по генеалогиям Джучидов было мало и мы не знали много разных фактов касательно генеалогий Джучидов.

При этом по многим аспектам проблемы, существует серьёзный дефицит исследований, посвящённых части внешней и внутренней критике источников, по генеалогиям потомков Джучи XIII–XIV веков. Помимо этого, имеются значительные проблемы и с внешней критикой соответствующих источников. Из ключевых текстов по генеалогии Джучидов только сочинения Рашид ад-Дина (Джами ат-Таварих и Шуаби Панджгана) и отчасти Муин ад-Дина Натанзи были введены в научный оборот по всем стандартам восстановительной критики источников. При этом, ситуация с Шуаби Панджгана такая работа связана с тем фактом, что сохранилась только одна копия данного сочинения. Тоже самое касается «Синоптического рассказа» (B. 411) Муин ад-Дина Натанзи, который также сохранился в одном экземпляре. Два других важных источника Муизз ал Ансаб и «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме» не были пока еще изданы по всем канонам восстановительной критики источников, хотя какая-то предварительная работа уже была проведена в этом направлении. Также стоит отметить, что исследователи истории Улуса Джучи ожидают издания критического текста перевода двух списков «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме» в Казани. При этом, по Муизз ал Ансаб предстоит большая работа. Был издан перевод всего одного списка (парижский) данного сочинения с определенным количеством ошибок, вызванным малыми сроками исполнения проекта. Остальные 4 списка отличаются по многим пунктам от парижского списка, особенно в части генеалогий Джучидов.

Ниже мы изучим 7 сочинений, в которых упоминаются генеалогии Джучидов в трех методологических аспектах с целью установления достоверности или недостоверности сведений из данных источников.

Методы и материалы (Materials and Methods)

В данной статье мы методами критики источников рассмотрим целый ряд средневековых сочинений по генеалогиям Джучидов.

К используемым методам будут относится следующие методы:

1. «Критика происхождения»
2. «Критика точности»
3. «Критика достоверности».

Согласно классическому пониманию, критика происхождения направлена на установление автора, времени и места создания документа (а также его списков), а также на выявление источников, которыми он пользовался. Критика происхождения – часть внешней критики источников. Внутренняя критика ис-

точника включает в себя два аспекта: во-первых, проверку достоверности, позволяющую выяснить, не искажал ли автор факты намеренно, и, во-вторых, оценку точности, направленную на определение возможных непреднамеренных ошибок автора.

К числу этих сочинений относятся:

1. «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина
2. «Шуаб-и Панджгана» Рашид ад-Дина
3. «Синоптический рассказ» (B. 411) Муин ад-Дина Натанзи
4. «Мунтахаб ат-Таварих Муини» Муин ад-Дина Натанзи
5. «Муизз ал Ансаб»
6. «Нусах-и-джеханара» Кази Ахмеда Гаффари
7. «Таварихи Гузидайи Нусрат-наме»

Результаты (Results):

Ниже мы разберем каждый из 7 источников по трем методологически аспектам:

«Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина

Здесь по этому пункту все понятно, так как данное сочинение изучается уже давно. Автором являлся Рашид ад-Дин и его команда, собиравшая все данные. В состав его команды, помимо него самого, входили Абдаллах Кашани и, возможно, Ахмед Бухари, чинсян Болад, прибывший из Китая в Ильханат в 1286 году. При этом ряд исследователей записывают чинсяна Болада не в список авторов, а в список информаторов, что, по нашему мнению, более достоверно. Также в состав команды предположительно входили отдельные европейские монахи, китайские ученые и буддийский монах Камалашри из Кашмира. Также в состав команды входило большое количество переписчиков и других анонимных историков.

Среди источников, которые использовал Рашид ад-Дин можно отметить, как целый ряд восточных домонгольских и синхронных источников по истории разных регионов, так и труд Джувейни, а также некий труд Алтан дебтер («Золотая книга»), официальная история Чингиз-хана и его потомков, а также расспросы политической элиты Ильханата касательно тех или иных родов и племен. При этом стоит отметить, что в Юань Ши, Тайной истории Монголов (Сокровенное сказание монголов), Джами ат-Таварих и Алтан тобчи есть целый ряд схожих моментов, которые безусловно восходят к официальному тексту касательно биографии Чингиз-хана. Исходя из того, что у нас нет альтернативного и синхронного источника по генеалогиям Джучидов того периода, мы имеем мало аргументов для непризнания отдельных данных Рашид ад-Дина касательно генеалогий Джучидов, не достоверными. При этом мы можем отметить до нас дошли некоторые рукописи Рашид ад-Дина с отдельными разночтениями по отдельным генеалогиям Джучидов. Так в большинстве списков Рашид ад-Дина упоминается то, что Ногай, воевавший с отдельными отрядами Хулагу, был сыном Татара, сына Бувала, сына Джучи. Но есть две отличающиеся рукописи:

Рукопись Парижской Национальной библиотеки: Ancien Fonds Persan 67. В ней данный Ногай является сыном Джарука, сына Тумакана, сына Кули, сына Орда эджена, сына Джучи.

Рукопись Государственной Публичной библиотеки Узбекистана в Ташкенте из собрания Джурабека XIV века [31, с. 43].

В этой рукописи есть исправление. Сверху генеалогии Ногая, «потомка Орда эджена» написано: сын Татара, сына Бувала. Таким образом, мы считаем, что рукопись Парижской библиотеки была всего лишь черновиком либо копией черновика Рашид ад-Дина. При этом Ташкентская рукопись была правленой версией (или ее копией), то есть была первой рабочей редакцией рукописи, куда вносились исправления. Оставшиеся рукописи уже были копиями чистовика Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина.

Касательно генеалогий Джучидов, сознательных ошибок и искажений, судя по современных знаниям истории того периода, Рашид ад-Дин не допускал. При этом мы считаем, что Рашид ад-Дин при написании своего труда цензурировал некоторые моменты из Алтан дебтер. Так после такой редактуры исчезло имя Курмаги (он же Гирмау), который был старшим родственником Чингиз-хана и, судя по всему, именно он в 1228 году «на правах аксакала» надиктовывал текст касательно биографии Чингиз-хана, который стал частью официальной истории Чингиз-хана. Тут дополнительным аргументов насчет Курмаги является упоминание его в Муизз ал Ансабе как автора некоего «Тубчана», а также тот факт, что в своем следующем сочинении Рашид ад-Дин выделил «генеалогический круг» для Курмаги, но не вписал его имя туда. Также многие сюжеты из Тайной истории монголов отличаются от Джами ат-Таварих отличаются политическими мелочами (победители битв и другие политические аспекты), что говорит о том, что Рашид ад-Дин цензурировал свой текст с целью большего прославления личности Чингиз-хана. Анализ сведений Рашид ад-Дина касательно достоверности тех или иных аспектов генеалогий Джучидов, а также анализ «критики происхождения» сведений о Джучидах в Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина почти не проводились. Один из аспектов по времени жизни младшей ветви Тука-Тимуридов из данного сочинения

сделал в свое время Ю.В. Селезнев [43, с. 53–54], но полноценного источниковедческого анализа сведений Рашид ад-Дина касательно генеалогий Джучидов еще никто не делал.

«Шуаб-и Панджгана» Рашид ад-Дина

По нашему мнению, данная рукопись имеет те же источники, что и предыдущая рукопись Рашид ад-Дина. А.-З. В. Тоган был одним из первых исследователей, кто изучал данный источник [68, p. 68]. В 2019 году данное сочинение было издано в Казани и было введено в научный оборот [23–24]. До этого выходили отдельные научные статьи И.М. Миргалеева [13–14], а также отдельные части данного сочинения издавались как переводы извлечений из данного источника Ч.И. Хамидовой [50–54]. Здесь стоит отметить, что данное сочинение писалось Рашид ад-Дином в 1310-ых годах. Но до нас дошла одна копия данного сочинения. На наш взгляд, эта единственная известная рукопись была привезена в Астрахань из Герата в 1480–1490-х годах. Три сына золотоордынского хана Ахмата, будучи племянниками тимуридского правителя Хусейна Байкары (их мать была родной сестрой Хусейна Байкары), некоторое время жили в Герате, где, вероятно, им была преподнесена копия данного труда. При её переписывании переписчик допустил ряд незначительных ошибок, что особенно заметно при сопоставлении имён предков, родственников и потомков Чингисхана, а также чингизидских эмиров с аналогичными именами, приведёнными в «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина и «Муизз ал-ансаб». Поэтому надо понимать, что более достоверными написаниями имен будут имена из «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина и «Муизз ал-ансаб». Также есть ошибки, как не упоминание имен сыновей Кублюка (потомок Орда эджена). Несознательной ошибкой является также упоминание двух Улакчи («сын Бату» и «сын Сартака»), чего в реальной жизни не было. Генеалогия из Джувейни, согласно которой Улакчи, сын Сартака, не достоверна. Также есть ошибки по генеалогии шибанида Тама-Токты (Муртад-Токта). Здесь интересными являются свидетельства данного источника касательно трехлетнего правления, после смерти Берке, Кукаджи, сына Джучи, и упоминания того, что после него правил Алгу, сыну Менгу-Тимура. В Джами ат-Таварих, Рашид ад-Дин не упомянул данную историю. Также интересны уникальные упоминания того, что Коничи имел титул Турук-хан, а также то, что Сарай-Буку, брата Тохты, изначально звали Тудалом [42].

«Синоптический рассказ» (B. 411) Муин ад-Дина Натанзи

В свое время данная рукопись была обнаружена и сведения о ней были опубликованы еще в 1989 году Уиллером Тэкстоном [66, с. 237–246; 67]. Позже ее изучал Эврим Бинбаш [55] и японский исследователь Такуши Кавагучи [56–57]. Недавно переводы касательно генеалогий Джучидов были опубликованы другим японским исследователем Хироюки Нагаминэ [62], который написал еще ряд других статей касательно этого источника [21]. Судя по всему, данная рукопись была первой рукописью Муин ад-Дина Натанзи. И после публикаций Хироюки Нагаминэ стала очевидно, откуда взялись все ошибки Муин ад-Дина Натанзи касательно генеалогий Джучидов. Если говорить об источниках, которые использовал Муин ад-Дин при написании данного сочинения, то мы можем выделить, что многие его данные из данного сочинения уникальные и больше они не встречаются нигде. Нам трудно сказать, какие ошибки мог совершить автор несознательно и какие сознательно, так как альтернативных свидетельств немного. Анализу свидетельств из данного сочинения стоит посвятить целый цикл статей.

Ниже мы перечислим те уникальные свидетельства из данного источника, которые позволяют оценить значимость данного источника. Во-первых, данном источнике Ак орда принадлежит Бату, а Кок орда принадлежит Орда эджену. Учитывая тот факт, что данное сочинение было предшественником других сочинений Натанзи, мы можем предположить, что Муин ад-Дин Натанзи, переписывая сведения из «Синоптического рассказа» (B. 411) в свои последующие сочинения, допустил ошибку с идентификацией Ак орды и Кок орды с конкретными Джучидами. Таким образом, почти двухвековая дискуссия по локализации орд, которая начала с дискуссии российских историков и австрийского востоковеда Й. Хаммер-Пургшталя, легко может быть окончена, так как мы получили неоспоримое свидетельство против сведений Муин ад-Дина Натанзи касательно орд в сочинении Мунтахаб ат-Таварих. Помимо локализации устраняется научная проблема хронологии возникновения Ак орды и Кок орды. Согласно данному источнику, они появились во времена Бату и Орда эджена, что согласуется с другими источниками. Согласно Чингиз-наме Утемыша-хаджи, они также связаны с именами Бату и Орда эджена. Согласно же Мунтахаб ат-Таварих, орды появились после войн Ногая и Тохты в начале XIV века. Сейчас мы можем признать данное свидетельство как абсолютно неверное.

Во-вторых, мы имеем следующий список «правителей Кок орды»:

Орда эджен, сын Джучи.

Беркечар, сын Джучи.

Карамса, сын Орда эджена.

Нукай (Тукай), сын Беркечара.

Сасы Бука, сын Сары Буки (чей потомок Сары Бука не известно).

Иразан, сын Сасы Буки.

Мухаммед (Мубарак) ходжа, сын Иразана.
Чимбай, сын Иразана.
Урус, сын Чимбая.
Туктакия, сын Уруса.
Тимур Малик, сын Мухаммеда.
Тимур Кутлук, сын Тимур Малика.
Шадибек, сын Анушбека.
Тимур султан, сын Тимур Кутлука.
Чакира, сын Черкеса [62, с. 37].

Здесь стоит прокомментировать данный список.

Интересным свидетельством является правление Беркечара и его потомков в восточной части улуса Джучи. Беркечар назван правителем сразу же после Орда эджена. Данное свидетельство косвенно можно подтвердить статусом Беркечара во время Таласского курултая, когда он, а не потомок Орда эджена, представлял весь улус Джучи, видимо географически будучи ближе к Таразу, нежели Батуиды. В более ранние времена известно то, что Беркечару принадлежал город Сузак.

Правление Курумши, сына Орда эджена, больше нигде не встречается в источниках.

Правление Нукая (Тукая), сына Беркечара также не встречается нигде.

Согласно Таварихи Гузидайи Нусрат наме у Беркечара было два сына Кокчи и Йис-Бука. У Кокчи было 4 сына, из которых один Билыкчи. У Йис-Буки был сын Сарай-Бука [10, с. 427]. Согласно Джами ат-Таварих их звали Кукджу и Йису-Бука [10, с. 103–104]

Согласно Муизз ал Ансаб их звали также как у Рашид ад-Дина, при этом есть дописка следующего содержания: «Биликчи. Последний – тот у которого Тукта искал убежище. Затем при помощи его войск и Букы взошел на трон» [15, с. 42].

Здесь фактически показывается мощь Билыкчи, который, судя по всему, был по своим ресурсам не сильно слабее Ногая. Под Букы тут можно подразумевать как самого Ногая, внука Бувала (правописание на арабице схоже), что более вероятно, так и Йису-Буку или Сарай-Буку (дядя и кузен Биликчи), что менее вероятно.

Возвращаясь к Нукаю (Тукаю), сыну Беркечара мы его можем отождествить с Йису-Букой, сыном Беркечара. Правописания имен Нукай, Тукай и Бука очень схожи на арабском алфавите.

Интересна также личность Сары Буки из данного источника. По нашему мнению, он идентичен Сарай Буке, сыну Йису-Буки, сына Беркечара.

Если подходить некритически и брать на веру всю данную генеалогию, то у нас появляется третий альтернативный источник касательно генеалогии Урус-хана. Согласно этому источнику Урус хан, предок казахских ханов, происходит от Беркечара, сына Джучи. Здесь мы все-таки придерживаемся версии о Тука-Тимуридском происхождении Урус-хана.

Таким образом, можно утверждать, что в восточной части улуса Джучи Беркечар и его потомки играли большую политическую роль определенное время[1]. Также необходимо отметить ложность некоторых генеалогий из данного источника. Чекре не был сыном Черкеса (хан эпохи Замятни). Тимур-Малик был либо сыном Урус-хана, либо сыном Кутлук-Тимура (нумканидская ветвь Тука-Тимуридов), отца Шадибека также звали по-другому. Лтбо тут в Тимур Малике совместили сведения о двух Тимурах (сын Уруса и сын Кутлук-Тимура).

В-третьих, мы имеем следующий список «правителей Ак орды»:

Бату, сын Джучи.
Берке, сын Джучи.
Менгу-Тимур, сын Джучи (генеалогия не верна).
Туда Менгу, сын Тукана (сына Бату).
Токта, сын Бату.
Тогрул, сын Токты (генеалогия не верна).
Узбек, сын Тогрула.
Джанибек, сын Узбека.
Бердибек, сын Джанибека.
Кельдибек (имя отца не написано).
Орда шейх, сын Иразана (с восточной части Улуса Джучи).
Хызыр, сын Сасы-Буки (с восточной части Улуса Джучи) (генеалогия не верна, Хызыр относится к Шибанидам).

[1] Схожие идеи касательно правления Беркечаридов независимо друг от друга после прочтения статьи Хироюки Нагаминэ возникли также у Салима Закирова и Артема Порсина.

Хулфа, сын Сасы-Буки (с восточной части Улуса Джучи).

Тимур-ходжа, сын Орда шейха (с восточной части Улуса Джучи) (генеалогия не верна, Тимур ходжа относится к Шибанидам).

Мурид (имя отца не написано).

Азиз, сын Тимур-ходжи.

Хаджи, сын Иразана (с восточной части Улуса Джучи).

Черкес, сын Тимур-ходжи (генеалогия не верна).

Тохтамыш, сын Туй-ходжи.

Джалал ад-Дин, сын Тохтамыша [62, с. 37].

В целом, публикация данного источника и ввод его в научный оборот позволил углубить наши представления об истории Улуса Джучи. Вполне возможно, все рассказы о правлении от Сасы-буки (сын Сарай-Буки, внук Йису-Буки и правнук Беркечара) до Чимбая могут быть реальными историями правления потомков Беркечара в присырдарьинских городах в 1290–1350-ых годах. Также мы вполне допускаем то, что «тамга потомков Орда эджена», выделенная на монетах П.Н. Петровым [22], может относится к Беркечаридам. В то время, как тамга Орда эджена и его потомков была разноплечной трехногой тамгой, которая чеканилась в 1240-ых годах и в 1285–1287 годах в городе Алмату [25].

«Мунтахаб ат-Таварих Муини» Муин ад-Дина Натанзи

Судя по последним публикациям, данный источник касательно генеалогий Джучидов является миксом сведений Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина и «Синоптического рассказа» (B. 411) Муин ад-Дина Натанзи. При этом касательно генеалогий Джучидов в данному источнике есть ряд ошибок, которые отличают его от «Синоптического рассказа» и от других источников. Ранее мы отмечали, что Натанзи имеет много ошибок как по генеалогиям Джучидов, так и по генеалогиям Чагатаидов, противореча в большинстве случаев сведениям из Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина, Таварихи Гузидайи Нусрат-наме и Муизз ал Ансаб. Ранее мы считали, что источником сведений для Натанзи была дефектная копия (черновик) части сведений из Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина. Также одноразовый контакт с информатором, привел к тому, что в сведениях Натанзи, такое большое количество ошибок. Теперь (после введения в научный оборот «Синоптического рассказа») стоит отметить, что мы имеем более сложную картину.

Ряд статей этому источнику посвятил японский исследователь Хироюки Нагаминэ [20; 61]. Также нами были написаны статьи касательно анализа сведений из данного источника [27–29; 36–37]. В этом источнике есть много ошибок, даже если сравнивать его с «Синоптическим рассказом». Здесь необходимо отметить тот факт, что, с одной стороны, вышел полный перевод данного труда на турецкий язык [63]. С другой стороны, казахстанский востоковед Ж.М. Тулибаева осуществила перевод на русский язык полного отрывка из данного сочинения на русский язык [48]. Также у нее есть и другие работы, посвященные данному источнику [46–47]. Согласно переводу Ж.М. Тулибаевой, Сасы-Бука является сыном Татара, сына Тувука [48, с. 61]. Это же имя (Тувук) присутствует и в турецком переводе [63, с. 92]. Также есть узбекский перевод Натанзи, хотя он не является полным переводом [16].

Судя по всему, Тувук здесь неправильное написание имени Бувала, реального деда Ногая.

Если полностью некритически доверять данному источнику, то у нас появляется четвертый альтернативный источник касательно генеалогии Урус-хана. Согласно этому источнику Урус хан, предок казахских ханов, происходит от Бувала, сына Джучи. Здесь конечно же есть ошибка, которую еще обосновал нумизмат А.Г. Гаев [4]. Согласно его точке зрения, Натанзи объединяя свои сведения и сведения Рашид ад-Дина, отождествил двух Ногаев: Ногая, внука Бувала и Кара-Ногая, хана Сыгнака 1360-ых годов. Здесь можно дополнить эту точку зрения предположив, что Натанзи спутал Ногая, сына Бувала с упомянутым у себя Ногаем (Тукаем), сыном Беркечара, который являлся, по сути, Йису-Букой, сыном Беркечара.

«Муизз ал-Ансаб»

Данный источник фиксировался еще в XIX веке. В XX веке блестящие исследования Ш. Куинн [64] и А. Широ [65] пролили свет на многие сведения из данного источника. На данный момент известно 5 списков Муизз ал-Ансаб. Последний пятый список (Or. 14306) был обнаружен в январе 2013 года. Британская библиотека приобрела его на аукционе. Пятый список был переписан в Дели между 1840 и 1850 годами. Нами также был написан ряд статей, посвященных данному источнику [30; 32–35; 39].

С источниками сведений для Муизз ал-Ансаб все сложно. Несмотря на схожесть с Шуаби Панджгана мы не можем описывать взаимоотношения данных сочинений как заимствование автором Муизз ал-Ансаб сведений из Шуаби Панджгана. Многие сведения из Муизз ал-Ансаб существенно шире аналогичных сведений из Шуаби Панджгана. При этом стоит отметить, что, судя по всему, оригинал Шуаби Панджгана был в наличии у Тимуридов. Можно утверждать, что он был в Герате в 1480–1490-ых годах, во времена правления Хусейна Байкары, откуда была снята единственная дошедшая до нас копия Шуаби Панджгана. С одной стороны, в «Муизз ал-Ансаб» заметно заимствование большого объема информации из «Шуаби Панджгана», однако с другой – перечень эмиров, приведённый в этом сочинении, значительно

детальнее, чем аналогичный список в «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина. Это позволяет предположить, что авторы «Муизз ал-Ансаб» могли пользоваться каким-то более ранним первоисточником о чингизидских эмирах, который ранее также послужил основой для создания «Джами ат-Таварих».

Сам Муизз ал-Ансаб был создан около 1425 года. Он был создан на основе общего с Шуаби Панджгана источника, содержавшего сведения по эмирам Монгольской империи. Также из Шуаби Панджгана и Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина были заимствованы генеалогии Джучидов. Помимо этого, устные расспросы самих Джучидов и их приближенных были также добавлены в данный источник. Так к устным источникам Муизз ал Ансаб, по нашему мнению, можно отнести данные отдельных Джучидов, соприкасавшихся с Тимуридами.

К их числу можно отнести таких личностей как Шибаниды Хаджи-Мухаммед, Суфи и его сын Джумадук (послы Барака к Тимуридам, Джумадук в последствии хан), жена Улугбека Шукр-бика (дочь Дервиш-хана из потомков Тука-Тимура), Таш-Тимур, Тимур-Кутлук, Кунче, Тохтамыш, Чекре, Едиге и т.д. При этом стоит отметить, что одна из рукописей Муизз ал-Ансаб (Парижская) дополнялась при Абу Сеиде и Хусейне Байкаре. Информатором по Джучидам 1420–1470-ых годов для нее был Султан-Баязид, сын Джамал ад-Дина, сына Таш-Тимур-хана, который служил Тимуру. Сам же Султан-Баязид с 1450 года вместе с подвластным ему золотоордынским племенем Аргун служил сначала Абу Сеиду, а потом Хусейну Байкаре.

Ранее мы уже упоминали о различной истории списков Муизз ал-Ансаб. Различия в численности упомянутых Чингизидов и Тимуридов в индийских и парижском списках не являются следствием небрежности переписчиков, как предполагал Ш. Вохидов. Эти расхождения, скорее всего, объясняются тем, что изначальный труд, созданный в эпоху Шахруха, распространился в виде разных списков, каждый из которых развивался по-своему. Парижский список получил дополнения в периоды правления Абу Сеида, Хусейна Байкары и Бади аз-Замана, в то время как другой список, не претерпевший этих изменений, был впоследствии перенесён в Индию и стал основой для рукописей Британского музея и Университета Алигарха. Следовательно, гипотеза о том, что индийские и британский списки происходят от парижского, не может в полной мере объяснить количественные различия в упоминаемых династиях.

Косвенным свидетельством в пользу этой гипотезы служит содержание списка из Британской библиотеки (Or. 467). В нём, как известно, генеалогия Джучидов начинается с листа 19b и завершается на 29a перечислением потомков Тохтамыш-хана – Джалал ад-Дина, Керимберды, Кебека, Джаббарберды и Кадирберды. В парижском же списке между этими страницами присутствуют дополнительные материалы: генеалогии потомков Урус-хана, Данишменда и Борачара (сыновей Баяна, сына Тука-Тимура), а также сведения о потомках Тулек-Тимура – предка крымских Гиреев – и Абая, сына Кай-Тимура, сына Тука-Тимура. Мы предполагаем, что именно эти сведения были включены в парижский список Муизз ал Ансаб позднее, вероятно, по инициативе Султан-Баязида. По нашему мнению, сведения Муизз ал-Ансаб встречают минимальное количество бессознательных ошибок и сознательных искажений.

«Нусах-и-джеханара» Кази Ахмеда Гаффари

После исследований Т.И. Султанова общепринятой стала точка зрения о том, что «Нусах-и-джеханара» и «Тарихи Хайдари», по генеалогии Урус-хана, восходят к сведениям «Мунтахаб ат-Таварих Муини» [44, с. 141]. Однако после перевода на турецкий и русский языки «Мунтахаб ат-Таварих Муини», выяснилось, что это не соответствует действительности. У Натанзи в данном сочинении Урусханиды являются потомками некоего Тувука (предположительно Бувал), отца Татара и деда Ногая.

Таким образом, первым по хронологии сочинением, где встречается Урус-хан и некоторые другие ханы Золотой Орды признаются потомками Орда эджена, является «Нусахи джаханара» Кази Ахмеда Гаффари. От сочинения «Нусахи Джаханара» («Списки устроителя мира») Кази Ахмада ибн Мухаммад Гаффари Казвини зависят многие последующие источники либо прямо, либо косвенно. Напрямую из данного источника сведения касательно генеалогий Джучидов брали следующие сочинения:

а. «Тарихи Хайдари» Хайдара ибн Али Хусайни Рази.

Данный источник копирует данные из Гаффари, но при этом допускает ошибки.

Согласно данному источнику «владения потомков Нукая, сына Кули, сына Орда эджена» простирались от Улытау до буртасов и Руси [10, с. 409], что является искажением сведений предыдущих авторов.

б. «Ахсан ат-Таварих» Хасанбека Румлу. Согласно переводу А. Абсаликова, мы видим здесь «ветвь потомков Орда эджена»: Касым-хан, сын Сайдак хана, сына Джанибека, сына Барака, сына Караджи, сына Кузи, сына Урус-хана, сына Чатмая, сына Ерзена, сына Сасы-Буки, сына Куи (Кули), сына Орда эджена [1, с. 17].

в. «Такмилат аль Ахбар» Абдибека Ширази. Согласно данному источнику, мы также видим «ветвь потомков Орда эджена»:

Урус, сын Чимтая, сына Ерзена, сына Сасы Буки, сына Нукая, сына Кули, сына Орды [1, с. 17].

г. «Фазлакат аквал ал-ахйар фи ил ат-Тарих ва-л-ахбар» Катиба Челяби [17, с. 334–338]. В данном источнике большая часть информации это пересказ сведений Гаффари.

д. рукописи османского историка XVII века Мунеджим Баши: Джами ад-Дувал («Собрание династий») на арабском языке и его перевод на османский язык Сахаиф ал-Ахбар («Листы известий»))

С большой долей вероятности Мунеджим Баши был тем самым источником сведений для Сокращенной хроники Мухаммед-Ризы, выполненной Хурреми-челеби Акай-эфенди. Не совсем понятно, зависели ли сведения Мухаммед-Ризы от Мунеджим Баши. С одной стороны, мы видим схожие черты в сведениях о раздаче орд, сыновьям Джучи, что может быть чуть искаженным вариантом сведений Натанзи. С другой стороны, в этом источнике Урус-хан назван потомком Шибана (пятая версия[2]), что не совпадает с данными Натанзи. Рукопись же Мурата Аргынского в своих сведениях зависит от Сокращенной хроники Мухаммед-Ризы, выполненной Хурреми-челеби Акай-эфенди.

Конечно, Гаффари использовал данные Натанзи [10, с. 401], но при этом там есть различия в генеалогии Джучидов.

Согласно Гаффари, после смерти Берке в 1265–1266 годах власть в Золотой орде перешла к потомкам Орда эджена [10, с. 402], причем они разделились на две ветви:

На западе правил Токта, сын Курбукая, сына Орда эджена. Потом правили его «потомки»: «его сын» Тогрул, Узбек, сын Тогрула и т.д. [10, с. 403].

На востоке правил Туда-Менке, сын Ногая, сына Кули, сына Орда эджена.

После смерти Туда-Мунке правил его брат Сасы-Бука (сын Ногая) [10, с. 403–404].

Здесь очевидно, что в данном сочинении есть большое количество анахронизмов и огромное количество противоречий другим источникам.

У Орда эджена не было таких потомков.

Токта-хан и Туда-Менгу были потомками Бату. А власть после смерти Берке перешла к потомкам Бату.

Учитывая хронологическую, лингвистическую и географическую дистанции от описываемых событий, мы можем утверждать, что в подавляющем большинстве случаев противоречия «Нусах-и-джеханара» Кази Ахмеда Гаффари

Отдельно стоит остановится на источнике «Раузату ат-Тахирин» Тахира Мухаммада Сабзавари. А. Абсаликов перевел данный источник и прокомментировал его следующим образом:

Перевод: «*Мункар сын Букая (Нукая) сын Тули (Кули) сын Орды (Орда Ежена) стал правителем там [Ак Орде]. Затем долге время правителем был Шаши Бука [Сасы Бука], сын Букая (Нукая)…Едрен [Ерзен] сын Шаши[Сасы] Буки воссел на престо после своего отца. Мубарак хаджи сын Идрена сын Шаши Буки сел на престол после своего отца…Чимхар [Чимбай] сын Идрена сын Шаши Буки стал заместителем своего брата [Мубарак хаджи]…Тактакийя сын Урус хана после своего отца воссел на престол*». [1, с. 17].

Комментарий А. Абсаликова:

«*Генеалогия Урус хана на основании работы Сабзавари будет следующей: Орда – Кули–Нукая (Букай) – Шаши Бука [Сасы Бука] – Едрен [Ерзен] – Чимхар [Джимбай] – Урус. В данной генеалогии упущено имя Урус хана в качестве правителя Золотой Орды, но упомянуто имя его сына Тактакийя*». [1, с. 17]

Здесь мы не согласны с интерпретацией, так как в переводе нет нигде прямым текстом упоминаний, что Урус, сын Чимтая. Также необходимо отметить версию А. Абсаликова касательно генеалогии Урус-хана. Он считает, что «*Сасы Бука по генеалогии восходит к Орда Ежену не через Сартактая (старшего сына Орды), а через Кули (второго сына Орды) – Тумакана- Чарук Буки и Ногая (Нукая)*» [1, с. 15–16]. Его версия выглядит следующим образом: Урус, сын Чимтая (Чимбая), сына Ерзена, сына Сасы Буки, сына Нукая, сына Чарук буки, сына Тумакана, сына Кули, сына Орда эджена.

Но здесь, мы видим только домыслы. Если взять сведения «Мунтахаб ат-Таварих Муини», то больше там других Ногаев не упоминается. И согласно данному источнику, там есть прямая связь Ногая, потомка Бувала и Сасы-Буки. Также стоит напомнить, что потомки Кули, сына Орда эджена жили в Иране у ильханидов и не принимали участия в борьбе разных партий потомков Орда эджена за власть. Также не мог Сасы Бука даже технически править в улусе Орда эджена до 1320-ых годов. Как мы знаем в эти времена в одном из улусов Орда эджена («Йекмуш или Бекмарыш», рядом с Хорезмом, возможно на землях туркменов эсенхани) правил Баян, а в другом улусе Орда эджена («северные владения» возле владений наследников Хайду и Чагатаидов правил Мангытай и его сын Кубак (Калак) до 1328 года, согласно разным источникам. То есть по синхронным источникам мы не видим правления Сасы Буки, потомка Кули, сына Орда эджена, которое закончилось в 1320–1321 годах. Также стоит напомнить, что Рашид ад-Дин

[2] «Когда после Джанибека и его сына Бердибека династия Бату прервалась, недолгое время правили ханы из рода Шибана по имени Хызр, Базар (Базарчи), Бадут (Мурут) и Рус (Урус)» (перевод И.А. Мустакимова).

закончил свою рукопись Джами ат-Таварих в 1310–1311 годах. В ней нигде ни коим образом не упоминается Сасы Бука, сын Ногая, потомка Кули или же переселение потомков Кули из Ирана на Сырдарью, а также их участие в борьбе Баяна и Мангытая за первенство.

«Таварихи Гузидайи Нусрат-наме»

Здесь необходимо отметить тот факт, что в Турции уже был издан перевод Лондонского списка Таварихи гузидайи нусрат-наме. В 1967 году выходила книга А. Акрамова, посвященная данному сочинению [65]. В 1969 году издавался перевод на русский язык извлечений из «Ленинградского» списка Таварихи гузидайи нусрат-наме [12]. Казанская исследовательница Л.Ф. Байбулатова написала ряд статей касательно данного первоисточника [2–3]. Ранее ряд извлечений из данного сочинения произвел И.А. Мустакимов [18–19]. Различие в этих списках касательно генеалогий Джучидов имеются. Мы посвятили этому научную статью [26]. Также в данном сочинении присутствуют ряд других интересных аспектов по генеалогиям Джучидов [38; 40–41]. Также есть статьи А.А. Жумабаевой касательно данного сочинения [5–6; 11].

На данный момент научное сообщество, изучающее историю Золотой Орды, находится в ожидании перевода Таварихи гузидайи нусрат-наме на основе двух списков. Анализ генеалогий из Таварихи гузидайи нусрат-наме в сравнении с Муизз ал-ансаб и Джами ат-Таварих стал предметом специального исследования, в рамках которого были выявлены ошибки, допущенные составителями первого источника. Кроме того, были сопоставлены данные Таварихи гузидайи нусрат-наме с Бахр ал Асрар. Тем временем генеалогические данные из Бахр ал Асрар были введены в научный оборот А.К. Алексеевым, а Шаджара-йи турк ва могул Абулгази стала доступной исследователям ещё в XVIII веке.

По нашему мнению, все три вышеуказанных источника восходят к одному общему первоисточнику, поскольку содержат идентичную ошибку: в них Урус-хан, внук Ходжи, обозначается как сын Уз-Тимура (или Уран-Тимура), тогда как один из сыновей Тука-Тимура (Тимур или Уз-Тимур) считается бездетным. Эта путаница, вероятно, возникла из-за смешения Кара-Ходжи (сына Уз-Тимура/Кай-Тимура) с Тимур-Ходжой – истинным дедом Урус-хана и потомком Ачика, сына Уран-Тимура. Основой этих родословных, по всей видимости, послужила Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина, дополненная устными родословными (шежере) Джучидов. Джами ат-Таварих также оказала влияние на аналогичное сочинение Кадырали Жалаири.

Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusion(s)):

Все вышесказанное можно отразить в таблице:

№	Название сочинения	Автор	Источники информации
1	Джами ат-Таварих	Рашид ад-Дин	Джувейни, Устные расспросы Джучидов.
2	Шуаб-и Панджгана	Рашид ад-Дин	Джувейни, Устные расспросы Джучидов.
3	Синоптический рассказ (B.411)	Муин ад-Дин Натанзи	Некий еще не найденный источник о правлении Беркечара и его потомков в 1260–1350-ых годах.
4	Мунтахаб ат-Таварих Муини	Муин ад-Дин Натанзи	Синоптический рассказ (B.411) и Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина, а также списки ханов Улуса Джучи из Тимуридских источников.
5	Муизз ал-Ансаб		Джами ат-Таварих и Шуаби Панджгана Рашид ад-Дина, Устные расспросы Джучидов.
6	Нусах-и-джеханара	Кази Ахмед Гаффари	Мунтахаб ат-Таварих Муини, возможно черновик Рашид ад-Дина с неправильной генеалогией Ногая (согласно черновику, он был потомком Орда эджена и эта генеалогия совпадает со списком предков Ногая из данного источника)
7	Таварихи Гузидайи Нусрат-наме		Джами ат-Таварих Рашид ад-Дина, Устные расспросы Джучидов.

Основные выводы исследования:

1. Если смотреть все источники по генеалогиям Джучидов, то можно увидеть их большое разнообразие. Почти по каждому хану Золотой орды или больше половины политически активных Джучидов XIII–XIV веков есть две и более версии их происхождения.

2. Ключевой проблемой в золотоордынских дискуссиях последних двух столетий было отношение к сведениям Муин ад-Дина Натанзи касательно семантики и локализации орд, а также касательно потомков Орда эджена. Вся эта дискуссия, начавшаяся с австрийского востоковеда Й. Хаммер-Пургшталя и его российских визави, может быть легко закончена, если учитывать сведения «Синоптического рассказа» Муин ад-Дина Натанзи. Если брать за основу данный источник, то все может встать на свои места.

3. В вопросе локализации орд два сочинения Муин ад-Дина Натанзи противоречат друг другу. И если исходить из идеи У. Тэкстона, Э. Бинбаша и Х. Нагаминэ, что «Синоптический рассказ» предшествующее «Мунтахаб ат-Таварих Муини» сочинение Муин ад-Дина Натанзи, то все становится понятным и легко объяснимым. Муин ад-Дин Натанзи просто допустил ошибку, переписывая данные с «Синоптического рассказа» в «Мунтахаб ат-Таварих Муини», тем более надо учитывать тот факт, что он не знал тюркского языка и для него обозначения Ак орда и Кок орда звучали одинаково не понятно.

В таком случае, вопросы с локализацией орд снимается с повестки, так как все глубокие противоречия в этом двухвековом споре снимаются простым и изящным объяснением ошибки Муин ад-Дина Натанзи и последующим ее широким тиражированием в других источниках.

4. Интересной является генеалогия Урус-хана.

Получается, что по источникам сейчас есть 5 больших версий происхождения Урус-хана (от пяти разных сыновей Джучи).

4.1. Тука-Тимуридская, включающая в себя два варианта: вариант Муизз ал Ансаб (правильный) и вариант Таварихи Гузидайи Нусрат-наме.

4.2. Беркечаридская, на основании «Синоптического рассказа» Натанзи. Там Урус-хан потомок Сасы Буки, а тот в свою очередь сын Сары Буки. Сары Бука, судя по генеалогиям идентичен Сарай Буке, внуку Беркечара, а Нукай (Тукай), сын Беркечара из данного источника идентичен Йису-Буке, сыну Беркечара. При этом по данному источнику, Беркечар перехватил на себя и свое потомство процессы управления восточной части улуса Джучи из рук Орда эджена и его сына Курумши.

4.3. Бувалидская, на основании «Мунтахаб ат-Таварих» Натанзи

4.4. Ордуидская, на основании «Нусах-и-джеханара» Кази Ахмеда Гаффари.

4.5. Шибанидская, на основании Крымско-османской Хроники «Семь планет» Мухаммед-Ризы, составленной в 1737 году.

Здесь стоит отметить, что все 4 последние версии связаны между собой как источники.

По нашему мнению, генеалогия у Гаффари Уруса от Кули взялась с «черновика Рашид ад-Дина», рукописи Джами ат-Таварих Парижской Национальной библиотеки (Ancien Fonds Persan 67). В ней известный золотоордынский темник Ногай является сыном Джарука, сына Тумакана, сына Кули, сына Орда эджена, сына Джучи.

У Натанзи Ногай является сыном Татара, сына Тувука (Бувала?)

У Гаффари Ногай является сыном Кули, сына Орда эджена. Здесь мы видим, что Гаффари, скорее всего, упростил данные «черновика Рашид ад-Дина»

Таким образом, тука-тимуридская версия происхождения Урус-хана является более аргументированной и непротиворечивой.

5. Следующие рассказы Натанзи можно представить как достоверные, если предположить, что они действительно касались потомков Беркечара.

5.1. Местности от Каратала и Сегиз-йагача (Синкир Йагач) до Дуйсена (Тулес, Талас?) и Улытау и окрестности Дженда и Барчкенда достались потомкам Ногая. Здесь стоит отметить, что под Ногаем тут надо подразумевать «Нокая» (Тукая, Йису-Бука), сына Беркечара, согласно первому сочинению Муин ад-Дина Натанзи. Таким образом, Йису-Буке принадлежали земли Приаралья, не севернее Улытау. Каратал и Сегиз-йагач могут быть связаны с Семиречьем, но аргументов в пользу того, что у Беркечаридов была такая большая территория в 1320-ых годах не много.

5.2. О 30-летнем правлении Сасы Буки (сын Сарай Буки, сына Йису Буки, сына Беркечара), его подчинении Тогрул-хану и Узбек-хану, его смерти в 720 году хиджры (1320–1321), и могиле в Сауране.

5.3. 25-летнее правление Эрзена, строительство объектов в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, его смерть в 745 году хиджры (1344–1345 годы) и могила в Сыгнаке.

5.4. Смута Мухаммед-ходжи (Мубарак-ходжи) (сын Эрзена), которая заняла 6 месяцев и скитания Мубарак-ходжи по Алтаю и землям кыргызов 2 года и 6 месяцев. При этом стоит отметить, что в оригинале у Натанзи упоминается Мухаммед-ходжа. Здесь Натанзи спутал двух человек. Мухаммед-ходжу, сына Эрзена и Мубарак-ходжу, кузена Кара-Ногая и Тука Тимурида, который в конце 1360-ых годах действительно начал борьбу за Сарай, а потом бежал в Алтай.

5.5. 17-летнее правление Чимтая, сына Ерзена, по указу Джанибека. По всей видимости это правление началось в период от самого конца 1344 года до самого конца 1345 года после бегства Мубарак-ходжи. Если отсчитывать 17 лет, то оно могло закончиться около 1361–1362 годов. Сюда можно отнести сведения Чимтая об отказе от ханствования и посылка своего брата Орда шейха (Орда мелик?) для борьбы за власть.

5.6. Эпизод с посылкой Орда шейха и его смертью.

Дальнейшие сведения о Хызыре и его наследниках нами представляются недостоверными по генеалогическим связям, так как они напрямую противоречат другим источникам.

Таким образом, мы можем предположить, что источником «Синоптического рассказа» было либо информатор, либо некое сочинение касательно правления Беркечаридов в присырдарьинских городах до начала замятни. Сведения касательно хронологии правления Сасы Буки (сын Сарай Буки, сына Йису Буки, сына Беркечара) и его потомков (сын Ерзен, внуки Чимтай, Мухаммед-ходжа и Орда шейх) могут быть вполне достоверными, учитывая политическую несамостоятельность Беркечаридов и их зависимость от Батуидов. При этом генеалогии, начиная с Хызыра, включая Уруса, из данного сочинения вряд ли являются достоверными, так как они противоречат другим генеалогическим источникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсаликов А. Генеалогия Урус-хана и казахских ханов в тюрко-персидских источниках // Uly Dala Murasy. 2023. № 4. С. 11–25.

2. Байбулатова Л.Ф. Исторические хроники постзолотоордынских государств: общее и особенное // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, №. 3. С. 599–606. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.599-606

3. Байбулатова Л.Ф. Отражение роли ислама в «Таварих-и гузида-нусрат-наме» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. №. 3. С. 601–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611

4. Гаев А.Г. Генеалогия и Хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Выпуск 4. Том.3. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.

5. Жумабаева А.А., Сабитов Ж.М. Генеалогии Чагатаидов из Лондонской копии Таварихи Гузидайи Нусрат-Наме // Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. 2023, 106 (3), 52–59. https://doi.org/10.26577/JOS.2023.v106.i3.06

6. Жумабаева А.А. Сабитов Ж.М. Сведения о Джучи и ханах улуса Джучи из тюркоязычного источника Таварихи Гузидайи Нусрат-наме // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение Востоковедение. Тюркология. 2023. 145 (4): 197–206. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-145-4-197-206

7. Жумаганбетов Т.С. Четыре фактора Чагатайского улуса в вопросе возникновения Казахского ханства (Казахско-чагатайские отношения) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2024. Т. 11. № 3. С. 600–613. DOI: 10.51943/2710-3994_2024_11_3_600-613

8. Исин А. 750-летие Золотой Орды и Восточного Дашт-и кыпчака // Абай. 2020. № 4. С. 46–55.

9. Исин А. Государства, созданные на основе Улуса Джучи, их обозначения в источниках, народной памяти и в исследовательской среде // Qazaq Historical Review. 2024. Т. 2. №. 4. С. 392–401. https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.4.392.401

10. История Казахстана в персидских источниках. Том 4. Алматы. 2006. 620 с.

11. Маргулан А., Жумабаева А. Из истории Золотой орды по данным «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» // Казахстанское Востоковедение. 2024. Т. 12. №. 4. С. 264–279. https://doi.org/10.63051/kos.2024.4.264

12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Изд-во Академии Наук КазССР, 1969. 652 с.

13. Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. Казань, 2013. № 1. С. 57–64.

14. Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И. Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2013. Вып. 6. С. 22–25.

15. Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Том 3. Алматы. 2006. 672 с.

16. Муиниддин Натанзий. Мунтахаб ут-таворихи муиний (муиний тарихлари танланмасы). [форс тилидан таржима, ихоҳлар муаллифи Ғулам Каримий, масъул муҳаррир А. Уронбоев, тарих фан. д-р]. Тошкент : O'zbekiston, 2011. 264 с.

17. Муминов А.К., Уйгур С., Нажмиддинов З. Золотая орда в произведениях Османской историографии (XVI–XVII века). Астана, 2023. 620 с.

18. Мустакимов И. А. Сведения «Таварих-и гузида-Нусрат- наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.

19. Мустакимов И. А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №. 2. С. 21–32.

20. Нагаминэ Х. Сыгнак как «порт Дашт-и Кыпчака» и «город-мавзолей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551

21. Нагаминэ Х. Джучи в джадвале «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» и «Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, B. 411». (2023). Qazaq Historical Review, 1(4), 527–535. https://doi.org/10.69567/3007-0236.2023.4.527.535 (in Russian)

22. Петров П.Н. Тамга «Гуюка» и Джучиды дома Ордуидов (история одной ошибки) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 551–561. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.551-561

23. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / Перевод с персидского языка Ч.И. Хамидовой; науч. и отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 228 с.

24. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / Перевод с персидского языка Ч.И. Хамидовой; науч. и отв. ред. И.М. Миргалеев. 2-е изд., изм. и доп. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 244 с.

25. Сабитов Ж.М. Административная реформа Бату в контексте противостояния с Гуюком // XIII Фаизхановские чтения. «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии». Материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО "Медина", 2017. С. 502–515.

26. Сабитов Ж.М. Анализ генеалогий Джучидов на основе данных двух списков Таварихи Гузидайи Нусрат-наме. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы V Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган, 2023. С. 15–17.

27. Сабитов Ж.М. Аноним Искендера как генеалогический источник// Золотоордынская цивилизация. Выпуск 1. Казань, 2008. С.117–122.

28. Сабитов Ж.М. Источники по генеалогии Джучидов, зависящие от «Мунтахаб ат-Таварихи Муини» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. №6. С. 136–144.

29. Сабитов Ж. М. Источники по генеалогии Джучидов: критический анализ // Золотоордынская цивилизация. 2013. №. 6. С. 29–34.

30. Сабитов Ж.М. Источники появления генеалогий джучидов в Муизз ал Ансаб // Вестник Евразийского Национального Университета. № 5 (84). 2011. С. 100–103.

31. Сабитов Ж.М. К вопросу о генеалогиях потомков Орда-ичена XIV века // Золотоордынская цивилизация. 2014. №. 7. С. 41–52.

32. Сабитов Ж.М., Маргулан А.С., Камбарбекова Г.А. Сравнительный анализ генеалогий Джучидов по данным пяти списков «Муизз ал-Ансаб» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 799–818. DOI: 10.22378/23136197.2022-10-4.799-818

33. Сабитов Ж.М. Муизз ал Ансаб: восстановительная критика // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань. 2013. № 5. С. 64–67.

34. Сабитов Ж.М. Муизз ал Ансаб как источник по генеалогии чингизидов (рецензия на перевод) // Научный Вестник Столицы. №4-6. 2011. С. 105–108.

35. Сабитов Ж.М. Муизз ал Ансаб как источник по истории Монгольской империи// Монголика. Выпуск 9. Санкт-Петербург. 2011. С.55–63.

36. Сабитов Ж.М. Натанзи как источник по истории Золотой орды// Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань. 2010. С.150–154.

37. Сабитов Ж.М., Рева Р.Ю. Сравнение сведений «Муизз ал-ансаб» и «Таварихи гузида-йи нусрат-наме» о ханах Улуса Джучи с данными нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 102–114.

38. Сабитов Ж.М. Рецензия на новый перевод Муизз ал Ансаб // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань, 2010. С.236–244.

39. Сабитов Ж.М. Сведения Натанзи о событиях в восточной части Улуча Джучи в 1313-1370-ых годах: «критика достоверности»//Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». №2(65), 2020. С. 418–424.

40. Сабитов Ж.М. Таварихи Гузидайи Нусрат-наме и Бахр ал Асрар: сравнительный анализ данных по генеалогиям джучидов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 3. С. 133–136.

41. Сабитов Ж.М. Таварихи Гузидайи Нусрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золоторднская цивилизация. Выпуск 2. Казань, 2009. С.108–116.

42. Сабитов Ж.М. «Шуаб-и панджгана» как исторический источник по генеалогиям Чингизидов // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 344–354. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.344-354

43. Селезнев Ю.В. «Элита Золотой Орды». Казань. Издательство Фэн АН РТ. 2009. 232 с.

44. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы. Дайк-Пресс. 2001. 276 с.

45. Таварих-и гузида-и Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филологических наук А.А. Акрамова. Ташкент: Фан, 1967. 358 с.

46. Тулибаева Ж.М., Тулибаев Т.Е. (2021). К истории появления двух редакций сочинения Му‘ин ад-дина Натанзи. Journal of History, 103 (4): 92–100. https://doi.org/10.26577/JH.2021.v103.i4.09

47. Тулибаева Ж.М. Тулибаев Т.Е. Правители и ислам в Золотой орде: по материалам Тимуридских источников первой половины XV века // Вопросы истории. 2022. № 5 (2). С. 67–77.

48. Тулибаева Ж. М. (2022). Сословие потомков Джӯджӣ Хāна: перевод извлечений из «Мунтахаб Ал-Тавāрӣх-И Му‘Ӣнӣ». Journal of History, 105(№2), 58–70. https://doi.org/10.26577/JH.2022.v105.i2.06

49. Ускенбай К.З. Собственная история и внутренний мир Орды в новой книге Мари Фаверо: The Horde’s own history and inner world in the new book by Marie Favereau // Qazaq Historical Review, 2023, 1(4), 557–565. https://doi.org/10.69567/3007-0236.2023.4.557.565

50. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 668–680.

51. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880

52. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (3) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 846–865. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.846-865

53. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (4) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180

54. Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (5) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 409–421. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.409-421

55. Binbaş E. Condominial Sovereignty and Condominial Messianism in the Timurid Empire: Historiographical and Numismatic Evidence. In: Journal of the Economic and Social History of the Orient, 2018, 61, pp. 172–202.

56. Kawaguchi T. [川口琢司]. トプカプ宮殿博物館図書館蔵『ティムール家総覧』[Synoptic Account of the House of Timur owned by the Library of the Topkapi Saray Museum]. In: 上智アジア学 [The Journal of Sophia Asian Studies], 1995, 13, pp. 157–171.

57. Kawaguchi T. [川口琢司]. ティムール帝国支配層の研究 [The Study of the Timurid Empire's Ruling Stratum]. Sapporo: Hokkaido University Press, 2007.

58. Kaya H. Tevārīh-i Güzide Nusret Nāme (Giriş-Metin- Notlar-Dizin-Tıpkıbasım) (Basılmamış Doktora Tezi). Ankara Üniversitesi. Ankara, 2019. 743 p.

59. Kaya H. İslamiyet Sonrası Orta Asya'da Türkçe Tarih Yazıcılığı ve Tevārih-i Güzide-Nusret-Nāme // Yeni Türkiye. 2019. Vol. 106. P. 510–521.

60. Kaya H. Tevārīh-i Güzide Nusret Nāme Metin-Aktarim- Dizin. Turk Tarih Kurumu. Ankara, 2022. 470 p.

61. Nagamine H. On the Jadwal of Kök Orda and Aq Orda in the Paris Manuscript of Muntakhab al-Tawārīkh-i Muʻīnī. In: Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік [Saryarqa and the Golden Horde: time and space]. Almaty: International Qazaq-Turkish University named after Qozha Ahmet Yasawi, Eurasian Research Institute, 2019, pp. 40–48.

62. Nagamine H. Jadwal in the Paris manuscript of the Muntakhab al-Tawārīkh-i Muʻīnīand Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, B. 411* // MUSEUM.KZ. 2023. № 2 (1), pp. 31–42. DOI: 10.59103/muzkz.2023.02.04

63. Muʻîneddîn Natanzî. Müntehabü't-Tevârîh-i Mu'înî (İskender Anonimi). Çeviren ve yayına hazırlayanlar: Ahmet Özturhan, Ahmet Korkmaz, Fatih Bostancı. İstanbul: Bilgeoğuz yayınları, 2023, 408 p.

64. Quinn S.A. The Muʻizz al-Ansāb and the Shuʻab-i Panjgānah as Sources for the Chaghatayid Period of History: A Comparative Analysis//Central Asiatic Journal, 33 (1990), pp. 229–253.

65. Shiro A. Timuridische Emire nach dem Muizz al ansab. Untersuchung Zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14. und 15. Jahrhundert. Berlin. Klaus Schwarz Verlag, 1992. 342 p.

66. Thackston W.M. A century of princes: sources on Timurid history and art. Washington DC, 1989. 396 p.

67. Thackston W.M. (ed.). Album Prefaces and other Documents on the History of Calligraphers and Painters. Leiden, 2014. T. 10. 103 p.

68. Togan A-Z.V. The composition of the history of the Mongols by Rashid ad-Din // Central Asiatic Journal. №7 (1962). P. 60–72.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (политические науки), директор, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000- 0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

CLASSIFICATION AND "ORIGIN CRITICISM" OF MEDIEVAL SOURCES OF THE 14th–16th CENTURIES ON THE GENEALOGY OF THE JOCHIDS

Zh.M. Sabitov
Research Institute for Jochi Ulus Studies

The aim of the study is a source study analysis ("origin criticism") of medieval sources from the 14th–16th centuries on the genealogies of the Jochids. "Genealogical" connections between these works, as well as between different lists of the same work, will be shown. This article will examine many aspects of the critical analysis of such medieval sources on the genealogy of the Jochids as Jami' at-Tawarikh and Shu'ab-i Panjganah by Rashid al Din, "Synoptic Tale" (B. 411) and "Muntakhab at Tawarikh Mu'ini" by Mu'in al Din Natanzi, "Mu'izz al-Ansab", "Nusakh-i-jehanara" by Kazi Ahmed Ghaffari, Tawarikh Ghuzidayi Nusrat-name. The thesis is substantiated that Jami' at-Tawarikh was the basic source on the genealogy of the Jochids, influencing all other sources. In addition, each of these sources will be analyzed at three methodological levels: 1. Criticism of origin. 2. Criticism of reliability. 3. Criticism of accuracy.

Based on these methods, we established "genealogical links" both between the lists of one work and between different sources.

Keywords: Rashid ad-Din, Jami’ at-Tawarikh, Mu'izz al-Ansab, Natanzi, Golden Horde, Muntakhab at-Tawarikh

Financial Support: The research was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of grant funding (project IRN BR24992878).

About the author: Zhaksylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political Sciences), Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

УДК 297.17

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ХОРЕЗМЕ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ТРУДАХ ФИКХА

Уланбек Калмурза уулу
Кыргызско-турецкий университет «Манас»

В статье рассматривается социальная и культурная жизнь в золотоордынском Хорезме и ее проявления в трудах фикха. Фикхские труды написанные в этом регионе предоставляет ценные информации о социальной и культурной жизни Хорезма и его окрестностей. В данном исследовании события и постановления, упомянутые в фикхских источниках Хорезма будут сопоставляться с историческими источниками и событиями того времени. Таким образом, будет выявлено как фикхские постановления развивались и изменялись в зависимости от региона и времени. Важное внимание будет уделено связи фикхских постановлений с социальной и экономической структурой, местными обычаями и историческим контекстом, а также выявлению специфических юридических норм и практик характерных для этого региона. В этом контексте будет также проанализирован вклад фикхской литературы в исторические исследования.

Ключевые слова: Фикх, Хорезм, Золотая Орда, социальная жизнь, культурная жизнь

Литература по фикху является ценным историческим источником, который отражает социальную, культурную и экономическую структуру периода и региона, в котором она была создана. Труды по фикху не ограничиваются только теоретическими правовыми нормами, но также предоставляют важные сведения о социальной жизни того времени и региона. В этом работе рассматривается различные аспекты индивидуальной и общественной жизни, такие как богослужебные практики, семейные отношения, торговые сделки, налоги и закят, а также вакфы. Указанные элементы имеют большое значение для понимания социальных норм, экономических условий и социокультурных особенностей того времени.

В историческом периоде Хорезм, считающийся одним из важнейших научных центров исламского мира, создал значительную литературу в области исламского права. Труды по фикху этого региона, особенно в период Золотой Орды, являются важными справочными источниками для понимания социально-культурной и правовой структуры того времени. Политическая и экономическая структура Золотой Орды, образ жизни общества и правовые регламентации можно отчетливо наблюдать в трудах по фикху, написанных в этот период. Следовательно, литература фикха Хорезма является одним из важных источников, позволяющих анализировать не только теоретические правовые вопросы, но и социальный порядок, а также культурные взаимодействия той эпохи. Становится очевидным, что при сравнении этих источников с другими дисциплинами они могут превратиться в ценную информацию и показать различные перспективы исследования.

Хорезм даже в доисламский период представлял собой центр с глубоким культурным и цивилизационным наследием. Благодаря дипломатическим усилиям местных правителей исламские войска сумели завоевать территорию мирным путем (сулх). Это обстоятельство позволило предотвратить разграбление и разрушение города. В результате взаимодействия исламской цивилизации с существовавшей там местной культурой произошли значительные научные, культурные и социальные изменения.

До монгольского нашествия Хорезм представлял собой центр сильно развитый в научном и культурном отношении. В регионе располагалось множество медресе и мечетей, где получали образование ученые в различных областях знаний. Этот период стал временем расцвета научных исследований и превращения региона в значимый образовательный центр исламского мира. Однако монгольское нашествие серьезно потрясло научную и культурную структуру Хорезма. В результате нападений монголов многие важные сооружения были разрушены, а множество ученых либо погибли, либо были вынуждены покинуть регион. Однако ученые, мигрировавшие в Шам, Египет и Анатолию, сохранили и передали научное наследие Хорезма, способствуя его возрождению в различных географических регионах [2, с. 45–597].

Несмотря на разрушительные последствия монгольского нашествия, с установлением Золотой Орды стратегическое и экономическое значение Хорезма вновь возросло. С восшествием на престол Берке-хана административный центр государства был перенесен в Берке-Сарай. Эти изменения непосредственно повлияли на торговую политику Золотой Орды и способствовали оживлению экономической деятельности, особенно в регионах Крыма, Хорезма и Булгара. В этот период Хорезм занял центральное положение с точки зрения торговых путей и стал одним из ключевых транзитных пунктов для купцов, следовавших из

Азии. Город Ургенч выдвинулся в качестве одного из важнейших центров этой торговой сети и обрел динамичную экономическую структуру [20, с. 737–752].

В период Золотой Орды северо-южный торговый путь, особенно из-за снижения безопасности дербентского маршрута через Кавказ в результате военных конфликтов с Ильханидами, начал функционировать через Хорезм в качестве альтернативной пути. Это еще больше увеличило экономическое значение Хорезма: торговые колонии булгар, простиравшиеся вплоть до Скандинавии, доставляли товары в регион, что привело к значительному оживлению торговли. Экономическое благосостояние Хорезма было напрямую связано с политическими и торговыми стратегиями Золотой Орды, и в этот период Хорезм возвысился не только как научный, но и как торговый центр [17, с. 121–127].

После обретения Золотой Ордой стабильности и реализации положительных политических взгдядов, некоторые ученые, которые были вынуждены покинуть регион во время монгольского нашествия, вернулись в Хорезм. В этом контексте возвращение одного из ведущих ученых того времени аз-Захиди считается важным событием. Более того, отмечается, что в процессе принятия ислама Берке-ханом значительное влияние оказали его мать, брат, а также ученик крупного суфийского деятеля эпохи Наджмаддина Кубры. Это свидетельствует о том, что Хорезм оставил долговременный след в научной и суфийской традиции Золотой Орды. Таким образом, несмотря на разрушения, вызванные монгольским нашествием, в период Золотой Орды Хорезмский регион возродился как в научном, так и в торговом отношении и занял значимое положение в исламском мире [16, с. 817–833].

Хорезм, являющийся одним из важнейших центров развития исламского права, в период Золотой Орды обладал сильной научной традицией и создал множество ценных трудов в области фикха и методологии исламского права. Труды этого периода преимущественно создавались в направлениях шарха, хашие и вакиъат. В настоящее время существует значительное количество сохранившихся работ, многие из которых находятся в виде рукописей в библиотеках и музеях, ожидая глубокого исследования. При этом известно, что некоторые труды либо не дошли до наших дней, либо еще не были обнаружены.

1. Труды факихов золотоордынского Хорезма

В данном исследовании будут рассмотрены труды по фикху, написанные в научном регионе Хорезма в период Золотой Орды и сохранившиеся до наших дней. Основными источниками для нашего исследования послужат нижеперечисленные труды:

1. Наджмуддин аз-Захиди (ум. 658/1260) является одним из значимых фигур в науке золотоордынского Хорезма, написавшим множество работ в области фикха и методологии исламского права. Особенно выделяются его сочинения «Кунья», «Муджтаба», «Хави», «Фадаилу Рамадан» и «Зад уль-Аимме», написанные в направлениях шарх, вакиъат, фазаьил и рисала. Эти труды содержат ценную информацию о местных обычаях, традициях, а также правовых нормах, применявшихся с учетом климатических и географических условий региона. Известно, что Захиди поддерживал хорошие отношения с правителем Золотой Орды Берке-ханом. Более того, по моим убеждегием он оказал влияние на процесс принятия Берке-ханом ислама. В этом контексте известно, что Захиди написал посвященный Берке-хану трактат под названием «Рисала ан-Насирия» [14, с. 688–708].

2. Джалал ад-Дин аль-Гурлани (ум. 767/1366) написал важный текст по ханафитскому праву под названием «Аль-Кифайя фи Шарх аль-Хидая». Это работа представляет собой шарх к классическому правовому трактату Бурханаддина аль-Маргинани «аль-Хидая» и имеет большое значение для понимания уровня правоведческого образования в Хорезме в период Золотой Орды. Кроме того, его работа «Шарх Усуль Паздави», написанная в качестве шарха к трудам Пездеви на основе исламского права, также заслуживает внимания с точки зрения методологии исламского права.

3. Джалал ад-Дин аль-Имади (ум. 762/1361) в своем труде «Гурар аш-Шурут ва Дурар ас-Сумут» представляет ценную информацию о правовых документах, использовавшихся в Хорезме. Этот труд является первоисточником для понимания правовых обычаев региона. Кроме того, его работа «Тарджумат аль-Альфаз алляти Варадат биль-Хаварзмийя» служит важным лингвистическим источником, раскрывающим слова и термины, использовавшиеся в Хорезмском регионе [11, с. 176–710].

4. Тахир бин Ислам аль-Хорезми Намадпуш (ум. 771/1370) в своем труде «Джавахир аль-Фикх» предоставляет обширную информацию о социальной структуре повседневной жизни и правовых регламентациях Хорезма. Этот труд имеет большое значение для понимания того, как правовые вопросы адаптировались к социальному и культурному контексту региона.

5. Мансур бин Ахмад аль-Каани аль-Хорезми (ум. 775/1374) в своем труде «Шарх аль-Мугни» представляет различные сведения о правовых нормах, применявшихся в Хорезме. В труде содержатся важные указания относительно правовой концепции ханафитского мазхаба того региона.

6. Хавиз ад-Дин аль-Баззази (ум. 827/1424) в своем труде «Аль-Джами аль-Ваджиз» предоставляет собой ценную информацию о правовой, торговой и экономической жизни Хорезма. Этот труд является

важным источником не только с точки зрения исламского права, но и для изучения экономической структуры региона.

Упомянутые выше труды составляют основу прававой традиции Хорезма периода Золотой Орды. Эти труды содержат подробную информацию о правовых воззрениях региона, его социальной и экономической структуре. Эти работы в основаном были написаны на арабском языке и являются основными справочными источниками для исследователей в области исламского права. Кроме того, в нашем исследовании мы будем также использовать труды других регионов по фикху в качестве вторичных источников, которые ссылаются на эти работы.

2. Климат и географический особенность Хорезма

Хорезмский регион благодаря суровому континентальному климату и географическому положению оказал многостороннее влияние на социально-экономическую структуру и правовые понятие. Экстремально холодный температурами климат привел к возникновению локальных особенностей в повседневной жизни в применении правовых норм. Это взаимодействие прослеживается в различных сферах – начиная от культовых практик, таких как протирание головы (масх) при совершении омовения, до системы сельскохозяйственного налогообложения (харадж). Согласно принципу истиаб ханафитского мазхаба требуется протирание всей головы, где применяются все части такие как фард, сунна и мустахаб. Однако с учетом суровых климатических условий Хорезма было принято решение считать достаточным протирание лишь обязательной части, то есть трети части головы [19, с. 148]. Основной причиной такой адаптации послужила исключительная сложность совершения омовения в условиях крайне низких температур.

Эти обстоятельства также нашли место в исторических источниках. Ибн Фадлан в своих путевых заметках, рассказывая о пребывании в Джурджании Хорезмского региона, отмечает, что зимние месяцы здесь были чрезвычайно суровыми, с обильными снегопадами и сильными ветрами. Настолько, что местные жители, выражая дружелюбие и гостеприимство, использовали такие фразы: *"Приходи ко мне домой, поговорим. Ведь у меня дома есть огонь"* [10, с. 51]. Эта фраза показывает насколько важны были огонь и тепло для людей этого региона. Подобным образом, существует предание о том, что известный лингвист и исламский правовед Замахшари потерял одну из ног из-за лютых морозов [21, с. 3:23].

Географические и климатические особенности Хорезма также повлияли на сельскохозяйственную деятельность в регионе и соответственно на применение исламского налогового сбора с земель – харадж. В исламском праве харадж взимается в зависимости от плодородия земли и стоимости выращиваемых на ней продуктов. Так система хараджа в Хараджа была основана на урожайносте использованных земель. В этой системе: виноградники считались землями с минимальными затратами, но с высокой урожайностью и доходностью, и соответственно подлежали самому высокому налогу. Земли, засаженные овощами, имели средний уровень затрат и доходности, поэтому облагались налогом средней величины. Земли, засеянные зернами, требовали самых высоких затрат, но приносили наименьший урожай, поэтому на эти земли накладывался самый низкий харадж [5, с. 5:285].

Рынки Хорезма довольно многолюдны и благодаря тому, что регион является торговым центром здесь наблюдается высокая активность. Из-за интенсивного человеческого потока в местах торговли часто распространены нечистоты. Поэтому в фикхе указывается, что в Хорезме при молитве обязательно нужно использовать молитвенный коврик или подобное покрытие. Напротив в таких городах как Бухара и Самарканд отмечается, что молитву можно совершать прямо на земле в торговых местах. [6, с. 7б]. Это свидетельствует о стратегическом положении Хорезма на мировых торговых путях и о том, что местные рынки были популярными местами для людей. Путешественники того времени также подтверждают это в своих произведениях [9, с. 1–281].

3. Семейное право и социально-культурная структура Хорезма

Нормы семейного права, изложенные в исламских правовых источниках, предоставляют важную информацию о социальной и культурной структуре обществ. Это связано с тем, что исламское право во многих вопросах семейного права оставило решение на усмотрение местных обычаев и традиций. В этом контексте такие вопросы, как помолвка, подарки на помолвку, махр, приданое и нафака, формировались в соответствии с местными обычаями.

3.1. Подарки на помолвку

В процессе помолвки обмен подарками между сторонами является обычной традицией. Согласно Ханафитскому мазхабу обмен подарками между помолвленными рассматривается как хиба и человек, который сделал подарок имеет право забрать его обратно.

Если человек, помолвленный с намерением заключить брак отправляет своей невесте различные подарки в соответствии с местными обычаями и противоположная сторона отвечает подобными подарками, то если помолвка не завершается браком, возвращение подарков не требуется. Согласно обычаям, действовавшим в центральной части Хорезма, в частности в Джурджани, принцип взаимности является

основным в вопросе подарков на помолвку, и требуют возврата подарков с точно такой же стоимостью [8, с. 139] Однако в пригородных районах Хорезма существует более гибкий подход к подаркам на помолвку. Здесь, хотя и могут потребовать компенсации за подарки, для возврата достаточно подарка меньшей стоимости [8, с. 140]. Это различие можно рассматривать как отражение социально-экономических и культурных различий между центральными и пригородными районами Хорезма.

3.2. Применение Махра

Махр в исламском праве определяется как сумма, которую женщина имеет право получить от своего мужа после заключения брака, и за которую муж несет обязательство по оплате. Махр может быть материальной или вещественной ценностью, которая выплачивается либо заранее (махр муажжал), либо в определенный срок (махр муежжел). В соответствии с этим махр делится на два типа в зависимости от времени его оплаты: Махр Муажжал: Это махр, который должен быть выплачен в момент заключения брака или до его заключения. Махр Муежжел: Это махр, выплата которого откладывается на случай развода или смерти одного из супругов.

Согласно обычаям народа Хорезма, махром обычно считается махр муежжел и эта практика стала не просто региональной традицией, а шариатным принципом. В связи с этим мусульманские женщины Хорезма требуют махр только в двух случаях: во-первых, при разводе и во-вторых, в случае смерти одного из супругов. Этот обычай повлиял на многих вопросах семейного права. Например, в отношении равенства в браке (кафает), наличие способности мужчины оплачивать махр не считается обязательным условием в обществе Хорезма [5, с. 4:106].

В исламском праве человек, имеющий долг по махру, не обязан выплачивать закят. Однако в Хорезме долг по махру не является препятствием для выплаты закята [5, 2:143]. Это объясняется тем, что махр может быть требуем только в случае развода или смерти одного из супругов и следовательно не считается срочным долгом. В Хорезме, если женщина избегает переезда к мужу с целью получения своего права на махр, то брак считается действительным, но она не имеет права на алименты (нафака). Это объясняется тем, что в регионе махр всегда выплачивается как махр муежжел. Однако из-за неопределенности сроков выплаты, некоторые возражают против этой практики [5, с. 4:273]. Еще одно распространенное в Хорезме применение заключается в том, что если мужчина женится на женщине, которая большую часть дня проводит на работе и только ночное время проводит с мужем, то в этом случае утверждается, что у женщины нет права на алименты [5, с. 4:273].

3.3. Использование Хорезмского языка в бракосочетании

Акт брака, как правило, заключается в прошедшем времени. Брак, заключенный в будущем времени, не считается действительным. Однако в Хорезме также признается действительным брак, заключенный в будущем времени [8, с.123]. Это объясняется тем, что грамматическая структура и особенности использования местного хорезмского языка соответствуют такому использованию времени.

3.4. Практика приданого

Согласно обычаям народа Хорезма, расходы на приданое обычно покрываются за счет махра. Поэтому, когда брачный союз заканчивается мужская сторона не может требовать обратно деньги, потраченные на приданое и в этом вопросе принимается во внимание заявление женской стороны [8, с.125].

3.5. Практика нафака

В вопросе нафака, в Хорезме потребности в одежде формировались в соответствии с обычаями местности. В этом контексте было предусмотрено обязательное обеспечение одинаковых одежд для летнего и зимнего сезона, таких как изар, джубба и другие подобные вещи, а также предоставление постели или простой покрывалы для сна. Напротив, в Ираке в рамках нафака отмечалось, что необходимо предоставлять отдельную одежду для лета и зимы. [1, с. 1:140]. Эта различная практика в Хорезме свидетельствует о том, что учитывались климатические условия региона и местные традиции народа.

4. Культурная жизнь Хорезма

В трудах исламского права региона Хорезма также видны влияние культуры, разновидности этнического преднадлежности населения, языковые различия, а также нахождение разных религиозных последователей таких как мусульманов, христиан и маджуситов.

4.1. Этнический состав

Этнические элементы сыграли важную роль в формировании культурной жизни Хорезма. Изучая исторические источники можно увидеть, что тюркские народы в основном жили в сельских районах, занимаясь сельским хозяйством и скотоводством. В трудах фикха упоминается, что тюрки отличались воинским характером, но реже ориентировались на образование и науку. В то же время из письменных источников видно, что в городах, где больше этнического разнообразия, то местное население занималось торговлей, образованием, искусством и ремеслами, что являлось важными экономическими и культурными деятельностями.

4.2. Языковые особенности

В Хорезме языковое разнообразие сохранялось на протяжении всей истории и регион имел многоязыковую структуру. Во времена Золотой Орды среди языков, использовавшихся в Хорезме, тюркский язык занимал важное место, однако также продолжал существовать и Хорезмский язык. Особенно в таких областях, как семейное право и наследственное право, наблюдается активное использование выражений, пословиц и фраз, происходящих от Хорезмского языка. Это свидетельствует о том, что Хорезмский язык имел важное место в народной речи и правовой терминологии [22. с. 165–195]. Так ученый XIV века Джалал ад-Дин аль-Имади написавший трактат, в котором он переводил выражения на Хорезмском языке из произведения Захидия «Кунйа ал-Мунйа» на арабский, подтверждает, что Хорезмский язык продолжал существовать среди местного насилени. Подобные переводы подчеркивают многокультурную природу того времени и доказывают, что Хорезмский язык был языком, используемым также в научных и литературных кругах.

4.3. Религиозная жизнь и верования в Хорезме

Религиозная жизнь в Хорезме имеет богатую структуру, которая соответствует этническому и культурному разнообразию региона. Хотя известно, что большинство населения Хорезма составляют мусульмане, источники также подтверждают наличие различных религиозных групп. Мусульмане в регионе следуют Ханафитскому мазхабу в области фикха, а в области акиды в основном исповедуют учение Му‘тазила. По этой причине в фикхе часто встречаются отражения му‘тазилитской мысли [13, с. 66–73]. Хотя и в меньшинстве, имеются сведения о людях, принадлежащих к Шафиитскому мазхабу и известно, что эта община в основном проживала в районе Хивы [18, с. 335].

В регионе помимо мусульман проживают и христианские общины. Мирное завоевание Хорезма обеспечило сохранность христианских храмов. Источники сообщают, что ученые-ханафиты и му‘тазилиты время от времени проводили религиозные диспуты с христианскими священниками. Например, известно, что после диспута христианского священника с Захидием, он принял ислам. [7, с. 47]. О верованиях христиан, их местах поклонения и социальной статусе было дано множество фикхских фетв и эти вопросы обсуждались в рамках исламского права.

Кроме того стоит отметить наличие Маджуситов в Хорезме. Известно, что до ислама в регионе проживали маджуситы и после того как ислам утвердился в регионе эти верующие продолжали существовать. В период Золотой Орды численность маджуситов снизилась, однако они не исчезли полностью. Фикхские дискуссии о местах поклонения маджуситов, их традициях клятвы, ритуалах и праздниках занимают важное место. Например, имеются фетвы о том, что празднование Навруза с исламской точки зрения является недозволенным [3, с. 4:188]. Но со временем исчезнование маджуситов фетва была изменена. Из-за мирного присоединения Хорезма к исламским землям сохранились места поклонения маджуситов [1, с. 1:83]. Эта ситуация показывает отношения исламского права к последователям других религий.

5. Экономическая жизнь

Хорезм на протяжении всей своей истории был известен как важный торговый центр. Регион, расположенный как на местных, так и на международных торговых путях, отличался большой экономической активностью. Большая часть местного населения занималась торговлей и именно эта сфера стала основой экономической деятельности в регионе. Широкий спектр торговли свидетельствует о существовании развитой рыночной экономики в городах.

Экономическая деятельность в регионе не ограничивалась только торговцами, также были ученые торговцы, занимающиеся фикхом. Поэтому некоторые ученые были известны по своим профессиям. Например, такие прозвища как «Баззази» (торговец тканями), «Саккаки» (торговец известью) и «Баккали» (торговец продуктами) указывали на сферы торговли, в которых они занимались [13, с. 68]. Это свидетельствует о тесной связи науки и торговли в исламском мире.

Кроме того, хорезмские ученые требовали, чтобы на торговых путешествиях обязательно присутствовал факих, чтобы обеспечить проведение торговых операций в рамках исламского права. Цель такого решение было совершать коммерческие сделки в соответствии с фикхскими нормами и обеспечивать справедливость в торговле [1, с. 1:414]. Таким образом, торговая жизнь стала не только экономической деятельностью, но и формировалась в соответствии нормами религии и юридических правил и в этом контексте она стала одним из основополагающих элементов экономической структуры региона.

Заключение

Фикхские труды содержат исключительно ценные сведения о социальных, культурных, религиозных и экономических структурах своего времени и региона. Эти труды важны не только с точки зрения исламского права, но и предоставляют важные данные о образе жизни, привычках, экономической дея-

тельности и социальных нормах того общество. То же самое можно наблюдать и в фикхских трудах, написанных в Хорезме.

Фикхские труды, написанные в Хорезме затрагивают множество тем, таких как поклонение, семейное право, торговые отношения и уголовные наказания, при этом учитывая местные условия региона. Особенно климатические условия, географическое расположение и социальные динамики были основными факторами, формирующими содержание этих произведений. Например, фетвы, касающиеся торговли и коммерции, были сформированы в соответствии с экономической деятельностью региона; аналогично, такие вопросы как брак, наследование и семейное право рассматривались в контексте традиций и обычаев хорезмского общества.

Фихские труды не должны оцениваться только в контексте исламского права, но и рассматриваться как важные источники для истории и других социальных наук. Их изучение вместе с исторической дисциплиной поможет глубже понять социальную, экономическую и культурную структуру того времени. Особенно важными для историков являются вопросы, касающиеся места правовых норм в социальной системе, их роли в личностных отношениях и касающиеся отношений государства и общества.

Несмотря на это в истории часто наблюдается долгое игнорирование фихских трудов. Однако в современной академической среде значение междисциплинарных исследований растет. В этом контексте историки и исследователи фикха могут проводить более комплексные анализы, рассматривая фикхские труды вместе с социальной историей, экономической историей и культурными исследованиями. Такие подходы позволят нам лучше понять социальную структуру не только в Хорезме, но и в исламском мире в целом. Таким образом, интегрированное изучение фикхских трудов в рамках исторической дисциплины создаст основу для новых исследований и внесет значительный вклад в академическую литературу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баззази Х. ал-Джами ал-Ваджиз. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2009. Т. 1–2.
2. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. М.: Наука, 1963. С. 45–597.
3. Гурлани Дж. аль-Кифая фи шарх аль-Хидая. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2019. Т. 1–8.
4. Гурлани Дж. аш-Шаафи шарх Усул аль-Паздави. Медина: аль-Жамиату аль-исламийа, 2010. Т. 1–4.
5. Захиди Н. аль-Муджтаба шарх Мухтасар аль-Кудури. Амман: Дару-раяхиин, 2023. Т.1–5.
6. Захиди Н. аль-Хаави масаил аль-Мунйа. // Отдел рукописей библиотеки Сулеймания. Стамбул: Шахид Али Паша, 000763.
7. Захиди Н. ар-Рисала ан-Насирия. Кувайт: Марказ аль-Махтутат ва Турас ва аль-васаик, 1994.
8. Захиди Н. Кунйа ал-Мунйа ли-Татмими-аль-Гунйа. Бейрут: Дар аль-ихйа ат-турас аль-'араби, 2024. 621 с.
9. Ибн Баттута. Рихлату Ибн Баттута. Рабат: Академияту-мамлакату-Магрибия, г.н. Т. 1-2. С. 1:281.
10. Ибн Фадлан. эр-Рихла ила Биладу-Турк ва ар-Рус ва ас-Сакалиб. Абу Даби: Дару ас-Сувейди, 2003. С. 51.
11. Имади Дж. Гурар аш-Шурут ва дурар-ас-Сумут. Стамбул: Университет Мармара, 2012.
12. Каани М. Шарх аль-Мугни. Кайсери: Университет Эржийес, 2015.
13. Калмурза уулу У., Тагаева Э. Влияние представителей Хорезмской школы фикха на Сигнаки (на примере поклонения) // MANAS Journal of Religious Sciences 3/2 (31.12. 2024), pp. 66–73.
14. Karagöz N, Kalmurza Uulu U. The Characteristics of Najm al-Dīn al-Zāhidī's Arguments for the Proof of Muhammad (pbuh)’s Prophethood // Journal of Kocatepe Islamic Sciences. 2024, 7/2, pp. 688–708. https://doi.org/10.52637/kiid.1523758
15. Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1. С. 13–25.
16. Маликов А. Некоторые особенности исламской культуры Хорезма в эпоху Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 817–833. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.817-833
17. Муминов А. Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.
18. Муминов А. Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии / Под ред. Прозорова С.М. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2015. 400 с.
19. Намудпуш Т.Б. Джавахир аль-фикх. Багдад: Джамиату Багдад, 2004.
20. Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 737–752. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752
21. Улайми М. ат-Тарих ал-Мутабар фи анбаи мин габр. Сирия: Дару ан-Навадир, 2011. С. 3:23.

22. MacKenzie D. N. The Khwarezmian Element in the Qunyat al-munya. Arabic text translated by Hasan Amarat / School of Oriental and African studies. University of London, 1990. 195 p.

Сведения об авторе: Уланбек Калмурза уулу – Ph.D., младший научный сотрудник Кыргызско-турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан); ORCID: 0000-0002-8492-8142. E-mail: ulanbek.kalmurza@manas.edu.kg

SOCIAL AND CULTURAL LIFE IN THE GOLDEN HORDE KHWAREZM AND ITS MANIFESTATIONS IN FIQH WORKS

U. Kalmurza Uulu
Kyrgyz-Turkish University "Manas"

The article examines the social and cultural life in the Golden Horde Khwarezm and its manifestations in the works of fiqh. Fiqh works written in this region provide valuable information about the social and cultural life of Khwarezm and its surroundings. In this study, the events and rulings mentioned in the fiqh sources of Khwarezm will be compared with historical sources and events of that time. In this way, it will be revealed how fiqh rulings developed and changed depending on the region and time. Much attention will be paid to the connection of fiqh rulings with the social and economic structure, local customs and historical context, as well as to the identification of specific legal norms and practices characteristic of this region. In this context, the contribution of fiqh literature to historical research will also be analyzed.

Keywords: Fiqh, Khwarezm, Golden Horde, social life, cultural life

About the author: Ulanbek Kalmurza uulu – Ph.D., Research Fellow, Kyrgyz-Turkish University "Manas" (Bishkek, Kyrgyzstan); ORCİD: 0000-0002-8492-8142. E-mail: ulanbek.kalmurza@manas.edu.kg

УДК 94(47)

ПИСЬМО ТИМУР-ХАНА ЙАЛАМАН-БЕКУ, НАПИСАННОЕ ИЗ ДЕШТ-И КЫПЧАКА

И.М.Миргалеев, И.Р.Гибадуллин
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена анализу письма эмира Чагатайского улуса Тимура некоему беку, предположительно из восточной Анатолии, по имени Йаламан (или же Сулейман) об обстоятельствах его войны с Токтамышем и его походе против Золотой Орды в 1395–1396 годах. Оно хранится в Турции, в библиотеке Сулеймания, в фонде Хафид Эфенди, № 326, под названием «Меджмуа-и Мусрелат». Данное письмо написано на персидском языке и вводится в научный оборот впервые. Публикуется также перевод письма Тимура на русский язык. Отмечается, что письмо адресовано некоему беку, знакомому с ситуацией в Анатолии, Сирии и Ираке, которому хорошо было известно о походе Тимура на Золотую Орду, о его конфликте с ханом Токтамышем.

Ключевые слова: Тимур, Йаламан/Сулейман, Токтамыш, письмо, Дешт-и Кыпчак

В Турции, в библиотеке Сулеймания, в фонде Хафид Эфенди, № 326, под названием Меджмуа-и Мусрелат хранится письмо Тимура некоему Йаламан-беку [7][1]. Это письмо стало известно специалистам не так давно. О нем мы узнали благодаря турецкой исследовательнице эпохи Тимуридов Хайруннисе Алан. Мы сумели заполучить копию этого письма и ознакомиться с ним, за что хотелось бы выразить ей огромную благодарность.

Письмо написано на персидском языке. Язык письма довольно легкий, но почерк местами небрежный, что затрудняет прочтение некоторых мест. То же самое можно сказать и об имени получателя письма. На самом деле буква Йа (ى) здесь не совсем точно прочитывается, вполне возможно, что это буква Син (س). В таком случае имя адресата может звучать как Сулейман. К сожалению, оригинал письма не сохранился, а копия была написана без соблюдения дипломатического этикета. Поэтому мы оставили версию Хайруннисы Алан, прочитавшей это имя как Йаламан.

По контексту получается, что письмо адресовано некоему беку, знакомому с ситуацией в Анатолии, Сирии и Ираке. Также получателю письма хорошо было известно о походе Тимура на Золотую Орду, о его конфликте с ханом Токтамышем. Зачем Тимуру понадобилось писать этому беку подробности своего похода и сообщать о судьбе Токтамыш-хана? Этот вопрос не простой и видно, что Тимура она сильно волновала. Сколько бы он не кичился своими трофеями и писал своему адресату, что он и его войско завладело «пленными и скотом, а также были захвачены их имущество и трофеи», но Токтамыш отступил и как сообщает Тимур «К сожалению, никто точно не знает о его судьбе».

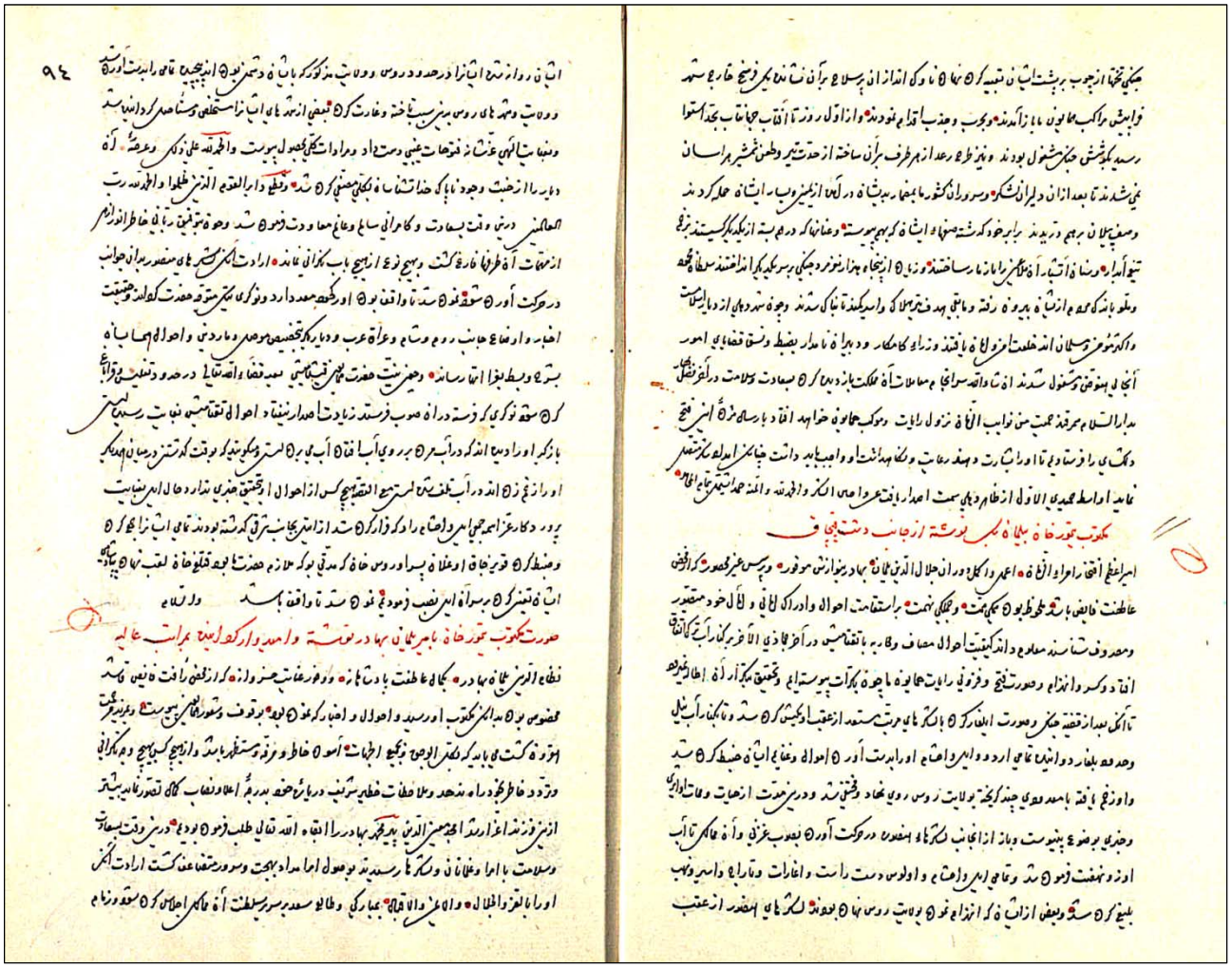
Тимур понимал, что цели своего второго похода он также не достиг [более подробно о битве Токтамыш-хана с Тимуром см.: 2], хотя и оставил в Золотой Орде марионеточного хана «в качестве падишаха Куюрчак-оглана, сына Урус-хан». Но Тимур конечно же понимал, что пока жив Токтамыш, никакой хан в Золотой Орде править не сможет, тем более навязанный завоевателем. Оставление «хана» говорит в пользу того, что заговорщики из окружения Токтамыш-хана, которые пригласили Тимура и обещали всякое содействие, также оставили Тимура или же не смогли договориться с Тимуром. Но одно мы точно знаем, что Куюрчак-оглан не был их сторонником. Вполне возможно, после ликвидации Бек Булата, лидера антитоктамышевской партии заговорщиков, среди них не было сильного джучида, а Идегей еще тогда не был таким влиятельным. Как известно, Тимур-Кутлук и Идегей сумели бросить вызов Токтамышу только в 1398 году [4, с. 138–146].

Токтамыш-хан, который объединил страну после политической смуты, взял курс на активную внешнюю политику, где его интересы столкнулись с чагатайским государством. В итоге началась война между Золотой Ордой и Тимуром, которая продолжилось с 1385-го по 1391 год. В это время в Сарае возникла группа из политической элиты, возглавляемой родственником и одним из приближенных Токтамыша Бек Булатом, которые хотели сместить хана Токтамыша. Но потерпели неудачу и оставшиеся в живых часть заговорщиков решили использовать Тимура в борьбе за власть [более подробно см.: 4].

После битвы на Кондурче в 1391 году Токтамыш приступил к созданию антитимуровского военного союза [более подробно см.: 7]. К 1395 году в этот союз вошли и османы, что привело к сближению Золотой Орды и Османского государства [1; 3], в том числе благодаря и фактору Тимура. После разгрома Золотой Орды настала очередь союзников по антитимуровскому блоку. Как известно, османы были разгром-

[1] Вполне возможно, что вместо Йаламан нужно читать Сулейман.

лены Тимуром в 1402 году при Анкарской битве. До этого Тимур и Баязид активно переписывались, используя при этом и язык угроз [более подробно см.: 5].

Письмо Тимур-хана Йаламан-беку, написанное из Дешт-и Кыпчака
(Библиотека Сулеймания. Фонд Хафид Эфенди, № 326. Меджмуа-и Мусрелат. Л. 94)

Публикуемое письмо отчетливо показывает, что Тимур интересовался событиями на Ближнем Востоке и в Анатолии, особенно в восточной ее части. После завоевания Ирана он продолжил вести активную политику на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в Анатолии. Часть правителей вилаетов, возникших после распада государства Хулагуидов на Южном Кавказе признали власть Тимура, часть политической элиты Анатолии, прежде всего восточной и центральной Анатолии, тяготившаяся властью осман также скрытно имела контакты с Тимуром и приняли выжидательную позицию, ища благоприятные моменты для своих бейликов. Данное письмо косвенно указывает и на этот аспект.

Тимур информировал своих адресатов о своих делах и достижениях и взамен просил информацию о приграничных областях. Он пишет: «дабы [Вы] были осведомлены, подготовили ??? и направили к [нашей] Светлости хорошего нукера, подробно и обстоятельно изложили [нам?] подлинную суть вестей и положения дел в краях Рума, Шама, Арабского Ирака и Дийарбакра, в особенности Мосула и Мардина, а также дела соседей». Тимур собирал информацию обо всех участниках антитимуровского военного блока.

В 1395 году он внезапно напал на Золотую Орду, но продолжал контролировать ситуацию южнее Кавказа, где оставались союзники золотоордынского хана. Данное письмо указывает и на то, что он опасался союзников Токтамыша по антитимуровскому военному блоку. Безусловно, это письмо важное свидетельтсво о противостоянии Токтамыш-хана с Тимуром. Далее публикуем перевод данного письма на русский язык.

Письмо Тимур-хана Йаламан-беку, написанное из Дешти-Кыпчака[2]

Величайший эмир, гордость эмиров [всех] времен, самый процветающий и совершеннейший [нашей] эпохи Джалал ад-дин Йаламан (Сулейман?), обретший благодаря [государевой] любезности величавость бахадур и неисчерпаемый колодец (расс-и гайр-и махсур), который преисполнен чистой благосклонности. Замечено, что «[оказывая] всем милость, [получаешь от] всех жадность» (перс. хамаги минат, джумлаги нахмат?), правильное течение дел и восприятие своих желаний и чаяний рассматриваются как вообразимое и известное, Да будет [Вам] известно об обстоятельствах битвы и сражения с Токтамышем в конце [месяца] джумади ал-ахира на берегу реки Терек, о разрушении и уничтожении, образе побед и величия наших августейших знамен, поскольку мы неоднократно получали [эти сведения] и удостоверялись [в них], повторение будет излишним, пока после случая сражения и нападения с регулярными [и] подготовленными войсками на них напали сзади и гнали их до самой реки Нил и границ Булгара[3], завладев всем войском, пленными и скотом, а также были захвачены их имущество и трофеи, а он был ранен[4] и с несколькими людьми (?) бежал, направившись к страну русов (вилайат-и рус), [где] скрылся, и за это время не появилось никаких признаков и известий о том, жив он или мертв, и мы снова выдвинули оттуда [свои] победоносные войска в сторону Газни[5] и тех областей до самой реки Уз/Аваз[6] (?), было приказано подниматься, обо всём войске и пленных, улусе правой руки (улус-и даст-и раст), всём захваченном и награбленном, военнопленных и трофеях было доложено, но некоторые из них, поддались обману, отправились в страну русов, а победоносные войска проследовали за ними, ворвались в области русов и в упомянутую страну, с которой они враждовали, и всё прибрали к рукам, по этой причине они напали на страну и города русов и разграбили их, а некоторые их города были освобождены [от их жителей] и полностью уничтожены. По милости Аллаха (Славно Его дело!) [воинством из] сокровенного [мира] была оказана помощь, и были достигнуты многие цели. Слава Аллаху за это! Просторы тех краев были полностью очищены от скверны нечистого бытия безбожников. «Беззаконники были уничтожены до основания. Хвала Аллаху, Господу миров!» (Коран, 6:45). В это время они вернулись назад в привычном состоянии и благополучии, живыми, здоровыми и с полным успехом. Поскольку благодаря помощи Господа мысли [Вашего] сиятельства были освобождены от тревог на этом направлении, и никакого больше беспокойства по какому бы то ни было поводу не осталось. Мы пожелали, чтобы победоносные войска выдвинулись в те края. Было разъяснено, дабы [Вы] были осведомлены, подготовили [???] и направили к [нашей] Светлости хорошего нукера, подробно и обстоятельно изложили [нам?] подлинную суть вестей и положения дел в краях Рума, Шама, Арабского Ирака и Дийарбакра, в особенности Мосула и Мардина, а также дела соседей. Из-за этого намерения нашей Светлости было [решено] перезимовать после приговора Всевышнего Аллаха в областях Тифлиса и Карабаха. Нукер, который был отправлен в ту область в качестве гонца, не встретил [на своем пути] много препятствий. Дела Токтамыша подошли к концу. Когда его снова видели погибшим в воде, он упал в воду, и его унесло водой, и говорят, что во время переправы между ними [возникла стычка], его ранили, и он погиб в воде. К сожалению, никто точно не знает о его судьбе. Тем не менее, Господь (Славно Его имя!) дал такой конец этому эмиру и имаму, что он бежал. Они шли из Итиля (?) в восточном направлении, и их всех собрали и схватили. Мы выделили для них в качестве падишаха Куюрчак-оглана, сына Урус-хана, которого какое-то время как приближенного нашей Светлости, называли прозвищем (либо титулом, араб. лакаб – примеч. пер.) Кутлуг-хан, и назначили над ним эмира. Было разъяснено, дабы [Вы] были осведомлены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исхаков Д.М., Миргалеев И.М., Камалов И.Х. Взаимоотношения Золотой Орды и Османской империи // Османское государство: история, институты и выдающиеся личности. Казань, 2021. С. 684–709.

2. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.

3. Миргалеев И.М. Золотая Орда и Анатолия // Золотая Орда в мировой истории. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 353–358.

4. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

[2] Перевод с персидского языка И.Р. Гибадуллина, научная редактура И.М. Миргалеева.

[3] Метафора. Характерно для цветистого стиля тимуридской дипломатической переписки и историографии.

[4] Речь идет о хане Золотой Орды Токтамыше.

[5] Казани? Этот вопрос требует отдельного анализа.

[6] Узу – тюрко-татарское название реки Днепр.

5. Миргалеев И.М. Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом // «Золотоордынская цивилизация». 2014. №. 8. С. 299–303.

6. Письмо Тимур-хана Йаламан-беку, написанное из Дешт-и Кыпчака // Библиотека Сулеймания. Ф. Хафид Эфенди, № 326. Меджмуа-и Мусрелат. Л. 94.

7. Mirgaleyev I. Altın Orda, Osmanlı ve Memlüklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 25. Sayı, Bahar 2010. S. 51–57.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Исмагил Рустамович Гибадуллин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: ismagil4@yahoo.com

TIMUR KHAN'S LETTER TO YALAMAN BEK, WRITTEN FROM DASHT-I KIPCHAK

I.M. Mirgaleev, I.R. Gibadullin

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The article analyzes the letter of the emir of the Chagatai ulus Timur to a certain bek, presumably from eastern Anatolia, named Yalaman (or Suleiman) about the circumstances of his war with Tokhtamysh and his campaign against the Golden Horde in 1395–1396. It is kept in Turkey, in the Suleimaniya library, in the Hafid Efendi collection, No. 326, under the name Mejmua-i Musrelat. This letter is written in Persian and is introduced into scientific circulation for the first time. A translation of Timur's letter into Russian is also published. It is noted that the letter is addressed to a certain bek familiar with the situation in Anatolia, Syria and Iraq, who was well aware of Timur's campaign against the Golden Horde, his conflict with Khan Tokhtamysh.

Keywords: Timur, Yalaman/Suleiman, Tokhtamysh, letter, Dasht-i Kipchak

About the authors: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Ismagil R. Gibadullin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: ismagil4@yahoo.com

УДК 94(57):72

«ШАЙБАНИ-НАМА» МУХАММАДА САЛИХА КАК ИСТОЧНИК ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КЫПЧАКА

А.К. Кушкумбаев, Ж.М. Сабитов
Научный институт изучения Улуса Джучи
А.Ш. Нурманова
Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова

В статье проанализировано сочинение Мухаммада Салиха на предмет выявления военных терминов и понятий, которые характеризуют военное дело, военное искусство и военизированный институт «қазақлық» (казачество) у кочевников Центральной Азии периода позднего Средневековья. Основным источником данной работы стало тюркоязычное произведение «Шайбани-наме» – одного из видных представителей государства Мухаммада Шайбани – Мухаммада Салиха (1455–1535 гг.). В процессе работы удалось выделить оригинальные тюркские названия предметов наступательного и защитного вооружения. Широкое распространение в Дашт-и Кыпчаке такого военно-социального феномена как *қазақлық* («казачий образ жизни») в период затяжного кризиса поздней Золотой Орды XV–XVI вв. было повсеместным явлением и не носило этнического характера.

Ключевые слова: «Шайбани-нама», Мухаммада Салих, источник, военное дело кочевников Восточный Дешт-и Кыпчак

Произведение Мухаммада Салиха «Шайбани-нама» относительно давно известно в востоковедной литературе. «Шайбани-нама» издана по единственной имеющемуся списку рукописи, хранящейся в Венской Императорской и Королевской библиотеки (Венская библиотека). В 1885 г. первым в переводе на немецкий язык это произведение опубликовал известный венгерский ориенталист А. Вамбери [12]. Затем на основе этого списка П.М. Мелиоранский издал критический текст [6]. Издание П.М. Мелиоранского, это перепечатка текста рукописи на арабской графике. Издатели сожалели, что не имеют возможности опубликовать факсимиле рукописи.

В оригинале рукопись содержит 218 листов[1], размеры листов 9х6 дюйм (примерно 22,86х15,24 см.), на каждой странице размещено по 11 строк текста в два столбца. «Шайбани-нама» написана в эпической традиции. Состоит из 76 частей (ок. 9 тыс. стихотворных строк). Имеются миниатюры (9 шт.). Венский список окончен «рукой грешнего раба Касыма в конце Джумада ал-Ауал 916 года» (конец августа 1510 г.; f.218a) [6, с. IV]. Полного перевода ни на казахский, ни на русские языки до сих пор не предпринималось. В Узбекистане несколько раз «Шайбани-нама» издавали на кириллице на узбекском языке [7; 8].

Сочинение Мухаммада Салиха, как давно отмечено в науке, является ценным источником по политической истории периода завоевания Тимуридской державы войсками Мухаммад Шайбани-хана (1451–1510 гг.). В данном сочинение встречаются уникальные сведения по этническому (родо-племенному) составу узбеков-шибанидов, военному делу (оружейной комплекс, военно-тактическое построение) тюркских кочевников Центральной Азии, особенности церемониальной культуры и другие данные.

В «Шайбани-нама» имеется большое количество военных терминов и понятий, которые хорошо иллюстрирует развитие военного дела и военного искусства XV–XVI вв. тюркских кочевников центрально-азиатского региона.

Название войска и его частей:
Лашкар (لشکر войско)
чирик (جریک войско)
хайл (خیل войско – 22б)
йасақ (یساق авангард – 36а, 98б)
Йасал (строй, боевое построение – 161а/б, 196а, 208а)
Йуртавул (یورتاول Сторожевой, охранный отряд – 125а, 192б, 193а/б, 194а)
Илгар (ایلغار передовой отряд – 34б, 35а, 193а, 202б)
оң қол (اونک قول правое крыло – 18б, 47а, 134б, 135б, 161а/б)
сол қол – (سول قول левое крыло – 47а, 134б, 135б, 161а/б, 183а)
ички қол (ایچکی قول внутренние войска – 135а, 161а, 198а)

[1] По традиции пагинации восточных рукописей, нумеруются листы, 218 листов – 436 страниц или 218 а-б страниц. В данной статье, из-за особенностей рукописи, ссылки на источник даны в круглых скобках.

тиб (تیب отряд, колонна – 31б)
фирқа (فرقهء отряд – 98б)
Саф (صف – ряд, порядок, строй, построение – 99а)
Сақлав – дозорный отряд, патруль – 60а, 193б, 194а
Баурчихана (باورجیخانه – кухня – 108а)
Пишхана (پیشخانه – передний обоз войска – 108а)
Чагдавул/Джағдаул (جاغداول конный дозор, разведывательный отряд – 125а)
Военные чины и должности:
Сардар (سردار предводитель, вождь)
Саруар (سرور вождь, предводитель – 7б, 89а, 99а, 106б, 120а, 138а)
Тархан (ترخان)
Даруға (داروغه комендант – 39а, 65а, 92а, 128б,),
Илчи (ایلچی посол)
Сипаһ (воин, солдат – 24б, 25а, 98а, 119б, 153б, 160б, 164а, 165б, 171б, 174а, 175а, 208а, 209б)
Карачы (قراچی охрана, караул – 85а, 120б, 123б)
Қасд (قاصد вестник, курьер- 24б, 28а)
Нигахбон (نگه بان охрана, сторож, караульщик – 77а)
Нукар (نوکر воин)
Чапар (چاپار гонец, курьер – 107б)
Чуғул (چغول – جُغُل – доносчик – 79б)
Қапучи (قاپوچی привратник – 66б)
Нақибчи (نقیبچی предводитель – 205а)
Тахш андаз (تخش انداز стрелок огнестрельным оружием – 51а)
Арбадасаз (عربده ساز спорщик, крикун, драчун, задира – 54б)
Арбадапардоз (عربده پرداز – 134б)
Воинские символы:
Туғ (توغ – бунчук – 48а, 106а, 107б, 161б, 162а)
Жалау (یالاو знамя, флаг – 107б)
Алам (علم знамя, флаг – 131а)
Каус – (کوسлитавры, барабан – 43б, 162а)
Нақара (نقاره – литавры – 108а)
Нафир (نفیر – труба – 108а)
Равақ (رواق шатер, навес, свод – 80б)
Саропарда (سراپرده – царский шатер, царская ставка – 108а)
Защитное вооружение:
зирих/зере (زره панцирь – 14б,15б, 19а, 161а)
дуылға (دوولغه – 107б)
джавшан (جوشن кольчуга, латы – 43б, 54а, 54б,),
Қалмақ-и қуйақ (قالماقِ قویاق калмакская панцырь, кольчуга – 131б)
қалқан (قالقان щит – 54б, 130а)
джауш (جوش броня – 29б)
миғфар (مغفر остроконечный железный шлем – 54а/б, 125б, 132а, 135б 172а)
занубанд (زانوبند наколенник – 107б)
Крепостные укрепления:
Қорған (قورغان крепость)
Қала (قلعه крепость)
Хисн (حِسن – замок, крепость, укрепленная местность – 87а)
Хисн (حصن – замок, крепость, укрепление – 87б)
Бурдж (برج – замок, башня стена верхушка крепости – 45а, 87а)
Бару (بارو – крепостная стена, вал – 87а)
Малжа (ملجا – убежище, подземный ход, окоп– 43б, 163б, 193а)
Хандақ (خندق – окоп, ров, яма – 44б, 54а, 66б)
Хакриз (خاکریز – ров, заполненный водой – 44б, 118б, 204а)
Военное снаряжение (в целом):
Аслаха – اسلحه – оружие (разных родов) – 107б
Разм йарағи (رزم یراغی военные снаряжения – 130б)
Уруш асбаби (اوروش اسبابی военные снаряжения – 56б)

Оружие:
Оқ
Садақ (سداغ – 19а)
Тиғ (تیغ клинок, лезвие – 54а, 136а)
Найза (نیزه копье – 107б)
Қанат (قنات – пика, копье – 108а)
Ханжар (خنجر кинжал – 15а)
Зу-л-фикар (ذو الفقار обоюдоострый меч – 14б)
Хишт (خشت булава, палица, копье, дротик – 108а)
Сунгу/сүңгі (سونکو копье – 15а)
Даббус (دبّوس булава, кистень – 21а)
Туфак (تفک ружье – 56а)
Тахш (تخش огнестрельное оружие – 51а, 56а)
Чақмақ/шақпақ (جقماق кремень, курок – 113б)
Рағд (رعد пушка – 56а, 100б)
Йай/Жай (یای лук – 19а, 135б)
Джебе (جیبه стрела – 15а, 41а)
Навак (ناوک стрела – 56а)
Башақ – (باشاق железный наконечник стрелы – 44б, 130б)
Қурбан (قربان колчан для стрел – 135б)
Ахгар (اخکر горячий уголь – 44б)
Нафт йағи (نفت یاغی нефть – 51а)
Военные приемы:
Арбада (عربده бой, драка – 158а, 190а)
Шабыхун (شبیخون ночная атака – 209б)
Камин (کمین засада – 26а, 30а, 54а, 56а, 126а)
Һуджум (هجوم наступление, атака, штурм – 67а, 111б)
Джавалан (جولان кружение – 35а, 43б)
Карруфар (کرّ و فرّ нападение и притворное отступление – 98б)
Каррат – (کرت нападение, атака – 114а)
Уруш (اوروش бой, битва, сражение, поединок)
Разм (رزم бой, битва, сражение, поединок)
Осада крепости:
Қабал банд (قبال بند осада – 51а)
нардибан (نردبان лестница – 66а)
Рахна (رخنه – пролом, пробоина, брешь, щель – 111б)
Саты/шату (شاتو/ شاطو деревянная лестница – 40а, 43б, 44б, 45б, 56а/б, 66а/б, 87б, 164б, 196а/б, 213б)
тура (توره щит в рост человека – 40а, 43б, 46а, 56а/б, 66а/б, 118б, 164б, 196а/б, 204а, 213б)

В «Шайбани-нама» очень часто описываются осада крепости, и часто упоминаются «Шату/Саты» – Деревянная лестница и «Тура» (тур) – оборонительный щит, достигавший роста человека.

На листе 56 б описывается, как было спилено много деревьев в садах, разобраны дома (особенно двери домов) и на каждого воина было сделано по одной «тура» и «шату».

Шибани хан сделал указ:
В войске все чины и солдаты (хорошие и плохие),
Укрепить ограждение города,
Собрать военное снаряжение.
Услышав этот указ его войско
Согласно пунктам указа сразу
Деревья вырубили и подготовили
О «тура» также не забыли
Деревья для «шату» подготовили
Для «шату» собрали необходимое
По этой причине уничтожили
Очень много садов разорили
В садах были дома
Были местом сбора народа
С них сняли двери
Дома и камни сожгли

Очень старательно приказ исполнили
Принесли в ханскую ставку
«шату» и «тура» было много
Жителям города стало ясно
По одному «тура» было каждому человеку
«Тура» раздали каждому

При осаде крепости по Шату/Саты – деревянным лестницам воины поднимались на стены и прикрывались щитами. Обычно защитники крепостей кидали камни и горячую смолу на взбирающихся воинов.

В то время использовались при осаде крепостей «тура» двух разновидностей, они созвучны, однако это две разные приспособления:

1) «تُرّه» турра – веревочное приспособление с железными крючьями на конце, которые цеплялись на зубья бойниц и забирались на стены;

2) «تورا» – тура – деревянные щиты в рост человека, основа затягивались бараньей шкурой и на кожу сверху накладывали дерево, оно хорошо защищало от стрел и горячей смолы.

Абдулла Балтаев в своей арабографичной рукописи «Памятники Хивы»[2] в Институте востоковедения АН РУз – Инв. №11645 в странице 27 в «Истории старой крепости (Кухна арк)» приводит следующий текст:

«… Арикнинг кун батар тарафиндаки дивор Ичан-калъа девори булуб, анинг кунгралари ва ук дишлари (اوق دیشلاری) мустахкам эди. Душман ёки фитначилар ани хужумида дивар пайина туруп шатти зинасин ё узун аркон-турралар (ارقان تُرّه لار[3]) ишга салардилар. Зина ва тураларни учина лангар (لنگر) байлап, ул шатти ва турраларни лангари ила дивар дишина илдириб дивар устина чикарди» [14].

Перевод: «… Восточная сторона Арка была стеной Внутренней крепости (Ичан-кал‘а). Ее стены и зубья бойниц (ук дишлари) были прочными. Враги или смутьяны собирались у подножья стен, использовали (для приступа) веревочные лестницы и веревочные «турра». (Для приступа) они привязывали к концам веревочных лестниц и «турра» железные якоря (*лангар*/крючья) и забрасывали («цепляли») их на зубья бойниц и забирались на стены».

Там же на странице 29 пишет: «… Дарваза кунгрисидин кара йаг (قاره یاغ) куядиган узут табакча турарди. Андан душманлар качарди. Узун туроси (اوزون توراسی) булмаса, кутулуб булмас эди, баши, елкаси куярди ….» [14].

Перевод: « … На башенках ворот были установлены длинные лотки для полива горячей нефти[4] (на наступающих). Враги (при наступлении) убегали от них[5]. И если у них не было длинных щитов (узун туроси), не было им спасения – обжигались головы и плечи…».

В «Шайбани-нама» речь идет именно о щите в рост человека. На листе 51а, упоминается о смоле:

Қаланың адам саны жүз бас
Мұнай майы мен қамыс жинауды айтты
Бір қамыс бағын жүз шам еткелі
Тахш атқыштарымыз көп еді
Численность жителей города в ста голов
Собрать смолы и камыша поручили
Из одного сада камыша сделать сто факелов
Стрелков также было много

Тура использовали не только для защиты от камней и горячей смолы, при осаде крепостей, также с помощью «тура» создавали живой щит для продвижения войска под градом стрел пускаемых со стен крепостей.

В «Шайбани-нама» на листе 46а

Екі мың *тура* жаяуларға беріп
Үш мың атқыш *тура* ішіне кіріп
Жүріп келді екі сан әскер
Две тысячи тура дали пешим войскам
Три тысячи стрелков вошли под тура
Подошли многочисленные войска

[2] Выражаем особую благодарность в получении данной информации профессору Бахтиер Мираимовичу Бабаджанову.

[3] Здесь авторская огласовка. То есть написание без буквы «вав», а лишь огласовка в виде даммы.

[4] «قاره یاغ» – буквально «черное масло». Возможен перевод смола.

[5] То есть старались не попадать под эти лотки.

В «Бада-и ал-Лугат» описывается: Тура – «щит в рост человека», «плоские бревна и железные брусья (доски), которые в дни битвы связывают одну с другой цепями и крючьями и создают укрепление (крепость) для войска, [войны] стоят за ним (позади такого укрепления) и ведут бой» [2, *с.* 67, 167, 170].

Воинов, использующих шату и тура, соответственно называли «Шатулы» и «Туралык», лист 66 б:

Туралиқ турани илгига алиб
Шатулуқ шатуни иңига салиб
Туровые несли в руках *туры*
Сатыносы несли в плечах *саты*

И только в одном месте использовано синоним Шату – Нардибан, лист 66а:

Нардибан уа тура бисийар ирди
Йасаниб барчаси таййар ирди
Много было лестниц и *тура*
Все во всеоружии стояли наготове

«Қазақ» или «қазақлық»

Особого внимания заслуживает упоминание такого военно-социального феномена как «қазақ» или «қазақлық». Изучением такого социального явления как казаклык в степном мире кочевников Евразии занимались такие исследователи как Т.И. Султанов [4; 5], В.В. Тишин [10], Joo-Yup Lee [13] и мн. др. В 2018 году вышла большая коллективная монография, посвященная казачеству [3]. В тексте «Шайбани-наме» постоянно встречается использование термина «қазақ/qazaq». Впервые на сообщения Мухаммада Салиха о «казаках» обратил внимание М. Тынышпаев, который отметил, что завоеватели Туркестана (Тимуридской державы) назывались авторам «Шайбани-наме» «узбеками» и «казаками» одновременно, причем чаще использовался второй термин [11, с. 118].

Так в главе XV, озаглавленной как «Причина написания книги» (Китаб назмының себебі) имеется такая фраза «*Чун битиштим килибан ниче қазақ*» (Когда пришли столько казахов) [6, Л. f 18a], использованная в контексте того, что Мухаммад Шайбани выступил с войском в поход на Самарканд. К нему присоединились множество воинов, названных термином «казак». В данном случае речь идет не о казаках, сторонников представителей казахской династии, правившей в это время в Восточном Дешт-и Кыпчаке, а именно о тех, которые поддерживали предводителя узбеков-шибанидов. Иными словами, здесь подразумевается не «казаки» – будущий этнополитический коллектив (этническая общность) или представители формирующегося казахского народа, а особая военно-социальная категория кочевого населения ведущая вольный образ жизни (казаклык).

Как известно, сам Мухаммад Шайбани, в молодости, начиная примерно с двадцатилетнего возраста, длительное время скитался по даштским степям (после поражения Шибанидов в борьбе за власть в степи) и находился на службе местных правителей [см.: 3, с. 589–591], и фактически вел образ жизни казака (қазақлық). Окружавшая его в тот драматический период жизни степная вольница также обозначалась понятием «казак». Если под словом «узбек» (узбеки-шибаниды) подразумевались подданные представителей шибанидской династии, то употребление термина «казак» по отношению к самому Мухаммаду Шайбани и поддерживающей его часть номадов подразумевает какую-то военно-социальную группу.

О том, что «казаки» у Мухаммад Салиха именно военно-служилая часть свидетельствуют то, что при взятии города хан, обращаясь к населению говорит следующее:

Шаһарни чун қулиға алды хан
Шаһарниң аһлиға қилди фирман
Ким райат била һич иш йуқтур
Шаһарниң аһлиға тартиш йуқтур
Қайда ким бар сипаһи мали
Айлаңиз малдин ани хали
Ушбу суз бирла кириб килди қазақ
Һар бири бир кишига булди қунақ
Хан взяв город в свои руки
Сделал приказ жителям города
Кто признает мою власть, тех не трону
Жителям города не будет никакого вреда
Но все что есть будет принадлежать войску
Отдайте все имущество без остатка
С этими словами вошли в город *казаки*
Каждый из них стал гостем в каждом доме [6, Л. f 24b]

Другой пример, также хорошо иллюстрирующий состав войска шибанидов:

Қилдилар шаһар илика и^{с}лам

Ким сипаһи нимасин йашурмаң *Қазақ* илкида йаманлиқ курмаң
Шаһар ичига йурукач ушбунда
Һич нима қалмади махфи аслан
Чиқариб барчасини бирдилар
Узларин бимдин айирдилар
Булди бу арабда ва фитна ара
Сделали предупреждение жителям города
Пусть никто не скрывает то что войску положено
Казаки прежде не испытывали плохого
Подобным образом ходили по городу
Ничего скрытого не осталось
Все вынесли и отдали им
Лишили себя пропитания
По этой причине были и ругань и драки [6, Л. f 25a]

Тем самым, здесь ясно сказано, что войско Мухаммада Шейбани состояла из «казаков».

Шаһар хан қулларига айурулди
Алдилар мал ва ғанимат сансиз
Барча тарачсиз ва талансиз
Чун қазақ шаһар ичига куб кирди
Малдин шаһар илин айирди
Шахар перешел в руки хана
Взяли они бесчисленные богатства и имущество
Без спора и сопротивления
Когда многочисленные казахи вошли в город
Жители города остались без имущества [6, Л. f 30a]

Не исключено, также, что при завоевании Мавеннахра Мухаммад Шайбани мог пользоватся военной поддержкой со стороны потомков Урус-хана, господствовавших в конце XV – начале XVI веках [см.: например. 1, с. 37–38].

Помимо вышеуказанного «Шайбани-наме» является важнейшим источником по военному делу кочевников Дашт-и Кыпчака XV–XVI веков. В этом сочинение очень много сведений по названию предметов вооружения, тактическому построению на поле узбек-«казакского» войска, оригинальные обозначения воинских подразделений на поле боя. Автор поэмы представил подробные сведения об используемом защитном, наступательном и огнестрельном оружии этого периода. Военная лексика сочинения очень солидная. В главе «XII Джибасиниң сифати» (описание стрелы) дана функциональная характеристика боевых свойств метательного снаряда.

Джибаси-дур зарра дауади
Анга лайиқ баши узра худи
Һар кез уқни узига йауутмас
Йаууса һам анга һаркез утмас
Душман уқини узига алмас
Стрела его подобно кольчуге Давида
Достойный его голова, как свой близкий
Никогда не подпускал стрелы
Даже если попадал не пробивал
Вражескую стрелу не пропускал
Никогда не смотрел на стрелы [6, Л. f 14 b]

Из этого источника можно узнать, что сам хан умел делать кольчуги и «в искусстве кольчугоделания», он «сам взял и сделал такую кольчугу

Подобно волосу красавицы завитки и круги» [6, Л. f15b].

В «Шайбани-наме» очень много военных лексем, которые характеризуют военно-тактический строй: «*йасал*» – строй, боевое построение, «*ылгар*» – авангардный передовой отряд войска, «*карачы*» – караул, охранный отряд, «*кол*» – отдельное подразделение или крыло войска, «*он кол*» – правое крыло (фланг), «*сол кол*» – левое крыло, диспозиция войска в целом. «*Ички кол*» – внутреннее войско (центральный отряд, полк), *кош* – лагерь (ставка), *кошун* – войско, отдельное подразделение, «*саклав*» – дозорный отряд, патруль. Вызывают интерес такие вспомогательные подразделения войска как «*йартавул*» – отряд, который перегоняет скот, «*чагдавул*» – конный дозор, «*каравул*» – охрана, караул.

Военные чины и звания: «*йузбеги*» – сотник (значит сохранялась десятичная модель войска), «*даруга*» – комендант города, правитель, «*сардар*» – военачальник, предводитель, правитель. Рядовой состав

войска: «*окчы*» – стрелок из лука, лучник, «*нәвкәр*» (нукер) – воин (нукер), «*сыпахы*» – воин, солдат. Все войско обозначалось словом «*ләшкәр*» или «*черик*» – отборное войско.

Наступательное оружие: «*башақ*» или «*оқ*», «*йай*» – лук, «*садак*» – колчан (лук со стрелами), «*сөңу*» – копья, «*найза*» – пика, «*кылыч*» – сабля, «*шәмшер*» – меч, «*Зулфакар*» – обоюдоострый меч, «*тыг*» – колющее оружие, «*ханжар*» – кинжал и т.д.

Огнестрельное оружие: «*тахш*» – огнестрельное оружие вообще (?), «*туфек*» – ружье, «*раъд*» – кулеврина или малокалиберная пушка (?).

Защитное вооружение дано очень подробно: «*жавшан*» – кольчуга (доспех), «*маңлайлық*» – налобник (защиты головы коня), «*қалқан*» – щит, «*құйақ*» – панцирь, кольчуга, «*сағыт*» (сауыт) – панцирь, «*торә*» – большой щит, в рост человека, «*дувулга*» – остроконечный шлем, «*занубанд*» – наколенник, «*опчын*» – защитная попона коня, «*худ*» – шлем.

Воинские стяги: «*йалав*» – флаг, «*туг*» – знамя, стяг.

Таким образом, из рассмотреных выше примеров видно, что сочинение Мухаммада Салиха является важнейшим источником по истории военного дела, тактической структуре войска, оригинальным тюркским названиям предметов вооружения и воинского снаряжения центрально-азиатских армий рубежа XV–XVI вв.

Произведение «Шайбани-наме» также следует отнести к числу ценных свидетельств по истории такого военно-социального института как *қазақлык* и соответствующей категории степного населения как «казаки». Казаки («казачество») являлось широким социальным явлением и было, прежде всего, особой военизированной группой, которое периодически пополнялось из числа лиц, утративших устойчивые родственные связи со своим коллективом или племенем. Практически эта группа населения жила как социальные изгои или «солдаты удачи», примыкая или нанимаясь на службу к военным предводителям из числа маргинализированной политической элиты (ханы, султаны, батыры, атаманы и т.д.). Из этих сведений становится понятным, что термин «*казак*» не был в XV-XVI веках еще этническим маркером или идентификатором, определяющим этническую принадлежность. Состав этой группы кочевников, которые вели образ жизни «*қазақлык*» (казакование), был сравнительно пестрым и разношёрстным и породил такой феномен как казачий (вольный) образ жизни, характерный для тюркского степного мира, который распространился на его окраинах в форме интернационального запорожского, донского и яицкого казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атыгаев Н. А. Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. 382 с.

2. Боровков А.К. «Бада'и‘ ал-лугат». Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 265 с.

3. Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография / отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. 804 с.

4. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.

5. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. 320 с.

6. Мухаммед Салих. «Шайбани-намэ». Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием прив.-доц. А.Н. Самойловича. СПб.: Электро-печатня И.М. Бораганского, 1908. XVIII, 14 с., 227 с. староараб. паг., 4 л. ил.

7. Мухаммад Солих. Шайбонийнома. Нашрга тайёрловчи Насрулло Даврон. Тошкент, 1961.

8. Муҳаммад Солиҳ. Шайбонийнома. Нашрга тайёрловчи ва сўз боши муаллифи: Шодиев Э. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. 318 б.

9. Султанов Т.И. Известия «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха о моголах (XVI в.) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. Кн. 3. М.: Наука, 1989. С.190–211.

10. Тишин В.В. Казаклык как социальное явление // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 126–140.

11. Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

12. Die Scheïbaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von Hermann Vambéry. Wien. 1885. xxi – t – 468 p.

13. Qazaqlïq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia, Joo-Yup Lee (Studies in Persian Cultural History 8), Leiden: Brill, 2016. xvi + 239 pp.

14. Soviet Legitimization of Islamic Architecture in Old Khiva as Reflected in the Diaries of ‘Abdullah Baltaev (1880–1966) / E. Paskaleva, G. van den Berg’s “Memory and Commemoration across Central Asia” / In: Leiden Studies in Islam and Society. Volume 17. Leiden-Boston: Brill, 2023. Pp. 330–345.

Сведения об авторах: Айболат Кайрслямович Кушкумбаев – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7@mail.ru

Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (полит. науки), директор, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000- 0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

Айтжан Шаймерденовна Нурманова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: anurmanova@mail.ru

"SHAIBAN-I-NAMA" OF MUHAMMAD SALIKH AS A SOURCE ON MILITARY AFFAIRS OF THE NOMADS OF EASTERN DASHT-I KIPCHAK

A.K. Kushkumbaev, Zh.M. Sabitov
Research Institute for Jochi Ulus Studies
A.Sh. Nurmanova
R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

The article analyzes the work of Muhammad Salih in order to identify military terms and concepts that characterize military affairs, military art and the militarized institution of "kazaklyk" (Cossacks) among the nomads of Central Asia in the late Middle Ages. The main source of this work was the Turkic-language work "Shaiban-i-name" – one of the prominent representatives of the state of Muhammad Shaibani – Muhammad Salih (1455–1535). In the process of work it was possible to identify the original Turkic names of offensive and defensive weapons. The widespread use in Dasht-i Kipchak of such a military-social phenomenon as kazakhlyk ("Cossack way of life") during the protracted crisis of the late Golden Horde of the 15th–16th centuries was a widespread phenomenon and was not ethnic in nature.

Keywords: "Shaiban-i-nama", Muhammad Salih, source, military affairs of the nomads of Eastern Dasht-i Kipchak

About the authors: Aibolat K. Kushkumbaev – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-7276-4849. E-mail: aibolat7@mail.ru

Zhaksylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political Sciences), Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

Aitzhan Sh. Nurmanova – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: anurmanova@mail.ru

УДК 930.85+281

СУФИЙСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАТАР: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Л.З. Бородовская
Казанский государственный институт культуры

В статье анализируются старинные рукописные и современные научные источники на разных языках, свидетельствующие о том, что в эпоху средневековья среди татар Волго-Уральского региона активно проводились суфийские зикры. На примере описания зикров йасавийа и накшбандийа среди тюркских народов выявлены ритуальные и фольклоризованные типы обрядов. Основной целью является поиск источников с описанием суфийского громкого зикра у татар до XIX века. В качестве материалов для статьи использовались рукописи последователей тарикатов йасавийа и накшбандийа из собраний Узбекистана и Казахстана, переведенные и комментированные на русском языке. Некоторые научные труды на азербайджанском, турецком, казахском языках вводятся впервые в российский научный оборот.

Ключевые слова: суфизм, ракс, зикр, сама`, накшбандийа, йасавийа

Сегодня во многих странах, в которых сохранились различные формы суфийской ритуальной практики, ученые ведут исследования об истории и особенностях зикров, обрядов слушания сама`. Мы можем познакомиться и с реальными видеозаписями суфийских радений, распространившихся в сети «Интернет». В зависимости от региона распространения и вида тариката, степени сохранности исходной традиции, зикры проводятся в мечетях, в частных домах, в специальных помещениях, в составе массовых народных действ на открытых пространствах.

Исторически суфизм в Волжскую Булгарию проник уже с первых веков принятия ислама, как не враждебный канонизированному исламу, но освобожденный «от его жесткой нормативности, адаптированный к массовому сознанию, своего рода *народный вариант ислама»* [3, с.42.] (термин «народный ислам» ввел *И. Гольдциер).* Дошедшие до сегодняшнего дня символические формы суфийской традиции «рассыпаны» по татарской литературе, поэзии, народному творчеству, много веков назад воспринятые и адаптированные в народном сознании. Многие из них сегодня существуют как «исконно татарские», привычные, что свидетельствует об внеденности эстетики и традиции суфизма в народной культуре.

В XII–XIII веках авторитет исламских ученых возрос настолько, что у них появились последователи, начали складываться группы суфиев под руководством знаменитых мудрецов-шейхов. В последующие века – образование суфийских тарикатов закрепило форму народного почитания шейхов, когда простые мусульмане становились учениками (мюридами), добровольно желая пройти весь путь духовного совершенствования под руководством наставника, вникнуть в мистические тайны и образы ислама. Исследователи отмечают, что суфийские ритуальные практики в регионах тесно переплелись с доисламскими фольклорными традициями. На примере жанра мунаджата у разных народов мира (входит в обряд слушания сама`) мы проследили подобные фольклорные влияния во многих странах [5].

Суфийские ритуальные практики средневековых татар до сих пор не изучены, так как не выявлено достаточно источников, и этому есть несколько причин. Во-первых, многие элементы обрядовой жизни суфийских тарикатов были секретны и доступны только посвященным, поэтому описания надо искать в трактатах последователей. Отсюда исходит проблема поиска и введения в научный оборот рукописного наследия тарикатов.

В комплекс суфийских ритуальных практик обычно входили – 1) обряд посвящения в члены тариката, 2) ежедневные послушания, 3) личные и групповые обряды поминания (зикр и сама`) и их формат проведения – тайно или публично, «тихий» или «громкий» вид радения и др. [24]. Следующая проблема, возникающая при исследовании данной темы – это влияние фольклора на звуковые (музыкальные) и кинетические (жестовые, хореографические) элементы зикра. В каждом регионе массового распространения одного и того же тариката он бытовал в народной среде, поэтому «базовая» символико-эзотерическая часть ритуальной практики могла быть максимально сходной, а звуковые и кинетические составные зикра и сама` отличаются локальными фольклорными элементами. Например, описания зикров разных ветвей тариката Накшбандийа в регионах мира отличаются именно «музыкой и хореографией» (условная терминология), мы имеем в виду музыкальные особенности напевов радений и инструментального сопровождения. Подобные исследования, а также уже имеющиеся знания по традиционной культуре и фольклору, могут быть полезны при анализе татарской суфийской ритуальной практики.

Средневековый период данной работы позволяет охватить несколько веков татарской истории (согласны с временными рамками [28, с.82]), когда были особенно распространены тарикаты йасавийа и накшбандийа. Мы будем рассматривать татар Волго-Уральского региона. Основной целью данной статьи является выявление источников по суфийской ритуальной практике йасавийа и накшбандийа среди тюркских народов, представляющие свидетельства о видах зикров, особенностях их проведения, влиянии элементов «народного ислама»; подобные сведения позволят сделать выводы о том, как такие же радения и ритуалы могли иметь место в средневековой культуре татар.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования мы используем широкий круг источников по суфийским тарикатам и их эзотерическим обрядам – описания и переводы старинных трактатов на персидском, арабском, тюркских языках; личные свидетельства путешественников; современные научные труды на основе вновь переведенных или найденных старинных трактатов; современные статьи фольклористов и этнографов по сохранившимся суфийским ритуальным практикам. Новизна некоторых источников достаточно условна, так как они были изданы в разные годы XX–XXI века, но не вошли в российский научный оборот по теме нашего исследования (цитирование проверяется по открытым научным индексам – РИНЦ, Академия Google и др.). Известные работы по суфизму среди татар мы не используем здесь, но помним о них (например, работы Альфины Тагировны Сибгатуллиной).

Зикр является центральным элементом ритуальной практики, поэтому особое внимание во все времена существования суфизма было направлено на обсуждение исламскими учеными вопросов дозволенности громкого зикра, как наиболее «нешариатского» ритуала. Победителей в споре до сих пор не найдено, но сам факт доказывает бытование громкого зикра на всем протяжении истории суфийских тарикатов. Это важный момент для нашей работы, поэтому методология исследования будет основана на анализе источников о двух видах зикра по рукописным трудам последователей двух родственных по силсиле тарикатов йасавийа и накшбандийа, как наиболее распространенным среди татар. Сравнение зикров разных тюркских народов, у которых также были популярны эти два тариката, позволит выявить хотя бы общие повторяющиеся элементы радения, которые могли практиковаться и у татар. Также мы понимаем, что невозможно просто взять описания суфийских ритуальных практик по регионам Средней Азии и автоматически перенести их на культуру татар Поволжья. Выше мы писали, что необходимо учитывать явления «народного ислама», «фольклоризацию» звучащей и кинетической составляющей ритуала, соответственно татарское будет отличаться от узбекского, казахского, турецкого, крымско-татарского и др.

Для представления, каким реально мог быть ритуал суфийских радений среди татар, предстоит еще много научных изысканий совместно с историками, этнографами, фольклористами, музыковедами и востоковедами. Методические подходы, основывающиеся на уникальности «музыкального» материала татарских радений подтверждаются диссертацией и другими работами А.Софийской [22], нашими нотными расшифровками татарских мунаджатов и зикров из экспедиций студентов и преподавателей Казанского государственного института культуры. Для сравнения можно послушать материал турецких суфийских песнопений, приведенный в конце книге Ф. Кёпрюлю [33], естественно сильно отличается по музыкальным особенностям от татарских; и также по всем другим народам, так как именно музыка является отличительной «опознавательной» частью радений (например, татарская пентатоника).

Разберем кратко терминологическое словосочетание «суфийские ритуальные практики». Слово «ритуал» в контексте нашей работы и в понимании суфийских ученых – это сакральный обряд получения/передачи духовного влияния от Бога и от наставника к ученику. Без этого элемента религиозные практики теряют смысловое содержание и становятся народным «обычаем». И здесь важным аспектом, как и в фольклоре, является устный способ передачи «духовного влияния» [17, с.320], так его можно получить только звуковым непосредственным методом (молитва, медитация, зикр). Таким образом, словосочетания «суфийские практики» и «суфийские ритуальные практики» имеют различие. Термин «суфийские практики» можно применить в общем к ряду различных народных действ с элементами зикра – это могут быть шаманские, магические, похоронные фольклорные с участием населения и др. Термин «суфийские ритуальные практики» мы будем использовать для описания зикра и сама`, не затрагивая здесь другие части суфийского обрядового комплекса.

Результаты. Историки приводят, начиная с Болгарского периода сведения от аль-Гарнати [12, с.556] о том, что кади города Булгара Йакуб ибн Нугман был одним из учеников суфия А*бу-л-Маали ал-Джувайни* (1028–1085)*, а последний в свою очередь был другом* Абу Якуб Юсуфа ибн Айюб аль-Хамадани (1048–1140гг.), передавшим духовные знания исламского эзотеризма по *силсиле Ахмаду Йасави (1103–1166, шейх-основатель тариката йасавийа) и* Абдулхалику Гидждувани (XIIв, один из учителей шейха-основателя тариката накшбандийа)**.** Также нишапурский шейх Абу-л-Маали ал-Джувайни был учителем знаменитого теоретика суфизма аль-Газали (1058–1111). Кади города Булгара Халид ал-Булгари (был жив в 1106 г.) придерживался тариката Ахмада Йасави [12, с.556]. Эти факты общности истоков духовного влияния объясняют последующую приверженность татар к обоим тарикатам (йасавийа и накшбандийа).

Мы согласны с А.Н. Юзеевым, что «не следует абсолютизировать дату проникновения накшбандийского учения в Поволжье и Приуралье, поскольку так или иначе его влияние было заметно и до XVIII в.» [28, с.83]. Он приводит имя суфия Абу Мухаммада Касима б. ал- Казани (ум.1581/1582), бывшего последователем шейха накшбандийа Абдалвали ал- Кухзари [28, с.84]. М.С. Киямов также дает исторические сведения о распространении накшбандийа уже во второй половине XIV века [15, с.270]. В предыдущих работах мы также выявили средневековые источники принятия ханами Золотой Орды ритуала суфийского посвящения в тарикате Кубравийа (Берке) и в тарикате йасавийа (Токта, Узбек) [6]. Учитывая постоянные торговые и культурные связи с регионом Средней Азии, широкое распространение нескольких разных тарикатов в Поволжье могло иметь место.

Рукописные источники по суфийской ритуальной практике. Многотомное «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» («Собрание») под редакцией профессора А.А. Семенова, изданное с 1952 по 1998 гг. в тринадцати томах дает богатые сведения об источниках по суфийским трактатам, в том числе по ритуальной практике, музыке, зикру, видам молитвы. Кропотливая работа историков, филологов, переводчиков привела к тому, что ценные средневековые рукописные трактаты сегодня переведены и комментированы, изданы и доступны для ознакомления. Перечислим лишь некоторые трактаты, которые будут интересны по теме нашей работы.

Период распространения влияния тариката йасавийа и накшбандийа на регион Поволжья вплоть до XIX века косвенно подтверждается широким распространением «Хикметов» А.Йасави, рукописи переписывались многократно. Пример переписчика с тахалусом ал-Булгари приводится во втором томе «Собрания» с комментарием: «мистические стихотворения в свое время пользовались у тюркоязычного населения Средней Азии и Поволжья популярностью и распевались на зикрах дервишей ордена ходжагон» (к ним относятся накшбандийа) [20, с.41]. Также во втором томе «Собрания» приводится рукопись – «Книга полного собрания стихотворных сочинений Убайдуллы хана», ее автор – Убайдулла хан б.Махмудсултан, правитель узбеков с1533 по 1539гг. (поэтический псевдоним – Убайди), последователь тариката накшбандийа [20, с.244].

Средневековые трактаты о зикре и музыке в большинстве написаны последователями тарикатов накшбандийа, и это отчасти свидетельствует о том, что радения со слушанием все же проводились, поэтому необходимо понимать разницу между громким групповым зикром с прыжками и возгласами и «тихим» собранием шейха и учеников, на которых также могли распеваться религиозные стихи. В трактатах йасавийа не случайно выделяется 3–6 видов зикра – громкий, тихий и «зикр пилы» (наиболее громкий) и др. Поэтому суфийские «сохбеты», «халка» и «сама`» тариката накшбандийа требуют уточнения о степени включения музыки, пения, игры на музыкальных инструментах. В историческом развитии этого тариката мы видим равнозначное бытование как громкого, так и тихого зикра разными группами накшбандийа, аргументация приводится в трактатах шейхов, которые мы также рассмотрим здесь.

«Полное собрание сочинений Джами», в который входит «Трактат об условиях зикра. Суфийское рассуждение о том, каким порядком и при сосредоточении чего надлежит осуществлять зикр». Автором является суфийский накшбандийский поэт и прозаик Нуруддин Абдуррахман Джами (1414–1492 г.) [20, с.409–410]. «Трактат о дозволенности слушать хорошие музыкальные мелодии, приятные песни и игру в бубен» неизвестного автора привлекает внимание популярной темой рассуждений с цитатами из высказываний Мухаммада (список начала XIX в.) [19, с.319]. Трактат «Точное исследование по музыке» Абдулхакка б. Сайфуддина ал-Кадири ад-Дихлеви (ум. в 1642 г.) посвящен вопросам музыки в среде дервишских групп во время радений (список 1902 г.) [19, с.319].

В «Каталоге суфийских произведений XVIII–XXвв. из собраний Института Востоковедения им.Абу Райхана ал-Бируни Академии Наук Республики Узбекистан» (Каталог ал-Бируни) [13] приводятся современные описания рукописей с более развернутыми научными комментариями.

Показательным фактом степени распространенности громкого зикра в Бухаре XVIII века являются сочинения теоретика братства йасавийа Шайха Худайдада б. Мулла Таш-Мухаммад ‘Азизан ал-Бухари (XVIII в.), который предпринял научные усилия для оправдания коллективных и публичных ритуалов громкого зикра, сама', танца ракс йасавййа. Это его произведения: «Бустан ал-Мухиббин» (описаны 3 вида зикра); комментарий на сочинение Шихаб ад-дина ас-Сухраварди (ум. 1234) «Иршад ал-муридин» [13, с.4] и предположительно его же «Пасанд-и зикр-и джахр» [13, с.177–178]. Сборник трактатов «Маджму`а-и ривайат ли-ибахат-и зикр-и джахр» содержит фрагмент, автор которого предположительно Ш. Худайд показывает общие истоки всех четырех тарикатов (йасавййа, кубравййа, тайфурййа/'ишкййа, накшбандййа) от метода Хваджаган и приводит отличительные признаки, в том числе громкий зикр. Так, по отношению к ритуальной части зикра: «сама' признается одним из видов духовной пищи (гиза'-и рух) суфиев, способом возвышения веры; слушание громкого голоса хафизов способствует возбуждению страсти и любви к Богу» [13, с.260–261]. Согласно этого же трактата есть условия и места, в которых нельзя проводить громкий зикр: 1) перед и во время пятничной хутбы, 2) во время молитв и чтения Корана в местах,

где идут занятия учеников при мечети и студентов медресе, 3) перед вторым призывом на молитву (аликама) [13, с.261].

Большой интерес представляет анонимное произведение «Рисала-и зикр-и хадрат-и Султан ал-арифин» (Султан Арифин – одно из народных почтительных имен А.Йасави) с подробными описаниями видов и формул йасавийского «зикра арра» [13, с.5].

Суфийская ритуальная практика йасавийа. В этом тарикате в основном употребляется публичный вид зикра, который делится на два вида: «алка (халка) зикир» и «арра зикир» [14, с.85]. А. Кучуккая выделяет несколько особенностей ритуальной практики йасавийа: «Одним из моментов приближения к Богу является рассвет. Йасави подчеркивал важность бодрствования на рассвете, когда все люди спят и слепы. Потому что милость Аллаха нисходит на рассвете. Как всегда, следует все больше и больше молиться Богу во время рассвета» [34, с.1047]. М.Ф.Кёпрюлю также отмечает, что лучшие молитвы в форме мунаджата (münâcât) дервиши йасавийа произносили на рассвете[1] [33, с.101–102]. Современные отголоски традиции женского участия в обрядах слушания йасавийа – это популярный среди татарских женщин старшего возраста жанр мунаджат, сохранившийся вместе с древними текстами в народной культуре [7].

Произведения шейха йасавийа Ахмада Хазини (XVI век) «Джавахир аль-абрар мин амвадж альбихар» («Жемчужины добрых людей на волнах моря»), «Манба аль-абхар фи рияд аль-абрар» («Источники морей из сады добрых людей»), «Джами аль-муршидин» («Сборник священных вождей») и «Худжат аль-абрар» («Документы доброго человека») дают богатый материал по ритуальной части жизни тариката. Хазини подробно пишет о традиционных формах затворничества: «После этого человек садится и с почтением совершает зикр Аллаха до полуночи» [32, с.74]. В этом же радении «гимны шейхов йасавийа, называемые Хикмет, читаются грустным голосом, чтобы ободрить и зарядить энергией дервишей» [33, с.104].

А. Кучуккая приводит сведения об отношении А.Йасави к движениям и танцу в ритуальной практике суфиев. «Сема» (semâ’) – это вид суфийского ритуального танца с элементами вращения. Учитывая скрытый символизм, передающий эзотерическую составляющую суфизма, обрядовые формы движения суфиев часто имели круговые и спиральные формы. А. Кучуккая пишет: «Ходжа Ахмед Йасави разделил сема на три части: харам, дозволенное и халяль. Он также назвал соответственно три типа людей, совершающих «сема», невежественные, чистые и совершенные (cahil, hâs, hâsü’l-hâs). Невежественный человек, совершающий сему, слышит свою душу и не может достичь какого-либо духовного уровня. Чистый слышит сердцем и имеет тенденцию обращаться к бедности. «Хасу'л-хас» слышит своей душой и завоевывает любовь Аллаха. Йасави не утверждает однозначно о дозволенности сема или его харамности» [34, с.1055]. По мнению последователей йасавийа ритуальный танец «сема» следует выполнять искренне, и признаком этого является состояние транса, в которое впадает исполнитель (из хикметов Йасави):

«Исполнять ракс и сема, не потеряв сознание, является ошибкой;

Субхан, Раббим, не молитесь за него» [34, с.1056].

Истоки ритуальных вращений (ракс и сема) дервишей йасавийа были описаны в трактате А.Хазини «Джавахир аль-абрар мин амвадж аль-бихар» [32, с.76]. Символичны стихи самого А.Йасави, которые приводит А.Хазини: «Я ищу своего Создателя круглые сутки во Вселенной, с четырёх сторон я устремлён в космос» [32, с.77].

В качестве источника по отношению к зикру в тарикате йасавийа можно привести относительно мало цитируемый трактат Д. Ал-Испиджаби «Бурхан аз-закирин. Доказательство для поминающих» [1], изданный в 2020 году в переводе с комментариями А.К. Бустанова и Е.Л. Никитенко. Суфийский шейх йасавийа Даулатшах б. ‘Абд ал-Ваххаб ал-Испиджаби (ум. 1714), активный период его наставничества на территории Дешт-и Кыпчака, а затем Тобольска приходится на XVII–XVIII вв. [1, с.3]. В «Бурхан аз-закирин», написаном в Тобольске в 1695 году приводится большое количество доводов в пользу песнопений и танца в суфийской ритуальной практике [1, с.22]. Этот текст был популярен в Поволжье, где был переписан в XIX веке. Еще один труд Д. Ал-Испиджаби, написанный им в Тобольске – это «Благой трактат о радении» (1692/93гг.), в котором «рассмотрен вопрос о сущности радения (samā‘) и об условиях, при соблюдении которых участие в радении может считаться дозволенным» [1, с.46].

Д. Ал-Испиджаби пополняет информацию по публичным видам зикра йасавийа в Намангане, четко отграничивая «зикр джахр», как сугубо ритуальный суфийский. Фольклорные практики зикра с танцевальными элементами в круге и аккомпанементом на ударных инструментах и декламацией хикметов Йасави – это «зикр ‘Аланийа» и «Садр тепмок» («Ударение по груди», исполняется женщинами в период похорон мусульманина) [1, с.7].

[1] По личным наблюдениям подобные установки четко сохранились и по сей день в татарской народной культуре, хотя это и не осознается как влияние ритуальной практики суфиев йасавийа.

А.К. Бустанов приводит ценные сведения из нескольких рукописей, свидетельствующих о распространении среди татар тариката йасавийа и халватийа в XVII в. [1, с.3]; перечисляет имена суфийских татарских шейхов XVIII века с указанием типа зикра по заметкам из рукописи «Рисала-йи маданийа» Ни‘матуллы ал-Утари (ум. 1817 г.). Получается, что из тринадцати поволжских шейхов XIX в., чьи имена автор счел достойными перечисления, ***только шесть практиковали тихий зикр***, а семеро других предпочитали разные формы громкого богопоминания, включая [ритуальный] танец в кругу (ракс-и давран) и аудирование (сама‘), в сопровождении музыкальных инструментов [1, с.26–27].

Например: «Бугурусланский уезд Дусмет авылы – хваджа Нийаз шайх, зикр-и калб; Эстәрлебаш авылы – шайх Ни‘матулла, зикр-и калб и муджахада; Чистопольский уезд, Кизләү авылы – шайх ‘Убайдулла, зикр-и калб; Бирский уезд, Калмак авылы – шайх Наср ад-Дин, зикр-и джахр, ракс-и давран; Белебейский уезд, Курч авылы – шайх ‘Абд ал-Латиф, зикр-и калб; Осиновский уезд, Гайна иле – шайх Мухаммад Мурад Бадахшани, зикр-и джахрийа. В Симбирской губернии – шайх Джа‘фар ас-Сани, зикр-и джахрийа. Сарапульский уезд, Маҗар авылы – шайх ‘Абд ал-Гафур, зикр-и джахр и ракс-и давран. В том же уезде, Әгерҗе авылы – шайх Фахр ад-Дин, зикр-и джахр. В Мензелинском уезде Самкай авылы – шайх Хабиб Аллах, зикр-и джазба илахийа, ал-ваджад, ас-сама‘. Мамадышский уезд, Түнтәр авылы – шайх ‘Али, зикр-и калб. В той же деревне Гайна – шайх Муфаррах, зикр-и калб и ваджад. В Белебейском уезде, Хусна авылы – шайх ‘Айса, зикр-и джахрийа» [1, с.26–27].

Суфийская ритуальная практика накшбандийа. В «Худжат аль-Абрар» А. Хазини утверждает, что два суфийских ордена (йасавийа и накшбандийа) произошли от из одного источника и *очень похожи друг на друга*. «В этой работе Хазини подробно пишет о теоретических проблемах суфизма, таких как шейх и его деятельность; зикр (поминание Бога), его сущность и роль в совершенствовании духовности человека; зикр хафи и зикр джахри, материальные и духовные особенности зикри арра (громко, подобно пилам)» [32, с.79].

Мухаммад Парса (ум. 1420) занимает одно из ведущих мест в тарикате накшбандийа в XV веке, поэтому его трактат «Рисала-йи Кудсийа», переведенный Б.М. Бабаджановым с персидского языка являются ценным источником по ритуальной практике [17]. Исходя из исторических сведений в «Рисала-йи Кудсийа», в период после жизни Б Накшбанда громкий зикр широко практиковался его учениками и последующими шейхами тариката. Как выше подчеркивалось – причинами этого могло стать желание привлечь все большее количество последователей, фольклоризация обрядов зикра, особое влияние шейхов на руководящие слои государств Средней Азии, которые обеспечивали поддержку деятельности накшбандийа.

М. Парса дает четкое разъяснение необходимости громкого и тихого зикра на этапе обучения новых мюридов: «Смысл поминания устами и в сердце заключается в самоконтроле, который есть наблюдение за мыслями. Укоренение в памяти представляет собой созерцание и самоисчезновение. [Это] – беззвучное поминание в истинном смысле. Поминание устами и в сердце подобно обучению азбуке с целью научить [вначале] различать [отдельные] буквы. Если [же] наставник опытен и найдет достойного ученика способным и готовым, то, возможно, примутся они [уже] с первых шагов за чтение. Таким образом, [учитель] переведет его на уровень закрепления» [17, с.327]. М.Парса очень образно пишет о зикре неопытного мюрида: «Но большинство искателей таковы, что нацеливание их на утверждение в памяти до [приобщения к] ***поминанию устами и в сердце подобно принуждению неоперившегося [птенца] взлететь на крышу***» [17, с.327]. Такую же мысль позже высказывали многие суфийские шейхи тариката накшбандийа-халидийа, которые допускали «джахр» в своей ритуальной практике [27, с.141].

С.С. Гайнуллин выделяет еще одну работу М.Парса на тему оправдания громкого зикра – это «Рисала-ий дар ал-байан зикр ал-джахри» («Трактат, разъясняющий поминание вслух»), автор делает эти выводы «через сопоставление этого действия с чтением вслух Корана, являющегося дозволенным» [11, с.401].

В каталоге Ш.З. Бобохонова «Накшбандийя тарикатига оид кулёзмалар фихристи» (Указатель рукописей о тарикате Накшбандийа) на узбекском языке представлены многие трактаты шейха накшбандийа-дахбидийа Ахмад Ходжаги Касани (ум.1549 г., шейх Махдуми А‘зам)[2]. В «Рисолаи самоийя» (трактат о музыке) автор пишет: «Знай, о дервиш, человек состоит из духовности и чувственности: какое бы из этих двух качеств ни преобладало, человек становится подчиненным и склонным к нему. А музыка – необходимое и достойное качество для «Ахл уллаха» (людей Тариката). Приятные звуки – это любовь Всевышнего к Своим слугам. Поэтому человек если жреческая сторона преобладает, когда он слышит приятные мелодии и голоса, то он перешел на неизбежную сторону Истины» [4, с.46]. Следует отметить, что этому автору принадлежит еще большое количество трактатов под псевдонимом Махдуми А‘зам.

[2] Среднеазиатский шейх Махдуми А‘зам/ «Величайший господин» (Ахмад б. Маулана Джалал ад-дин Хваджаги-йи Касани, 1461–1542гг.), основатель группы накшбандийа-дахбидийа.

В «Рисалаи зикр» (Трактат о зикре) А.Касани комментирует хадис пророка Мухаммада: «Лучшее из воспоминаний – Ля иляха илля Ллах», и пишет о том, что существует несколько видов зикра – «зикр языка», «зикр сердца», «зикр тела» и др. [4, с.51]. Согласно словаря терминов данного узбекского каталога – обряд слушания сама` означает «исполнение зикра или газели под мелодию. Также могут использоваться музыкальные инструменты и хлопки в ладоши. Почти все машаихи тариката накшбандийа выступают в пользу сама`. Когда Бахауддина Накшбанда спросили о его отношении к сама`, он ответил: «Мы этого не делаем и не отрицаем этого» [4, с.116].

Суфийская ритуальная практика в народной культуре. Исследования по суфийской ритуальной практике у разных народов есть в некоторых диссертациях, но подробные пояснения по зикру приводятся не во всех, поэтому составить сравнительные модели не всегда возможно. Г.Р. Туймова представляет краткие сведения о громком зикре крымских татар: «Коллективное произнесение тахлиля сопровождается определенными телодвижениями: при произнесении первой части тахлиля «Ла илаха» поворачивают голову вправо, при произнесении «илла-л-лаху» влево, тем самым, приветствуя двух ангелов» [23, с.61].

М.С.-Г. Албогачиева делает описание зикров накшбандийа у ингушей. Мы особо отмечаем, что у народов Кавказа громкие зикры наиболее проникнуты фольклорными влияниями – это включение элементов народного хорового пения и некоторые танцевальные движения. С.-У. Г. Яхиев в целом очерчивает особенности суфизма на Северном Кавказе, широкое распространения тариката кадирийа у чеченского народа [29, с.49].

Венгерский востоковед и путешественник Г.Вамбери (1832–1913) кратко обрисовал в своих «Очерках Средней Азии» зикр накшбандийа-дахбидийа в Самарканде XIX века на могиле шейха Махдуми А‘зам. Обряд проходил в несколько этапов – сидя в кругу под контролем «пира» (шейх наставник), затем стоя с прыжками, все усиливая экстатическое состояние, все громче и напряженнее с переходом в кружение и ракс [9, с.6–7]. Он же делает ***обобщенное описание*** всех этапов и формул суфийского громкого зикра, присущего многим тарикатам; сходными элементами являются – круговая форма (халка), постепенное ускорение темпа, ритмичные движения или жесты, следование указаниям шейха во время радения, особое дыхание [8, с.202].

Ю.В. Кнорозов в 1946 году записал «шаманский зикр в подземелье Мазлумхан-Сулу (Каракалпакия) – это синтез шаманского обряда и громкого зикра йасавийа с вращениями, выкриками молитвенных формул, громкими выдохами на слог «Хо» (тип зикра пилы). Участие принимают мужчин и женщины в кругу [16]. Обряд проводился под контролем шейха и шамана с бубном, имел значение целительного сеанса, так как пришли явно больные женщины разного возраста и дети, мужчин было меньше [16, с.93].

И.М. Газиев находит сведения о громком зикре у поволжских татар в период Казанского ханства [10, с.106]. К.Р. Шакуров пишет об одном из последних шейхов накшбандийа в XIX веке, который практиковал громкий зикр – о З.Расулеве [26, с.56]. К XIX веку накшбандийа почти полностью вытесняет тарикат йасавийа у тюрков России – к такому выводу приходят Р. Фахретдинов и Р.Г. Тагиров [18, с. 11].

Небольшие сведения о татарских «халка» начала XX в. имеются во вступлении к сборнику баитов и мунаджатов К.Хуснуллина, которые он систематизировал и расшифровал ноты экспедиционных записей. По содержанию текстов, их форме, по наличию повторных редифов с традиционными коранических и молитвенными фразами, можно утверждать, что многие мунаджаты использовались на суфийских слушаниях, передавались как фольклор изустно и дошли до XX века, благодаря народной памяти [25, Б.Х.]. С 1975 по 1984 годы, композитор К. Хуснуллин в качестве старшего лаборанта сектора искусств ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова регулярно выезжает в фольклорные экспедиции, информантами были люди старшего поколения, получившие «из уст в уста» книжные напевы, которые могли звучать и XIX веке, записи нот показывают наличие музыкального лада пентатоники [25].

М.Ф.Кёпрюлю пишет в общем о влиянии суфийских песнопений «иллахиляр» (İlâhîler) на народную культуру: «тюрки тепло принимали дервишей, которые читали гимны и стихи, совершали много добрых дел ради Аллаха, указывали им пути к небу и счастью, сравнивая их со певцами-сказителями, которым они придали религиозную святость» [33, с.50].

Обсуждение и заключение. Исследователи отмечают, что постоянные споры представителей тарикатов по поводу легитимности громкого зикра были поддержаны и правителями некоторых стран, например – последователем накшбандийа-муджаддидийа был Шах Мурад (1785–1800) [13, с.268]. Особенно яркие дискуссии пришлись на последнюю четверть XVIII в., когда сторонники оживления канонического шариата стремились запретить зикр джахр, как «сомнительный» ритуал. Борьба за «восстановление чистого ислама» при Шахе Мураде была направлена на запрет суфийской ритуальной практики тарикатов йасавийа, кубравийа, ишкийа. Представленные выше трактаты теоретика йасавийа Шайха Худайдада б. Мулла Таш-Мухаммад ‘Азизан ал-Бухари (XVIII в.) написаны как ответная реакция на эти события для оправдания ритуалов йасавийа [13, с.268]. В 2008 году международная научная команда ученых из Казахстана и Узбекистана (А.К. Муминов, Б.М. Бабаджанов, С.А. Мухаммадаминов, М.Х. Абусеитов и др.)

представила «Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама» [21]. К данной книге не имеется свободного доступа, что значительно затрудняет ее использование в научных целях.

Деятельность тариката последователей А. Йасави помогла широко распространить ислам среди среднеазиатских тюрков именно благодаря суфийским радениям с пением и декламацией стихов. «Поскольку тарикат Йасавийа открыл путь к выражению эмоций людей, взволнованных на пути к Богу, с помощью стихов, музыки и даже религиозных танцев, она создала большую близость к исламской вере в душе тюркских народов, которые давно привыкли выражать свои чувства с помощью прекрасных искусств» [30, с.40]. Путешественник Г. Вамбери свидетельствует, что среднеазиатские дервиши могли аккомпанировать своему пению на дутаре (двухструнный инструмент), кочуя по разным селам и городам, и жители подолгу не отпкускали их [9, с.13].

Возможно, давняя искренняя любовь татар к музицированию, также является одной из косвенных причин долгой истории бытования «громких зикров». Мы видим, что несмотря на укрепление позиций тариката накшбандийа-муджадидийа в Поволжье в XIX веке с его приверженностью тихому «зикру сердцем/калби», что одновременно продолжается устойчивое бытование громких радений с музыкальной и танцевальной составляющей. А.К. Бустанов дает пример описания «ракс-и давран» поволжских шейхов XIX века: «Исполнители ритуала становятся в круг, при каждом повторении первой части формулы «Ха» (= Хайй) наклоняются вперед и одновременно делают шаг вправо. Затем подтягивают левую ногу к правой и восклицают «Ху» (= Хува). При этом круг двигается против часовой стрелки [1, с.27].

На основе проанализированных источников, мы приходим к выводу, что в период до XX века среди татар Волго-Уральского региона присутствало оба вида суфийской ритуальной практики – громкий и тихий зикры. Тесное переплетение и взаимодействие традиций обоих тарикатов йасавийа и накшбандийа в народной культуре отмечается практически в большинстве источников. Дискуссии о легитимности громкого зикра также бесконечны, как и споры о дозволенности музыки в исламе – мы видим огромную любовь к музицированию среди татар и практически во всех исламских странах. В первые века ислама не было запрета на народную культуру, что привело к слиянию многих фольклорных и суфийских обрядов, о чем мы написали выше (можно добавить еще подобные образцы у таджиков, киргизов, казахов и др.).

Основная мысль о необходимости громкого зикра в деятельности суфийских групп имеет два основных аргумента – это использование его для обучения новых мюридов и о роли ритмизации произнесения молитвенных формул. Сторонники громкого зикра справедливо замечают, что для достижения сакральных целей проведения данного ритуала необходимо сначала освоить ритм произнесения текстов вслух, что непосредственно влияет на общее состояние мюрида и на работу его сердца, как центрального органа для направления божественной благодати. Сеанс зикра «обычно поддерживается ритмичной работой с дыханием и сопутствующими движениями, призванными создать «маховик» в сознании и нарушить его нормальное состояние, задействует физическую, эмоциональную и ментальную сферы [35, с.121]. Об этом же пишут многие представители тарикатов – первая цель дыхательных и кинетических практик во время зикра – это полное отвлечение от мирского сознания реальности, переход в иные состояния («хэл»).

Многие исследователи наследия йасавийа приходят к выводу, что громкие зикры этого тариката способствовали развитию тюркской народной музыкальной, танцевальной культуры [31, с.1070], исполнительства на музыкальных инструментах [14, с.57]. Возможно ли в научных или культурологических целях выполнить проект «этнографиеской реконструкции» музыкальной части татарских суфийских радений? Мы думаем, что в перспективе это можно сделать, учитывая уровень возрождения интереса к старинной татарской музыке, музыкальным инструментам, костюмам, в большой степени научные работы будут способствовать точности и обоснованности подобных экспериментов. За рамками данной статьи остаются описания полных сеансов громкого и тихого зикра, сделанные в Средней Азии путешественниками и этнографами XIX–XX вв. Материалы турецких, казахстанских, узбекских ученых послужат будущим целям по «этнографиеской реконструкции» суфийского татарского зикра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Испиджаби Д. Бурхан аз-закирин. Доказательство для поминающих / Д. Ал-Испиджаби. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Садра», 2020. 240 с. EDN: CZYYPH.

2. Албогачиева М.С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практика, институции (XVIII – начало XXI в.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07. Санкт-Петербург, 2021. 434 с.

3. Амирханов Р.М. Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XII–XV вв.): Монография. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 262 с.

4. Бобохонов Ш.З. Накшбандийя тарикатига оид кулёзмалар фихристи / Ш.З. Бобохонов, А. Мансур. Тошкент: «Мовароуннахр» нашриёти, 1993. 127 б.

5. Бородовская Л.З. Музыкально-поэтический жанр мунаджат в исламской культуре разных народов мира // Культурный код. 2022. № 3. С. 87–99. DOI 10.36945/2658-3852-2022-3-87-99

6. Бородовская Л.З. Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды / Л. З. Бородовская // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 3(33). С. 82–94. DOI 10.21779/2077-8155-2017-8-3-71-81

7. Бородовская Л.З. Татарские народные песни: Из собраний молодых фольклористов: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский государственный институт культуры, 2014. 55 с. EDN: GPBXLO.

8. Вамбери Г. Очерки жизни и нравов Востока. С.-Петербург: Издание В.Ковалевскаго, 1876. 348 с.

9. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М.: Типография А.И.Мамонтова и Ко, Большая Дмитровка, д.№7, 1868. 364 с.

10. Газиев И.М. Формирование и развитие профессионализма в вокальной культуре волго-уральских мусульман: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Казань, 2009. 203 с.

11. Гайнуллин С.С. Систематизация накшабандии: Мухаммад Парса (ум. 1420) и его «Рисала-йи Кудсийа» // Minbar. Islamic Studies. 2021. №14(2). С.397–410. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-397-410

12. История татар с древнейших времен: в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь / Академия наук Татарстана, Институт истории им. Ш. Марджани. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

13. Каталог суфийских произведений XVIII–XX вв. из собраний Института Востоковедения им.Абу Райхана ал-Бируни Академии Наук Республики Узбекистан. Штутгарт: Издательство Штейнер, 2002. 358 с.

14. Кенжетаев Д.Т. Ходжа ахмет Яссауи / Д.Т. Кенжетаев, З.З. Жандарбек. Алматы: ТОО «Издательство Золотая книга», 2017. 288 с.

15. Киямов М.С. Генезис суфизма и его развитие в Волго-Уральском регионе // Богословское наследие мусульман России: Сборник научных докладов III Международного форума, Болгар, 25–30 октября 2021 года. Том 1. Болгар: Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия», 2022. С. 263–273. EDN: UTPQML

16. Кнорозов Ю.В. Шаманский зикр в подземелье мазлумхан-сулу // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 91–96.

17. Парса М. Рисала-йи кудсийа. Трактат о святости. Мудрость суфиев. Ястребова О.М., Иоаннесян Ю.А., Бабаджанов Б.М. (пер. с персид.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 273-372.

18. Сафарова С.Д. Социально-этическое учение накшбандия: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. Душанбе, 2011. 159 с.

19. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред. проф. А.А. Семенова. Т.1. Ташкент, 1952. 428 с.

20. Собрание восточных рукописей академии наук Узбекской ССР / под ред.проф.А.А. Семенова. Т. 2. Ташкент, 1954. 586 с.

21. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама / отв. ред. А.К. Муминов; введение, подгот. текста, прил. и указ.: Б.М. Бабаджанова, С.А. Мухаммадаминова; Ин-т востоковедения им. Р.Б. Сулейменова М-ва образования и науки РК; Ин-т востоковедения им. Абу Райхан Беруни Акад. наук Республики Узбекистан.. Алматы, Ташкент: Дайк-Пресс, 2008. 278 с.

22. Софийская А.Б. Музыкальные аспекты религиозных праздников татар-мусульман Поволжья: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Казань, 2007. 224 с.

23. Туймова Г.Р. Религиозные музыкально-поэтические жанры в традиционной музыке крымских татар: мавлид и иляхи: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Москва, 2008. 209 с.

24. Хисматулин А.А. Суфийская ритуальная практика: (На примере братства Накшбандийа). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 208 с.

25. Хөснуллин, К. Мөнәҗәтләр һәм бәетләр: Көйләп укуга нигезләнгән жанрлар. Казан: «Раннур» нәшрияты, 2001. 724б.

26. Шакуров, К.Р. Ваисовское движение в России в 1860–1930-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Казань, 2011. 264 с.

27. Шихалиев Ш.Ш. Суфийские вирды Накшбандийа и Шазилийа в Дагестане // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 137–151.

28. Юзеев А. Н. Татарская философия: общее и особенное (Средневековье) // Ислам в современном мире. 2020. №3. С.81–92. DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-3-81-92

29. Яхиев, С-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: История и современность: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.06. Москва, 1996. 145 с.

30. Abbasova A. Xoca Əhməd Yəsəvİnin “Dİvanİ-HİkmƏt” əsərİndə yaradiliş və ölüm // Hodja Akhmet Yassawi International Conferences on Scientific Research, November 5–6, 2021. Nakhchivan State University, Azerbaijan, 2021, pp. 37–45.

31. Çaliş A. Ahmet Yesevî öğretisinin oluşturduğu doğal iletişim stratejisinin ve yesevî dervişlerinin islam’in yayilmasindaki rollerinin halkla ilişkiler perspektifinden değerlendirilmesi // Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Kongresi, Ağustos 26–27, 2019. Adıyaman, Türkiye, 2019, pp.1064–1080.

32. Hasan N. Notes about Some Manuscripts Devoted to the Sufi Order of Yassawiyya // Journal of History Culture and Art Research. 2017. Т. 6. (№ 2). С. 69–81.

33. Köprülü M.F. Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 1976. 470 c.
34. Küçükkaya A. Hoca Ahmed Yesevi'nin Divan-I Hikmet'inde kullandiği bazi tasavvufi semboller // Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Kongresi. 26–27 Ağustos 2019. Adıyaman, Türkiye, pp.1046–1058.
35. Sala R. Ahmed Yasawi: Life, words and significance in the Kazakh culture// Journal of history. 2018. №89(2), pp.115–138. https://doi.org/10.26577/JH-2018-2-228

Сведения об авторе: Лилия Зелимхановна Бородовская – кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры этнохудожественного творчества и музыкального образования, Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5680-1187, ResearcherID: AFA-8129-2022, Scopus AuthorID: 57577590100. E-mail: lilianotka@yandex.ru

SUFI RITUAL PRACTICES OF THE MEDIEVAL TATARS: NEW SOURCES

L.Z. Borodovskaya
Kazan State Institute of Culture

The article analyzes ancient manuscripts and modern scientific sources in different languages, indicating that in the Middle Ages, Sufi dhikrs were actively carried out among the Tatars of the Volga-Ural region. Based on the description of the dhikrs of Yasaviya and Naqshbandiyya among the Turkic peoples, ritual and folklorized types of ceremonies are identified. The main goal is to find sources describing the Sufi loud dhikr among the Tatars before the 19th century. The materials for the article were manuscripts of followers of the Yasaviya and Naqshbandiyya tariqats from collections in Uzbekistan and Kazakhstan, translated and commented on in Russian. Some scientific works in Azerbaijani, Turkish and Kazakh languages are being introduced into Russian scientific circulation for the first time.

Keywords: Sufism, raqs, dhikr, sama`, naqshbandiyya, yasawiyya

About the author: Liliya Z. Borodovskaya – Cand. Sci. (Art History), Associate Professor, Professor of the Department of Ethno-Artistic Creativity and Music Education, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5680-1187, ResearcherID: AFA-8129-2022, Scopus AuthorID: 57577590100. E-mail: lilianotka@yandex.ru

УДК 94(47)

СБОРЩИКИ ОРДЫНСКИХ ВЫПЛАТ С РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ПО ДАННЫМ ЯРЛЫКОВ, ВЫДАННЫХ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

С.А. Маслова
Институт российской истории РАН

В статье поставлена цель определить характер деятельности ордынских чиновников, отвечающих за сбор податей с русских земель. Материалами исследования послужили грамоты, выданные ордынскими правителями русским митрополитам, жалованные, духовные и договорные грамоты русских князей, русские летописи, ярлыки ильханов и императоров Юань. На основе обязанностей предложена классификация монгольских чиновников, определено их положение в иерархии должностных лиц. Анализ ханских грамот показал, что непосредственным сбором тех или иных налогов занималось большинство из упомянутых в документах представителей власти. Выделено три группы три группы монгольских чиновников: сборщики торговых налогов, ловчие, сборщики транспортных сборов.

Ключевые слова: должностные лица, администрация, ярлыки, Золотая Орда, Русь, дань

Финансирование: Статья выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-00018

Налогово-даннические отношения – один из ключевых элементов системы зависимости русских земель от Золотой Орды. Подчинение верховной власти ханов подразумевало в том числе предоставление определенных выплат с завоеванных земель. Обеспечивали налоговые поступления в ханскую казну представители монгольской администрации. Летописный и актовый материал свидетельствуют о деятельности на Руси множества ордынских чиновников различных рангов. Наиболее информативным источником сведений о налоговых обязательствах русских земель в пользу завоевателей являются грамоты, выданные ордынскими правителями русским митрополитам. В документах перечислены налоги, которые запрещалось взимать с представителей русского духовенства, а также указаны должностные лица, которым запрещалось это делать. Некоторые из них контролировали сбор выплат (например, баскаки), другие могли рассчитывать на определенное обеспечение (например, послы), кто-то непосредственно занимался сбором ордынских податей.

Должностные лица, упомянутые в ханских ярлыках привлекали внимание исследователей. Свою трактовку деятельности монгольских чиновников в середине XIX в. предложили И.Д. Беляев и И.Н. Березин. Исследователи перечислили наименования должностей, встречающихся в ордынских ярлыках, снабдив их небольшим комментарием [6, с. 97–110; 8, с. 7–13]. Более обстоятельна работа И.Н. Березина 1864 г. «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева». В ней содержится не просто комментированный перечень должностных лиц, но более широкая характеристика государственного строя Золотой Орды [9]. Пояснение к обозначениям монгольских должностей в своем обобщающем исследовании ханских ярлыков предложил А.П. Григорьев [15]. Общая характеристика деятельности всех чиновников, упомянутых в ханских ярлыках, а также анализ деятельности конкретных представителей монгольской власти изложены в серии статей автором настоящего исследования [23; 22; 21; 20]. Задача представленной работы – выявление в ярлыках, выданных русским митрополитам, наименований должностей и описание деятельности тех представителей ордынской власти, что непосредственно занимались сбором выплат с русских земель.

Ярлыки ордынских правителей известны в виде документов, переведенных на русский язык в конце XIV – начале XV в. при московском митрополичьем доме. Оригиналы грамот не сохранились. Известны переводы шести актов: ярлык Менгу-Тимура 1267 г., ярлык Тайдулы 1347 г., ярлык Тайдулы, выданный в 1351 г. митрополиту Феогносту, ярлык Тайдулы, выданный в 1354 г. митрополиту Алексею[1], ярлык Бердибека, выданный в 1357 г. митрополиту Алексею, ярлык Тюляка, выданный в 1379 г. митрополиту Михаилу. Эти документы вместе с послесловием составляют краткое собрание ярлыков. Пространное собра-

[1] Традиционное обозначение документов ханши Тайдулы в качестве ярлыков представляется некорректным. Согласно определению М.А. Усманова ярлыком может называться письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран, исходящий от хана. Документы, принадлежащие лицам не ханского происхождения, ярлыками не являются [39, с. 7–8]. Ханша Тайдула, супруга хана Узбека, мать хана Джанибека и бабка хана Бердибека, обладала значительным влиянием при ордынском дворе, но по происхождению не принадлежала роду Чингисхана, следовательно, ее грамоты называться ярлыками не могут.

ние сложилось в середине XVI в. за счет интерполяций, сделанных в тексте краткого собрания и добавления подложного ярлыка хана Узбека.

Монгольские чиновники, которым запрещалось требовать поборы с представителей русской церкви, перечислены в адресате документов. Ярлык Менгу-Тимура: «слово людьскым баскаком и князем и полъчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником» [26, с. 467]. Кроме адресата некоторые обозначения должностных лиц содержатся в заключении ярлыка: «ни дани ни иного чего ни хотять ни възмуть баскаци, княжи писци, поплужники, таможници» [26, с. 468].

В грамоте Тайдулы 1347 г. монгольские чиновники не указаны.

Грамота Тайдулы 1351 г.: «По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарьскым улусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем» [26, с. 468].

Грамота Тайдулы 1354 г.: «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным, князем, и сотником и десятником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людем и ко всем» [26, с. 470].

Ярлык Бердибека: «слово татарьскым улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и таможником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем» [26, с. 469].

Ярлык Тюляка: «слово Мамаевою дядиною мыслию, татарьскым улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людем и ко всем» [26, с. 465].

Ярлыки содержат обширный перечень наименований представителей монгольской администрации: баскаки, бураложники, данщики, десятники, дороги «волостные», «городные» и «селные», заставщики, князья, в т.ч. «полъчные», «улусные», «ратные», «темные» и «тысящные», лодейщики, пардусники, писцы, побережники, поплужники, послы, сокольники, сотники, таможники. К непосредственным сборщикам тех или иных выплат можно отнести бураложников, данщиков, заставщиков, лодейщиков, пардусников, побережников, поплужников, сокольников, таможников.

Должность бураложника – наиболее сложная для интерпретации в собрании ханских грамот. Источники не позволяют с уверенностью судить о деятельности бураложников. Эти должностные лица обозначены только в двух из шести документов, выданных ордынскими правителями русским митрополитам. Термин не встречается ни в актовом, ни в летописном материале русского происхождения. Это наименование отсутствует в грамотах ордынских, крымских ханов, а также правителей других частей Монгольской империи.

В литературе преобладает понимание термина «бураложник» в качестве обозначения охотника на волков. Впервые эту трактовку предложил И.Н. Березин, объяснив обозначение «бураложник» понятием «волчарь» [8, с. 13]. К тюрк. «бурулук», «волчарник», возводит термин «бураложник» И.И. Срезневский [39, стб. 193]. В.В. Радлов объясняет происхождение слова «бураложник» несколько иначе: *бöрýлýк* – «где много волков», от *бöрý* + *лýк* [32, стб. 1699]. Против трактовки должности в качестве охотника на волков выступил А.Н. Самойлович. Верным прочтением термина он считал «берложник». По мнению исследователя, слово «бураложник» совпадает с термином «туткаул», встречающимся в ярлыках крымских ханов, а одно из значений слова «туткаул» – «логовище зверя» [34, стб. 1115]. Предположение А.Н. Самойловича опроверг А.К. Боровков. Он уточнил значение слова «туткаул» и обосновал невозможность его трактовки в качестве «логовища зверя» [10, с. 21–22]. Свое понимание термина «бураложник» предложил А.П. Григорьев – от тюрк. *bu[γ]ra* – верблюд и *bu[γ]ralïqči* – лицо, ответственное за содержание стада верблюдов, «верблюжатник» [14, с. 169]. Исследователь считал, что верблюжатник ведал не просто верблюдами, но всем ханским скотом. Русским соответствием слову «бураложник» А.П. Григорьев назвал термин «скотник» [14, с. 169]. Скотники, по мнению ученого, имели отношение к государственной казне, так как термин «скот» означал в том числе «богатство, деньги» [15, с. 97].

Точка зрения А.П. Григорьева предстает достаточно вольным осмыслением должности бураложника. В сочинении персидского историка Рашид-ад-Дина содержится упоминание о погонщиках верблюдов в монгольском Иране. Эта должность обозначена как «ганчи». В ведении ганчи находились верблюды и овцы, принадлежащие правителю [33, с. 302]. Наименование «ганчи» не имеет ничего общего со словом *bu[γ]ra*. Кроме того, всем ханским скотом ганчи не занимались. Обозначение их в качестве «скотников» кажется чрезмерным. Также преувеличением предстает понимание скотников как лиц, имеющих отношение к казне. Справочная литература трактует термин «скотники» в качестве лиц, ухаживающих за скотом, так же называлась определенная категория должностных лиц в Новгороде и Пскове [37, с. 10]. В настоя-

щий момент наиболее вероятным толкованием должности бураложника представляется «охотник на волков», восходящее к тюрк. *böri* – «волк» [36, с. 218–220; 44, s. 333–334].

Термин «данщики» имеет русское происхождение. Он образован от наименования главного поземельного налога, дани. В монгольское время данью называли также выплаты в Орду [19, с. 31–33; 11, с. 97–101]. Источники русского происхождения не сообщают о деятельности на Руси такой категории монгольских чиновников как данщики. Этот термин не встречается в других ордынских и крымских ярлыках, а также в актовом материале иных монгольских государств. На Руси данщики известны с домонгольских времен. Эта должность, обозначенная как «данник», упомянута в новгородском летописании под 1149, 1169 и 1187 гг. Так назван руководитель отряда, собиравшего дань в Новгородской земле, а также участники мероприятия [25, с. 28, 33, 229]. В жалованных и договорных грамотах русских князей XIV–XVI вв. данщики выступают в качестве сборщиков дани в казну великих и удельных князей [3, с. 18, 75, 147, 153, 154, 267, 351; 4, с. 48, 57, 123, 124, 127, 130, 132, 214; 18, с. 20, 23, 24, 31, 38]. Сбором ордынской подати данщики не занимались.

В ярлыке Менгу-Тимура термин «данщики» предстает вставкой. Переводчик ордынских актов, осознанно расширяя адресат документа, не имел ввиду княжеских данщиков, которым запрещалось взимать побор, иначе данщики были бы упомянуты и в других ханских грамотах, выданных русским митрополитам. Термин «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура заменяет слова «таможники» и «побережники» других ханских ярлыков, выданных русским митрополитам и, таким образом, является обобщающим обозначением этих двух категорий.

Заставщики находились на почтовых станциях и ведали сбором пошлин за проезд. Русскому термину «заставщик» соответствует тюрк. *tutqaul* и монг. *todqaγul* [47, p. 433, 436–437; 13, с. 45–46]. Должность заставщика была более высокой, чем обычный почтовый служитель [47, p. 436–437].

Лодейщики были поставлены на торговых путях в местах их пересечения с реками. Они обеспечивали транспортировку через водные преграды и взимали за это плату [47, p. 438]. Монгольское название должности – *ongγačači,* тюркское – *kemäči* [47, p. 433; 13, с. 46; 17, с. 297].

Источники русского происхождения не содержат сведений о деятельности в русских землях монгольских заставщиков и лодейщиков. Представляется, что повсеместно на Руси они не были представлены. Заставщики и лодейщики действовали на территории Золотой Орды, либо на окраинах Руси. Русские люди посещали Орду и на определенных участках пути могли иметь дело с монгольскими должностными лицами, отвечавшими за проездные пункты.

Лодейщиками могли служить лица русского происхождения. В своем путешествии в Монголию в середине XIII в. Гильом Рубрук на берегу Дона встретил «поселок (casale) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов» [31, с. 109]. Эти перевозчики переправили через реку Рубрука и его спутников. По мнению проводника французского посла эти люди должны были предоставить коней для дальнейшего передвижения посольства, однако на подобное требование перевозчики ответили отказом, т.к. «имеют льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно. Даже и от купцов они получают большую дань» [31, с. 109]. В этом случае служба в качестве лодейщиков являлась повинностью, исполнение которой снимало остальные выплаты. Судя по рассказу Гильома Рубрука лодочная переправа не приравнивалась к ямской станции, где проезжающие могли поменять коней. Лодейщики были обязаны только обеспечивать переправу.

Пардусники отвечали за доставку ко двору хана пардусов – барсов. Тюркское название должности – *bārsčī* [44, s. 238–239; 42, p. 82–83; 14, с. 163]. Деятельность монгольских пардусников на территории Руси не зафиксирована. Термин «пардусник» в источниках русского происхождения не встречается, хотя «пардусы», судя по летописным известиям, на Руси были известны [28, стб. 64; 29, стб. 340, 504]. Не выявлены свидетельства существования охоты с пардусами и в Золотой Орде. Европейские путешественники сообщали о широком распространении на территории Золотой Орды охоты с ловчей птицей, но ничего не говорили об охоте с пардусами [31, с. 98; 5, с. 148]. Замалчивание подобной деятельности, если она действительно имела место в Золотой Орде, представляется маловероятным. При этом должность пардусника отмечена в ярлыках ордынских правителей.

Охота с пардусами была хорошо известна в Средней Азии и, по сообщению Рашид-ад-Дина, практиковалась в государстве Хулагуидов в XIII в. [33, с. 303–306]. Однако в ярлыках ильханов того времени эта должность не обозначена. В известных документах ильханов пардусники, наряду с сокольниками, отмечены только в ярлыке Абу Саида 1320 г. [42, p. 30]. Охота с пардусами, как и с ловчей птицей, практиковалась великим ханом Хубилаем. Однако и в ярлыках Хубилая должности сокольника и пардусника не обозначены. Сохранилось несколько документов, выданных Хубилаем руководителям даосских общин в 1258–1281 г. [41, p. 388–403]. В этих грамотах пардусники отсутствуют, в то время как в ярлыке ордынского хана Менгу-Тимура 1267 г., также предназначенном представителям духовенства пардусники зафиксированы.

Фактическая деятельность монгольских пардусников на Руси представляется сомнительной, т.к. русские земли в силу географических особенностей не могли служить источником поставок пардусов для ханской охоты. Внесение пардусников в адресат ярлыков было сделано по воле Менгу-Тимура, первого независимого от империи ордынского правителя. В ярлыках великих ханов, составленных до распада империи и имеющих адресат, Чингисхана 1223 г. и Хубилая 1261 г., адресат краток [41, p. 368–369, 390]. Ярлыки ордынских правителей, созданные до выхода Золотой Орды из состава империи, не сохранились. Однако известны ярлыки ильханов, выданные в период зависимости от великих ханов, – 3 документа Абаги 1265/1266, 1267 или 1279, 1271 г. Адресаты этих ярлыков также кратки [47, p. 433–434; 43, s. 187–363]. Возможно, для того чтобы подчеркнуть статус независимого государства, Менгу-Тимур расширил адресат грамот. В дальнейшем число должностей, упомянутых в ханских ярлыках увеличивалось. Адресат самого позднего из известных ярлыков ордынских правителей, хана Тимур-Кутлуга 1398 г., насчитывает 22 категории должностных лиц [7, с. 10; 34, с. 1122–1123].

Побережники, судя по названию должности, взимали особый вид подати – побережное. Этот налог не отмечен в ханских ярлыках, и в документах русского происхождения в качестве ордынской выплаты не фигурирует. Самое раннее упоминание побережного относится ко второй половине XIV в. и отмечено в великокняжеских жалованных грамотах в качестве русской подати. Грамота Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле (1363–1389 гг.): «что купит или продаст или его дѣти, не надобе имъ ни тамга, ни восминичее, ни въ ям и ни костъки, никоторая пошлина, ни побережное, ни весчее» [3, с. 193]. Грамота Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке (1363–1374 гг.): «не надобѣ ему никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни вѣсчее, ни мытъ, ни костки, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина» [3, с. 259]. Грамота Олега Ивановича Ольгову монастырю (1371 г.): «а коли есмъ выехалъ отчины исъ своее исъ Переяславля, тогдѣ есмъ обѣтъ оучинилъ къ святѣи госпожи Богородици – придалъ есмъ рязаньское мыто и побережьное» [3, с. 351]. Упоминание побережного в череде торговых пошлин позволяет сделать вывод о принадлежности этой подати категории торговых налогов. По всей видимости, побережное взимали за причаливание торговых судов к берегу. Подобный сбор зафиксирован в государстве Хулагуидов в середине XIII в. По рассказу Рашид-ад-Дина Хулагу совершил переправу через Амударью (Джейхун): «После того как, согласно указу, остановили все суда и лодки корабельщиков и соорудили мост, двинулись для переправы через Джейхун. Первого числа месяца зи-л-хиджджэ 653 года [1 I 1256] [Хулагу-хан] с победоносным войском перешел Джейхун и, пожаловав ту братию [корабельщиков], простил им пошлину, которую взимали с судов, и обычай этот отверг» [33, с. 25]. Очевидно, пристающие к берегу торговые суда были обязаны выплачивать пошлину.

Побережники в качестве монгольских должностных лиц зафиксированы только в ханских грамотах 1351, 1357 и 1379 гг. Источники русского происхождения не упоминают монгольских побережников. Побережники не отмечены в ярлыках правителей иных частей Монгольской империи. К XV в. относится упоминание побережника в качестве русского должностного лица – в жалованной грамоте тверского князя Михаила Борисовича Троицкому Калязину монастырю (1483 г.): «А чашником и подлазником и побѣрежником, никоторым моим пошлинником к слободичем не в(ъ)ездити и пошлинъ не имати, и начлегов не чинити» [3, с. 174].

Поплужники, по всей видимости, собирали особый вид подати – поплужное. Как поплужники, так и поплужное упомянуты только в ярлыке Менгу-Тимура. Иных упоминаний этой должности и вида налога в источниках не содержится. По смыслу поплужное соответствует подати под названием «рало». Рало в качестве налога с пахотного орудия или земельного участка, обрабатываемого этим орудием, упоминается в двух новгородских берестяных грамотах XII–XIII в. [11, с. 286]. В тексте ханской грамоты термин «поплужное» предстает вставкой, внесенной в текст ярлыка Менгу-Тимура переводчиком [24, с. 644]. Также вставкой является и обозначение должностных лиц, занимавшихся сбором поплужного.

Сокольники ведали доставкой ко двору хана соколов. Тюркское название должности – *quščï*, монгольское – *sibaγuči* [46, p. 30, 82–83; 17, с. 471; 45. s. 548–549; 14, с. 163]. Охота с ловчей птицей, в том числе с соколами, была широко распространена в Золотой Орде [31, с. 98]. На Руси деятельность монгольских сокольников зафиксирована только в летописном рассказе о слободах баскака Ахмата, развернувшего активную деятельность на территории Курского княжества в конце XIII в. Ахмат организовал две слободы во владениях князя Рыльского и Воргольского Олега. Между Олегом и Ахматом произошел конфликт. Однажды, находясь в ставке Ногая, Ахмат вздумал оклеветать Олега и посоветовал Ногаю проверить лояльность князя. Он предложил отправить к русскому князю сокольников ловить лебедей, а также передать ему приглашение приехать в ставку Ногая. В случае отказа предполагалось, что Олег замышляет что-то против Ногая и является его врагом: «аще ли, царю, хощеши испытати, посли къ Олгу соколники своя, суть бо въ его княженіи ловища лебединая, атъ ловить съ твоими соколники лебеди, пріѣдеть ли къ тобѣ? аще сътворить тако, не ратенъ ти есть» [30, с. 79]. Олег к Ногаю не явился. Сокольники вернулись и подтвердили слова Ахмата о враждебности Олега: «Соколници же царевы ловивше ловъ лебедіи и звавше

Олга къ Ногою, и поидоша прочь, и сказаша царю Ногою всю правду бесерменикову» [30, с. 79]. Ногай отдал приказ пленить князя, а княжение его «взяти все». В итоге земли Олега и его родственника Святослава Липовичского подверглись разгрому [30, с. 79–81; 28, с. 481–482].

В этой истории фигурируют сокольники Ногая – правителя западной части Золотой Орды. В Сарае в это время правил хан Телебуга. Ногай, очевидно, имел большие права в Курском княжении. Его баскак собирал дань с местного населения, к местным князьям явились его сокольники. Сарайский хан этой деятельности не препятствовал. Летопись свидетельствует о том, что сокольники Ногая не занимались отловом соколов, они охотились на лебедей. Однако основная их роль была иной. Сокольники выступили политическими представителями Ногая. Их появление в Курском княжестве связано не столько с охотничьими интересами монгольского правителя, сколько с установлением его политического влияния.

Других сведений о деятельности в русских землях монгольских сокольников не выявлено. Сохранились известия конца XV в. о неоднократных требованиях крымского хана Менгли-Гирея отправить ему кречетов, ястребов и соколов [35, с. 197, 219–220, 267]. Можно предположить, что и в XIII–XIV вв. ловчая птица поставлялась с русских земель по ханскому запросу.

На Руси известна собственная практика применения ловчей птицы, известная еще в домонгольские времена. Несомненно, существовала система ее отлова. Русь до завоевания активно торговала ловчей птицей. Русские птицы ценились как в восточных, так и в европейских странах [16, с. 152]. Существующей системой могли воспользоваться монгольские власти. Отсутствие оккупационного режима позволило сохранить сложившийся порядок добычи ловчей птицы. Привлечения для этого пришлых ловчих не требовалось и монгольским сокольникам оставалось только принять пойманных птиц. По-видимому, ханские сокольники бывали в русских землях наездами и находились непродолжительное время.

Таможники собирали торговую пошлину, тамгу. Тюркское название должности – *tamġāğï* [46, s. 214]. Тамга была введена по приказу великого хана Угедея в 1234–1235 гг. Размер налога составлял 10% на алкогольные напитки и 1/30 на другие товары [49, p. 170]. Тот же размер был установлен в государстве Хулагуидов [27, с. 245]. Газан-хан снизил размер тамги вдвое, но позднее он снова был увеличен до 10% [50, p. 494]. В Золотой Орде ставка тамги составляла 3%, но могла меняться в зависимости от обстоятельств [48, p. 82].

Относительно русских земель имеется всего два известия о требовании тамги монголами. Первое относится к событиям в Новгороде. В 1257 г. «приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины на Новѣгороде» [25, с. 82]. Позднее, зимой 1257–1258 гг., с князем Александром Невским прибыли «послы татарьскыи» «почаша просити… десятины, тамгы, и не яшася новгородцы по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромь» [25, с. 82]. С новгородцев запросили уплату тамги в размере десятины [12, с. 72–73]. Похожее требование было предъявлено в 1237 г. рязанским князьям. С них просили «десятины во всемь: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомь десятое» [25, с. 74]. Новгороду монголы предъявили более мягкие требования – десятину не «во всем», а только с городского населения. Другое упоминание тамги содержится в ярлыке Менгу-Тимура. В дальнейшем тамга как монгольская подать в русских источниках не фигурирует. С XIV в. она встречается в духовных, договорных и жалованных грамотах русских князей в качестве торгового налога, взимавшегося в пользу княжеской администрации [18, с. 11, 15–19, 33–34, 42; 1, с. 40, 48, 53].

Источники не отмечают сбор тамги в пользу ордынской администрации ни в качестве самостоятельного налога, ни как части другого сбора. Также на территории Руси не зафиксирована деятельность монгольских таможников, однако уже к XIII в. относится первое упоминание таможника – представителя русской администрации: «А тоу былъ въ Смолѣнске на мѣсте на княжи на Федорове Аньдрѣи Михаиловичь князь… Олекса Черныи, Тереньтеи таможникъ ветхыи, Аньдрѣи попъ» (подтвердительная грамота смоленского князя Федора Ростиславича о свободной торговле с немцами 1284 г.) [38, с. 66]. Таможники многократно отмечены в русском актовом материале XV–XVI вв. в качестве княжеских должностных лиц [18, с. 47, 335, 340; 1, с. 209–210, 222, 226, 227, 292, 409; 2, с. 132, 181; 3, с. 39, 41 и др.].

Ярлыки, выданные ордынскими ханами русским митрополитам, содержат значительное число наименований монгольских должностей. Большинство из упомянутых в ханских грамотах представителей власти занимались непосредственным сбором тех или иных налогов – бураложники, данщики, заставщики, лодейщики, пардусники, побережники, поплужники, сокольники, таможники. На основе должностных обязанностей можно выделить три группы монгольских чиновников: 1) сборщики торговых налогов – таможники и побережники; 2) ловчие, занимавшиеся обеспечением ханской охоты – сокольники, пардусники и, вероятно, бураложники; 3) сборщики транспортных сборов – заставщики и лодейщики. Судя по расположению в перечне должностных лиц, наибольшим авторитетом из непосредственных сборщиков налогов обладали лица, ответственные за торговые налоги, наименее значимое положение занимали сборщики транспортных поборов. Обозначение «поплужники» представляется вставкой. Это слово фигурирует только в одном ярлыке собрания (Менгу-Тимура) ханских грамот и по смыслу дополняет упомяну-

тый в том же документе налоговый термин «поплужное». Термин «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура является обобщающим обозначением должностей таможника и побережника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 663 с.
5. Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1971. 273 с.
6. Беляев И.Д. О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М.: Тип. А. Семена, 1850. [Отделение I]. С. 97–110.
7. Березин И.[Н]. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: В тип. Университета, 1851. 56 с.
8. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. (По ханским ярлыкам). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1850. 24 с.
9. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения императорского археологического общества. Ч. 8. СПб.: Тип. Академии наук, 1864. С. 387–494.
10. Боровков А.К. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 1. С. 13–24.
11. Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 410 с.
12. Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.
13. Григорьев А.П. Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XV вв.» // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 6. Л.: Ленингр. Ун-т, 1982. С. 28–52.
14. Григорьев А.П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. [№] 7. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л.: Ленингр. Ун-т, 1980. Вып. 23. С. 155–179.
15. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.
16. Дементьев Г.П. Сокола-кречеты. М.: Издательство московского общ-ва испытателей природы, 1951. 188 с.
17. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
18. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.
19. Маслова С.А. «Ордынская тягость и протор»: выплаты Золотой Орде с русских земель // Средневековая Русь. Вып. 15. М.: Индрик, 2022. С. 19–60.
20. Маслова С.А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 27–40.
21. Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.
22. Маслова С.А. Монгольские охотничьи должности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 38–48. DOI: 10.25986/IRI.2020.82.4.003
23. Маслова С.А. Монгольские чиновники по данным ярлыков XIII–XIV вв. // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. С. 36–44.
24. Маслова С.А. Налоговая терминология краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Золотоордынское обозрение. 2023. Том 11, № 3. С. 636–651. DOI: 10.25986/IRI.2023.92.2.005
25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 568 с.
26. Памятники русского права. Вып. 3. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 528 с.
27. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 228–259.
28. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. II. Языки славянской культуры, 2001. 674 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
31. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географической литературы, 1957. 270 с.

32. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 2230 стб., 107 с.
33. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
34. Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. 1918. № 11. С. 1109–1124.
35. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 558, 82, IV с.
36. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М.: Наука, 2000. 273 с.
38. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 140 с.
39. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1893. Т. 1. 1420 стб., 49 с.
40. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 317 с.
41. Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1904. Vol. 5. P. 357–447.
42. Cleaves F.W. The Mongol Documents in the Musée de Téhéran. // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. Vol. 16. № 1/2. P. 1–107.
43. Doerfer G. Mongolika aus Ardabil // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1975. Bd. 9. S. 187–263.
44. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965. 671 s.
45. Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Bd. III. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1967. 670 s.
46. Hinz W. Zwei Steuerbefreiungs-Urkunden. // Documenta Islamica Inedita. Berlin: Akad.-verl., 1952. S. 211–220.
47. Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents Mongols des Archives secretes vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol.15. № 3/4 (Dec., 1952). P. 419–506.
48. Pochekaev R. Yu. Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system // Golden Horde Review. 2014. No. 4 (6). P. 77–95.
49. Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1972. 197 p.
50. The Cambridge History of Iran. Vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968. 709 p.

Сведения об авторе: Светлана Алексеевна Маслова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: sveta2687@yandex.ru

COLLECTORS OF THE HORDE PAYMENTS FROM RUSSIAN LANDS ACCORDING JARLIGHS ISSUED TO RUSSIAN METROPOLITANS

S.A. Maslova
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The article aims to determine the nature of the activities of the Horde officials responsible for collecting taxes from Russian lands. The study materials include charters issued by the Horde rulers to Russian metropolitans, grants, spiritual and contractual charters of Russian princes, Russian chronicles, labels of the Ilkhans and Yuan emperors. Based on their duties, a classification of Mongolian officials is proposed, and their position in the hierarchy of officials is determined. An analysis of the khan's charters showed that most of the government officials mentioned in the documents were directly involved in collecting certain taxes. Three groups of Mongolian officials are distinguished: collectors of trade taxes, hunters, and collectors of transport fees.

Keywords: officials, administration, jarlighs, the Golden Horde, Rus', tribute

Financial Support: The article was supported by the Russian Science Foundation grant, project No. 24-28-00018.

About the author: Svetlana A. Maslova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sveta2687@yandex.ru

УДК 94(47)"10/12"

ХОЛМОГОРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ю.В. Селезнев
Воронежский государственный университет

В статье рассматриваются методологические аспекты привлечения поздних летописей к изучению истории Золотой Орды. Формулируются логические предпосылки и определяются основания и выявляются ограничения для привлечения массива свидетельств поздних летописей к исследованию истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений. В центре внимания исследования находится Холмогорская летопись, сохранившаяся в двух списках XVI и XVII столетий, представляет собой важный источниковый ресурс для исследования ранней истории и, в частности, истории Джучиева улуса и русско-ордынских отношений. В данном исследовании проведен анализ количества свидетельств об Орде и русско-ордынских отношениях, отложившихся в Холмогорской летописи.

Ключевые слова: Холмогорская летопись, исторический источник, Золотая Орда, русско-ордынские отношения

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, https://rscf.ru/project/23-18-00147/

В 1237–1241 гг. русские земли оказались в составе Монгольской империи, а затем – под властью ордынских ханов [1]. Русские князья теперь были вынуждены ездить в ставку хана за ярлыком на свои владения и иными атрибутами власти [8], выплачивать выход, участвовать в военных акциях ордынских правителей. В русских землях появились ордынские чиновники – численники, баскаки и послы. Между русскими людьми и ордынцами развивались торговые отношения. Фиксируются и брачные союзы между русскими князьями и ордынками.

На протяжении 250-ти лет подчиненности Руси ордынским властителям часто возникали напряженные отношения между князьями и ханами, которые получали своё продолжение в военных событиях. Весь этот разнообразный спектр взаимоотношений не мог не найти отражения на страницах русских летописей. Вполне закономерно, что русские летописные своды являются сборниками свидетельств, сохранившими наибольший объём информации по истории русско-ордынских отношений. Если же учесть, что русские княжества были включены в политическую систему Монгольской империи, тогда русские своды оказываются единственными летописными памятниками, которые происходят с подвластных сарайским ханам территорий. В этой связи русские летописи предоставляют уникальную и беспрецедентно объёмную информацию не только по событиям русско-ордынских отношений, но и по внутренней истории Джучиева Улуса.

Холмогорская летопись датируется по времени окончания известий, ближайшим временем после 1559 г. Известно два списка, Чертковский конца XVI века и Погодинский второй половины XVII в. На всем своем протяжении она остается общерусской летописью; двинские известия в последней части перемежаются с общерусскими. В Полном собрании русских летописей (том 33) издан список XVII в. [7] Состав Погодинского списка и его источники подробно исследованы в трудах Я.С. Лурье [5, с. 449–455; 6, с. 138–149]. Анализ Чертковского списка представлен А.В. Лаврентьевым [3, с. 323–334]. Оценка текста памятника показывает, что составитель летописи стремился к созданию более целостного и структурированного исторического нарратива. Обратившись к своим источникам, он стремился к созданию оригинального произведения. Вполне закономерно, что составитель не просто передает информацию, но и осмысляет ее, подбирая информацию о событиях, которая помогает формировать комплексную картину прошлого для своих современников. Это делает Холмогорскую летопись важным источником для изучения как истории России, так и самих традиций летописания.

В рамках текстологического сопоставления Холмогорской летописи с другими памятниками Я.С. Лурье пришел к следующим наблюдениям. С начала летописного свода до 6649 (1141) г. он сходен с Типографской; далее – с 6654 (1146) г. до 6898 (1390) г. – со Львовской летописью; с 6905 (1397) г. до 7002–7007 (1494–1499) гг. – с Вологодско-Пермской летописью; с 7008 (1500) г. по 7034 (1526) г. наблюдаются отдельные совпадения с Вологодско-Пермской и с другими общерусскими летописями; с 7038 (1530) г. до конца северно-русские известия частично совпадают с Двинским летописцем [6, с. 136]. При этом общерусские известия не находят определенных соответствий. В различных частях Холмогорской

летописи обнаруживаются совпадения с легендарно-публицистическим «Сказанием о князьях владимирских». Я.С. Лурье делает заключение о том, что источники Холмогорской летописи не могут быть просто отождествлены с известными летописями. Детальное рассмотрение отдельных известий Холмогорской летописи позволяет восстановить довольно сложную систему источников, с которыми связан этот памятник. Среди источников свода «обнаруживаются и особые версии известных нам сводов, и совершенно неизвестные памятники» [6, с. 7].

Далее Я.С. Лурье указывает, что составитель Холмогорской летописи располагал не только идентифицируемыми летописными памятниками, но и другими более или менее известными нам произведениями. Немаловажно для проблемы выявления известий обо орде и русско-ордынских отношениях наблюдение исследователя о том, что наряду с выявляемыми памятниками автор Холмогорской летописи «обращался и к другим недоступным нам теперь источникам». И именно «из них он черпал и новые факты» [6, 149]. С конца XV–начала XVI в. уникальные известия в Холмогорской летописи становятся еще более обильными. Это неудивительно, ведь перед нами открывается период, о котором холмогорский летописец имел сведения уже не как историк, а как современник» [6, с.149]. Я.С. Лурье подчеркивает: «наличие в Холмогорской летописи целого ряда новых сведений <…>, отражение в ней не дошедших до нас редакций и вариантов предшествующего летописания–все это делает недавно обнаруженную Холмогорскую летопись ценным памятником истории и литературы Древней Руси» [6, с. 149].

Наблюдения над составом статей Чертковского списка XVI в. привели А.В. Лаврентьева к следующим уточнениям. По сравнению с Погодинским списком повествование продолжено и в состав летописи включена статья «О Петре царевиче» (под 7014 г.), «повествующая о крещении татарского царевича Кудакула» и встречающаяся на л. 315 [3, с. 327]. Кроме того, в Чертковском списке отсутствует статья под 6920 г. о поездке в Орду князя Василия Дмитриевича. Тем не менее, число пропущенных статей невелико [3, с. 327]. Наличие боле раннего списка летописи «позволяет восстановить датировку части известий и названия статей» [3, с. 328].

А.В. Лаврентьев связывает «общерусский характер летописи и обилие использованных, в большинстве своем не местных материалов» с деятельностью в Холмогорах приезжих лиц [3, с. 329]. Исследователь относит составление летописи с появлением на Двине в 1559 г. целого штата приказных Московского государства, среди которого «и подвизался составитель летописного свода, москвич или житель центральной России, имевший доступ к московским летописям и постаравшийся вставить в текст двинские известия» [3, с. 330].

Для поставленной в данной работе проблемы важен вопрос соотношения свидетельств позднего летописания, к которому относиться Холмогорская летопись, сохранившаяся в двух списках (XVI и XVII вв.), с ранним периодом истории (в данном случае, с историей Джучиева Улуса (Орды)), прекращение суверенного существования которой связывают с военным поражение Большой Орды в 1502 г.). Насколько источник, созданный после описываемых в нем событиях может адекватно отражать информацию о них?

Безусловно, наиболее точную, полную и достоверную информацию источники несут в момент их создания. В отношении летописания время создания связывается не только с датировкой последней записи в тексте, но и с моментом составления рукописи. И, вполне закономерно, свидетельства поздних источников и, в частности, летописей о ранних периодах ставятся под серьезное сомнение. Ведь поздние летописные своды представляют собой продукты, отражающие события и факты своего времени, а не дней минувших. Тем не менее, сохранившиеся в поздних летописях свидетельства, в особенности – уникальные, требуют пристального критического анализа.

В первую очередь необходимо учитывать то обстоятельство, что в недостоверном в целом источнике могут сохраниться заслуживающие доверия сведения. В этом случае, как отмечает А.А. Зимин, обязательно «нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входят и разбор исторической обстановки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника» [2, с. 427–449]. Учитывая это обстоятельство, при анализе позднего летописания требуется комплексное рассмотрения общего замысла автора или редактора, для реализации которого он осуществляет подбор известий и выстраивает их последовательность, исходя из логики целостности конкретного летописного свода.

Приверженцы категоричного отказа поздним летописям в достоверности забывают о данных обстоятельствах доверия к показаниям источников. И попадают в ловушку систематической ошибки согласованности, которая является одним из видов когнитивных искажений, когда наблюдается стремление подтвердить определённую гипотезу, игнорируя противоречащие данные, чрезмерная вовлеченность в доказательство исключительно избранной гипотезы, с пренебрежением косвенным опытом.

В свою очередь А.С. Лаппо-Данилевский обращает внимание на то, что «Нельзя говорить о степени достоверности или недостоверности факта, который случился или не случился, но можно рассуждать о

степени достоверности или недостоверности знания о факте» [4, с. 244]**.** То есть, мы должны учитывать, что автор или составитель того или иного источника (в частности, позднего летописного) добавляя в текст то или иное известие считал его достоверным и у него для этого были определенные основания. Игнорировать эти основания мы не в праве.

Кроме того, А.С. Лаппо-Данилевский обосновывает важное для анализа поздних летописных сводов положение о том, что «Степень достоверности показания находится в зависимости от того соотношения, в каком “верные его элементы” находятся ко всей совокупности включенных в показание элементов» [4, с. 244–245]. И, соответственно, степень недостоверности показания определяется путем выяснения того соотношения, в каком «неверные его элементы» находятся к совокупности всех элементов, образующих показание. Такой анализ «предполагает или равнозначимость элементов или, по крайней мере, наличность групп равнозначимых элементов; но ни отдельно взятые элементы, при таком условии, в сущности, уже теряющие свое значение, ни группы их не равнозначимы» [4, с. 245].

То есть, если «показания» источника во всей совокупности или группе объединенных элементов верны и достоверны, то уникальный элемент, вероятнее всего, тоже достоверный. В этой связи критерий отбора совокупности или группы известий для поставленной проблемы определяется принадлежностью свидетельств к истории Орды (Джучиева Улуса) и русско-ордынских отношений. Их соотношение между собой и доля достоверности в группе показывает, как принципы работы автора или редактора, так и надежность уникальных свидетельств, во всяком случае, для истории Джучиева Улуса. При этом, конечно же, сохраняется вероятностный характер заключений: возможны и иные факторы, влияющие на достоверность и надежность свидетельств.

С одной стороны, выявление в летописном массиве свидетельств об Орде и русско-ордынских отношениях, отобранных автором и редактором для помещения в свод, поможет нам сформулировать задачу, решаемую для общей концепции всего летописного свода, как целостного законченного произведения. С другой стороны, вся совокупность «ордынских» известий покажет нам степень достоверности данной группы свидетельств, что позволит делать выводы уже о достоверности уникальных свидетельств об Орде и русско-ордынских отношениях, выявленных в составе летописного свода.

Таким образом, мы не можем пренебрегать знаниями поздних летописцев о событиях истории Орды и русско-ордынских отношений в XIII столетии. Авторы и редакторы поздних сводов свои знания о фактах того времени облекли в форму летописной записи, посчитав их достоверными. Чтобы отказаться от признания их объективными нужно доказать, что авторы или редакторы ошиблись (намеренно или непреднамеренно) или целенаправленно исказили информацию. И именно поэтому мы не вправе игнорировать сохранившиеся поздние известия.

В научном дискурсе существует концептуальная установка, утверждающая, что поздние известия (в особенности – летописные) допустимо использовать в качестве достоверных только при наличии параллельных свидетельств в более ранних источниках. Действительно, отсутствие в ранних/синхронных событиям источниках свидетельств о происшествии вызывает закономерное сомнение в способе появления известия в источнике: не является ли оно более поздним анахронизмом или вымыслом автора/составителя летописи. И, наоборот, совпадение в текстах ранних и поздних летописей свидетельств надежно подтверждает доказательность известия в отстоящих по времени от событий источниках. Таким образом, выявляется подтверждение поздних свидетельств ранними. В данном случае работает логический закон исключенного третьего – два противоречащих утверждения не должны быть одинаково ложными: встречающиеся в ранних и поздних летописях известия достоверны и третьего не дано. В этой связи не только ранние свидетельства подтверждают надежность поздних, но и наоборот, наличие в поздних памятниках известия, совпадающего с ранними показывают их достоверность.

В сочетании с законом тождества – любая мысль должна соответствовать самой себе, то есть иметь конкретное значение и быть точной и понятной – данное заключение выводит нас на следующее наблюдение: уникальные известия поздних летописных сводов показывают наличие подобных известий в ранних источниках, не сохранивших в своем составе эти данные. То есть, с одной стороны, само свидетельство источника представляет собой конкретное значение, требующие учета и осмысления как заведомо достоверное (возможно, её достоверность состоит в изначальной ненадежности: достоверность подделки); с другой стороны, если подавляющее большинство свидетельств позднего источника находит аналоги в ранних и их достоверность подтверждается, то и уникальное известие также достоверно и вероятно нахождение аналогий в синхронных событиям источниках.

Причем, сугубо текстологическое подтверждение совпадений в ранних и поздних летописях, во всяком случае, для истории Орды и русско-ордынских отношений, представляется не достаточным: аналоги событиям и исторической обстановке, соответствующей явлению или событию могут быть обнаружены во внелетописных памятниках и не только русского происхождения. В связи с этим, соответствие свидетельств поздних летописей событиям и явлениям, отмеченным в аналогичных ситуациях в раннее время в

иных источниках, должно говорить нам о достоверности свидетельств, в особенности в тех случаях, когда ранние источники не могли попасть в руки летописца и известия являются независимыми друг от друга. Причем, текстологическое совпадение ранних и поздних летописей указывает нам на явную зависимость позднего летописания от раннего и возможное её искажение, тогда как независимое происхождение аналогичных/тождественных (не совпадающих) известий говорит в пользу истолкования их в качестве достоверных (и это будет взаимное доказательство надежности источников).

Таким образом, осмысление информации поздних летописных сводов, применительно к более ранним периодам требует решения следующих задач: 1) уяснение степени взаимного доказательства достоверности сохранившихся как в поздних, так и в ранних летописях известий; 2) осуществление целевой выборки для выявления окружения в отношении специализированных известий – в данном случае об Орде и истории русско-ордынских отношений; 3) выявление уникальных свидетельств и их аналогий в иных источниках, синхронных событиям.

Применительно к Холмогорской летописи мы наблюдаем 104 погодных записи в период с 1223 по 1502 г., в которых нашли отражения свидетельства об истории Джучиева Улуса (Орды) и русско-ордынских отношений. Кроме того, до окончания повествования под 1559 г. в летописи выявляется еще 16 погодных записей относительно постордынских событий (всего, таким образом, 120 погодных записей). Для сравнения стоит привести статистику иных сводов: в Лаврентьевской летописи фиксируется 29 погодных записей [11, с. 89], в Ипатьевском своде 20 погодных записей [9, с. 123], в Новгородской Первой летописи 63 погодных записи [10, с. 30].

Анализ методологических подходов к установлению достоверности информации в источниках, несинхронным событиям в них описанным, показывает, что догматическое обесценивание свидетельств поздних летописных сводов представляется непродуктивным. Выявление независимого происхождения записей различных летописей, установление релевантности реалиям XIII столетия, отображение событий в косвенных показаниях (или отсутствии свидетельств) памятников при их согласовании, позволяют учитывать известия поздних летописных сводов в качестве достоверной информации. Необходимо признать, что гносеологический потенциал известий поздних летописей и, в частности, Холмогорской летописи, применительно к истории Джучиева Улуса (Орды) и русско-ордынских отношений далеко не исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж: «Научная книга», 2004. 144 с.

2. Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С 427–449.

3. Лаврентьев А. В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А.И. Мусина-Пушкина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 323–334.

4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. Т. 2 / А.С. Лаппо-Данилевский; [подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; авторы коммент. Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцева; авторы указ. имен Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 632 с.

5. Лурье Я.С. О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению : Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка (Труды ЛОИИ. Вып. 7). М.; Л., 1964. С. 449–455.

6. Лурье Я. С. Холмогорская летопись // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 135–149.

7. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: «Наука», 1977. 250 с.

8. Селезнев Ю.В. Признаки принадлежности к элите Джучиева Улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань; Астрахань, 2011. С. 257–260.

9. Селезнев Ю.В. Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. № 9. 2016. С. 123–130.

10. Селезнев Ю.В. Новгородский взгляд на Орду и русско-ордынские отношения (опыт анализа выборки из Новгородской Первой летописи) // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму: материалы V междунар. науч. конф. 24–25 сентября 2015 г. Ч. I / сост.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. С. 29–36.

11. Селезнев Ю.В. Лаврентьевская летопись как источник по истории Джучиева Улуса (Орды) // Исторический вестник. 2023. Т. XLV. С. 88–113.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственый университет (Воронеж, Российская Федерация). E-mail: orda1359@mail.ru

KHOLMOGORSKAYA CHRONICLE AS A HISTORICAL SOURCE ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE AND RUSSIAN-HORDE RELATIONS

Yu.V. Seleznev
Voronezh State University

The article examines the methodological aspects of involving the late chronicles in the study of the history of the Golden Horde. Logical prerequisites are formulated and the grounds are determined and limitations are identified for involving the array of evidence from the late chronicles in the study of the history of the Golden Horde and Russian-Horde relations. Research materials: the focus of the research is the Kholmogorsky Chronicle, preserved in two lists of the 16th and 17th centuries, which is an important source resource for the study of early history and, in particular, the history of the Juchiev ulus and Russian-Horde relations. For the first time, an analysis of the number of evidence about the Horde and Russian-Horde relations deposited in the Kholmogorsky Chronicle has been carried out.

Keywords: Kholmogorskaya Chronicle, historical source, Golden Horde, Russian-Horde relations

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00147, implemented at Voronezh State University, https://rscf.ru/project/23-18-00147/

About the author: Yury V. Seleznev – Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Russia, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: orda1359@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

УДК 398.223

ВАРИАНТЫ ТАТАРСКОГО ДАСТАНА «ИДЕГЕЙ»: СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ И СИСТЕМА ОБРАЗОВ

И.Г. Закирова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

В данной статье автором рассматриваются сюжет, сюжетообразующие элементы, мотивы и образная система татарского эпоса «Идегей», сохранившегося во множестве вариантов. В настоящее время известно более 30 вариантов, зафиксированных с 1854 по 1940 годы в регионах компактного проживания татарского народа. Сказители, создавая свои варианты эпоса, сохранили традиционные сюжетные линии, обогащая и развивая их. Однако, до сих пор исследована лишь единственная сюжетная линия, мотивы и образная система, относящиеся к этой сюжетной версии дастана. Вторая группа дастанов, сюжетная линия которых повествует о правлении Идегея, о его борьбе за укрепление Улуса Джучи, политических реформах и изданных им законах, до сих пор не изучена. Данная работа является первой попыткой упорядочить и ввести названные варианты дастана в научный оборот.

Ключевые слова: Дастан, Идегей, сюжет, мотив, образы, татарская версия, Нигмат Хаким, Хафиз Рахматуллин, Гаффар бабай, Габдулла

Одной из основополагающих категорий в фольклоре является сюжет, который представляет конструкцию, складывающуюся из мотивов, или опирающуюся на мотивы. С другой стороны, сюжет формируется согласно традициям определенного жанра, то есть должен придерживаться его кодов и законов. Каждый жанр обладает своим сюжетно-мотивным фондом, поэтому каждое фольклорное произведение состоит из традиционных (общих) и оригинальных мотивов, каждый из которых при новом содержании звучит иначе.

Татарская версия дастана «Идегей» дошла до нас в более чем 30 вариантах, записанных на территории, относящейся к современной Республике Татарстан, и в регионах, где издавна компактно проживают татары. Варианты отличаются полнотой разработки сюжета, традиционной системой образов. Исследование сюжета дастана «Идегей» предполагает анализ совокупности всех элементов, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами.

Дастан бытовал почти у всех этнических групп народа. Например, вариант «Туктамыш хан хикаяте», включенный И. Березиным в хрестоматию тюркских языков, принадлежит касимовским татарам, проживающим в Рязанской области. Данный факт научно обоснован Н. Исанбетом путем анализа топонимов и языковых особенностей населения [10, с. 80]. На территории Республики Татарстан варианты дастана были обнаружены и записаны в Мензелинском районе – «Идегей и Морадым»; в селе Мензелябаш Сармановского района – «Иделби и Бодайби»; существует вариант, переданный Хамиту Ярми из деревни Урясьбаш (Уряс, Урясбаш) Таканышского района (ныне Кукморского района РТ); имеется несколько фрагментов, обнаруженных в г. Казани, в частности «Морадым». Самое большое количество текстов записано в Омской и Новосибирской областях (10 и 8 вариантов соответственно), два письменных варианта найдено в Тюменской области. Среди рукописей Фатиха Сайфи было обнаружено 3 варианта, распространенных среди татар, проживающих на территории Республики Башкортостан. Вариант «Идеге батыр» был переписан в 1940 году сотрудником районной газеты Чекмагушевского района РБ Хадимом Канзафаровым с рукописи человека по имени Ахметсарвар [14; С. 792–816]. Варианты, зафиксированные в Сибири, по стилю изложения и языковым особенностям принадлежат разным этническим группам. В некоторых обнаруженных в данном регионе письменных текстах содержатся заметки о том, что эти записи были произведены в Поволжье.

С целью выяснения сюжетных линий и особенностей содержания вариантов в работе рассмотрены все основные варианты эпического памятника. Тексты были разделены нами по содержанию на три условные группы: классический сюжет – вариант дастана, записанный Н. Хакимовым в 1919 г. со слов Ситдик-карта в селении Еланлы Омской области [18, с. 286–337]; два варианта, записанных академиком

В.В. Радловым в татарских селах Западной Сибири [16, с. 127–136, 195–204]; вариант, хранящийся в Тобольском музее[1] и сводный вариант Н. Исанбета [7]. второй сюжетной версии относятся три варианта, записанных Х. Рахматуллиным[2] и вариант [16, с. 27–45]; третья группа объединяет варианты, в которых преобладают сказочные мотивы.

Несмотря на то, что дастану посвящены не только многочисленные научные статьи, но и отдельные монографии, содержание и сюжетно-мотивные особенности произведения до сих пор до конца не изучены. Первый комплексный анализ татарской версии дастана «Идегей» проведен Нигматом Хакимовым[3]. В 1936 году А.Н. Самойловичем выполнен сравнительно-сопоставительный анализ татарского варианта, записанного в 1919 году Н. Хакимовым у Ситдик-карта Зайнетдинова из деревни Еланлы ныне Большеречинского района Омской области с другими вариантами татарской версии и крымско-татарской, казахской, ногайской, каракалпакской национальными версиями[4]. В 1940 году в журнале «Совет әдәбияты» была опубликована статья Н. Исанбета, составителя и автора первого сводного текста «Идегей», в которой исследуется сюжет дастана и упоминаются все известные на то время варианты татарской версии и другие национальные версии [10].

Таким образом, начало изучению татарской версии дастана «Идегей» было положено Н. Хакимом, его работа продолжена А.Н. Самойловичем. Однако работа Н. Хакима до последнего времени была неизвестна не только широкой публике, но и фольклористам. Лишь в 2024 году Г.Н. Зайнеевой проведена текстологическая работа и транслитерация текста этой статьи [3]. Работа А.Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым» была опубликована с некоторыми сокращениями в «Тюркологическом сборнике» в 1972 году [17]. В редакцию «Тюркологического сборника» статья была передана Х.Х. Ярмухаметовым и подготовлена к печати С.Г. Кляшторным. Таким образом, в татарской фольклористике дастан «Идегей» в научный оборот введен Н. Исанбетом. Все эти труды в большой или меньшей степени анализируют сюжет, отдельные мотивы и образную систему дастана. Итоговым исследованием сюжета и мотивов дастана является монография «Народный эпос “Идегей”» Ф.И. Урманчеева [20].

Начало активному научно-фольклористскому и историческому изучению эпоса положено изданием текста отдельной книгой на татарском языке (1988 г.) и в переводе на русский язык (1990 г.). Отдельные мотивы исследованы М.Х. Бакировым [1, с. 194–215], И.Г. Закировой [4], Л.Х. Мухаметзяновой [15], Ф.М. Валиуллиной [2], И.И. Фазлутдиновым [21]. Соотношение сюжета с историческими реалиями выявлено И.Л. Измайловым [9], И.М. Миргалеевым [13], Д.М. Исхаковым [11; 12] и др.

Наиболее полным, точнее сказать, цельным вариантом по сюжету и мотивам однозначно является вариант Ситдик-карта Зайнетдинова, записанный Н. Хакимовым. Прежде всего хотим оговориться, что вариант записан со слов сказителя без искажений и изменений. Упоминание этого варианта как сводного или литературно-обработанного не соответствует действительности. Н. Хаким в своей статье характеризует запись следующим образом: «*Бу дастан әнә шушы бабаның әйткәне, аның диктовкасы буенча язылды. Аның үзе белән 2–3 табкыр (мәртәбә) укыб, җөмлә төзелешләрен ачыклаб, кайберсенең урынын да күчергәләб, әсәрнең тулмаган җирләрен тутырыб төзәтеб чыгылды. Әнә шушы 2–3 кабат төзәтеб, тутырыб чыгылган әсәр, монда шул көенчә язылды. Үзгәреш кертелмәде. Дөрест, аңларга уңайсызрак булган берничә җирдә кайбер җөмләне урыныдан күчерүләр, кайбер җөмлә кисәгенең урынын алмаштырулар кебек нәрсәләр булгалады, ләкин болар әсәрне үзгәртде диярлек дәрәҗәдә булмады, чөнки мондый үзгәрешләр фәкать аңларга уңайсызлаган берничә урын белән генә чикләнде. Андан соң шуны да әйтергә кирәк, кайбер урынларда әсәрдәге җырларның кайбер мисраглары*[5] *гадәтдәгедән артык, кайбер мисраглары гадәтдәгедән ким булганын күрерсез. Мин боларны бабаның үзе әйткәнчә калдырдым. Киметеб, арттырыб маташуны урынсыз һәм тиешсез табдым*[6]. («Настоящий дастан был записан по рассказу этого деда, под его диктовку. Вместе с ним, вычитывая по 2–3 раза, выясняя структуру предложений, в каких-то случаях меняя их местами, дополняя недостающие (или пропущенные) участки произведения, мы исправляли текст. Данное произведение, которое правилось 2–3 раза и в которое вносились дополнения, было записано подобным образом. После чего изменения не вносились. Правда, в отдельных, сложных для понимания, местах, несколько предложений или их части мы заменили между собой, что не повлияло на преображение произведения, так как эти изменения ограничивались лишь несколькими пунктами, которые затрудняли понимание содержания. Стоит добавить, что в некоторых местах вы увидите, что какие-

[1] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр. 189.

[2] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр 166, 169, 179.

[3] Хакимов Нигмат. «Идегәй» дастаны турында. Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Оп. 1. Ед.хр. 240.

[4] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Оп. 1. Ед.хр. 243.

[5] Мисраглары (шигырь юллары) – стихотворные строки, стихи.

[6] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Оп. 1 д. 240. С. 10.

то строфы песен в произведении больше по объему, некоторые – меньше. Я оставил их в том виде, как произносил сам дед. Уменьшения или увеличения нашел неуместными и нецелесообразными»).

Мы рассматриваем все известные варианты татарской версии как единый комплекс. Сюжет рассматривается как модель семантической организации текста. Несмотря на внушительный список упомянутых работ, в них исследована сюжетная линия в основном двух вариантов. Это вариант Н. Хакима и сводный вариант Н. Исанбета. Оба варианта отличаются высокой художественностью, образностью и являют собой завершенный сюжет. Сюжетная линия этих двух законченных произведений, не учитывая несколько мотивов, не отличается: состоит из традиционных сюжетных компонентов и основных мотивов, которые встречаются не только в татарских вариантах, но и в других национальных версиях. Эта сюжетная линия и ее основные мотивы исследованы Ф.И. Урманчеевым, поэтому ограничимся лишь их перечислением.

Традиционный или основной сюжет (варианты Н. Хакима и Н. Исанбета) состоит из следующих мотивов: *Мотив об отце или святом предке Идегея – Баба Туклясе; Сказочный мотив о женитьбе Баба Тукляса на Водяной / Пери / девушке-Лебедь; Рождение Идегея от Тукляса и Пери; Нарушение Баба Туклясом запрета; Нахождение новорождённого Идегея в поле случайным человеком; Принесение его в сапоге домой; Письмо Аксак Тимера Токтамышу; Выявление предательства сокольничего Котлыкыя; Казнь отца Идегея Котлыкыя за измену; Спасение Идегея Джантимером; Обмен детей; Наречение именем Идегея-Кобыгыла; Детство Идегея; Его пастушество; Игры Идегея с детьми; Избрание ханом среди детворы; Его суд над ребенком, укравшим «коня»; Описание правосудия Идегея; Признание народа из-за справедливых судейских решений; Доблесть и отвага молодого Идегея; Женитьба и рождение сына; Поступление Идегея на службу в дворец хана Токтамыша; Внутреннее состояние Токтамыша, выражающееся в ощущении харизмы, духа, личностного влияния (кот) Идегея, и боязнь признания этого; Клевета жены Токтамыша; Разоблачение певцом Джырау Субра истинной личности Идегея; Бегство Идегея; Встреча с Кара Тиен Алыпом и спасение дочери Шах Тимера Акбеляк; Прибытие к Шах Тимеру и поступление к нему на службу; Вторжение при помощи Аксак Тимера на территорию Золотой Орды; Битва Аксак Тимера и Токтамыша; Битва Идегея с войском Токтамыша; Разрушение Болгара и гонение Токтамыша; Песня-плач Токтамыша; Смерть Токтамыша; Провокация Джанбая; Конфликт между Идегеем и его сыном Норадыном; Смерть Норадына; Битва Кадырбирди и Идегея; Смерть Идегея.*

Сюжетная линия этих вариантов повествует о становлении героя, его побеге к Аксак Тимеру и завоевании Золотой Орды. Таким образом, речь идет исключительно о разрушениях, создателями эпоса сознательно умалчивается стремление Идегея возродить империю и не описываются основные шаги в этом направлении. Этим событиям посвящена вторая группа дастанов, которая осталась вне внимания исследователей. Именно эта сюжетная линия или ее отголоски встречаются в нескольких вариантах, в том числе в записи В.В. Радлова и варианте, который был зафиксирован в 1854 году на территории современного Зеленодольского района Республики Татарстан. Второй вариант, который известен в татарской фольклористике как вариант Гаффар бабая или Габдуллы был обнаружен Хафизом Рахматуллиным в 1917 году в селе Тартамак Тарского уезда. Гаффар бабаем, сыном Миннебая, дастан был переписан со старинной рукописи Габдуллы сына Ахметзяна, прибывшего из Акъегета *(Акъегет кариясеннән килгән Габдулла әфәнденең нөсхәсеннән күчереп язгучы Гаффар Миңлебай углы. Тара өязе, Саргат волосте, Тартамак кариясендә Гаффар бабайдан язып алучы Х. Рахматуллин)*[7]. Вариант являет собой прозаический текст, поэтических фрагментов мало, однако стихотворные части произведения являются оригинальными текстами, в других вариантах дастана не встречаются. Стиль описания тяготеет к историческому научному труду[8]. Заметим, что столь сложный по содержанию вариант хорошо сохранился благодаря письменной фиксации. Исследование текста показывает, что сюжетная линия произведения соответствует исторической действительности. Мифологические мотивы полностью отсутствуют, эпические традиционные мотивы единичны. Отличается и образная система произведения.

Так как вариант Гаффар бабая – Габдуллы до сих пор не был опубликован, остановимся на содержании произведения. *Идыгы – родился в семье военачальника Исмагела бин Сантимера в 711 году по хиджре. Мать – Кондызбике, после смерти Исмагела бин Сантимера, выходит замуж за Токтамыш хана. Идыгы с 6 лет, после смерти отца, воспитывается в семье Токтамыш хана. С детства он отличается своей физической силой и мудростью. Объединив детей и объявив себя военачальником, особенно любит он инсценировать военные действия. Увидев это, Токтамыш хан отправляет Идыгы для получения военного образования в Османскую империю, где за короткое время тот становится талантливым полководцем.*

[7] По информации, включенной в текст, Габдулла сын Ахметзяна слышал тот дастан от своего деда в деревне Акъегет до переселения в Сибирь. Акъегет авылы – село Акзигитово Зеленодольского района Республики Татарстан.

[8] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр. 179.

В 729 году Идыгы завоевал несколько городов Тамерлана и проявил себя талантливым воином.

Для содержания огромного войска народ облагается неподъемными налогами, что приводит ко многочисленным бунтам. Токтамыш хан ведет страну к краху. Идыгы сопереживает бунтовщикам и сам заслуживает симпатию и авторитет среди народа, который его восхваляет.

Хан организует публичную порку с целью унижения Идыгы. Этот момент является переломным моментом между отношениями хана и Идыгы.

Последний собирает около себя недовольных политикой Токтамыша, в его сторону переходит часть войск хана, к ним присоединяются рабы и пленные. Начинается бунт, который продолжается больше суток. После чего Идыгы со своими последователями переправляется через Волгу.

Перейдя Волгу, Идыгы знакомится с Анисимом, предводителем восставших славян. Они объединяются общей целью – борьбой против гнета несправедливых правителей: царя и хана. Составляется документ, в котором оговариваются условия и цели сотрудничества.

Первой задачей становится завоевание Золотой Орды. Летом 733 года происходят кровопролитные бои между Идыгы и Токтамышем, вследствие которых последний был вынужден отступить.

Токтамыш собирает большой меджлис и обращается к Сафардау с вопросом об Идыгы. Позднее Токтамыш и Аксак Тимер составляют соглашение о совместной борьбе против Идыгы.

В 736 году возобновляются бои между Идыгы и Токтамышем. Хан покидает страну и со своей семьей ищет убежище на чужбине.

После завоевания столицы Золотой Орды, Идыгы издает ряд законов. Например, указ о рабах гласит, что «те лица, которые были взяты в плен во время предшествующих войн и проданы как рабы и рабыни, должны быть выкуплены и возвращены на родину» («Ушбу вакытлара кадәр улан мохарәбәләрдә әсир улыныр, аерым шәхесләрә кол вә кәнизәк итәрәк сатылмыш кемсәләр беделсе[9] коткарылыр һәм дә үз утаннарына кайтарылыр»).

В 739 году происходит битва с царем Москвы. Идыгы и Анисиму не удается окончательно завоевать Кремль, так как, воспользовавшись этой войной, на Золотую Орду нападает Аксак Тимер. Идыгы был вынужден снять осаду Москвы и отражать нападение Аксак Тимера. Одержав победу над Аксак Тимером, он намеревается завоевать и Самарканд. Однако этому тоже не суждено было сбыться. Во время сна его убивает сын Токтамыша – Мардар. После гибели Идыгы приходит конец Золотой Орде.

Вариант примечателен и тем, что упоминается тронный город Идыгы, это местность, где находится село Большие Тарханы ныне *Тетюшского района Республики Татарстан: «Идыгы Тәхет торасы шәһәре Болгардан утыз-кырык чакрым мосафәдә[10] Идел нәһренең икенче тарафында Сембер өязе Олуг Тархан кариясе улан йирдә улдыгын зан[11] идәюрләр. Йир тетрәтеп һәйҗан[12] казанмыш бер шәхеснең Тәхет торасына Олуг Тархан торасы диярәк атау гаҗәп имәстер»*[13]. *(«Предполагали, что тронная резиденция Идегея находилась в тридцати-сорока километрах от Болгара, на противоположном берегу реки Волги, где находится село Большие Тарханы Симбирского уезда. Неудивительно, что трон личности, заслужившей такую славу, гремевшей и сотрясающей земли вокруг, находится в месте, именуемом Большими Тарханами»).*

Общим мотивом с традиционной сюжетной линией является описание детских игр Идегея, поэтический спор Идегея и Калмык би через реку Волгу, Меджлис с участием Сафардау. Сюжетная линия об отношениях героя с русским богатырем Анисимом, об их совместных походах, о законах, изданных Идыгы, женитьба на вдове Анисима – являются оригинальными сюжетными элементами.

Отдельные варианты полностью или частично созвучны по содержанию с вариантом Гаффар бабая – Габдуллы, имеют место совпадения в используемых образах. Это прежде всего вариант В.В. Радлова Идеге пи (Идәгә пи), который интересен тем, что, сохраняя традиционный сюжет, содержит эпизод встречи Идеге с русским богатырем Анисимом, который украл дочь Сат Тимера. Встреча заканчивается для Анисима трагически: его убивает Идеге [16, с. 27–45].

В варианте, записанном Х. Рахматуллиным, «Итүк батыр» Итук и русский богатырь Анисим являются побратимами и вместе воюют против Токтамыш хана. После гибели Анисима Итук женится на его вдове Заре, в варианте Гаффар бабая – Габдуллы: Итыгы берет в жены вдову усопшего Сару[14]. Ближе всех к варианту Гаффар бабая – Габдуллы стоит вариант, записанный Х. Рахматуллиным, «Идегей»[15]. Несмот-

[9] Беделсе – бәдәл (бәя, хак, алмаштыру бәясе) – цена, стоимость, обменная валюта.
[10] Мосафәдә (ераклыкта) – степень удаленности.
[11] Зан (ачык булмаган, якынча гына уй) – предположение; мысль, требующая подкрепления.
[12] Һәйҗан (дулкынлану, борчылу, шатлану) – волнение, возбуждение, беспокоство, тревога; радость.
[13] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр. 179.
[14] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр. 166.
[15] Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 52. Ед.хр. 169.

ря на то, что текст хорошо сохраняет все традиционные мотивы, присутствуют и те, что посвящены описанию отношений между Идегеем и Анисимом.

То есть, если вариант Гаффар бабая – Габдуллы является вариантом с оригинальным сюжетом, то следующие тексты содержат мотивы, относящиеся к обеим сюжетным версиям. Упомянутые выше варианты свидетельствуют, что мотив дружбы Идегея и русского богатыря Анисима первоначально присутствовал в основной сюжетной версии дастана. То есть вторая группа дастанов, в которых описываются взаимоотношения Идегея и русского богатыря Анисима, их совместная борьба против Токтамыш хана, первоначально была лишь частью произведения. Эпизод является характерным только для обнаруженных или записанных в Поволжье или у переселенцев из Поволжья вариантов [21, с. 779]. Только в варианте В.В. Радлова образ Анисима перетерпел трансформацию, он превратился в недруга и заменяет богатыря Кара Тиен алыпа.

Анализ дастана доказывает, что новый мотив зачастую требует трансформации последующих мотивов, и в результате общей трансформации сюжета. Это происходит и с дастаном «Идегей», где возникновение новых сюжетов – это глобальная трансформация существующих, первоначальных мотивов. Трансформация настолько значительна, что обнаружить, какой из вариантов является первоначальным, возможно лишь путем скрупулезного анализа, что в свою очередь не всегда оборачивается исследовательским успехом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 400 с.
2. Вәлиуллина Ф.М. «Идегәй» дастанында милли мифологик һәм дини мотивлар. Казан: Дом печати, 2007. 178 б.
3. Зайнеева Г.Н. Нигмат Хаким в изучении дастана «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 758–765. https://doi.org/10.22378 /2313-6197.2024-12-4.758-765 EDN: ASFARP
4. Закирова И.Г. Фольклорная биография Идегея: соотношение исторического и эпического // Урал – Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»; редколлегия: Н.В. Екеев (отв. ред.), Э.В. Енчинов, А.Э. Чумакаев, Т.К. Шутина. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. С. 238–243.
5. Идеге (Итук батыр) // Кызыл Татарстан. 1940. 1 ноябрь. № 15.
6. Идегей: Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
7. Идегәй: татар халык дастаны / Н. Исәнбәт җыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 б.; № 12. 34–82 б.
8. Идегәй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
9. Измайлов И.Л. Идегей: историческая личность и ее оценка в отечественной историографии // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 858–872. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.858-872 EDN: NZPYBD
10. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегәй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 77–92.
11. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегәй» дастанының серләре // Туган җир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. Казан, 2018. № 4. Б. 19–29; 2019. № 1. Б. 49–65; 2019. № 2. Б. 58–68.
12. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих. («Түләк һәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегәй», «Чура батыр» дастаннары һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО «Грумант», 2022. 160 с.
13. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
14. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816 EDN: IKMIJA
15. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6- 3.537-550
16. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 411 с.
17. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 186–211.
18. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәрмәләрне язучы, сүзлекне әзерләүче Ф.В. Әхмәтова-Урманче. Казан: «Раннур», 2004. 640 б.
19. Турецкая хрестоматия, составленная И. Березиным, профессором турецкого языка в Императорском С. Петербургском университете. Казань, 1862. Т. 2, Вып. 1. С. 60–76.

20. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фән, 1999. 200 с.
21. Фазлутдинов И.И. Варианты татарского эпоса «Идегей» (Сибирский ареал) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 766–781. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.766-781 EDN: DNYGAV

Сведения об авторе: Ильсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела научного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

VARIANTS OF THE TATAR DASTAN «IDEGEY»: PLOT LINES AND SYSTEM OF IMAGES

I.G. Zakirova
G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences

In this article, the author examines the plot, plot-forming elements, motifs and the figurative system of the Tatar epic «Idegey», preserved in many variants. Currently, more than 30 variants are known, recorded from 1854 to 1940 in the regions of compact residence of the Tatar people. Storytellers, creating their own versions of the epic, preserved traditional storylines, enriching and developing them. However, so far, only a single plotline, motifs, and imagery related to this storyline version of dastan have been explored. The second group of dastans, whose storyline tells about the reign of Idegey, his struggle to strengthen the Jochi Ulus, political reforms and the laws he issued, has not yet been studied. This work is the first attempt to streamline and introduce the named variants of dastan into scientific circulation.

Keywords: Dastan, Idegey, plot, motif, images, Tatar version, Nigmat Hakim, Hafiz Rakhmatullin, Gaffar babai, Gabdulla

About the author: Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher of the Department of folk art, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru

УДК 398.22

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ И ДОБРУДЖИНСКИЕ ВАРИАНТЫ ЭПОСА «ИДЕГЕЙ»

И.М. Миргалеев, Э.Э. Абибуллаева
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье авторы анализируют крымскотатарские и добруджинские варианты предания о Токтамыше и Идегее. Дастан об Идегее широко распространен у многих народов, предки которых жили в Золотой Орде. В Крыму они также представлены, хотя и не в таком большом количестве. Но крымскотатарские варианты являются одними из раннезафиксированных и богатыми на сюжеты и относительно большими по размеру. Учитывая, что в Крыму правили родственники и активные сторонники хана Токтамыша, эти дастаны привлекают особое внимание. К большому сожалению, они до сих пор мало привлекались исследователями, о чем свидетельствует небольшая историография. Тоже самое можно сказать и о добруджинских вариантах. При этом, добруджинские отличаются от других версий обширной информацией об отце Идегея – Кутлукыйе.

Ключевые слова: Крым, Золотая Орда, крымскотатарские варианты эпоса «Идегей», добруджинские варианты, дастан, Идегей, Токтамыш

Противостояние хана Золотой Орды Токтамыша с эмиром Чагатайского улуса Тимуром привело к большой смуте в Золотой Орде. После 1395 года татарская политическая элита разделилась на две группировки, на сторонников хана Токтамыша и на тех, кто объединился вокруг его претендентов, в основном состоящий из потомков хана смутного времени Уруса. Всех объединил Идегей, который возводил их на трон по своему усмотрению. Эти группы настолько стали непримиримыми, что их борьба попала не только на страницы официальных документов и исторических сочинений, но и продолжала жить в исторической памяти тюрко-татар. Предания, которые создавались сказителями-жырауами, повествовали о сложных временах для государства и для людей. В отличие от многих фольклорных произведений, дастаны про Токтамыша и Идегея были основаны на исторических событиях [8]. Сказители рассказывали о реальных событиях и людях, вкладывая в них дидактические темы. История политических лидеров преподносилась через поучительные сюжеты, раскрывая тем самым пагубность жажды власти, которая привела к печальным событиям и развалу государства. Предательство, ненависть, нескончаемая борьба за власть – прекрасные примеры для рассказов перед людьми. Отсюда и их популярность.

Сегодня мы начали работу по публикацию всех версий и вариантов этого довольно сложного источника народной памяти [9]. В этой работе мы бы хотели остановиться на татарских вариантах, записанных у крымских и добруджинских татар. Очень интересным является то, что один вариант записан в местности, в названии которой угадывается известный клан Кыят. Также не лишним будет упомянуть и про усыпальницу Джанике-ханым, дочери хана Токтамыша, которая расположена в Бахчисарае на Чуфут-Кале. Крым хоть и не был в эпицентре бурных событий противостояния Токтамыша с Идегеем, но здесь обосновались родственники и активные сторонники Токтамыша, поэтому неудивительно, что эти предания были распространены и среди татар Крыма.

К большому сожалению, историография о крымских вариантах не такая обширная. Тема еще ждет своих исследователей. Хотя крымскотатарские варианты были записаны одними из первых, еще в далеком 1896 году.

Исследованию крымскотатарских версий дастана «Идегей» посвящена работа И.А. Касумова [5]. Автор анализирует историю издания крымскотатарских вариантов эпоса, даёт критическую оценку различных вариантов произведения. В исследовании раскрывается необходимость публикации наиболее совершенной версии эпоса – именно той, что была записана в селении Буюкходжалар, а также освещается ряд вопросов, возникших в ходе упорядочения текста произведения. В статье Н.Ш. Аппазовой [1], проводится сравнительно-типологическое исследование тюркских вариантов эпоса «Идегей». Сопоставляются крымскотатарские варианты дастана с казанскотатарскими и ногайскими вариантами. Значительное внимание уделяется отрицательной сущности главного героя. Приводятся исторические факты, касающиеся личности Идегея.

Как известно, в ходе экспедиции в Крым В.В. Радлов собрал четыре крымскотатарских варианта преданий об Идегее: одну в местности Буюкходжалар [10, с. 99–121][1], которая является самой обширной

[1] Деревня Буюкходжалар до присоединения Крыма к России в 1783 г. входила в Кейминское каймакамство Арабатского кадилыка. В «Камеральном описании Крыма» 1784 г. числится татарская деревня Биюк-Къоджалар,

из крымскотатарских вариантов, два варианта в Карасубазаре [10, с. 146–149; 154–165] и одну в Когеникыяте [10, с. 198–201]. Все они записаны на крымскотатарском языке и имели широкое распространение по всему Крыму.

Также нам известны два крымскотатарских варианта опубликованных Д. Бекировым в учебных пособиях по крымскотатарскому фольклору в 1991 г. и 2008 г.[6; 7]. К сожалению, Д. Бекиров в своих трудах не указал откуда им были извлечены эти два варианта. Но беглое знакомство указывает на то, что это варианты В.В. Радлова.

Небольшой фрагмент из эпоса был выявлен нами в дневнике У. Боданинского. Первый директор Бахчисарайского музея-заповедника записал его в 1924 г. у бахчисарайца Османа Николаевича:

«Багъчесарайлы Осман Николаичтан эшиттигим халкъ эдебият парчасы:
Айрлгъы аргъы ягъында Джаикъны берги ягъында*
Джар турасы къаяда Хива Бехар[а] халкъында*
Юз сексен яшында Сыпраджырав анда бар*
Тышлерын седжбегинен кенен тиздиркен Чакън ал бав билен байлаткъан*
Темирден курк кикен Юз сексен яшында*
Сыпраджырав анда бар»[2].

Перевод: *«Часть [стихотворного произведения] из народного фольклора, которую я услышал от бахчисарайца Османа Николаича: Волги ... сторона, Урала ... сторона, ... на скале(?), Среди народа Хивы и Бухары, Там живет Сыпраджырав, Ему 180 лет. .... он зубы ... (?), Скулы подвязал красным лоскутом (?), Надел он железный полушубок. Там живет Сыпраджырав, Ему 180 лет»* [3, с. 56].

Крымские жырауы-сказители эти предания знали наизусть. Этот факт подтверждается в работе У. Боданинского «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму»: «Народный эпос прекрасно сохранился в Северной степной и Присивашской частях Крыма – по старому татарскому делению Крыма: Тархан, Мангыт, Чонгар. Объясняется это, по-видимому, природным окружением, однообразием степей, формами хозяйства и вследствие этого выработавшимся особым складом характера степняка, традициями номада, богатством его фантазии... В деревнях «Семен» Евпаторийского и «Тюп-Кенегез» Джанкойского района (Чонгар) мы встретили двух народных поэтов-сказителей: Сеид-Мамбет-Акай и Курт-Мамбет-Акай (ум. 1926 г.). Оба – глубокие старцы, обладают феноменальной памятью, в то же время неграмотны, но впитали в себя всю народную мудрость, остроумие, способность быстро и очень хорошо импровизировать. Они знают наизусть весь исторический народный эпос: «Эдиге», «Чора-Батыр» и др. [2, с. 208–209].

Необходимо отметить, что крымскотатарские варианты схожи с общетатарскими вариантами. Наше утверждение подтверждает содержание вариантов, записанных В.В. Радловым. Здесь приводим краткое содержание самого обширного варианта, записанного в Буюкходжалар: «У хана Токтамыша был сокольничий по имени Кутлугая. Темир-хан купил у него яйцо сокола Токтамыша. Как только Токтамыш-хан понял это, он изгнал Кутлугая из своей земли. Кутлугая пришел на границу земель Токтамыш-хана и Темир-хана, разбил шатер и стал там жить. Однажды к шатру Кутлукая пришла девушка и сказала, что хочет выйти за него замуж. Кутлугая согласился, и долгое время жили счастливо вместе. Однажды Токтамыш-хан узнал, что Кутлугая живет на границе его владений и приказал убить его и его семью. Услышав это, Кутлугая спрятал сына. Люди Токтамыш-хана убили Кутлугая, но не смогли найти его ребенка. Няня (леле) Токтамыша нашла ребенка на обочине дороги и присоединила к своим шестерым сыновьям. Хан узнал о случившемся и приказал обезглавить ребенка. Услышав это, леле променяла сына на Идегея. Ханские палачи казнили ребенка леле. Прошли дни. Однажды Токтамыш-хан позвал своих жыравов, чтобы узнать про Идегея. Его узнал трехсотдевяносталетний жырау Сыпра. Идегей сбежал к Темир-хану. Там он узнал, что дочь Темир-хана была похищена Кабертийном. Он спас дочь хана и женился на ней. У них родился сын Нуредин. Нуредин вырос и отправился в земли Токтамыш-хана, чтобы отомстить за отца. Он схватил Токтамыш-хана и обезглавил его. У Токтамыш-хана был сын по имени Кадырберди. Однажды люди Кадырберди окружили Нуредина и ранили его. Видя такое состояние своего сына, Идеей напал на войска Кадырберди, но потерпел поражение и получив ранение сбежал. Кадырберди последовал за ним. Идегей устроил засаду, зарезал Кадырберди, убежал и спрятался в камышах. Люди Кадырберди последовали за Идегеем и окружили камыши. У Идегея не осталось сил сражаться. Полководец Кадырберди по имени Барын отрубил ему голову. Голова Идегея покатилось на землю проклиная его» [10, с. 99–121].

которая была приписана сначала к Левкопольскому, позднее – к Феодосийскому уезду. В первой половине XIX в. в деревне насчитывалось до 20 дворов. По результатам ревизии 1864 г. Биюк-Къоджалар – «владельческая татарская деревня с 15 дворами, 77 жителями, мечетью и сельской почтовой станцией при колодцах». Деревня Коджалар-Татарская после депортации татар в 1944 г. была переименована в Долинное, после 1954 г. сведения о ней отсутствуют. Деревня Коджалар-Русский в 1948 г. переименована в село Королево, которое в настоящее время входит в состав Ленинского р-на Республики Крым [11, с. 108–119].

[2] Дневник, 1924 г. 17 января, 8 стр. (ГБУ РК БИКАМЗ).

К ареалу крымскотатарских вариантов близки и версии добруджинских татар. Как известно, на Балканах, в Добрудже еще со времен Золотой Орды был обширный анклав, где проживали татары. Политические катаклизмы не обошли стороной и эти территории. Несмотря на крайне неблагоприятные для татар события, татарская жизнь там никогда не прекращалась. После распада Золотой Орды на Балканах на долгое время установила свою власть Османская империя, которая поддерживала добруджинских татар. В дальнейшем, в XVIII–XIX веках в связи с ослаблением власти осман, татар вытесняли из Добруджы. На сегодняшний день в Добрудже проживает не большая группа татар. У них также имеются свои версии дастана «Идегей». В личной консультации известный историк Тасин Джемиль, сам из добруджинских татар, сообщил, что данный дастан был распространён среди татар Добруджи.

Первый вариант добруджинских татар была записана известными румынскими тюркологами татарского происхождения супругами Анваром и Недрет Махмутом. Супруги Махмут собирали фольклорные материалы в Добрудже в 50-х годах XX века. Предание «Эдеге батыр» записан ими в 1958 году у добруджинских татар, проживающих в румынском городе Констанца и близлежащих татарских селах. В 1988 году, наряду с другими фольклорными сокровищами добруджинских татар она была опубликована в сборнике «Бозджигит» [12, s. 15–67]. Этот вариант достаточно обширный и оригинальный. Прежде всего невероятной историей Кутлукыйи. Насколько нам известно, история Кутлукыйи в других версиях отсутствует. Также в добруджинском варианте отчетливо говориться о предательстве Кутлкуыйи.

Краткое содержание варианта, записанного тюркологами Махмут: Один шейх в дороге находит череп, во лбу которого было написано, что он когда был живым, то съел (здесь в смысле стал причиной гибели) головы 1001 (в переносном смысле, означающее очень много) человека, и что он хоть и в таком виде, но он еще съест голову сорока человек (т.е. убъет). Шейх сперва говорит, что твое время уже прошло и пинает этот череп, но потом подумав, что она может принести вред людям сжигает ее и собрав пепел от черепа заварачивает в платочек и забирает с собой. Дома он прячет этот сверток, но его дочь видит это и находит платочек и нюхает этот пепел и пробует на вкус языком, отчего она беременеет. О беременности дочери шейха доходит до хана Токтамыша, который созывает совет старцев, которые приговаривают казнить девушку за прелюбодеяние. Но один джигит просит сперва распросить девушку. После того как девушка расскзаала все, старцы не верят и требуют казни. После этого джигит просит разрешит ему жениться на ней. Хан Токтамыш соглашается, но с условием, что они покинут страну. В дальнейшем девушка рожает мальчика, которого назвали Кутлукиа. Он рос очень смышленным. Его призывают в армию хана Токтамыша, где его слава доходит до хана и хан ему доверяет своих птиц, так он поступает на службу к хану Токтамышу. Далее Тимур посылает послов к Токтамышу,с просьбой дать своих знаменитых охотничых птиц. Но Токтамыш отказывает Тимуру. Тогда Тимур отправляет доверенного человека к Кутлукыйе, который соглашается и заменяет яйца. Далее, Токтамыш догадывается и по совету своих приближенных прогоняет его. Он уходит и на границе владений Токтамыша и Тимура ставит юрту и начинает охотиться. Во времяя охоты встречает девушку-албасты из джиннов и жениться на ней, от которого у него рождается сын. В дальнейшем Токтамыш узнав, что он живет на границе его державы отправляет 40 воинов, которые отрубили голову Кутлукии. Перед смертью Кутлукыя успел спрятать сына в лесу, которого находит один старик Асан и забирает домой. Он его назвал Идегем, так как принес ребенка в подоле своего халата татарский Итәк). Идегей рос смышленным и даже в юном возрасте решал споры людей. Так пошла молва о юном Идегее и дошла весть Токтамышу, который сразу понял, что это сын Кутлукыи. Токтамыш Джанбаю приказал привезти Идегея и Асан карта. Но вместо Идегея Асан карт и его жена выдают своего ребенка и их доставляют Токтамышу, где казнят ребенка. Идегей же взрослеет в семье Асана карта, он пасет его коз. Во время игры на домбре он слышат голос, который расскзаывает ему, что его мать была албасты, а отцом был Кутлукыя. Асан карт признается и все рассказывает Идегею. Идегей отправляется к Токтамышу с целью отомстить за отца и поступает к нему на службу и начинает пасти его лошадей [12, s. 15–67]. Далее сюжет развивается в русле общетатарских версий, хотя и сохраняя свою оригинальность. Версия, записанная у добруджинских татар имеет много общего с другими татарскими вариантами, при этом она близка и к сведениям сообщаемым Утемишем-хаджи в «Кара таварих». Безусловно, это предание еще ждет всестороннего анализа.

В 1957 году известный тюрколог Саадат Чагатай перевела на немецкий язык и опубликовала эпос «Эдиге эфсанеси», которую она записала у 76-летнего Хаджи Османа Атаоглы в Хаймане, вблизи Анкары. Хаджи Осман Атаоглы переселился в Турцию из Добруджи (Румынии), его корни были из Крыма [13, s. 243–282]. Приведем и ее краткое содержание: «У хана Токтамыша был визирь по имени Кутли Кая-бей. Он был отцом героя, которого мы называем Эдиге (Идегей). Однажды Кутли Кая-бей пошел искать лошадь для хана, а вернувшись принес шестимесячного жеребенка. Хан счел это оскорблением, выколол Кутли Кая глаза и изгнал его из своей страны. Он ушёл в горы. Там он женился на Албасли. У них родился сын по имени Идегей. Кутли Кая привел сына в ханский дворец. Ребенок прожил там много лет. Однажды хан спросил у четырехсотлетнего жырау, кто такой Идегей. Он узнал его и велел Идегею бежать. У

Идегея был сын по имени Нуредил от дочери хана. Уходя, он сказал сыну, что они встретятся «когда концы стрел соприкоснутся друг с другом» и направился во дворец Шатемир-хана (Тимура). Дочь Шатемир-хана похитил великан по имени Кабардин Алып. Идегей убил его, спас девушку и женился на ней. Потом Идегей совершил поход на Токтамыш-хана, чтобы отомстить ему. Хан испугался и убежал. Идегей встретил своего сына Нуредила во время охоты на газель, у которой в спине слиплись наконечники двух стрел. Идегей послал своего сына за Токтамышом. Далее, Нуредил поссорился со своим отцом. Идегей ушёл в горы. Через некоторое время он извинился перед отцом и посадил его на трон. Сын Токтамыша пришел в земли Нуредила, поймал его и ранил. Потом расспросил о своем отце и сестрах. Нуредил ответил, что женился на его сестрах и отрубил отцу голову, встал и вышел из шатра. Из-за ран он не смог вернуться домой. Брат Нуредила, внук Крымского хана, нашел его без сознания в лесу. Он приготовил лекарство из верблюжьего молока и вылечил брата. Услышав о его выздоровлении, сын Токтамыша убежал» [13, s. 191–202].

Краткое знакомство с крымскотатарскими и добруджинскими вариантами преданий об Идегее показывает, что они близки к общетатарской версии, при этом имея и оригинальную часть. Прежде всего, это история Кутлукыйи. Рассмотренные нами татарские варианты еще ждут своих исследователей. К общетатарским 29 вариантам [9] добавляются еще шесть вариантов крымских и добруджинских татар, тем самым мы можем сказать, что на сегодняшний день известно 35 татарских вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аппазова Н.Ш. «Эдиге» дестанында баш къараманнынъ образы (Образ главного героя эпоса «Эдиге») // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2015. № 1. С. 53–57.

2. Боданинский У. Собрание сочинений. Том I. Научное наследие. Казань–Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 272 с.

3. Боданинский У. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923–1926 гг. Казань–Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 264 с.

4. Дневник, 1924 г. 17 января, 8 стр. (ГБУ РК БИКАМЗ).

5. Касумов И.А. “Edige” destanının qırımtatar variantlarınıñ neşir tarihi (История публикации крымскотатарских вариантов эпоса «Эдиге») // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2022. № 13. С. 102–121.

6. Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. 248 с.

7. Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Экинджи ишленильген нешир. Акъмесджит: «Къырым девокъувпеднешир», 2008. 264 с.

8. Миргалеев И.М. Дастан «Идегей» с исторической точки зрения // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I: материалы науч. конф. / под ред. Г.Х. Самигуллова. Челябинск, 2023. С. 60–70.

9. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816 EDN: IKMIJA

10. Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В.В.Радловым. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896. XVIII. 408, 527 с.

11. Позднесредневековые земляные гидротехнические сооружения в Восточном Крыму (Республика Крым) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: Институт археологии РАН, 2017. 240 с.

12. Edege Batir / Mahmut, Nedret ve Enver Mahmut. Bozcigit // Dobruca Tatar Masallan. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. Bucuresti, 1988. Pp. 15–67.

13. Cagatay S. Die Ädigä-Sage // Ural-Altais die Jahrbücher. 1953. Band XXV, Heft 3-1. S. 243–282.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1952-6517. E-mail: shems-annur@mail.ru

CRIMEAN TATAR AND DOBRUDJA VARIATIONS OF THE EPIC "IDEGEY"

I.M. Mirgaleev, E.E. Abibullaeva
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

In the article, the authors analyze the Crimean Tatar and Dobrudzha versions of the legend about Tokhtamysh and Idegey. The dastan about Idegey is widespread among many peoples whose ancestors lived in the Golden Horde. In Crimea, they are also presented, although not in such a large number. But the Crimean Tatar versions are among the earliest recorded and rich in plots and relatively large in size. Considering that relatives and active supporters of Khan Tokhtamysh ruled in Crimea, these dastans attract special attention. Unfortunately, they have so far been little used by researchers, as evidenced by the small historiography. The same can be said about the Dobrudja versions. At the same time, the Dobrudja versions differ from other versions in their extensive information about Idegey's father – Kutlukiye.

Keywords: Crimea, Golden Horde, Crimean Tatar versions of the epic "Idegey", Dobrudja versions, dastan, Idegey, Tokhtamysh

About the authors: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus AuthorID: 57201656376. E-mail:dilnur1976@mail.ru

Elmira E. Abibullaeva – Junior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1952-6517. E-mail: shems-annur@mail.ru

УДК 398.223

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКОГО ЭПОСА «ИДЕГЕЙ»

Гумру Шахрияр
Национальная Академия наук Азербайджана

В статье рассматриваются поэтические особенности татарского эпоса «Идегей»: Отмечается, что версий и вариантов эпоса об Идегее у разных тюркских народов существуют десятки. Их сюжетные линии иногда схожи, но иногда существенно различаются. На основе текста татарского народного эпоса об Идегее мы привлекли к исследованию научно-теоретические источники, написанные о нем. В статье мы использовали несколько вариантов эпоса, принадлежащих татарам.
Исследуя эпический текст об Идегее, были выявлены различия и сходства сюжетной линии между версиями и вариантами. Как известно, сказители играют большую роль в вариации эпоса. В данной статье мы попытались определить дополнения, внесенные сказителями в эпический текст, помимо архаических мотивов.

Ключевые слова: Золотая Орда, Идегей, татарские варианты, эпический текст, эпический герой, историческая личность

Как известно, Наки Исанбет к концу 30-х годов XX века на основе нескольких татарских вариантов преданий о Токтамыше и Идегее составил сводный текст эпоса «Идегей» и опубликовал ее в 1940 году под названием «К 500-летию татарского народного эпоса "Идегей"» в журнале «Советская литература» (1940, № 11–12). В дальнейшем планировалось опубликовать исправленный вариант сводного текста, однако после известного постановления 1944 года эпос «Идегей» практически попал под запрет. Только в 1990 году, эпос наконец то был опубликован в окончательном варианте, но без упоминания имени составителя.

Сегодня мы наблюдаем возрождение интереса к этому эпосу. Кроме фольклористов, эти предания привлекают внимание и историков. Также, необходимо отметить, что интерес проявляют не только авторы тех тюркских народов, предки которых сохранили эти предания, но и исследователи из других стран интересуются этой темой. У азербайджанцев нет эпоса об Идегее, но в последние годы и в Баку начали появляться публикации об этом эпосе. И это не удивительно, потому что дастан «Идегей» уникальный эпос, имеющий прямое отношение к реальным событиям [2]. Известный исследователь средневековой тюрко-татарской литературы Хатып Миннегулов пишет, что «некоторые эпизоды эпоса могут служить достоверным источником для исследования реальной истории того времени» [1, с. 520].

Безусловно, главные герои дастана, хан Токтамыш, Идегей и его сын Нураддин были реальными личностями и одними из главных акторов бурных событий, которые разворачивались в Золотой Орде [более подробно см.: 4]. Эти события как известно привели к противостоянию Токтамыша с Тимуром, тяжелейших для Золотой Орды двух войн и вторжением войск Тимура на территорию Золотой Орды. Предательства части политической элиты Золотой Орды, среди которых был и Идегей, который в дальнейшем обрел реальную власть. В итоге, противостояние политической элиты привело к постепенному распаду Золотой Орды на нескольких тюрко-татарских ханств. И в центре этих потрясений находился Идегей, что привело к возникновению о нем разных рассказов. Шамседдин аз-Захави отмечает, что «о нем рассказывают длинные истории» [5, с. 553–554]. Ибн Арабшах пишет об Идегее, что «были придуманы истории и повествования, не соответствующие истине, – характеризующие Едигея как отрицательного персонажа» [5, с. 473].

И источники и дастан показывают, что Идегей прожил бурную жизнь. При этом, эпос не является ни летописью, ни историческим произведением, раскрывающим исторические истины. Это всего лишь полувымышленная история о герое, жившем в определенную эпоху, передаваемая сказителями. На самом деле, чтобы любое историческое событие стало эпопеей, очень важно, чтобы это событие было отфильтровано из народной памяти. Иногда с течением времени небольшое событие, играющее роль в формировании эпоса, становится архаичным внутри эпоса или становится архаичным эпизодом.

Сюжетная линия эпоса. В советский период именно татарский вариант эпоса был наиболее запрещенным. Речь конечно же прежде всего идет о сводном тексте, составленным Н.Исанбетом. Татарских версий имеется около 30. Недавно, татарские ученые опубликовали подробное описание всех татарских версий [3]. В сводный текст не попали все сюжеты и все варианты. Но основные сюжеты, характерные все же для всех вариантов имеются в сводном тексте.

История в дастане начинается с трагедии. В городе Сарай хан по имени Токтамыш приказывает разрушить дом Котлыкыя и убить его семью за то, что он отдал яйца охотничего сокола Тимуру. В дальнейшем эта трагедия и становиться главной причиной противостояния Идегея и Токтамыша.

В эпосе Токтамыш-хан и Тимур такие же активные персонажи, как и Идегей. Можно сказать, что почти во всех вариантах эпоса главным и злейшим врагом Идегея является Токтамыш-хан. В эпосе Токтамыш-хан посвящает свою жизнь уничтожению Идегея. А вот Тимур представлен как правитель, который активно помогает Идегею.

В разных версиях эпоса есть ряд женских персонажей, играющих как положительные, так и отрицательные роли. Здесь мы встречаем образы женщин, подчеркивающих свою гордость, высокомерие и притязания, и образы женщин, подавляющих собственные желания и мечты и на первый план выдвигающих мужа и сына. Хотя в эпосах об Идегее женские персонажи не столь активны, все же они являются помощницами героя.

Образ Нураддина в разных вариантах проявляется по-разному. По одной из версий он убивает своего отца, по другой – выкалывает ему глаз, по другой – мстит за отца и дедушку, а по третьей – счастливо живет с отцом. Характерно, что он вспыльчив, не способен глубоко мыслить, но у него сильный, стойкий и боевой характер. В татарском варианте он сражается один на один с Токтамышем. По правилам того времени, он хочет, чтобы Токтамыш первым метнул стрелу. Токтамыш выпускает стрелу, но стрела не пробивает доспех Нураддина. В это время Нураддин выхватывает меч и отрубает голову хана. В татарских версиях после того, как ножи перерезали Нураддину ноги, сын Токтамыш-хана Кадырберди-хан сажает его на спину лошади без седла и заставляет лошадь быстро скакать, так что лошадь вспотеет и раны Нураддина усугубляются. Затем он сажает его на плот и отправляет на другую сторону Волги к Идегею, который расположился там. Нураддин целует руки отца и умирает, извиняясь перед ним за содеянное.

Нураддин совершает величайший грех в эпосе: поднял руку на отца, игнорирует мольбы матери, изгоняет отца, а главное, не понимает своей ошибки до самой смерть. Из-за своей несдержанности и неопытности Нураддин не может объединиться с отцом и бороться с врагом. Поэтому в боях с врагом отец и сын погибают по отдельности.

Существуют десятки татарских версий и вариантов эпоса, отличающихся друг от друга сюжетом. Но как мы уже говорили выше, все эти версии и варианты посвящены борьбе за власть. Если внимательно изучить сюжетную линию, то мы увидим, что эпический текст тесно перекликается с историей. В тексте татарского варианта эпоса батальные сцены описаны настолько ярко и с мельчайшими подробностями, кажется, что это не традиционный эпический текст в исполнении какого-либо сказителя, а историческая летопись.

При этом, в эпосе ни один персонаж не может считаться отрицательным. Действия каждого из героев можно оправдать. Например, если Токтамыш прав, что наказал Кутлукая за предательство, то Идегей прав, что отомстил за отца. Таким образом, эпос «Идегей» представляет собой весьма уникальный в этом плане образец народного творчества. Кроме этого, эпос не судит никого по его поступкам. Даже Идегей, убивший Кара-Тийин Алп, не оставляет его тела валяться. По традиции он похоронен на берегу реки. Кровные узы Кара Тийин Алпа и Идегея не позволяют ему поступить иначе.

Поэтические особенности эпоса

Во многих вариантах эпоса чередуются проза и стих. Некоторые варианты состоят только из прозы. Поэзия эпоса демонстрирует высокопоэтический стиль. Стихи здесь имеют боевой дух, социальное содержание, нравственно-воспитательное значение. Лексика «Идегея» богата и выразительна. В эпосе наблюдаются также мелодическая аллитерация и созвучие звука «а», что делает язык эпоса богаче, интереснее и запоминающимся:

Айтулы **а**рув кыз икэн,
Аньң да житеп **а**й-көне,
Ай ярлыкаеп көн туды,
Ат башыдай ул туды [6, с. 51]

Алты кара **а**т тоттырды,
Алтын көймәсенә жиктерде,
Арышка сият тактырды,
Арбага гөлләр түктерде [6, с. 61]

Рифмованный строй в эпосе также соответствует требованиям поэтической техники или слоговой массы. Ученые высокого мнения о поэзии эпоса. Р. Яруллина-Йылдырым пишет, что «в татарской народной литературе нет другого такого масштабного произведения, написанного целиком стихами и состоящего из 7000 стихов, как эпос «Идегей» [7, с. 68]. В эпосе говорится:

Алтын Урда, Ак Урда – 7
Данлы кыпчак жирендә – 7
Татардан туган Нугай илендә – 10
Туктамыш дигән хан булды – 8

Ил булганга – ил булды, – 7
Яу булганга – яу булды – 7 [6, с. 37].

Судя по всему, количество слогов варьируется от 7 до 10. Частично соглашаясь с вышеизложенными соображениями, можно сказать, что только часть текста состоит из 7 слогов. Семисложная система иногда меняется на 8, иногда на 10. Видимо, это связано с тем, что сказитель адаптирует текст к ритму музыки.

Также обращает на себя внимание интересная формула вступления в эпосе:

Борын үткән заманда
Болгар белән Сарайда
Җаек белән Иделдә
Алтын Урда, Ак Урда –
Данлы кыпчак жирендә
Татардан туган Нугай илендә
Туктамыш дигән хан булды [6, с. 37].

Следует отметить, что героические эпосы обычно имеют традиционный сюжетный тип, и почти все эпосы следуют этому образцу. В тюркском эпическом творчестве эпическое мышление однозначно ориентировано на образ героической мысли. Поэтому в основе эпической традиции лежит героический мотив и различные героические сюжеты, являющиеся выражением этого мотива. При анализе любого эпоса необходимо учитывать общественно-политическую ситуацию в то время, когда он был рассказан, жил сказитель и формировался эпос, ведь время сказителя – это время обращения к зрителю, а «величайшая задача сказителя – убедить слушателя, что герой действительно жил» [6, с. 97]. Поэтому описание времени и пространства в эпических текстах является очень важным и не менее чувствительным вопросом.

При рассказе героического эпоса об исторических личностях очень важно, чтобы события совпадали одно за другим, чтобы историко-хронологические события совпадали с фактами в рассказе сказителя, чтобы правильно были показаны время и место. Рассказать несуществующее событие под покровом истины – одно из важнейших условий, но, несмотря на это, нельзя забывать, что эпос не является историческим произведением. Это литературный образец, образно выражающий исторические факты и содержащий исходные мифологическо-космогонические представления народа.

Эпос «Идегей» – произведение искусства, в котором героизм, любовь и даже предательство выражены прекраснейшим поэтическим языком. Анализируя поэтическую структуру текста эпоса, мы встречаем разные мотивы. Самое интересное в том, что, несмотря на формировании этих мотивов в архаическом, религиозном, мифологическом, ритуальном и т.д. аспекте, на самом деле они создают очень гармоничную и сложную структуру. Эпос «Идегей», основанный на архаических традициях, отражает наиболее поэтическое и образное выражение национальной борьбы тюркских народов.

Когда в эпосе рассматриваем мифологические верования, материнское молоко, мотив гадания, чтение сновидений, предвидение, колыбельные ритуалы, погребальный обряд и т.д., мы легко можем понять тюркский этнографический образ мышления в средние века. Ритуалы и обряды, связанные с боем описаны до мельчайших подробностей. Боевая подготовка, одежда, вооружение, поведение командиров и воинов во время боя, военная этика описаны на столь высоком уровне, что на наших глазах эпос оживляет Средневековье.

Тема ислама также широко изображен в эпосе. По преданиям предок Идегея – Баба Туклас Шашлы Азиз – человек, распространивший ислам в Золотой Орде. Также в эпосе постоянно присутствует образ Хызыра. Каждый раз, когда герои попадают в ловушку, они призывают пророка Хызыра. Благословляя Идегея, говорят: «Юлдашың Хозыр булсын, / Бәлаң качык булсын!» [6, с. 95]. Свое недовольство сыном Нураддином Идегей выражает так:

Заман ахыр булганда.
Газраил дигән бер мәләк
Күктән үзе хәбәр биргәндә
Ак кәфенгә чолганып
Гарешкә чыгар атаңны
Син кауладың, мырза углым! [6, с. 165].

Как видно, исламские термины такие как Азраил, ангел, саван и т.д. в эпосе тоже используются очень поэтично.

Народные поверья, особенно формулы благословения и проклятия, также очень серьёзно проявлены в эпосе. Нураддин хочет быть провозглашен ханом, но Идегей возражает против этого. Нураддин разо-

зливщись на отца прогоняет его. Идегей тоже проклинает его. Вскоре после получения проклятия Идегея рот и лицо Нураддина искривляются. Канбай просит Идегея снять проклятие и помолиться за него. Нураддин трижды обходит Каабу и просит прощения у отца. Идегей также благословляет своего сына, и Нураддин выздоравливает. В другом месте Кара Тийин Алп проклинает Идегея перед смертью:

Каргышым ат кыючтан очкыдыр,
Кара таштан үтәдер,
Сине каргап нитием?
Каргамый ак китием?
Балаң белән ызгышып
Уң құзең чыксын, Идегәй! [6, с. 94].

Позже Идегей повздорил с Нураддином, тот бросает домбуру в отца и она выбивает Идегею правый глаз. В конце эпоса Барын мирза отрубает Идегею голову. Отрубленная голова упавши лицом к восходу (востоку) проклинает его:

Барын, сиңа ни кылдым?
Берең ике булмасын!
Йортың-караң калмасын!
Ханнан ханны мин ектым,
Хан булып син дә калмассың! [6, с. 182].

Проклятие Идегея сбывается: Идиль превращалась в кровавое озеро, борьба за власть ослабляет и разрушает Золотоордынское государство.

Как видно из этого, анализируя эпос, мы сталкиваемся с интересным образцом искусства. Эпические формулы занимают особое место в этой богатой монологами и диалогами эпосе. Наряду с зачинными, переходными и конечными формулами (синтагматическими) в эпос входят обряды и ритуалы, проклятия или благословения при походе или во время битвы, магия, советы связанные с природой (животными или растениями), дорога, доспехи, описание героя – взросление, подготовка к бою, описание его лошади, друзей и врагов, относящиеся к луне и звездам, числам и т.д. (смысловые) метафоры, сравнения и т. д. (лингвистические) формулы.

Таким образом эпос имеет богатую текстовую структуру. Этот художественный образец, в котором проза и стихи плавно чередуются друг с другом, также демонстрирует высокий поэтизм. Мелодичные и гармоничные стихотворения содержат боевой дух, воспитательные и нравоучительные советы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миннегулов Х. Литература Улуса Джучи и постзолотоордынских татарских ханство // Золотая Орда в мировой истории / Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 515–523.
2. Миргалеев И.М. Дастан «Идегей» с исторической точки зрения // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I: материалы науч. конф. / под ред. Г.Х. Самигуллова. Челябинск, 2023. С. 60–70.
3. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816 EDN: IKMIJA
4. Миргалеев И. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–703.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. Извлечение из сочинений арабских. Т. I. СПб., 1884. 564 с.
6. Edigey Destanı / hazırdayan R. Sulti. Ankara: Türksoy yayınları No.10, 1998. 190 s.
7. Yıldırım R.Y. Edigey Destanında Hayvanların Fonksiyonları // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2012. Cilt 1, Sayı 1. S. 67–77.

Сведения об авторе: Гумру Фуад кызы Шахрияр – Ph.D. (филология), научный сотрудник отдела Фольклора тюркских народов, Институт фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана (Баку, Азербайджан); ORCİD: 0000-0001-6130-7063. E-mail: nevayi-qumru@rambler.ru

POETIC FEATURES OF THE TATAR EPIC "IDEGEY"

G.F. Shahriyar
Azerbaijan National Academy of Sciences

The article examines the poetic features of the Tatar epic "Idegey": It is noted that there are dozens of versions and variants of the epic about Idegey among different Turkic peoples. Their plot lines are sometimes similar, but sometimes they differ significantly. Based on the text of the Tatar folk epic about Idegey, we involved in the study scientific and theoretical sources written about him. In the article, we used several versions of the epic belonging to the Tatars. While studying the epic text about Idegey, differences and similarities in the plot line between the versions and variants were revealed. As is known, storytellers play a large role in the variation of the epic. In this article, we tried to determine the additions made by storytellers to the epic text, in addition to archaic motives.

Keywords: Golden Horde, Idegey, Tatar variants, epic text, epic hero, historical figure

About the author: Gumru F. Shehriyar – Ph.D. (Philology), Research Fellow of the Department of Folklore of Turkic Peoples, Institute of Folklore of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan); ORCİD: 0000-0001-6130-7063. E-mail: nevayi-qumru@rambler.ru

УДК 82-131

ЭПОС-ДАСТАН О ЧУРА БАТЫРЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Л.Х. Мухаметзянова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

В статье представлена научно-обоснованная реконструкция образа исторического Чуры Нарыка, политического деятеля, жившего в Казанском ханстве. В исследовании выявляются связи между татарским героическим эпосом и историей Казанского ханства. Материалом исследования служат версии и варианты дастана о Чура-батыре, а также историческая литература, где имеются сведения о деятельности Чуры сына Нарыка. Исследование позволяет по-новому взглянуть на роль Чуры Нарыка на исторической арене как символа национальной идентичности и мужества, защитника своей родины. Также в статье представлены новые интерпретации некоторых ключевых сцен, которые ранее не рассматривались в контексте их исторической значимости. Работа обогащает существующие знания о дастане, подчеркивает его актуальность для современного общества, способствуя более глубокому пониманию национального культурного наследия

Ключевые слова: эпос-дастан о Чура-батыре, Казанское ханство, Чура сын Нарыка, политическая деятельность, история, культурные традиции

Героический эпос – это своего рода сложный механизм, отражающий ход и последствия минувших крупномасштабных событий. На этот объемный эпический жанр фольклора не возлагается функция документально точного отражения нюансов реальных событий, тем не менее, эпос был и остается исключительно важным источником в научно-историческом, общественно-культурном аспектах.

В литературном наследии тюркских народов есть произведения, которые являются общим достоянием нескольких представителей тюрского этноса. К таким произведениям можно отнести и исторические дастаны, повествующие о Чуре батыре. Все они относятся к периоду Казанского ханства, а именно к середине XVI в. Памятниками о Чура батыре изобилует и татарский фольклор. Объемный дастан и его варианты, историческая песня, баит, многочисленные тексты преданий и др. посвящены этому образу в татарском народном творчестве. Заслуживает особого внимания произведение, впервые опубликованное в 1862 году в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина под названием «Хикаят о Наренг и Чура-батыре» [3, с. 41–56].

В научной литературе фигурирует мнение о том, что прототипом дастанного Чуры батыра является общественно-политический деятель Казанского ханства Чура Нарыков. Подобного научного взгляда по отношению к герою исторических дастанов и преданий Чура батыру придерживаются эпосоведы Ф. Урманчеев [14] и Л. Ибрагимова [4, с. 7–27]), Л. Мухаметзянова [8], историки Д. Исхаков [5, с. 110–153; 6, с. 17–19] и др. Связь дастанного Чуры батыра с личностью реального Чуры бека Нарыкова также доказывается и шеджере «Родословная Чура-батыра», найденным М.И. Ахметзяновым [2, с. 323, 324], где указано, что Чура сын Нарыка восходит к родам Кукес, Тама и Нарык. В дастане этот факт подтверждается в строках «*Асылымны сорасаң – Күкес углы Тамамән» (Если спросишь, кто мой род – я из племени Тама из рода Кукес)*. Некоторые сведения о деятельности Чуры Нарыка сохранились и в исторической литературе. Итак, связывание дастанного Чура-батыра с исторической личностью, жившей в Казанском ханстве и событий эпических произведений на сюжет о Чура батыре с историческими реалиями имеет под собой веское основание. Тексты татарских и других тюркских эпических произведений, в основании которых лежат исторические события из жизни Казанского ханства, также создают возможность рассмотреть в сравнительном плане судьбы исторического и дастанного Чуры.

Во всех тюркских вариантах отец Чуры-батыра Нарык (Нарик) всегда откуда-то переселяется в Крым, в некоторых дастанах четко указывается, что он приезжает из Казани. Например, в казахской версии «Чура-батыра» (это произведение в 1922 году в Оренбурге А. Диваев включил в сборник под названием «Нарик батыр улы Шура» («Шура – сын Нарик-батыра») [13, с. 117–126], содержание этого же произведения подробно описано в работе А.С. Орлова) [9, с. 112–114] во время погони за зайцем теряется любимая собака хана Акчи. Переехавший в Казань из Ургенча и состоящий на ханской службе Нарык уходит искать пропавшую собаку, по пути обнаруживает пещеру и внутри нее кучу золота. Рассказывает о находке своему хану. Хан забирает найденное Нарыком золото, в знак благодарности щедро одаривает Нарыка. Это вызывает зависть других биев, они враждебно настраиваются против Нарыка. Желая уйти от врагов, Нарык просит у хана разрешения вернуться на родину в Казань. Хан, не желая с ним расставаться, собирает меджлис и устраивает состязание по красноречию. Мастера слова должны были уговорить Нарыка ос-

таться в Ургенче. Слова чичянов, произнесенные на этом меджлисе, являются одним из самых впечатляющих и красивейших частей традиционного текста дастана.

Здесь очень важно то, что судьбу Чура-батыра дастаны связывают с Казанью еще до его рождения. Возможно, это и есть ключ к пониманию возвращения впоследствии Чуры в Казань к Казанскому хану. Он не просто так сражается с врагами, защищая город верхом на коне, который после, поскользнувшись, падает в Идель-Волгу вместе с Чурой, и Чура-батыр погибает. Все эти деяния батыра вполне оправдывается тем, что он борется за родные земли, защищает родину от иноземцев. Возможно, пазлы сложного сюжета дастана, разбросанные по нескольким тюркским народам, в свое время входившим в состав Золотой Орды, указывают именно на такой расклад событий в прошлом. Таким образом доказывается генеалогическая связь Чура-батыра с Казанью. Казань – родина его предков. Для народа, который впоследствии поднял его имя на пьедестал, создавая о нем эпос-дастаны, он – свой среди своих, поскольку его корни связаны с этой местностью. Чура в дастане в свою очередь ратует за недопустимость междоусобиц и вражды, это его деятельность выступает как основная тема всех дастанов о Чура батыре. Проведение подобной идеологии в эпической поэзии показывает полное народное доверие к герою. К тому же нельзя оставить без внимания и то, что Казань, Крым, Ургенч и др. территориии в сюжете дастана воспринимаются как близкие географические местности, этот факт также говорит об исторически оправданном единстве событий и государства во всех версиях и вариантах. Хотя дастан рассказывает о падении татарских ханств, но в то же время подсознательно поддерживает идею о единстве государства. Если иметь в виду, что в традиционных обществах родовая принадлежность и географическое происхождение играли ключевую роль в формировании личности, не сложно угадать причину идеализации Чура-батыра в народных произведениях. Эпос восхваляет не всякого героя, а именно своего батыра, выходца из своей среды. Такой постулат говорит в пользу гипотезы, что Чура сын Нарыка был родным человеком в первую очередь для Казани. Таким образом, даже если Чура родился в другом месте (по сюжету дастана он рождается в пути), он все равно воспринимается как казанец благодаря своему отцу. Это и создает генеалогическую связь между Чурой и Казанью. К тому же данный факт воспринимается как должное всеми тюркскими версиями, ибо исторически после распада государства Золотой Орды Казань стала важным культурным и политическим центром для многих тюркских народов [12].

Д.М. Исхаков приводит в своих исследованиях известные среди ученых родословные с именем Чура. Одна из них найдена на территории Башкортостана, другая – родословная «Карауджа» и третья – крымская родословная Аргынов [5, с. 120–125]. По мнению историка, связь между первой и двумя другими родословными проходит через Чура-бия и Кара Гуджу (Кара Коджа). Он связывает генеалогическую линию Чуры-бека с одной из четырех аристократических родословных беков в Казанском ханстве – кланом Аргынов. Среди приводимых Д. Исхаковым сведений есть те, в которых говорится о тюркских народных дастанах, имеющих реальные исторические корни.

Так, например, в родословной, найденной в Башкортостане, приводятся имена: отец Чуры Нарик, отец Нарика – Кукас. В татарских, крымскотатарских, казахских и нугайских дастанах имя Кукас фигурирует как: Кукеш, Кукешли, Тама. Чура-батыр о себе говорит: «Я Тама сын Кукеса (Кукеш)». И тут же автор приводит следующее сведение о Чуре-батыре, происходящее из рода тамьян-катай, впоследствии записанное башкирами: «... Мурза по имени Курек из рода Джагылбай был казаком... У Нарыка-бая от его жены Тансылу родился сын по имени Сура. Второй его сын – Ширин, родился спустя несколько лет». Имя Ширин встречается в казахских народных дастанах, посвященных Чуре-батыру. В эпосе Ширин представляется как сестра Чура-батыра. Это имя в тюркском мире получило известность начиная с эпохи Золотой Орды [5]. Историк Д.Исхаков связывает его с правящим кланом беков Ширинов в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах.

С конца XV в. Казанское ханство соперничало с Великим Московским княжеством, и в итоге в середине XVI в. было завоевано более сильным русским государством [12]. В исторической памяти народа этот факт истолковывается весьма своеобразно, и это грандиозное событие не могло не отразиться в эпическом фольклоре. Реакция на непосредственное влияние взятия Казани на казанских татар прозвучала в эпических жанрах народного творчества, и в первую очередь в дастанах. Героический дастан «Чура-батыр» дорог и ценен тем, что является своего рода эхом событий, воспринятых народом как национальная трагедия. Этот созвучный с национально-освободительной борьбой татарского народа эпос в историко-традиционном плане по своему стилю, форме бытования и распространения представляет огромный интерес для современной науки и широкой общественности.

Эпические мотивы, идеи, сюжеты и стиль общетюркского эпоса «Чура-батыр» в историческом масштабе имеют свое достойное место и выяснить это чрезвычайно важно. Жизнь и деятельность Чуры сына Нарыка приходится на период с начала по середину XVI в., точнее, то с 1500 по 1546 гг. Как показывают исторические источники, в 20-е годы XVI в. он занимал важный государственный пост при правительстве Казани; с этого времени начинается его активная политическая деятельность. В данный период истории

Казанского ханства, отмеченный правлением ханов: Сафа-Гирея (1524–1532), Джана-Али (1532–1533), снова Сафа-Гирея (1533–1546), Шаха-Али (царствует 1 месяц в 1546), Чура Нарыков является одним из тех, кого по праву можно назвать вершителями судеб страны. Поистине, эти годы стали самыми сложными и противоречивыми для народов, заселяющих Казанское ханство. Государственный трон занимали ставленники из Крыма или Москвы. Сафа-Гирей происходил из рода Гиреи в Крыму, Джан-Али и Шах-Али получили русское воспитание; они – сыновья касимовского хана, московского ставленника Шейха-Аулияра. Эти обстоятельства сыграли негативную роль во внешней и внутренней политике Казанского ханства, внеся раскол как в государственное устройство, так и в среду народа. В подобных условиях представляется весьма сомнительным, что в период, когда ханство как никогда нуждалось в сохранении самостоятельности, пришедшие извне ханы способны были решить эту задачу. Поэтому правление ханов-ставленников вызвало волну негодования и недовольства со стороны членов общественно-политических групп. Когда подобные протестные настроения созрели против хана Сафа-Гирея, оппозиция обратилась за помощью в Москву. В 1541 г. из Казани в Москву была отправлена делегация во главе с человеком по имени Чабык. В обращении к князю сказано: «Ныне казанским людям вельми тяжко, [Сафагирей] у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал, а земским людям великая продажа, копит казну да в Крым отсылает (П.С.Р.Л. VIII, 295)» [17, с. 101]. Естественно, в этих непростых обстоятельствах вести независимое управление Казанским ханством было весьма затруднительно. К тому же ситуацию усугубляла усилившаяся с 40-х годов XVI в. внешняя агрессия Русского государства в отношении восточных соседей. Не секрет, что последний период существования преемника Золотой Орды, некогда процветающего Казанского ханства, был ознаменован борьбой против колониальной политики усилившейся Москвы.

Какую же деятельность вели в этот политический период наиболее приближенные к правящим кругам мурзы и бии, которые составляли аристократическую прослойку государства? К сожалению, такие государственные деятели, как Булат-Ширин и Нурали-Ширин, Гаухаршад, Саит Боерган, Чура Нарыков, Кучак, Кадыш-мурза, Тагай-мурза и др., сплотив воедино ханское управление, не смогли объединить народ Казанского ханства в достижении одной общей цели. В период первой пол. XVI в., да и на всем протяжении существования Казанского ханства, в рядах правителей не было ни одного уроженца Поволжья, который из социальных низов достиг столь высокого положения благодаря своим способностям и талантам. Согласно положению, утвержденному в Золотой Орде, ханский престол в татарских государствах, в том числе и в Казанском ханстве, мог занять только джучид, т.е. представитель аристократического рода потомков Чингиз-хана. А в конце XV – первой четверти XVI в., хоть и на короткий период, но все же усилилось влияние московского князя.

В исторических источниках имя Чуры Нарыкова впервые упоминается именно в эти смутные годы. Как отмечает видный татарский историк Хади Атласи: «В марте 1526 года от хана Сафар-Гирея в Москву прибыли послы: Кази-бек, Чура-бек и Давул-бахши. На сей раз они встретились в Москве с Герберштейном, посланцем от Карла V» [1, с. 298]. Начиная с 1526 года Чура Нарык в исторической литературе личность весьма известная, поэтому в отношении последнего в своих трудах историк Х. Атласи употребляет выражение «известный политический деятель». Значит, в 1526 году Чура достиг того возраста, который позволял ему принимать участие в государственных делах. Известно также, что до 1546 года он состоял в составе правительства. Если даже принять во внимание то, что он погиб приблизительно в сорокалетнем возрасте, вполне вероятно, что вышеупомянутый посол по имени Чура-бек и есть тот самый Чура сын Нарыка.

В Толковом словаре слову «чура» дается следующее объяснение: чура – политический вассал ханов в период Золотой орды, военный предводитель [11, с. 447]. В исторической литературе есть масса примеров, когда в отношении Чуры Нарыкова применяется данный высокий титул. Таким образом, мы можем заключить, что Чура – представитель аристократического сословия, который жил в первой пол. XVI в. Титул «бек» («би», «бий», «эмир») присваивался тому, во владении которого был значительный участок земли [16, с. 190]. Крупные феодалы, как правило, происходили из аристократических родов. Если рассуждать, опираясь на законы Казанского ханства об общественном устройстве, то в распоряжении у Чуры-бека находилась земля, оставшаяся ему по наследству от его отца, а его вооруженное войско было под ведомством самого хана. По словам неизвестного автора «Истории Казани», Чура, помимо 500 служилых (проходящих военную службу – Л.М.) вооруженных рабов, владел также 1000 воителей-яугиров и примкнувших к нему князьями [7, с. 82].

Со временем Чура-бек начинает играть важную роль во внешней политике своей страны в вопросах взаимоотношений с Крымским ханством и Москвой. С 1526 по 1531 гг. – период сравнительно спокойный и стабильный в жизни Чуры-бека. В эти годы Чура-бек становится видным общественным деятелем, политиком, искусным дипломатом. С 1521 по 1531 г. казанский престол занимали представители крымской династии Гиреи (1521–1524 – Сахиб-Гирей, 1524–1532 – Сафа-Гирей). Во главе оппозиционной группировки против этих ханов стоял известный деятель Булат Ширин. После свержения в 1531 году хана Сафа-

Гирея оппозиция еще более активизировалась, увеличив в своих рядах сторонников в лице мурз и беков до 70-80 человек [17, с. 112]. Наиболее видными сторонниками этой партии выступали: Нурали Ширин, Гаухаршад, Саит Боерган, Кадыш, мурзы Отуча, Баубек, Чура-бек (Чура Нарыков), мурзы Кулыша и др. Активный период деятельности Чуры-бека как-раз и связан с этой группой. Представители партии считали, что крымское давление ничем не отличается от московского, т.к. изгнанный с трона в 1531 году Булатом мурзой и Чурой Нарыковым Сафа-Гирей в государственных делах больше опирался не на них, а на верных ему крымчан. Таким образом, ханство переживало новый виток потрясений. Оппозиция против хана в лице Булата Ширина, Чуры Нарыкова и др. усилилась, она вновь встала на сторону Москвы, и в тайных переговорах с русскими обсуждало пути избавления от неугодного им Сафа-Гирея. Скажем, в мае 1541 года казанские послы, приехав в Москву, передали о состоянии дел в ханстве русскому князю [17, с. 101]. Доклады ханских беков и мурз московскому правительству об обстановке в Казани стали в те годы обыденной вещью.

Далее деятельность Чуры Нарыка активизируется в 1546 году. К этому времени в Казанском ханстве авторитет группы политиков, в том числе и Чуры Нарыка сходит на нет, укрепляется влияние сторонником Крыма, активизируется торговля с ногайцами. Правительство ханства во главе с Гаухаршадом и Булатом Ширином спешит воспользоваться этими изменениями. Неожиданный переворот в политике Казани завершается дворцовым переворотом. И здесь важно отметить следующее: те из чиновников, которые остались недовольны переворотом, покинули свою родину и сбежали на территорию Русского государства. Среди них оказались: Шаабан и Шах-Булат Япанчи, Карамыш и Евлуш Хурсули и др. [17, с. 99]. Однако большинство представителей околовластных социальных групп в переломный исторический период остались на своих местах с намерением и далее служить своей стране и народу. Чура Нарыков был одним из них.

Но приход к власти Сафа-Гирея не привел ханство к самостоятельности. В начале 1545 года в Казани готовился второй по счету переворот по свержению Сафа-Гирея [8, с. 212–228]. Эти исторические перипетия также отчетливо отражаются и в дастане о Чура батыре. По известному в эпосе мотиву героического сватовства Чура, приехавший в Поволжье из Крыма с целью освободить отечество от врагов, свою невесту находит именно на Волге, а за своего друга Колынчака, которого встретил по дороге в Казань на Волге, сватает свою родственницу из Крыма. После путешествия на Волгу Чура возвращается в Крым. В одной из крымско-татарских версий [10, с. 167–183] казанские богатыри Караман, Сары, Колынчак испытывают Чуру, уложив спать на перину, видя, что Чура совсем не боится, признают его за настоящего батыра, т. е. через выставленное условие приходят к справедливому разрешению дел и т.д. Описанные в дастанах сюжеты невольно напоминают сложившуюся ситуацию вокруг ханской власти в Казани.

Наконец, готовившийся столь длительное время переворот в Казани осуществился в январе 1546 года – Сафа-Гирей был низвергнут с ханского престола. В Казани организовано временное правительство в составе Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чуры сына Нарыка, которое стремится к самостоятельной и независимой политики Казанского ханства. Деятельность партии в составе Булата Ширина, Гаухаршата, Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чуры-бека была направлена на отпор всяким внешним нападкам и притязаниям. В самые сложные и перипетийные этапы в жизни Казанского ханства им не раз удавалось находить компромиссные решения и выходить из них с честью и достоинством. Все эти непростые годы, используя дипломатическое мастерство, они стремились действовать рука об руку с казанскими ханами. Чура Нарык прежде всего был искусным политиком, который всегда был в курсе происходящих событий в стране и за ее пределами; он находил общий язык с простыми людьми [15, с. 120], старался услышать их чаяния и, как итог, – заслужил народное доверие.

По законам исторической последовательности, до трагедии в жизни Чура Нарыкова остается совсем немного времени. Шах-Али, пришедший к власти во второй раз, правит ханством всего месяц. Его авторитет в Казани сведен к нулю. «Несмотря на щедрые восхваления хана Шаха-Али из уст известного чиновника Чуры мурзы и его призывы к народу в проявлении послушания и верности своему правителю, подобные воззвания к подданным ханства не имели успеха» [15, с. 120], – пишет Р. Фахретдин. После сбежавшего Шаха-Али ханский трон вновь занимает Сафа-Гирей. И снова в Казани начинаются аресты и гонения на неугодных. На сей раз карательный жезл хана падает на Чуру-бека и его приближенных чиновников. В исторической литературе до этого была распространена версия об убийстве Чуры-бека от руки Сафа-Гирея в 1546 году. Как сообщается в исследовании М. Худякова и в «Казанской истории», «Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах. На Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до русской границы, он поселился в Касимове» [17, с. 111]. «Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, ... проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. ... Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его...» [15, с. 78]. Об этих же событиях Р. Фахретдин пишет следующим образом: «Шах-Али в праздник

Ид аль-Фитр бежал из Казани и, сев в лодку вниз по Волге направился в Москву» [15, с. 122]. В любом случае, возможно, Чура Нарыков и спроводил хана на побег, хотя прямых указаний на это в источниках не имеется. Таким образом, Чура-бек был приговорен к казни ханом Сафа-Гиреем. Жизнь Чуры-бека обрывается осенью 1546 года.

В дастане Чура-батыр храбро сражается с врагами, беспощадно громит вражеское войско. В конце дастана разгоряченный боевой конь батыра падает в Волгу, Чура-батыр тонет. Однако гибелью героя произведение не заканчивается. Далее в дастане говорится: «Позднее, после смерти Чуры-батыра, русское войско одержало победу и пала Казань. Через год после Казани русскими был взят и Хаджитархан (Астрахань. – Л.М.). Так закончился сказ о Чуре-батыре» [4, с. 158]. Дастан напоминает об отношениях между преемниками Золотой Орды – Казанью и Крымом, Казанью и Астраханью, Казанью и Ногайским ханством, а также Казанью и Русью в середине XVI в. Истина одна: утрата Казанским ханством былой мощи, взаимное непонимание и, наконец, трагедия. Эпический фольклор так или иначе скрещивает фольклорную и историческую память народа. Падение Казани в 1552 году стало трагическим событием и для татар, и для всего тюркского мира. В этом контексте фигура Чуры как защитника Казани приобретает особое значение. Его борьба за освобождение не только Казани, но и всех татарских ханств может быть воспринята как отражение стремлений народа вернуть утраченное.

Выводы. В истории известно, что эмир Идигей, хотя и не был потомком Чингисхана, был поднят народом, проживающим на территории Поволжья и Приуралья. Следовательно, он был близким героем для людей определенной местности. Предполагаем, что дастан о Чуре – продолжение «Идегея», так как нереализованные в Идегее цели продолжаются в Чура-батыре, герое следующего после Золотой Орды поколения. Эпос, посвященный батыру, который способен защитить свое племя, был духовной необходимостью для татар, так как народ всегда и во все времена нуждается в своем герое. Именно поэтому идея государственности, борьбы и победы, а также справедливого и смелого героя-правителя, выдвинутые в дастане «Идегей», продолжают свое существование в более позднем периоде в дастане о Чура-батыре. Народ в своем эпическом творчестве поднимает на пьедестал Чура-батыра, в его образе находит своего героя-предводителя, несмотря на противоречивости, связанные с исторической действительностью. Это связано с тем, что в исторической личности Чуры Нарыкова народ видел сильного, влиятельного человека, возможно, это и способствовало популяризации эпос-дастана, связанного с его именем.

В сюжете тюркских, в том числе татарских, дастанов героического характера о Чуре-батыре тесно сплелись судьбы героев Казанского ханства. Трагические события в эпосе восходят к трагедии Казанского ханства, преемницы Золотой Орды. Описывающее мужество и героизм главного героя Чуры сына Нарыка народное произведение в какой-то момент превращается в историческую хронику, перечислив подчинение друг за другом татарских ханств (Казанское ханство, Астраханское ханство) русскому царю в порядке исторической действительности. В дастане описываются отношения между Крымским и Казанским ханствами, между Москвой и Казанью. Чура-бек, славный потомок благородного тюркского рода, становится настоящим героем народных эпос-дастанов. Большая популярность этого героя в народных дастанах татар, нугайцев, казахов, крымских татар, башкир, киргизов связана прежде всего с исторической действительностью. В заключении небезосновательно утверждаем, что благодаря генеалогической связи через отца Нарыка, культурной идентичности, связанной с защитой родины, и исторического контекста падения татарских ханств Чура-батыр воспринимается как сын родной земли Казани. Судьба исторического Чуры Нарыкова, тесно переплетенная с Казанским ханством раскрывает сложную, полную трагических моментов и развязок жизнь этой легендарной личности в истории татар. Дастанный образ Чуры сына Нарыка демонстрирует противоречивую политику, которую он осуществляет в Казани. Во имя победы он ведет яркую непримиримую борьбу против своих врагов, но судьба его завершается трагически. Эпический Чура – идеализированный образ, реальный же Чура Нарыков – защитник целостности государства, который жил в очень смутное в истории Казанского ханства время, когда решалась дальнейшая судьба не только татарского, но и многих тюркских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атласи Һ. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 446 б.

2. Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 344 б.

3. Березин И. Турецкая хрестоматия. Т II. Казань: Тип. ун-та, 1862. 144 с.

4. Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар иҗатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 с.

5. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих. («Түләк һәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегәй», «Чура батыр» дастаннары һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО «Грумант», 2022. 160 с.

6. Исхаков Д.М. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 17–19.

7. Казанская история (Ист. повесть 16-го в.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

8. Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10, № 1. С. 212–228. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228

9. Орлов А. С. Казахский героический эпос. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 148 с.

10. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных и тюркских племен. Ч. VII. СПб., 1896. 528 с.

11. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. III. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.

12. Татары. Сер. Народы и культуры (2-е издание, дополненное и переработанное) / Сост.: Габдрахманова Г.Ф., Тишков В.А., Трепавлов В.В., Хакимов Р.С., Исхаков Д.М., Рамазанова Д.Б., Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Миргалеев И.М., Зайцев И.В., Аксанов А.В., Маслюженко Д.Н., Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р., Галлямова А.Г., Халиков Н.А., Сафина Ф.Ш., Донина Л.Н., Суслова С.В. и др. М.: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 799 с.

13. Труды общества изучения Киргизского края. Вып. III. Оренбург: Караван-Сарай, 1922. С. 117–126.

14. Урманчеев Ф. И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. С. 17–27.

15. Фәхретдин Р. Казан ханнары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 190 б.

16. Фәхретдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы. Борынгы заман һәм урта гасырлар. Казан: Мәгариф, 1996. 255 б.

17. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринтное воспроизведение издания 1923 г. – Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.

Сведения об авторе: Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

EPOS “CHURA BATYR” IN HISTORICAL CONTEXT

L.Kh. Mukhametzianova
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences

A scientifically based reconstruction of the image of the historical Chura Naryk, a political figure who lived in the Kazan Khanate. The article reveals the connections between the Tatar heroic epic and the history of the Kazan Khanate. The research materials are versions and variants of the dastan about Chura-batyr, as well as historical literature, where there is information about the activities of Chura son of Naryk. The study provides a new perspective on the role of Chura Naryk in the historical arena as a symbol of national identity and courage. The article also presents new interpretations of some key scenes that had not previously been considered in the context of their historical significance. The work enriches existing knowledge about dastan, emphasizes its relevance to modern society, contributing to a deeper understanding of the national cultural heritage.

Keywords: epic-dastan about Chura-batyr, Kazan Khanate, Chura son of Naryk, political activity, history, cultural traditions

About the author: Liliia Kh. Mukhametzianova – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

УДК 001.891.32

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭПОСА У МОНГОЛОВ*

А.Очир[1], Б.Нанжид[2], Н.Ганбат[3]
[1] Институт истории и этнологии АН Монголии
[2] Монгольский государственный университет образования
[3] Казанский федеральный университет

В этой статье предпринята попытка рассмотреть монгольский эпос как историческое явление и оценить общую дату его формирования и начальную фазу развития. При этом авторами не ставилась целью искать и находить конкретные исторические явления или факты, такие как исторические личности, исторические события и/или исторические места, чтобы использовать их в качестве средства приближения. Авторы стремились оценить и периодизировать развитие монгольского эпоса на основе сравнительного анализа исторического образа жизни, образа мышления, традиций и обычаев и символики по отношению к археологическим и этнологическим ресурсам.

Ключевые слова: монгольский эпос, устная литература, исторические истоки, этапы развития, сравнительный анализ, археологические данные, этнографические сведения, символизм, хронологический генезис, культурный резонанс

Монгольский эпос является весомым вкладом внесенного монголами в мировой фонд фольклёра. Со времен своего возникновения эпос претерпел немалые изменения и пройдя долгий путь развития обогатился и впитал в себя плоды одарённых умов многих поколении. Но, до сих пор изучение монгольского эпоса, в основном было направлено в исследовании его поэзии, как о феномене исскуства, его красочного выражения, о его образе, структуре, манере сочинении, сюжете и мотиве. Прежде всего эпос является, художественным произведением и следовательно такой подход исследования это должное. Всё же такие вопросы как, когда именно и как возродился монгольский эпос, какой путь развития прошёл, чтобы встретится с современностью, до сих так и не был основательно изучен. Особенно, по вопросу времени возникновения монгольского эпоса у ученых, до сих пор, нету единого мнения, до сих пор вокруг этого вопроса ведутся горячие споры.

Учёный проведший первую борозду исследования и первым затронувший вопрос происхождения эпоса монгольских кочевников был Б.Я. Владимирцов. Опираясь на исследование исторических трудов Рашид-Ад-Дина (конец XIII и начало XIV века) и на труд неизвестного грузинского автора (приблизительно XIV век), выдвинул гипотезу, что монголы, были очевидцами и жили в те времена когда стали появляться на свет первые ростки эпоса [23; 24]. Н. Поппе упоминая о широком отражении междусобных войн феодалов в эпосе констатирует, данный период был XIV–XVII веком, где возрождения и становления видов героического эпоса, и именно героический эпос Халха монголов ярко отражает междусобную войну феодалов XIV–XVII веков [67]. Далее, Г.Д. Санжеев пишет, что бесспорно монгольский героический эпос зародился в XII–XIII веках на основе камлания шаманов [72]. М.П. Хомонов: Монгольский народный эпос возник в раннем периоде II-й половины 1-го тысячилетия общего летоисчисления [83]. Г. Ринчинсамбуу: Самый ранний вид героического эпоса монгольского народа связано с периодом матриарха. Так, в эпосе женщина имеет большое право чем мужчина, берет на себя всю инициативу события, а роль мужчины показан как бы второстепенным. Такой образ именно преобладает в эпосах ойрадов, эхирид-булагадов, а также в некоторых эпосах халхов [71].

Одни учёные, при объяснении одного события описанного в китайских исторических хрониках связывает его с шаньюй Хунну, исходя из этого выдвинули гипотезу, что вполне возможно основа эпоса заложена в период империи Хунну (III век до нашей эры – I век нашей эры). Так, Маодун молвит, кто не последует ему и не выпустит стрелу будет казнён и после этого пускает стрелу в своего любимого коня. Некоторые из воинов пренебрегли его словам. И те кто пренебрегли его слова были казнены. Вскоре он пронзает стрелой свою любимую жену. И также он предал смерти тех кто не последовали ему и не пустили стрелу в его жену. Спустя некоторое время он пускает стрелу в скакуна своего отца и все его воины следуя ему не мешкая пустили свои стрелы в коня. Далее во время большой облавы Маодун, воспользовавшись удобным моментом, пустил стрелу в своего отца Тумена, и мгновенно туча стрел его воинов вон-

* Перевод статьи (доп. и перераб.): Очир А., Нанжид Б. Монгол туулийн үүсэл // Монгол туулийн үүсэл, соёлын давхарга. ШУА-ТУЗХ. МУБИС-БС. Улаанбаатар, 2022.

зились в тело Тумена. Так убив Тумэна Маодун взошёл на престол [47]. О.Латтиморе пишет, что такое описание не традиционно для китайских хроник. Скорее всего это отражение легенд и эпосов Хунну [107]. По мнению Г. Сухбаатара данное сказание о Маодуне связано с зарождением эпоса в хунский период, а китайские летописцы воспользовались этим [74]. Ш.Гаадамба считает, что эпос возник в переходном периоде от матриархата к патриархату, как он пишет, в эпосе сохранились архаичные виды других легенд и сказок, а историческое содержание в полной мере не нашло своего отражения [26]. Е.М. Мелетинский констатирует, что корень тюрко-монгольских героических эпосов было заложено в VI веке нашей эры, когда кочевые скотоводы переходят от родо-племенного строя к военно-племенному союзу и далее восходят к феодальной государственности, что в сущности имела героические свойства, оно и послужило обществу основой сочинения эпоса [48]. По мнению Ринчиндоржа, не только монгольский героический эпос, а вообще монгольско-тюркский героический эпос зародился у лесных народов Сибири. Согласно Монгольской истории, ранее 1500 лет многие монгольские племена жили по соседству совместно с тюркскими племенами на территории южной Сибирии и Центральной Азии. Это и является периодом зарождения эпоса [69]. По их мнению, период 1500 лет назад это начало VI века. Цитируемые здесь учёные отмечают время возникновения эпоса как период VI века, и это как бы напоминает тот период когда с запада на территорию современной Монголии начали проникать племена тюрков. И некоторые учёные как бы вскользь намекают, что из-за близкого соседства монголов и тюрков стали появляться монгольские, тюркские эпосы. Вообще есть такие трактовки некоторых советских ученых, где под одним общим наименованием тюрко-монгольский эпос, совмещают эпосы двух народов.

Ученые, изучившие «Сокровенное сказание монголов» указывают, что данное произведение унаследовало традиции стихотворного изложения монгольского эпоса и описание персонажа. Всё это доказывает, что эпос существовал еще задолго до написания данного источника. Далее вышеуказанные исследователи считают, что в некоторых частях «Сокровенного сказания монголов» использованы традиционные выражения и некоторые формы стихов эпоса. Такое мнение выдвинули учёные В.В. Бартольд [10], А.С. Козин [46], В. Хайссиг [105], Г.И. Михайлов [49; 50], Л. Леринц [Lörincz 1975], Поуха [108], Шаракшинова [94], Неклюдов [56], Г. Билгуудэй [14] и др. Так, А. Очир проводит исследование термина **мангас (manggus**), дважды упоминающего в «Сокровенном сказании монголов» и по ходу объяснения смысла и происхождения этимологии данного слова, подчеркнул, что образ “мангас”-а в «Сокровенном сказании монголов», особенности и формы его описания как нечто обладающий нечеловеческой силой и жестокостью, само по себе доказывает, что героический эпос существовал задолго до написания «Сокровенного сказания монголов» и уже тогда этот образ был воплощенным и устоявшим, которого без каких–либо разъяснений люди того времени воспринимали [59]. Далее автор также высказал мнение, что задолго до XIII века эпос во всех своих формах уже был сформирован. Д. Цэрэнсодном выдвинул гипотезу, что в героическом эпосе более позднего периода присутствует влияние ведения генеалогий монголов, что несомненно является интересным и привлекающим внимание фактом. Следуя вышесказанному гипотезу можно предположить, что это связано с возникновением монгольской письменности, а это приблизительно, 1500–2000 лет назад [93].

Как было выше сказано, мнения ученых о дате возникновения эпоса монголов сильно расходятся во временном промежутке. Если некоторые исследователи указывают, что матриархат это самый ранний период, то другие придерживаются мнения, что в XIV–XVII веках нашего летоисчисления монгольский эпос принял свой окончательный вид и устоявшую форму. По мнению историков матриахальный строй начался приблизительно 40000 лет назад [53]. Исходя из этого следует, что мнения ученых о дате возникновения монгольского эпоса, как было нами вышесказанно, расходятся между собой и при этом это расхождение растянута на несколько десятков тысячилетий. И то, что мнения ученых расходятся на таком большом временном промежутке, чересчур сомнительна и не вызывает доверия. Такой результат с одной стороны, показывает уровень современного исследования о происхождений эпоса монголов, с другой стороны напоминает о надобности серьезного пересмотра методики исследования о происхождений и датировки эпоса монголов.

В данной статье, мы попытаемся подойти к эпосу как историческому явлению, а временным ориентиром будет общая дата начальной стадии развития эпоса. Но, при этом не будем акцентировать внимание на исторических личностях, исторических событиях, исторических местах, исторических явлениях и документах и т.д., чтобы ориентироваться по ним. Ставим цель выяснения, происхождения и датировки монгольского эпоса в общих чертах, при этом используя сравнительный метод сопоставим этнографические атрибуты и артефакты выявленные в ходе археологических исследовании, историческую среду, мышление, традиции. Следует отметить, что исходя из таких рассуждении как, отсутствие письменных доказательств о монгольском эпосе, в том числе источниковых сведении о его происхождении и развитии, мы вынуждены были выбрать вышеуказанный метод. В последнее время ученые стали пользоваться новым методом, это лабораторное исследование естествознания (C14) определяющий возраст артефактов и

результаты полученные этим методом используют в своих научных исследованиях. Следует особо подчеркнуть, что сей новый, научный метод естествознании по определению точного определения возраста артефактов очень облегчила нашу работу. Исходя из результатов исследовании можно сказать, прямых доказательств гласящих и подтверждающих, что оно относится именно матриархату в монгольских эпосах не фиксируется. Мы не считаем, что в устной литературе одно только упоминание женщины в роли главного героя и является неопровержимым фактом отражающим существование матриархата. Матриархат начинает своё летоисчисление 40000 лет тому назад и в то время только появляется разумный человек (homo sapiens). С другой стороны в то время скотоводство как таковой еще не образовалось и человек пока еще не научился обращаться с луком и стрелой. Поэтому, это необоснованное доказательство, что в такой ранний период возник эпос. А вот отражение патриархата в монгольском эпосе очень даже частые и при том ярко выраженные. Далее одно из часто повторяемого жанра в эпосе-герой, чтобы взять себе в жены девицу из дальних краев, преодолевает многочисленные препятствия и трудности. Данная традиция, когда воин выбирает себе в жены девицу из дальних краев, несомненно, является традицией патриархата, где был обычаи сватания (экзагами) из дальних краёв. С другой стороны, битвы, постоянно описываемые в эпосах, невозможно отнести к матриархату (период каменного века). На наш взгляд, битвы описываемые в эпосах это ничто иное как междусобные войны племен и родов. Многие роды и племена, с различием культуры и языка или без различия, в период бронзового века бок о бок проживали на территории современной Монголии и на его сопредельных землях. Если упомянуть некоторых из них, то это хозяева культуры Мунх хайрхана, далее хозяева типа “Сагсай” захоронений и хозяева захоронений покойного лицом вниз, также хозяева оленных камней, хиргисуров и хозяева плиточных могил [66]. Эти племена постоянно шли на смертный бой за право владения скотом, имуществом, пастбищем, землёй, женщин и детей. Наверное, битвы многих родов, племен периода бронзового века, имена которые выше были как приведенные так и неприведенные так или иначе отразились в монгольском эпосе. Затем, из эпизодов описываемых в эпосе можно, также, проследить такие признаки как формирование родов и племенных союзов. В большинстве эпосов встречаются эпизоды возвеличивания самого удалого воина племени ханом с тронным именем. Но, при этом, они не являются ханом управляющим государственными войсками, и даже не являются полководцами, а просто воином, который выходит на поединок с соперником, что ясно видно из событий эпоса. Поединок с противником, это обыденное явление для предводителей родо-племенного периода. В результате постоянных вооруженных стычек среди родов и племен, проживавщих в древний период на территории современной Монголии и на его сопредельных землях, воины герои, главы родов и племен стали создавать союзы и объединяться против общего противника. Что нашло своё отражение в монгольском эпосе, часто описываются сцены скрепления братских узов, создавание союзов и присягание на верность героев эпоса. При присягании на верность друг другу, они проводили специальный ритуал. При этом, они обменивались стрелами, облизывали лезвие меча, пролезали под тетиву лука, также пролезали под коня, также порезав большой палец или мизинец пили друг у друга кровь, также пили материнское молоко у кого-нибудь из присягаемых или завязав хвост и гриву своих лошадей вместе пролезали под ним, такие обряды подробно описаны в эпосах Хүлэг-Эрдэнэ [88, с. 138], Талын хар Бодон [75, с. 119], Дуутай мөндөр [39, с. 47]. Кроме того, воины и главы племен создавая воинский союз, клялись на верность друг другу и обещанию, как например, **«и в кровавых войнах, и на пиру раздольном быть вместе»** в эпосах Догшин Чингил [34, с. 41], Арын өнчин Яргай [8, с. 422]; Даньхүрэл [30, с. 175]. И если воин-герой отступит от клятвы, он должен понести строгое наказание. Также в эпосе победивший герой пьёт кровь побежденного врага, и ест кусок его плоти, а в некоторых случаях описывают как победитель трижды пожевав кусок плоти изверженного противника выплевывает как например в эпосе «Эзэн улаан бодон» [95, с. 774], «Хүдэр мөнгөн тэвнэ» [87, с. 241], Бум-Эрдэнэ [20, с. 120]. Так, вкусив мясо и выпив крови глоток побежденного врага, победитель как бы впитывал в себя силу и мощь противника (рода) [15; 104], с другой же стороны это было ритуалом кровной мести. В некоторых эпосах герой разрубает (разрывает – А.О.) противника от плеча до поясницы, рвет его от бедра до груди, и проломив рёбра вытаскивает его внутренности, и капнув кислую желчь в его же глаза, и покрывает пленкой жира лицо поверженного, далее трижды глотнув бурлящую кровь алую из сердца ... , трижды откусил дергающее мясо бедра и как только пожевав выплюнул, ощутил как сила неимоверная прибавилась у гунан (трехлетнего) богатыря Хүдэр мөнгөн тэвнэ [87, с. 239–241, 298], Эзэн улаан Бодон, Хаан цэцэн Зурхайч [78, с. 595], Зул-Алдар хаан [45, с. 940]. Исследователи отмечают, что такой ритуал был и у других народов родо-племенного периода. Почитание дерева у древних монголов зафиксировано в артефактах и нашло своё отражение в эпосах. Когда Хэцүү Бэрх выбрав самых упитанных лощадей из табуна, умертвив их воздвиг из девятислойного *белого* кремня (каменный – А.О.) трон перед развесистым деревом, сделал подношение тушью коней небу, и прогремел голос черного дракона, обволокло всё вокруг густым чёрным туманом и вся одежда и прочие вещи сугубо мужское взлетев ввысь развещаны были на дереве. Далее к нему седло, уздечки, щит, сабли и колчан (с небес А.О) как описывается в эпосе Эрийн сайн Хэцүү Бэрх [101, с. 64] сошли.

Так, Хэцүү Бэрх приобретает все мужские атрибуты. Вот так Хэцүү Бэрху попросившего небо соизволить ему всё нужное, снисходит с небес посредством развесистого дерева. В этом случае развесистое дерево соединяя небо с землёй выполнило свою функцию мирового дерева. Также, в эпосе "Арын өнчин Яргай" /сирота северной (земли) Яргай/ герой по возвращении из охоты:

Встретив мальчика в пелёнке
В тени тополя
С совой отвлекающей
С берестяным одеялом
молвил
Поди, от отца Хан Хурмаст рождён
От матери с Хар Лус (чёрной повелительницы водяной стихии)
любезно преподнесена (*Арын өнчин Яргай* [8, с. 374]) и берёт с собой.

Отличительным признаком мальчика рождённого небом служит то, что он в тени тополя, с берестяным одеялом, связывается с почитанием дерева, где дерево выступает как знак неба. Издревле монголы почитают березу как небесное дерево и поклоняются берёзе и воздают почёт её коре. По шаманскому обычаю приукрашивание молодой березы и преподношение его небу, считалось сильной молитвой [63].

До недавнего времени считали, что береста обладает магической силой и строго соблюдали традиции её почитания. Заворачивание тела почтенного человека в миру в бересту было даже и у народа Сяньби, кочевого государства (III–IV век) [63]. Отрицательному герою эпоса «Бум-Эрдэнэ» Мангасу или же властителю восточных небес приснился плохой сон и чтобы протолковать сей сон, он едет искать тётю свою шаманку Хэрэнхий зандан удган, которая жила возле истока реки, у одинокого дерева и найдя её рассказал нужду свою ... и она молвив ему мол "я помогу тебе" обратив взоры свои к одинокому дереву с плачем и припеванием начала она камлание и стала призывать духов-онгонов [20, с. 19]. Здесь шаманка обожествляя дерево стремится получить у неё силу и мощь духов-онгонов. Поклонение дереву у монголов было с древнейших времен, что также подтверждается артефактами выявленными в ходе археологических исследовании. Так, на оленных камнях, обнаруженных на сегодняшний день зафиксированы зарисовки деревьев. По мнению учёных, на ниже перечисляемых памятниках, это Хөшөөт 3, Нарийнтээл сомона Увурхангай аймака, местности Зуны гол-6 Тумурбулака сумона, Хубсугул аймака, местности Хиргисүүрийн дэнж-2 Баянхонгор аймака, местности Шургахын ам-13, Тэлмэн сомона Завхан аймака [51: II-80-81, II-89, II-281] фрагменты рисунков изображённых на оленных камнях и есть ничто иное как дерево. Изображения ветви дерева на тыльной стороне оленных камней времен бронзового века, неоспоримо доказывает, что древние монголы с оглашаемого здесь периода почитали дерево. Традиция почитания дерева у монголов соблюдалось и в более позднее время. На войлочном ковре хуннов изображено дерево с тринадцатью ветвями, а на стыке XII–XIII веков монголы возвеличив Хотола ханом, устроили танец вокруг развесистого дерева [109], далее в более поздних источниках, то бишь в сутрах или же в священных писаниях о жертвоприношении говорится, что преподносили святую часть еды-"дээж", то есть окропляли развесистое дерево, вокруг которого должны совершить танец и слова прощении громко восклицали [29], из вышеприведенных примеров видно что, культ дерева у монголов существовал в течение долгого времени.

В монгольском эпосе часто встречаются цифры применённые как символика. Наиболее часто использована цифра "**три**" и ее последовательные интегралы. В эпосах богатыри спят три года [39], **Просторный и белый дворец с трехслойной дверью** [1], **на коня надел трёхслойный железный недоуздок и стреножил трёхслойной железной стреногой** [42], **вынюхивал даже бычка три года тому назад умершего** [99], и **хозяин подходит к олене-гнедой кобыле, родившего гнедого жеребенка со звездочкой на лбу, который трижды перевернувшись по кругу солнца обмотал пуповину свою красную на животе своем** [35]. В эпосах описывают героя, как впервые стригут его волосы, по исполнению трёх лет, также достигнув трех лет герой уже становится мужчиной и отправляется в военный поход, далее достигнув трёх лет выбирает себе жену. Так, цифра **"три"** в монгольском эпосе выражает смысл **полности и целостности, не тающий обиду и не держащий за пазухой камень, имеющий недюжинную силу.** Символика данной цифры "**три"**, по-видимому появилась в связи с представлением о трёх мирах монгольского шаманизма, который состоит из верхнего, среднего и нижнего миров. Цифра "три" еще охватывает и воплощает в себя весь шаманский мир, поэтому может быть оно символизирует полность и целостность, имеющий силу, не тающий обиды. В монгольских эпосах число три часто встречается в таких символических разрядах как 2 (3x2), 3 (3x3), 4 (3x4), 5 (3x5)... 10 (3x10), 11 (3x11) *Догшин Чингил [33]; Үүлэн Тив; Сариг цагаан ингэн, тураг цагаан ботго /захчин хувилбар/ [73] Нэгэн зуун тавин насыг насалсан хөгшин луу мэргэн хаан [57], Зул-Алдар хаан [45]; Алтай ноён галуу хүү [4] Эрийн сайн Эринчин мэргэн [102]*. Более того, в эпосе фигурирует число 6012 (3x2004) [32]. Таким образом, число три символизирующий три мира в целом, возводится во множественные разряды, тем самым усиливает выражение и создает художественно преувеличенный образ эпоса. Однако из эпосов видно, что монголы любое явление или

предмет соединяя по три и считая его как одно целое, считали его одним общим числом, далее возводили в степень и эту возведенную и сильно преувеличенную сумму применяли в обиходе не иначе как художественное преувеличение. В процессе исторического развития этот метод стал частью философского подхода монгольских шаманов как к материальному и так и духовному наследию и стала частью его мировоззрения. И это философское содержание числа "три" широко отражено в монгольских эпосах. Другое число часто встречающееся в эпосах это семь. В эпосах часто можно встретить такие выражения как **семь черных гор** [75], **семь черных ведьм** [89], а в некоторых эпосах повествуется о том, как убив уйму кобылиц **нанизал их на семь "харгай" (лиственниц)**, разведя костёр размером с гору обжарив их сьедает [30], также есть такие выражение как **семь разбитых чашек, остаток еды в семи домбо /чайный сосуд или сосуд для еды/ и обиды семи голов** [80]. Кроме этого встречаются **семь голодных и лысых мангасов, волк с семью гривами** [85]**,** а душа мангаса находится в **семи черных воронах** [6] и т.д. В монгольских эпосах цифра семь чаще всего используются как измерительное числительное указывающее количество животных, предметов, связанных с отрицательным героем и используются в негативном смысле. Войнов бесчисленное множество, как число волос в гриве **семи пегих коней** [5], **семьдесят семь хаанов нижнего Луса** [88], у Аваргас-хана **семьсот тысяч лучников, семьсот тысяч мечников, семьсот тысяч копейщиков и семьсот тысяч воинов** [33]. Кроме этого использование числа семь многократно возведенного в степень в эпосах как, семьдесят семь, семьсот, семьсот тысяч имеет аналогичное символическое значение со смыслом числа семь. Здесь с помощью многократно возведенного числа создают картину преувеличенной силы. Число семь и его многократно возведенные разряды, упоминающиеся в эпосах, не только указывает количество предметов, связанных с отрицательным героем, но также указывает число владык нижнего мира или животных представляющих нижний мир, так например, **семьдесять семь лус** (представитель водной стихии ввиде животного. Талын хар Бодон [2001], **Хаан нижних семидесяти семи улус** [88], сердце богатыря поднесено **хаанам луса и нижних семидесяти семи улусов** [98], **семидесятитысячелетний черный, бугристый Бух** [75] и т.д. Кроме этого монголы используют число семь в негативном смысле, **семь худших, семеро лысых, семь плохих предзнаменований** и т.д. Всё это связано с шаманизмом. Согласно монгольскому шаманизму, существует **семь плохих небес навлекающих беду**. Они свирепые небеса востока, и если их разгневать, то они правят злом и навлекают беду людям и животным [64]. И поэтому для умиротворения свирепых восточных небес, монголы преподносят и делают неприкосновенной бурую лошадь. Негативное отношение монголов к числу семь по мере возможности обходит его стороной корнями уходит в глубокую древность и тесно связана с шаманским представлением о семи плохих небес навлекающим беду [64]. Приведенные выше примеры показывают негативное отношение монголов к числу семь, что широко отражена и в эпосе. Символика связанное с числом семь возникло в ранней древности. Свидетельством этому является круглый **семилучевой хиргисур**, расположенный вблизи монастыря Манзушир, сомона Зуунмод Центрального аймака Монголии, и также хиргисур с семью строениями расположенными внутри ограды находящийся у Пунцаг овоо. Семь расходящих линии и семь строении этих хиргисуров свидетельствуют о том, что древние монголы начиная с бронзового века пользовались числом семь как символ. Еще одно число, которое часто упоминается в эпосе – тринадцать. «**Тринадцать остроконечных вершин Алтая»** [81], **Тринадцать извилистых черных гор Алтая** [8], **Тринадцать ритмичных мелодии** [88], **Тринадцать** (хороших А.О) **приметов скакуна** [33], **Алтай состоит из тринадцати гор** [Алтай Чингэл баатар 2006], герой эпоса имеет **тринадцать спутников** [75], настоящий мужчина кушает **тринадцать чашек еды** [30]. Кроме этого герой эпоса кочует **на расстоянии тринадцати переездов**, и почитает **тринадцать овоо** [5]. Кроме этого в эпосах повествуется о **тринадцати родниках** [54] дарующих вечную жизнь, о **тринадцати золотистой масти коней** [39] и о **тринадцатилетнем богатыре** [2]. Так число тринадцать, часто упоминаемый в монгольских эпосах, распространена в монгольских священных сутрах, посвященных ритуалу жертвоприношении и воссылании молитвы духам, также символика связанная с данным числом прослеживается в устных сказаниях и преданиях монгольского народа [63]. Само выражение тринадцать "овоо" и тринадцать священных писании по жертвоприношению и воссылание молитвы духам, упоминаемые в эпосах возникли в глубокой древности и дошли до наших дней, что является одним из особенностей. В качестве доказательство, приведём некоторые примеры. Так, в 2001 году Д. Эрдэнэбаатар раскопал и исследовал один хиргисур в местности Хар говь, расположенном на территории сомона Мунххайрхан, Ховд аймака. Данный хиргисур в посередине имел каменный насыпь и на определенном расстояний был окружен каменной оградой, воткнутыми в землю по окружности. При расчистке каменной насыпи хиргисура, высотой 2 м и снятии грунта, были обнаружены каменные кладки ввиде расходящих линий от центра к внешнему кругу. Всего таких расходящих каменных линии ввиде лучей было **тринадцать**, и камни были выложены в цепочку на определенном расстоянии [96]. К северу от ограды хиргисура также были выявлены **13 культовых сооружений,** расположенных полукругом [96]. Отсюда видно, что число тринадцать, часто прослеживаемый в монгольских эпосах, является древним, численным символом поклонения. Результаты радиоуглеродного анализа (С-14) лабо-

ратории естественных наук, сделанных на органических предметах (кости, дерево, травы и т.д.), выявленных из хиргисуров Монголии указывают, что культура хиргисуров существовала примерно более 600 лет до середины XIII-VII веке до нашей эры [13]. К данному отрезку времени хиргисуров относятся и хиргисуры в Харгоби и Манзушира, а также хиргисуры «Пунцагийн овоо». Таким образом, символическое значение чисел тринадцать и семь возникло в глубокой древности. Результаты анализов по определению возраста археологических находок показывают, что числа тринадцать и семь, используемых в настоящее время в монгольских эпосах и в ритуалах жертвоприношении и воссылании молитвы духам, появились приблизительно 3000 лет тому назад. Тогда возникает вопрос: В чем же символическое значение тринадцати ? Памятником, выражающим символическое значение тринадцати является 13 каменных насыпей овоо (обо). Так, каменные насыпи овоо имеют три разные структуры. На берегу озера Дургун, Чандмани сомона Ховдоского аймака есть композиция из тринадцати овоо /обо/, где в центре находится один высокий каменный насыпь, а вокруг него расположены двенадцать маленьких овоо. Местные жители называют его «Жанжин овоо» или «Воевода овоо» [61].

• Овоо /обо/ сооруженное и сохранившееся до настоящего времени на перевале Алтая Улаан (солби-пересекающиеся) в центре тоже имеет один высокий овоо и шесть маленьких, последовательно расположенных к западу и к востоку от него, составляющих один целый комплекс риутального сооружения и их всего тринадцать.

• На горе «Оорцог», Тувшин ширээ сомона Сухбаатарского аймака есть комплекс ритуального сооружения овоо, где в центре возвышается один большой “обо” и по три малых “обо”, последовательно расположенных от него на четырёх сторонах света, всего тринадцать “обо” [63].

Во всех вышеупомянутых ритуальных сооружениях в центре возвышается один высокий “обо” и оно олицетворяет вертикальную ось (дерево мира), соединяющую верхний, средний и нижний миры. Хотя структура и организация приведённых здесь трех “обо” различаются, количество, символические цифры и смысл в целом одинаковы. Так, двенадцать “обо”, расположенных вокруг главного “обо” – олицетворяют горизонтальный ось мира и предназначены владыкам сторон света и тенгри /небесам/ [63]. Таким образом, число тринадцать не только представляет собой верхний, средний и нижний миры, и соединяющий эти миры вертикальную ось, но также является числом сооружении представляющих владык сторон света и тенгри /небес/ среднего мира (земли), населенного людьми и животными. Следовательно, число тринадцать представляет весь мир древних кочевников согласно традиции шаманизма, и по сути, является моделью, включающую в себя структуру, строение трех миров. Более того, число тринадцать символизирует **совершенство, целостность, комплектность** всех вещей и явлений, а также **исполнение тех или иных желаний** [63]. Также следует подчеркнуть, что число тринадцать и в монгольском эпосе выступает в вышеупомянутом символике. На этот раз анализ чисел встречающихся в монгольском эпосе мы ограничили, тремя числами: три, семь и тринадцать. В связи с тем, что ранее ученые С.Дулам и другие, отдельно исследовали символику числа монголов [37], мы не будем повторяться. Герои монгольских эпосов носят серьги в ушах. И обычно в левом ухе носили одну серьгу. В эпосе говорится, что левое ухо героя было проколота насквозь большой золотой иглой и проделано (для ношения серьги А.О) отверстие [22]. А две серьги носили в левом и в правом ушах. Скорее всего эти серьги были довольно больших размеров. Как гласит эпос, перед поединком с врагом или перед состязанием с соперником герои снимают серьги. Например, ... **снял с уха зеркально-серебрянный “сийк” (серьгу) размером с тором /двухлетнего верблюженка/ и начал бороться** [20]. На оленных камнях, а также на каменных изваяниях плиточных могил в Монголии выгравированы серьги. Если присмотреться к известным в настоящее время оленным камням и надгробным каменным изваяниям плиточной могилы на которых изображены серьги, то можно проследить, что то у некоторых из них как с левой, так и с правой стороны гравированы серьги, а у некоторых серьги гравированы только с левой стороны [51]. Также следует отметить, что как на оленных камнях так и на надгробных каменных изваяниях плиточных могил выгравированные серьги довольно больших размеров. Расположение и общий вид серег у героев эпоса и на оленных камнях и на каменных изваяниях плиточных могил, имеют общие черты и имеют сходство друг с другом. Поэтому можно смело констатировать, что они по идеологии, цели и обрядов были как бы одним целым. В монгольском эпосе как в прямом виде так и косвенно немало говорится о олени и поклонение ему.

У чёрной горы Адарган /куст/
В темных дебрях леса,
что на севере
Живёт щуплый, серый олень
маленького роста
И промежь темени того
серого оленя
Душа его величавая почивает [87].

Хухэлдэй-мэргэн /меткий-Н.Г.,/ убил четырехлетнего оленя красной масти и его отца с матерью, и три года поклонялся их головам, и в один день эти головы испуская радугу озарив все вокруг ярким светом поднялись в небо [84]. Что касается голов оленей, убитых Хухэлдэй-мэргэн /меткий/-ом то, согласно мировоззрению монгольского шаманизма душа любого живого существа через три года после смерти воскресает и отправляется к предначертанному месту [9; 68], и согласно этому духи этих трех оленей, то бишь отца, матери и его дитя, вознеслись на небеса. Отсюда видно, что идеология эпоса тесно связана с идеей и понятиями шаманизма. Когда впервые постригали волосы сына главного героя эпоса "Хүдэр-мөнгөн Тэмни", отец мальчика спросил: Кто наречёт имя моему сыну (кто даст ему имя)?, Кто коснется рукой (пострижет) золотых прядей?, но никто из сидящих справа или слева не проронили ни слова. Вдруг распахнулась дверь и вошел старик с длинной белой бородой, подпоясавшийся кожанным **бушгаг** (кушак из камуса оленя А.О.), постриг золотые пряди мальчика, достал из сундука ихнего седло, узду, броню, колчан, дал их мальчике, да вдел "**сийк" (серьгу) в левое ухо мальчика**, да шлем надел ему на голову, пожелал, чтобы его конь был быстр как перерожденная быстрая бурушка. Старик дал мальчику имя "Золтаа тургэн /быстрый Удалой/ богатырь", и цветной радугой обратившись вознёсся в небо через дымовик юрты [87]. Здесь старик описывается как небесный ангел, и то, что он подпоясался кожанным кушаком из камуса оленя, указывает, что он почитает оленя. Возможно, кушак из камуса (шкуры) оленя служит знаком и напоминает, что его оберегом является олень. Традиции почитания оленей встречаются и в других эпосах:

Заргаг из оленьей кожи (дэли из кожи оленя, не кроенный материей, тканями)
Мальчики с красными чувяками затянутыми
Прислоняясь друг к другу ключицой и лопаткой (опираясь А.О)
Взявшись за большие и указательные пальцы

Днём и ночью съезжалися, три дня собиралися [88]. Также, в эпосе "Джангар" говорится, что душа мангаса находится у олени и оленихи унги /корень/ дерева [41]. В период родового строя, люди носили одежду сделанную из шкуры почитаемого животного, накрывались ими и имитировали их движения, также рисовали их на своих телах и танцевали, подражая этих животных [104]. Все это указывает на то, что они почитали животных онгонов, выражают родственные с ними связи, а также желание получить их защиту. Древние люди также танцевали и при проведении похоронных обрядов. О том, что этот обычай практиковался и у протомонголов, свидетельствует выгравированные изображения танцующих людей стоящих в один ряд, на каменном ограждении плиточной могилы. Также немало строк посвящена косам героев эпоса. Во время поединка витязи завязывают косы. С другой стороны, если во время поединка если завязанный узел косы сама по себе развязывалась, то это предсказывало его поражение. В эпосе говорится "... носит булавку серебрянную с видом льва **вплетенную в косу** [87], молодец с лицом румяным, идёт **покачивая "хохол**"-тэвэг (косы с челкой**)** [39] **Черная косичка**, с прилипшей грязью ста верблюдов-самцов [77]" и так далее. Заплетённые и свисающие у виска косички изображены и на оленных камнях и на каменных ограждениях плиточной могилы. Неслучайно герои эпоса и изображения на оленных камнях и рисунки на каменных ограждениях плиточной могилы имеют идентичные косы, это отражение того, что мужчины в то время носили косы. Изображения кос на оленных камнях и на каменных изваяниях плиточных могилах похожи на косу – "**тав гэзэг**" (косы на затылке), которую носили чиновники стоявшие на службе государству в XIX и в начале XX веках. Оленя (олениху), лося, волка и медведя [68, с. 215] шаманы считают ездовыми онгонов. Также шаманы рисуют на бубнах обтянутой кожей изображения животных, из шкуры которых сделаны данные бубны. Они также считают, что бубен является проводником в иной мир. Так, если шаман обтягивает свой бубен шкурой оленя, шаманка пользуется шкурой оленихи [68]. У шамана этнической группы баргов на лицевой части бубна нарисован олень (олениха) [68]. На оленных камнях сконцентрированных и рассеяных по всей территории Монголии оленя изображают как в одиночном виде так и большими группами. Так при выгравировании силуэта оленя изображают сплошь обвившим стеллу вокруг и при этом часто изображают оленя с чуть поджатыми ногами и его морда устремлена вверх, создается впечатление как будто олень рвется ввысь. При этом морда оленя изображается узкой и удлиненной как клюв птицы, а рога витиеватые, разветвленные и как бы лежат на его спине и оленя изображают в стремительном движении, как будто парящим ввысь. Такая композиция и изображение оленя на оленных камнях делают его как бы летящей в небесах. Кроме этого на оленных камнях в таком же стремительном движении изображают и олениху. Как упоминалось выше, метафизичный стиль изображения оленей на оленных камнях, по шаманскому представлению олень – это ничто иное как ездовое животное духов. Тем более такое абстрактное изображение оленей еще больше усугубляет дух суеверия и поклонения. Исследователи отмечают, что оленные камни являются памятником, посвященный богатырю воину. Следовательно, оленный камень и выгравированные на нём олени являются ездовыми животными духов усопших воинов или возможно шаманов для сопровождения его в иной мир. Рассуждение некоторых исследователей, то бишь "олень изображенный на оленных камнях является выражением

суеверия, что он является ездовым животным и проводником души усопшего в иной мир" [13], полностью совпадает с нашим мнением. Так, вышеуказанное поветствование о том, как головы оленей, то есть души убитых метким Хухулдей вознеслись в небо, совпадают с изображением и содержанием оленных камней. Если это так, то можно смело констатировать, что шаманское верование о том, что олень является ездовым животным душ усопших и онгонов, одинаково нашло своё отражение и в эпосах и на оленных камнях. Животные и предметы описанные в монгольском эпосе часто выгравированы на оленных камнях. Так, например, на оленных камнях помимо изображений оленей (олених), людей, есть образы лошадей (скакунов), свиней, собак, лис, тигров, леопардов, волков, горных баранов (архаров), косуль, коров, лягушек (жаб), змей, зафиксированы несколько видов птиц, медведей и лосей, кроме того на стеллах бывают изображены клыки диких животных, ожерелье, косы, человеческое лицо, знамя, солнце, луна и другие небесные тела. Из оружия и воинских атрибутов изображены кинжалы, различные ножи с кольцом на рукоятке, горбатые ножи, мечи, копья, доспехи, луки, стрелы, колчаны, щиты, булавы, боевая секира, ремни, ремень на двух концах которых прикреплены чугунные зубчатые шарики для метания и нанесения удара, точильные камни, кнуты, шлем (защита переносицы), палица и т.д. [52]. Большинство упомянутых выше атрибутов, изображенных на оленных камнях описаны и в монгольских эпосах. Иначе говоря, изображения на оленных камнях и описания эпосов в большинстве случаев совпадают. Это указывает на то, что данные этих двух произведений похожи и имеют общий источник. Кстати, некоторые оленные камни имеют высоту в 4 метра и весят около 10 тоннов. Далее на одном оленнем камне было зафиксировано до 68 оленей, других животных и разных атрибутов [51]. Сюжет описываемый на оленных камнях и его изображение в целом воплощают в себя все признаки эпоса. Не будет преувеличением сказать, что если в изобразительном искусстве существует композиция и стиль изображения эпоса, то его древним и ни с чем несравнивым представителем являются оленные камни. Конечно, люди того времени сначала создали в своем воображении образы и изображения оленных камней и каменных изваянии плиточных могил, а затем всё это передавали ввиде устного сказания друг другу и по достижению взаимопонимания и гравировали сей плод воображения на камень. Итак, можно сказать, что хозяева оленных камней и плиточных могил уже имели представление об эпосе, его форму изложения и о героях. В эпосах часто упоминается об украшенных изображениями животных и птиц багана /двух опорных столбов юрт/, стен, тооно /дымовое отверствие/, а также оружии и одежды героев. Например, на багана /двух опорных столбов/ юрт были **гравированы сцепившихся в смертельной схавтке тигр и лев** [95], на стенах были **гравированы подпирающих лбами ровно друг друга козла и барана** [21], **силу немерную свою пробующих слон и лев** [100], с внутренней стороны лука **выгравировано изображение схватившихся на лету двух самцов гаруд**, о двух концах лука **гравированы бодающие козёл и баран**, на тетиве лука **гравировано изображение клыками друг друга атакующих черного и желтого кабанов** [18, с. 34] и т.д. Вышеупомянутые изображения животных в эпосе напоминают об изобразительном исскустве звериного стиля. Звериный стиль является одним из видов изобразительного искусства, процветавщего в период бронзового века в Монголии и на прилегающих территориях. Оленные камни, широко распространенные в Монголии, также содержат в себе черты звериного стиля. В зверином стиле очень развиты и ярко выражены художественное воображение и метафизика. Как упоминалось выше, изображение сражающихся животных в эпосах совпадает с более поздним периодом развития звериного стиля. По уточнению хронологий оленных камней в Монголии, лабораторное исследование естественной науки установило, что данный памятник был возведен в XIII – середине VII века до нашей эры [13]. Таким образом в эпосах указано, что несколько тысяч лет назад в Монголии процветала идея поклонения оленям и что олени являются ездовыми животными онгонов и духов. По крайней мере, с тех пор и среди древних монголов появилось обожествление животных или же тотем оленя и возвеличивание его своим онгоном и далее из поколения в поколение эта идея стала передаваться. Об этом свидетельствует тот факт, что среди монголов более позднего времени были племена, рода с тотемами оленями. В Монголии встречаются наскальные рисунки где изображены животные с рогами. Так на наскальных рисунках бронзового века есть изображения рогатых верблюдов, лошадей и людей с чем-то, напоминающих рога [92]. Тогда как в эпосах повествуется о гнедом жеребце с рогами [12], далее, *стройный жеребец конь с рогами, каштановый скакун с рогами, иноходец синий с рогами* [87], *гнедой жеребец с рогами* [17], *каштановый иноходец с рогами* [78]. Согласно содержанию фольклора, изображение безрогого животного с рогами с одной стороны связано с признаками волшебства, с другой стороны, оно олицетворяло роскошь и изобилие. Также в народном примете широко распространено, что рога безрогого животного являются драгоценностью [2]. Мифическое представление (образ) рогатого животного, изображенного на наскальных рисунках бронзового века, находит своё отражение в эпосе, а оно в свою очередь стало передаваться последующему поколению. Некоторые ученые говорят, что монгольские эпосы были написаны в эпоху героизма. Для древних монголов эпоха героизма, вероятно, пришлась на середину и конец бронзового века. Мы уже ранее изложили, что главными археологическими памятниками, дошедших до наших, являются оленные камни, хиргисуры, и наконец плиточные

могилы. Здесь следует особо подчеркнуть, результаты современных исследовании показывают, что оленные камни и хиргисуры были созданы одной этнической группой (племенем). Следовательно, время существования и её продолжительность одинакова. "Хиргисур" является монументальным культовым сооружением высотой до 7 метров, диаметр у основания, включая культовое сооружение – более 700 метров, имеет насыпь из сотен тонн камней, многочисленные ограждения квадратной или круглой формы ввиде камней, воткнутых в землю по наружности и множество специально сделанных жертвенных сооружений. "Хиргисур" это самое крупное и рукотворное сооружение построенное в глубокой древности на территории современной Монголии. У некоторых хиргисуров снаружи расположены до 1700 жертвенных сооружений [103]. В таких жертвенных сооружениях в большинстве случаев преподносили лошадей. Кроме того, восточный вход у некоторых хиргисуров специально были сделаны из белого камня [62]. В те далёкие времена построить такие огромные сооружения как оленные камни и хиргисуры голыми руками было настоящим подвигом. Множество круглых и квадратных ограждении хиргисуров, и в центре сделать каменный насыпь, и его во все стороны расходящиеся линии, тонкая работа жертвенных сооружений, вход заложеный разноцветными камнями, свидетельствуют о том, что у монголов того времени уже были символические значения чисел, символика цветов, пространства и направления и широко использовались. Упомянутое выше символическое значение оленнего камня и хиргисура также нашло своё отражение в эпосе. Преувеличение героических эпосов, искреннее стремление к победе, ярко выраженное изложение образа можно сравнить с образом, моделью оленных камней, а также со сложной и одновременно с тонкой структурой хиргисура. В особенности эпосы, оленные камни и хиргисуры, и их изображения сходны по героическому менталитету, полная отдача всех сил для преодоления любых препятствии, достижение великих и недосягаемых целей, и можно сказать, что они являются произведениями, отражающими особенности мышления героического периода. Кроме этого в эпосах говорится, что мужчина рождается в юрте и умирает в поле (на поле брани), хорошая смерть, это когда мужчина умирает от острого меча соперника, а также

... Горячую человеческую кровь сделать напитком,
Страдание человеческое сделать пищей [88].

Герои эпоса описывают своё копье как:

Размером с непогрешной головы
С красным гребешком
Окрашенный человеческой кровью
С поводком из кожи хорька
С крючком на конце
Со знаком пурпурной кожи

Красное копьё [33; 5; 20]. Все это слышиться как эхо мышления героической эпохи. Следуя и вышеприведённого примера можно предположить, что в древние времена к концу древка копья богатырей привязывалась верёвка, а на конце этой верёвки скорее всего была прикреплялась шкура хорька или какого-нибудь почитаемого зверя. Вполне возможно, что метнув копьё на дальнем расстоянии с помощью верёвки и притягивалось обратно. Памятники искусства звериного стиля также относятся к героической эпохе. Произведения героической эпохи полны стремления, пылкого, непреклоняющего колено ни перед каким препятствием и необыкновенной силы воли. Разве эти качества не наблюдаются и на оленных камнях, и в хиргисурах и тем более в монгольском эпосе? Поэтому вполне реально, что стихотворение, поэзия начали процветать именно в героическую эпоху. И эту гипотезу подтверждают и произведения сочиненные в этом духе, и стандарты таких сочинении всего мира. Как исследователи подчёркивают, что эпосы и фундаментальные стихи, поэмы многих народов были написаны именно в период героической эпохи [106]. Если проанализировать, то в монгольских эпосах больше всего повторяется изделия сделанные металла то бишь оружие сделанные из бронза, а также бронзовые изделия. Так, в эпосе особо подчёркивается о бронзовом очаге, далее серебрянно-бронзовое удила, серебрянно-бронзовое стремя, бронзово-серебрянный ошейник, бронзово-серебрянное сердце, бронзово-стальная меч, чёрно-бронзовый котёл,четыре бронзовых клыка, бронзовый пупок, сеяная бронзовая гора, бронзово-серебрянное море, бронзово-алая стрела, бронзово-белое море и т.д. [8; 75; 87; 88, 31; 82; 54]. При более внимательном рассмотре переносного смысла, то бронза часто служит символом прочности, красоты и изящности, добра и всего положительного. Также героя эпоса называют как Бронзово-золотой лоб, Дань /военная/ хүрэл-бронзы (войны А.О.), Богатырь с бронзовым сердцем, Бронзово-красный борец, Бронзово-золотая наковальня, Бронзовый Хаан, Бронзово-черный богатырь, Бронзовый лев Магнай, Бронзовый богатырь Зул, Бронзовое сердце [7; 78; 89; 31; 21; 44; 57] и так далее, что также символизирует нерушимость, непреклонность, непоколебимую твёрдость духа и силу. Все это ничто иное как влияние древних обычаев и ритуалов почитания бронзы нашли своё отражение в эпосах, как символа красоты и несокрушимой прочности. Отголоски почитания бронзы имеются не только в монгольских эпосах, оно унаследовано и сохранено в современ-

ных монгольских обычаях и в сюжетах мифов. Монголы древнюю бронзовую стрелу (наконечник стрелы) называют стрелой неба, и считают, что она падает с неба вместе с молнией и дождем. Если кто-нибудь находит в степи эту стрелу неба, то не бросает его куда попало, не относится пренебрежительно, а вешает на верёвочную ручку доильного ведра. Затем, когда вымя животного "напугано" (опухло и почернело), легким прикосновением острия наконечника имитирующим укол или просто чуть-чуть прикоснувшись наконечником к больному месту очищает живтное от всякой порчи, это своеобразный оберег от любых нечистей и болезни. По всей видимости, поклонение бронзе нашло свое отражение в цветовой символике обозначения масти домашних животных. Монголы называют лошадей рыжей масти ездовым животным знати, а лошадь бурой масти считается хорошей для дальней дороги и что такой масти лошадь хорошо преодолевает препятствия [36]. Все животные и предметы описываемые в монгольском эпосе имеют дух, и с помощью волшебных сил этого духа они перевоплощаются в других животных или принимают совершенно другой образ, сражаются с отрицательными героями, и не будет преувеличением если скажем, что нет эпоса, в котором не рассказывается о духе и о ее перевоплощении. Дух описываемый в эпосе, его перевоплощения, сила волшебства перехода из одного тела в другую, всё это делают борьбу между героями, сам сюжет и описываемые в ней события еще более увлекательным иинтересным, близким к реальной жизни. Такое восприятие духа и понятие глубоко отразилось в обычае умершвления и преданию смерти людей и животных. В эпосе персонажи обычно убивают друг друга перерубив своему противнику шею между первым и вторым позвонком, или пронзая стрелой в том самом месте [95; 5; 78; 8]. Кроме этого лошадей и домашний скот часто забивают пронзая острый нож в вышесказанное место [8; 87; 88; 20; 5]. Всё это связано с шаманским представлением о расположении духа и места его обитания в живом теле. Согласно мировоззрению монгольского шаманизма, люди и любое живое имеют три души [68]. Из них **дух жизни** распологается между первым и вторым шейным позвонком [68]. Поэтому герои эпоса убивают своего противника, его лошадь, также при забое домашнего скота вонзают острый нож между первым и вторым шейным позвонком, или пронзают стрелой это место. Этим он выгоняет дух жизни побежденного и животного. А если душа жизни останется целым и невридимым, то она можеть перевоплотиться в тело другого человека или животного и тем самым будет противостоять витязю и причинять зло оставшимся. Описываемое в монгольском эпосе то, что душа жизни любого живого находится между первым и вторым шейным позвонком имеет очень древнее происхождение. При жертвоприношений оленным камням и плиточным могилам находящихся в Монголии обычно используют первый и второй шейные позвонки и также голову лошади. Однако исследования показали, что было принято отделять первый и второй шейный позвонок и ставить их рядом с головой [13]. Этот ритуал жертвоприношения является свидетельством того, что представители бронзового века в затрагиваемый период уже знали о шаманском представлении, согласно чему душа любого живого находилась между первым и вторым шейным позвонком. Кроме того, при состязании на меткость персонажи эпосов, договаривались пустить стрелу так, чтобы она в самый последний момент проходила через дыру тазовой кости, и тот, у кого стрела проходила как было условлено выходил победителем из этого состязания [20; 89]. Такое условие тоже связано с идеей духа. По мировоззрению и поверию шаманов считается, что **дух кости** человека и животных хоронится в отверствии тазовой кости [68]. И попадая или пуская стрелу через тазовое отверствие изгоняют схоронившегося там духа в иной мир. В эпосе говорится, что **дух плоти и крови** любого живого существа обитает в его сердце. Также эпос гласит, что герои разрывали грудь противника и вырывали сердце противника или же вместе с челюстью, головой поверженного противника приносили в жертву [2; 20]. Однако, в оленных камнях и в плиточных могилах бронзового века находящихся на территории Монголии обнаруживается остаток челюсти, головы и копыт лошадей принесённых в жертву [13]. Исходя из этого можно сказать, что описанный в эпосе ритуал жертвоприношения челюсти, головы, сердца, одним словом "зулд" вполне может быть отголоском древней традиций, восходящего к бронзовому веку. Ранее мы уже упоминали, что культура оленных камней, хиргисуров существовали с XIII века до середины VII века до нашей эры. А культура плиточных могил существовала и развивалась в X–IV веках до нашей эры, что подтверждается данными современной лаборатории. Артефакты выявленные в ходе археологических исследовании проведенных на территории современной Монголии показывают, что, по крайней мере, 3000 лет назад три основных составляющих шаманизма, это почитание духов (анимизм), почитание онгона (тотемизм) и фетишизм у древних монголов уже существовало. Более того, все вышеперечисленные составляющие шаманизма анимизм, и тотемизм, и фетишизм были ярко отражены в идеологии раннемонгольских эпосах. Иными словами, мировоззрение эпоса монголов и был обычаем шаманизма. Согласно исследованиям, содержание, сценарий и образ эпоса коих можно сравнить с археологическими находками имеются в эпосах других народов мира. Это говорит о том, что тема и описание образа в древних произведениях искусства данных народов было одной общей, что в те далёкие времена образ и мышление было идентичным [40]. Археологические памятники Монголии и описание персонажей монгольских эпосов сохраняют те же особенности тематики и описания как у других народов о чём было вышеупомянуто. Эти признаки дают возможность

их сравнить. Исследователи составили периодизацию во временном отрезке развития производства бронзового оружия кочевников в Монголии как ранний бронзовый век в 2600–1800 годов до нашей эры; развитый бронзовый век в 1800–1200 годах до нашей эры; и поздний бронзовый век 1200–600 годами до нашей эры [76]. Если ориентироваться по этой хронологией, зарождение и развитие эпоса монгольских кочевников приходится на поздний период производства бронзового оружия Монголии. Весьма вероятно, что эпос зародился и развивался именно в то время, когда сосуществовали культура оленных камней, хиргисуров (XIII–VII век до нашей эры) и культура плиточных могил (X–III век до нашей эры) и шёл интенсивное смещение и синтез этих культур друг с другом. Период, который мы предлагаем назвать временем возникновения эпоса монголов, охватывает большую часть временного отрезка существования культуры оленных камней, хиргисуров и плиточных могил. В то время древние монголы как этническая группа самостоятельно образовалась и многие из культур которых последующее её поколение переняло, тогда уже зародились и развивались. И зарождение эпоса можно сказать является одним из новых явлении культуры древних монголов. Исходя из всего этого возникает вопрос: Что было и служило почвой зарождения и развития эпоса монголов? Несомненно, источником зарождения эпоса, является фольклор монголов того времени. Помимо этого поэзия и слова стихов, легенды, устные сказания, призывы и слова камлания шаманов, стали благодатной почвой для зарождения и развития эпоса. Нередко тенгри шаманов изображаются как главные герои эпосов. Это тоже является доказательством того, что монгольские эпосы неразрывно связаны с идеем и устным фольклором шаманизма. Приведем пример:

Тенгри шамана	**Герои эпоса**
- Хажир хар – один из грозных небес востока. Причиняет зло людям и животным.	* Черный богатырь Хажир из эпоса “Бум-Эрдэнэ” вырос, убив Цуста, вырос держась рукой за уздечку, прикоснувшись к чему-либо оставляет след цвета сажа, кто неполадить с ним тому несдобровать.
- Хайрхар – один из грозных небес востока.	* Герой эпоса “Хашин цагаан хаан” это Хайрхар, владеет силой пускать ветер на волю, голосом дракона извергать, чару благодеяния как дождь льет
- Буйдан – один из 33 богатырей Хан Хурмаста и сын западного Белого неба Буслуур.	* Богатырь Буйдан “Дань хүрэл”-а вначале был отрицательным персонажем, но по ходу повествования становится положительным героем.
- Хухэлдэй – западное небо, владыка молний.	* Главный герой эпоса “Хухэлдэй мэргэн на гнедом скакуне со звёздочкой на лбу” это меткий Хухэлдэй, который родился хозяйном северной стороны.
- Зул – один из западных небес. Поклонение ему увеличивает поголовье коровы.	* Главный герой эпоса “Зул алдар хаан” это Зул алдар. Кроме этого в эпосе Джангар упоминается грозный хаан Зул алдар живущий на одном из четырёх земель.
- Одон цагаан – один из восточных святых небес.	* Один из героев эпоса “Джангар” богатырь белый Одон возглавляет левое крыло Заан тайчжи, восставшего против Джангара.
- Шуумар – один из 33 богатырей Хурмаста.	* Шуумар- Один из героев эпоса “Гэсэр”.
- Баян цагаан – один из западных небес.	* Баянцагаан -Главный герой эпоса “Баянцагаан”.
- Эдзен тэнгэр – один из святых небес, владыка жертвоприношений.	* Хаан Эзэн тэнгэр – Герой эпоса “Эзэн тэнгэр хаан” [60].
- Мангас – один из грозных восточных небес. В сутре об окроплении кобылиц сказано, что во имя тэнгри Мангаса окропляем небо девять полных раз.	* Мангас – общий персонаж отрицательного героя монгольских эпосов.

В таком порядке можно приводить имена множеств героев эпоса, имеющих имена одинаковые с именами тенгри шаманизма. Большинство эпических персонажей носящих имя тенгри шаманов или в составе собственного имени включено имя тенгри, изображены в эпосах с такими же или похожими качествами и характером, что и тенгри, именем которых они наречены [58, с. 53–54]. Исходя из вышеизложенного, эпос кочевников монголов изначально был основан на восхвалении и заклинании шаманских тенгри того времени. Более того, что эпос основан на мифах, видов тенгри шаманов и событии происходивших между шаманами своего времени. Например, конфликт между тенгри шаманизма вначале и был основой сюжета и событий эпоса, а сами тенгри стали главными героями эпоса. Вот почему до нас дошли герои эпосов, которые в

некоторой степени воплотили в себя имена, особенности как духовных так и внешних видов, поведение и нрав конкретных тенгри монгольского шаманизма [58]. Исследователи классифицируют эпосы народов мира по происхождению как: эпосы гласящие повседневную жизнь-**житейские; исторического; религиозного** происхождения. Тогда к какой классификации относятся эпосы монголов? Ранее мы предлагали включить монгольские эпосы **по происхождению** в категорию **религиозных (шаманских)** эпосов [59]. Мы по-прежнему придерживаемся данной мысли. Иными словами, идеи шаманизма, его мифы и фольклор стали основой и почвой для зарождения и развития эпоса монголов, его формированию и становлению. Поэтому на наш взгляд, вполне возможно, что **первыми сказателями эпосов были именно шаманы**. Следует отметить, что костюм (одежда) монгольских шаманов содержит в себе элементы одежды и оружии древних воинов, витязей. Шаманы при камлании одеваются в полном порядке дэли (халат), шляпы (майхавч, оргой-шапки, шаманский головной убор в виде короны с перьями) и обувь, называется это **"хуяглах"** /дословно это слово звучит как "надеть броню или доспехи"/, а само камлание называется **"хуяглаж бөөлөх"** /то есть камлание в полной эпикировке-с бронёй или с доспехами/ [9]. Другими словами, до начала XX века шаманы считали и называли свою одежду броней или же доспехами, и эта одежда защищала шамана от каких-либо напастей. В костюме (одежде) шамана имеется такие оружия, как металлические лук, стрела, молот, нож, доспехи, щит, шлем, харвал*, хонгинуур**, ялтас /пластина/***, меч, сабля, зеркало, молоток, дубина, копъё, топор, кроме этого шаманы при камлании одевали металлический шлем [68; 38]. Из одеяния шамана, ныне хранящегося в музее, видно как на "дээл"-тарпиционная одежда кочевников, прикреплено так называемый "манжиг", сделанных из различных тканей в большом количестве и которое в нижней части имеет треугольную форму. Треугольной и квадратной формы предметы защищают шаманов от всего плохого. В особенности треугольник символизирует победу и отвагу. Шаманы в своих костюмах выглядят как полностью вооруженный и надевший на себя доспехи витязя. Мы воспринимаем это не только как традицию, но и как отголосок того времени, когда древние шаманы были вождями, воинами витязями племен и родов, и это является неопровержимым доказательством дошедших до нашего времени. Не лишним будет если упомянуть, что шаманы, в полном одеянии и эпикировке очень похожи на персонажей изображенных на оленных камнях, о которых было вышесказано и коих по некоторым фрагментам также можно сравнить. С.Дулам пишет, что есть много общего как в эпосе так и в словах и выражениях призывающих онгонов /духов/ шамана, в камлании ... всё это говорить о том, что они являются доказательством, их зарождение имеет одну общую древнюю основу [38, с. 35]. С другой стороны, эта идея как бы косвенно совпадает с нашим выводом о том, что шаманы изначально были рассказчиками эпосов. Выдвигая вышеупомянутые предположения, мы не исключаем возможность того, что при развитии эпос монгольских кочевников, фрагменты которых унаследовано из шаманских идеи и шаманской поэзии, в процессе дальнейшего своего развития в некоторой степени прошли стадию эволюции и видоизменились. По нашему предположению, эпос кочевых монголов зародилась в определенное время и очагом его зарождения было определенное место. Тот факт, что многие герои эпоса носят одно и тоже (одинаковое) имя, что может быть доказательством единого происхождения всех монгольских эпосов. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что сценарии, события излагаемые в эпосе, да и само описание, также слова и выражения эпосов повторяются. С.Ю. Неклюдов заключил, что наряду с традициями бурятского, ойратского и калмыцкого эпоса, эпосы восточной, южной и Халха Монголии можно смело поставить в один ряд. По сравнению с эпосами тюркских народов, **связь традиций** в монгольских эпосах чувствуется гораздо ярче и в высшей степени понятно. **Целостность идеи и содержания монгольского фольклора очень прочное** [Неклюдов 1974]. Такая целостность идеи и насыщенность содержания монгольского эпоса указывает на то, что он имеет один общий очаг и что все эпосы зародились из одного общего источника. Выше мы в целях сравнения привели примеры изображения исторического быта, менталитета, стиль изображения некоторых образов и обычаев касающихся оленных камней, хиргисуров и плиточных могил отраженных в монгольском эпосе. И тут может возникнуть вопрос: Так где же проживали хозяева оленных камней, хиргисуров и плиточных могил в то время? По результатам современных исследовании, культура оленных камней и хиргисуров зародилась в Хангайском хребте [90] и его граница на востоке достигает горы Хэнтий, а на западе простирается до Алтая. И при этом шедевры оленных камней то есть, классической формы, стильные, богатые по нанесённому рисунку, а также самые большие по размеру и искусно обделанные паямтники находятся именне в Хангайских горах. И именно в этих горах наиболее большее скопление этих памятников. Такое положение дел и обстоятельства чётко указывают где именно зародился и развивался этот культурный памятник. А вот плиточные могилы более менее широко распространены на западе ближе к горному хребту Хангай, на востоке доходит до Дорнод то бишь до восточных степей Монголии, южная граница этой культуры подходит к горе Далан Хар и на севере простирается до Забайкалья. Таким образом, хозяева оленных камней, хиргисуров и плиточных могил жили с конца II тысячелетия до нашей эры до конца I тысячелетия до нашей эры и создавали свою культуру. Результаты последних исследовании доказывают, что хозяева оленных камней и хиргисуров жили по соседству и активно общались с хозяевами плиточных могил на протяжении сотен лет. Следовательно, хозяева этих двух культур

сначала селились по соседству, а по истечению времени постепенно происходит этно-культурный синтез, в результате чего на основе культуры оленных камней и хиргисуров сложилась и стала преимущественным культура плиточных могил. И именно хозяева создавшие эти памятники культуры в упомянутой выше историческом периоде, сюжеты и персонажи запечетленные на археологических памятниках, традиции их захоронений и жертвенных обрядов нашли своё отражение в монгольском эпосе. Поэтому мы предполагаем, что основателями монгольских эпосов были создатели оленных камней, хиргисуров и плиточных могил. Более того, исследователи полагают, что языком владельцев плиточных могил является протомонгольский язык, кроме этого империя хуннов было основано в основном владельцами плиточных могил и они держали власть в своих руках [65]. Следовательно, язык, на котором был зарождён монгольский эпос, вероятно и был языком владельцев плиточных могил. Согласно итогам наших исследовании, эпос монголов, проживавших на выше упомянутой территории, возник примерно в XI-VI веках до нашей эры на основе шаманской поэзии и мифов об их тенгри. Однако, эта дата не окончательная и оно будет уточняться по результатам дальнейших исследований. При зарождении, а также на начальном стадии своего развития эпос кочевых монголов, глубоко впитала в себя мировоззрение, художественное мышление и обычаи своего времени, который и стал его главной сущностью. И именно поэтому как было выше приведено, по мнению Ш.Гаадамба, монгольский эпос не имеет четкого исторического содержания. Это еще один признак того, что монгольские эпосы самостоятельно возникли в глубокой древности и обретя свою основную форму также самостоятельно развивались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдай хааны түүх. Гонгорын хэлсэн үлгэр тууль. Эмхэтгэсэн: Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2008.
2. Алтай Сүмбэн хүү. Халх ардын тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар хот, 1971.
3. Алтай Чингэл баатар. Монгол урианхайн аман зохиол. Эмхэтгэж, оршил, тайлбар бичсэн: Б.Катуу Улаанбаатар, 2011.
4. Алтай ноён Галуу хүү. Халх ардын тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар хот, 1971.
5. Алтайн Хар Торц. С.Буянгийн туульс. Эмхэтгэн хэвлүүлсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2015.
6. Алтан гургалдай. Халх ардын тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар хот, 1971.
7. Аргил цагаан өвгөн. Монгол Урианхайн аман зохиол. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2011.
8. Арын өнчин Яргай. Ойрад монголын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо, Ж.Энэбиш. Улаанбаатар, 2011.
9. Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан. (SE) Tomus III. Fasc. 1. Улаанбаатар, 1965.
10. Бартольд В.В. Сочинения. Том 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.
11. Баттулга Ц, Анхсанаа Г. Дэл уулын түүх, соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2015.
12. Баян цагаан өвгөн. Нэрт туульч С.Чойсүрэнгийн туульс. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2010.
13. Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2017.
14. Билгүүдэй Г. “Монголын нууц товчоо”-н дахь туулийн уламжлалаас // Төв Азийн тууль. Олон улсын симпозиум бага наадам. Улаанбаатар, 1998.
15. Боржигин Бадма-Оюу. Монголчүүдын тотем шүтлэг. УБ., 2016.
16. Богд Жангар хаан сурвалжлан бичсэн Жангарын туульс: удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: У.Загдсүрэн. Улаанбаатар, 1968.
17. Бөх Алтан Нудрам. Нэрт туульч С.Чойсүрэнгийн туульс. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2010.
18. Бум-Эрдэнэ. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 1985.
19. Бум-Эрдэнэ. Аврагдсан туульс. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Будапешт, 2012.
20. Бум-Эрдэнэ туулийн хувилбарууд. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2015.
21. Бүжин даваа. Монгол Урианхайн аман зохиол. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2011.
22. Бүжин даваа тууль. Редактор П.Оюунгэрэл. Улаанбаатар, 2014.
23. Владимирцов Б.Я. Монголо-Ойратский героический эпос. Перев., вступит. Ст. И примеч. Пг-М., 1923.
24. Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М.., 2003.
25. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.
26. Гаадамба Ш, Сампилдэндэв Х. Монгол ардын аман зохиол. УБ., 1988.
27. Гантулга Ж. Хөрөөгийн үзүүрийн хадны зураг // Нүүдэлчдийн өв судлал. Tomus XVI. Fasc. 1-34. Улаанбаатар., 2015.
28. Даваацэрэн Б., Цогтбаатар Б., Анхсанаа Г. Тахилгат Биндэр уул орчмын түүх, соёлын үл хөдлөх дурсгал. Улаанбаатар, 2019.
29. Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын дээж зуун билиг оршвой. (Монгол бичгээр). Улаанбаатар, 1959.

30. Даньхүрэл. Алдарт туульч М.Парчины туульс. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2006.
31. Даньхүрэл. Г.Самданы хайлсан туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2015.
32. Джангар Героический эпос калмыцкого народа. Обр: Б.Басангова. Москва-Ленинград, 1940.
33. Догшин Чингил. 2011 – Ойрад монголын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо, Ж.Энэбиш. Улаанбаатар, 2011.
34. Догшин Чингил. Номинхановын 1924–1925 онд баруун Монголд хийсэн судалгаа-II // Bibliotheca Oiratica. Боть 61. Улаанбаатар, 2018.
35. Дончин болд Эрдэнэ. Г.Самданы хайлсан туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2015.
36. Дулам С. Монгол бэлгэдэлзүй. Тэргүүн дэвтэр. Тооны бэлгэдэл зүй. (гуравдахь хэвлэл) Улаанбаатар, 2011.
37. Дулам С. Монгол бэлгэдэлзүй. Дэд дэвтэр. Өнгө зүсмийн бэлгэдэл зүй, Зүг чигийн бэлгэдэл зүй. (гуравдахь хэвлэл) Улаанбаатар, 2011.
38. Дулам С. Бөө мөргөл туульс хоёрыг харьцуулах нь // Аман зохиол судлал (SF) Tomus XXXIV. Fasc.1-12. УБ., 2013.
39. Дуутай мөндөр. Монгол ардын туульс. Эмхэтгэн боловсруулж, оршил бичсэн: Б.Катуу, Р.Нарантуяа. Улаанбаатар, 1989.
40. Ермоленк Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразий. Томск, 2008.
41. Жангар. Боть I. (Тод үсгээр). Үрэмч,1986.
42. Живэр хааны хүү Живэр Мижид. 2008 – Гонгорын хэлсэн үлгэр тууль. Эмхэтгэсэн: Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2008.
43. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Ленинград, 1974.
44. Зул Алдар хаан. Арван гурван хүлгийн дуун. Эмхэтгэж, тайлбар бичсэн: Ж.Цолоо. Улаанбаатар, 1987.
45. Зул Алдар хаан. Монгол Урианхайн аман зохиол. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2011.
46. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un niguča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
47. Материалы по истории Сюннү (по китайских источником). Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. М., 1968.
48. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Москва, 2004.
49. Михайлов Г.И. Литературное наследство монголов. Москва, 1969.
50. Михайлов Г.И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971.
51. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. I. Эрдэм шинжилгээний каталоги. Эрдэм шинжилгээний редактор Ц.Төрбат. Зохиогчид: Ж.Гантулга, Н.Баярхүү, Д.Батсүрэн, Н.Эрдэнэ-Очир, Н.Батболд, Г.Энхбаяр, Б.Өмирбек, Т.Идэрхангай. Улаанбаатар, 2018.
52. Монгол ба Бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. II. Эрдэм шинжилгээний каталоги. Эрдэм шинжилгээний редактор Ц.Төрбат. Зохиогчид: Ж.Гантулга, Н.Баярхүү, Д.Батсүрэн, Н.Эрдэнэ-Очир, Н.Батболд, Г.Энхбаяр, Б.Өмирбек, Т.Идэрхангай. Улаанбаатар, 2018.
53. Монгол улсын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2004.
54. Наран хөвгүүн хаан. Эмхэтгэсэн: Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2015.
55. Неклюдов С.Ю. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. Москва, 1974.
56. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. Москва, 1984.
57. Нэгэн зуун тавин насыг насласан хөгшин луу Мэргэн хаан. 2003 – Нэгэн зуун тавин таван насыг насалсан хөгшин Луу Мэргэн хаан. Хэвлэлд бэлтгэн оршил, тайлбар үйлдсэн: Х.Сампилдэндэв, Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2003.
58. Очир А. Монгол туулийн баатруудын үүслийн тухай. – Дундад улсын монгол судлал № ... Өвөр Монголын Ардын хэвлэлийн хороо. (Монгол бичгээр) 2005.
59. Тайжиуд Аюудайн Очир. Монголын түүхийн судалгаа. Боть III. Угсаатны судлал нэрзүйн бүтээлүүд. Улаанбаатар, 2011.
60. Очир А. О прототипах героев некоторых эпосов монголов. – Төв Азийн тууль II. Симпозиум наадам. Улаанбаатар, 2013.
61. Очир А. Ховд, Говь-Алтай аймагт 2016 онд явуулсан хээрийн судалгааны тайлан. Нүүдлийн соёл иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэнгийн номын санд буй.

62. Очир А. Мандахбаяр Г. 2018 онд Булган аймгийн Баяннуур сумын Улаан хэрмийн Шороон бумбагар хавьд явуулсан хайгуул судалгааны тайлан. Нүүдлийн соёл иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэнгийн номын санд буй. Улаанбаатар, 2018

63. Очир А. Монголчуудын арван хоёр хийгээд арван гурав // Түүхийн судлал (SH) Tomus XLVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2019.

64. Очир А. Иноүэ О. Алтанзаяа Л. Монголчуудын үйсэн ном. Улаанбаатар, 2019.

65. Тайжиуд Аюудайн Очир. Монголын түүхийн судалгаа. Боть V. Түүх, угсаатны судлалын бүтээлүүд. Улаанбаатар, 2020.

66. Очир А., Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрэгзэн Г., Гантулга Ж., Түмэн Д., Баярсайхан Ж., Эрдэнэболд Л., Өлзийбаяр С., Эрдэнэбат У. Археологийн судалгаа: Монголчуудын гарал, угсаа – соёлын хөгжил. Улаанбаатар, 2020.

67. Поппе Н. Халха-Монгольский героический эпос. Москва-Ленинград, 1937.

68. Пүрэв О. Монгол бөөгийн шашин. Улаанбаатар, 1998.

69. Ринчиндорж. Монгол баатарлаг туулийн үүсэл хөгжлийн тухай. Монгол баатарлаг туулийн чуулган I. Үндэсний хэвлэлийн хороо. (Монгол бичгээр) Бээжин, 2007

70. Ринчинсамбуу Г. Монгол ардын баатарлаг тууль (SF), Tomus I. Fasc. 7. Улаанбаатар, 1960.

71. Ринчинсамбуу Г. Монгол туулийг үечлэх асуудалд // Монгол судлалын зарим асуудал (SM) Tomus IV. Fasc. 10-21. Улаанбаатар, 1964.

72. Санжеев Г.Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. Ленинград, 1937.

73. Сариг цагаан ингэн, тураг цагаан ботгон /захчин хувилбар/. 2011 – Ойрад монголын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо, Ж.Энэбиш. Улаанбаатар, 2011.

74. Сүхбаатар Г. Монголын эртний түүх судлал. I боть: Хүннү нарын аж ахуй, нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарвал. (МЭӨ IV-МЭ II зуун). УБ., 2000.

75. Талын хар Бодон. Алтайн урианхайн туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2001.

76. Төрбат Ц. Хэмцэгийн соёлын хадны зураг // Археологийн судлал (SA). Tomus XXXVIII. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2019.

77. Түшээт хааны хүү дөнөн наст Хөлөг баатар. Баяд ардын аман зохиол. Эмхэтгэж, тайлбар бичсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2006.

78. Хаан цэцэн зурхайч. Нэрт туульч С.Чойсүрэнгийн туульс. Эмхэтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2010.

79. Хаан Чингэл баатар. Монгол ардын баатарлаг тууль. Эмхэтгэсэн: Ж.Цолоо. Улаанбаатар, 1982.

80. Хан харангуй. 2006 – Хан харангуй. Алдарт туульч М.Парчины туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу Улаанбаатар, 2006.

81. Хан Харангуй. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Дамиранжав. (Монгол бичгээр). Бээжин, 2006.

82. Хий хөх морьтой Хүйтэн зориг ноён (2011) – Ойрад монголын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо, Ж.Энэбиш. Улаанбаатар, 2011.

83. Хомонов М.П. Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Улан-Удэ, 1961.

84. Хорин дөрвөн салаа эвэртэй ухаа дөнөн буга – Монгол ардын баатарлаг тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо. Улаанбаатар, 1982.

85. Хөшөө чулуун зүрхт, Хүвэй Буйдар хүү. Халх ардын тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар, 1971.

86. Хөшөө чулуун зүрхт Хүвэй Буйдар хүү. 2008 – Гонгорын хэлсэн үлгэр тууль. Эмхэтгэсэн: Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2008.

87. Хүдэр мөнгөн Тэмни. Алтайн урианхайн тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2001.

88. Хүлэг-Эрдэнэ. Ойрад монголын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.Цолоо, Ж.Энэбиш. Улаанбаатар, 2011.

89. Хүрэл алтан Дөш. 2001 – Алтайн урианхайн тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2001.

90. Цэвээндорж Д. Монгол нутгаас олдсон зарим буган чулуун хөшөө // Археологийн судлал (SA). Tomus.VII. Fasc. 13. Улаанбаатар, 1978.

91. Цэвээндорж Д, Кубарев В.Д,. Очирхуяг Ц. Цагаан салаа, Бага Ойгорын хадны зураг дахь адуу, тэмээний дүр.// Археологийн судлал. Т. II(XXII) fasc.5. Улаанбаатар, 2004.

92. Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн түүх. Улаанбаатар, 2017.

93. Цэрэнсодном Д. Монгол туулийн эхэн дэх эртний эрин цагийн тэмдэглэл // Аман зохиол судлал (SF) Tomus XXXV. Fasc.1-13. Улаанбаатар, 2014.

94. Шаракшинова Н.О. Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск, 1987.

95. Эзэн улаан бодон. Монгол ардын баатарлаг туульс. Эмхэтгэсэн: Г.Ринчинсамбуу. Улаанбаатар, 1960.

96. Эрдэнэбаатар Д, Ковалев А. Хиргисүүр буган чулуун хөшөөг холбож үзэх нь // Угсаатан судлал (SE) Tomus XV. Fasc. 1. Улаанбаатар, 2003.

97. Эрдэнэ-Очир Н, Худяков Ю.С. Монголын эртний нүүдэлчдийн зэр зэвсэг (НТӨ II мянган жил – НТӨ III зуун). Улаанбаатар, 2016.
98. Эргэл Түргэл. Алдарт туульч М.Парчины туульс. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б.Катуу. Улаанбаатар, 2006.
99. Эрийн сайн Заан залуудай. Гонгорын хэлсэн үлгэр тууль. Эмхэтгэсэн: Т.Баясгалан. Улаанбаатар, 2008.
100. Эрийн сайн Хан Харангуй. Эмхэтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар, 1986.
101. Эрийн сайн Хэцүү Бэрх. Монгол ардын баатарлаг туульс. Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн. Ж.Цолоо. Улаанбаатар, 1982.
102. Эрийн сайн Эринчин мэргэн. Халх ардын тууль. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Р.Нарантуяа. Улаанбаатар хот, 1971.
103. Francis Allard., Diimaajav Erdenebaatar. Khirgisuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia, Antiquity. 79: 1-18. 2005.
104. Freud S. Totem and Taboo. The Hogarth Press. London, 1912.
105. Heissig W. Die mongolischen Heldenepen – Struktur und Motive. Oplanden, 1979.
106. Heroic Age by H. Munro Chadwick. Fellow of Clare College, Cambridge. Cambridge: at the University Press, 1912. P.1–474.
107. Lattimore O. Inner Asian frontiers of china. Boston, 1967.
108. Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal // Ein Beitrag zu ihrer Erklärung, Prague, 1956. (Arhiv orientalni, Supplementa. №4).
109. World and Suffix – index The Secret History of the Mongols. Based on the Romanized Transcription of L. Ligeti compiled by H. Kuribayashi, Choijinjab. Senday, 2001.

Сведения об авторах: Аюудайн Очир – доктор исторических наук, профессор Института истории и этнологии Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия).

Бямбаахүүгийн Нанжид – магистр, Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор, Монголия); ORCID: 0000-0002-5069-1511.

Нямдагийн Ганбат – доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9068-1115. E-mail: jijgee01@yahoo.com

ORIGIN OF THE EPIC AMONG THE MONGOLS

A.Ochir[1], B.Nanjid[2], N.Ganbat[3]
[1] Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences
[2] Mongolian National University of Education
[3] Kazan Federal University

In this article, we made an attempt to address Mongolian epic as a historical phenomenon and to estimate the general date of its formation and initial phase of development. While doing so, we didn't aim to look for and find particular historical phenomena or facts such as historical personalities, historical events and/or historical sites to use as a means of approximation. Instead, we aimed to estimate and periodize the development of Mongolian epic on the basis of comparative analysis of historical lifestyle, way of thinking, traditions and customs and symbolism against the archeological and ethnological resources.

Keywords: mongolian epic, oral literature, historical origins, stages of development, comparative analysis, archaeological data, ethnographic information, symbolism, chronological genesis, cultural resonance

About the authors: Ayuudin Ochir – Dr. Sci. (History), Professor, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia).

Byambaahuugiin Nanjid – Master, Mongolian National University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia); ORCID: 0000-0002-5069-1511.

Nyamdagiin Ganbat – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Altaic, Turkic and Central Asian Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9068-1115. E-mail: jijgee01@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ, РЕЛИГИЯ, МУЗЫКА, ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

УДК 94

КЫПЧАКСКАЯ МОЛИТВА ВЕНГЕРСКИХ КУНОВ

А.Н. Гаркавец
Научно-исследовательский институт культуры Казахстана «Центр сближения культур» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

В статье поставлена цель уяснить исторический контекст и уточнить лингвистические особенности средневекового перевода молитвы «Отче наш» на язык кунов-куманов Венгрии. Материалами исследования выступили исторические хроники и документальные материалы по истории кунов и кыпчаков Венгрии, исследования европейских учёных на эту тему. Предмет исследования – 9 выполненных венгерской латиницей списков XVIII–XIX-го веков с утраченных первоначальных записей изучаемого кыпчакского текста. Материал для сравнения – греческие и латинские оригиналы молитвы «Отче наш» и её средневековые и новые переводы на тюркские языки, словари и данные родственных языков. В результате исследования был уяснен исторический контекст и уточнены лингвистические особенности средневекового перевода молитвы «Отче наш» на язык кунов-куманов Венгрии, предложено во многом новое её прочтение.

Ключевые слова: куны, кыпчаки, куманы, половцы, кыпчакский язык, переводы религиозных текстов, молитва «Отче наш»

Этот загадочный реликт языковой, духовной и этнической истории кунов Венгрии является единственным текстуальным памятником мёртвого языка кунов – компактного национального меньшинства, по сей день сохраняющего этническую самобытность. Со времени его фиксации 3 века назад он приобретал всё бóльшую и бóльшую популярность в среде кунов, а его исследования существенно повлияли на развитие национального самосознания не только кунов, но и венгров – титульной нации этого европейского государства. Куны постепенно стали сближать, а то и отождествлять себя с куманами-кыпчаками, а некоторые ведущие политические деятели Венгрии, в том числе премьер-министр страны, сегодня публично провозглашают, что венгры – “кыпчакские тюрки”.

2 ноября 2023 года Президент Казахстана, выражая признательность Виктору Орбану за значительный вклад в сближение Казахстана и Венгрии, приветствовал его парафразой – как этнического родственника: “Господин премьер-министр, добро пожаловать на казахскую землю! В Казахстане хорошо знают и уважают Вас, потому что вы кыпшак по происхождению. Можно сказать, что вы приехали на родину предков”.

Что же это за молитва и почему она вызвала столь широкий резонанс в науке и в обществе?

Текстуально – это главная молитва христиан «Отче наш», называемая Господней. По важности для христианской религии – как «Бисмилля ур-рахман ар-рахим – Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» для мусульман. Господней её называют потому, что, согласно Евангелию, эту молитву своим ученикам в ответ на просьбу научить их молиться дал сам Господь Иисус Христос. В Синодальном переводе:

[9]Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; [10]да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; [11]хлеб наш насущный дай нам на сей день; [12]и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; [13]и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. – *Матфей 6: 9–13*.

[2]Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; [3]хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; [4]и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. – *Лука 11: 2–4*.

В греческом оригинале и в ранней латинской Вульгате две части: обращение и просьбы о вечном и личном, и нет слов “сущий на небесах”, “но избавь нас от лукавого”. Третья часть – убеждение, добавленное позже обоснование выполнимости просьб. Она варьируется. У большинства: “Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки” и “Аминь (воистину)”. В переводе на язык кунов – иная.

Кун – самоназвание, от χün “человек”. Исторически – с долгим гласным, а потому иногда по-венгерски пишется с удвоением, как, например, фамилия известного тюрколога Гезы Куна / Кууна (Géza Kuun). Считаются потомками многоплемённого конгломерата хунну-сюнну-гуннов, обитавших к северу от Китая. Ранее преобладала монгольская теория их происхождения, сейчас – тюркская, сближающая их по языку с булгарами > чувашами.

На территории Венгрии западные гунны времён Аттилы (ум. в 453) поселились за четыре столетия до прихода венгров (IX век). Образовали два анклава: Надькуншаг (Nagykunság) и Кишкуншаг (Kiskunság). Кстати, венг. kis, произносимое как kiš, – древний тюркизм, ср. каз. кіші < kiči. Теперь эти названия переводят как Большая Кумания, или Кыпчакия и Малая Кумания, или Кыпчакия, хотя куманы присоединились к ним лишь в XIII веке.

В 1237 или 1239 году кумано-половецкий хан Котян (Kötän, венг. Kötöny), глава клана тертероба (дурут), с “40-тысячной” ордой по приглашению короля Белы IV перекочевал в Венгрию в качестве союзника и в 1239 году крестился вместе с подданными по католическому обряду. Ради укрепления отношений недавно родившийся сын Белы IV Иштван (Стефан) и дочь Котяна, крещённая как Елизавета (Эржбета, 1239–1290), были помолвлены, а в 1253 году вступили в брак. В 1270 году его короновали под именем Иштван V. В 1272 году предводители половцев Зейхан, Арбуз и Кеменче его убили [52, с. 54–55], и королём стал малолетний Ласло IV Кун (лат. Ladislaus < слав. Владислав), а регентом при нём – до 1277 года – его мать Елизавета Куманская. Её статус и происхождение обозначены на королевской печати: *Elisabet Dei gratia regina Ungarie et filia imperatoris Cumanorum – Елизавета, Божией милостью королева Венгрии и дочь императора куманов*. По обе стороны трона, на котором она восседает, изображены тотемные волки, свидетельствующие о её приверженности половецким традициям.

Венгры упрекали в этом не только Елизавету, но и воспитанного в том же духе её сына Ласло, одевавшегося по-половецки, любившего кочевать, окружившего себя половецкими наложницами, возлежавшего перед всеми с половецкой любовницей, которой вдобавок он подарил поместье изгнанной жены. Возмущение усугублялось, конечно, в первую очередь тем, что кочующие половцы наносили огромный ущерб оседлому населению.

А тут ещё и нависла угроза нападения Батыя. И когда Ласло попытался вернуть лояльность епископата и венгерской знати, в том числе за счёт агрессивной христианизации и активного преследования язычества, сами половцы прикончили его в полевом шатре.

В отношении Елизаветы Куманской теперь некоторые говорят, что её отцом был не Котян, а Сейхан, глава племени чортан, иначе Зейхан, но исходят из косвенных оснований: она, мол, сама на своей печати заявляет о себе как о дочери императора куманов, а в период её регентства их предводителем был Зейхан [33, с. 88; 53, с. 618; 51 и др.]. И ссылаются на грамоту 1255 года о передаче неких земель Зейхану, в которой Бела пишет о нём: *Zeyhanus karissimus cognatus noster, dux Cumanorum* “Зейхан, наш самый дорогой родственник, предводитель половцев” и повторно: *dicti cognate nostri Zeyhani* “нашего упомянутого родственника Зейхана” [37, с. 62]. К тому же, титул *dux Cumanorum* “предводитель куманов” ещё при поселении Котяна с ордой в Венгрии присвоил себе сам Бела; Иштван V при отце-короле употреблял ещё и второй: *Stephanus Dei gracia junior Rex Hungarie, Dux Transsiluanus, Dominus Cumanorum* “Стефан, милостью Божией младший король Венгрии, герцог Трансильвании, повелитель половцев” [40, с. 842, 844]; а его сын Ласло называл себя королём Кумании: *Ladislaus Dei gratia Rex Hungarie, Dalmatie, Croatie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerie, Comanie, Bulgarie* “Ладислаус, милостью Божией король Венгрии, Далмации, Хорватии, Рамы, Сербии, Галиции, Ладомерии, Кумании, Болгарии” [16, с. 202].

Говоря простым языком, Зейхан до императора недотягивает. А вот Котяна и вправду именовали *королём куманов*. И всё же, не следует упускать из виду, что у куманов практиковались лишь временные союзы, одним из которых была орда Котяна. А объединения вроде герцогства, королевства, империи, то есть каганата, никогда не было. Потому все три титула – *dux, rex, imperator* – в применении к ним имели чисто символическое, комплиментарное значение. Фактически императором в эти годы в Европе был один лишь Фридрих II, император Священной Римской империи с 22 ноября 1220 года по 13 декабря 1250 года.

Приведённое выше оценочное указание Белы на родство или свояченство с Зейханом – “наш самый дорогой родственник” – слишком уж общее. А мы ведь знаем, что при использовании исторических хроник и документов важно обращать внимание не только на высказанное, но и на то, о чём они таким или иным образом умалчивают. И не будем забывать, что в сообщениях о заключении брака между Иштваном и Елизаветой о её отце, который должен был по обычаю привести её к алтарю, не говорится ничего. Нет ни слова и об отце её не известной по имени младшей сестры, выданной в середине 1260-х замуж за пер-

вого судью куманов Гергея III Моносло (Gregorius iudex Cumanorum); у Елизаветы Куманской была ещё одна сестра – Анна, жена Ласло, воеводы Трансильвании, и мать монахини Маргит, которой в 1276 году, при даче показаний перед папскими комиссарами, было 28 лет; позже эта монахиня Маргит стала настоятельницей монастыря святой Маргит, дочери венгерского короля Белы IV и греческой принцессы Марии Ласкарины, дочери никейского императора Феодора I Ласкариса [44, с. 14–27].

Имя отца Елизаветы Куманской, если это был действительно Котян, злодейским образом казнённый за лиходейства куманов и предполагаемую измену и союз с татарами, не упоминали, думаю, потому, что было оно под негласным запретом, а роль приёмного отца, воспитателя малолетних детей крёстника, "могущественного государя, до недавнего времени ему почти равного" (talis princeps, sibi quasi par hactenus) [54; 20, с. 18], выполнял сам Бела, ревнитель католической веры.

Котяна, его родственников и приближённых, которые были с ним во дворце, под гарантированной защитой короля, убили венгерские дворяне с тевтонцами 17 марта 1241 года в тевтонском укреплении Пешт, перед вторжением Батыя в Венгрию. Об этом, а также о перипетиях в отношениях между венграми и куманами, которые привели к этому трагическому концу, подробно пишет магистр Рогерий из Апулии в сочинении «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» – «Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros»:

"Capitulum XXIV. Quomodo Kuthen rex Comanorum extitit interfectus Глава 24. Как был убит Котян, король команов

Когда же распространился слух, что Котян со своими людьми, как уже было сказано, содержится под стражей неподалёку от короля, а все знали, что он не был непричастен к описанным выше многочисленным злодеяниям (команов), и все пришедшие всё ещё думали о команах, а не о татарах, то вся толпа стала кричать против него: "Смерть ему! Убить его! Это он обеспечит разрушение Венгрии". И часто упрекали самого короля, говоря: "Пусть наш король, который привёл ненавистных команов, сразится с ними". Другие кричали: "Пусть король сразится с теми, кому отдал наше добро". Король, услышав частые упрёки, послал к Котяну человека, и тот, не колеблясь, вошёл к нему. Но Котян, слышавший безудержные вопли толпы и опасаясь расправы, хотя и чувствовал себя невиновным, потребовал от короля никоим образом не приближаться к нему, если только не назначит такого человека, который будет иметь власть безопасно привести его к нему и избавить от посяганий толпы. Когда эту весть доложили царю, среди толпы вновь раздались громкие крики: "Смерть ему! Убить его!" И тут вооруженные венгры и тевтонцы вошли во дворец, где он находился, и решили силой ворваться к нему. Но Котян и его люди, схватив луки и стрелы, не позволили к себе приблизиться. Когда же подошло множество народа, они схватили их и, в одно мгновение отрубив всем головы, бросили в толпу через окна дворца. Некоторые, однако, хотят приписать этот поступок герцогу Австрийскому, а другие говорят, что это было сделано по приказу короля. Однако после того, как было достоверно установлено, что Котян был осведомлён о готовящемся злодеянии, они заявили, что маловероятно, чтобы король, который крестил его (принял его из крещальни) и клятвенно обещал ему безопасность, мог совершить такое преступление. Я не хочу выяснять, как это было совершено на самом деле; пусть *Все*знающий определит это и наказанием или благодарением воздаст каждому по делам его" [54, cap. XXIV; 20, с. 22–24].

Неистовая ненависть к Котяну и его орде, о которой толпа вопила перед дворцом, возникла вскоре после поселения куманов: "Когда король команов со своими вельможами и простолюдинами вступил в Венгрию, то, поскольку у них были бесчисленные стада вьючных животных [лат. iumentorum armenta infinita "бесконечные стада скота". – *А. Г.*], на пастбищах, нивах, садах, лугах, виноградниках и в прочих местах они причинили венграм тяжёлый ущерб. Страшнее же всего для венгров было то, что команы, будучи людьми дикими, бесчеловечно хватали дочерей бедняков и, овладев ими, когда представлялся удобный случай, оскверняли; хотя нужно признать, что и их собственные жёны за столь же дешево доставались венграм на позор. Если же в чём-то, имеющем отношение к имуществу или личности, венгр причинял ущерб команину, то тотчас же в связи с этим появлялось справедливое обвинение, так что кто-то другой нечто подобное совершать уже не отваживался. Но если от команина венгр терпел притеснение, то правосудие по этому поводу не совершалась, и если он упорствовал, то порой вместо слов получал плети. Так и возникла вражда между королем и народом" [24, cap. XIX; 20, с. 19].

Ради примирения сторон между сторонами было заключено публичное соглашение: "Король команов Кутен был крещён королём, а многие прочие команы были крещены вельможами и знатью королевства, так что они с венграми уже и браки заключали. И если бы король не был им по сердцу, то и в Венгрии они бы не остались" [54, cap. XII; 20, с. 25–26].

"Capitulum XV. De consilio regis contra Tartaros О совете короля против татар

После этого в Великий пост, продолжая свой путь и таким образом всё более и более усиливая слухи, король спешил к некому поселению, называемому Буда, которое находится на берегу Дуная и в котором он имел обыкновение справлять Четыредесятницу (ибо место это считалось более скромным). И когда

были созваны архиепископы, епископы и другие старейшины королевства, он принялся усердно размышлять о том, что нужно предпринять, часто призывая и увещевая их, чтобы каждый из них держал наготове своих наёмных воинов. Кутен же, который с женой, сыновьями, дочерьми и некоторыми своими старейшинами, словно подозреваемый и соучастник злодеяний, был призван королём, и по общему решению, дабы не смог избежать возмездия венгров, был заключён под стражу" [54, cap. XV; 20, с. 27–28].

После убийства Котяна куманы взбунтовались, отреклись от католицизма и подвергли разорению всё вокруг, а немалая их часть, разоряя всё вокруг, двинулась в Болгарию. Там они обосновались под властью болгарского царя-младенца Коломана I Асеня. Из их среды впоследствии выдвинулся боярин Георгий Тертер, крупный феодал, который стал царём Болгарии (1280–1292). Четверо его преемников-тертеровцев правили страной в 1298–1323 годах.

Оставшиеся в Венгрии и несколько лет спустя возвратившиеся с Балкан половцы укрепились в регионах Большой Куншаг, Малый Куншаг и Ноград (Nógrád, словацк. Novohrad, нем. Neuburg, Neograd – по названию замка). По их славянскому наименованию *palócok* "половцы" комитат Ноград стал известен также как Палоцшаг (Palócság). Полмиллиона современных *палоци* занимают более обширную территорию, отличаются этнокультурным своеобразием, но от половцев тут осталось всего лишь имя.

В жизни кунских анклавов Елизавета Куманская, жена и мать короля [44], её сын-король Ласло Кун и половецкие дружины Зейхана сыграли настолько заметную роль, что эти области стали восприниматься как куманские. Свою лепту внесли и учёные, с энтузиазмом исследуя топонимику, антропонимию и разбираемую нами венгерскую запись кунской молитвы и акцентируя внимание на явных или кажущихся подобиях между собранными реликтами и живыми кыпчакскими языками, которые в XX веке получили полное научное освещение.

Кунская версия молитвы «Отче наш» записана венгерской латиницей в 1744 году. В Вену для встречи с эрцгерцогиней Австрии и королевой Венгрии Марией Терезией с целью подтверждения неких привилегий приехали делегаты от Куншага и Ясшага (Jászság), или Языгии, области, где языгов поселил упомянутый Бела IV. Кунов представлял Иштван Варро из города Карцаг. Его визави Ференц Адам Коллар, придворный советник и директор библиотеки, знаток восточных языков, удивился, что тот умеет молиться на забытом кунском языке и попросил продиктовать заученную в детстве молитву в целом известного содержания. Тот её проговаривал механически, не понимая произносимое дословно. Оба говорили по-венгерски и, возможно, на разных наречиях. В итоге совместных стараний получилась запись непонятного тюркского текста не особо подходящей для этого языка венгерской латиницей.

В научный оборот эту запись по двум спискам с прототипа из библиотеки Дебреценской школы (второй вариант Коллар получил от Михая Герпая из Кишкуна) ввёл в науку швед Иоганн Эрих Тунманн (Johann Erich Thunmann, 1746–1788), профессор Галле-Виттенбергского университета имени Мартина Лютера, Германия, автор трудов о народах Восточной Европы и монографии о Крымском ханстве 1777 (до присоединения в России) и 1784 годов. В статье под названием «О команах, народе, совершенно отличном от гуннов» [56] с оговоркой: "Существующие две копии несколько отличаются друг от друга, но одинаково испорчены переписчиками. Однако некоторые слова остались, к счастью, нетронутыми, и возможно, что к остальным их следует применить как лекарство, которым они могут излечиться от своей нелепости. Но, оставляя эту заботу другим, могу продемонстрировать нелепость, о которой я сказал, и сходство между этим языком и турецким". Опубликовал он её параллельными строками:

1. Bezén Attamaz kenze kikte, szen leszen,
2. Bézám Attamasz kenzekikte szenlezon
1. Szenadon, dösön szen küklon, nicziegen, gérde
2. Szénadon dösön szenküklon netzegerde
1. ali kékte bezén akomozne oknemezne
2. aligükte bezamok menemezne
1. bergezge pitbütör küngön il bezen ménemezne
2. gutba tergünger alibezam memezne
1. neszembezde, jermezbezge vtrogergenge iltme
2 . tschermezbezga
1. bezne olgya manga kutkor bezne
2. kutkorbezga eniklembezda
1. álgya manna szen borszong boka csalli bocson
2. ovia malna szembersánk bokvesáte
1. igyitengere Amen.
2. tengeri ovia tengeri tengeri Amen [56, с. 185].

К более-менее ясным словам И. Тунманн дал комментарии и предложил вероятные чтения: *bizüm atamüz* "наш отец", *kim sen* "который ты", *kökte* "на небе", *senlesin / senlesün* "да святят" < венг. *szent* "свя-

той”, *senin aduŋ* “твоё имя”, *doson* ~ тур. *osun* “да будет”, *niče ki* “как”, *gerde* “на земле”, *ali* ~ тур. *öyle* “так”, *ekmekimüz* “наш хлеб”, *ber* “дай”, *Tengeri* “Бог”.

Янош, сын Иштвана Варро, заверял И. Тунманна, что попытается добиться от отца большей ясности, но дальше желания дело не пошло.

С годами запись Иштвана Варро и Ференца Адама Коллара и вскоре полученную им запись Михая Герпая копировали с прототипов несколько раз. И в 1842 и 1844 (1851) годах её вновь построчно опубликовал по этим двум и ещё по 6 спискам Янош Йерней в сравнении с турецким переводом венгерской латиницей:

1. Bezén attamaz kenze kikte.
2. Bézam attamasz kenz kikte.
3. Bezén attamaz kenze kikte.
4. Bezen attamaz kense kikte.
5. Bezom attamasz kemze kikte.
6. Bezen attamaz ebenze kikte.
7. Bezon attamaz kenze > kemze kekte.
8. Bezen áttamaz kenze kikte.

Bizüm atamüz ki gyöklerde szin.

1. Szen leszen szen adon.
2. Szenlezon szenadon.
3. Szen lészen szen adon.
4. Szen leszen szen adon.
5. Szélezon szenadon.
6. Szen lészen szin adon.
7. Szenleszen szenadon.
8. Szen lészen szenadon.

Szenün adün mukkadesz olszun.

1. Düsön szenküklon.
2. Düsön szenküklon.
3. Dösön szen küklön.
4. Dösön szen küklön.
5. Dössön szenküklön.
6. Dösön – – –
7. – – – –
8. Dösön szen küklön.

Szenün memleketün gyelszun.

1. – – – nicziegen gérde ali kékte.
2. – – – netzegerde aligükte.
3. – – – nicigen gerde ali kekte.
4. – – – nilziengen gerde ali kekte .
5. – – – netzegerde alikükte.
6. – – – mittigen kenge alikikte.
7. – – – miczi jegengerde ali kekte.
8. – – – nicziegen gerde alikekte.

Szenün aradetün [=iradetün] olszun, netekim gyökdé, daha jerdé.

1. Bezén akomozne oknemezne berbezge pitbütör küngon.
2. Bezamok menemezne – – – gutha tergünger.
3. Bezén okomuzne okne mezne oknemezne hergezge pitpütor – .
4. Bezen ako mezne okne mezne bergezge pit bütör küngön.
5. Bezom – – ok nemezne güt büttor güngön borbezge.
6. – – – – – – puthuter kungivi.
7. Bezom akkomozne okne mezne berbezge pithutöör küngöd.
8. Hezén ako mezne okne mezne herbezge pit bütör küngön.

Her gyünki bizüm ekmekmüzi ver bize bu gyün.

1. Il bezen ménemezne neszembezde jermezbezge utrogergenge.
2. Ali bezam menemezne – tsehermezbezga [= tschermezbezga *Thunmann*].
3. Il bézen méne mezne neszem bezde jermezbezge utrogergenge.
4. Il bezen mene mezne neszen bezde permezberge utrogergene.
5. Eli bezon menemezne – – termezbezge – – .

6. Ilt bezen – – – – – – – .
7. Ilt bezon menemezde – – – – – .
8. Il bezen mene mezne neszem bezde jermez bezge utrogergenge.

Ve bizüm burdzslerümi[zi] bizé baghisle, netekim biz dahi bizüm burdzs[lu]lerümüze baghisleriz.

1. Iltme bezne olgya manga.
2. – – – – .
3. Iltme bezne olgyamanga.
4. Illme bezne olgyamanna.
5. – – – – .
6. Iltne bezne – – .
7. Ilt mehezde olgyan angja.
8. Iltme bezne olgyamánya .

Ve bizi tedzsribe adhal [= idhal] etme.

1. Kutkor bezne álgya manna.
2. Kutkor bezge eniklembezda ovia malna.
3. Kutkor bezne – olgyamanna.
4. – – – – .
5. – – – – .
6. Kutin bezne – migni.
7. – – – manga > manya.
8. Kutkor bezne algyamanna.

Lekin serirden bizi, nedzsat eile.

1. Szen borsong boka csalli bocson igye tengere.
2. Szembersánk bokvesáte – tengeri ovia tengeri tengeri. Amen.
3. Szen borson boka csalli bocson igyi tengere.
4. Szen börsön boka valli bocson igye tengere .
5. – – – – – ovgyi tengere.
6. – – bocsátali bocson mégni tengenizni.
7. – – boka csali bocsonig is tengere.
8. Szen borsony boka csalli bocson igyi tengere. Amen.

Zira szenündür memleket ve szultanet ve medzsdi ta ebed. Amin [45, с. 290–292].

Свою побуквенную трансляцию и нормализацию дебреценского прототипа по И. Тунманну предложил Армин Вамбери:

Bezen attamaz kenze kikte szen leszen szen adon. Doson szenküklön nicziegen gerde alikekte bezen oknemezne berbezge pitbütör küngon. Ali bezen ménemezne neszembezde jermezbezge utrogergenge iltme bezne algya manga kutkor bezne algya manna szen borszen boka csali bocson igye tengere.

Bizim atamiz kim sen kökte sentleśsen seniñ adïŋ; dözünsen könglün ničekim žerde eile kökte bizim ekmemizni ber bizge… küngön, al bizim günemizni niǯen bizde ǯermiz bizge ötrü gelgenge, iltme bizni al ǯamanga kutkor bizni al ǯamandan sen bar sen iǯe tengri [59, с. 216].

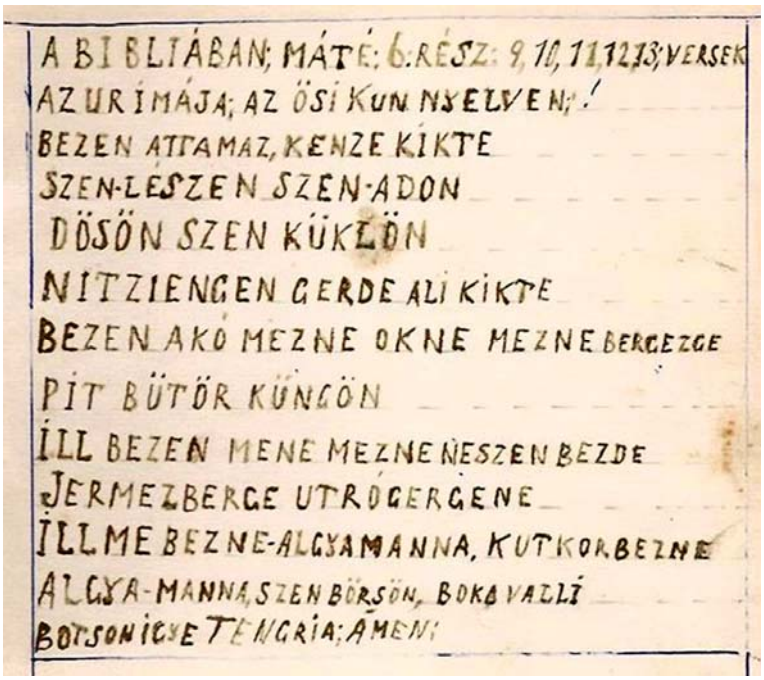
Во многом согласившись с А. Вамбери, Геза Куун во введении к изданию памятника «Codex Cumanicus» дал такую тюркологическую транскрипцию:

Bezem atamïz kim sen küktä.
Senläsün sen adïng

———

Dözünsün sen könglüng niǵäkkim ǵerdä alaj küktä.
Bezem ötmakemezne ber bezgä bütön bütön bu gön.
Al bezem menämezne niǵam bezdä jajïrmïz bezgä ötrü gelgängä.
Iltmä bezne al ǵamanga.
Kutkor bezne al ǵamanna(n).
Sen bar sen: böka čalï(k), bot(au) iǵe tengri. Ammen [46, с. XLIX-L].

Из реплик особого внимания заслуживает запись фермера и мастера народного творчества, исполнителя традиционных танцев и организатора празднеств и фестивалей Лукача Саппаноса (1886–1973) из Кунсентмиклоша, написанная заглавными буквами в 1970 году. Обратите внимание на окончание предпоследнего слова – *TENGRİA*.

A BIBLIÁBAN; MÁTÉ; 6. RÉSZ; 9, 10,11, 12, 13 VERSEK
AZ U RÍMÁJA; AZ ŐSI KUN NYELVEN. !
“Из Библии, Матфей, глава 6, стихи 9, 10, 11, 12, 13.
Рифмуются на “ты”; на языке древних Кунов”.
BEZEN ATTAMAZ, KENZE KÍKTE
SZEN-LÉSZEN SZEN-ADON
DÖSÖN SZEN KÜKLÖN
NITZIENGEN GERDE ALİ KİKTE
BEZEN AKÓ MEZNE OKNE MEZNE BERGEZGE
PİT BÜTÖR KÜNGÖN
İLL BEZEN MENE MEZNE NESZEN BEZDE
JERMEZBERGE UTRÓGERGENE
İLLME BEZNE-ALGYAMANNA, KUTKOR BEZNE
ALGYA-MANNA, SZEN BÖRSÖN, BOKAVALLİ
BOTSONİGYE TENGRİA; ÁMEN;
Трансляция строчными буквами:
Bezen attamaz, kenze kíkte
szen-lészen szen-adon
dösön szen küklön
nitziengen gerde ali kikte
bezen akó mezne okne mezne bergezge
pit bütör küngön
ill bezen mene mezne neszen bezde
jermezberge utrógergene
illme bezne-algyamanna, kutkor bezne
algya-manna, szen börsön, bokavalli
botsonigye tengria; ámen;

Иштван Мандоки, взяв за основу своей интерпретации первый список по И. Тунманну и приняв во внимание остальные, а также наблюдения и интерпретации других исследователей, в первую очередь Юлиуса Генриха Клапрота и Гезы Кууна, издателей памятника «Codex Cumanicus», Армина Вамбери и своего учителя – Юлиуса Немета, предложил следующую трансляцию и транскрипцию венгерской латиницей, сначала в журнальной статье 1973 года – по И. Тунманну:

Bezén attamaz kenze kikte, szenlészen szen adón dösön szen küklön nitziégen gérde ali kekte bezén akomozne okne mezne bergezge pitbütörküngön. Il bézen méne mezne neszem bezde jermezbezge utrogergenge iltme bezne olgyamanga kutkor bezne olgyamanna szen borson boka csalli bocson igyi tengere ammen [48, с. 119].

Затем в специальном разделе кандидатской диссертации 1981 года. Цитируем по сборнику сочинений И. Мандоки, подготовленному и изданному Адамом Молнаром в 2012 году. Сначала сплошным текстом:

Bezén attamaz kenze kikte, szénlészen, szenádon, dösön szenküklön, nitziégen, gérde, ali kékte – bezén akó mozne, okné mezne, bergézge, pitbütör; küngön il bézen méne mezne neszembezde, jermezbezge, utrogergenge, iltme bezne, olgya nanga, kútkor bezne, algya manna, szen borszony, boka csalli, bótson igyi tengere. Ammen.

Затем – с разбивкой на 10 строк:

1. Bezén attamaz ken ze kikte,
2. szénlészen szen ádon,
3. dösön szen küklön,
4. nitziégen gérde, ali kékte,
5. bezén akómozne, oknémezne ber gézge pitbütör küngön,
6. il bézen ménemezne, neszem bezde jermez bezge utro gergenge,
7. iltme bezne ol gyamanga,
8. kútkor bezne al gyamanna.
9. szen borszony bo kacsalli, bo tson igyi tengere.
10. Ammen.

И в транскрипции на основе венгерской и тюркологической латиницы:

biziŋ atamïz kim-siŋ kökte
sentlensin seniŋ adïŋ
düššün seniŋ köŋlüŋ
nečik kim ǰerde alay kökte
biziŋ ekmegimizni ber bizge büt-bütün künde
ilt biziŋ minimizni
nečik kim biz de iyermiz bizge ötrü kelgenge
iltme bizni ol ǰamanga
qutqar bizni ol ǰamannan
sen barsïŋ bu küčli bu čïn iygi teŋri amen

Венгерский перевод И. Мандоки с этой реконструкции:

Mi atyánk, ki vagy a mennyben (égben),
szenteltessék meg a te neved,
szálljon le [közénk] a te akaratod,
ugyanúgy a földön, ahogy az égben;
a mi kenyerünket add meg nekünk minden nap;
vidd el a mi bűnünket,
amiképpen mi is megbocsátunk az ellenünk jövőnek;
ne vigyél minket a rosszba,
szabadíts meg minket a rossztól (gonosztól);
te vagy ez az erős, [az] igazságos jó Isten; ámen [49, с. 122, 138].

По-русски звучит примерно так (в последней строке при переводе пропущено второе указательное местоимение, тоже в роли определённого артикля):

Отец наш, сущий в раю (на небе),
да святится имя Твоё,
да сойдет воля Твоя *среди нас*,
так же и на земле, как и на небе;
хлеб наш насущный дай нам;
забери наш грех, как и мы прощаем тех, кто выступает против нас;
не введи нас в заблуждение,
избавь нас от плохого (от зла);
ты – этот сильный, [этот] справедливый, добрый Бог; аминь.

Тюркская и латино-казахская версии этой венгерской транскрипции Раушангуль Мукушевой (орфография сохранена):

biziŋ atamïz kimsiŋ kökte
szentlensin sen[iŋ] atïŋ
düššün sen[iŋ] köŋlüŋ
neçik kim jerde alay kökte
biziŋ ekmekimizni ber bizge büt-bütün künde

ilt biziŋ minimizni
neçik kim biz de iyermiz bizge ötrü kelgenge
iltme bizni ol jamanga
qutqar bizni ol jamannan
sen barsïŋ bu küçli bu çïn iygi teŋri amen.
Bizdiŋ atamız kimsiŋ kökte
Sentlensin seniŋ atıŋ
Tüssin seniŋ köŋliŋ
Neşik jerde solay kökte
Bizdiŋ nanımızdı ber bizge büt-bütin künde
Yelt (al) bizdiŋ minimizdi
Neşik biz de iyirmiz bizge karsı kelgenge
Yeltbe bizdi ol jamanġa,
Ķutķar bizdi ol jamannan
Sen barsıŋ bu küşti bu şın téŋiri émin [58, с. 143].

Тексты исходников и Иштвана Мандоки время от времени печатаются в местных журналах и газетах, а затем возвращаются в научный оборот в десятках студенческих полевых записей.

Заглавными буквами вариант текста молитвы по И. Мандоки высечен на каменной плите в Кунсентмиклоше в 2007 году. Сначала плита покоилась на газоне, а позже её подняли на постамент:

Побуквенный набор кунской молитвы и памятной подписи:
BEZEN ATTAMAZ KENZE KIKTE
SZENLESZEN SZEN ADON
DÖSÖN SZEN KÜKLÖN
NICIGEN GERDE ALI KIKTE
BEZEN AKOMOZNE OKNEMEZNE
BER BEZGE PIT-BÜTÖR KÜNGÖN
ILT BEZEN MENEMEZNE
NESZEM BEZ DE JERMEZ
BEZGE UTRO GERGENGE
ILTME BEZNE OL GYAMANGA
KUTKOR BEZNE OL GYAMANNA
SZEN BORSZONY BO KACSALLI
BO CSON IGYI TENGERE.
AMEN.
RESTAURÁLT KUN MIATYÁNK – SZÓVEG ÉS FORDITÁSA
ÁLLÍTOTTA; KUNSZENTMIKLOSI MEGMARADÁS 2007
“Реконструкция Кунского Отченаша – дословно и в переводе.
Водружено в Кунсентмиклоше в 2007”.
Трансляция строчными буквами:
Bezen attamaz kenze kikte
szenleszen szen adon

dösön szen küklön
nicigen gerde ali kikte
bezen akomozne oknemezne
ber bezge pit-bütör küngön
ilt bezen menemezne
neszem bez de jermez
bezge utro gergenge
iltme bezne ol gyamanga
kutkor bezne ol gyamanna
szen borszony bo kacsalli
bo cson igyi tengere.
Amen.

Рассмотрим в свете исследований предшественников и приведённых ниже в Приложении дополнительных материалов кыпчакскую версию молитвы по порядку.

I. Обращение *Biziŋ / bizim / bizüm Atamïz, kim Sen kökte*

Отче наш, который на небе

Biziŋ [bezén, bezen], ***bizüŋ*** [bezon], ***bizim*** [*bézam*], ***bizüm*** [*bezom*] – перевод венгерского *mi* “наш”. А. Вамбери воспроизводит как *bizim*, а Г. Куун – *bezem*. И. Мандоки предпочёл вариант 6 списков *bezén, bezen, bezon = biziŋ, bizüŋ* и получил местоимение *biz* “мы” в р. п. без промежуточного *n* (по другому типу склонения могло быть *biznіŋ, biznüŋ, bizdіŋ, bizdüŋ*). Но в остальных двух списках имеем *bézam, bezom = bizim, bizüm* “наш” – новообразованное притяжательное местоимение, возникшее из падежной формы за счёт губной ассимиляции.

Буквы *é / e / a* вместо *i*, из-за краткости гласного и отсутствияя палатализации согласных окружения в этих и других зафиксированных здесь формах местоимения 1. л. мн. ч. (*biz, bizge, bizni*), объясняются, вероятно, с точки зрения венгерской диалектологии – коррекцией тюркского *i*, воспринимаемого как “верхнетисское”, в *e* базового наречия Ф.А. Коллара.

Atamïz [attamaz, attamasz, áttamaz] – перевод венгерского *Atyank* “Отец наш”. И. Тунманн отождествил с тур. *atamüz* “наш отец”.

Многим бросается в глаза сходство венгерского *atya* оригинала с тюркским *ata* перевода. Оба эти слова сближали с готским *atta* [47, с. 493], шумерским *ad, ad-da* [57, с. 606], а также с чувашским вокативным *amme* “(мой) отец”. Последнее особо привлекательно, потому что венгры долгое время обитали в Поволжье и там заимствовали много булгарских слов [43. – Разобрано 237 слов]. Но стоит дойти до чув. *епир аттемер* “наш отец”, как из-за отсутствия внешнего сходства между чув. *(е)пир* и запад.-тюрк. эквивалентом *bizim* “наш” ассоциация тут же обрывается.

Накопление разноязычного материала этимологами показало, что геминация и палатализация вообще типичны для вокативных названий вроде ana > anne “мама”, ağa > ağe “дядя”, aka > akka > ake > әke // köke, baba > babe “папа”, kardaş > kardeş “брат” и под. и в индоевропейских, и в финно-угорских, и в тюркских языках. Неизбежно возобладало убеждение, что эти слова хоть и могут кочевать из языка в язык, но по большей части являются исконными продуктами детской лепетной речи.

В кунском *аттамаз* два нарушения: удвоение *тт* и сильное *а* на месте слабого *ы* в аффиксе. Касаясь удвоенного *тт*, Мандоки приводит пример экспрессивной геминации в кырг. *Аттаңа лағнет!* бранное “Будь проклят твой отец, дед, предок, предки, весь твой род!” По-казахски и утраивают: *Аттаңа нәлеттт!* [21, с. 5] Но этой просительной молитве, самой высокой и образцовой, подобная эмоциональная эмфаза не свойственна в корне. Причину надо искать в другом.

Мы все имеем опыт обучения детей правильному произношению. И чаще всего добивались необходимого результата, вычленяя проблемный фрагмент и интенсивно отрабатывая его артикуляцию с особой экспрессией. Полагаю, что и говоривший только по-венгерски малолетний Иштван Варро, зазубривая молитву от бабушки, спотыкался на этом слове и вместо необычного тюркского *amá* произносил привычное венгерское *atya* [át'a] с ударением на первом слоге и мягким корневым согласным. Бабушка, требуя, произносить твёрдо и с ударением на втором слоге, невольно добилась чрезмерного усиления и удлинения твёрдого согласного, что через годы и было выражено на письме посредством удвоения. Чрезмерная тщательность сказалась и на качестве слабого аффиксального гласного третьего слога. С учётом этого следует признать убедительной негубную реконструкцию *atamïz* или же, по согласованию с вариантом *bizüŋ, bizüm* “наш” и по аналогии с *aduŋ* “твоё имя”, условно допустить губную – *atamuz*. Не исключено, что эти дефекты возникли поколениями раньше и были уже в речи самой бабушки.

Kim Sen [kenze, kenz, kemze, kenze > kemze, kense, ebenze] “кто Ты”, точнее “который Ты”, пословная калька венгерского *ki vagy* “кто Ты”. Реконструкция *kim-siŋ* с аффиксом сказуемости 1 л. ед. ч. у И. Мандоки не имеет логического основания. По смыслу предполагаемая им тюркская конструкция *kim-*

siŋ – не относительная, а вопросительная: “кто ты? ты кто?”, а в целом реконструированное таким образом *Biziŋ atamïz, kim-siŋ kökte* – не молитвенное обращение “Отче наш, который на небе”, а нечто неуместное, дерзкое, вроде “Отче наш, кто Ты на небе?” или “Отче наш, Ты кто на небе?”

Иное дело, если всдед за А. Вамбери и Г. Кууном примем, что *kenze, kemze* и пр. – это идущие друг за другом относительное местоимение *kim* и личное *sen*, что даёт синтаксически корявое, но по смыслу тождественное оригиналу *Biziŋ atamïz, kim Sen kökte* “Отче наш, который Ты на небе”. Оно вполне сравнимо с грамматически правильным кыпчакским переводом в памятнике «Codex Cumanicus»: *Atamïz, kim köktäsen!* [Atamís kím køctæ ſen] “Отче наш, который на небе”, где последнее *-sen* – действительно аффикс сказуемости 1 л. ед. ч., и стоит он на положенном месте. См. ниже *Sen* [szen, szem] “ты”.

Kökte, kükte [kikte, kekte; и тремя строками ниже: kékte, kekte, kikte, kükte, gükte] “на небе”, перевод венгерского *a mennyben* “на небесах, в раю” и *az égben* “на небе”. Единственный вариант с начальным звонким *g* во втором списке наряду с глухим *k* в первой строке вынуждает вспомнить о том, что звонкий анлаут типичен для турецкого, гагаузского, кумыкского языков, с первым из которых записывающий был наверняка знаком. Передача корневого гласного через *ü*, с одной стороны, связана, видимо с его ослаблением ввиду непривычного для венгерской речи ударения на последнем слоге и усиления аффиксального гласного, а с другой – заставляет вспомнить об уканье в татарском, башкирском и некоторых других языках, в том числе в этом самом слове: *kük*. Написания же *kék, kek, kik* говорят об ассоциации с венгерским тюркизмом *kék, kik* “голубой”.

II. Просьбы

II. 1. *Senleşsin Sēŋ adïŋ*

Да святится имя Твоё

Senlešsin [szen leszen, szen lészen, szenleszen, szenlezon, szélezon] “да святится”, перевод венгерского *szenteltessék*. Форму взаимно-совместного залога предложил А. Вамбери: *sentleśsen*. И. Мандоки, читая *sentlensin*, руководствовался, видимо, венгерской версией и другими вариантами нового времени и потому реконструировал кунский глагол в страдательном залоге: *sentlensin* “да освящается (кем-то), пусть будет освящаемо”, восстановив редуцированный *t* на стыке корня и аффикса и прибавив аффикс возвратного залога *n*, хотя то и другое отсутствует во всех списках.

Сам глагол *senleş-* образован от венгерского *szent* “святой” < слав. sv̨ętъ, откуда ст.-слав. свѧтъ, пол. święty, полаб. swątě, с упрощением групп *sw* > *s* (*ср. hála* < *хвала* “благодарность, воздаяние”) и *ntl* > *nl*.

В связи с этим показательным заимствованием важно отметить весомую группу старых венгерских славянизмов, преимущественно западных и юго-западных, особенно связанных с религией, государством, семьёй и хозяйственной деятельностью: *ablak* < *облокъ* “окно”, *abrak* < *оброкъ* “корм, фураж”, *abroncs* < *обрѫчь* “обруч, шина”, *asztag* < *стог* “стог”, *asztal* < столъ “стол”, *asztalnok* < *стольникъ* “стольник”, *bab* < *бобъ* “боб”, *barát* < *братъ, братръ* “друг, монах”, *barázda* < *бразда* “борозда”, *bátya* < *батя* “старший брат”, *család* < *челядь* “семья”, *császár* < *чесарь, цесарь* “император”, *cseléd* < *челядь* “челядь, прислуга”, *csoroszlya* < *чрѣсло, черясло* “лемех”, *csütörtök* < *четверьтокъ*“четверг”, *ebéd* < *обедъ* “обед”, *galamb* < *голѫбъ* “голубь”, *gerenda* < *грѧда* “бревно, балка”, *gerlice* < *гърлица* “горлица”, *iga* < *иго* “иго, ярмо”, *ispán* < *жупанъ* “жупан”, *kalács* < *калачь* “калач”, *kanca* < *коница* “кобыла”, *kása* < *каша* “крупа”, *kereszt* “крест”, *keresztény* “христианин, христианский”, *király* “король”, *koma* < *кум , кума* “крёстный отец”, *kovács* < *ковачь* “кузнец”, *nene* < “старшая сестра”', *oltár* < *олътарь* “алтарь”, *pap* “поп, священник”, *péntek* < *пѧтъкъ* “пятница”, *pisztráng* < *пьстрѫгъ* “форель”, *pogácsa* < “пышка, пирожок”, *pogány* < *погань* “язычник, языческий”, *robot* < *робота* “барщина”, *rozs* “рожь”, *szita* “сито”, *szombat* < *сѫбота* “суббота”, *szomszéd* < *сѫсѣдъ* “сосед”, *vacsora* “вечеря, ужин” и др. [1]

Кунский глагол взаимно-совместного залога *senleşsin* не передаёт пассивности венгерского глагола в обороте *szenteltessék meg a te neved* “да святится, да будет освящаемо имя Твоё”. Он подчёркивает многократность, постоянность действия и выступает в качестве глагола среднего залога: подлежащее, формальный субъект действия – его объект. Глубинная задача такого совмещения субъекта и объекта в данном конкретном случае состоит в передаче действия многосубъектного. В славословии по замыслу повествования должны участвовать и соучаствуют все и вся: а сосредоточено совместное славословие на одном-единственном объекте, который представляется первопричиной мироздания. По сути, как и вся молитва, этот кунский глагол заключил в себе чрезвычайно ёмкую ссылку на те части Ветхого и Нового Заветов, где говорится о прославлении вечно сущего Господа Бога всеми “воинствами небесными” и “тварями земными”:

«[20]Благословите Господа, *все* Ангелы Его, крепкие силою, исполняющие слово Его, повинуясь гласу слова Его; [21]благословите Господа, все воинства Его, служители Его, исполняющие волю Его; [22]благословите Господа, все дела Его, во всех местах владычества Его. Благослови, душа моя, Господа!» – *Псалом 102/103*;

«[2]Вокруг Него стояли Серафимы... [3]И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» – *Исаия 6*;

«[4]… живые существа вокруг Божьего престола: [5]облик их был, как у человека; [6]и у каждого четыре лица… [10]Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех». – *Иезекииль 1*;

«[6]и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. [7]И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. [8]И ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет». – *Откровение 4*. Эти лики символизируют Божьи творения – диких зверей, домашних животных, людей и птиц, и каждый – одного из четырёх евангелистов: лев – Марка, телец – Луку, человек – Матфея, орёл – Иоанна.

В памятнике «Codex Cumanicus» кунскому *senleşsin* соответствует составной глагол среднего залога *alγïšlï bolsun* “да будет благословенно”. То же в татарском тексте И. Шильтбергера и И. Мегизера: *alγušludur* “благословенно”; в арм.- кып. переводах сперва *aridir* “свято”, затем *ari bolsun* “да будет свято”; в караим. *махтовлы болгъай* “да восхваляется, да будет хвалёным”. В более поздних тюрк. переводах с османского или синодального русского видим формы страдательного залога типа тур. *azizlensin* “да будет освящаемо”, кырг. *урматталсын* “да будет почитаемо”. А в совр. кумыкском переводе использована активная конструкция с переходным глаголом и ограничительным названием субъекта действия: *Инсанлар Сени сыйлы атынгны гьюрметлесин дагъы* “Пусть люди почитают святое имя Твоё”. Последнему могло бы соответствовать предложенное И. Тунманном *senlesin / senlesün* “пусть освящают” – без дополнительных залоговых аффиксов. Но оно слишком неопределённо.

Sēŋ [szen – в двух сочетаниях, szin – однажды] < *seniŋ* “тебя; твой” – редуцированная форма р. п. личного местоимения 2 л. ед. ч. *sen* [szen, szem в последней строке] “ты”; входит в изафетную конструкцию с определяемым именем существительным, которое снабжено притяжательным аффиксом -°*ŋ*: *Sēŋ aduŋ* [szen adon, szenadon, szenadon, szin adon] “Твоё имя” и *Sēŋ köŋlüŋ* [szenküklon, szen küklön, szenküklön] “Твоя воля”. Вариант с -°*n* в аффиксе (*Sēn adun*, *Sēn köŋlün*) маловероятен. См. ниже *Sen birsiŋ* [szen borsong, zembersánk...] “Ты един”.

Aduŋ [adon] – притяжательная форма 2 л. ед. ч. имени существительного *at* “имя” с озвончением корневого глухого *t* перед аффиксальным гласным.

II. 2. *Tüzsün seniŋ köŋlüŋ *
niče kim / niči kim / neče yerde / d’erde, álïy / ál^{a}y kökte
Да правит (вершится) воля Твоя как на земле, так и на небе

Tüzsün [düsön, dösön, dössön] “да правит”. Иоганн Тунманн предложил непонятное *doson* ~ тур. *osun* “да будет”, Армин Вамбери – *dözünsen* [59, с. 216], которое Геза Куун исправил на *dözünsün* и истолковал как пассив от *tüzmäk* “ordinare” – “приводить в порядок, упорядочивать, устраивать, управлять, руководить” [46, с. XLVIII]. Звонкое начало, присутствующее у этого слова во всех копиях и отмеченное однажды и для слова *kök*, указывает, вероятно, на то, что запись молитвы выполнена “с турецким акцентом”, ибо записывающему турецкое *düzsün* было более привычным.

Толкование *düsön, dösön, dössön* Иштваном Мандоки как *düššün* “да опустится, сойдёт” противоречит содержанию исходного текста: “опускаться на небе и на земле” (обстоятельства выражены местным падежом) означает “приходить в упадок”. На самом же деле речь идёт о властвовании, господствовании, вершении воли Бога небесного на небе и на земле. Кыпчакское *tüzsün* выражает эту идею категоричнее – “да правит”, чем сдержанное *bolsun* / *olsun* “да будет” других тюркских переводов.

Köŋlüŋ [küklon, küklön] – притяжательная форма 2 л. ед. ч. имени существительного *köŋül* “желание, воля”. Это слово, турецкого эквивалента которого (*gönül*) записывавший, очевидно, не знал либо знал, но не ассоциировал, прямо указывает на две характерные черты языка кунов – глухое начало и наличие *ŋ* в корне, а косвенно – и в аффиксе 2 лица ед. ч. См. ниже *Sen birsiŋ* [szen borsong, zembersánk...] “Ты един”.

Niče kim / niči kim / neče yerde / d’erde, álïy / ál^{a}y kökte “как на земле, так и на небе” = венг. *amint a mennyben, úgy a földön is* “как на небе, так и на земле”. У А. Вамбери *ničekim žerde eile kökte*, у Г. Кууна *niǵäkkim ǵerdä alaj küktä*, е И. Мандоки *nečik kim ǰerde alay kökte*. Сравнение оформлено посредством парного союза. В кыпчакском переводе произошла недопустимая инверсия обстоятельств места: воля Тенгри, Отца небесного, распространяется не с неба на землю, а с земли на небеса.

Niče kim [niczіegen, nilziengen, nitziengen], ***niči kim*** [nicigen, mittigen, miczi jegen], ***neče*** [netze, netze] “как”, подчинительный союз, включает вопросительное местоименное наречие *niče / niči / neče* “как” и союзную частицу *kim*. А. Вамбери транскрибировал *ničekim*, Г. Куун – *niǵäkkim*, И. Мандоки – *nečik kim*, И. Тунманн – *niče ki*, с персидской частицей *ke, ki*.

Yerde / d’erde [gerde, kenge] “на земле”. А. Вамбери, Г. Куун и И. Мандоки солидарны, что в начале этого и ещё одного слова (*yaman / ďaman* “злой, зло”) зафиксирована аффриката *dž*, а не щелевой. Из этого

якобы вытекает, что джеканье – либо типологическая черта лишь того наречия кыпчакского языка венгерских кунов, на котором составлена эта молитва, либо, по нашему мнению, результат спорадического влияния венгерского языка, в котором начальный *j* переходит в *ď*, либо и то и другое одновременно. Впрочем, на письме звук *ď* передаётся через *gy*, а не через *g*, как здесь. К тому же, второе слово у Михая Герпая записано вроде бы со щелевым: *yamanna*^{n} [ia malna] “от зла” (см. ниже *Yaman / ďaman*).

Álïy / ál^{ï}y [ali] “так”. А. Вамбери читал на турецкий лад как *eile*, Г. Куун – как *alaj*, а И. Мандоки – как *ali*, с нарушением сингармонизма. Зная караимские варианты *алай*, *алый*, *алэй* “так”, а также крымскотатарское и урумское *álай* (наряду с *алáй*) “так”, как и здесь, *álай-álай* “так-так; баю-бай” с ударением на первом слоге, каз. *алай* “так”, кырг. рефрен *алдей-алдей* “баю-бай”, предполагаем, что в связи с переносом ударения на первый слог, по венгерскому типу, широкий гласный второго слога, в прошлом аффиксальный, ослабевал и становился для чужого слуха неясным, коротким и узким.

Kökte, kükte [kékte, gükte, kekte, kükte, kikte] “на небе”, см. выше пункт I. Обращение.

II. 3. ***Biziŋ / bizim / bizüm ekmekimizni / ekmekimüzni / ökmekimizni / ökmökümüzni ber bizge pit-bütür / pit-pütür kün-gün*** *Хлеб наш давай нам непременно изо дня в день*

Biziŋ [bezén, bezen, hezén], ***bizim*** [*bézam*], ***bizüm*** [*bezom*] “наш”, см. выше пункт I. Обращение.

Ekmekimizni, ekmekimüzni, ökmekimizni, ökmökümüzni [akomozne oknemezne; ok menemezne; okomuzne okne mezne oknemezne; ako mezne okne mezne; ok nemezne; akkomozne okne mezne; ako mezne okne mezne; akó mezne okne mezne] “наш хлеб”, винительный падеж притяжательной формы 1 л. мн. ч. Соответствует венгерскому сочетанию *mindennapi kenyerünket* “каждодневный хлеб наш”. В большинстве рукописей пишется то одним словом, то разделённым на две части, то один раз, то дважды подряд – в первый раз с начальным *a*, а во второй – с *o*, а там, где трижды, только с *o*, но то слитно, то раздельно, то снова слитно. Скорее всего, пишущие хотели показать таким образом предполагаемые варианты. И. Тунманн предложил чтение без падежного аффикса *ekmekimüz*, А. Вамбери – *ekmemizni*, Г. Кунн на турецкий-татарский манер – *ötmakemezne*, а И. Мандоки – *ekmegimizni* с озвончением основы перед аффиксом, которое в рукописях никак не обозначено.

Ber bizge pit-bütür / pit-pütür kün-gün “давай нам непременно изо дня в день”. Соответствует венгерскому сочетанию *add meg nekünk ma* “дай нам сегодня”.

Ber [ber, her, bor] “дай”, 2 л. ед. ч. повелительного наклонения глагола *ber-* “давать”. Явные описки в пояснениях не нуждаются.

Bizge [bezge, gezge] “нам”, д. п. местоимения 1 л. мн. ч. *biz* “мы”. Описка пояснения не требует. Касательно чтения Г. Кууна *bezgä* через *e* см. *Biziŋ* пункт I. Обращение, а об *ä* в аффиксе дательного падежа могу сказать следующее: это невольная дань сравнению молитвы с опубликованным им памятником «Codex Cumanicus», где этот звук действительно зафиксирован.

Pit-bütür [pitbütör, gutha ter, pit bütör, güt büttor, puthuter, pithutöör], ***pit-pütür*** [pitpütor] “совершенно весь; целиком, полностью”, здесь “непременно” (укр. доконче, доконечно), интенсив адъективированного причастия *bütür, pütür* “целый, весь” < “законченный, завершённый” от глагола *büt-, püt-, bit-* “оканчиваться и др.”, которое имеет аналоги в карагай-кыпчакском диалекте башкирского языка (*bütürü, bitüri*) и в диалектах татарского (*nyčyďə*) и турецкого (*bitürev*) языков [23, с. 302–303]. А. Вамбери ограничился оригинальным написанием *pitbütör*. Г. Куун предложил чтение *bütön bütön*, а И. Мандоки – *büt-bütün*, оба по аналогии с куманским и турецким языками.

Kün-gün [küngon, günger, küngön, güngön, kungivi, küngöd] “изо дня в день”, типичное парное наречие, образованное путём повтора имени существительного *kün* “день” с ассимилятивным озвончением глухого *k* после сонорного *n*; ср. каз. *күн-күн*, тат. *көн-көн*, тур. *gün gün* “изо дня в день”. В турецком варианте Михая Герая *günger* буква *r* прибавлена как бы в рифму. А. Вамбери ограничился оригинальным написанием *pitbütör*. Г. Кунн читал как *bu gön*.

II. 4. ***Iyilt biziŋ / bizim minimizni / minimizdi, nesem biz de iyermiz bizge utru kelgenge*** *Прости нам пороки наши, поскольку и мы прощаем поступившим против нас*

Iyilt [il, ali, eli, ilt, *у Лукача Саппаноса* ill] “отпусти, прости”, повелительная форма 2 л. ед. ч. понудительного глагола “счесть отпущенным”, образованного от страдательной формы *iyil-* употреблённого в этом же предложении глагола *iy-* “пускать”.

А. Вамбери и Г. Куун читают *al* “возьми, забери”, считая это повелительной формой 2 л. ед. ч. глагола *al-* “брать, взять”, а И. Мандоки – *ilt* “забери” < *ilt-* “нести, вести”. При этом не выяснили природу конечного *-i* в *ali, eli*. Тем не менее, добавим как бы в их пользу, что в чувашском и якутском *al-* “брать, взять, получать, приобретать” звучит как *il-* и *ïl-*.

В оригинале словоформам *il, ill, ali, eli, ilt* соответствует венгерское *vidd el* “возьми прочь, забери, убери” с наречием *el* “прочь” . Предложенное *al* означает “возьми себе, прими на себя”, а не “прочь”, а *ilt* – “неси; веди”. Однако в уйгурских диалектах, по данным Карла Броккельмана [35], он встречается якобы в значениях “вырывать, отрывать; удалять” [24, с. 267–268], наверное, в сочетании со глаголом вроде

čïqar-, как в ближайших языках. Ср. куман. *elt-* “вести с собой / на себе, приводить, доставлять, посылать”, арм.-кып. *elt-* “доставлять, отправлять, отправить, посылать, послать, провожать, проводить, вести, гнать”, кар. *элт-* “носить, возить, водить, уводить, увозить”, *эльт-* “нести, относить, выносить, выводить; проводить; посылать, отправлять; управлять; поправлять”, *эльть-* “нести, доставлять; похищать; умножать”, тат. *илт-* “нести, относить; везти, отвозить; вести, отводить; вести, приводить”, башк. *илте-* “доставлять”. Направление указывают глаголы-модификаторы: *eltip bar* “понеси, поведи (туда-то)”, *eltip čïqar* “уведи прочь, отправь куда подальше”, *eltip kel* “принеси, приведи”.

Путаницу в этом фрагменте записей разрешает предположение, что здесь использован тот же глагол *iy-* “отпускать”, что и в придаточной части, где он выступает в форме настоящего-будущего времени *iyermiz* “отпускаем”.

Возможные варианты:

$i^{yi}lt$ [il, ill, ilt] “сочти отпущенным”, где к корню *iy-* последовательно присоединены аффиксы страдательного и понудительного залогов, а в первых двух написаниях произошло опрощение с выпадением *t* после сонорного, как и в *senlešsin* < *sentlešsin*;

$i^{ye\ a}l$ [il, ill] “отпусти” – деепричастие на *-a* основного глагола + повелительная форма вспомогательного, передаёт завершённое действие;

$i^{yğı}l$ [il, ill] “отпусти” – повелительная форма усилена не вполне ассимилированной понудительной частицей *-ğïl* (< *iye qïl*), испытавшей редукцию и озвончение;

$al^{a}\ i^{y}$ [ali] “возьми и отпусти”;

el i^{y} [eli] “прочь отпусти”, с венгерским наречием *el* “прочь”.

Biziŋ [bezen, bézen], ***bizim*** [bezam] “наш”. О гласных в *biz* см. пункт I. Обращение.

Minimizni [ménemezne, menemezne, méne mezne, mene mezne], ***minimizdi*** [menemezde] “наши пороки” – винит. п. имени существительного *min* “изъян, недостаток, порок”; во втором написании, как и в случае с *bizni, bizdi* вин. пад. “нас” (см. ниже), зафиксирована асимиляция аффикса, свойственная алтайскому, казахскому, каракалпакскому, кыргызскому, ногайскому языкам, где употребляется и само слово *мін, мин*. Сохранилось оно и в диалектной татарскоой речи, а в кумыкском – в составе *минсиз* “без изъяна”.

Nesem [neszem, neszen] “поскольку”, подчинительный союз причины, сокращение от *nese mi*; ср. башк. *нисә* “сколько”, каз. *нешеме*, тат. *ничәмә-ничә* “сколько только (ни); много, очень много”. Щелевой *s* на месте *č* (см. выше *niče, niči, neče*), указывая на такой же переход в башкирском, свидетельствует о диалектной неоднородности языка кунов Венгрии.

Biz [bez] “мы”, имен. падеж местоимения 1 л. мн. ч. О гласных в *biz* см. пункт I. Обращение.

De [de] “и”, энклитика, в роли присоединительный союза.

Iyermiz [jermez], ***id’yermiz*** [permez, termez, tschermez] “пускаем, отпускаем, прощаем”, 1 л. мн. ч. настоящего-будущего времени глагола *iy-* “отпускать”. Написание *permez* – явная ошибка, а *termez, tschermez*, вероятно, – глухой вариант венгерской передачи *jermez* через *it’ermez* вместо *id’ermez*.

Bizge utru kelgenge [utrogergenge, utrogergene, utrógergene] ед. ч. в значении множественного “поступившим против нас”.

Bizge [bezge, bezga, berge] “нам”, дат. падеж местоимения 1 л. мн. ч. О гласных в *biz* см. пункт I. Обращение.

Utru [utro, utró] “против, напротив; навстречу”, послелог, требует дат. падежа. Ср. арм.-кып. *utru* [otru > utru] “против, напротив; навстречу”: *Oγurluχ 3 türlüdir: ki χaraχčïlïχ etär taγlarda, yol üstünä; bardïr, ki borlalïχta, tarlovlarga kirir; bardïr yänä bezirgânlar arasïna, ki artïχsï alïr da eksik berir. Ne ki oγurluχ bar, barča yamandïr da* ***Teŋrigä utrudïr*** “Воровство есть трёх видов: когда совершают грабёж в лесу, на дороге; бывает, что залезают в виноградник, на поля; есть и среди купцов, когда больше берут и меньше дают. Каким бы воровство ни было, всё – зло и против Бога” [3, с. 162].

Kelgenge [gergenge, gergene] “шедшему сюда”, дат. п. причастия прошедшего времени *kelgen* от глагола *kel-* “идти сюда, приходить”. Озвончение начала слова после гласного свойственно и кыпчакской, и огузской беглой речи, аффикс дат. п. *-e* – турецкий, от Ф. А. Коллара, а вот почему *gergene* написано через *r* вместо *l*, совершенно неясно.

II. 5. ***Iltme bizni ol yamanga*** / ***yamand’a*** / ***yamanya*** / ***yaman^{ï}na / Iltme bizdi ol d’amanga*** / ***d’amand’a*** / ***d’amanya*** / ***d’aman^{ï}na*** *Не доведи нас до того (их) зла*

Iltme [iltme, iltne, ilt me, illme] “не доведи”, отрицательная форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения глагола *ilt-* “вести”, см. выше, при разборе слова *iyilt* “отпусти, прости”.

Bizni [bezne], ***bizdi*** [hezde] “нас”, винит. пад. местоимения 1 л. мн. ч. *biz* “мы”; во втором написании, как и в случае с винит. пад. *minimizni, minimizdi* “наши пороки” (см. выше), зафиксирована асимиляция аффикса, свойственная алтайскому, казахскому, каракалпакскому, кыргызскому, ногайскому языкам. О гласных в *biz* см. пункт I. Обращение.

Ol yamanga / d'amanga [iltme, iltne, ilt me] и др. "до того зла" – указание на те негодные поступки и пороки, о прощении которых мы просим и которые сами прощаем.

Ol [ol, al] "тот (упомянутый)", указательное местоимение; см. след.: *ol* ***d'****aman*^{ï}*na*.

Yamanga / d'amanga [gya manga, gyamanga], ***yamand'a / d'amand'a*** [gyan angja], ***yamanya / d'amanya*** [gyamánya] "до зла", дат. пад. от *yaman* "плохой, злой; зло", ***yaman*^{ï}*na / d'aman*^{ï}*na*** [gyamanna] "до свойственного им зла", дат. пад. от него же с редуцируемым аффиксом принадлежности 3 л.; аффикс принадлежности определяемого слова в сочетании с указательным местоимением – *ol yaman*^{ï}*na / d'aman*^{ï}*na* "до того свойственного им зла" – отсылает к негодным поступкам и порокам противников, упомянутым в предыдущем предложении. Передача начального *y* через *d'* и разнобой *d'amand'a, d'amanya* обязаны навыкам венгерской речи и орфографии.

II. 6. ***Qutqar bizni ol yamanna*^{n}/ *d'amanna*^{n}** *Избавь нас от зла, от злопыхателя*

Qutqar [kukor, kutin] "упаси, избавь", форма 2 л. ед. ч. повелительного наклонения глагола *qutqar-* "спасать".

Bizni [bezne] "нас", винит. пад. местоимения 1 л. мн. ч. *biz* "мы", см. выше пункт I. Обращение.

Ol [ál, ov, ol, al] "тот (упомянутый)", указательное местоимение; вариант *ov* подчёркивает твёрдость согласного *l*.

Yamanna*^{n} / *d'amanna*^{n} [gya manna, gyamanna, migni, manga > manya, gya-manna], ***yamanna*^{n}** [ia malna] "от зла, от злопыхателя", исх. пад. от *yaman* "плохой, злой; зло", здесь "злопыхатель, дьявол". В передаче аффикса *-na*^{n} < *-dan* разнобоя нет: во всех списках он ассимилирован, а конечный *-n* утрачен. Вариативность *yamanna*^{n} */ d'amanna*^{n} позволяет допустить, что джеканье – результат спорадического влияния венгерского языка, в котором начальный *j* переходит в *d'* (ср. старые венгерские тюркизмы: gyász < yas "траур", gyapjú "шерсть" < yapağu "руно, остриженная шерсть", gyárt "производить" < yarat- "создавать").

Сомнений в отношении джеканья добавляют сравнительные материалы.

Так, в записи этой же молитвы Иоганна Шильтбергера 1394–1427 годов и Иеронима Мегизера 1480 года, где имеем *gier da... gemandam* и *gierda... geman Dan* = yerdä... yamandan "на земле... от зла", но *iasoch* = yazuχ "грех" [55; 4, с. 57–59; 18, с. 274–279]. Там это можно объяснить, скорее всего, тем, что тюркский текст, написанный греческим письмом, транслитерировали немецкой латиницей, не задумываясь, а потому букву *β*, которая в новогреческом обозначала не взрывной, а щелевой согласный, передавали через *w* (*wis, wysum, wysum, wisum, wisni, wer, wougum – biz, bizüm, bizni, ber, bügün*), а *γ*, *γι* – через *g*, *gi*. Эту особенность письменного новогреческого и урумского языков Крыма зафиксировал Отто Блау, например, записью урумских поговорок: *Ἐγὶ καρὶ ἐβὴν τιμονήτηρ* "Хорошая жена – руль дома"; *Καριγιά ἰτιμὰτ ἔτμε κεντινῖν οὐμουρουνῦ* "Не доверяй жене свою жизнь" [34, с. 564]. В тюркологической транскрипции – *Eyi qarï evin timonedir; Qarïya itimat etme kendinin ömürünü*.

Если для сравнения обратимся к памятнику «Codex Cumanicus», 1330–1361 годов, где джеканье отсутствует, то там и в итальянской, и в немецкой частях начальный *y-* передаётся через *i, j, y*. Но всё же один раз у итальянцев встречаем и gíemís = yemiš "плод, овощ, фрукт" [5, с. 1305].

III. Убеждение

Sen birsiŋ, böŋgü čağlï bir čïn Iyi* / *Iye* / *Iyä Teŋri-ä. Amen

Ибо Ты – один, один испокон вечный истинный Господь Бог. Аминь

Sen [szen, szem] "ты", личное местоимение 2 л. ед. ч. в именительном падеже. См. выше ***Kim*** *Sen* "кто Ты", точнее "который Ты".

Birsiŋ [borsong, bersánk, borson, börsön, borsony, borszony] "Ты один, един". У А. Вамбери и Г. Кууна *sen barsen* [bar sen], у И. Мандоки *Sen barsïŋ* "Ты есть" – толкуется вроде ссылки на Ветхий и Новый Завет: [14]Бог сказал Моисею: Я (есмь) Сущий *Исход 3*; [58]Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь *Иоанн 8*. Но в молитвах, по-моему, такая парафраза не встречается.

Böŋgü čağlï [boka csalli, boka csali, bokvesáte, bocsátali, boka valli, bokavalli, mégni] "испокон вечный, вечный во времени". Это выражение ассоциируется с упоминаемым у Юлиуса Немета названием холма и равнины возле Карцага – *Bengecseg*, которое первоначально представляло собой личное имя со значением *örököcske* "семейная реликвия, наследие". Ю. Немет возводит его к кунскому *bäŋgü, bäŋgi,* тюркскому *mäŋgü, mäŋgi*, уйг. *mäŋgü, mäŋgi*, чаг. *mäŋgi*, *möŋgü,* тат. *mäŋgə*, алт. *möŋkü,* монг. *möŋke – örök* "вечный", часто используемому как личное имя или часть производных от него личных имён и топонимов. Отмечая наличие в памятнике «Codex Cumanicus» варианта *meŋgü* с начальным *m- (meŋgü / meŋü Teŋri)*, Ю. Немет заключает, что этим "диалект Куманского кодекса отличается от языка кунов Венгрии" [50, с. 1149–1152].

И. Мандоки находит, что дважды употреблённое в этом предложении буквосочетание *bo* является указательным местоимением, выполняющим роль определённого артикля, а вторую часть сочетания *boka csalli* и пр. читает как *küčli* "сильный": *Sen barsïŋ bu küčli bu čïn iygi Teŋri* "Ты – этот сильный, [этот] справедливый, добрый Бог".

Bir [bo] "один; единый".

Čïn [cson] “истинный”.

Iyi / Id’i [igyi, ig is, ovgyi], ***Iye / Id’e*** [igye], ***Iyä*** [ovia] “хозяин; господин”, здесь “Господь”. Запись через *gy (ď)* – следствие венгерской адаптации. *Iyi / Iye / Iyä Teŋri* “Господь Бог” – с инверсией за счёт калькирования, как в венг. *Uram Istenem* и исходном лат. *Dominus Deus meus*; ср. куман. *Bey Teŋri*, арм.-кып. *Biy Teŋri, Beyim Teŋri* “Господь Бог мой, Господи Боже мой”, *Beyimiz Teŋri* “Господи Боже наш”– тоже с инверсией, на что указывает присоединение аффикса принадлежности к вынесенному вперёд слову *Bey*; ср. также каз. *Тәңір Ие, ТәңірИем, Тәңір Иеміз, Құдай Ие, ҚұдайИем, Құдай Иеміз*, тат. разг. *Тәңре Ия* – с прямым порядком слов.

Некоторыми предлагается вариант перевода “святой”, что тоже не вызывает особых возражений с формальной точки зрения. Но логически – вряд ли. Не только в тюркском, но и в венгерском языке не было собственного слова необходимой семантики. Именно потому в начале молитвы для передачи этого значения использован адаптированный венгерский славянизм *szent* “святой”: *senlešsin* “да святится”.

Teŋeri, Teŋri [tengere, tengeri, tengere] “Бог”, ***Teŋri-ä*** [tengria] “Бог ведь, Бог же”, ***Teŋ^{er}emizni*** [tengenizni] винит. пад. “нашего Бога”. Последнее необъяснимо.

Teŋri-ä. Молитва в записи Лукача Саппаноса при прочих вариантах отличается от всех других окончанием предпоследнего слова – *Tengria*. Здесь *-ä* представляет собой энклитику, то ли вокативную, то ли утвердительную со значением “ведь, же”. В греческом и латинском по смыслу ей соответствуют причинные союзы *οτι* и *quia*, в русском – книжный *ибо* “потому что”. Энклитика, как эти и им подобные союзы, передает убеждение молящегося, что его просьбы о вечном и личном непременно будут приняты и удовлетворены испокон вечным, истинным и святым Господом Богом небесным – Тенгри.

Amen [amen, ámen] “аминь, воистину”.

Приложение

Варианты молитвы «Отче наш» на родственных тюркских языках, в том числе публикованные в изданных нами ранее письменных памятниках.

Кыпчакский Отченаш по памятнику «Codex Cumanicus», 1330–1361 годы, наш набор: Atamís kím køctæ ſen. algiɬle > algizle bulſun ſenig atig kelſïn ſenig ɬanlechin. bulſũ ſenig tilęmęgin neçikkim køcta alley ierdɑ. kundegi øtmɑckĩmíſní biſgɑ bugun bergil. dage iɑzuclarímiſɬne > iɑzuclarímiſne biſgæ bozzatkil. neçik bis bozzattir bis biſgæ iaman ętchenlergɑ. dage iecnik ſínɑmækinæ biſní kuurmagil. baſſa barçe iamandan biſní kutɬargil amẽ.

Наша транскрипция: [9]Atamïz, kim köktäsen! alγïšlï bolsun seniŋ atïŋ! [10]Kelsin seniŋ χanlïχïŋ, bolsun seniŋ tilemegiŋ nečik kim köktä, alley yerdä! [11]Kündegi ötmäkimizni bizgä bügün bergil. [12]Daγï yazuqlarmïznï bizgä bošatqïl, nečik biz bošatïrbiz bizgä yaman etkenlergä. [13]Daγï yekniŋ sïnamaqïna bizni küvürmägil, basa barča yamandan bizni qutχarγïl. Amen.

[9]Отче наш, который на небе, да благословится имя Твоё! [10]Да придёт Царство Твоё, да будет воля Твоя, как на небе, так на земле! [11]Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня! [12]И прости нам грехи наши, как мы прощаем злоделателям нашим. [13]И не введи нас в искушение диавола, но спаси нас от всего злого! Аминь! [5, с. 694, 907]

Татарский Отче наш по изданию Иоганна Шильтбергера, с турецким и латинским вариантами, 1394–1427: Das Tartarisch Pater noster. Atha wysum chy chockta sen algusch ludur senung adung kelsuum hauluchung belsun senung archung aley gier da vk achta wer wisum gundaluch otmak chumusen wougum kay wysum iasochni alei wis dacha kayelle nin wisum iasoch lama sin dacha koima wisni sunamacha illa garta wisni gemandan Amen.

Наша транскрипция: Ata bizüm, ki köktäsen, alγušludur senüŋ aduŋ, kelsün senüŋ χanluχuŋ, bolsun senüŋ erküŋ aley yerdä u köktä; ber bizüm gündälüχ ötmäkimizni bügün; qoy bizüm yazuχnı, aley biz daχa qoyalum bizüm yazuχlumuznı; daχa qoyma bizni sınamaχqa, illâ χurtar bizni yamandan [55; 4, с. 57–59; 18, с. 276–279].

Türkisch – Babamız: Ey göklerde olan Babamiz, adın kutsal kılınsın. Egemenliğin gelsin. Gökte olduğu gibi, yeryüzünde de senin istediğin olsun. Bugün bize gündelik ekmeğimizi ver. Bize karşı suç işleyenleri bağışladığımız gibi, sen de bizim suçlarımızı bağışla. Ayartılmamıza izin verme. Kötü olandan bizi kurtar. Çünkü egemenlik, güç ve yücelik sonsuzlara dek senindir. Amin.

Latin – Pater Noster: Pater noster, qui es in caelis! Sanctificetur nomen tuum. Adveniat regnum tuum. Fiat voluntas tua, sicut in caelo, et in terra. Panem nostrum cotidianum da nobis hodie. Et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris. Et ne nos inducas in temptationem, sed libera nos a malo. Quia tuum est regnum et potestas et gloria in saecula. Amen.

Кыпчакский молитвенник армянским письмом, анонимный, 1575 год. Польша, Краков, Библиотека Национального музея, отделение Чарторыских, № 2412. Транскрипция: [9]Atamïz bizim, ki köktäsen, **aridir** atïŋ seniŋ, [10]kelgäy χanlïχïŋ seniŋ, bolsun erkiŋ seniŋ, nečik köktä, alay yerdä, [11]ötmäkimizni kündälik ber bizgä dayma bükün, [12]bošat **bizgä bizim borčumuznu**, nečik biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga, [13]**bermä** bizni

dušmannïŋ sïnamaχïna, saχla bizni yamandan, abra sïnamaχïndan. **Seniŋdir χanlïχ, u küč, haybat, meŋi meŋilik**, amęn [3, с. 781].

Отче наш, сущий на небе, свято имя Твоё, да придёт царство Твоё, да будет воля Твоя как на небе, так и на земле. Хлеб наш каждодневный всегда подавай нам сегодня. Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. Не дай нас в искушение супостату, побереги нас от зла, защити от испытания. Твоё есть царство, и сила, и слава, во веки веков. Аминь.

Кыпчакский молитвенник Мыгырдича, сына Лазаря, армянским письмом, начало XVI века. Австрия, Вена, Конгрегация армянских мхитаристов, № 143. Транскрипция: Atamïz bizim, ki köktäsen, **ari bolsun** atïŋ seniŋ, kelsin χanlïχïŋ seniŋ, bolsun erkiŋ (69r) seniŋ, nečik köktä, alay yerdä, ötmäkimizni bizim kündälik ber bizgä bügün, **[bizgä] bošat borčumuznu** bizim, nečik ki biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga, **bermä** bizni **sïnamaχlïχka, yoχsa χutχar bizni yamandan**. **Zera seniŋdir χanlïχ da χuvat, da saŋa haybat meŋilik**, amęn [3, с. 110].

Отче наш, сущий на небе, да святится имя Твоё, да придёт царство Твоё, да будет воля Твоя как на небе, так и на земле. Хлеб наш каждодневный дай нам сегодня. Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь нас от злого. Ибо Твоё есть царство, и сила, и слава Тебе во веки веков. Аминь. – В целом относится и к остальным вариантам.

Кыпчакский молитвенник армянским письмом, анонимный, 1618 год. Австрия, Вена, Конгрегация армянских мхитаристов, № 525. Транскрипция: Atamïz bizim, ki köktäsen, **ari bolsun** atïŋ seniŋ, kelsin χanlïχïŋ seniŋ, bolsun erkiŋ seniŋ, nečik köktä, alay yerdä, ötmäkimizni bizim kündälik ber bizgä bügün, bošat **[bizgä] bizim borčumuznu**, nečik ki biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga, **bermä** biz(49r)ni **sïnamaχlïχka, yoχsa χutχar bizni yamandan**. **Zera seniŋdir χanlïχ da χuvat, da saŋa haybat meŋi meŋilik**, amęn [3, с. 220].

Кыпчакский молитвенник армянским письмом, Миско, сына Мурада, из Замостья, 1626 год. Армения, Ереван, Матенадаран им. Маштоца, № 2403. Транскрипция: Atamïz bizim, ki köktäsen, **ari bolsun** atïŋ seniŋ, kelsin χanlïχïŋ seniŋ, bolsun, Biy, erkiŋ seniŋ, nečik köktä, alay yerdä, öt(53r)mäkimizni bizim kündälik ber bizgä bügün, bošat **bizgä borčumuznu bizim**, nečik ki biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga, **bermä** bizni **sïnamaχlïχka, evet χutχar bizni yamandan**. **Zera seniŋdir χanlïχ da χuvat, da saŋa haybat meŋi meŋilik**. Amęn [3, с. 280].

Кыпчакский молитвенник армянским письмом, анонимный, 1630 год. Италия, Венеция, Конгрегация армянских мхитаристов, № 1750. Транскрипция: (44r) Atamïz bizim, ki köktäsen, **ari bolsun** atïŋ seniŋ, kelsin χanlïχïŋ seniŋ, bolsun erkiŋ seniŋ nečik köktä, alay yerdä. Ötmäkimizni bizim kündälik ber bizgä bügün. Bošat **bizgä borčumuznu bizim**, nečik ki biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga. **Bermä** bizni **sïnamaχlïχka, yoχsa χutχar bizni yamandan**. **Zera seniŋdir χanlïχ da χuvat, da saŋa haybat meŋi meŋilik**. Amęn [3, с. 578].

Кыпчакский молитвенник армянским письмом, священника Каспара, сына авакереца Закарии, 1636 год. Франция, Париж, Французская национальная библиотека, Arm. 5. Транскрипция: Atamïz bizim, ki köktäsen, **ari bolsun** atïŋ seniŋ, kelsin χanlïχïŋ seniŋ, bolsun erkiŋ seniŋ, nečik köktä, alay yerdä, ötmäkimizni bizim kündälik ber bizgä bügün, bošat **bizgä borčumuznu** (100v) **bizim**, nečik ki biz bošatïrbiz bizim borčlularïmïzga, **bermägin** bizni **sïnamaχlïχka, yoχsa χutχar bizni yamandan**. **Zera seniŋdir χanlïχ da χuvat, da saŋa haybat meŋilik**. Amęn [3, с. 988].

Татарская Господня молитва, в передаче Иеронима Мегизера, 1611: Oratio Dojmnica Tartarice. Atcha Wizom, hhy hokta sen algusch ludor senug adongkel suom, chauluchong bel sun sonung ark chueg alei gier da uk achtaueruer visun gundaluch, ot mak chu musen vou gon kay visum ja sachen, alen bisdacha kajelberin bisum jasoch namasin datcha: kojma visn sunan acha; illa garta visonn gemandam. Amen.

Наша транскрипция: Oratio Dominica Tartarica. Ata bizüm, ki köktäsen, alğuşludur senüŋ aduŋ, kelsün χanluχuŋ, bolsun senüŋ erküŋ aley yerdä u köktä; ber bizüm gündälüχ ötmäkümüzni bügün; qoy bizüm yazuχnı aley, biz daχa qoyalım bizüm yazuχlumuznı; daχa qoyma bizni sınamaχqa, illâ χutχar biznü yamandan. Amen [36; 4, с. 57–59; 18, с. 274–275].

Караимский молитвенник, XVII–XVIII века: Атамыз, ки көклердэсин! махтовлы болгъай бирлиги адынънынъ, да кип болгъай бийлигинъ да килегинъ көклергэ йогъартын да йэр ӱстӱнэ ашагъартын! Кӱндэги ӧтмэгимизни бэргин бизгэ да бошаткъын бар йазыкъларымызны. Тӱз йолларынъдан азаштырмагъын бизни, анчакъ къуткаргъын бизни азгъыртывчыдан. Амэн.

Отче наш, сущий на небесах! да славится (да будет хвалимо) единое имя Твое, и да укрепится царствие Твое и воля Твоя на небесах вверху и на земле внизу! Ежедневный хлеб наш дай нам и прости нам все грехи наши. Не дай нам совратиться с прямых путей Твоих, но избавь нас от искусителя. Амен [15, с. 59].

Кыпчакский молитвенник, перевод Чарльза Фрейзера на основе османского перевода Вильяма Симана, Париж, 1666, напечатанный арабским письмом в Астрахани в 1820 году: [9]Āsmānda bolġan Atamız, īsmiŋ muḳaddes bolsun; [10]Memleketiŋ yetişsün; īrādetiŋ zemīndä bolsun, āsmānda daḫı bolduġı kibi;

[11]her künki nānımızını bügün bizgä ber; [12]vä boruçlarımızını bizgä baġışla, bizim daḫı boruçlılarımızġa baġışladuġımız kibi; [13]vä bizni maḥall-i īmtiḥānġa ketürmä, lâkin şerdän bizni necāt ḳıl. Zīrā kä Memleket, vä ḳudret, vä celâl Seniŋkidir dāyım. Āmīn [2, x. 70–71].

Казахское Евангелие русской кириллицей Н.И. Ильминского, 1901 года: Матфей, глава 6: [9]Ей Аспандагы Атамыз, Сениң атың данҡты болуп турсун. [10]Сениң патсалыгың келсин; Сениң еркиң аспанда болгандай жерде де болсун. [11]Күндүк тамагымызды бүгүн биздерге бер. [12]Биздер борыштыларымыздың борышын кеширгендей Сен де биздердиң борыштарымызды кеше гөр. [13]Биздерди азгырылуга салма, жаманнан биздерди куткар. Патсалык, куат, улулук өмүршө сеники. Аминь.

Лука, глава 11: [2]Ей аспандагы Атамыз! Сениң атың данҡты болуп турсун, Сениң патсалыгың [патсалыңыз] келсин; Сениң еркиң аспанда болгандай жерде де болсун. [3]Күндүк тамагымызды биздерге äр күндö бер. [4]Биздер борштыларымыздың боршун кеширгендей Сен де биздердиң күнölöримизди кеше гöр. Биздерди азгырылуга салма, жаманнан биздерди куткар деп деген [14, с. 13–14, 95].

Башкирский Отче наш латиницей, 1870 год: Atabüs bsnüm, sirä bardur goklärda, jalturar ssänin atün; gam gelür padschalükin ssänin; wa bulur iriklikin ssinin bässalän guklärda wa dshirlärda; ikmäk bisniki nabaka birgändjur bisga asir; wa galgul banlärda birätschaklärmüsi amma bisdä dashdalmis birätschak kimssämärmissa; wa shitäkläma bisni bassbassaga, amma gutkar schaitandan. Amün [38, с. 59].

Башкирское Евангелие русской кириллицей Н.И. Ильминского, 1902 год: Матфей, глава 6: [9]Эй күктәрҙәге Атабыҙ! Данды булып торһон Һинең исемең; Килһен Һинең батшалығың; йерҙә лә беҙгә көндөк икмәгебеҙҙе бир. Кисер беҙгә бурыстарыбыҙҙы, беҙ үҙебеҙ бурысты булған кешеләргә кисергән шикелде. Ирек куйма беҙҙе алданырға; коткар беҙҙе йамандан. Батшалык-та, коҙөрәт-тә, дандык-та мәңге Һинеке. Аминь [22].

Башкирское Евангелие, 2014 год: [9]Күктәге Атабыҙ! Исемең мөҡәддәс тип танылһын. [10]Һинең Батшалығың килһен. Күктәге кеүек, ерҙә лә ихтыярың үтәлһен. [11]Был көнгә кәрәкле икмәгебеҙҙе беҙгә бөгөн бир. [12]Беҙгә яҙыҡ эш ҡылғандарҙы беҙ кисергән кеүек, беҙҙең яҙыҡ эштәребеҙҙе Һин кисер. [13]Беҙҙе һынауға дусар итмә, ә Иблистән һаҡла [12, с. 17–18].

Караманское Евангелие 1869 года [32, с. 109]:

Γιὰ κὸγλερτὲ ὸλὰν Πετὲριμίζ· ἰσμὶν ἀζιζλενσίν. Πατὶησαχληγὴν κὲλσίν· ἰρατὲτὶν κὸγτὲκὶ κὶπὶ γερτὲ τὰχὶ ὸλσούν. Κὸὺντὲλὶκ ἐτμεγιμιζὶ βὲρ πὶζὲ πὸὺ κὸὺν· Βὲ πὶζὲ πορτζλαρημηζὴ παγησλὰ, νίτζε κι πὶζ τὰχὶ πὶζὲ πορτζλοὺ ὸλανλαρὰ παγησλάρηζ. Βὲ πὶζὶ ἰγβαγὲ σάλμα· ἴλλα πὶζὶ φενακιαρτὰν κουρτάρ· ζίρα σαλτανὰτ, βὲ κουββὲτ, βὲ ἰζζὲτ, ἐπέταν σενίν τὶρ. Ἀμήν.

Набор греческим алфавитом: Γιὰ κὸγλερτὲ ὸλὰν Πετὲριμίζ ἰσμὶν ἀζιζλενσίν. Πατὶησαχληγὴν κὲλσίν ἰρατὲτὶν κὸγτὲκὶ κὶπὶ γερτὲ τὰχὶ ὸλσοὺν. Κὸὺντὲλὶκ ἐτμεγιμιζὶ βὲρ πὶζὲ πὸὺ κὸὺν. Βὲ πὶζὲ πορτζλαρημηζὴ παγησλα, νίτζε κι πὶζ τὰχί πὶζὲ πορτζλοὺ ὸλανλαρὰ πατγησλάρηζ. Βέ πὶζὶ ἰγβαγὲ σὰλμα ἴλλα πὶζὶ φενακιαρτὰν κονρτάρ ζίρα σαλτανὰτ, βὲ κονββὲτ, βὲ ἰζζὲτ, ἐπέταν σενίν τὶρ. Ἀμήν.

Транскрипция современным турецким шрифтом: Ya göglerde (göklerde) olan Pederimiz; ismin azizlensin. Padışahlığın gelsin; iradetin gögdeki (gökteki) gibi yerde dahi olsun. Gündelik etmeğimizi (ekmeğimizi) ver bize bugün; ve bize borçlarımızı bağışla, nice ki biz dahi bize borçlu olanlara bağışlarız. Ve bizi iğvaye (iğvaya) salma; illâ fenakârdan kurtar; zira saltanat, ve kuvvet, ve izzet ebedan (ebediyen) senindir. Amin.

Татарский Отченаш арабским письмом, 1870 год [38, с. 58]:

ای کوکلاردانکی آتامز سنڭ اسمڭ مقدس بولسونسنڭ ملکوتڭ کلسون سنڭ ارادهڭ کوکده بولغان تیلی یرده دخی بزننل رزق

ایکمکمزنی بوکون بزکا بیرکیل وبزننل بورجلارمزنی باغشلاغیل بزلارکا نتاك کم بزلار بورجلولاربمزغه باغشلایمز وبزلارنامتحانغه مبتلا

قیلماغیل بلکه بزلارنی شریردن قوتقارغیل آذنکچونکم سننلدر ملکوت وقوّت وجلال ابدکاچه آمین

Урумский сборник С. Ф. Попова из села Гранитное (Карань), Донецкая область, Украина, начало XX века: Бизим бабамыз көклердэ отуран, исмин азизленсин, падышахлыгын кельсин, кök йўзўндэ эмрин не тўрлў исе, ве йер йўзўндэ бöйлеже олсун, күндэлик öкмегимизи бögўн бизе вер, бизим борчларымызы аф эйле, насыл биз дэ борчлу оланнарымызы аф этэриз, ве бизлери эзийет ичиндэ брахма, лакин бизлери йаман шейтандан сахлайып хутар. // На отдельном листочке: Бизим патэримиз, көклердэ сакин олан, исмин мукаддэс олсун, мелекўтлигин кельсин, көклердэ эмрин не тарзайса, йердэ дэ о шекиль олсун, күндэлик азыгымызы бўгўн бизе вер, ве бизим борчларымызы аф эйле, ничек биз дахы борчлу оланнарымызы аф этэриз, ве бизи казе хатэсине верме, лакин... [6, с. 365]

Транслитерация современным турецким шрифтом: Bizim babamız köklerde oturan, ismin azizlensin, padışaẖlığın kelsin, kök yüzünde emrin ne türlü ise, ve yer yüzünde de böylece olsun, kündelik ökmegimizi bögün bize ver, bizim borçlarımızı af eyle, nasıl biz de borçlu olannarımızı af eteriz, ve bizleri eziyet içinde braẖma, lakin bizleri yaman şeytandan saẖlayıp ẖutar. // На отдельном листочке: Bizim paterimiz, köklerde sakin olan, ismin mukaddes olsun, melekütliğin kelsin, köklerde emrin ne tarzaysa, yerde de o şekil olsun, kündelik azığımızı bügün bize ver, ve bizim borçlarımızı af eyle, niçek biz daẖı borçlu olannarımızı af eteriz, ve bizi kaze ẖatesine verme, lakin... [42, с. 686–687]

Евангелие на алтайском языке, 1870 год: [9]Äй täңäрідäӈ̆ї Адабыс! Адың Сänїң алкалзын; [10]Кандыӈың Сänїң кälзїн; канїп täңäрідä, анїп јärдä-дӑ̈ табың Сänїң ползын; [11]Күндäӈ̆ї ажыбысты пӱӈ̆ӱ́н піскä пäрӈ̆́ін; [12]Піс канїп алымдуларыбысты пожодон јадыбыс, анїп сän пістїң алымдарыбысты таштаӈын! [13]Јäткäрӈ̆ä пісті кїдірбäӈ̆́їн! јаманнан пістї аргалаӈын! Amїn [38, с. 58].

Евангелие на алтайском языке, 1878 год: [9]Ей теңередегі Адабіс! Адың Сеніҥ алкалзын; [10]Каандыгың Сеніҥ келзін; кагіір тенереде, аніір јерде-дее табың Сеніҥ болзын; [11]Күндегі ажыбісты бүгүн біске бергін; [12]Каніір піс алымдуларыбісті божодып јадыбіс, бістін алымдарыбісті таштагын; [13]Јеткерге бісті кідірбегін; јаманнан бісті аргалагын. Пашкарар пашкару, күчтӱ күч, мактулу мак дезе чактын чака Сеніі. Аминь [7, с. 12]. – Использованную в издании букву *ҥ̄* с чертой вверху передаём современной буквой *ҥ*.

В реформированном написании: [9]Ей теңередегі Адабис! Адың Сениҥ алкалзын; [10]Каандыгың Сениҥ келзин; кагіип тенереде, аніип јерде-дее табың Сениҥ болзын; [11]Күндеги ажыбисты бүгүн биске бергин; [12]Каніип пис алымдуларыбисти божодып јадыбис, бистин алымдарыбисти таштагын; [13]Јеткерге бисти кидирбегин; јаманнан бисти аргалагын. Пашкарар пашкару, күчтӱ күч, мактулу мак дезе чактын чака Сеніи. Аминь [9, с. 14].

Э теңередеги Адабыс! адың Сениҥ алкалзын. Каандыгың Сениҥ келзин. Каніип теңереде, аніип јерде-дее табың Сениҥ болзын. Күндеги ажыбисти пӱгӱн биске бергин. Канъип бис алымдуларыбисти пожодып јадыбис, пистин алымдарыбисти таштагын. Јеткерге бисти кидирбегин; јаманнан бисти аргалагын. Пашкарар пашкару, күчтӱ Күч, мактулу мак дезе, чактың чака Сениҥ туру. Аминь [19, с. 4].

Татарское Евангелие: [9]Күктәге Атабыз! Исемең изге дип икърар ителсен. [10]Синең Патшалыгың килсен, күктәге кебек, җирдә дә Синең ихтиярың гамәлгә ашсын. [11]Бу көнгә кирәкле икмәгебезне безгә бүген бир. [12]Башкаларның безгә карата эшләгән явызлыкларын без кичергән кебек, безнең дә начар эшләребезне Син кичер. [13]Безне сынауга дучар итмә, ә явыздан сакла [11, с. 1417].

Кряшенское Евангелие П.П. Павлова: [9]Эй кюктяге Атабыз, данны булыб торсон исемең Синең. [10]Килсен падшалыгың Синең; жирдя дя кюктягечя булсын иркең Синең. [11]Бögön көннök икмягебезне бир безгя. [12]Бурычларыбызны кичер, без дя безгя бурычлы булганнарга кичергян кюк. [13]Безне алданырга ирек жибярмя; жаманнан коткар безне. Падшалык, кыуат, ололок гумергя Синеке шул. Аминь [10, с. 13].

Чувашское Евангелие И.Я. Яковлева, 1873 год: [9]Ей Çӳлти Аттемёр! Санăн йатă хисеплентёр; [10]Санăн патшалăхă килтёр; Санăн ирĕкĕ çёр çинче те çӳлти пекех пултăр. [11]Пайан пурăнмалăх çăкăр нар пире; [12]епир хамăра парăмлă пулнисене каçарнă пек пирён парăмсене каçар пире; [13]çылăха ан кӳрт пире, усалтаната хăтар пире. Санăн патшалăхă, хăватă, аслăлăхă ёмёртен ёмёре. Амин [8, с. 17].

Совр. вариант П. Я. Яковлева: [9]Эй, Çӳлти Аттемёр! Санăн яту хисеплентёр, [10]Санăн Патшалăху килтёр, Санăн ирĕкӳ çёр çинче те çӳлти пекех пултăр. [11]Паян пурăнмалăх çăкăр пар пире. [12]Эпир хамăра парăмлă пулнисене каçарнă пек, пирён парăмсене каçар пире. [13]Çылăха ан кĕрт пире; усалтан хăтар пире. Патшалăх та, хăват та, аслăлăх та ёмёрех Санăн. Аминь.

Варианты анонимного перевода с Зографского Евангелия: Пирён Атте, Есĕ пурри пĕлĕт-тӳпесем çинте. Санăн яту çуталтăр та Санăн патшалăху кильтёр те Санăн ирĕку пултăр çёр çинте те, мĕнле вăл пĕлĕт-тупесем çинте. Пулса тăракан кунăн çăкрине хальхи кун пар пире. Яр пиртен пирён çилĕлĕхсене мĕнле эпир ярапăр хамăра парăмлисене. Ан кĕрт пире тапăнтарма, хăтар пире кăмăл çуккинтен. Санăн вăл патшалăху вай-хăват та аслăлăх та ĕмĕртен ĕмерлĕхсене.

Пирён Атте, Есĕ пурри пĕлĕт-тӳпесем çинте. Санăн яту çуталтăр та Санăн патшалăху кильтёр те Санăн ирĕку пултăр çёр çинте те мĕнле вăл пĕлĕт-тупесем çинте. Пулса тăракан кунăн çăкрине хальхи кун пар пире. Яр пиртен пирён çилĕлĕхсене мĕнле эпир ярапăр хамăра парăмлисене. Ан кĕрт пире тапăнтарма,

хăтар пире кăмăл çуккинтен. Санăн патшалăху вăл вай-хăват та аслăлăх та Санăн Тăну та ĕмĕртен ĕмĕрлĕхсене. [31; 30]

Крымскотатарское Евангелие, 2016 год: [9]Бизим Коклердеки Бабамыз, Сенинъ Мукъаддес Адынъны эр кес сайсын! [10]Сенинъ Падишалыгъынъ кельсин! Кокте олгъаны киби, ерде де Сенинъ ираденъ олсун! [11]Бугунь бизге куньделик отьмегимизни бер. [12]Бизге къаршы гуна япкъан адамларны багъышлагъанымыз киби, Сен де бизим Санъа къаршы япкъан гуналарымызны багъышла. [13]Бизге ёлдан урулмагъа берме, яманлыкътан къорчала. [17, с. 1640–1641]

Кумыкское Евангелие: [9]Гьей кёклердеги Атабыз! Инсанлар Сени сыйлы атынгны гьюрметлесин дагъы. [10]Сени гьакимлигинг токъташсын дагъы. Кёкде йимик, ерде де Сени айтгьанынг болсун дагъы. [11]Бугюн бизге гюнлюк азыгъыбызны бер. [12]Бизин гюнагьларыбыздан геч! Бизге яманлыкъ этгенлерден барындан да биз де гечебиз. [13]Бизин артыкъ сынавлагъа салма, иблисден де бизин сакъла. [26, с. 21]

Карачаево-балкарское Евангелие: [9]Эй, Кёкледеги Атабыз! Сени атынг сыйлы тутулсун. [10]Сени Патчахлыгъынг келсин. Кёкде кибик, жерде да Сени буйругъунг болсун. [11]Бизни кюнлюк ётмегибизни бизге бюгюннге бер. [12]Эм бизни борчларыбызны кеч, биз да борчлуларыбызгъа кечгенибиз кибик. [13]Эм да бизни терилиуге тюшюрме, алай а бизни хыйлачыдан къутхар; нек десенг Патчахлыкъ да, кюч да, махтау да ёмюрлеге да Сениди. Амин. [25, с. 429]

Каракалпакское Евангелие: [9]Аспандағы Әкемиз! Сениң атың мухаддес бола берсин. [10]Сениң Патшалығың келсин. Аспанда орынланғаны сыяқлы, жерде де Сениң еркиң орынлансын. [11]Бизлерге бүгин де күнделикли нанымызды бере гөр. [12]Биздерге гүна ислегенлерди кеширгенимиздей, бизлердиң де гүналарымызды кешире гөр. [13]Бизлердиң азғырылыўымызға жол қоймай, шайтаннан қутқара гөр. Себеби Патшалық та, күдирет те, уллылық та мәңгиликке Сеники. Аўмийин. [27, с. 7]

Кыргызское Евангелие, версия Өмүт Нуру: [9]Асмандагы Атабыз! Сенин ысымың ыйык тутулсун. [10]Сенин Падышачылыгың келсин. Асмандагыдай эле, жерде да Сенин эркиң аткарылсын. [11]Бизге күнүмдүк наныбызды бер. [12]Бизге жамандык кылгандарды кечиргенибиздей, Сен да биздин күнөөлөрүбүздү кечире көр. [13]Азгырылышыбызга жол бербе, бизди жамандыктан сакта. Анткени Падышачылык да, күч да, даңк да түбөлүккө Сага таандык. Оомийин.

Кыргызское Евангелие, версия Ыйык Китеп, 2020 год: [9]Асмандагы Атабыз. Сенин атың урматталсын! [10]Сенин падышачылыгың келсин! Асмандагыдай эле жерде да баары Сенин эркиңдегидей болсун! [11]Күнүмдүк наныбызды күн сайын бере гөр, [12]Бизге жамандык кылгандардын күнөөлөрүн кечиргенибиздей, Сен да биздин күнөөлөрүбүздү кечир. [13]Бизди азгырыкка кирип кетүүдөн сакта да азгыруучудан куткар. [29, с. 429]

Кыргызское Евангелие, версия Жаңы дүйнө, 2020 год: [9]Асмандағы Атабыз, ысмың ыйыкталсын! [10]Падышалыгың келсин. Асмандагыдай эле, жерде да Сенин эркиң ақтарылсын! [11]Бүкүнгү күнге керектүү наныбызды бере көр. [12]Биз башкалардын күнөөлөрүн кечиргенибиздей эле, биздин да күнөөлөрүбүздү кечире көр. [13]Ошондой эле азгырылышыбызга жол бербе, кара өзгөйдөн сакта. [28, с. 1374]

Ногайское Евангелие, 2011 год: [9]Коьктеги Атамыз, атынъ сыйлансын. [10]Патшалыгынъ курылсын. Коьктегиндей, ерде де буйырыгынъ толтырылсын. [11]Куьнлик оьтпегимизди бизге буьгуьнге бер. [12]Биз борышлыларымызды кеширгендей, борышларымызды кешир. [13]Бизди азгырувга туьсирме, яманлыктан куткар. Неге десе патшалык, куьдирет эм мактав оьмирге Сеники. Амин. [13, с. 22]

Гагаузское Евангелие, 2006 год: [9]Ey, göklerdä olan Bobamız, ko ayozlansın Senin adın. [10]Ko gelsin Senin Padişahlıın. Ko olsun Senin istediin, nicä göktä, ölä erdä dä. [11]Ver bizä büün hergünkü ekmeemizi. [12]Baaşla bizim borçlarımızı, nicä biz dä baaşlêêrız bizä borçlu olannarı. [13]Götürmä bizi denemeyä, ama kurtar kötü olandan. Zerä Senindir Padişahlık, kudret hem metinnik diveçtän divecä. Amin. [39, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашша Й. Венгерский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951.
2. Гаркавец А.Н. Кыпчакское Евангелие. Перевод Чарльза Фрейзера (Карас, Астрахань, Оренбург, 1803–1820). Напечатано Джоном Митчелом. Шотландское Миссионерское Общество. Астрахань, 1820. Алматы: Баур, 2013.
3. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002.
4. Гаркавец А.Н. Марко Поло по прозвищу Миллион и его «Книга о разнообразии мира» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 522–565. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.522-565
5. Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus. Алматы: Баур, 2015.
6. Гаркавець О.М. Уруми Надазов'я: Історія мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата: Український культурний центр, 1999.
7. Господа нашего Іисуса Христа святое евангеліе от Матфея. Іисус Христос кааныбістін Матфей бічіген агару евангеліезі. Томскъ: Типографія Михайлова и Матушина, 1878.

8. Евангелие от Матфея на чувашском языке. Казань: Типогр. Гладышевой, 1879.
9. Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки, Іоанна на алтайском языке. Томскъ: Типографія Пріюта и Дома Трудолюбія, 1910.
10. Ҙаңа Законъ. Новый Завет на кряшенском языке. СПб., Рос. Библ. О-во, 2005.
11. Изге Язма: Тәурат. Зәбур. Инҗил. Изге Китаптны тәрҗемә институты, 2015.
12. Инжил башҡорт телендә. Мәскәү, 2014.
13. Инжил. Москва: Кие Китапты кьошируьвши Институт, 2011.
14. Казахское Евангелие 1901 года / Редакция и Казахский словарь к Евангелию 1901 года А. Н. Гаркавца. + Приложение: Н. И. Ильминский. Материалы к изучению киргизского наречия 1860–1861 гг. / Редакция А.Н. Гаркавца. Алматы: Баур, 2021.
15. Караимский молитвенник // Гаркавец А. Кыпчакское письменное наследие. Том II. Памятники духовной культуры. Алматы: Баур, 2007.
16. Міськов І.О. До питання про розташування замку Унг // Карпатика, вип. 40, Ужгород, 2011: 194, со ссылкой на: Nagymihályi és Sztárai gróf Sztáray család oklevéltára, I. Budapest, 1887.
17. Мукъаддес китап. Симферополь: Мукъаддес китап терджиме институты, 2016.
18. Поло, Марко. Әлемнің әралуандығы туралы кітап / Соңғы мақала, жалпы редакциясы және Пололар мен басқа саяхатшылардың жол жүру бағыттарының картасы А.Н. Гаркавецтікі. Алматы: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, Баур, 2021: 276–279.
19. После Азбуки. Книга для чтения для Алтайских инородческих школ. Бийск: Товарищество, 1916.
20. Рогерий, Магистр. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. яз. и коммент. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
21. Сәттібайұлы Көсемәлі. Алдыңғы толқын ағалар // Aq jol, 19 мамыр 2018.
22. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Издание Британского и Иностранного Библейского общества. Казань: Типография В.М. Ключникова, 1902.
23. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.
24. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
25. Сыйлы Китап, изд. 2. Институт перевода Библии; Свет на Востоке, 2020.
26. Сыйлы Китап: Янгы Разилешив. Москва: Библияны Таржумасыны институт, 2007.
27. Хош Хабар. Москва: Мухаддес Китапты аўдарыў Институты, 2004.
28. Ыйык Китеп. Жаңы дүйнө котормосу, 2020.
29. Ыйык Китеп. Институт перевода Библии, 2020.
30. Яковлев П.Я. Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык, 2019, № 1: 9–40.
31. Яковлев П.Я. Почему Есĕ пурри, Мтф, 6:9? Слово Есмь, Сущий есть одно из наименований Господа Бога, ибо Он всегда говорит о себе: Аз есмь, Аз есмь и буду – Эпĕ пур, Эпĕ пурри ялан. URL: https://vk.com/@totalrecall2019-perevod-molitvy-otche-nash-na-chuvashskii-yazyk-s-drevneslav
32. Apostolides S. (ed.). Our Lord's Prayer in one hundred different languages. Printed and published by W.M. Watts. London, 1869.
33. Berend N. At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and “Pagans” in Medieval Hungary. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
34. Blau O. Griechisch-türkische Sprach-Proben aus Mariupoler Handschriften // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 28, 1874.
35. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
36. Chorographia Tartariae, oder warhafftige Beschreibung der uberauswunderbahrlichen Reise… durch Hieronymum Megiserum. Leipzig: in vorlegung Henning Grossendes Jüngern, 1611.
37. Codex Diplomaticus Patrius Hungaricus / ed. I. Nagy, VIII. Budapest: Societas Frankliniana, 1891.
38. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands. St. Petersburg, 1870.
39. Eni Baalantı. İi Haber İisus Hristos için. Moskva: Bibliyayo çeviräп İnstitut, 2006.
40. Fejér G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, vol. III. Buda, 1829.
41. Forţiu S. Despre bani Transsilvani // Archeovest, VII, 2019.
42. Garkavets A. Kuzey Azak Urumları: Tarihi, Dili, Masalları, Halk Şarkları, Bilmeceleri, Atasözleri, Yazılı Eserleri / Çeviren Dr. İryna Skrazlovska. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2022.
43. Gombocz Z. Die Bulgarisch-Türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1912.
44. Jakubovich E. Kún Erzsébet nőtestvére // Turul, 37, 1922–1923: 14–27.
45. Jernej J. Kelti utazasa a magyarok öshelyeinek kinyomozasa vegett. 1844–45, Tom 1. Pesten, 1851.
46. Kuun G. Codex Cumanicus. Budapestini, 1880.
47. Magazin für die Literatur des Auslandes / ed. by J. Lehmann, № 124, 1857.
48. Mándoky I. A Kun Miatyánk // Szolnok Megyei Múzeumi Évkönyv, 1973.

49. Mandoky Kongur I. Kunok és magyarok / Közzéteszi Molnár Ádám. Budapest: Molár Kiadó, 2012.
50. Németh Gy. Árpád-kori törökjeink // Németh Gy. Tórókók és magyarok. I. Régi Tórókók. Budapest, 1990.
51. Országová Z. Maria Laskaris and Elisabeth the Cuman: Two Examples of Árpádian Queenship. Budapest: Central European University, 2009.
52. Pálóczi Horváth A. Besenyők, kunok, jászok: Steppe Peoples in Medieval Hungary. Budapest: Corvina Kiadó, 1989.
53. Rásonyi L. Baski I. Onomasticon Turcicum. Vol. 172/1. Indiana University Uralic and Altaic Series. 2007.
54. Rogerii Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros facta /ed. L. de Heinemann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 29. Hannover, 1892. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost13/RogeriusApulus/rog_caco.html
55. Schiltberger Johannes (Hans)]. Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afri-ka von 1394 bis 1427 / Hrsg. Karl Friedrich Neumann. München, 1859.
56. Thunmann J. De Comanis, ab Hunnis plane diverso populo // Acta Societatis Iablonovianae, vol. IV, Lipsiae, 1773: 133–188.
57. Tóth A. Etymological Dictionary of Hungarian. The Hague: Mikes International, 2007.
58. Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi / Journal of Turkish World Studies, Cilt: VIII, Sayı 2, 2008.
59. Vámbéry Á. Az állítólagos kún Miatyánkról // Nyelvtudományi Közlemények, IX, 1872.
60. Zaicz G. Etimológiai szótár: Magyar szavak és toldalékok eredete. Budapest: TINTA Könyvkiadó. 2006.

Сведения об авторе: Александр Николаевич Гаркавец – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института культуры Казахстана «Центр сближения культур» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан). E-mail: qypchaq@gmail.com

KYPCHAK PRAYER OF THE HUNGARIAN KUNS

A.N. Garkavets
Research Institute of Kazakh Culture "Center for the Rapprochement of Cultures" of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan

To understand the historical context and clarify the linguistic features of the medieval translation of the Lord's Prayer into the language of the Kuns-Cumans of Hungary. Historical chronicles and documentary materials on the history of the Kuns and Kipchaks of Hungary, numerous studies by European scientists on this topic. The subject of the study is 9 copies of the 18th–19th centuries made in the Hungarian Latin alphabet from the lost original records of the Kypchak text being studied. The material for comparison is the Greek and Latin originals of the Lord's Prayer and its medieval and new translations into Turkic languages, dictionaries and data from related languages. We clarified the historical context and clarified the linguistic features of the medieval translation of the Lord's Prayer into the language of the Kuns-Cumans of Hungary, and offered a largely new reading of it.

Keywords: Kuns, Kypchaks, Cumans, Kypchak language, translations of religious texts, the Lord's Prayer

About the author: Alexander N. Garkavets – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Research Institute of Kazakh Culture "Center for the Rapprochement of Cultures" of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: qypchaq@gmail.com

УДК 93/94(470.57)

УРБАНИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В УЛУСЕ ДЖУЧИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВНУТРЕННЕЕ ЕДИНСТВО ИМПЕРИИ

И.Л. Измайлов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья раскрывает информационные процессы на просторах Северной Евразии в XIII–XIV вв., отмечая, что они были достаточно интенсивными, долгое время обеспечивая устойчивость общества и государства, создавая особую информационную среду, которая по своим основным параметрам оказалась достигнутой только в императорской России XVIII–XIX вв. Одной из важнейших функций Улуса Джучи было создание условий для объединения усилий разнообразных общин внутри государства для обеспечение регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками явилось главнейшей задачей государства и его успешного функционирования на протяжении почти полутора столетий.

Ключевые слова: Улус Джучи, информационные потоки, торговые пути, дорожная сеть, урбанизация, бюрократия, документооборот, система образования, исламизация, культура

История и информация: структура управления и динамики урбанизации. После филологического поворота в исторических науках вырос интерес не к самой событийной истории, не к дилемме достоверное/ложное, а к анализу тех глубинных структур, которые эти события порождали. Очевидная привлекательность подобного подхода связана с его несомненной объективности, поскольку в пределы его внимания попадают те структуры, которые, как правило, выпадают из поля зрения самих участников исторического процесса, а значит оказываются в меньшей зависимости от оценочных установок участников событий или описывающих их современников и потомков. Подобные подход во многом призван абстрагироваться от предвзятости официальной историографии, позволяет лучше понять реальные движущие силы и мотивы как исторических событий, так и повседневной действительности. При таком подходе событийная история в стилистике Л. фон Ранке с его классическим историзмом «как это было на самом деле» в настоящее время уступает место анализу эволюции общества и его структур ментальности. Активность (как познавательная, так и практическая) этого антропологического направления поиска не подлежит сомнению, поскольку в его фокусе оказываются главные (с точки зрения самого человека) составляющие глобального эволюционного процесса, вырабатывается мироощущение, ведущее к пониманию глубинных элементов становления и развития человеческого общества. Этот подход прост для понимания, убедителен, но труден с точки зрения практической реализации заявляемых им установок [12, с.9–11].

Проблема данного метода только в том, что, хотя источников для его изучения достаточно, но они не являются очевидными. В принципе для этого анализа наличествует достаточный объем информации (письменной, археологической, географической и т.д.), но она, как правило, крайне разрозненна, мало введена в гуманитарный оборот, требует большой изобретательности для ее синтеза. убедительность впрямую зависит от объема массива привлекаемых данных. Представляется, что до сих пор уделялось недостаточно внимания внутрикультурной специфике информационных процессов, протекающих внутри того или иного сообщества. Между тем, по мнению ведущих философов коммуникация является важнейшим признаком государства и всей цивилизации. Как указывал М. Кастельс: «Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества» [9, с.20; 29]. Разумеется, есть слишком большая разница между ролью и структурой коммуникации в современном обществе и в средние века. Но некоторые основные базовые элементы, их роль и влияние на функционирование всего общества, несомненно, имеют много общего. Тем не менее, очень важно понять насколько важными и интенсивными были информационные потоки в период Улуса Джучи. Именно они определяли не просто оперативность и насыщенность прохождения информации, но и определяли устойчивость всей системе, являлись важнейшим залогом управляемости и стабильности общества.

Природно-географической особенностью Улуса Джучи являлось то, что основная этой средневековой империи располагалась в степной, лесостепной и лесной зонах (О социоестественных подходах к истории Золотой Орды см.: [11, с.19–27, 38–57, 90–103]). При этом, следует подчеркнуть, что основная часть страны с крупными городами и торговыми магистралями располагались в степной части, а основные ре-

сурсы в лесной и лесостепной части страны. Но именно города и растущая вокруг них инфраструктура являлись потребителями продуктов и сырья, добываемого в других областях и даже странах. Не могла существовать эта империя и без международной торговли, в первую очередь как транзитного пути с Запада на Восток – из Европы и Средиземноморья в Китай. Существовали также важнейшие торговые пути внутреннего значения – из Крыма и Азака в Укек и Болгар, из Сарая в улус Мухшу (город Наручад), из Хорезма в Болгар. Но главнейшим из них был Волжский путь, являвшийся становым хребтом всего Улуса Джучи.

Тем самым природные условия Улуса Джучи представляли собой своеобразное сочетание факторов, которые позволяют поставить вопрос о своеобразии ее исторического развития. Одна из основных его характеристик является несомненная интенсивность протекания внутренних и межрегиональных информационных процессов, которые являлись следствием своеобразия природных условий, их многообразием и способами адаптации к ним человека. Но главное, создание условий для объединения усилий разнообразных общин внутри страны на обеспечение регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками явилось главнейшей целью начального этапа развития государства и его успешного функционирования на протяжении почти столетия.

Ханам Золотой Орды к середине XIII в. подчинялась огромная территория, которая простиралась от Дуная на западе до Иртыша на востоке, от Дербента и Хорезма на юге до Прикамья и Причулымья на севере. Но, если завоевать эти страны и народы было трудно, то еще сложнее было удерживать их в подчинении. Не случайно многие кочевые империи исчезали в горниле истории сразу же после смерти своих создателей. Поэтому умудренный тысячелетним опытом потомок киданьских императоров Елюй Чуцай, ставший советником Чингиз-хана, говорил: «Основать империю, сидя верхом на коне можно, но управлять ею сидя в седле нельзя» [23, с.31–44]. Следуя этому правилу, Чингизиды на всей территории обширной, разнородной и многонациональной Монгольской империи (Еке Монгол улус), создавали сложную и разветвленную административную систему. В Улусе Джучи она начала складываться уже в 40-х года XIII в., а в начале XIV в. административно-территориальная структура уже выкристаллизовывалась, внедряя единые принципы организации системы управления и администрирования [24, с.170–188; 8, с.82–94]. Настолько, насколько это можно было возможно в средневековой империи.

Города и дорожная инфраструктура. Практически все путешественники и географы специально акцентировали внимание на городскую структуру, соотнося с этими центрами их округу. Довольно точно на основании рассказов побывавших там купцов и дипломатов, территорию Золотой Орды в первой половине XIV в. описал арабский историк ал-Омари, который среди наиболее известных ее городов и областей отмечает Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Болгар, Дербент [22, с. 236]. Появление большого количества городов в Дашт-и Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно около ста [5, с.75–150; 25]) – явление уникальное в истории средневековья. Практически на пустом месте в регионе с небольшой городской округой в дельте Волги, возникли не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром особой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. Связаны между собой эти города и центры улусов системой сухопутных дорог и водными путями.

Установление единого общегосударственного информационного поля сопровождалось значительной активностью властей в области создания дорожной инфраструктуры (т.е. дороги играли роль основного «канала информации»). Создание дорожной сети было одним из наиболее значимых государственных проектов (наряду со строительством столицы, установление владений в улусах и правлений в подвластных провинциях) по формированию имперской среды обитания. Дорожная сеть была призвана облегчить обменные процессы между Центром и периферией, между отдельными регионами, различными хозяйственными укладами. При этом, судя по всему, планомерное формирование дорожной сети было начато первоначально не в силу экономической потребности в ней периферии (дороги, обеспечивавшие местные нужды, возникли ранее «естественным» образом без всякого вмешательства правительства), но поскольку они были нужны прежде всего Центру – исходя из соображений престижности, управленческих и военных нужд.

Следует подчеркнуть, что развитие дорожной сети служило укреплению единства государства, тем самым, сплачивая различные части империи и способствуя формированию цивилизации. Многие из этих дорого сохранялись под названием *сакма* (вероятно, происходит от тюрк. *sok* «бить», «топтать») – изначально след на земле (траве, снегу), оставленный миграцией животных, а позднее означать всякую проторенную, проверенную, наезженную, дорогу. Направление этих сакм, например, от Азака до Укека, от Сарая до Укека, от Укека до Болгара и от Укека до Наручади (Улус Мухша) сохранилось вплоть до нового времени, что показывает давнюю традицию их использования (О дорожной системе, например, вокруг Укека см.: [31]).

Основой функционирования дорожной системы было создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – *ямов* (*йамов, джамов*) – почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Обычно они располагались на расстоянии 30–50 км между собой, т.е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях Улуса Джучи, связывая различные города и порты страны.

Великим ханом Угедеем (1229–1241), сыном Чингиз-хана и его приемником в 1235 г. была учреждена конно-почтовая служба между монгольской столицей Каракорумом и Северным Китаем, откуда поступала основная часть продовольствия. На этом путь были «… расположены *ямы*, помимо *баян-ямов*, и называли [их] *нарин-ямами*. Через каждые пять фарсангов [находился] один *ям*. Вышло 37 ямов. На каждом перегоне для охраны тех *ямов* поставили по одной тысяче» [20, с. 41]. Система транспортных коммуникаций по мере расширения империи развивалась и совершенствовалась. Как писал Ф. Рашид-ад-Дин: «А для того, чтобы происходило беспрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества каана в интересах важных дел, во всех странах поставили ямы и назвали это «*таян ям*». Для установления этих ямов назначили гонцов от царевичей … Упомянутые эмиры … отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили ямы» [20, с.36]. Был создан особый диван, ведавший делами «ямов и курьеров» [21, с.179].

Об этом же свидетельствует персидский чиновник и историк Джувейни: «И когда удлинились и расширились их владения и стали происходить важные события, стало необходимо знать, чем занимаются их враги, и также нужно было перевозить товары с Запада на Восток, и с Дальнего Востока на Запад. Поэтому по всей ширине и длине страны были учреждены *ямы,* и сделаны распоряжения о содержании и расходах по каждому *яму,* и выделено для них определенное число людей и животных и количество яств, напитков и прочих необходимых вещей. И все они были поделены между *туменами,* и каждые два *тумена* должны были содержать один *ям.* И соответственно переписи они так распределяют их, чтобы гонцам не приходилось подолгу скакать до места, где взять свежих лошадей, и чтобы ни крестьянство, ни войско не терпели постоянного неудобства. Более тою, гонцам дан строгий наказ беречь лошадей и другие наказы – перечисление всего займет слишком много времени. Ежегодно *ямы* осматриваются, и если случается какой-либо недостаток или пропажа, убыток возмещают крестьяне» [4, с.24–25].

В официальных документах ям, как повинность, впервые упоминается 1 августа 1267 г. в ярлыке хана Менгу-Тимура. Этим актом русское духовенство навечно освобождалось от ямской и других повинностей. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханных ярлыках, например, русскому духовенству. В частности, монгольскую имперскую систему ямов описывает, в частности, Марко Поло: «По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль [около 40 км] он приезжает на станцию, по-ихнему *янб* а по-нашему конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают. ... На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана. В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоялых дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую; гоньба только подальше; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока. Вот так-то, как вы слышали, ездят гонцы великого хана, и на всякой гоньбе есть им где пристать, и лошади готовы» [16, с.121].

Далее он подчеркивает, что ямы снабжают всем необходимым города и поселения: «Так устроены все станции, и они ничего не стоят великому хану; только на станциях в местах нежилых он приказывает выставлять своих собственных лошадей. Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмутившейся стране или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам, как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дщица [пайцза] с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются, сколько мочи, вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них, не мешкая, тотчас же, и как сядут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера. Вот так-то, как я рассказывал, гонцы проезжают двести пятьдесят миль и доставляют великому хану вести, а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают» [16, с.122].

Эта система ямов, распространенная по всей Монгольской империи, исправно функционировала в Улусе Джучи, а от нее была заимствована в Московском государстве. Австрийский дипломат С. Герберштейн так описывал русскую ямскую службу XVI в.: «Государь имеет ездовых во всех частях своей державы, в разных местах и надлежащим количеством лошадей, так чтобы, когда куда-нибудь посылается

царский гонец, у него без промедления наготове лошадь. При этом гонцу предоставляется право выбрать лошадь, какую пожелает. Когда я спешно ехал из Великого Новгорода в Москву, то почтовый служитель, который на их языке называется ямщиком (iamschnick), доставлял мне ранним утром когда тридцать, а когда и сорок или пятьдесят лошадей, хотя мне было нужно не более двенадцати. Поэтому каждый из нас выбирал такого коня, который казался ему подходящим. Потом, эти лошади уставали и мы подъезжали к другой гостинице, которые у них называются ямами (iamae), то немедленно меняли лошадей, оставляя прежнее седло и уздечку. Каждый может ехать сколь угодно быстро, а если лошадь падет и не сможет выдержать, то можно совершенно безнаказанно взять другую лошадь из первого попавшегося дома или у всякого случайного встречного, за исключением только гонца государева» [3, с. 122.]. Это яркое описание позволяет представить, как эта система действовала в Золотой Орде, обеспечивая бесперебойное движение гонцов и служилых людей, выполнявших государственные поручения.

С. Герберштейн с удивлением писал: «На таких почтовых лошадях мой слуга проехал за семьдесят два часа из Новгорода в Москву, которые расположены друг от друга на расстоянии шестьсот верст… И это тем более удивительно, что лошади их очень малы и уход за ними гораздо более небрежен, чем у нас, а труды они выносят весьма тяжелые»» [3, с. 122.]. Из этого следует, что ямщики в XVI в. преодолевали путь со средней скоростью 6–8 км в час. Удивление С. Герберштейна понятно. Дело в том, что нигде в Европе в то временя почта не была государственной. В записках англичанина Э. Дженкинсона, совершившего 1–6 декабря 1557 г. переезд из Вологды в Москву в почтовых санях, указывается, что «Всего между Вологдой и Москвой 14 постов, называемых ямами (jannes), в которых считается до 500 верст», а он проехал это расстояние за 7 суток, делая примерно по 50–60 км в сутки [2, с.77].

Но все эти традиции были заложены еще в середине XIII в. монгольскими ханами. Так путь Дж. де Плано Карпини и Г. Рубрука из Нижнего Поволжья (всего около 4500 км) из ставки Бату до Каракорума занял 105 и 101 день [19, с.71–75, 118–139, 230–231, 235]. Гонцы двигались с гораздо более значительной скоростью. При нормальном переходе (50 км) 6,5–7,75 км в час, а при высшей необходимости при регулярной смене лошадей и самих гонцов могла достигать и более 200 км в сутки. При этом гонец путь из Каракорума до Сарая (около 4100 км) мог преодолевать за 20 дней, а возможно, и быстрее при эстафетной передаче послания.

Кроме чисто государственных интересов – быстрое распространение важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараев стала важнейшими торговыми артериями страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Баттута [22, с.280–314]. Это были не только пути движения материальных ценностей, но информации – культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недаром часто караван-сараи служили вакуфом для какой-либо суфийской общины или близ караван-сарая возникал странноприимный дом для проповедников и дервишей.

Движение письменной информации и торговые магистрали. Объем информации, протекавшей через административные службы Улуса Джучи оценить довольно сложно, поскольку в силу практически полного отсутствия делопроизводственной документации, мы можем сделать это только приблизительно. Но и эти оценки весьма красноречивы.

К числу ***основной государственной документации*** относилась вся фискальная информация. Иногда считается, что перепись была вызвана военными нуждами, но это весьма односложный взгляд, вызванный предрассудками отечественной историографии, что вся Золотая Орда строилась как воинское подразделение. Но этим не объясняется перепись в оседлых странах, откуда войско не набиралось. Главной причиной переписи было становление Монгольской империи и единой административной системы, которая включала установление регулярного налогообложения всего населения империи.

Сразу после завоевания подчиненные области провели переписи населения и стали выплачивать единый налог. Но при великом хане Мунке была произведена полная единовременная и единообразная перепись, растянувшаяся на несколько лет. В Улусе Джучи она состоялась в 1254–1259 гг. и позднее в 1273 г. Нам о ней известно по данным русских летописей: «Тое же зимы (1255) приехаша численницы из Татар, и сочтоша всю землю Русскую, и поставиша десятникы и сотникы, толико не чтоша игумнов, и попов и чрнецов» [18, с.161]. Есть сведения о проведении переписи в Крыму, Алании, Болгаре и Сибири [32, p. 139.]. Переписью ведали особые уполномоченные – *битикчи*, которые относились к особому фискальному учреждению «Диван-и битикчи». То как происходила перепись описано у визиря при Ильханидах и историка Ф. Рашид-ад Дина: «[Государь] повелел, чтобы в каждую область отправился расторопный *битикчи*, подробно, деревня за деревней, описал всю область… Поэтому мы отправили во все владения *битикчиев*, чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился, благодарил и был этим доволен» [21, с.253, 257]. В

Новгородской I летописи (НПЛ) это действие описывается так: «И почаша ездити окаянные по улицам, пишуще дома крестьянские» [20, с. 311]. Очевидно, описывалось не столько численность взрослого населения (от 15 до 60 лет), но и хозяйство. Полная похозяйственная перепись позволяла превратить налогообложение в законный юридический и фискальный документ, делая налогообложение понятным, регулярным и единообразным, насколько это было возможно в средние века. Вполне очевидно, что в дальнейшем подобные переписи стали на Руси регулярными, примерно раз в 10–15 лет. Скорее всего, все сведения о переписи хозяйств всего населения Улуса Джучи записывались в специальные книги (*дэфтэр*), которые хранились в специальных учреждениях – прообразах архивов, которые на мусульманском Востоке именовались «хазинэ» («казна») [1].

Исходя из них исчислялись дани и различные подати регионов и производилась сверка поступления средств в казну государства. Подобная традиция сохранялась в Московском великом княжестве, а позднее и Московском царстве в XV-XVII вв., где эти земельно-хозяйственные описания велись постоянно и фиксировались в специальным, так называемых *писцовых книгах*. Значение писцовых книг как документов, на основе которых производится обложение, усиливается, но они начинают носить характер поземельных описей, включая описание от сведений о башнях городских кремлей до известий о породах промышляемой в озёрах рыбы. Тем не менее, писцовые описания не были в полной мере учетом населения, а в ходе их выявлялись только владельцы дворов, как основа налогообложения в стране.

Другим важнейшим источником получения доходов в казну, что требовало огромной соответствующей документации было ***функционирование торговых путей и развитие международной и внутренней торговли***. Образование в Евразии империи Чингиз-хана и его потомков, возникшей из крови и разрушений периода завоеваний, привело к созданию «мировой державы», объединившей земли от Амура до Дуная и от Северного Ледовитого океана до Персидского залива. После своего возникновения эта империя переживала период своего расцвета, когда наступил период относительно прочного мира. Хотя междоусобная война крупнейших улусов и привела в 1269 г. к образованию самостоятельных государств, но даже тогда экономические и этнополитические связи объединяли их гораздо сильнее, чем спорадические пограничные конфликты.

Прекрасно иллюстрирует это история Поволжья в период Золотой Орды. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Практически сразу после завоевания стали активно действовать мировые торговые магистрали, которые пришли в упадок в конце XII в. Это в первую очередь Великий шелковый путь, который проходил через территорию Улуса Джучи от Ургенча до Азака и городов Крыма, через Сарай и торговый путь по Волге и Каспию, связывая Переднюю Азию с Северной Европой. В силу своего исключительно выгодного географического положения Улус Джучи стал средоточием целого ряда магистральных торговых путей, пронизывавших весь евразийский континент.

Один из них – *поволжский* – связывал мусульманский Восток с Северной Европой и Балтикой.

Второй – *черноморско-волжский* – соединял причерноморские города с нижневолжскими городами и далее со среднеазиатским ответвлением Великого шелкового пути.

Третий – *транскавказский* – связывал страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой.

Важнейшей караванной дорогой для Золотой Орды служила магистраль, которая была ***северным ответвлением Великого шелкового пути*** и шла через города Восточного Туркестана, Семиречья, Хорезма в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачно сложившейся конъюнктуре в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванной монгольскими завоеваниями, вторжениями хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. Концентрация богатств, награбленных в завоеванных странах, и участие в мировой торговле колоссально обогатили аристократию Улуса Джучи, и подталкивали ее к подчинению новых земель, к установлению контроля за балканским и малоазийским отрезками Великого шелкового пути. По этому знаменитому торговому пути, начинавшемся в Китае и проходившем через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы, а также меха и пушнина [33, pp. 401–421; 15, с.60–91; 26, с. 38–59; 30; 28]. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной обслуги: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Судя по запискам европейских послов и купцов (Дж. де Плано Карпини, Г. Рубрук, Марко Поло), этот путь активно начала функционировать. Ханская власть уже в 1250-е гг. поощряла торговлю и давала ряд привилегий купцам, что отмечает армянский историк и современник этих событий Киракос Гандзакеци. Говоря о некоем Рабане-ата, он подчеркивает, что последний имел от монгольского хана грамоту, дававшую

ему особые привилегии, а «его торговые люди, снабженные *тамгой*, т. е. знаком и грамотой, свободно странствовали по всей стране, никто не осмеливался подойти к людям, которые называли имя Рабана. Все военачальники татарские посылали ему дары из своей военной добычи» [10, с.174–175]. Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство. Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например, на Руси, Булгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызывало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный *дирхем* (*йармак*) весом 1,156 г. позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а некоторых регионах и позднее [13, с.41–140; 27]. Одновременно выпускались и медные монеты пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжества) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовало не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя. Регулярные контакты с итальянскими республиками и другими государствами Средиземноморья, с турецкими эмиратами, Византией и особенно Мамлюкским Египтом требовали обмена многочисленных документами, часть из которых сохранилась в архивах Италии и Египта. Даже по этим внешнеполитическим актам, торговым соглашениям и различным деловым письмам мы можем судить о том, насколько тесными и многообразными были эти связи.

Урбанизация в Улусе Джучи: системные связи. Средневековый город был неразделимо связан с окружающим пространством. Более высокая плотность и концентрация населения в рамках городской застройки требовало постоянного притока продуктов питания и разнообразного сырья для функционирования ремесла и жизнеобеспечения. Города везде и во все времена нуждались и потребляли многократно больше продуктов, чем могли производить его жители. В основном объеме необходимые продукты питания и различные полуфабрикаты производила сельская округа этих городов. Но условия существования мегаполисов, особенно в Нижнем Поволжье, требовали значительного количества продуктов, прежде всего зерна и мяса. Между тем, округа этих городов не могла в полной мере осуществлять снабжения этих городских агломераций продуктами питания. Это было возможно только за счет снабжения этого региона из старых регионов развитого земледелия – из Болгарского улуса и улуса Мухши.

Необходимо подчеркнуть, что в одной из важнейших функций Империи Джучидов было создание эффективной налогов системы для чего была проведена перепись населения, для чего был налажен постоянный документооборот и передача сведений по всей вертикали власти. Становление и постоянная поддержка торговых путей и унифицированной денежной системы создало условия для объединения усилий разнообразных общин внутри Улуса Джучи для обеспечение регулярного обмена сырьем, продукцией ремесленного производства и продуктами питания. Объединение страны этими информационными потоками явилось главнейшей целью развития государства и его успешного функционирования на протяжении почти полутора столетий.

Все эти торговые пути служили своеобразными становыми хребтами для Золотой Орды, возникшие на этих путях города объединяли страну, став основой благосостояния Улуса Джучи. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной обслуги: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов.

Появление большого количества городов в Дашт-и-Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно более ста) – явление уникальное в истории средневековья [5]. Практически на пустом месте возникли не просто отдельные города, а целые области, ставшие центрами яркой тюрко-мусульманской цивилизации. Основные города Улуса Джучи возникли именно на торговых путях. От городов Нижнего Присырдарьинья – Саурана, Сыгнака, Дженда, Ургенча, через города Поволжья – далее на юго-запад в Предкавказье, где возникает город Маджар и до Нижнего Подонья, где строится Азак, до крымских городов – Солхата и Кырк-Ера, до городов Нижнего Приднепровья (Кучугуры) и далее на запад в Приднестровье, где возникает целый комплекс городов – Аккерман (Белгород), Исакчи (Старый Орхей) и др.

Сердцем Улуса Джучи были степи Дашт-и-Кыпчака и особенно Нижнее Поволжье. Именно в этой области, по словам Ибн-Халдуна, было «мало городов, но много населенных мест». Здесь же находились два мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен, Укек (близ современного Саратова) и Сарай-

чик, которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявших, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. По свидетельству очевидца Ибн Баттуты население одного только Сарая достигало 75 тыс. человек. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов – во многом за счет регулярного ограбления провинций – и уже в конце XIII в. произошел небывало стремительный рост городов [25; 7; 14]. Особым оседлым регионом с десятками городов был Болгарский улус с центром в Болгаре [6]. Общее оседлое население Улуса Джучи, очевидно, достигало в период до середины XIV в. 2,5 – 3 млн. человек.

Необходимо особо подчеркнуть, что структура городских поселений в Улусе Джучи была достаточно рациональна – она отвечала самым строгим законам логистики и подчинялась социально-политическим и торгово-экономическом требованиям. Несомненно, что кроме чисто экономических, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов, сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому города обязаны бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII – первой половине XIV вв. – в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. До тех пор, пока функционировали транъевразийские торговые магистрали, существовал своеобразный социальный симбиоз оседлых и кочевых областей, ханам Улуса Джучи и правящим кланам удавалось сдерживать сепаратизм отдельных улусбеков и удерживать в подчинении покоренные народы.

Все это подчеркивает тот факт, что кроме торговых контактов, которые мы можем в определенной мере изучить с помощью археологических раскопок (монеты, находки импортов, новые технологии, различные религиозные предметы и т.д.) и на чем всегда концентрировалось внимание исследователей, существовали и незримые связи, которые связывали страну гораздо прочнее, чем хозяйство и торговля. Это прежде всего государственная воля, которая реализовывалась в документообороте, небольшая часть которого представлена в сохранившихся ярлыках и их упоминания, в государственных атрибутах (пайзцах и т.д.), а также в единообразии монетного чекана, налогов и пошлин, что было бы невозможно без единой государственной политики. Другим большим пластом информации, которая в том или ином виде функционировала внутри страны было снабжение продовольствием, поскольку города Улуса Джучи нуждались в значительных объемах зерна и мяса – главных продуктов питания населения. Сюда же следует прибавить сведения о необходимых поставках сырья для ремесленного производства и строительных материалов. Без постоянного обмена информацией подобное снабжение было бы просто немыслимо, а огромное количество населения в городах не позволяло оставить этот вопрос на решение его за счет частной инициативы. Здесь явно и четко действовала государственная воля, которая была немыслима без регулирования с помощью передачи информации. Нельзя оставить в стороне и религиозные связи внутри страны, которые требовали некоей стандартизации обучения и регламентации ритуалов. Иными словами, передача информации по вертикали власти и по горизонтали государственного пространства страны не оставляет никаких возможностей представить Улус Джучи в виде варварской дикой и паразитической державы, жившей за счет ограбления провинций. Это было цивилизованное государство – средневековая империя, которая функционировала, используя разнообразную информацию, собирала и обрабатывала ее, распространяя по различных вертикально и горизонтально организованным каналам. В этом была сила этого государства и его устойчивость. Именно эти традиции долго держали его как единое целое, а позже были восприняты его наследниками, включая Московское царство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 333 с.
2. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю.В. Готье. М. Соцэкгиз. 1937. 307 с.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
4. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: ИД МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.
5. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
6. Измайлов И.Л. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 448–470.
7. Измайлов И.Л., Зеленеев Ю.А. Нижнее Поволжье и столицы / // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 215–225.

8. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

9. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб, пособие. М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

10. Киракос Ганджакеци. История Армении. М.: Наука, 1976. 358 с.

11. Кульпин Э.С. Золотая Орда: судьбы поколений. М.: Инсан, 2008. 192 с.

12. Лич. Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М.: ИФ «Вост. лит-ра», 2001. 142 с.

13. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 162 с.

14. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 351 с.

15. Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.: Вост. лит-ра, 1995. 127 с.

16. Поло М. Книга Марко Поло. Пер. с старофр. И.П. Минаева. М.: Географгиз, 1956. 376 с.

17. ПСРЛ. Т.III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

18. ПСРЛ. Т.VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.

19. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. И.Н. Малеина. М.-Л.: Географгиз, 1957. 270 с.

20. Рашид ад-Дин Ф. Сборник летописей. Т.II. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

21. Рашид ад-Дин Ф. Сборник летописей. Т.III. Пер. с перс. А.К. Арендса. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.

23. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 168 с.

24. Трепавлов В.В. Становление Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С.170–188.

25. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ. 1994. 232 с.

26. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1998. С. 38–59.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 351 с.

28. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: Эксмо, 2019. 864 с.

29. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. 880 с.

30. Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант. М.: Центрполиграф, 2014. 477 с.

31. Ablyazov K., Singatulin R. Logistics of Trade Routes of the Golden Horde. Effective Adaptive system with Feedback. NY: Nova Science Publishers, 2015. 35 p.

32. Allsen Th.T. Mongol Census Taking in Rus 1245–1275 // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. V. № 1. Pp. 32–53.

33. Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols, XIII–XIV Centuries // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978, 19(4), pp. 401–421.

Сведения об авторе: Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

URBANIZATION AND INFORMATION FLOWS IN THE ULUS OF JOCHI: A NEW LOOK AT THE INTERNAL UNITY OF THE EMPIRE

I.L. Izmailov
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Information processes in the expanses of Northern Eurasia in the 13th–14th centuries were quite intense, for a long time ensuring the stability of society and the state, creating a special information environment, which, according to its main parameters, was achieved only in imperial Russia of the 18th–19th centuries. The natural and geographical feature of the Ulus of Jochi was that the main part of this medieval empire was located in the steppe, forest-steppe and forest zones. At the same time, it should be emphasized that the main part of the country with large cities and trade highways was located in the steppe part, and the main resources in the forest and forest-steppe part of the country. But it was the cities and the infrastructure growing around them that were consumers of products and raw materials extracted in other regions and even countries. This empire could not exist without international trade, primarily as a transit route from West to East – from Europe and the Mediterranean to China. One of the most important functions of the state was to create conditions for uniting the efforts of diverse communities within the Ulus of Jochi to ensure the regular exchange of raw materials, handicraft products and food. The unification of the country with these information flows has been the main task of the state and its successful functioning for almost a century and a half.

Keywords: Ulus of Jochi, information flows, trade routes, road network, urbanization, bureaucracy, document management, education system, islamization, culture

About the author: Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

УДК 330.8

ЗОЛОТАЯ ОРДА И «PAX EURASICA»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

О.В. Лушников
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

В статье поставлена цель рассмотреть Золотую Орду (Улус Джучи), как «колыбель народов Евразии», которая создала в период XIII–XV вв. уникальный опыт взаимодействия народов гигантского субконтинента, заложив основу его цивилизационной парадигмы – «Pax Eurasica». Отмечается, что исторический контекст наследия Золотой Орды и современная евразийская концепция, построенная с учетом новых экономических, политических и социально-культурных реалий, могут стать основой системы ценностей и приоритетов, способствующей консолидации и реализации взаимовыгодной стратегии развития для народов «Pax Eurasica» (Евразийского мира), превращая регион Центральной и Северной Евразии в новый центр геоэкономики (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским). Идеи Чингизидов о выгодах макроконтинентальной интеграции, сегодня вновь востребованы на международном уровне (ЕАЭС, ШОС, «Большое евразийское партнерство», «Один пояс один путь») и отвечают интересам всех государств евразийского континента. А сохранение сформированного в эпоху Золотой Орды евразийского культурного кода обеспечит идентичность и преемственность развития народов Евразии в условиях вызовов XXI в.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, «Pax Eurasica», Евразийский мир, Евразийская цивилизация, евразийская интеграция, Большая Евразия, евразийская идея, геополитика, геоэкономика, евразийство

Исследование Золотой Орды (Улус Джучи), с точки зрения мир-системного, цивилизационного подхода в сравнительно-историческом контексте, позволяет рассмотреть ее как «колыбель народов Евразии», которая создала в период XIII–XV вв. уникальный опыт взаимодействия народов гигантского субконтинента, заложив основу его цивилизационной парадигмы – «Pax Eurasica», увидеть её истоки и выявить влияние на современные интеграционные процессы в Евразии.

«Pax Eurasica» (Евразийский мир) – географический, этно-культурный, историко-геополитический мир, сложившийся на протяжении тысячелетий на просторах Евразийского макроконтинента [27]. Также м.б. обозначенный как «Евразийская цивилизация» – социетальная культурно-историческая система, объединяющая на суперэтническом уровне население на основе системообразующих связей трех видов: 1) пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта; 2) темпоральные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка; 3) социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей [21, с. 108].

Для формирования евразийской историко-культурной общности имелись существенные природные предпосылки. Вытянутый в широтном направлении Евразийский континент в северной его половине не разделен такими меридиональными ландшафтными рубежами (высокогорными хребтами или большими пустынями), которые могли бы существенно ограничить общение обитателей разных его частей. Широкие реки издревле не столько разъединяли, сколько связывали народы Евразии. Значительную роль в деле перемещения людей, вещей и идей сыграл и протянувшийся от Дуная до Хингана сплошной пояс степей. [25, с. 283]. Именно роль Великой Степи и возникавших на ее просторах симбиотических оседло-кочевых общностей, таких как «царства» древних индоевропейцев, Вечный Эль тюрок, Великая Монгольская империя и ее наследники, стала определяющей для формирования «Pax Eurasica».

Уже в IV–III тыс. до н.э. обозначились общие черты для населения всей Евразии. Близость ландшафтно-природных условий способствовала формированию сходных хозяйственно-культурных типов, а все более умножающиеся прямые и опосредованные контакты между населением разных областей Евразии помогали распространению культурных новаций и унификации их культурного облика. Свою роль в обусловливании этнокультурного родства значительно удаленных регионов сыграли и массовые миграции населения.

Возникновение на рубеже II–I тыс. до н.э. кочевого скотоводства – обеспечило еще большее сближение разных историко-этнографических областей и культурных провинций Евразии. Раньше всего это произошло в степном поясе и примыкавших к нему с севера и с юга территориях. Значительная близость культур этой зоны (даже у неродственных народов) весьма отчетливо проявилась уже в I тыс. до н.э. в «скифскую эпоху» [9, с. 13]. В последующие века, Евразия стала свидетелем массовых перемещений сар-

матов, алан, гуннов, тюрков, распространившихся на огромных пространствах Старого Света. Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финнские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств и древнетюркских каганатов в I тыс. н.э. [4, с. 22].

Как отмечал С.Г. Кляшторный, на протяжении всей древней и средневековой истории, на пространстве «Pax Eurasica» складывались и преемственно закреплялись традиции, имевшие различные истоки, но сформировавшие этнокультурные особенности, присущие, в той или иной мере, всем евразийским этносам. «Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежда, средства передвижения, пища, украшения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа» [9, с. 15].

Еще большего в развитии «Pax Eurasica» удалось достичь в XIII–XV веках в период Великой Монгольской империи и государств ее наследников, крупнейшим из которых и оставившим наибольший след, безусловно является Улус Джучи (Улуг Улус, Золотая Орда). Это была эпоха создания великой трансконтинентальной державы, «мир-системы», перевернувшей всю мировую историю на «до» и «после», приведшей к тектоническим сдвигам в геополитике, экономике, этногенезе, науке, технологиях, культуре, искусствах.

В XIX–XX вв. в науке доминировало представление о Монгольской империи исключительно как о паразитическом государстве варваров – разрушителей [18, с. 13]. Однако, введение в научный оборот новых источников, и исследования источниковедов, археологов и нумизматов, позволили сегодня по-новому осмыслить вклад Монгольской империи, и ее Улуг Улуса, в формирование евразийской общности. На смену доминировавшему формационному подходу, сегодня пришел цивилизационный. Т.к. именно в рамках цивилизационного подхода удается объяснить сложные процессы взаимодействия кочевой и оседлой культур в истории Евразии. Современные исследователи (Б.В. Базаров, С.Г. Кляшторный, Т.Д. Скрынникова, В.В. Трепавлов и др.), стали уделять внимание не только военной истории, но и вопросам внутренней жизни Монгольской империи, ее экономике, религии, освещению проблем специфики развития кочевого общества, этнокультурным процессам в Евразии [18, с. 136].

Можно согласиться с Г.Г. Пиковым, что эпоха Монгольской империи сыграла ключевую роль в складывании нового миропорядка, создании новой геополитической конструкции Евразии. «Этот особо ощутимый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно, как разрушительный. Между тем, передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически "второго великого переселения народов". Для этой первой фазы характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было снятие прежней структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли… Снята была насильственно и "героическая" феодальная верхушка, ориентированная на аграрную экономику и разбой. Налажены новые трансконтинентальные связи. Появилась и новая культурная карта. Кочевники во всех этих процессах играли не просто роль "дворников", но и участвовали в этническом, политическом и культурном структурировании пространства» [24, с. 10].

Директор Института Русской истории РГГУ, А. Фурсов также считает, что хотя, «кочевые завоевания уничтожали население и разрушали хозяйство, города, но безвозвратно – редко, да и не стоит сильно преувеличивать разрушительный демографический и экономический эффект завоеваний. Исследования показывают, что население восстанавливалось в течение жизни двух поколений (40–50 лет); аналогичным образом обстояло дело и с экономикой. К тому же надо помнить, что, помимо прочего, кочевые завоевания были следствием уже происшедшего ослабления земледельческих государств» [34, с. 14].

Важнейшим элементом формирования «Pax Eurasica» во все времена был экономический фактор, способствовавший интеграции и культурному взаимовлиянию регионов Востока и Запада континента. За великими полководцами всегда стояли купцы (прежде всего из Центральной Азии – согдийцы, уйгуры и др.), заинтересованные в развитии трансконтинентальной караванной торговли. Большое единое политико-экономическое пространство всегда открывало новые возможности. Развивало экономику всех участников процесса трансконтинентальных связей. Выиграли все – и Восток и Запад, и Север и Юг.

Историческая роль евразийской трансконтинентальной торговли не только в обеспечении материальных потребностей людей через обмен товаров Европы, Китая, Индии, Ближнего Востока и Великой

Степи, но и весомом вкладе в развитие культуры, религии и науки, благодаря ретрансляции идей и технологий. Т.н. «Великий Шёлковый путь» на протяжении тысячелетий был фактором интеграции евразийского континента порождая империи и экономические мир-системы. Мир-система представляет собой системы обществ, объединённых тесными экономическими связями, выступающими в качестве определённых эволюционирующих единиц, но не всегда объединённые в единое политическое образование. Торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство.

Так в XIII–XV вв. в период Великой Монгольской империи и ее наследников, можно говорить о создании первой пан-евразийской мир-системы из пяти независимых «ядер»: Западной Европы; Арабского мира; зоны Индийского океана; Китая и Великой степи, объединенных монголами в единое политико-экономическое макропространство. Монголы организовали самый масштабный торговый путь из Китая в Европу, способствовали росту трансконтинентальной торговли, притоку инноваций в Европу, включению Индии в более тесные взаимоотношения с другими частями мир-системы [15, с. 326].

Имперские столицы и крупные административные, торговые и производственные центры «Pax Eurasica» XIII–XV вв. – Каракорум, Шанду, Ханбалык, Тебриз, Алмалык, Самарканд, Бухара, Ургенч, Багдад, Тебриз, Марага, Сарай, Булгар и др., стали местом переплетения кочевой и оседлой культур, языков, нравов, обычаев, архитектурных решений и стилей, сосредоточием ремесла, изящных искусств, храмов, академий, обсерваторий, мавзолеев, шедевров архитектуры, очагами формирования общеимперской культуры [32, с. 219]. И этот процесс нельзя назвать стихийным. Он направлялся экономической и культурной политикой Чингизидов.

Наиболее ярко это нашло свое отражение в городах Улуса Джучи, (исследовано уже около 100 его городищ в Восточной Европе) [6]. И для городской и для кочевой части населения Улуса характерной чертой являлась культурная полифония и полиэтничность. В формировании городского населения Улуса Джучи принимали участие как народы с устойчивыми традициями оседлости, так и часть кочевников, создавая пестрый, этнически разнородный ковер. Среднеазиатский, кавказский и иранский компоненты пересекаются с финно-угорскими, булгарскими и русскими. При этом отчетливо просматривается единый пласт материальной культуры, общей для всего населения Золотой Орды [2, с. 44].

В годы правления Токты, Узбека и их ближайших преемников Золотая Орда достигла вершины политического могущества и экономического расцвета. Укрепляется центральная власть Орды; проводятся административные и экономические реформы, способствующие развитию и росту сельскохозяйственного и ремесленного производства, что, в свою очередь, приводило к расширению внутренней и международной торговли [14, с. 158]. В период Золотой Орды на просторах Евразии шло обширное градостроительство, освоение новых земель в сельском хозяйстве, строительство оросительных систем и каналов, разветвленная транспортная сеть, огромные торговые обороты и культурный обмен [12]. Развитию городов империи способствовали: 1) создание сети бесперебойных коммуникаций от Крыма до Ханбалыка, ямской службы, связывавшей важнейшие города и порты, караван-сараи; 2) создание стабильной финансовой системы, использование государственных векселей, участие государства в финансовой поддержке купеческих корпораций («уртаки»); 3) административно-политическая функция городов, притягивающая знать и ремесла [33].

Важным фактом является влияние периода Золотой Орды и на культурное сближение тюркских, монгольских, славянских, финно-угорских, иранских, кавказских и других народов Евразии. Об этом свидетельствуют как данные материальной и духовной культуры народов урало-поволжского и центральноазиатского региона, так, и археологические данные (появление разнообразия погребальных обрядов, комбинации традиций, как результат смешения этносов при миграциях) [7].

Формирование общеимперской культуры шло через синтез культурных традиций разных народов Евразии в архитектуре, ремесле и технологии, науке, философии, литературе, живописи и декоративном искусстве, музыке, способствовала зарождению новых вкусов моды, дизайна, одежды, быта [16, с. 87]. Сфера материальной культуры, ее синкретичность, в полной мере отразила полиэтничный облик государства и всю совокупность пронизывающих его экономических и культурных связей. В материальной культуре золотоордынских городов много заимствований из городской культуры мусульманского Востока. Этот процесс не был прямолинейным. В различных регионах общегосударственная культура Золотой Орды наслаивалась на местную основу, что приводило к складыванию локальных вариантов [12, с. 45]. Этому способствовали религиозный плюрализм, толерантность, наднациональная и надрелигиозная политика властей**.** В Монгольской империи и Золотой Орде духовенство всех религий, равно как и их имущество, были освобождены от налогов. Политика веротерпимости сохранялась даже при переходе ханов буддизм в Китае, или в ислам в Иране, Средней Азии и Золотой Орде. О этом говорят факты мирного сосуществования в империи ислама, христианства разных конфессий, буддизма, конфуцианства и тенгрианства [26, с. 67]. Независимо от национальности и вероисповедания можно было сделать карьеру в армии или в имперской администрации [11, с. 218].

Эффективные механизмы пан-евразийской мир-системы XIII–XV вв. Великой Монгольской империи и ее Улуса Джучи (Золотой Орды): этно-конфессиональная толерантность, этнокультурная автономия, принципы коллективной безопасности и совместного экономического процветания (на основе трансконтинентального экономического взаимодействия), оказали влияние на последующую историю евразийской интеграции. Русские земли, став частью этого масштабного политико-экономического пространства, получили уникальный опыт участия в международном трансконтинентальном проекте, и органично восприняли целый ряд идей и технологий, оказавших существенное влияние на формирование и стратегическое развитие Московского государства. Более того, преемственность Московского государства от Улуса Джучи выражалась еще и в том, что непосредственным строителем его, исполнителем воли российских Великих князей и Царей, являлся значительный слой татар и татарских выходцев на русской службе, составивших опору российского дворянства [10, с. 6].

В.В. Бартольд, Г.В. Вернадский, А.Ш. Кадырбаев, М.Г. Крамаровский, В.В. Трепавлов, С.А. Нефедов и другие исследователи выделяют влияние монгольского мира на такие сферы как государственное управление [1], принципы и символы верховной власти [16, с. 215], налоговая политика, экономические отношения, организация армии, развитие технологий [20], а также культуру, язык и быт [17], вхождении ее в мировой политический, социальный, экономический и культурный оборот [3]. Главный научный сотрудник Института Российской истории РАН В.В. Трепавлов, вслед за Г.В. Вернадским, отмечал 4 уровня влияния:

1. В политике:

а) Административной: система управления монарха, без посредничества сословно-представительных органов или церкви, строгая иерархия подчинения Великому князю, принципы территориального деления; а также широкое использование в XVI–XVII веках института соправительства, где в качестве соправителей были потомки чингизидов на русской службе (Иван Федорович Мстиславский, Петр Ибрагимович, Михаил Кайбулович, Симеон Бекбулатович, Борис Годунов).

б) Военной – организация армии, тактическое искусство.

в) Идеологической – статус “Белого царя” правопреемника Золотой Орды.

2. В экономике: организация податной системы с использованием заимствованных форм.

3. В социальной сфере: генезис особых сословий и особые формы их управления (“служилые татары”, казаки и “ясачные народы”).

4. В менталитете: формирование комплиментарных отношений к различным этносам и культурам, а так же отношение к верховной власти (“Царь-батюшка”) [30].

По мнению языковеда и культуролога князя Н.С. Трубецкого, присоединение к Московскому государству Поволжья, Сибири, Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Приамурья – все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей евразийского улуса Чингизхановой империи – «Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана» [31, с. 236].

В процессе развития нового этапа «Pax Eurasica» – Российской империи, в XVI–XX вв. в состав геополитической преемницы вошли представители всех народов населявших Улус Джучи (Золотая Орда), а также народы других улусов Монгольской империи (Сибирь, Дальний Восток, Центральная Азия, Закавказье), ставшие существенным фактором развития истории и культуры России. Распространение влияния Российской империи на "монгольское наследство" окончательно скрепило Евразию в политическом, экономическом и культурном отношении, а более чем 400-летняя продолжительность сосуществования в едином (российском и советском) пространстве придала колоссальную инерционную силу процессам экономической интеграции и культурного синтеза, продолжающимся в Евразии и сегодня.

Сегодня идейное наследие Золотой Орды получило новый импульс, как в проектах евразийской интеграции в формате Евразийского Экономического союза (ЕАЭС, объединившем с 2014 г. Россию, Беларусь, Армению, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан), и в макроконтинентальной экономической интеграции «Большое Евразийское партнерство» [23]. Как и в историческом прошлом, в XXI в., евразийская интеграция также базируется на развитии экономических связей и трансконтинентальных путях (сегодня уже авто, ж/д, мультимодальных перевозках) в рамках китайской программы «Пояс и путь», российско-иранско-индийского проекта «Север-Юг», и российского макроконтинентального мегапроекта «Большое Евразийское партнерство» (на основе взаимодействия ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и др.) [23].

По мнению экспертов (Е.Ю. *Винокуров, И.Н. Тимофеев, С.Е. Караганов и др.),* региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Чтобы в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности усилить эффект от интеграции, *необходимо* осуществить меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства ЕАЭС (завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидиро-

вать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза; эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество) [33]; расширить количество участников Евразийского Союза, создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве (*с КНР, Ираном, Индией, странами АСЕАН и др.),* выстроив отношения, в том числе, и с ключевыми торгово-инвестиционных партнерами [5; 33; 13].

Исторический контекст наследия Золотой Орды и современная евразийская концепция, построенная с учетом новых экономических, политических и социально-культурных реалий инклюзивного и недискриминационного международного сотрудничества, коллективной безопасности, суверенного равенства, многополярности, отвечают интересам всех государств Евразийского континента. И, несомненно, могут стать основой системы ценностей и приоритетов, способствующей консолидации и реализации взаимовыгодной стратегии развития для народов Евразийского мира, превращая регион Центральной и Северной Евразии в новый центр геоэкономики (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским) и совместного экономического процветания. А сохранение сформированного в эпоху Золотой Орды евразийского культурного кода («единство в многообразии», уважение ко всем культурам, религиям, этносам, цивилизациям), обеспечит идентичность и преемственность развития народов Евразии в условиях вызовов XXI в., и может стать основой новой мир-системы справедливого миропорядка «Pax Eurasica».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Сочинения в 9 т. Т. 9. М.: «Вост. лит.», 1977. 968 с. С. 512–513.
2. Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах созданных кочевниками Евразии // Из Истории Золотой Орды. Казань. 1993. С. 33–44.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2002.
4. Вернадский Г.В. Сфера Евразии. М.: КМК, 2005.
5. Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2014.
6. Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды // Владимирцовские чтения (III). СПб., 1995. С. 12–24.
7. Измайлов И. Вещественные источники // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань: Издательство АН Татарстана. Т.3. Казань: ИИ АНТ, 2010. С.58–65.
8. Измайлов И.И. Улус Джучи взгляд на средневековую империю // Татарстан. 1993. №7. 39–48.
9. История татар с древнейших времен. Т.1. Казань: ИИ АНТ, 2008.
10. Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предтеча Российской Империи. URL: https://runivers.ru/lib/reader/144257/ (дата обращения 15.03.2025).
11. Кадырбаев А.Ш. Ислам и мусульмане в истории монголов 13–15 вв. // Монгольская империя и кочевой мир. Т. 2. Улан-Удэ: ИМБиТ СО РАН. 2005. С. 206–219.
12. Калан Э. Золотая Орда и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV в. Казань. 2012.
13. Караганов С.Е. От поворота на Восток к Большой Евразии. URL: http://globalaffairs.ru/pubcol/Otpovorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739 (дата обращения 5.6.2020).
14. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: ИВ РАН, 2004.
15. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., РАН. 2006.
16. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
17. Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты)// Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С.43–81.
18. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Издательство АН Татарстана, 2009. 158 с.
19. Лушников О.В. Евразийская идея в России. Истоки и перспективы. Пермь: ЦЕИ ПГГПУ, 2018. 337 с.
20. Нефедов С.А. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 189–220.
21. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М.: Норма, 1998. 275 с.
22. Путин В.В. Выступление на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. URL: http://www.kremlin.ru/events/preside nt/news/52178 (дата обращения 15.03.2025)
23. Путин В.В. Большая Евразия – проект, устремленный в будущее // Большая Евразия. 2018. №1. С.4–8.

24. Пиков Г.Г. О "кочевой цивилизации" и "кочевой империи" // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2009. Том 9. Вып. 1: История. С. 4–10.

25. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 279–294.

26. Сочнев Ю.В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII–XIV вв. // Мининские чтения. Н.-Новгород, 2003. С. 59–68.

27. Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б.С. Ерасова. М., 1998. 555 с.

28. Трепавлов В.В. Монгольская империя: Еке Улус и Pax Mongolica. // Международный евразийский форум «Идель – Алтай». Казань: ИИ АНТ, 2009. С. 244–246.

29. Трепавлов В.В. Россия и кочевая степь: проблемы восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. №2. С. 42–52.

30. Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. №1. С. 3–15.

31. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.

32. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.:Наука, 1994.

33. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 38–59.

34. Фурсов А. Срединность Срединной Азии: долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. Том 1, №4, Осень 1998. С. 14–35.

35. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). Москва, Июнь 2015. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/19625/ (дата обращения 15.03.2025).

Сведения об авторе: Олег Вадимович Лушников – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра Евразийских исследований им. Г.В. Вернадского, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Российская Федерация). E-mail: oleglushnikov@ya.ru

THE GOLDEN HORDE AND "PAX EURASICA": HISTORICAL CONTEXT

O.V. Lushnikov
Perm State Humanitarian and Pedagogical University

The Golden Horde (Jochi Ulus), as the "cradle of the peoples of Eurasia", created a unique experience of interaction between the peoples of the giant subcontinent during the 13th – 15th centuries, laying the foundation for its civilizational paradigm – "Pax Eurasica". The experience and basic principles of Eurasian integration in the historical practice of the Golden Horde (security, mutually beneficial interregional and macrocontinental economic cooperation, the value of a single cultural and political-economic space, the preservation of the ethno-cultural identity of the territories and peoples of Eurasia, the principles of ethno-confessional tolerance, etc.), can be used to find answers. meeting the challenges of modernity. Research results: The historical context of the Golden Horde's heritage and the modern Eurasian concept, built taking into account new economic, political, and socio-cultural realities, can become the basis of a system of values and priorities that promote consolidation and to implement a mutually beneficial development strategy for the peoples of "Pax Eurasica" (the Eurasian World), turning the region of Central and Northern Eurasia into a new center of geo-economics (along with the Euro-Atlantic and the Asia-Pacific). The ideas of the Genghisids about the benefits of macrocontinental integration are in demand again at the international level today (the EAEU, the SCO, the Great Eurasian Partnership, One Belt One Road) and meet the interests of all states of the Eurasian continent. And the preservation of the Eurasian cultural code formed during the Golden Horde era will ensure the identity and continuity of the development of the peoples of Eurasia in the face of the challenges of the 21st century.

Keywords: The Golden Horde, Jochi Ulus, Eurasian civilization, «Pax Eurasica», Eurasian integration, greater Eurasia, Eurasian idea, geopolitics, geo-Economics, Eurasianism

About the author: Oleg V. Lushnikov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Vernadsky Center for Eurasian Studies, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: oleglushnikov@ya.ru

УДК 94

ВЕЛИКИЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ В ДРЕВНОСТИ (ЮЭЧЖИ, ХУННУ, ЖОУЖАН)[1]

П. Дэлгэржаргал
Монгольский Государственный Университет

В статье рассматривается история Великого Шелкового пути в Евразийской степи. Страны юэчжи и хунну сыграли важную роль в развитии Шелкового пути. Считается, что народ юэчжи, поселившийся в регионе Ганьсу, сыграл важную роль в создании Шелкового пути. Евразийский международный торговый путь соединял кочевые государства с Западной Азией. Хунну вели 3 войны против юэчжи и победили, установив свое господство над Шелковым путем. Хунну доминировали в бассейнах Ганьсу, Турфана и Тарима, создавали и развивали международные торговые пути и устанавливали контроль. Северная ветвь Шелкового пути, которая соединяла Турфан и Хами с центральной Монголией, существовала не только в период цзюаньцзюань, но и восходит к периоду хунну.

Ключевые слова: хунну, юэчжи, цзюаньцзюань, Шелковый путь, Ганьсу, бассейны Тарима

Контроль международных торговых путей (позже известных как “Шелковый путь”) был важен для политического, экономического и культурного развития любых древних государств. Об этом свидетельствует соперничество между юэчжи и хуннами за господство на Шелковом пути и последующая борьба между хунну и ханьским государствами. Однако исследователи сравнительно мало внимания уделяли роли кочевников в зарождении и развитии Шелкового пути. Ярким примером этого является игнорирование роли кочевых государств, таких как Юэчжи и Хунну, в развитии международных торговых путей. С другой стороны, исследователи слишком часто переоценивают влияние китайской культуры на развитие кочевников Внутренней Азии. Но мало внимания уделялось взаимоотношениям кочевых государств Внутренней Азии и индоевропейцев. Однако эти отношения сыграли важную роль в истории Евразии и, возможно, стали основной причиной развития международных торговых путей. Международный торговый путь, соединявший Евразию, стал основным маршрутом, связывающим кочевые государства Внутренней Азии со странами Запада.

Происхождение Шелкового пути малоизученно. Большинство исследователей ссылаясь на китайские источники полагают, что коридор Ганьсу был создан в период правления императора Уди, когда ханьское государство отвоевало коридор Ганьсу у хуннов и это стало непосредственной границей с западным регионом[2]. Однако исследователи отмечают, что древняя торговля народов Евразии возникла из торговли драгоценными камнями, такими как лазурит и нефрит. Первый евразийский торговый путь можно назвать “нефритовой дорогой”. В источниках зафиксировано, что китайцы покупали нефрит у юэчжи около 645 г. до н.э. Исследователи определили, что нефрит, который использовали древние китайцы, был нефритом нынешнего Синьцзян-Хотана [17, с. 265].

Для выяснения многих вопросов возникновения и развития международных торговых путей надо выяснить следующее:

- Какую роль кочевники сыграли в создании Шелкового пути?
- Почему Шелковый путь был важен для кочевых государств Внутренней Азии?
- Были ли хунны и жоужане связаны с Восточным Туркестаном торговлей?

Вопросы ждут ответа.

К III в. до нашей эры в регионе Внутренней Азии сосуществовали государства Дунху, Хунну и Юэчжи. Во времена Хуннского шаньюй[3] Тоуман (год? до н.э. – 209 г. н.э.) соседние Дунху и Юэчжи были очень могущественны. Как отмечается в 110 главе “Повествование о сюнну” сочинения Сыма Цяня “Шицзи” (Исторические записки) отмечается: “В это время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета.

[1] Перевод с монгольского языка сделала Ж.Урангуа – доктор (Dr.), профессор кафедры истории Монгольского государственного университета.

[2] В китайских источниках «西域 xiyu, Западный регион» переводится на английский как “Western Region”. Но западные исследователи называют его «Восточным Туркестаном». Китайцы утверждают, что маньчжурская династия Цин называла его Синьцзян, или «Новая окрайна». Но во времена государства Чагатайя вокруг этого региона было сосредоточено государство Восточное Чагатайя и называлось Монголистаном.

[3] Шаньюй (кит. трад. 單于, палл. чаньюй) – титул главы хунну.

Шаньюем у сюнну был Тоумань.”[10, с. 37]. “В это время племена дунху усились, а юэчжи достигли своего расцвета. У сюнну шаньюя звали Тоумань”[9, с. 327].

В целом можно считать, что династия Юэчжи к III веку до н.э. стала очень могущественной и контролировала международные торговые пути. Согласно китайским источникам, в III веке до нашей эры народ юэчжи поселился между Дуньхуаном и горами Цилянь в Ганьсу к западу от хуннов (始月氏居敦煌祁連間) и стал очень могущественным [1, с. 3162]. Согласно китайским источникам, юэчжи жили на территории от Ганьсу до горы Тяньшан и Дуньхуана, и ссылаясь на это можно предположить, что юэчжи контролировали территорию к западу от нее. В любом случае, Юэчжи явно был очень силен во время правления Тоуман шаньюя и оказал давление на хуннов до такой степени, что Тоуман шаньюй сдал своего сына Модуна в заложники Юэчжи.

Однако посланник император Уди Чжан Цянь отправился в западный регион и собрал много информации, пока не вернулся в 126/125 году до н.э. у ханьского императорского двора не было никаких понятии и сведении или об этом регионе. В источниках четко указано, что Юэчжи были кочевниками, однако неизвестно, когда они поселились в районе Ганьсу.

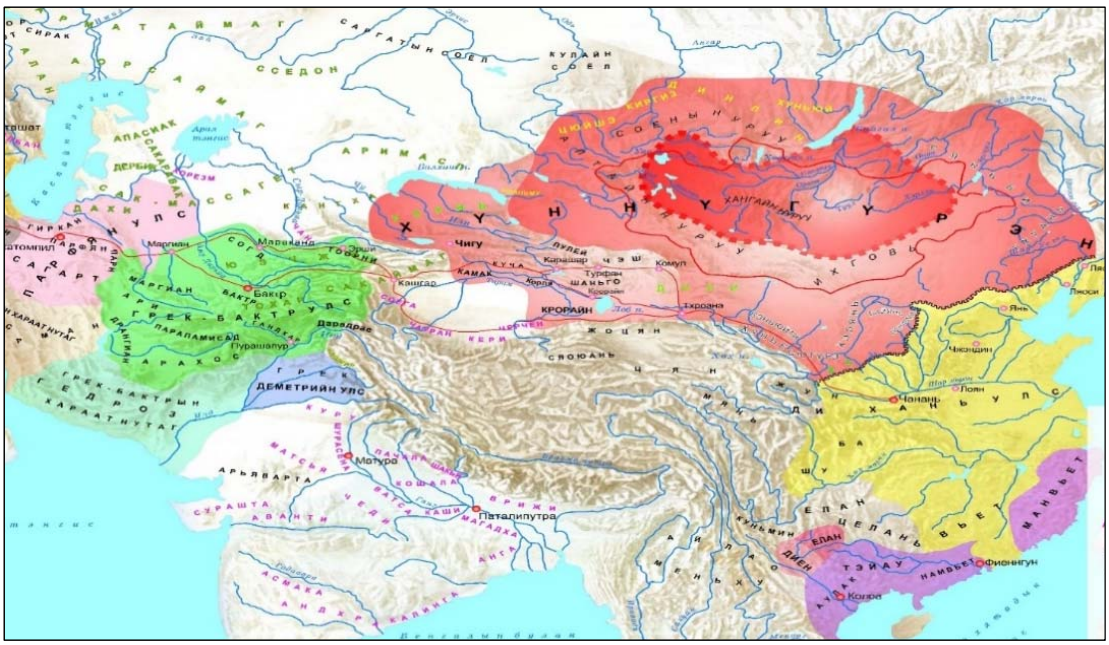
Миграция индоевропейцев: Юэчжи. По мере того как индоевропейцы развивали военные технологии колесницы, они значительно расширились и мигрировали на восток, образовав большую индоиранскую языковую группу. На индоевропейском языке этот “centum” распространившиеся на запад (такие европейские языки, как кельтский, германский, греческий и число “100” на латыни называются “centum”), а также “satem” или распространившиеся на восток до Индии (Азиатские языки, такие как иранский, санскрит, авестийский число “100” называется на санскрите “satam”, и “satem” на авестийском). Однако обнаружение большого количества письменных памятников, принадлежащих группе “centum” в бассейне Тарима, в регионе распространения языковой группы “satem”, вызвало споры среди ученых и привело к множеству предположений.

В тохарском диалекте «А» 100 называется “känt”, а в диалекте «Б» “kante”, поэтому язык относится к “centum” группе индоевропейских языков. Открытие большого количества тохарского материала в Куча, Карашаре и Турфане Таримской котловины привело к развитию тохарской проблемы и взаимоотношений Тохара и Юэчжи. Большинство исследователей теперь согласны с тем, что юэчжи являются индоевропейцами [5, с. 46–57]. Кроме того, спорным является вопрос о том, где и когда индоевропейцы впервые поселились в Таримской котловине, а значит, и в регионах Дуньхуан и Ганьсу. Некоторые исследователи полагают, что индоевропейскоязычные Афанасьевы мигрировали из южнорусских степей в Алтай и Приенисей в середине бронзового века, слились с андроновской культурой в середине III тысячелетия до нашей эры, а затем в начале во 2-м тысячелетии до нашей эры они снова мигрировали и поселились в Ганьсу и Восточном Туркестане [14, с. 25–27].

Исследователи предположили, что люди, названные юэчжи в китайских источниках, в древнегреческих источниках назывались тохарами, и они же широко распространили индоевропейский язык в бассейне Тарима. Лингвистические факты являются основным основанием для предположения о том, что юэчжи и тохар- это одно и то же [15, с.12–22, 36]. Кроме того, юэчжи считаются потомками скифов, а поскольку Алтайский край принадлежал юэчжи, пазырыкская культура была включена в состав юэчжей, и некоторые исследователи считают, что “отдельные скифи” сформировали пазырыкскую культуру и они были предками юэчжи [13, с. 177–178].

Таким образом, исследователи не единодушны в вопросе происхождения юэчжей, но принято считать, что они были индоевропейцами. Можно предположить, что до III в. до н.э. индоевропейские языки преобладали в районе от Ганьсу до горы Тянь-Шань и к западу от нее. Поэтому считается, что возникновение международных торговых путей, соединяющих Евразию, неразрывно связано с миграцией индоевропейцев. В частности, очевидно, что важную роль в создании Великого шелкового пути сыграли народы юэчжи, которые были сосредоточены в районах Ганьсу и Дуньхуан и находились в центре международных торговых путей.

Однако усиление династии Хуннов не только остановило экспансию индоевропейцев и индоиранцев в Восточную Азию, но и оттеснило их на запад. Хунны трижды атаковали Юэчжи примерно в 208, 177 и 167 гг. до н.э. и одержали крупные победы. Эти три войны между Хуннами и юэчжи были важными политическими и геополитическими битвами, в которых решалось, кто будет доминировать на Евразийском Шелковом пути. Кочевые племена, такие как юэчжи и хунны, оказали решающее влияние на развитие Евразийского международного торгового пути (Шелкового пути).

ХУННУ
ЯНЬ
ЧЖОНЦЗИН
ЧАНАНЬ
ЛОЯН
ЯНЬ
ЧЖОЦЗИН
ЧАНАНЬ
ЛОЯН
ФИОННГУН
КОГЮЭ
ЧИГУ
КУЧА
КАМАК
КАНГЮЙ
КРОРАЙН
ТХРОАНА
СВОЮАНЬ
ЖОЦИН
ДЕМЕТРИЙН УЛС
ГРЕК-БАКТРИЙН
ГРЕК-БАКТРИЙН ХАРАДАТНУТАГ
ПАРАПАМИСАЙ
ПУРАШАПУР
БАКТР
МАРГИАН
МАРГИН
МАРЧИАНА
ГОЗНИ
ДАХИ
АПАСИАК
ДЕРБИЧ
ХОРЕЗМ
САРГАТУЙН СОЛ
КУЛАЙН СОЛ
ССЕДОН
АРИМАСП
ПАТАЛИПУТРА
МАТХУРА
ШРАШТА
АВАНТИ
ЧЕДИ
ВАТСА
КАШИ
МАГАДХА
АНГА
ВРИЖИ
АРЬЯВАРТА
АНДХРА
КАЛИНГА
ЧЖУНЬМИН
ЕЛАН
ДИЕН
ТЭЙАУ
НАНЬЮЕ
ЦЗЯОЧЖИ
ЦЗЯНЬЧЖУ
ЦЗЯНЬЧЖУ
ЦЗЯОЧЖИ

сях». В нём пишиться: “Большой Юэчжи расположен в 2000–3000 ли[5] западнее Даюаня, к северу от реки Гуйшуй. Они граничат с Дасятай на юге, Аньси на западе и Канджу на севере. Это кочевой народ, перегоняющий свой скот из одного места в другое, и их обычаи подобны обычаям хуннов. У них 100–200 тысяч лучников. В прошлом, когда они были очень могущественны, они не обращали внимание на хуннов. Во время правления Модуна хунны стали сильнее и победили Юэчжи. Когда Лаошань был шаньюем хуннов, они убили Ван Юэ и сделали из его черепа чашу. Юэчжи жили между Цилианом, Тянь Шань и Дуньхуаном. Но после разгрома хуннов они двинулись дальше, обойдя Даюань и вторгшись в Даксию на западе. Позже они основали столицу на северном берегу Гуйшуя (река Амударья), где поселился их предводитель” [1, с. 3161–3162]. Согласно «Историческим записям», в войне между хуннами и юэчжи в период правления Лаошань Шаньюй предводитель Юэчжи был убит, и они понесли большие потери. Побежденные Юэджи снова бежали на запад и поселились на берегах Амударьи.

В главе 123 «Исторических записок» «Записки Даюаня» подробно записано, как Чжан Цянь путешествовал по западному региону, описал житьё народа, сельское хозяйство и культура этих стран, что является первой важнейшей сведением в китайской историографии о Средней Азии и стран Восточного Туркестана. Поскольку Сыма Цянь жил в то время и писал «Исторические записки», то ясно, что он не только использовал в качестве источника послание Чжан Цяня императору, но и имел возможность встретиться с Чжан Цянем и записать его разговор.

Приведенная выше сведения в «Исторических записках» соответствует записям 96-ой главы “Ханьшу”. Например: “Да Юэчжи изначально является кочевой страной, ее жители кочуют со своими стадами скота с одного места на другое, и их обряды сходны с хуннами. Имеют более десяти тысяч лучников и их умения натягивать лук велико, потому и они игнорировали хуннов. Вначале они жили между Дуньхуан и Цилян. Модун шаньюй победил Юэчжи, а Лаошань шаньюй убил его и сделал из его черепа чашу. Затем Юэчжи отправились на запад, прошли через Даюань, завоевали Дася. За Гуйшуй был построен дворец вана ” [2, с. 3890-3891]. Эти сведения данного источника подтверждает сообщение в «Исторических записях» о том, что Юэчжи потерпели крупное поражение, а их ван был убит в результате нападения хуннов в период правления Лаошань шаньюй.

Год этой битвы неизвестен, но можно предположить, что война против Юэчжи произошла в 167 г. до н.э. Побежденные хуннами, юэчжи бежали на запад, прошли Даюань, заняли Дасью или Бактрию и поселились на берегах реки Амударья, а намного позже, в 130-х годах до нашей эры. Поскольку государство Хань имело давние связи со странами Восточного Туркестана, оно начал проводить политику ослабления влияние хуннов и установления собственного влияния.

Это было началом многолетней борьбы за господство на Шелковом пути между династии Хань и хуннами, и китайцы проводили так называемую “политика отсечения правой руки хуннов”. Сведения об этом периоде имеются в “Ханьшу”, “Хоу Ханьшу”, которые скопированы из “Исторических записок”, но имеются продолжения. Некоторые сведения были отредактированы и изменены во время написания этой статьи. Причины этого исследователи объясняют по-разному. Бан Бяо, который, как говорят, собрал оригинальные источники для произведения “Ханьшу”, и Бань Гу, автор “Ханьшу”, жили позже, поэтому их дополнения к информации в “Исторических записках” могут быть рассматриваться как доработки“ [5, с. 46–57].

В 118–115 гг. до н.э. Чжан Цянь вновь возглавил послов династии Хань на западные страны, прихватив с собой большое количество подарков и предметов роскоши. Придя в Усунь, встретился с Кунмо ваном, вручил ему подарки и убедил его стать союзником против хуннов, но усуни отказались. Однако он установил контакты со странами бассейнов Усунь и Тарим и вернулся в Хань с некоторыми из их послов. Это были первые посланники западных стран в государство Хань. На основании этой информации из китайских источников необоснованно полагать, что Шелковый путь был создан во времена правления Удихана. До этого юэчжи, затем хунны доминировали в регионах Ганьсу и Дуньхуан между бассейном Тарима и Хань и контролировали международные торговые пути.

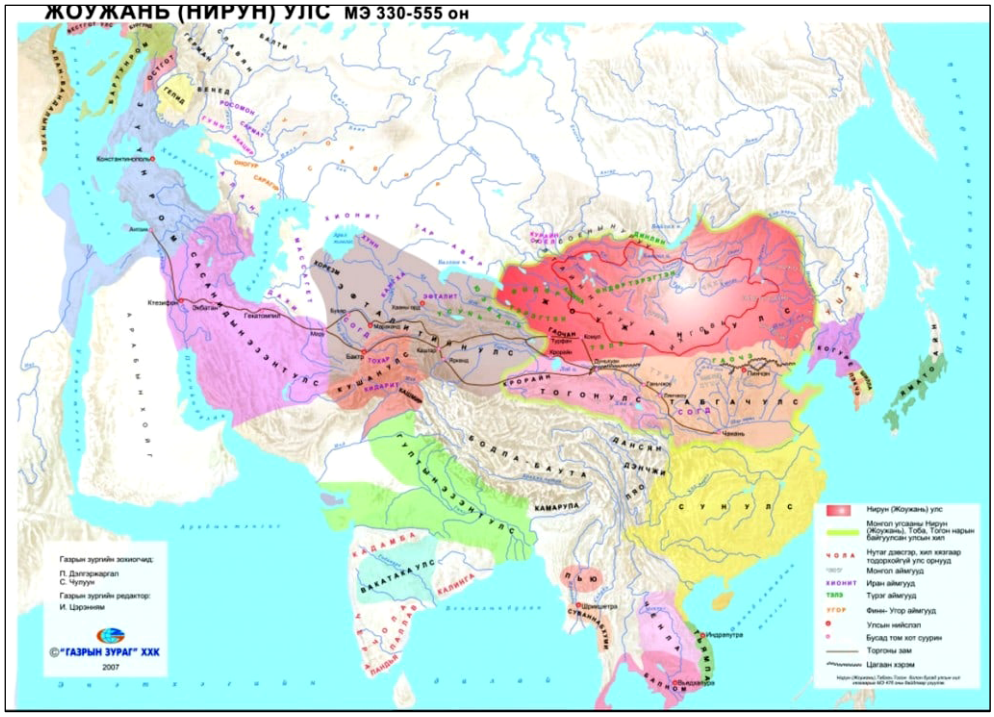
Вышеупомянутое событие в период правления Уди-хана является свидетельством первого контакта ханьского государства с государствами западного региона. Поскольку династия Хань не имела никаких сведений о странах Восточного Туркестана, можно предположить, что они не имели представления и о международных торговых путях. Сравнивая сведения “Исторические записи” и “Ханьшу” о миграции Юэчжи, можно считать, что три войны между Хунну и Юэчжи были борьбой за господство на Шелковом пути. Победив в трех войнах, династия Хуннов установила свое господство над Таримской котловиной и обширной территорией Средней Азии и контролировала Шелковый путь. Побежденные хуннами, народы юэчжи отправились в бассейн реки Амударьи, один из главных узлов Шелкового пути, и основали Кушанское царство, что является косвенным доказательством важности для них Шелкового пути.

[5] Ли – единица измерения расстоянии, равно 500 м.

Хунны основали Тунпу Дувэй, или полководческий городок, и непосредственно управляли бассейнами Турфана и Тарима, а также собирали налоги. В главе 96 “Хроника западных стран” Хуньшу пишиться, что: “Раньше они были подданными хуннов. На западной окраине Хунну Жижү (日逐 rizhu) основал Түнпу Дувэй (僮𠆢都尉 tongpu duwei) и напрямую управлял Западной страной. Он часто останавливался в Яньци (焉耆 yanqi), Вэйшу (危須 weixu) и Вэйли (尉黎 weili) и собирал налоги и богатство из других стран в Янь [ци]” [2, с. 3872].

Согласно приведенному выше сообщению, ставка Хунну (Тунпу Дувэй), правившего Западным регионом, находилась недалеко от Яньци (Карашар) и собирала налоги и богатства со стран Восточного Туркестана. Можно предположить, что Тонпу Дувэй находился между Янцзы и Турфаном, недалеко от Янцзы. Связь Империи Хуннов с Западом через Шелковый путь-через Турфан-Хами имела важное стратегическое значение.

Шелковый путь и Жоужан. Сяньби, сменивший Хуннов, стал могущественным и контролировал все земли, ранее принадлежавшие хуннам. Однако просуществовала недолго, и в 235 году государство Сяньби распалась на множество более мелких владений.

Государство Жоужан, 330–555 гг.

Пока Тоба Сяньби боролись за господство в северном Китае, Жоужан установил господство в Восточном Туркестане и получил контроль над Шелковым путем. Жоужан стали движущей силой во Внутренней Азии, поскольку они контролировали Шелковый путь. Политику и действия, проводимые государством Жоужан для установления своего господства на Шелковом пути можно разделить на следующие этапы:

1. Период подчинения и контроля Турфанского и Таримского бассейнов Великого Шелкового пути (402–439 гг. н.э.)
2. Период соперничества Жоужаня и Тоба Вэй за контроль над Шелковым путем (439–460 гг.)
3. Период единоличного правления Жоужана в Турфанской и Таримской областях (460–492 гг.)
4. Период борьбы в Турфанской и Таримской областях Жоужана, Эфталита, Высокие тележники[6] и Тугухуна (с 492 г. по первую половину VI в.) [6, с. 13–21].

Китайские источники не фиксируют четко политику Жоужана в бассейнах Турфана и Тамира. Но “запись посланника”, найденная в Турфане в 1997 году, важна для прояснения этого вопроса.

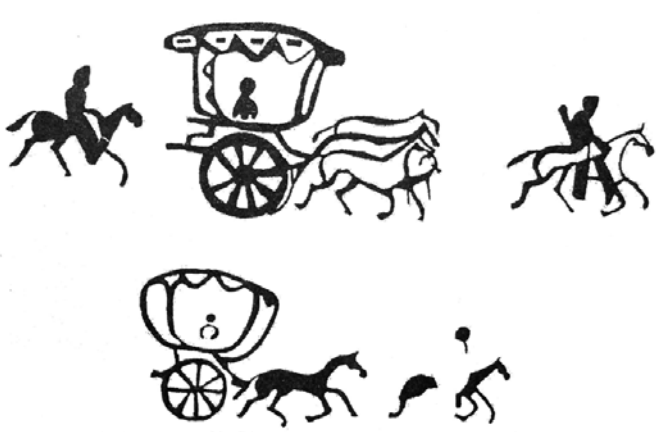
[6] Китайцы именовали их Гаоцзюй (Гаогюй или Гаочэ), то есть “высокие телеги”, а монголоязычные жоужане на своем наречии называли их “тэгрэг” «тележники». Сами себя они называли огурами/огузами (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., Филологический факультет СПб ГУ., 2005, стр. 83)

Записи послов. В 1997 году в гробнице Янхая в Турфане были найдены две важные реликвии, содержащие информацию о Чжужане и западных послах во второй половине V века. Этот источник, состоящий из двух частей, представляет собой запись о прохождении посланников Жоужаня и западных эмиссаров через страну Гаочан в Турфане. Дата была определена на основании того, что в контракте на покупку рабов, найденном в гробнице 1, был помечен как «12-й год Юнкана (永康yongkang)» (477 г. н.э.).

Другая группа записей о посланниках, найденная в Турфане, представляет собой записи о посланниках, пришедших в Гаочан в 9–10-м году правления Юньканя, или 474–475 гг. [3, с. 11–20]. Согласно этим записям, существовал установленный порядок введения записей посланника. А именно в следующем порядке: дата, имена последователей послов, место назначения, количество людей и примечания об выделения лошадей по числу людей. Тот факт, что после этих последователей не написаны имена послов, исследователи полагают, что вполне вероятно, что это были знакомые жоужанские посланники, часто посещавшие Гаочан [16, с. 65]. После других имён вместе пишутся посланник (使 shi) и гость (客ke).

Наскальные рисунки с изображением послов [7, с. 265]

Согласно записям посла, 12 Июня 9-го года правления Юнканга (474 г.) посланник Жоужаня Полуоган Югэн вернулся в Жоужан через северные горы из Гаочана. 23 июля посланник Жоужана Роужю отправился в Яньци (Карашар) через Гаочан. Восьмого Октября того же года Чулоган Югэн, посланник Жоужана, а также посланник Чжэн Ама через 12 дней, т.е. 20-го числа, вернулись из Гаочаня в Жоужан. Второго Декабря 474 г. посланник Удяна (Udyana) Индии возвращаясь в Жоужан прошёл через Гаочан. 8 Марта 475 г. послы из Южного Китая и Юго-Восточного Тарима прошли через Гаочан и через северные горы направились в Жоужан. 14 числа того же месяца посланник индийской страны брахманов отправился в Карашар. ...5-го числа месяца царь Карашара отправился через Гаочан в Жоужан [4, с. 22]. Эти записи послов доказывают, что государство Жоужан находилось в активных контактах со странами бассейнов Турфана и Тарима, а также странами Удьяна и Брахман на севере Индии.

Северные индийские посланники путешествовали через пустыню Таклимакан, проходя через небольшие оазисные государства Хотан и Кархаликаар [Каргалик] в бассейне Тарима и проходя через королевство Гаочан в Турфане приезжали в государство Жоужан. Государства Южного Китая также поддерживали связь с Жоужаном. Они опасались пройти через земли Северных Вэй, путешествовали через территорию Тугухун и провинции Тарим и Турфан.

Ван Гаочана отвечал за безопасную и надежную доставку послов Жоужаня к местам назначения, а также за обеспечение их транспортом, едой и жильем. В записи гонца отмеченное направление "северные горы" это гора Богд, который является ответвлением Тянь Шаня и это направление к Жоужани, что очень понятно нам. Согласно записям посла, земли королевства Гаочан была главной дорогой и узлом для путешествий из региона Тарим и Индии в Жоужан. Посланник, направляющийся в страну Янцзы, проходит через Гаочан, и в записи посланника написано: «5-го числа 10-го года сопровождали, чтобы защитить вана Яньци, который направляется в северные горы».

Яньцы – крупная провинция, где располагался современный Карашар, а северная ветвь Шелкового пути проходит от Гаочана через Яньцы до Кучи. Яньцы была важным центром Шелкового пути. В 466–468 годах армия Жоужана дошла до Хотана, поэтому очевидно, что Яньци уже находился под влиянием Жоужана. Поэтому тот факт, что ван Яньцы отправился в Жоужан в 475 году, можно рассматривать как косвенное доказательство того, что они находились под властью Жоужана.

Второй источник это обнаруженные в гробнице кладбища Карахожа надписи, относящейся к 17-му Юнканскому году (482 г.), дает возможность уточнить информацию послужного списка посла. Эта реликвия представляет собой запись предметов, подаренных послам в Гаочане. В этой записи упоминаются имена таких посланников, как Роумэн тегин (若utf8Roumin tiqin), Туди тегин Угэн (禿utf8Tudi tiqin Wugen) и Чулун Угэн (utf8Chulun Wugen) [16, с. 69], которые считаются это имена и титулы посланников Жоужана. В частности, большой интерес представляет *тегин* (tiqin) или посланник с титулом *тегин*.

Судя по разданным посланникам подаркам, некоторые посланцы оставались в Гаочане в течение длительного времени. Судя по всему, некоторые посланники из Жоужана приехали собирать налоги и надолго остались в Гаочане. Послы Жоужана на пути в другие страны западного региона на обратном пути также проходили через Гаочан. Посольские записи свидетельствуют, что эта ветвь Шелкового пути, пролегающая от Турфана через Хами и через ответвление Тянь Шяня на территорию Жоужана, служила главной дорогой в жоужанский период, и по этому маршруту путешествовали послы [6, с. 19–22].

Шелковый путь степи. В китайских источниках эта дорога называется "Дорога Хуйхуй" или "Уйгурская дорога». По данным источника, «степной шелковый путь», пересекающий горные ветви Турфана и Хами и входящий на территорию нынешней Гобийско-Алтайской аймак[7] нынешней Монголии, был основным путем сообщения жоужан со странами Таримского бассейна, Средней Азии, северной Индии и южного Китая в V веке. Монгольско-японские ученые обнаружили руины Чингая в районе Шарга-Сум Гоби-Алтайской провинции и обнаружили культурные слои V–VII вв. [8, с. 43–45].

Руины Чингая [8, с. 31]

[7] Аймак – большая административная единица.

Важно, что приведенное выше исследование позволяет сделать вывод о том, что в походе на Хорезм армия Чингисхана следовала “степным шелковым путем”. Эта дорога была важна для снабжения и логистики монгольской армии. Жоужан контролировал Шелковый путь в V и первой половине VI века, и считаем, что Шелковый путь сыграл важную роль в том, чтобы стать крупным игроком в евразийских международных отношениях.

Находки гробницы Ноён улаа [12]

Эта дорога со времен хуннов кажется и стоит считать что оны была главным торговым путем, соединявшим Хуннскую и Турфанскую и Таримскую области. Ссылаясь на то что Генеральный штаб Хүннү Тунпу Дүвэй, королевский двор Жижү и вассалы находились в постоянном контакте с двором Шаньюя, а также из-за требования доставлять во дворец Шаньюй налоги, собираемые со стран Таримской котловины и для введения торговли с западными странами, считаем, что эта была одны ветвь Шелкого пути от Яньци через Турхан к Хунну.

Вообще, кроме этой дороги, соединяющей западные районы с Хунну и Жоужаном, есть еще одна дорога (сохранившаяся по сей день – прим. перевод. Ж.У.) из Турфана и Урумчи, пересекающая Горный Алтай через ущелье Бодончи и входящая через Булган-сум аймака Ховд Монголии. В археологических раскопках хуннов обнаружено множество артефактов Запада, что доказывает, что хунны и Запад имели обширные связи. Предполагается, что основной путь этого сообщения пролегал от Яньци и Турфана через современный Ховд-Булган, либо от Хами переходя перевал Тамчи Горного Алтайя, к нынешней Гоби-Алтайский Шарга и тем доходили на хуннские земли. Поэтому считаем, что “степной шелковый путь”, представляющий собой северную ветвь Шелкового пути, соединяющего центральный регион Монголии с северным шелковым путем Хами и Турфан, был проложен еще при хуннах.

Выводы.

– Государства Юэчжи и Хунну сыграли важную роль в развитии Шелкового пути. Считаем, что возникновение международных торговых путей, соединяющих Евразию, неразрывно связано с миграцией индоевропейцев, и важную роль сыграл народ юэчжи, расселявшийся в районе Ганьсу.

– Хунны вели три войны против юэджи и победили, установив свое господство на Шелковом пути. Считается, что основной причиной трёх войн между хуннами и юэчжи стала борьба за господство на Шелковом пути. Победив в войне и остановив продвижение индоевропейцев, династия Хуннов стала мощной евразийской державой, а алтаеязычные кочевники стали основой укрепления региона.

– Не подтверждено, что Шелковый путь был создан, когда государство Хань отвоевало у хуннов область Хэси во время правления императора Уди и стало прямой границей с Западом. До этого народ Юэчжи, а позднее династия Хуннов установили свое господство в бассейнах Ганьсу, Турфана и Тарима, установили и развивали международные торговые пути, установливая свой контроль.

– Сведения «Записок посланника» доказывают, что “Степной шелковый путь”, соединявший северный шелковый путь, проходящий через Турфан и Хам, с центральной Монголией, играл важную роль в жоужанский период. На этом торговом пути, связывавшем Восточный Туркестан с Жоужаном, происходил культурный обмен, распространялись буддизм и гармотность. Распространение письменности брахми (например, письменность брахми Хүйс толгойя [11]) в Монголии можно рассматривать как результат культурного обмена на этом пространстве.

– Считается, что “Степной шелковый путь”, являющийся северной ветвью Великого шелкового пути, соединявшего Турфан и Хами с центральной Монголией, существовал не только в период Жоужаня, но и восходит к династии Хуннов.

Степной шелковый путь был не только торговым и культурным путем для хуннов и жоужян, но и имел важную военную и стратегическую роль. С древних времен международный торговый путь (Шелковый путь), соединяющий Евразию, играл важную роль в развитии Евразии как основной маршрут, соединяющий кочевников Внутренней Азии с западными странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 史記 (shi ji). 中華書局出版。1997年
2. 漢書(han shu). 中華書局出版。1975年
3. 陳昊。吐魯番洋海1號墓出土文書年代考釋。敦煌吐魯番研究， №10. 上海, 2007.
4. 榮新江。吐魯番新出送使文書與闞氏高昌王國的郡縣城鎮。敦煌吐魯番研究， №10. 上海, 2007.
5. Дэлгэржаргал П. *Хүннү ба Юэжи*月氏, *Усунь*烏孫*-ий харилцаа*. (Взаимоотношения Хүннү, Юэчжи月氏 и Усунь烏孫). Studia Historica. Tom. XLIII-XLIV. Fasc. 3. УБ., 2015.
6. Дэлгэржаргал П. *Торгоны замд ноёрхохын төлөөх Жужан улсын тэмцэл* (Борьба Жоужана за доминирование на Шелковом пути). Historia Mongolarum. 2020, Tom. XIX, №19 (546), pp. 11–22.
7. Монголын археологийн өв. IV боть. Монголын хадны зураг (Наследия археологии Монголии. Том IV. Наскальные рисунки Монголии) УБ., 2016.
8. Наката Ю, Мураока Х. *Алтайгаас олдсон Монголын эзэнт гүрний үеийн бурхан, түүний ач холбогдол*. (Бурханы-боги времен Монгольской империи, найденные в Алтайе)УБ., 2019
9. Сыма Цянь. *Исторические записки*. Том VIII. Перевод с китайского Р.В.Вяткина и А.М.Карапетьянца. Москва, 2002.
10. Таскин В.С. *Материалы по истории сюнну*. 1968.
11. Хурцбаатар Л. Солонгод. 1400 жилийн өмнөх өвөг Монгол хэл. Хүйс толгойн бичээс (НТ 1)-ний судлал. “Протомонгольский монгольский язык 1400 лет назад. Исследование Хүйс толгойской надписи (NT 1).Cologne, Germany, 2020.
12. Эрдэнэ-очир Н., Цевеендорж Д., Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. *«Результаты раскопок 2006–2015 гг. совместного монголо-российского археологического исследовательского проекта.* УБ., 2021 г.
13. Enoki K., Koshelenko G.A., *Haidary Z. The Yüeh-chih and their migrations – History of Civilzation of Central Asia*. Vol. II. UNESCO Publishing, 1994.
14. Craig G.R. Benjamin. *The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria*. Brepols, 2007.
15. Pulleyblank E.G. *Chinese and Indo-Europeans* // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. №1/2. London, 1966.
16. Rong Xinjiang. *The Rouran Qaghanate and the Western Regions during the Second Half of the Fifth Century based on a Chinese Document Newly Found in Turfan. In Great Journeys across the Pamir*. Brill’s Inner Asian Library. Volume 37. 2018.
17. Xinru Liu. *Migration and Settlement of the Yuezhi-Kushan: Interaction and Interdependence of Nomadic and Sedentary Sociaty*. Journal of World History. Fall. 2001, Vol. 12, №. 2.

Сведения об авторе: Пурэвсурэн Дэлгэржаргал – Ph.D. (история), Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия).

THE EURASIAN SILK ROAD IN THE ANCIENT TIMES (YUEZHI, XIONGNU, JUANJUAN)

P. Delgerjargal
Mongolian State University

The Yuezhi and Xiongnu countries played an important role in the development of the Silk Road. It is believed that the Yuezhi people, who settled in the Gansu region, played an important role in the creation of the Silk Road. The Eurasia international trade route was connecting nomadic states with the Western Asia. The Xiongnu fought 3 wars against the Yuezhi and won, establishing their dominance over the Silk Road. The Xiongnu dominated the Gansu, Turfan, and Tarim basins, established and developed international trade routes, and established control. The northern branch of the Silk Road, which connected Turfan and Hami with central Mongolia, existed not only during the Juanjuan period, but also dates back to the Xiongnu period.

Keywords: Xiongnu, Yuezhi, Juanjuan, Silk Road, Gansu, Tarim basins

About the author: Purevsuren Delgerjargal – Ph.D. (History), Mongolian State University (Ulaanbaatar, Mongolia).

УДК 94

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Г.А. Керим
Стамбульский университет Айдын

«Но главной коммерцией восточной торговли, который сделал ее торговлей, по-настоящему связанной с повседневной жизнью, был импорт специй. Ее важность невозможно переоценить» (Анри Пиренн, 1937 год). Эта фраза авторитетного бельгийского историка неоспорима в Новое время, она обсуждается некоторыми медиевистами и вызывает определенный скептицизм у слишком многих специалистов по древней истории. Поэтому, исходя из нашего убеждения, что необходимо глубоко знать прецеденты каждого исторического этапа, мы собираемся подтвердить гипотезу Анри Пиренн о том, что торговля восточными специями и их коммерческое перемещение были ключевыми в большей части истории человечества. Золотая Орда контролировала и обеспечивала безопасность торговых путей и сыграла не последнюю роль в мировой торговле.

Ключевые слова: Золотая Орда, Анри Пиренн, Шелковый путь, специи, Марко Поло, ибн Баттута

Торговля и денежный поток. Старые и новые города Золотой Орды были не только центрами ремесел, но и центрами торговли. С одной стороны, товары местных мастеров переходили из рук в руки на городских рынках и базарах, а с другой – крупные города Золотой Орды становились центрами международной торговли, экспорта и импорта товаров. Последнее имело основополагающее значение для экономической жизни Золотой Орды, поскольку эта империя, состоявшая из многих элементов, располагалась на пересечении международных торговых путей. С севера ценные продукты лесного пояса перевозились по Волжскому водному пути к Каспийскому морю, а в направлении с востока на запад империя лежала на древнем трансконтинентальном торговом пути, соединявшем Китай с Европой, через нижнее Поволжье и Крым.

С самого начала прогородская политика ханов была продиктована стремлением извлекать коммерческую прибыль, поэтому, наряду с ремесленниками, наиболее значительным сословием в городах Золотой Орды было купечество. Купец, откуда бы он ни был, какой бы национальности он ни был (грек, армянин, итальянец, русский, еврей, турок), был одинаково уважаемой и важной личностью в татарском государстве. Знаменитый рах Mongolica, «монгольский мир», который упоминается многими авторами, например, в связи с правлением хана Узбека, как сообщает Ибн Баттута, гарантировал безопасность торговли и купцов благодаря своей военной мощи. Даже во время войны торговцы могли свободно передвигаться, и любой, кто захватывал их или силой отбирал у них товары, совершал тяжкое преступление. Помимо многочисленных иностранных предпринимателей, ханы Золотой Орды сразу же сформировали свой собственный купеческий корпус, который не только торговал полихромными расписными кувшинами. Они дарили и покупали в пользу хана Сарая, но во многих случаях хан также поручал им выполнение политических задач. Это были купцы-послы или послы-купцы. Помимо названия «купец» базарган, которое употребляется в персидском и в тюркском языке, в Золотой Орде этих людей называли ортаком или базарганом ортаклан [7, с. 67].

Первоначальное значение слова ortak – «совместный, партнёр», отсюда «партнёр, супруг, сонаниматель». В XIII–XIV вв. этим словом обозначали ханских купцов. В Иране и в Золотой Орде XIV века это означало, что эти купцы были «совладельцами» правителя в сфере торговли. Эти ханские купцы-агенты объединялись в крупные торговые дома или торговые кооперативы. Эти спутники часто были важными доверенными лицами хана. Они накопили большие состояния и при необходимости предоставляли ссуды в ханскую казну.

Новое открытие экзотического и удивительного мира. В 1255 году один из внуков Чингиз-хана, Мункэ, послал своего брата Хулагу завоевать мусульманскую территорию, а три года спустя он разрушил Багдад. После смерти Мункэ власть перешла к третьему из братьев, Хубилаю, который вскоре после этого стал править Китаем [5, с. 59]. Правда в том, что с появлением монголов так называемый «Шелковый путь» вырвался из-под исламской монополии и был вновь открыт для европейцев. В конце XIII века две великие державы Средиземноморья, Генуя и Венеция, боролись за господство на торговых путях. Венеция получала прибыль не только от торговли, но и от перевозки паломников и крестоносцев в Святую Землю.

Семья Поло имела склад в венецианском районе Константинополя, а несколько лет назад они остановились в Бухаре, «лучшем городе во всей Персии», куда прибыло посольство, посланное Хулагу, кото-

рый сообщил братьям Поло об интересе Хубилая узнать их, поскольку монголы переняли исламское и христианское влияние, чтобы противодействовать окружавшей их китайской бюрократии.

Два брата оставались в Китае почти десять лет, прежде чем вернуться в Венецию с письмом Хубилая к Папе Клименту IV (1265–1268) [10, с. 67]. Трое членов семьи Поло прибыли в 1275 году в Шанду, летнюю столицу Хубилая, спасавшегося в эти месяцы от зноя Ханбалыка, нынешнего Пекина. Археологические находки показывают, что Шанду также назывался Ханаду и располагался на территории нынешней провинции Внутренняя Монголия в Китае. Считается, что императорский дворец был вдвое меньше дворца Запретного города в Пекине, и наиболее заметными руинами являются земляные стены и круглая кирпичная платформа.

Марко освоил монгольский язык и быстро стал любимцем Великого хана. Семья оставалась при его дворе семнадцать лет, накопив огромное состояние на драгоценностях и золоте. Когда Якопо де Чеки спросил Марко о правдивости того, что сообщается в «Книге чудес», тот ответил: «Я объяснил лишь половину того, что видел на самом деле». Книга стала настоящим бестселлером того времени, а ее история заставила мечтать всю Европу, будучи единственным существовавшим на старом континенте документом о далекой Азии и пробудив призвание многих торговцев [10, с. 160].

Марко Поло говорит о важности специй в различных регионах Индии: «Бенгалия – это южная провинция, граничащая с Индией. Здесь много хлопка, которым они ведут большую торговлю. У них также есть тубероза, галангал, имбирь, сахар и многие другие пряности, имеющие большую ценность», и дает представление о потреблении специй за пределами Европы и исламского мира. Марко Поло сообщает: «Вы слышали все факты о татарах и сарацинах, насколько можно рассказать, и об их обычаях, и о странах, которые есть в мире, насколько можно установить и узнать, кроме Великого моря, о котором мы вам ничего не рассказали, ни о соседних провинциях, хотя мы и посетили его, ни то, что делают другие, так как многие путешествуют и пересекают его ежедневно, как известно: венецианцы, генуэзцы, пизанцы и многие другие люди, предпринимающие это путешествие. Они все знают, что там происходит, поэтому я промолчу и не буду объяснять. Ничего об этом. Никогда еще ни один человек, ни христианин, ни сарацин, ни татарин, ни язычник, не посещал такие обширные регионы мира, как Мицер Марко, сын Мицера Никколо Поло, дворянин и свободный гражданин города Венеции». После публикации «Книги чудес» и Китай, и Япония, и Ост-Индия стали чрезвычайно желанными для европейцев, и для поддержания прямых торговых связей оставалось лишь найти альтернативу сухопутным путям, контролируемым мусульманами.

Ибн Баттута не был купцом, но он проехал более 120 000 километров по Африке, Азии и Европе и оставил нам свои воспоминания в труде, который, как ни странно, подобно Марко Поло, он также продиктовал, на этот раз гранадскому юристу Ибн Юзайи. Он был Андалузским поэтом, историком и юристом, родился в Гранаде в 1321 году и умер в Фесе в 1357 году. Сегодня в Танжере находится скромная гробница, в которой покоятся останки путешественника, написавшего знаменитую рихлу – жанр арабской литературы, в котором собраны рассказы о путешествиях, появившиеся в XII веке западноандалузскими и марокканскими мусульманами. Они переехали с целью совершить паломничество в Мекку или овладеть наукой в великих восточных центрах Каира, Багдада, Дамаска и др. Некоторые, движимые жаждой приключений, продолжили путь в Персию, Хорасан, Индию и Китай.

Ибн Баттута дает своей работе название «Дар о странных вещах о городах и чудесных путешествиях». Он самый известный из великих арабских путешественников; Его путешествие по Востоку длилось двадцать лет. В своем путешествии он преодолел большое расстояние, чем его современник Марко Поло, охватив всю Западную, Центральную и Северную Африку, часть Южной и Восточной Европы, Ближний Восток, Индию, Среднюю Азию, Юго-Восточную Азию и Китай.

Морское путешествие из Дамаска на генуэзском корабле привело его в Аланию на южном побережье Анатолии. Оттуда он по суше отправился в Конью, а затем в Синоп на берегу Черного моря и, переправившись через него, высадился в Кафе, в Крыму, и вошел в земли Золотой Орды. Он присоединился к каравану хана Узбека в путешествии по Волге. Дальше он с женой хана отправился в Константинополь, где в конце 1332 года встретил императора Андроника III (1328–1341) и увидел внешний вид собора Святой Софии. Проведя месяц в городе, он вернулся в Золотую Орду, продолжил путь за Каспийское и Аральское моря в Бухару и Самарканд, а оттуда отправился на юг, в Афганистан, чьи горные перевалы он пересек, как это сделал Александр чтобы продолжить путь в Индию.

Делийский султанат был относительно новым образованием на землях ислама, и султан решил пригласить туда как можно больше мусульманских ученых, чтобы укрепить свое правление. Благодаря мудрости, полученной за годы обучения в Мекке, Ибн Баттута был назначен кади («судьей») султаном Мухаммадом бин Туглуком. Позже, по предложению султана он поехал в качестве посла в Китай [6, с. 59]. Его поездка в Китай была полна приключений. Ибн Баттута умер в Марокко где-то между 1386 и 1387 годами. На протяжении веков его книга была неизвестна даже в арабском мире, но в XIX веке она была

заново открыта и переведена на несколько европейских языков. Интересно сравнить совпадения и расхождения рассказов Марко Поло и Ибн Баттуты относительно специй и мест их производства.

Ибн Баттута, как и Марко Поло, также упоминает порт Зайтун: «Количество импортируемого оттуда перца настолько велико, что по сравнению с ним то, что привозится в Александрию для удовлетворения потребностей западного мира, незначительно, возможно, не более чем сотая часть» [6, с. 77]. В данном случае это вдвое больше, чем предполагал Марко Поло, но столь же впечатляюще, что подтверждает то что Китай также был огромным потребителем пряностей. Товары с востока пересекали территорию Золотой Орды по северному маршруту и Ирана по южному маршруту, далее покупались итальянскими купцами, такими как венецианцы, генуэзцы и пизанцы, чтобы позже перепродать их в остальной Европе. По этой причине Венеция и другие итальянские порты приобрели важное значение и начали агрессивную политику по использованию этих маршрутов.

Венеция стала державой и, наряду с доминированием на Адриатике, основала консульства и торговые колонии по всему Восточному Средиземноморью. Он поддерживал крестоносцев в борьбе с исламом, хотя продолжал торговать с мусульманами в Египте и в Золотой Орде и имел длительную конфронтацию с Генуей за превосходство в торговле пряностями. Основными поставщиками экспортных товаров были черноморские порты, в первую очередь города, построенные на побережье Крыма и Азовского моря. Нет сомнений в том, что начиная с XIII века итальянцы взяли на себя решающую роль в торговле на Черном море. Начиная с 1260-х годов в Каффе, на месте современной Феодосии, обосновались генуэзские купцы. Хотя формально они находились под властью татар, но они управляли внутренними делами своего города совершенно независимо. Их возглавлял консул, представлявший Итальянскую Республику Генуя в Каффе. Население этого города было чрезвычайно разнообразным: помимо итальянцев здесь жили армяне, греки, мусульмане (преимущественно татары), караимы и талмудисты. Итак, здесь мы также находим все те «классические» торговые народы, которые собирались на каждом перекрестке левантийской торговли. С самого начала генуэзские купцы стремились занять доминирующее положение в крымской торговле, и не без успеха. Они безжалостно оттеснили на задний план своего главного соперника – Венецианскую республику, при необходимости – силой оружия. Но помимо венецианцев, пути пересеклись также у пизанцев, которые первыми попытались это сделать, и у византийских греков. Ханы Золотой Орды не раз нападали на итальянские города Крыма, чтобы захватить их сокровища и товары. Так произошло, например, в 1308 году, когда хан Токта разорил Каффу, но генуэзцы иногда отражали атаки, как, например, Джанибека в 1343 году. Но это были какие-то конфликтные ситуации, на самом деле татарские ханы всячески защищали торговые права итальянцев. В XIV веке генуэзцы получили право торговать во всех городах. Начиная с 1350-х годов генуэзцам приходилось все больше считаться с растущей мощью Османской империи, целью которой также было установление гегемонии в торговле на Черном море. Вскоре после взятия Константинополя в 1453 году, в 1475 году османские войска захватили Каффу. С этого момента дни генуэзских купцов в этом регионе окончательно закончились. С этого момента итальянцы были вытеснены из Крыма [7, с. 78].

Главным центром венецианско-итальянских купцов была Азак-Тана (современный Азов) в устье Дона, которая так и не оправилась после разгрома Тимуром в 1395 году. Венецианцы имели торговые колонии в Судаке, Керчи, Копе на реке Кубань и Килии. Пизанцы основали Порто-Пизано в 1261 году в устье Дона, но он был окончательно разрушен в 1343 году ханом Джанибеком. Волжская торговля, связывавшая Среднее Поволжье и Уральские горы с Каспийским морем, до татар контролировалась булгарскими и русскими купцами. В эпоху Золотой Орды татарских купцов мы находим повсюду в русских городах, точно так же, как много русских купцов жило в Сарае. Неслучайно в татарской столице действовала русская епархия. В Хорезме торговцами были в основном мусульмане, начиная с 1370-х годов поляки и литовцы все активнее начинают принимать участие в сухопутной торговле Золотой Орды.

Лидерами были Краков и Львов. Львов, например, хотел получить монополию в торговле с татарами, а Краков часто протестовал против этого. В 1380 году Лемберг получил от польского короля право разгружать товары, а в 1400 году под давлением Кракова ограничил эту деятельность товарами, связанными с татарами. Караваны могли свободно перемещаться в сторону Молдавии, где таможенными пунктами были только Сучава, Бендеры и Аккерман. Самую важную роль среди львовских купцов играли львовские армяне, которым в 1402 году были предоставлены торговые права на всей территории Польши и Литвы. Киев был важным центром польско-литовско-русско-татарской сухопутной торговли, которая в XV веке несколько раз подвергалась разорению татарами, например, в 1416 году и в 1482 году крымскими татарами, которые нанесли здесь серьезный ущерб. С усилением крымского ханства и русских в конце XV века, польско-литовско-татарская торговля также пришла в упадок. Рассматривая основные арены и участников международной торговли, мы должны говорить о дорожной сети, которая сделала возможной эту масштабную торговлю. Строительство старой дорожной сети и создание станций, несомненно, являются

заслугой монголов. При Угэдэе была развита сеть императорских дорог, а также система почтовых станций, называемых «ям».

Существовали также конные экипажи, покрытые войлочным покрывалом, помещенным на деревянный каркас. Тележки тянули лошади или быки. Конные повозки, конечно, двигались по пустыне гораздо быстрее. На самом пустынном участке трансконтинентального пути, от Сарая до Хорезма, грузы обычно грузили на верблюдов. Ибн Баттута, который сам совершил это путешествие в 1333 году, хорошо описал этот участок дороги. Это было трудное и изнурительное путешествие, и из-за нехватки воды и тяжелого груза многие верблюды погибли в пути, а те, что выжили, отдыхали в течение года, прежде чем смогли отправиться в подобное караванное путешествие. Путешествие из Сарая в Сарайчик на реке Урал обычно занимало десять дней, а оттуда в Хорезм – тридцать дней. Животные бегали без остановки от восхода до заката, отдыхая два часа в полдень. Описание караванных путей, ведущих из Хорезма в Китай, уже не входит в нашу тему, поэтому давайте просто вернемся в столицу и посмотрим, как можно было попасть из Сарая на запад, в Крым. Из Сарая путешественник добирался водным путем в течение дня до Астрахани, а оттуда дорога вела в Азак, к Донскому устью. Это путешествие занимало 25 дней на повозках, запряженных волами, и 10–12 дней на конных повозках. Из Азака можно было добраться до Черного моря на кораблях, либо караваны прибывали в Крым, пересекая Перекопский перешеек. Самым значительным портом Крыма до монгольской эпохи был Судак, а в эпоху Золотой Орды не менее важной стала генуэзская Каффа. Из Крыма плыли корабли в Константинополь, или путешественник сначала плыл в Самсун в Анатолии, чтобы оттуда по суше добраться до Константинополя. Из русских и литовских территорий в поволжские и крымские районы Золотой Орды вело несколько маршрутов. Проще всего было добраться до Сарая по рекам Дон и Волга. Таким же образом баржи шли по Дону в Азак. Из Киева товары по реке Днепр попадали на побережье Черного моря. Но помимо основных водных путей караваны также путешествовали по суше.

На протяжении столетий формировались четкие маршруты между землями русских и татар. Из Львова в Золотую Орду вело несколько путей: по знаменитому пути, называемая «Татарская дорога» вела через Южное Подолию, а другая вела по правому берегу Буга к Черному морю. Начиная с XIV века дорога из Лемберга становилась все более важной, проходя через Сучаву, Бач и Яссы в Молдавии и спускаясь к Аккерману на Черном море. Однако черноморский участок этих путей попал под контроль крымских татар, а затем турок-османов, что значительно сократило польско-литовскую торговлю в направлении Черного моря [7, с. 100].

Какие основные товарыа экспортировала и импортировала Золотая Орда? Подробное описание продукции транзитной торговли черноморских портов дошло до нас из торгового руководства, написанного флорентийским купцом Пеголотти в начале XIV века. В труде Пеголотти «Prattica della mercatura» («Практика торговли») подробно перечислены товары, проходившие через черноморский участок левантийской торговли, а также для каждого из них указаны единицы измерения, в которых они измерялись. Эта информация особенно важна, поскольку стоимость средневековых единиц измерения сильно колебалась в зависимости от местоположения и времени. Однако, помимо Пеголотти, турецкие и персидские торговые наименования, встречающиеся в знаменитом «Codex Cumanicus», также могут служить источником. Поэтому наиболее важными видами товаров являются: кожа, войлок, меха, воск, благовония, крупы, сыр, вино, соль, рыба, специи, шелк и ткани. Шелк в основном поставлялся из Китая, а специи – из Индии. Эти товары попадали в Западную Европу по воде и суше из портовых городов Черного моря. Например, мы знаем, что экспорт зерна в Византию имел чрезвычайно важное значение, поскольку срыв поставок мог вызвать голод в столице империи. Напоследок мы оставили один из важнейших предметов международной торговли через Крым – живой «товар» – рабов. Мы уже говорили о рабах как о не столь значимой прослойке в Золотой Орды, работавшей в кочевых и сельскохозяйственных отраслях. Однако рабы, как экспортный «товар», играли определнную роль в торговле Золотой Орды. На протяжении более ста лет важнейшим товаром в торговле с Египтом были рабы. Тысячи рабов прибывали в Александрию, забитые в трюмы кораблей, где их набирали в египетскую армию, армию мамлюков. Точные подробности торговли людьми с Египтом нам неизвестны, поскольку записи о поставках были утеряны [8, с. 89].

В любом случае работорговля регистрировалась и регулировалась постоянно возобновляемыми договорами между Золотой Ордой и Египтом. В отличие от работорговли в Египте, которую осуществляли мусульманские контрабандисты, у нас есть подробная картина деятельности генуэзских и венецианских контрабандистов. Каждая деталь грязной работы генуэзцев известна, поскольку рабы обменивались по точно записанному договору купли-продажи, а договор был заверен нотариусом. Сохранились тысячи таких контрактов, в которых указаны имя раба, место происхождения, пол, возраст, состояние здоровья и психическое «состояние», а также цена. Большинство рабов указаны как «татары», что не является точным этническим описанием, часто указывая лишь на то, что «товар» прибыл с территории, находившейся под властью Золотой Орды. Однако нередки случаи, когда определение оказывается более точным: в чис-

ло «элементов» также включены черкесы, джаты, русские, греки и венгры. В последнем случае речь идет не о венграх Карпатского бассейна, а, как показали исследования Лайоша Тарди, о фрагменте венгерского народа по Средней Волге, т.н. о восточных венграх, которые не присоединились к завоевателям конца IX века, а долгое время жили на левом берегу Волги, под булгарским владычеством, а затем в бурях монгольской эпохи были отнесены к правому берегу Волги и разбросаны.

Большую часть рабов составляли кыпчаки, которые как раз и упоминаются как татары. Основным способом приобретения рабов, помимо продажи военнопленных, была купля-продажа части населения. Бедные семьи часто продавали своих детей в рабство, особенно на Северном Кавказе. Этот обычай несколько смягчил нищету и перенаселение. Основными покупателями рабов из Золотой Орды были итальянцы. Генуэзские корабли проводили аукционы на невольничьих рынках Константинополя и Крита. Во многих частях тогдашней Европы, включая Италию и Каталонию, восточных рабов охотно покупали для работы в качестве домашней прислуги.

Золотая Орда также вела значительную экспортную сухопутную торговлю. Из предметов экспорта упомянем только самый важный – это лошадь. Татарские лошади в основном предназначались для Индии, Ирана и русских земель. Известно, что лошадей вывозили в Индию огромными табунами, по пять-шесть тысяч голов. Торговцы получали огромные прибыли, так как на отдаленных рынках они платили за лошадь, купленную в Золотой Орде, в десять раз больше. Мы также рассмотрим наиболее важные товары, импортируемые в Золотую Орду. Большую роль играли различные виды меха (соболь, горностай и т.д.) из Литвы и с русских земель, однако немалую выгоду приносил также импорт воска, серебра и пернатой дичи. Из Египта они привозили ткани, слоновую кость и стекло. Ткани и ковры из Хивы и Бухары, фарфор, шелк и серебро из Китая, жемчуг, кораллы и специи из Индии. За редкими исключениями внешняя и внутренняя торговля Золотой Орды велась в наличной форме.

Чеканка монет осуществлялись в Болгаре, Сарае, Крыму и Хорезме. В этих районах денежная система развивалась на основе древних греко-римских моделей и распространилась на всех мусульманских территориях с VII века. В Крыму генуэзцы чеканили свою серебряную монету – аспер, но на территории Золотой Орды преобладала мусульманская денежная система. Право чеканки и выпуска денег было строго государственной, монархической монополией. На протяжении всей истории Золотой Орды новый хан чеканил монеты от своего имени; это был важнейший признак суверенитета татарского хана.

В XIII–XIV веках в Золотой Орде и Мавераннахре серебряными деньгами были как динар, так и дирхем. Стоимость денег определялась весом монеты, который выражался в единице измерения арабского происхождения мискаль, которая сильно колебалась в зависимости от места и времени. В период расцвета Золотой Орды дирхем составлял одну шестую динара, исходя из данного веса мискаля, а татарский тенке/тенге составлял одну шестую дирхема. От этого слова в русском языке произошло название денежной единицы «деньга».

Помимо серебряных монет в Золотой Орде также чеканились и медные монеты, ценность которых была значительно ниже и которые служили разменной монетой. Токта-хан, в правление которого начался период всестороннего подъема Золотой Орды, также предпринял решительный шаг в области денежного обращения. Согласно его реформе 1310–1311 гг., он сделал серебряные монеты, отчеканенные в Сарае, стандартом для всей страны. С этого времени сарайские монеты распространились по всей Золотой Орде и сыграли решающую роль в денежном обращении. Значимость местных финансовых рынков начала снижаться. В 1300-х годах большую часть денежной массы Золотой Орды составляли монеты, выпущенные в Сарае. Чтобы это стало возможным, в Сарае, ханской казне, должны были накопиться огромные запасы серебра. Этот запас серебра формировался в основном за счет налогов со всей татарской империи. Накопление запасов серебра стало возможным благодаря тому, что с конца XIII века значительная часть налогов, собираемых с завоеванных территорий, больше не подлежала отправке во двор Великого хана. В 1310-х годах, помимо бума денежного обращения в Сарае, чеканка монет началась и в других городах, помимо уже упомянутых городов это Маджар, Азак, Наручад, Сарайчик, Хаджи-Тархан.

После смуты 1360–1370-х годов, а затем после войны с Тамерланом начинается упадок центральной ханской власти и начинается эпоха серьезных перемен и упадок Сарая как экономического центра [более подробно см.: 1]. На местных денежных рынках монеты Сарая постепенно были заменены монетами местного выпуска. Развитие денежного обращения в конце XIV–XV вв. достоверно отражает политические, социальные и экономические изменения, происходившие в Золотой Орде [11, с. 72–79]. После 1413–1414 годов чеканка татарских монет в Сарае прекратилась, продолжаясь лишь в Крыму, в Болгаре и астраханских землях. Таким образом, имперский центр сошёл на нет как в коммерческом, так и в финансовом отношении, а периферия вновь вышла на передний план.

Налоги, услуги и пошлины. За указанными в названии понятиями скрываются сложные социальные и экономические процессы. Вопрос налогообложения – одна из наименее изученных областей внутренней жизни золотоордынского государства. Многие факторы затрудняют проведение исследований. Не

говоря уже об ограниченности исходного материала, что препятствует более глубокому пониманию во всех областях, упомянем еще несколько факторов. Прежде всего, названия налогов и повинностей сохранялись только в тех грамотах, которые освобождали держателя грамоты – освобожденного от налогов тархана – от этих налогов и повинностей. В пожалованиях перечислен широкий спектр налогов, однако мы не можем определить, существовал ли этот конкретный тип налога в рассматриваемый период, взимался ли он регулярно и т.д.

В то же время содержание и значение налога с одним и тем же названием могли меняться на протяжении веков, и наши источники также не отражают это достоверно. Другая сложность заключается в том, что даже если название налога исчезает из наших источников, это не означает, что сам налог отменен. Во многих случаях налог не исчезает, а просто меняет свое название. Наконец, сбивает с толку тот факт, что названия многих налогов являются синонимами, и мы не можем сказать, идет ли речь об одном или нескольких налогах. В монгольском, тюркском и персидском языках очень популярны двойные выражения, в которых два слова с одинаковым значением по сути относятся к одному и тому же понятию. В податных списках золотоордынских грамот наименования налогов почти всегда перечислены в такой двойной группировке [17, с. 67].

Наконец, мы мало что узнаем о том, когда налоги собирались натурой, а когда деньгами, и каковы были их размер и масштаб. В таких обстоятельствах при изучении налогообложения Золотой Орды мы также должны учитывать аналогии с Ираном монгольской эпохи. Несомненно, что натуральные налоги играли решающую роль в налогообложении кочевого и земледельческого населения, в то время как городское население и завоеванные вассальные территории.

Налоговая система Золотой Орды прошла тот же исторический путь, что и само татарское государство. Первоначально господствовало право монгольского элемента, создавшего империю, – ясак, а затем начало действовать исламское право – шариат, которое к середине XIV века ограничило ясак отдельными частями государственного управления, армией и повседневные обычаи. Ко второй половине XIV века Золотая Орда уже была преимущественно мусульманской империей. Ислам также разработал особую правовую концепцию в области налогообложения и строго ее регламентировал, как и все сферы жизни.

Заключение. Во время IV крестового похода по приказу венецианцев крестоносцы разграбили Константинополь, нанеся серьезный удар Византийской империи. В то же время Монгольская империя, основанная Чингиз-ханом в 1206 году и объединившая под своей властью различные племена, распространилась на огромной территории Евразии.

Западный поход под предводительством Батыя достигло Польши и Венгрии. Европа хотела получить союзника против исламского мира и поэтому искала возможности вести переговоры с Востоком и стремилась распространить христианство в землях чингизидов. В дальнейшем, с установлением власти чингизидов, она активно торговала с ними. Но во второй половине XIV века начинается упадок сухопутного шелкового пути. Крах чингизисдского мира начинается с падения власти монголов в Китае. Смута в Золотой Орде, в державе Хулагуидов и в Средней Азии на короткое время заменяется попыткой возрождения чингизидского мира золотоордынским ханом Токтамышем и эмиром чгатайского улуса Тамерланом [2; 3]. Однако, к началу XV века процесс распада усилился, что привело к полному краху традиционных торговых маршрутов, переживших свой рассвет в период чингизидского владычества. С падением Константинополя в 1453 году европейцы больше не могли получить доступ к Черному морю. Вместо Генуи и Венеции пришли португальцы и испанцы, которые открыли новые пути в «Индию». Между падением Юань в 1368 году и началом XVII века ни один европейец не достиг Китая сухопутным путем. И только в 1603 году португальский иезуит Франсиско Гоэс был отправлен на поиски христианских общин в Китае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.

2. Миргалеев И.М. Восстановление северного маршрута Шелкового пути после смуты 60–70-х годов XIV века // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 156–159.

3. Миргалеев И.М. Последнее возвышение Золотой Орды // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «“Via Tatarica”: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26–28 июня 2019 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Издательский дом «Исламская книга», 2020. С. 281–285.

4. Gruber-Colby J. The Prophet's Ascension: Cross-cultural Encounters with the Islamic Mi'rāj Tales. Indiana University Press, 2010.
5. Gernet J. El mundo chino, Crítica, Barcelona, 2005.
6. Ibn Battuta. A través del Islam, traducción: Serafín Fanjul y Federico Arbós, Alianza Editorial, Madrid, 2005.
7. István Vásáry. Az Arany Horda. Budapest, 1986.
8. Kafesoglu I. Bulgarlarin kökeni. Ankara, 1985.
9. Lamb H. Tamerlán: El conquistador, México, 1953.
10. Larner J. Marco Polo y el descubrimiento del mundo, Paidos Ibérica. Barcelona, 2001.
11. Marton A. Szakralitás és hatalom a türköknél. Aetas, 1997.
12. Marquart. Komanen. 71–72 és UŐ, UJ 9/1929.
13. Millward James A. The Silk Road: A Very Short Introduction, Oxford University Press, 2013.
14. Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
15. Richtofen Von F.F. China, Ergebnisse eigner Reisen und darauf gegründeter Studien. 1877, 5 vols.
16. Saunders J.J. The History of the Mongol Conquests. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.
17. Scharlipp. Die frühen Türken in Zentralasien. Darmstadt, 1992.
18. Shahid A. Encyclopaedia of Holy Prophet and Companions. Anmol Publications PVT. LTD, 2004.
19. Vogel H.U. Marco Polo Was in China, New Evidence from Currencies, Salts and Revenues. Brill. Neederland, 2002.
20. Vernadsky G. The Mongols and Russia. Yale University Press, 1953.
21. Veyne P. El Imperio grecorromano, Akal, Madrid, 2009.
22. Wood Frances. Did Marco Polo go to China? Secker & Warburg, 1995.
23. Xin Wen The King's Road. Diplomacy and the Remaking of the Silk Road. Princeton University Press, 2023. 400 p.

Сведения об авторе: Гульмира Акеновна Керим – доктор философии (DBA), продоцент кафедры бизнес-администрирования факультета экономики и административных наук, Стамбульский университет Айдын (Стамбул, Турция). E-mail: gulmiranamatova@aydin.edu.tr

THE GOLDEN HORDE AND THE SILK ROAD

G.A. Kerim
Istanbul Aydin University

"But the main commerce of the Eastern trade, which made it a trade truly connected with everyday life, was the import of spices. Its importance cannot be overestimated". Henri Pirenne, 1937.

This phrase of the authoritative Belgian historian is indisputable in the Modern Age, it is discussed by some medievalists and causes a certain skepticism among too many specialists in ancient history. Therefore, based on our conviction that it is necessary to know in depth the precedents of each historical stage, we are going to confirm Henri Pirenne's hypothesis that the trade in Eastern spices and their commercial movement were key in most of human history. The Golden Horde controlled and ensured the safety of trade routes and played a significant role in world trade.

Keywords: Golden Horde, Henri Pirenne, Silk Road, spices, Marco Polo, Ibn Battuta

About the author: Gulmira A. Kerim – Doctor of Philosophy (DBA), Associate Professor, Department of Business Administration, Faculty of Economics and Administrative Sciences, Istanbul Aydin University (Istanbul, Türkiye). E-mail: gulmiranamatova@aydin.edu.tr

УДК 94(47):316.733"15/17"

GEOGRAPHY AND CONDITIONS OF THE GOLDEN HORDE IN THE WRITINGS OF ISLAMIC WESTERN TRAVELERS

H. Lahmer
Sidi Mohamed Ben Abdellah University

This research explores the historical significance of medieval travel literature from the western Islamic world, focusing specifically on the accounts of Moroccan travelers who ventured into Asia. The primary objective of this study is to analyze the representations of the Golden Horde and its associated peoples, cities, and social structures as depicted in these travelogues. These narratives serve as invaluable historical documents that bridge distant regions and cultures, offering insights into geography, ethnography, and intercultural exchange. The scientific novelty of this research lies in its comparative examination of two often overlooked yet pioneering Moroccan travelers: Ibn Battuta (d. 779 AH / 1377 CE) and Abu Hamid al-Gharnati (d. 565 AH / 1170 CE). While Ibn Battuta is widely recognized for his detailed descriptions of the Golden Horde and its capital Sarai, this study highlights that al-Gharnati had, in fact, preceded him in exploring Eurasia and documenting his experiences in the lesser-known work *Tuhfat al-Albab wa Nukhbat al-I'jab*. This positions al-Gharnati as an important but underappreciated contributor to Islamic travel literature and intercultural knowledge production. The findings of this research underscore the richness and diversity of early Islamic exploration narratives. These accounts not only provide meticulous ethnographic and geographical observations but also serve as early models of cross-cultural curiosity and scholarship. Through the lens of Moroccan travelers, this study sheds light on the socio-economic and political landscapes of the Golden Horde and its influence across Asia.

Keywords: Ibn Battuta, Golden Horde, Medieval travel, Central Asia, Cultural observations, Pilgrimage routes

Despite the vast distances, the expansive geographical regions, and the great span between the farthest reaches of the Islamic West and Central Asia, history and documents confirm that we have received a collection of Arabic sources that bridged these distances. Among them, the works of Maghrebi travelers particularly provide us with extensive and diverse information about this land, offering us a comprehensive picture of the geography, conditions, and notable figures of the Golden Horde before its establishment and during its rule over Central Asia.

Among the Maghrebi works discussing Central Asia–both before and during the Golden Horde's formation–there are two main types of classifications:

1. Those focusing on its natural geography.
2. Those discussing its diverse human populations, including various ethnicities, languages, and its prominent figures such as rulers, princes, nobles, and scholars.

Among the notable Western Islamic geographers and travelers who ventured eastward to Central Asia was Ibn Battuta of Tangier, whose fame spread widely and was recognized by historians, orientalists, and researchers as the greatest Muslim traveler of the medieval era.

However, historical evidence and heritage documents confirm that there were other travelers and geographers no less significant than the famous Ibn Battuta.

Among the earliest travelers to Asia was Abu Hamid Al-Qurtubi Al-Maghribi, who passed away in 565 AH / 1170 CE. Additionally, one of the pioneers in the creation of the first globe, and who attempted to define and document the geography of the Golden Horde, was Al-Sharif Al-Idrisi Al-Sabti Al-Maghribi, who passed away in 560 AH / 1166 CE. Both of these figures preceded Ibn Battuta in their journeys to Central Asia. Al-Idrisi, in particular, is known as the founder of modern geography and the creator of the first map of the Earth.

The first map of the Earth, as drawn by Al-Sharif Al-Idrissi Al-Sabti Al-Maghribi, who passed away in 560 AH / 1166 CE, where Central Asia and its surroundings appear before the formation of the Golden Horde. This map reverses the orientation of the current maps, where what is now the south – Africa and the Islamic Arab countries – appears at the top (north) of the map.

Al-Gharnati, the geographer, jurist, and great Arab historian, lived during the rule of the Almoravids over the two shores: Maghreb and Al-Andalus. The latter is less known, whereas three major expeditions came from the far western Islamic world towards Central Asia and its surroundings, leaving behind detailed accounts of their journeys, describing the places as they saw and lived them. All of these travelers crossed the Levant region into modern-day Turkey, then ventured into Central Asia, some during the time of the Golden Horde, and others before its establishment. These explorers belong to two categories.

Fig. 1. The Globe Map of Al-Sharif Al-Idrisi [3]

Fig. 2. The Route of Abu Hamid al-Gharnati's Journey (508 AH – 557 AH) [2]

First category: Those who traveled before the formation of the Golden Horde

Two prominent figures can be cited:

1. Al-Sharif Al-Idrissi, Abu Abdallah Al-Sabti Al-Maghribi, who passed away in 560 AH / 1166 CE, author of the famous book: "Nuzhat al-Mushtaq fi Ikhtiraq al-Afaq" (The Book of the Delight of the One Who Desires to Cross the Horizons).

2. Abu Hamid Muhammad Al-Gharnati, Al-Andalusi Al-Maghribi, who passed away in 565 AH / 1170 CE, author of several works, including: "Tuhfat al-Albab wa Nukhbat al-I'jab","Journey to Europe and Asia".

His book was divided into four sections:

1. The First Section: On the description of the world, its inhabitants, both human and jinn.
2. The Second Section: On the wonders of lands and the marvels of constructions.

3. The Third Section: On the description of seas and the astonishing creatures within them.
4. On the descriptions of fossils and graves.

The editor of the book concluded it with highly important appendices, including translations of the journey, which hold great significance and value. These include the translation by Doppler, excerpts from Ibn Al-Wardi's book Khareedat Al-Aja'ib wa Fareedat Al-Ghara'ib, and selections from the works of the Russian orientalist Ignaty Krachkovsky, who passed away in 1951 CE. These final appendices reinforce the authenticity of the book, confirming its attribution to its author and the credibility of the documented journey.

The book received widespread admiration, encouraging its translation and study by those interested in travel literature, exploration enthusiasts, geographers, historians, and literary scholars. It became one of the earliest documented travels that introduced the region, following the journey of Ahmad ibn Fadlan in 309 AH / 921 CE, which was published under the title The Journey of Ibn Fadlan to the Lands of the Turks, Rus, and Slavs. His journey was commissioned by the Abbasid Caliph Al-Muqtadir in response to the Slavs' request for assistance, serving as a precursor to the introduction and spread of Islam in the region during its early days.

The Second category: During the reign of the Golden Horde, a third Maghrebi figure traveled and explored Central Asia and other regions during the Golden Horde era, providing the most comprehensive documentation.

The Third: The scholar Abdullah Muhammad ibn Abdullah Al-Lawati Al-Tanji Al-Maghribi, known as Ibn Battuta, who passed away in 779 AH / 1377 CE, and author of Tuhfat Al-Nuzzar fi Gharaib Al-Amsar.

In this book, he discusses the topic extensively in Chapter Seven, specifically concerning the lands of the Uzbeks and Eastern Europe, organizing his travel accounts into:

1. From Sinub to Crimea.
2. From Crimea to the Sultan Uzbek's encampment.
3. Sultan Muhammad Uzbek and his family.
4. The Northern Land and the "Land of Darkness."
5. The organization of Uzbeks during Eid.
6. From Haj Tarkhan to Constantinople.

These Maghrebi writings played a significant role in establishing a connection between the farthest reaches of the Islamic West–the Moroccan Empire at the time–and the kingdoms of Central Asia. They also provided a highly detailed and crucial description of the geographical map drawn by Maghrebi travelers in their travel writings on Central Asia and beyond. These works documented the routes they took, the regions they visited, and the communities they settled among, where they lived for days, months, or even years. Some even married in these lands and left behind descendants who remain there to this day.

Historical sources confirm that the regions of Tatarstan, the Bulgars, the Mongols, and their surrounding tribes were all ancestors of the Islamic Golden Horde Empire, founded by the descendants of Genghis Khan, with Sarai as its capital. This empire ruled for approximately two and a half centuries, spanning from 1243 CE to around 1502 CE, according to historians.

Referring to the writings of Maghrebi travelers, we find that they engaged with the Golden Horde, met its rulers, sultans, princes, and judges, and interacted with its prominent figures. They participated in scholarly gatherings with the local Muslim communities and documented accounts of earlier Maghrebi travelers who had settled in the region and intermarried with the noble families of the Golden Horde.

Despite the fact that the Golden Horde, as a vast Islamic state, exerted its control over a large territory, covering Eastern Europe from the Baltic Sea to the Black Sea and the Volga River basin, its most renowned cities and historical sites include Kazan, which today hosts this gathering with the generous hospitality of its honorable descendants, as well as Sarai and Astrakhan. These locations became centers of the Golden Horde, aligning with the geographical path of Ibn Battuta's journey, who visited the Golden Horde and sat with its leading sultans, princes, and scholars.

However, before Ibn Battuta, there was the geographer and traveler Al-Sharif Al-Idrisi of Morocco, who passed away in 560 AH / 1166 CE. His contributions went beyond merely describing the lands, regions, and figures he visited, including Tatarstan. He also created the first map of the Earth at the request of King Roger II of Sicily.

In his maps, he identified key bodies of water, such as the Caspian Sea, and rivers, like the Volga River, which flows through Kazan, the capital of the Republic of Tatarstan. His cartography was notable for being based on direct observation and personal exploration. He later supplemented his initial book with another titled "Anis al-Muhaj wa Rawd al-Furaj", which included a collection of maps and illustrations, among them a map depicting the geography of Central Asia. His journey took place before the establishment of the Golden Horde, and through his work and its dissemination, he helped introduce the region to the world, encouraging later explorers to follow in his footsteps.

Fig. 3. The Geographical Location of the Golden Horde in Green between the Crimea and the Land of Darkness

Historical sources, including Ibn Battuta's journey, confirm that according to the map of his travels, Ibn Battuta reached the Crimean Peninsula. At that time, the names of modern republics, such as Ukraine, Kyiv, and Russia, did not exist as they are officially recognized today. Instead, everything was under the unified domain of the Golden Horde–the great empire. Ibn Battuta documents that this region was under a single geographical and demographic entity, despite its diverse ethnicities and races.

Ibn Battuta also traces the early names of the region before it became known as "The Golden Horde." He outlines its various phases in his book, describing how it was initially called "As" and "Tarkhan." Later, it was named "Haj Tarkhan", then "Hash Tarkhan", before finally becoming "Astrakhan", which was the residence of the Tatar kings. Eventually, this region came to be known as "The Golden Horde", ruled by the Mongols within a vast Mongol empire.

Ibn Battuta confirms that his arrival in the Golden Horde coincided with the reign of Sultan Muhammad Uzbek Khan, who passed away in 1341 CE. Uzbek Khan ruled from 1313 CE to 1341 CE, making his reign the longest among the Khans of the Golden Horde. His rule marked the height of the empire's power and influence, as Ibn Battuta notes in one of his passages, stating that Uzbek Khan was one of the seven great rulers of the world at that time.

Ibn Battuta met Uzbek Khan multiple times and recounts [1, p.337] in his journey: "One day, I attended a gathering with Sultan Uzbek Khan during Ramadan. They served horse meat, which was their primary food, along with mutton and a dish called 'resht,' a kind of noodle dish cooked and eaten with milk. That night, one of my companions prepared a sweet dish, which I presented to the Sultan. He placed his finger on it, tasted it, and did not take more than that." [1, p.339].

It appears that Ibn Battuta was given special attention by the Sultan, as he documents in his book. Upon entering the Golden Horde and approaching the Sultan's court, he was accommodated near the Sultan's son, Janibek. He further recounts: "On the day after my arrival, I entered the Sultan's presence after the Asr prayer. The Sultan had gathered the scholars, judges, jurists, nobles, and ascetics. He had prepared a grand feast, and we broke our fast in his presence. The attendees suggested to the Sultan that he honor me..." [1, p.346]

Ibn Battuta spoke extensively in a chapter titled "Sultan Muhammad Uzbek, Sultan of the Golden Horde, and His Family". He elaborated on the Sultan, his children, his wives, his seating arrangements, how he received guests, and his generosity toward them. Through his account, he documented the protocols of the sultans of the Golden Horde. He describes Uzbek Khan as follows: "Sultan Muhammad Uzbek Khan–where 'Khan' among them means 'Sultan'–is a ruler of great power, vast dominion, and high status. He is a mighty leader, a conqueror of the enemies of God, especially those in Constantinople, against whom he wages constant jihad. His lands are extensive, and his cities are great, including Kafa, Crimea, Majar, Azak, Saray, and Khwarazm. He is one of the seven great kings who are the most powerful rulers of the world. They are: our Lord, the Commander of the Faithful, the Shadow of God on Earth, the leader of the victorious community who will remain dominant on the truth until the Day of Judgment–may Allah strengthen him and grant him victory; the Sultan of Egypt and Syria; the Sultan of Iraq; Sultan Uzbek himself; the Sultan of Turkestan and Transoxiana; the Sultan of India; and the Sultan of China." [1, p.345].

To Ibn Battuta, the Sultan of the Golden Horde was one of the great rulers of the world and a key figure among the rulers of his time. Based on his observations and travels, Ibn Battuta attempted to map out the rulers of the inhabited world during that era.

During Uzbek Khan's reign, Ibn Battuta entered the Golden Horde and documented its society, its people, and their ethnic diversity. He provided a detailed and accurate account of life in the region. His high status as a scholar and traveler from the farthest reaches of the Islamic West, from the city of Tangier in the Moroccan kingdom, earned him great respect, attention, and hospitality.

He writes in his travelogue: "We rented a carriage and traveled to the city of Crimea, a large and beautiful city within the lands of the great Sultan Muhammad Uzbek Khan. The city was under the rule of one of his appointed princes, named Tuluktumur. One of this prince's servants accompanied us on our journey, and upon our arrival, he informed the prince of our presence. The prince then sent his imam, Sa'd al-Din, to me with a horse. We settled at the lodge of our Sheikh Zadah al-Khurasani, who honored us, welcomed us warmly, and treated us generously. He was greatly respected among them, and I saw judges, preachers, jurists, and other people coming to greet him." [1, p.337].

Throughout his travels, Ibn Battuta was often accompanied by a local noble, which reflects the esteem in which the people and rulers of the Golden Horde held him.

He writes about completing his journey northward to Bulgar and approaching the Land of Darkness: Here is the English translation while maintaining the format of the original text: "I returned from the city of Bulgaria with the prince whom Sultan Sahib had sent. I found the Sultan's residence at the well-known location of Shadag, on the 28th of Ramadan. I attended the Eid prayer with him, and the Eid day coincided with Friday." [1, p.351].

He allowed me to learn about various things during his visits, offering a comprehensive and detailed description. Ibn Battuta entered the Golden Tribe during its period of prosperity and stability, as Islam had spread to most of its regions. This was during the reign of Sultan Muhammad Obeik, and he had the opportunity to meet with its prominent figures. He will mention most of them by name, as he also met many of its notable Muslim scholars, attempting to record their names in his journey, their fiqh schools, how they pray, and which madhhab they follow, as well as the mosques and imams that spread there. He also documented the spread of fiqh schools in the Golden Tribe during his time, especially the Shafi'i and Maliki madhhabs.

Even Ibn Battuta's book can help us in preparing a comprehensive index of notable figures at different levels, their interests, and their perspectives. Through it, we can document various works on the subject. The book is a historical document whose value cannot be measured in monetary terms. The author deserves recognition both in life and death. I would not exaggerate if I said that he was loyal and devoted to the Golden Tribe, in general, in introducing it to the people of the earth. Therefore, it is not surprising that it has garnered interest from various parties and been translated into several languages, reflecting knowledge of the region.

Even for the people of the region itself today, it is impossible to overlook the Golden Tribe and its prominent figures, as well as their role in various aspects of life and society. Their spread on the tribal map and their social traditions, including descriptions of foods, animals, and drinks, are notable. Among the drinks he mentioned was 'Water of the Oil.' In his journey, he said: '... Then they brought a white liquid in small bowls, and the people drank from it. Sheikh Muzafar al-Din was sitting next to the prince in his gathering, and I was next to him. I asked him: 'What is this?' He said: 'Water of the Oil.' I did not understand what he said, so I tasted it and found it sour, so I left it.'

"When I left, I asked about it, and they said it was a drink made from the Duki grain, and they were of the Hanafi madhhab. The drink was halal for them, and they called this beverage made from Duki 'boza.' Sheikh Muzafar al-Din had said 'Water of the Dukhun' in his foreign accent, so I thought he said 'Water of the Oil." [1, p.340].

Similarly, he described the women of the Golden Tribe and their elevated position in Mongol society, which was granted to them by the 'Yasa' laws, emphasizing their rights and duties. This underscores their significant role and status in Mongol society [1, p.332–343]. He expressed his astonishment by saying: "I saw in this land something amazing regarding how women are revered by them, and they are of higher rank than men." [1, p.343]. This is not merely an exaggeration or a compliment to the women of the Golden Tribe but is likely a comparison between the Mongol women and women from other countries he had visited before coming to the Golden Tribe. He observed the palaces that were widespread, the people who owned them, their social classes, as well as their rulers, histories, origins, families, and the places where they were spread.

Moreover, he does not neglect to describe the nature in terms of the types of trees and fruits, its seasons, including the winter and snow, as well as the means of transportation used in the area. He describes the use of dogs, and how they are cared for due to the necessity of their services to humans [1, p.350]. He also details how these sleds are ridden, mentioning their types, what is drawn by dogs, and what other animals, like horses, are used. He says: 'Horses in this land are very numerous, and their price is modest. The value of a good one is fifty or sixty dirhams... This horse is known in Egypt as "Akadish," and they are as common to them as sheep are in our lands, or even more...' [1, p.341].

Due to his long stay among them, he was able to preserve their common terms and record them in his travel book. He said: '...It is called Bash Dagh, and the meaning of "Bash" for them is five, and the meaning of "Dagh" is

a mountain. In these five mountains, there is a hot spring; anyone who bathes in it will not suffer from any sickness...'[1, p.344].

He, may God have mercy on him, did not limit his travels to only one region of the Golden Tribe but was keen to travel and learn more about the land. Perhaps what encouraged him was the presence of Muslims there. His last stop was in the city of Bulgaria, north of the tribe. He said in his journey: 'I had heard of the city of Bulgaria, and I wanted to go there to see what was said about it, that it had a short night and a short day as well... I reached it in Ramadan, and when we prayed Maghrib, we broke our fast, and the call for Isha was heard during our iftar, so we prayed it and then prayed Taraweeh, the Shaf' and the Witr...' [1, p.350].

This is a natural phenomenon that Ibn Battuta experienced and narrated as he heard it, and he lived through it, performing his religious duties with prayers, which are, in principle, prescribed at specific times according to Islamic law. He also describes how the locals treated it. This phenomenon may still exist today. The book is filled with many terms related to tools, animals, foods, and clothing, all of which were prevalent at the time, with detailed explanations. One such term that caught Ibn Battuta's attention was the fur of the caqam. He says: 'The caqam is the finest type of fur, and the cost of its fur in India is one thousand dinars. The equivalent in our gold coins is two hundred and fifty. It is very white and comes from the skin of a small animal the size of a cubit, and its tail is long, left attached to the fur as it is.'

The Sables: Beyond that, the fur of the sable is worth four hundred dinars, and one of the characteristics of this skin is that it does not harbor lice. The princes and elites of China use it, making a single piece of skin connected to their furs around the neck, as well as the merchants of Persia and the Iraqis [1, p.351]. When one reflects on the text, many things catch the eye and pause the reader. Alongside his familiarity with the types of fur in this land, the description of their quality, characteristics, and importance is presented. He provides us with their material value and their prices in the local currency, comparing them to other countries, either his own country, Morocco, where he compares the prices, or other countries he had previously visited before entering the Golden Horde. He mentions India and China, and how he saw them using these types of fur, similar to the people of Persia and Iraq.

Based on this, I will not hesitate to suggest extracting all the known terms from this journey, which is considered a high-level literary work that preserves for us, documents, and introduces various things of diverse benefits, which may have disappeared now. Despite Ibn Battuta's detailed description and narration of the specifics of the Golden Horde, his book remains the second attempt at introducing and presenting Central Asia, including the Golden Horde. The first attempt and visit to this land was made by the traveler Abu Hamid Muhammad al-Qurtubi, the Andalusian Moroccan, who recorded it in his book Tuhfat al-Albab wa Nukhbat al-Ijabab and his journey to Europe and Asia, which took place in the late 6th century Hijri. Ibn Battuta's journey, however, occurred in the 8th century Hijri.

The journey of the Granadian occurred before the establishment of the Golden Horde. Considering that the latter passed away in 1170 AD, while the establishment of the Golden Horde began in 1243 AD, it seems from several perspectives that Ibn Battuta was influenced by the travels of al-Qurtubi and the geographer al-Idrisi, which encouraged him to embark on his own journey there.

What Appears in the Journey of Al-Qurtubi: What is stated in the Qurtubi journey, written before the founding of the Golden Horde, differs from what Ibn Battuta mentions. Historical sources and recorded events confirm that al-Qurtubi entered the land of the Bulgars in the first half of the 6th century Hijri. He says in his book: "I left Baghchird in the year 53, and I left Sijistan to Khwarazm in the year 54..." [1, p.148–149]. At that time, Islam had spread among most of the tribes, which he confirms in his journey. He mentions, "I heard of Bulgar, a city at the end of the lands of Islam in the north, 40 days above Sijistan. In the summer, the day lasts 20 hours, and the night is only 4 hours, while in the winter, the night lasts 20 hours and the day only 4 hours. The cold is so intense that when someone dies, it takes six months to bury them because the ground becomes like iron, and no one can dig a grave. I lost my son there in late winter, and I could not bury him. He remained in the house for three months until I was able to bury him, and he remained like a stone." [4, p.97].

He stops at the origin of the name "Bulgar" and describes it, saying: "… and the meaning of Bulgar is a learned man" [4, p.130]. He elaborates extensively on the topic of the name and states elsewhere: "And the learned man among them is called 'Bular,' so that land was named 'Bular,' meaning a learned man, and the Arabs Arabized it, so they said: 'Bulgar'…" [4, p.130] In another place, he says: "… and Bulgar is also a great city, entirely built of pinewood, with walls made of oak, and surrounded by countless nations" [4, p.128]. It is evident that Al-Gharnati was not the first to arrive in these lands. He describes how he found many Maghrebis there, detailing their legal school of thought, mosques, and other aspects. He says: "I entered the sea to the land of the Khazars… – and then continues – … and in the city, there are countless traders, foreigners, and the children of Arabs from the Maghreb, whose numbers cannot be counted…" [4, p.126]. He describes the city as prosperous, full of mosques, stating: "There are mosques in which Friday prayers are held in Khazar, which is also a nation, and in the center of the town, there is a prince from among the Bulgars, who has a great mosque where Friday

prayers are held, surrounded by Bulgar peoples. There is another mosque where a nation called the people of Sura pray, and they are also numerous. On the day of Eid, they go out with many pulpits, each emir leading large congregations, and each nation has its own judges, jurists, and preachers. All follow the Hanafi school except for the Maghrebi descendants, who follow the Maliki school, while foreigners follow the Shafi'i school" [4, p.126].

This text confirms the deep-rooted Maghrebi presence in these lands and that they were among the first to settle there. They became an important element in the demographic composition of the Golden Horde, and their intermarriage with Mongol or Tatar elements contributed to creating a diverse and multi-ethnic population mosaic, whose legacy remains evident to this day.

Al-Gharnati was not merely a traveler passing through this land; he admired it and settled there for a long time. He married into its people and had children with them. He also contributed by organizing educational circles, particularly for the benefit of Maghrebi Malikis and others, who played a fundamental role in shaping the diverse identity of this nation. He states: "… My home is now among them, and the mothers of my children, my sons, and my daughters" [4, p.126].

What can be confirmed is that the arrival of the Maghrebis in this country was not limited to or concentrated in a specific city; rather, they were spread across many cities, forming a large community. In one of his texts, he states: "...There are thousands of Maghrebi descendants here, appearing like the Turks, speaking the Turkish language, and shooting arrows like the Turks… We found a man from Baghdad named Abdul Karim bin Fayrouz Al-Jawhari who had married among them. I then established the Friday prayer for those Muslims, taught them the sermon, for they were unaware of the Friday prayer..." [4, p.137].

He also touches upon the situation of his family as he prepared for travel and relocation. He speaks of his eldest son, who was with him, and how he eventually settled him in his homeland, where he was born. He says: "I left my eldest son, Hamad, among them. From the very first day I left him, he was over thirty-three years old. He married two women from among the respected Muslim families and had children. He is a brave and virtuous man. In his childhood, I used to reward him with half a daniq for every lesson he memorized..." [4, p.142].

The text, as it appears, is rich in meaning and purpose, reflecting his intention to leave his descendants in this country for permanent settlement. It also shows the purpose of polygamy and the encouragement of memorization. He wished to establish a legacy, planting a seed that would bear fruit after his passing. He aspired to be succeeded by a model representative of his missionary endeavors, especially since the country at that time was experiencing an Islamic awakening.

This explains his personal participation in study circles and his role in guiding the sons of the Tatars and other Maghrebis in the region, as reflected in his words in the following paragraph: "When I entered among the Maghrebi descendants, they honored me, and I taught them some knowledge. I helped some of them speak Arabic and diligently repeated and reviewed the fundamentals of prayer and other acts of worship with them. I summarized for them the pilgrimage and taught them inheritance laws until they were able to divide estates properly. One of them said to me, 'I want to copy and learn from books.' He had become articulate, so I told him: 'Strive in memorization and understanding, and do not speak about books without a chain of transmission, for if you do so, you will succeed.' He replied, 'Did you not say that the Prophet, peace be upon him, said: "Tie knowledge with writing"?' I responded, 'Books do not contain knowledge; they only contain writing that indicates knowledge. When memorized, it becomes knowledge, for knowledge is an attribute of the scholar...'" [4, p.143].

The text reflects a goal of the traveling Granadan jurist: he sought to educate a future generation from the Golden Horde, which would eventually govern the entire region. He was one of the scholars of Tatarstan, and undoubtedly, some of his students would become leaders and figures of the Golden Horde. The traveling Maghrebi scholars contributed to the emergence of the Golden Horde, and their descendants still exist among us today. Some of them are even present in this blessed gathering.

The credit for uncovering this documented truth goes to their Sheikh, the father of Hamad Al-Tatarstani, Sheikh Muhammad Al-Gharnati Al-Maghribi, author of the book Tuhfat Al-Albab wa Nukhbat Al-I'jab..."

During his stay in these lands, he describes its rivers, seas, and the variety of fish and birds found there. His descriptions are not limited to the lands of the Bulgars, as he later travels to the land of the Slavs. He says: "...When I entered the land of the Slavs, I left Bulgar and boarded a ship on the Slavic River. Its water was black, like the water of the Sea of Darkness, as if it were ink. Yet, despite this, it was sweet, pure, and clear, with no fish in it. Instead, it contained large black snakes, stacked upon each other, more numerous than fish, but they did not harm anyone. There was also an animal resembling a small cat with black fur, called the water sable. Its pelts were taken to Bulgar and Sijjin. As I arrived in their lands, I saw a vast region abundant in honey, wheat, barley, and large apples, the best of their kind. Their land was prosperous and their resources were affordable." [4, p.135–136].

He continues his detailed descriptions, including the political policies of the Slavs toward invaders.

Among the most significant Slavic cities he visited–where he described its inhabitants and discovered a Maghrebi presence–was the city of Gorkoman. He states: "...I arrived at a city among the Slavs called 'Gorkoman,' where thousands of Maghrebi descendants lived..." [4, p.137].

From the Slavic lands, he then traveled to Bashgird, stating: "And I went to Bashgird, located forty days beyond the lands of the Slavs…" [4, p.138].

And in another place, he describes it by saying: "When I arrived in the lands of Anqurba, where there is a nation called Bashghird... They are brave and countless in number, and their land, known as Anquriya, consists of seventy-eight cities, each with its own fortifications... In it, there are thousands of Maghrebis, beyond count, and thousands of Khwarazmians. The Khwarazmians serve the kings, pretending to be Christians while concealing their Islam, whereas the Maghrebis do not serve the Christians...." [4, p.138–139].

He continues to elaborate on the kingdom of Bashghird, but time does not permit mentioning it all, and he concludes his message by saying: "I have only mentioned some of what I have witnessed in brief, for if I were to elaborate, the book would be lengthy, and brevity suffices. Were it not for these noble scholars who asked me and wished for this collection to be compiled, I would not have undertaken this work, for I do not see myself fit for authorship." [4, p.148].

In conclusion to this discussion, I can record the following: The most important aspect of these Maghrebi journeys to Central Asia is that they provided us with an accurate description of this region, introduced us to a group of its men, sultans, and princes, and acquainted us with its societies and ethnic groups. They also described its geographical nature, seas, rivers, and resources.

The journey of Abu Hamid al-Gharnati, the Moroccan, which has reached us with a verified attribution to its author, confirms the existence of Maghrebis who lived in this Asian part of the world and contributed to the establishment of the Golden Horde society. It also highlights that Sheikh Abu Hamid was among the mentors and educators of some scholars and figures of the Golden Horde, and he left behind his eldest son, Hamid, to continue the mission.

This is a beautiful thing, making us feel that we are cousins, connected by lineage and intermarriage–an ancient and deep-rooted bond, despite the distances and the separation of lands. Between us, there is a strong tie: the bond of brotherhood, which is the brotherhood of religion–stronger even than the bond of lineage.

What Abu Hamid recorded in his journey, with his engaging descriptive style and his documentation of a part of Central Asian history, its great men, and its pioneering women, is now preserved in our hands in Arabic and many other languages. It stands as:

• The best historical gift he left to his direct descendants and Maghrebi kin–those who settled and made this land their home.

• A gift to his descendants in Maghreb-Tatarstan.

• And this international conference, organized by the Association of Golden Horde Researchers in coordination with the Marjani Institute of History, affiliated with the Academy of Sciences of the well-guarded Tatarstan, is nothing but an honor to all the human races that lived in this region and contributed to shaping human history. They did so under the leadership of peoples who preserved their Islam with moderation, balance, and openness. Today, they live in security, peace, stability, progress, and prosperity.

REFERENCES

1. Ibn Battuta, Muhammad bin Abdullah bin Ibrahim al-Lawati al-Tanjī. (779 AH). Author of the book: "Tuhfat al-Nuzar fi Ghara'ib al-Amsar" [The Gift to the Observers on the Rarities of Cities]. Edited and commented by Talal Harb. Dar al-Kutub al-'Ilmiyya, Beirut, Lebanon. 2007. 815 p.

2. Al-Idrisi Muhammad al-Sabti al-Maghrebi, Abu Abdullah. (560 AH / 1166 CE). Author of the book: "Nuzhat al-Mustaq fi Ikhtiraq al-Afaq" [The Pleasure of the Eager in Crossing the Horizons]. Egyptian Bookstore, Cairo, Egypt. Part 1–2. 2002. 1112 p.

3. Al-Idrisi al-Sabti al-Maghrebi, Abu Abdullah Muhammad. Author of the book: "Anas al-Mahj wa Rawdat al-Faraj" [The Comfort of Hearts and the Garden of Relief]. Ministry of Endowments and Islamic Affairs, Rabat, Morocco. 2007. 474 p.

4. Al-Gharnati al-Andalusi al-Maghrebi, abu Hamid Muhammad. (565 AH / 1170 CE). Author of the book: "Tuhfat al-Albab wa Nukhbat al-I'jab wa Rahla ila Uruba wa Asiya" [The Gift of Minds and the Selection of Wonders, and a Journey to Europe and Asia]. Introduction by Qasim Wahb. Dar al-Suwaidi for Publishing and Distribution, Abu Dhabi, UAE. First Edition, 2003. 192 p.

About the author: Hamid Lahmar – Doctor, Professor at the Sidi Mohamed Ben Abdellah University (Fez, Kingdom of Morocco). E-mail: elo_mas@hotmail.fr

ГЕОГРАФИЯ И ОПИСАНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ТЕКСТАХ ЗАПАДНЫХ ИСЛАМСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Х. Лахмер
Университет Сиди Мохамеда Бен Абделлаха

В этом исследовании изучается историческое значение средневековой литературы о путешествиях из западного исламского мира, при этом уделяется особое внимание рассказам марокканских путешественников, которые отправились в Азию. Основная цель этого исследования – проанализировать представления о Золотой Орде и связанных с ней народах, городах и социальных структурах, изображенные в этих путевых записях. Эти рассказы служат бесценными историческими документами, которые связывают отдаленные регионы и культуры, предлагая понимание географии, этнографии и межкультурного обмена. Научная новизна этого исследования заключается в его сравнительном изучении двух часто упускаемых из виду, но первопроходцев, марокканских путешественников: Ибн Баттута (ум. 779 г. по хиджре / 1377 г. н. э.) и Абу Хамид аль-Гарнати (ум. 565 г. по хиджре / 1170 г. н. э.). Хотя Ибн Баттута широко известен своими подробными описаниями Золотой Орды и ее столицы Сарая, это исследование подчеркивает, что аль-Гарнати, по сути, опередил его в исследовании Евразии и документировании своего опыта в менее известном труде Тухфат аль-Албаб ва Нухбат аль-Иджаб. Это позиционирует аль-Гарнати как важного, но недооцененного вкладчика в исламскую литературу о путешествиях и межкультурное производство знаний. Результаты этого исследования подчеркивают богатство и разнообразие ранних исламских исследовательских повествований. Эти отчеты не только предоставляют скрупулезные этнографические и географические наблюдения, но и служат ранними образцами кросс-культурного обмена и обучения. Через призму марокканских путешественников это исследование проливает свет на социально-экономические и политические ландшафты Золотой Орды и ее влияние по всей Азии.

Ключевые слова: Ибн Баттута, Золотая Орда, средневековые путешествия, Центральная Азия, культурные наблюдения, паломнические маршруты

Сведения об авторе: Хамид Лахмер – доктор, профессор Университета Сиди Мохамеда Бен Абделлаха (Фес, Королевство Марокко). E-mail: elo_mas@hotmail.fr

УДК 913.1/913.8

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ПРОСТОРАХ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Р.В. Малиновская
Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби

Целью данной статьи является анализ отчетов европейских путешественников и выявление их представлений о географии Монгольской империи. Особое внимание уделено маршрутам их путешествий и сравнительному анализу топонимов. На данный момент мы имеем множество переводов и публикаций тех самых отчетов путешественников XIII века. Анализируя примечания редакторов этих публикаций в статье была предпринята попытка реконструкции представлений авторов о территории Монгольской империи. Утверждается, что европейские путешественники XIII века совершили значимые открытия в географическом познании областей Центральной Азии, входивших в состав Монгольской империи.

Ключевые слова: Монгольская империя, география, территория, Плано Карпини, Гильом де Рубрук, Марко Поло

Благодарности. Выражаю особую благодарность за помощь в написании статьи доктору исторических наук, профессору Кундакбаевой Жанат Бековне и своему научному руководителю – кандидату исторических наук, доценту Майданали Зере.

XIII век является веком великих потрясений и грандиозных перемен в мировой истории. Появившиеся новое могущественное государство как Монгольская империя не только занимала обширную территорию, но и представляло собой большую политическую угрозу для соседних стран. Так как до западных европейских монархов доходили лишь слухи о великих монгольских завоеваниях, то полная картина как самой территории империи, так и ее населении им не была представлена. Сведения о восточных землях до сих пор основывались на произведениях античных географов и путешественников. Этот пробел во многом смогли восполнить миссионеры и купцы XIII века, в задачи которых входили помимо установления дипломатических отношений, ознакомление с происхождением, бытом, хозяйством и многими другими аспектами жизни населения империи. В последнее время в исторической науке существует тенденция переосмысления истории кочевых цивилизаций в рамках отхода от советских идеологических установок. Потому, изучение отдельных аспектов одного из значимых периодов истории кочевой цивилизации как образование и развитие Монгольской империи, не теряет своей актуальности по сей день.

В данной статье анализируются произведения известных путешественников того времени Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Марко Поло, которые оставили наибольший вклад в развитии средневековой географической науки. Путем сопоставления сведений из известных русских переводов данных источников с информацией современных исследований проанализированы основные результаты торгово-дипломатических миссий.

В частности, использованы издание «Истории монгалов» Плано Карпини и «Путешествие в восточные страны» Гильома де Рубрука под редакцией А.И. Малевина 1911 года и издание 1957 года с более расширенными комментариями и с предисловием Н.П. Шастиной. Несмотря на то, что, это буквально единственные известные издания сочинений Плано Карпини и Рубрука, в мировой науке их изучение значительно продвинулось. Дело в том, что А.И. Малевин подготовил свое издание с перевода работы М. д`Авазека, основанного на Лейденском списке. Однако после этого в конце XIX века науке стал известен Кембриджский список, а в начале XX в. – Вольфенбюттельский. Издание, составленное на основе всех трех списков, было подготовлено коллективом итальянских филологов под руководством Э. Менесто в 1989 году. Эта работа показала, что Лейденский список является копией Кембриджского, а Вольфенбюттельский восходит к общему с Кембриджским протографу. Таким образом, издание А.И. Малевина сложно назвать полным и корректным, поэтому работа над этими источниками продолжается до сих пор. В настоящее время над этой проблемой работает российский доктор исторических наук и профессор А.А. Горский. Он, совместно с не так давно ушедшим из жизни, известным исследователем монгольского периода, В.В. Трепавловым, являлись руководителями проекта «Иоанн де Плано Карпини. История монголов». Так, имеется их совместная статья, опубликованная в 2020 году под названием «Посланцы папы римского в Монгольской империи» [20]. Некоторые аспекты данных источников также были проанализированы в статьях белорусских исследователей С.Б. Жарко и А.А. Кондратенко [7; 8]. В 2002 году была

опубликована работа «Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года» содержащая в себе перевод и критический анализ источника «Истории татар» Ц. де Бридиа. В качестве исторического источника Марко Поло было рассмотрено издание 1956 года «Книга Марко Поло» в переводе со старофранцузского текста И.П. Минаева. Большой вклад в изучении результатов путешествия Марко Поло в Центральную Азию оставил известный востоковед В.В. Бартольд. Восприятие европейцами Великой Монгольской империи XIII века рассмотрены в статьях Г.Г. Пикова, Ю.И. Дробышева [13], [14], [6]. Несомненно, важным обширным трудом, раскрывающем совокупность ранних латинских источников, посвященных монголов и их содержания является монография историка Романа Хауталы – «От "Давида, царя Индий" до "ненавистного плебса сатаны". Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах» [22].

Уже в 20-х годах XIII века до европейцев стали доходить слухи о неком невиданном прежде народе, создавшем свою державу и продвигавшемуся на запад. Представления об этом народе складывались самые разные: от наказания за «грехи мира» до помощников христиан в борьбе с мусульманами. Так, ещё до образования монгольской империи по Европе распространялась легенда о государстве пресвитера Иоанна, расположенному в Азии. Одним из первых об этом царе-священнике сообщает Оттон Фрейзингенский (1145 г.). Он добавляет, что Иоанн двинулся из глубин Средней Азии на помощь христианскому Иерусалимскому королевству, но не смог переправиться через реку Тигр. Позднее европейцы заговорили и о «царе Давиде» являвшемся якобы сыном священника Иоанна [12]. Из этого следует, что начиная со времен «отца истории» Геродота и примерно до половины XIII века территория современной Центральной Азии для европейцев представляла собой загадку. Однако именно благодаря Католической церкви, искавшей себе союзников в очередном крестовом походе, эта загадка стала постепенно разгадываться.

Определение первенства в том или ином вопросе прошлого – весьма сложный и спорный вопрос. Однако согласно мнению исследователя Шишка Е.А., в числе первых европейцев, совершивших путешествие в завоеванные монголами земли, был монах-доминиканец по имени Юлиан [23]. Монах был отправлен королем Венгрии Белом IV для выяснения дальнейших захватнических планов монголов. Уже в начале своего составленного отчёта, названного как «Письмо о монгольской войне», Юлиан указывает о возникновении монгольского государства: «Татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила; а ныне желают называться татарами. Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Гота. Государь этой страны по имени Гургута одержал славную для себя и почетную победу над другими вождями» [1, с. 89]. Этот отрывок несколько напоминает текст «Сокровенного сказания», где под именем «Гургута» непременно известен Чингисхан.

Большинство сведений, представленных в «Письме» Юлиана посвящено тактике ведения боя монголов, численности и деления армии. Например, он указывает на превосходные умения монголов владеть луком и стрелами, но в то же время они, по его мнению, менее искусны в использовании меча и копья. Отправляясь в путешествие, Юлиан также ставил себе целью поиск своей прародины – Великой Венгрии (вероятнее всего древние поселения венгров до IX века). Однако, когда же он со своими спутниками достигает границ России, то узнает о том, что эти земли к тому времени захвачены монголами. Поэтому некоторые сведения о планах монголов, как не скрывает сам Юлиан, были взяты со слухов, распространявшимися среди населения русских княжеств.

Ещё одним латиноязычным источником, повествующим о географии и вторжения монгольских войск в Венгрию считается «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами». Источник был написан магистром Рогерием Апулийским, который в свою очередь, не просто был свидетелем описываемых им событий, но и какое-то время побывал пленником в руках монгол. Ценность данного труда состоит в том, что автор подробно описывает обстановку, возникшую в Восточной Европе накануне вторжения. Когда же речь заходит о завоевании Венгрии в 1242 году, Рогерий неоднократно приводит примеры необычайной жестокости войск Батыя: «Татары, победив их смелостью, захватили церковные сокровища, а каноников и других лиц, а также знатных женщин и девиц, которых они не захотели убить мечом, сожгли в огне» , «…среди оставшихся в войске и бежавших по главной дороге к Пешту было произведено такое опустошение и столько многие тысячи людей убиты были, что долгое время количество убитых людей оставалось неизвестным...» [10, с. 32].

Долгое время «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» была не изведана средневековыми авторами, поэтому основную массу представлений формировавших образ монгольских завоевателей в сознании европейца в 30–40-е годы XIII века, занимали слухи и религиозные предания.

Несмотря на это, существовал автор знакомый с Рогерием Апулийским, который оставил после себя не только жизнеописание самого Рогерия, но и летопись архиепископства и города Сплита – города, к воротам которого в 1242 году надвигалось войско внука Чингисхана. Этим автором был архидиакон Фома Сплитский. В хронике Фомы Сплитского присутствует характерный для средневековой эпохи религиозный провиденциализм. Так, монгольских завоевателей он сравнивает с насланной чумой или нашествием

саранчи, так называемой божественной карой. Несмотря на то, что информатором хроники Фомы Сплитского с большой долей вероятности является Рогерий, произведение Фомы остается важным историческим источником, содержащим сведения о военной организации и ведение войн монголами [24].

Смена парадигмы взглядов европейцев на татаро-монгольских захватчиков произошла благодаря появлению на свет поэмы «История сражений Александра Великого» Квиликино из Сполето, получившей широкую популярность в Европе, и преимущественно, в Италии. В данной поэме, относящейся к 1236 году, монголы «впервые были сопоставлены с нечестивыми народами эсхатологической традиции «Романа об Александре», а имя тартар отождествлено с греческим Тартаром» [22, с. 150]. Так, в новом понимании европейцев татары стали олицетворением «тартар» Гога и Магога – апокалиптическим народом, заточенным некогда, согласно легендам, самим Александром Македонским. Исследователь Р. Хаутала подтверждает тот факт, что данное произведение оказывало огромное влияние на формирование образа монголов у итальянцев вплоть до XVI века [22, с. 172–175].

Таким образом, упомянутые путешественники и книжники оставили нам сведения, описывающие какими виделись надвигающиеся монгольские племена в глазах европейцев. Однако в их трудах не найти точных географических сведений о реальном расположении монгольских племен. Подробные описания быта, традиций и географии монголов находятся в трудах более известных всему миру европейских путешественников, а именно – Плано Карпини, Гильом де Рубрук и Марко Поло.

Необходимо отметить, что на достоверность и полноту информации в рассматриваемых источниках, оказывают огромное количество факторов, среди которых важными являются обстоятельства путешествий и подготовленность авторов. Согласно мнению американского историка и писателя Лоуренса Бергрина, Джованни да Пьян дель Карпини является первым известным нам миссионером, проложившим путь в Центральную Азию и Китай дальнейшим путешественникам и купцам [25]. Плано Карпини, как принято его называть в литературе, родился в Перуджи, принадлежал к знатному итальянскому роду и был одним из основателей францисканского ордена.

В 1245 году папа римский Иннокентий IV на Лионском соборе подписал «буллу к царю и народу татарскому». Доставить ее было поручено Плано Карпини, которому на тот момент времени было приблизительно шестьдесят три года. Целью его путешествия было установление дипломатических отношений с монгольским государем и заключения с ним союза против мусульманских государств. В связи с возложенной на него миссией ему также предоставили довольно широкие полномочия папского легата. Помимо этого, Карпини сопровождали два брата, принадлежавшие к тому же ордену что и он: первый, Бенедикт Поляк, который проделал с ним тот же путь в Монгольскую империю и Стефан из Богемии, возвратившийся с дороги около Киева. Бенедикт Поляк, присоединившийся к миссии в Польше, выполнял функции переводчика при особе папского нунция. Считается, что именно Бенедикт сыграл ключевую роль в сборе информации о монголах. Записи Бенедикта были переписаны в Восточной Европе неким кельнским схоластом, и сейчас эти донесения известны нам как «История Татар» брата Ц. де Бридиа. Информация, приведенная в «Истории Татар», в каком-то смысле является дополнением к отчету Плано Карпини. Однако не известно были ли мифические элементы рассказа Бенедикта в начальном варианте его донесений, или же это было добавлено переписчиком. Читая «Историю Татар» Ц. де Бридиа об истории монгольских завоеваний, встречаются довольно сказочные описания некоторых народов. Например, повествуя о захватнических походах монголов, в его источнике находятся упоминания народов-псов, народов с бычьими ногами, людей у которых лишь одна рука и одна нога и тому подобное [3, с. 107–110].

Спустя пять лет после возвращения Плано Карпини в Рим, в восточные земли отправился фламандский миссионер-францисканец Гильом де Рубрук, по поручению французского короля Людовика IX. Точный год рождения Рубрука не известен. Однако если верить общераспространенному мнению о том, что он родился между 1220 и 1230 годами, соответственно на момент совершаемой им поездки он был значительно моложе своего предшественника. Получив распоряжения от короля, Гильом де Рубрук и сопровождающий его францисканец Бартоломео Кремонский отправились в путь весной 1252 года. Добравшись до ставки Сартака, миссионеры поняли, что слухи о христианстве были преувеличены. Хоть нам и известно, что Сартак действительно исповедовал христианство несторианского толка, однако об этом в монгольском обществе не принято было открыто заявлять. Согласно Великой Ясе, сводом законом составленным Чингиз-ханом, несмотря на существующую толерантность монголов к различным религиозным направлениям, исповедующие должны были относиться к религии без фанатизма и какой-либо пропаганды. Возможно поэтому Сартак не стал вступать с миссионерами в переговоры, а направил их к Бату. Второй причиной отказа от переговоров можно назвать и подчинённость Сартака своему отцу. Ведь тот, в свою очередь, тоже не захотел вести переговоры с посланниками французского короля и отправил Гильома де Рубрука к своему двоюродному брату великому хану Мунке, в Каракорум [12].

Так, несмотря на то что, с религиозной точки зрения путешествие Рубрука оказалось безрезультатным, с научной точки зрения его отчет является ценным источником. Прежде всего потому, что Рубрук

тщательно готовился к своему странствию – изучал главные в то время географические источники, Исидора и Солина, брал сведения у людей, уже бывавших в этих краях, а также всюду осведомлялся у жителей о названиях местностей, через которые проезжал. Поэтому в его отчете мы находим большое количество новых и важных сведений.

Когда мысль о монгольской угрозе у европейских монархов осталась позади, они осознали выгоду сложившегося положения. Торговые пути, проложенные монголами из южной России и Азии в Китай, открыли новые возможности для европейских купцов. Однако в тот период практически все торговые отношения с Востоком контролировались итальянскими купцами. В XIII веке итальянские города Пиза, Венеция и Генуя лидировали в торговле, постоянно конкурируя друг с другом за рынки сбыта. Богатство и обширные познания позволили итальянским купцам, наряду с мусульманскими торговцами, снискать расположение монгольских ханов и даже получать должности при дворе. Так, широкую известность получила история венецианской купеческой семьи Поло.

В 1254 г. братья Николо и Маттео Поло отправились из Венеции через Константинополь в Крым, Судак, далее по Волге через южную Россию, потом достигли Бухары, а затем прибыли в Китай, где были приняты монгольским ханом Хубилаем. В 1269 году братья вернулись в Венецию и передали Папе Римскому просьбу Хубилая прислать в Китай сотню ученых, сведущих в христианской религии. Им пришлось подождать вердикта ввиду процесса избрания нового Папы, и в 1271 году Папа Григорий IX отправил с ними в Китай двух ученых монахов. Во второе путешествие к монгольскому хану Николо решил взять своего подросшего сына Марко. Вследствие слухов о предстоящем походе египетского султана на Малую Азию миссионеры не решились ехать дальше и вернулись обратно. Более трех лет ушло на путешествие до Китая через Персию, Балх, Памир и Восточный Туркестан. Все трое оставались на службе у монгольского хана в течение 17 лет, до 1291 года. Молодой Марко Поло быстро приспособился к жизни вдали от родины, выучив, по его словам, монгольский язык и четыре азбуки. Успешно справившись с несколькими поручениями Хубилай-хана, он заслужил его полное доверие и в течение трех лет даже занимал должность губернатора одной из провинций южного Китая [2, с. 69–71].

Когда Марко Поло вернулся на родину, венецианская молодежь собиралась к нему, чтобы послушать его интересные рассказы о путешествии в восточные земли. Его даже прозвали «Марко миллион» или «Человеком с миллионом историй». Однако в 1298 году, занимая должность почетного командира, он оказался вовлеченным в военный конфликт против генуэзцев и попал к ним в плен вместе с 7000 своих соотечественников. В тюрьме его истории привлекли внимание романтичного писателя из Пизы, по имени Рустичелло, написавшего два известных романа о короле Артуре. Он подготовил отчет о путешествиях Марко Поло на литературном диалекте французского языка, наиболее часто используемого языка для приключенческих и романтических произведений. Рустичелло часто приукрашивал истории Марко. Например, его описание прибытия Поло ко двору Хубилай хана напоминает сцену одного из его романов о короле Артуре и его описание сражений также следовал формулам, которые он использовал в более ранних работах. Тем не менее книга стала чрезвычайно популярной, и вскоре стали доступны ее переводы на латынь, итальянский, венецианский диалект, английский и другие языки [20, с. 83–84].

Отчеты трех путешественников, как известно, содержат в себе сведения различного характера – от описания проделанных маршрутов, до легенд о происхождения тех или иных народов, встречавшихся на пути. Особый интерес представляет собой информация, касающаяся географии Монгольской империи, о пространственном восприятии европейцев малоизученных азиатских областей. Можно сказать, что несмотря на то, что каждый автор в своих оставленных отчетах, имеет обыкновение ссылаться на информацию из других источников или людей, в этих же произведениях они оставили и их собственные наблюдения, и открытия.

В первую очередь, Бенедикт Поляк, например, справедливо отмечает, что Монгольская империя занимает настолько обширную территорию, что ее устройство делится на Запад и Восток. Далее он перечисляет названия земель и народов, которые попали под власть монголов среди которых Китай, Венгрия, Армения, Персия, Русь и остальные земли, находящиеся в пределах Центральной Азии. Также, как и Плано Карпини в своей «Истории Монгалов», так и в «Истории Татар» Ц. де Бридиа характеризуя рельеф империи, оба автора описывают чрезмерную гористость в одной ее части, однако в другой, согласно их замечаниям, она представляет собой совершенную равнину. Почва же не особо плодородна, потому что песчана. Авторы своих отчетов оставили значимые сведения и о климате империи. Говоря современным языком, уже тогда они назвали его резко континентальным, как «крайне переменчивым». Частыми природными явлениями, происходящими на данной территории, являются сильные ветра, грозы и молнии.

Немаловажным открытием Плано Карпини является то, что в своем труде он указывает более достоверные названия рек Восточно-Европейской равнины. Вместо привычных античных названий как Борисфен или Танаис, он приводит такие как Непер (Днепр), Дон, Волга, Яшан (Яик), о которых европейцы узнают впервые.

Однако Гильом де Рубрук, в отличие от Карпини пользуется античной топонимикой, поэтому в описании междуречья Волги и Дона он называет эти реки Этилией и Танаисом соответственно. Рубрук в своих наблюдениях сообщает, что Волга вдвое превосходит по размерам французскую Сену, а также, подобно Нилу, разливается летом. У него впервые встречается упоминание столицы Золотой Орды – города Сарай, расположенного в низовьях Этилии. Именно Рубрук исправил допущенную античными географами ошибку, которые полагали, что Волга впадает в залив Северного океана. Он указал, что это вовсе не залив, а замкнутое озеро довольно больших размеров, которое он назвал «Сиркан» [15, с. 8]. Откуда берется у него это название – не известно. На современной карте мира подобное название носит лишь город в Иране, названный Серкан. Есть и предположение о том, что это было название исторической области, обозначающей северную часть современного Азербайджана. Как бы то ни было, замкнутое большое озеро, куда впадает Волга – это не что иное как Каспийское море.

Огромная заслуга Рубрука состоит в том, что он первым установил, что Каспийское море не имеет выхода в океан, как это полагал Исидор: «Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это – залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей» [9, с. 13]. Он установил, что «серы» у античных авторов – это китайцы, а Китай – страна, прилегающая на востоке к океану. Он же сообщает некоторые сведения о народностях Восточной Сибири, например, о енисейских киргизах, именуемых «керкисами», или же о предках тувинцев – урянхайцах, называемых им «оренгаями» и т. д.

Рубрук оставил описание кочевого образа жизни народов, населяющих монгольскую империю: «Они не имеют нигде постоянного местожительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем» [15, с. 91]. Однако каждый начальник знает количество подвластных ему людей и границы своих пастбищ. Данный факт сообщает нам о том, что в Монгольской империи существовала особая административно-территориальная структура.

В ставке Сартака Гильому де Рубруку поведали о том, что моалы (монголы) и татары – это разные народы и что монголы истребили часть этого народа, а остальную подчинили себе. Однако несмотря на то, эта разница стала очевидной и известной, в европейской науке по-прежнему использовался этноним «татары» или «тартары» для обозначения населения Монгольской империи и ее улусов. Даже после распада Золотой Орды, на картах европейских картографов (преимущественно итальянских) XV–XVI веков термин «Татария», «Тартария» использовался для обозначения земель, входивших в состав улуса Джучи [21].

В своем отчете Рубрук оставляет описание столицы Монгольской империи – города Каракорум который, согласно его замечаниям делится на квартала: «один квартал занят преимущественно базарами из-за чего туда стекается огромное количество купцов и послов, исповедующих мусульманскую веру, а второй представлен ремесленническим населением китайцев» [15, с. 91]. Китайцы, как отмечает Рубрук люди небольшого роста, имеющие характерный для народов востока разрез глаз, при этом они очень хороши во всяком ремесле и в медицине – вне кварталов расположены дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Довольно удивительным явлением для европейца того времени было увидеть в этом городе среди двух мусульманских мечетей христианскую церковь.

Не менее важным открытием, вызвавшим удивление очередного европейского путешественника XIII века – Марко Поло было оставленное им описание ямской службы, существовавшей в Монгольской империи. Благодаря наличию большого количества станций для гонцов, где они могут сменить лошадей, почта великому хану доставлялась очень быстро. Даже в тех пустынных местах, где не было жилищ и постоялых дворов, по приказу хана были построены станции, обеспеченные всем необходимым для гонцов. На этих станциях находилось более двухсот тысяч лошадей и было построено более десяти тысяч невероятно роскошных дворцов. Были у хана и пешие гонцы. Благодаря специальному поясу с колокольчиками, которые были слышны издалека, через три мили к нему готовится новый гонец. Таким образом, через этих пеших гонцов хан в одни сутки получал вести «из-за десяти дней пути» [17, с. 219–220].

В результате, по своим научным изысканиям, путешествие Марко Поло значительно превосходит прочие, довольно многочисленные в то время путешествия на Восток европейских купцов и миссионеров. Торговый путь в Китай через Среднюю Азию, несмотря на политические смуты, продолжал оставаться актуальным и в XIV веке. Исходным пунктом этого пути был город Тана при устье Дона, находившийся с 1316 года в руках генуэзцев, а с 1332 года – венецианцев.

Так как уже было отмечено раннее, Плано Карпини называют «первопроходцем», интересным для исследователей представляется выбранный его миссией маршрут. Выйдя из Лиона, пройдя через Польшу, миссия добралась до русских земель, где с ними встретился князь волынский Василько Романович. От князя папские послы узнали некоторые подробности о монголах, о том, что им надлежит приготовить дары, иначе без подарков монголы послов вообще ни во что не ценили [15, с. 66]. После же им предстояло посетить столицу русских земель Киев, откуда уже направились к степным народам. Первым селением, подвластным Монгольской империи встретившимся на пути, Плано Карпини называет Канов, что соот-

ветствует современному городу Канев, расположенному в Черкасской области Украины [18]. От него же мы узнаем, что в этой местности проживало аланской население, подвластное начальнику алану Михею. Продвигаясь по земли команов, так европейцы называли кочевой народ кыпчаков, Карпини делает замечания о наличии на этой территории четырех больших рек: Днепра, Дона, Волги и Яика, по берегам которых расположены владения различных князей, или так называемых удельных правителей, тысячников. Наконец, послы достигли ставки Бату, города Сарай-Бату, который располагался в 130 км севернее города Астрахань. Бату, прочитав грамоту велел им отправится в столицу Монгольской империи к хану Гуйюку, так как все правители относительно независимых монгольских улусов в то время должны были свои решения согласовывать с мнением великого хана.

Так, продолжая свое путешествие, Плано Карпини дает описание земель, встречающихся на пути к ставке великого хана. От Урала до Аральского моря идет земля канглов, где он отмечает немногочисленное население и скудность водных ресурсов. Скорее всего из-за недостатка воды обнаруживается большое количество черепов и костей в этой пустыне. После, Карпини встречает земли хорезмийцев, или как он их называет «биссерминов». Они хоть и говорят на кыпчакском языке, однако следуют мусульманским законам. Здесь он находит города и крепости, которые подверглись разрушению и истреблению со стороны монголов. Однако в этой земле есть одна большая река, хотя ее название Плано Карпини узнать не удалось, но это есть Амударья, и по ее берегу расположены такие города как Янкинт, Бархин, Орнас и другие. Затем, пройдя земли каракитаев, Карпини упоминает о неком небольшом море, имеющим несколько мелких остров и на берегу которого стоит гора небольших размеров. В горе есть отверстие и оттуда выходят сильные бури и ветра. Согласно описанию несложно догадаться, что речь идет об озере Алаколь, ведь к юго-востоку от него располагается перевал Джунгарские ворота. На пути к Каракоруму осталось лишь пересечь землю найманов: «Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру, мы попали в землю Найманов; они язычники... Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного» [15, с. 73].

Наконец, добравшись до монгольской ставки, послы были поспешно приглашены на торжественное мероприятие избрания великого хана. Плано Карпини оставил подробные сведения о процессе избрания и инаугурации нового хана Великой Монгольской империи – Гуйюка, благодаря которым мы видим продолжение элементов этой традиции в Казахском ханстве. Несмотря на это, папская миссия не добилась своего успеха – ответ хана Гуйюка содержал в себе требование подчиниться как самому папе римскому, так и европейским монахам монгольскому владычеству.

Судьба же минорита Гильома де Рубрука по его возвращению практически не известна – книгу о своем путешествии он оставил спустя год, когда находился в Триполи. Однако о встрече с Рубруком рассказывает английский философ Роджер Бэкон. Четвертая часть его «Большого сочинения» посвящена географическим вопросам. Так, Роджер Бэкон впервые вводит сведения Плано Карпини и Гильома де Рубрука в научный оборот, и на основе критического сопоставления новых полученных данных, дает географическую характеристику Центральной Азии [5, с. 120].

Так, произведение Гильома де Рубрука обрело свою популярность не только среди современников, но и среди последующих поколений. Например, видный немецкий географ конца XIX века Оскар Пешель назвал его «величайшим географическим шедевром Средневековья» [14, с. 345]. Труд Марко Поло «Книга о разнообразии мира» основан преимущественно на его личных наблюдениях, которые были дополнены рассказами встреченных им людей. Среди работ других европейских путешественников и географов, произведение Марко Поло бессомненно занимает исключительное место. Предположительно им была предпринята попытка воссоздания карты стран, далеких от Европы. Эту гипотезу можно доказать тем, что собранные им географические сведения охватывают обширные пространства: в направлении на север до Ледовитого океана, на восток до Японии и на юге до острова Мадагаскар. К примеру, даже о Персии у Марко Поло содержатся более достоверные сведения, нежели у древних авторов, хотя он был там всего лишь проездом. Здесь он обращает внимание на существование огромнейшей пустыни внутри Иранского плоскогорья. И конечно же, сведения о более северном сухопутном пути в Китай, полученные от отца и дяди, а также высокое положение на службе у великого монгольского хана позволяли ему собирать информацию касающуюся не только Восточной, но и Южной и Западной Азии. Помимо этого, он не ограничивает свои рассказы лишь собственными наблюдениями, а оставляет нам описания более далеких географических областей. Подробные, и как можно точные, насколько это ему удалось без знания китайского языка, сведения он собрал и об областях и городах Китая. Окруженный при дворе Хубилай хана уйгурами и мусульманами, не обошлось без влияния последних на восприятие некоторых географических названий, приводимых им в книге [2, с. 69–71]. Современная столица Китая – город Пекин, куда Хубилай перенес свою ставку, Марко Поло называет Ханбалык, что в переводе с тюркского означает «ханский город» [11, с. 124].

Здесь живёт «народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры» – именно так характеризует Марко Поло соседствующую с Китаем удельную Русь («Росию»). Называет он

её также обширной и холодной страной, простирающейся «до самого моря-океана», и имеющей большое количество правителей («царей») [11, с. 226].

В «Прологе» Марко Поло имеется упоминание Волги, однако называет он «Тигри», смешивая ее, скорее всего, с верхним Тигром. Такое ложное представление встречается и у некоторых других средневековых авторов. Однако в другом варианте текста «Книги», написанному в XVI в. можно вместо «Тигри» можно встретить название «Эрдиль», которое очень схоже с собственно тюркоязычным названием приволжских народов «Итиль» [11, с. 45].

За Волгой и к востоку от России, согласно Марко Поло располагаются владения «северного царя Канчи» [11, с. 225]. Вероятнее всего, он имел в виду территорию Западной Сибири, присоединенной к Монгольскому государству ещё благодаря Джучи в 1206 году, и управляемой его потомком.

«На север от Каракорона (Каракорума) и Алтая» простирается равнина «Баргу», где живет дикий народ Мекри (меркиты). Питаются они дичью, разводят оленей и подчиняются великому хану. Через сорок дней севернее от равнины находится «море-Океан», а в этом море на островах водятся соколы (кречеты). Как только хану понадобятся эти соколы, он отправляет своих людей туда [11, с. 92]. Основываясь лишь на этих данных, уже можно сделать вывод, что «море-Океан» это не что иное как как самое глубокое и чистое озеро в мире – озеро Байкал. Дальше за равниной «Баргу» находится малозаселенная страна, со скотоводческим народом чжурчженей. Здесь множество больших рек и отличных пастбищей, а название ей «Чорча», т. е. Маньчжурия [11, с. 84].

Таким образом, приведенные примеры географических описаний Марко Поло служили основной информацией для составления карт в XIV–XV веках. Например, в таких известных картах как Каталонская карта мира 1375 года, или в круговой карте Фра-Мауро 1459 года, встречается огромное количество географической номенклатуры, заимствованной из произведения Марко Поло.

Плано Карпини, Гильом де Рубрук и Марко Поло были не единственными путешественниками, посетившими восточные земли в XIII веке, однако оставленные ими отчеты оказали наибольшее влияние как на современников, так и на последующее поколение географов, историков, картографов и купцов. Например, английский философ Роджер Бэкон, лично встретившийся с Гильомом де Рубруком впервые вводит его сведения и результаты миссии Плано Карпини в научный оборот, и на основе критического сопоставления новых полученных данных, дает географическую характеристику Центральной Азии [4]. Работа Марко Поло также сыграла большую роль как в освещении азиатских областей, открытии сухопутного пути в Китай, так и в дальнейшем развитии европейской картографии. Генуэзский мореплаватель Кристофор Колумб, планируя своё путешествие к азиатским рынкам, в значительной степени полагался на географию Марко Поло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Том III. М.-Л., 1940. С.71–112.

2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России: лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском Университете СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 295 с.

3. Бубенок О.Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // RA. 2013. №2 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-mongolov-po-pereseleniyu-narodov-na-yuge-vostochnoy-evropy-vo-vremena-aleksandra-nevskogo (дата обращения 28.03.2025)

4. де Бридиа Ц. История Тартар // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, пер. с лат. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. С. 258–263.

5. Дитмар А.Д. От Птолемея до Колумба. М.: Мысль, 1989. 253 с.

6. Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых армянских источниках // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2019. №. 4. С. 117–134.

7. Жарко С.Б., Кондратенко А.А. Гильом Рубрук о Монгольской империи XIII века // Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі XX – пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23–24 кастр. 2019 г. Мінск: БДУ, 2019. С. 288–293.

8. Жарко, С.Б. Западноевропейские источники о военной тактике монгольской армии XIII в. // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка Мінск: БДУ, 2007. С. 75–79.

9. История монгалов, именуемых нами татарами / Иоанн де Плано Карпини. Путешествие в восточные страны / Введ. и примеч. А.И. Малеина. СПб.: А.С. Суворин, 1911. XVI. 224 с.

10. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами: пер. с лат. Досаев А.С. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 310 с.

11. Марко Поло. Книга Марко Поло. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 376 с.

12. Нечаев С.Ю. Марко Поло М.: Молодая гвардия, 2013. 288 с.

13. Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры Учебное пособие Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. 255 с.

14. Пиков Г.Г. Запад знакомится с Востоком. Представления средневековых европейцев о восточных народах. Учебное пособие. М.: Директ-Медия, 2020. 458 с.

15. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 272 с.

16. Радюль Г.В. Экспедиции европейцев на Восток в XIII–XIV вв. // Рэха мінуўшчыны: зб. навук. арт. / рэдкал.: А.С. Горны [і інш.]. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. С. 8–14.

17. Российская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Абрис/ОЛМА, 2020. 616 с.

18. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. I, Иркутск: Крайгиз, 1932. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Bacon_Roger/text2.phtml?id=1818 (дата обращения 28.03.2025)

19. Трепавлов В.В., Горский А.А. Посланцы папы римского в Монгольской империи // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. №3 (100) июль-сентябрь 2020. С. 17–28.

20. Фефелов А.Ф. Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе: учеб. пособие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 250 с.

21. Фоменко И. К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasledie-zolotoy-ordy-v-evropeyskoy-kartografii-xv-xviii-vv (дата обращения 28.03.2025)

22. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

23. Шишка Е.А. Монгольские завоеватели глазами европейцев 30–40-х гг. XIII века // Novogardia. 2020. № 3(7). С. 39–56.

24. Штайндорфф Л. Чужая война: Военные походы монголов в 1237–1242 гг. в хронике Фомы архидиакона Сплитского. Доклад на IV Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (29). М.: РФК-Имидж Лаб, 2007. С. 19.

25. Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 80.

Сведения об авторе: Регина Витальевна Малиновская – магистр педагогических наук, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби; учитель истории, Коммунальное государственное учреждение «Школа-гимназия №6» (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: gina.malinovskaya@gmail.com

GEOGRAPHICAL REPRESENTATIONS OF EUROPEAN TRAVELERS ABOUT THE EXPENSES OF THE MONGOLIAN EMPIRE

R.V. Malinovskaya
Al-Farabi Kazakh National University

The purpose of this article is to analyze the reports of European travelers and identify their ideas about the geography of the Mongol Empire. Particular attention is paid to the routes of their travels and a comparative analysis of toponyms. At the moment, we have many translations and publications of those same reports of travelers of the 13th century. Analyzing the notes of the editors of these publications, the article attempts to reconstruct the authors' ideas about the territory of the Mongol Empire. It is argued that European travelers of the 13th century made significant discoveries in the geographical knowledge of the regions of Central Asia that were part of the Mongol Empire.

Keywords: Mongol Empire, geography, territory, Plano Carpini, Guillaume de Rubruk, Marco Polo

Acknowledgments. I would like to express special gratitude for help in writing the article to Dr. Sci. (History), Professor Zhanat B. Kundakbaeva and my scientific chief – Cand. Sci. (History), Associate Professor Zere Maidanali.

About the author: Regina V. Malinovskaya – Master of Pedagogical Sciences of the Al-Farabi Kazakh National University; history teacher at the Municipal State Institution School Gymnasium №6 (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: gina.malinovskaya@gmail.com

УДК 94

ARTWORKS OF SULTAN AL-NASIR MUHAMMAD AND HIS EMIRS

Gamal Abdel Rehem Ibrahim Hassan
Cairo University

The article examines the history of the Mamluk Sultan al-Malik an-Nasir and his emirs (Kusun, Beshtak, Moghultai, etc.), who maintained close diplomatic contacts with the Golden Horde in the early 14th century. The overwhelming majority of Mamluk emirs who served under al-Malik an-Nasir came from the territory of the Golden Horde. The architectural monuments and museum collections that have survived to this day prove the existence of a rich spiritual and cultural life, and demonstrate the depth of interaction between the Golden Horde and Mamluk Egypt during that period.

Keywords: medieval history, Egypt, Mamluks, Sultan al-Malik an-Nasir Qalawun, Emir Kusun, architecture, decorative Islamic art

The diplomatic and cultural relations between the Golden Horde and Mamluk Egypt, established in the middle of the 13th century, are of great interest for understanding the socio-political history, as well as the history of science and literature, and the art of these two states. The monuments of architecture, material and spiritual culture that have survived to this day prove the existence of a rich spiritual and cultural life, and demonstrate the full depth of interaction between the Golden Horde and Mamluk Egypt.

The history of the emergence of diplomatic relations between the Golden Horde and Egypt is directly connected with the name of the Golden Horde Khan Berke and the Mamluk Sultan Baybars. In the early 14th century, diplomatic relations became stronger during the reign of Sultan al-Malik an-Nasir in Mamluk Egypt.

Sultan Al-Malik Al-Nasir Muhammad bin Qalawun, one of the most important sultans of the Bahri Mamluk dynasty. The first appearance of the Bahri Mamluks was during the Ayyubid dynasty, especially during the reign of Sultan Al-Malik Al-Salih Najm Al-Din Ayyub. The Ayyubids bought more Turkish Mamluks, building barracks for them on Rawda Island in Cairo. They renamed them the "Bahri Mamluks," which strengthened their power and increased their influence. They then had the opportunity to assume rule over Egypt.

The vast majority of the Mamluk groups brought by the Ayyubids and the Mamluk sultans who followed them came from the Golden Horde.

Al-Nasir Muhammad took over the rule of the country when he was nine years old after killing his brother, Sultan Al-Sharif Khalil. Therefore, the actual power of the country was concentrated in the hands of Prince Zain Al-Din Kitbugha, the deputy of the Sultanate, who began to pave the way for the foundations of the Sultanate, exploiting the young age of Sultan Al-Nasir Muhammad. He actually succeeded in deposing the young Sultan, and the Amir agreed on this, and Kitbugha became Sultan of the country in the year 694 AH / 1294 AD, and he was given the title of Sultan Al-Adil Kitbugha.

Kitbugha's sultanate did not last more than two years, so Amir Hussam al-Din Lajin was appointed as viceroy of the sultanate. During his reign, economic crises occurred that aroused public anger and hatred towards him. These crises included the decline of the Nile, high prices, famine, and the spread of epidemics. Kitbugha tried to alleviate this hatred but failed. Hussam al-Din Lajin took advantage of this opportunity and attempted to kill him, but he fled to Damascus.

Lajin seized power in 696 AH / 1296 AD. The Amir’s stipulated that he would not have a monopoly on his opinion and would not allow his Mamluks to rule over him. Lajin agreed and did his utmost to please the people, get closer to them, and sit with them. During his reign, the Nile rose, crops increased, and Amir’s fell, so the people loved him. Lajin soon disappointed the Mamluks, breaking his promises and ruling as he pleased. This angered the Amir’s, who got rid of him in 699 AH / 1299 AD.

The Mamluk Amir’s then agreed to restore Al-Nasir Muhammad to power for the second time. He was summoned and, after hesitation, he agreed. He was fourteen years old at the time. Al-Nasir Muhammad continued fighting the Mongols in the Levant. When he arrived there, the people of Damascus welcomed him as a victor. He then returned to Egypt. The people were optimistic about his arrival as Sultan and decorated his route until he ascended the Cairo Citadel. Despite this, Al-Nasir Muhammad was unable to stand up to the leading Mamluk Amir’s. Sultan Muhammad was fed up with the life he spent in the Citadel and realized that there was no point in overcoming the princes. Therefore, he considered escaping the Sultanate. He pretended to perform the Hajj pilgrimage and left Egypt, heading for the Hijaz via Karak. However, he had barely reached Karak in 708 AH / 1308 AD when he announced his abdication of the Sultanate. Baibars al-Jashnakir took over the sultanate after the se-

cond reign of al-Nasir Muhammad. He ruled for only one year, during which the situation was unstable. The Nile River sank and prices rose. The people hated him and demonstrated in the streets of Cairo demanding the return of al-Nasir Muhammad. When the situation worsened and chaos spread, he had no choice but to abdicate the throne. He wrote to al-Nasir Muhammad in Karak asking for forgiveness and to return to power, and he abdicated.

Al-Nasir Muhammad returned to power for the third time in 709 AH / 1309 AD. The people rejoiced at his return. He was twenty-five years old, but he left no influence to the Amir's and eliminated the corrupt among them. His reign lasted for thirty-two years, during which the country enjoyed peace and stability, as he was not involved in any external wars. His reign reached the peak of progress, prosperity, and development. Sultan Muhammad ibn Qalawun died in 741 AH / 1340 AD, and his sons and grandsons continued to rule this state until 784 AH / 1382 AD, i.e. for a period of forty years [5].

During the reign of Sultan al-Nasir Muhammad ibn Qalawun, he attempted to improve his relationship with the Qipchaq Mongols and married Princess Tulubia (sister of Uzbek Khan). When Azik Khan (37), leader of the Golden Horde, ascended the Qipchaq throne in 712 AH, he became known for his inclination toward Islam. Prince Qutlubugha, the Sultan's deputy in Central Asia, proposed to al-Nasir Muhammad a marriage proposal for al-Nasir to one of the Qipchaq Mongol princesses. After an exchange of messengers and gifts, Princess Tulubia arrived and he married her in Egypt. She died there, and she has a beautiful tomb and dome in the Mamluk cemetery [3, c. 116–125].

The reign of Al-Nasir Muhammad ibn Qalawun also witnessed an artistic and architectural renaissance and decoration of various buildings that is unparalleled in any other period of any other sultan of the Bahri Mamluk dynasty.

In Cairo alone, and in the Museum of Islamic Art and many international museums, there are many buildings and artistic masterpieces dating back to the era of Sultan Al-Nasir Muhammad and many of his princes [2, c. 136–139].

There is a college and mosque built by Sultan Muhammad 703 AH (1303AD) on Al-Muizz Street in the middle of Fatimid Cairo, distinguished by its diverse stone and Stucco decorations.

He also built a magnificent mosque inside the Cairo Citadel in the year 735 AH (1334 AD), distinguished by the presence of two minarets and a green dome of ceramic tiles influenced by those found in the countries of Central Asia, especially Tatarstan.

In the Mamluk cemetery, the dome and tomb of his wife, Princess Tulubia, in the 8th century (14AD), were decorated with various types of plant, geometric, and epigraphic decorations.

Al-Nasir Muhammad also has a large collection of artistic masterpieces in the Islamic Museum in Cairo and other museums that are distinguished by their magnificence and beauty and are unparalleled. Examples include a collection of glass lanterns decorated with multi-colored enamel that were placed in his mosque, as well as a beautiful collection of metal vessels that bear his name and titles, including basins, pitchers, vases, and incense burners. In addition to a variety of textile pieces [1, c. 205–209].

Cairo also contains architectural monuments and personal items of the most famous Emirs of Al-Nasir Muhammad, such as: Al Amir Qusun, Al Amir Qutalbugha, Al Amir Shaykhu, Al Amir Bashtak, Al Amir Sarghatmish, Al Amir Almas al-Hajeb, Al Amir Aqsunqur, Al Amir ltunbugha al-Maridani, Al Amir Qashtur. Al Amir Toghtasmur.Al Amir Ala al-Din Taybars. Al Amir Aqbugha Abd al-Wahid.

Emir Alaeddin Moghultai Ibn Abdullah al-Jamali, nicknamed Bakharz (Baharaz) in Turkic, means Rooster. He was from the Kipchak steppes, bought by the Sultan Malik an-Nasir Muhammad bin Qalawun, who freed him from slavery and sent him to serve his viceroy Emir Saram ad-din Ibrahim al-Ibrahimi in the month of Safar 718 AH. After some time, Sultan Nasir returned him to the palace and gave him various assignments and even entrusted him with his secrets. In the same year, he appointed him as the leader of the Hajj to the lands of Hijaz. After his return, the Sultan appointed him to the post of Ustadar. Moghultai performed his service well and in gratitude for this, Sultan Nasir sent Moghultai as the commander-in-chief of the army to suppress the rebels in Alexandria in 1327. After the harsh suppression of the uprising, his authority rose in the castle of Sultan Muhammad Nasir al-Qalawun. However, at the same time, he made many enemies among the emirs and the Sultan was forced to dismiss him from his post and Moghultai went to Hijaz. On the way back, he died in the town of Aqaba. (In Jordan). His body was brought to Cairo and buried in the khanaka he had built earlier. The madrasah and khanaka of Moghultai, built in the first half of the 14th century, have survived to this day. The madrasah built by Moghultai taught the Hanafi school, and next to it there is a Sufi khanaka whose founder and teacher was Sheikh Ala ad-Din Ali bin Osman at-Turkmani Hanafi, and then his son, Chief Justice Jamal ad-Din Abdullah Hanafi at-Turkmani, and then his son Sadr ad-Din Muhammad bin Abdullah bin Ali at-Turkmani Hanafi. Great experts in the Hanafi school taught in the madrasah. This madrasah was considered one of the best in Cairo at the time. It was maintained at the expense of the waqf [1, c. 205–209].

Al Amir Qusun., one of the most important Mamluks of Sultan Al-Nasir Muhammad bin Qalawun, had come to Egypt as part of a delegation from the land of Barkad in Bukhara (the land of the Mongol Khan located

between India, China and Russia) accompanied by Khawand, the daughter of Uzbek, whom Al-Nasir Muhammad bin Qalawun married in 1320 AD. He had with him merchandise from his country worth 500 dirhams and went around the markets of Cairo to sell his goods. Sultan Al-Malik Al-Nasir saw him and asked about him. One of the guards of the royal stable directed him to him. Sultan Al-Nasir was impressed by him and bought him. He was handsome, so the Sultan loved him and included him among his Mamluks. Over time, he made him a commander of a hundred soldiers and he reached the highest ranks in the royal palace when he was eighteen years old. The Sultan included him among his Mamluks, and later he made him a commander of a hundred soldiers and he reached the highest positions in the royal palace. Then the Sultan married him to his daughter, and he married his sister. As Al-Nasir's life was approaching, he made him guardian of his children. In the year 1327 AD, Sultan Al-Nasir saw in him strength and courage. Qalawun loved him and made him commander of a hundred soldiers. He then rose through the ranks in the royal palace. The Sultan then married him to his daughter and strengthened his position. He brought his brothers and relatives from the lands of Bukhari.

Qawsun to be the guardian of the throne and the supervisor of his son whom he chose to rule after him. Sultan Al-Nasir died in 741 AH, confident that Qawsun would return the favor. However, Prince Qawsun had another opinion and attacked Al-Mansur Saif al-Din Abu Bakr three months after his father's death. He sent him to prison and brought his younger brother and proclaimed him the successor to Al-Mansur Saif al-Din. His name was Al-Ashraf Alaa al-Din Kujak, and the Egyptians called him Alaa al-Din al-Saghir. Qawsun began to rule the country with all force and oppression. The Mamluk princes revolted and arrested him in 1342 AD during the reign of Sultan Ahmed bin Al-Nasir. The senior princes conspired against him out of envy and he was arrested and imprisoned in Alexandria where he died.

Among the surviving buildings in Cairo are the mosque, the palace, the dome, and the minaret. The Qaysun Mosque (known as Qaysun) is located on Muhammad Ali Street near the New Helmeya district, specifically in the Courtyard Alley near the Maghrabelin. It was built by the Grand Prince Sayf al-Din Qaysun al-Saqi al-Nasiri in 730 AH (1330 AD). Sultan al-Nasir Muhammad ibn Qalawun opened it for prayer. Al Amir Qaysun undertook the construction of this mosque on Ramadan 21, 730 AH.

The mosque was renovated and its courtyard and arcades rebuilt in 1893 during the reign of Khedive Abbas Hilmi II. The current courtyard is covered with a wooden dome. Ali Mubarak mentioned in the plans that a large portion of the Qawson Mosque was taken when Muhammad Ali Street was opened, including the waterwheel and the minaret. Ali Mubarak devised a plan to renovate the mosque and rebuild the destroyed parts while he was Minister of Endowments. The renovation work was not completed until 1893. The remains of the minaret disappeared with the expansion of Muhammad Ali Street in 1873. The Ministry of Endowments reconstructed it in 1893 under the supervision of Ali Pasha Mubarak. The ceramic artifacts that once illuminated the mosque also remain. The Islamic Museum houses a perforated brass oven, made of a polygonal shape with 12 sides and four tiers holding rows of candles. It took 14 days to make. Nothing remains of the original Qusun Mosque except the northern door, several stucco windows, decorations, and inscriptions recording the date of the mosque's construction and the name of the builder. On the left shoulder of the door is a sundial bearing the name of its maker, Ahmed al-Hariri, and the date of its construction (1383 AD).

The Palace: This palace is located near Salah al-Din Square, on Manakh al-Waqf Street, which branches off from Sultan Hassan Street in the Khalifa district. It was built by Prince Saif al-Din Qaytbay in 1238 AD and renovated by Prince Yashbak bin Mahdi in 1475 AD during the reign of Sultan al-Ashraf Qaytbay during the Mamluk era. He gave it his own name, and the names of Sultan al-Nasir Muhammad bin Qalawun and Prince Yashbak were inscribed on the main entrance. Most of the remaining parts now date from his era. Yashbak was not the last resident of Qaytbay Palace, as some sources mention. After him, it was inhabited by Prince Aqbardi bin Ali al-Dawadar, an employee of Sultan al-Ashraf Qaytbay's government.

Located on Bab al-Nasr Street in Gamaleya, it was built by Prince Saif al-Din Qawsun al-Saqi al-Nasiri in 1341. Only the stone entrance remains, centered on a door opening covered by a large, devoid of decorations. The inscription above the entrance is inscribed with the following phrase: "In the name of God... This blessed inn was built by the noble and exalted Qawsun al-Saqi al-Nasiri, may God perpetuate his glory". The entrance lintel is made of granite and was transferred from an Egyptian temple. It contains clear Egyptian inscriptions, making it the largest transferred piece of granite containing Egyptian inscriptions in Islamic architecture in Cairo.

The Dome and Minaret: Al-Maqrizi mentioned this in his plans. It has been destroyed, and only the dome and the large or central minaret remain west of the shrine of Sheikh Jalal al-Din al-Suyuti outside Bab al-Qarafa in the Khalifah district. The dome is one of the important domes and is in the style of the Mamluk Bahri domes. It is distinguished by its lobed helmet and is decorated on the western facade with wonderful plaster decorations and a Quranic inscription band that circles the square of the dome from the outside. As for the minaret, it is in the style of the Mamluk Bahri minarets of Cairo, which are distinguished by a top in the shape of an incense burner or a polygonal dome [4, c. 497].

The architecture and museum collections of Cairo during the Mamluk era are of interest not only as historical landmarks, but also as a source of information on the history of Egypt and the entire Muslim East. The surviving artifacts are unique examples of writing, contain information about historical figures and important events of the past.

REFERENCES

1. Гамаль Абдель Рехем И.Х. Музейные коллекции Каира, отражающие связи мамлюкского Египта с Золотой Ордой // Оазисы Шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума и круглого стола / Составитель и отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань, 2020. С. 205–209.

2. Гамаль Абдель Рехем И.Х. Шелковый путь и его роль в распространении исламских названий (титулов) в архитектуре и искусстве мамлюков египта // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции "Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция". М., 2018. С. 136–139.

3. Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125

4. Al-Maqrizi. A book of teachings and edifications in the story of neighborhoods and monuments. Cairo: Kitab al-Madbuli, 1998. Vol. 3. 832 p. (In Arabic)

5. Al-Maqrizi. Kitab as-suluk li magrifat duval al-mamlyuk. Cairo, 1936. Vol. 3. 566 p. (In Arabic).

About the author: Gamal Abdel Rehem Ibrahim Hassan – Ph.D., Professor at the Faculty of Archaeology, Cairo University (Cairo, Egypt). E-mail: gamalarch@hotmail.com

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО МАМЛЮКСКОГО СУЛТАНА АН-НАСИРА МУХАММАДА И ЕГО ЭМИРОВ

Гамаль Абдель Рехем Ибрагим Хасан
Каирский университет

В статье рассматривается история мамлюкского султана ал-Малика ан-Насира и его эмиров (Кусуна, Бештака, Могултая и др.), поддерживавших тесные дипломатические контакты с Золотой Ордой в начале XIV века. Подавляющее большинство мамлюкских эмиров, служивших при ал-Малике ан-Насире, прибыли с территории Золотой Орды. Сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры, музейные коллекции доказывают существование насыщенной духовной и культурной жизни, демонстрируют всю глубину взаимодействия Золотой Орды и Мамлюкского Египта в тот период.

Ключевые слова: средневековая история, Египет, мамлюки, султан ал-Малик ан-Насир Калавун, эмир Кусун, архитектура, декоративное исламское искусство

Сведения об авторе: Гамаль Абдель Рехем Ибрагим Хасан – Ph.D., профессор факультета археологии, Каирский университет (Каир, Египет). E-mail: gamalarch@hotmail.com

УДК 930(517)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ САРАЙСКОЙ ЕПАРХИИ В XIII–XIV вв.

Т.В. Жданова
Гимназия № 7 им. В.М. Воронцова

В работе рассматриваются основные функции Сарайской епархии в сложившейся к концу XIII века политико-культурной системе: Русский мир – Золотая Орда – Византийский патриархат; эволюция функционала в процессе развития государственности Золотой Орды и русско-ордынских отношений. Так же делается попытка реконструировать характерные черты духовно-нравственной жизни православного населения Золотой Орды XIII–XIV вв. и влияние проповедей и литературного наследия сарайского духовенства в русских землях. В качестве источников исследования использованы памятники древнерусского канонического права, непосредственно связанные с Сарайской епархией, обращенные к ее жителям и населению рязанско-ордынского пограничья, а так же агиографическая литература XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Сарайская епархия, Золотая Орда, Русская (Владимирская) митрополия, Константинопольский патриархат, агиографическая литература, памятники канонического права, русские княжества в XIII–XIV веках, миссионерство, средневековые еретические учения

Сарайская епархия в силу уникальности своего географического положения и политического статуса занимала особое место в русском православном мире. Ее становление началось на 60–70-е годы XIII века, в течение XIV – первой половины XV века ей приходилось действовать в условиях усиливающейся исламизации Золотой Орды, дальнейшее же ее существование связано с Крутицким подворьем в Москве.

История знает немало примеров административно-юридического функционирования христианских церквей при власти иноверцев, но нельзя не брать в расчет тот факт, что окормлять сарайским священнослужителям приходилось не местное, коренное население, проживавшее веками на данной территории, устойчивое, со сложившимися общинными традициями, а разрозненную паству, волею судьбы прибывшую в Золотую Орду из разных земель. В одном приходе могли оказаться представители Рязанщины, Черниговщины, Смоленщины и т.д. К ним же добавлялись вновь обращенные. Паства могла быть кочующей или временно прибывать на территории Орды (например, княжьи дружины и купечество). Все это не могло не наложить отпечаток на характере взаимоотношений духовенства с мирянами и создать особый духовно-нравственный климат в епархии, который требует тщательного изучения в силу своей уникальности. Неоспоримо, что основной функцией Сарайской епархии было окормление православного населения Орды, однако это не исключало и других функциональных обязанностей и целей.

Требует прояснения и миссионерская деятельность сарайского духовенства. Появление в евразийском пространстве XIII века новой могущественной политической силы и формирование государственных образований под руководством Чингизидов, изначально базирующихся на традиционных языческих верованиях, породило у многочисленных конфессий как христианского, так и исламского толка надежды на обращение язычников в новую веру. Круг предпринимаемых духовенством разных конфессий акций был широк: это и организация посольств, и активная работа с монгольской элитой, и попытки закрепиться у престола новых завоевателей.

А что же православная церковь, паства которой оказалась в подконтрольной зоне молодого степного государства? О миссионерской деятельности православной церкви, и, в частности, новообразованной на территории Золотой Орды Сарайской епархии в историографии ведется активная дискуссия. Входило ли в функциональные обязанности Сарайского епископа проводить деятельную миссионерскую политику, ставили ли перед ним такие задачи Константинопольский патриархат и Владимирская митрополия? Каковы масштабы обращения населения Золотой Орды в православную веру? Можно ли выделить этапы миссионерской активности православной церкви в данном регионе?

Требует прояснения и политический функционал сарайских епископов. Какова роль сарайского иерарха в треугольнике политических взаимоотношений: Русский мир – Золотая Орда – Византийский патриархат? Кто был более заинтересован в создании епархии? Как часто сарайские епископы выполняли дипломатические функции? Так же невыясненным является масштаб ставропигии сарайских приходов и воздействия на них непосредственно Константинополя.

Кроме фрагментарных летописных сведений о деятельности сарайских иерархов, к числу письменных источников, проливающих свет на реконструкцию жизни православного населения Золотой Орды,

можно отнести: «Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста» [18, с. 129–140]; «Грамоту митрополита Феогноста на Червленый Яр» [6, с. 164–167]; «Грамоту митрополита Алексия на Червленый Яр» [5, с.168–172]; «Поучение владыкы Матфеа Сарайского г детем моим» [25, с.73–74]; «Повесть о Петре. Царевиче Ордынском» [28, с.20–37], «Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском» [20, с.16–27].

Для того, чтобы разобраться в круге очерченных проблем, необходимо изначально обратиться к мотивам создания Сарайской епархии. Она была основана в 1261 г. Вновь образованная епархия получила в окормление и территории Переяславской епархии, сильно пострадавшей при Батыевом нашествии.

Вопрос о мотивах создания новой епархи интересовал уже дореволюционных историков. Н.А. Соловьев в работе «Сарайская и Крутицкая епархия» 1894 г. инициатором создания епархии называет Александра Невского [32, с.3]. Н. А. Клепинин главным инициатором указывал митрополита Кирилла, сделавшего это ради русских пленников, исследователь называл это главным делом митрополита [10, с.78].

Филарет Черниговский (Гумилевский), а следом за ним и советские историки Б.Д. Греков и В.В. Мавродин считали главным мотивом создания Сарайской епархии – обслуживание уведенных в Орду русских пленников и сохранявшееся древнерусское население нижнего Дона, Приазовья и Северного Кавказа [36].

Митрополит Макарий видел в новой епархии возможность выкупать православных пленных в Орде [15, с. 18], его мнение через столетие поддержал В.Л. Егоров, отдавая инициативу создания Александру Невскому [8, с. 57–58].

Голубинский Е.Е. выдвинул идею, что инициатива создания Сарайской епархии принадлежала хану: «*но со всею вероятностию должно объяснять себе дело не так, чтобы митрополит просил… а так, что сам хан потребовал от митрополита, чтобы к нему назначен был представитель русской веры в лице епископа*» [4, с. 41]. Так же сарайские владыки могли выполнять дипломатические функции и поставлять в русские земли какую-либо информацию [4, с. 60].

С трактовкой Голубинского о роли хана в образовании епархии солидарен А.Н. Насонов. По мнению Насонова в образовании Сарайской епархии был заинтересован прежде всего хан. Сарайский епископ выступал как «*доверенное лицо хана… которому в качестве представителя русской иерархии было поручено непосредственно сноситься с Византией*» [17, с.45]. Митрополит же Кирилл, по мнению исследователя, не мог выступать в такой роли, так как уже был доверенным лицом Даниила Галицкого.

В.Т. Пашуто тоже отмечал высокую заинтересованность ханов в особой епархии: Сарайская епархия позволяла Золотой Орде контролировать русско-византийские церковные отношения [22, с.274–275]. Солидарны с Насоновым и Пашуто такие исследователи, как А.П. Григорьев [7, с. 58–61], А.И. Плигузов и А.Л. Хорошкевич [27, с. 121].

М.Д. Полубояринова видела комплекс причин для создания епархии: это и наличие русских пленных, нуждавшихся в утешении, и желание ханов использовать сарайских епископов для дипломатических контактов с Константинополем, так же исследовательница добавляет, что Сарайская епархия могла стать источником сведений для русских князей и духовенства об обстановке в ставке хана [24, с. 24].

Н.А. Охотина отмечает важность епархии как для русских земель, так и для Орды [19, с. 76]. Шенников А.А. в исследовании, посвященном истории географической локации Червленому Яру, выдвинул главной функцией Сарайской епархии – разведку обстановки в Орде [37, с. 9].

На основную цель Сарайской епархии – «окормление христиан» указывает Ю.В. Селезнев в статье «Иноконфессиональное население Улуса Джучи», отмечая: «*Необходимость частого и долгого пребывания православных христиан в ставке ордынского правителя и его столице – городе Сарай – привел к учреждению в 1261 г. Сарайской епархии. В задачи новой епархии входило попечение о православном населении, находившемся в степях между Днепром и Волгой, а также в самой столице государства. Другим фактором, требовавшим учреждения особенной епархии на территории степных владений Орды, было присутствие непосредственно на землях кочевых улусов значительного числа русского православного населения, выведенного сюда в качестве пленников после завоевательных походов. Их число и состав пополнялись после различных вторжений на территорию русских княжеств*» [29, с. 311].

Об изначально тесной связи Сарайской епархии и Византии отмечалось в работах В. фон Шелиха [2, с. 83–90] и В.В. Степкина: «*Хотя формально Сарайская епархия находилась в ведении русской митрополии с момента своего создания, целый ряд факторов свидетельствует о том, что инициатива учреждения сарайской епархии исходила скорее от Византии, чем от Руси… В этом контексте важно обратить внимание на дату образования епархии – 1261 г. В этом году произошло падение Латинской империи, и Константинополь вновь стал столицей Византии. Политическим следствием этого было формирование антивизантийской коалиции на Западе, что в свою очередь толкало Византию к упрочнению связей с Востоком*» [34, с. 17–23].

Перечисленные исследователи не видели среди возможных целей новой епархии распространение православия в ордынских землях. Тем не менее уже Е.Е. Голубинский отмечал: «*Если не во все время господства над Россией, то по крайней мере до тех пор, пока оставались язычниками, ханы дозволяли епископам сарайским обращать своих татар в христианство*» [4, с. 41].

На возможную миссионерскую функцию сарайского владыки обратил внимание А.Б. Малышев. Он в качестве одной из причин образования называет упрочение положения православной церкви в монгольском обществе посредством проповеди и привлечение на русскую службу крестившейся ордынской знати [14, с. 15]. Отчасти разделяет точку зрения Малышева исследователь Р.А. Соколов. В работе «Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в.» Соколов отмечает: «*Привлечение же монгольских кадров на службу в Русь, конечно имело место, но едва ли принималось во внимание при организации епархии, хотя и становилось естественным результатом миссионерской деятельности сред кочевников, которая, безусловно, получила новый импульс с появлением архиерея в татарской столице*» [31, с. 86–87]. По мнению Соколова «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» содержит свидетельства «*действенности проповеди русского духовенства*» [31, с. 86–87] и существования в Ростове целой группы населения, состоявшей из бывших ордынцев, принявших православие.

Более ранний исследователь М.О. Скрипиль видел в повести лишь попытку обоснования статуса родов ордынского происхождения, которые прежде всего из политических соображений приезжали в русскую землю: «*Память о родоначальниках этих обрусевших фамилий нередко окружалась благочестивыми легендами, которые в глазах древнерусского общества должны были возместить их нехристианское происхождение. Переход «царевичей» на службу к московским князьям истолковывался в этих легендах как следствие воли провидения; сами же «царевичи» оказывались избранниками божьими. Так в конкретных исторических и территориальных условиях складывалась особая разновидность генеалогической легенды*» [30, с. 350–357].

На наличие миссионерского направления в деятельности Сарайской епархии, по крайней мере в ранний период своего существования, указывает и М.В. Карагодина, ссылаясь на упоминание в статьях «Ответов константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста» обращения в православие несториан, яковитов и татар [11].

На этот же источник ссылается и Р.А. Соколов, отмечая строку «*о возможности обливания во время крещения при отсутствии достаточно большой купели*» [31, с. 114]. По мнению исследователя три поездки Феогноста в Константинополь в качестве дипломатического посредника позволили епископу приблизиться к ханскому окружению и помогли расширить миссионерскую деятельность в епархии.

Развивая свою позицию, Соколов приводит еще один аргумент в пользу миссионерства православной церкви, ссылаясь на «Грамоту митрополита Алексия на Червленый Яр». Она «*содержит указание, которое может быть истолковано как свидетельство того, что многие жители этой области были крещены уже в сознательном возрасте. Митрополит как бы напоминает об этом важном событии в их жизни: «Да возлюблени будете отъ Христа, исполнивайте заповеди Его: имете веру праву къ Святой Единосущной Троице, въ ню же крестится…*» [31, с. 144].

Полностью отрицает миссионерскую деятельность Сарайской епархии Т.Р. Галимов. В работе «Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.)» Галимов отмечает, что и Сарайская епархия, и вся Русская митрополия не занимались непосредственно массовым миссионерством, случаи крещения были единичными, в основном это татарская знать, непосредственно политически связанная с русскими землями. Так же Галимов ссылается на скудость археологических данных, способных подтвердить активную деятельностью православной церкви в регионе [3]. С выводами Т.Р. Галимова можно частично согласиться. Эпизод в «Повести о Петре, царевиче Ордынском» с проповедью епископа Кирилла Ростовского пред ордынским ханом не может служить достоверным источником, поскольку обрисованные в повести сопутствующие обстоятельства с исцелением ханского родственника мы видим и в других источниках, например в «Житии митрополита Алексия», что придает всей истории характер вставки-клише, принятой в агиографической традиции того времени. А значит мы не можем доподлинно утверждать, произносил ли проповеди епископ Ростовский в Орде пред ханским окружением.

Для проведения широкомасштабной миссионерской деятельности, кроме воли самих священнослужителей, их жертвенного подвига, необходима политическая воля государства, обеспечивающего тыл. Православное миссионерство на восток стало приносить плоды только после укрепления Московского государства. Сама же Золотая Орда не была заинтересована в проведении данной политики, тем белее после принятия ордынской верхушкой ислама. Но и полностью отрицать какие-либо пусть и робкие попытки на раннем этапе существования епархии все же нельзя. Об этом, как заметил Р.А. Соколов свидетельствует упоминание обливания при крещении в «Ответах константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста». Феогност собрал требующие разъяснения и наиболее актуальные вопросы церковной практики, недаром ответы на них неоднократно переписывались русским ду-

ховенством и были востребованы. Отсутствие большой купели для обряда говорит и о том, что креститься приходили взрослые люди, а также о том, что духовенство перемещалось по епархии, так как, если бы крещение происходило только в Сарае, такую купель можно было создать на месте, и вопрос с обливанием не возник бы.

Т.Р. Галимов, приводя в пример католическую миссию на территории Крыма, отмечает: «*Следы аналогичных православных миссий ни в Сарае, ни в каких-либо иных центрах ордынской державы в письменных источниках никак не прослеживаются*» [3, с. 21]. Однако это не совсем так, в «Повести о Михаиле Ярославиче Тверском» есть сведения о развитой христианской общине в двух географически отдаленных друг от друга городах, названных в источнике «Мжачары» и «Бездеж». О пребывании тела князя в Мжачарах «Повесть» говорит: «*И тамо, слышаша, гости, знаеми ему, хотеша прикрыти тело святаго с честию плащаницами многоценными и съ свещами преславно въ церкви поставити*» [20]. То есть там существовало церковное здание, которое посещали православные купцы. Мжачары принято ассоциировать с Маджары, располагавшимся на месте нынешнего Будённовска. И если здесь можно возразить, что христианство на Северном Кавказе было задолго до образования Золотой Орды и не являлось заслугой Сарайской епархии и русского православного духовенства, то вот пребывание тела князя-мученика в Бездеже – прямое свидетельство расширения православия на Волгу. Городище Водянское – предположительно город Бельджамен находится на правом берегу Волги в Волгоградской области [9]. Вот что пишет «Повесть о Михаиле Ярославиче Тверском»: «*И оттоле его повезоша к Бездежю, и яко приближающимся имъ къ граду и мнози видевше из града около саней святаго множество народу съ свещами, инии же на конехъ с фонари на воздусехъ ездяще. И тако привесше въ град, не поставиша его во церкви, но въ дворехъ стрежахутъ его*» [20]. То есть храмы в городах Золотой Орды были. Кто был их основной паствой – русское население или вновь-обращенные сказать трудно, так на Водянском городище найден обширный «русский квартал», жители которого могли быть прихожанами упомянутого в источнике храма.

Безусловно на раннем этапе взаимодействия русского православного мира с ханами и ордынской знатью (до исламизации элиты) отдельные попытки обращения делались, этого нельзя отрицать, проповедь велась, но очень осторожно, с оглядкой, массовой эту деятельность все же назвать нельзя. И дело не только в том, что духовенство своей настойчивостью боялось повторить судьбу Михаила Черниговского и его боярина Федора, а в сложной дипломатической игре – излишнее давление на ордынскую элиту могло поставить под удар само существование Сарайской епархии и ее многочисленных функций у ханского престола.

Круг политических функций Сарайских епископов был крайне широк. Уже первый епископ Митрофан по мнению Г.В. Вернадского участвовал в составлении ярлыка русской церкви и гарантировал Менгу-Тимуру, что все духовенство будет молиться за семью хана, а «*если кто-то из священнослужителей будет молиться с затаенной мыслью, то он совершит грех*» [1, с.173]. Преемник Митрофана Феогност вел активную дипломатическую деятельность. Он трижды из Сарая ездил в Константинополь, как по церковным делам, так и выяснить для митрополита Кирилла обстановку в Константинополе, узнать состояние церковного конфликта, порожденного Лионской унией, так же Феогност доставлял подарки и документы от Менгу-Тимура императору и патриарху (в это время хан пытался установить прямую дипломатическую связь с Египтом, при поддержке Константинополя) [1, с. 174]. В качестве посредников сарайские епископы выступали и во внутри-русских делах, так в 1296 г. Измаил Сарайский вместе с Симеоном Владимирским участвовал в примирении великого князя Андрея Александровича с Иваном Переяславским, Даниилом Московским и Михаилом Тверским.

Очертим духовно-нравственные аспекты существования Сарайской епархии. С какими проблемами духовного и обрядового содержания сталкивались православные священники на территории Золотой Орды хорошо иллюстрируют уже упоминаемые нами выше «Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста» дотируемые 1276 годом. Памятник был опубликован в VI томе «Русской исторической библиотеки» в 1880 г. со списка XVI века [18, с. 129–140], сохранился так же в греческом подлиннике. Греческий вариант имеет 15 статей, русские редакции от 10 до 33. А.С. Павлов [21], а за ним и М.В. Корогодина сделали вывод: «*Это означает, что при переводе текст дополнялся и далеко не все вопросы действительно принадлежат Сарайскому епископу и отражают реалии 70-х годов XIII века*» [11]. Тем не менее характер и круг проблем, интересовавших в конце XIII века православное духовенства Сарая, можно отчетливо проследить.

По поводу мотивов обращения сарайского епископа к патриаршему собору в научных кругах тоже ведется дискуссия. Так Т.Р. Галимов ставит вопрос: «*Насколько точно заданные Феогностом вопросы и присланные рекомендации и советы отражали каноническую ситуацию в Сарае?*» [3, с. 149]. Исследователь видит в обращении к Константинополю прежде всего политические мотивы сарайского духовенства, он рассматривает список вопросов как попытку сарайского епископа вырваться из-под контроля русского митрополита: «*Дело в том, что Феогност, как и его кафедра, если верить церковной историографии, был*

подчинён митрополиту Кириллу. В итоге следовало бы ожидать того, чтобы епископ обратился к своему первосвятителю. Однако вопросы были направлены непосредственно патриарху. Впрочем, настораживают и заданные вопросы. Они таковы, что наверняка могли быть легко разрешены как самим Феогностом, так и местным церковными иерархами, не представляя чего-то экстраординарного. Однако сарайский святитель предпочёл отписать письмо в Константинополь, что указывает, что перед нами, скорее всего, нечто большее – дипломатическая интрига, в которой канонические затруднения были лишь поводом для установления и поддержания прямых контактов с патриаршим престолом» [3, с. 149]. Таким образом Галимов считает, что епископ решал исключительно политические задачи, общаясь по поводу обрядовой практике с патриаршим собором.

На особую связь Сарайской епархии с патриархатом указывали и другие исследователи. Лаврентьевская летопись имеет запись: «*В лето 6769… Того же лета постави митрополит епископа Митрофана Сараю*» [13]. Именно на основании этой записи принято относить Сарайскую епархию к ведению русской митрополии, но не все так однозначно. О влиянии на земли Нижнего Подонья именно патриархии говорится в работе Ю.В. Сочнева: «*Сохранился акт Константинопольского патриархата 1356 г., из которого видно, что священники, служившие на территории Нижнего Дона, вошли в конфликт с митрополитом Аланийским, отказываясь ему подчиняться*» [33, с.178]. По мнению Ю. В. Сочнева, этот факт косвенно подтверждает, что храмы данных священников имели непосредственное подчинение Константинопольскому патриарху, подобно некоторым монастырям Крыма. Сам Сочнев отмечает: «*Константинопольские патриархи практически постоянно остро нуждались в дополнительных средствах и охотно подчиняли себе отдельные церковные округа и даже отдельные храмы и монастыри, используя церковно-правовые институты экзархата и ставропигии*» [33, с. 178]. Проводя параллель, можно, с долей условности предположить, что такие ставропигиальные приходы могли быть и в XIII в. на территории Сарайской епархии.

Безусловно, особый статус молодой епархии, ее удаленность от русских земель, окормляемых митрополитом Владимирским, и тесная связь с патриархатом, усиливали тенденции к сепарации, но вместе с тем, на наш взгляд, нельзя в обращении Феогноста к экспертному мнению константинопольских иерархов видеть только политические мотивы. Текст широко разошелся по территории русских земель, неоднократно переписывался, расширялся, то есть проблема единообразия обрядов в Русской митрополии существовала. Так же вопросы епископа носят не только общий практико-утилитарный характер, но и содержат региональную специфику, то есть у епископа действительно могли возникнуть затруднения, разрешить которые мог только наиболее авторитетный источник.

Сарайским епископом ставится много вопросов по обрядовой стороне: «*В киа дни подобает и в годы читать святителю евангелие?*» «*Коликожды подобает измолвить молитвы, крещающе человека?*» «*Петь ли в великий пяток службу?*» «*Достоит ли двумя агнцеми служить?*» [18] Многочисленные уточняющие вопросы свидетельствуют о стремлении к унификации обрядности и борьбе с расхождениями, возникшими очевидно при смешении в Орде православных народов.

Из характера вопросов и ответов можно наблюдать и кадровый голод, то есть недостаточное количество духовенства, необходимого для окормления паствы. Так: «*Аще приключится человеку в велицей болести, а восхощет в чернецы, а не будет игумена, лзе ли епископу постричь его?*» И ответ: «*Не токмо епископу, ино и попови и диаконови; аще не будет попа и диакона, а при смерти, да и причетник постижет*». Вопрос: «*Аще будет нужа при смерти, а не будет святителя, ни попа, ни диакона, а будет дьяк, лзе ли ему крестить?*» и ответ: «*Не будет святителя, ни попа, ни диакона, а будет диак причетник, да и тому подобает крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа*». Митрополит Макарий (Булгаков), анализируя источники раннего христианства, отмечал, что диаконам дозволялось иногда крестить, по примеру св. Филиппа-диакона *(Деян. 6, 5; 8, 12. 13. 38);* но дозволялось только в случаях крайней нужды, за отсутствием епископа и пресвитера. А самим диаконам право крестить никогда не принадлежало – «*диакон… не совершает Крещения*», – говорится в постановлениях апостольских. «*Диаконам, по чиноположению церковному, не предоставлено совершать какого–либо таинства, а только служить при совершении*», – замечает так же св. Епифаний [15, с. 73–74]. Сарайский епископ счел своим догом это уточнить у патриарха, так как практика крещения дьяками не была распространена, а потребность в этом очевидно в епархии имелась.

Обращает внимание вопрос епископа Феогноста: «*Аще поп на рати человека убиет, лзе ли ему потом служить?*» Дореволюционный профессор А.С. Павлов, анализируя редакции источника, упоминает: «*В подлиннике (греческом): τοῦτο κεκωλυμένον παρὰ τῶν κανόνων ἐστί (гл. 12; ср. Σύνταγμα τῶν κανόνων IV, 191; V, 49) «Се удержано есть святыми канонами». Но замечательно, что во всех наших списках, за исключением Ундольского и Кирилловского № 2, читается: «неудержано есть святыми каноны». В виду большинства и сравнительной древности списков, представляющих это чтение, нужно допустить, что оно было первоначальное и что настоящий ответ… в славянском переводе приспособлен к исключительным обстоятельствам Сарайской епархии. Окруженная со всех сторон дикими кочевниками, и сама ко-*

чующая, она была в буквальном смысле воинствующей церковью и, при крайнем недостатке в лицах, способных к принятию священства, нуждалась в смягчении канонической строгости относительно священников, которые брались иногда за оружие. В Строевском списке антиканоничность ответа сглажена чрез изменение вопроса: «Аще пономарь человека убиет, лзе ли ему со попом служить?». В основном списке ответ был заклеен» [21].

На наш взгляд А.С. Павловым сделаны были неверные выводы. Во-первых, Сарайскую епархию никак нельзя назвать «воинствующей церковью», никаких боевых действий с участием православных священнослужителей на территории Золотой Орды зафиксировано не было, как неизвестны и факты сопровождения ханских войск православными священниками в боевых походах. Во-вторых, первоначальный текст для епархии был составлен на греческом языке, и именно он прибыл в Сарай, а в нем содержится категорический запрет. Скорее русские переводчики при попадании текста «Ответов» уже в русские земли, изменили его изначальный смысл, исходя из русских же реалий XIII–XIV веков, где при разорительных набегах и усобицах горожане, в том числе и священнослужители, вынуждены были браться за оружие, а также духовенство сопровождало княжеские войска в походах.

Но кадровый голод в епархии безусловно присутствовал. Недостаток служителей в храмах и ограниченная возможность совершить таинство четко прослеживаются в мягком отношении к невенчанному сожительству. Имеется вопрос: «*Аще невенчальная жена по мужни смерти, аже будет чисто житие, или в черницы ся постриженет, лзе ли ей печь просфоры, или ни?*» Ответ: «*Аще покаяние прияла будет отцом духовным и стара, достоит ей печь*» [18]. Рубеж XIII–XIV веков отмечен активной борьбой за внедрение среди русского православного населения венчанных церковных браков. Так в одном из своих посланий митрополит Петр высказывает священнослужителям: «*живущего с женою без церковного венчания, не запрещаете, то есть не отлучаете от святого причащения. Если так поступаете вы, то какой успех вашего пастырства?*» [26]. В ответах же патриарха Феогносту мы видим крайнюю степень лояльности к пребывающим вне церковного брака, но посещающим церковь, это можно объяснить только слабым распространением обряда венчания в епархии.

Обратимся теперь к грамотам митрополитов к жителям Червленого яра, дотируемых XIV столетием. Поскольку после разгрома рязанского княжества Батыем долгое время рязанской епархии не существовало, то православные жители Среднего Подонья подпадали под окормление соседней Сарайской епархии, что в будущем вылилось в длительный спор между сарайским духовенством и возрожденной Рязанской епархией. Одной из причин отстранения митрополитом Петром от Сарайской кафедрыв 1313 г. епископа Измаила и замена его на Варсонофия исследователи называют упорное нежелание сарайского духовенства отступиться от Червленого Яра.

Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр, датируемая между 1333–1353 гг. из духовенства упоминает игуменов и попов. Преследуя цель – разобраться в юрисдикции над Червленым Яром, она не носит назидательного характера и содержит только стандартную вставку в начале текста: «*Молюсь Богови, да будете душей и телом добры, здоровы, и да сполнивали бы есте заповеди Божьи, имели бы есте любовь к ближнему своему и ко всем милостыню по силе, правду, целомудрие, исповедание грехов своих, да наследники бесконечного царства Божьего будете*» [6]. Тогда как более поздняя грамота митрополита Алексия (ок. 1360 г.) не только обосновывает справедливость решения в пользу Рязанской епархии, но и выступает поучением и содержит развернутую проповедь, а также евангельские цитаты.

В грамоте митрополита Алексия нет упоминания о игуменах, но к попам добавлены дьяки. Отсутствие упоминания игуменов в адресатах послания не говорит о прекращении монастырской жизни, так как чуть ниже митрополит призывает: «*А священников и мнихов любите*».

Алексий так же перечисляет каких пороков следует опасаться: «*Того ради, дети, сотворяйте дела светла; всяка бо злоба и горесть, и ярость, и гнев, блуд и прелюбодейство, обида и зависть, убийство и пьянство да отымется от вас*» [5]. Среди упоминаемых грехов нет идолопоклонства, оно содержится только во вставленной цитате из апостола Павла в ряду других греховных деяний, осуждаемых апостолом.

Особо выделяет митрополит Алексий уважительное отношение к представителям церкви: «*К церквам всегда прибегайте, с женами и с детьми, и что имеете в руках, приносите к церквам и к святым. А священников и мнихов любите и просите молитвы их*».

Упоминаются категории экономически наиболее уязвимых слоев: «*вдовиц, и сирот, и полонянников, и странных милуйте и призирайте*». Есть упоминание о темницах, в которых следует навещать томящихся. Можно было бы сделать поспешный вывод, о том, что «полонянники» и «темницы» косвенно свидетельствуют о развитой административной системе, распределяющей полон и карающей заключением, но подобный набор добродетелей можно встретить в трудах многих духовных лиц, например, в «Поучение митрополита Петра духовенству»: «*В церковь прибегнете, от имения дар приносите Богу на очищение грехов своих; яже о Бозе священников любите, и мнихов любите и чтите, убогих милуйте, – вдовиц и сирот, и плененных и в темницы*» [26]. То есть данная форма закреплена традицией духовных посланий.

В послании митрополит Алексий развернуто обосновывает свою духовную власть и вопрошает: «*Вы же, как то и время являет, что моих слов и моего поучения не слушаете, но исполниваете волю телесную и дела темные, а слова моего не слушаете. Не ведаете ли, что всей русской земли владыки под моею властью суть и в моей воли? И аз их ставляю от благодати Пресвятого Духа*» [5]. Такая острая обличительная речь, с перечислением статусных позиций митрополита, упоминание его власти как владыки «всей русской земли», намекает либо на византийское влияние в Сарайской епархии с ее тяготением к ставропигиальному статусу, либо на наличие влияния иных христианских конфессий в этом регионе.

Обращают внимание и слова митрополита Алексия: «*Такоже и подана власть владыке вашему: вы пак как его слов не приимаете, но странных пастухов приимаете; и как то видится, несте от паствы истинного пастуха Христа, но противного духа*». Кто эти «странные пастухи» (странствующие проповедники) не уточняется, но они явно не входят в число благословленных митрополитом Алексием. То есть к жителям Червленого Яра, окраинной территории между Золотой Ордой и русскими землями, являются некие духовные лица, и их появление тревожит Русского митрополита.

Видится сомнительным утверждение Р.А. Соколова, что в послании Алексия содержатся данные о крещении взрослых жителей Червленого Яра. Во-первых, при наличии большого количества вновь обращенных остро стояла бы проблема двоеверия и идолопоклонства, однако, как указывалось выше, Алексий не концентрирует на идолопоклонстве особого внимания. Цитату: «*имете веру праву къ Святой Единосущной Троице, въ нюже крестится…*» [15, с. 144] следует скорее трактовать как напоминание о православном крещении, уже принятом, и от которого грешно отступать. Если акцентировать внимание на наиболее ярких выражениях Алексия: «дела темные», «странных пастухов принимаете», «несте от паствы истинного пастуха Христа», то складывается устойчивое впечатление о еретическом влиянии кого-то на жителей Червленого яра.

На наш взгляд совершенно справедливы выводы М.Д. Полубояриновой о совокупности факторов функционирования Сарайской епархии, однако следует добавить еще одну – охранительную функцию православного духовенства, в целом, и сарайского, в частности. Дело в том, что в отличие от юго-западных русских земель, подвергавшихся давлению католического мира, а также ересей византийско-болгарского происхождения, например богомилов, Северо-Восточная Русь до Батыева нашествия пребывала в определенной конфессиональной изоляции. Переборов язычество и интегрировав его отголоски в христианские каноны, православная церковь не пересекалась с конкурирующими учениями. Однако с включением русских земель в сферу контроля Золотой Орды, с ее веротерпимостью, православное население (особенно перемещенное в Орду) не могло не столкнуться с иными конфессиями, в том числе и христианскими. Православную паству не только нужно было окормлять, но и оберегать от ересей и чужого влияния (то есть не сколько расширять, сколько сохранять уже имеющееся).

Наличие ересей отмечено в источниках. В старшей редакции «Жития митрополита Петра», датируемой от 1327 до 1339 гг., говорится: «*И Сеита еретика препре, приехавшю ему на прю и прокля и*». В дальнейшем неизвестного проповедника отдельные источники называют Сеитом, другие «*се тако еретик*», «*се и та еретика препре*». Митрополит Макарий, анализируя источники, связанные с диспутом, пришел к выводу об ошибочности мнения Татищева будто Сеид был новгородским протопопом, «*Сеитами у татар-магометан назывались лица духовного звания*». Ф.И. Успенский высказал мнение, что в Новгородском синодике XVI в. слова «*Исеит еретик да будет проклят*» – это искажение русским писцом перевода оригинальной греческой статьи Синодика «*В русском переводе сначала было: Ивсим еретиком. Переписчик сделал из этого собственное имя Исеита*» [35, с. 100]. Сохраняется и точка зрения о восточном происхождении еретика. Одни исследователи утверждают, что это был еретик христианского толка (Макарий, В.А. Кучкин), другие – бывший мусульманин, пытавшийся соединить ислам и христианское учение или же исламский проповедник (этой позиции придерживался Е.Е. Голубинский, и разделяет ее Р.А. Соколов). Д. Ю. Кривцов в статье «Прения митрополитов Петра и Алексея с мусульманами (источниковедческий аспект)» высказывает сомнение в том, что еретик мог быть мусульманином: «*Применение к мусульманину термина «еретик» в переносном смысле встречается в агиографических сочинениях. Но тогда получается, что высокопоставленный мусульманский духовный сановник, проиграв диспут Петру («его же святый препре»), подвергся церковному отлучению («проклятию предасть») и даже гражданской казни («и погыбе»). Это было невозможно в начале XIV в.*» [12] Так же Кривцов оспаривает наличие диспута митрополита Алексия с мусульманским духовенством в Орде, считая его поздней вставкой: «*Разбираемую запись о прении в Орде надо расценивать как благочестивую, с определенными книжными истоками, легенду. Цель ее создания – восполнение биографии святителя Алексея эпизодом, отсутствовавшим в ранних редакциях его «Жития», но необходимым, с точки зрения агиографического канона. Уникальность этой записи косвенно свидетельствует о ее неисторичности*» [12].

С мнением Д.Ю. Кривцова нельзя не согласиться, достоверных сведений о попытках мусульманского духовенства обратить русские земли в ислам отсутствуют. Конфессии сосуществовали параллельно, не

вмешиваясь во внутреннюю жизнь друг друга, что позволяло сохранять принципы веротерпимости даже в условиях официального ислама, однако это не могло помешать возникновению еретических учений, в том числе и пытавшихся соединить христианские и мусульманские каноны. В целом эта тема требует отдельного исследования.

Примерно к тому же временному отрезку относится «Поучение владыки Матфеа Сарайского г детем моим». Матфей около 1364 года хиротонисан в епископы Сарайские митрополитом Алексием, и принимал участие в погребении митрополита в 1378 г.

Митрополит Макарий (Булгаков), цитируя почти полностью краткую редакцию «Поучения» в «Истории Русской церкви», дает ему характеристику: «*Поучение это, судя по началу и концу его, не было произнесено архипастырем в церкви, а было разослано им по епархии. Здесь нет никаких обличений, а излагается только ряд наставлений о вере, о любви, относительно постов, духовенства, князя, домочадцев и прочее. Наставления не имеют между собою никакой внутренней связи и отличаются совершенною простотою и общедоступностию*» [15, с. 73–74]. То есть Сарайские епископы вели активную и регулярную проповедь среди своей паствы, а чтобы охватить как можно больше прихожан пастырским словом, записывали эти проповеди, рассылая списки по приходам. Наглядность и простота поучений привели к их широкому распространению не только в пределах епархии, но и в русских землях и послужили образцом для аналогичных поучений в последующие эпохи.

Содержательная часть «Поучения» во многом совпадает с Посланием митрополита Алексия и общепринятых духовных форм: «*нищим раздробляйте хлеб свой*», «*странных вводите в дом свой и напитайте их от своей трапезы. Вдовиц призирайте, сущих в бедах избавляйте, старцев чтите, также попов и диаконов, ибо они суть служители Божии*». Так же есть упоминание о темнице – «*посещайте находящихся в темницах и утешайте*». Поднимается тема поста – «*пост имейте чистый*». Отдельно и детально прописываются отношения с челядью, ее возрастные категории и статус, меры наказания за проступки: «*Челядь свою милуйте и наставляйте на путь спасения и покаяния; старых отпущайте на свободу, а юных учите добру и послушанию*».

«*Еще скажу вам, чада мои: челядь свою кормите до сытости, одевайте и обувайте. Если же не кормите, не одеваете и не обуваете, а холопа вашего или рабу убьют при воровстве, за кровь его и душу – тебе отвечать*».

Строго регламентируются наказания: «*Если же не послушают тебя нимало, то не щади лозы и дай до 4, или до 6, или и до 12 ударов. Если раб или рабыня не исполняют твоей воли, то давай им до 6 или до 12 ударов; если велика вина, то до 20 ударов; если весьма велика, то до 30, а более того не позволяем*». Такая детализация говорит о том, что злоупотребления властью и излишняя жестокость имели место, о чем сокрушается владыка.

Особое внимание следует уделить «*сирым домочадцам*» «*ибо они суть домашние нищие. Убогий выпросит себе и в другом месте, а они только в твои руки смотрят*».

Обозначенные у Матфея мотивы, что именно хозяин несет личную ответственность не только за имущественное благополучие, но и за воспитание и спасение душ домочадцев, не зависимо от их положения при нем, в дальнейшем будут доведены до абсолюта в «Домострое». При описании монастырской жизни, чтобы показать смиренный и тяжкий труд чернецов, их уподобляют пленным – «*работает, как пленный*».

Как и в послании Алексия упоминается проблема пьянства, причем в «Поучении» Матфея можно проследить даже застольные традиции того времени. Так о посещении духовенством домов мирян говорится: «*Если пригласите в дом свой чернеца или причетника и пожелаете их угостить, то более трех чаш не принуждайте его пить, но дайте ему волю. Если сам упьется, сам за то и отвечает...*» То есть три чаши – это обязательная норма для гостя, от которой не могли отказаться даже иноки. Измена правителю приравнивается к страшному греху: «*если кто о своем князе мыслит зло и передается другому князю, тот подобен Иуде*».

И опять мы видим, что в краткой редакции «Послания», которую митрополит Макарий считал первоначальной и написанной именно рукой епископа Сарайского Матфея, нет упоминаний об идолопоклонстве. Очевидно, эта проблема не стояла остро, по крайней мере ни Алексий, ни Матфей не уделили ей в своих посланиях должного внимания. Это, на наш взгляд, так же подтверждает факт, что к XIV веку миссионерство не имело активного характера: при наличии большого количества вновь обращенных, эта сфера не могла бы не всплыть в проповедях и посланиях.

Таким образом, исходя из содержания «Поучения», можно увидеть, что главной опорой христианства митрополиты и епископы видели состоятельных домохозяев, влиятельных в своей округе людей, именно на них возлагалась ответственность за нравственное состояние общества. В дальнейшем «Поучение владыки Матфея Сарайского г детем моим» разошлось большим количеством списков, добавлялось и расширялось, что свидетельствует о востребованности его содержания в русской духовной жизни.

Преемник Матфея Савва был поставлен в епископы Сарайские в Переяславле митрополитом Пименом. Не сохранилось сведений в источниках, что Савва ездил в Орду для окормления паствы. По-видимому, к этому времени в связи с обострением отношений Московского княжества с правителями Орды сарайское духовенство перебралось в пределы русских земель. Дело в том, что уже с начала XIV века епископы сарайские обрели резиденцию в Москве. Епископ Варлаам с согласия князя Даниила Александровича основал Крутицкий монастырь, ставший русским подворьем сарайских иерархов. Связь с Москвой сарайских епископов крепла по мере ослабления Византии и разрастания усобиц в Орде. В 1388 г. Савва был в Москве на хиротонии архиепископа Новгородского. А под 1389 годом источники перечисляют собравшихся на погребении князя Дмитрия Ивановича: «*князья, бояре, епископы Данило Смоленский и Савва Сарайский, преподобный игумен Сергий, митрополит трапезундский Феогност*» [16, с. 218]. Этот факт свидетельствует о том, что вместе с Трапезундским митрополитом епископ Сарайский находился в Москве на момент смерти Дмитрия Донского.

К середине XV века епархия получила название Сарской и Подонской. После перенесения резиденции Сарайских архиереев в Москву они стали ближайшими по постоянному местопребыванию архиереями к митрополиту. Поэтому на Сарских и Подонских епископов был перенесен неформальный статус митрополичьих (позднее патриарших) викариев, который раньше имели Коломенские епископы. Как правило, Сарские епископы принимали участие во всех архиерейских хиротониях, в московских церковных Соборах, в освящении соборов и наиболее значимых церквей в Москве, сослужили митрополиту, а во время болезни или после его кончины до выбора нового предстоятеля выполняли функции митрополичьего (патриаршего) местоблюстителя [23].

Причина такого особого статуса у митрополичьего престола объясняется, на наш взгляд, не только близостью фактического проживания Сарских епископов к митрополичьему двору, но и политико-географическим фактором. Остальные епископы Русской митрополии, проживая в епархиальных городах, не могли не ориентироваться на местных удельных князей или местную элиту, это был залог их спокойного служения в этих регионах, тогда как Сарскому епископу, отделенному от прежней паствы в силу обстоятельств, не нужно было разрываться между местными и московскими интересами. Отчасти повышению статуса сарских епископов могли способствовать их нейтралитет во внутрирусских делах и прежняя тесная связь с патриархией, модель этих отношений теперь переносилась на митрополию, укрепляя авторитет русских митрополитов.

С момента создания Сарайской епархии можно выделить три четких этапа ее функционирования. Первый этап – вторая половина XIII века – время формирования и первых шагов новой епархии. В ее создании и деятельности были заинтересованы все политические стороны. Ханы Золотой Орды получали не только постоянный канал связи с Константинопольским патриархатом, но и возможность контролировать русско-византийские отношения; русская митрополия и князья – источник сведений об обстановке в ставке хана, для Русского митрополита – это подворье при поездках в Орду и помощь в окормлении православной паствы Орды, а Константинопольский патриарх стремился в обход Русской митрополии расширить ставропигиальные приходы. Нельзя не отметить, что в первые десятилетия существования Сарайской епархии делались и попытки миссионерского воздействия на местное население.

Второй этап – первая половина XIV века. Рубеж веков стал переломным для епархии: с одной стороны, слабеющая Византия перестала играть заметную роль на политической арене, падает и ее роль в духовных делах Русской митрополии, а значит и роль Сарайской епархии как политического посредника ослабевает; с другой стороны, исламизация элиты Золотой Орды перечеркивает даже робкие попытки миссионерства. В этих условиях Сарайские иерархи сосредотачиваются на сохранении и защите от стороннего влияния уже имеющейся православной паствы, ее воспитании в духе канонического образца. Здесь православной церкви приходилось противостоять влиянию иных конфессий. Вместе с тем слабая вовлеченность Сарайских иерархов в политическую жизнь русских княжеств, их определенный нейтральный статус и в то же время частые контакты с патриархатом, знание греческих первоисточников, придавали авторитет сарайскому духовенству в русских землях. Их литературные труды и проповеди были востребованы русским обществом, активно распространялись и высоко ценились. В течении всего XIV века крепла связь Сарайских иерархов с московскими правителями.

Третий этап – вторая половина XIV – первая половина XV: в условиях усилившейся нестабильности в Орде и конфронтации ее правителей с Москвой намечается постепенный переезд епархии в подмосковные Крутицы, усиление роли сарайских иерархов при русских митрополитах. Переезд в Москву, несмотря на потерю обширной паствы, не ослабил, а скорее укрепил статус ставших Сарскими и Подонскими епископов.

Помимо основной функции Сарайской епархии – духовного окормления православного населения Золотой Орды, отправления обрядов, сарайское духовенство выполняло широкий спектр задач у порога ханского престола, причем набор функций менялся с изменяющейся политической обстановкой; наблюда-

лась эволюция от посредника и проводника чужих интересов к расширению самостоятельного духовного влияния на русскую паству и поэтапная интеграция сарайских епископов в иерархическую структуру русской митрополии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Теврь, М., 1997. 480 с.
2. Вольфрам фон Шелиха. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Выпуск 5. Казань, 2012. С. 83–90.
3. Галимов Т.Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Выпуск IV. 2015. С. 138–158
4. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. II. М., 1900. 919 с.
5. Грамота митрополита Алексия на Червленый Яр // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С.168–172.
6. Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С.164–167.
7. Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Темура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Выпуск 12. Л., 1990. С. 53–102.
8. Егоров В.Л. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. С. 42–63.
9. Егоров В.Л. Полубояринова М.Ф. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. 184 с.
10. Клепинин Н.А. Святой и благоверный князь Александр Невский. М., 1993. 111 с.
11. Корогодина М.В. Несториане, яковиты и татары в правилах Константинопольского собора 1276 г. // Вспомогательные исторические дисциплины, 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nestoriane-yakovity-i-tatary-v-pravilah-konstantinopolskogo-sobora-1276-g (дата обращения 18.02.2025)
12. Кривцов Д.Ю. Прения митрополитов Петра и Алексея с мусульманами (источниковедческий аспект) // Издательский дом Медина / Материалы форумов и конференций. URL: https://idmedina.ru/books/materials/?1023 (дата обращения 18.02.2025)
13. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, Т. 1.
14. Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: Автореф. канд. дис. Саратов, 2000.
15. Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской церкви. Т. 3. Отдел 1. М., 1995. 704 с.
16. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т.25. М.-Л., 1949.
17. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. Историко-географические исследования. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. 262 с.
18. Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С.129–140.
19. Охотина Н.А. Русская церковь и монгольские завоевания (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной Руси. М., 1990. С. 67–84.
20. Охотникова В.И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 16–27.
21. Павлов А.С. Комментарии к «Ответам константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста» // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С. 129–140.
22. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 330 с.
23. Печников М.В. Сарайская епархия в 1261–1699 гг. Крутицкая кафедра // Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/2462071.html (дата обращения 18.02.2025).
24. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. 135 с.
25. Поучение владыкы Матфеа Сарайского г детем моим // Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской церкви. Т. 3. Отдел 1. М., 1995. С. 73–74.
26. Поучение митрополита Петра духовенству (об епитимиях и вдовых попах) и мирянам (об усердии к церкви) // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. С.159–164.
27. Приглузов А.И., Хорошкевич А.Л. Отношение Русской церкви к антиордынской борьбе в XIII–XIV вв. // Вопросы научного атеизма. М., 1988, вып. 37. С. 117–130.
28. Русские повести XV–XVI веков. М.; Л., 1958. С. 98–105 (текст). По рукописи: ГПБ, Софийское собр., №1364. Страницы этого издания в прямых скобках и выделены линейками. Переиздавалось в ПЛДР, конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 20–37 (с исправлениями по ГПБ, Соловец. собр., №854/964).
29. Селезнев Ю.В. Иноконфессиональное население Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
30. Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. – 1945. С. 350–357.

31. Соколов Р.А. Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. СПб., 2010. 232 с.
32. Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1896. Кн.3. 235 с.
33. Сочнев Ю.В. Сведения актов константинопольского патриархата о христианском (православном) населении на Дону в сер. XIV в. // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции "Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды", посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С.175–180.
34. Степкин В.В. К вопросу о существовании Дивногорского пещерного монастыря в золотоордынское время: религиозная ситуация в Подонье в XIII–XIV вв. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С.17–23.
35. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. 399 с.
36. Филарет Черниговский (Гумилевский) История Русской церкви. СПб., 1894. Период II. 170 с.
37. Шенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Середнего Подонья в XIV – XVI вв. 77 с. URL: http://www.cossackdom.com/doc/shinikov_chryar.pdf (дата обращения 18.02.2025).

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Жданова – кандидат исторических наук, учитель истории, МБОУ Гимназия № 7 им. В.М. Воронцова (Воронеж, Российская Федерация). E-mail: jdanova.nikolskoe2017@yandex.ru

POLITICAL, SPIRITUAL AND MORAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF THE SARAI DIOCESE IN THE 13th – 14th CENTURIES

T. V. Zhdanova
Municipal Budgetary Educational Institution V.M.Vorontsov Gymnasium No. 7

The work examines the main functions of the Sarai diocese in the political and cultural system formed by the end of the 13th century: The Russian World – the Golden Horde – the Byzantine Patriarchate; the evolution of functionality in the process of development of the statehood of the Golden Horde and Russian-Horde relations. An attempt is also made to reconstruct the characteristic features of the spiritual and moral life of the Orthodox population of the Golden Horde of the 13th–14th centuries and the influence of the sermons and literary heritage of the Sarai clergy in the Russian lands. As sources of research, the monuments of ancient Russian canon law are used which directly are related to the Sarai diocese and addressed to its inhabitants and the population of the Ryazan-Horde borderland; a hagiographic literature of the 13th–14th centuries is also used as a source of research.

Keywords: Sarai Diocese, Golden Horde, Russian (Vladimir) Metropolia, Patriarchate of Constantinople, hagiographic literature, Monuments of Canon Law, Russian principalities in the 13th–14th centuries, missionary work, Medieval Heretical Teachings

About the author: Tatyana V. Zhdanova – Cand. Sci. (History), History Teacher, Municipal Budgetary Educational Institution V.M. Vorontsov Gymnasium No. 7 (Voronezh, Russian Federation). E-mail: jdanova.nikolskoe2017@yandex.ru

УДК 930.85.008

РОЛЬ ВОСТОЧНЫХ ХРИСТИАН В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ ГОСУДАРСТВ ЧИНГИЗИДОВ С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

С.Е. Костогрызова
Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации

Статья посвящена участию восточных христиан в контактах государств Чингизидов с Западной Европой в роли дипломатов. Критический анализ источников позволяет сделать вывод, что восточные христиане (несториане, григориане и яковиты) часто возглавляли дипломатические миссии государств Чингизидов в страны Западной Европы. Привлечение их монгольскими правителями в качестве дипломатов было обусловлено религиозной близостью восточных христиан с западными, а также длительным и связями нехалкидонских христиан с крестоносцами. Также автором статьи отмечено, что восточные христиане (яковиты и несториане) оказывали влияние на распространение информации о монгольских завоеваниях, политике Чингизидов и создание представлений о них.

Ключевые слова: восточное христианство, несторианство, монголы, крестовые походы, государства Чингизидов, яковиты, миссионерская деятельность

Завоевания монголов в первой половине XIII в. привели к тому, что в состав их империи образовавшихся после ее распада государств Чингизидов вошли территории проживания представителей различных конфессий, в том числе и христианских. Там были представлены практически все существовавшие на тот момент течения данной мировой религии: католицизм, григорианство, православие, несторианство, яковитство и мелькитство. Последние пять направлений принято обозначать под общим названием «восточное христианство». Из-за религиозной близости восточных христиан с западными (католиками) первые нередко привлекались монголами для дипломатических контактов с католическими правителями, военачальниками и главами церкви.

Источники, содержащие сведения о контактах государств Чингизидов с Западной Европой изучены достаточно подробно, но вопрос участия восточных христиан в дипломатических миссиях требует отдельного рассмотрения.

Первые сведения об участии восточных христиан в контактах монголов с европейцами мы встречаем уже в начале завоеваний. Несторианский клирик Симеон Раббан Ата около 1235 г. был послан ханом Угедеем в Великую Армению, которая в данное время подверглась монгольскому нашествию. Согласно сообщениям армянского хрониста Киракоса Гандзакеци, проявил себя как защитник христиан, находясь затем в Тебризе, Симеон Раббан Ата действовал как сторонник союза монголов и христианских государств Передней Азии [1, с. 276]. О его личности по письменным источникам известно следующее: «Богпровидец, желающий существования всех [тварей], по человеколюбию своему явил среди них (татар) мужа одного, сирийца по происхождению, человека богобоязненного и благочестивого, которого называли отцом их государя, хакана. Собственное имя его было Симеон, но звали его Рабан-ата: рабан по-сирийски значит «учитель», а ата – по-татарски «отец». Узнав о беспощадной резне христиан татарскими войсками, он явился к хакану с просьбой обратиться к своему войску с посланием – не уничтожать без разбора невинных людей, которые не воюют с ними, а оставлять их [в живых], чтобы они служили ему. Тот послал самого [Рабан-ату] с большой и пышной свитой и указом, обращенным к своим военачальникам, который предписывал во всем слушаться его повелений. И, прибыв, он принес много пользы христианам, избавив их от смерти и плена. Построил также церкви в мусульманских городах, где [прежде] люди не осмеливались называть имя христово, а особенно в Тавризе и Нахичеване, где к христианам относились еще более враждебно, так что они не решались открыто по||являться или ходить [по улицам], не то чтобы строить церкви или водружать кресты. А он строил церкви, водружал кресты, заставлял бить в трещотки днем и вечером, открыто ходить на кладбище и хоронить умерших, как принято у христиан, с крестами, свечами, евангелием и службой. Сопротивлявшихся он казнил смертью. И никто не осмеливался ослушаться его приказа. Все войско татарское почитало его, как если бы он был их государем: без него ничего не задумывали и не предпринимали. Его торговые люди, снабженные тамгой, т. е. знаком и грамотой, свободно странствовали по всей стране, никто не осмеливался подойти к людям, которые называли имя Рабана. Все военачальники татарские посылали ему дары из своей военной добычи. Сам [Рабан] был человек кроткого нрава, воздержанный в пище и питье: лишь один раз в день – вечером– он принимал немного пищи. Таким

вот образом посетил бог народ свой в бедствии с помощью мужа сего. Многих татар он крестил. Все боялись его и трепетали перед ним из-за его чудесного нрава и прославленного имени» [1, с. 175].

Симеон Раббан Ата представлял интересы одного из монгольских военачальников (вероятно, Чормагана) в переговорах с монахом-доминиканцем Андредре де Лонжюмо. Скорее всего, задачу он ставил перед собой задачу создания военного союза монголов с крестоносцами [12, с. 54]. Р. Хеннинг сомневается, что сами монголы тогда были заинтересованы в союзе с католиками [12, с. 54]. Раббан Ата, как предполагает исследователь, через Лонжюмо, переслал папе письмо, в котором умолял его прекратить распрю с Фридрихом II ввиду опасности нового вторжения монголов [12, с. 54]. Здесь мы видим, что несториане с самого начала создания Монгольской империи были заинтересованы в союзе между противниками мусульман, даже когда сами противники к таковому союзу не стремились.

С самого начала монгольских завоеваний последователи нехалкидонских восточнохристианских течений (несториане, яковиты, григориане) являлись посредниками при распространении сведений о монголах среди крестоносцев на Ближнем Востоке, а затем – в самой Западной Европе. Первые сведения о монголах поступают в Западную Европу от восточных христиан. Таковые содержатся в «Известиях о завоеваниях царя Давида» 1221 г., переведенные и опубликованные исследователем Р. Хауталой [10, с. 27]. Как пишет автор, они стали доступны европейцам благодаря архиепископу Акры Жаку де Витри который перевел с арабского языка содержание двух документов ближневосточных христиан [10, с. 27]. Р. Хаутала отмечает, что автор данного сообщения мог быть яковитом [10, с. 27]. Сиро-яковитская церковь, как и несторианская, относится к нехалкидонским церквям. Ее последователи которой проживали на Ближнем Востоке, как во владениях мусульман, так и крестоносцев.

Часто отдельные группы восточных христиан перемещались с территорий, находившихся под властью халифов на территории, занятыми королевствами крестоносцев и наоборот. Примером тому является биография западносирийского (яковитского) историка Григория Иоанн ибн Ахруна ибн Тука ан-Насрани ал-Малати абул-Фараджа, (известного под именем Бар Гебрей, или Бар Эбрайя). Он родился в городе Малатие в Диар-Бакре (территория современной Восточной Турции). В 1244 г. Его отец Ахрун, известный врач еврейского происхождения, принявший христианство яковитского толка, выехал с семьей в Антиохию, находившуюся под контролем крестоносцев. После прохождения обучения в яковитском монастыре и медицинской школе в Триполи Григорий Иоанн по приглашению патриарха Игнатия II он вернулся в Малатию и назначается епископом ал-Акбина [15, с. 209].

Р. Хаутала предполагает, что часть восточных христиан была заинтересована в усилении активности крестоносцев [10, с. 6]. Как отмечает исследователь, весть о христианском воинстве с востока наряду с ожидаемым прибытием в Египет императора Фридриха II Гогенфшауфена, способствовала поднятию морального духа среди крестоносцев [10, с. 6].

Ценые свидетельства о роли последователей восточносирийского христианства (несторианства) в дипломатических связях государств Чингизидов с Западной Европой содержится в «Путешествии в восточные страны1 Гильома де Рубрука, фламандского монаха-францисканца, В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершившего путешествие к монголам. Среди сведений, собранных французским послом (о политической и экономической жизни Монгольской империи, государственном устройстве, быте, культуре кочевых и оседло-земледельческих народов, системе ямов и торговых путях, административном устройстве, этническом составе населения), присутствуют сообщения о религиозной ситуации в различных ее частях.

Помимо слов Мунке-каана о мировых религия как о пяти пальцах одной руки, Данный источник содержит сведения христианах (несторианах, григорианах и православных) среди окружения Чингизидов (Сартака, хана Мунке). Также записи де Рубрука передают важную для нашего исследования информацию об участии монгольских несториан в приеме европейских посланников.

В общении Гильома де Рубрука с православными в тексте не отмечает никаких препятствий: они спрашивали его совета по поводу сложностей в соблюдении запрета на определенные продукты (некоторые виды мяса, кумыс): «Спрашивали также они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому, что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых сарацинами и другими неверными» [7, с. 105]. Можно сделать вывод, что в окружении представителей не христианских конфессий (политеистов, мусульман и буддистов) христиане разных направлений более тесно контактировали между собой. Примечательно, что де Рубрук был не только свидетелем религиозных диспутов при дворе Мунке-хана, но и непосредственным участником, по инициативе христиан, проживавших в Каракоруме. Христиане выступали в качестве одной стороны диспута, без различия течений.

Следующие сведения об участии восточных христиан в дипломатических связях государств Чингизидов с Западной Европой относятся к контактам Джучидов с Ватиканом. Исследователем А.В. Майоровым было опубликовано и переведено послание папы римского сыну правителя Сартаку [5, с. 74]. В ходе исследования политической и религиозной ситуации, в которой было написано данное письмо, автор при-

вел данные других источников о присутствии восточных христиан в окружении Сартака. Данное письмо сохранилось в ватиканских регестах под названием «Gratias et laudes», составлено в Ананьи и датировано 29 августа 1254 г. [5, с. 77] Текст сохранился в копии XVII в. в двадцать третьем томе папских регестов Секретного архива Ватикана [5, с. 77]. В данном тексте папа выражает благодарность Сартаку за принятие христианства. Согласно содержанию текста письма,в Рим было отправлено посольство хана Сартака. А.В. Майоров датирует отправку посольства 1253 г. Миссию возглавил армянский клирик Иоанн. В ее задачи входило сообщение папе римскому о принятии сыном Бату христианства [5, с. 77].

Послы Сартака на несколько месяцев были задержаны в Южной Италии по приказу противника папы, германского и сицилийского короля Конрада IV (1250–1254 гг.), сына германского императора Фридриха II (1220–1250 гг.), сына германского императора Фридриха II (1220–1250 гг.). Продолжить свой путь в Рим послы смогли лишь после смерти Конрада. У послов было отнято все имущество и в том числе грамота, адресованная ханом папе.

Николо да Кальви сообщает, что в качестве ханского посла к папе прибыл «некий армянский клирик» («quidem Armenus clericus, nuntius Regis Tartarorum»), который по пути следования в Рим «был задержан [королем] Конрадом в королевстве Апулии» (per Corradum in regno Apuliae fuit tentus) [5, с. 77]. При том, что Сартак принял сирийское христианство, с большой долей вероятности – несторианство, дипломатическую миссию в папскую область осуществил представитель Григорианской церкви: «Filius namque ipsius Regis infirmabatur aegritudine valida, et omnino incuramen judicio medicorum, et vocatis ad se Armentis, et aliis Christianis» [5, с. 78]. Выбор армянского священника в качестве руководителя мисси, вероятно связано с тем, что ранее армянские государства поддерживали контакты с крестоносцами [8, с. 129–134]. Такие связи предполагают наличие людей, владевших латынью или другими европейскими языками, знавших культурные особенности государств, с представителями которых вели переговоры.

После 1269 г., когда Монгольская империя прекратила свое существование как единое государство, улусы Чингизидов продолжали поддерживать экономические и дипломатические связи с государствами Западной Европы и Римско-католической церковью. Сведения, о том, как восточные христиане оказали влияние на контакты двух монгольских улусов (Ильханата и Юань), содержатся в историческом сочинении «История Мар Ябалахи и Раббан Саумы».

Сирийский текст «История Мар Ябалахи и Раббана Саумы» впервые увидел свет в 1888 г. благодаря П. Беджану в Париже. В 1895 году последовал французский перевод. Неполная версия на английском языке была опубликована Дж. А. Монтгомери. Русский перевод был осуществлён на основе французского текста Н.В. Пигулевской [6, с. 403]. Автор самого источника на данный момент не известен [2, с. 10]. В юном возрасте он принял решение стать монахом-отшельником. Вместе с другим несторианским монахом, сыном архидиакона из города Кошанга Маркосом, Саума принял решение отправиться в паломничество в Иерусалим.

Пройдя территории Тангута, Кашгара и Таласа, путники достигли резиденцию католикоса Денхи в Мараге. Несмотря на плохое владение сирийским языком и тюрко-монгольское происхождение, Маркос и Саума смогли интегрироваться в среде восточносирийского духовенства Ильханата. Спустя некоторое время Маркос был избран католикосом Сирийской церкви Востока под именем Мар Ябалахи [2, с. 11]. Но после прихода к власти ильхана-мусульманина Тегудера Мар Ябалаха на короткое время попал в опалу, но вскоре был освобожден [6, с. 693–695].

В условиях войн Ильханата с Мамлюкским Египтом монгольские правители Ирана стали искать союзников в лице христианских королей и пап. Еще в период правления ильхана Абаги папа римскому было отправлено письмо с просьбой отправить в Персию миссионеров [12, с. 148]. Как пишет Р. Хеннинг, монголы и католики «поменялись ролями» [12, с. 148]. Теперь монгольские правители проявляли инициативу в налаживании связей с европейскими королями и главами Римской церкви. Обращает на себя внимание то, что Аргун поручил назначить главу миссии именно католикосу Мар Ябалахе. Более ранние контакты ближневосточных христиан с крестоносцами, могли сыграть в выборе ильханом главу миссии решающую роль [8, с. 129–134].

По пути в Ватикан Раббан Саума посетил Восточную Римскую империю, или Византию, где посол ильхана получил аудиенцию у императора. Вероятно, переговоры с императором Византии являлись решением одной из дипломатических задач. Из-за особенностей средневековых письменных источников (написания после завершения самого путешествия, библейских «вставок» невозможно утверждать, что оно проходило в точности, как описывают авторы, но мы можем определить смысл сказанного: «Когда я увидел царя-христианина, утомление исчезло и трудность прошла, ибо я очень желал видеть ваше царство, да укрепит его наш Господь» [6, с. 697]. Затем раббан попросил разрешение императора посетить церкви и гробницы святых отцов. Перед тем, как вступить на корабль Раббан Саума посетил православный «ромейский» монастырь (предположительно, на Афоне), в сокровищнице которого хранились общехристианские святыни: голова Иоанна Златоуста и «папы, крестившего царя Константина». Демонстрация лояльности к византий-

скому православию, несмотря на многовековые разногласия. вызванные решениями Халкидонского собора 451 г. может говорить о желании наладить связи с христианами других течений за пределами Ильханата. Кроме того, акцентирование внимания на хритианской принадлежности во время посещения Раббан Саумой Византии могло осуществляться и в дипломатических целях. Контакты Ильханата с Византийской империей подробно рассмотрены в работе исследователя Е.А. Шишки [13, с. 301–305].

После посещения Константинополя послы ильхана прибыли в Неаполь, а затем – в Рим. По прибытии в Рим послы Ильханата узнали, что папа скончался [6, с. 700]. Кардиналы, с почетом встретившие посланников, задали ряд вопросов, один из которых касался религиозной ситуации в государстве ильханов: «Удивительно то, что ты, будучи христианином, служителем патриархии восточной, прибыл в посольстве царя монголов» [6, с. 700]. На что посол ильхана ответил: «Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрок и китайцев и проповедовали. Теперь многие монголы христиане; из числа царских детей, цариц есть крещеные и исповедующие Христа. И с ними в их лагере есть церковь. Они очень уважают христиан, и многие из них верующие. У царя же, так как он состоит в дружбе с мар католикосом, есть желание взять Палестину и области Сирии, и он просит у вас помощи для взятия Иерусалима. Поэтому он избрал и послал меня, потому что я христианин и у вас будет доверие к моим словам» [6, с. 700].

Очевидно, что кардиналы папы римского не понимали реалии многоконфессионального государства. Им казалось странным, как христианин, подобный Раббан Сауме, мог представлять интересы монгольского государства Хулагуидов [2, с. 14]. После посещения Рима Раббан Саума отправился во Францию и английские владения в Гаскони. Спустя года после первого прибытия Раббан Саумы в Рим был избран новый глава католической церкви – Николай IV. Новый папа позволил послам ильхана принять участие в обряде евхаристии. Обращает на себя внимание, что желание принять участие в католическом обряде изъявил сам Раббан Саума [3, с. 5]. Этот шаг мог быть дипломатическим ходом – созданием впечатления готовности несторианских иерархов признать главенство Римской церкви. Стремление Ватикана склонить к принятию католицизма проживавших на территории государств Чингизидов восточных христиан путем унии и проповеди миссионеров – францисканцев и доминиканцев – прослеживается со второй половины XIII в. и может быть связан со Вторым Лионским собором 1274 г. [9, с. 373].

Хотя его решения относились напрямую к Византийской православной церкви, деятельность католических миссионеров среди православных и несторианских общин в монгольских владениях активизируется практически одновременно [9, с. 373]. Но не стоит исключать и заинтересованность восточносирийских клириков в установлении связей с христианами, проживавшими за пределами Ильханата. В повествовании нет намеков на то, что католические ритуалы представлялись монаху Сирийской церкви Востока предосудительными или греховными. Напротив, неоднократно показывается, что аудиенция у папы римского и получение от него отпущения грехов воспринимаются несторианским священнослужителем как важное событие.

Стоит обратить внимание на дипломатические приемы, помимо акцента на общую христианскую идентичность, применяемые посланниками ильхана при общении с представителями другого христианского течения, а именно избегание дискуссий о тех вопросах вероучения, которые были ключевыми в разделении между западными и восточными христианами. Историк А.Г. Юрченко отмечает, что в дипломатических контактах с мусульманскими государствами монголами использовалась тема религиозной принадлежности того или иного правителя [14, с. 86]. В частности, в Улусе Джучи в период правления Берке роль ислама намеренно преувеличивалась ради создания союза с мамлюкским Египтом [14, с. 86]. Раббан Саума был вынужден вступить в дискуссию о «филиокве», инициированную кардиналами папы: «Они (кардиналы) сказали ему: «Дух Святой исходит от Отца, или от Сына, или раздельно?». Он ответил: «А Отец, Сын и Дух – соединены они в существе или разделены?» Они ответили: «Они соединены в существе и разделены в особенностях». Он сказал: «Какие их особенности?». Они ответили: «Отец – порождением, Сын – рождением, Дух – исхождением». Он сказал: «Который из них является причиной другого?». Они сказали: «Отец есть причина Сына, Сын есть причина Духа». Он сказал: «Если они равны по существу, по действию, по силе, по власти и суть три лица и едины, как может быть, чтобы один был причиной другого? Необходимо, чтобы и Дух был причиной чего-либо другого; спор словесный находится вне исповедания мудрых» [6, с. 701].

Данный фрагмент исторического сочинения показывает, что монгольскому послу было важно не акцентировать внимание на различиях, а использовать принадлежность к христианству как фактор, способствующий коммуникации с западноевропейскими клириками и феодалами [2, с. 14].

На аудиенции с королем Франции с королем Филиппом IV Красивым монгольский посол также акцентирует на христианской идентичности, попросив позволения монарха увидеть христианские святыни Парижа. Покинув Париж, Раббан Саума отправился в Гасконь, находившуюся под властью английского короля Эдуарда I Длинноногого, где также удостоился королевской аудиенции. Тем не менее, Эдуард I проявил к монгольским посланникам меньше интереса, чем император Византии, глава Римско-

католической церкви и французский монарх. Ответ английского короля на просьбу о разрешении посмотреть на христианские святыни в его владениях носил исключительно формальный характер. Он выразился во вручении даров и отправке официального послания. Кроме того, согласно тексту «истории Мар Ябалахи и Раббан Саумы», Эдуард I велел передать ильхану его слова: «Вот что скажите королю Аргуну и всем сынам Востока: мы видели нечто, удивительнее чего нет, а именно: нет в странах франкских двух исповеданий, но одно исповедание Иисуса Христа, вера всех христиан» [6, с. 708].

Приведенная фраза снова говорит о неприятии западноевропейским правителем факта многоконфессиональности монгольских государств. В целом, формальные ответы английского короля могут отражать отсутствие его заинтересованности в контактах с ильханами [6, с. 705]. Прямого ответа, будь то положительного или отрицательного, не последовало, монарх ограничился протокольным актом [6, с. 705]. Его отклик следует рассматривать как дипломатический маневр, нежели как выражение подлинной поддержки или неприятия просьбы. Подарки и ответное письмо послужили лишь средством соблюдения этикета, не подразумевая принятия каких-либо конкретных обязательств. Таким образом, истинное отношение короля к данному вопросу остается неясным. Его поведение можно расценить как проявление осторожности или нежелание открыто выражать свою позицию [2, с. 14–15].

Несториане в разные периоды истории государств Чингизидов не только выполняли посредническую роль в контактах с католической Европой, но и препятствовали им. Об этом говорят сведения, представленные в письмах Джованни Монтекорвино [12, с. 139]. После отправки двух посольств ильхана к папе римскому (Раббан Самумы и генуэзца Бускарелло де Гизольфи) Ватиканом в Ханбалык с целью основания миссии был направлен монах Ордена миноритов Джованни Монтекорвино. Данное послание было получено Николаем IV в 1288 г., когда действовала миссия Раббан Саумы. В письме сообщалось о благожелательном отношении Хубилая к христианам, в частности, к римской церкви, и просьбе направить в Юань католических миссионеров. Что примечательно, об этом не говорится в «Истории Мар Ябалахи и Раббан Саумы». Ранее, во время правления ильхана Абаги (1265–1282 гг.) в Рим было отправлено послание, от прочтения которого был сделан вывод о принятии христианства ханом Хубилаем. Данное письмо также содержало просьбу отправить миссионеров в Персию и Китай.

Обращает на себя внимание заинтересованность ильханов в международных контактах другого чингизидского государства – Империи Юань: возникает вопрос о целях преувеличения роли христианства в другом государстве. Выше мы упоминали об использовании религиозного фактора в монгольской дипломатии. Из содержания письма Джованни Монтекоорвино следует, что несториане Империи Юань, помимо политеистов («язычников»), являлись группой на которую была нацелена деятельность миссионера-францисканца. Джованни удалось обратить в католицизм представителя знати онгутов – Георгия (Коркуза) и его семью [4, с. 26]. Это вызвало негативную реакцию со стороны несторианской общины Китая. Джованни Монтекорвино пишет о некоем ложном обвинении, которые были выдвинуты против него несторианами. В ходе разбирательства Хубилай-хан принял сторону католического миссионера [12, с.140].

Восточные христиане (несториане, яковиты, григориане) часто возглавляли посольства Чингизидов во время налаживания контактов или переговоров о союзах с римскими папами или западноевропейскими королями, чему способствовали их христианская конфессиональная принадлежность и длительная история контактов с крестоносцами. Несториане во время переговоров с западноевропейскими правителями и представителями католического духовенства придавали большое значение общехристианскому единству, но, сталкиваясь с католическими миссионерами непосредственно в монгольских владениях, могли воспринимать их как угрозу для своих общин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киракос Гандзакеци. История Армении / Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л.А. Ханларян. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 359 с.

2. Костогрызова С.Е. «История Мар Ябалахи и Раббан Саумы» как источник по изучению межкультурных взаимодействий в империи Юань и Ильханате // Тюркологические исследования. 2023. № 6. С. 7–19.

3. Костогрызова С. Е. Контакты католиков с несторианами в государствах Чингизидов во второй половине XIII первой половине XIV веков // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2025. № 1 (25). С. 211–231.

4. Костогрызова С.Е. Миссия Джованни Монтекорвино и несториане Империи Юань: встреча западного и восточного христианства // Исследования молодых ученых: материалы LXXVII Международной научной конференции (г. Казань, март 2024 г.). Казань: Молодой ученый, 2024. С. 24–29. URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/511/18389/ (дата обращения 28.03.2025).

5. Майоров А.В. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий) // Mongolica-X. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 74–81.

6. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Институт Востоковедения РАН, 2000. 831 с.

7. Плано Карпини Джиованни. История монгалов. Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны. Ред., вступ. статья, примеч. Н.П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.

8. Тер-Гевондян В.А. Третий крестовый поход и Киликийская Армения // гуманитарные и юридические исследования. 2017. Вып. 1. С. 129–134.

9. Туаллагов А.А. Уния и католицизм в истории алан // Алания от А до Я Северо-осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУ науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН». Владикавказ, 2021. С. 372–375.

10. Хаутала Р. История деяний Давида, царя Индий (1221): латинский текст, перевод и комментарии. Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 25–49.

11. Хаутала Р. От Давида, царя Индий до ненавистного плебса Сатаны. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 495 с.

12. Хеннинг Р. Неведомые земли: в 4 т. Т.3. / пер. с нем. Л.Ф. Вольсон, Р. З. Персиц; ответственный редактор А. Б. Дитмар. М.: Изд-во иностранной литературы. 1963. 469 с.

13. Шишка Е.А. Византийско-монгольские отношения в контексте политических и военных конфликтов в Монгольской империи в 60-е гг. XIII в // Классическая и византийская традиция. 2018: сборник материалов XII научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2018. С. 301–305.

14. Юрченко А.Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.

15. Lane G. An Account of Gregory Bar Hebraeus Abu al-Faraj and His Relations with the Mongols of Persia. Hugoye. 1999. № 2. P. 209–233.

Сведения об авторе: София Евгеньевна Костогрызова – магистр истории искусств тюрко-мусульманского мира, архивариус Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (Казань, Российская Федерация). E-mail: kostogryzova91@mail.ru

THE ROLE OF EASTERN CHRISTIANS IN THE DIPLOMATIC CONTACTS OF THE GENGHISID STATES WITH WESTERN EUROPE

S.E. Kostogryzova

Kazan Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

The article is devoted to the participation of Eastern Christians in the contacts of the Genghisid states with Western Europe in the role of diplomats. A critical analysis of the sources allows us to conclude that Eastern Christians (Nestorians, Gregorians, and Jacobites) often headed the diplomatic missions of the Genghisid states to Western European countries. Their involvement as diplomats by the Mongol rulers was due to the religious closeness of Eastern Christians to Western Christians, as well as the long-term ties of non-Chalcedonian Christians with the Crusaders. The author of the article also noted that Eastern Christians (Jacobites and Nestorians) influenced the dissemination of information about the Mongol conquests, the policy of the Genghisids and the creation of ideas about them.

Keywords: Eastern Christianity, Nestorianism, Mongols, Crusades, Genghisid states, Jacobites, missionary activity

About the author: Sofia E. Kostogryzova – Master's degree in Art History of the Turkic-Muslim world, archivist of the Kazan Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation (Kazan, Russian Federation). E-mail: kostogryzova91@mail.ru

УДК 930.85 + 39.308 + 7.5527

ТЮРКО-ИСЛАМСКАЯ ОСНОВА МУЗЫКИ КРЫМСКИХ ТАТАР ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

И.А. Заатов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
Институт антропологии культуры и фольклора Университета Хазар

В статье акцентируется внимание на выявлении этнокультурных особенностей генезиса музыкальной культуры татар Крыма золотоордынского периода путем определения роли в данном процессе музыки и языка их огузо-кыпчакских предков, исламской музыкальной культуры, музыки малоазиатских и хорезмских тюрок мусульман. Впервые в искусствоведческой практике на основе анализа источников и существующих исследований было выявлено преобладание в дозолотоордынский период в музыкальной жизни предков татар Крыма кыпчако-половецкого музыкального инструментария и номадической музыкальной культуры евразийских степей. Было также установлено, что после воцарения в первой полов. XIII в. привнесшей на полуостров политическую стабильность и экономико-культурное развитие власти Золотой Орды, в музыку татар ее Крымского Улуса стали проникать элементы и черты характерные для тюрко-исламской музыки турок-сельджуков Анатолии и Балкан, а также тюрок мусульман среднеазиатского Хорезма и Бухары.

Ключевые слова: музыка, культура, ислам, тюркские языки, татары, Крым, Золотая Орда

Крымский полуостров с момента гуннских завоеваний явился форпостом продвижения тюркскоов и их музыкальной культуры на Запад. Зародившееся в северо-восточном китайском приграничье музыкальное искусство древних тюрков формировалось в зоне тюрко-китайских этнокультурных контактов. Отзвуки музыкальной культуры древних тюркскоов в виде пентатонических ладовых вкраплений отразились в эпических музыкально-поэтических и фольклорно-музыкальных произведениях татар. Тюрки Гуннского союза, Западного Тюркского и Хазарского каганатов распространяя военную гегемонию на окраиы греко-римского мира дали старт продлившемуся вплоть до присоединения Крымского ханства к Российской империи процессу этнической и культурной тюркизации Крымского полуострова.

В 875 г. печенеги, выдавленные из Северного Приаралья родственными огузами, преследуя мадьяр перешли Итиль [33, с. 65] и в 889 г. изгнав их из Крыма в 889 г. захватили Северное Причерноморье [8, с. 345, 350.] обосновавшись на территории, которая: «…очень близка к Херсону, но еще больше близка к Боспору» [25, с. 157, 159]. Будучи более полтора века главной военной силой в Крыму населявшие полуостров печенеги владели маршрутами к Херсону, Керчи и Сугдаку [19, с. 290]. С начала XI в. печенеги стали принимать ислам и христианство, оставаясь в большинстве своем приверженцами тенгрианства и шаманизма, в захоронениях завершивших древнетюркский период истории Крыма печенегов практически не фиксируются черты мусульманских и христианских погребальных обрядов [19, с. 290]. Музыкальные инструменты времени оседания в Крыму печенегов, используемые огузскими камами (шаманами) зафиксированы Махмудом ал-Кашгари в словаре тюркских наречий «Диван Лугат ат-Турк» в сер. втор. пол. XI в. [30].

В 1041 г. в Средней Азии огузы захватили Хорезм, но ослабленные постоянными войнами с соседними огузскими и карлукскими племенами были побеждены, пришедшими с Северо-Востока кыпчаками. Преследуемые ими огузы двинулись с низовьев Сырдарьи и перейдя Итиль они вновь разбили племена печенежского союза. Огузы-узы (торки) в 1048–1054 гг. вторглись в Крым.

В третьей четверти XI в. на территории полуострова обосновались преследователи огузов – кыпчаки-половцы-куманы [34, с. 214], сыгравшие основную роль в формировании этноса предков степных и предгорных крымских татар. Печенежские и огузо-гузо-узо-торческие рода обитали в Крыму и после их них [1, с. 81]. Во втор. полов. XII в. сары кыпчаки (шары) захватили правобережье Днепра. Их здесь и в Крыму пребывание фиксируется ареалом распространения кыпчакских каменных изваяний *балбалов*, устанавливаемых в память об умерших вождях, их женах, воинах [34, с. 39, 40], музыкантах. Византийцы осуществляли связи с кыпчаками-куманами через кыпчакские в то время Сугдак, Ялту и попавший в военную зависимость от куман Херсон, с которым в 1092 г. «страна куманов» находилась по соседству [6, с. 226]. Ал-Идриси, в 1154 г. называет Ялту городом куманов: «От Карсуна (Херсона) до Джалита (Ялты) тридцать миль; это город, [принадлежавший] к стране ал-Куманийа» [22, с. 49, 167]. Куманы взимая дань с портовых городов господствовали в Крыму вплоть до прихода татаро-монгол. Свои зимовья *къышлав* кыпчаки основали в районе нынешних Евпатории, Симферополя, Феодосии, на Керченском полуострове [2, с. 277, 278, 279].

Обладание огузами и кыпчаками развитой музыкальной культурой выявилось из сравнения музыкальной терминологии крымскотатарского языка с музыкальной лексикой огузских и кыпчакских текстов словаря ал-Кашгари и написанного на рубеже XIII–XIV вв. в Крыму словаря «Codex Cumanicus». В предисловии к «Диван Лугат ат-Турк», ал-Кашгари пишет о тюрках: «Я прошел их города и степи, узнал их наречия и стихи… [30, с. 3]. Названиями сообщенных ими музыкальных инструментов и терминами музыкальной деятельности в словаре являются: «акама» (№ 5499), «бучи» (№ 5705), «буджи» (№ 5917), «бургуй» (№ 5838), «чаңъ» (№ 6301), «ир» (№ 446), «йиир» (№ 5319), «йир» (№ 4592), «йирагу» (№ 4782), «куврук» (№ 2869), «кук» (№ 500), «кубуз» (№ 1931), «къуңрагъу» (№ 6478), «сибизгу» (№ 2944), «туг» (№ 5232), «тумрук» (№ 2859), «кушуг» (№ 2031), «тиз» (№ 3277), «будик (№ 2336), «рубаб» (№ 2545) [30].

Этнолингвистический анализ сравнения музыкальной терминологии словаря «Диван Лугат ат-Турк» с музыкальной терминологией крымских татар показал следующее: Тумрук (№ 2859) бубен у огузов – *томрук* «кругляк» в языке южнобережных крымских татар. Куврук (№ 2869) барабан у огузов – *кыврык* «согнутый округло» в яз. южнобер. крт. Сибизгу (№ 2944) свирель у кыпчаков – *сыбызгы* камышовая или деревянной продольная флейта в яз. степн крт. Кубуз (№ 1931) – *кобуз* щипково-смычковый инструмент в яз. степн. крт. Кубузлуг (№ 3007) – *кобузлу* «владеющий кобузом» в крт. яз. Чал (3334) – «инструментальный ансамбль», «музицируй» в крт. яз. Кубзаш (№ 3989) – *кобзаш* «наигрывание на кобузе» в яз. степн. крт. Йарат (№ 4404) – «твори» в крт. яз. Какрат (№ 4453) – ударяй в барабан, в крт. яз. однокоренное с какрат *къакъ* «ударяй». Инрат (№4573) – каузатив от „реветь”, в крт яз. однокоренное с инрат – *инлет* «звени». Чиңрат (№ 4575) – звонить – в крт яз. однокоренное с чинрат *чинълат* «звони». Зул (№ 4575) – в крт яз. *зиль* «медная оркестровая тарелка». Йир (№ 4592) – в крт яз. *йыр* «песня». Йирагу (№ 4782) – „певец, музыкант” – в крт яз. *йырав, йирджы* -«певец». Тамур казук (Полярная звезда) (№ 4809), в крт яз. *темир къазыкъ* это название старинной инструментальной мелодии мужского танца. Туг (№ 5232) – *туг-бонджук* ударный инструмент с колокольчиками и бубенчиками в крт военном оркестре мехтер. Кук (№ 5259) – *мотив, напев* – в крт яз. *кукре* – «реви», «рычи». Сав (№ 5384) – „повествование», в арго крт музыкантов *тсав* – «говорить». Тувул (№ 5443) – «барабан», в крт яз. *табул, давул* –«барабан». Тавуш (№ 5445) – „звук”, в яз степн. крт *давуш, тавуш* - «голос». Бужй (№ 5486) – «маленький кобуз» – в яз. степн. крт яз. *бочикъ, бучикъ* – «маленький, мелкий». Тукимак (№ 5520) – «колотушка» – в крт я. *токъумакъ* «набивать ткань», «ткать», *токъмакъ* – «колотушка». Бургуй (№ 5838) – „рог, в который трубят” – в крт яз. *бургъу – «*изогнутость, изгиб*»*. Жарла (№ 6080) – „плакать”, „трубить” – в яз. степн. крт *джыла* – «плачь», *жарылда* – «труби». Йирла (№ 6151) – „пой” – в крт яз. *йирла* – «пой». Айала (№ 6192) – „хлопать в ладоши” – в яз. степн. крт *айалан* – «затягивай»*, айаланмакъ* – «затягивать». Чан (№ 6301) – „цимбалы” – в яз. степн. крт *чангъ* – «цимбалы», «колокольчик». Чаңрак ун (№ 6449) – „громкий, чистый звук”, в яз. степн. крт *чангъыракъ ин* – «звенящий звук». Куңрагу (№ 6478) – „колокольчик”, в яз. степн. крт *къынгъравыкъ* – «колокольчик». Кушуг (№ 2031) – «песня», в яз. степн. крт *къошугъ* –«добавленный». Тиз № 3277) – „нанизывать, выстраивать”, в яз. степн. крт *тиз* – «выстраивай, выкладывай, выравнивай», *бир къач йир тизди* – «исполнил несколько песен». Будик (№ 2336) – «пляска», в яз. степн. крт *буйик*, *бийюв* – «пляска», в яз южнобережн. крт *буйю* – «заклинание, ворожба». Рубаб (№ 2545) – в крт яз. струнный щипковый инструмент *ребаб* [30].

Погребальный инвентарь некрополя у озера Сасык близ Евпатории иллюстрирует быт кыпчаков-куман [7, с. 435–453] обитавших в XIII–XIV вв. в крымском улусе Золотой Орды. До принятия ими христианства и ислама важнейшими произведениями их скульптурного искусства являлись *балбалы* (половецкие бабы) [32, с. 73] со святилищ. Самое крупное святилище в Крыму было раскопано в 1939 г. в Евпаторийском районе [47, с. 254]. Один из крымских балбалов изображающий древнего кыпчакского музыканта с кобузом был описан Н.И. Веселовским: «С правой стороны у ног [балбала] поставлен какой-то в загадочный предмет, похожий на весло; по догадке Я.И. Смирнова это – струнный инструмент в роде балалайки, что весьма правдоподобно» [11, с. 33. Рис. 10]. С.А. Плетнева тоже предположила, что это музыкальный инструмент: «…справа на постаменте [балбала] помещен длинный непонятный предмет в виде весла (возможно зурна?)» [32, с. 105.]. У правой ноги этого балбала четко просматривается кобуз с колками для струн на длинном грифе. Прототип крымского балбала кобузиста мог быть знаком с древнетюркским эпосом «Коркут-ата» [41]. Данный балбал и шипково-смычковые инструменты из тюркских захоронений кыпчакской географии Золотой Орды являются свидетельствами широкого распространении музыкального искусства среди тюркских предков татар Крыма.

К периоду раннесредневекового продвижения на Запад и в частности, на Крымский полуостров огузоязычных кочевников относятся захоронения древних тюрков Алтая. В 2012 г. в долине р. Каракаба (до 1945 г. на Востоке и Западе Крымских гор существовали этно-топонимы Каракоба и Каракуба) Казахского Алтая на высоте 1750 м. были исследованы курганы VIII–IX вв. В кургане 11, справа от колчана поверх берцовой кости лежал музыкальный инструмент длинной 63 см. с грифом и корпусом ладьевидной продолговатой формы с отверстием в центре в виде трех соединяющихся под углом коротких линий и образующей пятиугольную фигуру удлиненной формой основания корпуса в основании которого сохранилась стенка его

выдолбленной деки. Рядом лежала мелкая сердцевидная бляшка (медиатр?) [37, с. 669–690]. К струнным смычковым инструментам Степи относят и изображение, заменяющее традиционный сосуд в руках балбала музыканта XII в. из Таразского музея Казахстана [43, с. 289]. Деревянный струнный музыкальный инструмент был обнаружен в 1905 г. в захоронение половецкого воина XII в. близ г. Юрьев-Польский Владимирской области [39, с. 78–83]. В 1963 г. на правом берегу среднего течения Волги близ Саратова в кургане 8 могильника Усть-Курдюм было раскопано захоронение половецкого воина XIII–XIV вв. с уникальными «деталями половецкого деревянного музыкального струнно-смычкового инструмента» [14, с. 211–215]. На бывшей степной татарской территории: «в 1894 г. крестьянин с. Тишовка, Херсонской губернии, раскопал погребение с остатками музыкального инструмента типа бандура, который был зарисован В.Н. Ястребовым» [44, с. 109]. На той же территории в 1984 г. было обнаружено в кургане у с. Кирово, Бериславского (до 1784 г. Газы-Кермен Крымского ханства) района Херсонской области захоронение половецкого воина XII в. с струнным инструментом и вложенным в него смычком [15, с. 40–49; 16, с. 231–250]. В 1984 г. С. Дончев выявил одно из направлений формирования данного инструментария и распространения, в том числе и через земли предков степных крымских татар кыпчаков-половцев-куман в Европу [17, с. 102–149].

Результаты вышеупомянутых исследований позволяют определить период формирования и ареал распространения струнно-смычкового инструментария татар крымского улуса Золотой Орды. Богатство сопровождавших усопших предметов из рассмотренных захоронений с музыкальными инструментами, указывает на принадлежность погребенных к высшему сословию и важную роль игры на музыкальных инструментах в культуре и жизни предков крымских татар. Объединяющим в единую музыкальную культуру элементом рассмотренных захоронений являются щипковый *кобуз* и смычковый *къыл-къобуз* – главные музыкальные инструменты тюрков дозолотоордынского и татар золотоордынского периодов Крыма. Факт изображения на надгробных памятниках кыпчаков-половцев Крыма XI–XII вв. струнно-смычкового музыкального инструмента кобуза, свидетельствует о популярности профессии музыканта и высокой роли музыкальной культуры в дозолотоордынском сообществе тюркских предков крымских татар. Эпитафия на надгробие 1212 г. из древнего кладбища тюрок христиан в казахском Жетису: «кобузджи Менгу Таш Таю» («кобузисту Вечному Каменному Жеребцу») [53, с. 67] свидетельствует о существовании у тюрков сообщества профессиональных музыкантов исполнителей на кобузе.

Важную деталь увиденного им в 1245–1247 гг. в землях Крымского и Азакского улусов Золотой Орды профессионального музыкального исполнительства подчеркнул Плано Карпини: «…Ни один татарский князь не пьет, если перед ним не поют или не играют на гитаре» [35, с. 71]. Значимость музыкального искусства в жизни татар в 1252 г. описал Вильгельм Рубрук в четвертой главе «Об напитках и о том, как они поощряют других к питью» своего послания к королю Франции Людовику IX: «…у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел *много других инструментов*, которых у нас не имеется. < > И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши, и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи…» [35, с. 96]. В это время, упоминаемая Карпини и Рубруком «маленькая гитара» *кобуз* и другие музыкальные инструменты тюрок продолжали распространяться в Восточной Европе [53]. Б. Шпулер проникновение среднеазиатской музыки в музыку татар Золотой Орды, музыкальные традиции, музыкальный инструментарий и значение музыки татар охарактеризовал так: «Во время пиров музыканты играли на *цитре* инструменте, непохожем на европейские музыкальные инструменты того времени. Так, например, Бату велел во время приема Вильгельма де Рубрука играть на цитре, под музыку которой и под аплодисменты присутствующих танцевали перед ним люди. Ханам Бату и Узбеку пели во время трапезы – это было устоявшейся традицией, в XIV в. славилась хорезмская музыка. Наряду с цитрой у татар были и другие музыкальные инструменты. Так как музыкальные представления упоминаются в источниках всегда в связи с официальными приемами и, так как музыка исполнялась только при выполнении какого-либо другого действия, можно предположить, что концерты были не столько наслаждением творчеством, сколько являлись существенной составной частью восточного этикета. Однако вполне вероятно, что пение и инструментальная музыка были известны и среди широких слоев населения» [46, с. 429].

Важным источником изучения истории музыкальной культуры татар является словарь «Codex Cumanicus», составленный в Каффе и окрестностях административного центра крымского улуса Солхата-Кырыма для изучения миссионерами францисканцами межнационального языка общения в Золотой Орде – языка кыпчаков-куманов в 1292–1303 гг., названного составителем татарским языком [38, с.175–180; 54, s. 29–58; 36, v. 3; 23, с.107–110]. А.Н. Кононов характеризует «Codex Cumanicus» как «старейший памятник крымскотатарского – степного, северного – языка» [24, с. 250]. Важнейшими свидетельствами текста словаря являются названия музыкальных инструментов татар: «суруна», «муз», «бургу», «бургуца», «накара», «ный», «кобуз», «кобузцы», «томбур». В. Радлов перевел их на немецкий язык: Суруна – Trompete – труба. Муз – Horn – рог. Бургу – Trompete – труба. Накара – eine Art Trompete – один из видов трубы. Бургуца –

kleine Trompete – маленькая труба. Кобуз – eine Art Geige – один из видов скрипки. Кобузцы – der Kobuzsspieler – играющий на кобузе. Томбур – Pauce (Pauke) – литавры [56, с. 20, 27, 46], но упустил перевод духового инструмента *ней*. У крымских татар, *ней, най* – продольная флейта из полого камыша с 6 отверстиями в верхней и 1 отверстием в нижней части корпуса, а исполнитель на нем – *нейзен, найджи*. *Суруна* – Trompete – труба, у крымских татар – *зурна, сурнай* – духовой язычковый музыкальный инструмент с резким звуком. *Муз* – Horn – рог, *муиз* в кыпчакском языке степных крымских татар. *Бургу* – Trompete – труба с изгибами корпуса духовой медный музыкальный инструмент, в крымскотатарском яз. однокорневое с бургу – *бур* («скручивай»), в турецком языке бургу означает колки для натяжки струн и ключ для настройки струн кануна и кемана (49, s. 144, 740). В крымскотатарских военных оркестрах использовался духовой музыкальный инструмент *бору* («труба»). В период написания словаря, в окрестностях Судака, Отуза и в Солхат-Кырыма проживала колония турок сельджуков, поселенных здесь ханом Берке вместе с бывшим султаном Рума Изеддином Кейкавусом II. Возможно, это объясняет присутствие в тексте кыпчакского словаря огузских терминов. *Накара* – eine Art Trompete – переведено неверно, как один из видов трубы. Персидская *накара* – у крымских татар с сдвоенным медным или керамическим корпусом барабан с кожанной мембраной, известный также как *думбелек*. *Бургуца* – kleine Trompete – у крымских татар *бургуча* – маленькая труба. *Кобуз* – eine Art Geige – один из видов скрипки – къылкобыз – смычковый музыкальный инструмент степных крымских татар, у которых существовал также *чанъкъобыз* – самозвучащий металлический язычковый варган и щипковый инструмент *къобыз*. *Кобузцы* – der Kobuzsspieler – играющий на кобузе – *кобызджы, кобызчы* у крымских татар. *Томбур* – Pauce (Pauke) – литавры, отсюда нем. tamburin, франц. tambourin, итал. tamburino – небольшой барабан с удлиненным корпусом, а также бубен – у крымских татар *тамбур* это щипковый инструмент с длинным грифом. *Томбул, томбалак* – в крт яз. округлый, *табул* – литавровый барабан в словаре М. Кашгари. В «Codex Cumanicus» указан еще один связанный с музыкальной культурой кыпчаков-куманов термин, который не указал Радлов – *sonator* – у крымских татар *сантыр* (цымбалы). Burğı – «бургы, бургу» приводится в посвященном куманским загадкам VI разделе словаря «Загадки» (*Лист 60 – 60 об.*): «Kün altundan älciˆ keliyir[keliyrir] – kümiş biurğıyi tarta keliyir [keliyr]; ay altundan elciˆ keliyir – altun biurğıyi tarta keliyir. Ol, a[ydïnlïq]». – «Идет посол от солнца – играет в серебряную трубу; идет посол от месяца – играет в золотую трубу. Это [сияние, свет] [13, с. 75].

Сравнение музыкальной лексики «Диван Луга тат-Турк» и «Codecus Cumanic» с музыкальной терминологией крымскотатарского языка указывает на высокую степень идентичности этимологии однокоренных и синонимичных музыкальных терминов словарей с архаикой музыкальной лексики крымских татар, уходящей корнями в языки господствовавших в равнинно-предгорном Крыму в IX–XI вв. огузов – печенегов и в XI–XIII вв. кыпчаков-половцев-куман и указывающей на причастность к участию в формировании музыкального искусства предков татар крымского улуса музыкальной культуры древних огузов и кыпчаков полуострова. После установления в середине XIII в. на полуострове власти Золотой Орды равнинный Крым и подчиненные татарам земли горного Крыма были разделены на татарские тумены во главе с эмирами из глав степных этнических военных объединений. Тумены делились на устроенные по этническому принципу из тюрко-татарских кочевых родов и племен фискально-административные единицы *эли*. По ал-Кашканди (1355–1418) в XIV в. земли Крымского полуострова входили в состав трех из десяти иклимов (улусов) Золотой Орды. Четвертым иклимом считался крымский улус с центром в г. Солхат-Кырыме, портами Каффа, Судак и с уходящим через Перекопский перешеек (Ор) в Поволжье территориальным прирезком г. Укек, пятым – Азакский иклим с центром в г. Азак (Азов) и портом ал-Карш (Керчь), девятым иклимом – Ас с центром в крымском Кырк-Йере (Чуфут-кале).

После образования Золотой Орды татары заложили в укрытой горами с севера Агармыш, с северо-запада Таз-Агармыш и с юга Карасан пойме реки Чуруксу новый татарский город Солхат-Кырым (Старый Крым) [26, с. 141–157; 27, с. 506–532], которому история предопределила роль колыбели новой этно-исторической общности крымских татар. Действовавшие с разрешения золотоордынских ханов на крымском побережье генуэзские порты-фактории Каффа и Судак платили налоги правителям крымского улуса и территориально подчинялись ему [19, с. 296]. Не имевший античного и раннесредневекового прошлого город Кырым был возведен татарами с целью упрощения логистики административного управления своими территориями и контроля выходов торговых караванов через крымское предгорье в степь, а с 1260-х гг. в генуэзскую Каффу [28, с. 395]. На первых серебряных деньгах чеканки монетного двора Кырыма 1257–1267 гг. было выбито татарское имя эмира крымского улуса Темир Буки [19, с. 296]. Очень быстро Кырым преобразился в важнейший административный, экономический и культурно-научный центр Северного Причерноморья и выступил катализатором процесса складывания татар Крыма.

В первой столице татар крымского улуса Золотой Орды были заложены основы принципов их религиозной жизни, национального образования, культуры и искусства. Появление в Крыму первых мусульман ханифитского мазхаба приходится на 1222/1223 или 1225/1226 гг. Они на кораблях из Синопа под командованием Хюсаметтина Чобана пересекли Черное море и высадились в Судаке, разгромили войска

кыпчаков, построили за две недели мечеть, определили ее имама, муэдзинов и кадия для мусульман сельджукского гарнизона Судака [57, s. 18]. Процесс исламизации крымского улуса с середины втор. полов. XIII в. ускорился, когда в Кырым стали стекаться мусульманские купцы и ремесленники из Хорезма и Бухары. Через пять лет после прихода к власти в Золотой Орде мусульманина Берке, в 1262 /1263 г. Хаджи Омар ал-Бухари возвел мечеть в Кырыме [21, с. 168].

На музыкальное искусство татар большое влияние оказала достигшая мелодического совершенства арабо-персидская исламская музыкальная культура. Мусульманское научное сообщество «Ихван ас-Сафа» в X в., распространившее свою философию от Багдада до Самарканда, разработала науку музыкальных соответствий, отразившуюся в мусульманской музыкальной культуре, ставшей важнейшим компонентом процесса формировании музыкального искусства татар Золотой Орды. Автор теоретических трактатов об успешном использовании в лечении различных болезней человека инструментальной и вокальной музыки тюркский музыкальный деятель XIII в. Сафиаддин Урмави считается зачинателем вошедшего в музыку крымских татар под названием *макъам* важнейшего в тюрко-исламской музыкальной культуре вида вокального и инструментального искусства *мугам* [10]. Методы лечения музыкой больных среди татар в Крыму применялись суфиями самого многочисленного на полуострове дервишеского ордена *мевлеви*. Распространяемая суфиями в Крыму музыка философа и мистика из Южного Азербайджана Шихабаддина Сухраварди (1155–1191) [45] сыграла значительную роль в процессе формирования и развития классики *диванной* дворцовой музыки татар Крыма.

В 1265 г. хан Золотой Орды Берке послав беклербека Ногая с войсками в Византию освободил удерживаемого императором Михаилом VIII Палеологом бывшего султана Рума Изеддина Кейкавуса II (ум. в Крыму в 1278 г.) [48, p. 92]. Хан женив султана на своей дочери Урбай-хатун пожаловал ему во владение *икта* землю между Судаком, Кырымом и Отузом [18, с. 357] позволив перевезти из Малой Азии его сельджукское окружение, челядь и придворных [40, с. 263], состоявших из ученых богословов, поэтов, людей искусства, музыкантов и большого братства мюридов мевлеви шейха и поэта суфия Джелаледдина Руми, членом которого состоял султан [55, s. 36, 37.]. Около 1265 г. с Балкан в окрестности Кырыма пришла орда анатолийских сельджуков и члены их семей во главе с исламским миссионером, дервишем и сказителем *ашиком* Султаном Сары Салтуком Мухаммедом Бухари [52, p. 171; 58, p. 639–667]. Очевидно, что дервиши самого музыкального братства мевлеви вместе с музыкантами двора бывшего султана Рума, распространяя мусульманские песнопения превратили Кырым в очаг распространения тюрко-исламской музыкальной культуры среди татар полуострова. Оседавшие в XIII–XIV вв. в Юго-Восточном Крыму сельджуки привнесли в музыкальную культуру татар традиции развитых у огузских народов певческих состязаний импровизаторов *ашиков* на увеселениях с пением, музыкой и танцами под названием *шейлян* или *шолен*.

Поселение татар близ Судака до 1944 г. называлось Шелен (Громовка). На надмогильных памятниках Кырыма XIII-XV вв., высечены имена ученых из научных и культурных центров мусульманского мира – Бухары, Тебриза, Эрбиля, Алеппо, Эрзурума, Сиваса, Коньи [3, с. 2–14; 4, с. 2–7]. Директор Восточного музея г. Ялты Якуб Кемаль в 1926 г. у татар под Судаком обнаружил рукопись суфийского трактата о музыке «Китаб аль-масабих фит – тасаввуф» Абу-Бакра ибн Юсуф ал-Хасана ал-Васити и опубликовал искусствоведческий анализ ее содержания [20, с. 159–168]. Автор – выходец из граничащей с Багдадом области Васит, значительную часть трактата «Про священную музыку сема» посвятил законам исполнения суфийской музыки. В процессе принятия ислама татарами на периферийный для мировых культур Крымский полуостров распространилась самая гармонически и мелодически сложная на то время музыкальная культура мусульманского Востока. Основную роль в придании ближневосточного оттенка мелодическому и гармоническому звучанию обрядовой музыки татар Крыма сыграла деятельность главных распространителей ислама на полуострове суфиев братства мевлеви, в бдениях которых из наибольшую роль играет массово используемая ими в ритуальной практике музыка [42, с. 67].

Музыкальные элементы зикров суфиев мевлеви сохраняются в ритуалах крымских татар до сегодняшнего дня. *Зикр* в суфийских обрядах это музыкальное явление *мусиḳа* («музыка») в самом широком значении и включает музыкальное искусство *ṣина ат ал-мусиḳа,* музыкальную науку *илм ал-мусиḳа*, вокальную музыку *гина* («пение»), музыкальную практику граничащей с речью, имеющей ритмическую структуру и напевный характер звучания музыки [50, p. 279]. Главной составляющей суфийской ритуальной практики, перешедшей в религиозные традиции крымских татар, является *сема* и означая «слушание», «аудирование», «вслушивание» в трактатах, посвященных вопросу о его дозволенности с точки зрения мусульманской этики и права часто переводится как «музыка». *Сема* – ритуал слушания суфиями мелодии стихов, напеваемых или декламируемых в сопровождении игры на музыкальных инструментах для достижения экстатического состояния, в котором они ощущают непосредственную близость к Богу, Его любовь и свою причастность к Нему. *Сема* – это прослушивание музыкальных произведений (в отличие от *зикра* – многократного проговаривания, произнесения определенных словесно-музыкальных формул) с акцентом на акте восприятия музыки слушателем и на тех чувствах, которые она вызывает у него в душе [42, с. 68].

Средневековые мусульманские мыслители, изучавшие влияние музыки на человека, всегда учитывали необычайную силу ее воздействия на человеческую душу. Мусульманские ученые были убеждены, что музыка способна непосредственно влиять на душевное состояние и нравственные качества и является «лекарством» благотворно влияющем на душевное и физическое здоровье [5, с. 596–608]. В философии распространявшегося с XIII в. в Крыму суфизма теория влияния музыки на душу человека занимает особое место. По учению философа XI–XII вв., одного из основателей суфизма Абу Хамида ал-Газали ат-Туси: «Слушание [музыки] не вызывает в сердце ничего такого, чего бы в нем не было, но волнует то, что в нем [есть]» [42, с. 69] и усиливает моральные качества, присущие конкретному человеку. В сема самого распространенного в золотоордынском Крыму братства «танцующих» или «вращающихся дервишей» мевлеви помимо песнопений главным являлись танец и его тесно связанное с народной музыкой татар полуострова музыкальное сопровождение, в котором: «классическая традиция была тесно связана с суфизмом, а суфийские ордена обеспечивали развитие и сохранение классической традиции» [31, с. 182]. Суфийская ритуальная музыка татар крымского улуса Золотой Орды активно развивалась и в последствии достигла своего расцвета в Крымском ханстве.

В Золотой Орде впервые, не прибрежные, а основанные татарами города равнинной части полуострова стали местом средоточия просвещения, науки, искусства, мировых культур и религий. Город Кырым, название которого вытеснило название Солхат и на рубеже XIV–XV вв. перешло на весь Крымский полуостров [9, с. 467–468] стал эпицентром процесса складывания этнического, исторического и культурного ядра крымских татар. В столице крымского улуса Золотой Орды начался процесс формирования крымскотатарской народной музыки. Проникновение исламской мелодики в основу зарождающейся крымскотатарской народной музыки помимо музыкальной деятельности суфиев мевлеви происходило и через открытые татарами учебные заведения Кырыма. В высшем теологическом учебном заведения столицы крымского улуса медресе Инджи-бек Хатун наряду с богословскими дисциплинами чтением и комментированием Корана *тефсир*, хадисоведением, теологией *калам*, татарским *сохта* («студентам») преподавались исламское право *фикх*, логика *мантык*, наука о нравственности *ахлак*, филологические дисциплины (арабский, фарси), астрономия *хейэт*, каллиграфия *хатт*, основы математики, религиозное стихосложение и самое главное – песнопение *нашид*.

В Кырыме улусбеку крымского улуса Тулек-Темуру были преподнесены два списка рукописи трактата по математике, развивающего учение великого Мухаммеда аль-Хорезми (ум. ок. 850 г.), [51, s. 224]. Каноны, основанной на музыкальных формах бдений-сема, охвативших все социальные слои общества татар Крыма братств дервишей религиозной музыки, обязательного исполнения всеми песенных восхвалений *илляхи* на молебнах *къуран къатим*, песнопений *селя* на похоронах *дженазе* отразились в крымскотатарской музыкальной мелодике и вокале. Очагами практики вокального и инструментального исполнения симбиоза музыки татар в Кырыме были текие и ханаки мюридов суфиев, место встреч музыкальных культур восточных и европейских народов – караван-сарай площадью в 0,39 га. [12, с. 150], залы домов татарской аристократии, хан-сарай правителей крымского улуса [12, с. 23].

Ибн Баттута в сообщении о своем пребывание с эмиром крымского улуса Кутлуг-Тимуром весной 1333 г. у эмира Азака описал их чествование, где чтецы нараспев читали [Коран], священник проповедовал, молясь за султана, за эмира и за присутствующих по-арабски, переводил им по-тюркски, а чтецы принялись за пение сначала по-арабски *кауль*, а потом по-персидски и по-тюркски *моллама* [40, с. 365]. Таким образом арабо-персидская мелодика проникала в музыку татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым. Крым в X – перв. полов. XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.

2. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X.

3. Акчокраклы О. Старо-крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. Симф-ль, 1927. 15 с.

4. Акчокраклы О. Старо-крымские надписи (По раскопкам 1928 г.). Симф-ль, 1929. 8 с.

5. Аметова Л.А. История развития арттерапии // Исполнительское искусство и музыковедение: параллели и взаимодействия: сб. статей по материалам Международной научной конференции 6–9 апреля 2009 г. / ГКА им. Маймонида; под ред. В.Р. Ириной. М., 2010. С. 596–608.

6. Анна Комнина. Алексиада / пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996.

7. Анохин В.В., Приднев С.В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма. Симф-ль, 2014. Т. 1. С. 435–453.

8. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

9. Бартольд В.В. Крым // Сочинения. Т. 3: Работы по исторической географии. М., 1965.

10. Бернарда Моуссоли. Арабская классическая музыка // Журнал Курьер ЮНЕСКО. № 1. 1978.

11. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» / Записки Одесского общества истории древностей. ЗООИД. 1915. Том XXVII. 40 с. 14 табл.

12. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым. Сим-ль, 2014. 212 с.

13. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие Том II. Памятники духовной культуры. Алматы, 2007. 911 с.

14. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV в). Уфа, 1998.

15. Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Прчерномор'я // Археологія. 2011. No 1. С. 40–50.

16. Гершкович Я.П. Половецкий кобызчи. Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Донецк. 2012. С. 221–250.

17. Дончев С. Към въпроса за происхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструменти в Европа // Музикални горизонти. Союз на музикалните дейци в Бъгарии. Бюлетин. No 3. София, 1984. С.102–149.

18. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном. Алматы, 2005.

19. История Крыма. Т. 1. М., 2018.

20. Кемаль Я. Арабський суфійський рукопис XIII в., в Криму знайдений і чи не в Криму й писаний // Студії з Криму. I–IX / ред.: А.Е. Кримський. К., 1930. С. 159–168.

21. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Перевод и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.

22. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

23. Кононов А.Н. Vladimir Drimba. Syntaxe comane // Советская тюркология. 1974. №4. С.107–110.

24. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 360 с.

25. Константин Багрянородный. Об управлении государством. М., 1989.

26. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–VIV вв. // Итоги работ археологической экспедиции государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ, 1989. С. 141–157.

27. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Выпуск 10, Симферополь, 2003.

28. Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.

29. Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII – XIV вв. // Сборник материалов международ. конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма» посвященной 700 – лет. мечети хана Узбека» (г. Старый Крым), Симферополь, 2014.

30. Махмуд ал-Кашгари Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. 1288 с.

31. Наср С.Х. Исламское искусство и духовность / пер. с анг. М. Салганик. М., 2009. 232 с.

32. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников, вып. Е 4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

33. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

34. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

35. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. // М.: Госиздательство географической литератур. 1957. 272 с.

36. Расовский Д. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Condacovianum. Praha, 1929, t. III. С. 193–214.

37. Самашев З. Культура ранних тюрков Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Сборник материалов междунар. научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана». Алматы, 2014. С. 669–690.

38. Самойлович А.Н. К истории и критике Codex Cumanicus // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симфер-ль, 2000. С. 175–180.

39. Спицын А.А. Кочевнический курган близ г. Юрьева-Польского // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 78–83.

40. Тизенгаузен В.Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941.

41. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Москва: Дом Бируни, 1991. 1228 с.

42. Федорова Е.С. Музыка в суфийской ритуальной практике // Исламоведение ДГУ. Махачкала, 2014. № 3. С. 65–71.

43. Чариков А.А. Статуя музыканта XII века // Советская археология. 1981. N 2. С. 289–291.

44. Швецов М.Л. Песнь степи // Археология Евразийских степей. № 5. Казань, 2017. С. 108–116.

45. Шихабаддин Йахйа Сухраварди. Воззрения философов. Перевод З.Дж. Мамедова и Т.Б. Гасанова. Баку, 1986.

46. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

47. Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // Советская археология. 1937. № 3. С. 252–254.

48. Amitai-Preiss R. Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281, Cambridge University Press, 1995.

49. Büyük Türkçe Sözlük. Hazırlayan D. Mehmet Doğan. Rehber Yayınları Ankara.1990.1197 s.

50. During J. What is sufi music? // The legacy of mediaeval Persian sufism / ed. L. Lewisohn. London: Khaniqahi Nimatullahi Publications, 1992. P. 277–287.

51. Fazlıoğlu İ. Altın-Orda Ülkesi'nde İlk Matematik Kitabı: Hesap Biliminde Şaheser [et-Tuhfe fî ilmi'l- hisâb] // Teoman Duralı'ya Armağan. İstanbul, 2008. S. 224–259.

52. Franz Babinger. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. Oğlak Yayınları. Istanbul. 2008. Sarı Saltuk Baba, 479 p. p. 171.

53. Gazimihal, Mahmut R. Ülkelerde kopuz ve tezeneli sazlarımız. 2. Bsk. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2001.

54. Golden, Peter (1992), "Codex Cumanicus", Central Asian Monuments, Edited by H.B. Paksoy, İstanbul: Isis Press, s. 29–58.

55. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar. Türkiye (1074–1990). Cilt: II. Ankara, 1996. 1224 s.

56. Radloff, Vilhelm. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest, 1880). (Lu le 25.11.1886), St.-Pbg., 1887 (MA, ser. VII, XXXV, № 6. C. 20, 27, 46).

57. Taneri A. Hüsâmeddin Çoban / İslâm Ansiklopedisi. İstanbul., 1998. S. 513.

58. Witek P. Yazijioglu Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV, Part 3, 1952.

Сведения об авторе: Исмет Аблятифович Заатов – доктор философии в арткритицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); научный сотрудник, Институт антропологии культуры и фольклора Университета Хазар (Баку, Азербайджан). E-mail: zaatov@gmail.com

TURKIC-ISLAMIC BASIS OF THE CRIMEAN TATARS MUSIC OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

I.A. Zaatov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Institute of Cultural Anthropology and Folklore (MAFI Khazar University)

The aim of the study: to identify the ethnocultural features of the genesis of the musical culture of the Crimean Tatars of the Golden Horde period by determining the role in this process of music and language of their Oghuz-Kipchak ancestors, Islamic musical culture, music of the Asia Minor and Khorezm Muslim Turks. Research materials: a comparative analysis of the musical terminology of the dictionaries "Divan Lugat at-Turk" of the 11th century and "Codex Cumanicus" of the 13th–14th centuries with the musical vocabulary of the Crimean Tatar dialects, the results of archaeological studies of Turkic burials, information from written sources and publications on the ethnocultural processes and musical art of Crimea before the Golden Horde and Golden Horde periods. Results and scientific novelty of the research: for the first time in art history practice, based on the analysis of sources and existing studies, it was revealed that in the pre-Golden Horde period in the musical life of the ancestors of the Crimean Tatars, the Kipchak-Polovtsian musical instruments and the nomadic musical culture of the Eurasian steppes predominated. It was also established that after the accession of the Golden Horde in the first half of the 13th century, which brought political stability and economic and cultural development to the peninsula, elements and features characteristic of the Turkic-Islamic music of the Seljuk Turks of Anatolia and the Balkans, as well as the Muslim Turks of Central Asian Khorezm and Bukhara, began to penetrate into the music of the Tatars of its Crimean Ulus.

Keywords: music, culture, Islam, Turkic languages, Tatars, Crimea, Golden Horde

About the author: Ismet A. Zaatov – Dr. Sci. (Art Criticism), Cand. Sci. (Art Criticism), Leading Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Research Fellow, Institute of Cultural Anthropology and Folklore (MAFI Mədəni Antropologiya və Folklor İnstitutu) under the Khazar University (Baku, Azerbaijan). E-mail: zaatov@gmail.com

ЭПИГРАФИКА, НУМИЗМАТИКА, АРХЕОЛОГИЯ

УДК 801.7:930.27+512.145

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА (XIV в.) НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

И.И. Гайнуллин[1], Х.М. Абдуллин[1], А.В. Касимов[2], Р.Р. Аминов[1], А.В. Аксанов[1], Л.Н. Багаутдинова[3]

[1] Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
[2] Независимый исследователь
[3] Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ

Цель исследования: показать оценку состояния и осветить вопросы сохранения эпиграфических памятников золотоордынского периода XIV века на территории Республики Татарстан. Материалы исследования: булгаро-татарские эпиграфические памятники (надмогильные камни) XIV в. В работе также задействованы данные историографии изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников и результаты современные методов исследования эпиграфических памятников. Результаты и научная новизна: Приведены примеры непрофессиональных попыток сохранения и реставрации эпиграфических памятников. Обосновывается актуальность эффективности процесса сохранения эпиграфических памятников путем использования комплекса мер, включающих в себя документирование намогильных камней методами фотограмметрии, создание 3D-моделей, фиксации точного местоположения с использованием ГНСС и представления полученных данных в ГИС на специализированном геопортале.Показаны современные методы изучения эпиграфических памятников булгаро-татарского времени, включая 3D-сканирование, фотограмметрию, высокоточную фотофиксацию, с размещением цифровых копий памятников на web-ресурсе. Уделено значительное внимание характеристике территории исследования, особенностям цифрового документирования и методике оценки современного состояния памятников эпиграфики. Благодаря результатам высокоточной фотограмметрической съемки и 3D-моделированию удалось получить цифровые копии объектов, что делает возможным определить изменения форм, а также восстановить форму утраченных объектов по архивным данным. Впервые публикуется анализ состояния 24 эпиграфических памятников, обследованных в ходе полевых исследований 2023–2024 гг. Исходя из проведенного на основе анализа материалов цифрового документирования авторы приходят к неутешительному выводу о плохой сохранности более половины из обследованных намогильных камней золотоордынского периода.

Ключевые слова: эпиграфические памятники XIV в., булгаро-татарские надмогильные камни, Золотая Орда, 3D-моделирование, фотограмметрия, высокоточная фотофиксация, негативные факторы, сохранение культурного наследия

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00993, https://rscf.ru/project/25-28-00993/

Татарские эпиграфические памятники являются уникальными историческими источниками и представляют собой неотъемлемую часть нашего историко-культурного наследия. Множественные социально-политические катаклизмы, войны, народные восстания, происходившие в Волго-Уральском регионе в древности, а также природные факторы способствовали тому, что татарское письменное наследие дошло до наших дней в крайне ограниченном объеме [7, с.4]. В условиях, когда иных письменных свидетельств прошлого почти не сохранилось, намогильные камни могут рассказать нам о различных аспектах истории, культуры, языка и литературы, географии, демографии и этногенеза татарского народа.

Наиболее древние эпиграфические памятники, сохранившиеся на территории Республики Татарстан – намогильные камни, которые относятся к периоду Золотой Орды. Вопросы возникновения и развития булгаро-татарской эпиграфической традиции достаточно подробно разработаны в историографии. Также общепризнанным является признание того факта, что на возникновение и развитие эпиграфики в Волго-Уралье после монгольского завоевания и включения Волжской Булгарии в качестве Булгарского Улуса в состав Золотой Орды, в большей степени, оказали влияние пришедшие из Средней Азии, различные груп-

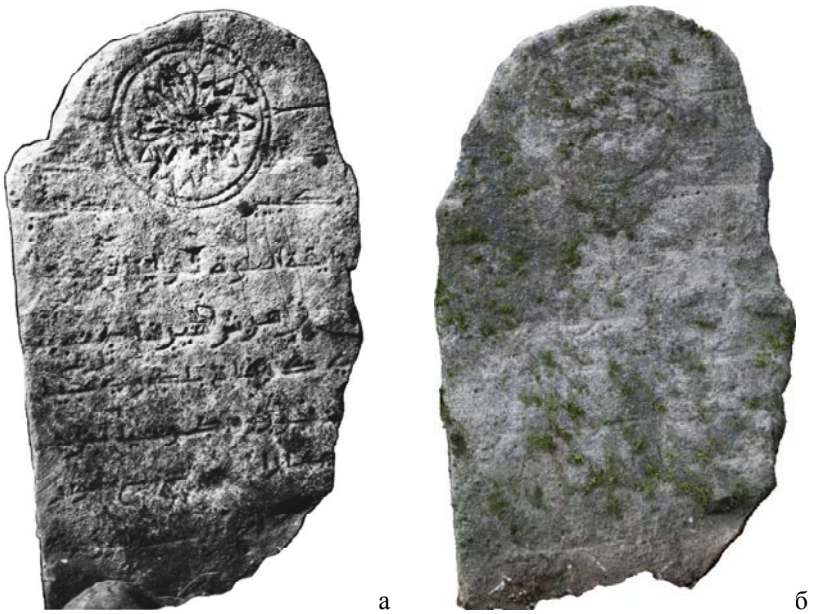
пы тюрок, включая караханидских татар [1, с.31]. Наличие намогильных камней в домонгольской Волжской Булгарии не подтверждено и связывать традицию установки эпитафийных памятников в Волго-Уральском регионе с более ранним периодом не представляется возможным.

Таким образом, появившаяся и распространившиеся на территории Волго-Уральского региона традиция установки намогильных камней связана исключительно со временем возникновения и существования Золотой Орды, эти объекты эпиграфического наследия представляют собой уникальные, сохранившиеся до наших дней, исторические и лингвистические источники. Анализ их состояния и обеспечение сохранности является приоритетной задачей как для исторической научной общественности, так и для государственных органов охраны памятников. За последние десятилетия большое количество намогильных камней как по отдельности, так и в качестве «кладбища с камнями» выявлено и поставлено на государственный учет [5, с.86, 120].

История научного изучения эпиграфических памятников золотоордынского периода на территории Республики Татарстан насчитывает более 100 лет и активно продолжается по сегодняшний день [9, с.82] Уже в середине XX в. Н.Ф. Калинин, а затем Г.В. Юсупов, неоднократно ставили вопрос о сохранности и охране данного вида памятников культурного наследия и предлагали способы решения этой проблемы [3, с.167]. Изыскания прошлых лет представляют особенную ценность в контексте выявления и анализа динамики разрушения выявленных объектов эпиграфического наследия.

На протяжении всей истории своего существования булгаро-татарские намогильные камни интенсивно разрушаются под воздействием различных природных и антропогенных факторов, перемещаются со своего местонахождения, используются в хозяйственных целях, а памятники, находящиеся вне музеев и вне территории современных кладбищ, находятся на грани исчезновения и с годами этот процесс только интенсифицируется.

Непрофессиональные попытки сохранения и подходы к реставрации эпиграфических памятников со стороны обывателей – покраска, цементирование, установка на постаменты, оштукатуривание и пр. – ведут только к разрушению объектов эпиграфического наследия. Реставрация, проводимая специалистами на профессиональном уровне крайне трудозатратна и требует значительных финансовых и временных вложений. Кроме того, профессиональная реставрация невозможна по отношению к камням, находящимся in situ. Работы по восстановлению облика камней, даже проводимые специалистами, но без должного научного руководства, также несут угрозу исторической информации, содержащейся на памятниках. При работе с одним из камней, хранящемся в Болгарском историко-культурном музее-заповеднике, реставраторы приняли решение замаскировать «вандальное граффити», в то время как любое последующее вмешательство во внешний облик камня является ценным источником по социальной истории – свидетельством отношения общества к булгаро-татарскому наследию в разные исторические периоды [2, с. 305].

а б

Рис. 1. Кирменское кладбище. Камень 6, 1336 г.
а – фотофиксация 1960-х гг., б – ортофотоплан 2024 г.

Таким образом, на сегодняшний день, на наш взгляд, наиболее эффективным процессом сохранения данного вида наследия является комплекс мер, включающий в себя документирование намогильных камней методами фотограмметрии, создание 3D-моделей, фиксации точного местоположения с использованием ГНСС (Глобальные навигационные спутниковые системы, здесь и далее – ГНСС) и представление полученных данных в ГИС (расшифровать) на специализированном геопортале [1, с.32]. Использование современных методов документирования эпиграфических памятников методами фотограмметрии, трехмерного моделирования имеет огромное значение потому, что тексты и орнамент на многих памятниках, даже в сравнении с фотофиксацией камней второй половины XX в., дошли до нас в выветренном, трудночитаемом виде **(Рис. 1)**.

Территория исследования

По своеобразию оформления, орнаментации, технике исполнения и структуре текстов среди булгарских эпиграфических памятников XIII–XIV веков выделяются четыре региональных округа – Болгарский, Кирменско-Джукетауский, Восточный (Чишминский) и Северный [4, с. 24].

В 2022–2023 гг. памятники XIII–XIV вв. были обследованы на территории географического региона Западное Предкамье Республики Татарстан, включающем в себя следующие административные районы Республики Татарстан **(Рис. 2)** –

Арский район – 2 памятника

Высокогорский – 1 памятник

Мамадышский – 15 памятников

Тюлячинский – 3 памятника

Пестречинский – 1 памятник

Памятники, расположенные у с. Средние Кирмени, Нижние Яки, Уразбахтино Мамадышского района РТ, по мнению Д.Г. Мухаметшина, относятся к **Кирменско-Джукетаускому региональному округу**. Характерными чертами надгробий этого округа являются следующие особенности: в оформлении отсутствие арки и бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт [4, с.25]. Камни, расположенные на территории остальных административных районов, относятся к **Болгарскому региональному округу**, чья обширная территория распространяется на Западное Закамье, Предволжье и Предкамье РТ. Характерными чертами памятников Болгарского округа является наличие на них стрельчатой арки с плечиками и шрифта – стройного каллиграфического булгарского куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение линейного или геометрического мотива. [4, с. 24].

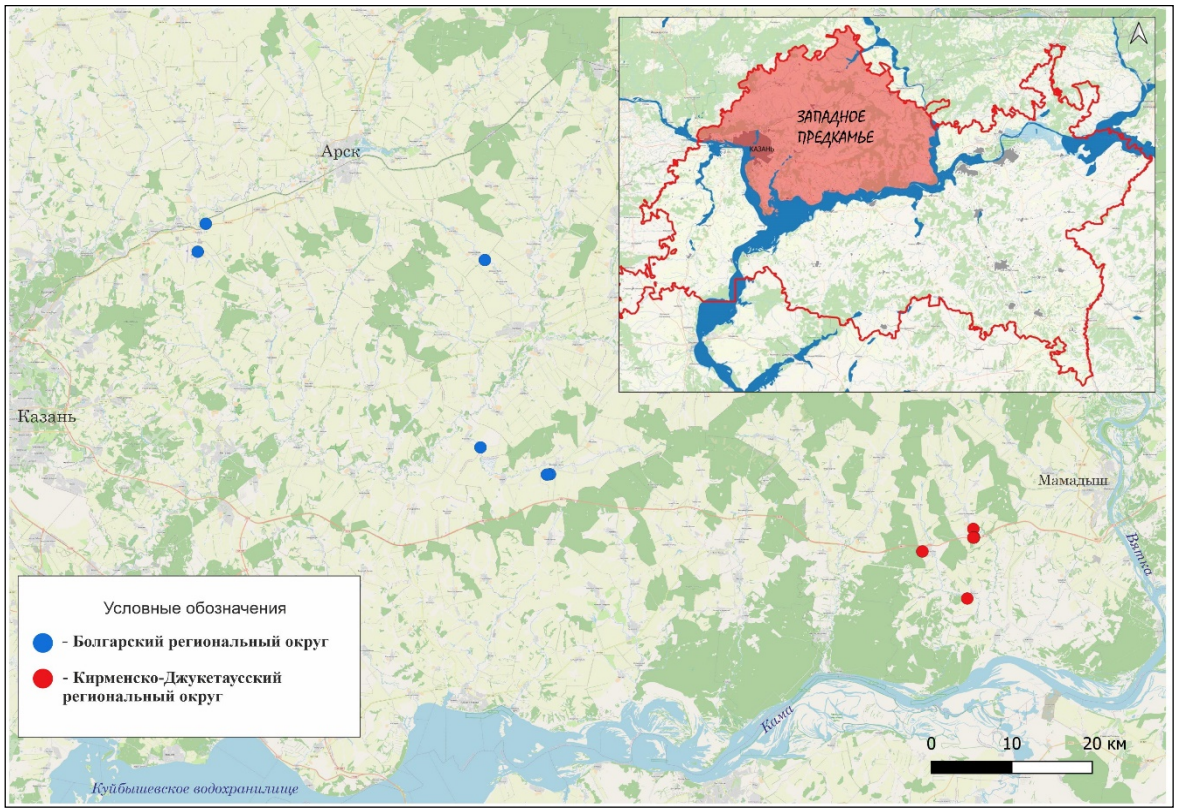

Рис. 2. Территория исследования и размещения намогильных камней XIV в. На территории Западного Предкамья РТ

Цифровое документирование

Цифровая документация исторических объектов – это процесс создания точных виртуальных копий артефактов с использованием современных технологий. Для намогильных камней периода Золотой Орды такая документация включает фиксацию местоположения, формы, текстуры, надписей и орнаментов, что делает их доступными для изучения и отслеживания динамики изменения состояния. Хранение, отображение и комплексное изучение цифровых копий памятников обеспечивает веб-ресурс, представляющий собой интерактивную платформу, объединяющую пространственные данные, фотоматериалы, трёхмерные модели, детальное описание и так далее.

Для получения моделей намогильных камней был избран фотограмметрический способ. Опыт работы российских исследователей с памятниками эпиграфики, находящимися *in situ,* показал, что лазерное сканирование пока малопригодно для выполнения задач точного документирования эпиграфического наследия, не позволяет ни создавать модели высокой детальности, точно воспроизводящие выбивки и гравировки, ни корректно передавать цвет документируемой поверхности. Применение лазерного сканера требует высоких затрат на приобретение и эксплуатацию оборудования, которое достаточно хрупкое и неудобное для использования в полевых условиях [6, с.131].

Перед началом фотограмметрических работ, при выявлении объекта на местности происходит подготовка места фотосъёмки, а именно: в радиусе одного метра от объекта удаляется растительный покров, кустарники и ветви деревьев, временно демонтируются ограждающие конструкции, в случае их наличия.

Для построения высокодетализированной трёхмерной модели производилась фотосъёмка полнокадровой камерой Canon 6D с объективом Yongnuo 50mm F1.8 при естественном освещении без штатива с выдержкой не более 1/60 секунды и ISO не более 800 единиц. Для обеспечения приемлемой глубины резкости использовалось значение диафрагмы f/7 – f/9. Расстояние между камерой и объектом составляло примерно 30 см, что позволило каждому снимку охватывать область пространства поверхности примерно 20 х 15 см (0.03 кв.м.) для плоской поверхности. Так, например, общая площадь намогильного камня высотой 1 м, шириной 0.5 м и толщиной 0.15 см составляет 1,45 кв.см. Поскольку применяемый фотограмметрический метод требует присутствия каждой точки объекта на не менее чем двух кадрах, то общее количество снимков должно быть не менее, чем 96 штук для получения текстурной карты с максимальным разрешением не менее 150 пикселей на 1 кв.мм.

Также были сделаны общие видовые кадры камней с нивелирной рейкой для возможности уточнения размеров при обработке результатов исследования. Кроме того, для получения легковесной 3D-модели (200 тысяч полигонов), пригодной для просмотра через веб-ресурс, было использовано устройство Apple Iphone 13 Pro Max, оснащённое лидаром и программным обеспечением Scaniverse, что позволяло одновременно производить съёмку и строить геопривязанные модели с реальными размерами, проверять их корректность, находясь в непосредственной близости от снимаемых объектов.

Для получения подробных трёхмерных моделей намогильных камней и развёрток их граней с помощью метода фотограмметрии был использован программный продукт Agisoft Metashape. Первичная подготовка изображений заключалась в маскировании тех областей изображения, где присутствовали посторонние объекты, например, стволы деревьев и элементы ограждающих конструкций. Далее в автоматическом режиме происходил поиск характерных общих точек на изображениях и на основе их взаимного расположения вычислялось их пространственное положение. Следующим шагом являлось создание плотного облака точек (40–150 миллионов), на основе которого строилась высокоточная полигональная модель (свыше 1 миллиона полигонов) как для всего объекта в целом, так и отдельно для каждой его грани, представляющей научный интерес (с надписями, орнаментами). Далее на полную модель каждой грани наносилась текстура, после чего были получены ортографические проекции граней, что повысило разрешающую способность видового кадра каждой грани по сравнению со способом обычной съёмки. Кроме того, на основании плотного облака точек каждой грани была создана карта высот, где с помощью цветной раскраски микрорельефа была значительно повышена видимость контуров надписей и орнамента.

При проведении полевого исследования фиксировалось точное местоположение камеры с помощью высокоточного геодезического GNSS-приемник EMLID Reach M+ со спиральной антенной TOPGNSS TOP508.

Таким образом, для каждого намогильного камня был получен комплект материалов, полностью отражающий его современное состояние и включающий в себя:

– набор фотоснимков высокого разрешения, в том числе, с нивелирной линейкой;

– легковесную 3д-модель, пригодную для просмотра через интернет-соединение;

– подробную 3д-модель;

– ортогональные проекции граней повышенного разрешения;

– карты высот граней объектов с улучшенной читаемостью надписей и видимостью орнамента.

Методика оценки современного состояния памятников эпиграфики

Намогильные камни, как правило, располагаются:

1. На современных или заброшенных кладбищах.
2. Отдельно в округе населенных пунктов.
3. Непосредственно в самих населенных пунктах.

Местонахождение памятников во многом обуславливает причины, приводящие к разрушению памятников и при оценке сохранности эпиграфических памятников указанного периода можно выделить 2 группы факторов, влияющих на современное состояние памятников археологии:

1) природные;

2) антропогенные.

Для экзогенных негативных процессов характерны выветривание, осадочная нагрузка, зарастание. Как правило, на памятники негативное воздействие оказывают сразу несколько факторов, однако некоторые из них являются преобладающими. При выветривании осыпается поверхностный слой намогильного камня, содержащий текст и орнамент, такой тип воздействия в большей степени характерен для отдельно стоящих объектов, находящихся на открытых местах **(Рис. 3а)**. Осадочная нагрузка и зарастание скорее характерны для камней, находящихся на современных или заброшенных кладбищах. Традиционная для татарских кладбищ залесенность с одной стороны, защищает от выветривания, но с другой приводит, во-первых, к накоплению на камнях осадков – снега, что способствует излишней нагрузке на объект и разлому памятника **(Рис. 3б)**, а во-вторых, при отсутствии расчистки кладбищ от растительности – к обрушению сгнивших деревьев на намогильные камни (**Рис. 3в).**

Рис. 3а. Таутерменьский намогильный камень, XIV в.

Рис. 3б. Кирменское кладбище. Камень 2, XIV в.

Рис. 3в. Кирменское кладбище. Камень 12, 1352 г.

Негативное антропогенное воздействие заключается в проведении мероприятий по непрофессиональной реставрации и сохранению, сельскохозяйственным работам в непосредственной близости от расположения камней. Непрофессиональная реставрация включает в себя как покраску, оштукатуривание, цементирование, укрепление арматурой, установку на бетонные постаменты, так и другие виды вмешательства в облик намогильного камня с целью его сохранения. Последствиями всего этого являются разрушение камня, недоступность текста и орнамента для исследователей **(Рис. 4а, 4б)**.

К сельскохозяйственной деятельности, негативно воздействующей на состояние намогильных камней, можно отнести выпас скота, при котором животные наносят вред отдельно стоящим в поле намогильным камням и распашку, при которой также могут быть уничтожены отдельно стоящие в поле памятники **(Рис. 4в)**. К разрушительному влиянию также можно отнести и перемещение камней силами жителей населенных пунктов. Будучи объектами почитания, намогильные камни нередко перетаскивали с

кладбищ в более удобные для обрядов места – к родникам, непосредственно в населенные пункты или просто собирали в округе и группировали в одном месте.

Рис. 4а. Альдермышский намогильный камень, XVI в.

Рис. 4б. Айбашский намогильный камень, XVI в.

Рис. 4в. Уньбинский намогильный камень, XVI в.

При анализе факторов негативного воздействия на состояние намогильных камней, за основу была взята система, разработанная при оценке состояния городищ Волжской Булгарии [8, с.497]

На основе этой системы, памятники были отнесены к трем категориям процессов, оказывающих негативное влияние:

1) экзогенные процессы;
2) антропогенные процессы;
3) смешанный тип – экзогенные + антропогенные.

Для оценки современного состояния намогильных камней, на основе целостности текста как основного исторического источника была разработана балльная система оценки сохранности для ранее выявленных эпиграфических камней, где:

a) 0 – камень не выявлен/не найден;
b) 1 – камень уничтожен (в обломках);
c) 2 – на камне не сохранилось надписей и орнамента;
d) 3 – фиксируются отдельные фрагменты текста и орнамента;
e) 4 – в тексте и орнаменте встречаются пропуски;
f) 5 – текст и орнаментация в полной сохранности.

Балльная система оценки современного состояния применялась ко всем изученным в 2023–2024 г. объектам эпиграфического наследия.

Анализ состояния памятников. В ходе полевых исследований 2023–2024 гг. были обследованы, задокументированы и проанализированы 24 эпитафийных памятника золотоордынского периода. Местоположение, оценка их состояния и факторы, влияющие на их сохранность приведены в таблице 1:

пп	Наименование	Датировка	Местонахождение	Категория воздействия	Сохранность (в баллах)
1	Большенырсинское	1357	отдельно	1	4
2	Большенырсинское 2	1399	кладбище	1	4
3	Верхнекибякозинское 1	XIV в.	отдельно	2	3
4	Верхнекибякозинское 2	XIV в.	отдельно	2	3
5	Кирменское кладбище. Камень 1	1339–40	заброшенное кладбище	2	3
6	Кирменское кладбище. Камень 2	XIV в.	заброшенное кладбище	2	3
7	Кирменское кладбище. Камень 3	1338	заброшенное кладбище	1	3

8	Кирменское кладбище. Камень 4	XIV в.	заброшенное кладбище	2	3
9	Кирменское кладбище. Камень 5	XIV в.	заброшенное кладбище	2	3
10	Кирменское кладбище. Камень 6	1337	заброшенное кладбище	1	3
11	Кирменское кладбище. Камень 7	XIV в.	заброшенное кладбище	1	3
12	Кирменское кладбище. Камень 8	XIV в.	заброшенное кладбище	1	2
13	Кирменское кладбище. Камень 9	XIV в.	заброшенное кладбище	1	3
14	Кирменское кладбище. Камень 10	1351–52	заброшенное кладбище	2	3
15	Кирменское кладбище. Камень 11	XIV в.	заброшенное кладбище	2	3
16	Кирменское кладбище. Камень 12	1352	заброшенное кладбище	2	4
17	Нижнеякинское кладбище. Камень 1	1344	заброшенное кладбище	1	4
18	Нижнеякинское кладбище. Камень 2	1349	заброшенное кладбище	1	4
19	Нижнеякинское кладбище. Камень 3	1358	заброшенное кладбище	1	3
20	Староашитское 1	XIV в.	отдельно	2	4
21	Староашитское 2	1357	отдельно	2	4
22	Таутерменьское	XIV в.	отдельно	2	3
23	Уразбахтинское	XIV в.	отдельно	2	3
24	Ямашурминское 2	1382	кладбище	1	4

В ходе анализа полученных материалов из числа камней, относящихся к золотоордынскому периоду, на территории Западного Предкамья РТ: 11 объектов (45%) подвержены негативному влиянию природных процессов – выветривание и осадки, 13 объектов (55%) – смешанному типу, экзогенные и антропогенные факторы – перемещение памятников, попытки реставрации. Для территорий кладбищ преобладающими являются природные факторы, приводящие к разрушению намогильных камней, в то время как смешанный тип негативного воздействия характерен в большей мере для камней, стоящих отдельно, вне современных или заброшенных кладбищ.

При балльной оценке сохранности золотоордынских памятников получены следующие результаты: 2 балла (на камне не сохранилось надписи и орнамента) – 1 камень (4%), 3 балла (фиксируются отдельные фрагменты текста и орнамента) – 14 камней (58%), 4 балла (в тексте и орнаменте встречаются пропуски) – 7 камней (29%), 5 баллов (текст и орнаментация в полной сохранности) – 0 камней (0%). Таким образом, исходя из проведенного на основе анализа материалов цифрового документирования, можно констатировать плохую сохранность более половины из обследованных намогильных камней золотоордынского периода в указанном географическом регионе.

Выводы. Впервые для эпиграфических памятников золотоордынского периода, расположенных на территории Республики Татарстан исследования проводятся на современном методическом и техническом уровне. Благодаря использованию современных технологий и 3D-моделирования становится возможным вывести изучение объектов на новый научный уровень, проанализировать и произвести оценку факторов, негативно влияющих на сохранность намогильных камней.

В ходе исследований 2023–2024 гг. была разработана бальная система оценки сохранности, что позволяет оценить современное состояние памятников и определить объекты, нуждающиеся в принятии своевременных охранных мероприятий.

Трехмерное моделирование позволяет обеспечить создание точных виртуальных копий артефактов с использованием современных технологий. Для намогильных камней периода Золотой Орды такая документация включает фиксацию местоположения, формы, текстуры, надписей и орнаментов, что делает их доступными для изучения и отслеживания динамики изменения состояния.

Основным инструментом представления и анализа цифровых копий намогильных камней является геопортал – специализированный веб-ресурс, реализующий следующие функции научного документирования и проведения дальнейших исследований:

– отображение пространственного распределения намогильных камней на интерактивной карте;

– просмотр трехмерных моделей через веб-браузеры с возможностью навигации и измерения;

– визуализация поверхности граней, в том числе, с улучшенной видимостью надписей и орнаментов;

– обеспечение доступа к связанной атрибутивной информации: датировке, тексту надписей и их переводам, исторической справке, библиографии;

– предоставление инструментов поиска и фильтрации объектов по различным параметрам.

Благодаря использованию современных технологий и 3D-моделирования становится возможным вывести изучение объектов на новый научный уровень, повысить читаемость как сохранившихся надпи-

сей, так и, в некоторых случаях, утраченных или не видимых для человека. А самое главное – это дает возможность сохранить для потомков 3D-модель намогильного камня на момент проведения съемок, включая такие важные параметры как физические размеры и точное место локации эпиграфического объекта культурного наследия периода Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В., Гайнутдинов А.М., Хамидуллин С.М., Багаутдинова Л.Н. Документирование булгаро-татарских эпиграфических памятников современными методами. Восток (Orients). 2023. № 6. С. 29–41. DOI: 10.31857/S086919080026375-9

2. Макарова А.С., Каплан П.Ю., Котов Р.В., Федан П.В. Опыт реставрации эпиграфических памятников и архитектурных деталей из фондов БГИАМЗ // Археология Евразийских степей. № 6. 2021. С.302–307.

3. Мухаметшин Д.Г. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики// Поволжская археология. 2014. № 4(10). С.154–177.

4. Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с.

5. Путеводитель по Научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш.Марджани АН РТ / отв. ред. Х.М. Абдуллин. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории АН РТ, 2011. 220 с.

6. Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Тишкин А.А. Использование современных цифровых технологий для документирования и всестороннего изучения «оленных» камней, хранящихся в музеях России // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С.131–136.

7. Татарская эпиграфическая традиция. Булгарские эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Кн. 1 / Авт.-сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. 160 с.

8. Усманов Б.М., Гайнуллин И.И., Гафуров А.М., Иванов М.А., Хомяков П.В.,Губайдуллин А.М., Ермолаев О.П., Абдуллин Х.М., Саламатина Н.С., Касимов А.В. 2021. Страна городов: комплексные исследования городищ Волжской Булгарии // Региональные геосистемы, 45(4): 481–504. DOI: 10.52575/2712-7443-2021-45-4-481-504

9. Хамидуллин С.Р., Гайнутдинов А.М., Гайнуллин И.И., Абдуллин Х.М., Касимов А.В. Историография изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников в Заказанье и современные методы исследования // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 79–90. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.79-90

Сведения об авторах: Искандер Ильгизович Гайнуллин – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9224-6072, Scopus AuthorID: 56150512700. E-mail: gainullis@gmail.com

Халим Миннуллович Абдуллин – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953, ResearcherID: F-6652-2018, Scopus AuthorID: 56707127600. E-mail: xalimabd@mail.ru

Алексей Валерьевич Касимов – независимый исследователь (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8625-8309. E-mail: delaluna@mail.ru

Рустем Равилевич Аминов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184. E-mail: rustem_270988@mail.ru

Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus AuthorID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

Лилия Наилевна Багаутдинова – кандидат технических наук, доцент кафедры технической физики, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5300-9880. E-mail: lilup@bk.ru

ASSESSMENT OF THE STATEMENT AND QUESTIONS OF PRESERVATION THE GOLDEN HORDE PERIOD (14th CENTURY) EPIGRAPHIC MONUMENTS IN THE TERRITORY OF THE TATARSTAN REPUBLIC

I.I. Gainullin[1], Kh.M. Abdullin[1], A.V. Kasimov[2], R.R. Aminov[1], A.V. Aksanov[1], L.N.Bagautdinova[3]

[1] Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

[2] Independent Researcher

[3] Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The purpose of the study is to show an assessment of the condition and highlight the issues of preservation of epigraphic monuments of the Golden Horde period of the 14th century on the territory of the Republic of Tatarstan. Research materials: Bulgarian-Tatar epigraphic monuments (gravestones) of the 14th century. The work also includes data from the historiography of the study of Bulgarian-Tatar epigraphic monuments and the results of modern methods of studying epigraphic monuments. Results and scientific novelty: Examples of unprofessional attempts to preserve and restore epigraphic monuments are given. The article substantiates the relevance of the effectiveness of the process of preserving epigraphic monuments by using a set of measures, including documenting gravestones using photogrammetry methods, creating 3D models, fixing the exact location using GNSS and presenting the data obtained in GIS on a specialized geoportal. Modern methods of studying the epigraphic monuments of the Bulgarian-Tatar period are shown, including 3D scanning, photogrammetry, high-precision photofixing, with the placement of digital copies of monuments on a web resource. Considerable attention is paid to the characteristics of the research area, the features of digital documentation and the methodology for assessing the current state of epigraphic monuments. Thanks to the results of high-precision photogrammetric imaging and 3D modeling, it was possible to obtain digital copies of objects, which makes it possible to determine shape changes, as well as restore the shape of lost objects from archival data. For the first time, an analysis of the condition of 24 epigraphic monuments surveyed during field research in 2023–2024 is published. Based on the analysis of digital documentation materials, the authors come to a disappointing conclusion about the poor preservation of more than half of the surveyed tombstones of the Golden Horde period.

Keywords: epigraphic monuments of the 14th century, Bulgaro-Tatar tombstones, Golden Horde, 3D modeling, photogrammetry, high-precision documentation, negative factors, preservation of cultural heritage

Financial Support: The study was funded by the Russian Scientific Foundation, grant No 25-28-00993, https://rscf.ru/project/25-28-00993/

About the authors: Iskander I. Gainullin – Research Fellow of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9224-6072; ScopusID: 56150512700. E-mail: gainullis@gmail.com

Khalim M. Abdullin – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953, ResearcherID: F-6652-2018, ScopusID: 56707127600. E-mail: Xalimabd@mail.ru

Alexey V. Kasimov – Independent Researcher (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8625-8309. E-mail: delaluna@mail.ru

Rustem R. Aminov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184. E-mail: rustem_270988@mail.ru

Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880, ResearcherID: K-2763-2017; Scopus AuthorID: 57200985036. E-mail: aksanov571@gmail.com

Lilia N. Bagautdinova – Cand. Sci. (Technique), Associate Professor of the Department of Technical Physics, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5300-9880. E-mail: lilup@bk.ru

УДК 930.27

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ТАТАРСКИХ НАДМОГИЛЬНЫХ КАМНЕЙ XIV–XVII вв.: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2019–2024 гг.

В.М.Усманов, И.Г.Гумеров, А.М.Ахунов
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

Настоящая публикация представляет результаты комплексного исследования татарских эпиграфических памятников XIV–XVII веков, выявленных и изученных в ходе экспедиций, проведенных авторами в 2019–2024 годах на территории Республики Татарстан и сопредельных регионов. Хронологические рамки исследования охватывают переходный этап от булгарской традиции к культуре Казанского ханства, включая позднезолотоордынский период, время существования Казанского ханства (1438–1552 гг.) и последующий постханский период, когда мемориальные практики сохранялись несмотря на включение региона в структуру Московского государства. В работе уделено внимание оценке сохранности памятников, анализу их лингвистических и палеографических особенностей, а также выявлению региональных черт в оформлении эпиграфических текстов, включая эпитафии. Особое значение имеет введение в научный оборот ранее неизвестных объектов. Использование современных методов, таких как цифровая фиксация и сравнительная палеография, позволило уточнить датировку и атрибуцию ряда артефактов, внося существенный вклад в изучение татарской эпиграфики и истории Поволжья. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований в области исторической лингвистики, археологии и культурного наследия региона.

Ключевые слова: татарская эпиграфика, надмогильные памятники, Казанское ханство, палеография, арабографичные тексты, экспедиционные исследования

Татарские эпиграфические памятники XIV–XVII вв. представляют собой важнейший источник для реконструкции культурной идентичности, исторической демографии и эволюции письменной традиции татарского народа в условиях социополитических трансформаций позднесредневекового периода. Несмотря на значительный корпус исследований, заложенный трудами ряда исследователей [9, с. 396–404, табл. III (прилож.); 8, с. 145–172; 4, с. 38–45; 5, с. 41–48; 12; 10; 7 и др.], многие аспекты остаются недостаточно изученными вследствие фрагментарности сохранившихся артефактов, их ускоренной деградации под воздействием антропогенных и природных факторов, а также методологических ограничений ранней эпиграфической школы.

Исследование сосредоточено на татарских надмогильных камнях XIV–XVII вв., которые являются важным источником для изучения культурного наследия татарского народа. Эти памятники, часто украшенные арабскими и татарскими надписями, отражают религиозные, социальные и художественные традиции того времени.

Материалом исследования послужили данные полевых экспедиций, проведенных в 2019–2024 гг. на территории следующих административных районов Республики Татарстан: Высокогорский, Азнакаевский, Пестречинский, Рыбно-Слободский, Апастовский и Тюлячинский, а также локально в Чистопольском районе РТ и на сопредельных территориях Самарской области. В ходе исследования был осуществлен комплексный анализ более **700** эпиграфических памятников, среди которых выделены хронологические группы: **15** объектов, относящихся к XIV в., к периоду Казанского ханства (XV – первая пол. XVI вв.) **39** объектов; **11** памятников, датированных XVII в.; остальные артефакты относятся к более позднему историческому периоду.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ состояния надмогильных камней указанного периода на территории Республики Татарстан и сопредельных регионов, основанный на материалах полевых экспедиций 2019–2024 гг. В задачи работы входили: документирование памятников с применением современных методов фиксации (GPS-координаты, высокодетальная цифровая фотосъемка, макрофотографическая фиксация эпиграфических текстов); оценка сохранности ранее каталогизированных объектов; анализ лингвистических, палеографических и орнаментальных особенностей эпитафий; выявление региональных различий в традициях изготовления памятников.

Методы исследования. Исследование татарских надмогильных камней XVI–XVII вв. проводилось в рамках государственной программы (ПКМ РТ от 25.08.2020 г. № 730 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа» в ред. ПКМ

№ 1204 от 2 октября 2023 г.). Работа осуществлялась с использованием комплексной методики, включающей полевые и камеральные этапы, что обеспечило всесторонний анализ эпиграфических памятников.

Полевые исследования:

Визуальный осмотр и очистка. Проводился тщательный визуальный анализ состояния надмогильных камней с последующим удалением биодеструктивных наслоений (например, мха, лишайников), что позволило улучшить читаемость надписей и выявить скрытые детали орнамента.

Фиксация геолокационных параметров. Для точного определения местоположения каждого объекта использовался прибор **Garmin GPSMAP 66sr**, обеспечивающий высокую точность географических координат. Это способствовало созданию пространственной базы данных памятников.

Фотосъемка: Документирование осуществлялось с применением камеры **Canon EOS 5D Mark IV,** оснащенной макрообъективом, что позволило получить изображения высокого разрешения. Такой подход обеспечил фиксацию мельчайших деталей текста и декоративных элементов для последующего анализа.

Камеральная обработка:

Транскрипция текстов. Арабографичные надписи расшифровывались с использованием палеографических таблиц, что позволило корректно интерпретировать особенности шрифтов (насх, сульс и их вариации) и установить хронологические рамки памятников.

Систематизация данных:

Полученные данные интегрировались в геоинформационную систему QGIS, что обеспечило их структурирование, пространственный анализ и возможность визуализации распределения памятников по регионам.

Сравнительный анализ:

Для сопоставления полученных результатов привлекались архивные и полевые материалы из фондов Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (ЦПН ИЯЛИ АН РТ), а также цифровые ресурсы портала Miras.info ЦПН ИЯЛИ. Это позволило контекстуализировать находки в рамках существующих исследований и уточнить их историко-культурное значение.

Примененная методика обеспечила высокую точность документирования и анализа, создав надежную основу для дальнейших исследований татарской эпиграфики и разработки мер по сохранению этих памятников.

Сохранность памятников. Анализ данных, полученных в ходе эпиграфических экспедиций 2019–2024 годов, выявил неравномерное распределение и состояние надмогильных камней XIV–XVII вв. на исследуемой территории Республики Татарстан. Наибольшая концентрация сохранившихся объектов данного периода зафиксирована в Высокогорском районе (**28** единиц), Пестречинском районе (16 единиц) и Тюлячинском районе (**14** единиц), что может быть связано с исторической плотностью татарского населения и меньшей антропогенной нагрузкой в этих зонах по сравнению с другими регионами.

В ходе исследований установлено, что ок. 5% ранее документированных татарских эпиграфических памятников XIV–XVII вв. (например, стела 1540 г. из с. Б. Салтан Рыбно-Слободского р-на Татарстана), нами не были обнаружены. Это не обязательно указывает на их физическую утрату: более вероятно, что они скрыты под слоем земли после опрокидывания на землю, вызванного расколом из-за естественных процессов деформации и образования трещин в камне, а также падения деревьев на памятники, естественному погружению в грунт вследствие почвенных процессов. Дополнительно возможно зарастание густым кустарником, нахождение в труднодоступных чащобах или перенос фрагментов местными жителями и неустановленными лицами – явления, типичные для заброшенных старых татарских кладбищ.

Тем не менее, физические утраты также значительны. Основные причины включают использование камней в хозяйственных целях (например, для строительства или сельскохозяйственных нужд, преимущественно в советский период) и естественную эрозию мягких горных пород, таких как местный известняк и песчаник. Эти материалы, широко применявшиеся для надмогильных плит, обладают низкой устойчивостью к атмосферным воздействиям, включая кислотные дожди (особенно вблизи промышленных зон, таких как Казань, Набережные Челны и Нижнекамск), перепады температур с годовой амплитудой до 80°C и УФ-излучение, что ускоряет их разрушение. Особую опасность представляют промышленные территории с высоким уровнем загрязнения, сельскохозяйственные зоны интенсивного использования, где памятники могут быть повреждены или перемещены, а также береговые линии водоемов (а также старых устьев и оврагов), подверженные подтоплениям и обрушениям.

Таблица 1. Результаты по районам и областям с обобщением результатов по каждой административной единице

Местонахождение (в алфавитном порядке по административным единицам)	**Количество выявленных эпитафий XIV–XVII вв.**	**Период**	**Значимые находки** (впервые введены в научный оборот – **ВН**; **НП** – материалы с новым прочтением)
Азнакаевский район, (с. Масягутово, Респ. Татарстан) «Изге каберлек» («Захоронение святых»)	одно	XVII в. (предположительно)	Фрагмент надмогильного камня (основная часть утрачена, имеются множественные дефекты и утраты). Размеры: 12 × 42 × 64 см (**ВН**)
Высокогорский район, (с. Мульма, Респ. Татарстан)	одно	XVI в. (1500–1520 гг.)	Фрагмент надмогильного камня (основная часть утрачена, имеются множественные дефекты и утраты) Размеры: 12 × 48 × 110 см. (**ВН**)
Высокогорский район, (с. Ямаширма, Респ. Татарстан)	одно	XVI в.	Намогильный памятник сыну Габбаса. Размеры: 11х50х150 см. (**ВН**)
Мензелинский район, (с. Верхний Такермен, Респ. Татарстан)	одно	1683/1684 гг.	Надмогильный камень, установленный в память о трех ополченцах войска Сеида Джагфара, погибших в сражении. Размеры: 19х44,5х100 см. (**ВН**)
Пестречинский район, (с. Отар Дубровка, Респ. Татарстан)	одно	167[8-88] в переводе с хиджры (109...), учитывая утрату последней цифры	Надмогильный камень, установленный в память об Ор-Мухаммеде, сыне Келая, который трагически погиб во время следования с отрядом казаков в Чебоксары[1]. Размеры: 20х45х70 см.(**ВН**), (**НП**)
Рыбно-Слободской район, (с. Малый Атмас, Респ. Татарстан)	Два (сам камень плюс фрагмент)	XVI в.	Памятник Уразлы сына Уразхужы. Размеры: 15х52,5х114 см. с фрагментом (размеры:21х21х38 см.)[2]. (**ВН**), (**НП**)
Сызранский район, (с. Смолькино, Самарская область)	одно	XIV в.	Данный памятник относится к золотоордынскому периоду, о чем свидетельствуют его типологические особенности. Для изготовления использован местный камень, что характерно для памятников этого времени и региона. Текст на арабской графике утрачен, однако сама стела имеет типичные черты золотоордынских камней, включая треугольное навершие. Размеры памятника составляют 24–31 × 40 × 90 см, что также соответствует стандартным параметрам подобных изделий эпохи. (**ВН**).
Тюлячинский район, (с. Малые Меретяки, Респ. Татарстан)	одно	1531/1532 гг.	Памятник с размерами 19×46×87 см. представляет собой надмогильный камень, содержащий надпись, которая в дополнительном прочтении гласит: «… нугай кулындин [шəһид] / … погиб от рук ногайцев». Эта эпиграфическая находка, зафиксированная в работе И.Г. Хадиева и

[1] Данные об этой находке впервые были представлены в 2021 году [1, с.37–34]. В настоящей статье предлагается уточненное прочтение датировки.

[2] Ранее незафиксированные атмасские памятники были впервые выявлены в 2022 г. двумя группами эпиграфистов, работавшими независимо друг от друга: И.Г. Хадиевым и Р. Ф. Марданoвым, а также научными сотрудниками Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) – И. Г. Гумеровым, А. М. Ахуновым и В. М. Усмановым. См. [6, б.34; 2, б. 46–49].

			Р.Ф. Марданова [11, б.14–15], указывает на исторический контекст, связанный с конфликтами или взаимодействием с ногайцами. Надпись, вероятно, отражает судьбу погребенного, обозначенного как «шахид» (мученик), что подчеркивает религиозное значение памятника и его связь с исламскими традициями региона. (**НП**)
Чистопольский район, (с.Тат. Сарсаз, Респ. Татарстан)	одно	XIV в.	Памятник размерами 11 × 36 × 56 см представляет собой надмогильный камень, основной текст которого почти полностью утрачен. Сохранившиеся фрагменты надписей, выполненные почерком куфи, содержат характерные для булгарских памятников лексику (напр. «бәләвике» – «памятный знак»). Это позволяет отнести его к ранним эпиграфическим традициям Поволжского региона. (**ВН**).

Результаты. Лингвистические и палеографические особенности. Надмогильные камни XIV–XVII вв., исследованные в ходе экспедиций 2019–2024 гг., демонстрируют выраженные лингвистические и палеографические характеристики, отражающие культурно-историческую эволюцию татарского народа.

Язык: Анализ текстов показывает, что 98% эпитафий имеют комбинированный характер: коранические цитаты и религиозные формулы представлены на арабском языке, тогда как биографические данные, включая имена и даты, зафиксированы на старотатарском.

Языковые пласты и антропонимика: Лингвистический анализ выявил наличие различных языковых пластов в текстах эпитафий. В надписях XVI в. прослеживается татарский субстрат, проявляющийся, например, в антропониме Туктамыш, зафиксированном на памятнике из с. Туктамыш Высокогорского р-на РТ. Этот факт указывает на сохранение языковых традиций Золотой Орды в ранний период Казанского ханства.

Антропонимика. Эпиграфические памятники Волго-Уральского региона XIV–XVII вв. служат важным источником для изучения языкового и культурного многообразия, отражая сложные процессы этнокультурного взаимодействия. Антропонимы, встречающиеся на надмогильных камнях, можно разделить на три основные группы по происхождению: тюрко-татарские, персидские и арабские, что свидетельствует о многослойности ономастических традиций региона.

Тюрко-татарские имена: К этой группе относятся антропонимы, такие как Иштиряк, Мурза Манас, Мәмәтәк бик, Чура, Янбай, Туктамыш, Чапкын, Яныш и Чирмеш. Они уходят корнями в кипчакскую и булгарскую ономастику, сохраняя элементы языкового наследия Золотой Орды и Казанского ханства. Например, имя Туктамыш, известное по имени золотоордынского хана, указывает на преемственность элитной номенклатуры.

Персидские имена: Среди них выделяются Ходайдад, Гәүһәрбикә и Таҗбиргән (где «Таҗ» – «корона», а «биргән» – «данный»). Эти антропонимы отражают влияние персидской культуры, распространявшейся через торговые пути, религиозные связи и интеграцию исламских традиций, в которых персидский элемент занимал заметное место.

Арабские имена: К данной категории относятся Габделмөлек, Исхак, Әюб, Мөхәммәд и другие, связанные с исламской ономастикой. Их широкое распространение подчеркивает значимость арабского языка и мусульманской традиции в жизни татарского населения.

Палеографические особенности: В палеографическом отношении преобладающим стилем письма является *насх*, который составляет 87% зафиксированных надписей. Этот стиль характеризуется четкостью и простотой линий, что обеспечивало удобство чтения. Реже, в 13% случаев, встречается стиль *сульс*, отличающийся большей декоративностью и плавностью форм. Особый интерес представляет уникальный почерк резчика Кил-Мухаммада ибн Ишмана, выявленный на памятниках из с. Тат. Ходяшево Пестречинского района РТ. Его работы демонстрируют сочетание элементов насх с растительным орнаментом, что выделяет их среди других эпиграфических образцов и свидетельствует о развитии индивидуального художественного стиля в рамках локальной традиции. Палеографический анализ татарских надмогильных камней обозначенного периода, проведенный на основе материалов экспедиций 2019–2024 годов, позволя-

ет выделить как общие черты «Казанской школы» эпиграфики, так и региональные особенности почерковых традиций, характерные для провинциальных районов Республики Татарстан.

«Казанская школа». Термин введен в научный оборот авторами статьи в 2023 году [3, с.235–249]. Это художественная традиция резьбы по камню и письма, сформировавшаяся в Казанском ханстве в 1480–1552 годах и сохранявшаяся некоторое время после его завоевания. Она отличается килевидно-стрельчатой формой камней, растительным орнаментом и эпитафийным полем с именем заказчика. Школа эволюционировала в три этапа: переходный (1480–1515) с золотоордынским и булгарским влиянием, развитие техники (1515–1530) и расцвет (1530–1552) с изысканным орнаментом и каллиграфией. Казанская школа подчеркивает строгость шрифта *насх* в основном тексте и изящество *сульса* в титульных строках и декоре. Памятники объединяют цитаты из Корана, арабский и старотатарский языки, сочетая лаконичность с выразительностью. Эта традиция отражает уникальное развитие эпиграфического искусства от простых форм к сложным композициям, сохраняя культурную самобытность региона.

Характерным примером, обнаруженным в ходе экспедиций, служит стела 1533 г. из с. Малый Атмас Рыбно-Слободского района. Основное текстовое поле памятника оформлено четким, но несколько упрощенным шрифтом насх, в то время как кораническая цитата в тимпане помещен традиционный для татарских камней растительный орнамент, что в целом подчеркивает иерархию текста и его художественную выразительность. Такое сочетание стилей демонстрирует высокий уровень мастерства резчиков центральных районов и их стремление к стандартам исламской каллиграфии.

Провинциальные варианты. В отличие от столичной «Казанской школы», в периферийных районах, таких как Тюлячинский, наблюдаются локальные вариации почерковых традиций. В частности, в данном районе были зафиксированы три надмогильных камня конца XVII в., выполненных резчиком Кил-Мухаммадом ибн Ишманом. Эти памятники выделяются «смешанным» почерком, сочетающим элементы различных каллиграфических стилей. Основу составляет насх с его характерными вертикальными штрихами, однако в оформлении прослеживаются и округлые элементы, а также угловатые окончания букв, отражающие местные особенности письма. Такое сочетание указывает на адаптацию общепринятых стандартов к региональным традициям и индивидуальному подходу мастера, что подтверждает существование самостоятельных провинциальных школ резьбы по камню.

Орнаментальные особенности: Орнаментальное оформление надмогильных камней демонстрирует хронологическую динамику. Для памятников XVI в. характерно использование растительных мотивов, таких как изображения тюльпанов и виноградной лозы, что соответствует эстетическим стандартам «Казанской школы» эпитафий и отражает влияние среднеазиатских и ближневосточных традиций. В XVII в. наблюдается переход к более упрощенным геометрическим узорам, что может быть связано с изменениями в технологических подходах или социально-экономических условиях.

Таким образом, лингвистические и палеографические особенности татарских надмогильных камней подчеркивают их значение как источника для изучения языковой эволюции, художественных традиций и межкультурных контактов в Волго-Уральском регионе в XIV–XVII вв.

Региональные особенности эпитафий. Анализ эпиграфического материала, собранного в ходе экспедиций 2019–2024 гг., выявил значительные различия в характеристиках надмогильных камней. Эти различия проявляются, в первую очередь, в титулатуре, отражающей социальную структуру и культурные особенности регионов.

Титулатура: В центральных районах, относящихся к Казанскому уезду, в XIV–XVII вв. преобладают социальные маркеры, связанные с духовным сословием. Наиболее распространены титулы «хаджи», указывающий на совершение паломничества в Мекку, «мулла», обозначающий религиозного наставника или служителя и часто выступающий как часть антропонима, и «шейх», свидетельствующий о высоком духовном статусе. Такая концентрация титулов подчеркивает ключевую роль религиозных институтов в столичном регионе Казанского ханства и прилегающих территориях. Титулатура также отражает социальную стратификацию татарского общества, демонстрируя разнообразие ролей – от духовных лидеров до представителей военной и административной элиты – в указанный период.

В отличие от титулов, связанных с религиозной или духовной сферой, обозначения, относящиеся к военной и административной деятельности, такие как «казак», «мурза» и «бек», упоминаются в источниках значительно реже. Термин «казак» указывает на принадлежность к военному сословию или участие в вооруженных формированиях, «мурза» традиционно связан с аристократическим происхождением, а «бек» обозначает местного правителя или военачальника. Вывод о меньшей частотности этих титулов может быть обусловлен спецификой исторического контекста, где военная и административная элита, вероятно, играла менее заметную роль по сравнению с религиозными или духовными лидерами, либо же данные термины реже фиксировались в эпитафиях из-за их локального или ситуативного употребления.

После падения Казанского ханства в 1552 г. титулы, связанные с ханской элитой, такие как «бек», постепенно исчезают, что связано с утратой политической самостоятельности и адаптацией знати к новым

условиям. Одновременно появляются маркеры социальной трансформации, например, титул «казак», как на стеле из Отар-Дубровки (XVII в.), указывающий на участие татар в военных структурах или взаимодействие с казачьими формированиями. Упрощение орнаментов и использование местных материалов, подверженных разрушению, также отражают в т.ч. влияние кризисов и интеграции в российское государство на эпиграфическую практику, подчеркивая эволюцию погребальных традиций в условиях исторических изменений.

Обсуждение. Результаты анализа татарских надмогильных камней, собранных в ходе экспедиций 2019–2024 гг., позволяют проследить эволюцию погребальной эпиграфики в Волго-Уральском регионе, особенно в период после падения Казанского ханства в 1552 г. Данный раздел дополняет предыдущие наблюдения и акцентирует внимание на ключевых изменениях в эпиграфической практике, обусловленных историческими и социальными трансформациями.

Особый научный интерес представляет трансформация эпиграфических традиций после 1552 г., которая проявляется в следующих аспектах:

Исчезновение «ханских» титулов. После присоединения Казанского ханства к Московскому государству наблюдается постепенное вытеснение титулов, связанных с ханской администрацией и элитой (например, «бек»), что отражает утрату политической самостоятельности региона и переориентацию местной знати на новые социальные реалии.

Упрощение орнаментальных узоров. Для памятников эпохи Казанского ханства характерны сложные растительные и геометрические мотивы, однако после 1552 г. наблюдается упрощение декоративного оформления. Это могло быть вызвано экономическими ограничениями и изменением культурных приоритетов в процессе интеграции в российское государство.

Выводы. Эпиграфические экспедиции, проведенные в 2019–2024 гг. в Республике Татарстан и Самарской обл., позволили зафиксировать ок. 10 новых объектов XIV–XVII вв., что значительно увеличило известную источниковую базу. Этот результат подчеркивает значимость систематического полевого исследования для расширения знаний о татарской эпиграфике указанного периода.

Анализ состояния памятников выявил тревожную тенденцию: примерно около 20% надмогильных камней эпохи Казанского ханства были утрачены за последние 50 лет вследствие природных и антропогенных факторов. Данный факт указывает на необходимость разработки и внедрения срочных мер по консервации и сохранению оставшихся артефактов, чтобы предотвратить дальнейшие потери культурного наследия.

Лингвистический анализ надписей подтверждает преемственность булгаро-татарской письменной традиции, прослеживаемой от золотоордынского периода через эпоху Казанского ханства к более поздним временам. Орнаментальные особенности памятников демонстрируют синтез локальных художественных традиций с общеисламскими канонами, что проявляется в использовании растительных мотивов XVI в. и упрощенных геометрических узоров XVII в., адаптированных к местным условиям и материалам.

Перспективы дальнейших исследований связаны с интеграцией современных цифровых технологий, таких как 3D-моделирование для создания точных виртуальных копий памятников и спектральный анализ пигментов для изучения следов окраски или обработки камня. Кроме того, расширение географии экспедиций на территории Урала и Западной Сибири позволит дополнить данные о распространении и вариативности татарской эпиграфики за пределами традиционных центров. Новые находки эпиграфических экспедиций 2019–2024 гг. значительно обогащают понимание татарской культурной идентичности и исторического наследия. Они подчеркивают необходимость дальнейших исследований и мер по сохранению этих уникальных артефактов, особенно в условиях современных угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахунов А.М., Усманов В.М., Гумеров И.Г. Время читать камни. По результатам эпиграфических экспедиций в Пестречинский и Азнакаевский районы Республики Татарстан // Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан / Отв. ред. Н.В. Герасимова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 27–34.

2. Гомәров И.Г., Ахунов А.М., Усманов В.М. Татарстан Республикасы татар эпиграфик һәйкәлләре: Балык Бистәсе районы. Казань: ТӘһСИ, 2023. С. 46–49.

3. Гумеров И.Г., Ахунов А.М., Усманов В.М. Новые находки татарских надмогильных камней XV–XVI вв. // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 235–249. DOI: 10.24852/pa2023.4.46.235.249.

4. Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. 1947. Вып. I. С. 38–45.

5. Малов С.Е. Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. 1948. Вып. II. С. 41–48.

6. Мәрданов Р., Һадиев И. Балык Бистәсе районының борынгы ташъязма истәлекләре // Безнең мирас. 2023. № 6. Б. 34.

7. Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 132 с.

8. Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. 1930. Т. I. С. 145–172.

9. Фейзханов Х. Три надгробных булгарских надписи // Известия Императорского археологического общества. Т. IV. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1863. С. 396–404, табл. III (прилож.).

10. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 206 с.

11. Һадиев И., Мәрданов Р. Теләче төбәгенең борынгы ташъязма истәлекләре // Безнең мирас. 2022. № 12. Б. 14–15.

12. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: АН СССР, 1960. 322 с.

Сведения об авторах: Венер Мударисович Усманов – научный сотрудник Центра письменного наследия, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); Scopus AuthorID: 58835718000. E-mail: v.m.usmanov@mail.ru

Ильгам Гусманович Гумеров – кандидат филологических наук, заведующий Центром письменного наследия, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3874-0533, ResearcherID: C-1211-2014, Scopus AuthorID: 56027682500. E-mail: ilham05@bk.ru

Азат Марсович Ахунов – кандидат филологических наук, доцент по специальности «Отечественная история», ведущий научный сотрудник Центра письменного наследия, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7893-4477, ResearcherID: S-2834-2017, Scopus AuthorID: 56517914000. E-mail: aakhunov@rambler.ru

STUDY OF THE CONDITION OF TATAR TOMBSTONES FROM THE 14th TO 17th CENTURIES: ASSESSMENT OF THE RESULTS OF EPIGRAPHIC EXPEDITIONS OF 2019–2024

V.M. Usmanov, I.G. Gumerov, A.M. Akhunov
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences

This publication presents the results of a comprehensive study of Tatar epigraphic monuments from the 14th to 17th centuries, identified and studied during expeditions conducted by the authors in 2019–2024 in the Republic of Tatarstan and adjacent regions. The research spans the transitional period from Bulgar tradition to the culture of the Kazan Khanate (1438–1552), encompassing the late Golden Horde era and the post-khanate period when memorial practices persisted despite the region's incorporation into the Moscow state. The work focuses on assessing the preservation of monuments, analyzing their linguistic and paleographic features, and identifying regional characteristics in the design of epigraphic texts, including epitaphs. Particular emphasis is placed on introducing previously unknown objects into scientific circulation. The application of modern methods–such as digital recording and comparative paleography–has enabled more precise dating and attribution of artifacts. The findings significantly contribute to the study of Tatar epigraphy and the history of the Volga region, laying the groundwork for further research in historical linguistics, archaeology, and cultural heritage.

Keywords: Tatar epigraphy, gravestones, Kazan Khanate, paleography, Arabic script texts, expeditionary research

About the authors: Vener M. Usmanov – Research Fellow at the Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Scopus AuthorID: 58835718000. E-mail: v.m.usmanov@mail.ru

Ilgam G. Gumerov – Cand. Sci. (Philology), Head of the Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3874-0533, ResearcherID: C-1211-2014, Scopus AuthorID: 56027682500. E-mail: ilham05@bk.ru

Azat M. Akhunov – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (History), Leading Research Fellow at the Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7893-4477, ResearcherID: S-2834-2017, Scopus AuthorID: 56517914000. E-mail: aakhunov@rambler.ru

УДК 94(47).031

ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛОКУСЫ УЛУСА ДЖУЧИ В УЛЫТАУ

Э.Р. Усманова[1], С.В. Захаров[2], И.П. Панюшкина[3]
[1] Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова
[2] Институт археологии имени А.Х. Маргулана
[3] Университет Аризоны

В статье представлены золотоордынские объекты конца XIII–XIV вв.: ритуальные комплексы на сопках Карасуыр и Алтыншокы; мавзолей Джучи-хана. Создание мавзолея связано с распространением ислама в Золотой Орде. Появление комплекса Алтыншокы – с походом Амира Тимура против хана Токтамыша в 1391 г. Курган-обоо на горе Едыгетау рассматривается как мемориальный памятник в честь беклербека Едыге, возведенного в пост-золотоордынское время. Поклонение горе Едыгетау и обоо является одним из органических проявлений феномена природно-исторических локусов. Датирование по радиокарбонному методу культовых объектов Золотой Орды на сопках Карасуыр и Алтыншокы, мавзолея Джучи-хана указывает на некоторую синхронность в их независимом друг от друга сосуществовании в Улытау. Природно-исторические локусы демонстрируют сакральную топографию Улытау как заповедную территорию – ханский курук Улуса Джучи.

Ключевые слова: локус, Улус Джучи, Карасуыр, Улытау, Едыге, обоо, курук

Финансирование: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026, ИРН проекта BRBR24992951 «Археологическое наследие Сарыарки (от эпохи камня до средневековья)».

Благодарности: Авторы статьи выражают благодарность Канату Ускенбаю (Институт гуманитарных исследований АБДИ, Алматы, Казахстан) за консультацию по истории Улуса Джучи; А.В. Колбиной (обл. историко-краеведческий музей, Костанай, Казахстан) за помощь в антропологическом определении; М.С. Шагирбаеву (лаборатория зооархеологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан) за консультацию по палеозоологии.

Улытау – система невысоких гор в юго-западной части Казахского мелкосопочника (Улытау и Костанайская области, Казахстан). Улытауское глыбовое поднятие вытянуто в меридиональном направлении на 300 км (рис. 2: *4*). Самая высокая точка – гора Акмечеть 1131 м (над уровнем моря). Вторая по высоте гора Едыгетау – 1069 м. Топоним Улытау переводится с казахского языка как «великая гора», в тюркских языках это слово имеет и другое значение – «почитаемая» или «главная гора» [35, с. 427]. Священное значение гор Улытау в традициях насельников степной Евразии предопределило концентрацию разновременных культово-мемориальных памятников на этой территории. Сакральная топография Улытау агрегирует локусы природно-пространственных образов, оформленных материальными объектами Золотой Орды, которые и предлагается рассмотреть в контексте их исторического происхождения и календарной хронологии в этой статье[1].

Природно-исторический локус представляется нами как пространственно-временной след археологического комплекса и материальное воплощение некоего исторического процесса и события(й). Локус (лат. locus «место») означает местоположение, реконструкцию и функционирование определённого археологического комплекса на карте истории. Формирование локуса происходит при взаимодействии некоего социума с природными ресурсами, ландшафтом и контролируется историческим процессами большей идентичности, в данном случае поклонению священной Мировой горе – Улытау. Природно-исторические локусы могут пересекаться или соприкасаться во времени, взаимодействуя или противодействуя друг с другом.

Территория Улытау находится в центральной части Улуса Джучи, в границах историко-географического региона западноазиатских лесостепей, степей, полупустынь и пустынь. По всей видимости, в Улытау формирование природно-исторических локусов, имеющих отношение к природному объекту горы, было обусловлено сакральным ее значением как Мировой горы [57, с. 29]. Они символично представлены культовыми сооружениями периода существования Улуса Джучи: мемориально-ритуальный комплекс на сопке Карасуыр; мавзолей Джучи-хана на левом берегу р. Каракенгир; ритуально-культовый

[1] В задачи статьи не входит подробное описание погребального инвентаря и обряда, архитектурного дизайна рассматриваемых историко-культурных объектов. Представлена общая информация об их структуре и предметах в системе ритуала.

комплекс на сопке Алтыншокы; а также курган-обоо на Едыгетау, сооруженный, по всей видимости, позже, но является своеобразным ментальным эхом золотоордынской эпохи (рис. 2: *5*).

Междисциплинарное исследование с использованием методов из области естественных и смежных наук, аэрофотосъемка объектов позволили в полной мере реконструировать назначение ритуальных сооружений на вершинах сопки Алтыншокы и Едыгетау. Результаты радиокарбонного датирования ритуальных комплексов Карасуыр (1275–1385 гг.), Алтыншокы (1300–1400 гг.) и мавзолея Джучи-хана (1280–1395 гг.) определило календарную хронологию Улытау. Учитывая рамки калибровочных интервалов, хронология Улытау указывает на пересечение во времени археологических памятников на территории 11225 кв. км и возможное взаимовлияние исторических процессов, зафиксированных в локусах.

Другими подходами в исследовательской работе по выявлению природно-исторических локусов Улытау являются методологические положения, предложенные в работах М. Элиаде и В.В. Трепавлова [44, с. 152–171]. В исследованиях Мирча Элиаде по мифологии народов мира обоснована идея архетипа о контактной зоне, центре мира, где происходит связь между профанным (обыденное, каждодневное состояние) и сакральным (идейное, мировоззренческое состояние) при помощи ритуала. Мировое древо и Мировая гора выступают символами этой связи в космологических представлениях архаичного и традиционного общества [57, с. 29].

В.В. Трепавловым был предложен алгоритм анализа сакральной топографии кочевых степей (XIII–XVII вв.). Было введено понятие сакральных локусов на территории Золотой Орды, обозначенных природой и активностью человека, с объектами паломничества, которые способствовали укреплению ханской власти и социальных институтов кочевников. Данное положение явилось «ключом» к выявлению природно-исторических локусов в нашем понимании, с их последующей интерпретацией в контексте понятия ханского курука чингизидов в Улытау.

Сравнительный анализ ранее археологически и топографически исследованных комплексов на сопках Карасуыр, Алтыншокы, на Едыгетау, мавзолея Джучи-хана с письменными, этнографическими свидетельствами по кочевым народам Центральной Азии позволил определить статус этих памятников в сакральной топографии Улытау.

Локус первый. Мемориально-культовый комплекс Карасуыр – урочище Карасуыр, северо-западная Бетпакдала, южные отроги гор Улытау, обл. Улытау, Казахстан. Раскопками исследовано восемь единовременных захоронений в каменных курганах, которые локализовались в трех ложбинах, расположенных по направлению к вершине сопки Карасуыр (рис 1: *1,2*). Шесть погребений принадлежало взрослым мужчинам: Male Adultus 25–30 лет, Male Maturus I 35–45 лет (два захороненных), Male Maturus II 46–55 лет (три захороненных), два – женщинам Female Senilis старше 60 лет.

Анализ погребального инвентаря (предметы вооружения, конского снаряжения и культового буддистского облика), антропологического материала позволил определить этнокультурную и религиозную принадлежность умерших, исповедавших, по всей видимости, тибетский буддизм [48, с. 106–113].

Расположение погребений в ложбинах могло символично демонстрировать порядок построения военного отряда (рис. 1: *2*). Предлагается следующая версия интерпретации его структуры относительно расположения воинских погребений. Верхние захоронения в ложбинах № 1 (погр. № 1) и № 3 (погр. № 4), возможно, принадлежали солдатам *авангарда,* передовой части воинского отряда. Центральное захоронение № 5 в ложбине № 2, видимо, относится к воину из *командного состава*. Насыщенный воинским снаряжением погребальный инвентарь (колчан со стрелами, фрагменты ламеллярного доспеха, нож, детали ременной амуниции) в сочетании с вещами гадательной атрибутики и плитой с изображением буддистского бурхана – все это вместе взятое указывает на элитный статус погребенного, сочетающего в себе функции воина и шамана. К гадательным атрибутам относятся бараний астрагал с насечками и баранья лопатка со срезанным краем (рис. 1: *3, 6*). Подобные вещи известны в обрядах гадания у многих кочевых народов, как монгольских, так и тюркских [45, с. 255]. Элитный прижизненный статус воина подчеркивает погребение № 6, расположенное рядом с ним. Оно не содержало воинского инвентаря и, возможно, принадлежало слуге. В отличие от других погребенных, которые относятся к центральноазиатской монголоидной расе, череп данного индивида отличает ярко выраженная европеоидность [48, с. 110].

Погребение № 7 с инвентарем воинского и конского снаряжения (единственные в этом комплексе кольчатые удила и стремена, уложенные под череп), замыкающее ложбину № 3, могло принадлежать воину из *арьергарда*, прикрывающего отряд.

Отдельно, расположенное вне ложбин, погребение № 8 содержало стандартный набор воинского снаряжения: берестяной колчан с наконечниками стрел, фрагмент ламеллярного доспеха, костяная накладка на лук. В нем находились и вещи ритуального толка: колокольчик и железный крюк, которые используются в шаманских и буддийских ритуалах на Алтае и в Тибете (устная консультация по буддийской атрибутике – А.Н. Дауманн, Институт археологии РАН, Москва). Возможно, изолированно похороненный воин сочетал при жизни воинские и шаманские функции.

Рис. 1. Мемориально-культовый комплекс Карасуыр. Улытау, Казахстан
1. Сопка Карасуыр. Общий вид. Фото Э. Р. Усмановой
2. Расположение погребальных сооружений. Карта. Автор: краевед В.А. Лопатин
3. Фрагменты ламеллярного доспеха. Погребение № 5. Фото Э.Р. Усмановой
4. Китайское зеркало. Погребение № 2. Фото Э.Р. Усмановой
5. Зеркало с петелькой. Погребение № 3. Фото Э.Р. Усмановой
6. Гадательные предметы: лопатка и астрагал овцы. Погребение № 5. Фото Э.Р. Усмановой

Воинские погребения Карасуыра, вероятно, относятся к солдатам монгольского воинства, в котором: «На первом месте стоят «простые воины» <...>. По происхождению своему они принадлежали к родовичам различных монгольских родов, не вошедших в степную аристократию, «свободным» и unaganbogol'ам, которые последовали за Чингисом и его родом добровольно» [7, с. 414]. Что же касается двух погребений женщин, захороненных в довольно преклонном возрасте Senilis после 60 лет, отдельно от воинов, в средней ложбине № 2 между ложбинами № 1 и № 3, то они имели свои особенности. По своему месторасположению эти погребения казались символично «прикрытыми» воинскими погребениями со стороны боковых ложбин. Погребальные сооружения были выстроены из колотого скальника и ориентированы по линии С–Ю, так же, как и воинские, что указывает на их общую принадлежность к единой погребальной традиции. Но, при этом, в них отсутствовали предметы воинского снаряжения. Погребение № 2, самое близкое к вершине сопки, содержало вещи китайского происхождения, лежавшие в районе ног: бронзовое зеркало с отломанной ручкой и с сюжетом, выполненным в рельефе на одной стороне (рис.1: *4*), и краснолаковая чаша. Подобное китайское зеркало с аналогичным сюжетом известно по материалам Нижнего Поволжья, в Булгарах [36, с. 173, рис. 21]. Захоронение условно обозначено как «погребение китаянки».

Второе женское погребение № 3 находилось ниже погребения № 2 по ложбине. По характеру погребального инвентаря оно получило условное название «погребение шаманки». Гадальные кости и предметы-обереги – баранья лопатка, амулет из птичьей локтевой косточки, железная проколка – лежали на кости предплечья правой руки. У тазовой кости находилось железное кольцо, бронзовое зеркало с петлей и орнаментом в виде полу-концентрических окружностей (рис. 1: *5*). Подобные зеркала также известны в Булгарах и датируются XII–XIV вв. [36, с. 45, табл. 1, 13]. В традиции сибирских народов шаманский кос-

тюм оформлялся подвешенными зеркалами, бляшками, колокольчиками и кольцами, издававшие во время ритуала шум для отпугивания злых духов [55, с. 67–81].

Если присутствие «шаманки» в военном отряде можно объяснить с точки зрения ее сакральных и, возможно, лекарских функций, то как понять пребывание здесь «китаянки»? Кстати, принадлежность «европеоида» (погр. № 6) и «китаянки» (погр. № 2) к «немонгольскому» культу индексируют не только вещи из их погребального набора, но и отсутствие в них такого важного признака монгольского погребального ритуала как *сульдэ – (*монг. сүлд – «дух», «жизненная сила», «знамя») [12, с. 21–32]. Материальным олицетворением его в могиле являются вертикально поставленная кость задней ноги овцы. Эти важные этнокультурные признаки монгольских ритуалов были зафиксированы во всех шести погребениях, кроме выше обозначенных № 2 и № 6. Ритуал установки ноги мелкого рогатого скота доминирует в обрядах монгольских племен с XI века и является культурно-определяющим признаком погребального обряда Улуса Джучи в XIII–XIV вв., привнесенным монголами в ритуальную практику Дешт-и-Кыпчака [20, с. 53]. В погр. № 2 так называемой «китаянки» со стороны рук находилась целые левая берцовая и плюсневая кости козы, которые могут рассматриваться как жертвенное приношение.

Возможно, что захороненные воины и женщины скончались от заболевания эпидемиологического характера. Палеогенетический анализ костей захороненного из погребения № 6 указал на наличие патогена – вируса гепатита В, что могло послужить причиной смерти [27, с. 418–423]. На костях погребенных отсутствуют следы от ударов проникающего оружия. В какой-то степени на вопрос о происхождении отряда и месте его последнего посмертного пристанища может ответить радиокарбонное датирование (рис. 4). Календарный возраст этого локуса приходится на промежуток 1270–1385 гг. н.э. (по датировке погребения № 5). Однако одна ^{14}C калибруется более узким интервалом 1275–1285 гг. (AA116516, рис 4). Возможно, комплекс возник в конце XIII в.

В общем контексте общая дата комплекса Карасуыр совпадает с образованием монгольского государства империи Юань, основной частью территории которого был Китай (1271–1368). Начало династии было положено внуком Чингиз-хана, монгольским ханом Хубилаем (1215–1294). Предлагается в качестве гипотезы рассматривать принадлежность отряда к воинскому подразделению, возможно, сопровождавшему статусную даму китайского происхождения по дороге через степные владения Улуса Джучи. Судя по наличию бронзового зеркала булгарского происхождения (погр. № 3), возможно, что отряд возвращался с поволжской территории Золотой Орды. В этом плане уместно упомянуть женское погребение золотоордынского времени из Булгар, пластическая реконструкция по черепу которой позволила ассоциативно связать ее антропологический облик с китаянкой [38, с. 344, рис. 5].

Погребальный комплекс Карасуыр – один из первых известных природно-исторических локусов 2-й половины XIII – начала XIV вв. воинских захоронений в Улытау Улуса Джучи, приуроченный его создателями к природному объекту сопке Карасуыр (рис. 1: *1*). Погребения, устроенные в ложбинах, имеют характер «секретности», то есть они почти незаметны для глаза человека. Видимо, такое местонахождение погребений может соотноситься с идеей «тайного» погребения по отношению к погребениям знатных представителей монгольских родов, в том числе чингизидовского «золотого рода борджигидов» [58, с. 287–304].

Погребения находятся на северном и южном склонах сопки Карасуыр, в ложбинах, направленных к вершине сопки, на которой расположено курган-обоо, неизвестного времени сооружения. Южное размещение погребальных сооружений можно сопоставить с монгольскими и буддийскими пространственными представлениями о Мировой горе и расположением ворот храмов с южной стороны [39, с. 239–240].

Формирование «ландшафта смерти» в ложбинах самой высокой в данной местности сопки, скорее всего, связано с культом поклонения Горе и горным духам-хозяевам, общепринятым в монгольской традиции [11, с. 9]. Отсюда следует дефиниция объекта данного природно-исторического локуса – мемориально-культовый комплекс Карасуыр, соединивший предметные традиции мемории и культа.

Локус второй. Мавзолей Джучи-хана и ханский курук Золотой Орды. Мавзолей Джучи-хана (по-казахски мазар Жошы-хана), названный именем старшего сына Чингиз-хана, и, согласно легендам, похороненным в нем, находится на левом берегу р. Каракенгир, в 45 км к северо-востоку от города Жезказган, обл. Улытау, Казахстан (рис. 2: *5*).

Впервые мавзолей упомянут в персоязычном сочинении Хафиза Таныша ибн Мир Мухаммад ал-Бухари «Шараф-наме-йи шахи» («Книга шахской славы») [6, с. 307]. Указан в описании похода бухарского хана шибанида Абдаллаха II против правителя Ташкента шибанида Баба-султана, бежавшего в Дашт-и Кыпчак, в 1582 году в Улытау. Этот портально-купольный однокамерный мавзолей из жженого кирпича, с П-образным пояском на пиштаке, со входом, ориентированным в сторону киблы, принадлежит к исламской архитектуре времени Золотой Орды (рис. 2: *1*). Имеет двойной купол: над внутренним куполом без облицовки позже был выстроен второй купол с навершием на 17-гранном звездчатом барабане, облицованный поливной плиткой бирюзового цвета (рис. 2: *2,3*) [56, с. 101–109].

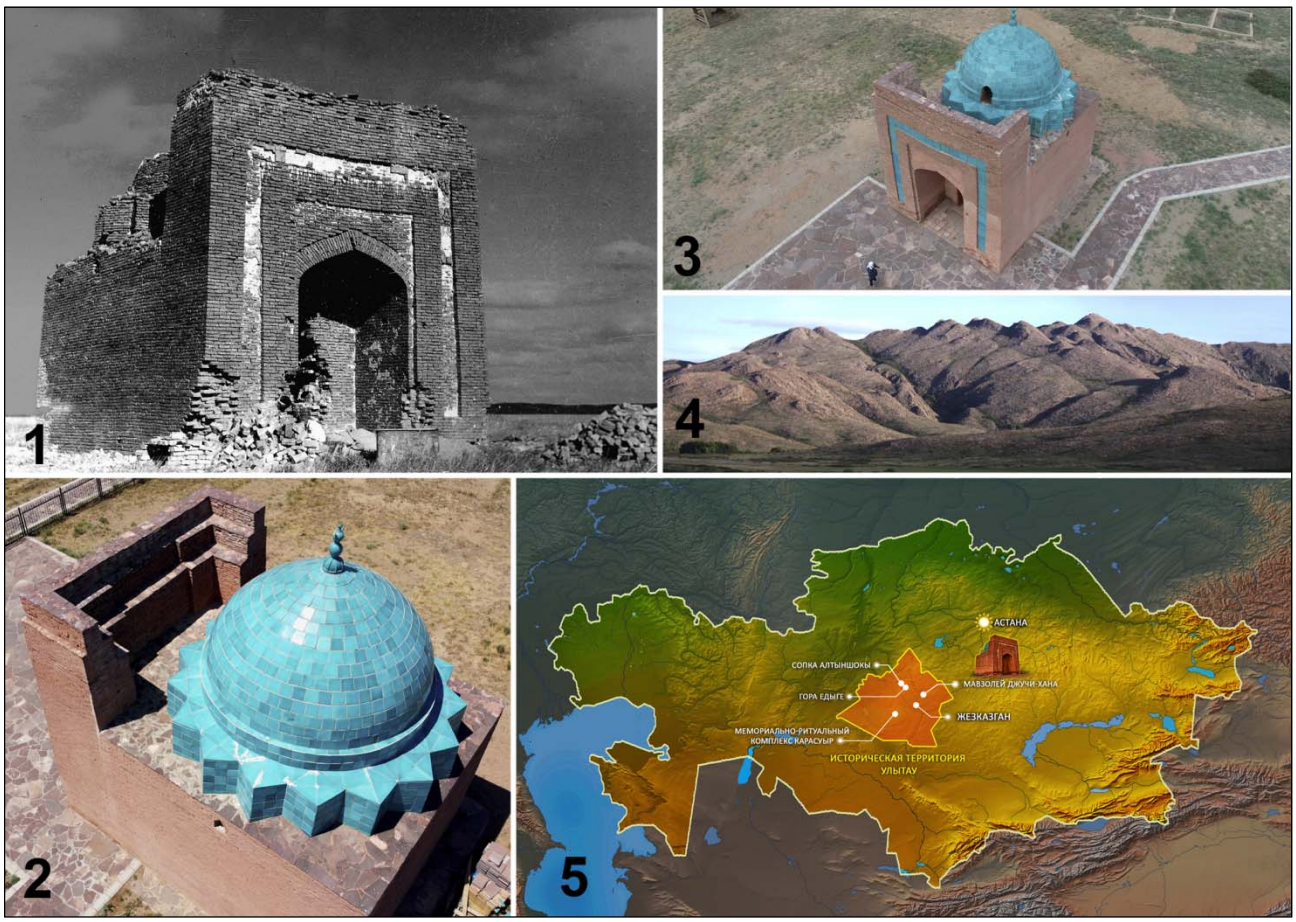

Рис. 2. Культовые памятники. Улытау, Казахстан
1. Мавзолей Джучи-хана. 1946 г. Фото Г.Г. Герасимова
2, 3. Мавзолей Джучи-хана. Вид сверху. 2021 г. Из архива Э.Р. Усмановой
4. Горная гряда Улытау. 2013 г. Фото Э.Р. Усмановой
5. Местонахождение культовых памятников. Карта. Автор: краевед В.А. Лопатин

В 1946 г. в ходе археологических раскопок внутри мавзолея было вскрыто два погребения, ранее разрушенные грабительским проникновением, поэтому об их целостности не приходится говорить [32, с. 87–88]. Казахстанский археолог А.Х. Маргулан на основании нарративов народных легенд о смерти Джучи на охоте на куланов предположил принадлежность погребений Джучи и его жене. По его мнению, мавзолей был построен в 1228 г. на годовщину поминок Джучи, умершего, в 1227 г. [23, с. 129]. Другая дата смерти Джучи – 1225 г. – предложена и обоснована казахстанским историком К. Ускенбаем [47, с. 41–42].

Сомнения по поводу принадлежности исламского мавзолея как места захоронения Джучи неоднократно высказывались архитекторами, историками, археологами [40, с. 23; 18, 165–167-б]. Прежде всего, было обращено внимание на исламский стиль архитектуры мавзолея, что не соответствовало погребению немусульманского происхождения чингизида Джучи. Если мавзолей, следуя замечанию В. Бартольда [1, с. 258–259], мог быть выстроен позже над «языческим» погребением, то в данном случае не фиксировалось раннее надмогильное сооружение [13, с. 104]. Два разновременных этапа строительства мавзолея, декорирование глазурованными плитками и резными плитками в стиле ислими (арабские буквы в рельефе с растительным орнаментом) – позволяют отнести его к концу XIII – началу XIV вв.

Датирование радиокарбонным методом фрагментов строительной древесины позволило определить время строительства мавзолея первой половиной XIV в., по медианным значениям калибровочных интервалов 1330–1350 г. (рис. 4). Дата фрагмента гроба – в рамках 1220–1270 гг., с медианным значением калибровочного интервала 1245 г. (AA106632, рис. 4). Эффект «старого дерева» (отсутствие колец рубки) подвигает ^{14}C дату гроба ближе к ^{14}C датам по строительной древесине мавзолея и удаляет дату гроба от даты смерти Джучи в 1225 г. [31, p. 323–331].

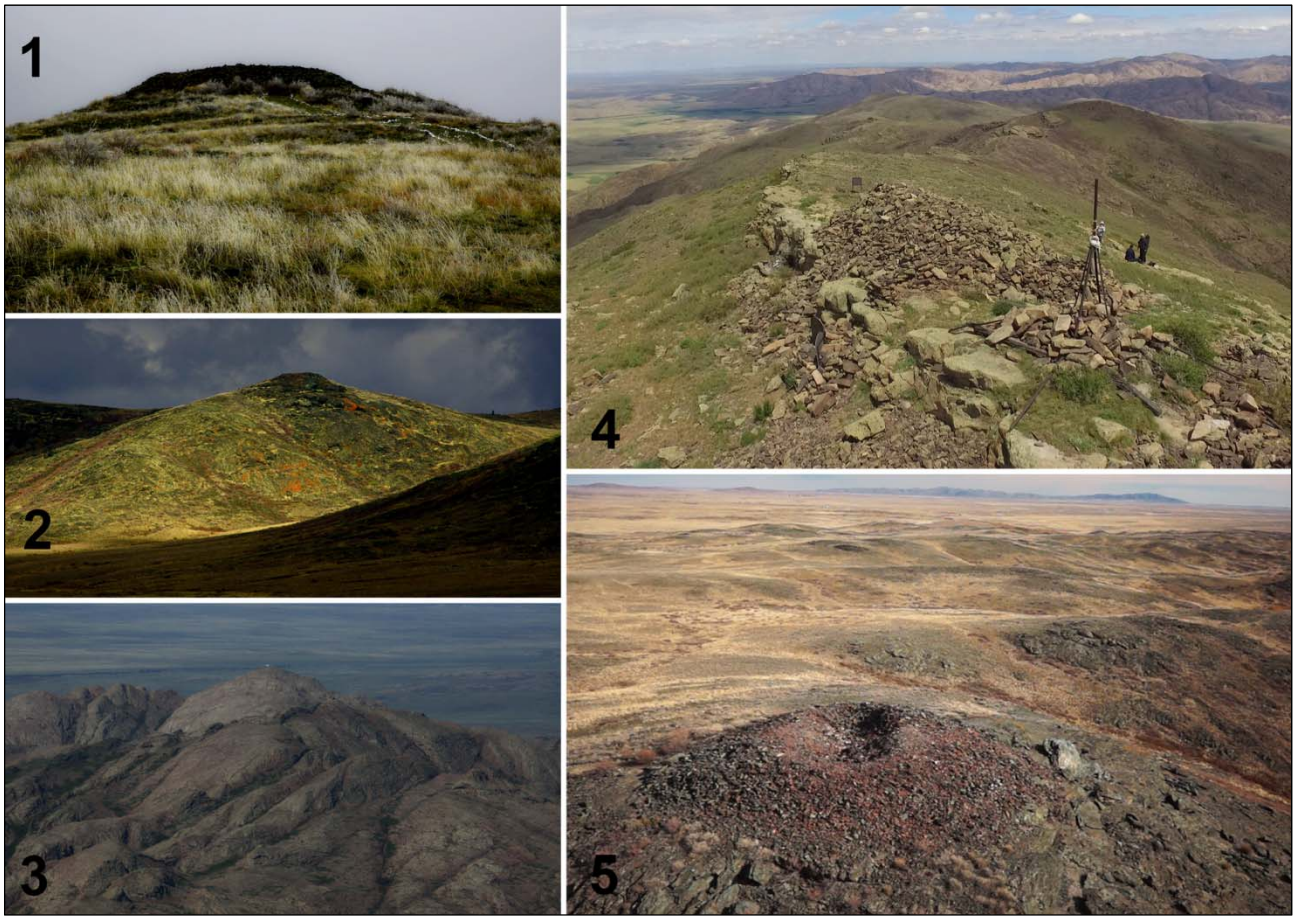
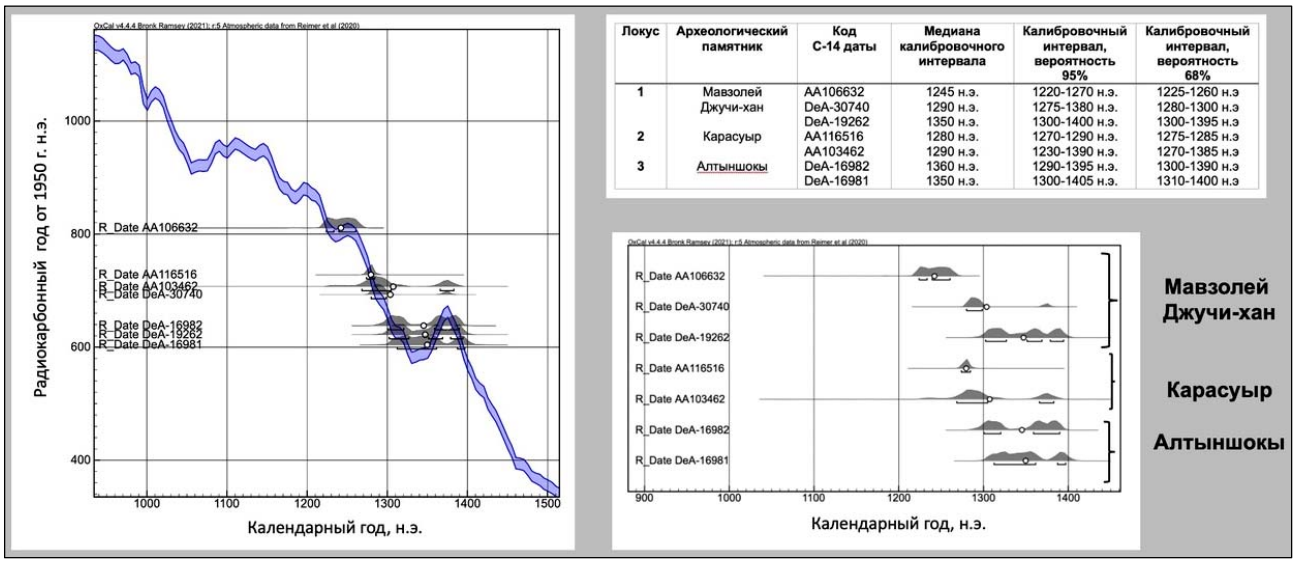

Рис. 3. Культовые памятники. Улытау, Казахстан
1, 2, 5. Сопка Алтыншокы. Общий вид сопки и кургана сверху. Из архива Э.Р. Усмановой
3, 4. Гора Едыгетау. Общий вид горы и кургана сверху. Из архива Э.Р. Усмановой

Локус	Археологический памятник	Код С-14 даты	Медиана калибровочного интервала	Калибровочный интервал, вероятность 95%	Калибровочный интервал, вероятность 68%
1	Мавзолей Джучи-хан	AA106632	1245 н.э.	1220-1270 н.э.	1225-1260 н.э
		DeA-30740	1290 н.э.	1275-1380 н.э.	1280-1300 н.э
		DeA-19262	1350 н.э.	1300-1400 н.э.	1300-1395 н.э
2	Карасуыр	AA116516	1280 н.э.	1270-1290 н.э.	1275-1285 н.э
		AA103462	1290 н.э.	1230-1390 н.э.	1270-1385 н.э
3	Алтыншокы	DeA-16982	1360 н.э.	1290-1395 н.э.	1300-1390 н.э
		DeA-16981	1350 н.э.	1300-1405 н.э.	1310-1400 н.э

Рис. 4. Результаты калибровки радиокарбонных дат по древесине археологических памятников Улытау. Функции плотности вероятности для калибровочных интервалов на международной калибровочной кривой (IntCal20) и по локусам. Серая заливка – 95% вероятность и белые точки – медианные значения калибровочных интервалов

Погребальная обрядность мавзолея сочетает элементы мусульманских ритуалов с элементами доисламских культов [50, с. 77]. Воздвижение облицованного цветной глазурованной плиткой второго купола – знак демонстрации особого почитания захороненных в мавзолее людей. В Центральной Азии в XIV в. архитектура мазаров святых, миссионеров суфизма «переживала» трансформацию. Ярким примером является строительство по инициативе Амира Тимура на месте прежнего скромного мазара суфия Ходжи Ахмеда Яссави монументального мавзолея [14]. Вполне возможно, что в мавзолее на берегу Каракенгир похоронены личности, имевшие отношение к чингизидам и распространению ислама среди кочевников Золотой Орды. Мавзолей мог быть построен по велению хана Берке (1209–1266) сына Джучи, который был одним из первых почитателей ислама в аристократии чингизидов. С официальным принятием ислама в Улусе Джучи при правлении хана Узбека (1313 – 1341) [4, с. 89] мавзолей перестраивался. Над степью взметнулся купол бирюзового цвета с навершием из соединенных вместе двух/трех глазурованных керамических кувшинов, увенчанных сверху «рогами». Навершие-кубба, вероятно, имело полисемантическое значение, одновременно символизировав доисламский культ быка [30, с. 6–11] и одну из самых длинных сур Корана «аль-Бакара», что означает корова [19, с. 15–49].

Мавзолей, как вертикальный архитектурный объект, сформировал вокруг себя площадку мусульманского некрополя с золотоордынскими погребальными постройками, от которых сохранились лишь фундаменты. При этом здесь есть погребальные сооружения XVIII–XIX вв. и вплоть до современности. Вблизи мавзолея раскопаны развалины поселения, которое «<…> отождествляется с неукрепленным поселением Джошы-Ордасы <…>» [13, с. 101]. Главную ставку Джучи помещают на Верхнем Иртыше, где он мог быть и похоронен [2, с. 145].

В нескольких средневековых письменных источниках имя Джучи упоминается вместе с топосом Улытау. Шейбанидский придворный историк XVI века Утемиш-хаджи отмечает Улуг-Таг (совр. топоним Улытау) как район, где находился Джучи перед своей гибелью: «Когда Йуджи-хан (Джучи-хан) отправился в вилайат Дешт-и Кыпчака, он достиг известного Улуг-Тага. Однажды, когда он вышел на охоту в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Он начал пускать стрелы и преследовать их, но упал с коня, и свернул себе шею, и умер. Так погиб Йуджи-хан» [51, с. 90].

В первом письменном свидетельстве о мавзолее Джучи, где фигурирует информация о походе Абдаллаха II в 1582 г., сообщается, что хан «<...> в течение нескольких дней наслаждался и веселился в этой местности, где находилась столица Джучи-хана и славных его сыновей» [54, с. 281]. К слову, как назывался мавзолей до этого сообщения во времена правления первых приверженцев ислама – неизвестно. Также как и кем был назван мавзолей именем Джучи, если принять версию, что в нем были похоронены люди, имевшие, отношение к чингизидам мусульманской веры – тоже остается пока загадкой. Вероятно, именование мавзолея возникло из-за желания сохранить память о великом предке у его потомков. В то же время с умыслом, чтобы скрыть место тайного погребения сына Чингиз-хана, похороненного может быть в Улытау. «<…> члены монгольского ханского рода на всем пространстве империи хоронились в труднодоступных местах, преимущественно на высоких горах; ханские кладбища были запретным местом <…>» [2, с. 388].

Мемория о Джучи как правителе Улуса Джучи, «подарившим» свое имя после распада Монгольской империи целому государственному объединению, осталось закрепленным до сегодняшнего дня в названии мавзолея. На протяжении нескольких столетий, вплоть до современности, он является традиционным местом паломничества. Видимо, таким образом сформировался природно-исторический локус Улытау – курук – заповедная сакральная территория джучидов, которая включает в себя некрополи с почитаемыми архитектурными объектами – мавзолеями. В современном пространстве локуса наряду с мазаром Джучи-хана полуруинно сохранились золотоордынские мавзолеи Аяккамыр, Жансеит, Болган-ана, рядом с которыми чаще всего находятся поселения и городища. Например, у некрополя Болган-ана отмечены остатки двух поселений [24, с. 19]. Мавзолей Джучи – это единственный мазар в Улытау среди других золотоордынских мавзолеев, который имел радикальную перестройку и ремонты. Это означает, что он был постоянно в зоне сакрального внимания и почитания.

Понятие курука, означающее защиту и покровительство предков в местах их посмертного погребения и прижизненного проживания, впервые регистрируется у тюрков в XI в. И далее этот архетип «мыслить себя рядом с предками» [8, с. 4–5], в котором присутствует символическое соединение природного-нерукотворного и искусственного-человеческого, профанного и сакрального, становится ведущим в формировании особой зоны, куда вошел ханский курук Улуса Джучи и последующие кочевые государственные образования на территории Сарыарки после распада Золотой Орды.

С большой долей вероятности можно считать Улытау сакральной зоной Улуса Джучи, чей природно-исторический локус возникает на основе сочетания природного образа горы и священности погребений предков. «Заповедная зона – корук включает в себя могилу хана и его ставки, сохранившееся после смерти в прежнем виде <…>. Ханское кладбище, в качестве запретного места, везде и всегда обозначается одни и тем же термином – турецким словом курук» [2, с. 388].

Локус третий. Сопка Алтыншокы. Расположена северо-западнее гор Улытау, в 17 км западнее села Сарлык, обл. Улытау, Казахстан. Природно-исторический образ Улытау как чингизидского курука явственно обозначился в «кыпчакском» походе Тимура (1336–1405) против хана Золотой Орды Токтамыша в 1391 г. Материальное свидетельство этого похода сохранилось на вершине сопки Алтыншокы (рис. 3: *1,2*). Это курган из камней базальтовой породы и плитой с надписью, оригинал которой находится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Копия плиты установлена у подножия курганной насыпи.

По указанию местного жителя, курган на сопке Алтыншокы был обнаружен геологом К.И. Сатпаевым в 1935 г., проводившим геологоразведочные работы в Джезказган-Улутауском регионе, который, понимая важность находки, посылает фото плиты с надписью в Москву, в Академию наук. В 1936 г. при его содействии плита была отправлена в Ленинград, в Государственный Эрмитаж, где сейчас и выставлена в экспозиции по средневековой истории Средней Азии [22, с. 167–170].

Перевод надписи, сделанной на основе двух алфавитов – арабского и уйгурского, свидетельствует об исторической принадлежности кургана и камня с надписью к событиям военной кампании Тимура 1391 года. Первым, кто перевел текст на плите, опубликовал его в 1940 г. и соотнес с карательным походом Тамерлана против золотоордынского хана Токтамыша в 1391 г., был советский монголовед Н.Н. Поппе (1897–1991). Текст имеет 11 строк: первые три строки выбиты арабскими буквами, а остальные восемь – знаками уйгурского письма на среднеазиатском тюркском литературном языке («чагатайском»). Войти в курс конкретных событий помогли описания этой военной кампании, которые «<…сохранились в трудах персидских летописцев XV в. Низамуддина Шами, Шарафуддина Йезда и Абдурраззака Самарканди» [34, с. 185, 187]. У персидских историографов основной тезис в разных сравнительных описаниях о событии, произошедшем в Улытау, сводится к следующему: «<…> в пятницу, достигли Улук-дака. Тимур взошел на вершину горы, осмотрел (местность) (это была) степь и в степи – пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камни и построили там высокий знак. Каменотесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе» (Низам-ад-дин Шами, из «Книги побед» – «Зафар-наме») [41, с. 112 –113, 161].

«Его величество остановился на день на вершине Улуг-тага и приказал, чтобы войска свезли туда со всех сторон камни, дабы воздвигнуть там большую башню в качестве указателя. Искусные скульпторы выгравировали там дату прихода августейшего монарха (*Тимура. – И.М.*) в эти места для того, чтобы этот монумент передал в самые отдаленные века память о высоких делах этого прославленного монарха» (Мухаммед ибн Хондшах ибн Махмуд Мирхонд) [26, с. 21].

Один из последних переводов на русский язык двуязычной надписи Тимура гласит следующее: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и всемогущий. Премудрый даритель жизни и смерти! Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст бог, господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!» [11, с. 24].

Причиной похода явилась конфликтная ситуация в борьбе за власть между двумя лидерами постмонгольского имперского пространства – Токтамышем и Тимуром [25, с. 170]. Перед Тимуром встала проблема выбора пути до токтамышевых владений, чтобы встретиться с ханом в битве. От этого выбора зависел успех всей военной кампании эмира Тимура. В «Книге побед» Низам-ад-дин Шами «Зафар-наме» поход назван: «Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-Кыпчак».

Тамерлан наитием потомка кочевника и стратега выбрал маршрут длинный и тяжелый, но самый выгодный, преимущество которого – это скрытый выход к летним кочевьям Токтамыша, располагавшимся в среднем течении Итиля (рус. гидроним Волга) [21]. Маршрут похода сложился следующим образом: Самарканд, переправа через Сырдарью, Ташкент, Отрар, Сайрам, Яссы, переход через степь Бетпак-Дала (в переводе с тюркского – Голодая степь), форсирование р. Сарысу, горы Кичигтаг (Малые горы) и Улугтаг (Великие горы, Улытау) и далее прямо на север через Тургайский прогиб к рекам Тобол и Жаик (рус. гидроним Яик, Урал), Итилю (рус. гидроним Волга), его притокам. Поле битвы помещается одними исследователями на р. Кондурча, правом притоке р. Сок, в Самарской излучине [25, с. 170; 3, с. 111–112], другими – в верховьях реки Малый Уран, Оренбургской обл. [21, с. 132–133; 52, с. 44–55].

Главным природным объектом на пути тимуровского карательного похода до места решающей битвы является территория Улытау – географический и пограничный знак восточных пределов владений Токтамыша. В русских летописях при описании походов Токтамыша упоминается восточная граница его владений Оурукътанъ. По всей видимости, это искаженное имя Уруктаг. Первое слово «урук» – у монголов и тюрков означало «поколение, родня, род», второе слово «таг» – гора. Один из вариантов русского перевода географического названия Уругтаг – Уругтак – «Родовая гора» [11, с. 10–11].

Итак, войско Тимура вступает на земли владений чингизидов, в горную местность с символическим топосом Уругтаг – «Родовая гора», преобразованным в современный топоним Улытау – Великая гора, которые между собой семантически очень схожи [37, с. 427]. На сопке чагатайцы сооружают курган, где устанавливают камень с выбитой надписью-пророчеством о будущей победе над ханом Токтамышем. Если текст «камня Тимура» понятен в контексте похода, то, что означает курган, воздвигнутый воинами, уставшими от трехмесячного перехода, начавшегося в феврале 1391 г. выходом из Туркестана?

Каменная насыпь кургана сохранила следы воздействия сильного огня в виде прокала, ошлакованные куски базальта, шлак и воздуходувные каналы (рис. 3: *5*). Первоначально предполагалось, что здесь была устроена печь для плавки металла или обжига кирпича. Однако в 2018 г. в результате междисциплинарного исследования, в котором участвовали археологи, историки, химики, геологи, ботаник, картограф, было установлено, что курган является теплотехническим сооружением для устройства большого костра [53, с. 64–74]. Радиокарбонное датирование угля из шлака подтвердило совпадение времени сооружения кургана со временем проведения военной кампании эмира Тимура против Токтамыша в 1391 г. [16, с. 190]. Стоит учитывать, что датировались фрагменты угля из веток кустарника таволги, которыми разжигали костер. Поэтому калибровочный интервал двух 14С дат широкий – весь XIV в. (рис. 4). Форма калибровочной кривой в форме «V» добавляет сложности в интерпретации интервалов, расширяя их, чтобы захватить обе стороны «вилки».

В таком случае для чего предназначался курган теплотехнического характера? Если для сигнального огня, который был необходим для сбора в одном месте кошунов-отрядов Тимура, то для этого не нужно строить такой большой и сложный по устройству курган. Достаточно сделать костер из веток для сигнального дыма. Следует отметить, что комплекс Алтыншокы (курган и плита с надписью) единственный зафиксированный и сохранившийся ритуальный объект, известный в военном ландшафте тимуровских походов. В письменных источниках о военных деяниях Тимура отсутствуют свидетельства о совершенных ритуалах или каких-либо оставленных культовых квази-знаков во время военных кампаний в Индию, Сирию, Иран. Отсутствует какая-либо информация и о костре на вершине сопки при описании «кыпчакского» похода 1391 года. Скорее всего, это могло быть вызвано стремлением не касаться языческой сущности обряда и описывать только черты исламского менталитета Тимура.

В тексте на «камне Тимура» курган на тюрки звучит обоо [11, с. 24]. Культ обо/обоо (монг/ obuya – насыпь) входит у кочевников в систему шаманистических или квазирелигиозных ритуалов поклонения священной Горе, которые были связаны с культом поклонения духам предков, местности. В общественной жизни монгол ритуалы поклонения широко практиковались в виде поминальных жертвоприношений и песнопений в честь умерших предков, проводимых весной [33].

Войско чагатайцев двигалось через родовые земли чингизидов, на битву с чингизидом. Двойственная личностная ситуация для Тимура. С одной стороны – почитание памяти «потрясателя Вселенной» Чингиз-хана. С другой стороны – поход против чингизида хана Токтамыша [25].

Вероятно, строительство обоо и возжигание мощного костра – явление ритуального порядка, дань уважения родовому куруку чингизидов. Огонь, как очистительная сила, принята в традициях многих народов [17, с. 283–293]. По всей видимости, курган был выстроен Тимуром и его воинами как культовое сооружение. Рукотворному кургану и плите с надписью, впрочем, как и архитектурным шедеврам эпохи Тимуридов, суждено было пережить века.

Обоо было построено по всем правилам сакрального кода поклонения духам предков и культу священной Горы:

- в местности Улытау, где начинались владения чингизидов Золотой Орды;
- Улытау – Родовая и Великая гора, почитаемая джучидами-чингизидами;
- на вершине сопки Алтыншокы, с которой открывается обзор горной гряды Улытау и степное пространство Дашт-и Кыпчака;
- апрель – весна – время поклонения духам предков;
- строительство обоо – это элемент сакрализации особо почитаемой территории [11, с. 9].

Этим ритуальным актом утвердилась не только мемория и желание победной войны Тимура, «чтобы на лице времени осталось воспоминание об этом походе», но и подчёркнута сакральная сущность природно-исторического локуса Улытау, одного из куруков Улуса Джучи. Ритуальное сооружение в виде насыпного кургана-обоо – знак глобального архетипа Мировой горы [57, с. 29] и культа поклонения предкам.

Локус четвертый. Гора Едыгетау – отдельно стоящая гора с западной стороны горной гряды Улытау, в 16 км по прямой линии на юго-запад от с. Улытау (обл. Улытау, Казахстан). На краю плоской вершины расположен культовый объект, состоящий из трех конструкций, выстроенных в линию (рис. 3: *3, 4*). Основной конструкцией является большая насыпь из камня, которая и относится к культу Едыге (Идегея), курган-обоо, построенный в его честь. В ходе обследования было зафиксировано существование первоначальной конструкции, выложенной из бутового и плиточного камня и впоследствии перекрытой

поздним по времени набросом. Судя по описанию Ч.Ч. Валиханова, такой же вид, как и в настоящее время, сооружение в честь Идегея имело в середине XIX в.: «Могила его – простая груда щебня, вероятно, она прежде имела определенную фигуру, но разрушилась» [5, с. 193].

Этот курган почитается казахским населением в качестве могилы Идегея, основателя Мангытского юрта и династии, возглавившей Ногайскую Орду, военачальника и политического деятеля Золотой Орды [42, с. 79–81]. Применительно к личности Идегея в источниках и литературе используется ряд титулов-рангов-должностей, определяющих его позиции в клане и в политической сфере: эмир, бий, бек, темник, улуг бек, улу бий. Общепринятым считается титулование его беклербеком (бек над беками, бек всех беков) Золотой Орды [42, с. 78].

О почитании Идегея казахами Ч.Ч. Валиханов пишет: «<…> курган этот, имеющий форму всех оба (по-монгольски обо), т.е. курганов, воздвигнутых в честь и воспоминание падших или умерших героев, называется Идыгеевым обасы, самая гора называется просто Идыге. Киргизы (*казахи – прим. авторов*), почитая его как национального героя и святого по происхождению, часто приносят на могилу его жертвы. Иногда режут скот, что теперь очень редко, а большей частью привязывают к растущему тут кустарнику лоскутки одежды или конские волоса» [5, с. 224]. О культовом значении этого сооружения писал и Г.Н. Потанин, указывая, что «<…> на горах, на их вершинах или на горных перевалах складывались только *«обо»,* священные кучи камней, а не могилы. <…> сами киргизы называют кучу камней на вершине горы Идыгэ не мола, «могила», а *оба* (*Идыгэнын обасы*)» [35, с. 314].

В ранней казахской версии песни «Идегей», которая происходит от аутентичного ядра сказания об Идегее, о могиле на вершине горы не упоминается [15, с. 63]. Впервые о каменной конструкции на горе Едыгетау записал в XVIII в. Филипп Иоганн фон Страленберг [35, с. 314], по сведениям, полученным им не позднее 1722 г., до возвращения в Швецию.

Предание о захоронении Идегея на горе в Улытау могло появиться только после 1419 г., даты его гибели [10, с. 405; 15, с. 63]. Настолько позже, чтобы в памяти о его личность оформилась в героизированного и сакрализованного предка, достойного почитания. Кочевые роды мангытского юрта в периоды усиления после смерти казахского хана Касыма (1511–1521) активно кочевали по территории западной половины Казахстана, вплоть до Западной Сибири, Сары-Арки и низовьев Сырдарьи [42]. После неоднократных смут в Ногайской Орде, некоторые кочевые роды полностью переходили под власть казахских ханов, впоследствии частью вливаясь в состав казахского народа [43, с. 79–85]. О том, что эти процессы затрагивали и территорию Улытау свидетельствует один из эпизодов миграции каракалпаков, который отражен в их легендах о расселении здесь в конце XVI в., и чье происхождение выводится из Ногайской Орды. Согласно легендам, 40 старейшин каракалпакских родов в период усобиц конца XVI века испросили разрешения у хана Тауеккеля на поселение в Улытау, где они проживали недолгое время до их мятежа и последующего за ним изгнания из этих мест [42, с. 432–434].

Вероятно, сакрализация одной из вершин в горной системе Улытау могла произойти и вследствие учреждения с 1582 г. ногайского наместничества (тайбуги) в «Тайбугином жеребье», помещаемом В.В. Трепавловым в этот период в верховьях Ишима и Тобола [42, с. 71–78]. Возможно, стремление к возведению сакрального характера обоо в честь Идегея в Улытау возникло вследствие внушительного расстояния до места предполагаемого его погребения (Сарайчик) и отсутствия физической возможности на месте совершать поклонение родовому лидеру. Другая причина – оформление новой для своего кочевания местности с собственной сакральной топографией путем символического переноса одного из знаков культа предков – могилы Идегея – на значимый географический объект в Улытау (гора с современным топонимом Едыгетау). Как символический манифест закрепления/освоения Улытау за своим родовым кочевьем. Возможно, ответить на эти вопросы позволят, в том числе, специальные исследования зафиксированных на данный момент 38 вариантов казахских версий эпоса «Идегей» [46, с. 782–813]. Мемориальное знаковое сооружение в честь Идегея в Улытау, связанное одновременно с культом предков-аруахов и с культом Мировой горы, вылившееся и в почитание самой горы Едыгетау – одно из наиболее полных и органических проявлений феномена природно-исторических локусов.

Сопряженная хронология природно-исторических локусов в Улытау. Радиокарбонное датирование (кость, дерево, уголь) из культовых объектов трех локусов – комплекс Карасуыр и Алтыншокы, мавзолей Джучи – указывает на моменты синхронизации в процессе их создания в Улытау, а если точнее – в заповедном куруке Улуса Джучи (рис. 4). Строительство мавзолея Джучи происходило ближе к середине XIV в. Логично предположить, что решение и планирование строительства происходило немного раньше. Ранняя дата фрагмента гроба (1220–1270) может определять нижний предел хронологии этого локуса. Появление «ландшафта смерти» воинских захоронений у сопки Карасуыр датируется в интервале 1230–1290 гг. (по двум погребениям из разных ложбин). Фиксируется совпадение хронологий второго и первого локусов (рис. 4). Даты древесного шлака с комплекса Алтыншокы в интервале 1290–1405 гг. находятся в одной группе с ^{14}C датой балки второго строительного горизонта мавзолея – 1300–1400 гг. (DeA30740).

Сопряженная хронология трех локусов умещается между 1220–1400 гг. по 95% вероятности калибровочных интервалов.

Можно предположить, что события, в результате которых появляются разные культовые объекты в природно-исторических локусах Улытау, в какой-то степени синхронны, даже пусть при наличии небольших разрывов во времени существования, но в рамках единого исторического процесса и в едином сакральном пространстве. Параллельность отмечается для строительных этапов мавзолея Джучи: 1-ый этап – с формированием комплекса Карасуыр; 2-ой этап – с курганом на сопке Алтыншокы и временем «кыпчакского» похода Амира Тимура. При этом совпадение событий во времени происходит независимо друг от друга, но в едином пространстве, что, видимо, связано с поведенческим архетипом – поклонение Мировой горе и предкам. Улытау выступает как сакральный центр в образовании природно-исторических локусов, органично связанных с куруком чингизидов.

Вместе с тем, нужно иметь в виду, что Восточный Дашт-и Кыпчак в Улусе Джучи долгое время был очагом и оплотом традиционализма в религиозной сфере. Значительные усилия по исламизации кочевников предпринимал, будучи беклербеком, Идегей [9, с. 60–61], что было синхронно и в унисон религиозной политике в отношении кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака Тимура, с которым мангытский бий и его соратник хан Тимур-Кутлук одно время были политическими союзниками. В таком случае, генеральная реконструкция мавзолея Джучи-хана с построением второго внешнего купола могла быть осуществлена после окончания похода 1391 года Тимура против хана Токтамыша, когда в регионе установилась власть хана Тимур-Кутлука и беклербека Идегея. Это время соответствует самому верхнему диапазона дат по ^{14}C (рис. 4).

В таком контексте стоит обратить внимание на обстоятельство одновременного сосуществования разных религиозных практик при создании некоторых культовых объектов в локусах Улытау. Комплекс Карасуыр – это проявление ритуалов тибетского буддизма с примесью шаманизма. В исламской архитектуре мавзолея Джучи присутствуют элементы доисламских культов. Комплексы в виде курганов-обоо на Алтыншокы и Едыгетау демонстрируют культ поклонения Мировой горе и предкам. Эти характеристики дают возможность утверждать о сакральном характере Улытау как пространстве религиозной толерантности в ханском куруке Улуса Джучи. «<…> места расположения столиц и кочевых ханских ставок превращались в общезначимые места, осененные присутствием магической харизмы (фарн, кут), которая давала божественным избранникам власть над народом» [44, с. 175]. Существовала и обратная связь: ханская ставка и места погребений создавались у природных объектов, которые были священны в миропонимании кочевников, и потому превращались <…> в своеобразный мемориал – курук» [44, с. 175].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Сочинения. В IX т. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / Подг. к изданию В.А. Ромодиным и Б.Я. Стависким. Отв. ред. тома Б.Г. Гафуров. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 1020 с.

2. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монгол // Сочинения. В IX т. Т. IV. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы,1966. С. 377–396.

3. Бобров Л.А. Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Золотая Орда: история и культурное наследие: сборник научных материалов / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 111–135.

4. Бородовская Л.З. Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 3. С. 82–94. DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-3-82–94

5. Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 190–197.

6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. В 4 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. 498 с.

7. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 557 с.

8. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

9. Гарустович Г.Н. Средневековые авторы о распространении ислама в Улусе Джучи // Вестник Академии наук РБ. 2012. Том 17. № 3. С. 55–61.

10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1950. 505 с.

11. Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. «Надпись Тимура 1391 г.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI. СПб: Изд. СПбГУ, 2004. С. 3–24.

12. Дмитриев С.В. Сульде: к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии // Mongolica. 2001. Т. 5: Посвящается 100-летию со дня смерти К.Ф. Голстунского. Санкт-Петербург. 2001. С. 21–32.

13. Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жошы-хана // Отан тарихы, 2001. № 2. С. 90–106.

14. Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. − середина 1950-х годов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 225 с.

15. Жирмунский В.М. «Эдиге» – 600 лет // Половецкая луна. 1993. № 3/7. С. 63–81.

16. Знак Тимура на сопке Алтыншокы: сб. ст. и публикаций / Гл. ред. Усманова Э.Р. Караганда: LtdTengri, 2020. 192 с.

17. Камолиддин Ш. Культ огня у тюрков // Следы империй. Культура Центральной Азии от Александра Македонского до Тимуридов /Под ред. Р.Г. Мурадова. Кабул –Бишкек: Французская археологическая делегация в Афганистане и Французский институт исследований Центральной Азии, 2018 . С. 283–293.

18. Қинаятұлы З. Қазақ мемлекеті және Жошы хан. Астана: Елорда, 2004. 339 б.

19. Коран. Перевод с арабского академика И.Ю. Крачковского. Предисловие к изданию 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. М. Изд-во «Раритет», 1990. 528 с.

20. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

21. Костюков В.П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2 (вып. 11). С.120–138.

22. Крамаровский М.Г. «Камень Тимура» как феномен чингисидской истории и культуры // Золотая Орда. История и культура: каталог выставки к 1000-летию Казани. СПб.: Славия, 2005. С. 167–170.

23. Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. № 49. Сер. Историч. Вып. 4. Алма-Ата: Издательство АН Каз ССР, 1948. С. 142–143.

24. Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 3–37.

25. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.

26. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

27. Mühlemann B., Jones T.C., Damgaard P.B., Allentoft M.E., Shevnina I., Logvin A., Usmanova E., Panyushkina I.P. et al. Ancient hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval period // Nature. 2018. № 557. Pp. 418–423.

28. Научный отчет AR–12/54 по проекту: «Проведение археологических изучений и исследований памятников Северной Бетпакдалы и Западной части Улытауского района». В 2-х томах. Том 1. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. 101 с.

29. Обычай и традиции монголов, или шаманизм в Монголии. URL: https://asiarussia.ru/articles/7697/ (дата обращения 22.02.2023).

30. Окладникова Е.А. Палеокалендарные тексты горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 5: Доклады V Международной научной конференции / отв. ред. А.Ю. Котылев, А.А. Павлов. Сыктывкар: Изд-во Коми. Пед. Универ, 2010. С. 5–9.

31. Panyushkina I.P., Usmanova E.R., Uskenbay K.Z., Kozha M.B., Dzhumabekov D.A., Akhatov G.A., Timothy J. Chronology of the Golden Horde in Kazakhstan: ^{14}C dating of Jochi Khan Mausoleum // Radiocarbon, 2022. 64. 2, pp. 323–331. DOI: 10.1017/RDC.2022.24

32. Пацевич Г.И. Дневник Центрально-Казахстанской Археологической экспедиции 1946 г. // Научный архив Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК. Д. № 367. 97 л.

33. Петров Ф.Н. Гора Бурхан-Халдун в культовой практике современных монголов. URL: https://arkaim-center.ru/science/nashi-publikacii/gora-burhan-haldun-v-kultovoj-praktike-sovremennyh-mongolov (дата обращения 22.02.2023).

34. Поппе Н.Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 185–187.

35. Потанин Г.Н. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. № 7. Вып. 3-4. 1897. С. 294–350.

36. Руденко К.А. Булгар и Великий шелковый путь (металлические зеркала). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2023. 196 с.

37. Семби М. Улытау // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И. В. Ерофеева. Алматы: КазНИИК, 2014. С. 427–431.

38. Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара// Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 330–359.

39. Содномпилова М.М. Системы ориентации кочевников Центральной Азии // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 3. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2005. С. 237–243.

40. Султанов Т.И. Казахи: судьба народа и судьба страны в Средние века. Алматы: Дайк-Пресс, 2020. 344 с.

41. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.

42. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

43. Трепавлов В.В. «Шесть Сыновей». Остатки Ногайской Орды в казахских степях // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 79–85.

44. Трепавлов В.В. Сакральная топография кочевых степей (XIII–XVII вв.) // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 171–181.

45. Туччи Джузеппе. Религии Тибета. СПб.: Евразия, 2005. 415 с.

46. Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К. К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 782–813. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813 EDN: FRCSFC

47. Ускенбай К. Джучи-хан – сын и наследник Чингиз-хана, полководец и правитель // Мавзолей Джучи-хана: история исследования / Сост., гл. ред. Усманова Э. Р. Самарканд: МИЦАИ. 2024. С. 11–49.

48. Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр, Улытау // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 46. № 2. 2018. С. 106–113. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.106-113

49. Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Джумабеков Ж.А., Антонов М.А., Каспаров А.Р. Комплекс Алтыншокы в ландшафте военного конфликта Тимура и Токтамыша // Знак Тимура на сопке Алтыншокы: сб. ст. и публикаций / Гл. ред. Усманова Э.Р. Караганда: LtdTengri, 2020. С. 93–123.

50. Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г.А. Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд // Археология Евразийских степей. № 3. 2022. С. 74–80. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.3.7

51. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, примечания, исследования В.П. Юдина, комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой, Алма-Ата: «Ғылым», 1992. 296 с.

52. Федченко О.Д. Поход Тамерлана на Дешт-и Кипчак в 1391 году // Тюркологические исследования. 2022. Т. 5. № 4. С. 44–55.

53. Fomin V.N., Usmanova E.R., Zhumashev R.M., Pokussayev A.V., Motuza G., Omarov Kh,B., Kim Yu.Yu, Ishmuratova M.Yu. Chemical-technological analysis of slags from the Altynshoky complex // Bulletin of the University of Karaganda. Chemistry. 2018. P. 64–74.

54. Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммад ал-Бухари. Шараф-нама-йи шахи (пер. М.А. Салахетдиновой) // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алматы: Наука Казахской ССР, 1969. С. 237–312.

55. Хингеева Л.М. Элементы шаманского костюма в контексте культурно-исторической эволюции бурятского и монгольского народов // Человек и культура. 2023. № 1. С. 67–81.

56. Хорош Е.Х. К вопросу о строительной истории мавзолея Жошихан // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сборник материалов научно-практической конференции, Алматы, 25–26 апреля 2008 г. / Редкол.: И.В. Ерофеева, К.М. Байпаков, Л.Е. Масанова. Алматы: Дайк-пресс, 2009. С.101–109.

57. Элиаде Мирча. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

58. Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 287–304.

Сведения об авторах: Эмма Радиковна Усманова – ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова (Караганда, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0003-1625-5086, ResearcherID KBB-1866-2024. E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Сергей Владимирович Захаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0009-0009-4848-1118, ScopusID: 57211644731, ResearcherID: KBB-1866-2024. E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru

Ирина Петровна Панюшкина – кандидат биологических наук, доцент-исследователь Лаборатории годичных колец, Университет Аризоны (Тусон, США); ORCID: 0000-0001-8854-2637. E-mail: ipanyush@arizona.edu

NATURAL-HISTORICAL LOCI OF THE JOCHI ULUS IN ULYTAU

E.R. Usmanova[1], S.V.Zakharov[2], I.P. Panyushkina[3]

[1] Karaganda Buketov University
[2] Margulan Institute of Archaeology
[3] University of Arizona

The Ulytau is a low mountain range located in the southwest of the Kazakh Uplands (Ulytau Oblast, Kazakhstan). Its geography plays a crucial role at the crossroads of the Eurasian steppe, shaping the cultural and political development of the Mongol Empire and, after its collapse, the post-imperial uluses. Covering an area of 11,245 km², Ulytau incorporates significant natural and historical sites, including memorial and cultic monuments associated with the Ulus of Jochi, the Mongol Empire's successor state. The interaction of natural and sacred elements in Ulytau is centered around the archetype of the "World Mountain," a concept deeply embedded in the nomadic worldview. The toponym "Ulytau" carries a broad semantic meaning, translating to "great, revered, ancestral mountain." This study examines Golden Horde archaeological sites in Ulytau dating to the late 13th–14th centuries, including ritual complexes on the hills of Karasuyr and Altynshoky, the mausoleum of Jochi Khan, and Yedigetau Mount. The construction of Jochi Khan's mausoleum is linked to the spread of Islam in the Golden Horde, while the Altynshoky complex is associated with Amir Timur's 1391 military campaign against Khan Tokhtamysh. The burial mound (oboo) on Yedigetau Mount, erected in the post-Golden Horde period, is considered a memorial monument honoring Beklerbek Yedige. The long-term veneration of Yedigetau Mount and its oboo reflects the phenomenon of natural-historical loci. Radiocarbon dating of Golden Horde archaeological sites establishes a historical chronology for Ulytau spanning from 1275 to 1400 CE, indicating a synergy and synchrony among these sacred landscapes. These loci illustrate Ulytau's sacred topography as a protected space–the khan's kuruk–of the Ulus of Jochi.

Keywords: loci, Ulus Jochi, Karasuyr, Ulytau, Edige, oboo, kuruk

Financing: The study was supported by funding from the Sciences Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2024–2026. Project IRN BR24992951 "The archaeological heritage of Saryarka from the Stone Age to the Middle Ages".

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to Kanat Uskenbay (Institute for Humanities Studies ABDI, Almaty, Kazakhstan) for consultation on the Ulus of Jochi history; to A.V. Kolbina (Regional Museum of History and Local Lore, Kostanay, Kazakhstan) for assistance in anthropological identification; to M.S. Shagirbaev (Laboratory of Zooarchaeology, Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan) for consultation on paleozoology.

About the authors: Emma R. Usmanova – Leading Research Fellow of the Saryarka Archaeological Institute, Karaganda Buketov University (Karaganda, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0003-1625-5086, ScopusID: 57211644731, ResearcherID KBB-1866-2024. E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Sergey V. Zakharov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0009-0009-4848-1118, ResearcherID: KBB-1866-2024. E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru

Irina P. Panyushkina – Cand. Sci. (Biology), Associate Research Professor, Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona (Tucson, USA); ORCID: 0000-0001-8854-2637. E-mail: ipanyush@arizona.edu

УДК 572.71

ПОКАЖИ МНЕ СВОЙ МАВЗОЛЕЙ, И Я СКАЖУ КТО ТЫ… МАВЗОЛЕЙ ЖАНИБЕК-ШАЛКАР ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КАЗАХСТАНЕ: БИОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Нечвалода
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН

Статья посвящена исследованию антропологического материала из погребений, выявленных в 2020 г. при археологическом изучении мавзолея эпохи средневековья Казахстана – Жанибек-Шалкар на территории Акмолинской области. Мавзолей по некоторым историческим данным мог являться вероятно местом захоронения Жанибек хана, который считается в современной казахской историографии основателем казахской государственности. По двум черепам, мужскому и женскому автором выполнены скульптурные антропологические реконструкции, которые были переданы казахской стороне.

Ключевые слова: эпоха средневековья Казахстана, мавзолей Жанибек-Шалкар, биоантропология, краниология, графическая и скульптурная реконструкция лица по черепу

Мавзолей расположен в 20 км восточнее села Коргалжын на высоком коренном берегу озера Жанибек Шалкар в Тениз-Коргалжынской впадине. Памятник был обнаружен случайно в 2009 году, после чего начались исследования. Руины мавзолея частично сохранились посреди поля в виде небольшой, еле заметной земляной насыпи, вокруг которой были разбросаны обломки обоженного кирпича. К сожалению, письменных данных, напрямую связанных с названием памятника, не сохранилось. Вместе с тем, встречаются косвенные сведения о схожих памятниках архитектуры данного региона в трудах путешественников и ученых, побывавших в Коргалжынском районе.

Так, в 1816 году инженер И.П. Шангин описал несколько архитектурных памятников, расположенных в долинах рек Нура, Жаксы Кон и Жаман Кон. В своих дневниковых записках он пишет: «... 4 августа по утру экспедиция продолжала путь подле двух озер, через которые протекает река Нура, и остановилась при втором из них для роздыха; в три часа по полудни встречено было третье озеро, имеющее до 10 верст в окружности, и при нем развалины древнего города (Ботагай по замечанию Г. Набокова), простирающиеся к Нуре. В 15 верстах остановилась экспедиция для ночлега на луговом берегу Нуры близ развалин древнего храма, признанного храмом. Оно построено из кирпича; внутри его находятся столпы, покрытые алебастровою штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четвероугольные сосновые брусья, в два вершка в поперечнике, для большей прочности, обожженные и покрытые камышом. Близ сего храма приметны следы другого подобного, а далее в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий, из коих некоторых основание составляет до 300 сажень в длину, и в совокупности издали представляются они известковыми горами» Шангин, [10, с.11]. Место вышеупомянутого храма, расположенного в 15 верстах от мавзолея Бытыгая, соответствует местонахождению мавзолея Жанибек-Шалкар. Если учесть, что маршрут экспедиции пролегает по левому берегу реки Нура и совпадает с указанным расстоянием, то не исключено, что это и есть месторасположение памятника. Однако, в силу того, что в настоящее время территория вокруг памятника полностью распахана, найти следы вышеупомянутых объектов строительства и «известковых гор» кажется невозможным.

Краткие сведения, касающиеся архитектурных памятников данного региона, встречаются в трудах Ш. Валиханова. Он обращает особое внимание на расположение, устройство и внешние стены мавзолеев. Согласно данным ученого, могилы всегда устраиваются на возвышенных местах, караванных или кочевых дорогах и около речки или озера. Это делается с целью, чтобы проезжий мог прочесть над прахом особенную молитву (бата-благословение). Древние надгробные памятники отличаются большим разнообразием форм, лучшей отделкой, материалом, употреблением прочных сводов и дополнительными украшениям и резьбой. Путешественник, проходя мимо, замечает в своих записках, что эти здания суть произведения народа не дикого, а образованного.

«Первоначально следует заметить, что древние могилы по простоте и искусству в строении должно разделить на два разряда: на народные могилы (насыпи) и на могилы почетных (палаты)» [3, с.193]. Научное изучение памятников степной архитектуры в этом регионе берет свое начало с Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством известного ученого А.Х. Маргулана в 1946 году. Исходя из итогов работы экспедиции, выяснилось, что памятники архитектуры в степных зонах, в боль-

шинстве случаев, располагаются на расстоянии 15–20 километров друг от друга. Вместе с тем, они указывают направление караванных путей, места расположения средневековых поселений и городов. Самые ранние мавзолеи степной зоны Казахстана относятся к XIII веку. Строительство культовых мемориальных сооружений в Центральном Казахстане по отдельным памятникам может относиться к XI–XII векам [10, с.26].

Одним из таких архитектурных памятников, построенных из обоженного кирпича, является мавзолей Жанибек-Шалкар. Памятник был обнаружен осенью 2009 года учеными по указаниям местных жителей. Начиная с этого года специалисты Ишимской археологической экспедиции Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева под руководством археолога М. Хабдулиной приступили к раскопкам на территории мавзолея (рис. 1, 1а).

В 2020 году были продолжены исследования на территории памятника, проведены работы в геоинформационном, геофизическом, археологическом и лабораторном направлениях. В ходе археологических раскопок полностью раскопаны пять захоронений, расположенные на территории мавзолея (рис. 2). Места захоронений в порядке раскопок обозначались условными буквами «Р». Ориентация погребенных внутри могильной ямы (головой) направлены на северо-восток. Место захоронения, обозначенное как Р1, сделано уже после разрушения мавзолея, а захоронение Р5 расположено за оградой мавзолея. Эти два захоронения относятся к более позднему периоду. Что касается остальных четырех, то они имеют прямую связь со временем строительства мавзолея.

В месте захоронения, обозначенном как Р3, были похоронены двое человек, рядом с черепами которых были обнаружены 13 серебряных монет (рис. 3). Исследование по ним проводил нумизмат П. Петров. Так, были определены монетные дворы (Сарай ал-Махруса, Гулистан, Сарай, Сарай ал-Джадида, Азак), которые производили и пускали монеты в обращение. Время чеканки монет датируется 14 веком. Также были проведены радикарбоновые анализы в лаборатории в Белфасте, Великобритания, с целью определения абсолютных дат (табл. 1). В результате анализа выяснилось, что четверо покойных жили в 14 веке, двое в 19 веке [Отчет, 2020].

Таблица 1

Могильные ямы	Размеры: длина–ширина–глубина (см)	Антропологический анализ		Результаты радиокарбонного датирования	
		пол	биологический возраст	возраст	возможные колебания
Р1 (№1)	180–60–40	жен.	35,1	94	+/– 31
Р2 (№2)	190–60–120	муж.	33,3	540	+/– 29
Р3-1 (№3)	190–110–190	муж.	14–15	607	+/– 28
Р3-2 (№3)		жен.	33,8	522	+/– 29
Р4 (№4)	190–75–115	муж.	56,5	641	+/– 29
Р5 (№5)	180–65–85	жен.	37,8	134	+/– 37

Наряду с этим, проведены биоантропологические исследования по останкам 6 индивидов, изъятым из погребений, которые включали в себя определение пола, вероятного биологического возраста, длины тела, заболеваний и травм визуально фиксируемых на костях скелета, а также графические и две скульптурные реконструкции по черепам, выполненные по методу М.М. Герасимова.

В основном исследовании была использована общепринятая методика, включающая, прежде всего, морфологический сравнительный анализ [1, 2, 10, 11]. Исследование скелета было начато с переборки костей, осмотра, сравнения формы и длины парных костей. Затем был произведен осмотр черепа (в т.ч. на предмет облитерации швов) и определена степень изношенности зубов. В последнюю очередь была определена степень срастания костей посткраниального скелета и анализ признаков пола по костям таза. Для подведения общей картины был составлен сводный протокол, в котором описаны аномалии, патологии и повреждения посткраниального скелета.

Казахской стороне было интересно, возможно это и являлась одной из целей исследования данного мавзолея, выявить останки самого Жанибек-хана. Жанибек-хан, несомненно, является знаковой фигурой в современном казахском историографическом нарративе о возникновении государственности у казахов. Поэтому казахской стороной планировались масштабные палеогенетические исследования, а также исследования живого населения (в частности непосредственных потомков Жанибек-хана) для того, чтобы определить имеют ли захоронения в мавзолее связь с какими-либо историческими личностями. К сожалению, в этой своей части проект так и не был осуществлен.

Рис. 1. План раскопа и выявленных погребений (предоставлено А. Касеналиным)

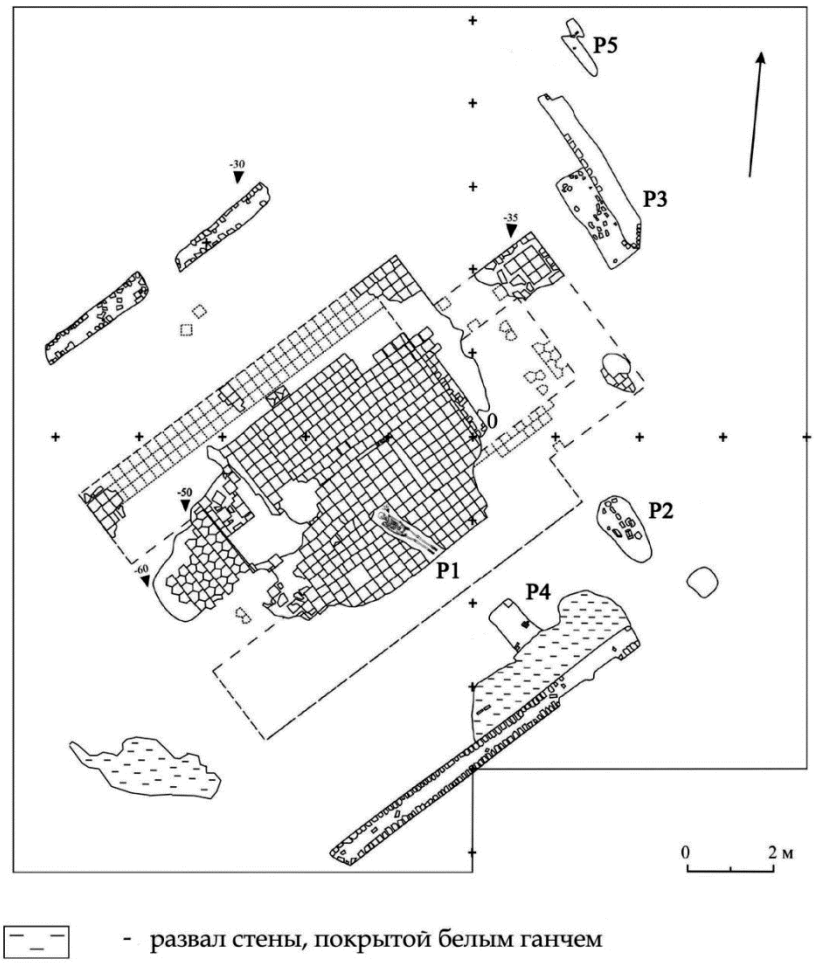

Рис. 2. План-схема раскопа и выявленных погребений (предоставлено А. Касеналиным)

Рис. 3. Серебряные монеты, найденные при раскопках мавзолея

Антропологическому исследованию были подвергнуты костные останки пяти индивидов неустановленного пола и возраста. Сохранность костного вещества скелетов определяется как очень хорошая и в целом составляет около 90%. Кости сухие, местами с наложением грунта. Потребовалась очистка от грунта и просеивание земли с помощью сита с целью возможного выявления мелких артефактов. Просеивание позволило обнаружить три (3) монеты в парном погребении №3 у скелета 1, и предмет неизвестного назначения, изготовленный из кости животного (?) в контейнере, где находился посткраниальный скелет из погребения 2. В области полости черепа присутствовали пустоты, не заполненные землей.

В самом плохом состоянии находился скелет из погребения № 1. Это касается в основном осевого скелета: тела грудных и поясничных позвонков в основной своей массе разрушены.

Серия комплектных черепов, пригодных для измерения, из мавзолея Жанибек хана весьма не многочисленна: состоит из 2 мужских и 3 женских черепов принадлежавших женщинам среднего возраста и одного черепа принадлежавшего молодой особи женского (?) пола. В связи с немногочисленностью серии мы основываемся на индивидуально-типологическом подходе и даем ниже краниоморфологическое описание сохранившихся черепов (табл. 2–7).

Таблица 2 . Индивидуальные измерения женских черепов из мавзолея Жанибек-Шалкар

	Признак по Мартину	XIV–XV вв.			
		№ погребения | пол			
		№ 1 ♀	№ 3-1 ♀	№3-2 ♀	№5 ♀
1.	Продольный диаметр	171.0	-	181.0	169.0
5.	Длина основания черепа	98.0	-	96.0	93.0
8.	Поперечный диаметр	140.0	-	148.0	143.0
9.	Наименьшая ширина лба	95.0	92.0	87.0	97.0
10.	Наибольшая ширина лба	117.0	122.0	122.0	114.0
11.	Ширина основания черепа	133.0	129.0	133.0	123.0
12.	Ширина затылка	109.0	119.0	120.0	120.0
17.	Высотный диаметр от b	121.0	-	122.0	119.0
40.	Длина основания лица	97.0	-	96.0	93.0
43.	Верхняя ширина лица	111.0		105.0	101.0
45.	Скуловой диаметр	136.0 ?	-	135.0	127.0
46.	Средняя ширина лица	97.0	-	103.0	96.0
48.	Верхняя высота лица	74.0		78.8	72.0
51.	Ширина орбиты от mf	42.0	40.0	42.5	41.0
51 a.	Ширина орбиты от d	38.0	37.0	37.4	35.0
52.	Высота орбиты	35.0	31.0	35.7	34.0
	Бималярная ширина	101.3	91.0	97.0	91.0
	Высота n над бим. шириной	13.5	13.0	13.5	15.4
	Зиго-максиллярная ширина	96.4	99.0	102.2	95.0
	Высота ss зиго.-макс. шириной	21.0	21.0	17.2	20
54.	Ширина носа	25.0	26.0	26.5	27.0
55.	Высота носа	53.0	53.0	56.3	48.0
75 (1)	Угол выступания носа	19.0°	10.0?	10.0	-
77.	Назомалярный угол	150.1°	148.1	148.8°	142.9°
Zm	Зигомаксиллярный угол	132.9°	138.0	143.0°	134.3°

SC.	Симотическая ширина	8.0	7.0	7.8	4.3
SS.			-	2.4	2.0
S.	Симотический угол	93.6°	-	116.8°	94.2°
	Максиллофронтальная ширина	18.0	-	20.1	14.0
	Максиллофронтальная высота	4.5	-	4.6	2.2
DC.	Дакриальная ширина	24.2	-	26.3	22.4
DS.	Дакриальная высота	14.3	-	8.5	10.4
D.	Дакриальный угол	80.4°	-	114.2°	94.3°
FC	Глубина клыковой ямки	5.7	-	4.7	1.6
32.	Угол профиля лба от n	79.0°	-	75.0°	79.0°
GM/ FH	Угол профиля лба от g	65.0°	-	70.0°	69.0°
72.	Общий лицевой угол	84.0°	-	87.0°	88.0°
73.	Средний лицевой гол	88.0°	-	89.0°	91.0°
74.	Угол альвеолярной части	71.0°	-	78.0°	71.0°
	Форма черепа сверху	Pentag.	Sfen.	Romb.	Pentag.
	Надпереносье (1-6)	2.0	1.0	2.0	2.0
	Надбровье (1-3)	2.0	1.0	2.0	2.0
	Затылочный бугор (0-5)	0.0	0.0	0.0	2.0
	Передненосовая ость	3.0	1.0	3.0	1.0?
	Сосцевидный отросток (1-3)	1.0	1.0	2.0	1.5
	Форма ниж. края носового отверстия	F.praen.	Antrop.	F.praen.	F.praen.

Таблица 3. Индивидуальные измерения женских нижних челюстей из мавзолея Жанибек-Шалкар

	Признак по Мартину	№ 1 ♀	№ 3-1 ♀	№3-2 ♀	№5 ♀
68(1).	Длина ниней челюсти от мыщелков	113.0	102.0	105.0	106.0
79.	Угол ветви нижней челюсти	127.0°	120.0	111.0	126.0
68.	Длина ниж. челюсти от углов	81.0	78.0	85.0	79.0
70.	Высота ветви	48.0	55.0	63.0	46.0
71a	Наименьшая ширина ветви	46.0	31.0	36.0	33.0
65.	Мыщелковая ширина	119.0	47.0	126.0	116.0
66.	Угловая ширина	97.0	92.0	88.0	88.0
67.	Передняя ширина	45.0	48.0	51.0	47.0
69.	Высота симфиза	31.0	28.0	31.0	33.0
69 (1)	Высота тела	29.0	28.0	32.0	31.0
69 (3)	Толщина тела	13.0	13.0	12.0	13.0

Таблица 4. Указатели женских черепов из грунтового мавзолея Жанибек-Шалкар

	Указатель	№ погребения | пол			
		№ 1 ♀	№ 3-1 ♀	№ 3-2 ♀	№ 5 ♀
8:1	Поперечно-продольный	81.87	-	81.76	84.61
9:8	Лобно-поперечный	78.51	-	58.78	67.83
17:1	Высотно-продольный	70.76	-	67.40	70.41
17:8	Высотно-поперечный	86.42	-	82.43	82.21
48:45	Верхнелицевой	54.41	-	58.37	56.69
52:51	Орбитный	83.33	77.50	73.60	82.92
54:55	Носовой	47.16	49.05	47.06	56.25
SS:SC	Симотический	43.75	-	30.76	46.51
DC:DS	Дакриальный	59.09	-	32.31	46.42

Таблица 5. Индивидуальные измерения мужских черепов из мавзолея Жанибек-Шалкар

	Признак по Мартину	№ погребения | пол	
		№ 2 ♂	№4 ♂
1.	Продольный диаметр	183.0	174.0
5.	Длина основания черепа	95.0	101.0
8.	Поперечный диаметр	154.0	154.0
9.	Наименьшая ширина лба	94.0	96.0
10.	Наибольшая ширина лба	130.0	128.0
11.	Ширина основания черепа	134.0	138.0
12.	Ширина затылка	114.0	119.0
17.	Высотный диаметр от b	126.0	135.0
40.	Длина основания лица	98.0	91.5
43.	Верхняя ширина лица	111.0	112.0
45.	Скуловой диаметр	136.0	144.0
46.	Средняя ширина лица	112.0	109.0
48.	Верхняя высота лица	73.0	75.8
51.	Ширина орбиты от mf	41.0	48.5
51a.	Ширина орбиты от d	36.0	42.4
52.	Высота орбиты	33.0	37.5
	Бималярная ширина	94.0	101.4
	Высота n над бим. шириной	11.5	19.4
	Зиго-максиллярная ширина	103.5	106.1
	Высота ss зиго.-макс. шириной	24.7	22.7
54.	Ширина носа	25.0	26.1
55.	Высота носа	51.0	54.6
75 (1)	Угол выступания носа	22.0°	30.6
77.	Назомалярный угол	152.0°	138.0°
Zm	Зигомаксиллярный угол	129.0°	133.6°
SC.	Симотическая ширина	4.4	9.0
SS.	Симотическая высота	2.8	5.8
S.	Симотический угол	76.3°	75.6°
DC.	Дакриальная ширина	22.5	23.7
	Максиллофронтальная ширина	15.5	6.0
	Максиллофронтальная высота	5.5	5.8
DS.	Дакриальная высота	10.0	12.0
D.	Дакриальный угол	96.7	89.3
FC	Глубина клыковой ямки	5.5	3.4
32.	Угол профиля лба от n	86.0°	77.0°
GM/FH	Угол профиля лба от g	73.0°	70.0°
72.	Общий лицевой угол	86.0°	90.0°
73.	Средний лицевой гол	86.0°	95.0°
74.	Угол альвеолярной части	78.0°	73.0°
	Форма черепа сверху	Sferoid.	Sfen.
	Надпереносье (1-6)	3.0	3.0
	Надбровье (1-3)	2.0	3.0
	Затылочный бугор (0-5)	0.0	1.0
	Передненосовая ость	3.0	3.5
	Сосцевидный отросток (1-3)	3.0	3.0
	Форма ниж. края носового отверстия	F.praen.	Anthr.

Таблица 6. Индивидуальные измерения мужских нижних челюстей из мавзолея Жанибек-Шалкар

	Признак по Мартину	№ 2 ♂	№4 ♂
68(1).	Длина нижней челюсти от мыщелков	117.0	101.0
79.	Угол ветви нижней челюсти	129.0	108.0
68.	Длина ниж. челюсти от углов	81.0	87.0
70.	Высота ветви	51.0	70.0
71a	Наименьшая ширина ветви	32.0	36.0
65.	Мыщелковая ширина	125.0	132.0
66.	Угловая ширина	102.0	104.0
67.	Передняя ширина	50.0	45.0
69.	Высота симфиза	33.0	36.0
69 (1)	Высота тела	33.0	37.0
69 (3)	Толщина тела	13.0	13.0

Таблица 7. Указатели мужских черепов из мавзолея Жанибек-Шалкар

	Указатель	№ погребения | пол	
		№ 2 ♂	№ 4 ♂
8:1	Поперечно-продольный	84.15	88.50
9:8	Лобно-поперечный	61.03	62.33
17:1	Высотно-продольный	68.85	77.58
17:8	Высотно-поперечный	81.81	87.66
48:45	Верхнелицевой	53.67	52.63
52:51	Орбитный	80.48	77.31
54:55	Носовой	49.01	47.89
SS:SC	Симотический	61.63	64.44
DC:DS	Дакриальный	44.44	50.63

Рис. 4.Череп из погребения № 1, лицевая норма
Рис. 4а. Череп из погребения № 1, боковая норма

Расово-морфологические особенности черепов из мавзолея Ханибек-Шолкар

Мавзолей Жанибек Шалкар / Погребение 1/ Череп №1 (рис. 4, 4а, фото А. Нечвалоды). Пол: женский, биологический возраст: 35.1 лет по [10]. Череп хорошей сохранности, мозговой отдел имеет незначительную посмертную деформацию. По указателю относится к категории брахикранных. Лицевой отдел целый, за исключением поврежденной скуловой дуги. Макро- и микрорельеф выражен умеренно. Лоб

широкий, средненаклонный. Лицо очень высокое и широкое на верхнем и очень широкое на среднем уровнях. Орбиты широкие, мезоконхные. Нос среднеширокий, на границе мезоринии и платириниии. Носовые кости среднеширокие, средневысокие, слабо выступающие в профиль. Лицевой отдел значительно уплощен на верхнем и менее на среднем уровне, по вертикали имеет мезогнатную альвеолярную часть. Глубина клыковой ямки средняя. Череп обладает краниологическими особенностями представителей монголоидной расы в ее южно-сибирском варианте.

Череп хорошей сохранности, достаточно массивный. Макро- и микрорельеф выражен средне. Мозговой отдел очень широкий, средневысокий, на границе брахикрании и гипербрахикрании. Лоб среднеширокий, слегка наклонный. Лицевой отдел широкий на верхнем уровне и широкий же на среднем, высокий, по указателю мезен. Горизонтальная профилировка значительно уплощена на верхнем, и ослаблена на среднем уровне. По вертикали лицо ортогнатно, при прогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие, мезоконхные. Нос среднеширокий, мезоринный, средневыступающий в профиль. Глубина клыковой ямки средняя. По черепу выполнена портретная графическая реконструкция в виде композитного портрета [8] (рис. 5, 6).

Рис. 5. Портретная графическая реконструкция по черепу из погребения №1, лицевая норма
Рис. 6. Субъективный композитный портрет (портретная графическая реконструкция) по черепу из погребения №1, боковая норма

Рис. 7. Череп из погребения № 2, лицевая норма
Рис. 7а. Череп из погребения № 2, боковая норма

Мавзолей Жанибека / Погребение 2 / Череп №2 (рис. 7, 7а, фото А. Нечвалоды). Пол: мужской, биологический возраст: 33.3 лет по [10]. Череп хорошей сохранности, достаточно массивный. Макро- и микрорельеф выражен средне. Мозговой отдел очень широкий, средневысокий, на границе брахикрании и гипербрахикрании. Лоб среднеширокий, слегка наклонный. Лицевой отдел широкий на верхнем уровне и широкий же на среднем, высокий, по указателю мезен. Горизонтальная профилировка значительно уплощена на верхнем, и ослаблена на среднем уровне. По вертикали лицо ортогнатно, при прогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие, мезоконхные. Нос среднеширокий, мезоринный, средневыступающий в профиль. Глубина клыковой ямки средняя.

По черепу выполнена портретная графическая реконструкция (рис. 8, 8а, фото А.И. Нечвалоды).

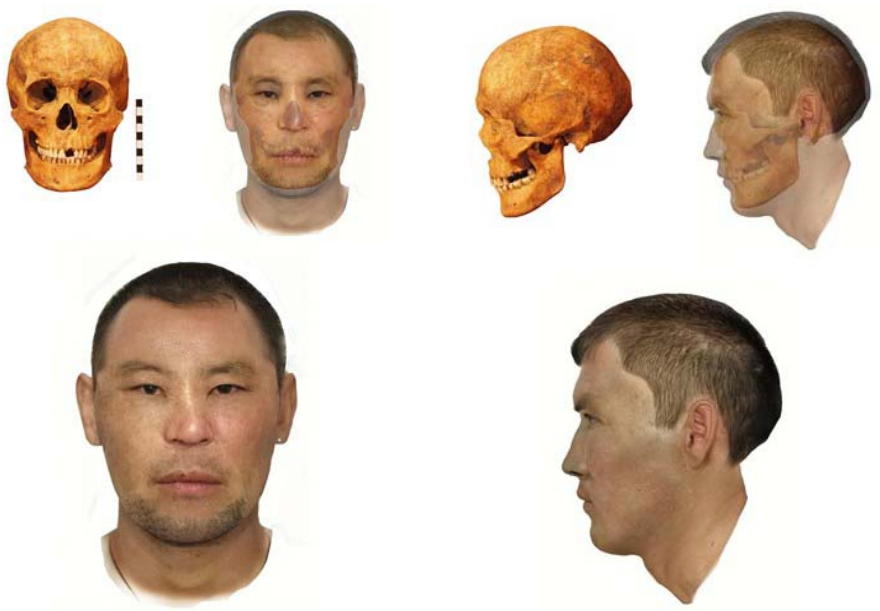

Рис. 8. Субъективный композитный портрет (портретная графическая реконструкция) по черепу из погребения №2, лицевая норма
Рис. 8а. Субъективный композитный портрет (портретная графическая реконструкция) по черепу из погребения №2, боковая норма

Рис. 9. Череп индивида подросткового возраста из погребения №3-1, лицевая норма
Рис. 9а. Череп индивида подросткового возраста из погребения №3-1, боковая норма

Мавзолей Жанибека / Погребение 3/ Череп №3-1 (рис. 9, 9а, фото А. Нечвалоды). Пол: женский (?), биологический возраст: 14–15 лет по [10,11]. Пол диагностирован как женский. Это позволили сделать морфологические особенности костей таза, в частности оформленная по женскому типу вырезка подвздошной кости. Изношенность зубов верхней челюсти по шкале М.Герасимова соответствует возрасту 14–15 лет.

Череп подвергся значительной посмертной деформации. Удалось провести только необходимые измерения. Ниже приводится краниоспическое описание черепа, и даются балловые характеристики некоторых признаков (табл. 8).

Таблица 8

№ п,п	Признаки	XIV–XV вв.
		Погребение № 3-1
1	Форма мозговой коробки	
2	Теменные бугры (выступание 1-3)	3
3	Наклон лба (1 – сильный; 2 – средний; 3 – прямой)	2
4	Выпуклость лба (1 – плоский; 2 – слегка выпуклый; 3 – средне выпуклый; 4 – сильно выпуклый)	3
5	Лобные бугры (развитие 0-3)	3
6	Затылок общий контур (1 – плоский; 2 – угловатый; 3 – округлый)	3
7	Деформация затылка (0-3)	3
8	Развитие сосцевидного отростка (1-3)	1
9	Выступание носа (1-малое; 2-среднее;3-сильное)	1
10	Профиль спинки носа (1 – вогнут; 2 – прямой; 3 – выпулый в ср. части, 5 – выпуклый в верхней части)	1
11	Носовые кости поперечный профиль (1 – плоский; 2 – средний; 3 – выступающий)	1
12	Переносье высота (1 – низкое; 2 – среднее; 3 – высокое)	1
13	Развитие надпереносья (1-6)	1
14	Развите надбровья (1-3)	1
15	Нижний край носовых отверстий	Anthrop.
16	Передненосовая ость (1-5)	4
17	Скуловые кости выступание (1 – малое; 2 – среднее;3 – большое)	2
18	Пол: мужской и глуб. клыковой ямки (1-3 или 0-4)	2
19	Высота орбиты (1 – низкое; 2 – среднее; 3 – высокое)	2
20	Горизонтальный профиль лица (1 – плоский; 2 – средний; 3 – выступающий)	2
21	Тип	Монголоидный; южно-сибирский вариант

Рис. 10. Череп из погребения № 3-2

Мавзолей Жанибека/Погребение 3/Череп №3-2 (рис. 10, фото А. Нечвалоды). Пол: женский, биологический возраст: 38.8 лет по [10]. Череп целый, хорошей сохранности. Макро- и микрорельеф выражен средне. Мозговой отдел длинный, невысокий, по указателю брахикранный. Лоб неширокий, среднеклонный. Лицевой отдел очень широкий, высокий, по указателю лептен. Орбиты широкие, мезоконхные. Нос широкий, по указателю мезоринный, носовые кости узкие, невысокие, слабо выступающие в профиль. Подверглись реставрации в своей нижней трети, где были повреждены и обломаны Лицо уплощено по горизонтали на верхнем и среднем уровнях, по вертикали мезогнатное. Глубина клыковой ямки средняя. По черепу выполнена скульптурная реконструкция [4, 9].

Этапы скульптурной реконструкции. [4, 9] (рис. 11, 11а, 12, 12а). Череп укреплен на цилиндрической подставке и зафиксирован в позиции немецко-франкфуртской горизонтали. Установлена и закреплена нижняя челюсть. Воспроизведены жевательные мышцы (m.masseter и m.temporalis) с обеих сторон с учетом степени развития костного рельефа в местах их прикрепления, направления и массивности сосцевидных отростков, глубины височных ям, формы скуловых дуг. Толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами толстот, составленными Г.В.Лебединской и Е.В.Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН).

Рис. 11, 11а. Начальные этапы скульптурной реконструкции по черепу женщины № 3-1

Рис. 12, 12а. Модель из пластилина; смоделирована прическа (погребение 3, череп № 3-1); реконструкция по черепу № 3-2 из погребения 3 отлита из пластика и тонирована акриловыми красками (автор Алексей Нечвалода, тонирование модели – Елена Нечвалода)

На левую половину черепа наложены пластилиновые гребни в попеперечном сечении 5х10 мм, изготовленные с помощью фильерного устройства (УФН-2) [9].

Толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами толстот, составленными Г.В.Лебединской и Е.В.Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН) в следующих точках (в мм):

Вставлены пластиковые протезы глазных яблок в орбиты в соответствии с расположением центра глазницы. Воспроизведены веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз.

Воспроизведен нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости.

Воспроизведен рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса. Смоделирован фильтрум с учетом взаимоположения и степени рельефности альвеол центральных верхних резцов.

Зубной ряд решено оставить открытым в улыбке, показав тем самым здоровые зубы женщины из парного погребения скелет № 3-2.

Произведено построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра.

Воспроизведены ушные раковины с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков, с учетом направления чешуи височных костей, выраженности надсосцевидного рельефа, направления ветвей нижней челюсти, учтены также размеры восстановленного носа.

Воспроизведена условная прическа в виде двух кос, ниспадающих на плечи.

С пластилиновой модели снята комбинированная форма из пластика и «Формосила» марки «Б». Изготовлена копия портрета из пластика. Выполнено тонирование копии портрета-реконструкции по цвет кожных покровов человека акриловыми красками.

Мавзолей Жанибека / Погребение 4/ Череп №4 (рис. 13, 13а, фото А. Нечвалоды). Пол: мужской, биологический возраст: 56.5 лет по [10]. Принадлежал мужчине в возрасте свыше 55 лет.

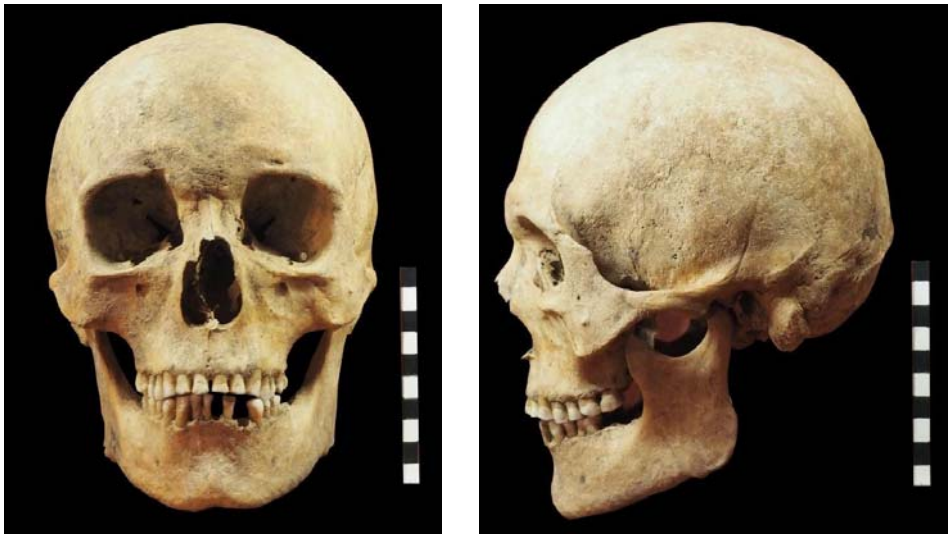
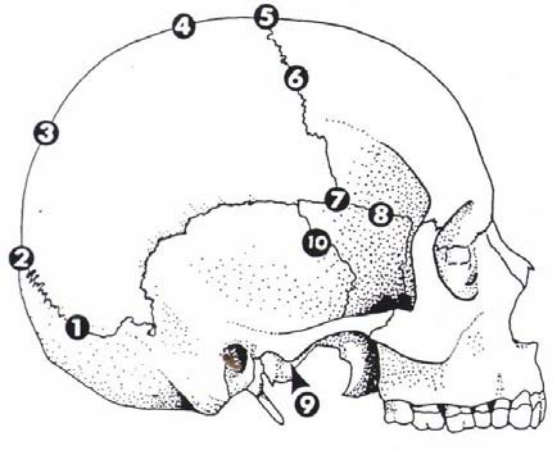

Рис. 13, 13а. Череп мужчины из погребения № 4 в лицевой и боковой нормах

	AREE DI RILEVAMENTO
1	Mediolambdoidea
2	Lambda
3	Obelion
4	Sagittale anteriore
5	Bregma
6	Mediocoronale
7	Pterion
8	Sfenofrontale
9	Sfenotemporale inferiore
10	Sfenotemporale superiore

I. Швы центральной части свода черепа

	1s		1d		2		3		4		5		6s		6d		7s		7d	
0	**32.2**		**32.2**		**31.2**		**27.8**		**31.3**		**33.6**		**33.8**		**33.8**		**29.4**		**29.4**	
1	**40.5**	+	**40.5**	+	**38.8**	+	**36.0**		**41.0**		**43.7**		**42.6**		**42.6**		**36.2**		**36.2**	
2	**40.8**		**40.8**		**45.2**		**37.7**		**45.6**		**47.1**		**46.8**		**46.8**		**40.2**	+	**40.2**	+
3	**52.7**		**52.7**		**49.7**		**44.8**	+	**46.9**	+	**51.0**	+	**51.0**	+	**51.0**	+	**48.8**		**48.8**	

II. Швы латерально-передней части свода черепа

	6s		6d		7s		7d		8s		8d		9s		9d		10s		10d	
0	**33.8**		**33.8**		**29.4**		**29.4**		**34.9**		**34.9**		**38.0**		**38.0**		**39.4**		**39.4**	
1	**42.6**		**42.6**		**36.2**		**36.2**		**39.2**		**39.2**		**45.6**	+	**45.6**	+	**52.6**	+	**52.6**	+
2	**46.8**		**46.8**		**40.2**		**40.2**		**46.1**		**46.1**	+	**51.8**		**51.8**		**56.0**		**56.0**	
3	**51.0**	+	**51.0**	+	**48.8**	+	**48.8**	+	**50.6**	+	**50.6**		**55.4**		**55.4**		**52.6**		**52.6**	

I.	**39.3**	**II.**	**73.6**	**Среднее значение**	**56.5**

0 = не синостозирован; 1 = синостозировано <50%; 2 = синостозировано >50%; 3 = шов полностью облитерирован;

Череп гипербрахикранный, ромбовидной формы. Свод широкий, средней высоты – гипсикранный и тапейнокранный. Развитие мышечного рельефа в области затылка и надпереносья умеренное. Лобная кость средней ширины со средним углом профиля.

Лицевой отдел узкий широкий и высокий по абсолютной высоте, по пропорциям относится к категории мезен. Носовая область – высокая, относительно, широкая, мезоринная. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Орбиты по асболютным параметрам – широкие и низкие, по относительным – мезоконхные.

Горизонтальная профилировка лица на уровне орбит и скул умеренная. В вертикальной пофилировке лица наблюдается некоторая тенденция к ортогнатности. Переносье узкое, высокое и слабоуплощенное. Угол выступания носовых костей сильный. Нижняя челюсть средних параметров с заметно выступающим подбородком. Антропологический тип – смешанный, с преобладанием европеоидного компонента в своей основе и с монголоидной примесью.

По черепу выполнена скульптурная реконструкция.

Этапы скульптурной реконструкции. [4, 9] (рис. 14, 14а, 16). Установлена и закреплена нижняя челюсть в состоянии нормальной окклюзии. Череп укреплен на цилиндрической подставке и зафиксирован в позиции немецко- франкфуртской горизонтали. Воспроизведены жевательные мышцы (m.masseter и m.temporalis) с обеих сторон с учетом степени развития костного рельефа в местах их прикрепления, направления и массивности сосцевидных отростков, глубины височных ям, формы скуловых дуг. Толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами толстот, составленными Г.В. Лебединской и Е.В. Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН).

На левую половину черепа наложены пластилиновые гребни в попеперечном сечении 5х10 мм, изготовленные с помощью фильерного устройства (УФН-2) [9].

Толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами толстот, составленными Г.В. Лебединской и Е.В. Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН) в основных краниологических точках (в мм). Вставлены пластиковые протезы глазных яблок в орбиты в соответствии с расположением центра глазницы. Воспроизведены веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз.

Воспроизведен нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости.

Воспроизведен рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса. Смоделирован фильтрум с учетом взаимоположения и степени рельефности альвеол центральных верхних резцов.

Произведено построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра.

Рис. 14, 14а. Скульптурная реконструкция по черепу № 4. Начальные этапы реконструкции

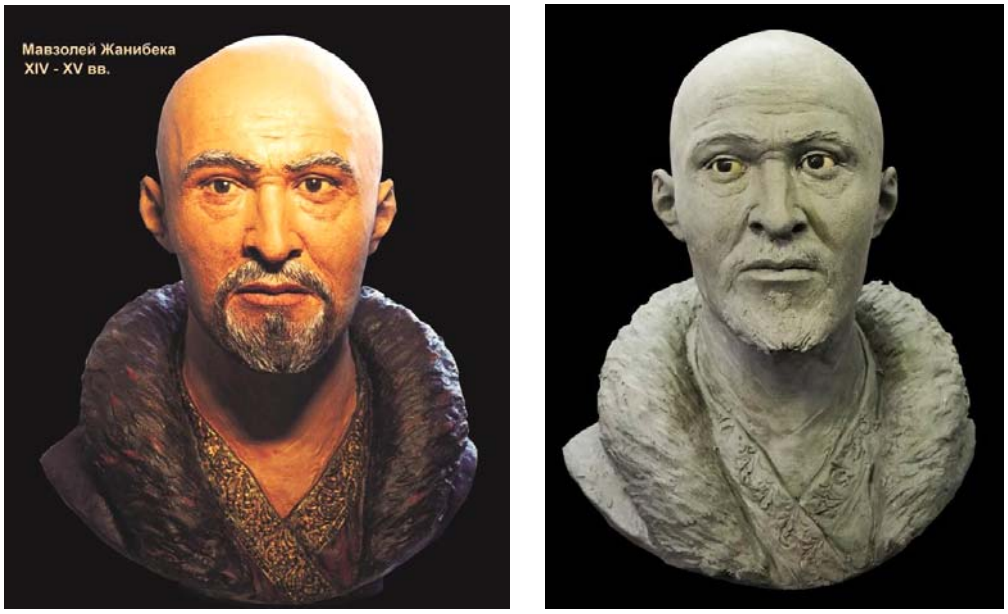

Рис. 15. Скульптурная реконструкция отлита из пластика и тонирована акриловыми красками (автор Алексей Нечвалода, тонирование модели – Елена Нечвалода)
Рис. 15а. Скульптурная реконструкция по черепу № 4 в процессе моделирования атрибутики (автор Алексей Нечвалода)

Воспроизведены ушные раковины с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков, с учетом направления чешуи височных костей, выраженности надсосцевидного рельефа, направления ветвей нижней челюсти, учтены также размеры восстановленного носа.

Воспроизведена условная борода и усы с учетом формы верхней губы и подбородка, а также возраста. С пластилиновой модели снята комбинированная форма из пластика и «Формосила» марки «Б». Изготовлена копия портрета из пластика. Выполнено тонирование копии портрета-реконструкции под цвет кожных покровов человека акриловыми красками (рис. 15, 15а).

В погребении находился скелет индивида мощного телосложения свыше 50 лет. При осмотре осевого скелета выявлен спондилез с явлениями остеофитоза в виде краевых разрастаний на телах поясничных позвонков и грыж Шморля (рис. 17, 18).

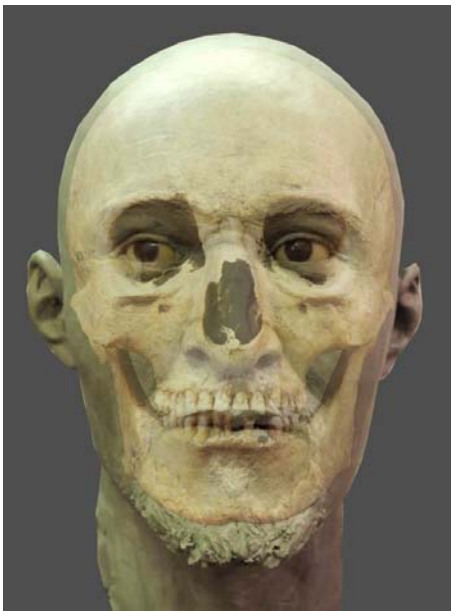

Рис. 16. Совмещение черепа из погребения №4 и выполненной реконструкции

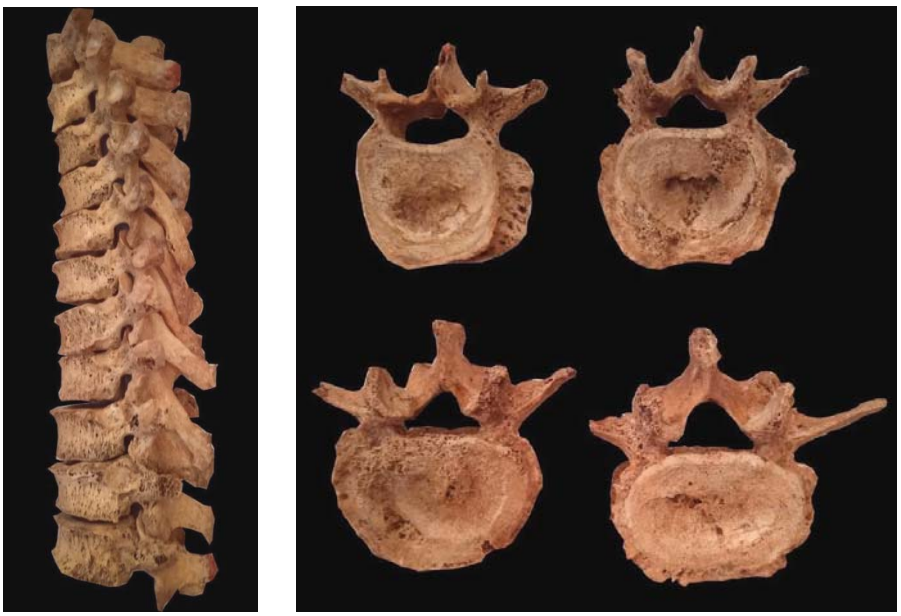

Рис. 17. Грудные и поясничные позвонки осевого скелета из погребения №4
Рис. 18. Грыжи Шморля на позвонках поясничного отдела из погребения №4

Мавзолей Жанибека / Погребение 5/ Череп №5 (рис. 19, фото А. Нечвалоды). Пол: женский, биологический возраст: 37.8 лет по [12]. Череп целый. Свод черепа несет на себе следы пересенного заболевания в области лобной кости и правой теменной. Макро- и микрорельеф выражен слабо, усиливаясь в области затылочной кости. Мозговой отдел короткий, низкий, по указателю брахикранный. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Лицевой отдел среднеширокий, высокий, по указателю лептен. Орбиты широкие, хамеконхные. Нос среднеширокий, по указателю платиринный, носовые кости узкие, невысокие, слабо визально слабо выступающие в профиль. Лицо уплощено по горизонтали на уровне орбит, по вертикали ортогнатное при прогнатной альвеолярной части. Глубина клыковой ямки средняя. По черепу выполнена графическая реконструкция (рис. 19а, 19б). Результаты исследования, проведенного на мавзолее Жанибек-Шалкар, как нам представляется, должны войти в научный оборот и внести вклад в изучение средневековой истории Казахстана.

Рис. 19. Череп из погребения № 5, лицевая и боковая нормы

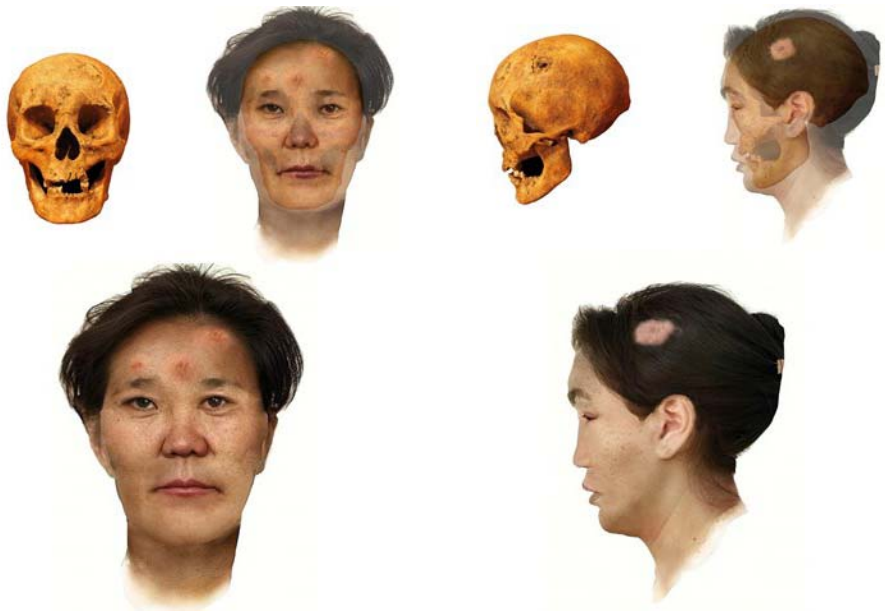

Рис. 19а. Субъективный композитный портрет (портретная графическая реконструкция) по черепу из погребения №5, лицевая норма
Рис. 19б. Субъективный композитный портрет (портретная графическая реконструкция) по черепу из погребения №5, боковая норма

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

2. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е.З. Година. М.: Старый сад, 1998. С. 87–146.

3. Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. Алма-Ата, 1984.

4. Герасимов, М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.

5. Герасимова М.М., Герасимова К.М. Михаил Герасимов: Я ищу лица. О восстановлении внешнего облика исторических лиц. М.: Наука, 2007. 173 с.

6. Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука. 1949. 185 с.

7. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические исследования могильника Жанибек-Шалкар (Коргалжинский район, Акмолинская область). Нур-Султан, 2020.

8. Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу: (Методическое руководство). М.: Старый сад. 1998. 125 с.

9. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950.

10. Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / Отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. С. 137–168.

11. Шангин И. П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргиз-Кайсацкой степи в 1816 году // Сибирский вестник. Санкт-Петербург, 1820.

12. Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age at death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 15–28.

13. Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution. Chicago, 1978. 172 p.

Сведения об авторе: Алексей Иванович Нечвалода – научный сотрудник отдела этнологии, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: striwolf@mail.ru

SHOW ME YOUR MAUSOLEUM AND I WILL TELL YOU WHO YOU ARE… ZHANIBEK-SHALKAR MAUSOLEUM OF THE MIDDLE AGES IN KAZAKHSTAN: BIOANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH

A.I. Nechvaloda

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the study of anthropological material from the burials identified in 2020 during the archaeological study of the mausoleum of the Middle Ages of Kazakhstan – Zhanibek-Shalkar on the territory of the Akmola region. According to some historical data, the mausoleum could probably be the burial place of Janibek Khan, who is considered in modern Kazakh historiography to be the founder of the Kazakh statehood. According to two skulls, male and female, the author made sculptural anthropological reconstructions, which were transferred to the Kazakh side.

Keywords: the epoch of the Middle Ages of Kazakhstan, Janibek Shalkar mausoleum, bioanthropology, craniology, graphic and sculptural reconstruction of the face from the skull

About the author: Alexey I. Nechvaloda – Research Fellow at the Department of Ethnology, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: striwolf@mail.ru

УДК 902/904+902.26

МАВЗОЛЕИ XVI–XVII ВВ. ХАНСКОЙ СТОЛИЦЫ ГОРОДА КАСИМОВА

Ф.А. Ахметгалин
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

В статье рассматривается история изучения текие-мавзолеев хана Шах Али и хивинского царевича Афган Мухаммеда, использованы данные археологических исследований XIX–XX вв., письменные и графические источники, привлечены ранее вышедшие труды по данной проблематике, нуждающиеся в критическом подходе и дополнении, даны результаты археологических исследований, проведенных вокруг зданий в 2020 году в рамках программы реставрации. Мавзолей хана Шах Али, построенный в 1555 г., располагается в центральной части современного г. Касимова, рядом с Ханской мечетью построенной по его приказу, оба здания составляют один комплекс и связанны с переносом города на новое место во второй половине XV в. В результате исследований делается вывод, что текие – мавзолей хана Шах Али имеет много аналогии среди мавзолеев эпохи Золотой Орды и эпохи татарских ханств, он был построен под влиянием суфийских традиций, широко распространившиеся в этот период.

Ключевые слова: история, археология, г. Касимов, Касимовское ханство, касимовские ханы, текие-мавзолеи, погребальный обряд, средневековье

Финансирование: С 2014 г. исследования реализуются в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

В городе Касимове, бывшей столице Касимовкого ханства хорошо сохранились некоторые татарские архитектурные памятники XVI–XVII в., они являются одними из виднейших достопримечательностей города и важнейшими источниками по истории этой эпохи.

Одним из хорошо сохранившихся татарских архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства и одной из виднейших достопримечательностей города Касимова является текие-мавзолей хана Шах Али. Это памятник позднесредневековой татарской архитектуры. Мавзолей представляет собой белокаменное сооружение, сложенное из крупных прямоугольных камней, со сводчатыми перекрытиями, арочными дверными и оконными проёмами. Высота здания над современной поверхностью составляет около 5 метров, размеры 13,5 на 8,5 метров (рис. 1; 3). В верхней части мавзолея есть две комнаты: большая – это место, где находятся надмогильные камни и небольшие прямоугольные возвышения, выложенные из камня – мастаба, обозначающие захоронения, которые находились внизу в склепе, маленькая комната необходима для поминовения, чтения Корана. Внутри большой комнаты находиться 8 надмогильных сооружений – мастаба и 8 надмогильных камней с эпитафиями (рис. 4) [5, с. 13]. Вельяминов-Зернов, в XIX веке изучавший надписи на остатках надмогильных камней мавзолея, пришел к выводу, что в нем захоронены сам Шах-Али, его любимая жена Булак-Шад и еще шесть их родственников [8, с. 4–5]. Лестница справа от главного входа в текие ведёт в сводчатое подземное помещение, где покоились останки хана Шах Али, его супруги и некоторых родственников. По свидетельству академика Палласа погребенные находились на небольших деревянных возвышениях, в деревянных гробах и были обернуты в шелковый саван [16, с. 117].

Надмогильные камни плохо сохранились до наших дней. Уже в XIX веке, во время проведения реставрационных работ, камни выглядели достаточно плохо, но пострадали они не столько от времени, сколько от рук человека, над дверью вмазана каменная доска, на которой красивым почерком вырезана надпись по-арабски (рис. 4) внутри в четырехугольной продолговатой рамке, в двух строках: «Строитель и собственник этого здания – Шах-Али-хан, сын Шайх-Аулияр-султана; 21 числа месяца Рамазана 962 года (9 августа 1555 г.) кругом рамки: сверху, снизу, слева и справа: «Бог, нет Бога кроме него, Бога живого и бога сущего. Им не овладевают ни дремота, ни сон. Ему принадлежит все, что на небесах, и все, что на земле. Кто может быть перед ним заступником иначе как с его разрешения? Он знает будущее и прошедшее, и люди из того, что он ведает, постигают только то, что он сам захотел открыть им. Престол его простирается над небесами и землею, и ему ничего не стоит оберегать их; один он всевышний и великий» [7, с. 495].

Впервые мавзолей Шах Али был описан академиком Палласом в 1768 г. Он описал сам мавзолей и оставил ценные свидетельства о погребениях Шах Али и его родственников. Год построения мавзолея Паллас перевел с летосчисления по хиджре на христианское неправильно. В то время как 962 г.х. соответствует 1554–1555 гг., он решил, что это 1520 г. Он зафиксировал 8 мастаба и надгробных плит, но при этом им были выявлены останки 9 человек, в погребении №7 было 2 черепа (рис. 4) [19, с. 116].

Рис. 1. Вид на текие-мавзолей Шах Али с юго-востока

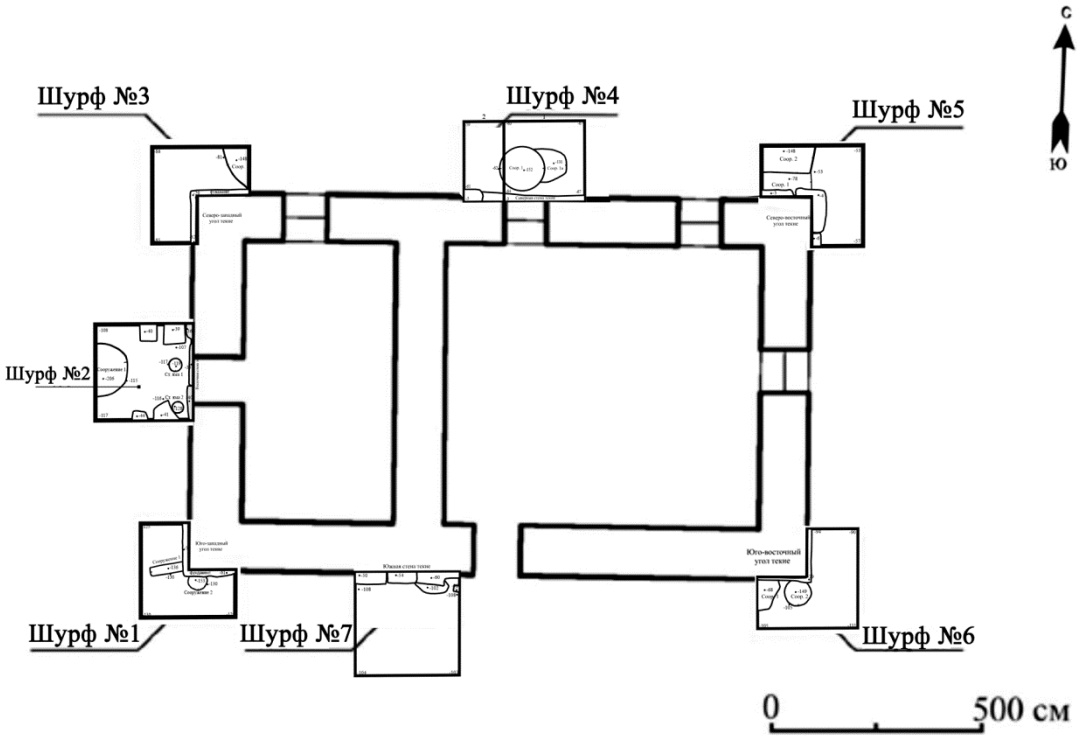

Рис. 2. План археологических исследований текие-мавзолея Шах Али в 2020 г.

Текие Шах-Али много раз было описано касимовским архитектором И. С. Гагиным, который сделал несколько ее зарисовок и планов [11, с. 276] (рис. 4).

Через 92 года после посещения Палласа текие Шах-Али хана было детально описано Хусаином Фаизхановым, потом в 1863 г. В.В. Вельяминов-Зернов посетил Касимов и тщательно исследовал текие Шах-Али. Его наблюдения, в общем, совпадают с материалами Хусаина Фаизханова, он установил, что все стены текие имеют различную толщину; «одна же, именно внутренняя, отделяющая большую комнату от малой, непомерно толста; в ней почти 3 аршина [2,13 м] в ширину», основываясь на этих признаках они подержали мнение И.С. Гагина о существовании подземного хода от текие-мавзолея до Ханской мечети [8, с. 399].

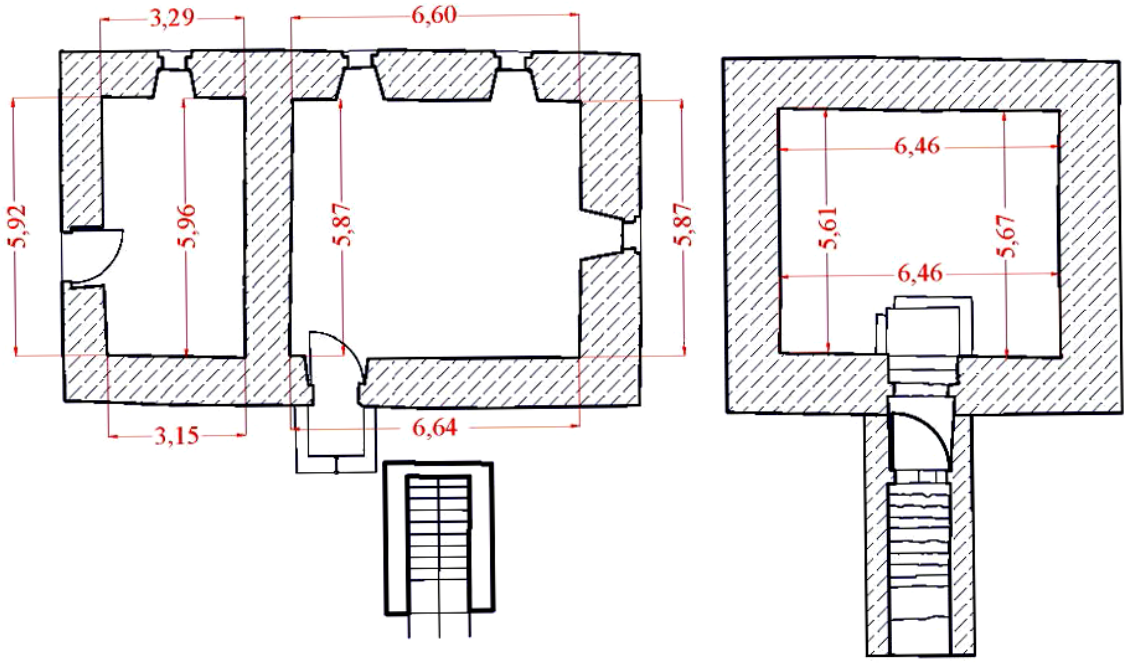

Рис. 3. Схема текие-мавзолея Шах Али, размеры верхних помещений и склепа

В 1884 г. после организации Рязанской ученой архивной комиссии археологическое изучение Касимовского уезда входит в круг ее деятельности. Однако оно не получает достаточного развития. По ее инициативе в Касимове проводятся раскопки татарских «текие» А.В. Селивановым в 1886 г. в мавзолее он нашел останки 9 человек. Во время этих работ А.В. Селиванов произвел исследование «с целью узнать, существует ли какой-нибудь подземный ход или другое помещение, на которое указывали, по словам Гагина, имевшиеся у стен отдушины. Однако, несмотря на его поиски он не нашел ни отдушин, ни каких либо признаков помещения, лежащего ниже подвала, но зато при раскопках в земле попались «сложенные в кучу кости и значительное количество остатков различного рода тканей» [18, с. 29]. Исследования черепов были произведены А.Г. Рождественским [17, с. 18]. В настоящее время в подземном помещении никаких останков не видно. Текие Шах-Али, почти всегда находилась в запустении и разрушалась посетителями. В 1841–1845 годах его отремонтировали под руководством рязанского губернского архитектора Н.И. Воронихина [23, с. 320].

В 1887 г. при содействии Рязанской ученой архивной комиссии Техническим строительным комитетом Министерства внутренних дел были проведены следующие реставрационные работы. Текие Шах-Али была приведена в полный порядок, снабжена железными дверями и ставнями и обнесена железной оградой на высоком кирпичном фундаменте [23, с. 320].

В следующий раз текие Шах Али хана было исследовано в 2004–2005 г. известным татарским исследователем М.И. Ахметзяновым [5, с. 198–199]. Он сделал описание мавзолея и отметил, что, «Среди каменных плит с надписями есть и расколотый надмогильный камень Шах-Али. Надмогильные плиты на кладбище касимовских ханов имеют отличительные особенности по сравнению с камнями с надписями Казанского ханства, хотя так же вырезаны из белого известняка. Во-первых, в глаза бросается их меньшие размеры по сравнению с эпиграфическими памятниками Казанского ханства. Во-вторых, большинство из них начинается с религиозной формулы, не встречающейся на памятниках Казанского ханства. Эта формула имеет следующий смысл: «Для Всевышнего Аллаха Иисус с Адамом аляиссаламом в одной степени» (прим. перев. Адәм галәйһиссәлам – Мухаммад?)». Как считал М. И. Ахметзянов, эта формула – один из знаков оскорбления пророка Мухаммеда, по нашему же мнению эта формула наоборот показывает сохранение верности исламским традициям, так как подчеркивает что Иса – Иисус только один из пророков [5, с. 199–17].

В 2020 г. были проведены археологические исследования текие-мавзолея Шах Али, в рамках программы реставрации нами были проведены исследования, в виде 8 шурфов, заложенных по углам и у стен здания (рис. 2). В ходе исследований удалось определить глубину залегания основания фундамента, который составил от – 150 до – 180 см. от дневного уровня. Основание подземной крипты склепа находилось на глубине – 360 см от дневного уровня. В шурфах выявлены два стратиграфических горизонта, связанных со строительством и реставрацией здания, углубления растворных ям и столбовые ямы от

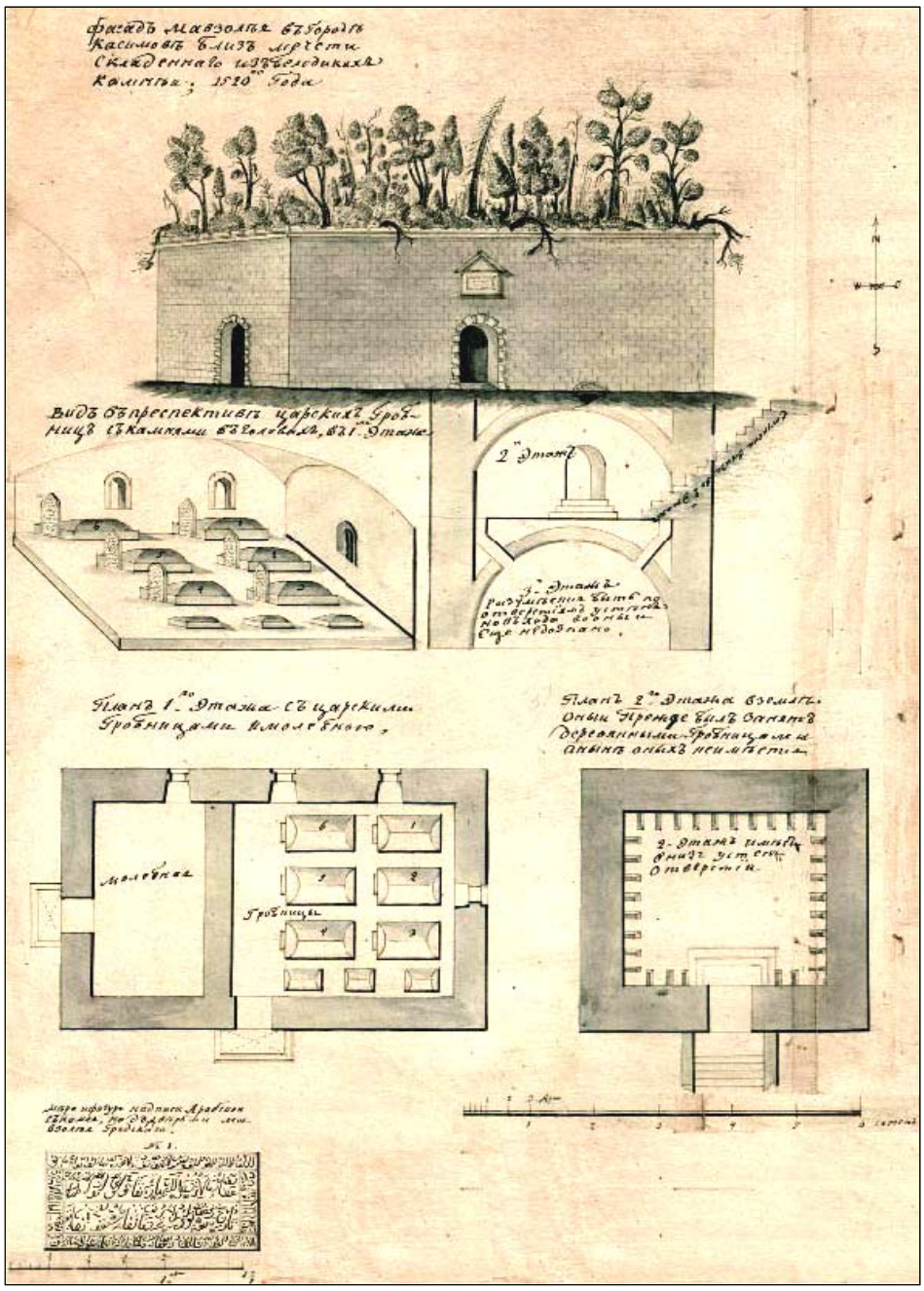

Рис. 4. Чертежи XIX в. мавзолея Шах Али

строительных лесов, использованных при возведении здания мавзолея. В шурфе №2, который был разбит перед входом в малую комнату (тахаратхана) была выявлена отмостка, выложенная из прямоугольных известковых камней размером 50х40 см, 60х30 см, 40х40 см, 30х40 см, несвязанных между собой раствором, датируемая второй половиной XVI в. Стены текие-мавзолея сложены верхней части из крупных прямоугольных камней размером 50х18 см, 40х18 см, 35х18 см, в нижней части размером 50х10 см, 30х12 см на известковом растворе [2, с.23]. При исследованиях в шурфах было выявлено 5 слоев: Первый – слой дерна толщиной 2–3 см сформировавшийся в XX в. Второй – слой темно-серой гумусированной супеси с включением битого кирпича мощностью 8–10 см слой датирован концом XIX – XX вв. Третий – слой серой рыхлой супеси с включением известняковой крошки мощностью до 20 см. Время накопления: вторая половина XVI – XIX вв. Четвертый – прослойка известняковой крошки толщиной 3–4 см. Связана со строительными горизонтом постройки мавзолея Шах-Али в 1555 г. Пятый – слой светло-серой супеси элювиального происхождения. Не были выявлено слоев, сформировавшихся ранее середины XVI в [3, с.51].

Очень интересны аналогии к текие-мавзолею. Само название здания, текие, отсылает нас к малоазиатской традиции, в Турции название текие является синонимом ханака – из персидского языка это странноприимный дом, обитель дервишей. Мавзолей построен под сильным влиянием суфийских традиций, это и трехчастное деление с отдельным помещением для поминальных обрядов которое служило и тахарат-ханой, отдельное помещение для надмогильных камней и мастаба которые обозначали погребения – зиярат хана, отдельное помещение для усопших – гур-хана которое уходит глубоко под землю, пол склепа (крипты) расположен на уровне почти 360 см от поверхности, к нему ведет узкий длинный вход дромосообразного типа (рис. 3). По мнению исследователей XIX в. в мавзолее существовал подземный ход от текие-мавзолея – к Ханской мечети, основанием для подозрений были отвестия на полу и в стене, и толстая стена между помещениями верхнего уровня [8, с.7], однако наши исследования хотя и выявили продух – отдушину в стене мавзолея, но они никак не связанны с гипотетическим подземным ходом, они предназначались для вентиляции склепа и поддержания там постоянной температуры [3,с.51].

Традиции построек таких мавзолеев относятся к периоду Золотой Орды и вероятно были заимствованы из Средней Азии. Хотя абсолютно точных аналогий текие-мавзолею Шах Али не удалось найти, однако отдельные элементы и идеи, такие как планировка зданий, обряд захоронения в деревянных гробах, погребенные внутри обернутые саваном и шелковыми тканями, погребение в подземном помещении, возвышения на которых были расположены гробы, прослеживаются и в более ранних мавзолеях XIV–XV вв, найденные в городах Улуса Джучи, в Мохше (мавзолеи № 4, 5), на Водянском городище (мавзолей №1) [12, с. 110, с. 113] и синхронных по времени мавзолеях Бахчисарая [13, с. 223–251] и Казани [19, с. 62–90].

Ортодоксальный ислам предписывает производить погребения правоверных мусульман в «ляхде» или говоря иначе в подбое. Объясняется это тем, что после совершения погребения в могилу проникают два ангела-дознавателя Накир и Мункар, которые интересуются об их пожизненных делах и вере. При допросе погребенный должен был сидеть. В этом заключалась роль погребальной ниши – «ляхд. То есть тело погребенного должно было оставаться в некоей пустоте, чтобы иметь возможность приобрести сидячее положение» [21, с. 90–91]. Именно стремление создать в могиле условия для допроса, на наш взгляд, породило хронологические и региональные отличия в конструкции мусульманских погребений (погребения в подбое, в щелевидных камерах с заплечиками, погребения в склепах-сагана и др.), которые имеют одно сходство – они обеспечивали необходимое для допроса пространство, пустоту. Вполне возможно, что эти принципы были заложены при обустройстве подземной части мавзолея Шах-Али и совершения в нем погребений. Подземелье Шах-Али несколько напоминает мавзолеи Хорезма, Средней Азии и Северного Кавказа [20, с. 62]. Вероятно, такие постройки возникли в доисламский период, и, разумеется, нет основания, возводить генезис мавзолея Шах-Али к этим погребальным сооружениям. Однако эта идея проникла опосредованно, через идеологию суфизма, носители которой проникали в Нижнее и Среднее Поволжье в период обращения в ислам Золотой Орды. [6, с.6–35].

Текие-мавзолей хана Шах Али построен под влиянием суфийских традиций, появившихся еще в эпоху Золотой Орды. Имеются аналогии среди золотоордынских мавзолеев и на территории тюрко-татарских государств постзолотоордынского времени. [3, с. 55].

Другой сохранившийся текие-мавзолей Авгана (Афган Мухамед султана) расположен на левом, гористом берегу Оки, в исторически известном районе г. Касимова – Старом Посаде, на Старопосадском татарском кладбище, датируется XVII в. Поверхность площадки, на которой распложен мавзолей задернованная, неровная, с большими буграми видны выходы кирпичей и белых известняковых камней. Перепад высот составляет от 50 до 100 см. Мавзолей расположен в начале этой площадки в 66 м, к северо-востоку от ближайшего дома по ул. Малоокской, д. 20, он построен на фундаменте, верхняя часть которого сложена из прямоугольных камней, вырезанных из белого камня и возвышающихся на 55 см от дневного уровня (современной поверхности земли), площадь фундамента – 10,67х6,22 метра. Внешние стены здания имеют размеры 10,20х5,7 метров. Высота – 430 см, имеется крыша, внутренние размеры здания – 9,4х4,2 метра (рис. 5; 6). В текие-мавзолее покоится Афган Мухамед султан, хивинскй царевич, сын Араб-Мухаммад-хана, младший брат знаменитого Абуль-Ази-Бахадур-хана, написавшего книгу "Шеджере-и тюрк"; потомок золотоордынских ханов из династии Шибанидов. Он был отправлен в Москву в 1621 году по приказу своего родного дяди Хабаш-султана, и с 11 лет воспитывается во дворе Московского царя, умер в Москве в 1648 году, мавзолей – текие был построен его женой Алтун-ханум, внучкой знаменитого сибирского хана Кучума [10, с. 103].

Рис. 5. Вид на мавзолей Афган Мухаммед Султана

Впервые мавзолей был описан В. В. Вельяминовым-Зерновым в 60-х годах XIX в. По его мнению, там мог существовать подземный склеп, так же как и в текие [мавзолее] Шах Али он сомневался, что эти камни в мавзолее являются надмогильными [9, с. 458]. В 1886–87 гг., А.В. Селивановым были проведены археологические раскопки мавзолея. Они выявили, что все три камня были надмогильными, и нет нижнего склепа «Все три камня, – пишет он, – имеют форму удлиненного узкого и довольно высокого прямоугольника с баулообразным закруглением с верхней стороны и с более широким основанием. Со всех сторон и сверху они украшены довольно красивыми арабесками, а на узких боковых сторонах покрыты татарскими надписями. Такие надписи имеются и на верхней стороне одного из камней. Все три надгробные плиты высечены из белого известкового камня, причем арабески покрыты разноцветными красками, местами довольно хорошо сохранившимися». А.В. Селиванов полагал, что два камня были перенесены в эту текие из других мавзолеев, после того как последние были разрушены [18, с.30]. В следующем 1887 г. при расчистке мусора внутри текие М.П. Новиковым был найден четвертый надмогильный камень. В этом же году была произведена реставрация памятника. [23, с. 307–308].

В 2004–2005 гг. мавзолей обследовался М.И. Ахметзяновым, который еще раз перевел надписи и провел обмеры текие. Памятник, вероятно, реставрировался и в советское время, верхняя часть здания выложена современными кирпичами на цементном растворе.

На прикрепленной над дверью каменной плите размерами 0,75х0,4 метра, на татарском языке арабской графикой в стиле «сульс», нанесена надпись где указано кто покоится в мавзолее, год строительства 1059 год по хиджре – 1649 по грегорианскому календарю, кем построено и сумма потраченная на строительство [5, с.15].

Могильные камни в дюрбе лежат в горизонтальном положении.

Надпись на первом надмогильном камне:

1. Это камень для Афган-Мухаммад-султана
2. распорядилась построить его законная жена Алтун-ханум
3. ...тридцать семь...
4. ...скончался.

Надпись с задней стороны:

«Дата 1059, в год коровы».

Надпись с левой стороны:

1. Авган-Мухаммед-султан
2. сын Араб-Мухаммед хана,
3. сына Хаджим хана,
4. сына Агатай хана.
5. Да будет милость Божия над ним.
6. На эту постройку пятьсот рублей истрачено.

Длина надмогильного камня Афган-Мухаммад-султана – 1,61 метр, ширина – 0,33 метра, высота – 0,65 метра.

Надпись на втором камне, ныне утраченная:

«Дата 1059, год коровы, этот надгробный камень для Тюге-Султана, сына Ишима-Султана Хаджим-Хана,

Алтын-Ханым велела соорудить. Тюге-Султан».

Тюге-султан был двоюродным братом Афган-Мухаммад-султана, внук Хаджим-хана.

Длина надмогильного камня – 1,0 метр, ширина – 0,35 метра, высота – 0,7 метра

Текст на 3-м надгробии ныне исчезнувшем:

«Дата 1062, в год дракона, сама при жизни своей, эту плиту соорудила»

Текст на 3-м надгробии, находящемся внутри мавзолея в настоящее время:

«Дата 1059, в год коровы надгробный камень Ай-ханым сама, при своей жизни, велела соорудить».

Текст на этом же надгробии ныне исчезнувший:

«Дата 1062, в год дракона Ай-ханым скончалась» [5, с.16].

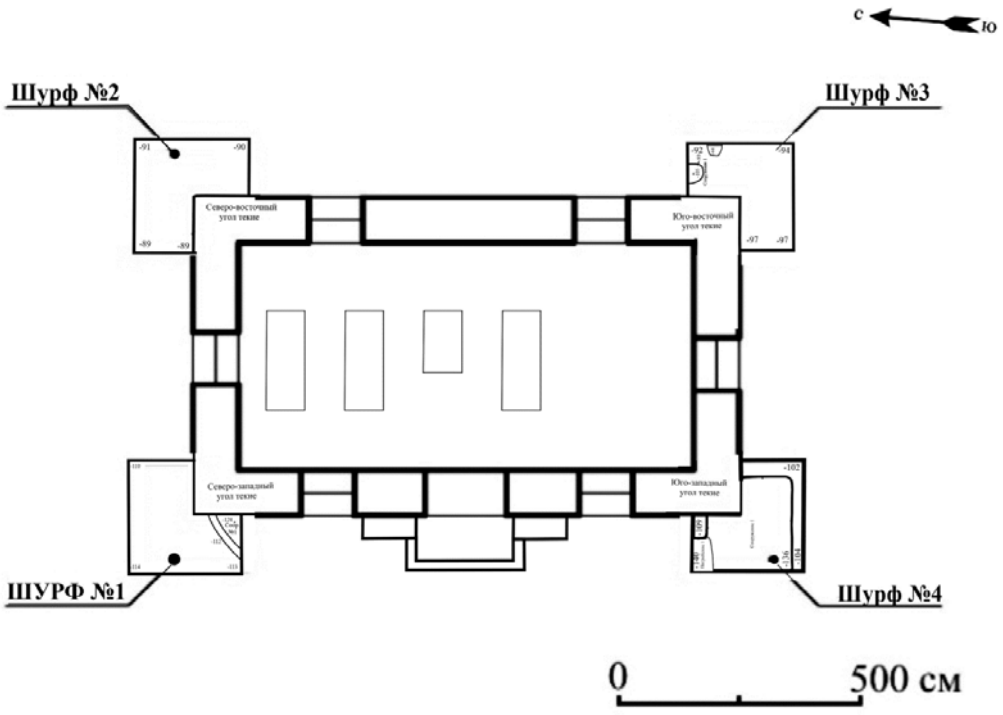

Рис. 6. План археологических исследований текие-мавзолея Афган Мухаммеда в 2020 г.

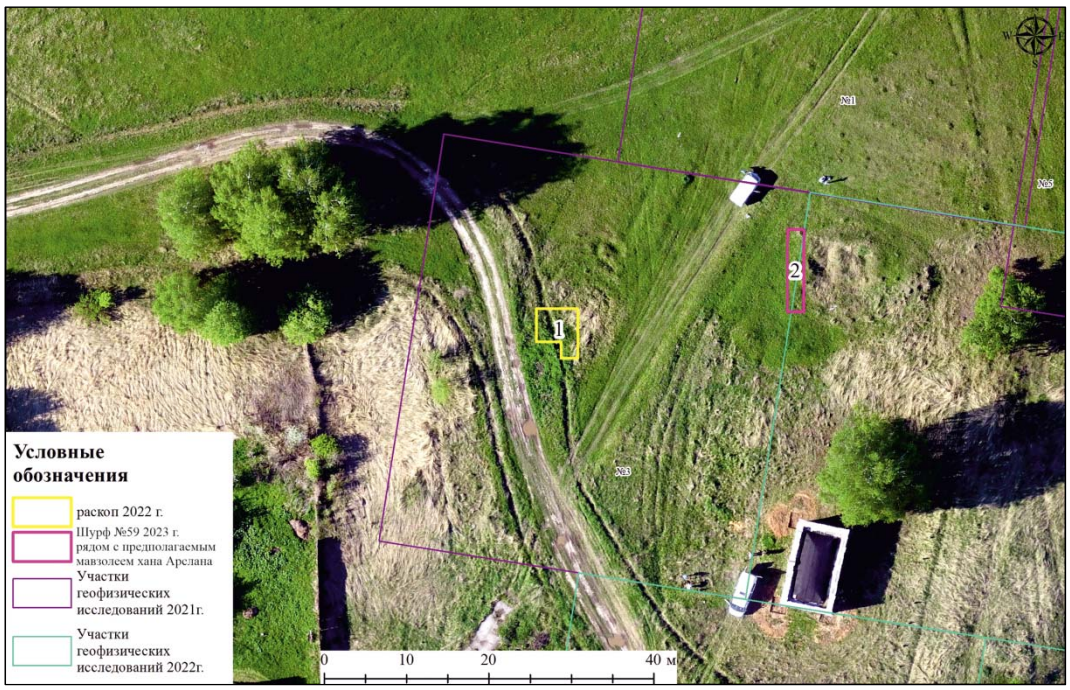

Рис. 7. Фрагмент ортофотоплана и ситуационный план археологических исследований на Старопосадском татарском кладбище 2022–2023 гг.

В Волго-Камье аналогий надмогильным камням такого типа не встречается, камни сделаны в виде саркофага (или сундука) закругленные сверху, подобные надмогильные сооружения имеются в Средней Азии, и в Стамбуле, у надмогильных камней в текие (мавзолее) Афган Мухаммеда имеются надписи на всех четырех стенках, это сближает их с каменными надмогильными камнями среднеазиатских правителей и турецких султанов.

Кроме этих надгробий в мавзолее имеется новодельное надгробие хана Ураз Мухаммеда, с надписью кириллическим алфавитом на казахском и русском языках, сделанное по заказу казахского посольства.

В 2020 г. рамках программы предстоящей реставрации текие-мавзолея нами было заложено 4 шурфа общей площадью 16 кв. м., по углам здания (рис. 6). В шурфах было выявлено 6 сооружений: Первое сооружение – собственно сам фундамент текие-мавзолея датируемый 1649 г., он выложен из нескольких рядов разноуровневой каменной кладки, местами лежащей на рваном кирпичном буте. Верхняя часть фундамента состоит из крупных прямоугольных пиленых камней размером 75х25 см., 50х16 см., 60х10 см, ниже камни более неправильной формы. Глубина залегания фундамента составила от – 98 см от дневного уровня в северной части текие-мавзолея, до – 124 см в южной части от дневного уровня. В шурфе №1 была выявлена небольшая яма, примыкавшая к северо-западному углу текие-мавзолея, ее функциональное назначение осталось невыясненным, она была датирована XVII в. В шурфе №3 у юго-восточного угла здания была выявлена вымостка из каменных плит, датированная рубежом XIX–XX вв., вероятно она связанна с реставрационными работами в 1887 г., на уровне материка в этом же шурфе были выявлены две столбовые ямы XVII в., это следы от строительных лесов, использовавшихся при строительстве здания. В шурфе №4 у юго-западного угла, был выявлен архитектурный (разведочный) шурф, датируемый по данным стратиграфии концом XIX в., вероятно он был заложен в 1887 г. во время реставрационных работ. В шурфе №4 после выборки, на уровне материка было выявлено детское погребение, его верхний уровень был разрушен архитектурным шурфом, однако отсутствие в профиле над погребением строительного горизонта середины XVI в. указывает на то, что захоронение было совершено после постройки мавзолея Афган Мухаммеда (рис. 6). Мощность культурных напластований выявленных в результате археологических исследований, составила около 40 см, на основе отобранных вещественных материалов и анализа культурных напластований удалось выделить пять культурных слоев XVII – начала XX вв., выделилось два строительных горизонта, первый сформировался при возведении мавзолея в 1649 г., второй горизонт образовался после ремонтно-реставрационных работах, выполненных в 1887 году. Вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, позволяет предположить, что культурного слой на данном участке, где расположен мавзолей-текие Афган Мухаммеда, вероятно, сформировался в XVII в. и связан с его строительством [2, с. 32,33]. В результате проведенных геолого-археологических изысканий получены сведения

о характере отложений культурного слоя, а также исследованы архитектурные приемы, которые применялись при возведении мавзолея-текие Афган Мухаммед Султана.

По фасадным решениям и элементам архитектурного декора этот текие-мавзолей можно отнести к памятникам «русского узорочья» – архитектурному стилю, сформировавшемуся в Русском государстве во второй четверти XVII в. Этот стиль характеризуется затейливыми формами, обилием декора, сложностью композиции, даже некоторой нарочитой аляповатостью и склонностью к нарушению симметрии.

Самым ранним архитектурным эталоном этого стиля можно рассматривать Теремной дворец Московского Кремля, возведенный зодчими Трефилом Шарутиным и Тимофеем Огурцов в 1635–1637 гг. по заказу царя Михаила Федоровича. Его нередко посещал и молодой царевич Афган Мухаммед с супругой [10, с.107]. Здесь впервые проявляются ренессансные элементы декора – пилястры и треугольные фронтоны, которыми украшены окна западного и восточного фасада текие (только вместо пилястр в касимовском мавзолее применено исполнение в виде полуколонн).

В те же 30-гг XVII в. строится московская церковь Троицы в Никитниках – еще один образец русского узорочья. Помимо пилястр и треугольных фронтонов окна обрамляются колонками, которые соединяются наверху кокошниками. Подобный прием присутствует при устройстве оконного проема северного фасада мавзолея. Еще один выразительный элемент, объединяющий Троицкую церковь и текие-мавзолей – наличие фриза, наполненного керамическими квадратными изразцами, поставленными на угол.

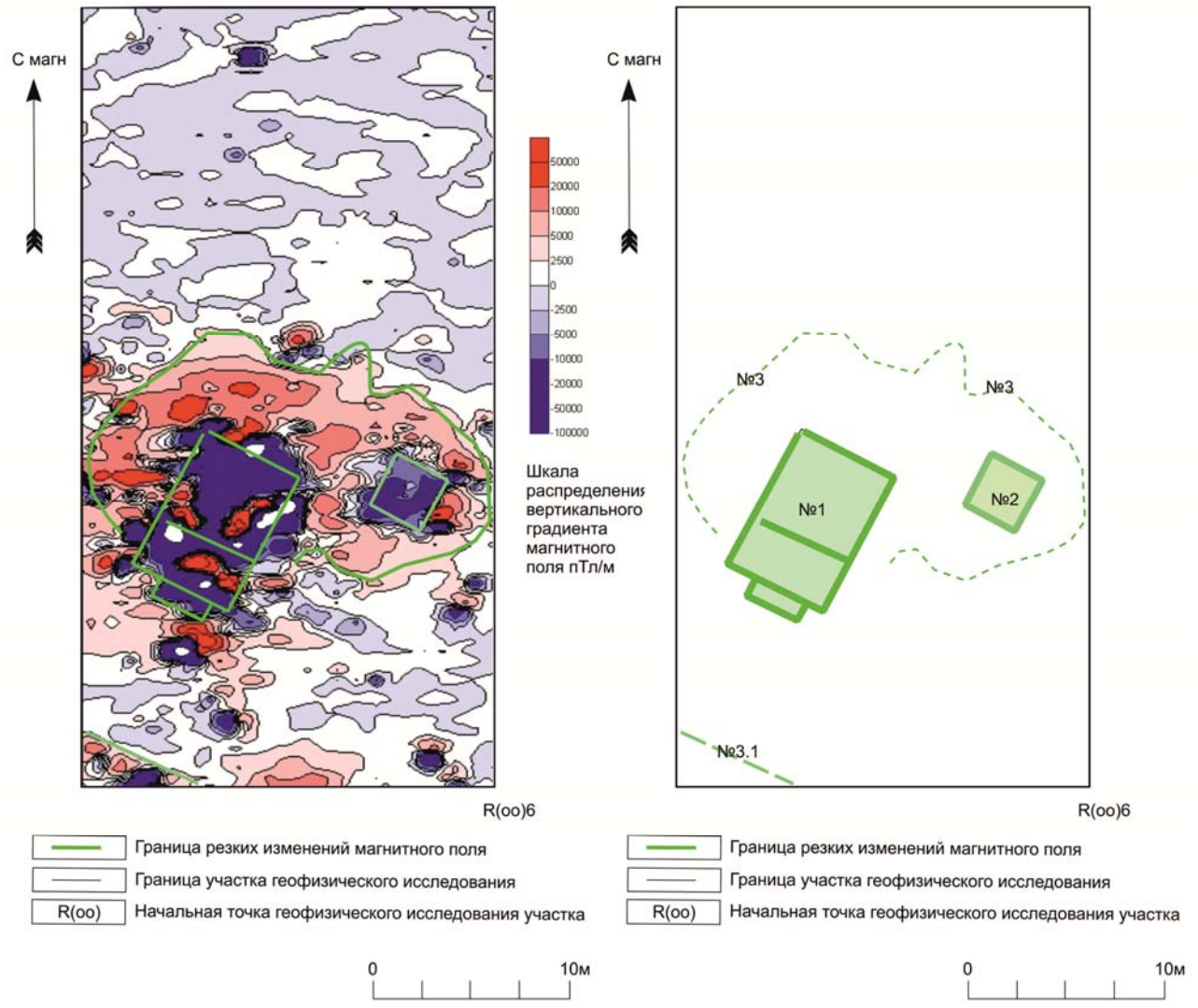

Рис. 8. Результаты геофизических исследований
на месте предполагаемого текие-мавзолея хана Арслана

Таким образом, можно отметить, что в архитектурном стиле текие-мавзолея Афган Мухаммед наблюдается существенное влияние русского кирпичного узорочья, при этом, несомненно, соблюдается мусульманская обрядность, формы надмогильных камней указывают на связь со Средней Азией и Ближним Востоком.

В ходе археологических исследований и разведок на Старом Посаде и Старопосадском татарском кладбище в 25 м севернее мавзолея Афган Мухаммед Султана нами было обнаружено углубление прямоугольной формы, представляющего собой, вероятно, котлован мавзолея (рис. 7). Н.И. Шишкин писал, что последняя касимовская царица «Фатима была похоронена на Старопосадскомъ кладбище въ особой двухътажной текие и положена вместе съ мужемъ свонмъ царемъ Арсланомъ. Эта текие находилась недалеко отъ Авгавновой текие... На Старомъ Посаде на татарскомъ кладбище, въ 8-м и саженяхъ отъ Авгановой текие, направо видны следы фундамента п внутри ихъ яма, где валялись обломки кирпичей. Мне рассказывали, что тутъ именно стояла прежде текие Касимовской царицы Фатнмы-Султанъ. Есть указание въ бумагахъ И.С. Гагина; по его словамъ текие эта была съ погребами и отъ ветхости разрушилась. Уже въ 1824 г., по уверению И.С. Гагина, ея не существовало. При посещении В.В. Вельяминовымъ-Зерновымъ города Касимова летомъ 1863 г., онъ засталъ только следы фундамента и внутри здания яму, где валялись только одни обломки кирпичей» [23, с.99]. Историографические исследования позволяют предположить, что на этом месте находится мавзолей касимовского хана Арслана и его жены Фатимы Султан построенного, вероятно, после его смерти не ранее 1627 г. В 2023 г. на этом месте были проведены раскопки на площади 20 кв. м (рис. 7). Культурные отложения имели мощность до 100 см. Стратиграфически выделено четыре горизонта, нижний горизонт представляет собой выкид из котлована текие-мавзолея хана Арслана и датируется временем постройки текие-мавзолея, [7, с. 175]. Второй горизонт был насыпан поверх первого темной серой супеси. Третий горизонт состоит из кирпичного щебня. Он связан с разрушением мавзолея на рубеже XVIII–XIX вв. Четвертая прослойка дерн, сформировавшийся в период запустения. Среди находок выделяются фрагменты кирпичных и каменных архитектурных деталей мавзолея, найдены небольшие кованые железные гвозди [4, с 230]. В 2024 г. в рамках госпрограммы РТ «Сохранение национальной идентичности татарского народа» В.Г. Бездудным были проведены геофизические исследование на месте предполагаемого текие-мавзолея хана Арслана. Выявилась 2-х частная структура здания, его ориентировка и размеры (рис. 8), дальнейшие археологические работы позволят более подробно исследовать здание.

Геодезические работы с применением дрона и геофизические исследования районе Старопосадского татарского кладбища и Старого посада в 2019–2021 гг. позволили создать ортофото и топографических планы с микрорельефом некрополя и выявить в этом районе геофизические аномалии, которые предположительно были связаны с остатками других мавзолеев. В.В. Вельяминов-Зернов приводил свидельства XVII в. о мавзолеях на Старопосадском Татарском кладбище «Да на старом же посаде въ поле на татарском кладбища две палатки каменные древни, подъ которыми был выходы каменные и въ нихь висели на цепяхъ гробы царей Касимовских, а по Татарски ханы, и покрыты был златыми парчами и татарская была не усыпная, при оныхъ стража, когда же сии гробы пришли в истление и попадали на землю, тогда татары заклали эти выходы камнемъ и закопали землю, и караулить перестал. Впереди въ сихъ палатахъ поставлены трехъаршинные преискусно вытесанные камни многочисленные, со всех сторонъ съ резной до самой земли татарской надписью» [9, с.430]. Полевые исследования на Старопосадском кладбище в 2022 г. на раскопе площадью 24 кв. м на месте одного из геофизических аномалий обнаружены кирпичные и каменные архитектурные детали разрушенного мавзолея [4, с. 35, 86]. Стратиграфически культурный слой имел горизонты аналогичные характеристики материалам предшествующих исследований в этом районе, описанным выше [4, с. 43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории [текие] мавзолея Шах-Али в 2020 году. Казань, 2021 // Архив НФ МАРТ. Ф.4. Оп. 1. Д. 432.

2. Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории «Текие Авгана» в 2020 г. Казань, 2021/ НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4, оп. 1, электронный ресурс. 128 с.

3. Ахметгалин Ф.А. Амиров Ш.А. Археологические исследования мавзолея хана Шах Али // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 44–55.

4. Ахметгалин Ф.А. Ситдиков А.Г. Новые археологические исследования ханской столицы города Касимова // Поволжская археология. 2025. №1 [51]. С. 227–236.

5. Әхмәтҗанов М. Касыйм шәһәрендәге татар дөрбәләре [Татарские мавзолеи [дюрбе] в г. Касимове] // Татарская археология. 2006. № 1–2 [12–17]. С. 197–217.

6. Васильев. Д.В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Федеральное агентство по образованию Астраханский государственный университет. Астрахань, 2007. 201 с.

7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 558 с.

8. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. 500 с.

9. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 502 с.

10. Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник Текст / АН СССР, Ин-т востоковедения; Редкол.: А. Н. Кононов [отв. ред.] и др. 2007 г. С. 95–112.

11. Гагин И.С. Краткая сложность о Касимовских царях татарских и памятниках с их времени существующих. Сообщила М. Крейтон // Труды Рязанской ученой архивной комиссии [в 27 томах] Т. XVI. Вып. 3. / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1902. С. 266–279.

12. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 219 с.

13. Ибрагимова А. Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв. Симферополь: ИА НАНУ, 2013. 360 с.

14. Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.

15. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Ягодин, С.М. Малияров. Нукус: Каракалпакстан, 1985. 163 с.

16. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1773. 117 с.

17. Рождественский Р.Р. Черепа из древних могил Рязанской губернии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии [в 27 томах] Т. VIII. Вып. 1 / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1893. С. 1–19.

18. Селиванов. А.В. Раскопки в Касимове 1868 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии [в 27 томах]. Т. III. Вып. 8 / Ред. С.Д. Яхонтов. Рязань: Типография губернского правления, 1893. С. 159–162.

19. Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Сивицкий М.В. Мавзолей казанских ханов // Позднее средневековье и раннее Новое время [XVI – первая половина XVIII вв.] // Археология Волго-Уралья. Т. 7 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: АН РТ, 2022. С. 62–90.

20. Снесарев Г.П. Большесемейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма // КСИЭ. Вып. XXXIII. М.: АН СССР, 1960. С. 60–71.

21. Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 272 с.

22. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891. 213 с.

23. Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: «Наука» 1974. С. 253–323.

Сведения об авторе: Фарид Альбертович Ахметгалин – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); SPIN-код: 2657-4821, AuthorID: 1057005. E-mail: ach_farid@mail.ru

MAUSOLEUMS OF THE 16th–17th CENTURIES IN THE KHAN'S CAPITAL OF KASIMOV CITY

F.A. Akhmetgalin
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences

The article deals with the history of studying the tekiye mausoleums of Shah Ali Khan and the tekiye mausoleum of the Khiva tsarevitch Afgan Muhammad, it uses the data of archaeological research of 19th – 20th centuries, written and graphic sources, attracts previously published works on the subject, which need a critical approach and addition, gives the results of archaeological research conducted around the buildings in 2020 within the framework of the restoration programme. The mausoleum of Shah Ali Khan, built in 1555, is located in the central part of the modern town of Kasimov, next to the Khan Mosque built by his order. Both buildings form one complex and are connected with the transfer of the town to a new place in the second half of the 15th century. As a result of the research, it is concluded that

the tekiye mausoleum of Shah Ali Khan has many analogies among the mausoleums of the Golden Horde era and the era of the Tatar khanates, it was built under the influence of Sufi traditions, widely spread in this period. Thus, the tekiye-mausoleum of Shah Ali Khan shows the inseparable connection and development of traditions of mausoleum construction from the Golden Horde era to the Kasimov Khanate.

Keywords: history, archaeology, Kasimov, Kasimov Khanate, Kasimov khans, tekiye mausoleums, funeral rites, Middle Ages

Financial Support: Since 2014, the study has been implemented within the frame-work of the State Program of the Republic of Tatarstan “Preserving the National Identity of the Tatar People”.

About the author: Farid A. Akhmetgalin – Research Fellow, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); SPIN-код: 2657-4821, AuthorID: 1057005. E-mail: ach_farid@mail.ru

УДК 902

РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДИЩА КАРАТОБЕ В 2019 ГОДУ[1]

Э.Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН

Статья является публикацией раскопок в окрестностях городища Каратобе, которое соотносится с древним Саураном. При топографических исследованиях памятника прослежены три линии укреплений. К северо-востоку от цитадели, снаружи от внешней стены, был выявлен прямоугольный участок размерами 220 х 228 м, окруженный стенами. Е.А. Смагуловым была выдвинута гипотеза о существовании здесь загородной мечети-намазгох. Для проверки этой гипотезы на южном углу сооружения, который представлял собой холм высотой 2,5 м был заложен раскоп. В результате раскопок выявлены остатки большого многокомнатного здания из сырцового кирпича. Полностью было раскопано два помещения и коридор, отделяющий это сооружение от соседнего. Одно из помещений было жилым, с суфой, пристроенной к трем стенам и двумя тандырами в суфах. Во втором помещении были найдены остатки печи и стенка, перегораживающая его. В одной из внешних стен расчищена ниша. Здание относится к верхнему строительному горизонту, а стык стен прямоугольного сооружения (мечети), вероятно, находится под ним. Для поиска остатков стены в 50 м к северо-востоку от раскопа была заложена траншея. При зачистке ее борта был выявлен разрез стены из пахсовых блоков. Ширина ее 2 м, что свидетельствует в пользу гипотезы о нахождении здесь загородной мечети.

Ключевые слова: средневековье, домонгольский период, Каратобе, мечеть-намазгох, усадебное здание, сырцовый кирпич, суфа, тандыр, лепная керамика, гончарная керамика, поливная керамика

Эта статья является публикацией результатов последних совместных работ с Ербулатом Акижановичем Смагуловым. Он был моим коллегой и другом, и я принимала участие в его раскопках на городищах Каратобе, Сауран, Сидак, Культобе, Шойтобе. У нас было много проектов совместных работ. Одним из них была проверка гипотезы о существовании в окрестностях городища Каратобе загородной мечети-намазгох. Судьба распорядилась так, что вместе поработать на этом объекте удалось только один сезон.

В июне 2019 г. Туркестанская археологическая экспедиция (ТАЭ) Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Е.А. Смагулова и А.А. Ержигитовой проводила раскопки в окрестностях городища Каратобе. Памятник находится в Туркестанской области, в 3 км к югу от городища Сауран. Исследования ТАЭ 1998 г. и последующих лет убедительно доказали, что городище Каратобе является остатками древнего домонгольского Саурана, а в XIII в. город переместился к северу [3, с. 64–66; 4, с. 8–10].

Впервые городище Каратобе было обследовано в 1950-х гг. Южно-Казахстанской экспедицией 1; 2], а в 1986 г. экспедицией Свода памятников [3, с. 307]. В 2006–2008 гг. Туркестанской археологической экспедицией под руководством Е.А. Смагулова на городище были проведены широкомасштабные раскопки, результаты которых опубликованы в чрезвычайно подробной и содержательной монографии [4]. В последующие годы здесь проводились раскопки отдельных объектов, но уже не в столь значительных масштабах, в частности были изучены некрополи Жалаулы ата и Садуакас-ата, расположенные в пределах внешней крепостной стены [4, с. 35–39].

Тщательные топографические исследования показали, что городище окружают три ряда крепостных стен. Первая наружная стена охватывает площадь более 2,5 кв. км и имеет протяженность около 3 км. Внутренний город ограничен стеной длиной 2200 м, которая образует почти правильный квадрат площадью 33,3 га. В центре находится овальная в плане цитадель площадью 7,2 га, которую окружает стена длиной около 1000 м [4, с. 35]. На снимках из космоса заметно, что в примерно в 810 м к северо-востоку от стены цитадели к внешней стене города примыкает прямоугольный участок размерами около 220 х 228 м, также окруженный стеной (рис. 1). На местности хорошо видна юго-восточная стена с поворотом к северо-западу и южная часть юго-западной стены. Западная часть юго-западной стены разрушена могильником Жалаулы ата. На углах этой конструкции прослеживаются массивные оплывшие холмы. Е.А. Смагуловым было высказано предположение, что здесь расположены остатки большой загородной мечети «намазгох». К этой мечети, по его мнению, относятся каменные колонны с арабографичными надписями, найденные при раскопках могильника Жалаулы ата [4, с. 36].

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Рис. 1. Прямоугольная конструкция в окрестностях Каратобе. Космоснимок

Рис. 2. Е.А. Смагулов на раскопках Каратобе в 2019 г.

В 2019 г. для проверки этой гипотезы по инициативе Е.А. Смагулова был заложен раскоп на южном углу сооружения. Раскопки вела Э.Д. Зиливинская при участии Д.А. Талеева. Угол этого квадрата представлял собой холм высотой 2,5 м диаметром примерно 25 м. На нем был разбит раскоп 1, общая площадь которого в процессе работ достигла 148 кв. м. После снятия I штыка на площади раскопа стали появляться стены сооружения из сырцового кирпича. На уровне II штыка были выявлены контуры помещений. Предположительно в раскоп попала часть усадьбы с жилыми помещениями. Стены усадьбы построены из большеформатного сырцового кирпича. Основную площадь раскопа занимало сооружение 1, расположенное в его юго-восточной части (рис. 3, 4). В сооружении полностью расчищены два помещения (1 и 2) и

намечены два помещения (3 и 5), расположенные к северо-востоку. В северо-западной части раскопа находится сооружение 2, которое в основном выходит за пределы раскопа. Поэтому оно было оконтурено и оставлено до следующего сезона. Сооружения разделяет узкий коридор 1, который предположительно в северо-восточном конце соединяется с помещением 4, которое вошло в раскоп частично.

Рис. 3. Раскоп 1, аэрофотоснимок

Разрез по линии СВ-ЮЗ показал, что внутри помещений сооружения 1 находятся плотные и рыхлые завалы сырца. Кое-где встречаются горелые прослойки, свидетельствующие о том, что в какой-то момент в здании был пожар. При расчистке помещений также были найдены фрагменты прокаленной до красно-коричневого цвета глиняной обмазки и следы прокаленности на стенах и полах. Верхнюю часть профиля составляют лессовые отложения.

В 2019 г. полностью расчищены два помещения сооружения 1. Помещение 1 расположенное в юго-западной части раскопа (рис. 4) имело размеры 4,0–4,2 х 6,05–6,15 м. Северо-западная стена помещения имеет толщину 95 см. Высота ее 85 см от уровня пола помещения и коридора. Снаружи, со стороны коридора к ней вплотную пристроена стенка толщиной в 1 кирпич. Северо-восточный и юго-западный концы стенки выше, средняя часть имеет высоту 30 см и образует как бы скамью длиной 110–115 см. Вертикальная поверхность стены оштукатурена глиняной обмазкой в 3 слоя общей толщиной 6 см. Кладка стены, скорее всего панцирная: фасы сложены из целых кирпичей (в ложок), середина заложена сырцами беспорядочно. Торец стены, образующий проход сложен кирпичами, лежащими в тычок. Размеры кирпичей 20 х 30 см. В стене сделан скользящий проход вдоль северо-восточной стены. Ширина его 115–120 см. Внутренний угол торца стены, образующего проход, закруглен. Со стороны коридора проход оформлен пилонами шириной 35–40 см, выступающими на 35 см за плоскость основной стены. В дверном проеме в полу у стенок прохода обнаружены две ямки от крепления дверей диаметром 25–30 см и глубиной 5 см.

Юго-западная стена имеет толщину 95–100 см. В высоту сохранилась на 90 см от уровня пола помещения. Юго-западный край стены не ровный, штукатурка на нем сохранилась фрагментарно. Северо-восточный край сложен из кирпичей в ложок. Размеры кирпичей 23 х 30–40 см. Внешний край стены сложен из кирпичей в тычок. Снаружи в 180 см от южного угла перпендикулярно идет стена шириной 45 см, сложенная из кирпичей, поставленных на ребро. В 190 см от нее прослежена стенка, которая не расчищена и большей частью уходит под борт.

Юго-восточная стена была толщиной 50 см. Высота стены 130 см. Снаружи к ней пристроена стенка толщиной 40–50 см, в которой сделана выемка, как бы скамья, длиной 160 см и шириной 40–50 см. Снаружи сама стена и стенка «скамьи» были оштукатурены. Штукатурка в 2 слоя толщиной 5–6 см.

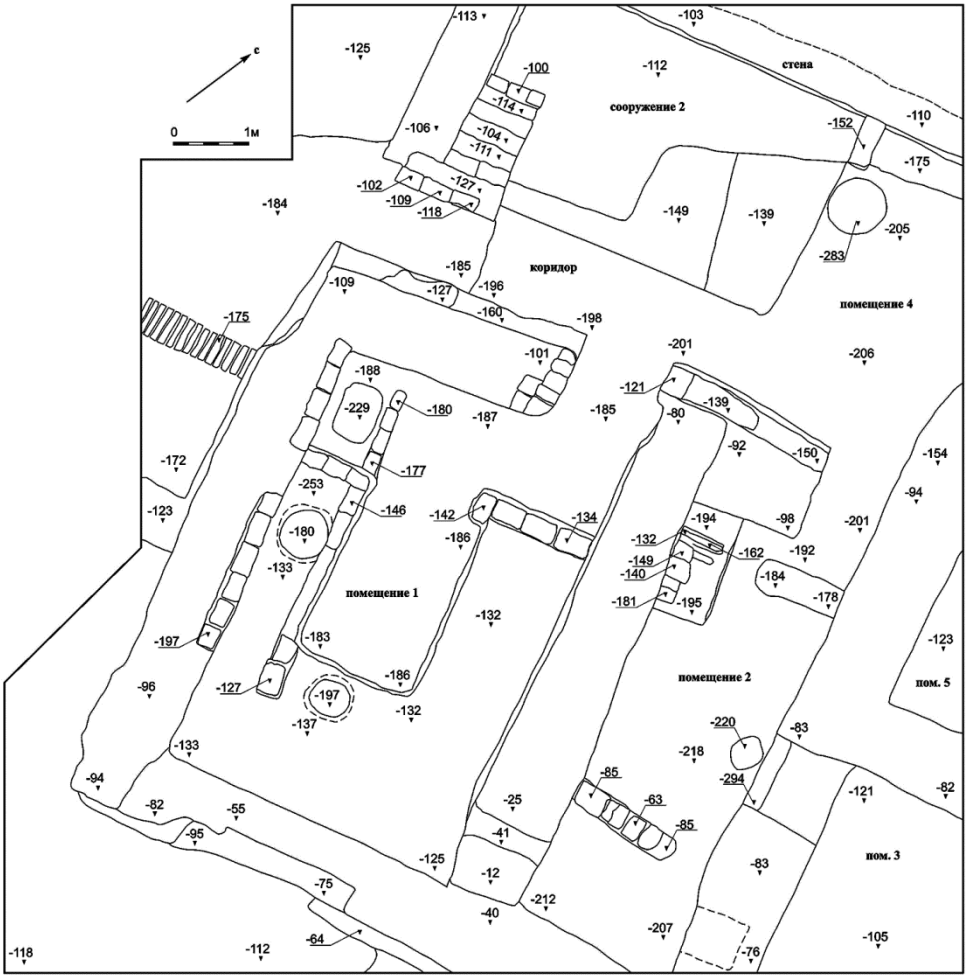

Рис. 4. Раскоп 1, план

Северо-восточная стена, разделявшая помещения 1 и 2, толщиной 80 см, сохранилась в высоту (над уровнем пола) от 105 см в северо-западной части до 174 см в юго-восточной части. Оба фасада стены покрыты штукатуркой в 2 слоя общей толщиной в 3 см.

В помещении 1 вдоль трех стен была сооружена суфа (рис. 4, 5). Вдоль юго-западной стены суфа имела ширину 85 см. Подпорная стенка ее была шириной 20 см и высотой 50–60 см. Длина суфы – 4,5 м. Скорее всего, эта часть суфы первоначальная (I период), остальные были пристроены позднее (II период). В толще юго-западной суфы, в 80 см от ее северо-западного края встроен тандыр 1. Диаметр его 55–60 см, высота стенок 45 см. Дно тандыра прокалено. На стенках внутри – беспорядочный орнамент в виде зигзагообразных и прямых перекрещивающихся неглубоких расчесов, сделанных многозубцовой гребенкой. Тандыр 1 вставлен в другой, более ранний большего диаметра.

Юго-восточная суфа имела ширину 210 см и высоту 50 см. Подпорная стенка – шириной 20 см. В 35 см от угла с юго-западной суфой был встроен тандыр 2 диаметром 40–45 см и высотой 60 см. Дно тандыра прокалено. На стенках – расчесы в виде волнистых и прямых пучков линий, сделанных трехзубцовой гребенкой. В северо-западной стенке, в нижней части, имеется круглое отверстие (продух) диаметром 10–12 см. Наружу отверстие не выходит.

Северо-восточная суфа имела высоту 55 см и ширину 140 см. Западный угол ее оформлен выступом (пилоном) размерами 20 х 30 см. Стенки суфы покрыты штукатуркой в 3 слоя общей толщиной в 3 см. В западном углу помещения находилась яма № 2 (погребок). Яма прямоугольная в плане размерами 85 х 45 см и глубиной 40 см. От пола яму отделяет стенка в 1 кирпич шириной (20 см) и высотой в 1 слой кирпича.

Помещение 2 примыкает с северо-востока к помещению (рис. 4). Размеры его 2,6–2,4 х 6,5 м. Юго-западная стена его является общей с помещением 1. Северо-западная стена имела толщину 95 см и высоту 103–108 см. Снаружи к ней пристроена стенка шириной 35 см и высотой 70 см. Северный край ее выше (80 см) и образует пилон входа в помещение 1. На стене снаружи (со стороны коридора) штукатурка в 2 слоя общей толщиной в 5 см. В ней сделан скользящий вдоль северо-восточной стены помещения 2 проход шириной 110 см, соединяющий комнату с коридором.

Рис. 5. Сооружение 1, помещение 1, вид с северо-запада

Рис. 6. Сооружение 1, помещение 2, вид с северо-запада

Северо-восточная стена была толщиной 95 см и высотой 105–125 см. Северо-западный конец ее имеет продолжение в виде уступа высотой 45 см, который уходит под борт раскопа. В 3,5 м от края стены в ней был сделан проход шириной 100 см. Впоследствии он был заложен сырцовыми кирпичами. На полу перед проходом обнаружено круглое прокаленное пятно от очага диаметром 46 см и глубиной 2 см. В 6,4 м от края стены в ней сделана ниша с полукруглым завершением (рис. 7). Дно ее находится на уровне пола. Ширина ниши 60 см в нижней части и 50 см в верхней, высота 100 см, а глубина 80 см. Задняя стенка ниши заложена кирпичом. Со стороны помещения стена покрыта штукатуркой в 2 слоя, причем нижний слой прокален до красно-коричневого цвета. Общая толщина штукатурки 2,5 см: нижний слой толщиной 2 см, а верхний – 0,5 см. Юго-восточная стена комнаты большей частью уходит под борт раскопа.

В северо-западной части помещения на полу стоит стенка в 1 кирпич шириной 30 см и длиной 160 см. Она отгораживает более глубокий пол (на 17–18 см глубже). Высота стенки с северо-запада – 10 см, с юго-востока – 30 см. К юго-западу от нее находится конструкция из кирпичей, лежащих плоско и постав-

ленных на ребро (рис. 8). Она стоит на прямоугольной платформе размерами 70 х 110 см и высотой 20 см. Северо-западный край ее образует стенка из кирпичей, поставленных на ребро. Ширина ее 10 см, длина 30–40 см, высота – 60 см. Снаружи стенка оштукатурена, штукатурка в 2 слоя толщиной 1 см. Наружный слой прокален. Далее в кладке имеется разрыв шириной 10 см. К юго-востоку от него два плоско лежащих кирпича положены на кирпич, стоящий на ребре. У юго-восточного края на них положен еще один кирпич в 1 слой. Размер кирпича 30 х 20 см. Дальше к юго-востоку на платформе положены 2 кирпича в 2 слоя длинной осью вдоль стены. Возможно, эта конструкция является остатками какой-то печи или камина.

В восточном углу комнаты находится яма № 3 размерами 35 х 80–100 см глубиной 26 см. В 4,25 м от северо-западной стены комнату перегораживает стенка в 1 кирпич толщиной 30 см и длиной 160 см (рис. 4, 6). Высота ее 1,55 м от уровня пола (13 слоев кладки). Между торцом этой стены и северо-восточной стеной комнаты остался проход шириной 60–80 см. Стенка оштукатурена с северо-восточной стороны, а с юго-восточной штукатурки нет. В 75 см к северо-западу от этой стенки в полу была сделана яма № 4 круглая в плане диаметром 60 см. Стенки и дно ямы ровные. Глубина ямы 80 см.

К северо-востоку от помещения 2 находятся помещения 3 и 5, которые большей частью выходят за пределы раскопа. Между сооружениями 1 и 2 находился коридор длиной 5,7 м и шириной 90–100 см (рис. 4, 9). Стены его образуют соответственно северо-западная стена сооружения 1 и юго-восточная стена сооружения 2. Северо-восточный конец коридора выходит в помещение 4, большая часть которого находится за пределами раскопа.

В северо-западной части раскопа было обнаружено сооружение 2, которое большей частью уходит за пределы раскопа. Контур сооружения обнаружился на уровне II штыка. Сооружение вскрыто до этого уровня и оставлено до следующего года (рис. 4) Предположительные размеры его по оси север-юг – 3,8 м, по оси восток-запад – 5,7 м.

Северо-западная сооружения стена толщиной 80 см уходит под борт раскопа. С внутренней стороны на ней прослежена глиняная обмазка общей толщиной 10 см. В срезе прослеживаются 2 слоя обмазки, на которые положена плотная штукатурка 2,5–3 см. толщиной. Юго-западная стена толщиной 65 см также была покрыта с внутренней стороны обмазкой общей толщиной 12 см. Со стороны помещения прослеживается плотная штукатурка толщиной 3 см.

К юго-западной стене изнутри примыкает прямоугольная конструкция размерами 90 (восток-запад) х 170 (север-юг) см. Она состоит из нескольких параллельных стенок длиной 90 см, сложенных из сырцовых кирпичей в 1 ряд. Всего прослежено 5 стенок толщиной 18–20 см. Между стенками находилось свободное пространство, своеобразные «каналы» шириной 20 см. Стенки сложены из кирпичей размерами 16 х 30 х 5–6 см. Самая южная стенка стоит на приставке к основной юго-восточной стене. Ширина ее 18 см. «Канал» между ней и предыдущей 30 см шириной.

Юго-восточная и северо-восточная стены выявлены только с внешней стороны. Юго-восточная стена имела высоту 60–65 см, толщина пока не известна. С северо-западного конца к ней пристроена стенка шириной 15 см и длиной 130 см. Снаружи стена оштукатурена в 2 слоя. Толщина штукатурки 6 см. Северо-восточная стена имеет такое же строение.

В северо-западном углу раскопа несколько стенок образуют ступени, строение которых пока не понятно. Перед ними в глиняном полу прослежена яма № 1, круглая в плане диаметром 80–85 см. К дну стенки ямы слегка расширяются. Глубина ее – 70 см. Заполнение состояло из рыхлой супеси. В заполнении найдены фрагменты лепной, гончарной и поливной керамики.

Находки с раскопа представлены преимущественно фрагментами керамики. Найдены фрагменты черноглиняных и желтоглиняных лепных кухонных горшков с ручками, фрагменты столовой посуды в виде гончарных желтоглиняных и красноглиняных мисок, крышек, кувшинов, в том числе и с росписью ангобом. Из помещения 2 происходит красноглиняный двуручный широкогорлый горшок, инкрустированный капельками глазури (рис. 10). Также встречаются керамические изделия в виде пряслиц, чирагов, дастарханов. Достаточно представительна коллекция поливной керамики XI–XIII вв. В целом керамический материал с раскопа соответствует верхнему строительному горизонту городища Каратобе [4, с. 354–399].

Таким образом, раскоп, разбитый на южном углу пересечения предполагаемых стен и вскрытый пока на уровне верхнего строительного горизонта, не смог подтвердить гипотезу о существовании здесь мечети намазгох. Для поиска стены мечети в 50 м к северо-востоку от раскопа была заложена поисковая траншея, ориентированная перпендикулярно длинному всхолмлению, возможно, являющемуся остатками этой стены. В результате в борту раскопа был обнаружен разрез стены из пахсовых блоков шириной около 2 м и высотой более 1 м.

Хотелось бы надеяться, что работы в окрестностях Каратобе, начатые под руководством Е.А. Смагулова, будут продолжены в последующие годы.

Рис. 7. Ниша в северо-восточной стене помещения 2, вид с юго-запада

Рис. 8. Конструкция у юго-западной стены помещения 2, вид с северо-востока

Рис. 9. Коридор, вид с северо-востока
Fig. 9. Corridor, view from the northeast

Рис. 10. Красноглиняный сосуд с инкрустацией глазурью
Fig. 10. Red clay vessel with inlaid glaze

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т.5. С. 107–110.
2. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып.2. 1949. С.83–84.
3. Байпақов К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы: Credo, 2005. 204 с.
4. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ компани», 2011. 436 с.

Сведения об авторе: Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Российская Федерация); ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

EXCAVATIONES IN THE VICINITY KARATOBE SETTLEMENT IN 2019

E.D. Zilivinskaya
Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences

The article is a publication of excavations in the vicinity of the Karatobe settlement, which correlates with the ancient Sauran. During topographic studies of the archaeological site, three lines of fortifications were traced. To the north-east of the citadel, outside of the outer wall, a rectangular section 220 x 228 m in size was found, surrounded by walls. E.A. Smagulov put forward a hypothesis about the existence of a suburban mosque-namazgoh here. To test this hypothesis, an excavation area was laid at the southern corner of the structure, which was a hill 2.5 meters high. Excavations revealed the remains of a large multi-room building of mud brick. Two rooms and a corridor separating this structure from the neighboring one were completely excavated. One of the premises is intended for housing. It had an earthenware bed, attached to three walls and two tandoor ovens. In the second room, the remains of a furnace and a wall blocking it were found. A niche has been cleared in one of the outer walls. The building belongs to the upper construction horizon, and the angle between the walls of the rectangular structure (mosque) is probably located under it. A trench was laid to search for the remains of the wall 50 meters northeast of the excavation area. A wall of clay blocks 2 m wide was revealed in its wall. This testifies in favor of the hypothesis that a suburban mosque is located here.

Keywords: Middle Ages, pre-Mongol period, Karatobe, Namazgokh mosque, manor building, mud brick, sufa, tandoor, hand-made ceramics, pottery ceramics, glazed ceramics

About the author: Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia Federation); ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

УДК 902.2/904

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЛОГО КВАРТАЛА РЕМЕСЛЕННИКОВ НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГИМ В 2022–2024 гг.

Е.М. Болдырева
Государственный исторический музей

В статье представлены предварительные результаты археологических исследований в периферийной части Селитренного городища. Здесь было обнаружено и частично исследовано 6 жилых сооружений, более десятка хозяйственных и строительных ям, несколько уличных печей-тандыров, фрагмент средневековой улицы и городской площади, а также массивная около 3 метров в глубину и в диаметре яма-водоем (хауз?) с системой оттока воды. В первый строительный период, определяемый монетами периодом правления хана Узбека, на этом месте существовала улица с отдельно стоящей уличной конструкцией, возможно горном. Затем, во 2-й период возможный горн был разрушен и на его месте возведен еще один жилой дом, представляющий собой многокомнатное строение. В этих домах было обнаружено большое количество одинаковых видов посуды, т.е. они выполняли не только роль жилых построек, но и являлись складами изготовленных на продажу товаров.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Селитренное городище, ремесленный квартал, средневековая планировка, горн, производство керамики

Благодарности. Автор выражает благодарность н.с. Института Востоковедения РАН Е.Ю. Гончарову за идентификацию и прочтение монет, а также м.н.с. лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН А.Ю. Сергееву за обработку археоботанического материала.

Городище Сарай-Бату (Селитренное городище в археологической литературе) – столица Золотой Орды, является крупнейшим памятником монгольских кочевников, осевших на землю в незаселенных степях юга Восточной Европы в конце XIII – XIV вв. Памятник исследовался Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ) МГУ им. М.В. Ломоносова и ИА РАН с 1965 по конец 90-х гг. XX века под руководством А.П. Смирнова, Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова. В составе экспедиции были отряды из разных городов. После распада ПАЭ, во 2-й половине 90-х гг. практически непрерывно памятник исследуется экспедицией Марийского государственного университета и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Также во 2-й половине 90-х гг. раскопки на городище проводились под руководством Э.Д. Зиливинской [2, с. 50–51; 3, с. 38–39]. В последние несколько лет теми же исследователями продолжаются работы на памятнике. В 2019–2020 гг. в рамках газификации села Селитренное на его территории было заложено 9 небольших раскопов и 22 шурфа, общей площадью более 900 кв.м. [4, с. 35–49]. Эти исследования дали важный объем информации по состоянию и интерпретации культурного слоя под современным селом. Также с 2020 по 2024 год под руководством Э.Д. Зиливинской проводились исследования в отдаленной части городища, к юго-востоку от села, за федеральной трассой, где было исследовано крупное усадебное здание с более чем 20-ю комнатами, внутренним двором, погребом и колодцем. [1, с. 81–93].

Работы же восстановленной ПАЭ ГИМ в 2022–2024 гг. проводились в противоположной северо-западной периферийной части городища, был заложен раскоп №LXV (65), между буграми Красный и Змеиный. Необходимость исследования этой части памятника была обусловлена двумя факторами. Во-первых, это понижение между двумя буграми сильно размывается в период половодья и разлива Ахтубы. Во-вторых, этот участок городища никогда ранее не исследовался. Огромные по площади раскопы Поволжской археологической экспедиции были сосредоточены преимущественно в районе бугров Красный и Кучугуры, где исследовались общественные здания, усадьбы, погребальные памятники и, в меньшей степени, ремесленные комплексы, хотя городище Селитренное было крупнейшим производственным центром своего времени.

Важные аспекты гончарного производства городища были освящены в монографии Е.М. Пигарева [2], однако они не затрагивают этот участок городища, а базируются в основном на комплексах исследованных ПАЭ и самим автором в центральной части средневекового города. Между тем, упоминания об этой части памятника и признаках наличия ремесленного производства на нем встречаются в разведочных отчетах В.Г. Рудакова [5, с. 60–61]. Им была составлена карта с точными GPS координатами реперных участков городища и в этом районе фиксировались следы ремесленного производства. Предварительные разведки, проведенные в 2020 году, подтвердили факт наличия огромного количества ошлакованного

кирпича и керамики на площади более 1000 кв.м. Также была проведена аэрофотосъемка участка городища с малой высоты, благодаря которой удалось выявить некоторые очертания округлого в плане объекта. На этом участке и был заложен раскоп, работы на котором продолжались в течении 3-х лет. Площадь исследования постепенно расширялась в связи с обнаружением в процессе раскопок новых объектов, которые не были видны на дневной поверхности.

Проведенные исследования дают возможность реконструировать следующую картину жизни в этой части памятника: *1-й строительный период*. Основу планировки квартала составляет городская улица. Она вытянулась с юго-запада на северо-восток. Ее ширина около 2 метров, в материке читаются колеи от колесного транспорта (рис. 1, *1*А, *2*). Существовала она здесь с самого начала обживания квартала и до конца городской жизни здесь. Вела улица к обрыву бэровского бугра т.е. к воде. К северу от улицы существовал один или два небольших жилых дома, которые построены вдоль линии улицы. Конструктивными особенностями этих домов были смешанные конструкции стен, состоящие из обожженного и сырцового кирпича, дерева и ошлакованных керамики и кирпича. Так внешний контур стены одного из сооружений выложен из обломков сырцовых кирпичей, сложенных в один ряд в 3–4 слоя со сдвигом кладки на 1/2 кирпича. Внутренний контур стены лежит на деревянном цоколе (рис. 1, *3–4*), поверх которого была выложена кладка из обломков обожженного кирпича, а также ошлакованного. У стены сооружения был расчищен поливной кувшинчик (рис. 1, *5*) с пятью бронзовыми монетами, одна из которых определяется периодом хана Узбека.

Еще одной конструктивной особенностью домов в этой части города были вымостки из плотно уложенной керамики и ошлакованного кирпича, которыми укрепляли внешние стены домов, а также отделяли и мостили дорогу на разных этапах ее существования (рис. 1, *6*).

Сооружения, расположенные к северу от дороги, образуют прямоугольную в плане площадку (рис. 1, *1*Б, *2*), в юго-восточном углу которой была расчищена круглая в плане и квадратная в придонной части яма размерами 290х220 см, а глубиной 260–280 см. К южной части этой ямы вела менее глубокая яма-траншея, шириной 140 см и глубиной 132–136 см (рис. 1, *1*В, *2*). Характерное слоистое органическое заполнение и большая заиленность объекта наталкивает на мысль о том, что яма являлась хранилищем или местом стока воды, а яма-траншея, ведущая в сторону обрыва, выводила излишки воды или 2-я яма тоже хранилище, а площадку можно интерпретировать небольшой городской площадью, примыкающей к средневековой улице.

Еще одним сложным в интерпретации комплексом является объект под названием Яма №2. Расположена к югу от дороги (рис. 1, *1*Г, *2*). Ориентирована также, как и вышерасположенные сооружения в квартале, по линии юго-запад – северо-восток. Уровень поверхности объекта понижается по склону бугра. Стенки ямы с сильным уклоном ко дну, в западной части фиксируется ступенька шириной 25–45 см. Еще одна ступенька была зафиксирована в юго-восточном углу объекта. При выборке объекта предварительно был зафиксирован уровень кирпичного боя, который иллюстрирует период разрушения и единовременной засыпки объекта. Ниже уровня кирпичей в придонной части объекта были зафиксированы крупные ошлакованные фрагменты кирпича. Также с поверхности в слой кирпичного боя был вкопан деревянный столб. В границах ямы и в ее ближайшем окружении было обнаружено и зафиксировано 7 столбовых и жердевых ям. По-видимому, объект был целенаправленно и единовременно разрушен, после чего засыпан кирпичным боем и забит слоем песка. Затем сверху были вкопаны хум и столб от вышестоящих объектов. Чтобы полностью выявить контуры этого объекта и уточнить его интерпретацию, к югу была заложена прирезка, которая выявила более поздние объекты, относящиеся ко 2-му строительному периоду.

2-й строительный период (рис. 2, *1–2)*. Если к северу от улицы ситуация оставалась прежней, то к югу произошли изменения. Яма №2 была единовременно засыпана кирпичом и поверхность выровнена слоем песка, а над ней было возведено многокомнатное жилое сооружение. В настоящее время его размеры в границах раскопа 17х9 метров т.е. площадь этого многокомнатного жилого дома около 150 кв.м., в нем располагалось не менее 6 жилых комнат. Внутри самого дома тоже было несколько строительных периодов, так как есть заложенные перегородки и перестроенные суфы. Из конструктивных особенностей можно выделить двухкамерные тандыры с арочной топочной частью. Такие же, как и в северной части деревянные цоколи сырцовых стен и фахверковые перегородки.

Находки из этих домов можно разделить на 2 условные группы. Первая – это классические предметы быта золотоордынских городов: светильники, оселки, пломбы, набор астрагалов, коньки, и т.д. Район был бедный, если сравнивать с Красным бугром, но небольшое количество импорта также присутствует: обнаружен фарфор и селадон, а также закавказская поливная керамика. Вторая группа – это специализированные находки (рис. 3, *1–4*). К ним можно отнести печной припас, сепаи, различные глиняные комочки и подставки, использовавшиеся в горнах, подставки для продухов воздуха («сари»), а также различные

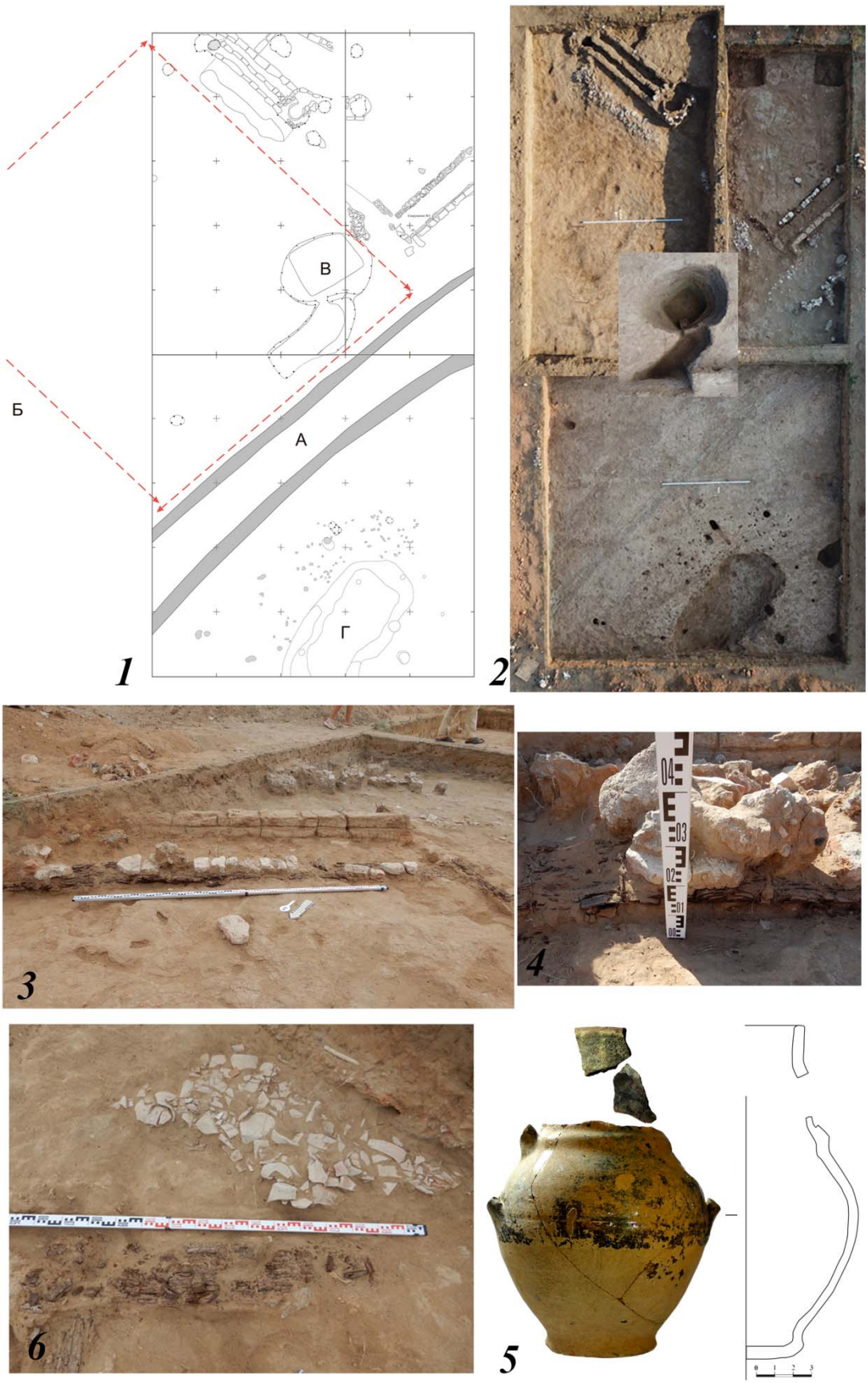

Рис. 1. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). 1, 2 – сводный план 1-го строительного периода; 3, 4 – особенности конструкции стен; 5 – поливной кувшинчик; 6 – вымостки из бракованной керамики и кирпича

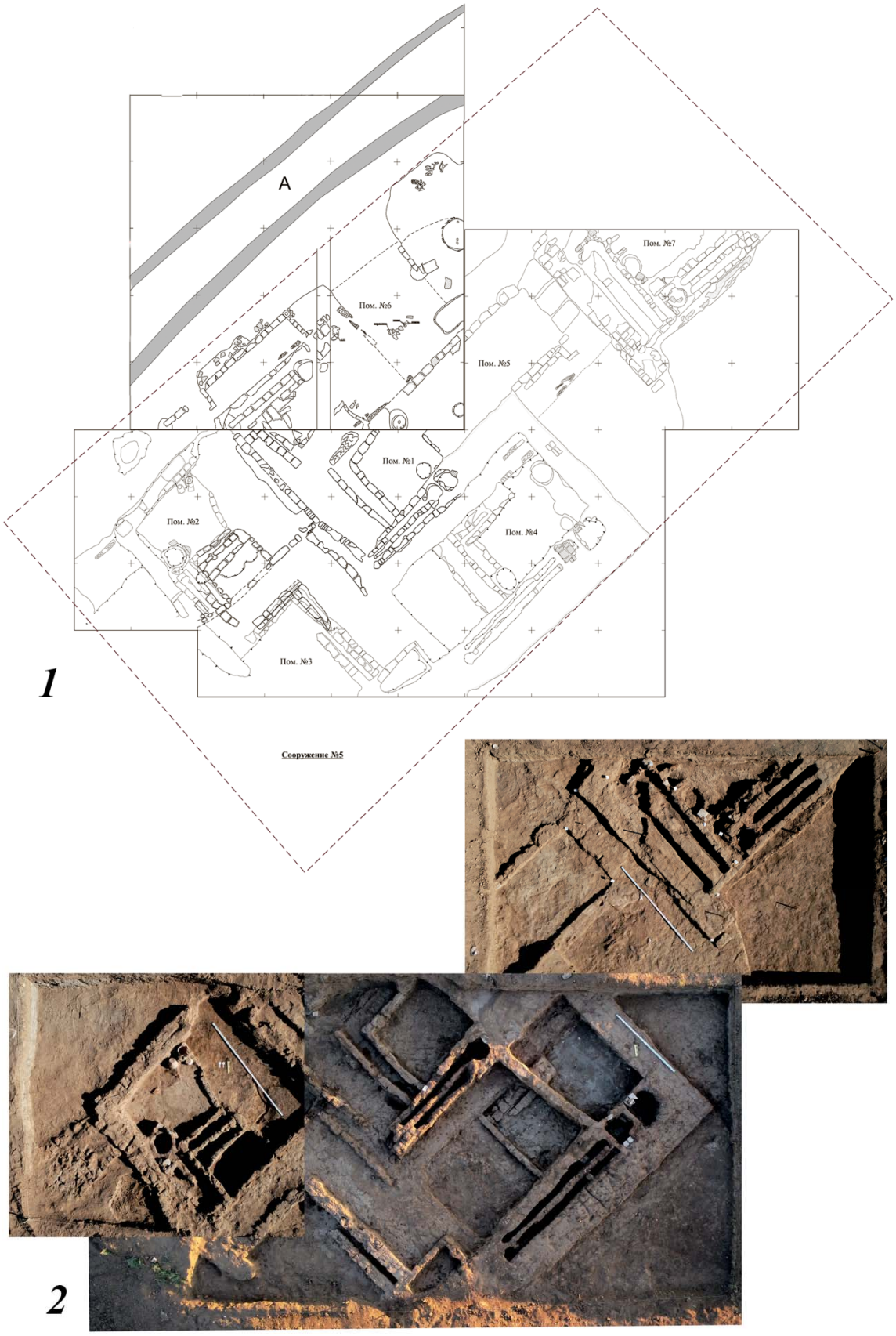

Рис. 2. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65).
1, 2 – сводный план 2-го строительного периода, южная часть

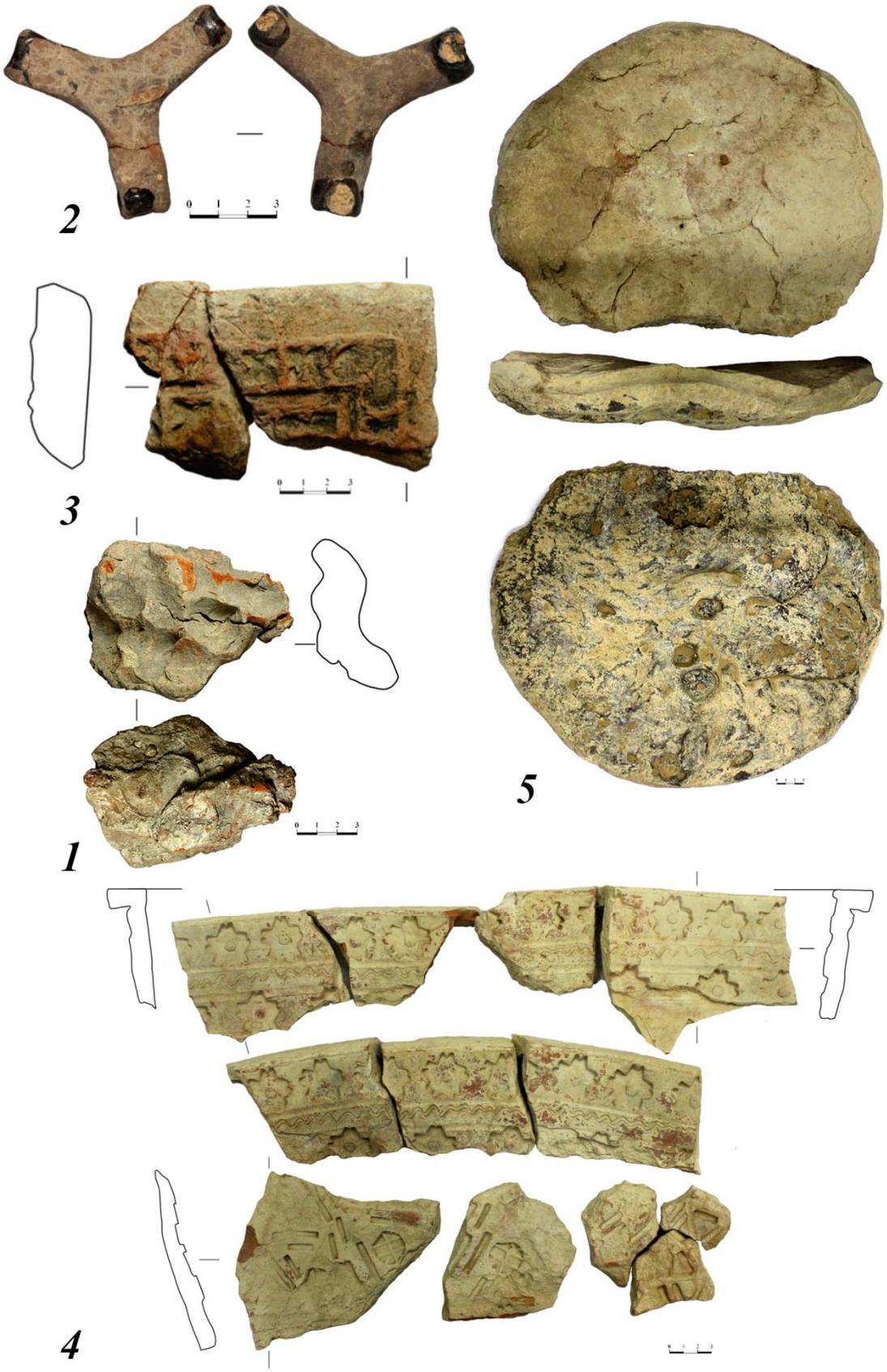

Рис. 3. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). 1, 2, 3, 4, 5 – печной припас и приспособления для керамического производства

Рис. 4. Селитренное городище. Раскоп № LXV (65). 1, 2, 3, 4, 5 – бракованная керамика

приспособления необходимые не только для горна, но и для изготовления изделий, здесь есть как каменные и глиняные терочники для перемалывания красителей и компонентов, так и матрицы для изготовления изразцов и формы-калыпы для массивных блюд с ярким резным декором, миски с известью. Еще одной яркой находкой является предмет похожий на гончарный круг (D–44 см) (рис. 3, *5)*. Массивный круглый диск из глины, ошлакованный от сильного огня, лежавший на суфе в одном из сооружений. Из поволжских памятников известен только один подобный предмет, найденный ПАЭ в 1973 на Водянском городище (D–19,5 см) [6, с. 196–197], однако он отличается отверстием в центре и желобом по краю. Этот диск может также являться полочкой для обжига посуды в горне.

В границах исследованного участка было обнаружено несколько тысяч фрагментов ошлакованной керамики и кирпича. Статистический и визуальный анализ фрагментов позволяет предположить, что данный квартал специализировался на производстве неполивной керамики. Судя по некоторым деталям бракованных и ошлакованных венчиков и донец – это неполивные кувшины с одной ручкой, миски с широким венчиком или туваки, крышки и горшки с плоским дном (рис. 4, *1–5*).

Единственный, проведенный на данный момент, естественно-научный блок исследованный – это археоботаническое изучение строительных материалов. Было размыто некоторое количество сырцовых кирпичей из разобранных после изучения построек. Кирпичи в археологическом плане оказались относительно стерильны. Были выделены только осоковые, марь и очень мало проса в составе кирпичей, т.е. можно предположить, что они делались на отдельной площадке, вдали от жизненных процессов и мусора, от культурного слоя. К примеру, на другом раскопе рисуется более широкая картина археоботанического спектра в составе кирпичей.

В ходе раскопок с площади менее 300 кв.м. было обнаружено около 200 медных и 3 серебряных монеты. Больше всего было утеряно вдоль улицы и у внешних стен домов, есть два небольших клада из трех и пяти монет. В настоящее время определены 54 монеты.

Эмитент	Время чеканки	Количество
Узбек хан, Сарай ал-Джедид	2-я половина 1330-х гг.	20 шт.
Джанибек хан, Сарай ал-Джедид	1340-е гг.	16 шт.
Джанибек хан, Сарай ал-Джедид	1350-е гг.	11 шт.
Хизр-хан, Сарай ал-Джедид	1360–1361-е гг.	2 шт.
Кильдибек, Сарай ал-Джедид	1361–1362-е гг.	1 шт.
Хайр-Пулад, Сарай ал-Джедид	1362–1363-е гг.	1 шт.
Азиз-шейх, Сарай ал-Джедид	1366 г.	3 шт.

Таким образом, по нумизматическим данным четко реконструируется период существования этой части города Сарая, с 1330-х гг. до конца 1360-х гг. Наибольшего расцвета он достиг при ханах Узбеке и Джанибеке. В это время здесь были построены дома ремесленников, представляющие собой постройки из сырцового кирпича с небольшим количеством обожженного кирпича. В стандартное обустройство золотоордынского дома была добавлена специфика этого района. Так в качестве строительных материалов здесь использовалась бракованная керамика, ею делались различные вымостки вокруг домов, она использовалась в укреплении стен и заполнении суф. Кроме того, в этих домах было обнаружено большое количество одинаковых видов посуды т.е. они выполняли не только роль жилых построек, но и являлись складами изготовленных на продажу товаров.

В первый строительный период, определяемый монетами периодом правления хана Узбека, на этом месте существовала улица с отдельно стоящей уличной конструкцией с навесом, возможно горном (?). Рядом с улицей была выкопана яма-водоем. Затем, во 2-й период предполагаемый горн (?) был разрушен и на его месте возведен еще один жилой дом (многокомнатное сооружение с 6–7 комнатами), однако спецификация деятельности населения квартала сохранялась, об этом говорят характерные находки. В целом можно предположить расширение мастерской и перенос горна в другое место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиливинская Э.Д. Охранные раскопки на юго-восточной окраине Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2024. №3. С. 81–93.

2. Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище): монография // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7. Йошкар-Ола: Марийский гос. университет, 2015. 208 с.

3. Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11 / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Йошкар-Ола: Марийский гос. университет, 2019. 244 с.

4. Пигарев Е.М. Археологические исследования Селитренного городища в 2019–2020 гг. // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 35–49.

5. Рудаков В.Г. Отчет об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей // Архив ИА РАН. Ф.1, Р.1, №22894. С. 60–61.

6. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Из-во МГУ, 2001. 256 с.

Сведения об авторе: Екатерина Михайловна Болдырева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников, Государственный исторический музей (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2190-4490). E-mail: embold@mail.ru

STUDY OF THE RESIDENTIAL ARTISANS' QUARTER AT SELITRENNOE SETTLEMENT. BY THE EXCAVATIONS' MATERIALS OF THE LOWER VOLGA EXPEDITION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM IN 2022–2024

E.M. Boldyreva
State Historical Museum

The article presents preliminary results of archaeological research in the peripheral part of the Selitrennoe settlement. Here, 6 dwelling houses, more than a dozen utility and construction pits, several outdoor tandoor ovens, a fragment of a medieval street and city square, as well as a massive more than 3 meters deep and in diameter pit-reservoir (hauz?) with water drainage system, were discovered and partially explored. During the first construction period, defined by coins as the period of the reign of Uzbek Khan, there was a street on this site with a separate street structure, possibly a furnace. Then, in the 2-nd period, the possible furnace was destroyed and another residential building, which was a multi-room building, was erected in its place. A large number of identical types of ceramics were found in these buildings, i.e. they not only served as dwelling houses, but also served as warehouses for goods manufactured for sale.

Keywords: archaeology, Lower Volga region, Golden Horde, Selitrennoe, craft district, medieval layout, furnace, ceramic production

About the author: Ekaterina M. Boldyreva – Cand. Sci. (History), Research Fellow of the Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2190-4490. E-mail: embold@mail.ru

УДК 904

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ПОДВЕРЖЕННЫХ ДЛИТЕЛЬНОМУ АНТРОПОГЕННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ (НА ПРИМЕРЕ ОАН «СОЛОДОВСКИЙ ПРИГОРОД ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА»)

А.Н. Каверин
АНО «Институт культурного и материального наследия»

Цель исследования – показать возможность выявления, постановки на охрану государства и изучения объектов археологического наследия (ОАН), находящихся в округе Царевского городища, которые подвергались антропогенному воздействию в течении длительного периода времени. Материалы исследования: картографические материалы XIX века, созданные военными топографами под руководством начальником межевания казенных земель Саратовской губернии подполковником Н.К. Тетеревниковым в 1842 году, архивные аэрофотосъемки XX века, современные космоснимки (Google Earth Pro, SAS.Planet), археологические отчеты о работах на объектах округи Царевского городища. На практическом опыте изучения археологических объектов ОКН «Солодовский пригород Царевского городища» показано, что памятники археологии золотоордынского времени в округе Царевского городища, подвергавшиеся нивелировке и длительной распашки, остаются информативными и доступными для исследования. Обозначена проблема выявления и изучения подобных памятников, намечены некоторые наиболее срочные и перспективные направления исследований и их возможные методы.

Ключевые слова: Золотая Орда, археология, Царевское городище, Солодовский пригород, раскопки

Царевское городище – один из важнейших памятников золотоордынской эпохи на территории России. Городище является вторым по величине археологическим памятником золотоордынского времени в Нижнем Поволжье и крупнейшим памятником в Волгоградской области. Исследователи XVIII – начала XIX вв., описывавшие развалины золотоордынского времени вдоль р. Ахтубы, писали о почти непрерывной цепочке развалин, тянущейся на более, чем 55 км от села Безродного (современный г. Волжский) до села Колобовки и дальше. В результате сложился миф о колоссальных размерах Царевского городища, очевидно, не соответствующий действительности. Ряд публикаций А.А. Глухова был посвящен развенчанию этого мифа и уточнению границ памятника [3, с 92–111; 4, с. 249–254; 5, с. 57–60]. Официально границы объекта культурного наследия федерального значения «Развалины Сарай-Берке (Новый Сарай)» были установлены усилиями археологического отряда Гюлистан Волжского Гуманитарного Института (филиала) Волгоградского Государственного Университета под руководством к.и.н. Глухова А.А. (приказ Министерства культуры Волгоградской области №01-2-/167 от 04.07.2012 г.). Площадь памятника составляет 10,66 км^2. Объекты золотоордынского времени за пределами этих границ, упомянутые в описаниях путешественников прошлого, являются округой средневекового города и отдельными памятниками непрерывной полосы оседлости, существовавшей по левому берегу р. Ахтубы в средние века. Очевидно, что эти археологические объекты имеют самостоятельную историческую и научную ценность, при этом они остаются практически не исследованными и не имеют охранного статуса.

Поиск и изучение этих объектов представляется важной и перспективной задачей современной археологии. Но в настоящий момент левый берег р. Ахтуба достаточно густо заселен и на протяжении многих лет активно подвергается антропогенному воздействию – сельскохозяйственной распашке, разработке карьеров, жилой и хозяйственной застройке. Многие памятники золотоордынского времени уже безвозвратно утрачены и почти все – в результате хозяйственной деятельности практически не проявлены в рельефе местности.

До недавнего времени считалось, что археологические объекты на территориях, подверженных длительной распашке, практически полностью уничтожены и не представляют интереса для изучения. Однако даже на территориях сельских поселений, в кварталах жилой застройки, где памятники археологии никак не проявлены ни в рельефе, ни подъемным материалом – в результате хозяйственных работ зачастую выявляются значимые и достаточно сохранные объекты золотоордынского времени. Например, при прокладке лини газопровода на территории Царевского сельского поселения 2011 году были обнаружены и в дальнейшем исследованы два объекта: крупная печь для получения строительной извести (в ЮЗ части села на ул. Набережной) и часть крупного сооружения жилого или общественного характера (СЗ части с. Царев в северной части ул. Буденного).

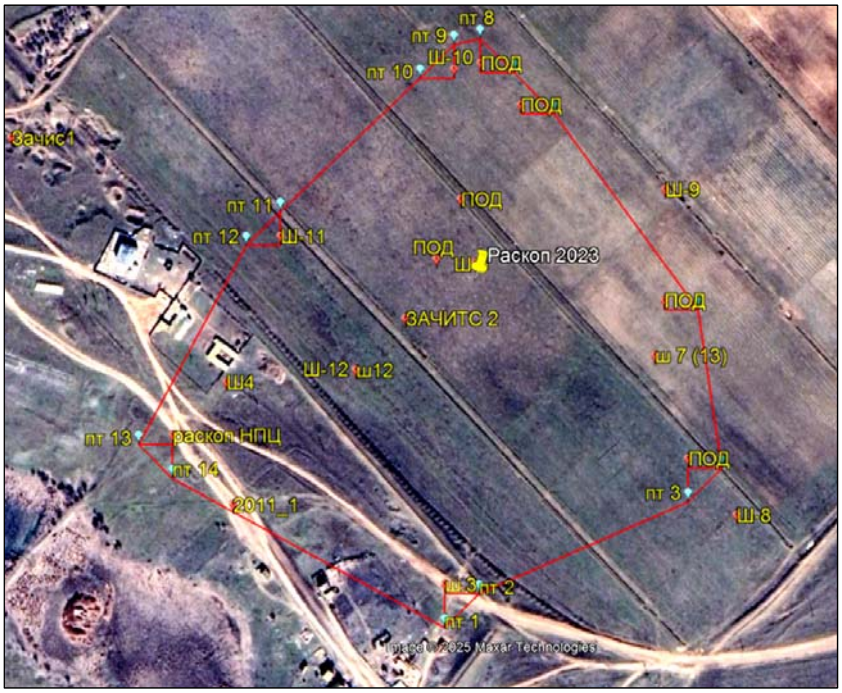

Рис. 1. Границы территории СПЦГ на космоснимке

Рис. 2. Границы территории на плане Н.К. Тетеревникова

За пределами границ памятника в 2011 году археологическим отрядом «Гюлистан» были произведены археологические раскопки на правом берегу р. Царевочки. Был исследован крупный горн для обжига кирпича, частично разрушенный строителями в 2010 г. при сооружении карьера, а также несколько хозяйственных ям. Исследованный горн относился к типу двухкамерных прямоугольных горнов для обжига кирпича. Рядом с горном исследована яма хозяйственного назначения, которая применялась для сброса остатков горения из горна и выброса мусора. Комплекс датируется 30–40-ми годами XIV в.

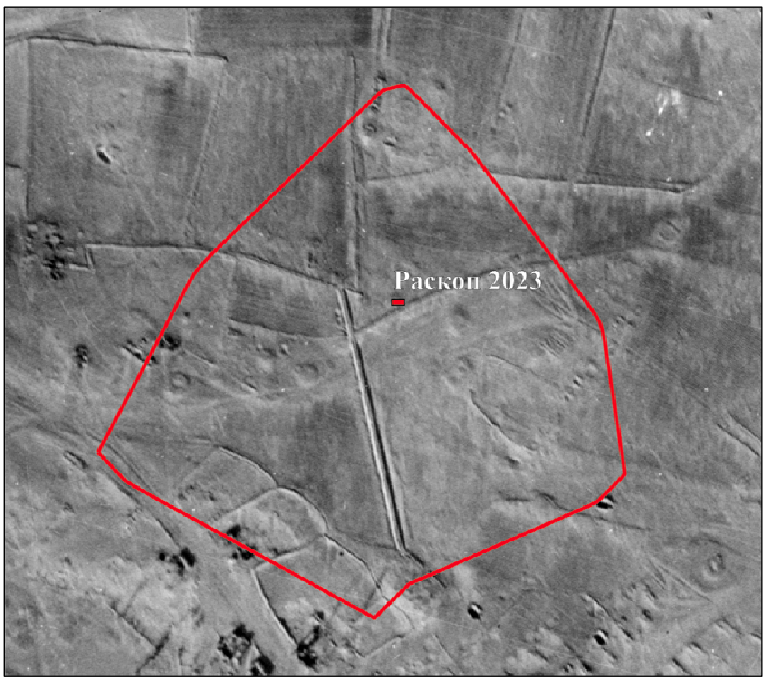

Рис. 3. Архивная фотосъемка территории ОАН «СПЦГ»

Рис. 4. ОАН «Солодовский пригород Царевского городища». Раскоп 2023 г.

В октябре – декабре 2013 г. сотрудниками ВООО «Волго-Донское археологическое общество» под руководством А.А. Глухова осуществлялись археологические наблюдения в зоне строительства объекта «Газораспределительная сеть низкого и среднего давления с Солодовка, с. Царев, Ленинский район, Царевское сельское поселение (2-я очередь), проектирование». В процессе работ, в ЮЗ части с. Солодовка (в районе ул. 23 съезда КПСС) был обнаружен объект, обладающий признаками объекта культурного наследия, датируемый золотоордынским временем. При зачистке бортов траншеи были выявлены общие контуры ямы землянки и двухканальный кан, сложенный из обожженного и сырцового кирпича. Кроме того, в месте разрушения объекта в траншеи были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики, обломки костей животных и фрагменты кашинного архитектурного декора.

В ноябре 2014 г. археологической экспедицией ГБУК ОНПЦ под руководством Е.Н. Магилина были выполнены археологические полевые работы (раскопки) данного объекта. В процессе охранно-спасательных археологических работ был заложен раскоп общей площадью 76 кв. м. Мощность культурных напластований в пределах площади раскопа составляла от 20 до 45 см. В процессе разбора культур-

ных напластований исследованы котлованы двух землянок. Вдоль юго-восточных стенок обеих землянок располагались двухканальные каны, сложенные из обожженного кирпича.

Данные работы показали наличие золотоордынских объектов и перспективность их изучения на территориях западнее границ Церевского Городища. Огромное значение для изучения Царевского Городища имеет первый инструментальный план, снятый в 1842 году начальником межевания казенных земель Саратовской губернии подполковником Н.К. Тетеревниковым. План является уникальным источником по топографии Царевского городища. До недавнего времени план Н.К. Тетеревникова был известен исследователям только по публикации Т.В. Гусевой. В статье, посвященной истории изучения Царевского городища, она опубликовала фрагмент плана, найденного в 1970-х гг. В.Л. Егоровым в фондах Российской государственной библиотеки. Целиком этот план опубликован не был. В 2013 г. Н.И. Савельевым был вновь выявлен в архивах важный картографический источник [7, с. 35–48]. Так называемый «Малый» план имеет масштаб в дюйме 200 сажень и охватывает местность протяженностью около 12 км, от р. Кальгуты на западе до окончания с. Колобовка на востоке. В публикации Т.В. Гусевой фрагмент плана не отображал территорию за Солодовскими ериками, план же, выявленный Савельевым Н.И, предоставил такую возможность. Наложение планов Тетеревникова Н.К. на современную карту показали, что к западу и северу от основных развалин Царевского Городища находится значительное количество не выявленных и не изученных археологических объектов, представляющих интерес для исследователей. Одним из таких участков был выделен Глуховым А.А., под названием «Солодовский пригород» [6, с. 55, 56].

В 2020 г. на основании планов Тетеревникова на данной территории автором статьи были проведены разведывательные археологические работы. Согласно плану Тетеревникова на данном участке расположены скопления более 30 объектов, часть из которых имеют ограду (рис. 2). Также на «малом» плане выделяется большая огороженная усадьба (по первоначальному предположению, полностью уничтоженная жилой застройкой [6, с. 55, 56]), внутри которой расположен внушительных размеров водоем и строение (около 50 х 20 м). Размеры комплекса около 200 х 200 метров. В данный момент этот участок представляет собой поле. Архивная аэрофотосъемка показывает на нем нивелировку местности бульдозером и многолетнюю распашку, строения позднего периода (рис. 3). Весной 2020 года был проведен визуальный осмотр местности и собран значительный подъемный материал, относящийся ко времени существования Царевского Городища. Также были заложены археологические шурфы, часть из которых выявила объекты, обладающие признаками ОАН. Шурф №5 показал богатый керамический и остеологический материал, в том числе можно выделить тыльник металлического ножа. Шурф №7 показал угол строения средневекового здания.

В результате произведенных в 2020 г. работ к западу от основной границы ЦГ удалось выявить и поставить на охрану государства новый объект археологического наследия **(**ОАН), относящийся к эпохе золотоордынского государства – Солодовский пригород Царевского Городища (ОАН «СПЦГ») (рис. 1, 2).

В 2023 г. работы на данном памятнике были продолжены. На участке южнее шурфа №5 представлявшегося наиболее перспективным для изучения, автором данной статьи был заложен раскоп площадью 32 м² (рис. 4).

На исследованном участке после снятия пласта 2 было обнаружено тошнау (Сооружение 1), в которой сохранилась выкладка пола и до 3-х рядов кирпичей стен (рис. 5). Сооружение 1 представляет собой кирпичную кладку в виде квадрата, сложенную из золотордынского обожженного кирпича. В кладке преобладают расколотый и деформированный кирпич, целый кирпич имеет размеры – 20 х 20 х 5 см. Кладка частично разрушена распашкой, но общие контуры сохранились достаточно хорошо.

Сооружение 1 имеет хорошо сохранившуюся северную стену (стена 1) в два/три уровня кирпичной кладки высотой от 0,12 до 0,2 м. Восточная стена (стена 2) имеет два/три/ четыре уровня кирпичной кладки высотой от 0,11 до 0,25м. Южная стена (стена 3) сооружения сохранилась в виде одного ряда кирпичей и имеет высоту до 0,05 м. Западная стена полностью утеряна. Кирпичи в кладке соединены глиняным раствором. Пол Сооружения 1 вымощен обожженным кирпичом и имеет общее понижение в центральной части. В центре Сооружения 1 имеется прямоугольная яма 1 размером 0,4 х 0,8 м вытянутая по линии С-Ю. Яма 1 имеет неровные вертикальные стенки. В северной части ямы 1 имеется ступенька шириной 0,1 м. В южной части ямы 1 также расположена ступенька в форме полумесяца шириной от 0,18 до 0,25 м. Внутренние размеры помещения: 1,42 м в районе стены 1, 1,46 м в районе стены 2, 1,3 м в районе стены 3, 1,18 м с западного края сооружения. Внешние размеры помещения: 1,63 м в районе стены 1, 1,68 м в районе стены 2, 1,5 м в районе стены 3. В южной части Сооружения 1 распложен вход в помещение шириной 0,85 м, который имеет глиняное основание неправильной формы размером 0,65 х 0,85 м и толщиной до 0,03 м. Глиняная вымостка имеет общее понижение к центру (рис. 5).

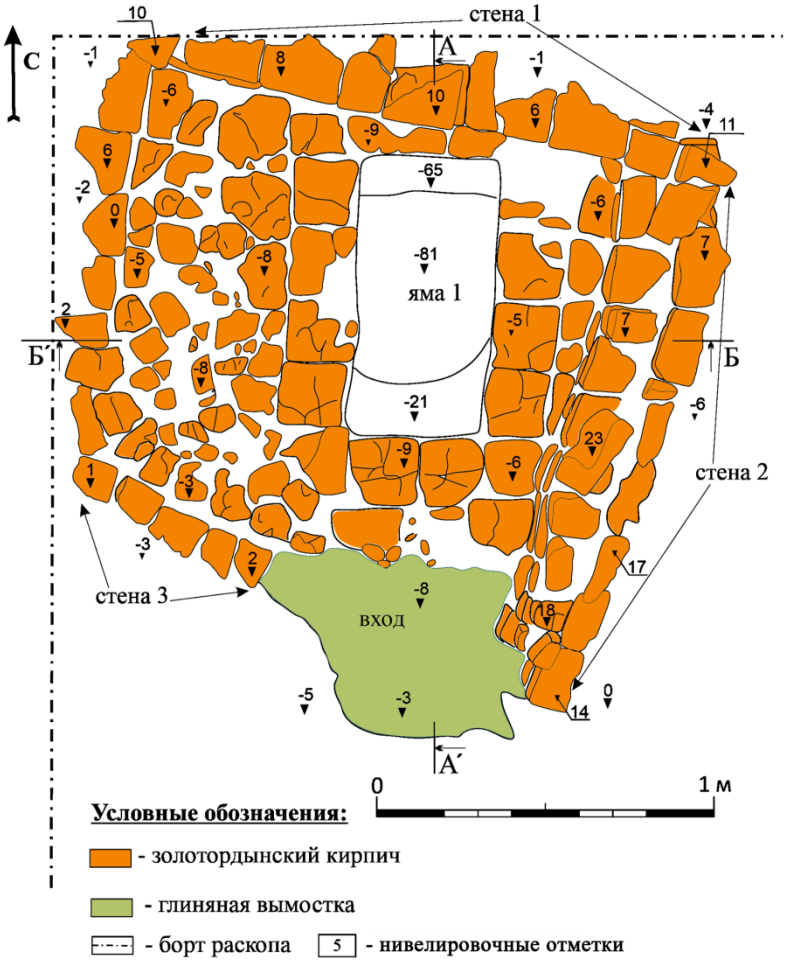

Рис. 5. ОАН «Солодовский пригород Царевского городища».
Раскоп 2023 г. Сооружение 1. План

В заполнении Сооружения 1 были обнаружены 19 фрагментов красноглиняной керамики: 11 шт. – стенки, 1 шт. – ручка, 2 шт. – дно, а также 4 стенки и 1 венчик с поливой (*вероятно принадлежат одному сосуду*). Также в заполнении Сооружения 1 встречались фрагменты обожжённого кирпича.

Кроме того, на сравнительно не большом раскопе было обнаружено 5 хозяйственных и две столбовые ямы, что предположительно может указывать на локализацию хозяйственного двора, а, следовательно, близость крупного жилого строения. Остеологический материал, найденный на раскопе, подтверждает данную теорию. Археолозоологический анализ, выполненый к.и.н. Л.В. Яворской, показал, что основной массив костных остатков происходит от определимых «мясных» домашних копытных – 65,6%. Наиболее многочисленные костные остатки в данной коллекции принадлежат основным для золотоордынских поселений видам домашних копытных: крупному и мелкому рогатому скоту, а также лошади. В коллекции нет остатков свиньи, но зато есть кости животного более приближенного к степному и полупустынному ландшафту – верблюда (3 фрагмента). Иерархия костных остатков основных «мясных» видов в остеологическом спектре следующая: на первом месте остатки МРС (35,5,1%), на втором, КРС (22,1%), на третьем – остатки лошади (7,1 %). Следы на костях этих животных отчетливо маркируют кухонное происхождение большинства археозоологических материалов на данном раскопе [1].

В анатомическом наборе основных «мясных» животных присутствуют не все части их скелетов. В особенности это относится к наиболее многочисленным видам – мелкому и крупному рогатому скоту: почти нет остатков черепа, мало костей позвоночника, грудной клетки и дистальных частей, в основном остатки окорока – мясных частей конечностей, а также лопаточных и тазовых костей. Возраст забоя животных варьирует от полувзрослых до взрослых. Вся совокупность данных – от характера разделки до анатомического набора свидетельствует о том, что животных здесь не выращивали и не разводили, ямы заполнены «кухонными» остатками, а характер самого поселения городской.

Основным мясным продуктом с большим «отрывом» была говядина – 64%. Конина и баранина составляли близкие доли около 18,8% и 17,1% соответственно. По полученным данным памятник действительно является поселением городского типа, так называемым «пригородом» из состава широкой агломерации Царевского городища.

Среди находок на данном раскопе выделяются:

– Монета медная. Анонимный не датированный пул. Av: «Чекан Сарая ал-Джедид/740-е гг.х./ шестнадцать – данг», Rv: «Стилизованный двуглавый орел». Диаметр – 1,5 см., вес – 0,8 гр.

– Монета медная. Анонимный не датированный пул. Av: «Чекан Сарая ал-Джедид/752 г.х.», Rv: «Цветочная розетка». Диаметр – 1,7 см, вес – 2,3 гр.

– Монета медная найдена в заполнении Соор.1. Анонимный не датированный пул. Av: «Чекан Сарая ал-Джедид/752 г.х.», Rv: «Цветочная розетка». Диаметр – 1,7 см., вес – 1,9 гр.

– Гвоздя железного фрагмент найден в заполнении ямы №6. Гвоздь кованный, хвостик загнут. Длина фрагмента – 0,7 см, диаметр шляпки – 0,7 см, толщина ножки – 0,2 см.

– Бусина стеклянная найден в заполнении ямы №6. Бусина округлая, рубинового цвета. Высота – 0,3 см, диаметр – 0,6 см, диаметр отверстия менее 0,1 см.

– В яме №6 обнаружен набор из 6 астрагалов (таранных костей) МРС. На них есть следы вычленения их из связки с пяточной костью.

– В яме №3 обнаружен остаток изделия, выполненный из кости. Это верхняя треть таранной кости КРС с просверленными двумя полуотверстиями (одно сверху внутрь и другое с медиальной стороны также, внутрь). В процессе изготовления заготовка сломалась и отверстия не были залиты металлом. Предположительно будущее изделие было предназначено для игр.

Нумизматический материал с раскопа позволяет датировать данный комплекс 740–750 гг.х.

Культурный слой на распаханной территории оказался фактически в той же сохранности, что и на участках с ярко выраженным микрорельефом. Микрорельеф на памятниках золотоордынского времени на Нижней Волге чаще всего формировался из отвалов битого кирпича при добыче в XVIII–XIX веках строительного материала из древних построек, сами фрагменты неразобранных стен и фундаментов зданий остаются в траншеях, заплывших при осыпании отвалов. Распашка и даже нивелировка местности бульдозером разравнивали насыпи отвалов, зачастую не задевая остатков строений. Степень сохранности объекта в большей мере зависит от того, насколько они были разобраны в прошлом. Даже на участках с высоким микрорельефом стены строений зачастую фиксируются только по отпечаткам давно выбранного кирпича на материке.

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что раскоп 2023 и шурф 2020 года расположены вблизи крупного жилого строения XIV века. При дальнейшем изучении данной территории здание обязательно будет найдено и локализовано. Существует большая вероятность, что данное строение обозначено на плане Тетеревникова. Если это здание будет выявлено при дальнейших археологических исследованиях, то будет возможно идентифицировать его и на плане, соответственно, остальные объекты, нанесенные топографами XIX века, возможно будет локализовать на местности с точностью до 1–2-х метров.

В 2023 г. московский исследователь Мария Анатольевна Винник выявила в фондах РГИА 16 планшетных листов с исходными листами планов Тетеревникова [2, с. 34–35]. Найденные 16 листов покрывают весь исследованный Тетеревниковым участок протяженностью 13 км. от р. Кальгуты до с. Колобовки включительно, как на ранее выявленном «малом» плане, но в большем масштабе – 50 сажен на дюйм («малый план» – 200 сажен на дюйм). Все известные ранее планы Тетеревникова являются копиями с этих 16-листов, сделанными в меньшем масштабе, с потерями точности и детализации. Наложение листов выявленного М.А. Винник плана на современную карту позволяет с значительно большей точностью определить положение отмеченных на нем археологических объектов и скорректировать выдвинутые ранее предположения. Например, большая усадьба в южной части Солодовского пригорода Царевского городища оказалась не под современной застройкой, а под насыпью вала, насыпанного для прокладки трубы водовода в советское время (сейчас труба демонтирована и вал более не используется). Именно на этом участке вала фиксируется скопление подъемного материала золотоордынского времени, очевидно, вал формировали, сгребая бульдозером землю с прилежащих участков. Потенциально объект еще доступен для исследования, а насыпь вала, возможно, обеспечила даже большую его сохранность. По результатам разведывательных работ 2020 года этот участок попал в границы выявленного памятника только частично. Так же вновь выявленный источник показал, что ряд небольших объектов Солодовского пригорода Царевского городища оказался вне границ памятника – сложились предпосылки для проведения новых разведывательных археологических работ и корректировки границ объекта.

Помимо Солодовского пригорода планы Тетеревникова дают примерные координаты еще множества археологических объектов, до сих пор не выявленных, не поставленных на охрану и не исследованных. В частности, на планах запечатлено и Колобовское золотоордынское поселение, интереснейший и важный памятник, до сих пор мало изученный и не имеющий охранной документации. Необходима системная

разведывательная работа на основании вновь выявленных картографических источников, в том числе, на территориях, подвергавшихся длительной распашке и не имеющих выраженного микрорельефа. Большим подспорьем в этой работе могло бы быть использование геомагнитной съемки и фотогамметрии, уже хорошо показавшей себя в округе Царевского городища при выявлении объектов со слабо выраженным микрорельефом [8, с. 499, 500]. Однозначно можно сделать вывод, что археологические объекты, расположенные за пределами территории ЦГ и подверженные многолетнему антропогенному воздействию, до сих пор являются актуальным источником информации, которые необходимо выявлять, ставить на государственную охрану и исследовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина Е.Е., Моралес А. Археозоологический подход к изучению устройства общества: Кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. №3 (27). С. 67–81.

2. Винник М.А., Винник М.А., Горбунова Е.А., Горбунова М.М., Пушкова А.А. Тематико-экспозиционный план музейного комплекса Царевского городища (Сарай-Берке) // Климат и природа. 2023. № 4. С. 21–83.

3. Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища // Поволжская археология. 2014. №2 (8). С. 92–111.

4. Глухов А.А. О юго-восточной границе Царевского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской конф-и (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 249–254.

5. Глухов А.А. Сведения ученых и путешественников XVIII – 1-й половины XIX в. о размерах Царевского городища // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. II. С. 57–60.

6. Глухов А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология: Монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с., 16 с. ил.

7. Савельев Н.И. «План Сарайских развалин...» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. Казань, 2013. С. 35–48.

8. Савельев Н.И. Современные методы выявления и первичного обследования памятников археологии (на примере Зубовского поселения Волгоградской области) // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева / Отв. ред. И.И. Елкина; составители О.Н. Глазунова, Д.Г. Давиденко. М.: ИА РАН, 2023. С. 497–503.

Сведения об авторе: Алексей Николаевич Каверин – специалист-археолог, АНО «Институт культурного и материального наследия» (Волгоград, Российская Федерация).

PROSPECTS FOR THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES EXPOSED TO PROLONGED ANTHROPOGENIC IMPACT (BY EXAMPLE OF THE OBJECT OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE "SOLODOVSKY SUBURB OF TSAREVSKOYE SETTLEMENT")

A.N. Kaverin

ANO "Institute of Cultural and Material Heritage"

The purpose of the study is to show the possibility of identifying, studying and placing under state protection archaeological heritage sites located in the area of the Tsarevskoye settlement, which have been exposed to anthropogenic impact for a long period of time. Research materials: cartographic materials of the 19th century, created by military topographers under the leadership of the head of surveying the state lands of the Saratov province, Lieutenant Colonel N.K. Teterevnikov in 1842, archival aerial photographs of the 20th century, modern satellite images (Google Earth Pro, SAS.Planet), archaeological reports on work on the sites of the Tsarevskoye settlement district. Research results and scientific novelty: based on the practical experience of studying the archaeological sites of the Solodovsky Suburb of Tsarevskoye Settlement Research Center, it has been shown that the archaeological sites of the Golden Horde period in the Tsarevskoye settlement district, which were leveled and plowed for a long time, remain informative and accessible for research. The problem of identifying and studying such monuments is outlined, some of the most urgent and promising areas of research and their possible methods are outlined.

Keywords: Golden Horde, archeology, Tsarevskoye settlement, Solodovsky suburb, excavations

About the author: Alexey N. Kaverin – archaeologist, ANO "Institute of Cultural and Material Heritage" (Volgograd, Russian Federation).

УДК 902(05)"6"(4)

РЕЗУЛЬТАТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК НА ПОСЕЛЕНИИ «ЗУБОВСКОЕ-2», ПРОВЕДЕННЫХ В 2024 ГОДУ

П.Г. Клименко
ООО «Нижневолжское археологическое общество»

В августе 2024 года археологическая экспедиция ООО «Нижневолжское археологическое общество» далее – ООО «НАО» под руководством Клименко П.Г. проводила археологическое обследование участка, предназначенного для строительства оросительных систем на территории Колобовского сельского поселения Ленинского района Волгоградской области. При обследовании курганного могильника Колобовка I был обнаружен подъемный археологический материал, представленный предметами керамики и кости, фрагментами красного обожженного кирпича и шлаком. Общая площадь распространения подъемного материала составила 2,8 га. Визуально были зафиксированы и сняты 15 объектов, представленные 7 возвышенностями и 8 ямами. Подъемный материал концентрируется возле возвышенностей. Для уточнения границ памятника, культурно-хронологической датировки и мощности культурного слоя было размещено восемь шурфов. В трех шурфах был обнаружен археологический материал и следы культурного слоя. Подъемный материал на памятнике аналогичен материалу, найденному в шурфах. Индивидуального или нумизматического материала не обнаружено. Археологический памятник интерпретируется как однослойное поселение. Керамический материал датируется XIV веком. Культурно-хронологически памятник относится к периоду Золотой Орды.

Ключевые слова: Волгоградская область, Ленинский район, археологические разведки, поселение, Золотая Орда

В августе 2024 года археологическая экспедиция ООО «Нижневолжское археологическое общество» под руководством Клименко П.Г. проводила археологическое обследование участка, предназначенного для строительства оросительных систем на территории Колобовского сельского поселения Ленинского района Волгоградской области. На территории объекта строительства находится три археологических объекта впервые выявленные в 1989 г. Мыськовым Е.П. и Кияшко А.В., в том числе курганный могильник «Колобовка I» [7]. При обследовании курганного могильника, который был частично разрушен распашкой и подвержен пожару, был обнаружен подъемный археологический материал, был обнаружен подъемный археологический материал, представленный предметами керамики и кости, фрагментами красного обожженного кирпича и шлаком. Данное место было кратко описано в работе А. Ильиной и П. Шишкина, по материалам исследований Креаведческой экспедиции 1926 года: «Между указанным селом и хутором Стасовым вблизи выселка расположены: группа курганов из 29 насыпей, 13 остатков золотоордынских зданий и 1 горна для обжига глиняной посуды» [2, с. 10]. Общая площадь распространения подъемного материала составляет 2,8 га. Место сбора было определено как археологический памятник поселенческого типа, предварительно определенный эпохой позднего средневековья (XIV век). Для уточнения границ памятника, культурно-хронологической датировки и мощности культурного слоя было размещено 8 шурфов.

Археологическое обследование. Объект археологического наследия был обозначен как поселение «Зубовское-2» и находится на территории Колобовского сельского поселения Ленинского района, в 8,59 км к юго-востоку от с. Колобовка (администрация), в 820 м на юго-запад от трассы 18Р-1, на пахотном поле (Рис. 1). Геоморфологически, поселение расположено на первой надпойменной террасе реки Ахтуба, южная и юго-западная граница поселения находится на краю террасы. В юго-восточной части объекта находится карьер, частично разрушивший памятник, а западная граница ограничена молодым оврагом.

На поселении были зафиксированы и сняты 15 объектов, представленные семью возвышенностями (дома) и восемью ямами. Возвышенности высотой до 0,8 м (самый большой) и диаметром до 22 м, совпадают с теми, что были сняты Мыськовым Е.П. в 1989 году. Возле них концентрируется подъемный материал. Ямы различной величины, располагаются по краю террасы, имеют глубину до 0,5м и диаметр до 5 м. Находятся на краю террасы (Рис. 2). Для выяснения культурно-хронологического периода и границ памятника, а так же сохранности и мощности культурного слоя было разбито 8 разведывательных шурфов и зачисток. Они располагались по периметру памятника в границах распространения подъемного материала и в отдалении от объектов визуально выделяемых на местности. В трех из восьми шурфов был обнаружен культурный слой и археологический материал.

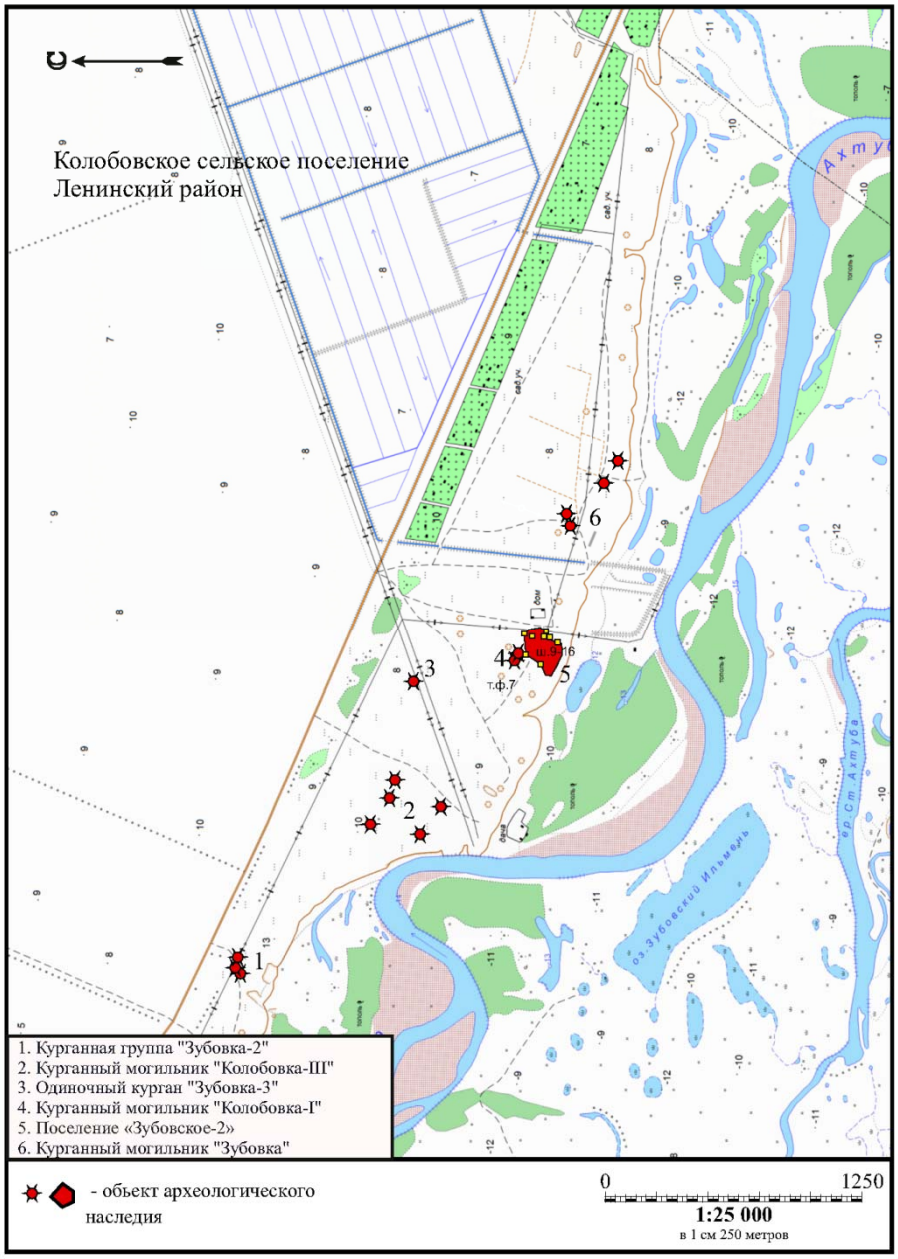

Рис. 1. Карта-схема с расположением объектов археологического наследия на территории обследования

Культурно-хронологическая характеристика археологического материала. В *шурфе 10* (зачистке), расположенной на краю карьера, было обнаружено 5 предметов археологии представленных одним фрагментом красноглиняной гончарной керамики, двумя фрагментами изразцов с синей глазурью, фрагментами гипса и костью (Рис. 3). Среди прочего в культурном слое, до 30 см от дневной поверхности встречаются фрагменты кирпича и обмазки. *Шурф 12* был расположен на восточной границе распространения подъемного материала. Археологические предметы в шурфе были найдены в 1 слое, на глубине до 30 см от поверхности и представлены: 51 фрагментом красноглиняной гончарной керамики, среди которых 3 имеют орнамент в виде прочерченных горизонтальных линий; один фрагмент кашинной посуды, с росписью темно-зеленого, синего и голубого цвета на серо-бежевом фоне, сверху покрытой глазурью, орнамент на фрагменте имеет геометрические и, вероятно, растительные линии; один фрагмент венчика селадонового сосуда, по реконструируемой форме схожего с пиалой, бледно-зеленого цвета с подглазурными косыми вертикальными линиями (Рис. 4). В слое было обнаружено 12 фрагментов кости крупных и мелких животных а так же имеются фрагменты кирпича, гипса и один фрагмент шлака. *Шурф 13* был расположен на северной границе поселения. Археологический материал в шурфе был обнаружен, так же как и в остальных шурфах, на глубине до 30 см от поверхности. Материал представлен: 12 фрагментами

красноглиняной гончарной керамики, среди которой есть один с орнаментом в виде ряда горизонтальных прочерченных линий; одним фрагментом стенки селадонового сосуда бледно-зеленого цвета, а так же ремы фрагментами кости, фрагментами кирпича и большим количеством шлака (Рис. 5). Среди подъемного археологического материала, наиболее характерными являются: фрагменты декоративной плитки с синей глазурью; донце красноглиняного гончарного сосуда, схожего по форме с типом дигиря или амфоры и венчиком кашинного сосуда с подглазурной росписью, синего, бежевого и серо-синего цвета (Рис. 6).

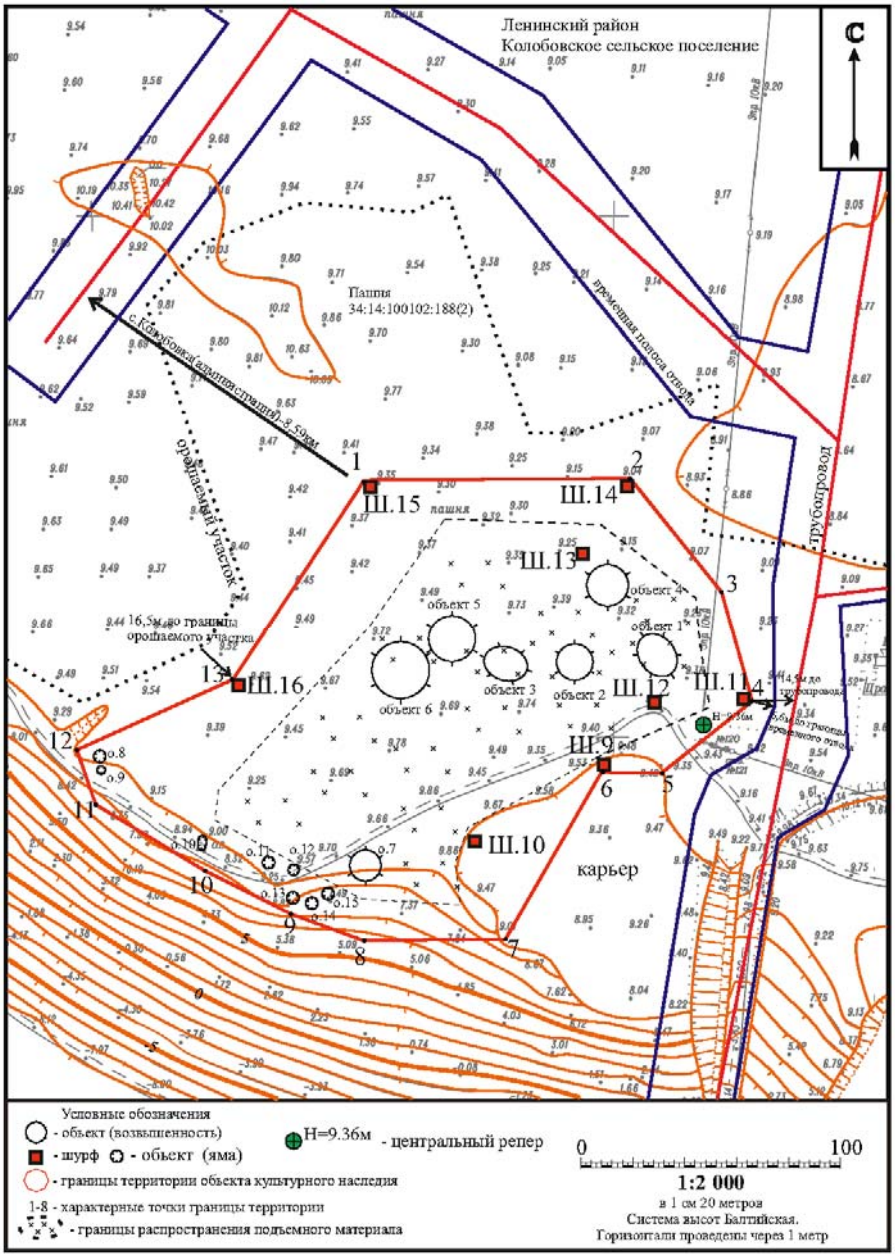

Рис. 2. Объект археологического наследия (ОАН) Поселение «Зубовское-2». Топографический план

Анализируя залегание археологического материала и его характер можно сказать, что на основной территории памятника культурный материал концентрируется в первом слое, глубиной до 30 сантиметров от дневной поверхности, и большей частью переотложен в местах наибольшей концентрации, в результате распашки в более поздний период.

Описывая и анализируя материал, были выделены наиболее характерные вещи, по которым можно было, определить характер памятника. Основной массовый материал представлен красноглиняной гон-

чарной керамикой с качественным обжигом и малым количеством примесей. Среди них встречены фрагменты, имеющие линейный горизонтальный орнамент, схожий с керамикой, найденной на Нижнем Поволжье, на территории Царевского, Водянского и Селитренного городищ [5, с. 6–7]. Следующей категорией находок являются фрагменты кашинных сосудов. Данный вид керамики встречается как на территории Поволжья так и сопредельных территорий, выделяясь на отдельные типы и отделы. Кашинные фрагменты найденные на данном поселении имеют небольшие размеры и сложны для определения, но схожи с керамикой, найденной на близлежащих памятниках золотоордынского периода, реперным из которых является Царевское городище, на которым встречаются в большом количестве подобный тип керамики Е.М. Болдыревой была составлена классификация [1, с. 93–99]. Отдельно ей, в этой статье выделяется тип кашинных изразцов, так же найденных на территории поселения. Последним типом керамики, выделяющимся среди всего материала, является два фрагмента селадоновых сосудов. Венчик, имеющий подглазурный орнамент, и небольшие размеры, возможно, является фрагментом пиалы. Второй фрагмент более крупного сосуда, первично не поддается типологии. Редко встречающийся тип керамики, тем не менее, хорошо описан в различных работах археологов. Данный вид керамики считается импортным изделием, привезенным из Китая, и имел распространение в XIV, на территории Поволжья и сопредельных территориях [3, с. 136–144; 4, с. 223–224]. На основе всех перечисленных характеристик керамического комплекса можно сделать вывод о том, что поселение существовало в золотоордынский период и предварительно датируется XIV веком.

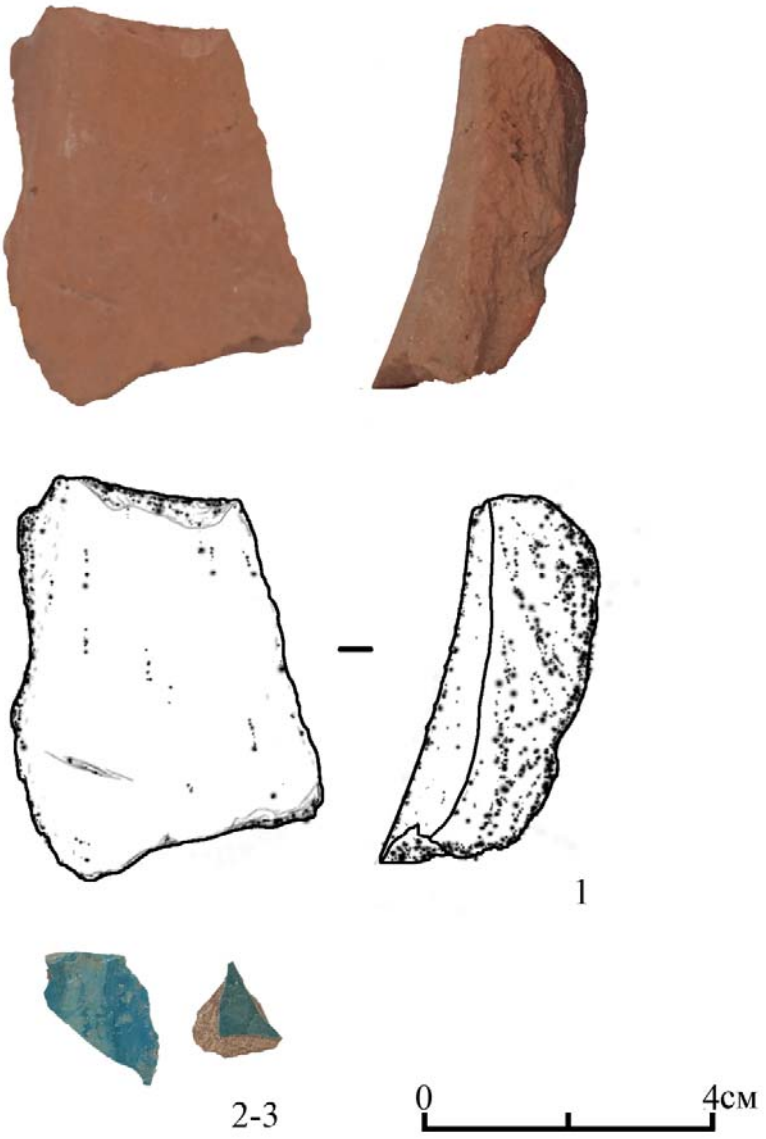

Рис. 3. ОАН Поселение «Зубовское-2». Археологический материал из шурфа 10 (зачистка).
1 – фрагмент красноглинняного сосуда; 2-3 – фрагменты изразца

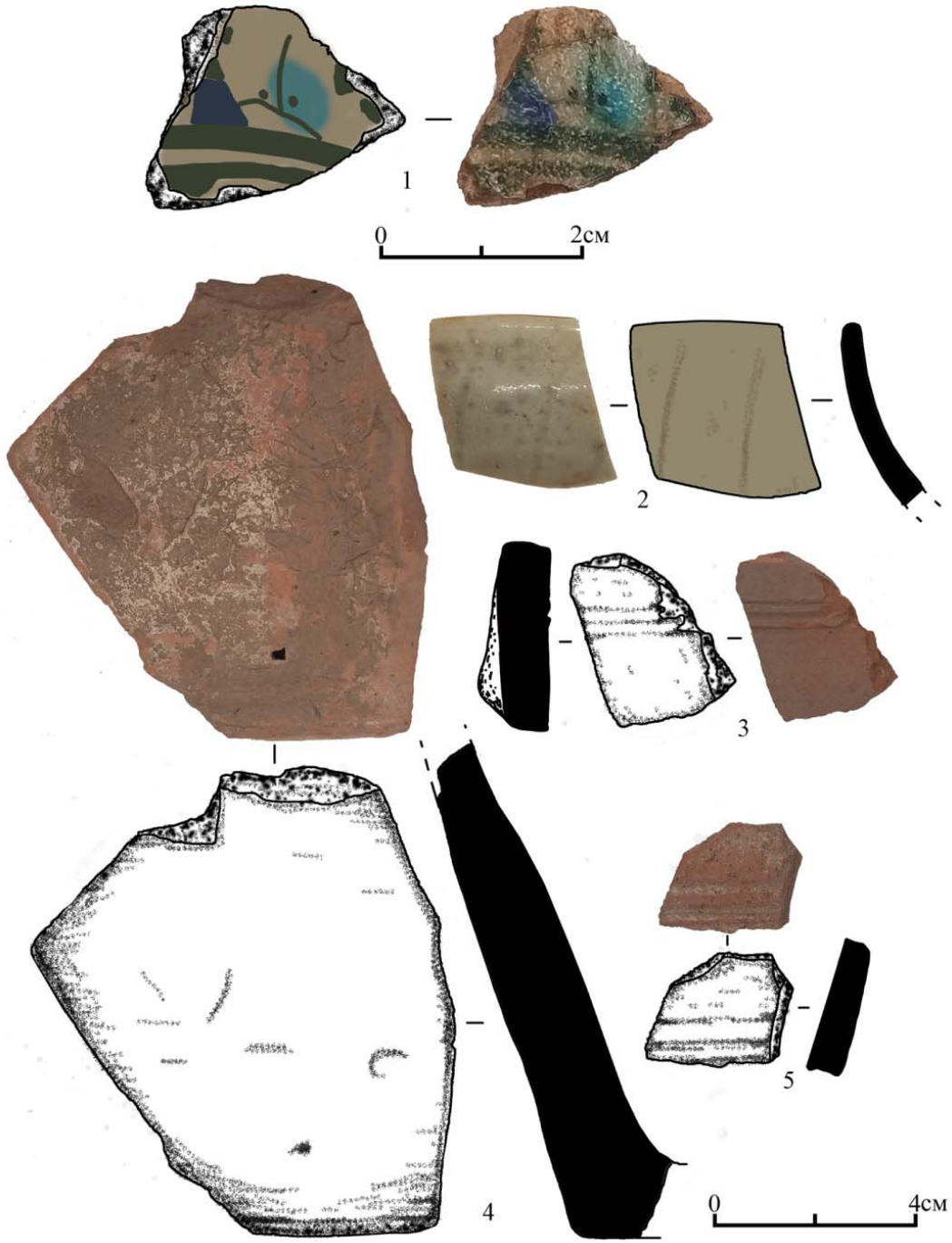

Рис. 4. ОАН Поселение «Зубовское-2». Шурф 12. Археологический материал из пласта 1.
1 – фрагмент кашинной керамики с поливной глазурью;
2 – фрагмент селадоновой керамики с поливной глазурью;
3-5 – фрагменты красноглиняной керамики

Рис. 5. ОАН Поселение «Зубовское-2». Шурф 13. Археологический материал из пласта 1.
1 – фрагмент селадоновой керамики с поливной глазурью;
2-3 – фрагменты красноглиняной керамики; 4 – фрагменты шлака

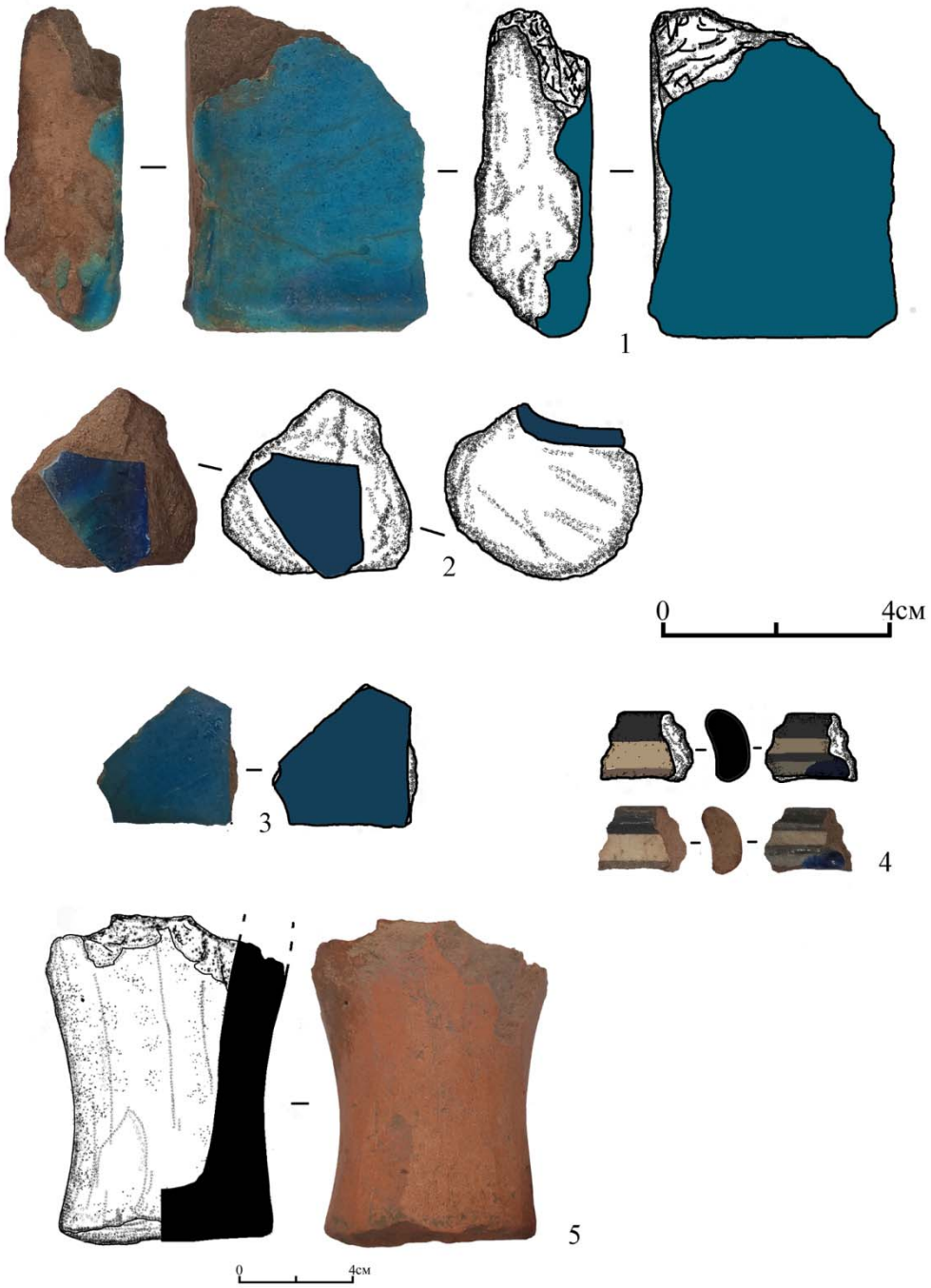

Рис. 6. ОАН Поселение «Зубовское-2». Подъемный археологический материал. 1-3 – фрагменты изразцов; 4 – фрагмент венчика кашинного сосуда с глазурью; 5 – донце красноглиняного сосуда (амфоры)

В ходе проведенных археологических работ по хозяйственному освоению территории был выявлен однослойный памятник поселенческого типа, для которого был разработан раздел по сохранению, установлены границы и определен хронологический и культурный период его существования, относящийся к периоду Золотой Орды в XIV веке. Поселение было подвержено антропологическому разрушению, из за чего не было выявлено нетронутого культурного слоя, однако были зафиксированы объекты, которые, вероятно, имеют удовлетворительную сохранность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырева Е.М. Кашинная керамика из Царевского городища в хранении Государственного исторического музея // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 93–106. https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.93.106

2. Ильина А.И., Шишкин П.Н. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского, и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929.

3. Полубоярова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // Российская археология. 2003. №3. С. 136–144.

4. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

5. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

6. Клименко П.Г. Отчет об археологических разведках в Ленинском районе Волгоградской области в 2024 году // Архив ГБУ «ВОНПЦ». Волгоград, 2025.

7. Мыськов Е.П. Кияшко А.В. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района // Архив ГБУ «ВОНПЦ». Волгоград, 1989.

Сведения об авторе: Павел Геннадьевич Клименко – магистр, научный сотрудник ООО «Нижневолжское археологическое общество» (Волгоград, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2577-4144. E-mail: serbia_1914@mail.ru

RESULT OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION AT THE SETTLEMENT "ZUBOVSKOE-2" CONDUCTED IN 2024

P.G. Klimenko
LLC "Lower Volga Archaeological Society"

In August 2024 the archaeological expedition of LLC 'Nizhnevolzhskoye archeological society' hereinafter – LLC 'NAO' under the direction of Klimenko P.G. conducted an archaeological survey of the site intended for the construction of irrigation systems on the territory of Kolobovsky rural settlement of Leninsky district of Volgograd region. During the survey of the burial mound Kolobovka I the lifting archaeological material was found, represented by ceramic and bone objects, fragments of red burnt bricks and slag. The total area of distribution of the lifting material was 2.8 hectares. Fifteen features were visually recorded and removed, represented by 7 hillforts and 8 pits. The lifting material is concentrated near the uplands. Eight pits were placed to clarify the boundaries of the monument, cultural and chronological dating and thickness of the cultural layer. Archaeological material and traces of the cultural layer were found in three pits. The lifting material at the monument is similar to the material found in the pits. No individual or numismatic material was found. The archaeological monument is interpreted as a single-layer settlement. The ceramic material dates back to the 14th century. Culturally and chronologically the monument belongs to the period of the Golden Horde.

Keywords: Volgograd region, Leninsky district, archaeological reconnaissance, settlement, Golden Horde

About the author: Pavel G. Klimenko – Master, Research Fellow, LLC "Lower Volga Archaeological Society" (Volgograd, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2577-4144. E-mail: serbia_1914@mail.ru

УДК 94

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕЦИЙ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА СОЛХАТ

Э.И.Сейдалиев[1], Д.Э.Сейдалиева[2]
[1, 2] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
[1] Институт археологии Крыма РАН
[1] Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
[2] Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Цель настоящего исследования сбор, систематизация и анализ сведений о формировании источниковой базы по изучению глазурованной керамики золотоордынского Солхата, как важнейшей части материальной культуры золотоордынского населения Крыма и сопредельных территорий. Материалами исследования послужили архивные фонды Института археологии Крыма РАН, Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Отчеты о полевых археологических исследованиях), фондовые коллекции и книги поступления музеев Крыма и Санкт-Петербурга, опубликованные архивные материалы и научные публикации.В научный оборот вводятся данные по истории формирования музейных коллекций содержащих фрагменты глазурованных изделий и целые предметы из раскопок золотоордынского городища Солхат. Всего в музейных собраниях Государственного Эрмитажа, Старокрымского литературно-художественного музея, Музея истории и археологии г. Старый Крым, Центрального музея Тавриды и Государственного исторического музея содержаться около 24 тыс. фрагментов и целых форм глазурованных изделий происходящих из Солхата. До настоящего исследования эти коллекции введены в научный оборот лишь частично.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Крым, Солхат, керамический комплекс, археология, музейные коллекции

Благодарность: Авторы выражают благодарность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику отдела Востока Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровскому за возможность работы с отчетами и материалами раскопок и кандидату исторических наук, декану исторического факультета КФУ им. В.И. Вернадского В.Е. Науменко за консультации при подготовке материалов исследования.

В письменных источниках ремесленное производство городов Золотой Орды, в том числе и Солхата, практически не освещено. Иосафат Барбаро упоминал кочевников области Дешт-и-Кыпчак, среди которых присутствовали «ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [9, с. 148]. Плано Карпини писал о том, что монголы сохраняют жизнь «ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия...» [6, с. 59].

Тем не менее, каких-либо конкретных сведений о местном керамическом производстве в этих письменных источниках не содержится. Керамические изделия являются наиболее массовой категорией находок при раскопках практически любого археологического памятника. При этом массив глазурованной продукции важен, поскольку она демонстрирует различные аспекты жизни населения, который ее производил и использовал. Анализируя, покрытые поливой изделия, можно сделать выводы об уровне художественной культуры, моде и вкусовых предпочтениях и, конечно, о культурных традициях, заимствованиях и взаимовлияниях разноэтничных и поликонфессиональных компонентов, особенно в такой богатой и разносторонней культуре, носителем которой и было население Улуса Джучи.

Вся информация о керамическом производстве Солхата, которой мы можем сейчас располагать, происходит из раскопок данного памятника, в связи с чем следует обратиться к материалам его археологических исследований, сведения о которых содержатся в отчётах о полевых работах, музейных коллекциях и каталогах, либо научных публикациях.

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация археологических отчетов, музейных коллекций и публикаций, содержащих сведения о глазурованной керамике, и анализ этих материалов, как источника по истории материальной культуры золотоордынского Крыма. В связи этим, были проработаны архивные фонды Института археологии Крыма РАН, Отдела Востока Государственного Эрмитажа, фондовые коллекции и книги поступления музеев Крыма и Санкт-Петербурга, опубликованные архивные материалы и научные публикации.

Полноценные и масштабные археологические исследования в г. Старый Крым начинаются в 20-е гг. XX в. Однако археологические отчёты об исследованиях 20-30-х гг. XX в. в Солхате, к сожалению, не сохранились. Доступны лишь полевые дневники и описи находок, составленные одним из членов экспедиции У. Боданинским, которые дают фрагментарные сведения о характере и результатах этих работ [1, с. 92–153]. Кроме того, общая информация об этих исследованиях присутствует в некоторых публикациях их авторов. Дальнейшие раскопки на городище продолжились спустя почти 50 лет. С 1978 г. силами Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа начинаются систематические раскопки городища, которые позволили сформировать современную источниковую базу материальных источников по его истории.

Общая площадь археологических исследований городища Солхат на сегодняшний день составляет более 7 тысяч м^2. Всего на территории городища и его округи на данное время известны 17 крупных архитектурно-археологических объектов: мечеть хана Узбека, медресе Инджибек-хатун, мечеть Куршун-Джами, так называемая «мечеть Бейбарса», Мускусная мечеть, караван-сарай, мавзолей на территории предпортальной площади мечети хана Узбека, архитектурный объект (мавзолей) на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша, «курган Мамая», христианский храм, кенасса, сельское поселение Кринички II, ремесленное поселение Бокаташ, комплекс оборонительной стены с башнями, средневековая баня в Георгиевской балке, комплекс жилых и хозяйственных построек в юго-восточной части Солхатского городища, дюрбе близ водохранилища. Археологические исследования проводились почти на всех из перечисленных объектов, кроме Мускусной мечети. На двенадцати из них обнаружены закрытые и открытые археологические комплексы с показательными сериями местной и привозной глазурованной керамики, которые использованы в исследовании.

Исследования на территории м*ечети хана Узбека* впервые проводились в 1925–1927 гг. экспедицией Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР под руководством профессора МГУ И. Н. Бороздина. С 1978 г. раскопки памятника возобновились экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского. До 1984 г. объект изучался систематически. В 2013 г. начаты работы на предпортальной площади мечети, примыкающей к восточной стене медресе. Вплоть до 2025 г. здесь систематически закладывались стратиграфические шурфы.

Раскопками 1978 г. исследованы фундаменты западной стены мечети и северной стены медресе, выявлены два этапа в строительстве архитектурного комплекса, из которых первый связан с возведением медресе. Исследования 1979, 1980, 1981 и 1987, 1988 гг. на внешнем стыке восточной стены мечети и северной стены медресе подтвердили эти стратиграфические наблюдения. Было установлено также отсутствие перевязи на уровне нижних кладок западного и восточного пилонов портала мечети с ее лицевой стеной и возведение портала на переотложенном культурном слое. Из этого следует, что портал мечети на самом деле является архитектурной сполией, что, в свою очередь, ставит проблему поиска местоположения первоначальной мечети хана Узбека. В сохранившемся виде мечеть относится к анатолийскому типу и находит аналогии среди памятников исламской архитектуры северной части Центральной Анатолии.

Таким образом, мечеть хана Узбека возведена во второй половине XV в. с использованием архитектурных деталей первоначальной мечети XIV в. [16, с. 148]. От ранней мечети сохранился портал с надписью о строительстве здания, сделанной в 1314 г. [5, с. 119]. Исследования у западной стены выявили также два этапа её строительства. Первый датирован не ранее середины XIV в., второй относится к 1512–1513 гг., когда мечеть получила статус соборной [5, с. 120]. Раскопки на предпортальной части памятника выявили три культурных горизонта, наиболее ранний из которых датируется второй половиной XIII в. [14, с. 68–72].

Археологические отчёты, в которых отражены результаты исследований архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека (1978–1985, 1987, 1988, 2013–2019 гг.)[1], сейчас хранятся в научном архиве

[1] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1979; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1979 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1980; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1980 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1981; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1981 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1982; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1982 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1983; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1983 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1984; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1987 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1988; Крамаров-

отдела Востока Государственного Эрмитажа. В камеральных описях содержится описание около 10 тысяч изделий, покрытых глазурью. Результаты этих раскопок опубликованы выборочно, в том числе и коллекция глазурованных керамических находок [26; 27; 28; 29; 30].

Сама коллекция поливных изделий из исследований комплекса мечети Узбека в Солхате ныне хранится в фондах Государственного Эрмитажа и Старокрымского литературно-художественного музея.

Медресе Инджибек-хатун расположено в центральной части городища и составляет единый архитектурный комплекс с мечетью хана Узбека. Медресе представляет собой квадратное в плане сооружение площадью около 800 м^2. Имеет открытый двор по периметру, вокруг которого располагались 24 кельи-худжры (жилые помещения) прямоугольные в плане и перекрытые арками [10, с. 125–210]. Медресе археологически изучалось в 1980–1983 гг. на общей площади более 1100 кв. м. Выявлены и исследованы ряд конструкций основного сооружения общей площадью свыше 837 кв. м, в том числе 14 худжр для учеников, два (?) помещения для проживания учителей и одно помещение, по-видимому, предназначенное для хозяйственных нужд. В композицию медресе также входили два айвана, предназначенные для занятий в летнее время, три помещения для зимних занятий в западном секторе памятника, аркады и сам двор, мощенный известняковыми плитами. Среди инженерных сооружений выделим конструкцию колодца, предназначенного для сброса ливневых стоков двора, и водостока под полами южных помещений комплекса. Канал водостока предназначался для отвода уличных стоков из-за западной стены медресе и имел протяжённость 29,13 м. Необходимо отметить перестройку, связанную с обустройством дюрбе – усыпальницы для захоронения основательницы медресе Инджибек-хатун (ум. в 1371 г.). Два погребения катакомбного типа, выявленные под каменной вымосткой в юго-западной части двора, и хозяйственная яма XIII в., обнаруженная под основанием фундамента северной стены, свидетельствуют, как минимум, о двух периодах использования данного участка городища до возведения здесь в середине 30-х гг. XIV ст. здания медресе. Раскопки позволили установить наличие в стратиграфии памятника двух основных культурных горизонтов, датированных, соответственно, второй половиной XIII – XIV вв. и концом XV – XVI вв.

Современный этап изучения медресе Инджибек-хатун начинается в 2014 г.[2] Раскопки 2014–2019 гг. дали богатый керамический материал, в том числе были обнаружены целые формы и фрагменты глазурованной посуды, некоторые из которых уже опубликованы.

Все археологические отчеты за многие годы исследований медресе сейчас хранятся в отделе Востока Государственного Эрмитажа, отобранные коллекции керамических изделий – в фондах Государственного Эрмитажа и Старокрымского литературно-художественного музея.

Так называемая *«мечеть Бейбарса»* Солхатского городища расположена в центральной части г. Старый Крым. Исследования на территории памятника проводились в 1979, 1980, 1986–1988 гг.[3] Здание мечети прямоугольное в плане, с внутренними размерами 13,0 × 17,2 м. Археологические раскопы здесь заложены снаружи восточной стены мечети, на стыке с ее южной стеной, у лицевой стороны северной (портальной) стены и у южной (михрабной) стены[4]. Благодаря этим работам выяснено, что до строительства мечети эта территория городища была занята городской застройкой. Из хозяйственной ямы, предшествующей мечети, происходят монеты второй половины XIV в., датирующие время ее засыпи. В другом помещении под мечетью также обнаружены монеты последней трети XIV в. [15, с. 265–266]. В целом анализ нумизматического материала из раскопок «мечети Бейбарса» позволяет отнести ее возведение к 80–90-м гг. XIV в.

В отчётах об археологических исследованиях содержится информация о нескольких сотнях глазурованных изделий, происходящих из раскопок этого архитектурного комплекса. В 1987 г. в фонды Государственного Эрмитажа переданы поливная чаша с изображением на внешней стороне сцены пира, на внутренней стороне – рыб (инвентарный номер – Сол-30)[5], полихромная поливная чаша с орнаментом в технике «сграффито» (инвентарный номер – Сол-32)[6], глазурованное блюдо с изображением кружков вдоль края, выполненных в технике «шамплеве» (инвентарный номер – Сол-33)[7], и кувшин с двумя уров-

ский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1988 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; Ленинград, 1989.

[2] Крамаровский М.Г. Отчет об полевых исследованиях 2015 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым). Старый Крым; СПб., 2016. С. 14.

[3] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1986 г. С. 1.

[4] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1979 г. С. 4–22.

[5] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[6] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[7] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

нями скульптурных фигур птиц (инвентарный номер – Сол-34)[8]. Все эти находки опубликованы [12, 731–736; 17, с. 69–91; 18, с. 164–198].

Архитектурный комплекс «Караван-сарай» расположен в южной части г. Старый Крым. Его общая площадь, вместе со стенами и башнями, составляет более 2500 м^2. Раскопки памятника проводились экспедицией Государственного Эрмитажа в 1980–1984, 1987–1994 и 2011 гг. Исследованы ремесленная и стеклодельная (датирована 20-ми гг. XIV в.) мастерские, подвальные части домов, каменные вымостки, многочисленные хозяйственные ямы, тандыры, керамические водопроводы и другие археологические объекты [5, с. 157]. Здесь изготавливались разнообразные красноглиняные поливные и неполивные изделия, в том числе глазурованная посуда с орнаментом в техниках «сграффито» и «шамплеве», обнаружены матрицы-калыпы для производства штампованных неполивных и глазурованных сосудов[9]. Археологические отчёты о раскопках караван-сарая содержат информацию о 8 тысячах найденных здесь глазурованных изделиях.

Раскопки *мечети Куршун-Джами* («Свинцовая мечеть») и прилегающей территории были начаты в 1984 г. Археологический отчет об этих исследованиях содержит информацию о работах у южного фасада мечети, где были обнаружены грунтовые могилы. В 1994 г. раскопана территория между развалинами памятника и бывшей туберкулёзной больницей, на которой исследованы еще 31 погребение[10]. Обнаруженная глазурованная посуда из раскопок 1984 и 1994 г. в основном найдена на площади мечети; её коллекция составляет около 500 единиц. Новые раскопки Куршун-Джами в 2020[11]–2024 г. значительно пополнили её (617 позиций в полевых описях находок).

В 1985 г. археологически исследовалась городская застройка Солхата, расположенная к северу от портала мечети Узбека. Целью этих работ было изучение *мусульманского мавзолея*, обнаруженного в ходе шурфовок на этой территории еще в 1978 г. В отчете об этих раскопках содержится информация о большой коллекции найденной глазурованной керамики (около 100 единиц). В 1991–1993 гг. исследовался *архитектурный объект (мавзолей)* на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша. В ходе этих работ в культурном слое обнаружено около 100 фрагментов различных поливных изделий. В 1993, 2009–2012 гг. проведены раскопки на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш (участок так называемой *«оборонительной стены»*). Обнаружена небольшая коллекция глазурованной керамики, в основном происходящая из переотложенных культурных напластований. Исследования так называемого *кургана «Мамая»* относятся к периоду 1994–1997 гг.[12] Полевая опись находок из этих раскопок не содержит упоминаний о глазурованных изделиях. В 1986 г. изучались руины христианского храма в северо-западном секторе Солхатского городища (раскоп XIII)[13]. Глазурованные находки в описи полевых находок составляют здесь довольно значительную коллекцию (около 200 единиц). К сожалению, среди материалов исследований Солхата, хранящихся в научном архиве отдела Востока Государственного Эрмитажа, на сегодняшний день отсутствуют отчеты о полевых работах за период 1987–1990 гг. и 1997 г. Возможно, их дубликаты есть в архиве Института археологии НАН Украины (г. Киев), но они на данный момент не доступны. Однако, судя по имеющимся музейных коллекциям, в это время раскопки проводились на площади комплекса караван-сарая, «мечети Бейбарса», кургана (раскоп XV) и христианского храма городища. На основании документов из фондов Старокрымского литературно-художественного музея известно, что в 1997 г. были завершены работы на «кургане Мамая» (раскоп XV) и выполнены шурфовки в Георгиевской балке и в школьном саду г. Старый Крым[14].

---

[8] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[9] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата /Крым, Старый Крым/ археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1992–1993 гг. С. 4–7.

[10] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1995. С. 6–16.

[11] Сейдалиев Э.И. Отчет о полевых исследованиях 2020 г. на городище Солхат (г. Старый Крым). [Рукопись] Симферополь СПб., 2021.

[12] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1994 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1995. С. 18–22; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1995 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1996. С. 3–31; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1996 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа / М. Г. Крамаровский // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1997. С. 3–21.

[13] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1986 г. С. 1.

[14] Акт сдачи археологических находок, хранящийся в архиве сектора научно-фондовой работы Литературно-художественного музея-заповедника ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина».

В период 1998–2008 гг. основным направлением работы археологической экспедиции на городище являлось исследование его сельской периферии. Работы велись на территории поселения Кринички II (раскоп XIX; XX; XXI) [19][15] и ремесленного центра Бокаташ II (раскоп XXII; XXIIA; XXIII) [20; 21; 22][16]. Наиболее значительный объем коллекции глазурованной керамики Солхата, который имеется сейчас и широко использован в настоящем исследовании, происходит именно из этих раскопок и составляют около 10 тысяч фрагментов.

В 2011 г. Южнобережная археологическая экспедиция Крымского филиала Института археологии НАН Украины провела охранные археологические исследования в Георгиевской балке. На площади раскопа впервые на памятнике была открыта средневековая баня. Исходя из анализа полученного археологического материала прежде всего атрибуции найденных в культурном слое монет, возведение сооружения приходится на первую четверть XIV в., время его гибели – на последнюю четверть XIV в. В отчете об этих раскопках приведена коллекционная опись, в которой присутствует описание около 150 глазурованных изделий[17]. Также в этом полевом сезоне впервые в истории изучения Солхата археологически исследовались городской вал и ров. По мнению М.Г. Крамаровского, фортификационные сооружения золотоордынских городов в таком виде появились только в 60-х гг. XIV в. в связи с борьбой за власть между кланами Синей и Белой Орды [11, с. 153–155]. О начале сооружения первых укреплений Солхата в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Предполагаемую датировку оборонительных сооружений Солхата подтверждают материалы раскопок 2011 г. Наличие здесь некрополя, погребения которого перекрыли их, свидетельствует о том, что к концу XIV – первой половине XV вв. городские вал и ров уже потеряли свое оборонительное значение.

В 2015–2016 гг. археологические исследования проводились на территории караимской кенассы в г. Старый Крым[18]. Из этих раскопок происходит значительная коллекция глазурованной керамики (около 200 фрагментов). Помимо этого, в 2016 г. изучалась жилая и хозяйственная застройка в юго-восточной части городища. Коллекция глазурованных находок здесь составила почти 400 фрагментов.

В 2019 г. основным объектом раскопок в Солхате стал мусульманский мавзолей (дюрбе) вблизи современного водохранилища в г. Старый Крым, открытый разведками предыдущего полевого сезона. Ранее в литературе объект получил название «дюрбе с плинфовым сводом» [5, с. 5, 8–10]. Раскопки велись широкой площадью. В плане дюрбе представляет собой прямоугольное строение площадью около 104 кв. м, сохранившееся на уровне нижних кладок стен.

Таким образом, на сегодняшний день в научном архиве отдела Востока Государственного Эрмитажа находится самое полное собрание археологических отчетов о раскопках Солхатского городища за период 1978–2020 гг. Некоторые из них дублируются в научном архиве Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь). Все отчёты содержат подробные текстовые части в сопровождении иллюстраций и ка-

[15] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1998 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 1999. С. 4–33; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1999 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2000. С. 4–28; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2000 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2001. С. 3–37.

[16] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2001 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2002. 169 с.; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2002 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2003. 201 с; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2003 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2004. 203 с; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2004 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2005. 219 с.; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2005 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2006. 309 с.; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2006 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2007. 342 с.; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2007 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2008. 310 с.; Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2008 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. Старый Крым; СПб., 2009. 265 с.

[17] Майко В.В. Отчет об охранных археологических раскопках по трассе газопровода в г. Старый Крым в 2011 г. [Рукопись] // Научный архив Института археологии Крыма РАН.

[18] Крамаровский М.Г. Отчет Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2015 г. // Архив отдела Востока ГЭ. СПб., 2016. Т. 1.

меральных описей находок. Последние отмечены достаточно полным описанием вещей и статистическими таблицами.

Глазурованная керамика происходит из раскопок объектов археологического наследия городища Солхат и памятников его ближайшей округи (поселения Бокаташ II и Кринички II), которые неразрывно связаны с ним хронологически и в культурном отношении. Культурный слой золотоордынского города сейчас перекрыт современной застройкой г. Старый Крым. Несмотря на это, многие значимые объекты XIII–XV вв. доступны для изучения.

Коллекция находок керамических изделий из раскопок городища Солхат в настоящее время хранится в пяти музейных учреждениях: Государственном Эрмитаже, Старокрымском литературно-художественном музее, Музее истории и археологии г. Старый Крым, Центральном музее Тавриды и Государственном историческом музее.

С начала систематических исследований памятника в 1978 г. под руководством М.Г. Крамаровского в Государственном Эрмитаже начинает формироваться археологическая коллекция из его раскопок. В целом она состоит из металлических предметов, каменных надгробий, нумизматического материала и керамических изделий. Керамическая коллекция глазурованных изделий, интересующая нас, достаточно многочисленна и разнообразна. Всего в фонды Государственного Эрмитажа передано 8806 керамических находок, покрытых глазурью, из раскопок Солхата в 1978–1979, 1981–1987 и 2000 гг. Все эти материалы получены в ходе исследований следующих археологических объектов: архитектурно-археологического комплекса медресе-мечеть хана Узбека, «мечети Бейбарса», мавзолея на предпортальной площади мечети хана Узбека, христианского храма («церкви у табачного склада»), поселения Кринички II.

В 2000-х гг. в фонды Государственного Эрмитажа попадают уже единичные, особо примечательные находки, например, чаша с изображением птицы, выполненным в технике «сграффито» (инвентарный номер – Сол-47)[19], сосуды с геометрическим орнаментом (Сол-48; Сол-51)[20], с подглазурной росписью белым ангобом (Сол-49)[21], с полихромной росписью и орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов (Сол-52)[22] и другие сосуды. Большая часть находок глазурованной посуды, хранящейся в Государственном Эрмитаже, задействованы в различных музейных проектах, представлены в экспозициях музея и опубликованы в каталогах выставок [7; 8; 25].

С 1980 г. часть находок из раскопок Солхатского городища передавалась в местные музейные учреждения, одним из которых являлся Старокрымский литературно-художественный музей (далее – СЛХМ). Всего в фонды этого музея экспедицией Государственного Эрмитажа сдано 12230 глазурованных керамических изделий из исследований 1980, 1982, 1984, 1992 и 1995–2013 гг., в том числе из раскопок «мечети Бейбарса», комплекса медресе-мечети хана Узбека, архитектурно-археологического комплекса Караван-сарай, мечети Куршум-Джами, кургана в юго-восточном секторе городища («курган Мамая»), христианского храма (в отчетах «базилика»), поселения Кринички II [19, с. 6], поселения Бокаташ II и архитектурно-археологического комплекса крепостной стены[23]. Кроме того, в фонды СЛХМ в 2011 г. передано 584 предмета из раскопок средневековой бани в Георгиевской балке г. Старый Крым.

В 2018 г. на правах отдела ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» открывается Музей истории и археологии г. Старый Крым. М.Г. Крамаровский передал в его фонды часть коллекций 1989, 1990, 1993, 1997, 2003, 2016–2024 гг. Коллекция глазурованной посуды составляет в музее около 4000 фрагментов и археологически целых форм керамических изделий. К ним относятся предметы, происходящие из раскопок архитектурного комплекса Караван-сарай, поселений Кринички II и Бокаташ II, мечети Куршум-Джами, мавзолея у южной окраины Старокрымского водохранилища («дюрбе с плинфовым сводом»). Согласно археологическому отчету за 1997 г., часть этих вещей находилась ранее в

[19] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[20] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[21] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[22] Коллекции Государственного Эрмитажа. URL: https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT?page=3&query=Солхат&category=2667__2671 (дата обращения 08.12.2024).

[23] Сектор научно-фондовой работы литературно-художественного музея-заповедника ГБУ РК «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина»; Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет о полевых исследованиях 2013 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединенной археологической экспедицией Отдела Востока Гос. Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата». Старый Крым; Бахчисарай; СПб., 2013–2014. 362 с. [Рукопись]

хранилище Научно-исследовательской станции «Солхат» Института востоковедения НАН Украины в г. Старый Крым[24].

В 1986 и 1990 гг. часть коллекции из раскопок руин христианского храма на территории Солхата поступает в Государственный исторический музей (г. Москва)[25]. В копиях отчетов, использованных в нашем исследовании, к сожалению, отсутствуют акты о приёме находок на хранение в музей. В 2020 г. издается собрание сочинений У. Боданинского [1], в котором впервые были опубликованы дневники и полевые описи из раскопок Солхатского городища в 1926–1928 гг. Дневники сопровождаются иллюстрациями зарисовками отдельных фрагментов керамики, металлических изделий и нумизматического материала. К сожалению, описание предметов сосредоточено на степени сохранности керамических изделий и их внешнего вида. Лишь предположительно указано место производства находок, однако состав их формовочной массы совершенно не описан. Поэтому мы не можем уверенно говорить о том, что эти фрагменты глазурованной посуды были изготовлены в мастерских Солхата.

Все материалы экспедиции 1920-х гг. были размещены в Старокрымском музейном хранилище [24, с. 48]. К сожалению, из них сохранились лишь некоторые надгробия и фрагменты погребальных конструкций, ныне хранящиеся в Бахчисарайском историко-археологическом музее-заповеднике и Старокрымском литературно-художественном музее. Место хранения других находок, в том числе керамической посуды, неизвестно; вероятнее всего, они утрачены. В 2017 г. в Центральном музее Тавриды (далее – ЦМТ) была организована выставка «Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», в экспозиции которой, среди прочих предметов, присутствовали изразцы, надгробия и три глазурованных керамических изделия (каталожное описание: № 40, 48, 49) [23, с. 136]. Предположительно, эти предметы происходят из раскопок Солхата в 20–30-х гг. XX в. Помимо этого, в фондах музея хранятся еще 343 фрагмента керамических изделий и ряд целых археологических форм, облицовочные красноглиняные плитки, изразцы, вероятно, также связанные с этими исследованиями, поскольку в настоящее время происхождение этой части коллекция музея не установлено. Эта богатая коллекция, в основном фрагменты поливной керамики, содержит 233 единицы предметов импортного происхождения (94,5% из них – глазурованная кашинная керамика), 100 фрагментов изделий местного, солхатского, производства, а также сепаи, куски глиняной обмазки, обломки стеклянных сосудов и железных ножей. В настоящее время известно, что часть выявленных в ходе раскопок предметов было отправлено в Бахчисарайский музей тюрко-татарской культуры, где некоторые предметы в настоящее время и храняться. Значительный объем материала был оставлен в Старом Крыму в некоем музейном хранилище, и судьба этих предметов неизвестна. Еще часть находок была отправлена на временную выставку в Музей восточных культур (г. Москва) [4], после чего была перемещена, вероятно, в Бахчисарайский дворец-музей, за исключением некоторых предметов, названных «дублями» и оставленных Музею восточных культур, что подтверждается описью подписанной У. Боданинским. Судьбу этой коллекции еще предстоит выяснить, но это тема для отдельного исследования.

Таким образом, за многие годы раскопок Солхатского городища сформирована обширная и разнообразная коллекция глазурованных изделий золотоордынского времени, являющаяся важным источником по истории и культуре столицы Крымского Юрта Улуса Джучи. Эти материалы хранятся в фондовых коллекциях крупнейших музеев Крыма и Российской Федерации, отражены в полусотне отчетов, а учитывая, что сведения о них собраны и систематизированы, сами коллекции глазурованной керамики требуют дальнейшего исследования, обработки и постепенного введения в научный оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боданинский У. Собрание сочинений. Том III. Материалы: дневники экспедиций, рисунки, планы, отчеты и др. Бахчисарайского дворца-музея (1920–1934). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 544 с.

2. Бороздин И.Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 г. // Историко-этнологический отдел. М., 1927. № 16–17. С. 256–274.

3. Бороздин И.Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г. // Историко-этнологический отдел. М., 1926. № 13–14. С. 271–301.

4. Бороздин И.Н., Башкиров А.С. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. М.: [Музей восточных культур], 1927. 7 с.

[24] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1997 г. С. 151.

[25] Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1986 г. С. 152. Коллекции Государственного исторического музея URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT?fund_ier=647756450_647756730__647759424&exspedis_site2=636412064

5. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым) / А.В. Гаврилов, В.В, Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.

6. Джиованни Дель Плано Карпини. История Монгалов, именуемых нами Татарами / Пер. А.И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. URL: http://www.hist.msu.ru /ER/Etext/carpini.htm (дата обращения 10.03.2025).

7. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М., 2019. 504 с.

8. Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб., 2005. 264 с.

9. Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану. М., Наука, 1971. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Barbaro/ text.htm (дата обращения 10.03.2025).

10. Кирилко В.П. Солхатское медресе // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2011. Вып. 6. С. 125–210.

11. Крамаровский М.Г. Беглербег Мамай и оборонительная система Солхата // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Средневековая археология Восточной Европы. СПб.; М., Великий Новгород, 2011. С. 153–155.

12. Крамаровский М.Г. Братство фитйан в Крыму и чаша со сценой пира из Солхата (первая половина XIV в.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 731–736.

13. Крамаровский М.Г. Византийская и сельджукская керамика с орнаментом сграффито с темой вина и веселья конца XII – первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // АДСВ. – Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 233–250.

14. Крамаровский М.Г. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 1980. Т. XLV. С. 68–72.

15. Крамаровский М.Г. Работы на городище Солхата // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 265–266

16. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. / М.Г. Крамаровский // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 141–157.

17. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники и культуры на территории СССР. Л.: Государственный Эрмитаж, 1991. С. 69–91.

18. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб: Изд-во «Евразия», 2012. 496 с.

19. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований) // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. Вып. I. 183 с.

20. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 г.) // Раскопки в Старом Крыму в 2001–2003 гг. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. Вып. II. 391 с.

21. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.) // Раскопки в Старом Крыму в 2004 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. Вып. III. 314 с.

22. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2005 г.) // Раскопки в Старом Крыму в 2005 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. Вып. IV. 261 с.

23. Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Симферополь: «Тарпан», 2016. 160 с.

24. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. 580 с.

25. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2015. 512 с.

26. Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Китайские селадоны из раскопок Солхатского городища и округи // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии: материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», круглого стола «Via Tatarica»: Золотая Орда на Великом Шелковом пути» (Казань, 26–28 июня 2019 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.; Казань, 2020. С. 217–224.

27. Сейдалиева Д.Э. Византийская керамика с монограммами группы «Elaborate Incluted Ware» из раскопок каравансарая Солхата // Христианство в археологических и письменных источниках: материалы IX межд. науч. конф. по церковной археологии / Ред. сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь, 2020. С. 137–141.

28. Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике из городища Солхат и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.

29. Сейдалиева Д.Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // МАИЭТ. Вып. XXV. 2020. С. 359–390.

30. Сейдалиева Д.Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 150–205.

Сведения об авторах: Эмиль Исаевич Сейдалиев – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2822-3930, ResearcherID: AAA-3179-2019, Scopus AuthorID: 57211791989. E-mail: codexcummanicus@gmail.com

Джемиле Эльвировна Сейдалиева – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; старший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (Симферополь, Российская Федерация); ResearcherID: AAH-7797-2019. E-mail: Djemka65@gmail.com

HISTORY OF THE FORMATION OF MUSEUM COLLECTIONS OF GLAZED CERAMICS FROM THE EXCAVATIONS OF THE GOLDEN HORDE SOLKHAT SETTLEMENT

E.I. Seidaliev[1], D.E. Seidalieva[2]

[1, 2] Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University

[1] Institute of the Crimea Archaeology of the Russian Academy of Sciences

[1] Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

[2] V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The purpose of this study is to collect, systematize and analyze information on the formation of a source base for the study of glazed ceramics of the Golden Horde Solhat, as an important part of the material culture of the Golden Horde population of Crimea and adjacent territories. The research materials were the archival funds of the Institute of Archeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, the Oriental Department of the State Hermitage Museum (Reports on field archaeological research), stock collections and books from museums in Crimea and St. Petersburg, published archival materials and scientific publications. Results and scientific novelty. The reports of the Starokrymsky archaeological expedition of the State Hermitage Museum from 1978 to the present have been collected and systematized. Data on the history of the formation of museum collections containing fragments of glazed products and whole objects from the excavations of the Golden Horde settlement of Solkhat are being introduced into scientific circulation. In total, the museum collections of the State Hermitage Museum, the Starokrymsky Literary and Art Museum, the Museum of History and Archeology of the city of Old Crimea, the Central Museum of Taurida and the State Historical Museum contain about 24 thousand. fragments and whole forms of glazed products originating from Solhat. Until the present study, these collections have been only partially introduced into scientific circulation.

Keywords: Ulus of Jochi, Golden Horde, Crimea, Solkhat, ceramic complex, archeology, museum collections

Acknowledgements: The authors would like to thank M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Oriental Department of the State Hermitage Museum, for the opportunity to work with excavation reports and materials, and V.E. Naumenko, Cand. Sci. (History), Dean of the Historical Faculty of the Vernadsky Crimean Federal University, for consultations during the preparation of research materials.

About the authors: Emil I Seidaliev – Cand. Sci. (History), Head of the Chair of history, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University; Senior Researcher, Institute of the Crimea Archeology of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2822-3930, ResearcherID: AAA-3179-2019, Scopus AuthorID: 57211791989. E-mail: codexcummanicus@gmail.com

Dzhemile E. Seidalieva – Cand. Sci. (History), Junior Researcher at the Research Center for the History and Archaeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Researcher at the Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Ethnic Groups of Crimea, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation); ResearcherID: AAH-7797-2019. E-mail: Djemka65@gmail.com

УДК 904+7.04

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ НА БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ПО МАТЕРИАЛАМ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

С.А. Ханов[1], Е.В. Русланов[2], М.В. Стародубцев[3]
[1] Археологический научный центр
[2] Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
[3] Стерлитамакский историко-краеведческий музей

В статье рассматривается вопрос о происхождении некоторых сюжетов на бронзовых зеркалах золотоордынского времени по материалам случайных находок с территории Южного Урала. Бронзовые зеркала в целом на Урале довольно редкая категория археологических находок. Часть из них найдена в ходе раскопок, некоторые экземпляры происходят из музейных собраний и случайных сборов. В данной статье раскрываются особенности происхождения нескольких художественных сюжетов бронзовых зеркал золотордынского кластера на примере изделий происходящих с археологических памятников Сибири, Южного Урала и Поволжья, приводится культурологическое описание сюжетов, их эволюция, формирование, процессы трансформации и изначальный культурный код, кроме того в научный оборот вводятся ранее неизвестные зеркала с территории Южного, Среднего Урала и Зауралья.

Ключевые слова: Золотая Орда, бронзовые зеркала, Китай, Восточная и Средняя Азия, Южный Урал, чияликская культура

Финансирование и благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в. н.э.): междисциплинарное археологическое исследование».

В предлагаемой работе мы постараемся дать обзор некоторым сюжетам золотоордынских зеркал и провести параллели с исходными типами зеркал китайского и происхождения, которые послужили основой для более позднего подражания в ордынский период. Кочевники легко воспринимали базу мировоззрения того же Китая и в доступной форме переносили образы в свою среду. Собственно, подражания эти носили довольно массовый характер и не только в орнаментации зеркал, но и во многих областях жизнедеятельности.

Рис. 1. Бронзовые зеркала с рыбами, плывущими по кругу
1 – Нугушское водохранилище (Южный Урал, Башкортостан, Мелеузовский район);
2 – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, шифр МКМ № 5061;
3 – Курганская область, Белозерский район, д. Кошкино

Фрагментированное надвое бронзовое зеркало (рис. 1, *1*) с небольшой утратой мелкого фрагмента обнаружено случайно в горно-лесной зоне Южного Урала у Нугушского водохранилища, с. Нугуш Мелеузовского района Республики Башкортостан. Зеркало диаметром 79,5 мм, высота бортика 3 мм с толщиной бортика от 0,9 до 1,3 мм с изображением двух рыб в стиле контурной графики и выполненное в невысоком рельефе. Изготовленная отдельно центральная кнопка-державка отсутствует, на ее месте прослежены следы пайки. Основное орнаментное поле содержит изображение пары рыб, плывущих друг за другом по кругу в направлении движения часовой стрелки. Поле центральной кнопки ограничено невысоким бортиком, что характерно для зеркал последней четверти XIII – первой половины XIV веков. По телам рыб при отливке нанесена косая штриховка, имитирующая чешую. Основное поле зеркала меж изображений рыб заполнено геометрическим орнаментом в виде треугольников, косой и прямой штриховки. По внешнему полю присутствует узкая орнаментная лента, также заполненная косой штриховкой. Примыкающий к ней небольшой фрагмент утрачен, само зеркало по фрагментировано надвое. По внешнему краю чуть выступающий бортик. Близко подобные зеркала обнаруживаются на большинстве золотоордынских памятников. В близлежащем регионе идентичное происходит из Колпаковского I могильника [1, с. 30, рис. 3] у с. Колпакское Гайского района Оренбургской области.

Этот тип подражаний является массовым и характерен для золотоордынских городищ Восточной Европы. Г.Ф. Полякова маркирует этот тип зеркал как В-I-29 и отмечает находки лишь в Болгаре 12 экземпляров зеркал этого типа [3, с. 154–268]. В классификации К.А. Руденко подобные зеркала отнесены к отделу Н-I, исследователем упомянуто о 21 экземпляре, включая Болгарское, Билярское городище и Полянское селище [4, с. 111–156]. Т.е. это достаточно массовый материал среди находок бронзовых зеркал. Происхождение этого типа происходит от сюжета бронзовых зеркал династии Цзинь с двумя карпами, плывущими друг за другом по кругу. Изначально сюжет появляется в династии Цзинь. В этот период существовало достаточно большое разнообразие видов только этого сюжета. Если изучать музейные собрания Китая, можно выделить не менее тридцати видов. Но за образец для последующих подражаний был выбран шаблон, который мы можем увидеть в собрании Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова под шифром МКМ № 5061 (рис. 1, *2*), происходящего из случайных сборов у с. Шошина до 1917 года. Обращает на себя внимание, центральная кнопка-державка полусферической формы, отлитая вместе с зеркалом и отверстие сформировано по типу китайских зеркал методом закладного сердечника. Подобное по типу зеркало со стилистически изображенными рыбами из Притоболья [2, с. 72, 74], обнаружено близ д. Кошкино Белозерского района Курганской области (рис. 1, *3*). Диаметр его составляет 75 мм.

Рис. 2. Зеркала с изображением фигур божеств и драконов.
1 – Республика Башкортостан, Бижбулякский район, село Бижбуляк, фонды Бижбулякского историко-этнографического музея; *2* – Китай, Национальный музей Китая, шифр С5.694

Рельефное бронзовое зеркало из фондов Бижбулякского историко-этнографического музея (рис. 2, *1*) происходит из окрестностей села Бижбуляк в лесостепной зоне Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Диаметр его составляет 81 мм. По внешнему краю идет невысокий бортик валиком. Зеркало в своем орнаментальном поле содержит изображение четырех, так называемых, «Бессмертных» меж четырех драконов-луней. Центральная кнопка отсутствует, что характерно для золотоордынских зеркал-подражаний конца XIII – первой половины XIV веков. Изобразительный шаблон, воспроизведенный в качестве подражания на зеркале из Бижбуляка, своим происхождением обязан мастерам из Поднебесной. В Китае, в период династии Восточная Хань существовал очень популярный сюжетный шаблон, представленный зеркалом диаметром 117 мм из раскопок в Чжэцзяне (рис. 2, *2*), хранящийся в национальном музее Китая под шифром С5.694 [5, с. 151]. Массивная центральная кнопка-державка имела полусферическую форму с отверстием, сформированным методом закладного сердечника. Основное сюжетное поле и заполняли изображения антропоморфных фигур, сидящих меж драконами цин-лунями. Эти водно-воздушные драконы в мифологии Китая считались владыками вод рек и морей. Множество мифических сюжетов связывают их с бессмертными небожителями и императором Цинь Ши Хуанди.

Таким образом, распространение и прослеживаемая эволюция бронзовых зеркал в целом отражают динамику культурного развития и освоения Южного Урала и сопредельных территорий попавших под власть золотоордынских ханов. Кочевники в ордынский период легко воспринимали базу мировоззрения Китая и в доступной форме переносили образы в свою среду. Металлические зеркала, поступавшие из восточных стран в результате внешнеторговых контактов, были широко распространены как предметы быта и, учитывая их эстетические качества, являлись произведениями декоративно-прикладного искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Колпаковский I курганный могильник// Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 28–34.

2. Маслюженко Д.Н., Ханов С.А. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья// Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.) г. Курган 2016. С. 69–76.

3. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996.

4. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.

5. 中国国家博物馆馆藏文物研究丛书·铜镜卷 Серия исследований культурных реликвий в коллекции Национального музея Китая. Том 2 «Бронзовое зеркало» под редакцией Национального музея Китая, издательство Shanghai Ancient Books.

Сведения об авторах: Сергей Азатович Ханов – научный сотрудник, ООО «Археологический научный центр» (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: dozer009@mail.ru

Евгений Владимирович Русланов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: butleger@mail.ru

Максим Валентинович Стародубцев – научный сотрудник, Муниципальное автономное учреждение культуры «Стерлитамакский историко-краеведческий музей» (Стерлитамак, Российская Федерация). E-mail: maxstar@list.ru

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF SOME SCENE ON BRONZE MIRRORS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD BASED ON THE MATERIALS OF ACCIDENTAL FINDS FROM THE SOUTHERN URALS TERRITORY

S.A. Khanov[1], E.V. Ruslanov[2], M.V. Starodubtsev[3]
[1] Archaeological Research Center
[2] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
[3] Sterlitamak Museum of History and Local Lore

The article examines the issue of the origin of some subjects on bronze mirrors of the Golden Horde period based on the materials of accidental finds from the territory of the Southern Urals. Bronze mirrors in general are a rather rare category of archaeological finds in the Urals. Some of them were found during excavations, some specimens come from museum collections and accidental collections. This article reveals the origin features of several artistic subjects of bronze mirrors of the Golden Horde cluster using the example of products originating from archaeological sites of Siberia, the Southern Urals and the Volga region, provides a cultural description of the subjects, their evolution, formation, transformation processes and the original cultural code, in addition, previously unknown mirrors from the territory of the Southern, Middle Urals and Trans-Urals are introduced into scientific circulation.

Keywords: Golden Horde, bronze mirrors, China, East and Central Asia, Southern Urals, Chiyalik culture

Funding and acknowledgements: The work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10057 "Dynamics of cultural development and exploration of the Southern Urals from antiquity to joining Russia (4th century BC – 16th century AD): interdisciplinary archaeological research".

About the authors: Sergey A. Khanov – Researcher, LLC "Archaeological Research Center" (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dozer009@mail.ru

Evgeniy V. Ruslanov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: butleger@mail.ru

Maxim V. Starodubtsev – Researcher, Municipal Autonomous Cultural Institution "Sterlitamak Museum of History and Local Lore" (Sterlitamak, Russian Federation). E-mail: maxstar@list.ru

УДК 737.1(574)"12-14"

ПРИСЫРДАРЬИНСКАЯ НУМИЗМАТИКА И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

П.Н. Петров
Центральный государственный музей Республики Казахстан

В данной статье рассмотрены некоторые особенности монетного дела Ордуидов XIII – начала XIV вв., некоторые новые типы монет, не получившие еще своей хронологической атрибуции, а также необычные джучидские дирхамы, повторяющие оформление монет Кайду. Были сформулированы вопросы, которые возникли в связи с этими находками. Сделан вывод о необходимости детальной фиксации топографии монетных находок этого периода, тотального учета этих находок, кооперации усилий археологов, историков и краеведов по их выявлению и документированию. То есть, о необходимости организации единого, постоянно пополняющегося банка точных данных.

Ключевые слова: Казахстан, Сырдарья, Приаралье, XIII–XV вв., Джучиды, Ордуиды, монета, дирхам

В древности и средневековье наиболее оживленными торговыми центрами на берегах крупных рек становились те населенные пункты, которые располагались в местах удобных для переправы и/или где сходилось несколько крупных караванных трасс. Так в Среднем Поволжье таким центром был город Болгар, в Нижнем Поволжье – Укек, а затем Сарай, на р. Урал – Сарайчук, на Амударье – Ургенч, на Сырдарье и в дельте – Дженд, Барчанлыгкенд, Узканд и Отрар, на р. Талас – Тараз, на р. Или – как минимум г. Илибалык и т.д. Мы остановимся на вопросах нумизматики только Присырдарьинского региона и только одного периода – периода монгольского владычества XIII–XV вв., поскольку рассмотрение всего периода монетного обращения (с I века н.э. и по настоящий день) в рамках одной исследовательской работы просто невозможно.

Отмечу, что нумизматика Казахстана – молодая отрасль исторической науки. Если системному изучению джучидских монет Восточной Европы пошло уже третье столетие, то системному освещению проблем чингизидской нумизматики Казахстана нет и 25 лет. Поэтому не удивительно, что в наши дни наряду с постоянными выявлениями новых монет, ранее не опубликованных и «не встроенных» в исторический контекст благодаря научному анализу, открываются и могут быть открыты в будущем целые новые направления в восточной нумизматике. Иногда это существенно меняет сложившуюся парадигму. За первую четверть XXI века в изучении чингизидской нумизматики Казахстана и Кыргызстана произошли определенные сдвиги, позволившие решить некоторые загадки и раскрыть тайны, запечатанные событиями ушедших веков. Однако любое проникновение в область хорошо забытого прошлого порождает огромное количество новых вопросов и проблем, о наличии которых изначально исследователь и не подозревает. По нашему глубокому убеждению, выявление и формулирование таких проблем является одной из важнейших задач определенного этапа научного исследования, поскольку способствует привлечению специалистов разных отраслей исторических знаний для их решения и решения смежных задач. Сообщать о важности, значимости и многогранности такого источника как нумизматический здесь считаю излишним.

Целью настоящей публикации является формулирование основных проблемных вопросов, с которыми столкнулась джучидская нумизматика XIII–XV вв. Присырдарьинского региона в связи с первыми значимыми результатами системных исследований этого исторического источника.

Сложность изучения специфического нумизматического источника рассматриваемого хронологического периода и географической локации заключается в том, что Присырдарьинские территории в пределах современного Казахстана были разделены границей между двумя юртами – Джучидским и Чагатаидским. Кроме того, на территории каждого из юртов локально мог располагаться улус соседа еще по завету Чингизхана. Так в джучидской области Хорезм города Кят и Хива, а также цитадель в Ургенче (видимо, и один из кварталов города) принадлежали Чагатаидам. Подобные же владения могли присутствовать на территории, принадлежавшей Чагатаидам. И эти обстоятельства накладывали отпечаток на монетное дело и денежное обращение как в данном регионе, так, порой, и за его пределами.

Материалы. Основным источником любого нумизматического исследования являются находки монет и кладов с изучаемой территории. Если результаты изучения подтверждаются письменными документальными или нарративными источниками, то это позволяет сформулировать наиболее корректные и конкретные выводы. Но, к сожалению, это происходит крайне редко в отношении интересующего нас периода – документальные источники по большей части не сохранились, а нарративные редко и крайне сжато (без конкретной констатации) касаются интересующих нас вопросов. Характеристика самого ну-

мизматического источника, как письменного памятника, далеко не всегда вызывает оптимизм ученого в плане однозначности атрибуции их носителя, особенно, когда речь идет о монетах, битых в Приаралье и Присырдарьинских землях. И в данном случае речь не о состоянии поврежденности находимых археологами монет, а, об отсутствии выпускных сведений и имен эмитентов, особенно на продукции монетных дворов XIII – первой половины XIV в.

Анализ данных. Рассмотрим несколько значимых с исторической точки зрения вопросов, связанных с нумизматическими изысканиями в первой четверти XXI века.

Монетное дело Ордуидов. Термин «формуляр» в восточную нумизматику ввела Е.А. Давидович: «*Формуляр* – закономерности местоположения разных имен на двух сторонах монетного кружка …» [1, с. 45]. Если рассматривать чеканную продукцию монетных производств Присырдарьинских земель на предмет соблюдения формуляра, то оно было реализовано неукоснительно – практически все выпуски были анонимными. И это не было случайностью – это результат определенной политики, проводимой властями. Причем, это касается как выпусков монет Чагатаидского ханства, так и эмиссий джучидских монетных дворов. Вместо имен мы обнаруживаем присутствие тамг, как проявление монгольской традиции указания на собственность. Эти знаки собственности для современников были хорошо знакомы и легко отождествлялись с конкретными именами эмитентов. Но прошли столетия, и в настоящее время по косвенным данным мы можем персонализировать только определенное количество тамг, принадлежавших исключительно ханам Золотой Орды и Чагатаидского ханства. Что же касается тамг царевичей, правивших династов, то мы часто не знаем даже их всех имен, а уж установить кто из них и какие тамги имел вообще представляется задачей крайне сложной и не всегда решаемой в принципе. Именно это обстоятельство составляет особую сложность при атрибуции монет.

В качестве примера можно привести необычные серебряные монеты, относимые мной к выпускам монетного производства потомков Орды из дома Джучидов [8, с. 144–150]. Необычны они: ограниченным ареалом распространения (Приаралье и Присырдарьинские области севернее Отрарского оазиса); наличием перечеканенных экземпляров из обрезанных хорезмийских дирхамов, битых до 707 г.х.; наличием четырех номиналов серебряных дирхамов (1 – в=2,3–2,08 г, д=18 мм; 2 – в=0,94–1,03 г, д=15 мм; 3 – в=0,42–0,53 г, д=15–16 мм; 4 – в=0,70–0,62 г, д=13 мм) и одного медного номинала (пула); анонимностью; отсутствием выпускных сведений кроме монет с годом 707 г.х.; и самое главное – наличием нескольких необычных тамг , , , . Вполне можно себе представить, что эти тамги – производные от головки тамги Бату . Кроме этих тамг, к Ордуидам, наблюдается присутствие тамги из дома Угедеидов на экземпляре, помеченном 707 г.х.

С одной стороны, ареал распространения этих дирхамов указывает в основном на территорию, контролируемую потомками Орды, а сохранившиеся годы на перечеканенных хорезмийских дирхамах (687 и 688 / 1288 и 1289 гг.) ориентируют нас во времени их чеканки. Но с другой стороны, представляя перипетии политической жизни в этом регионе в конце XIII века далеко не все тамги могут быть персонализированы даже предположительно. Знак можно соотнести с именем известного владельца улуса Ордуидов – Коничи. То есть, наряду с открытием нового направления в джучидской нумизматике, что без сомнения является значимым шагом в изучении истории Золотой Орды в Казахстане, проявилась и новая тайна, которая ждет своего исследователя – персонализация остальных тамг и установление мест чеканки. До настоящего времени неясно, был ли один монетный двор по изготовлению этих дирхамов, или разные эмитенты могли одновременно чеканить монету на разных монетных дворах? Не меньше вопросов возникает в связи с обнаружением знака, напоминающего тамгу одного из потомков хана Кайду.

Но еще больше вопросов возникает в связи с прочтением топонима на ранее опубликованном дирхаме 685/1286 г. с тамгой Коничи (рис. 1), но с поврежденным названием монетного двора [8, с. 50]. Новый экземпляр такой монеты позволил прочесть топоним – этим монетным двором оказался Кайалык в написании كيالع. Регион находки монет этого типа (городище Имил в Синьцзяне – 1 экз., в Казахстане: ближайшая округа современного Койлыка – 1 экз., округа Жаркента – 1 экз.) указывает на возможность их чеканки в Кайалыке. До сих пор чеканка монет Джучидами в Кайалыке обнаруживалась, но не была задокументирована [8, с. 177–179]. Сведения о «принадлежности» Кайалыка (или его части с размещенным здесь улусом) Джучидам сообщают несколько средневековых авторов – Джувайни, ан-Нувайри, Вассаф [3, с. 30; 4, с. 139–140; 5, с. 163]. Рашид ад-Дин описывая события, связанные с расправами над Чагатаидами и Угедеидами в начале воцарения Менгу хана, указывает на причастность к поимке и задержанию неугодных персон сына Орды – Кункырана, который в это время наследовал отцу улус. Кункыран «находился в пределах Каялыка и обитал [растянул стан] до берега Отрара» [9, с. 70, 138]. В «Юань ши» упоминается Хоничи со статусом *чжуван*. Возможно это Джучид Коничи? Хотя это имя было распространенным и упомянутый Чингизид мог вовсе не принадлежать дому Джучидов. Но если принять такое отождествление, то возможно титул на лицевой стороне дирхама, который раньше идентифицирован не был [7, с.

88, №23], читается так(?): *ас-султан ... аз-/ван(?) бек* [*султан ... принц(?) бек* (старший в роду)]. Как интерпретировать термин *азван*(?) [можно прочесть и *арван,* и *ан(?)ван*] неясно, возможно, по смыслу он аналогичен термину *чжуван*? Наиболее вероятно, что это титул самого Коничи. Обращает на себя внимание отсутствие титула хан. И действительно, он его не имел, а был лишь владельцем улуса в Джучидском ханстве. Присутствие в легенде титула *султан* указывает на то, что этот представитель дома Орды был мусульманином [6].

Рис. 1. Дирхам с тамгой Коничи из района Жаркента (Казахстан).
Вес – 1,01 г, диаметр 20 мм

В связи со всем сказанным возникают еще важные вопросы. Если название монетного двора прочтено нами верно (палеография надписи далека от канонической), то: 1 – с какой стати Коничи начал чеканить серебряную монету в Кайалыке, если его восточные владения были сосредоточены севернее – в Прииртышье? 2 – Коничи чеканил монету именно в г. Кайалыке или в другом населенном пункте области Кайалык? Почему на монете появился титул *азван*(?), намекающий на статус, присваиваемый Чингизидам при дворе Юань? Это только часть важных вопросов для дальнейших серьезных исследований, ответы на которые способны изменить современные представления о взаимоотношениях Коничи и Хубилая, а также джучидских ханов с Коничи.

Какому джучидскому дому принадлежат монеты? В последнее время обнаружилась еще одна группа монет, находки которых наиболее часто наблюдаются в округе средневекового Дженда – один тип медных монет [8, с. 143–144, 154 №33 и 34] и 2 варианта редких серебряных акче. Они по-прежнему (как и дирхамы Ордуидов рассмотренные выше) не имеют выпускных сведений. Тамга присутствует только на медной монете, что указывает на время их чеканки – не ранее 665/1266–1267 г. Объединяет эти монеты один рисунок, заполняющий все поле одной стороны – крест. Причем, на медной монете и серебряном варианте I акче (рис. 2/а и б) крест равносторонний «процветший» с точкой в каждом сегменте, а на другом акче (вариант II) – крест обычный равносторонний также с точкой в каждом из 4 секторов (рис. 2/в). Вариант II и вариант I объединяет другая сторона монет, имеющая одинаковое оформление и сообщающая их номинал *хабба*.

Рис. 2. Монеты с изображением креста: а – медный фалс с тамгой и с изображением «процветшего» креста (в=2,30 г, д=24,8 мм), б – серебряное акче номиналом *хабба* и с изображением «процветшего» креста (Z/341188, в=0,13 г; д=7 мм); в – серебряное акче номиналом *хабба* и с изображением простого греческого креста (в=0,15 г; д=6,8 мм)

Если медный фалс нами публиковался ранее [8, с. 143–144, 154 №33 и 34], то акче нет. Хабба с греческим крестом стала известна автору на несколько лет раньше, чем хабба с «процветшим» крестом, и виду отсутствия на монете тамг или надписей кроме номинала сложно было приурочить этот тип к какому-либо типологическому ряду известных монет. Появление акче с процветшим крестом и такой же надписью объединило все три группы монет (фалсы и оба варианта акче) в единый, возможно, практически одновременно чеканившийся комплекс. Кроме того, стало понятно, что фалс содержит изображение не «фигурной розетки», как было отмечено в упомянутой монографии 2023 года, а именно изображение креста, концы которого заканчиваются «веточками» с точками на конце. Внимательно изучив топографию находок этих типов монет (округа Дженда, а медь найдена еще и в районе юго-восточного побережья Арала, в дельте Сырдарьи), мы не можем утверждать, что они биты на монетном дворе Дженд. Да и находок серебряных монет рассматриваемого типа на этом средневековом памятнике практически нам пока не известно – все они были сделаны в округе. Важно, что стилистика их оформления и изготовления соответствует выпускам Ордуидов, и никак не коррелирует с типологией выпусков Дженда. Были ли они биты до правления Коничи, или в начале его правления до появления дирхамов с его тамгой , или после его смерти в 701 г.х. в период борьбы за собственность между потомками – также неясно. Архаичность оформления фалса может оказаться обманчивой, и эти выпуски могли быть осуществлены даже после 707 г.х.

Итак, нами представлена еще одна группа анонимных без выпускных сведений джучидских монет, атрибуция которой затруднена из-за чего этот нумизматический источник пока не может быть полноценно использован в реконструкции монетного дела и денежного обращения на рассматриваемой территории. Кроме того, он ставит крайне необычные вопросы, и в первую очередь – что означает изображение равностороннего креста? Просто украшение? Скорее всего нет. Возможно, поиск в направлении христианского вероисповедания эмитента сможет дать подсказку? Во всяком случае такой крест с точками в секторах появился в русском монетном деле начала XV века и был связан с возникавшими родственными и политическими отношениями с великим князем литовским католиком Витовтом.

Джучидско-чагатаидские? монетные выпуски. Крайне необычные монеты были обнаружены в Присырдарьинском регионе среди случайных находок в 2023–2024 гг. Одна сторона монет помечена тамгой Мену-Тимура, а оборотная – практически точная копия по содержанию и композиции (расположению надписей) дирхамов Чагатаидского ханства (рис. 3-w, q). Обе монеты разных типов.

Рис. 3. Дирхамы Джучидов и Чагатаидов: **r** – Отрар, 67[0-5] г.х. (1271–1277 гг.н.э.) с тамгой Кайду (в=1,05 г, д=18 мм); **w –** монетный двор *Барчиг*(?), [6]70 г.х. (1271–1272 г.н.э.), анонимная, тамга Менгу-Тимура (д=27 мм); **q** (Z/317611) – монетный двор утрачен, [6]76 г.х. (1277–1278 г.н.э.), анонимная, тамга Менгу-Тимура (в=1,94 г); **s** (Z/190785) – монетный двор не указан (из округи Дженда), год утрачен или не указан, тамга Менгу-Тимура (в=1,08 г, д=21 мм); **z** (Z/174785) – Дженд, 666 г.х. (1267–1268 г.н.э.), анонимная, тамга Менгу-Тимура (в=1,66 г, д=21 мм)

Для сравнения приведены фотографии монет Кайду хана и Джучида Менгу-Тимура: Первый дирхам (рис. 3-w) сохранил название монетного двора, которое, однако, написано нечетко *Барчиг*(?) – بارچغ, что очень похоже на сокращенное *Барчанлиг(?)*, а также год чеканки [6]70 г.х. (1271–1272 г.н.э.). Его аверс

(сторона с изображением тамги) оформлен практически также, как отрарский дирхам (тот же картуш, только в центре поля тамга не Кайду, а Менгу-Тимура и вокруг вместо виньеток – надпись *Царство [принадлежит] Аллаху Единому Всемогущему*). Подобная надпись в XIII в. регулярно использовалась на монетах Хваризма, Дженда и на продукции монетного двора джендского круга без указания его названия.

Второй дирхам (рис. 3-q) не сохранил название монетного двора, но год читается однозначно – [6]76 г.х. Причем, если реверс типологически такой же, как реверс отрарского и *барчинского*(?) дирхамов, то его аверс отличается от лицевых сторон обеих этих монет не только тамгой и ее величиной в центре поля, но и оформлением картуша. Не исключено, что монета была перечеканена из дирхама чагатаидского ханства. Тем не менее, можно сказать, что оба изучаемые дирхама вписываются в типологические ряды продукции монетных производств Чагатаидского ханства если не обращать внимание на тамги.

Возникает вопрос – с чем может быть связан выпуск таких серебряных монет на территории Золотой Орды в 670-е/1270-е гг.? Является ли это простым копированием понравившегося стиля дирхамов государства Кайду или в этом был заложен определенный политический или экономический смысл? Границы владения Джучида Коничи из дома Ордуидов по нарративным письменным источникам в районе Приаралья точно установить не удается. Ясно, что они были в междуречье Сырдарьи и Амударьи. Джамал ал-Карши, посещавший Присырдарьинский регион примерно в тот период, сообщает: Дженд «Прежде был большим городом, но недавно подвергся нападению.» [2, с. 156]. В этом сообщении также таится важный вопрос – кто напал на Дженд, кому было выгодно ослабить потенциал этого крупного центра торговли и логистики? Это может оказаться выжным для понимания причин появления джучидских монет «чагатаидского» облика в монетном деле XIII века в Приаралье.

В «Анониме Искандера» имеется информация о том, что Чингиз-хан назначил Чагатаидам собственность во владениях Джучидов в Хорезме с целью поддержания постоянного общения между ними [13, с. 155, прим. 2]. Совершенно очевидно, что такая собственность была назначена каждой ветви дома Чингизидов друг у друга. И этому не редко находятся подтверждения при изучении нумизматических источников. Так, известно, что чеканка монет в XIII веке с тамгами Кайду и Чагатаидов осуществлялась в Хорезме наравне с массовым изготовлением серебряных дирхамов Джучидов с их тамгами [7, с. 52–55]. В Джучидской булгарской земле вдруг обнаруживается чеканка дирхамов с именами Мунгка каана, а затем – Арыг-Буги. Конечно, не всегда чеканкой монеты отмечалась выделенная собственность. Скорее, это даже являлось результатом особых отношений и договоренностей, особенно после распада империи, начиная с 665 г.х. – года образования самостоятельно ханства Золотая Орда. Рассматриваемые здесь джучидские монеты с обликом дирхамов Кайду (рис. 3-w, q) вполне могут являться результатом таких особых отношений Золотой Орды и Чагатаидского ханства. Мы сейчас не знаем, правильно ли отождествлено название *Барчиг(?)* с известным *Барчанлиг(?)*? Возможно, был еще населенный пункт *Барча(?), Барчаг(?)* или *Барчиг (?)*, находившийся во владениях Чагатаидов, где размещалась собственность Джучидов?

Совершенно очевидно, что подробное, всестороннее и комплексное изучение этого вопроса позволит существенно прояснить особенности внутридинастийной политики Чингизидов.

Другие вопросы джучидской нумизматики Казахстана. Кроме перечисленных проблем, связанных с джучидской нумизматикой Присырдарьинского региона, существует еще много других нераскрытых тайн. Не так давно были обнаружены выпуски чеканного серебра с именем Кунче, названного ханом – марионетки амира Тимура на территории бывших Присырдарьинских владений Урус хана. Биты они в Сыгнаке, Сарае ал-Джадида, Узканде [8, с. 102–103 №67–69; 123–125 №1–9, 130–131 №12–14]. Обнаружились и монеты Токтымыша в этом регионе, также в Сыгнаке, Сарае, Сарае ал-Джадида, Султанийе(?), Гулистане – Сыгнаке. Но где находились эти Сараи и Гулистан в настоящее время неизвестно. И это далеко не все вопросы, возникающие в связи с этим крупным нумизматическим открытием Р.Ю. Ревы и А.О. Брагина [10; 11; 12]. Оказалось, что до сих пор отсутствовали представления о тех уступках, которые сделал Токтамыш амиру Тимуру за активную помощь в обеспечении покорения улуса Урус-хана и его потомков. Чеканка медной монеты с именем амира Тимура в Сыгнаке, появление именных дирхамов его марионетки Кунче и отсутствие какой-либо реакции на эти события со стороны Токтамыша меняют представления о приходе к власти этого Тука-Тимурида в Золотой Орде.

Здесь были затронуты одни из самых крупных нумизматических открытий первой четверти XXI века, касающиеся Присырдарьинского региона.

Заключение. В первой четверти XXI века положено начало системному исследованию золотоордынской нумизматики Казахстана. В большинстве своем проводимые изыскания опираются на случайные находки, сделанные населением в ходе земляных работ и зафиксированные благодаря неутомимым поискам исследователей и ученых. Очевидно, что впереди серьезная, кропотливая работа историков, археологов и нумизматов по выяснению характера и динамики монетного дела и денежного обращения на территории улусов Тука-Тимуридов, Ордуидов и Шибанидов в XIII–XIV вв. Для решения намеченных проблем требуется детальная фиксация топографии монетных находок этого периода, тотальный учет этих нахо-

док, кооперация усилий ученых и краеведов по их выявлению и фиксации. То есть, необходимо организовать единый, постоянно пополняющийся банк точных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давидович Е.А. Саманидские фельсы Ферганы: классификация формуляров и уникальные фельсы Узгенда и Ахсикета // «У времени в плену». Памяти Сергея Сергеевича Цельникера. Сборник статей / Сост. и отв. ред. И.В. Стеблева. М.: Вост. лит., 2000. 438 с.

2. Джамāл ал-Ḳаршī. Ал-мулхаḳāт би-с-сурāх / Отв. ред. А.К. Муминов. Введение, перевод с арабско-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш.Х. Вахидова, Б.Б. Аминова // История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 416 с.

3. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира / Перевод с англ. Е.Е. Харитоновой. М.: Изд. дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.

4. История Казахстана в арабских источниках. Т. I / Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Соч., собр. В.Г. Тизенгаузен. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

5. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV / Из «Истории Вассафа». Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 618 с.

6. Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312–1313 гг.) // «Вопросы истории и археологии Западного Казахстана». Уральск, 2010. №1. С. 10–54.

7. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.

8. Петров П.Н., Атыгаев Н.А., Белтенов Ж.М. Деньги на «Шелковом пути» (территория Казахстана, XIII – XIV вв.). Алматы: Хикари, 2023. 400 с.

9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.

10. Рева Р.Ю., Брагин А.О. Присырдарьинский клад конца XIV века (Часть первая) // Stratum Plus. 2016. №6. С. 279–293.

11. Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Часть 1. События 773–781 годов хиджры) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2016. Т.15, №7: Археология и этнография. С. 140–148.

12. Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Часть 2. События 781–793 годов хиджры) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2017. Т.16, №3: Археология и этнография. С. 89–97.

13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II / Из «Анонима Искендера». М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 307 с.

Сведения об авторе: Павел Николаевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный государственный музей Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-8125-769X. E-mail: ppn2022@yandex.ru

NUMISMATICS OF THE SYRDARYA REGION AND ITS PROBLEMS

P.N. Petrov

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan

The author considers some features of the Orduid coin business of the 13th – early 14th centuries, some new types of coins that have not yet received their chronological attribution, as well as unusual Jochid dirhams that repeat the design of Kaidu coins. The questions that arose in connection with these findings were formulated. The conclusion is made that it is necessary to record in detail the topography of the coin finds of this period, to take total account of these finds, and to cooperate the efforts of archaeologists, historians, and local historians to identify and record the finds. There is a need to organize a single, constantly replenishing bank of accurate data.

Keywords: Kazakhstan, Syrdarya, Aral Sea region, 13th–15th centuries, Jochids, Orduids, coin, dirhams

About the author: Pavel N. Petrov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-8125-769X. E-mail: ppn2022@yandex.ru

УДК 737.1

МОНЕТЫ ДЖУЧИДОВ КАК ФАКТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

А.М. Маммадова
Национальный Музей Истории Азербайджана

Впервые в статье на основе единичных монет и монетных кладов с монетами Джучидов (ханов Золотой Орды; 650 – 886 г.х. = 1261 – 1481), найденных в Азербайджане (Сальян, Баку, Аджикабул) дана информация о средневековом денежном обращении Азербайджана. В результате сравнительного нумизматического анализа в статье предоставлена также продукция местных монетных дворов Азербайджана и сделаны выводы об основных монетных номиналах Джучидов (дирхем, динар, теньга, пул), о надписях, монетных дворах и выводах о монетной чеканке. Ныне монеты Джучидов (золото, серебро, медь) хранятся в фондах Национального Музея Истории Азербайджана (фонд Нумизматики и Особый фонд) и демонстрируются в экспозиции. Среди этих монет имеются и редкие. Такие монеты также выявлены и в других краях Южного Кавказа, в городах и областях России.

Ключевые слова: Джучиды, Азербайджан, монеты, фонд Нумизматики, монетные дворы

Нумизматические находки являются важными фактами, подтверждающими государственность разных периодов. Надписи, рисунки и др. показатели, в том числе метал, вес, диаметр, высота, место находки каждой монеты рассказывают историю своего периода. Благодаря изучению таких находок сформировываются также практические навыки, методика расшифровки монет, создаются новые выводы, а благодаря новым нумизматическим изданиям (каталоги, книги, статьи, web ресурсы) это наследие передается будущему поколению и мировой общественности.

Впервые в статье сделана попытка изложения информации о монетах Джучидов, найденных в Азербайджане, денежном обращении и торговле периода. Ссылаясь на монетную коллекцию Национального Музея Истории Азербайджана (фонд Нумизматики и Особый фонд) в статье отражены их статистика, предоставлены редкие фото таких материалов.

Степень разработанности монет Джучидов, найденных в Азербайджане. Монеты Джучидов (ханов Золотой Орды), найденные в Азербайджане, а также денежное хозяйство и обращение данного периода были разработаны в трудах ученых-нумизматов. Начиная с 20-х годов XX века член корр. Академии Наук Азербайджана, д.и.н., профессором Евгением Пахомовым (1880 – 1965) были определены и зарегистрированы джучидские монеты, найденные на Южном Кавказе и России. Благодаря усилиям Е.Пахомова, коллекция фонда Нумизматики НМИА пополнилась такими монетами.

В каталоге музея «Древние и среднековые монеты Азербайджана. Памятники материальной культуры» впервые был издан серебряный дирхем Токтамыша, чеканенный в 789 г.х. (1387) в Шабране [1, с. 15].

В трудах д.и.н., профессора Мухаммеда Сейфеддини (1927 – 2004) был сделан обзор монетной системы Азербайджана XIV – I половины XV в., нашествий Джани бека на Азербайджан, рассмотрены его и последователей (Бердибек, Шадибек) монеты [14, с. 72, 225], отмечены торговые пути периода [15, с. 167–168].

В учебниках и каталогах д.и.н., профессора Али Раджабли (1927–2022) основываясь на монеты фонда Нумизматики НМИА, а также средневековые источники были предоставлены фото и информация о монетах джучидов (Джанибека, Бердибека, Токтамыша, Шадибека). Профессор именовал их Джучидами Кыпчака [10, с. 89–90; 11, с. 184; 12, с. 137–140; 13, с. 70–72]. В учебнике д.ф. по истории, доцента Г.А.Пиргулиевой «Основы нумизматики» сделан короткий экскурс денежного обращения с XIII по XIV вв. [9, с. 36–37]. Монетное хозяйство Азербайджана этого периода также было исследовано д.ф. по истории А.А.Кулиевым [2]. В статье 2019-го года д.ф. по истории Айгюн Маммадовой на тему: «Клады джучидских монет из фонда Нумизматики Национального Музея Истории Азербайджана как фактический материал исламоведения» впервые были предоставлены информация и фото серебряных монет (Менгу Тимур, Токта, Абдуллах), хранящихся в фонде Нумизматики НМИА [3, с. 66–71].

Монеты Джучидов, найденные в Азербайджане. Согласно нумизматическим сведениям на территории Азербайджана были обнаружены монеты Джучидов. Они были найдены как в составе монетных кладов, так и единично. В 1925-м году в Государственный Музей Азербайджана (ныне НМИА) была передана медная монета. В результате определения была выявлена медная монета Хызр-хана (тип 762 г.х. =

1360–1361), чеканенная в Сарай ал-Джедиде. По словам находчиков, она была найдена в районе Сальяны (в 130 км к юго-западу от г.Баку), в урочищах Чель-чирах и Кизыл-месджид [4, с. 58].

Медная монета (диаметр – 13,5–15,5 мм, высота – 0,5 – 0,7 мм, вес – 0,7 г) Сарай ал-Джадида с рисунком двуглавого орла была найдена в столице Азербайджана – городе Баку, в поблизости Девичьей башни, на поверхности земли в 1938-м году. Монета по типу относилась к половине XIV в. [5, с. 52].

В 1948-м году при археологических раскопках в городе Баку (улица Полухина), возглавляемых В.Н.Левиатовым была найдена медная монета. На лицевой стороне надписи арабской графикой: «эмир Тимур», «да будет вечным царствование его!», на обратной стороне 6-осевая розетка (Соломонова печать или щит Давида), в середине место чекана – Бакуйе.

Евгений Пахомов исследуя эту монету, наряду с ее типом обратился к историческим источникам. Ссылаясь на монеты, профессор отметил, что в 788–792 г.х. (1386–1389) в ширванских городах (Шемаха, Шабран и др.) чеканились монеты Токтамыша. А в 795 г.х. (1393) Тимур выделил в удел своему сыну мирза Миран-шаху южный Азербайджан, Рей, Дербенд, Баку, Ширван, Гилан и земли до Рума (Шараф ад-Дин). Но Миран-шах не пользовался правом чеканки монеты и вся монета чеканилась с именами Тимура (на меди) и именами джагатайских ханов (на серебре). В результате анализа медной бакинской монеты была выявлена примерная дата ее чеканки – с 792 г.х. (1385 – 1386) по 809 г.х. (1404 –1405; 6, с. 59–60), что соответствует правлению джучидов – Абдуллаха, Мухаммеда Булака, Бека Пулада, Тимура Кутлуга, Шадибека.

Итак, мы рассказали о медных монетах Джучидов, найденных в Азербайджане. Но согласно историческим заметкам в Азербайджане были найдены и серебряные монеты. Клад, состоящий приблизительно из 160 штук серебряных монет был найден между селениями Тава и Яныг-Кубалы, Кази-Магомедского района (ныне Аджикабул) Азербайджана, на левобережье реки Пирсагатчай, к северу от селения Тава, на склоне горы Ясты – калах. В январе 1958-го года туда были командированы сотрудники Института Истории АН Азербайджана Д.А.Халилов и Г.М.Ахмедов, которые получили от председателя Удулунского сельсовета Тутуханум Алиевой сведения о месте, подробностях находки и 13 монет. Эти монеты были доставлены ими в город Баку и осмотрены проф. Евгением Пахомовым. Они оказались следующими:

Джучиды Золотой Орды: 1) Шадибек (809 – 813 г.х. = 1406 – 1410), Бакуйа, 810 г.х. (1407–1408), со словом «правосудный», в сегментах следы имен 4-х халифов, вес – 5,61 г.

Ширваншахи-Дербендиды: 2–3) Аноним, Шемаха, вес – 4,47 и 4,68 г; 4) Аноним, Шемаха, вес – 4,47 г; 5) Шемаха, 824 г.х. = 1420–1421, вес – 4,43 г; 6) Шемаха, вес – 4,46 г; 7–8) Шемаха, вес – 4,31 и 4,41 г; 9) Шемаха, вес – 4,33 г; 10) Шемаха, вес – 4,37 г; 11) Дербенд, 829 = 1425–1426, 4,26 г; 12) Дербенд, 830 = 1426–1427, 4,39 г; 13) Дербенд, 4,33 г.

Итак, этот клад найденный на востоке Азербайджана раскрывает политическое и экономическую историю Азербайджана второй четверти XV века. Между первой и последней монетой клада насчитывается примерно 20 лет. Судя по этим показателям, клад дошел до профессора-нумизмата Е.Пахомова не в полном составе [8, с. 84–86].

Нумизматические находки, воссоздают информацию о монетных дворах XIV – начала XV вв.

Правление Джанибека I (741–758 = 1340–1356) и Бердибека I (758–760 = 1356–1358). В этот период на монетном дворе Ардабиль чеканились серебряные данги (1,45; 1,48 г). Также функционировали монетные дворы – Барда, Базар (2,42; 2,71; 2,8 г – четыре дирхема; серебро), Алагез, Марага (0,67; 1,15 г – данги, серебро), Нахчыван, Гарагадж (0,85 г; медь), Ширван (0,95 г – двойной дирхем, серебро), Табриз (1,39; 1,4 г; данг, серебро; 2,4; 2,5 г; пул, медь), Тифлис (0,57; 0,65; 0,99 г; серебро; 1,25 – 1,76 г; медь; 16).

Правление Токтамыша (788 – 792 = 1386 – 1389) и Шади бека (809 – 813 = 1406 – 1410). Судя по нумизматическим находкам известны серебряные монеты (динары) с именем Токтамыша, чеканенные в Баку с разным весом (1,39; 1,4 г; 1,7 г; 2,01 г; 5,43 г). Этот монетный двор функционировал и далее, что подтверждено тяжеловесными серебряными динарами (5,43 г; 5,61 г) с именами Шадибека и ширваншаха Ибрагима I [16].

Правитель Азербайджана, ширваншах Шейх Ибрахим I (1382–1417) вел очень гибкую политику. Он предпочитал подчиняться то фактически, то номинально разным государствам (Тимуриды, Джелаириды, Джучиды). В фонде Нумизматики НМИА хранятся разнотипные, анонимные серебряные тенги Дербенда (средний вес 5 г) периода его правления. На такие тенги чеканили арабской графикой место чеканки, а также слова: «величайши султан», «спасение в вере истине»; «да сделает Аллах его правление вечным», «нет божества кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха», «Абубакр», «Омар», «Осман», «Али». На этих тенгах не видно даты чекана [12, с. 141–142].

Имя Токтамыша чеканено на монеты Шабрана (1,36; 1,38; 1,42; 1,79 г – двойные динары, серебро), Дербенда (1,32; 1,39 г; двойной динар, серебро), Шемаха (1,32; 1,78 г – двойной динар, серебро; 1,43 г – динар, серебро; 5,12 г – танга, серебро, 1,93 г – фельс-пул, медь), Махмудабада (1,33; 1,37; 1,5 г; двойные динары, серебро; 16).

Ожесточенная битва тюркских династий продолжалась также в период его преемника, сына Шейха Ибрахима I – Халилуллаха I (1417–1465). Этот период тоже известен анонимными серебряными монетами – тенгами [12, с.142–143]. Изменения в чеканке Ширвана произошли после прихода к власти Фарруха Йассара I (1465–1500). Местное производство централизовалось в Шемахе и монеты стали выпускаться с указанием имени и даты. К концу правления этого ширваншаха вес тенги составлял не более двух граммов [12, с. 62–63].

Особенности монет Джучидов и ширваншахов-Дербенди. Исследование надписей серебряных монет Джучидов и ширваншахов-дербенди способствуют выявлению общих надписей и титулов. Среди таких надписей особо следует подчеркнуть арабские надписи: «правосудный», «да продлит вечно Аллах царствование его!», «Абубакр, Омар, Осман, Али». Такие монеты обделены в основном исламскими и др. изречениями, картушами, растительными мотивами, мелкими орнаментами, знаками-тамгами, а в редких случаях рисунками (лев и Солнце, птица, рыба и др.). Согласно надписям монет, титулами этих правителей были «хан» и «султан». Год чеканки монет отмечался в основном цифрами, согласно мусульманскому летоисчислению – году хиджры.

Монеты Джучидов, хранящиеся в музее НМИА. Ныне в фонде Нумизматики НМИА хранятся более 400 серебряных и медных монет Джучидов 751 – 820 г.х. (1350–1417), чеканенных на монетных дворах – Сарай ал-Джадид, Булгар, Азак, Мохша, Крым ал-махруса, Хорезм, Орда, Сарайчук и др. Показатели и фото этих монет благодаря усилию сотрудников фонда Нумизматики добавлены в электронную паспорт-программу, составленную программистами музея.

Эти монеты фонда были скуплены у коллекционеров, или подарены отдельными лицами. Они являются достоверными фактами, отражающими денежное хозяйство периода правления джучидских правителей – Джанибека I (741–758 = 1340–1356), Бердибека I (758–760 = 1356–1358), Кульна (Келдибека) (760–761 = 1358–1359), Науруза (761 = 1359), Хызр (761–762 = 1359–1360), Тимура Ходжи (762 = 1360), Орду-Мелика (762 = 1360), Мурида (763–764 = 1361–1362), Хайр Пулада (764–766 = 1362–1364), Пулада Ходжи (766 = 1364), Азиз Шейха (766–768 = 1364–1366), Абдуллаха (764–770 = 1362–1368), Мухаммеда Булака (771–779 = 1369–1377), Бека-Пулада (793–794 = 1390–1391), Тимура Кутлуга (799–802 = 1396–1399), Шадибека (802–810 = 1399–1407), Пулада (810–813 = 1407–1410), Тимура (813–814 = 1410–1411), Джелал ад-дина (814–815 = 1411–1412), Керима Берди (815 = 1412), Чекре (817–819 = 1414–1416), Дервиша (819–822 = 1416–1419).

Некоторые из этих монет демонстрируются в экспозиции музея. В Особом фонде музея хранятся два анонимных золотых динара (Рад, Рус, с. 70–72). Согласно годам чеканки их возможно причислить к правлению Абдуллаха (764–770 = 1362–1368):

1. XF 429/5496. Золотой динар. Харезм, 769 г.х. = 1367–1368, 0,69 г («ал-малик Аллах», «чекан Харезма», год 769);

2. XF 429/5496. Золотой динар. Харезм, 769 г.х. = 1367–1368, 1,14 г («ал-малик Аллах», «Мухаммед посланник Аллаха», «Осман, Али» «чекан Хорезма», год 769).

Ныне монеты Джучидов хранятся в разных музеях мира, личных коллекциях и демонстрируются на веб ресурсах. В учебных программах, статьях и докладах автора предоставлена информация о таких находках.

О международной торговле Азербайджана. В результате изучения средневековых источников, выяснены международные торговые связи XIII–XIV вв. В данный период в различных городах Азербайджана (в основном в Шемахе и Тебризе) вырабатывались меховые изделия из ценной пушнины (соболя, куницы и др.), которые привозили из северных стран, особенно из Руси. Такие товары поступали на продажу и являлись предметом импорта и экспорта [15, с. 167].

В данный период осуществлялась оживленная торговля Азербайджана со странами Западной Европы. Западноевропейские купцы, особенно генуэзцы пользовались в основном караванным путем Султанийе – Конйа, связующей Азербайджан с Малой Азией и европейскими странами [15, с. 167]. Благодаря торговым путям Азербайджан получал товары из Индии, Сирии, Китая, Руси и Персидского залива [15, с. 167].

Монетные клады XIII–XIV вв., найденные на территории Поволжья, особенно Татарстана, в разных областях России, Украины, состоят из джучидских, джелаиридских, джагатаидских монет, чеканенных на монетных дворах Азербайджана (Шабран, Шемаха, Астара, Бакуйа, Марага, Тебриз, Ардебил, Гюлистан и др.). Медные монеты Сарая аль-Джедида, найденные в Азербайджане также подтверждают о торговых связях.

Ссылаясь на монеты периода, ныне разработана определенная классификация нумизматики Джучидов, созданы отдельные группы. Монеты, чеканенные на Южном Кавказе, Иране и Ираке, чеканенные от имени ханов Золотой Орды (Джанибека, Бердибека, Токтамыша, Шадибека) состоят в основном из серебряных монет и медных пулов. Эта монетная продукция чеканилась в городах – монетных дворах – Алагез,

Амул, Ардабил, Баби, Багдад, Бакуйа, Барда, Базар, Дарбанд, Гянджа, Гуштасби, Ирбил, Махмудабад, Марага, Нахчыван, Гарагадж, Сарав, Серах, Шабран, Шамахы, Ширван, Табриз, Тифлис, Васит. Имена некоторых из этих монетных дворов ныне остались только на монетах. Кроме серебряных и медных монет данного периода в международной торговле употребляли легковесные золотые динары.

С 80-х годов XIV в. в связи с приходом Токтамыша на монетных дворах Тебриза, Дербенда, Шабрана и Махмудабада начался выпуск дирхамов с его именем на основе монетной системы Джелаиридов.

В XV в. анонимное ширванское серебро не только обеспечивало потребности государства Ширваншахов, переживающее период своего динамичного развития, а также удовлетворяло потребности соседних государств. Монетные клады этого периода состоят также из серебра Тимуридов, Джучидов, Каракойунлу и др. династий.

Монеты данного периода выпускались также в Центральной Азии (Гутлугкенд, Ордуйид, Хаббах, Сигнаг, Барчин, Джанд, Тирмиз и др.), в регионе Черного моря (баладе Кырым, Каффа, Килийа ал-Махрусе, шахр Абд, Сакче, Кырык йер, Шахр ал-Джадид, шахре Нау, Акча Керман, Урда и др.), реки Волги (Гюлистан ал-Махруса, Хаджи Тархан, Сарай ал-Джадид, Сарай, баладе Гюлистан, Базджин, Адл, Илуй Муаззам, Билйар, Булгар, Нуручат, Шонгат и др.), Маджар (Маджар ал-Джадид), Бик Базаре и др. стратегически важных пунктах государства.

Рис. 1. НФ 3562. Медный пул. Хызр-хан (761–762 г.х. = 1359–1360), Сарай ал-Джадид, 762 г.х. = 1360–1361, 2,9 г (редкая монета. Печатается впервые, хранится в фонде Нумизматики НМИА)

Рис. 2. НФ 1098. Серебряный дирхам. Абдуллах-хан (764–771 г.х.= 1362–1370), 1,4 г (печатается впервые, хранится в фонде Нумизматики НМИА).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древние и среднековые монеты Азербайджана. Памятники материальной культуры. Каталог / Под общ. ред. П.Азизбековой, текст А.М. Раджабли. Баку, 1989. 28 с.

2. Кулиев А.А. Монетное дело и денежное обращение Азербайджана в XIV–XV веках. Баку, 2006. 237 с.

3. Мамедова А.М. Клады джучидских монет из фонда Нумизматики Национального Музея Истории Азербайджана как фактический материал исламоведения // Международная научно-практическая конференция «Опыт исламоведческих исследований в контексте возрождения и развития отечественной богословской школы»: сборник научных докладов конференции. Болгар, 20–22 ноября 2019 г. / сост.: Д.М. Абдрахманов, А.А. Тимерханов, А.К. Хурматуллин. Казань: ИД «МеДДоК», 2020. С. 66–71.

4. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I. Баку, 1926. 68 с.

5. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949. 44 с.

6. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VI. Баку, 1954. 64 с.

7. Пахомов Е.А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV века. По монетным данным // КСИИМК. 1956. № 66. С. 47–50.

8. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку, 1966. 109 с.

9. Пиргулиева Г.А. Основы нумизматики. На азерб.яз. Баку: Нафта-Пресс, 2009. 63 с.

10. Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку: Элм ва хаят,1997. 232 с.

11. Раджабли А.М. Монеты Азербайджана (на азерб. и рус.). Баку: Халгбанк, 2012, 358 с.

12. Раджабли А.М. Монетная чеканка в государстве Ширваншахов (VIII – XVI веков). На азерб., рус. и анг. яз. Баку: Элм ва тахсил, 2015. 240 с.

13. Раджабли А.М., Рустамбекова А. Золотые монеты средневековых мусульманских государств. На азерб. рус. и анг. яз. Баку: AFpoliqrAF, 2020.

14. Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Т. II. Баку: Элм, 1981. 244 с.

15. Сейфеддини М.А., Мирабдуллаев А. Денежное обращение и монетное дело Азербайджана IX–XIV вв. Баку: Нафта Пресс, 2004. 267 с.

16. Juchid (Khans of the Golden Horde) // www.zeno.ru

Сведения об авторе: Айгюн Муса гызы Маммадова – Ph.D. (история), главный специалист фонда Нумизматики, Национальный Музей Истории Азербайджана (Баку, Азербайджан); ORCID: 0000-0002-0274-5191. E-mail: aygun_kons@mail.ru

COINS OF THE JUCHID AS A FACT OF MEDIEVAL TRADE RELATIONS OF AZERBAIJAN

A.M. Mammadova
National Museum of History of Azerbaijan

For the first time, the article provides information on the medieval monetary circulation of Azerbaijan based on individual coins and coin hoards with coins of the Juchid (khans of the Golden Horde; 650 – 886 AH = 1261 – 1481), found in Azerbaijan (Salyan, Baku, Hajigabul). As a result of comparative numismatic analysis, the article also presents the products of local mints of Azerbaijan, conclusions are made about the main coin denominations of the Juchid (dirham, dinar, tenga, pula), about inscriptions, mints and conclusions about coin minting. Currently, the Jochid coins (gold, silver, copper) are stored in the collections of the National Museum of the History of Azerbaijan (Numismatics fund and Special fund) and are displayed in the exposition. Among these coins there are also rare ones. Such coins have also been found in other parts of the South Caucasus, in cities and regions of Russia.

Keywords: Juchid, Azerbaijan, coins, Numismatics fund, mints

About the author: Aygun M. Mammadova – Ph.D. (History), Head Specialist of Numismatic Fund, National Museum of History of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan); ORCID: 0000-0002-0274-5191. E-mail: aygun_kons@mail.ru

УДК 737.11

МОНЕТЫ ТОКТАМЫША С ЛЕГЕНДОЙ ЧЕКАН ОРДЫ «СЭТУДАН»

Л.Б. Добромыслов[1], Б.И. Леонов[2]
[1] Тамбовское общество любителей краеведения
[2] Нумизмат-исследователь

Данная статья является публикацией обширного исследования монет хана Золотой Орды Токтамыша с загадочной легендой оборотной стороны чекан Орды «Сэтудан». Имея достаточно большой объем исследуемого материала (монет), с использованием точных компьютерных прорисовок, штемпельного анализа, удалось построить штемпельные сетки этой чеканки, а исследуя несколько кладов с известным временем сокрытия ориентировочно установить места и время выпуска.

Ключевые слова: Золотая Орда, Хан Токтамыш, монетный двор, штемпель, штемпельная сетка, Крым

Создав прорисовки штемпелей и построив штемпельные сетки, удалось установить, что монеты с такой легендой оборотной стороны разбиваются на два независимых выпуска, кардинально отличающихся друг от друга лицевыми сторонами, максимальными весами, компоновкой легенд. Мы пришли к заключению, что такие монеты, хотя и принадлежат одному эмитенту, но выпускались на разных территориях в разное время. Мы разделили их на *первый* и *второй* выпуски.

Первый выпуск. На рис. 1 приведен хронологический ряд износа штемпеля Ав101. Показаны изменения штемпеля во времени в процессе эксплуатации. В соответствии с этими изменениями удалось показать порядок вступления в работу оборотных штемпелей Рев101, Рев102 и Рев103, имеющих штемпельные связи с Ав101. На рис. 2 показана штемпельная сетка первого выпуска. Помимо небольшой цепочки штемпеля Ав101, в работе принимали участие еще две штемпельные пары штемпелей Ав102-Рев104 и Ав103-Рев105. Штемпели однотипны и входят в общую сетку первого выпуска. Первый выпуск не имеет штемпельных связей со штемпелями второго выпуска, лицевые штемпели по компоновке легенды, выполненной совершенно оригинально, не имеют ничего общего со штемпелями второго выпуска. Также два выпуска отличаются весовыми характеристиками. Весовая диаграмма показана на диаграмме 1.

Максимум приходится на вес 1,37 г. В работе участвовало всего три лицевых штемпеля, что свидетельствует о небольшом объеме выпущенных монет и непродолжительном времени чекана. И действительно монеты не частые, встречаются в центральных областях современной Украины.

Топография находок.

Клад монет и платежных слитков из Харьковского Поудья. В.Г. Шапошник, В.В. Зайцев.

Одна монета Сэтудан первого выпуска (№126). Пара Ав101-Рев101. Младшая монета – поокское подражание Тимур Кутлугу (2 экз). [7, с. 157, рис. 126].

Арсеньевский клад. Тульская обл. (не опубликован). Две одноштемпельные первого выпуска. Младшие монеты клада – Х-Т 795г.х.; Денга Василия Дмитриевича.

Большой клад из Харьковской обл. (более 1000 монет). Фрагментарно опубликован на электронном сайте Расмир под ником Олександр. Единственный известный авторам комплекс, в котором присутствуют монеты обоих выпусков. Младшие монеты Шадибек [13].

Из приведенной выборки следует, что все монеты «Сэтудан» присутствуют только в комплексах, сокрытых не ранее 797 г.х. В комплексах, сокрытых ранее, такие монеты отсутствуют. Этот вывод относится к обоим выпускам. Топография находок второго выпуска показана в разделе «монеты «Сэтудан» второго выпуска».

Легенды монет первого выпуска. Все три лицевых штемпеля однотипны. Харфы расположены достаточно оригинально, в то же время соответствуют общепринятому формуляру. Легенда читается достаточно уверенно: Султан справедливый, хан Токтамыш, да продлится.

Пять оборотных штемпелей также близки друг другу, но чтение легенды достаточно затруднительно. Первые две строки легенды можно интерпретировать, как чекан Орды в.

Особую сложность вызывает прочтение третьей строки. Существует три версии интерпретации этой графемы «Сэтудан».

Первая версия принадлежит Ю.Е. Пырсову. Он интерпретирует эту графему, как эпитет «прославленная». В своем каталоге он приводит описание пяти монет (две одноштемпельны), стр. 37, номера: 380/083а; 381/083; 382/083б; 383/083в, а по очень схематичным прорисовкам можно определить, что одна монета относится к первому выпуску, остальные ко второму (таблица прорисовок, номера соответствуют описанию) [4. с.37].

Рев102
Рев102
Рев102
Рев101
Рев101
Рев101
Рев101
1,38
1,40
1,32
1,37
Ав101
Харьк. 9
Ав101
Ав101
Ав101
Ав101
След от соударения
Рев103
Рев103
Рев103
Рев103
1,37
Ав101-Рев103
Ав101-Рев103
Ав101-Рев103

Рис. 1

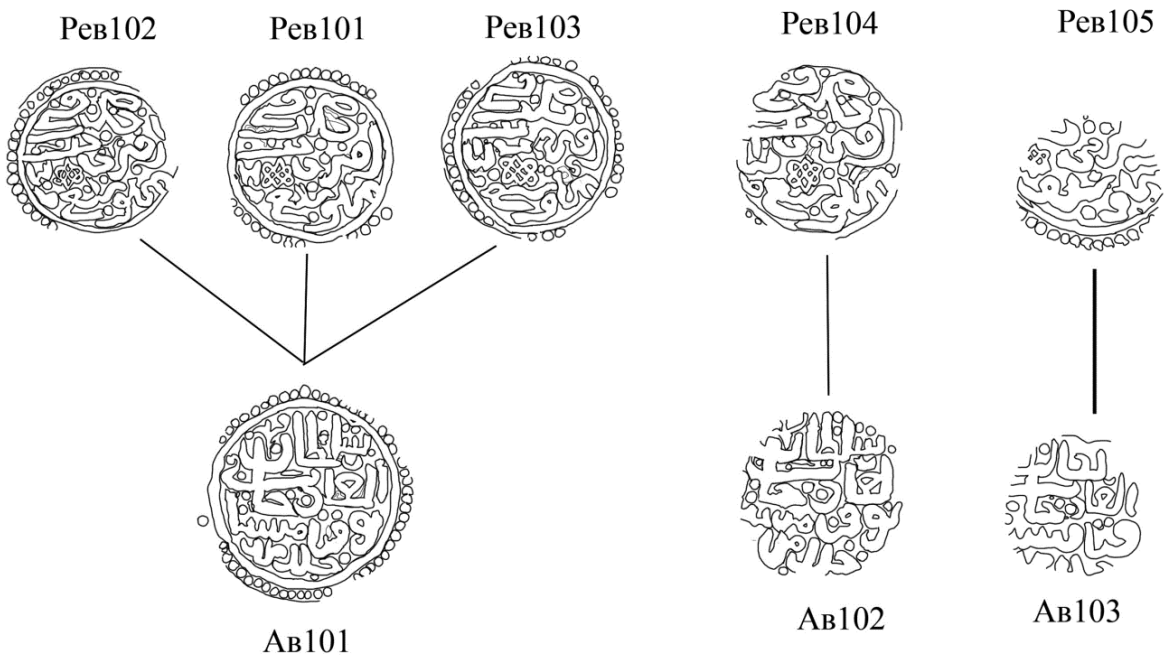

Рев102
Рев101
Рев103
Рев104
Рев105
Ав101
Ав102
Ав103

Рис. 2

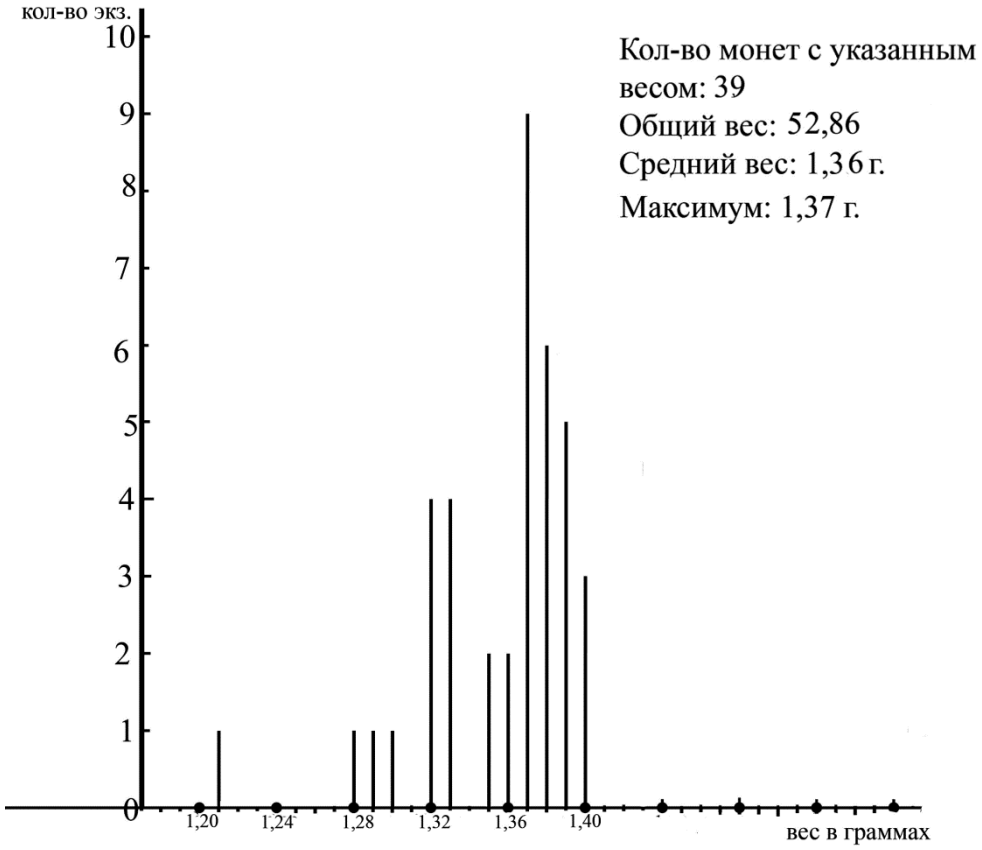

Диаграмма 1

Вторая версия. Е.Ю. Гончаров. Он считает, что на третьей строке дана дата буквами 787 [9]. Эту дату он помещает под изображением монет этой серии в базе Зено [10].

Третья версия – Ф.В. Ермолов. По его мнению на третьей строке вывороченный «шекур» (месяц) и цифра 7 или 8 [11].

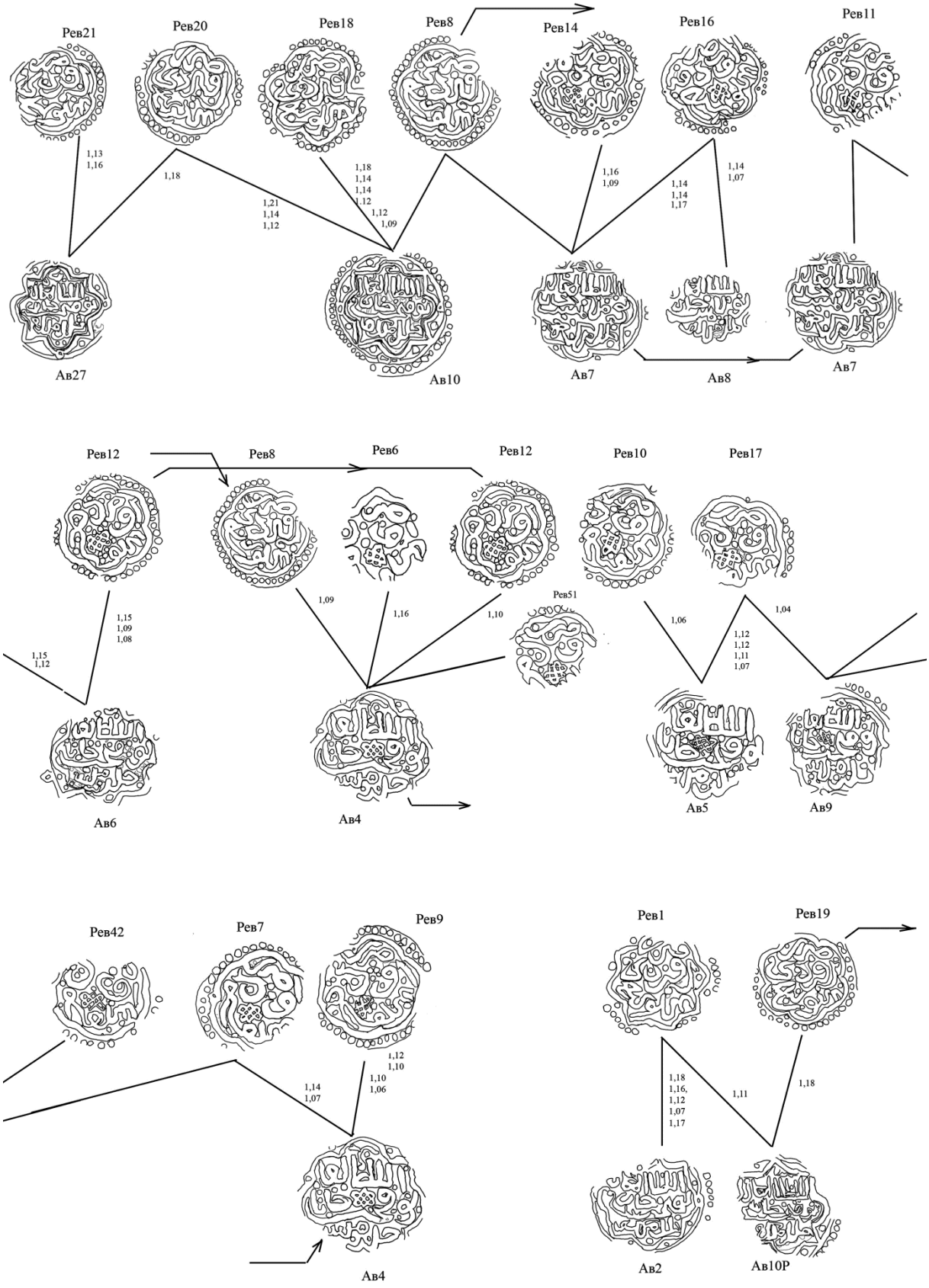
Наша версия близка к версии Ф.В. Ермолова – «Чекан Орду в месяце 7(или 8) года». Это один из вариантов интерпретации очень искаженной легенды. Такой вывод по прочтению этой графемы относится к обоим выпускам.

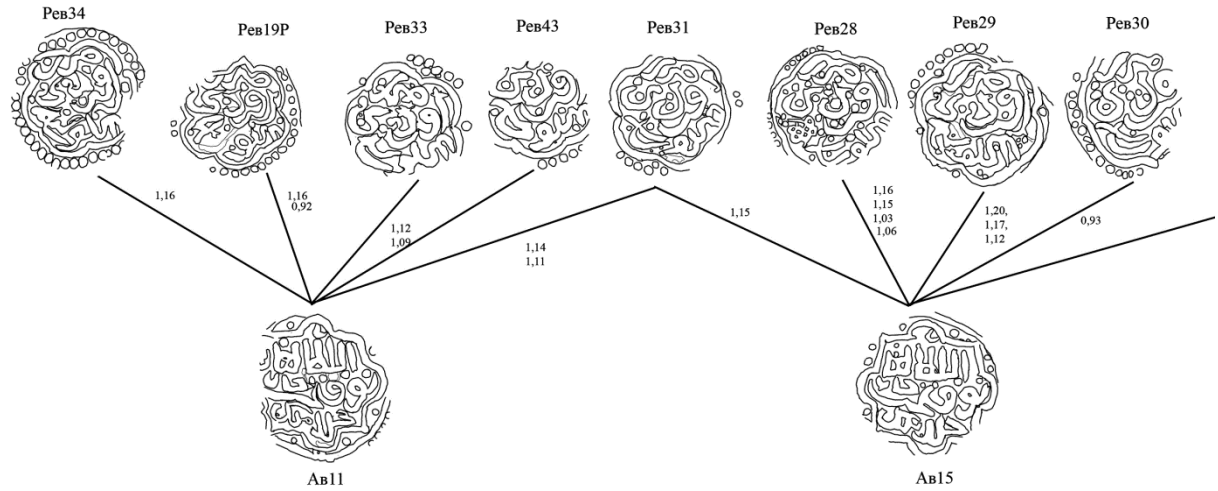
О месте чеканки первого выпуска. При первом поражении Токтамыша от Тамерлана в 793 г.х., оглан Бек Пулад, предавший его, захватил власть, провозгласил себя ханом. Вот что пишет о этих событиях Ибн Халдун, современник Токтамыша и Тамерлана: "Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Тохтамыша и домочадцев его. Разбрелись в разные стороны эмиры, с которыми Тимур входил в сношения. Они отправились в пограничные области и утвердились там. Тохтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат бежал в Крым и овладел им" [6. с. 391–393].

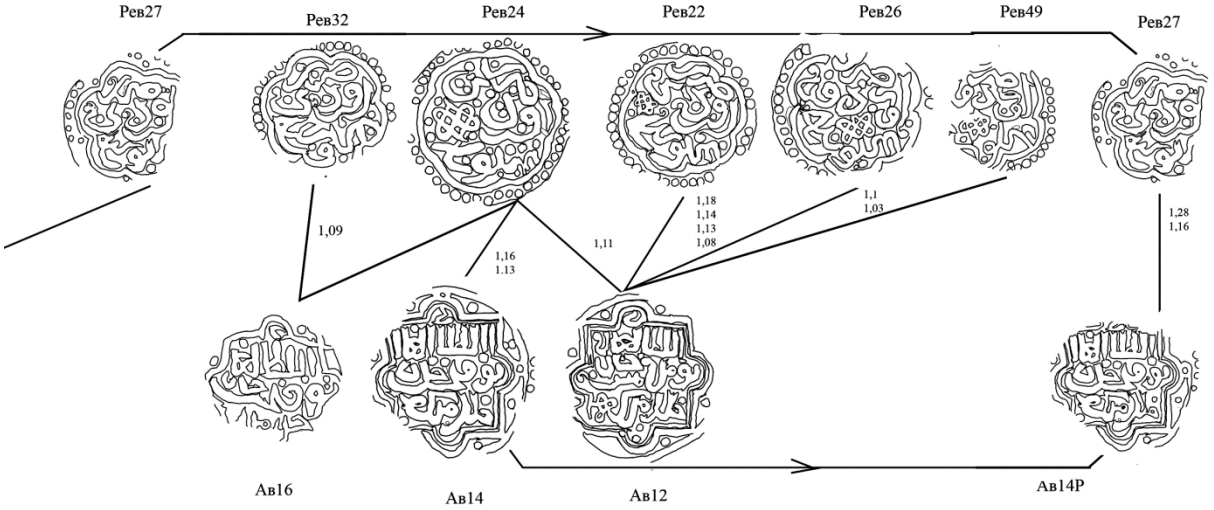
По нашей версии, не будучи уверенным в исходе схватки с Тамерланом, незадолго до битвы Токтамыш отправил имущество и домочадцев в глубокий тыл – на пограничье Орды и Литвы, вероятно на территорию подконтрольную ВКЛ, посчитав, что там они будут в безопасности. И он оказался прав. Мы предполагаем, что именно там происходила чеканка монет первого выпуска, и оттуда они потихоньку расходились по территории Орды. Таким образом, мы относим этот выпуск к локальному чекану семейной ставки Токтамыша 797 г.х.

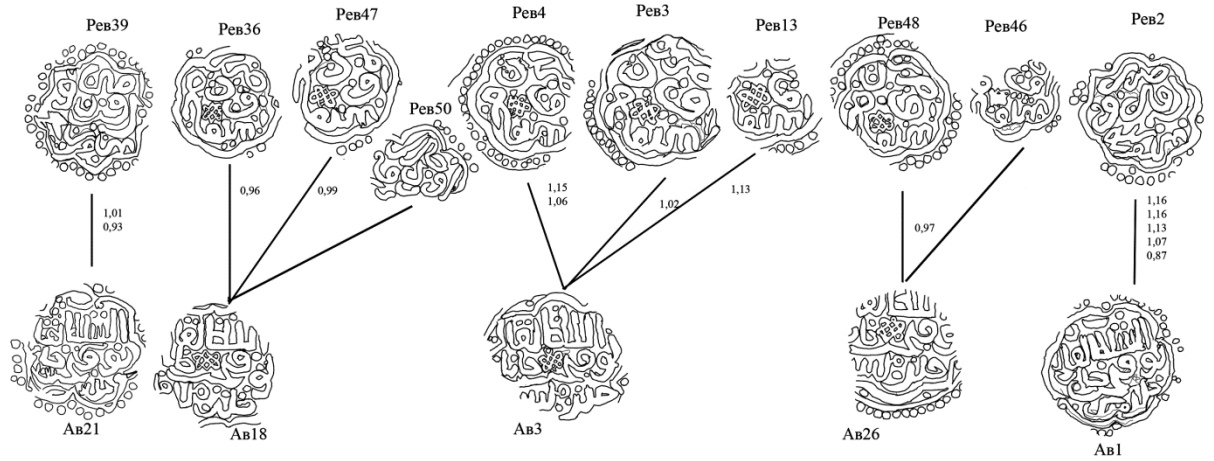
Второй выпуск. Второй выпуск, в отличии от первого, значительно объемней. Состоит из 29 лицевых и 49 оборотных штемпелей, включая правки. Основная масса связалась в общую штемпельную цепочку, к ней примыкают несколько отдельных узлов и штемпельных пар, которые по характеру исполнения надписей близки к основной цепочке. По нашему мнению составляют с ней общую сетку. Лицевые стороны подобны друг другу, главное отличие: на некоторых помещен узел счастья, а на части штемпелей он отсутствует. Легенды выполнены по общепринятому формуляру: Султан справедливый/Токтамыш хан/ да продлится его правление.

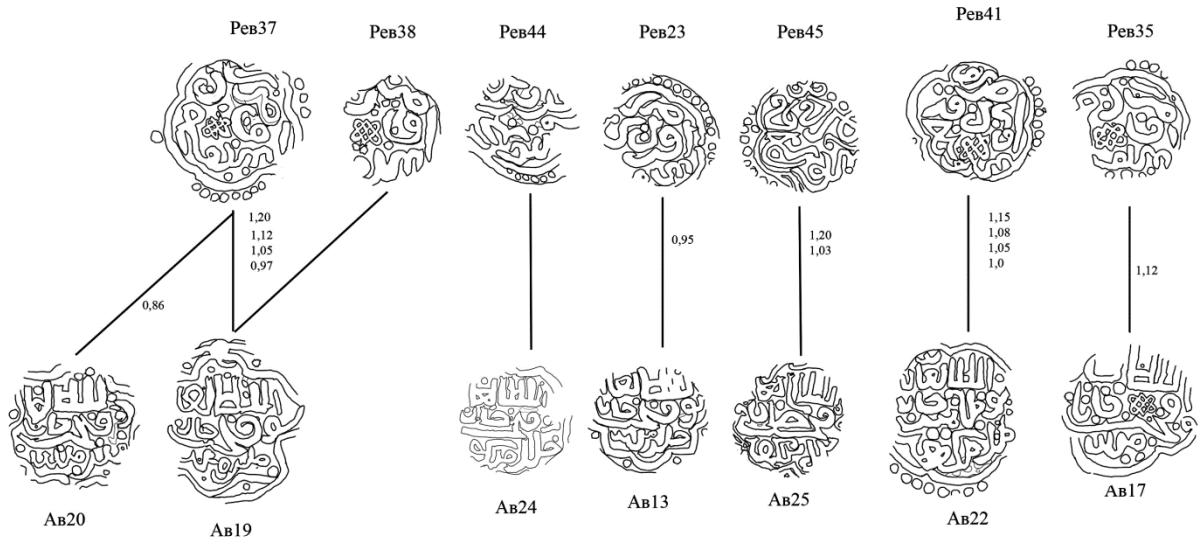
Штемпельная сетка второго выпуска

Рев34
Рев19Р
Рев33
Рев43
Рев31
Рев28
Рев29
Рев30
1,16
1,16
0,92
1,12
1,09
1,14
1,11
1,15
1,16
1,15
1,03
1,06
1,20,
1,17,
1,12
0,93
Ав11
Ав15

Рев27
Рев32
Рев24
Рев22
Рев26
Рев49
Рев27
1,09
1,16
1,13
1,11
1,18
1,14
1,13
1,08
1,1
1,03
1,28
1,16
Ав16
Ав14
Ав12
Ав14Р

Рев39
Рев36
Рев47
Рев50
Рев4
Рев3
Рев13
Рев48
Рев46
Рев2
1,01
0,93
0,96
0,99
1,15
1,06
1,02
1,13
0,97
1,16
1,16
1,13
1,07
0,87
Ав21
Ав18
Ав3
Ав26
Ав1

Оборотные штемпели инвариантны. На большинстве также помещен узел счастья, но на некоторых он отсутствует. Первые две строки легенды читаются уверенно: Чекан Орды, а на третьей обязательно присутствует такая же графема, как на первом выпуске – «Сэтудан». Слово Орду на некоторых штемпелях написано грамматически правильно с конечным «вав». Но на большинстве конечное «вав» отсутствует, слово заканчивается буквой «йа». Такая форма встречается и на других штемпелях монетного двора Орды более ранних выпусков в 791 г.х. Штемпельная сетка показана на семи файлах, рядом с линиями схемы, соединяющими лицевые и оборотные штемпели, даны значения весов, имеющихся в базе.

Рассмотрим последовательность работы данной монетной мастерской. Первым вступает в работу узел штемпеля Ав27 с Рев21 и Рев20, затем Ав10 и так далее с последовательной сменой оборотных штемпелей. Ав7, после работы со своей группой реверсов, вводится в работу повторно с Рев11. Также и Рев8, отработав с Ав10 и Ав7, через некоторое время повторно используется в паре с Ав4. Повторное использование штемпелей объясняется выводом их из рабочего цикла для небольшой зачистки и ремонта с последующим возвратом в работу. Штемпели не работают до окончательного износа, а периодически ремонтируются. Это встречается и далее на протяжении работы этой мастерской. Непрерывность штемпельной цепочки заканчивается на паре Ав4-Рев9, где Ав4 работает повторно в довольно изношенном состоянии. Эта пара завершает первый этап работы. Второй этап начинается с работы с новыми штемпелями Ав2-Рев1, затем в процесс вступает отремонтированный Ав 10Р, ранее работавший на первом этапе. Рев19 после правки повторно работает с Ав11 (пара Ав11-Рев19Р). Непрерывность цепочки, с учетом вывода отдельных штемпелей в ремонт и повторным их использованием, продолжается до пары Ав14Р-Рев27. На этом заканчивается второй этап. Далее на схеме показаны несколько штемпельных узлов и отдельных пар, не имеющих связей ни с первым, ни со вторым этапом. Вероятно это третий этап, когда чеканка велась не так интенсивно и использовались новые штемпели, эпизодически поступавшие на монетный двор. Следует обратить внимание, что на втором и третьем этапе использовались совершенно новые штемпели, не работавшие ранее на первом этапе, за исключением штемпеля Ав10Р. Это свидетельствует о именно такой последовательности работы данного двора.

Весовая диаграмма показана на диаграмме 2.

Топография находок.

1. Клад найден в западных уездах Воронежской области в 1915 году. Присутствует одна монета «Орда Сэтудан» второго выпуска. По описанию клада № 324. Младшая монета – Тимур Кутлуг чекан Азака [1].

2. Крымский клад, опубликованный Н.Н. Ивановым. В составе клада 7 экз. монет второго выпуска.

Младшая монета – Тимур Кутлуг 800 г.х. Также присутствует большое количество монет Токтамыша Крымской чеканки 796 г.х. [3. с. 454–484].

3. Клад исследованный Л.Н. Булава. Со слов находчика: «Скорее всего был клад .когда пахали растянуло на 100–150 метров». Харьковская обл., Змеевский р-н, поселок Свидки.

Клад состоит из 50 монет. В составе клада много монет Токтамыша Крымской чеканки 796, Одна монета «Орда Сэтудан» второго выпуска – пара Ав19-Рев37 (клад не опубликован).

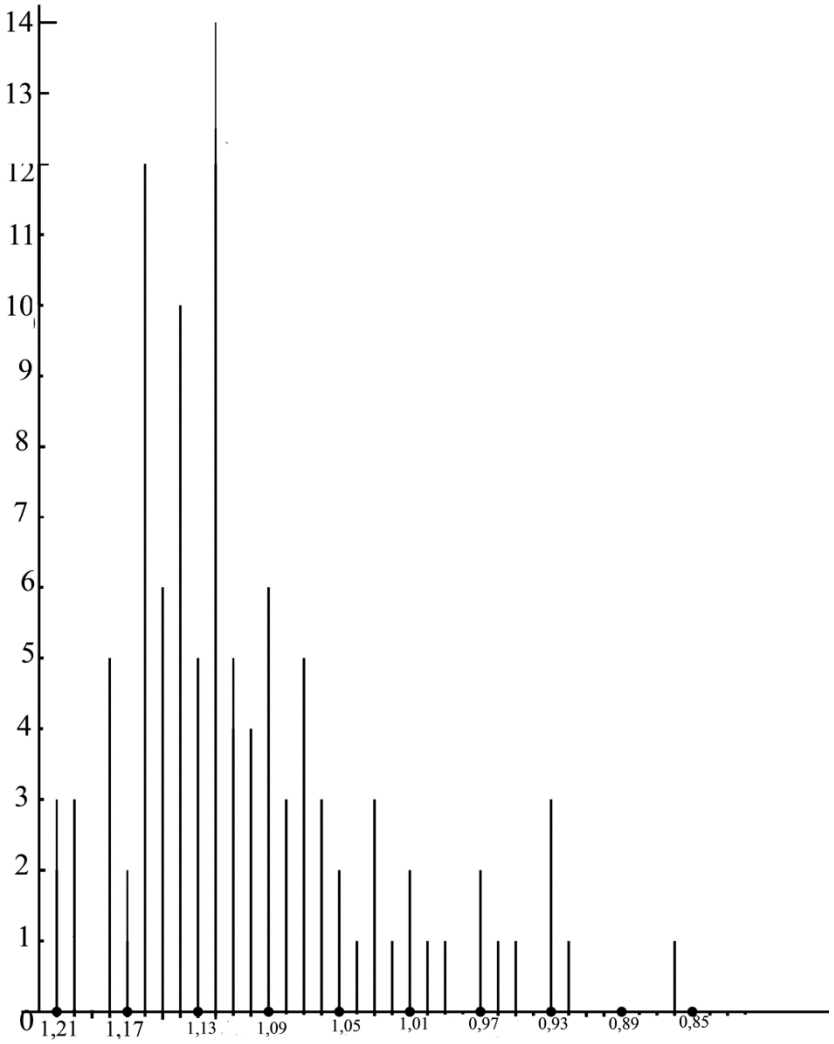

Диаграмма 2

4. Автор – под ником Alexcom. Монеты представлены фрагментарно на форуме восточных монет Расмир.

Кошелек состоит из 57 монет. Найден в Крыму. Основная масса – монеты Токтамыша крымской чеканки 796. В составе – три монеты «Орда Сэтудан» второго выпуска. Младшая монета чеканки Тимур Кутлуга (в печати не публиковался) [8].

5. Клад публиковался на украинском нумизматическом форуме «Виолетта». 1050 монет. В составе три монеты «Орда Сэтудан» второго выпуска. Младшая монета чеканки Шадибека.

6. Автор – под ником Kadet721. Клад из 300 монет, основное ядро клада монеты Токтамыша чеканки Крыма 796. Младшая монета чеканки Шадибека. Присутствует 7 монет «Орду Сэтудан» второго выпуска. Найден в Тульской области. Опубликован фрагментарно на форуме «Расмир» [12].

7. Клад 1 из Киевской обл. Всего порядка 100 монет. 8 экз. монет «Орда Сэтудан» второго выпуска. Младшая монета – анонимная времени Тимур Кутлуга Азак.

8. Клад 2. Киевская область Барышевский район. Всего 70 монет. 7 экз. «Орда Сэтудан» второго выпуска. Присутствуют монеты Токтамыша Крымской чеканки 796. Младшая монета чеканки Тимур Кутлуга.

9. Черкасская область. Около 200 монет.

Младшая – Шадибек Орду ал-Джадида 802–803. 9 экз. «Орду Сэтудан» второго выпуска.

10. Автор – под ником Олександр. Харьковская обл. Публиковался фрагментарно на форуме «Расмир». Клад содержит более 1000 монет, входит большое ядро монет Токтамыша Крымской чеканки 796, более двух десятков монет обоих выпусков «Орды Сэтудан» [13].

11. Из единичных находок известно о находке монеты пары Ав10-Рев20 (второй выпуск) в районе Бахчисарая в Крыму.

Анализ приведенных кладов. Стоит обратить внимание, что все монеты этой серии встречаются только в комплексах, сокрытых не ранее 797 г.х. В более ранних комплексах сокрытия они отсутствуют.

Рассмотрим комплексы обнаруженные в Крыму – 2;4. Во всех этих комплексах, наряду с монетами «Орду Сэтудан» второго выпуска, обязательно присутствуют монеты Токтамыша Крымской чеканки 796. Монеты первого выпуска на территории Крыма не обнаружены.

Комплексы, найденные на территории центральных областей Украины и Тульской области, наряду с большим ядром монет Токтамыша Крымской чеканки 796, содержат, в основном, монеты второго выпуска. Исключением является клад 10, в котором присутствуют оба выпуска и клад, опубликованный В.Г.Шапошниковым, в котором имеется всего один экземпляр первого выпуска.

Необходимо отметить, что после поражения в 797 г.х., Токтамыш не сошел с политической сцены, а продолжал бороться за власть, о чем свидетельствуют его монеты, выпущенные в Хаджи -Тархане в 799 г.х., [5. с.139–140], его участие в битве на реке Ворскле с Едигеем и Тимур Кутлугом – официальным ханом Золотой Орды и так далее. Одним из важных для нашего исследования сообщений, является упоминание в нарративных источниках сведений о пребывании Токтамыша в Крыму.

«В субботу, 16 джумадиэлахыра 799 года (= 17 марта 1396 г.) к высочайшему двору, в Мысре богохранимым, пришло известие, что кан Токтамышхан, государь стран «Северныя Степи» , сидевший на престоле Беркехана в землях Кипчацких, собрал войска и пошел на владетеля города Кафы, лежащей на берегу Крыма» [6, с. 364]. Также авторы книги «Золотая Орда и ее падение» Греков Е.Д., Якубовский А.Ю. приводят еще несколько таких сведений [2, с.377–378].

Выводы. По нашей версии:

1. Монеты с именем Токтамыша на лицевой стороне и легендой на оборотной: чекан Орды (чеканено в Орде) и непонятной графемы «Сэтудан» в третьей строке, чеканились двумя выпусками, на разных территориях, принадлежащих одному эмитенту. Это следует из наличия двух отдельных штемпельных сеток, не связанных друг с другом.

2. Монеты этих типов присутствуют только в кладах, сокрытых не ранее 797 г.х. и позже. В более ранних кладах они отсутствуют. Соответственно, время чеканки определяется также не ранее 797 г.х.

3. Первый выпуск чеканился на территории приграничья Литвы и Орды. Эмитентом является семейная орда хана Токтамыша. Выпуск довольно ограниченный и краткосрочный. Использовалось всего три лицевых штемпеля. Монеты расходились по центральным областям орды.

4. По нашей версии графема «Сэтудан» может обозначать дату «месяце 7(или 8) года».

5. В дальнейшем эта орда перекочевала в Крым, на территорию подконтрольную Токтамышу.

По сведениям источников, Токтамыш контролировал часть области. Второй выпуск чеканился уже там.

В Крыму Токтамышем был осуществлен огромным тиражем выпуск монет с легендой оборотной стороны «Чекан в области (городе) Крым 796».

Монеты этого типа в большом количестве присутствуют в кладах, тезаврированных в Крыму. Они почти полностью заполнили денежное обращение полуострова и по торговым путям проникали на территории остальных областей Золотой Орды. По кладам, рассмотренным в нашем исследовании, совместно с этим типом в них присутствуют монеты «Орду Сэтудан», которые также вливались в денежное обращение Крыма и тоже совместно с типом 796 года растекались по различным областям. Приведенные клады это наглядно подтверждают.

Авторы выражают признательность коллегам за помощь: А.А. Гомзину, Р.Ю. Савоста, А.В. Мыльцеву, А.П. Козлову, А.А. Шевчуку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В., Лебедев В.П. Воронежский клад джучидских монет рубежа XIV–XV веков // Вестник ВГУ, Серия: История, Политология, Социология. 2012. №2.

2. Греков Е.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 473 с.

3. Иванов Н.Н. Клад джучидских монет, найденных в Крыму в 1964 году // Материалы по Археологии, Истории и Археологии Таврии. Выпуск 8. Симферополь, 2001.

4. Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Казанский университет, 2002. 64 с.

5. Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана и Сарая конца XIV века // Археология Евразийских Степей. №6. Казань, 2017. С. 128–146.

6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 563 с.

7. Шапошник В.Г., Зайцев В.В. Русь, Литва, Орда. Выпуск 12. М., 2023. С. 134–161.

Интернет-ресурсы:

8. Alexcom. https://rasmir.com/FORUM/topic/10123-dirhemy-s-odnogo-kompleksa/#comments

9. Гончаров Е.Ю. https://rasmir.com/FORUM/topic/7218-interesnye-dangi-zolotoy-ordy-na-opredelenie/page/45/#comment-137510

10. Гончаров Е.Ю. https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=286916

11. Ермолов Ф.В. https://rasmir.com/FORUM/topic/7218-interesnye-dangi-zolotoy-ordy-na-opredelenie/page/45/#comment-137510

12. Kadet721. https://rasmir.com/FORUM/topic/5947-dirhemy-na-opoznanie/#comments

13. Олександр. https://rasmir.com/FORUM/topic/15811-pomogite-s-monetami ; https://rasmir.com/FORUM/topic/10378-pomogite-pliz-razobratsya-s-monetami-ordy/page/30/#comment-95020

Сведения об авторах: Леонид Борисович Добромыслов – нумизмат-исследователь, сотрудник Региональной общественной организации «Тамбовское общество любителей краеведения» (Тамбов, Российская Федерация). E-mail: adobromislova@mail.ru

Борис Иванович Леонов – нумизмат-исследователь (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: overshtag@bk.ru

TOKHTAMYSH COINS WITH THE LEGEND OF THE HORDE COINAGE "SETUDAN"

L.B. Dobromyslov[1], B.I. Leonov[2]

[1] Tambov Society of Local History Lovers

[2] Numismatist-researcher

This article is a publication of an extensive study of the coins of the Golden Horde Khan Tokhtamysh with a mysterious legend of the reverse side of the Horde coinage "Setudan". Having a fairly large volume of the studied material (coins), using precise computer drawings, stamp analysis, it was possible to construct stamp grids of this coinage, and by examining several hoards with a known time of concealment, approximately establish the places and time of issue.

Keywords: Golden Horde, Khan Tokhtamysh, mint, stamp, stamp grid, Crimea

About the authors: Leonid B. Dobromyslov – Numismatist-researcher, Employee of the Regional Public Organization "Tambov Society of Local History Lovers" (Tambov, Russian Federation). E-mail: adobromislova@mail.ru

Boris I. Leonov – Numismatist-researcher (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: overshtag@bk.ru

УДК 737.1

НЕОБЫЧНАЯ МОНЕТА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ХАНА ТОКТАМЫША С СИМВОЛОМ ВЕРЫ

Л.Б. Добромыслов
Тамбовское общество любителей краеведения

Статья посвящена определению времени и места выпуска необычной серебряной монеты хана Золотой Орды Токтамыша с куфической легендой на одной стороне и символом веры на другой. Материалом исследования являются три монетные пары Токтамыша, связанные между собой технологическими связями. Исследование проводилось с помощью штемпельного анализа, создания точных компьютерных прорисовок штемпелей, привлечения нарративных источников. Учитывая износ и правку штемпелей построена штемпельная цепочка с хронологическим расположением штемпельных пар. В результате удалось прийти к наиболее вероятной версии происхождения такой монеты, месте и времени ее выпуска. Подобное исследование проводится впервые.

Ключевые слова: Золотая Орда, двулицевики, хан Токтамыш, ханская Орда, штемпель, цепочка, Крым

В 2019 году было проведено исследование группы монет Токтамыша на обеих сторонах которых расположены аверсные легенды, выполненные характерным куфическим шрифтом [1, с.200–225]. Часть штемпельных оттисков на таких монетах образовала связанную штемпельную цепочку, среди которых присутствовали и штемели с указанием на место выпуска – *Чекан Орды*. Это дало нам основание атрибутировать эту часть монет, как чекан ханской Орды. Также встречены монеты, на одной стороне которых аналогичная легенда куфическим шрифтом, а на другой – выпускные данные монетного двора Маджар. Они отнесены нами к чекану Маджара. Вторая часть аналогичных штемпелей с аверсными легендами на обеих сторонах в цепочку не попала, т.к. она представляет разрозненные пары и отдельные небольшие узлы. Мы назвали их «Двулицевики с квадратным куфическим шрифтом чекана Орды *условно*», поскольку, кроме общего оформления, нет никакой информации о принадлежности их к какому-либо монетному двору. Недавно обнаружилась штемпельная пара на одной стороне которой такая же легенда куфическим шрифтом, на другой символ веры. Ранее такие монеты не встречались. Атрибуции этих монет посвящено данное исследование.

Недавно обнаружилось несколько монет, часть штемпелей которых принадлежат этому же виду двулицевиков. Пара Ав2-Рев1. Эта пара имелась в базе в двух экземплярах. Представляет двулицевик, не попадающий в цепочку чекана ханской Орды и Маджара упомянутой выше. Показан на рис. 1 и рис. 4 (для структурирования штемпельной цепочки один из лицевых штемпелей этой пары обозначен как Рев1).

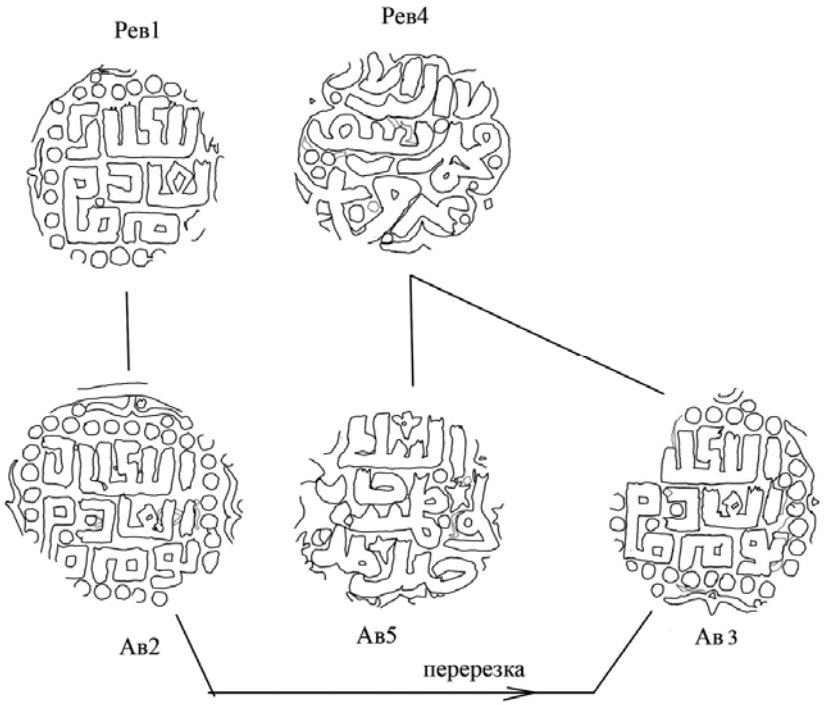

Рис. 1. Штемпельная цепочка

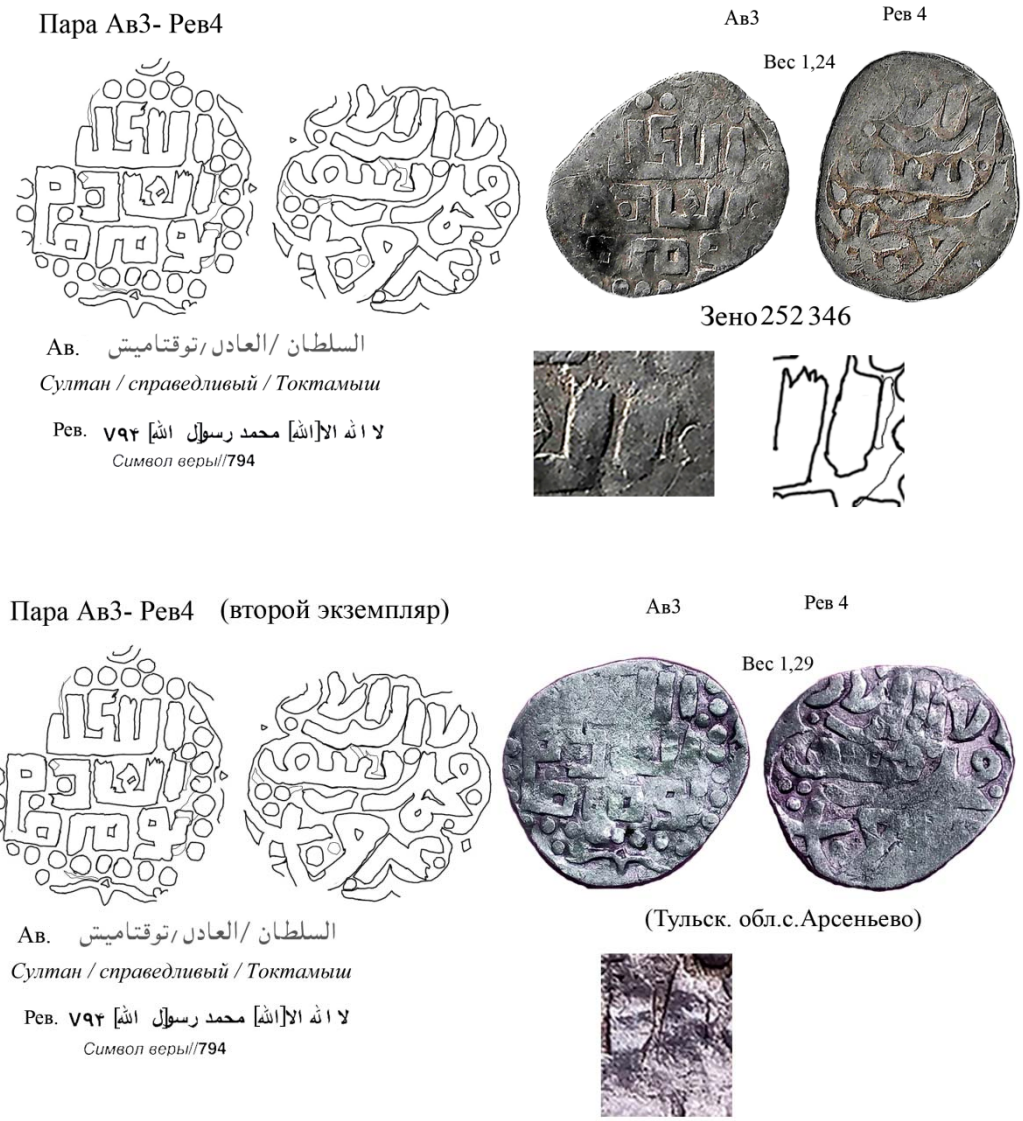

Рис. 2. Фото двух экземпляров монет штемпельных пар Ав3-Рев4

Рис. 3. Крымская монета Токтамыша 794 г.х.,
являвшаяся прототипом для копирования штемпеля Рев4

Рис. 4. Пары Ав2-Рев1 и Ав5-Рев4

Пара Ав5-Рев4. Представляет копирование типа с символом веры, массово чеканившегося в Крыму в 794г.х. Почерк отличается от крымского (рис. 4).

Пара Ав3-Рев4. Аверс с легендой куфическим шрифтом, реверс с символом веры, использованным в предыдущей паре (рис. 1).

На рис. 2 на увеличенных фрагментах двух экземпляров монет аверса 3 показан характерный репер, находящийся правее *алифа* второй строки легенды. Этот же репер также присутствует на штемпеле Ав2 (рис. 4), что свидетельствует о правке штемпеля Ав2 в штемпель Ав3.

На рис. 3 показана монета Токтамыша 794 г.х. крымской чеканки с сокращенным вариантом написания символа веры, с которой копировался Рев4. Стоит отметить, что такой же сокращенный вариант написания символа веры присутствует на монетах монетного двора Азака 794–797 гг.х.

На основе проведенного анализа, обнаружения штемпельных связей, построена штемпельная цепочка с последовательным следованием пар (см. рис. 1).

В 794 г.х. (1392 год) внутриполитическая ситуация складывалась, по свидетельству Ибн Халдуна, являвшегося современником описываемых событий, следующим образом: «Токтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат (*Бек Булат*) бежал в Крым и овладел им. Токтамыш выступил против него с войсками и осадил его (Крым). Вслед за тем явился в Сарай сын Урусхана и овладел им. Тогда Токтамыш возвратился (туда) и вырвал его (Сарай) из рук его. Войско его (Токтамыша) продолжило идти в Крым и возобновило осаду его, пока наконец не овладел им. Он (Токтамыш) одержал верх над Оглан Булатом и убил его» [2, с. 393]. Уточним, что Тимур Кутлуг, которого имеет ввиду Ибн Хальдун, был не сыном Урусхана, а внуком.

Можно предполагать, что на пути Токтамыша в Крым, на походном монетном дворе были отчеканены монеты парой штемпелей Ав2-Рев1. Находясь в Крыму, на этом же дворе, отчеканены монеты парой Ав5-Рев4, копировавшие вариант, уже выпускавшийся крымским двором в 794г.х.. Затем, при износе штемпеля Ав5, он был заменен на штемпель Ав3, перерезанный (восстановленный) из штемпеля Ав2 и использовался в паре с Рев4.

Учитывая исторический аспект, совпадение варианта пары Ав2-Рев1, на которой на обеих сторонах помещены аверсные легенды выполненные куфическим шрифтом, со штемпелями входящими в основную цепочку Ордынского двора, с большой долей вероятности можно предположить чеканку пары Ав2-Рев1 на монетном дворе ханской Орды во время его нахождения в Крыму. Соответственно, с этой же долей вероятности, можно отнести все связанные с ним пары, входящие в цепочку рис. 1 к продукции этого двора.

Комбинация лицевого штемпеля «двулицевик» с оборотным с символом веры (Пара Ав3-Рев4) является единственным известным мне вариантном монет Токтамыша, выпущеным во время своего официального правления в Золотой Орде (782–787 гг.х). (1380–1385 г.). Перевод монетных легенд, их вес и топография находок, в тех случаях, когда они известны, приведены на файлах с изображением монет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добромыслов Л.Б, Ермолов Ф.В. Серебряный чекан Маджара и Орды периода 794-797 гг.х. // Русь, Литва, Орда. Выпуск 7. Тула 2019. С.200–225.

2. Тизенгаузен В.Г. Извлечение из произведений арабских. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (СМИЗО). Т.1. СПб., 1884. 563 с.

Интернет-ресурсы:

https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=158373
https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=252346

Сведения об авторе: Леонид Борисович Добромысов – нумизмат-иследователь, сотрудник Региональной общественной организации «Тамбовское общество любителей краеведения» (Тамбов, Российская Федерация). E-mail:adobromislova@mail.ru

UNUSUAL COIN OF THE GOLDEN HORDE KHAN TOKHTAMYSH WITH THE SYMBOL OF FAITH

L.B. Dobromyslov
Tambov Society of Local History Lovers

The article is devoted to determining the time and place of issue of an unusual silver coin of the Golden Horde Khan Tokhtamysh with a Kufic legend on one side and a symbol of faith on the other. The research material is three coin pairs of Tokhtamysh, connected to each other by technological links. The study was conducted using stamp analysis, creating precise computer drawings of stamps, and attracting narrative sources. Taking into account the wear and correction of stamps, a stamp chain with a chronological arrangement of stamp pairs was constructed. As a result, it was possible to come to the most probable version of the origin of such a coin, the place and time of its issue. Such a study is being conducted for the first time.

Keywords: Golden Horde, two-faced, Khan Toktamysh, Khan's Horde, stamp, chain, Crimea

About the author: Leonid B. Dobromyslov – Numismatist-researcher, Employee of the Regional Public Organization "Tambov Society of Local History Lovers" (Tambov, Russian Federation). E-mail: adobromislova@mail.ru

ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

ПТИЦЫ КАК ЗНАК ВЛАСТИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

А.В. Беляков
Институт российской истории РАН

В статье проведен сравнительный анализ использования птиц, в первую очередь хищных, как знаков власти в Золотой Орде (Монгольской империи), так и в русских княжествах, а затем в Московском государстве. Материалы исследования послужили памятники отечественной сфрагистики и нумизматики, предметы из музейных собраний и литературные памятники Золотой Орды (Монгольской империи). Проанализировав сохранившиеся до нашего времени изображения хищных птиц (орел и сокол), а также тексты, в которых напрямую или косвенно они упоминаются, автор приходит к выводу о том, что птицы, по-видимому, имеют генетически схожую природу возникновения. В русскую традицию эти изображения попали из античного Рима (аквила – боевое знамя легиона в виде орла Юпитера). Ордынский материал не столь однозначен, но все же он позволяет заметить, что образ государственной птицы (белый сокол) из эпоса «Идеге» по своей природе близок к русской традиции, а тексты «Сокровенного сказания монголов» позволяют предположить, что изначально это символ изготовленный из дерева, он венчал знамя символизирующее древо мира, и тем самым также идейно близок к аквиле. Говорить о прямом заимствовании в настоящее время нельзя. Тем более, что и в сам Рим данный символ, вполне возможно, попал с Востока, предположительно от зороастрийцев.

Ключевые слова: Золотая Орда, Русское государство XV–XVII вв., сфрагистика, аквила, геральдическая птица, символы власти, Чингисхан

Когда мы говорим о тех или иных символах власти, то зачастую перед исследователями встает непростая проблема поисков источников их происхождения, заимствования. Ситуация обостряется, когда анализируемые символы являются общепринятыми, такими как птицы. Ниже мы будем говорить по преимуществу о хищных птицах – орлах и соколах, которые известны как атрибуты власти на большей части Евразии. Именно такие функции выполняли они (их изображения) в Золотой Орде и русских княжествах, позднее Московском государстве.

Когда в условиях отсутствия легитимной власти в начале XVII в. в Русском государстве люди стали самоорганизовываться для борьбы в I и II Ополчения, то им понадобился собственный знак власти, чтобы заверять рассылаемые по уездам послания и жалованные грамоты, раздаваемые служилым людям. Вначале для этих целей использовалась личная печать одного из лидеров I Ополчения Прокопия Петровича Ляпунова («К сей грамоте думной дворянин и воевода Прокопий Петрович Ляпунов печать свою приложил» [1, № № 26, 137, с. 22–23, 100, 101]). Как она выглядела нам неизвестно. Особую печать приговорили сделать 30 июня 1611 г.: «а печать к грамотам о всяких делах устроити земскую». Она имела почти круглую форму (29х27 мм). В центральной части (19х20 мм) располагался сидящий на ветке повернутый вправо с разинутым клювом одноглавый орел. Размещенная вокруг надпись гласит – «великие российские державы московского государства печать». Внизу по сторонам орла находится надпись – «зе-м-с-ка-я», являющаяся продолжением круговой легенды [16]. Все оттиски этой печати ставились как прикладные черновосковые. Исключение представляет собой послушная грамота «Совета всея земли» кн. И.Н. Хованскому на вотчину в Суздальском уезде (23.11.1612 г.). Она была скреплена вислой красновосковой печатью на шнуре, свитом из красных и золотных нитей. Обе стороны печати представляют собой один и тот же оттиск. По версии Ю.М. Эскина, участники ополчений посчитали возможным поместить на печати не полный государственный символ – орла с одной головой. Это вполне прозрачно намекало, что государство без царя представляет собой сироту. Именно такой взгляд закрепился на природу данного изображения. Но как мы покажем ниже здесь не все так однозначно.

Точно так же при создании этой грамоты подьячие или же дьяки прикрепили вислую печать не в привычном для царских грамот виде – «курья лапа» – а в виде равностороннего треугольника обращенного одним углом вниз. Тем самым было сделано все, чтобы данный документ визуально был похож, но все

же отличался от правильных государевых грамот [4; 19, № 131, с. 148–149][1]. Форма крепления шнура и его цвет, похоже, были заимствованы в канцелярской практике Речи-Посполитой[2].

Рис. 1. Печать I и II Ополчений (Земская), современное состояние (РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. № 5916)

Рис. 2. Вислая печать I и II Ополчений (Земская), современное состояние (РГАДА. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 133)
Рис. 3. Способ крепления шнура от вислой печати II Ополчения к грамоте (РГАДА. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 133)

Но все же почему для изображения на печати избрали именно орла, ведь на протяжении XV–XVI вв. как символ власти на печатях и монетах великих и удельных князей, кроме этой хищной птицы активно помещали изображения всадника с копьем или саблей, пешего воина (воинов), «лютого зверя» (льва), дракона, единорога, двуглавого орла. Здесь важно обнаружить некий зримый ряд, который мог бы объединить эмблему Ополчения с символами более ранних эпох. Следует сказать, что государственная символика Московского великого княжества / царства возникла не сразу. Был необходим длительный переходный период во время, которого подданные должны были ознакомиться с предлагаемыми им символами власти и усвоить их. Это в частности, также подразумевало частичную десакрализацию данных символов, когда они заимствовались отдельными подданными для создания личных эмблем на печатях и помещались на предметы в окружающем их быту. Тем самым эти поданные заявляли о себе как о государевых людях. Можно проследить, как данные идеи постепенно распространяются от высших страт общества к низшим. Так в XVII в. среди служилых людей становятся популярны серебряные (иногда вызолоченные) печатки с изображением двуглавых орлов без символов власти. В XVIII–XIX вв. подобные предметы уже с коронами, скипетром и державой массово изготовлялись из медесодержащих сплавов. В XIX – начале XX вв. двуглавые орлы часто помещались на рушниках и праздничных скатертях. Нечто подобное мы можем наблюдать и в настоящее время, когда чиновники и обычные граждане помещают изображение

[1] РГАДА. Ф. 170. Оп. 1. № 133.
[2] AGAD. Zb. dok. perg. nr 8145.

государственного герба на печатках, письменных приборах, фляжках, одежде. В этом же ряду находятся и портреты президента, помещаемые на одежду. В XV–XVII вв., в условиях отсутствия средств массовой коммуникации и периодической печати наиболее эффективным способом продвижения подобных идей стала монета. Подобная роль была уготовлена самым малым номиналам (пулам). Благодаря этому символика власти московского правителя оказалась знакома населению на всем пространстве государства, даже в самых отдаленных ее частях.

Укажем на одну близкую аналогию изображения на земской печати, обнаруженную на монетах более раннего времени. Одноглавая птица с поворотом вправо довольно часто встречается на пулах великих князей Ивана III и Василия III. Некоторые из них имеют крайне близкое, до смешения, сходство с печатью Смутного времени [10, с. 95, № 40].

Рис. 4. Пул Ивана III и Василия III с одноглавой птицей, прорисовка (*Зайцев В.В*. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-монета, 2006. С. 95. № 40)

Встречаются похожие птицы и на личных печатях [11, Табл. IV. № 17 (1517 г.), № 18 (1519 г.), № 21 (1521 г.), № 28 (1535 г.), Табл. V. № 66 (1554 г.), Табл. VI. № 85 (1561 г.), Табл. VIII (1595 г.), Табл. IX. № 21 (1615 г.) и др.]. Но наиболее близко к орлу на монетах и земской печати изображение с печати 1433 г., принадлежавшей либо князю Ивану Андреевичу Можайскому, либо князю Михаилу Андреевичу Верейскому [15, с. 89. Табл. XI. № 4]. По мнению Н.А. Соболевой, эта несколько иная печать, на которой орел зеркально повернут в противоположную сторону и стоит на скале [25, с. 165–166; 15, с. 89. Табл. XI. № 4]. При этом исследователь апеллирует к мнению Л.В. Черепнина, но у него именно о печатях ничего не говорится [27, с. 112–113]. На самом деле фразу А.Б. Лакиера, на которую все ссылаются, можно интерпретировать двояко: «Этот камей так хорош, что мы его приводим в наших рисунках для сравнения с другою, также без имени, печатью (неизданною) XV в. с изображением орла [15, с. 89, Табл. XI, рис. 1, 4]». Если предположить, что в последующем данная гемма попала в великокняжескую / царскую сокровищницу, то ее мог носить кто-то из государей более поздних эпох.

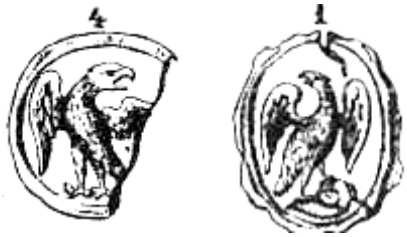

Рис. 5. Орлы с печатей можайского и верейского князей (*Лакиер А.Б*. Русская геральдика. М., 1990. Табл. XI, № 4 и 1)

Зрительный ряд с орлом можно продолжить. Подобный сюжет известен на множестве античных гемм [18, № 35, с. 94–95; № 97, с. 218–219; № 124, с. 272–274]. Однако, в наиболее близком контексте это все же орел Юпитера с аквилы[3] древнеримских легионов. Тем самым вырисовывается совсем иной смысл использования именно этого изображения на земской печати – имперские легионы борются за восстановление власти законного императора. Но это только те значения, которые мы приписываем данному явлению нашей истории в настоящее время. Как смотрели на данное изображение жители Московского царства начала XVII в. неизвестно. Однозначно, римская история от них была слишком далеко, но все же именно в этом символе как нельзя лучше просматривается идея о Москве как третьем Риме. Получается, что перед нами рецепция древнеримских идей, шедшая, возможно, через воззрения эпохи европейского Ренессанса. Здесь следует указать на то, что Рим образ хищной птицы в свою очередь мог позаимствовать на Востоке, к примеру, у зороастрийцев. Однако почти сразу наметился обратный процесс – распространение этого символа вширь, в том числе на тот же Восток. В I в. н.э. подобный орел фиксируется как символ небесной власти у набатеев [5, с. 332].

[3] Аквила – со времен Мария знак, боевое знамя легиона в виде орла Юпитера, изготовленный из золота или серебра он помещался на высоком шесте. С утерей аквилы, легион расформировывался.

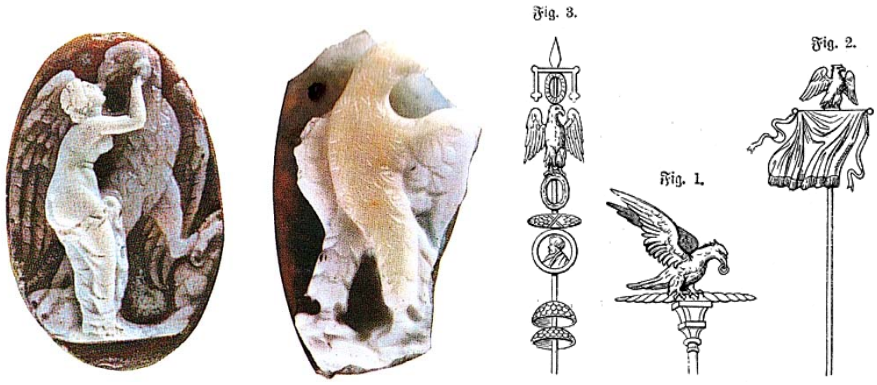

Рис. 6. Античная гемма «Афродита и орел». Александрия. I в. до н. э. (*Неверов О.* Античные геммы. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. № 35. С. 94–95)
Рис. 7. Античная гемма. Орел. Рим II в. (*Неверов О.* Античные геммы. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. № 124. С. 272–274)
Рис. 8. Аквилы, реконструкция, XIX век, рисунок из разговорного лексикона Мейера 1888 года

Рис. 9. Орел и оружие с погребального памятника эпохи Августа (Апофеоз Клавдия), вероятно, принадлежавшего Мессале (Прадо, Мадрид, Каталожный № E 00225)
Рис. 10. Саркофаг из Портоначчо. 180–200 гг. н. э. Рим, Римский национальный музей, Палаццо Массимо в Термах

Отметим, что изображения орлов в подобном ракурсе были широко распространены и позднее. Именно такую птицу можно наблюдать на личной печати Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина (1669 г.) [24, № 91]. В дальнейшем такие птицы попали на дворянские гербы, в частности князей Енгалычевых. Укажем, что именно орел подобного типа часто изображался как символ евангелиста Иоанна. В целом подобные птицы стали архетипичнымы для русской культуры, они встречаются в русской народной культуре вплоть до начала XX в. и переходят оттуда в произведения отечественных художников [2, с. 392–393]. Это наблюдение справедливо и по отношению к Западной Европе. Древнеримская аквила легко угадывается в символах первой империи во Франции и фашистской Германии. Однако в отличие от России здесь истоки заимствования никогда не ставились под сомнение.

Укажем на возможный «ордынский» след хищной птицы. Сокол являлся одним из символов государственности у Чингиз-хана и его наследников. В эпосе «Идегей» упоминается две птицы хана Токтамыша – реальная, живая, и прикрепленная к «золотому венцу» двукрылая (двухголовая?) птица («куш канат»), имеющая на месте бровей и глаз драгоценные камни. Особо отмечается, что традиция существования второй птицы идет еще со времен Чингиз-хана, а потеря птенцов живой птицы («кара лычан») может даже привести к утрате ханом своей государственности. В таком случае птица (обе птицы) играет

роль онгона/сульдэ (дух предка семьи или рода). Особо отмечается тот факт, что живая птица имела белый цвет [13; 14].

Трудно понять, где помещали в Орде государственную птицу украшенную ювелирами. Д.М. Исхаков, идя за источником, предположил, что она находилась на царском венце [13]. Однако можно выдвинуть и иную версию. Одним из знаков власти монгольских ханов являлось девятибунчужное белое знамя, о котором в ряде случаев дополнительно сообщается в источниках, что оно имеет некое навершие («Я свое с навершием знамя окропил»; «Свое знамя с навершием длинным окропил я»). Отметим, что это за навершие, нигде не конкретизируется. На роль знамени хорошо подходит и четырехбунчужное черное знамя, воткнутое в землю, оно играет роль мирового дерева, маркируя центр мира. Хотя четырехбунчужное и девятибунчужное знамена могли в определенной степени и объединяться: «четырехбунчужное великое знамя, ставшее гвоздем мӧрӱ, ставшее опорой телу... великое сульдэ августейшего владыки, ставшее опорой мӧрӱ, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени». В любом случае культ знамени был связан с властью. Лица, проводившие обряды окропления знамени носили титулы хан, в качестве показателя власти, или бэхи, как маркер старшего в роду [23, с. 200–203].

Наше предположение косвенно подтверждает и наблюдение Т.Д. Скрынниковой о неразрывной связи сульдэ с деревом. «Именно способность дерева быть вместилищем сакральности определяет его функции: из него делают священные предметы – древко знамени, сэргэ (коновязь), онгоны, причем чаще всего из дерева определенных пород и из определенных мест». Не надо забывать и тот факт, что автор «Сокровенного сказания» писал о соколе как о сульдэ кият (боджигинов, т.е. Чингисидов) [23, с. 275]. Таким образом, государственная птица – сокол – должна была вырезаться из дерева, а по сведениям эпоса «Идигей», ее глаза инкрустировались драгоценными камнями.

Данный факт также объясняет, почему до нас не дошли подобные изделия, дерево слишком недолговечный материал. Кроме того, вполне вероятно, что существовал строгий запрет на изготовление подобных птиц для кого-либо кроме хана. Хотя вероятно, что целый ряд изделий в виде птиц на самом деле представляют изображения соколов, как, к примеру, фигурки птиц XIV в. с Царевского городища (Гюлистан-сарай) из красной глины, покрытые бирюзовой глазурью, принимаемые до настоящего времени за детские игрушки [9, № 162, с. 260]. Важно выяснить, когда сокол перестал играть столь важную роль для Чингизидов. Возможно, этому способствовала постепенная исламизация общества, в первую очередь правящей верхушки. Но образ сокола не исчез бесследно, он сохранился среди наиболее значимых дипломатических даров. Почитаемый образ этой птицы вполне вероятно мог трансформироваться на захваченных территориях, приобретая новые оттенки. Возможно, именно в этой связи следует рассматривать фиксацию на некоторых печатях великого князя Андрея Александровича, сына Александра Невского, изображения конного сокольника [3, с. 79, 85–86; 27, с. 66, 165, 278. №№ 390–4, 392–2, 393–4, 394–2]. В данном случае следует особо подчеркнуть тот факт, что появление на печатях подобных изображений было революционным. На остальных отечественных сфрагистических памятниках конца XIII – начала XIV в. в качестве помещаемых изображений явно уверенно продолжали господствовать религиозные сюжеты. Секуляризация подобных сюжетов произойдет несколько позднее. Н.П. Лихачев проанализировал данное изображение. Им были обнаружены близкие аналогии на печатях из Западной Европы. Однако если там птица традиционно находилась в левой руке, то на печати Андрея Ярославича в правой. Исследователь отмечал, что это явно восточное влияние [17, с. 46–51]. Возможно, причины появления сокольника на печатях князя следует искать в его взаимоотношениях с Золотой Ордой [22, с. 193–198]. Через столетие данный сюжет появится на московских монетах Василия I Дмитриевича и Василия II Васильевича.

Рис. 11. Печати князя Андрея Александровича (прорисовки) (*Белецкий С.В.* Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследование и музеефикация древностей Севера-Запада. Вып. 4. СПб., 2001. С. 79)

Сокола длительное время являлись одним из наиболее статусных дипломатических даров на Востоке. По-видимому, это произошло не только из-за любви к соколиной охоте, но и благодаря особым функциям, приписываемым этому животному, в том числе отдельным ее видам, в первую очередь белым (кречет), что в частности прослеживается по материалам русско-крымских посольских книг [21]. Здесь важен зрительный ряд, начало которого должно начинаться как минимум со времен Монгольской империи. В

него следует вносить не только помещенных на монетах двухголовых птиц [12; 6], но и изображения соколов и других сюжетов, которые могут быть производными от этих животных. Подобная работа еще не проводилась.

Птицы являлись частыми сюжетами в искусстве Золотой Орды, однако чаще всего это были не орлы или соколы, а утки, цапли, павлины, удоды, голуби, перепелки, чибиса [20; 7]. На настоящее время нам удалось обнаружить только одно изображение пернатого хищника похожего на то, что помещалось на римских аквилах, это позолоченная серебряная чаша (Крым (?), XIV – начала XV вв.), хранящаяся ныне в Эрмитаже [9, № 240, с. 319]. Однако нас несколько смущает место изготовления данного предмета – Крым. Дело в том, что данный регион в свое время претерпел сильное римское влияние и поэтому говорить однозначно о том, что изображено на чаше, монгольский сокол или римский орел, довольно трудно.

Рис. 12. Позолоченная серебряная чаша (Крым (?), XIV – начало XV вв.) (Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. № 240. С. 319)

Укажем, что брови птицы по описанию в эпосе «Идегей» очень сильно напоминают наголовное женское серебряное позолоченное украшение «коштило» или «тилло кош» (золотые брови), которое носили жительницы крупных городов Средней Азии – Бухары, Самарканда, Ташкента, Коканда [26, № 1–3, с. 26–31]. Здесь следует отметить, что на Востоке это не единственный пример, когда тот или иной атрибут власти постепенно трансформировался в женские украшения. Так наголовное украшение гупба, со вставленными в трубочку перьями филина или совы, которое носили туркменские девочки [26, № 39, с. 38–39], в значительной степени напоминает навершие войлочного головного убора типа орбегле, которое носили нойоны и царевичи Чингизиды. Но в отличие от женских украшений, которые могли иметь только одну втулку для перьев, они, подчас, содержали две и даже три втулки, в соответствии с рангом своего хозяина [9, № 60–61, с. 147–148]. Точно также прямоугольные мужские филактерии (футляры, амулетницы для ношения Корана или отдельных сур из него) постепенно трансформировались в женские. При этом, в конечном варианте в них с трудом можно определить их первоначальное назначение.

Следует учитывать тот факт, что в районе Семиречья[4] фиксируется значительное количество изображений хищных птиц (сокол?) на древнетюркских каменных изваяниях. Исследователи приходят к выводу, что их, по-видимому, удостаивались не тюрки, а ассимилировавшиеся согдийцы. Сама же идея птицы-провожатого в верхний мир восходит к зороастризму, хотя Ю.И. Дробышев находит и прямые параллели с древнеримской традицией имперской эпохи [8].

[4] Семиречье – историко-географическая область в Средней Азии, в настоящее время находящаяся на пересечении границ Казахстана, Киргизстана и Китая.

Рис. 13. Наголовное украшение коштило, Таджикистан, конец XIX – начало XX вв. (*Сычева Н.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX веков из собрания Государственного музея искусства народов Востока. М.: Советский художник, 1984. № 1–3. С. 26–31)

Мы показали, что образ хищной птицы имел широкое распространение, как в русских землях, так и в Золотой Орде. Происходило ли здесь, какое либо заимствование идей между этими двумя регионами? Похоже, на поставленный вопрос следует ответить отрицательно. Скорее, это был перенос римской имперской традиции на евразийское пространство. Но и сами римляне, возможно, позаимствовали данный сюжет на Востоке. Идеи орлов русских земель и Золотой Орды развивались параллельно и независимо. Однако все же о некотором ордынском влиянии сказать следует. Дело в том, что многие символы власти в Орде и на Руси совпадали – «лютый» зверь, всадник, птицы, двуглавый орел, дракон. На Руси об этом знали, ведь между этими регионами были налажены тесные политические и экономические связи. Русские князья видели подобные знаки власти, как в Орде, так и у себя дома. В последнем случае на подаренных ханами статусных предметах, а также на одежде и вооружении посещавших русские земли ханских администраторах. То, что подходило хану (царю), не было зазорно и русским князьям. Тем самым ордынская традиция служила дополнительным аргументом в «правильности» выбора того или иного атрибута власти, даже если он имел местное или западное происхождение. Что касается предложенной гипотезы об ордынском орле/соколе, то для ее подтверждения требуется дальнейший поиск свидетельств, как в письменных источниках, так и в виде тех или иных изображений. Напомним, что и римские аквилы были реконструированы только по описаниям и немногим изображениям в камне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008. 632 с.

2. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.

3. Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследование и музеефикация древностей Севера-Запада. Вып. 4. СПб., 2001. 192 с.

4. Белокуров С.А. Из собрания актов князей Хованских. М.: Синодальная Типография, 1913. Отд. отт. 27 с.

5. Беляев Л.А., Мерперт Н.Я. От библейских древностей к христианам. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 392 с.

6. Гончаров Е.Ю. Двуглавый орел на монетах Золотой Орды и Малой Азии второй половины XIII – XIV вв. // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 15. С. 5–15.

7. Девлетшина Е.Р. Образ птицы в поливной керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // Золотоордынское наследие. 2009. Вып. 1. С. 472–478.

8. Дробышев Ю.И. Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 2. С. 24–70.

9. Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-монета, 2006. 204 с.

10. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.

11. Иванов П.И. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции. М.: Типография С. Селивановского, 1858. [2], IV, 43 с., 21 л. ил.; 30.

12. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двуглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. 2013. № 3. С. 120–127.

13. Исхаков Д.М. Исторические реалии в дастане «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 4. С. 832–857. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.832-857

14. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории АН РТ, 2011. С. 119–127.

15. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.

16. Лихачев Н.П. Земская печать Московского государства в Смутное время. М.: Синодальная Типография, 1914. 23 с.

17. Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1928. 175 с.

18. Неверов О. Античные геммы. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 280 с.

19. Преодоление Смуты в России в начале XVII века. Каталог выставки. М.: Древлехранилище, 2012. 203 с.

20. Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.

21. Селезнев Ю.В. «Птичий язык» дипломатических даров (в печати).

22. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.

23. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.

24. Снимки с древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М.: Типография А. Гатцука, 1882. Вып. 1. 204 с.

25. Соболева Н.А. Русская геральдика. М.: Наука, 1990. 240 с.

26. Сычева Н. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XX веков из собрания Государственного музея искусства народов Востока. М.: Советский художник, 1984. 180 с.

27. Черепнин Л.В. Русский феодальный архив XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 472 с.

28. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Интрада, 1998. 503 с.

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
AGAD – Archiwum Główne Akt Dawnych

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

BIRDS AS A SIGN OF POWER IN THE GOLDEN HORDE AND MUSCOVY

A.V. Belyakov
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the use of birds, primarily birds of prey, as signs of power in the Golden Horde (the Mongolian Empire), and in the Russian principalities, and then in the Moscow state. Research materials: Monuments of Russian sphragistics and numismatics, objects from museum collections and literary monuments of the Golden Horde (Mongol Empire). The result is also the scientific novelty of the study: In the Golden Horde and the Moscow state, similar signs used to mark power are recorded: birds, primarily predatory, horsemen, "fierce beast", snakes. After analyzing the extant images of birds of prey (eagle and falcon), as well as tests in which they are mentioned directly or indirectly, the author comes to the conclusion that they seem to have a similar origin. These images came to the Russian tradition from ancient Rome (aquila is the legion's battle flag in the form of a Jupiter eagle). The Horde material is not so unambiguous, but nevertheless it allows us to note that the image of the state bird (the white falcon) from the epic "Idege" is inherently close to the Russian tradition, and the texts of the "Secret Legend of the Mongols" suggest that initially, it was a symbol made of wood, it was crowned with a tree symbolizing the tree of the world., and thus is also ideologically close to aquila. It is currently impossible to talk about direct borrowing. Moreover, this symbol may well have come to Rome from the East from the Zoroastrians.

Keywords: Golden Horde, Russian state of 15th–17th centuries, sphragistics, aquila, heraldic bird, symbols of power, Genghis Khan

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

УДК 94(47).031+172

О ПЛЕННОМ ОЛЕГЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО: РЕАНИМАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА КАК ТЕМА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ?

Л.В. Воротынцев
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

В статье представлен критический анализ системы аргументов, используемых в статье Ф.Н. Веселова «Олег Ингваревич Рязанский в источниках и историографии». Материалами исследования выступили: комплекс русских, мусульманских, монгольских, китайских и западных нарративных источников. На основе анализа комплекса письменных источников и научных исследований, автором доказывается несостоятельность попытки «реанимации» гипотезы о многолетнем «татарском» плене рязанского князя Олега Ингваревича Красного.

Ключевые слова: историографический миф, анализ источников, Олег Ингваревич Красный, «татарский плен», заложники

История русско-монгольских политических контактов эпохи зависимости, продолжает оставаться в фокусе внимания современных российских историков-медиевистов. Особое внимание исследователями уделяется относительно малоизученным и дискуссионным эпизодам истории Руси в эпоху становления зависимости русских земель от державы Чингизидов (Yke Mongyol Ulus). Так, в последние десятилетия вышло несколько работ, в которых, в той или иной степени, рассматривался ряд эпизодов политической биографии рязанского князя Олега Ингваревича Красного [10, с. 111–136; 22, с. 105; 4, с. 733–748]. На основании анализа ранее не использовавшихся историками сообщений русских летописных источников, а также политико-дипломатических практик Монгольской империи и Улуса Джучи, авторы вышеуказанных исследований пришли к выводу о том, что ранее господствовавшее в отечественной историографии представление о 14 или 10 летнем «татарском плене» Олега Красного не соответствует историческим реалиям. Согласно гипотезам, представленным в работах А.В. Кузьмина и Л.В. Воротынцева, рязанский князь Олег Ингваревич большую часть своего правления находился в пределах своих владений, совершив несколько поездок в ставки монгольских правителей (ханши Туракины и Бату).

В тоже время, в недавно вышедшей статье Ф.Н. Веселова, автором была предпринята попытка опровергнуть выводы о политической активности Олега Красного в 40–50-х гг. XIII в. и реанимировать гипотезу о многолетнем нахождении в «в татарех» рязанского князя.

Рассматривая представленные в работах А.В. Кузьмина и Л.В. Воротынцева исторические реконструкции событий, связанных с ранним этапом становления политической зависимости Рязанского княжества от Монгольской империи и Улуса Джучи, Ф.Н. Веселов справедливо отмечает проблему крайне немногочисленного круга источников в которых содержится информация об истории русских земель второй трети XIII в., однако высказывает категорическое суждение об ошибочности представленных вышеуказанными исследователями версий одного из эпизодов биографии рязанского князя Олега Ингваровича Красного. По мнению автора статьи, летописные сообщения о поездках Олега в ставки монгольского «каана» и правителя Улуса Джучи – Бату, имеющиеся в нескольких северорусских летописных сводах (Новгородской IV летописи, летописи Авраамки и Вологодской летописи), являются «маргинальными» плодами ошибок переписчиков и редакторской правки текстов, а «приводимые для сравнения историческое примеры – не ревалентны описываемым в летописях событиям» [5, с. 571].

В полемическом азарте Ф.Н. Веселовым, со ссылкой на определение В.В. Алексеева, высказывается абсурдное утверждение о том, что использование в научных исследованиях термина «историографический миф», a priori является обвинением «своих предшественников и коллег в фальсификации» [5, с. 570–571. сн. 25]. При этом Ф.Н. Веселов «изящно» игнорирует приводимое в цитируемой им же работе В.В. Алексеева дополнительное пояснение автора о том, что «историографические казусы далеко не всегда являются результатом сознательных искажений и подтасовок. Иногда мы имеем дело с незлонамеренными заблуждениями и ошибками, приводящими к превратному толкованию исторической действительности, ее одностороннему освещению» [1, с. 147]. Более того, согласно общепризнанным в научном мире представлениям, опровержение утвердившихся в историографии ошибочных тезисов, гипотез и концепций является одной из задач научных исследований, позволяющих исторической науке не превратится в схоластическую систему транслирования заученных, но зачастую недостоверных постулатов.

К сожалению, подобного рода субъективно-избирательный подход используется Ф.В. Веселовым не только в цитировании чужих определений, но и в работе с источниками, способными поставить под со-

мнение обоснованность умозаключений автора. Так, отрицая историческую достоверность сообщений северорусских летописей XV–XVII вв. о поездках Олега Ингваровича Красного в ставки «татарских» правителей, Ф. Н. Веселов по факту предлагает принять как неоспоримо соответствующую историческим реалиям версию о 14-летнем нахождении в плену рязанского князя, представленную лишь в одном из московских летописных сводов XVI в. – Воскресенской летописи (или летописи по Воскресенскому списку). Однако сам автор рассматриваемой работы не счел нужным провести источниковедческий анализ данной летописи и обосновать столь странную для историка-медиевиста доверчивость к сообщению именно этого летописного свода, составленного спустя более чем три столетия от событий монгольского нашествия на земли Северо-Восточной Руси.

Как уже отмечалось выше, самое раннее сообщение о «сведении» в монгольский плен Олега Красного во время «Батыевой рати» и его 14-летнем пребывании в «орде» содержится в т. н. Воскресенской летописи. Согласно информации представленной в этом летописном своде, во время событий осени 1237 г. два члена рязанского княжеского рода погибли, а один пленен, но после длительного пребывания «в орде» был не просто освобожден, а пришел на «свою отчину», т. е. получил от монголов ярлык, подтверждающий его владетельные права на рязанский «стол» : «Романа и Юрья безбожный царь Батый убилъ, а Олга с собою сведе и был 14 летъ в орде, и приде на свою отчину» [18, с. 247].

Поскольку практически вся информация об эпохе монгольского нашествия и т. н. «ордынского ига», содержащаяся в летописных сводах XVI–XVII вв. имеет компилятивный характер, представляется целесообразным провести сравнительный анализ сообщения Воскресенской летописи, с аналогичным сообщением источника являющегося ее протографом. По мнению большинства исследователей (А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, В.В. Лаптева, С.А. Левиной), в качестве основного источника сведений по событиям XIII–XV вв. составителями Воскресенской летописи использовалась информация содержащаяся в московских летописных сводах конца XV первой трети XVI в., протографической основой которых, в свою очередь, служил Московский великокняжеский свод 1479 г. [13, с. 696, 701].

В данном летописном своде содержаться два упоминания Олега Ингваровича в контексте исторических событий. Первое относится к осени 1237 г., когда объединенные силы монгольских «царевичей» вышли к границам Рязанского княжества: «…и оттоле послаша послы своя, жену чародеицу и два мужа с нею, ко князем Рязанським, просяще у них десятины въ всемъ…князи же Рязаньстии, Юрьи Ингваровичь и брат его Олегъ и Муромски и Пронские князи, не пустячи их к городом, выидоша противу их в Воронож…» [19, с. 126]. Второе отмечает возвращение «от татар» Олега Красного в Рязань в 1252 г: «Того же лета пустиша Татарове Рязаньского князя Олга Ингоровича, внука Игорева, на свою землю…» [19, с. 142].

Как не сложно заметить, два вышеприведенных упоминания Олега Ингваровича в Московском великокняжеском своде 1479 г., не отмечают ни факта пленения Олега в период военных действий, ни его длительного «татарского» пленения, лишь фиксируя два никак не связанных между собой эпизода его жизни. Данное обстоятельство создавало для составителей Воскресенской летописи определенную дилемму, связанную с необходимостью объяснения связи между упоминаниями рязанского князя в 1237 и 1252 г. и отсутствия о нем сведений в 14-ти летнем промежутке между этими двумя датами. По всей вероятности, именно разрешение данной дилеммы и явилось причиной редакторской правки в погодной записи Воскресенской летописи относящейся к событиям 1252 г. Поскольку запись великокняжеского свода от 6760 (1252) г. отмечала возвращение Олега Ингваровича от «татар» («пустиша Татарове Олга Рязаньского князя на свою землю»), а предыдущее его упоминание относилось к событиям монгольского нашествия на Рязанскую землю, то в представлении летописцев XVI в. эти события вполне закономерно объединялись версией о длительном пребывании «в орде» одного из членов рязанского княжеского дома.

Таким образом, сообщение Воскресенской летописи о 14-летнем «татарском» плене Олега Ингваровича является не аутентичной компиляцией раннего протографа, а событийным конструктом составителя (или составителей) позднего летописного свода. В виду данного обстоятельства, информация представленная в летописи по Воскресенскому списку не может являться доказательством исторической достоверности гипотезы о многолетнем «плене» рязанского князя.

Более того, ни в одном русском летописном источнике XIV–XV вв., не содержится сведений не только о долгом пребывании Олега Красного в «татарах», но и вообще о его пленении монголами во время военных действий рязанцев против объединенных сил Чингизидов в осенне-зимней компании 1237–1238 гг. Упоминание о захвате в плен Олега Ингваровича после разгрома монгольскими войсками рязанских, пронских и муромских дружин в полевом сражении имеется лишь в одном историко-литературном произведении XVI в., – т. н. «Повести о разорении Рязани Батыем». Однако, согласно представленной в «Повести» версии событий, в след за пленением вышеуказанного представителя рязанского княжеского дома, последовала его мученическая смерть, а вовсе не «сведение в орду».

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью констатировать, что сообщение Воскресенской летописи о длительном нахождении Олега Ингваровича Красного «в орде», является не менее марги-

нальным, нежели сведения о поездках рязанского князя в Коренной Улус («к Канови») (1242–1243 гг.) и в ставку Бату (1250–1252 гг.), представленные в Новгородской IV летописи, летописи Авраамки и Вологодской летописи.

В качестве дополнительного обоснования реальности 14-летнего «татарского плена» Олега Красного Ф.Н. Веселов пытается оспорить тезис Ю.В. Селезнева об отсутствии в источниках свидетельств о пребывании при дворах монгольских ханов правителей зависимых государств сроком более чем 3 года [5, с. 576]. По мнению Ф.Н. Веселова, «уже со времен Чингисхана (!) широко использовалась практика долгого удержания в плену высокопоставленных заложников. Требование предоставить младших братьев или сыновей правителя в таком качестве входило в стандартный набор в ультиматумах, которые монголы предъявляли подчиненным государствам» [5, с. 576].

В качестве доказательств правоты своего утверждения, автор приводит ссылки на ряд работ западных исследователей, якобы содержащих информацию о многолетнем нахождении «представителей правящих родов» уйгуров (Турфанское идыкутство), корейцев (Корё), китайцев (империя Сун) и др. зависимых государств в качестве заложников при дворе монгольских каанов (5, с. 576, сн. 69, 70). Однако если обратится к тексту приводимых Ф.Н. Веселовым работ, то окажется, что они содержат лишь информацию о самих фактах поездок в ханские ставки представителей правящих династий и знати зависимых от державы Чингизидов государств, без каких либо указаний на сроки их пребывания при дворе монгольских «императоров»[1]. Не содержится информации о длительном проживании в ханских ставках правителей «вассальных» государств и их домочадцев и в самих текстах монгольско-китайских источников. Так, «Юань-ши» отмечает прибытие в мае 1284 г. «ко двору государя» (великого хана Хубилая – Л.В.) корёского вана Ван Чхуна с женой и наследником, а также внука правителя Чампы – Русри-раджи, не указывая, однако, на их продолжительное нахождение в передвижной ставке монгольского «императора» [25, с. 443, 445].

Единственное сообщение о якобы существовавшей у монголов политической практике умерщвления правителей подвластных государств и пожизненном плене их ближайших родственников мужского пола содержится в путевых записках Плано Карпини: «Они (монголы – Л.В.) посылают также к правителям [разных] стран, чтобы те явились к ним без промедления…Для иных они подыскивают предлоги для их убийства, [как было выше сказано о Михаиле и с другими]…иных они губят отравленными напитками. Ибо замышляют они, чтобы в мире властвовали только они. Поэтому они и ищут повода, чтобы убить знатных людей. У тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют их сыновей или братьев, которых они больше никогда не отпускают, как было проделано с сыном Ярослава, и с каким-то князем алан, и со многими другими…» [15, с. 161]. Однако ложность данного сообщения папского дипломата легко подтверждается представленными в источниках многочисленными свидетельствами о вполне благополучно завершавшихся поездках в ставки Чингизидов и монгольских нойонов правителей зависимых государств и их родственников (в том числе русских князей и княжичей) [2, с. 47, 55; 6, с. 67–70; 7, с. 27–28, 31–32, 177; 11, с. 224; 16, Стб. 470, 471, 472, 473; 17, Стб. 808; 20, с. 163].

Увлекшись критикой оппонентов, Ф.Н. Веселов не удосужился представить свою версию обстоятельств и времени «пленения» Олега Ингваровича, а также его статуса, в котором он якобы пребывал в многолетнем плену. В том случае, если бы это событие произошло во время вторжения монголов в земли Рязанского княжества зимой 1237/38 гг., то Олег Красный являлся бы знатным военнопленным, захваченным во время боевых действий. В варианте прибытия Олега Ингваревича ко «двору» монгольских каанов несколько позднее, он имел бы статус представителя правящего дома одного из подчиненных Чингизидам владений, направленного «в орду» старшим родственником (в версии Ф. Н. Веселова таковым являлся

[1] Например, в исследовании У.С. Хентхорн, посвященном монгольско-корейским отношениям эпохи завоеваний и зависимости, содержатся сообщения о поездках «принцев» Корё и их родственников ко «двору» Юань, однако отсутствует информация об их продолжительном пребывании в «плену»: «Then, in early 1259, Wang Chon, the Crown Prince, as sent to the Mongol Court as a hostage. In 1271, the Heir Apparent, Wang Sin and 18 member of the royal family were sent to the Yian Court as hostages…» («Затем, в начале 1259 [года], Ван Чон, наследный принц, был отправлен в качестве заложника. В 1271 [году], прямой наследник Ван Син и 18 членов королевской семьи были отправлены ко двору Юань…») [27, p. 212–213]. Согласно сообщению корейской хроники «Чосон чунсеса» краткосрочный визит наследника престола Корё – Ван Чона (Вон Джона) ко двору Хубилая, осуществленный в 1259 гг., завершился почетным приемом и возвращением на родину в качестве правителя после получения известий о кончине его отца – Ко Джона, и получения ханского ярлыка подтверждавшего властные полномочия нового корейского вана [3. с. 85–86, 176]. Аналогичным образом, в работах Т. Олсена и Л. Янга отмечается политическая традиция посещения зависимыми правителями ханских ставок и отправки в качестве заложников их сыновей и братьев, однако отсутствует какие либо свидетельства источников о многолетнем нахождении правителей и их родственников в орде [26, . p. 261, 278; 28, p. 512–513].

Ингварь Игоревич – отец Олега) [5, с. 577], в качестве заложника, и/или гвардейца-кешиктена. Рассмотрим реалистичность и обоснованность обоих возможных вариантов.

Согласно свидетельствам летописных источников, отношение монгольских военноначальников к плененным на поле боя, или даже добровольно сдавшимся им в плен, русским князей и их родственникам, было весьма суровым. По сведениям представленным в Новгородской I летописи, после разгрома монголами русско-половецких ратей в битве на Калке, все попавшие в плен русские князья (Мстислав Киевский, его зять Андрей и Александр Дубровецкий) были казнены во время победного пира: «а князи имъше, издавиша, подъкладъше под дъски, а сами верху седоша обедати, и тако животъ ихъ концяша…» [14, с. 63].

В монгольско-китайской династической хронике «Юань-ши» приведена несколько иная, но также завершившаяся летальным исходом версия гибели одного из плененных русских князей. Согласно сведениям приведенным в ней, «государь русских» (по всей вероятности Мстислав Мстиславич Киевский) был убит не сразу, а вначале был доставлен в ставку Джучи и там казнен: «…Двигаясь вперед, они атаковали русских у горы Тершань [Железной] и покорили их. Взяли в плен государя их государства Мичжисылае [Мстиславича]. Чжебе приказал Хэсымайли подарить его наследнику престола Чжучи. Казнили его [Мстиславича]» [8, Цз. 120, с. 903; 12, с. 162].

По сообщению Ипатьевского летописного свода, во время нашествия войск Чингизидов на земли Северо-Восточной Руси, рязанский князь Юрий Ингваревич был также захвачен в плен, но после взятия Пронска казнен: «…изведше на льсти князя Юрья и ведоша Пронскоу бе бо в то время княгини его Пронскы, изведоша княгиню его на льсти, оубища Юрья князя и княгини его и всю землю избиша…» (17, Стб. 778)[2].

Аналогичная участь постигла ростовского князя Василька, попавшего в плен после разгрома дружин Юрия Всеволодовича в битве на р. Сить. Согласно информации содержащейся в Лаврентьевской летописи: «…Василка Костантиновича ведоша с многою нужею до Шерньского леса и яко сташа стано нудиша….обычаю поганьскому быти въ их воли и воевати с ними…но никакоже не покориша ихъ беззаконью…без милости оубиень быс и повержену на лесе…» [16, Стб. 465].

Единственным представителем княжеской аристократии Северо-Восточной Руси, участь которого не до конца отражена в источниках, является один из сыновей владимирского князя Юрия Всеволодовича – Владимир Юрьевич, захваченный в плен монголами в битве при Коломне. После пленения, владимирскому княжичу на некоторое время была сохранена жизнь, однако условия его пребывания в плену были весьма суровы. Согласно информации содержащейся в Московском летописном свода конца XV в., во время демонстрации монголами знатного пленника жителям и защитникам Владимира, его внешний вид вызвал «плач» горожан и его братьев «Бе бо унылъ лицем и изнемоглъ бо ютробою от нужа» [19, с. 127]. Исходя из приведенного в летописи описания физического и морального состояния владимирского княжича, а также отсутствия о нем каких либо сообщений в дальнейшем, вероятнее всего Владимир Юрьевич не пережил зимы 1237/38 гг.

Не свидетельствует в пользу гипотезы о сохранении жизни, многолетнем пребывании в плену и последующем наделении Олега Ингваровича княжеской инвеститурой и общий анализ монгольских военно-политических практик в отношении высокопоставленных пленников. Практически все правители государств или племенных объединений, захваченные монголами на поле боя, или сдавшиеся им после длительного сопротивления, предавались смерти либо сразу, либо после недолгого пребывания в плену. Подобная участь постигла даже побратима (анду) Чингиз-хана – гурхана Джамуху, который, согласно сообщению «Сокровенного сказания монголов» был казнен в ставке Темуджина после разгрома своих войск и пленения предателями-нукерами [9, с. 151–163].

Во время завоевания государства тангутов была истреблена вся правящая элита Си-Ся, во главе с Дэ-ваном, не смотря на капитуляцию, запрошенную побежденной стороной после длительного и ожесточенного сопротивления. По свидетельству Рашид ад-Дина, на последнем перед своей кончиной военном совете Чингиз-хан отдал следующее распоряжение: «…не объявляйте о моей смерти…Когда же государь и жители Тангута (столицы Си-Ся г. Джунсин – Л. В.) в назначенное время выйдут из города, вы их сразу уничтожите…Эмиры, согласно его приказу, скрывали его кончину, пока тот народ не вышел из города. [Тогда] они перебили всех…» [20, с. 233].

Применение подобной практики прослеживается и в отношении к оказавшим сопротивление, но впоследствии капитулировавшим правителям мусульманских государств. Согласно сообщению Ата Малика Джувейни, захваченный глава иранских исмаилитов Рукн ад-Дин был казнен после непродолжительного пребывания в плену [7, с. 526]. Аналогичная участь постигла и багдадского халифа аль-Мустасима, а

[2] Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, Юрий Ингваревич погиб во время штурма Рязани монгольскими войсками: «…Татарове же взяша град Резань…и погоша весь, и князя Юрья убиша и княгиню его…» [16, Стб. 515].

также его старших сыновей и родственников[3]. А единственный оставленный в живых младший (малолетний) сын халифа – Мубарекшах, был подарен в качестве невольника одной из жен Хулагу – Олджей-хатун и пожизненно содержался в г. Мерага [21, с. 45].

Исходя из вышеприведенной информации о распространенной практике обращения Чингизидов с попадавшими в плен представителями правящих династий враждебных государств, гипотеза о сохранении жизни рязанскому княжичу, являвшемуся, согласно летописному сообщению, активным участником боевых действиях против монгольских войск, а также весьма гуманном обращении, позволившим Олегу не только пережить 14-летний плен, но и вернутся на родину с ярлыком на княжение, не выглядит убедительной и требует дополнительной аргументации с целью объяснения причин подобного привилегированного отношения.

В том случае, если бы Олег Ингваревич был послан в качестве заложника к «татарам» своим отцом (сведений о чем не содержится ни в одном источнике, включая историко-литературные произведения), то срок его пребывания также не мог составлять 14 или даже 10 лет. Согласно сообщениям источников, большинство отправляемых ко дворам Чингисидов представителей правящих династий государств Восточной Европы находились «в татарах» не более 2–3 (максимум 5) лет[4].

В поисках дополнительных аргументов для подтверждения правоты своих гипотетических построений Ф.Н. Веселов пытается использовать факт отсутствия сведений об Олеге Ингваревиче в путевом отчете Плано Карпини как доказательство несоответствия историческим реалиям летописных сообщений о поездках рязанского князя «к канови и Батыеви». В представлении исследователя, папский дипломат, довольно подробно описавший обстоятельства «злоключений» Ярослава Всеволодовича и черниговских князей в ставках Бату, Туракины и Гуюка, а также кратко отметивший пребывание Даниила Галицкого «в татарах», был просто обязан оставить упоминание о поездке рязанского князя «к канови» и возможном посещении орды правителя Улуса Джучи.

Однако рассматривая данный вопрос, следует учитывать то немаловажное обстоятельство, что Плано Карпини упоминает в своих записках либо тех русских князей с которыми лично общался в период своего путешествия (Ярослава Всеволодовича и Даниила Романовича), либо описывает те события, что происходили во время его пребывания в «земле татар» или непосредственно перед его прибытием туда (казнь черниговских князей Михаила, Андрея, а также насильственный брак «по татарскому обычаю» неназванного по имени младшего брата и вдовы последнего). В данном контексте абсолютно закономерным выглядит отсутствие в «Истории монгалов» каких либо упоминаний об Олеге Ингваревиче, чья фиксируемая летописями поездка «к канови» состоялась за три года до прибытия посольства Плано Карпини во владения Чингизидов. А вот если бы рязанский князь пребывал в монгольском плену с 1237/38 по 1252 гг., то отсутствие каких либо упоминаний о нем в отчетах главы дипломатической миссии Святого Престола, довольно длительное время находившегося в ставках Бату, Туракины-хатун и Гуюка в середине 40-х гг. XIII столетия, действительно трудно объяснимо.

Не выдерживает критики и попытка Ф.В. Веселова использовать в качестве доказательства упоминание Плано Карпини «многочисленных русских», среди которых, по мнению исследователя, «мог быть (!) и наш рязанский князь» [5, с. 577]. Никаких дополнительных фактов «бытия» Олега Ингваровича в ставке Гуюка, помимо желания самого Ф. В. Веселова видеть представителя рязанского княжеского дома в числе встреченных папским дипломатом рядовых русских пленников не имеется. Данное обстоятельство позволяет отнести данный «аргумент» к числу ничего не доказывающих умозрительных предположений автора.

Весьма странным представляется и утверждение о «неревалентных» примерах поездок зависимых правителей на суды-яргу в ставки монгольских ханов или военноначальников. Если обратится к контексту упоминания судов-яргу, не составит труда заметить, что основной целью приведения подобного рода примеров являлось стремление показать распространенность практики судебных разбирательств, проводимых в монгольских улусах над правителями и сановниками подвластных им государств, а вовсе не поиск абсолютных аналогий с эпизодом нахождения Олега Ингваревича в ставке Бату.

---

[3] «В…среду 14 числа месяца сафара лета 656 г. х [20.02.1258] в деревне Вакф…халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами…На другой день казнили прочих, которые стояли с ним у ворот Кальваза….В пятницу 16 числа месяца сафара, среднего сына халифа отправили к отцу и братьям, и власть халифов из рода Аббасидов…пресеклась [21, с. 45].

[4] Например, поездка «к канове» сына Ярослава Всеволодовича – Константина, заняла около трех лет, с 1243 по 1245 г. [16, Стб. 470]. Федор Ростиславович Чёрмный находился при «дворе» хана Менгу-Тимура с 1267 по 1270 г. (второй раз, уже будучи гургеном (зятем) хана, в 1270–1275 гг.) [23, с. 163]. Сын сербского короля Милутина – Стефан, находился в Орде с 1293/94 по 1297 г. [24, с. 9–31].

Однако, при желании, в источниках можно найти и вполне «ревалентные» примеры, в которых судебное разбирательство над знатью покоренных монголами владений не сопровождалось ни лишением их властных полномочий, ни карательными акциями против их земель.

В частности, грузинская хроника «Жамта агмцерели» содержит рассказ о суде над несколькими князьями-мтаварами, проведенном в ставке нойона Чормагана: «В пору ту смутную собрались в Кохтастави все мтавары Грузии…и все они говорили: «Как нам быть? Не осталось никого из грузин царского рода, кто мог бы быть нам предводителем и идти в бой с татарами. Мы же разобщены, и не противостоять нам татарам…Пусть мы и бесцарственны, но соберемся и будем бороться…». Сговорились [вести] войну и положили договор собраться в Картли и на этом разошлись…Проведав о единении грузин, татары Бичу и Ангураг отправились и прибыли в Кохтастави. Их встретили вельможи грузинские. Войско [последних] было в разброде…и их отправили в страну Анийскую, в местность, которая именуется Ширавакан. Когда же предстали перед ноином Чормаганом, тот сказал» «Чтобы бы значили сборы ваши, коли не задумали отложиться?» Но предводители грузин ответствовали: «Собрались мы не для того, чтобы отложиться, но в рассуждении пособить делам вашим и определить [нашу] дань», которую именовали харадж. Слушая это, [Чормаган] не вполне им поверил и велел раздеть их всех, связать и обнаженных посадить на солнцепеке и [в таком положении] ежедневно проводил допрос о причинах их сборищ и [грозил] каждого из вышеназванных предводителей, ежели они не признаются в правде, предать смерти. Однако те настаивали: «С целью определения дани». И было так много дней, ибо не верили им [татары]…А как наступило условленное время встречи, Дадиани Цотне (правитель Абхазии – Л. В.) явился с воинством в (назначенное) место…но был несказанно удручен, узнав, что предводителей тех отправили в Аниси и что пребывают они совместно в тяжких испытаниях….Отпустив войско, он в сопровождении двух человек направился в Аниси…Как только узрел Цотнэ вельмож сих, обреченных на столь бесчинную казнь обреченные на смерть, прянул со своего коня, разделся наголо…, связал себе руки и сел рядом с вельможами…. Слушая Цотне, нойоны дивились его благородству и говорили: «Потому как племя грузинское столь доблестно и не лжесловит и пришел сей муж из Апхазии, чтобы положить душу за своих товарищей…нет неправды в них, и потому находим их безвинными. Посему освободим их всех…И освободили сих вельмож» [2, с. 61–63].

Как можно увидеть из вышеприведенного сообщения, несмотря на предъявленные обвинения в подготовке восстания и весьма суровые условия содержания грузинских мтаваров под стражей, финальный итог разбирательства был для них вполне благоприятен. Данный пример является подтверждением гипотетической возможности подобного рода исхода разбирательства и в отношении Олега Красного находившегося в ставке Бату в 1250–1252 гг., не являясь при этом доказательством того, что вышеуказанные процедуры судебного дознания проводились и в отношении рязанского князя[5]. Не исключено, что свидетельство Вологодской летописи о «всаждении» Олега «в сад» могло являться позднейшей вставкой, введенной в текст составителем летописи с целью объяснения причин и обстоятельств довольно длительного пребывания князя в ставке «татарского царя».

Подводя итог, следует констатировать, что общий вывод Ф.Н. Веселова о соответствии историческим реалиям гипотезы о 14-летнем нахождении в монгольском плену Олега Ингваровича Красного представляется слабо аргументированным умозрительным конструктом, основанным на ряде допущений, некорректной трактовке информации представленной в «Истории монгалов» и «Повести о разорении Рязани Батыем», а также недобросовестных ссылках на исследования зарубежных историков, не содержащих, по факту, никаких сведений в пользу отстаиваемой Ф. Н. Веселовым точки зрения. Действительно, состояние источниковой базы по рассматриваемому вопросу не позволяет безапелляционно утверждать об абсолютной исторической достоверности одной из существующих на данный момент гипотез, реконструирующих политическую биографию Олега Ингваревича. Однако системный анализ источников, содержащих сведения как о русско-монгольских политических контактах, так и военно-дипломатических практиках, существовавших в державе Чингизидов XIII в. позволяет признать гораздо более аргументированной гипотезу об Олеге Красном как первом правителе Рязанского княжества эпохи зависимости, совершивших, как минимум, две поездки в ставки (орды) Туракины и Бату.

[5] В той же грузинской «летописи» «Жамта агмцерели» имеется сообщение о двухлетнем пребывании грузинского царя Давида Нарина в ставке Бату. Причины столь долгого нахождения правителя Картли в орде главы Улуса Джучи в источнике не указаны, однако отмечено, что после этого Давид Нарин был отправлен в Каракорум «к каэну Мангу» [2, с. 55]. Целью данной поездки являлось разрешение на ханском суде спора о наследовании престола Багратидов, возникшего между двумя претендентами на него – Давидом Нарином и Давидом Улу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Историографический миф: понятие, сущность, закономерность бытования // Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 66). М., Изд-во МГУ. С. 143–149.
2. Анонимный грузинский «Хронограф XIV в. М., 2005. 152 с.
3. Ванин Ю. В. Феодальная Корея в XIII–XIV веках. М., 1962. 196 с. С. 85–86, 176.
4. Воротынцев Л.В. «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238–1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 733–748. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748
5. Веселов Ф.Н. Олег Ингваревич Рязанский в источниках и историографии // Вестник СПбГУ. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 566–579.
6. Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М.: 1962. 153 с.
7. Джувейни Ата-Малик. История завоевания мира. М., Изд. Дом. Магистр-Пресс. 2004. 689 с.
8. История династии Юань. Шанхай. 1935.
9. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., Восточная литература. 1941. 619 с.
10. Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и Муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. М., 2008. Вып. 53. С. 111–136.
11. Киракос Гандзакеци. История Армении. М. Наука. 1976. 357 с.
12. Кычанов К.И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. 1999. С. 160–169.
13. Левина С.А. К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В.В. Лаптева «Воскресенская летопись» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 102. Л., 1955. С. 165–239) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. XIII. С. 689–705. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7451 (дата обращения 18.03.2025).
14. Новгородская I летопись старшего и младшего извода. М.-Л., 1950. Изд-во АН СССР. 640 с.
15. Плано Карпини Иоанн де. История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова; подгот. лат. текста П.В. Лукина, пер. с лат. А.А. Вовина, П.В. Лукина, коммент. А.А. Горского, П.В. Лукина, С.А. Масловой, Р.Ю. Почекаева, В.В. Трепавлова; Ин-т российской истории РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
16. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
17. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
18. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. 360 с.
19. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в., М., Изд-во АН СССР. 1949. 463 с.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М., Изд-во АН СССР. 1952. 315 с.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III.. М.-Л., Изд-во АН СССР. 1946. 337 с.
22. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. 272 с.
23. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. 437 с.
24. Узелац А. «Кан» Ногај, краль Милутин и српско-татарски сукоби // Војноисторијски гласник. 1/2009. С. 9–31.
25. Храпачевский Р.П. Аналы Хубилая: главный источник по истории правления первого императора династии Юань. М., 2019. 744 с.
26. Allsen, Tomas T. The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th Century // China amond Equals. The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th–14th Centuries. London, 1983, pp. 261, 278
27. Henthorn W.E. Korea. The Mongol invasions. Leiden, 1963. P. 212–213, 276 p.
28. Yang, Lien-sheng: Hostages in Chinese Histori // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 3/4 , 1952, pp. 507–521.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

SPEAK OUT IN DEFENSE OF THE CAPTIVE OLEG: RESUSCITATION OF THE HISTORIOGRAPHICAL MYTH AS A TOPIC OF SCIENTIFIC RESEARCH?

L.V. Vorotyntsev
Bunin Yelets State University

The article presents a critical analysis of the system of arguments used in the article by F.N. Veselov "Oleg Ingvarevich Ryazansky in sources and historiography". The materials of the study were a complex of Russian, Muslim, Mongolian, Chinese and Western narrative sources. Based on the analysis of a complex of written sources and scientific research, the author proves the inconsistency of the attempt to "reanimate" the hypothesis of the long "Tatar" captivity of the Ryazan prince Oleg Ingvarevich Krasny.

Keywords: historiographic myth, analysis of sources, Oleg Ingvarevich Krasny, “Tatar captivity”, hostages

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-6139-3392. E-mail: leonrus1245@mail.ru

УДК 94(575.1)

ТЮРКСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УЗБЕКИСТАНЕ: АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОСТИ И ИСЛАМСКОСТИ?

Б.А. Алимджанов
Национальный центр археологии
Академии наук Республики Узбекистан

В статье рассматривается тюркская идентичность в Узбекистане. Отмечается, что в 1990-е годы узбекские власти стремились к маргинализации исламской идентичности и частично тюркской, однако во второй половине 2010-х годов в общественном дискурсе появились научные публикации и обсуждения, посвященные тюркизму. Приход к власти второго президента Узбекистана Шавката Мирзиёева привел к изменению стратегии в сфере идентичности. С 2016 года наряду с узбекской идентичностью начинает формироваться новая, неопределенная метаидентичность – тюркская. Тюркская идентичность в Узбекистане тесно связана с внешнеполитическими амбициями правящей элиты и стратегическими планами главы государства. При этом тюркская идентичность в республике балансирует между «декларативным национализмом» и «демонстративным государством». В данном контексте тюркскость выступает одновременно как элемент внешнеполитической стратегии, как историческое наследие и как инструмент формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, тюркскость, Узбекистан, Организация тюркских государств (ОТГ), национализм, исламскость, демонстративное государство

После обретения независимости перед Узбекистаном встал выбор идентичности. В 1990-е годы в республике конкурировали несколько идентичностей: исламский, светский, советский, тюркский, узбекский. В конце концов, одержал победу «умеренный» узбекский национализм в каримовском варианте. Нужно особо отметить, что идентичность в Узбекистане неразрывно связана с внешней политикой, международной ситуацией волей президента страны. Все эти факторы вкупе наложили свой отпечаток на политику идентичности в Узбекистане. В 1990-е годы власти республики боролись и игнорировали с исламской идентичностью и частично с тюркской, то уже во второй половине 2010-х годов, власти допустили в публичное пространство дискуссии и научные статьи тюркизме. Приход к власти второго президента Ш. Мирзиёева поменял ситуацию в политике идентичности. Теперь, начиная с 2016 года наряду с узбекской идентичностью возникает некая неопределенная метаидентичность – тюркская. Тюркскость в Узбекистане неразрывно связано с внешнеполитическими амбициями местных элит и планов президента во внешней политике. Тюркскость в Узбекистане одновременно находится между «декларативным национализмом» и «демонстративным государством». Тюркскость как стратегия во внешней политике, и как историческое прошлое, и как политика идентичности выполняет определенные свои функции. Тюркскость не образ жизни и не стиль мышления, это некая стратегия во внешней политике Узбекистана, чтобы увеличить товарооборот и туристический потенциал республики. Тюркскость в Узбекистане понимается не как образ жизни, а как некая утраченная историческая форма исторического сознания населения республики. Усиленными темпами идет попытка замены советскости и исламскости на тюркскость, которая создает именно идеологическую базу для сверхусиления роли государства в политике идентичности. В написании статьи использованы идеи М. Ларюэль о связи идентичности с внешней политикой, М. Калдор о «декларативном национализме» и Л. Адамс о «демонстративном государстве».

Тюркскость в узбекском политическом и культурном контексте является чем-то средним неопределённым, нуждаясь в постоянном определении и самоопределении. Она многоуровневая, полисемантична, воображается как часть национальной идентичности, проявлением позитивного национализма. Тюркскость в узбекском обществе не выражено ни материально, ни культурно, у неё отсутствуют референции в узбекской действительности. Тюркскость как политический проект охватывает широкий диапазон понимание истории тюрков и тюркскости, вбирая в себя следующие параметры: 1) великих лидеров тюрков в истории (Чингизхан, Тимур, Мухаммад Шейбанихан), 2) национальная гордость за тюрков как борцов за свободу и блестящее будущее (М. Ататюрк), 3) надежда на лидеров как на реставраторов тюркизма в Евразии (Н. Назарбаев, Эрдоган, др.). Все эти три явления политически составляющие отсутствуют в политической и идеологической жизни Узбекистана (кроме Тимура). Тимур не воспринимается как тюрк, или отюреченный тюрк. Тимур воспринимается в Узбекистане как основатель империи и узбекской государственности [9]. Нужно отметить, что представление у населения Узбекистана о тюркскости у населения фактически не имеется. Одновременно тюркскость в Узбекистане не претендует на некое политическое всеохватывающее, ограничивая себя сиюминутными текущими политическими задачами и пытаясь вырваться из тесных оков узбекской идентичности. Тюркскость в Узбекистане понимается не как образ жизни, а как некая утраченная историческая форма исторического сознания населения республики. Тюркскость это некое утраченное, подавленное,

величественное в мировой истории, которое должно воплотиться в узбекской идентичности. Только этот процесс подавляет узбекское самосознание, создавая противоречивые отсутствующие сущности. Таким образом, тюркскость регулируется и направляется властью в русло международной политики и как альтернатива советской и исламским идентичностям. Возможно эти попытки местных элит дали свои ростки: Узбекистан период правления второго президента Ш. Мирзиёева стал членом Совета сотрудничества тюркских государств в 2019 году (переименован в 2022 году в Организацию Тюркских государств).

Опираясь на некоторые идеи известного политолога М. Ларюэль, изучающую связь внешней политики и идентичности в Узбекистане [4, с. 6–21], у меня складывается мнение, что тюркскость используется узбекскими элитами не для внутреннего потребления, и не как часть узбекской идентичности в настоящем, а как демонстрация принадлежности к тюркской цивилизации в прошлом, стремлением лидировать в Центральной Азии в неопределенном будущем. Некая театрализованная рецепция тюркскости напоминает концепцию Л. Адамс про постколониальность в Центральной Азии [4, с. 6–21]. Переиначив гипотезу Л. Адамс, можно смело утверждать, что тюркскость становится частью культурной модернизации, заменившая собой советскость/европейскость. Такие практики подтверждают концепцию Л. Адамс об Узбекистане как о «демонстративном государстве» (The Spectacular State) [13]**.** Интересно, что не только постсоциалистические республики называются «демонстративными государствами». По мнению Сары Кендзиор «America, like the countries of Central Asia, is a spectacular state» [15]. "Эффектное, демонстративное государство, пишет Адамс, – это то, где, более чем в других странах, политика проводится на символическом уровне, продвигая доминирование государства через общеразделяемые значения концептов, такие как наследие и прогресс" [13, p. 5]. Замена советскости и исламскости на тюркскость создает именно ту базу для сверхусиления роли государства в политике идентичности. Точнее тюркскость не образ жизни и не стиль мышления, это некая стратегия во внешней политике Узбекистана, чтобы увеличить товарооборот и туристический потенциал республики. Таким образом, тюркскость это некий бренд для продвижения интересов Узбекистана на международном уровне.

Тюркскость понимается элитами исключительно как историческое наследие, ограничивая культурное влияние тюркскости на идентичность. Эту ситуацию можно назвать «декларативным национализмом» ("spectacle nationalism") [14][1]. Одним из проявлений тюркскости является её история и перспектива на будущее. Как отмечал второй президент республики Узбекистан: «У нашего тюркского мира есть великая история, великие предки и несравненные богатства, которым можно полюбоваться. А я верю, что тюркский мир ждет великое будущее. Мы, несомненно, построим это будущее вместе с нашим трудолюбивым, великодушным и благородным народом» [6, с. 155–156].

Тюркскость это некое связующее метаидентичность узбекского исторического сознания, которое не должно проявляться как политический акт. Проявление тюркскости ограничено историчностью. Поэтому она не артикулирована, отсутствует её вокабуляр. Тюркскость эта идея для претворения в жизнь некоего политического проекта, которая не несёт в себе социальный или модернизирующий заряд. Тюркскость не санкционировано культурно властью, т.е. наблюдается значительный разрыв между научными изысканиями тюркскости и политическими проектами. Она не сформирована как политическая и социальная практика местными идеологами. Ритуальная составляющая тюркскости в политической жизни никак не ощущается. Отсутствуют тексты, которые отвечают на вопрос: что является тюркскостью в узбекском контексте. В большинстве случаев про тюркскость мельком просачивается в речах президента, некторых политиков, СМИ и в академических дискуссиях. Определения тюркскости разнятся в публичном дискурсе и речах политиков. Тюркскость не становится частью национальной идеологии, например, как в Казахстане.

Я рассматриваю тюркскость как «декларативный национализм» по М. Калдор и как проявление «демонстративного государства» во внешней политике Узбекистана, согласно концепции Л. Адамс. Нужно отметить, что политики, ученые в Узбекистане рассматривают тюркскость не только как номадизм или оседлость, а как политический и интеллектуальный потенциал, который проявится в недалеком и недостижимом будущем. На мой взгляд, тюркскость является гибридным понятием, который избегает всякого определения в узбекской действительности, являясь проектом, заменяющим советскую и исламскую идентичности на историзирующий тюркизм. К сожалению, фактически исследователи не рассматривали тюркскость в узбекском контексте. Ученые, в основном рассматривают тюркизм в связи с внешней политикой Узбекистана, т.е. связям Узбекистана с Турецкой Республикой.

Отдельно отмечу, что в республике налицо разрыв между политическим и научным знанием. Научное знание существует «в себе» и «для себя». Политики и аналитические центры республики крайне редко обращаются к научным изысканиям ученых. При И. Каримове не существовали центры изучения тюркскости или тюркологии. В основном изучались древнетюркские языки в филологических направлениях

[1] «It is official ideology, that is to say, the ideology that serves to legitimise existing states. It requires passive participation, watching television or joining a crowd but its capacity to mobilize active participation such as paying taxes or risking one's life in wars is greatly weakened». Цит. по: [14, p. 168].

университетов. Ученым было разрешено изучать в основном историю древних тюрок или тюркскую топонимию древнего Узбекистана [2]. История тюрков и тюркских топонимий понадобилась для узбекских элит, чтобы доказать древность узбекской государственности и как ответ на притязания таджикских элит на Самарканд и Бухару [5]. В 2000-х гг. объектом споров в узбекистанской историографии становится не сама идентичность, но истоки этой идентичности в далеком прошлом, проблема этничности и идентичности начала аппелировать к эссенциалистским, холистским теориям, которая утверждала о существовании нации изначально, особенный упор делался на негативное влияние колониализма на «естественное» развитие народов Средней Азии [12, с. 79–87].

При И. Каримове была попытка написать историю южных тюркских племен Узбекистана. Узбекский историк М.Ш. Усмонов пишет о племени кунгратов, что они являются «одним из крупных субэтнических компонентов в составе узбекского народа» [11, с. 297]. Также он выделяет кунгратов из состава узбекского народа и ссылается на общетюркскую идентичность, когда пишет, что «кунграты, будучи неотъемлемой частью узбекского, каракалпакского и казахского и др. народов, занимают особое место в общетюркской культуре» [11, с. 297]. Также исследователь отмечает, что кунграты сохранили свой язык и самобытность и живут по традициям своего рода, а не по «общенациональной идее» сконструированной столичными историками и идеологами нациестроительства. Это свидетельствует о том, что население южных районов Узбекистана (Сурхандарья, Кашкадарья, Бухара) являются в основном скотоводами и земледельцами, которые сохранили свою идентичность и этничность, несмотря на все старания республиканских элит. Президент И.А. Каримов полагал, что «основой организованной консолидации отдельных индивидуумов внутри общества должна стать не родовая, территориальная или этническая принадлежность, а осознанная общность корпоративных (предприниматели, интеллигенция, аграрии и т.д.) интересов на общегосударственном уровне» [3, с. 103]. Все исследования по истории родов и племен считались маргинальными и к анализу политический ситуации не привлекались и не становились объектом национальной идеологии.

В 2024 году в Алтае проходила международная научно-практическая конференция «Горный Алтай – прародина тюрков. К истории зарождения тюркской цивилизации». В приветственном слове председателя Российского исторического общества (РИО), директора Службы внешней разведки РФ Сергея Нарышкина отмечалось: «Историческое единство славянских и тюркских народов легло в основу становления российской государственности и стало залогом будущего развития каждого народа России» [7]. Заявлениями об общности тюрков и славян Российская Федерация пытается перехватить инициативу у Турции и Казахстана. Узбекистан как стратегический партнёр Российской Федерации не развивает идеи общности народов Евразии.

С приходом к власти Ш. Мирзиёева увеличивается труды по изучению политической истории средневековых тюрок [1]. Проявляются особое внимание к реабилитации Чингизхана как великого тюркского полководца. Особое внимание уделяется династии Шейбанидов, как основателей узбекского государства в XVI веке. Исторические штудии тюркских государств мало влияют на понимание тюркскости, больше делается ударение роли тюркскости на формирование узбекского народа. Эти исследования является маргинальными, и не влияют на официальную идеологию Узбекистана. Отмечается некий прорыв в тюркологии. Например, в 2022 году в сотрудничестве с НИИ тюркологии университетов Стамбула и Мармара в Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова был создан научно-исследовательский институт тюркологии**.** В институте исследуются общественно-политические, культурные и научные связи Республики Узбекистан со странами Организации тюркских государств. В 2020 году был открыть факультет тюркологии в Ташкентском государственном университета востоковедения. Задача факультета – подготовка специалистов и исследователей в области турецкой лингвистики, турецкой литературы, турецкой политики, экономики, истории и культуры. Несмотря на все усилия ученых, исследования тюркскости в идеологии и политике Узбекистана ничтожны малы.

В июле 2024 г. президент Узбекистана Ш. Мирзиёев заявил о приоритетах сотрудничества Узбекистана с тюркскими государствами на период до 2030 года. Интересно, что президент Узбекистана сосредоточен в основном на экономических вопросах сотрудничества с Организацией Тюркских Государств (ОТГ). «Сегодня наши страны, отметил Ш. Мирзиёев, решительно нацелены на выход к основным мировым рынкам и возрождение Великого шёлкового пути в новых исторических условиях» [8]. В ноябре 2024 года президент Ш. Мирзиёев на саммите ОТГ предложил создать Концепцию Тюркского мира, которая станет фундаментом для дальнейшей интеграции [10]. Под интеграцией президент понимает экономическую интеграцию стран участниц. Как видно по последним выступлениям и инициативам президента Узбекистана, элиты республики используют тюркскость как альтернативу интеграции ЕАЭС во внешней политике и как альтернативу советской и исламской идентичности во внутренней политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джуманиязова Ф. Тюркские династии в раннесредневеком Тахаристане и Кабуле. Диссертация на соиск. уч. степ. Ph.D. Т., 2018. 184 с.
2. Камолиддин Ш.С. Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент: «Шарк», 2006. 192 с.
3. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Ўзбекистон, 1997. 320 с.
4. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. 2013. № 1–2(58). С. 6–21.
5. Маликов А. Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зерафшана (XVIII – начало XX в.). Ташкент: Мухаррир, 2018. 216 с.
6. Мирзиёев Ш.М. Халқчил ислоҳотлар халқимиз манфаатларига хизмат қилади. 7 жилд. Тошкент: Ўзбекистон, 2023.
7. Нарышкин: единство славян и тюрков легло в основу становления государственности РФ. URL: https://tass.ru/obschestvo/22066903 (дата обращения 31.03.2025).
8. Президент Узбекистана назвал приоритеты сотрудничества тюркских государств. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/07/06/speech/ (дата обращения 31.03.2025).
9. Символ решимости, военного мастерства, гордости и чести. URL: https://uza.uz/ru/posts/simvol-reshimosti-voennogo-masterstva-gordosti-i-chesti_587633 (дата обращения 31.03.2025).
10. Узбекистан выдвинул предложение о Концепции Тюркского мира на саммите ОТГ. URL: https://upl.uz/policy/46347-news.html (дата обращения 31.03.2025).
11. Усмонов М.Ш. Трансформация этнокультуры кунгратов южного Узбекистана // Молодой ученый. 2013. № 1(48). С. 297–302.
12. Шаниязов К.Ш. Некоторые вопросы о процессах формирования узбекского народа // Общественные Науки Узбекистана. 1996. № 6. С. 79–87.
13. Adams L. The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan (Politics, History, and Culture). Duke University Press Books, 2010.
14. Kaldor M. Nationalism and Globalisation // Nations and Nationalism. 2004, 10 (1/2), pp. 161–177.
15. Trumpmenbashi. What Central Asia's spectacular states can tell us about authoritarianism in America. URL: https://thediplomat.com/2016/03/trumpmenbashi/ (дата обращения 31.03.2025).

Сведения об авторе: Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Республика Узбекистан). E-mail: balimdjanov@gmail.com

TURKIC IDENTITY IN UZBEKISTAN: AN ALTERNATIVE TO SOVIETISM AND ISLAMISM?

B.A. Alimjanov
National Center of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

After gaining independence, the Republic of Uzbekistan faced the issue of forming a national identity. In the 1990s, several models of identities competed in the country, including Islamic, secular, Soviet, Turkic and Uzbek. Ultimately, "moderate" Uzbek nationalism was established, embodied in the political course of Islam Karimov. It should be noted that identity in Uzbekistan is closely linked to foreign policy factors, the international situation and the political will of the head of state. The combination of these aspects had a significant impact on the identity policy of the republic. In the 1990s, the Uzbek authorities sought to marginalize Islamic identity and partially Turkic identity, but in the second half of the 2010s, scientific publications and discussions devoted to Turkism appeared in the public discourse. The coming to power of the second president of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev led to a change in the strategy in the sphere of identity. Since 2016, along with the Uzbek identity, a new, undefined meta-identity has begun to form – the Turkic one. Turkic identity in Uzbekistan is closely linked to the foreign policy ambitions of the ruling elite and the strategic plans of the head of state. At the same time, Turkic identity in the republic balances between "declarative nationalism" and a "demonstrative state". In this context, Turkicness acts simultaneously as an element of foreign policy strategy, as a historical heritage and as an instrument for the formation of national identity.

Keywords: identity, Turkicness, Uzbekistan, Organization of Turkic States (OTG), nationalism, Islamism, demonstrative state

About the author: Bakhtiyor A. Alimjanov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan). E-mail: balimdjanov@gmail.com

УДК 94

В.П. КОСТЮКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А.В. Парунин
Южно-Уральский государственный университет

В статье на основании обращения к наученному наследию В.П. Костюкова рассмотрено основное содержание его работ, палитру взглябдов на те или иные актуальные для исследователя проблемы, а также выделить авторский стиль. Материалами исследования выступили статьи и монография, а также археологические отчеты. Результаты исследования: показана постепенная эволюция научных разработок В.П. Костюкова. Если в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. это были либо материалы археологических разведок или раскопок, представленные в отчетах, а также преимущественно тезисные статьи, то начиная с его диссертации 1997 г. круг тем и проблем, попавших в круг внимания исследователя неуклонно растет и расширяется. Важной чертой явилась публикация материалов с исследованных археологических памятников, вещевая и этнокультурная интерпретация погребений и культовых сооружений, выполненных в широкой сравнительной перспективе. Обращаясь к работам, так или иначе освещавших политическую и этнокультурную роль кипчаков в Золотой Орде, можно проследить, что основные идеи и концепции вокруг этой проблемы формировались еще на этапе подготовки диссертации, однако в полной мере эта концепция проявила себя уже в 2000-е гг. То же самое можно сказать и про большинство вопросов, затронутых В.П. Костюковым.

Ключевые слова: Шибаниды, Шибан, XIII в., XIV в., Зауралье, историография

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/.

Владимир Петрович Костюков (1949–2009 гг.) является примером талантливого исследователя, умело сочетавшего в себе тонкого аналитика и интерпретатора археологических материалов, применявшихся в выстраивании им частных и общих исторических концепций, посвящаемых не только изучению истории улуса Шибана, ставшего центральной темой его кандидатской диссертации (1997 г.), но и разнообразных вопросов политической истории Золотой Орды XIII–XIV вв.

Научные интересы Владимира Петровича во многом сформировались благодаря его археологическим работам, проводимым в степной части Челябинской области в 80–90-х гг. XX в. В частности, курган у «Третьего плеса», ставший известным своим шаманским погребением XIII в. был обнаружен исследователем в 1986 г. в ходе разведочного обследования Карталинского района Челябинской области [3, с. 4–5]. Помимо этого, на протяжении ряда лет (1987–1990 гг.) В.П. Костюковым было раскопано несколько курганных групп в Карталинском районе (микрорайоны Каменный Амбар, Система и окрестности). Исследование каменно-земляных насыпей, являвшихся в интерпретации исследователя, тюркскими поминальными комплексами дали богатый материал как в плане материальной культуры так и архитектуры самих курганов и погребений [4; 5; 7]. Так могильник Система–1 стал первым тюркским поминальным комплексом на Южном Урале, позволив в итоге датировать его XIII в.]7, с. 151–156].

В 1994 г. раскопан одиночный курган Анненское–12 (Карталинский район Челябинской области), заполнение которого было интерпретировано как ритуальное сооружение. Дело в том, что при раскопках обнаружена гранитная стела, ставшая в итоге объектом пристального изучения. Еще на этапе создания отчета В.П. Костюковым была предложена датировка XIII–XIV вв. на основе западносибирских материалов [8, с. 6; 29, с. 73–77].

На примере исследования могильника Солнце-Талика (Варненский район Челябинской области) хорошо виден авторский стиль. Помимо подробного археологического описания самого памятника и этапов работы над ним демонстрируется значительный исследовательский потенциал. На основании археологических материалов, этнографических параллелей и привлечений сведений из письменных источников В.П. Костюковым была предложена датировка погребенного XVII в., а выявленную в ходе исследования столбовую конструкцию в погребении остатками ламаистской погребальной обрядности [24]. Отметим, что автор работ на протяжении 1990–2000-х гг. старался уделять вопросам вероисповедания средневековых кочевников Южного Урала как можно большее внимание.

Такой же подход характеризует исследования В.П. Костюковым истории улуса Шибана, проблематика которого начала разрабатываться вместе с проведением систематических археологических исследований и последующим вводом в научный оборот материалов. Первые статьи появляются уже в середине 90-х гг.

XX в. и являют собой конспективное изложение истории формирования улуса Шибана в частности, и этнополитическую историю Южного Зауралья XIII–XIV вв. в общем [6, с.54–57; 9, с.40–43; 10, с. 86–87].

Пристальное внимание исследователя к археологическим и историко-политическим вопросам формирования и развития улуса Шибана привело к успешной защите в Уфе в 1997 г. кандидатской диссертации «Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана)». В 2010 г. это исследование в виде монографии было издано Центром золотоордынских исследований Академии наук Республики Татарстан под редакцией И.М. Миргалеева после смерти автора [11; 29].

Работа представляет собой комплексное историко-археологическое исследование средневековой истории Южного Зауралья. В ней прежде всего изучены погребальные комплексы, территориально и хронологически относившиеся (по версии автора – А.П.) к улусу Шибана. Однако это было сделано на широком территориальном охвате: помимо Южного Зауралья в выборку включались Урал, Приуралье, а также Северный, Западный и Центральный Казахстан [29, с.22]. Сама работа была поделена на четыре главы, три из которых являются сугубо археологическими, изучая формально-типологические, этнодиагностирующие признаки погребений. Глава, посвященная ритуальным комплексам, содержит в себе широкие наблюдения за схожими памятниками, фиксировавшимися на территории Евразии в указанное время.

Наконец третья глава включает в себя наиболее спорные вопросы о династии Шибанидов: личности ее основателя, месте в целом в политической истории Золотой Орде, отношениях Шибанидов с представителями других Чингизидских родов, а также статус и определение местоположения самого улуса. В последнем пункте В.П. Костюков полагался на подробное сообщение Абулгази, указывая, что «более подробных и пространных сведений о первоначальной локализации и размерах улуса Шибана в средневековых сочинениях нет» [29, с.91]. Также автором был предпринят по сути первый подробный анализ географического расположения улуса [29, с.92–99].

Немало внимания В.П. Костюков уделял и вопросу изучения четырех основных кланов улуса (по Абулгази – А.П.), а именно: кушчи, карлук, найман и буйрак, переданных Шибану от Бату во время выделения ему земель [1, с.160]. Помимо изучения вопросов о присутствии этих кланов в письменных источников и карт их кочевок [29, с.103–109] затронуты вопросы переселения представителей вышеупомянутых кланов на запад, включая Южное Зауралье. Именно с фактами этого переселения В.П. Костюков увязывает погребения могильника Сарбулат–2 и одиночного кургана Третий Плес, в вещевом инвентаре которых прослеживаются аналогии с памятниками Забайкалья [29, с.126–127]. Таким образом, в степные пространства Южного Зауралья в XIII–XIV вв. происходила инфильтрация монголоязычных племен, ставших частью населения улуса Шибана.

Небезынтересно отметить, что уже в своей диссертации В.П. Костюков выделил тезис о необходимости корректировки тезиса «массированной кыпчакизации Дешт-и Кыпчака», указав, что именно к улусу Шибана эта точка зрения не применима вообще [29, с.115–116]. Здесь же впервые исследователь подвергает критике знаменитый отрывок из сочинения ал-Умари. Если в тексте диссертации этот момент был во многом упрощен, что объяснялось его незначительным влиянием на рассматриваемую тему, то в статье 2006 г. «Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством?» он уже получит развернутую аргументацию.

В целом, кандидатская диссертация В.П.Костюкова явилась серьезным шагом вперед не только в изучении политической истории Шибанидов, но и введением средневековых памятников Южного Зауралья на поле многочисленных древностей евразийских степей. Здесь же со всей очевидностью проявились качества В.П. Костюкова как талантливого исследователя: археологический материал рассматривался в широкой сравнительной перспективе, при этом не концентрируясь исключительно на вещеведении. Как правило, по мере возможности привлекалась информация из письменных источников, религиозная обрядность, этнографические сюжеты. Эта исследовательская специфика уже фигурировала в его ранних работах. Однако в статьях 2000-х гг. («Одиночный курган у Третьего плеса», 2006; «Средневековое погребение шамана из Южного Зауралья», 2008 и др.) она была продемонстрирована в полной мере.

Последующие научные работы в целом можно разделить на три направления. Первое – публикация и интерпретация археологических материалов из средневековых погребений Южного Зауралья, второе – дальнейшее исследование политической истории улуса Шибана в общем и биографий Шибанидов в частности, третье – частные вопросы истории Чингизидов XIII–XIV вв. К таковым можно причислить вопросы буддизма и управления улусными землями в Золотой Орде, походам Тимура и Хулагу и др.

Буквально сразу же после защиты диссертации автор продолжает разборы частных вопросов из ранней истории улуса Шибана, что хорошо иллюстрирует его статья 1998 г. [13, с.210–224]. Во многом эта работа является компендиумом третьей главы диссертации. Здесь также рассмотрены вопросы личности Шибана, обстоятельств его жизни и смерти, поднимается проблема политического статуса его потомков в Золотой Орде и державе Хулагуидов. Практически дословно воспроизводятся представленные ранее вопросы границ улусов, а также географической локализации [13, с.212–213, 215]. В какой-то мере проблематика этой работы раскрывается в более поздней статье [17]. Статья носит более популярный характер:

немалое внимание вновь уделяется личности самого основателя династии [17, с.695–701]. Но здесь же впервые В.П. Костюковым затронут вопрос статуса Шибанидов в эпоху Великой Замятни. Так, «первому из Шибанидов столица Орды досталась Хызр-хану» [17, с.704] и в целом здесь воспроизводится сюжет, представленный у Утемиша-хаджи. В целом, после прихода Токтамыша к власти «Шибанидам пришлось вернуться в свой улус», а последующая война между Токтамышем и Тимуром привела к тому, что «Шибаниды не стали испытывать судьбу а заведомо неравной схватке и удалились за Иртыш к дружественным кыргызам» [17, с.705]. Скорее всего эта ремарка восходит к «Бахр ал-асрар», согласно тексту которой (в передаче С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова – А.П.) Шибаниды также обращались за помощь к кыргызам. Но когда золотоордынский хан Пулад решил наказать последних за набеги на приграничные земли царевичи отказались участвовать [2, с. 196].

Проблемы политического статуса Шибанидов и Тука-Тимуридов в XIV в. получили свое дальнейшее продолжение в статье 2009 г [28]. Здесь В.П. Костюков подробнее остановился на вопросах прихода власти и хронологии правления ханов. В частности, он подверг сомнению рассказ Утемиша-хаджи о союзнических отношениях Токтамыша и Арабшаха на основании того, что последний являлся противником Тука-Тимуриду в борьбе за золотоордынский трон [28, с.42]. Несмотря на это приход к власти Токтамыша и последующий конфликт с Тимуром обозначил, по мысли автора, наличие двух партий, одна из которых выступала союзниками золотоордынскому хану, а другая стремилась наладить отношения с Тимуром. В итоге Шибаниды выбрали первый путь, поскольку их царевичи приняли деятельное участие в военных походах на стороне Токтамыша [28, с.42]. Если говорить в целом о роде Шибанидов на этот период времени, то В.П. Костюков характеризовал как чрезвычайно мозаичный и не способный к внутренней консолидации по причине несовпадения тех или иных политических интересов в рамках членов рода. Этот фактор стал определяющим в неспособности царевичей отстоять свое право на центральную ханскую власть.

Здесь же стоит остановиться на по сути программной статье, раскрывающей статус и деятельность династии в XIII веке, вассалитет которой был образно сформулирован как «железные псы Батуидов» [23, с. 91]. Пожалуй, эта ремарка явилась определяющей для всего содержания статьи. Здесь В.П. Костюковым подробно затронуты те вопросы, которые так или иначе фигурировали в более ранних работах, включая диссертацию. Статья подробно исследовала вопрос формирования улуса Шибана с постоянным цитированием в полной мере тех или иных источников. Вопрос выделения Шибану земель рассматривался вкупе с рассказом Утемиша-хаджи и ат-Ташканди [23, с.55–56]. В данном случае В.П. Костюков подчеркивал разницу во взглядах ранних и поздних источников особенно на личность и деяния самого основателя династии.

Помимо этого, подробно рассмотрен вопрос об участии в войне Берке и Хулагу, и речь прежде всего идет о Шибанидах Балакане и Тутаре, которых Менгу в составе других царевичей отправил в Иран с целью подготовки выступления против Хулагуидов [23, с.58–60]. В этом эпизоде демонстрируется как именно Шибаниды в качестве военной элиты были вписаны в общеимперскую политику. Смерть Мунке и приход к власть Ариг-буги также привела к перераспределению сил в Иране, в результате чего Хулагу расправился с рядом царевичей, включая и Шибанидов [23, с. 65].

Череда событий XIII в. и участие в них царевичей из рода Шибана привели В.П. Костюкова к вполне логичному выводу, «что этот многочисленный и разветвленный клан, участвовавший практически во всех военных предприятиях Улуса Джучи, был одним из наиболее надежных защитников прав Бату и его потомков на господство в западной части Монгольской империи» [23, с.91]. Помимо собственно проблем политической истории исследователем продолжает разрабатываться археологическая тематика. К таковым можно отнести ряд работ, посвященных древнетюркским поминальным оградкам [12; 15; 16; 20]. Эти памятники, как правило, датировались XIII–XIV вв., в том числе из-за близкой культурной и хронологической позиции с погребениями аналогичного времени (Каменный Амбар, Система и др.) [12, с.317; 16, с.53]. Обстоятельства формирования таких оградок также вызвали исследовательский интерес. Наличие ямок в их конструкции В.П. Костюков увязал с шестами, на которых привязывались шкуры лошади, подкрепив этот вывод наблюдениями Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма Рубрука [12, с.318] При этом их этническое происхождение связывалось не с кипчаками, а с алтайскими тюрками. Публикация оградок из памятника Солончанка VIII (Кваркенский район Оренбургской области), Анненское–6 и Каменный Амбар–20 (Карталинский район Челябинской области) продемонстрировали однотипность культовых сооружений и подкрепили вышеописанное мнение исследователя. Их датировка во многом строилась на аналогичных материалах Новосибирского Приобья [20, с. 124].

В обоснование своего тезиса о преобладании в Золотой Орде (включая и улус Шибана – А.П.) тюркоязычных племен применительно также и к археологическим материалам В.П. Костюков подвергает обстоятельной критике уже упоминавшийся выше отрывок из свидетельства Рубрука о погребении кочана. Скрупулезный анализ самого отрывка, основанный на широких археологических, этнографических данных, а также с привлечением обширного корпуса письменных источников демонстрируют глубокий

исследовательский подход к рассматриваемой проблеме [20, с.126–134]. В целом вывод исследователя здесь неизменен: погребальные и культовые комплексы Южного Урала и Зауралья формировались не кипчаками, а выходцами с Алтайских гор, ставших частью народов улуса Шибана в XIII в. Это убедительное свидетельство значительной миграции тюркоязычных племен с территории Восточной Сибири и Монголии в сторону Уральских гор.

Тематически близкими к вышеупомянутой серии статей относятся исследования В.П. Костюкова касательно роли кипчаков в Золотой Орде. Первая аргументация им была высказана еще в тексте диссертации, где среди прочего констатировалось отсутствие большого количества кипчакских погребений (погребения могильников Кайнсай, Змеиный Дол и пр.), а имевшиеся датировались XIII–XIV вв. и относились уже к населению улуса Шибана [29, с.115–116]. Вскоре В.П. Костюков представил свою позицию более подробно, где критически рассмотрел текст ал-Умари, а также повторил тезис, что большинство погребений урало-казахстанских степей относятся к разным группам тюркоязычных кочевников [14, с.165–166].

Развернутая аргументация по этому вопросу была представлена исследователем в двух вариантах статьи [19; 21]. Здесь также хорошо прослеживается авторский стиль: критический анализ «кипчакизации» Золотой Орды показан с привлечением большинства письменных источников по тематике. Впервые В.П. Костюков для обоснования своей позиции практически не привлекает археологический материал, отсылая читателя к более ранним трудам. Взамен он дополнительно использует антропологические материалы, а также достижения лингвистики [21, с. 231–234]. Конечной целью работы стало желание показать, что сообщения источников «плохо согласуются с утвердившимся взглядом на Золотую Орду как на государство кипчаков».

К подобного рода теоретическим статьям можно отнести еще одну работу, посвященную вопросам федерализма среди различных частей Золотой Орды [22]. Здесь внимание было сосредоточено вокруг династии Орда-Ичена и его политического влияния среди других потомков Джучи, желавших прервать самостоятельность династии в восточном крыле [30, с.248]. Здесь В.П. Костюков уделил особое внимание дискуссионному поныне вопросу о происхождении Урус-хана, поскольку некоторые исследователи по-прежнему считают его Орду-Иченидом [22, с.467–468]. Поскольку подобная версия генеалогии в основном построена на сообщении Муин ад-Дина Натанзи и ряда зависимых от него авторов; исследователем предложена авторская критика сюжетов персидского хрониста, в которой, помимо всего прочего, делается вывод о противоречии с иными генеалогическими списками, а также данными нумизматики [22, с. 469–470]. В целом, процессы мифологизации генеалогии той или иной династии уже в XV–XVI вв. В.П. Костюков объясняет кризисом правящей династии Батуидов в середине XIV в. Пришедшие к власти ханы из других ветвей впоследствии формировали легенды вокруг своего происхождения, статуса и правления, позволяя сформировать необходимую легитимность. На этом основании делается вывод о закате Орду-Иченидов уже в первой половине XIV в. [22, с.471]. Династия фактически сошла на нет еще при сильной центральной власти в Золотой Ороде и не смогла закрепиться даже на периферии в период политического кризиса.

Уже в 2000-х гг. в статьях В.П. Костюкова получает свое развитие вопрос распространения мировых конфессий среди кочевников Южного Зауралья. Для данного региона речь в первую очередь идет о привлечении археологических источников. Именно они позволили более предметно говорить о пестроте религиозных взглядов по сравнению с кипчакским временем. Так, «многие племена Улуса Шибана задолго до переселения в урало-казахстанские степи приобщились к мировым религиям» [18, с.124]. Этот тезис исследователь хорошо иллюстрирует разнообразными археологическими материалами. Погребение из одиночного кургана «У третьего плеса», главным признаком которого является наличие на покойном 7 пар серебряных пластинок, украсивших его одежду, отлично характеризует его как языческое [18, с.124; 25, с.560, 566]. Однако уже другое погребение из кургана 3 могильника Сарбулат–2 [5, с.72–76], согласно погребальному инвентарю, является классическим примером буддийской погребальной обрядности, схожей с материалами могильников Западный и Мамуу-Толгой (Каракорум, Монголия), изученных В.Е. Войтовым [26, с.204–214]. Этот факт еще раз подчеркивает конфессиональное и этнокультурное единство различных территорий Золотой Орды и Монгольской империи XIII в., тонко прослеженных автором. На основании археологических материалов, а также сообщений письменных источников В.П. Костюковым была проиллюстрирована картина наличия сильной буддийской партии в Золотой Орде вплоть до воцарения Узбек-хана. По сути, сакральная победа ислама над буддизмом стала одной из центральных тем исследователя в статье 2009 г., посвященной обращению Узбек-хана в ислам [27]. Статья логически и хронологически продолжает тему влияния буддизма на политическую культуру золотоордынского государства, однако упор в ней делается на поздние источники и этнографические параллели. Как бы подытоживая В.П. Костюков замечает, что победа ислама над буддизмом «нужна полная и безоговорочная. Ее идеальный вариант и воплотился в легенде, записанной Утемишем-хаджи. Но антураж легенды вполне реаль-

ный, исторически достоверно отображающий конфессиональную ситуацию, в которой Узбек осуществлял судьбоносный для населения Улуса Джучи выбор веры» [27, с.78–79].

Как известно, В.П. Костюков работал над докторской диссертацией вплоть до своей кончины, не успев ее закончить. Можно лишь предполагать о направлениях этой работы и о тех проблемах, которые могли подвергнуться решению на ее страницах. Тем не менее, представленный выше краткий анализ научного наследия, хотя и в неполном объеме, позволяет судить о разнообразии уже актуальных для него вопросов. Помимо всего прочего в области письменной истории он был талантливым и скрупулезным источниковедом; в археологии – тонким интерпретатором свидетельств материальной культуры. Все это позволяло формировать канву своих будущих исследований, опираясь даже на самые, казалось бы, незначительные факты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. 240 с

2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата. «Рауан», 1992. 378 с.

3. Костюков В.П. Отчет об археологической разведке, проведенной летом 1986 г. по р. Нижний Тогузак в Карталинском и Варненском районах Челябинской области. Челябинск, 1987.

4. Костюков В.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г. Т. 1. Челябинск, 1991.

5. Костюков В.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г. Т. 2. Челябинск, 1991.

6. Костюков В.П. К этнической ситуации в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // II Берсовские чтения. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 1994. С. 54–57.

7. Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 138–156.

8. Костюков В.П. Отчет о полевых работах на территории Челябинской области в 1994 г. Челябинск, 1995.

9. Костюков В.П. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Часть V. Книга 2. Челябинск, 1995. С. 40–43.

10. Костюков В.П. К вопросу об улусе Шибана (XIII–XIV вв.) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа: «Восточный университет», 1996. С.86–87.

11. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): дисс. … канд. ист. наук. Уфа, 1997. 200 с.

12. Костюков В.П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 311–320.

13. Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.-Магнитогорск, 1998. С. 210–224.

14. Костюков В.П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. С. 165–166.

15. Костюков В.П. Средневековые культовые сооружения у с. Анненское // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сборник статей. М.: ГЕОС, 2000. С. 329–337.

16. Костюков В.П. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. С.51–53.

17. Костюков В.П. «…Там пребывает Шибан, брат Бату» // Челябинск неизвестный. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 695–707.

18. Костюков В.П. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н. э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. 2004. С. 121–129.

19. Костюков В.П. О кыпчаках в Джучидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. 2004. С. 226–249.

20. Костюков В.П. Из новых исследований средневековых оградок на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Серия 1. Исторические науки. №3. 2005. С. 99–140.

21. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Вост. лит., 2006. С. 199–237.

22. Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2007. С. 454–489.

23. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1. 2008. С. 42–96.

24. Костюков В.П. Курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №2. 2008. С. 194–210.

25. Костюков В.П. Средневековое погребение шамана из Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. С. 550–571.

26. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 189–236.

27. Костюков В.П. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 67–80.

28. Костюков В.П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. №28 (166). История. Вып. 34. 2009. С. 39–43.

29. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

30. Почекаев Р.Ю. Памяти Владимира Петровича Костюкова – коллеги и друга // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 247–250.

Сведения об авторе: Алексей Владимирович Парунин – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: therion12399@gmail.com

V.P. KOSTYUKOV AS A RESEARCHER OF THE GOLDEN HORDE HISTORY

A.V. Parunin
South Ural State University

The purpose of the study: based on the appeal to the learned heritage of V.P. Kostyukov, to consider the main content of his works, the palette of views on certain problems relevant to the researcher, and also to highlight the author's style. Research materials: the main sources were articles and a monograph, as well as archaeological reports. Results of the study: the gradual evolution of V.P. Kostyukov's scientific developments is shown. If in the late 80s – early 90s of the 20th century these were either materials from archaeological surveys or excavations presented in reports, as well as mainly abstract articles, then starting with his dissertation of 1997, the range of topics and problems that came to the attention of the researcher has been steadily growing and expanding. An important feature was the publication of materials from the studied archaeological sites, the material and ethnocultural interpretation of burials and religious buildings, carried out in a broad comparative perspective. Turning to the works that in one way or another illuminated the political and ethnocultural role of the Kipchaks in the Golden Horde, one can trace that the main ideas and concepts around this problem were formed at the stage of preparing the dissertation, but this concept fully manifested itself already in the 2000s.

Keywords: Shibanids, Shiban, 13th century, 14th century, Trans-Urals, historiography

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/.

About the author: Alexey V. Parunin – Cand. Sci. (History), Researcher of the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: therion12399@gmail.com

УДК 94(47).031

ДВА ИССЛЕДОВАНИЯ О ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ УЛУСА ДЖУЧИ[1]

Р.Ю. Почекаев
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Рецензия посвящена двум недавно вышедшим изданиям по истории Улуса Джучи, авторами которых являются признанные специалисты по истории этого государства и его преемников. Первый труд, подготовленный Б.В. Черкасом, посвящен истории «западного крыла» Золотой Орды и, несмотря на то что издан в виде научно-популярной книги, представляет серьезное научное исследование, заслуживающее внимания специалистов-джучидоведов. Вторая книга, автором которой является Т.И. Султанов, в большей степени посвящена «восточному крылу» Улуса Джучи и преемнику этого государства – Казахскому ханству. В своей работе автор представляет сложную и противоречивую картину формирования казахского народа на протяжении веков, учитывая новейшие исследования и высказывая собственное мнение по ряду спорных вопросов.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, южно-русские земли в ордынский период, Казахское ханство, этногенез казахов

Среди работ по истории Золотой Орды (Улуса Джучи), вышедших в 2020 году, не последнее место займут две рецензируемые работы. Эти публикации, несмотря на очевидные содержательные различия, имеют также и немало общего, почему автор и счел возможным представить двойную рецензию. Прежде всего, оба труда являются переизданиями более ранних вариантов книг. Оба изданы не в России. Кроме того, обе книги имеют научно-популярный или, по крайней мере, просветительский характер, хотя при этом являются, как будет показано ниже, серьезными научными исследованиями. Наконец, их также отличает достаточно нетрадиционный поход к исследованию истории Золотой Орды по сравнению с тем, который мы привыкли использовать в отечественной историографии по данной тематике. Однако рассмотрим все эти нюансы по порядку.

Автором первой рецензируемой работы является доктор исторических наук Борис Владимирович Черкас, ведущий научный сотрудник Института истории Украины (г. Киев) и один из крупнейших, а возможно, и крупнейший украинский историк Золотой Орды. Рецензируемое издание [8] является переизданием опубликованной в 2014 г. работы на украинском языке [9], впоследствии послужившей основной для докторской диссертации автора. На украинский «оригинал» в свое время уже была опубликована рецензия в «Золотоордынском обозрении» [3], однако поскольку ее автор и сам является представителем украинской науки, он не счел нужным отметить те особенности книги, которые сразу же должны броситься в глаза российским читателям, а сосредоточился на ряде конкретных содержательных аспектов. Поэтому, полагаем, есть резон представить обзор русскоязычного варианта труда Б.В. Черкаса и тем самым привлечь к ней тот интерес, которого он, несомненно, заслуживает.

Книга состоит из краткого предисловия и трех глав, каждая из которых включает в себя несколько подразделов. Первая глава посвящена истории образования и начального этапа существования Улуса Джучи – от первого столкновения монголов с южнорусскими князьями в битве на Калке (1223 г.) до эпохи Ногая (вторая половина XIII в.). Во второй главе подробно рассмотрены события из истории Золотой Орды XIV в., преимущественно от хана Узбека и до свержения Токтамыша, значительным последствием которого стала битва на р. Ворскле (1399 г.). Третья глава представляет собой своеобразную «энциклопедию» Золотой Орды, в которой автор рассматривает основные аспекты ее политической социально-экономической истории: географические пределы, организацию системы власти и управление, основные направления экономической деятельности, города.

[1] Рецензия была подготовлена в 2021 г., вскоре после выхода обеих книг.

Исследование проведено, можно сказать, в «украиноцентричном» духе, что характерно для изысканий Б.В. Черкаса в целом, который при изучении Золотой Орды и ее преемников основное внимание уделяет проблемам истории тех территорий, которые составляют территорию современной Украины. Однако рецензируемая работа демонстрирует, что этот подход в данном случае используется не во вред исследованию. Автор книги сумел весьма тщательно проследить историю Золотой Орды на протяжении почти двух столетий, практически не упоминая о ее политике в отношении княжеств Северо-Восточной Руси. Собственно, именно эта особенность книги, как представляется рецензенту, и должна привлечь к ней интерес российских исследователей.

Большинство российских исследователей Золотой Орды (исключая, впрочем, востоковедов) традиционно рассматривают историю этого государства в тесной связи с историей северо-восточных русских княжеств эпохи феодальной раздробленности, а затем – с историей Московского государства. Тем самым они сознательно или подсознательно формируют у читателей представление о том, что отношения Улуса Джучи с этими государствами являлось основным направлением политики его правителей. Книга Б.В. Черкаса является весомым аргументом в пользу того, что это было совсем не так.

Автор книги, характеризуя внешнеполитическую деятельность ханов-Джучидов, основное внимание уделяет проблемам их отношений с княжествами Южной и Юго-Западной Руси (преимущественно с Галицко-Волынским), а также с польскими и литовскими правителями. Его исследование показывает, что это направление играло отнюдь не меньшую роль, что отношения золотоордынских монархов с князьями Северо-Восточной Руси.

Появление книги Б.В. Черкаса отражает тенденцию, характерную для современной историографии Улуса Джучи. Многие авторы сегодня обращаются не к глобальной истории этого государства, а сосредотачиваются на изучении либо отдельных аспектов, либо отдельных периодов, либо же отдельных регионов – как являвшихся в свое время частями Золотой Орды, так и входивших в сферу ее влияния. Однако очень мало, кто из них уделил достаточно серьезное внимание ордынской политике на территориях, составляющих современную Украину. По мнению рецензента, наиболее подробно этим вопросом занимался в контексте истории Золотой Орды лишь Г.В. Вернадский [1], другие же авторы сосредотачивались преимущественно либо на частных аспектах, либо отдельных периодах, либо истории отдельных украинских территорий в ордынский период. Работа Б.В. Черкаса учитывает наработки предыдущих исследователей и формирует достаточно полное представление об истории Золотой Орды и ее отношений с южнорусскими землями.

Конечно, в книге имеются некоторые даже не недостатки, а, скорее, спорные места. К числу таковых, в первую очередь, следует отнести слишком уж категоричное, по мнению рецензента отстаивание идеи о длительном существовании в составе Золотой Орды «улуса (или крыла) Мувала», которая красной линией проходит через всю книгу: именно с ней связывает Б.В. Черкас и политику Ногая, и впоследствии деятельность других влиятельных золотоордынских деятелей (включая и небезызвестного Мамая). Прежде всего, вызывает сомнение само соотнесение названия улуса с достаточно малоизвестным представителем рода Джучидов (которого сам автор книги, к тому же, на с. 224 отождествляет с Мауци) – скорее, его можно было бы назвать хотя бы «крылом Ногая». Кроме того, Золотая Орда за рассматриваемый в книге период пережила несколько серьезных административных реформ, что вряд ли позволяет говорить о каком-то постоянно существовавшем улусе, который мог возникнуть на раннем этапе истории Улуса Джучи, но затем многократно трансформировался, меняя и статус, и название, и границы.

Аналогичным образом, вызывает сомнение предположение автора, что беклярибеками Золотой Орды могли быть Джучиды Бек-Булат и Таш-Тимур, которых он без веских оснований также относит к правителям «крыла Мувала» (с. 228–229). Как известно, представителей правящего рода в Золотой Орде практически никогда не назначали на высший командный пост (казусы Ногая и, возможно, Ильбасара, сына Токта – скорее, исключения), и нам хорошо известно, что его занимали наиболее влиятельные беки – представители родоплеменной аристократии.

В некоторых случаях мы встречаемся с некоторыми противоречиями. На с. 124 говорится о смерти тридцатилетнего Токты в 1312 г., что не сочетается с событиями 1291 г., описываемыми на с. 103 на основе источников: вряд ли 9-летний мальчик мог эффективно командовать войсками и принимать серьезные властные решения. На с. 108 речь идет о гибели внука Ногая, тогда как на следующей описывается уже его месть за сына. Впрочем, в последнем случае, если учесть, что в украинском оригинале речь идет просто о мести, а сын не упоминается [9, с. 131], можно отнести вставку «сына» на счет редакторов издательства. Собственно, и основные претензии к рецензируемой книге следует адресовать не самому автору, а именно издательству.

Харьковское издательство «Клуб семейного досуга», которое, судя по названию, специализируется именно на издании популярной и развлекательной литературы, при издании книги Б.В. Черкаса пошло по пути, которым, увы, нередко следуют и многие российские издательства: под видом публицистической

или научно-популярной книги оно представило фактически полную версию научного труда. В результате читатель не может не отметить множества недостатков.

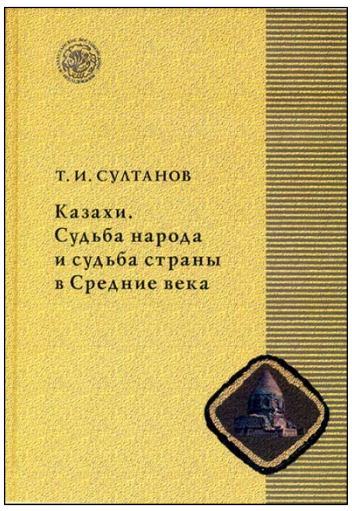
Начнем с названия книги: вряд ли сам Б.В. Черкас мог бы озаглавить свою книгу таким образом. Причем тут «всемирная история»[2]? Также книга отнюдь не посвящена «покорению Азии» ни монголами, ни Золотой Ордой, ни ее преемниками. Просто, скорее всего, оригинальное название «Западные владения Улуса Джучи: политическая история, территориально-административное устройство, экономика, города (XIII–XIV вв.)» показалось издателям слишком уж тяжеловесным и способным отпугнуть широкую читательскую аудиторию.

В книге – обилие опечаток, которые даже и если принадлежат автору, то в большей степени являются основанием для упрека редакторам и корректорам книги. А на титульном листе в качестве автора вообще указан некий Кирилл Галушко!

Наконец, обратимся к ссылочно-библиографическому аппарату. Ссылок в книге нет вообще, а список литературы занимает одну страницу и составляет довольно эклектичный набор из 52 пунктов (хотя оригинальное украинскоязычное издание насчитывает список из 426 пунктов!). Благодаря «популяризации» русского перевода книги, многие пассажи в книги выглядят просто-напросто некорректными с научной точки зрения – речь идет о ссылках на мнение исследователей и в особенности о цитировании исторических источников и исследований, которые не только не снабжены ссылками, но и не отражены в куцем списке литературы. Не сомневаемся, что подобное «обрезание» научного аппарата книги сделано отнюдь не с согласия автора, который отличается большой скрупулезностью в использовании источниковой базы и исследовательских трудов.

Безусловно, такие недочеты весьма сильно снижают возможности работы с рецензируемой книгой как с научным изданием. Однако, по нашему мнению, большим плюсом этой книги является ее русскоязычность, и главная польза от нее состоит в том, что ознакомление с русским переводом может стимулировать исследователей Золотой Орды обратиться и к украинскому оригиналу, обладающему всеми необходимыми элементами научного исследования – используя данную книгу при необходимости как своего рода «подстрочный перевод».

Автор второй книги, думается, в особом представлении не нуждается: имя выдающегося историка, востоковеда и источниковеда современности Турсуна Икрамович Султанова, доктора исторических наук и профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, прекрасно известно далеко не только историкам Золотой Орды и ее наследников или средневекового Казахстана. И каждая его новая книга – настоящий подарок читателям как специалистам, так и всем интересующимся историей Евразии эпохи Средневековья. Не является исключением и рецензируемая работа [6].

Сам автор в кратком предисловии весьма скромно именует ее «своей частью» готовившегося второго издания книги «Казахстан: летопись трех тысячелетий», написанного в соавторстве с С.Г. Кляшторным [2]. В связи с кончиной Сергея Григорьевича работа была приостановлена, а затем Т.И. Султанов принял решение издать эту самую «свою часть» под новым названием.

Однако по результатам ознакомления с книгой мы приходим к убедительному выводу, что это не просто переиздание – пусть даже исправленное и дополненное, – а совершенно новая работа, которая при этом, конечно же, базируется на более ранних изысканиях автора. Основу для труда составила не только «своя часть» Т.И. Султанова из упомянутой книги, но также и другое его хорошо известное произведение – «Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть» [7].

Книга состоит из упомянутого предисловия, шести глав и эпилога (представляющего собой очерк воспоминаний Т.И. Султанова об С.Г. Кляшторном). В первой главе дается обзор истории начала монгольских завоеваний и формирования основных улусов Монгольской империи. Среди них отдельные параграфы посвящены Улусу Джучи и проблеме Ак-Орды и Кок-Орды и истории Восточного Дешт-и Кыпчака (т.е. «восточного крыла» Золотой Орды) в XIV – начале XV вв. Во второй главе описывается история государства Тимуридов, а в следующей – Моголистана, восточной части Чагатайского улуса. В четвертой главе характеризуется начальный этап формирования Казахского ханства, в т.ч. его хронологические рамки, биографии первых правителей и, собственно, сам этноним «казак». Пятая глава посвящена политической истории Казахского ханства (или «государств казахов», как именует его

[2] Впрочем, можно предположить, что таково название издательской серии в целом, хотя из самого библиографического описания книги этого не следует.

автор), его отношениям с Шибанидами и Чагатаидами, ойратами, бухарскими ханами из рода Шибанидов и Аштарханидов, завершается она общей характеристикой взаимоотношений казахов с Россией вплоть до начала XX в.[3]. Последняя глава (аналогично книге Б.В. Черкаса) представляет «энциклопедию» жизни кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака в XIV–XVIII вв., включая их хозяйство и быт, военное дело, религиозную сферу.

Такой набор тем отнюдь не создает впечатление «нарезки» из предыдущих работ, а напротив – формирует четкое и объективное представление о длительном, сложном и противоречивом процессе формирования казахского этноса. Автор весьма убедительно показывает, что его неотъемлемой частью стали не только бывшие подданные «восточного крыла» Улуса Джучи, но также и представители других наследников Монгольской империи – в первую очередь, Улуса Чагатая. Соответственно, было бы чрезмерным упрощение казахской истории рассматривать Казахское ханство исключительно как наследника (по сути – осколок) Золотой Орды: это государство являлось принципиально новым формированием, включившим в себя выходцев из разных улусов и контролировавшим территории, составлявшие как джучидские, так и чагатайские. Отсюда берут свои истоки три казахских жуза, а также сложные отношения между отдельными родами и племенами Казахского ханства. В этом отношении Т.И. Султанов солидарен, в частности, с К.А. Пищулиной, которая в своих трудах по истории средневекового Казахстана значительное внимание уделила именно «чагатайской составляющей» государственности казахов [4; 5]. По нашему мнению, именно этот объективный и базирующийся на строгом следовании источникам обзор истории формирования казахского народа является новизной и главной ценностью книги.

Еще одним основанием считать рецензируемое издание новым научным трудом является библиография, использованная автором: Т.И. Султанов привлек значительное число работ, вышедших в десятилетия, последовавшие за изданием книги «Казахстан. Летопись трех тысячелетий», что до некоторой степи повлияло и на формирование новых позиций самого автора. Приведем только один пример, касающийся весьма активно обсуждаемого исследователями вопроса – о происхождении казахских ханов. Если еще в книге «Чингиз-хан и Чингизиды» Турсун Икрамович вполне однозначно утверждал, что Урус-хан и его потомки, казахские ханы, являются потомками Орду-Ичена, первого и старшего в семейной иерархии сына Джучи [7, с. 264–270], то в новой книге он гораздо менее категоричен в своем мнении: «Данные источников о родословной Урус-хана крайне противоречивы. Некоторые источники называют его потомком Орда-Эджена, сына Джучи, а некоторые – потомком Тукай-Тимура, другого сына Джучи. В любом случае он был из потомков “царевичей левого крыла” Улуса Джучи» [6, с. 36].

Если же говорить о некоторых недочетах книги, то автору данной рецензии не хватило в новой книге разделов, посвященных традиционному праву казахов (в частности – законам хана Тауке «Жеты жаргы») и их социальному устройству, которые имелись в «Летописи трех тысячелетий» [2, с. 315–324, 346–356]. Их отсутствие выглядит тем более досадным, что по данной тематике в последнее время также появилось определенное количество работ, которые могли бы позволить автору существенно их дополнить, а с их помощью, соответственно, более разносторонне представить «энциклопедию» жизни казахов.

В отличие от труда Б.В. Черкаса, издатели которой, как отмечалось выше, постарались придать ей «популярный» характер, книга Т.И. Султанова в выходных данных обозначена как научное издание. Конечно же, она, как и другие его труды, будет востребована специалистами по политической, этнической, военной и социально-экономической истории. Но, вместе с тем, она также привлечет внимание и более широкого круга читателей, для которых станет первым шагом на пути знакомства с историей кочевых народов Евразии, Золотой Орды и Казахского ханства – благодаря неповторимому авторскому стилю Турсуна Икрамовича, в котором простота изложения сочетается с восточной цветистостью.

Итак, мы провели обзор двух работ, посвященных истории, соответственно, «западного» и «восточного» крыльев Золотой Орды. Несомненно, они окажутся полезными для исследователей, особенно для тех, кто традиционно привык рассматривать историю этого государстве в прямой связке с историей Северо-Восточной Руси и Московского государства. Вместе с тем, многоаспектность исследований, осуществленных Т.И. Султановым и Б.В. Черкасом, может способствовать более глубокому изучению некоторых рассмотренных ими аспектов и, как следствием, появлению новых научных трудов в развитие тем, поднятых авторами рецензируемых изданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.

[3] Отметим, что это – единственное упоминание отношений Джучидов с русскими правителями: в остальном книга Т.И. Султанова, как и книга Б.В. Черкаса, не содержит сведений о взаимодействии золотоордынских монархов с русскими правителями.

2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 379 с.
3. Пилипчук Я.В. Рецензия на книгу: Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII–XIV ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. 387 с. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 450–457.
4. Пищулина К.А. Очерки истории Казахского ханства: Сб. статей / Сост. К.З. Ускенбай. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2016. 350 с.
5. Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977. 288 с.
6. Султанов Т.И. Казахи. Судьба народа и судьба страны в Средние века. Алматы: Дайк-Пресс, 2020. 344 с.
7. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть / 2-е изд. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.
8. Черкас Б. Всемирная история. Золотая Орда. Покорители Азии. Харьков: Клуб семейного досуга, 2020. 320 с.
9. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII–XIV ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. 387 с.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев– доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

TWO STUDIES ON THE WEST AND EAST OF THE ULUS OF JOCHI

Roman Yu. Pochekaev
National Research University Higher School of Economics

The article is review of two new publications by recognized specialists in the history of the Golden Horde and its descendants. The first one is written by Ukrainian historian Boris V. Cherkas and devoted to the history of the "western wing" of the Golden Horde and its policy in the lands of Medieval South-West Rus. Despite the fact that it was published as popular scientific book it is fundamental historical research which deserves the attention of specialists on the Jochid history. Second book is written by famous Russian scientist, specialist on Turkic and Eastern source studies. Tursun I. Sultanov. It is about the history of the "eastern wing" of the Golden Horde and its descendant – Kazakh Khanate. The author presents complicated and contradictory process of forming the Kazakh people during the ages with taking into account the newest researches and expressing of own position on the series of the disputable questions. The goal of the review is a general survey of the content of the books, their comparison with other studies in the field of reviewed books, the strengths of the works are marked as well as several aspects, which look like not enough studied of contradictory, are discussed.

Keywords: Jochi Ulus, Golden Horde South-Russian lands during the Golden Horde period, Kazakh Khanate, ethnogeny of Kazakhs

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

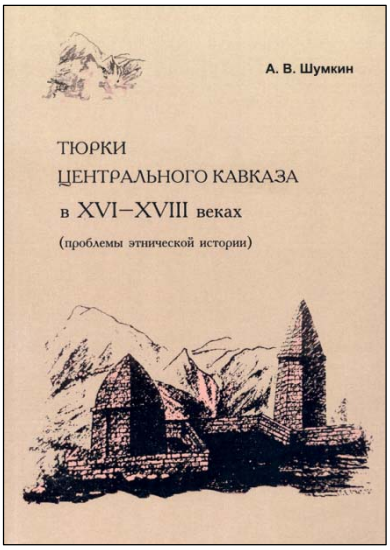
УДК 94(57)+94(574)"15/16"

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.В. ШУМКИНА «ТЮРКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В XVI–XVIII ВЕКАХ (ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)» (ЧЕЛЯБИНСК: ЧГИК, 2019. 164 с.)

Т.Р. Галимов
Казанский федеральный университет

В статье представлена рецензия на книгу А.В. Шумкина «Тюрки центрального кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории)», вышедшая в Челябинске в 2019 году. Отмечается, что, благодаря знанию кавказских правовых обычаев, автору удалось реконструировать десять полноценных сюжетных линий из истории четырех сельских обществ. В генеалогических преданиях карачаевцев и балкарцев он опознал хорошо известные сюжеты татарского письменного фольклора. Ему удалось установить, как минимум три рукописных источника местных генеалогических легенд. Это в первую очередь сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме», составленное в Поволжье анонимным татарином в XVII в., ногайские родословные и житие суфийского святого Карача-ʻазиза. Наряду с достоинствами книги были отмечены и недочеты, как те, что значительным недостатком монографии является именно то, что автор не воспроизвел в ней все эти материалы, так как без знакомства с ними читателю остаются неясными многие концепции, на которых он основывает свои выводы.

Ключевые слова: рецензия, книга, тюрки, Центральный Кавказ, этническая история

В 2019 году вышла довольно интересная и дискуссионная монография А.В. Шумкина. Что делает эту книгу интересной? Дело в новаторском подходе, который автор применил, чтобы дать обзор истории нескольких сельских общин, основанных в XVI веке выходцами из Большой Орды, жители которых уже во времена СССР вошли в состав двух народностей (карачаевцев и балкарцев) [19, с. 5–6]. Можно сказать, что впервые их история была подвергнута всесторонней интерпретации. Чтобы воссоздать хронологию событий, автор составил родословные схемы наиболее именитых фамилий местной знати [19, с. 131–136], а сюжеты народного фольклора весьма искусно сопоставил с событиями, известными по актовым и нарративным источникам. Таким образом, благодаря знанию кавказских правовых обычаев, ему удалось реконструировать десять полноценных сюжетных линий из истории четырех сельских обществ [19, с. 52–128]. При этом он использовал в основном дореволюционную научную литературу, указав на то, что среди современных исследователей заимствовал некоторые идеи у Ю.Н. Асанова [19, с. 6]. В историографической части работы автор объясняет такой выбор [19, с. 7–18].

Впрочем, очевидно, чтобы читатели могли вполне оценить его, необходимо сделать несколько более глубокий экскурс в историю советской науки. Главным научно-исследовательским учреждением в стране была АН СССР (бывшая Императорская Санкт-Петербургская академия наук). В то же самое время функции центра социалистической мысли выполняла Коммунистическая академия в Москве, возглавляемая М.Н. Покровским. Однако уже в 1925 году руководство ВКП(б) предприняло первую попытку поставить под свой контроль и Академию наук. Ввиду её неудачи в 1927 г. ВЦИК поменял Устав Академии, передав её в подчинение правительству и делегировав право выдвижения её членов сторонним организациям. В 1928 г. ряд видных марксистов удалось провести в академики, но несколько кандидатур встретили оппозицию именитых ученых, протестовавших против ликвидации относительной автономии АН СССР в сфере науки. Это вызвало в 1929 г. начало репрессий против Академии [18, с. 14–17]. Фактически полный партийный контроль над областью академических исследований удалось установить к 1936 г., что было отмечено упразднением Коммунистической академии и передачей её институтов в состав АН СССР.

И.В. Сталин поддержал две идеологические кампании – марризм и лысенковщину, задачей которых была борьба с оппозицией соответственно в сфере общественных и естественных наук. Во главе этих движений встали академики Н.Я. Марр и Т.Д. Лысенко, сконструировавшие псевдонаучную систему взглядов на лингвистику и биологию. С помощью этих компаний власти «дрессировали» научное сообщество, постепенно низводя его до уровня простого исполнителя правительственных инициатив [3, с. 55–57;

15, с. 289]. В своей монографии автор показал, что на вопросы изучения прошлого карачаевцев и балкарцев теория Н.Я. Марра до сих пор оказывает определяющее влияние, даже несмотря на то, что в 1950 г. она подверглась осуждению самого Сталина. В частности, один из основных её антинаучных постулатов гласил, что народы стадиально переходят с одного языка на другой в зависимости от смены своей социальной формации.

Между тем внедрение марксистской методологии в сферу исторических наук школой М.Н. Покровского первоначально не вызывало энтузиазма в научном сообществе, ввиду того, что многих его последователей упрекали в вульгаризации марксизма. По сути дела, происходило что-то вроде пролетаризации науки. Несложно заметить, что известным историкам и лингвистам, занимавшимся впоследствии вопросами истории карачаевцев и балкарцев, которые пришли в те годы на работу в научные учреждения (Г.А. Кокиев, В.И. Абаев, Н.А. Баскаков, Л.И. Лавров) [10, с. 216–223; 1, с. 271–290; 5, с. 145, 152–153; 13, с. 11–17, 237–240, 263–266, 367–427], недоставало изысканных навыков работы ориенталиста, прославивших их предшественников В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, А.Н. Самойловича [14, с. 838–880; 12, с. 173–195, 226–237; 17, с. 83]. Невозможно закрыть глаза на то, что они очень часто применяли в работе устаревший метод компиляции источников, и даже когда в собранном ими материале уже содержался ключ к исследуемой проблеме, не могли сделать последний шаг, чтобы её разрешить.

В 20-х годах была проведена реформа письменности, в результате которой было прекращено преподавание чагатайского языка, на котором в течение несколько веков велась тюркская рукописная традиция. Затем в 30-х и 40-х годах Сталин инициировал целенаправленные репрессии против отечественных тюркологов (прежде всего устранив их главу А.Н. Самойловича) [4, с. 7–20], а Постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. и вовсе было официально запрещено и само изучение Золотой Орды, как и любое отождествление истории татарского народа с историей Золотой Орды [16]. Кроме того, в годы Великой отечественной войны крымские татары, карачаевцы и балкарцы подверглись депортации в Среднюю Азию, а находившиеся в их владении письменные материалы на османском и чагатайском языках были изъяты.

Разумеется, после того, как в 1957 г. началась репатриация карачаевцев и балкарцев, формально пришлось возобновить изучение их истории. Однако оно не выходило за рамки заданных идеологических установок. После изъятия памятников традиционной письменности оставалось пространство, пожалуй, лишь для изучения памятников материальной культуры (археологии). Несмотря на то, что такие исследования обычно требуют интерпретации через сопоставление со сведениями письменных источников, нашлось несколько авторов, которые готовы были в нарушение общепринятой методологии тенденциозно приписать карачаевцам и балкарцам какое угодно происхождение, лишь бы оно не было связано с Золотой Ордой [2, с. 4–57; 8, с. 188–424].

Заслуга автора заключается именно в том, что он последовательно применил постпозитивистское видение исследуемой проблемы. Ради чистоты эксперимента он просто проигнорировал всю ту историографию, которая создавалась по релятивистским причинам, и использовал материалы, накопленные в дореволюционное время, когда научное сообщество ещё не подверглось такой сильной идеологизации. В генеалогических преданиях карачаевцев и балкарцев он опознал хорошо известные сюжеты татарского письменного фольклора. Ему удалось установить, как минимум три рукописных источника местных генеалогических легенд. Это в первую очередь сочинение «Дафтар-и Чингиз-наме», составленное в Поволжье анонимным татарином в XVII в., ногайские родословные и житие суфийского святого Карача-‘азиза [19, с. 58–60, 63–66].

Без этого экскурса для простого читателя может показаться непонятной та пропасть, которая разделяет книгу «Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории)» и предшествующую ей историографическую традицию. Наверняка в дальнейшем рассмотренные в ней исторические сюжеты получат существенные уточнения и дополнения.

К очевидным на сегодняшний день недостаткам книги можно отнести то, что в ней остался практически неосвещенным момент падения Большой Орды. Эту лакуну можно объяснить лишь тем, что на момент её написания автор ещё не успел в полной мере разобраться в хитросплетениях международных отношений на Северном Кавказе рубежа XV–XVI вв. Между тем этот вопрос получил разъяснение в его последующих публикациях и проливает свет на обстоятельства образования тюркских обществ Центрального Кавказа. При распаде Улуса Джучи в середине XV века большая часть земель Северного Кавказа осталась под властью Большой Орды, но восточное побережье Черного моря, населенное черкесами, вошло в состав Крымского ханства [21, с. 154]. Будучи врагами Крыма, большеордынские татары вели постоянную войну с его подданными в граничившей с ними Черкесии [7, с. 206–209]. После разгрома Большой Орды Менгли-Гиреем в 1502 г. черкесы заняли весь принадлежавший ей до того момента Центральный Кавказ. При этом из письменных источников нам известно, что часть «старых ординцев» тогда собра-

лась вокруг Астрахани и Тюмени, другая же бежала в Крым [7, с. 57, 74, 208]. Но по карачаевским и балкарским поселениям в горах можно заключить, что некоторые из них попали в зависимость от черкесских беков – вассалов крымского хана.

Материалы монографии при ближайшем рассмотрении могут пролить свет и на первоначальную организацию бывших кочевников, вынужденных осесть в горных ущельях. А.В. Шумкин показал, что татары образовали четыре сельских общества, возглавляемые собственными биями: Карачай, Малкар, Чегем и Безенги (Холамское общество, по всей видимости, образовалось только в XVII веке, а Баксанское отделилось от Безенги только в XVIII в.) [19, с. 62–128]. Такую же структуру сохраняли и все остальные политические единицы, созданные потомками золотоордынцев. В Крымском ханстве были известны дёрт карачи, в Казанском – четыре «дороги», вокруг города Касимова располагались четыре мещерских бийлика, и точно такую же картину можно было наблюдать в шамхальстве. Подобная схема социальной организации восходит к крыльевой ориентации кочевого государства, диктовавшейся нормами обычного права тюрков – торе и постановлениями монгольских ханов – ясой. По традиции каждое подобное политическое образование делилось на два крыла, которые в совокупности состояли из четырех улусов. Поэтому не может быть сомнений, что Карачай, Малкар, Чегем и Безенги первоначально были владениями именно таких улусных беков. Но в отличие от классической схемы соподчинения здесь роль сюзерена для всех четырех играл не чингизид, а верховный князь Кабарды, который до конца XVI века также получал в Крыму и Стамбуле назначение на должность эмира всей Черкесии [9, с. 27–28]. Видимо структура черкесских княжеских уделов копировала крыльевую ориентацию кочевников, так как автор показал, что в каждом из них также было четыре старших вассала, носивших титул кодза [19, с. 48].

Работая над книгой, автор написал несколько вспомогательных статей, посвященных вопросам генезиса языка, на котором говорят карачаевцы и балкарцы, появлению на Кавказе маджар (восточных венгров), к которым возводили свою генеалогию бии Малкарского общества, а также образованию в XV веке на Тамани и передвижению в первой трети XVI века на восток черкесского княжества Кабарда, с которым тюркские общины были связаны вассалитетом [20, с. 698–715; 21, с. 150–175; 22, с. 154–172]. Несмотря на то, что все это большие самостоятельные темы, которые затрагивают не столько XVI–XVIII века, сколько предшествующую ордынскую эпоху, значительным недостатком монографии является именно то, что автор не воспроизвел в ней все эти материалы, так как без знакомства с ними читателю остаются неясными многие концепции, на которых он основывает свои выводы.

Особое значение для темы исследования имеет статья «Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции», которая первоначально была задумана автором как глава монографии, но по совету В.В. Трепавлова была выделена в отдельную статью. В ней А.В. Шумкин на лингвистическом материале показал, что вопреки распространенному в науке мнению до наступления эпохи Монгольской империи кыпчаки использовали языки, принадлежавшие по своим материальным признакам к хакасско-шорской и огузской ветвям тюркской языковой семьи [20, с. 698–715]. Таким образом, по мнению автора, карачаево-балкарский язык связан своим происхождением не с кыпчаками, а с буир-норскими татарами, которые участвовали в западном походе Бату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 601 с.
2. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы древний народ Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. 94 с.
3. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
4. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М.: Вост. лит., 2002. 294 с.
5. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. Перевод с англ. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
7. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
8. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 3. 496 с.
9. История и родословная черкесов. Издание рукописи тюркского исторического сочинения XVIII в.: научное издание / Факсимиле рукописи, текст, перевод с тюрки и указатели И.В. Зайцева. Вступительная статья и исследование И.В. Зайцева и А.В. Шумкина. Генеалогические схемы А.В. Шумкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Издательство восточной литературы, 2019. 110 с.
10. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 904 с.

11. Кавиев А.Ф. Общественно-политические взгляды Мулланура Вахитова. Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2003.

12. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп: ОАО «Афиша», 2006. 528 с.

13. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 556 с.

14. Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования. Составление, вступительная статья, комментарии, библиографический указатель трудов В.Ф. Миллера по истории, этнографии, религии, языкам и фольклору народов Северного Кавказа А.И. Алиевой. М.: Наука, 2008. 998 с.

15. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. М.: Издательство «Проспект», 2012.

16. Постановление бюро обкома ВКП(б) 6 сентября 1944 г. «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» // ЦГД ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.1143, л.51–69.

17. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. Сост. и отв. ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов. М.: Вост. лит., 2005. 1053 с.

18. Тарле Е.В. Талейран. Предисл. В.Г. Сироткина. М.: Высш. шк., 1992. 287 с.

19. Шумкин А.В. Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории). Челябинск: ЧГИК, 2019. 164 с.

20. Шумкин А.В. Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции / Золотоордынское обозрение. 2016, т. 4. С. 698–723.

21. Шумкин А.В. Захария де Гвизольфи – князь таманский, вождь «франков», Сююрташ-бей // Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии. Редакционная коллегия: Т.Д. Скрынникова, Т.И. Султанов, И.В. Зайцев. М.: Наука – Восточная литература, 2018. 295 с.

22. Шумкин А.В. Маджары – путь от народа к городу // Золотоордынское наследие. Вып. 3. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. / Под редакцией И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 284 с.

Сведения об авторе: Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

REVIEW OF THE BOOK BY A.V. SHUMKIN "TURKS OF THE CENTRAL CAUCASUS IN THE 16th–18th CENTURIES (PROBLEMS OF ETHNIC HISTORY)" (CHELYABINSK, 2019. 164 p.)

T.R. Galimov
Kazan Federal University

The article presents a review of the book by A.V. Shumkin "Turks of the Central Caucasus in the 16th–18th Centuries (Problems of Ethnic History)", published in Chelyabinsk in 2019. It is noted that, thanks to the knowledge of Caucasian legal customs, the author managed to reconstruct ten full-fledged storylines from the history of four rural societies. In the genealogical legends of the Karachays and Balkars, he recognized well-known plots of Tatar written folklore. He managed to establish at least three manuscript sources of local genealogical legends. These are primarily the work "Daftar-i Chingiz-name", compiled in the Volga region by an anonymous Tatar in the 17th century, Nogai genealogies and the life of the Sufi saint Karacha-'aziz. Along with the merits of the book, shortcomings were also noted, such as the fact that a significant shortcoming of the monograph is precisely that the author did not reproduce all these materials in it, since without familiarity with them, many concepts on which he bases his conclusions remain unclear to the reader.

Keywords: review, book, Turks, Central Caucasus, ethnic history

About the author: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of History of the Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

УДК 94

ТАТАРЫ И ВИЗАНТИЯ

М.А.Наматов
Университет мировых цивилизаций

В статье рассматриваются византийские источники, которые содержат некоторые сведения о взаимоотношениях между кочевниками и Византийской империей в области военного дела: описания военных конфликтов, особенностей тактики и стратегии ведения военных действий, характерных видах вооружения. Многие из результатов этого исследования были представлены как отдельные выводы. Наиболее устойчивое воздействие этих кочевых народов и империй на историю Балкан в XII–XIV веках затрагивает три области; во-первых, политическая история; во-вторых, военная история и, в-третьих, этническая история. Автор детально освещает исторические аспекты опираясь на работы известных венгерских и румынских востоковедов, таких как Иштван Вашари, Тасин Джамиль и Дьюла Немет.

Ключевые слова: Византийская империя, татары, кочевники, Иштван Вашари, византийские источники

Византийские источники содержат некоторые сведения о взаимоотношениях между кочевниками и Византийской империей в области военного дела: описания военных конфликтов, особенностей тактики и стратегии ведения военных действий, характерных видах вооружения. Например, Иоанн Киннам сообщает, что во время военной кампании 1121–1122 гг. некие «скифы» (вероятно, печенеги), вторгшиеся в пределы империи, перейдя Дунай, во время решающего сражения заняли оборону, окружив лагерь повозками.

Византийские стратиоты разбили повозки секирами и захватили оборонявшихся. Пленные были занесены в специальные воинские списки и в дальнейшем успешно служили империи. Использование перешедших на службу империи кочевников в качестве вспомогательных воинских контингентов являлось обычной практикой в византийской армии. Например печенеги, поселившиеся на нижнем Дунае и в Юго-Восточном Крыму, помогали византийским войскам в борьбе с внешними противниками, в том числе с родственными им торками.

Известны случаи, когда осевшие кочевники влияли даже на внешний облик византийских воинов, заимствовавших некоторые элементы одежды номадов. Стоит отметить также существование в историографии упоминания о ношении некоторыми византийцами кочевнических «кафтанов». Не исключено, что некоторые приемы использования лука и стрел могли быть привнесены кочевнической культурой в военные традиции византийцев. Например, в «Тактике Льва», военном трактате, создание которого связано с именем императора Льва VI Мудрого (886–912), сохранились сведения о тренировке конных византийских воинов: «Кавалеристов следует упражнять в скоростной стрельбе из лука, в умении быстро извлечь стрелу из колчана и сильно пустить ее; для этого необходимо умело держаться на лошади.

Обучать скоростной стрельбе из лука во время движения верхом на лошади в направлении вперед, назад, вправо, влево. Обучать вскакиванию на лошадь… Двигаясь на лошади, быстро выпустить из лука одну или две стрелы». Также автор приводит описание военных обычаев «турок» (этноним используется в трактате по отношению к различным народам тюркского происхождения), из которого видно, что эти воины-кочевники много времени уделяли обучению стрельбе из лука на скаку. С учетом сказанного, автор заключает, что стратигу необходимо знать об этих особенностях военной тактики противостоящих ему номадов и использовать эти знания в своей практике.

Многие историки, в том числе Жюль Мишле, подсчитали, что падение Константинополя представляет собой настоящий разрыв, отмечающий конец средневековья и начало эпохи Возрождения. Однако это видение все больше подвергается сомнению, и современные историки скорее рассматривают падение Константинополя как шаг в процессе передачи от греческого мира к латинскому миру, ведущему к эпохе Возрождения [10, с. 45]. Лукас Нотарас, последний великий адмирал византийского флота и первый персонаж Империи после императора, сказал :«скорее тюрбан, чем шляпа кардинала».

Если подлинность этого предложения все еще подлежит обсуждению, факт остается фактом, что он символизирует глубокое возмущение между двумя полюсами христианства. В 1422 году Мурад II, положив конец династическим ссорам, осаждает Константинополь, намекает на происки османского двора.

Первая половина XII века была последним великим периодом расцвета византийской истории. Во время правления Мануил I Комнин (1143–1180 гг.) Были видны первые признаки упадка, и с тех пор быстрый спад привел к захвату Константинополя латинянами. Распад Византии во второй половине XII века можно объяснить несколькими факторами, как внешними, так и внутренними [11, с. 65]. К XII веку Ви-

зантия не была непревзойденной мировой державой, которой она была прежде. Возникновение и развитие западноевропейских городов, особенно итальянских, серьезно угрожало гегемонии Византии в мировой экономике. Византийское производство претерпело серьезный упадок, и экономическая мощь Византии уменьшилась во всех отношениях.

Хотя Комнин пытался проводить старую имперскую политику, восстановление единства Римской империи было мечтой в то время. Тем не менее, эта имперская политика требовала значительных финансовых ресурсов, и императоры Комнины, не колеблясь, использовали все возможные способы вымогательства у населения большего количества денег. Налоги и сборы постоянно росли, и обнищание как крестьян, так и горожан происходило быстро.

Чтобы сделать контраст еще более резким, коррупция государственного аппарата еще больше усугубила трудное положение населения. Использование большого количества наемных войск значительно способствовало моральному вырождению армии. и императоры Комнины, не колеблясь, использовали все возможные способы вымогательства у населения большего количества денег. Налоги и сборы постоянно росли, и обнищание как крестьян, так и горожан происходило быстро. Использование большого количества наемных войск значительно способствовало моральному вырождению армии. Наследником Калояна стал его племянник Борил, сын сестры трех братьев. В попытке узаконить свое правление Борил женился на жене Калояна Кумана, но его правление никогда не считалось законным. Сыновья Асена Иоанн и Александр бежали к куманам, а затем к русским. Иоанн был впоследствии Иваном Асеном II, который вернулся из ссылки в 1218 году и стал самым известным правителем Второй Болгарской империи.

Согласно общему мнению, «земля русских» была Галицким княжеством, но П. Павлов успешно показал, что братья фактически бежали в Киев. Иван Асен долгое время оставался в Киевской Руси в качестве политического изгнания, в течение которого он планировал заручиться поддержкой России и Кумана, чтобы вернуть себе болгарский трон в качестве своего отцовского наследия.

Борил считался узурпатором, и внутренняя анархия усиливалась на протяжении всего его правления (1208–1218). Центростремительные силы усилились, и десятилетие его правления характеризовалось враждами разных боярских групп. Возникло несколько претендентов на престол, среди которых брат Борила Стрез и племянник Калояна Алекси Славян были самыми могущественными. Стреза поддержал великий серб Жупан Стефан Неманья II, который подарил ему Просек в западной Болгарии. Алекси славянин был феодалом области Родопы к югу от Филиппуполиса (Пловдив).

Татарское завоевание на Балканах. Эпоха татарского влияния на Балканах длилась более ста лет, от великой татарской кампании в 1242 году до царствования Джанибек-хана (1342–1357) в Золотой Орде. Затем из-за растущей анархии в Золотой Орде, которая привела к тотальному политическому беспорядку после смерти Бердибек-хана (1259 г.), татарское государство потеряло все свое влияние и интерес к Балканам. Этот столетний период можно разделить на три этапа, первый из которых характеризуется постоянно растущей силой Ногая, повелителя самых западных территорий Золотой Орды.

Конец этого этапа может быть отмечен гибелью трех правителей области: болгарского царя Константина Тиха в 1277 году, хана Золотой Орды Менгу-Тимур в 1280 году и византийского императора, основателя династии Палеологов Михаила VIII, в 1282 году. Смена власти в этих странах привела ко второму этапу, периоду ослабления и распада в Болгарии и Византии, в то время как власть татарского правителя Ногая поднялась до беспрецедентных высот, так что его сын смог даже занять булгарский трон. Расцвет влияния татар на Балканах закончился смертью Ногая (1300) и его сына Чеке (1301). Последняя фаза ныне исчезающего татарского присутствия на Балканах пришлась на период с 1302 года до середины XIV века.

В 1280 году, после завершения восстания болгарских крестьян и борьбы за престол, в жизни Болгарии начался новый период. Но не только в Болгарии по воле бояр на престоле восседал новый правитель (и основатель новой династии). Как упоминалось ранее, две ведущие державы области, Золотая Орда и Византия, также пережили смену правителей.

Хан Золотой Орды Менгу-Тимур умер в 1280 году, а византийский император Михаил VIII, основатель династии Палеологов, скончался в 1282 году. Новые правители Туда-Менгу (1280–1287) в татарском государстве и Андроникосе II (1282–1328) в Византии, хотя наследники бывших имперских династий, оказались значительно слабее своих предшественников, поэтому смена власти в этих странах привела к ослаблению центральной власти.

До 1280 года традиционная Балканская земля, то есть, территория к югу от Дуная, принадлежала неоспоримо византийской сфере интересов. Это утверждение действительно несмотря на частые кочевые набеги и турбулентность, вызванную ими с незапамятных времен. Даже татары Золотой Орды не сомневались в авторитете Византии в балканских делах. После нескольких лет неопределенности в северной политике Византии, с 1272 года татарский правитель Ногай привязался к Новому Риму через крепкие брачные узы. Ногай, не колеблясь, послал свои войска, чтобы помочь императору, его свекру и союзнику.

Сербы, принадлежавшие к западной ветви южных славян, долгое время жили под предводительством племен, называемых коленями, между политическими сферами власти Византии и Болгарии. После падения Первой болгарской империи в 1018 году Сербия стала автономной территориальной единицей (сербская жупа) в пределах Византии, под властью великого сербского жупана, назначенного Византией. Что касается религии, сербская православная церковь была частью автокефальной архиепископства Охрида.

Власть независимой Сербии начала расти во время правления Великого Жупана Неманья, в конце XII века. Его сын Стефан Неманич стал первым независимым сербским правителем, международное признание которого было обеспечено его коронацией в качестве короля Сербии легатом Папы Римского Гонория III в 1217 году. (Именно поэтому он позже получил эпитет prvovenčani, «сначала коронован»). Автономная сербская церковь была основана несколькими годами позже, в 1219 году, когда брат Стефана Првовенчани Сава Неманич создал автономное сербское архиепископство под прямой юрисдикцией Константинопольского патриархата, в то время сосланного в Никаю. Сербия стала действительно великой державой на Балканах при долгом правлении Стефана Уроша I (1243–1276).

Первое появление куманов на сербской сцене произошло в результате их сербо-венгерских контактов. Накануне монгольского нашествия куманские войска были размещены в разных частях Византии, как во Фракии и Македонии, так и в Малой Азии. Куманы использовались византийцами в двух мощностях: в качестве резервной легкой кавалерии и в качестве постоянных войск.

Император Иоанн III (Дукас Бататзес) призывал их к оружию в качестве легкой кавалерии при каждом возможном случае, и его преемники после 1254 года следовали за ним в его отношениях с куманами. Теперь мы кратко рассмотрим присутствие куманов в византийских военных действиях после вторжения татар. В 1242 году куманы пришли в Салоники, чтобы помочь Бататзу в его осаде Салоник. В 1256 году Феодор II Ласкарис оставил контингент из 300 куманов и пафлагонян губернатору Салоник. В 1259 году 2000 пехотинцев легкой кавалерии сражались в битве при Пелагонии. В 1261 году основная часть отряда Алексиоса Стратигопулоса из 800 человек, принимавших участие в возвращении Константинополя, составляли куманы. В 1263–1264, 1270–1272 и 1275 годах значительные европейские контингенты сражались в европейских кампаниях Михаила VIII.

Последнее упоминание о куманах, когда они были заселены в Византии Бататцами, встречается в 1292 году; во время неудачной кампании Андроника II в Эпейросе недисциплинированные силы куманов и турок отошли без разрешения. Как мы видели, падение Ногая и его сына Чеке не означало конца правления татар в Добрудже и Бессарабии. Татарская власть просто перешла от Ногая к Токте.

Однако этого перехода от местной к центральной власти было достаточно чтобы ослабить зависимость от татар балканских территорий к югу от Дуная. Татарская власть не исчезла из региона; просто бремя этой силы было снято. Болгарии, Сербии и Византии не пришлось сталкиваться с неизбежным и лобовым столкновением с татарами Золотой Орды.

Скорее, во времена правления Теодора Святослава (1300–1322) болгаро-татарские отношения были хорошо сбалансированы. Болгары признали татарского сюзеренитета и отдали дань татарам, а взамен города Дуная, Днестра и, возможно, Бессарабии находились под их фактическим контролем. Зависимость болгар от татар должна была быть намного меньше, чем во времена Ногая, до 1300 года. После ухода каталонцев из Македонии в 1311 году Андроник II поддерживал дружеские отношения с сербскими и болгарскими правителями, которые были связаны с ним семейными связями. Его дочь Симонис была замужем за сербским Милютином, а внучка Феодора – за болгарским Теодором Святославом. Таким образом, в первые двадцать лет XIV века относительный мир преобладал в византийско-болгарско-сербских отношениях.

Наиболее устойчивое воздействие кочевых народов и империй на историю Балкан в XII–XIV веках затрагивает три области; во-первых, политическая история; во-вторых, военная история и, в-третьих, этническая история.

Во-первых, роль куманов в политической истории Балкан была решающей в период с 1185 по 1330-е годы. Куманы были основателями трех последовательных булгарских династий (Азениды, Тертериды и Шишманиды) и Валахской династии (Басарабиды). Таким образом, кроме нескольких лет междоусобицы при нелегитимных претендентах Ивайло (1277–1280) и позднее Смилеце (1292–1297), все династии Второго болгарского царства были куманского происхождения. Они также сыграли значительную роль в политической истории современной Византии, Венгрии и Сербии, и некоторые члены иммигрантских общин куманов стали неотъемлемыми членами элиты страны-получателя.

Татарские набеги: 1320–1321. Падение Ногая и его сына Чеке не означало конец правления татар в Добрудже и Бессарабии. Но во времена татарского хана Токты зависимость балканских территорий к югу от Дуная от татар была ослаблена. Татарская власть не исчезла из региона; просто бремя этой силы было снято. Болгарии, Сербии и Византии не пришлось сталкиваться с неизбежным и лобовым столкновением с татарами Золотой Орды.

Скорее, во времена правления Теодора Святослава (1300–1322) болгаро-татарские отношения были хорошо сбалансированы. Болгары признавали татарский сюзеренитет, города Дуная и Днестра и, возможно, Бессарабия находились под их фактическим контролем [19, с. 138–189]. Зависимость болгар от татар должна была быть намного меньше, чем во времена Ногая, до 1300 года. После ухода каталонцев из Македонии в 1311 году Андроникос II поддерживал дружеские отношения с сербскими и болгарскими правителями, которые были связаны с ним семейными связями.

Его дочь Симонис была замужем за сербским Милютином, а внучка Феодора – за болгарским Теодором Святославом. Таким образом, в первые двадцать лет четырнадцатого века относительный мир преобладал в византийско-болгарско-сербских отношениях. Эта ситуация изменилась только после смерти Теодора Святослава (1322 г.), когда татары, обосновавшиеся в Добрудже и Буджаке, часто вовлекались в конфликты балканских правителей в качестве наемников, особенно в качестве вспомогательных войск болгар [14, с. 281].

В 1323 году болгарские правители Михаил Шишман (1323–1330) и Иван Александр (1330–1371) часто обращались к татарам в битвах с Византией и сербами. Вместе с татарами валашские войска также часто поддерживали болгар в этот период. Например, в 1323 году Михаила Шишмана поддержали валахские и татарские войска против Византии, а в 1330 году в битве при Велбузде валлахи, татары и ясы сражались против сербов.

В год смерти соправителя Михаила IX, 1321, был один татарский набег через Болгарию в Адрианополис, но татары нанесли небольшой ущерб, потому что их число было незначительным. Но когда в декабре 1321 года молодой император Андроник подошел к Константинополю против своего деда, во Фракию вошла значительная татарская армия [12, с. 132–133].

Татарские набеги 1323 года и новый полукуманский болгарский царь. После недолгого правления около года, в конце 1322 года болгарский правитель Георгий II Тертер умер. Болгарские города, расположенные между Несебром (Месембрия) и Сливеном (Стилбнос), перешли к византийцам. Войсил (Боесилас), брат бывшего болгарского царя Смилеца (1292–1298) и политический эмигрант того времени в Византии, без какого-либо сопротивления захватил города между Сливеном и Копсисом и предложил их византийскому императору; взамен ему было присвоено звание «Деспот Мизии» [12, с. 263].

С согласия отца молодой император Андроник со своими войсками двинулся в Пловдив (Филиппуполис), и к нему присоединился Войсил. Объединенные византийские силы окружили город, но не смогли взять его в осаду, поскольку число защитников Пловдива было значительно увеличено Георгием II Тертером из-за страха перед византийскими атаками. Элитный отряд из 1000 алан (ясов) и болгарских всадников и легкая пехота из 2000 человек были размещены в крепости. Они защищали город от византийцев, которые безуспешно осаждали город в течение четырех месяцев [12, с. 122–123]. Прежде чем мы узнаем результаты осады, мы должны поближе взглянуть на командиров наемных войск в Пловдив. У двух аланских командиров типичные тюркские имена – Итиль и Темир. Это кажется вполне естественным, если вспомнить о тесных контактах между куманами и аланами до и после татарского нашествия [16, с. 142].

Кажется, венгерский полководец Инас носит венгерское имя. Имя русского Ивана не вызывает проблем, но его личность таинственна, потому что он был отождествлен с разными людьми. Старая, необоснованная идея сохраняется, в которой говорится что «русский Иван» возможно был тем же человеком, что и великий князь Московский поздний, Иван I Калита (правил 1328–1341) [3, с. 359–362]. То, что это предположение несостоятельно, видно из того факта, что «русский Иван» сыграл важную роль в византийско-болгарских событиях 1328 года, тогда как московский Иван Калита получил титул «великого князя» в том же году. Быть военным командиром в Константинополе и одновременно князем в Москве, не оставляя ни малейшего следа в современных отчетах, немыслимо [12, с. 172–173].

Дьёрффи выдвинул еще одно предположение, которое мы также должны отвергнуть. Он утверждал, что «русский Иван» из византийских источников идентичен человеку, который впервые появился на венгерской хронике 1288 года как «Iwan dicto Oroz». Этот последний Иван был братом Теодора, бана Северина. После исчезновения династии Арпов в 1301 году он играл важную роль полунезависимого олигарха в южной Венгрии и часто опирался на помощь деспота Видина в его битвах. После падения этого Феодора в 1321 или 1322 году его родственник Иван Русский (Iwanka Ruteni), возможно, бежал в Болгарию и стал известным актером на болгаро-византийской сцене в 1320-х годах [7, с. 1–25]. Однако эта идентификация не имеет каких-либо письменных доказательств и является лишенным правдоподобия [9, с. 96–97]. Промежуток времени между двумя людьми составляет два, чтобы позволить им быть одним и тем же лицом, и родственники русского Ивана (Ивана Ороса), по-видимому, оставались в Венгрии в своих владениях в графстве Арад; с сыном Ивана Иоанном семья вымерла незадолго до 1350 года [7, с. 540].

Когда Георгий II Тертер умер в 1322 году, не оставив преемника престола, и византийские силы начали свои атаки против южных болгарских городов, болгарские бояре избрали правителя Видина царем.

Деспот Видин, Михаил Шишман, был наполовину куманом и наполовину болгаром [12, с. 188–189], его отец, Шишман, был боярином куманского происхождения [23, с. 127].

Кантакузен был дезинформирован, идентифицируя своего отца как Страцимира, отца Ивана Александра, следующего болгарского правителя (1331–1371). Михаил, должно быть, родился у первой болгарской жены Шишмана до 1292 года. Венгерский король Людовик I в своей хронике 1350 года рассказывает, что Иоанн, сын Ивана Русского (Ioannis filii Iwanka Ruteni), умер без наследника и что теперь царь передает свои владения в графстве Арад и в других местах. Николас и Пол, сыновья рассматриваемого Мастера Ладисласа. «Второй женой Шишмана была Анна (или Неда), вторая дочь сербского короля Милютина. Некоторое время до 1313 года Михаил сменил своего отца на посту правителя Видина, вассала сербского короля. В венецианском документе его называют деспотом Болгарии, титул, унаследованный от его отца или предоставленный ему его тестем, сербским королем [18, с. 43].

Болгарские бояре, очевидно, не теряли времени, решая, что Михаил Шишман станет их правителем. Быстрота их действия объясняется неизбежной византийской опасностью. Линия Тертеридов исчезла, а младший брат бывшего болгарского царя Смилеца, Войсиль был агентом византийского двора.

В лице Михаила дом правителей Видина имел несколько преимуществ: на Михаила не влияли внутренние распри болгарских бояр, он не имел контактов с византийскими кругами, обладал довольно большой территорией и, что не менее важно, как и его отец у него были тесные контакты с татарами. Этот последний пункт был особенно важен, поскольку татарские контакты Михаила гарантировали, что в его сражениях всегда будет татарский воинский контингент [3, с. 230–231].

Болгарские бояре передали Тырново своему новоизбранному государю Михаилу Шишман**у,** который сразу же прошел маршем по столице Болгария со своей армией и союзными валлахскими и татарскими силами. Михаил знал, что его армия недостаточно сильна, чтобы противостоять византийскому императору, который в то время осадил Пловдив (Филиппуполис). Вместо этого он пошел против болгарских городов, перешедших на византийскую сторону после смерти Тертера, его войска разорили сельскую местность и осадили эти города, но без особого успеха, поскольку легкая кавалерия татар и валлахов была не самой эффективной в тяжелом горном районе. Через некоторое время император прекратил осаждать Пловдив и попытался нанести удар по силам Михаила [12, с. 188].

Тем временем Михаил послал часть своей армии в Пловдив, чтобы облегчить свое верное поражение. Иван и другие командиры (болгарский, ясский и венгерский) встретились с ними и договорились передать город на следующий день. Но когда Георгиос Бриенниос, командующий византийской армией, был уведомлен об этих планах, он бросился обратно в город, и жители впустили византийцев без какой-либо силы.

Когда Иван и командующие узнали, что город пал из-за измены, они вернулись в свои страны [12, с. 263]. Осенью 1323 года на византийскую территорию было начато широкомасштабное вторжение татар. Кантакузенос является единственным источником, который подробно рассказал об этих событиях, и мы будем полагаться на его повествование в дальнейшем.

Татарская армия состояла из 120 000 воинов (вероятно, преувеличенная фигура) и имела двух главнокомандующих, Тайтак и Тоглу-Торган [12, с. 263]. Это татарское вторжение было особенно продолжительным, так как татарские войска оставались во Фракии после сорока дней грабежа. Они особенно мародерствовали на имперских землях во Фракии. Молодой император Андроник пытался противостоять татарам, собирая свои разбросанные войска из фракийских городов, но его усилия были довольно неудачными [12, с. 200, 295].

После пятнадцати дней непрекращающихся столкновений с татарами молодой Андроник со своими солдатами удалился в Адрианополис и оставил там свои войска, а сам в сопровождении великого доместикоса Кантакузен отправился в Дидимотихон. По пути в город, в деревне под названием Промосуллу, они встретили татарский отряд с добычей и неожиданно напали на татар. Большинство татар было убито или выброшено в реку Марика (Хеброс), где они утонули [12, с. 175–176].

Только двадцать восемь татар спаслись, переплыв реку. Молодой император удалился в Дидимотеихон с добычей. Те, кто спасся, сообщили о поражении своим командирам, которые пришли на место сражения с большим татарским отрядом и похоронили мертвых воинов. Затем татары двинулись к месту под названием Морра, и в этот момент молодой император отправился из Дидимотеихона преследовать их. Морра – это позднее византийское название провинции вокруг долины Арды в Средней Родопе; его более раннее имя было Ахридо [12, с. 178–179].

Но татары пересекли реку Марика (Хеброс) в городе Черномианон, где оставшийся в Адрианополисе византийский воинский контингент присоединился к войскам императора и продолжил охоту на татар. Тем временем татары перешли реку Тундзу [12, с. 189–193]. Они знали, что византийцы следовали за ними, но не атаковали, так как был ранний весенний паводок (1324), и размер византийской армии был им неизвестен. Византийцы также не атаковали, так как их было меньше, чем татар. Две армии стояли на

противоположных сторонах реки, и два командира начали кричать через реку, молодой император Андроникос с одной стороны и татарский командир по имени Таус-Бугай с другой. Согласно правильной интерпретации Расони, «Таус-Буга» – «Каменный Бык» [12, с. 315].

Диалог вел переводчик со стороны императора. Татарин спросил его, кто они. Уклончивый ответ императора состоял в том, что они были людьми, которые хотели охотиться. Тогда император обвинил татар в том, что они не честные и не смелые люди, а бандиты, которые наводнили страну и сделали безоружных крестьян своими рабами. В своем ответе Таус-Буга защищался с типичной военной логикой: они были подчиненными, которые атаковали или отступили по приказу своего начальника. Он спросил императора, был ли он отрядом, напавший на татарский отряд ранее.

Император отрицал это, а татары вышли и в конце концов покинули византийскую землю. Был слух, добавляет Кантакузенос в своем повествовании, что старый император пригласил татар разорить Фракию, которая находилась под контролем его внука, молодого императора. Хотя Кантакузенос категорически отрицает слух, тот факт, что он упоминает об этом в своей работе, демонстрирует его неоднозначное отношение и подозрение к старому Андронику II [4, с. 63].

Татары в болгарских и византийских событиях 1328–1333 гг. Смерть монарха в средние века часто вызывал политическую нестабильность, активируя как внутреннюю оппозицию, так и иностранных врагов. События, которые будут обсуждаться в этом разделе, удачно иллюстрируют первый из этих известных исторических закономерностей. Византийский император Андроник II умер в 1328 году, а болгарский царь Михаил Шишман два года спустя в 1330 году. Оба события вызвали напряженность в византийско-болгарских отношениях. Татарские помощники, как всегда, вмешивались в эти события. К концу гражданской войны соправитель, молодой Андроникос и Иоанн Кантакузенос находились в Фессалонике, когда прибыл посланник от губернатора Скопелоса и сообщил, что болгарский царь двинулся к византийско-болгарской границе в городе Ямбол (Diampolis -Διάμπόλις), вместе с союзной татарской (Skythai) армией, которая разбила лагерь на Росокастроне (Rhosokastron) [12, с. 268]. Византийцы решили уйти в горную крепость, называемую Логус. Когда они достигли реки Мелас, болгарская кавалерийская сила 3000 человек прибыли в Константинополь под командованием русского Ивана (известно по событиям 1321 года). Болгары были отправлены в Константинополь в качестве охранников императорского дворца, но юный Андроникос подозревал, что болгары как стражи могут легко захватить дворец и что тогда болгарский царь Михаил вторгнется в Византию. Его подозрение было подтверждено присутствием татар в армии Михаила в Росокастроне. Молодой Андроникос решил испытать русского Ивана, отправив посланника, который должен был объявить ему: «Болгарский царь является союзником Андроника, но последний не нуждается в помощи Ивана сейчас, поэтому вернитесь в свою страну; или, если вы пришли сражаться, не скрывайте, а делайте это!».

В своем ответном письме Иван поклялся, что он пришел как друг болгарского царя и друг Андроника, но это письмо не развеяло подозрения молодого императора. Он предупредил своего деда, что болгары хотят начать восстание во дворце и что болгарские и татарские войска, дислоцированные на болгаро-византийской границе, были готовы поддержать его [12, с. 307].

Вскоре после того, как Андроник(ос) III захватил Константинополь 24 мая 1328 года, Михаил Шишман из Болгарии совершил вторжение в Византию, предположительно в июле того же года. Он привел с собой своих татарских союзников, и союзные болгарские и татарские силы провели много дней, мародерствуя в городах северной Фракии.

Услышав дурные вести об этом вторжении, Андроникос III направился к Бизье и подготовил свои войска к встрече с болгарами. Но Михаил Шишман не захотел привести свою армию в действие и удалился в свою страну. Император преследовал болгар и через несколько дней вступил на территорию Болгарии. Византийская армия взяла Дьямполис (Джамбол), разграбила город и возвратилась домой [12, с. 307]. В сентябре 1328 года, более чем через шестьдесят дней после вторжения императора в Болгарию, царь Михаил во вторник вторгся во Фракию и захватил город Букелон, недалеко от города. Адрианополь. На этот раз нет явного упоминания о татарских вспомогательных отрядах, но их присутствие в военной силе Михаила является вероятным [12, с. 307].

Силовая политика Византии, Болгарии и Сербии в 1328–1330 годах которая привела к открытому столкновению и к битве при Вельбузде на 28 июля 1330 года. Как мы там увидели, болгарско-татароясский союз получил серьезный удар по политике сербского короля. Сам болгарский правитель Михаил Шишман был схвачен и через несколько дней умер от ран. Сербский король Стефан Урой III (Декански) был доволен своей победой и не хотел восстать против Византии. После смерти Михаила болгарские бояре изгнали его жену Феодору, сестру Андроника III, и вспомнили бывшую жену Михаила Неду (Анну), сестру сербского короля и ее детей [12, с. 307]. Очевидно, что про-сербская фракция болгарских бояр получила верх над византийцами. Византийский император тогда отказался от своего плана вести войну против сербов и решил усмирить мятежных болгар.

Византийский император был поддержан внутренней болгарской оппозицией. Весной 1331 года два болгарских боярина, Протовестиарий Раксин и Логот Филипп, восстали против отзыва Неды. Сербская женщина была вынуждена бежать к своему брату. Кантакузенос, который сообщает об этих событиях, ошибочно утверждает, что Неда-Анна сбежала к своему племяннику сербскому королю, а именно к Стефану Уросу IV (Душану). Последний вступил на престол только 8 сентября 1331 года, поэтому Неда, должно быть, перешел к своему брату Стефану Уросу III (Декански) [12, с. 294–297].

Затем мятежники посадили на престол Александра, сына Страцимира и двоюродного брата покойного царя Михаила. Сразу же после своего возведения на престол царь Иван Александр начал атаку на неверные города, перешедшие на византийскую сторону, и захватил их вплоть до Меземврии на побережье Черного моря.

Вспомогательные татарские войска, как обычно, принимали участие в армии Александра в большом количестве. Услышав эту новость, византийский император Андроникос III отправился из Константинополя в Салоники и открыто подготовил свои войска к войне [12, с. 323–324]. Император прошел в Болгарию, затем пересек горы Хаймос и вернул города, которые перешли к болгарам. Он проследовал до Анхиалоса, который удерживали болгары. Наконец, император и болгарский правитель согласились, что болгары вернут Анхиалоса византийцам, которые передадут Диамполис. Соглашение состоялось 17 июля 1331 года, и церемония принятия присяги и сдачи городов друг друга была запланирована на следующий день [12, с. 167].

Однако ночью, предшествовавшей клятве, союзные татарские силы достигли болгарского царя Александра. Он призвал их прийти и помочь ему наказать своего дядю Белора, который восстал против него. Александр приказал татарам атаковать тех, кто присутствовал вместе с его собственной армией. Таким образом он сознательно обманул татар, которые только что заключившие соглашение с византийцами, не собирались нападать на них. На следующий день татары начали атаку.

Император, который в ожидании мира распустил большинство своих войск, теперь чувствовал себя горько разочарованным. Сначала он думал, что на него нападают болгары, но вскоре он узнал татар по типичному резкому звуку их труб. Он едва мог поверить, что татары пошли против него, поскольку он только что заключил с ними мир. Скорее он думал, что валлахи прибыли как союзники болгар. Они жили по другую сторону Дуная и были очень похожи на татарских лучников.

После долгой битвы, в которой также участвовал император и его друг Кантакузен, татары выиграли битву, и византийская армия отошла к Росокастрону. Царь Александр быстро отправил посланника, который предложил заключить ранее согласованный мирный договор, а также потребовал, чтобы дочь императора была женой сына Александра. Это требование было отклонено, но все остальные условия были приняты, и договор был заключен [12, с. 430].

Летом 1332 г. император начал новую кампанию против болгар с целью вернуть себе крепости в горах Хаймос, которые были заняты царем Александром. Его дед Андроникос II заставил губернатора Фракии Михаила Глабаса построить или отремонтировать эти пятнадцать крепостей чтобы помешать татарам пересечь границы и совершить набег на сельскую местность.

После того, как императору удалось захватить несколько крепостей, Александр послал своих послов на переговоры, но император их отверг. Поэтому Александр собрал свою армию из 8000 болгарских воинов и 2000 татарских наемников. Выйдя из Тырново, на пятый день они прибыли в Росокастрон, где разбили лагерь. Армия императора была намного меньше, чем болгарско-татарские войска, численность которых составляла не более 3000 человек. Две армии столкнулись и доблестно сражались. Византийцы должны были уйти в крепость. Наконец, они не смогли достичь своей цели и вернулись домой [12, с. 430].

Последние появления татар в Византии, 1337, 1341 гг. Андроник III (1328–1341) пытался поддерживать дружеские отношения с татарами. В первые годы своего правления (до июля 1331 года) он заключил мирный договор с татарами, и дружественные государственные отношения между византийцами и татарами еще более укрепились, когда император Андроник II выдал свою дочь замуж за Узбек-хана. Баялун была третьей женой (хатун) Узбек-хана. Она была дочерью византийского императора Андроника II; Ибн Баттута встретил ее лично и поехал с ней в Константинополь. Баялун отправилась в византийскую столицу, чтобы родить ребенка. Брак дочери императора подтверждается письмом Григория Акиндиноса от 1341 г. [12, с. 213; 5, с. 71; 15, с. 265; 22, с. 34].

Несмотря на относительно сбалансированные официальные отношения между Византией и Золотой Ордой в эти годы, однако, в 1337 году серьезное «неофициальное» вторжение татар потрясло империю, возможно, последнюю в своем роде. Только Грегорас сообщает об этом событии. По словам Грегораса, главной причиной вторжения было то, что Византия забыла посылать регулярные дары (то есть дань) татарскому правителю и знати. Итак, ранней весной отряд татар пересек Дунай и разграбил всю Фракию до самого Геллеспонта. Там они встретили нескольких турок, которые привыкли переправляться через Геллеспонт, чтобы грабить фракийское побережье.

Эти турки были либо взяты в плен, либо убиты, если они пытались сопротивляться. Это вторжение сильно отличалось от предыдущих тем, что раньше татары привыкли появляться внезапно, грабить это место и уходить через день или два. Теперь они не ушли, а вместо этого провели пятьдесят дней, грабя сельскую местность. Покидая Фракию, сообщается, что они взяли с собой 300 000 пленников! [20, с. 542–544].

Однако история этого вторжения, хотя и отсутствует в повествовании Кантакузена, может считаться подлинной. Утверждение Спинея о том, что вторжение 1337 года было «вероятно, самым разрушительным вторжением, которое затронуло Империю после Ногайского», является грубым преувеличением. Это вторжение существенно не превышало по количеству и характеру любое из бывших вторжений татар в XIV веке [24, с. 127].

Это последнее вторжение татар в Византию, упомянутое в источниках. Особый элемент этой истории – встреча татарских и турецких войск у Геллеспонто. Можно было бы считать этот эпизод символическим: северные кочевые воины и старые завоеватели Балкан передавали эстафету новым, амбициозным, кочевым воинам прибывающим с юга. Через несколько десятилетий турки должны были ступить на Балканы, более твердо, чем татары могли себе представить.

Хотя последнее вторжение татар произошло в 1337 году, опасность для татар уже несколько лет не прекращалась. В 1341 году император попытался восстановить и снова заселить старый разрушенный город Аркадиуполис, поскольку он по-прежнему оставался важным стратегическим пунктом в оборонительной системе против татар [12, с. 458–459]. Эта предосторожность на византийской стороне не была беспочвенной. Весной 1341 года византийское посольство под руководством Деметриоса Кидонеса отправилось к Узбек-хану, чтобы предотвратить предполагаемое нападение татар на Византию [12, с. 460–464].

Эта информация взята из византийских документов, касающихся движения исихастов [13, с. 145–162]. Татары, по-видимому, отказались от своего плана проникновения на Балканы из-за своих внутренних проблем. Величайший хан Золотой Орды, Узбек, умер в 1341 году, и с тех пор Золотая Орда была вовлечена в другие театры военных действий и утратила интерес к Балканскому региону. Независимые татарские группы в Добрудже и Буджаке оказались отделены от центральной власти татар и утратили свое политическое значение в балканских событиях [24, с. 127].

Заключение. Иштван Вашари завершает эту главу о византийско-татарских отношениях любопытной историей, изложенной Григором в его историческом труде [20, с. 542–544]. Она проливает интересный свет на повседневные татаро-византийские контакты. И. Вашари предпочел озаглавить повествование Григора «История о храброй скифской (татарской) женщине». Татарка, живущая к северу от Дуная, видела, как фракийские пленники маршируют перед ее жилищем.

Эта женщина давно планировала принять христианство, поэтому она купила христианского пленника, вышла за него замуж и заставила его поклясться не покидать ее даже если обстоятельства должны кардинально измениться. Вскоре она родила ребенка и была беременна другим, когда первая жена ее мужа появилась в плену. Увидев горе своего мужа, она купила первую жену, которая стала их слугой.

Татарская женщина в конце концов приняла христианство и поселилась с семьей в Константинополе. Там первая жена подала жалобу на своего татарского соперника, сообщив патриарху, что ее лишили мужа и плохо обращались. Но ничего нельзя было сделать из-за превосходного социального положения татарской женщины. Тогда она приняла великодушное решение: она заплатит выкуп за мужа из благодарности ему и даст возможность первой жене выкупить себя. Если бы они могли получить достаточно денег, «оригинальная» пара могла бы уйти, а татарская жена осталась бы со своими детьми.

Патриарх и все восхищались честностью татарской женщины. Итак, византийская женщина отправилась во Фракию, чтобы получить выкуп за себя, но во время нового татарского набега она снова попала в плен. Таким образом, татарская женщина могла продолжать жить со своим мужем. То, отражает ли «движущаяся» история историческое ядро, позднее украшенное литературным способом, или является просто примером византийской беллетристики, похоже, теперь мало что значит. Что действительно интересно, так это то, что татары были частью повседневной жизни Византии в первой половине XIV века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Burmov A. ‘Istorija na B”lgarija prez vremeto na Sismanovci (1323–1396 g.)’, in Burmov, Izbrani proizvedenija, i. Sofia, 1968.

2. Bratianu G.I. ‘Deux ´ etudes historiques: ii. Demetrius princeps Tartarorum (ca. 1360–1380)’, Revue des ´ etudes roumaines 9–10 (1965).

3. Brun F. Cernomor’e. Odessa 1879–1880. Tom 1–2; Brun F. Notices historiques et topographiques concernant les colo.

4. Bosch U.V. Kaiser Andronikos III. Palaiologos: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965.

5. Gibb H. A. R. (trans.), The travels of Ibn Battuta A. D. 1325–1354, i–iii. Cambridge, 1958–1971.
6. Gyoni M. A magyar nyelv gorog feljegyzeses szorvanyemlekei. Budapest, 1943.
7. Györffy Gy. Adatok a romanok XIII. Szazadi törtenetehez es a roman allam kezdeteihez' Tortenelmi Szemle 7 (1964).
8. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest, 1840.
9. Holban M. Din cronica relatiilor romano-ungare ın secolele xiii–xiv. Bucharest. 1981.
10. Jules Michelet. Histoire de France au Moyen Âge (Paris: L. Hachette, 1833–1844).
11. Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1186–1365. Cambridge University Press: Cambridge, 2005.
12. Kantakuzenos. Histories Georgios Fatouros and Tilman Krischer (trans. and eds.). i/1, Stuttgart, 1982. i/2, Stuttgart, 1986.
13. Laurent V. 'L'assaut avort´ e de la Horde d'Or contre l'empire byzantin', REB 18 (1960).
14. Laiou A.E. Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge, Mass., 1972.
15. Lemerle P. L' Emirat d'Aydin: Byzance et l'Occident. Recherches sur 'La geste d'Umur
16. Pacha'. Paris, 1957. (Biblioth`eque Byzantine, Etudes 2.).
17. Moravcsik Gy. Az Arpad-kori magyar tortenet bizanci forrasai. Budapest, 1984.
18. Nikov P. Istorija na Vidinskoto knjaˇ zestvo do 1323 g. Sofia, 1922.
19. Nikov P. 'B"lgari i tatari v srednite vekove', B"lgarska istoriˇ ceska biblioteka 3/2 (Sofia, 1929).
20. Nikephoros Gregoras. Rhomaische Geschichte. Historia Rhomaike. Jan Louis van Dieten (trans. and ed.). Stuttgart, 1979, 1988.
21. Pelliot P. 'A propos des Comans', Journal Asiatique, 11/15 (1920). Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
22. Pelliot P., and Hambis L. Histoire des campagnes de Gengis khan, i. Leiden, 1951.
23. Rasonyi L. 'Les anthroponymes Comans de Hongrie', AOH 20 (1967).
24. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th centuries. Bucharest, 1986.
25. Theiner A. Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia, i–ii. Rome and Zagreb, 1863–1875.

Сведения об авторе: Мирлан Аманович Наматов – доктор восточной словесности, Ph.D., профессор-исследователь, представитель Русского Географического общества в Средиземноморье и Латинской Америке; член научного проекта «Наследие Рима», Университет мировых цивилизаций (Москва, Российская Федерация). E-mail: mirlannamatov@yahoo.de

TATARS AND BYZANTIUM

M.A.Namatov
University of World Civilizations

The article examines Byzantine sources that contain some information about the relationship between nomads and the Byzantine Empire in the field of military affairs: descriptions of military conflicts, features of tactics and strategy of warfare, characteristic types of weapons. Many of the results of this study were presented as separate conclusions. The most persistent impact of these nomadic peoples and empires on the history of the Balkans in the 12th–14th centuries affects three areas; firstly, political history; secondly, military history and, thirdly, ethnic history. The author covers the historical aspects in detail based on the works of famous Hungarian and Romanian orientalists such as Istvan Vasari, Tasin Cemil and Gyula Nemeth.

Keywords: Byzantine Empire, Tatars, nomads, Istvan Vasari, Byzantine sources

About the author: Mirlan A. Namatov – Dr. Sci. (Oriental Literature), Ph.D., Professor-Researcher, Representative of the Russian Geographical Society in the Mediterranean and Latin America; Member of the Scientific Project "Heritage of Rome", University of World Civilizations (Moscow, Russian Federation). E-mail: mirlannamatov@yahoo.de

УДК 81’373.21

НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМЫ В МОЛДОВЕ, СВЯЗАННЫЕ С НАЗВАНИЯМИ ОТДЕЛЬНЫХ РОДОВ НОГАЙСКИХ ТАТАР

Л.Б. Маевская, Ага Хайсам Мухаммад
Украинский государственный университет имени Михаила Драгоманова

В статье предпринята цель исследовать топонимику Молдовы, и по возможности выявить некоторые из топонимов связанных с названиями отдельных родов ногайских татар. Статья основана на ранее проведенных исследованиях данной и смежной проблематики, учеными разных стран, а также на картах Молдовы различных исторических эпох. Было установлено, часть топонимов татаро-ногайского происхождения связана с названиями родов этого народа. Это с большой вероятностью указывает, что представители данных родов могли проживать в том или ином регионе Молдовы. Кроме этого, было установлено. что отдельные татаро-ногайские рода присутствуют и у других тюркских народов Поволжья, Кавказа, Центральной Азии и Алтая, что указывает на большую близость между различными тюркоязычными этносами.

Ключевые слова: Молдова, Буджак, Бессарабия, топонимия, ногайские татары, ислам, мусульманское население Бессарабии

Прежде чем начать проведение исследования необходимо определиться с названием этноса топонимы и генонимы, которого будут рассмотрены в данной статье. Это связано с тем, что представители данной тюркоязычной группы в разных источниках именуются по-разному. Среди наименований были встречены следующие: буджакские татары, буджацкие татары, буджак-татары, угловые татары, белгородские татары, ногайские татары или просто ногайцы. Ныне их потомки, наряду с другими группами татар составляют добруджинских татар и многие из них проживают на территории современной Румынии. В данном исследовании будет использован термин ногайские татары. Это связано с тем, что большую часть тюркоязычного населения Буджака с 1484 г и по начало XIX века составляли представители степной группы крымских татар известных под названием «нугай», «нугай татары». Их происхождение связано с Крымом, Большой Ордой и теми группами, которые бежали из мангытского юрта в крымское ханство. Скорее всего именно с этой ситуацией и связано использование названия «нугай», «нугай татары» для довольно большой группы кочевников, происходящих из постордынских политий. Данный субэтнос крымских татар, правда уже в размытом виде, существует и ныне. До депортации в 1944 году его представители проживали по условной линии Николаевка-Гвардейское-Феодосия.

Несмотря на наличие некоторых научных работ, история ногайских татар на территории современной Молдовы изучена недостаточно, имеется много «белых пятен», а некоторые ее аспекты вообще не рассматривались. Также не было обнаружено работ, в которых бы история данного этноса была бы проанализирована комплексно. Указывается, что история Буджака, и в частности тюркоязычного, мусульманского населения данного региона, так и осталась одной из малоизученных проблематик истории Молдовы и Восточной Европы в целом.

Проведенное исследование, является актуальным в истории татар и призвано восполнить пробелы в установлении топонимов, связанных с генонимами и этнонимами буджакских татар. Это связано с тем, что многие топонимы, микротопонимы и гидронимы связаны с названием отдельных родовых групп ногайских татар и могут указывать на географию их проживания. Одной из основных задач исследования стал анализ некоторых топонимов в республике Молдова, которые могут указывать на генонимы татар и способствовать установлению приблизительных границ проживания тех или иных родов данного этноса на территории современной Молдовы. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно дополнит исследования, связанные с регионами проживания татар в прошлом и возможно поможет в установлении этногенеза современного тюркоязычного народа – гагаузов. Практическая значимость работы заключается в том, что она может стать базой при изучении различных исторических и культурных особенностей регионов проживания ногайских татар и быть использована для составления лекционных курсов по обозначенной проблематике. Исследование, также сможет принести пользу и в определении границ археологических исследований, связанных с историей татар.

По происхождению и истории тюркских топонимов в Молдове существует небольшое количество научных исследований и источников, при этом некоторые аспекты проблематики, на сегодняшний день, остаются малоизученными. Одним из первых на особенности топонимики данного региона обратил внимание этнограф – исследователь истории и культуры гагаузов В.А. Мошков [21]. К изучению тюркской

топонимики обращались М.А. Булгарова [6], И.В. Дрон [13], С.С. Курогло [11], Д.Д. Лозовану [19] Furtuna Petry [36, 37], Н. Чубченко [33].

Богатые сведения о Буджаке и тюркских названиях южной Молдавии можно найти в работах Дмитрия Кантемира – молдавского ученого- энциклопедиста XVII–XVIII вв. [32, с. 133], предками, которого, скорее всего, были татары. Поэтому он уделил особое внимание описанию ногайских татар, язык и культура которых ему были хорошо знакомы. Он указывал, что в Буджаке ногайские татары проживали родовыми общинами, ревностно храня свои обычаи и традиции. Они пришли в Буджак кочевниками, но постепенно привыкали к оседлости. Родословная боярского рода Кантемиров представляет большой интерес, и о ней написано большое количество работ, в том числе и самим господарем Молдавского княжества Дмитрием Кантемиром, который родился в семье господаря Молдовы Константина Кантемира, происходившего из крымскотатарского рода Кантемировых.

Задачей исследования является рассмотрение и подробный, насколько позволяет источниковая база, анализ топонимов, связанных с племенами и родами и отдельными семьями ногайских татар.

Методы и материалы. В данном исследовании были применены методы и принципы топонимических исследований. При этом междисциплинарное положение топонимики обусловило использование методологии исследования различных гуманитарных наук, в первую очередь был использован библиотечный метод, который заключался в изучении ряда предыдущих исследований и рассмотрения различных письменных источников в том числе карт региона XVIII–XIX вв. В работе была использована книга «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана сего края с 1822–1828» [28]. Также была использована карта 1817–1819 гг. Данный источник помог установить названия поселений ногайских татар, которые, ныне, не существуют и выделить из них топонимы, которые имеют отношение к генонимам данного народа. При исследовании был использован принцип топонимической преемственности [5, с. 224], под которым подразумевается непосредственный языковой контакт между новыми переселенцами и теми, кто уже живет на изучаемой территории, который достаточен для передачи сведений о топонимах и которые есть на этой территории. В данном случае наблюдался определенный контакт между двумя тюркоязычными этносами ногайскими татарами и гагаузами, данное обстоятельство привело к сохранению определенного количества топонимов ногайских татар до наших дней. Также при проведении исследования был учтен закон историзма, который заключается в том, что при изучении топонимии той или иной местности важно ориентироваться на её этноязыковое прошлое и учитывать условия возникновения названий, особенности их бытования. Определенные сложности в изучении истории и топонимики населенных пунктов ногайских татар в Молдове связана с тем, что исследователи вынуждены использовать исторические источники, которые остались от соседних народов, в частности поляков и русских, которые могли передавать топонимы ногайских татар в несколько искаженном виде [2, с. 183].

Результаты. Топонимия Республики Молдова формировалась на протяжении нескольких тысячелетий, и поэтому в ней до сих пор присутствует большое количество названий. Они вобрали и сохранили ценные архаические фонетические, лексические, лексико-семантические и грамматические элементы, которые представляют большую научную значимость для изучения исторического прошлого различных этнических групп, которые проживали и проживают здесь на протяжении тысячелетий.

Считается, что ногайские татары впервые появились в Буджаке, в результате похода турок и крымских татар на Молдавию в 1484 г. Дубосары, Каушаны и Балта попали под власть Крымского ханства, а Буджак стал общим османско-крымским владением. В начале XVI в. там была расселена часть улусов Большой Орды, которые покорились Гиреям [22]. Более интенсивно ногайские татары стали переселятся на территорию Буджака, которая вошла в состав Османской Турции, начиная с 1538 года. О переселении ногайских татар в Бессарабию становится известно из фирмана султана Сулеймана I-го от 3 апреля 1560 года.

С. Паламарчук указывает, что ногайские татары также переселялись в Буджак в 1569 и 1606 гг., что стало следствием ногайско-калмыцких воин. Дмитрий Кантемир, сообщает, что в Буджаке к 1568 г. проживало около 30 тыс. ногайских татар. Несколько позже, в 20-30-х гг. XVII в., туда также иммигрировало значительное количество ногайских татар и указывает, что в 1569 г. сюда, из района Астрахани было депортировано «свыше 30 родов ногайских татар». В 1606 г. последовала новая волна переселения кочевников: это были мангыты Х(К)антемир – мурзы. Отсюда следует, что в Буджаке оказались переселенцы как из Крыма, так и из бывшего Астраханского ханства. Именно им удалось возглавить всех местных татар и образовать Белгородскую орду, которая имела и второе название – Буджакская орда и в период с 1606 по 1637 гг. в Буджаке господствовал ногайско-татарский род мангыт, который возглавлял хан Кантемир-мурза. Считается, что он вёл свою родословную от Мансура, сына беклярибека поздней Золотой Орды Идегея. Существуют сведения, что Кантемир-мурза, который не нашел общий языка с султаном, был убит в 1637 году и Буджакская орда осталось без лидера. Вскоре были уничтожены практически все мурзы этой ветви мангытов, а простой народ был переселен крымцами в район Кубани.

Последняя группа из рода мангыт, которая при этом не имела отношения к мангытам Хантемира, мигрировала в Буджак в 1659–1665 гг. Во главе данной группы переселенцев стоял род Орак-оглу и Орумбет-оглу, также были зафиксированы и другие ногайские родоплеменные группы. С 1569 по 1665 год численность буджакских татар возросла с 30 до 45 тыс., проживающих в 200 татарских селениях. К XVIII в. Буджакская орда состояла из шести крупных родоплеменных объединений, кочевья которых совпадали с шестью округами, которые занимали всю степь между Дунаем, Днестром и Прутом.

О названиях родоплеменных групп ногайских татар в письменных источниках и сообщениях, относящихся к XVI – началу XIX вв., сохранились весьма скудные сведения [12, с. 10]. Дмитрий Кантемир указывает, что в то время они подразделялись на Орак-оглу и Орумбет-оглу.

Л.С. Чимпоеш перечисляет рода ногайских татар из Буджака: абаклы, алакай, баззак, байдынулы бесалма, баймаклы, боддрак, джалаир, жаунгыр, жапар, жагылтай, жамбайлык, казайаклы, калмак капаклы, келеш, кириет (кераит), комрат, конгаз, конграт, коныpат кызлар, кыпчак, кыргыз, кырлык, кыйять, мангыт, минжир, найман, орак, садаклы, тараклы тартуулы, токуз, чобалакчи, чумечли и др. [32, с. 133–134]. Фуртуна Петри перечисляет следующие родоплеменные группы ногайских татар, проживавших в Буджаке *абаклы, алакьай, базак, байдунылы бесалма, баймаклы, бодырак, жагылтай, казайаклы, капаклы, кириет,* конгаз*, комрат, кыпчак, мынжыр, садаклы, тараклы, тартуулы, тогуз, чобалакчи, чумечли/чимишли, шоьмуьшли* и др. Упомянутые названия родов сохранились в названиях населенных мест юга Бессарабии: Абаклия, Бешалма, Баймаклия, Джолтай, Жавгур, Казаклия, Капаклия, Кириет-Лунга, Конгаз, Комрат, Кызлар, Копчак, Минжир, Орак, Садаклия, Тараклия, Тартаул, Токуз, Чобалакчия, Чимишлия и др. [36, с. 151].

И.В. Дрон полагает, что к топонимам с названиями родов ногайских татар необходимо отнести следующие: Башкалия, Баурчи, Бэюш, Борчаг, Бурлаку, Кания, Карагаш, Кашкалия, Казаклия, Казанджик, Чадыр, Ченак. Кеселия Микэ, Кеселия Маре, Кириет (-Лунга), Чимишлия, Чобалакчия, Чукур-Минжир, Кыету, Кызлар, Кочулия, Комрат, Конгаз, Копчак (Чадыр-Лунгского и района Штефан Водэ), Коштангалия (Кагульсулского и Кантемирского районов), Етулия, Джолтай, Хаджилар, Жавгур, Садлклия, Шамалия, Тараклия (четыре населенных пункта), Тартаул, Тартаул-де-Салчие, Тэнэтарь, Токуз [14].

Список родов, выселенных в 1807 г., содержал 212 названий ногайских селений только Буджака. При этом, почти все названия родов ногайских татар сохранились в географических названиях юга Бессарабии до наших дней [32, с. 133–134]. Первое выселение ногайцев из Буджака царским правительством было осуществлено в 1768–1774 гг.; второе, окончательное – в 1807 г. Часть ногайских татар ушла в румынскую Добруджу, а другая – была переселена в Таврическую губернию, где жили их соплеменники. В 1807 практически все ногайцы покинули Буджак, хотя некоторые исследователи считают, что небольшое их число все же могло остаться здесь. А.А. Скальковский указывает, что переселенцы с Балкан (болгары и гагаузы) дружно жили с ногайцами мусульманами, которые на тот момент жили в Буджаке [27, с. 15]. И. Маруневич отмечает, что поселки гагаузов довольно компактно разместились на юго-западе Бессарабии, там, где до 1808 года были сосредоточены поселения ногайских татар мангытов из группы Орумбетаоглы [20, с. 83].

В данном исследовании будет проанализировано происхождение лишь некоторых топонимов, связанных с генонимами ногайских татар. Они, преимущественно, будут расположены по алфавиту.

В первую очередь следует проанализировать топоним **Кириет-Лунга**. М. Сергиевский относит его к топонимам с неясной этиологией [26, с. 142], но в процессе исследования было установлено, что название поселка имеет смешанное ногайско-молдавское (румынское) происхождение. Первая часть это «кириет (кереит)» имеет тюркское происхождение, и вторая часть «лунга», было добавлено относительно недавно, имеет румынское происхождение и означает длинный. Ранее данный населенный пункт был известен под названием Кереит. Гагаузы после переселения с Балкан поселились рядом с родом кириет, оттуда и возникло название поселка «Кириет». Кириет, кереит – это один из тюркских генонимов тюркомонгольского происхождения. Кереиты были одним из многочисленных родов, проживающих в постордынских политиях. Некоторые исследователи даже название Гирей (Герай), которую взяли крымские ханы в качестве названия своей династии, связывали с этим названием, например, К.Э. Босворт, В.Д. Смирнов, Н.И. Веселовский. Кроме Молдовы, топонимы с компонентом Кереи, Кирей, Кереит, существуют в разных регионах в том числе и в Крыму. Отметим, что в списке селений ногайцев, которые ушли за границу Крыма с 1860 по 1866 в Перекопском уезде были и Толканджи кирей, Курчи кирей, Тозанай кирей, Бешаран кирей, в Евпаторийском уезде – Кереит [17].

В более ранний исторический период при описании Крыма по состоянию на 1771 год в документах упомянуты следующие населенные пункты, в топонимику которых входит слово «кириет»: Киреит Каракуртского кадыклыка, деревня Джан-герей Качи Беш Паресы кадьпслыка, Кок-герай Мангытского кадыклыка, Керей и Абаклы Сакал кадыклыка, Кереит Самарчик кадыклыка, Керей и Кучук-Керей Четырлык [17].

В современной Молдове существует поселок **Абаклия**, который до 1918 г. носил название Абаклы-Джаба. Топоним имеет татаро-ногайское происхождение и связан с названием родоплеменной группы ногайских татар абаклы, которые жили здесь ранее. Абаклы это часть более крупного ногайского рода кереит, которое было рассмотрено выше. Кроме этого род абаклы имеется среди казахского племени керей (кереит) и каракалпаков. Данный род упомянут и как один из узбекских кыпчакских родов.

Слово абаклы, скорее всего, образовалось от названия тамги "абакъ" от др.-тюрк. *abaqı* – «пугало на огороде», который служил оберегом от сглаза [7, с. 4]. Поселок Абаклы, либо Абаклы-Тама в 1771 году существовал и в Крыму. в Джанкойском районе, и располагался, в степной части полуострова. В данном районе преимущественно жили крымские татары, которых относили к степной группе ногай. Также в этом районе существовало, и ныне исчезнувшее поселение Джаба(у). Поэтому можно выдвинуть предположение, что поселок Абаклы Джаба в Молдове мог быть основан ногайскими татарами выходцами из этих мест, а также родом тама, которое дало название современному поселку Томай, который входит в состав в состав Чадыр-Лунгского района АТО Гагаузия. Отметим, что, ныне, топоним Джаба зафиксирован на юге Дагестана на границе с Азербайджаном.

Название села **Баймаклия** – происходит от названия рода ногайских татар баймаклы, который входит в состав более крупного рода кунград [18]. Поселки с названием Баймаклия, ныне, существуют в Кантемировском и Чимишлийском районах Молдовы. Кроме этого название баймаклы носит один из подродов башкирского рода карагай-кыпсак (кыпчак) [4] и в Башкортостане существует город Баймак. Род баймаклы также присутствует и у каракалпаков, являясь одним из главных родов данного народа.

Название Баурчи носит целый ряд населенных пунктов, которые находятся на территории современной Молдовы Баурчи, прежде Татар-Баурчи, в Чадырлунгском, Баурчи и в Сорокском районе и Баурчи-Молдовень в Кагульском р-не республики [8, с. 164].

В.А. Бушаков относит слово баурчи к монголо-тюркским этнонимам [8, с. 71]. Основой для образования генонима баурчи у ногайских татар мог послужить древний тюркский и монгольский эпоним баурчи, который связан с известными знатоками родословных, которые на пирах древних монголов выступали в качестве стольников ("баурчи"). Также считается, что словом баурчи называли поваров, которые готовили для знати. В Крыму существовало поселение Мамак-Баурчи Юкары Ичкийском кад. Акмечетского каймаканства. [8, с. 97]. Это указывает на то, что род ногайских татар баурчи проживал как в Крыму, так и в Буджаке.

Считается, что название поселка **Башкалия**, который находится в Бессарабском районе республики Молдова, связано с родом ногайских татар под названием бешкал (бешкаль). Название Бешкал в Молдове присутствует и в ряде микротопонимов. Ныне в с. Башкалия преобладает молдавское население; при этом некоторые молдаване носят тюркско-гагаузские фамилии [12, с. 11]. Род бешкал, также имеется и узбеков-юзов, поселок с названием Бешкал расположен в Джамбайском районе Самаркандской области. И.В. Дрон выдвигает предположение, что название села Башкалия (гаг. Башкалы/Бешкалы) образовано ногайскими татарами Буджака и связано с приходом в Буджак родоплеменной группы бешкал. Топоним Башкал присутствует в названии одного из городов Турции, а Бешкал в Джамбайском районе Самаркандской области Узбекистана.

Л.С. Чимпоеш указывает, что название поселка **Бешалма**, который находится в Комратском районе АТО Гагаузия, происходит от слова бесалма – названия одной из родоплеменных групп ногайских татар [32, с. 133–134].

В Молдове имеется и поселок **Бороганы**. М. Сергиевский указывает, что название топонима Борогане имеет неясную этиологию [26, с. 142], но было установлено, что оно происходит от рода – ногайских татар род бораган [8, с. 220], который считается одним из более мелких родов кыпчаков. Борганы (борагьанлар), в XIII в. стали частью Золотой Орды и расселились в широком географическом пространстве.

Представители данного рода проживали как в Крыму, так и на территории современной Молдовы. Считается, что история данного поселка началась с того, что в 1551 г. крымский хан Сахиб-Гирей наделил землей Хайдар-бея Борагана, одного из предков мурз Бораганских. В Буджаке также существует микротопонимы со словом Бороган [11, с. 32]. Известно, что в Крыму существовал поселок с названием Бораган. Отметим, что, ныне, карачаевцы и балкарцы обычно называют город Железноводск – Бораган [31].

Название села **Бурлак(у)**, которое находится в Кагульском районе Молдовы, происходит от генонима ногайских татар – бурлак. В.А. Бушаков увязывает род бурлак из Едисанской орды (1789 г.). [8, с. 134] И.В. Дрон и С.С. Курогло [10, с. 34] возводят микротопонимы Бурлак и Бурлак чукуру (балка рода бурлак) в Буджаке к названию рода бурлак буджакских ногайцев и указывают, что эти территории являлись территорией их расселения. О родоплеменной группе ногайцев с названием бурлак упоминается в одном из турецких трактатов где описываются османские крепости Северного Причерноморья [12, с. 13]. Геноним бурлак также присутствует у каракалпаков и среди узбеков [8, с.136]. Известно, что ранее в

Крыму, также проживал род бурлак и существовал поселок Бурлак. Схожий топоним имеет и село Бурлачены в Кагульском районе Молдовы.

А. Скальковский пишет, что название поселка **Джолтай, Жалтай,** расположенного в Чадырлунгском районе АТО Гагаузии до начала XIX в. было **Джагалтай** [12, с. 13]. Он имеет ногайско-татарское происхождение от балки, в которой расположен [30, с. 124] и восходит к геному жагылтай (жагалтай), известному и в настоящее время среди добруджинских татар [13]. Родиной данного рода считается южное Приаралье, где в настоящий момент род жагалтай и проживает. У каракалпаков, также имеется род жагалтай, который входит родоплеменное подразделение жетикоше [24, с. 57]. Название рода жагалтай связывают с названием одной из птиц. Известно, что кыпчаки довольно часто использовали названия птиц и животных в названиях своих родов [15]. В Каракалпакстане существует населенный пункт под названием – Жагылтай. Среди казахов существует и род с названием жагалбайлы (джагалбайлы), который относился к Младшему жузу. Следует отметить, что поселок Джагалбай отмечен на карте Бессарабии 1817–1819 гг.

Название поселка **Казаклия** Чадырлунгского района АТО Гагаузия, происходит от татаро-ногайского генонима казайаклы [36, с.151]. Род казаяклы, упоминается и среди узбекских кыпчакских родов кыпчак сарай и у каракалпаков. Род казаяклы входит в состав рода кунгард. Следует отметить наличие нескольких населенных пунктов с названием Казаклия [11, с. 13]. Известно, что название Казакли носит населённый пункт в Кашкадарьинской области Узбекистана.

Название поселка **Карлык** (Чок-Майдан), который расположен в Комратском районе АТО Гагаузия – связано с генонимом ногайских татар карлык [12, с.11]. И.В. Дрон указывает, что ранее до начала XIX в. – это село называлось Кагарлык [12, с. 11]. Населенный пункт с таким же названием имеется в Киевской области Украины и, вероятнее всего, связано словом карга, то есть ворона.

Название **Комрат**, столицы АТО Гагаузия, которая находится в республике Молдова, исследователи связывают с родом ногайских татар комрат. При этом, происхождение рода комрат, (кунград, конрат, коныpат, когырад), который имеет довольно обширную территорию расселения до сих является нерешенной исторической проблемой. При этом одна часть исследователей относит его к тюркским родам, а другая к монгольским. Данный род включает в себя более 500 более мелких родов, а вместе со всеми его структурами численность рода, достигает приблизительно нескольких тысяч единиц [18]. Ныне доминирует мнение, что конраты – это тюркский род. Данный род играл большую роль в Золотой Орде и в Астраханском ханстве. При этом следует отметить, что род конгырат присутствует у большей части современных тюркоязычных этносов, которые проживают на евразийском пространстве.

Топоним Ком(н)рат присутствовал и в Крыму, преимущественно в его степной части. Название Конграт носило одно из сел в Советском районе Республики Крым, Конрат в Белогорском районе, Джанболдý-Конрáт в Красногвардейском районе [29]. Туристические ресурсы В Крыму, также существовали села с названиями Татиш-Конрат и Алабаш-Конрат. Конрат – прежнее название исчезнувшего села Красновка в России. Название Коныpат имеет ряд населённых пунктов в Казахстане и Центральной Азии.

Конгаз – исследователи отмечают, что название села Конгаз несомненно относится к татарско-ногайскому слою, но существует неопределенность по поводу самого значения и этимологии слова Конгаз. Более приемлемой с научной точки зрения, является версия известного исследователя И.В. Дрона, который считал слово «конгаз» одним из родоплеменных названий ногайских татар [11, с. 13]. При этом известно, что селение Конгаз, как и Комрат было местом расселения представителей рода Орумбет-оглу [37, с. 153]. Наиболее известным эпизодом, в казахском фольклоре является смерть Орумбета, которого традиционно отождествляют с Ураз-Мухаммедом, беком Большой Ногайской Орды, умершим в 1598 году. Именно с этим событием связывается окончательное размежевание казахов и ногайцев. Также стоит отметить, что со смертью Орумбета связывают свое отделение и каракалпаки [25, с. 590].

Копчак (Кыпчак, Татар-Кыпчак) – есть три версии происхождения названия нескольких сел с подобным названием и одну из них можно отнести к той, что там ранее проживал род кыпчак. [36, с. 151]. Рассмотренный выше род конгат входит в состав кыпчаков. Как известно, кыпчаки одно из древнейших тюркских племен, которое сыграло важную роль в формировании многих современных тюркских народов, в том числе и у ногайцев. Большая часть семей, ногайских татар Добруджы относится к данному роду. География расселения племени кыпчак довольно широкая, от Южного Урала до Дунайских степей. Исследователи М.И. Ахметзянов и И.М. Миргалеев указывают, что ногайцы рода кыпчак проживали на Южном Урале [3, с. 206]. Село с названием Кыпчак существует и на юге Молдовы. Ранее оно носило название Татар-Кыпчак, что может свидетельствовать о проживание в данной местности ногайских татар из рода кыпчак. В Комрате имеется гора с названием Кыпчак, где расположено старинное ногайское кладбище. Об это свидетельствуют И.В. Дрон и С.С. Курогло [11, с. 18].

В Молдове расположены поселки **Ми(ы)нджир** в Хынчештском районе Молдовы, а также – **Чухур-Минжир** в Чимишлийском районе республики. Было установлено, что их топонимы связаны с названием рода ногайских татар мынжир (мынжир) [11, с. 13] и топоним означает территория расселения представи-

телей рода мынжир. Слово чухур (чукур), означает ущелье, балка и топоним Чухур-Минжир – балка, принадлежащая роду минжир.

Орак – название села имеет татаро-ногайское происхождение от названия рода орак [35], либо от потомков Орак-оглу. Геноним орак-улы (сын Орака) встречается и у современных добруджских татар «Оракълар», с аналогичной родовой тамгой «Оракъ» [13]. Считается, что название этого рода берет свое начало от Дели Орака, сына Алчагира, который был рожден дочерью Крымского хана Менгли-Гирея.

Тараклия – название города произошла от татаро-ногайского генома тараклы [36, с. 151]. Кроме этого на территории Молдовы присутствует несколько поселков с названием Таараклы, Тараклия, Тараклийка. Название, скорее всего, связано родом ногайских татар тараклы-найман который является более мелким подродом у найманов.

Название поселка **Томай,** который находится в Чадырлунгском районе АТО Гагаузия Республики Молдова происходит от имени рода тама, который проживал как в Крыму, в Казани, так и в Буджаке [8, с. 113]. Род тама, который входит в группу жетирк имеется и у казахов [24, с. 54]. О наличии рода тама у крымских татар свидетельствуют топонимы Крыма. Ныне, в Красногвардейском районе существует поселок Заречное, который ранее носил называние Томай (Токмай). В Белогорском районе полуострова ранее существовал поселок Тамá. Это может указывать на проживание рода тама, как в Буджаке, так и в Крыму.

Исследователи также полагают, что название города **Чимишлия,** который находится в Молдове, происходит от названия рода чумечли (шоьмуьшли) [8, с. 103]. Название генонима означает род, который имеет тамгу в форме ковша. Слово чумеч означает «ковш, совок», а суф. -ли – обладатель чего-либо.

Название поселка **Шамалия**, который расположен в Кантемировском районе Молдовы происходит от подрода киреитов – ашшамайлы (ачамайлы). Род ачамайлы присутствует и у каракалпаков [10, с. 58]. У данного народа рода ачамайлы и баймаклы являются одними из главных [9, с. 146]. В Крыму, в Джанкойском районе существовал поселок под названием Ачамайлы-Тама, что может указывать на то, что в нем проживали представители родов ачамайлы и тама.

Обсуждение и заключения. Сохранность до наших дней тюркской топонимики в названиях населенных пунктов, урочищ, рек, полей, холмов и даже жилых кварталов, свидетельствует о совместном проживании гагаузов с прежними жителями Буджака – татарами и ногайцами.

При своем первоначальном расселении переселенцы гагаузы из Балканского полуострова поселялись и в татарских селениях и некоторое время жили вместе с ними, это подтверждает и тот факт, что названия большинства современных гагаузских сел – татарского происхождения. Впервые к этому выводу пришел М.Г. Попруженко, в 1816 году он составил ведомость о численности населения и отметил ряд татаро-ногайских сел с моноэтническим составом населения. Здесь же он отметил, какие села ранее принадлежали ногайским татарам – это селения: Киосели Миниот, Чоболакчи, Татар, Баймаклы, Кукуриште, Алуат, Бурчак, Чомай, Хаджикиой, Татар-Баурчи, Казаяклы, Кошдамгалы, Карбаул, Шамайлы, Сындык. При это И.В. Дрон отмечает, что в некоторых поселках, где ныне проживают молдаване сохранились татаро-ногайские топонимы. например, Башкалия, а у некоторых современных молдаван, которые проживают на территориях, который ранее населяли ногайские татары присутствуют тюркские фамилии: Базатин от названия рода базэнтин. Эта фамилия получила распространение в городе Чимишлия, где ранее, до 1807 года, проживали ногайские татары.

Следует отметить, что представители некоторых тюркских родов, ныне, вошли в состав многих тюркских этносов. это, например, кыпчак, керей, конгарт, мангыт и т.д. и топонимы, связанные с родовыми названиями, получили распространение как в Буджаке, так и в Крыму, а некоторые фактически на всем евразийском пространстве, населенном тюркоязычными народами и указывает на близкое родство между современными тюркскими нациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р.Р. Шеджере предков крымских ханов: проблема интерпретации // Золотоордынское обозрение. 2019 Т. 7 № 3. С. 509–523. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3

2. Аджиниязова А.К. К вопросу о забытых населенных пунктах ногайцев в Черномории в конце XVIII – середине XIX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №10 (123). С. 183–188.

3. Ахметзянов М.И., Миргалеев И.М. О наделении народом, землей, лесами и водами ногайских беев из рода усерген, кыпчак, бурджан и тамьян // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1.С. 206–212. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.206-212

4. Башкирские племена, роды, родовые подразделения в 18–19 вв. юго-восточные башкиры URL: https://newchron.narod.ru/texts/bashkort/plem.html (дата обращения 28.02.2025).

5. Беленов Н.В. Принципы и методы топонимических исследований. Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2019, Т. 12, № 4. С. 224–228. https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.46

6. Булгарова М.А. Ногайская топонимия. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. 320 с.
7. Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.06 / Ин-т языкознания. Херсон, 1992. 31 с.
8. Бушаков В.А. Тюркская этноойконимия Крыма: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.06 / Ин-т языкознания. Москва, 1991. 341 с.
9. Джуманиязова М.Т., Зарипбаева З.З. Население Хивинского ханства в XVIII–XIX веках // Цифровая наука. 2021. №3. С. 142–148.
10. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю. Э. Бргеля М.: Издательство Наука, 1967. 522 с.
11. Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия Кишинев. Шитиница. 1989. 217 с.
12. Дрон И.В. Гагаузские этнотопонимы и этногидронимы ногайского происхождения // Советская тюркология. 1985. № 3. С. 8–19.
13. Дрон И.В. К этимологии ряда топонимов тюркского происхождения (Территория Республики Молдова). URL: https://web.archive.org/web/20070223014056/http://turkolog.narod.ru/info/I379.htm (дата обращения 28.02.2025).
14. Дрон И.В. Топонимия Республики Молдова тюркского происхождения тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 10.02.06, доктор филологических наук в форме науч. докл. Дрон, Иван Васильевич, 1996. URL: https://www.dissercat.com/content/toponimiya-respubliki-moldova-tyurkskogo-proiskhozhdeniya (дата обращения 28.02.2025).
15. Жагалбайлы. URL: https://eurasica.ru/forums/topic/4830-жагалбайлы/page/2/ (дата обращения 28.02.2025).
16. История Чадыр-Лунги. URL: https://ceadir-lunga.md/munitsipij/istoricheskaya-spravka (дата обращения 28.02.2025).
17. Кереиты в этногенезе тюркских народов. URL: https://www.kazportal.kz/kereityi-v-etnogeneze-tyurkskih-narodov/ (дата обращения 28.02.2025).
18. Кое-что, о роде Кунград. Заметки Географа. URL: https://proza.ru/2011/05/23/999 (дата обращения 28.02.2025).
19. Лозовану Д.Д. Этногеография и топонимика степного региона юга Молдовы / Бессарабии // Вопросы степеведения. 2018 Т.14. №14. С. 9–14. DOI: 10.24411/9999-006A-2018-1001
20. Маруневич М.В. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX века // Советская этнография. 1975. № 5. С. 82–95.
21. Мошков В.А. Гагаузы бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы. Кишинев: Б.и., 2004. 493 с.
22. Пилипчук Я. Буджакские татары: как на краю Молдовы появилась новая Орда. URL: https://milliard.tatar/news/budzakskie-tatary-kak-na-krayu-moldovy-poyavilas-novaya-orda-418 (дата обращения 28.02.2025).
23. Полное имя первого крымского хана можно перевести как «дедушка-паломник (хаджи). URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/276826-krymskie-tatary (дата обращения 28.02.2025).
24. Рахимов А.М. К вопросу генетической генеалогии казахского рода жагалбайлы // Исторический журнал: научные исследования. 2022 №5. С. 52–68. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38699
25. Сабитов Ж.М. Ногайский компонент в этногенезе казахов // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 589–591.
26. Сергиевский М. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории // Русин. 2010. №1. С 125–148.
27. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийской крае: стат. очерк А. Скальковского, Рус. геогр. о-ва чл. Стат. отд-ния Сов. М-ва вн. дел кор. и пр. Одесса, 1848 (2017). [4], 156 с. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/22636 (дата обращения 28.02.2025).
28. Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана сего края с 1822–1828. Издание Аккерманского Земства, 1899.
29. Татаро-Монгольская топонимика в Крыму. URL: https://eurasica.ru/forums/topic/6701-татаро-монгольская-топонимика-в-крыму/ (дата обращения 28.02.2025).
30. Туристические ресурсы населенных пунктов Гагаузии. URL: https://www.gagauzia.md/assets/app /img/tourism/files/utag_tourism.pdf (дата обращения 28.02.2025).
31. Ушницкий В. Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения проблемы происхождения тюрко-монгольских этносов: Баргуты – поиск потомков в евразийском регионе. URL: https://kghistory.akipress.org /unews/un_post:8457 (дата обращения 28.02.2025).
32. Чимпоеш Л.С. Ногайская Буджакская орда: страницы истории ногайцев Бессарабии Ногайцы: XXI век // История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019. С.133–134.

33. Чубченко Н. Геокультурное пространство Республики Молдова с точки зрения топонимических исследований // Cercetări Ştiinţifice NR. № 1(73), Februarie, 2014. P. 32–35.

34. Шейхумеров А.А. Аристократия в Крымском ханстве. URL: https://realnoevremya.ru/articles/287295-aristokratiya-v-krymskom-hanstve (дата обращения 28.02.2025).

35. Bulgarova M. Proper Names as an Ethnocultural Text: Nogai Place Names as Determinants of Ethnic Memory. Имена собственные как этнокультурный текст: ногайская топонимия как детерминанта этнической памяти. // Lietuvos istorijos studijos. 2023. P. 230–240. DOI: 10.15388/Totoriai-Lietuvos-istorijoje.2023.17.

36. Furtună Petry. К вопросу о происхождении топонима Конгаз. URL: https://repository.utm.md/bitstream/handle/5014/6128/Conf_StiinteSocioUmanist_2013_pg148-152.pdf (дата обращения 28.02.2025).

37. Furtună Petry. К проблеме основания села Конгаз. URL: http://repository.utm.md/bitstream/handle/5014/6129/Conf_StiinteSocioUmanist_2013_pg152-156.pdf (дата обращения 28.02.2025).

Сведения об авторах: Людмила Борисовна Маевская – кандидат исторических наук, докторант, Украинский государственный университет имени Михаила Драгоманова (Киев, Украина); ORCID: 0000-0002-3431-9074. E-mail: maevskayalyuda@gmail.com

Ага Хайсам Мухаммад – аспирант, Украинский государственный университет имени Михаила Драгоманова (Киев, Украина); ORCID: 0000-0003-3500-5031. E-mail: haitham440@hotmail.com

SOME TOPONYMS IN MOLDOVA RELATED TO THE NAMES OF INDIVIDUAL CLANS OF NOGAI TATARS

L.B. Mayevskaya, Aga Khaisam Muhammad
Dragomanov Ukrainian State University

The purpose of the article: is to explore the toponymy of Moldova, and if possible to identify some of the toponyms associated with the names of individual clans of Nogai Tatars. Research materials: The article is based on previous studies of this and related issues by scientists from different countries, as well as on maps of Moldova from various historical eras. Results and scientific novelty: it was found that some of the toponyms of Tatar-Nogai origin are associated with the names of the clans of this people. This most likely indicates that representatives of these genera may have lived in a particular region of Moldova. In addition, it was established. that separate Tatar-Nogai clans are also present among other Turkic peoples of the Volga region, the Caucasus, Central Asia and Altai, which indicates a great closeness between the various Turkic-speaking ethnic groups.

Keywords: Moldova, Budjak, Bessarabia, toponymy, Nogai Tatars, Islam, Muslim population of Bessarabia

About the authors: Lyudmila B. Mayevskaya – Cand. Sci. (History), Doctoral Student, Dragomanov Ukrainian State University (Kiev, Ukraine); ORCID: 0000-0002-3431-9074. E-mail: maevskayalyuda@gmail.com

Aga Khaisam Muhammad – Graduate Student, Dragomanov Ukrainian State University (Kiev, Ukraine); ORCID: 0000-0003-3500-5031. E-mail: haitham440@hotmail.com

УДК 94(084.1)

РАЙОНЫ ИСХОДНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ И МАРШРУТЫ МИГРАЦИЙ ТАТАРО-КАЗАНСКИХ СООБЩЕСТВ

В.А. Курбатов
Российская академия естественных наук

В статье рассматриваются районы исходной локализации и маршруты мирграций татаро-казанских сообществ. В исследовании применялся метод континентальной топонимики дифференцированных топонимиконов и было установлено расположение топонимов с основой «татар» и «казан» в Средней и Малой Азии, странах Востока, а также в Европе и Африке. Полученная картина отражает районы локализации и маршруты расселения татаро-казанских сообществ. Полученные результаты ставят точку в проблеме этнического отнесения татар. Их прародина находится в зоне тюркского этногенеза. Этнонимы «казан» и «татар» имеют теофорное происхождение. В настоящей работе были высказаны соображения на эту тему.

Ключевые слова: татары, казан, миграции, Европа, Азия, Африка

Первые упоминания о татарах содержатся в «Книге Сун» (хронике династии Лю Сунн), относящейся к V в.: «*Другое имя жужанов есть «татар», которые также называются «тартар» и являются одним из аймаков хунну*» [21]. В 20-е годы V в. они сплотилась вокруг Датаня/Татара и обеспечили победу в междоусобице над претендентами, которых поддерживали другие племенные группировки жуаньжуаней [8, с. 49]. После распада каганата жуаньжуаней в степях Монголии в результате объединения группы тюркских и монгольских племен сформировалось этнополитическое объединение отуз (тридцать) татар, приобретшее политический вес. Подчинившимися племенами были «тюркские роды». Они стали именоваться татарами по названию господствующего племени [4, с. 650].

По этому поводу персидский учёный Рашид-ад-дин в своём сборнике летописей пишет: *«Уже в «глубокой древности» татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области»*. Все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид-ад-дином, занимали большую часть степной и горностепной зоны Монголии и Северного Китая. Основной находился у озера Буир-Нур [8, с. 146].

Татары в VIII в. известны на Амуре севернее киданей, где занимались ловлей рыбы. В составе Уйгурского каганата (744–840 гг.) были одним из вассальных племён *(«татары были пастухами коров у уйгуров»)*. В 723–724 гг. токуз-татары вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана и терпят поражение. После разгрома кыргызами в 840 г уйгуры бежали на юг в Ганьсу и Восточный Туркестан. Вместе с ними мигрировала часть татар. Здесь в XI в. они были соседями тангутов. В начале X в. кидане вместе с уйгурами вытеснили их из Восточной Монголии.

Владение татар в Западном крае, столь далеком от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось ещё до падения Уйгурского каганата. Его центр находился в Сучжоу (западная часть современной провинции Ганьсу), на границе с Восточным Туркестаном. В «Худуд ал-алам» татары упомянуты как соседи и союзники тогуз-гузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар». В источниках XI в. обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном называют «Татарской степью». Впоследствии (IX–XI вв.) этот этноним перешёл и на монголов, заселивших эти места, и привился не только в Средней Азии, но и на Ближнем Востоке, на Руси, и в Западной Европе. Сами монголы себя татарами не называли [7, с. 144–145]. Рашид-ад-дин замечает, что *«силы и могущество татар были в своё время столь велики, что и поныне в начале 14 в., от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами»* [8, с. 144].

Итак, татары были отдельным племенем. Их судьба долгое время была связана с уйгурами. Они практически одновременно с тюрками Ашина были вассалами Жужаньского каганата. Уйгуры в 605 г. под напором Западно-тюркского каганата уходят на Хангай, где создают этническую группу токуз-огузов (2-ой каганат), к которому присоединяется часть татар. Они продвигаются ещё дальше, так как источники фиксируют их в Маньчжурии, откуда смещаются на Иньшань. Другая группа остаётся на границе с Восточным Туркестаном в Сучжоу. Они участвовала в боях с тюрками в 680 г., в начале VIII века, подчинили кыргызов, а в 840 г. после разгрома ушли в Ганьсу и вплоть до XII в. имели там государство.

Наличие трёх хоронимов (Буир Нур, Хангай, Сучжоу), а также упоминание о шести юртах может быть свидетельством некогда существовавшего единого народа, который распался в результате исторических катаклизмов. От источников он скрыт тьмой веков. Поскольку татары долгое время находились на

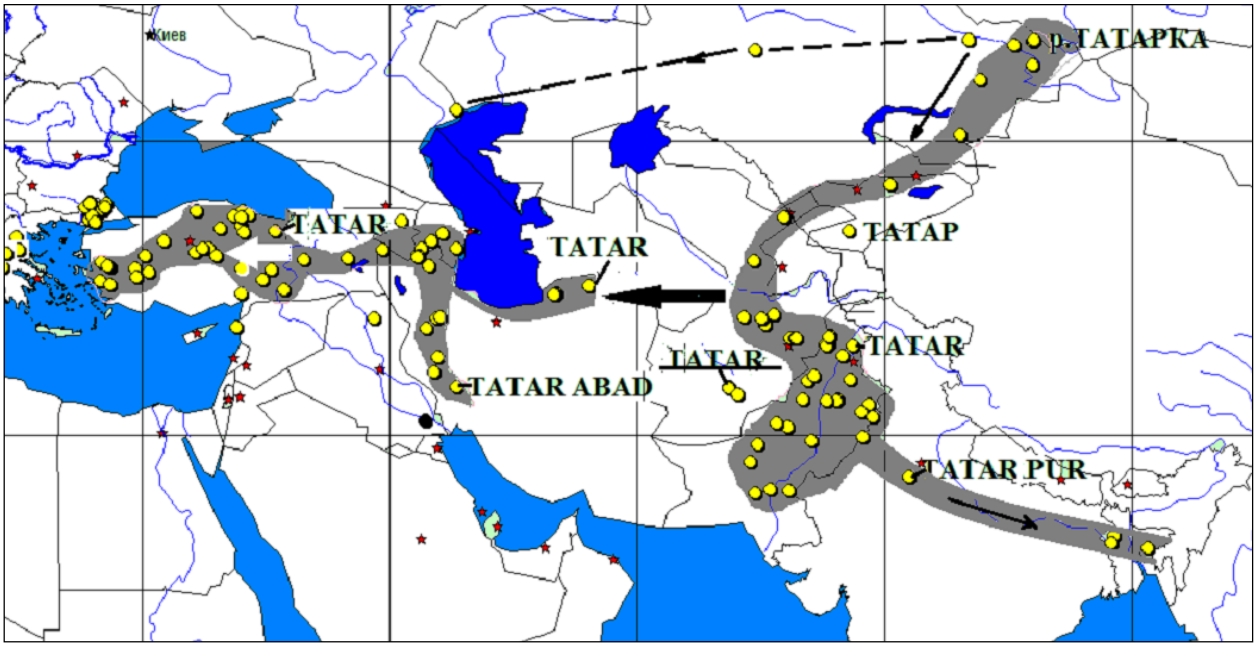
вторых ролях, историографы их практически не замечали. В достаточно узкий предмонгольский период, когда со сцены уходят основные политические игроки этого региона, происходит возвышения татар. Именно в это время появляется термин «Дашт-и татар». Не случайно Чингиз-хан в первую очередь на татар, расселившихся достаточно широко, но не обладавших политическим единством обрушил свою силу. Покорив один юрт, – переходил к следующему. Такая судьба постигла все шесть юртов. Монголам, находящимся на пассионарном взлёте, разбираться с этническими особенностями было недосуг, поэтому этноним автоматически переносился на все прочие племена. Благо база для этого была подготовлена ещё китайцами. Рейды Чингизова войска перенесли этот этноним в различные районы Евразии. Но в целом этническая принадлежность татар не определена [17, с. 67].

В подобных случаях основными проблемами являются область исходной локализации племён и маршруты расселений. Они связаны друг с другом. Источники не фиксируют столь ранний исторический период и не в состоянии охватить масштабы миграций тюркских сообществ. Археология и палеогенетика не способны дифференцировать образования в относительно однородной тюркской среде. Для этой цели был использован хорошо себя зарекомендовавший в случае славян и индоевропейцев метод «континентальной топонимики дифференцированных топонимиконов». Исследования были начаты с Центральной и Средней Азии, но по мере получения результатов этот ареал был существенно расширен.

Средняя Азия и страны Востока. В данном регионе «татар»ская топонимия представительна и в определённой степени неожиданна. Весьма незначительна плотность объектов в государствах Средней Азии. По территории Казахстана вдоль Джунгарии, предгорий Тарбагатая, Алатау располагаются реки **Татарка, Татарский арык**, далее появляются селения **Татар, Татарский**. Причём некоторые названия повторяются (Карта № 1).

Наибольшее количество объектов зафиксировано в Турции и Пакистане. Им предшествует небольшой массив на севере Афганистана, в котором встречаются те же топонимы **Tatar, Tatarin**, а также местные композиты **Tatarnow** kuhe (гора, перс.), **Tatar**kheye. Вся долина Инда заполнена «татар»скими названиями. С территории Афганистана перенесены **Tatar** и **Tatari**. Встречаются и специфические Goth-**tatar**, **Tatar**-bidrang, **Tatar**–wala. Практически все – поселения, последний является местностью. Два названия обнаружены в Индии: **Tatar**sar и **Tatar**pur**,** а также в Бангладеш. **В**торой корень «pur» является очень древним и относится ко времени Вед. Так обозначали свои форты на территории Индостана индоевропейцы. Мы встретились с использованием этого термина как с традицией.

На территории Ирана топонимы расположены полосой параллельно Месопотамии и следуют в провинцию Фарс. Здесь встречаются те же **Tatar,** а также **Tatar**deh (село, перс.), **Tatar**abad (обустроенное место, перс., в адаптированном переводе означает поселение). Заканчивается эта полоса на территории Ирака железнодорожной станцией Mhat**tatar**rataw. Оно могло бы стать топонимическим курьёзом, обусловленным формальным подходом. Mhatta на арабском означает станция, – вторая часть слова, вероятнее всего, персидская (rata – повозка, колесница, и.е., чёрная точка на карте).

Карта № 1. Топонимия «татар – tatar» в Средней Азии и странах Востока

В Турции топонимы распространяется широкой полосой по её центральной и северной части, доходя до Эгейского моря. Плотный массив наблюдается в европейской части. Значительное место здесь занимают композиты с местными вторыми корнями: dere, köy, oglu и др., но также широко представлены **Tatar**, **Tatarli**, **Tatarlar**.

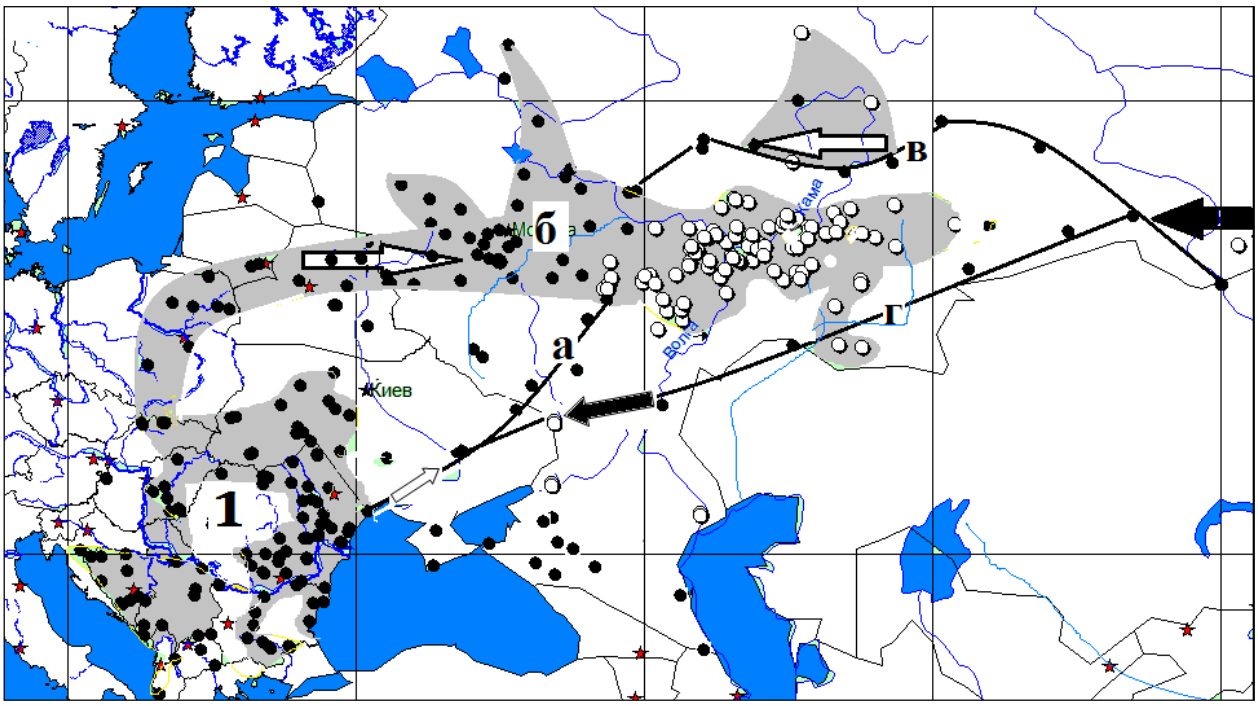
Полученная картина свидетельствует о переселении татарских сообществ из Средней Азии на юг. Форсировав Аму Дарью в устье Сурхан Дарьи, первая группа оказалась на территории Афганистана. Далее она двигалась по горной системе Гиндукуш в направлении Хайберского прохода, являющегося воротами в Индостан. В долине Инда произошло интенсивное оседание переселенцев. Окружение активно придавало татарским поселениям вторые местные корни. Так возникли **Tatar-keghar, Bera-atar, Bunga-tatari** и др. Несколько топонимов продвинулись по долине Ганга на восток вплоть до Бангладеш/

Начало пути в Иран обозначено всего двумя топонимами, находящимися южнее Копетдага, **Tatar-e bala** (верхний, перс.) и Tatar. Стоянки кочевников далеко не всегда превращались в стабильные поселения, а окружение на путях активных завоеваний могло изменяться. Пройдя южным побережьем Каспийского моря, часть татар осела на территории Азербайджана, что проявляется в локальном массиве (несколько **Tatar, Tatar-kend** и **Kara-tatar** и др.). Небольшие группы просочились сквозь дербентский проход и осели вдоль Кавказского хребта (Карта №3).

Дальнейший путь в Малую Азию представлен цепочкой четырех поселений: два **Tatar, Tatar-**gazi **Tatar-usag**. Он пролегал между Армянским нагорьем и Лазистанским хребтом, по верховьям Евфрата, Кзыл Ирмака, а также вдоль реки Келькит. Район озёр Туз, Эгаддир и Акшехир оставался на юге.

Восточная и Центральная Европа. Топонимы «татар» имеют наибольшие концентрации на территории Румынии – Молдавии – Югославии (**Tatarani, Tataresti, Tatarca, Tatarasheni** и др.), а также Болгарии (**Tatar, Tatardzik**) и Венгрии (**Tatardulo** – тропинка, **Tatar halom** – пески, венг.) (Карта № 2). Несколько представителей присутствуют на территории Польши – Литвы (**Tatary, Tatar**), один – в Словакии, **Tatari**. Практически все – населённые пункты. Четыре названия обнаружены в Греции. С северной оконечности венгерско-балканского массива (индекс 1 на карте) через всю Восточную Европу, захватывая Литву, следует широкий «шлейф» «б» в направлении Среднего Поволжья. Эту область с Алтаем соединяет траектория, идущая севернее границы с Казахстаном. Причём южнее Тобольска в Ишимских степях она раздваивается и пересекает Южный и Северный Урал. Топонимы располагаются на расстоянии 150–300 км. Факт существования миграционного процесса с участием носителей «**татар**» – топонимов не вызывает сомнения, поэтому требует интерпретации. Куда и когда происходило переселение по этим маршрутам?

Столь плотный топонимический массив в Европе, и особенно в восточной части Балкан, не мог возникнуть в результате вторжения войск Бату в 1241 г по причине отсутствия в их составе мирного населения и коротких сроков пребывания.

Карта № 2. Топонимия «татар» существительное ● и прилагательное ○

На роль создателей топонимов «**татар**» могли бы претендовать различные тюркские общности, пришедшие с востока. Наиболее ранними следует считать «татарские» ячейки, присутствовавшие в массе гуннов. О письменных свидетельствах по этому поводу мы говорили и ранее. В Добруджу и Буджак переселялись печенеги, гузы, ногайцы, половцы, остатки татар Золотой Орды, крымские татары. Некоторые из них не только могли декларировать себя как татары, но и в этом процессе участвовало коренное население, определявшее в этот этнический разряд всякого кочевника, основываясь исключительно на внешних субъективных признаках даже в более поздний период. Другим потоком переселенцев были турки периода Османской интервенции. Так, в 1413 г. из Анатолии в Румелию (Балканы) были перевезены татары. Часть из них расположилась в Добрудже [20, с. 811]. Недаром в восточных областях обнаружены несколько ***Tatarköy*** (деревня, тур.). В этот же период «татары» оставили свои следы на Пелопоннесе.

Полученные результаты объясняют существование «татарских» лексем в языках европейских народов. Они внесли в польский, румынский, венгерский языки слово tatarca – гречиха, а, следовательно, и саму культуру, в то время как на Русь её завезли греки. Второй смысл данного слова в румынском это меховая шапка. Tatar поляки называют особый вид бифштекса, tatarica это также мыло. В украинской народной сказке фигурирует упоминание о «курочке – татарушке». В чешском языке имеется слово татар – невнятно говорящий, то есть, немец – пришелец. В румынском существует выражение de con cu tatarii. В адаптированном переводе это означает «с незапамятных времён», а в неадаптированном – «когда были (пришли) татары». У гагаузов татар юзюму означает крыжовник, татарлык – татарское племя, татар агриш – ясли из прутьев, а татарник – короткий кнут. Хотя последние термины могли быть приобретены в более позднее время.

Вышеотмеченная «татарская» терминология не могла быть заимствована в короткий период пребывания войск в XIII в. Инкорпорирование тюркских хозяйственных терминов в языки европейских народов лишний раз подтверждает древность их появления в этом регионе. Такое явление мы наблюдали и на Руси, но только в результате почти 300-летнего татаро-монгольского присутствия. Таким образом, «**татары**» были известны в Европе и на Руси ещё до их официального пришествия. О присутствии неких татар в Болгарии говорит Никоновская летопись уже в IX в., то есть задолго до Чингиз-хана. Татары как tattarar упоминаются в скандинавских «Королевских сагах» (1150–1170 гг.) и «Сагах о древних временах», описывающих события 920–1030 гг. [12, с. 210]. Следовательно, в Европе должны были присутствовать носители татар – топонимов.

Детальное изучение Поволжского скопления обнаруживает совокупность, в которых основа «татар» входит только в прилагательное. А именно, Татарская Айша, Татарский Убей, Татарское Сунчелеево и т.д. Около 30% этих топонимов имеют двойников, в которых прилагательное отсутствуют, например, Айша, Убей, Сунчелеево и т.д. Базовые названия, как следует, являются тюркскими. Для чего понадобилось лишний раз подчёркивать их этническую принадлежность? Причина, состоит в том, что после взятия Казани проводилась политика выселения татар из обетованных мест и внедрения русского контингента. При этом выселенцы создавали новые деревни с тем же названием, для отличия которых русская администрация вводила прилагательное, татарский(ое). Этим подчёркивался их этнический характер. Недаром вторым названием селения Айша является Русская Айша. Как видите, даже в локальном масштабе сохранялся принцип преемственности топоосновы.

Достаточно убедительно этот вывод подтверждается на карте, на которой все названия с прилагательным «татарский, -ское, -ская, -ские» отмечены иными символами. Сформировавшийся массив представляет собой анклав, локализованный преимущественно на территории республик Татарстан, Башкортостан и смежных областей. На остальной территории России подобные примеры крайне редки, хотя прилагательные могли возникнуть из существительных в более поздний период. Наконец, контуры этого образования отвечают территории, занимаемой Казанским ханством.

Но это означает, что топонимов «татар» на территории республик никогда не было. Вывод весьма необычный. То есть волжские булгары и башкиры этого корня не использовали, как и последующие народы, влившиеся позднее в популяцию региона. Жители Булгарского вилаета так себя не именовали. То есть, в данном случае топонимы «татар» являются более поздними и внешними, а их автором – русские. Дополнительно выявляется ещё одна деталь. Ветви «в» и «г», идущие из Сибири, как бы, обходят эту территорию с севера и юга. Мы столкнулись с достаточно сложным проявлением «татарской» топонимики, поэтому сделаем промежуточные выводы:

1. Топонимический массив в Волго-Камско-Уральском регионе имеет внешнее происхождение, и к носителям топонимов «татар» отношения не имеет. Он отражает всё тюркское сообщество, сформировавшееся в рамках Казанского ханства.

2. Балканский массив создали различные тюркские сообщества исторически осевшие в этом регионе, в том числе при участии носителей основы «татар».

Сам характер рукава, соединяющего Поволжье и территорию Венгрии, говорит о том, что это был интенсивный миграционный маршрут в направлении востока, преградой для которого стали Волга и Ока. Столь масштабные перемещения масс населения в обратном направлении не известны. Если такие примеры и имели место, то они затухали на подходах к западным рубежам и формированием массивов не сопровождались.

Рассматриваемый маршрут соответствует только одному глобальному историческому событию – переселению славян на восток. Оно происходило по всей западной границе, начиная с VI–VII вв., и отличалось разнообразием направлений, среди которых выделяются наиболее характерные [14]. Одно из таких следовало с территории востока Венгрии на Польшу и Литву. По нему прошли носители основы «барат», «рус», «обол» [12, с. 324; 15, с. 45], а теперь и «татар».

Свободные передвижения людских масс были возможны только при отсутствии жестких границ и государственных образований. Уже с середины XIII в. западная часть Восточной Европы принадлежала Великому княжеству Литовскому. В восточных областях, начиная с XIV в., шло активное формирование Московского государства. Таким образом, проявляется верхняя хронологическая граница этого исторического события. Если использовать характерную для осёдлых сообществ скорость переселения 5 км/год, то на это потребовалось почти 400 лет. То есть, прибытие на Волгу должно было состояться в X–XI вв. Мигрируя на восток ранние «татарские» общности через Мазурское поозёрье достигли Балтийской гряды и повернули на восток. Дальнейший путь пролегал в междуречье Волги и Клязьмы. В конечном счёте держали ориентир на Среднюю Волгу. Такой выбор не может являться случайным. Они были прекрасно информированы о существовании там родственного этноса и шли на соединение с ним. Таким образованием могла быть Волжская Булгария. В процессе длительной миграции этническое самосознание не было утеряно. Фактически потомки гуннов начали обратное движение на восток. Аналогичное явление было зафиксировано археологически. Назад в Волго-Уральские степи и даже в Приаралье возвращались воины из европейских походов [1, с. 325]. Это не был осознанный возврат. В виду длительного пребывания на чужбине последующие поколения уже не ассоциировали себя с родиной, а иногда и этнической принадлежностью. Это была маятниковая миграция, примеры которой в истории известны.

Представляет интерес ещё один явный маршрут – ветвь (а). Он имел то же направление на восток, точнее на северо-восток. Только зона исхода была несколько иной – Причерноморская низменность. Его существование также вписывается в концепцию миграций на восток. Между ветвями (а) и (б) существует значительная лакуна с минимальным количеством топонимов. Это означает, что мигранты эту территорию обошли стороной. Попытка продвинуться к Киеву была заблокирована (см. карту). Здесь находилось ядро молодой Киевской Руси (VIII–IX вв.), только начавшей свой поход на восток. Эти процессы могли происходить синхронно во времени. Русь разрасталась и отодвигала миграционные маршруты на север и юг, не допуская чужаков на свою территорию.

Вернёмся к маршруту, идущему из Сибири. Является явным обход некого препятствия, находящегося между ветвями (в) и (г). Таким сильным соперником являлся Волжская Булгария, а разделение перед Уралом напоминает стратегию. Аналогичный приём значительно позже, и надо думать, небеспричинно, использовали и калмыки [16, с. 155]. Заслуживает внимания и последующее развитие событий. Северная ветвь через Североуральск выходила на Киров к устью Вятки, а оттуда на Ярославль. Здесь произошла встреча с выходцами из Европы. Считается, что в коми-зырянском эпосе имеется исторический нонсенс. В легенде о девушке – полонянке говорится о неких «немчу-тотара». Войска Бату до этих мест не доходили [18, с. 97]. Но, сюда проникли пришельцы из Сибири, бывшие истинными татарами. Они не отличались миролюбием, что предельно точно зафиксировала народная память. «Неминуча» на языке коми означает беда, несчастье.

Примечательно, что описанный путь, начиная с Урала следует по современным железнодорожным трассам. Они прокладывались по исторически сложившимся торговым путям. Далее мы встретимся с дополнительными примерами. Южная ветвь (г) перешла Волгу в районе канала с Доном. В Донбассе произошла встреча с ветвью (а). Наличие двух центров расселения носителей «татар»-топонимов не является взаимоисключением. В начале нашей эры одна их групп хунну, известная далее как гунны, следуя на запад, увлекла за собой только что возникшее племя татар и транспортировала его в Европу, где в процессе оседания оно обособилось и декларировало свою этническую принадлежность в виде топонимов. Впоследствии оно было захвачено гигантским импульсом переселения славян на восток.

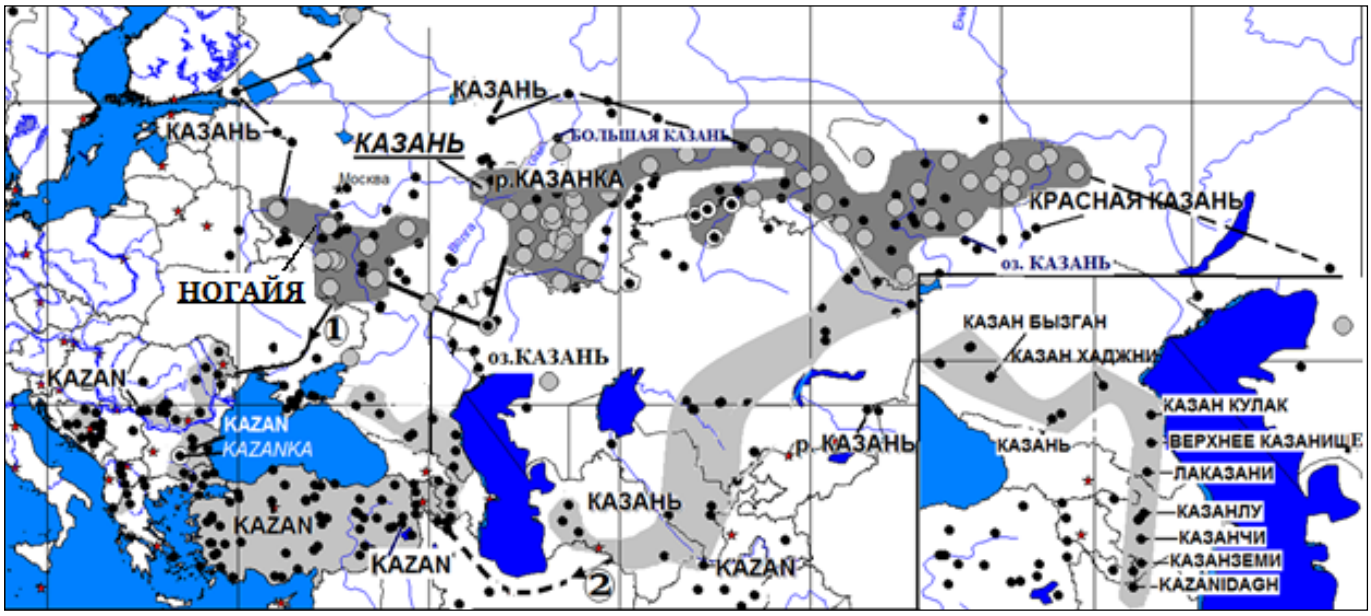
Страна Казана

С синего неба спустился живой змий
Стал пожирать каждого, кого увидит,
Салор Казан, не давая пощады, отрубил ему голову,
Видел ли кто таких богатырей и беков, как Казан?
Огузский эпос

В среде массового читателя известность названия Казань сводятся в основном к столице Татарстана и впадающей неподалёку в Волгу реки Казанка. Народная легенда гласит, что название возникло из–за того, что женщина обронила в речку котёл. В связи с этим событием город и река получили свои названия. Событие было локальное и малозначительное.

«***Казан***» – ойконимов и гидронимов оказалось около тысячи. Только на территории бывшего СССР и Балканах существует 10 «Казан»ей, две в Турции и одна в Средней Азии. Одних «Казанок» насчитывается 56 только в СНГ и две в Болгарии. В связи с этим рассчитывать на типологию сюжетов легенд не представляется возможным. И в данном случае информационный вакуум, порождённый незнанием истинной сути событий древности, был заполнен продуктом народной этимологии.

Наибольшие концентрации топонимов отмечаются в районах восточной Болгарии, Казани, Уфы – Челябинска, Новосибирска – Красноярска, Крыму, а также в Азербайджане (среднее течение Куры), Турции. Топонимы расположены несколькими крупными массивами. Широкая и плотная полоса протянулась от Алтая до Днепра. Причём в сопоставимых долях присутствуют как названия «***Казан***», так и «***Казанка***» (Карта №3). Рассредоточены они неравномерно. «Казанки» занимают северную часть сибирских степей, в Волго Уралье, как и в Подонье наоборот – южные области. В основном это русифицированные формы, Казанцевский, Казанцево, Казанская и др. Изредка встречаются тюркские варианты **Казантай**, **Казанбаси**, **Казанак**. Перечислять все нет необходимости. Несколько топонимов присутствуют вдоль русла Амура и на Сахалине. На Северном Кавказе локальный массив протянулся вдоль горного хребта (Карта №3). Среди них следует отметить два кургана **Казан бызган** и **Казан хаджни**.

Карта №3. Топонимия «казан» ● и «казанка» ○

Редкие топонимы разбросаны в Казахстане и странах Средней Азии. На северо-востоке присутствует группа, наиболее примечательными в которой являются Казанокрещенка и река Казангап. Следующая группа фиксируется между оз. Балхаш и Средней Сыр Дарьей. Здесь практически нет ойконимов, в основном это объекты природного характера, например, озеро Бир Казан и бугор Казанган. По горным районам Таджикистана и Узбекистана встречаются Казан кула, Казан акты, Казан арык. Интенсивные скопления отмечаются в Восточной Болгарии, в основном это селения **Kazannar**, **Kazanatek**. Та же картина на юге Румынии и Молдавии. Здесь подавляющим типом топонимов валяется **Cazanesti**. Наряду с этим имеются единичные Cazanklya и Kazangik. В Боснии и Герцеговине основная масса названий это природные объекты, в частности, реки, источники, вершины **Kazani**, **Kazanovac, Kazanci**. Точнее, цепочка стартует в Македонии и финиширует в Греции (Карта № 4). Она расположена вдоль подножья горного хребта Якупица, к востоку от которого находится долина реки Вардар. В данном

случае основным типом названий является **Kazani**. В Эгейском море имеются два мыса, расположенных на островах, с одинаковым названием **Kazani ak** (белый, тюрк.).

Карта №4. Топонимия «kazan» на Балканах: ойконимы ▲ , природные объекты △

Теперь перейдём к рассмотрению стран востока и Индостана. Достаточно плотно и относительно равномерно топонимы покрывают Турцию. Основа «kazan» здесь сочетается с традиционными географическими обозначениями (речка – dere, гора – dag, деревня – köy и др.), а также с тюркскими формантами. Рассматриваемый массив захватывает Армению и Азербайджан, где присутствуют преимущественно селения Казанчи, имеется озеро Казан – гель. Фактически это ещё одна *Казань*. Посредством своеобразной перемычки этот массив соединяется с вышеотмеченным северо – кавказским (Карта №3).

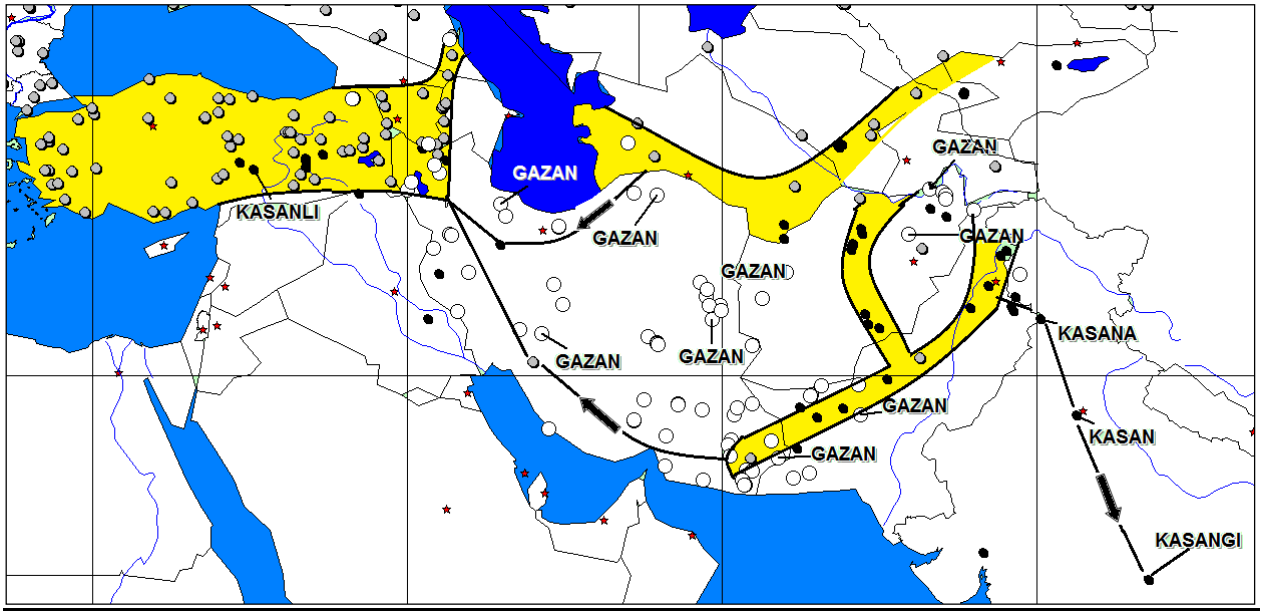
В странах востока существуют не только названия «**kazan**», но и «**kasan**», являющиеся результатом предпочтений в транскрипции. Они протянулись в виде неправильной кривой, начиная с кишлака Казан на границе с Таджикистаном, проходят по прибрежным районам Ирана. В основном это реки и горы. В одном из них в Пакистане содержится и второй характерный тюркский акцент Kazang – *hwazhe* – manda, как указатель конкретного места.

Тюркской вариацией лексемы «казан» является туркмено – сельджукский «газан», возникший в результате характерного «к – г» замещения. Этот вид топоосновы покрывает преимущественно Иран, частично западный Афганистан и Пакистан. В основном это собственно Gazan, представляющие собой поселения за исключением одной местности в Иране и леса в Индии. Встречаются гидронимы **Ab gazan** (ab – вода, перс.). Характерно наличие локальных формантов и вторых корней. Градиент плотности, если и существует, то не является существенным. Ареалы «**Kazan**» и «**Gazan**» относительно чётко разделены, хотя в пограничных областях имеются единичные представители альтернативных основ (Карта №5).

Расселение началось с Алтая. Западное направление отличалось широким фронтом, южная часть которого следовала по границе лесостепи, а северная доходила до р. Васюган. Осталась отметка места перехода Уральских гор – Казанский камень. После Урала произошло интенсивное оседание с формированием ярковыраженного массива «**Казанка**», в авангарде которого на берегу Волги находилась будущая крепость ***Казань*** с соответствующей рекой. Здесь произошло разделение маршрута, небольшая часть рассеялась в Покамье, а другая по междуречью Урала и Волги опустилась к её низовьям, но потом резко повернула на северо-запад и оказалась в Окско-Донском бассейне, где создала ещё один локальный массив, свидетельствующий об оседании населения.

Естественным образом возникает вопрос о хронологическом интервале этих событий. Абрис средневолжского массива «**казан**» отвечает территории Именьковской культуры. Однако ещё Седовым было

сделано наблюдение, что контуры государства Волжский Булгар также отвечают таковым [19, с. 248]. И сделан вывод, что булгары завоевали именьковцев.

Карта №5. Топонимия «kazan» ● «kasan» ● «gazan» ○

Именьковцы были идентифицированы как носители Пшеворской культуры, локализовавшейся на территории Польши. Дискутируются различные пути их проникновения на Среднюю Волгу [12, с. 381; 19, с 248]. Было показано, что «пшеворцы» являлись венетами, пришедшими во II в до н.э. из Северной Италии через Альпы, где они стали кельтами [12, с. 298]. Найдено также подтверждение гипотезы их происхождения из Троады в виде острова **Venedik kayalary** (скалы венедов, тур.) у берегов Турции. Установлен путь движения на Среднюю Волгу по балтийскому побережью и далее через Москву вплоть до Камского устья, где они оставили характерный топоним Венети. Отталкиваясь от даты завершения формирования Пшеворской культуры II в н.э. с помощью спидометрического метода можно оценить дату прибытия – IV в н.э. или начало V-го. Она хорошо соответствует нижней границе существования Именьковской культуры.

Маловероятно, что «казанцы» с Алтая внедрились в устоявшееся государство Волжская Булгария. Как мы видели, татар и калмыков на её территорию не пустили. Вероятнее всего они появились в более ранний период, до или одновременно с первыми потоками булгар. Примечательно, что наряду с пшеворскими древностями на территории именьковской культуры в захоронениях обнаруживаются элементы конской упряжи, оружия, остатки коней. Всё это указывает на присутствие кочевого элемента, как полагают, носителей Турбаслинской культуры (V–VII в). Данный хронологический интервал следует считать наиболее реальным периодом появления «казанцев».

Эти факты находят подтверждение в источниках. Так в 1636 г племя казан отмечается между Волгой и Обью, а также на Дону: «*…в нижнем течении Дона (левобережье) раскинулась страна Казана, а выше земля – Нагай. В земле Нагай в междуречье Танаиса и реки Ра в шатре на низком троне с мечом в руке восседает «великий кочующий правитель над Великими императорами, царь Казаны и император над многими народами*» [23, с. 55]. Понятно, что описываются события не XVII в., а гораздо более раннего периода. Реальность страны Нагай и Казан подтверждается топонимически (Карта №3). «*Сын Ногая Архадай бахатур правил странами Булгар, Черкес и Казан*» [5, с. 332]. Между волго-уральским и окско-донским массивами расстояние около 1200–1400 км. Кочевники могли его пройти его за 100–150 лет. Следовательно, эти события следует относить к VI–VIII вв. В это время болгары уже начали оформляться на Средней Волге, а славяне только появляться в центре Восточной Европы. Есть все основания полагать, что Казан был отражением реального тюркского племени. Топонимический массив «черкас» также присутствует в смежных областях центра Восточной Европы и связан с Северным Кавказом.

С Алтайско-Барабинского узла от основного маршрута произошло ответвление. Движение шло западнее оз. Балхаш на Сыр Дарью и оазисы Чача (Ташкента). Оттуда единичные переселенцы, перейдя Аму Дарью около устья Вахша и Кондуза, попали в Афганистан и Пакистан. Спустившись по долине Инда вышли на побережье Аравийского моря и продвинулись к горам Загрос. Единичные переселенцы по южной границе

р. Ганг спустились к устью. Второе направление, прошло песками Туркмении в направлении хребта Копет Даг. Идентичность топонимов «kazan» и «kasan» вытекает из синхронности их расположения.

Проблемными вопросами являются события формирования топонимических массивов на территории Балкан и Малой Азии. Сразу отметим, что хотя путём через Загрос и прошествовали некие носители «kazan», но на дорогу около 3 тыс. км они должны были затратить около 400–500 лет. Чтобы успеть к началу вторжения огузов через Туркменистан должны были выйти в V–VI веке. В это время тюрки только завершили своё формирование и начинали активные действия.

Туда, как мы уже наблюдали, вёл традиционный путь через Мазандаран. Однако в данном случае на протяжении более тысячи километров топонимы «***kazan***» весьма редки. Но здесь присутствуют топонимы «газан». Это говорит о заселении данного региона отличными тюркскими племенами. Маловероятно, что такая картина является свидетельством неких скоординированных действий, скорее всего она, отражает последовательность заселения территорий. Шедшие за огузами туркмено-сельджукские племена могли несущественно «перекрасить» названия «***kazan***», скорректировав фонетику. Впоследствии они разместились по восточным областям Оттоманской империи и к северу от Анкары.

Вместе с тем между Дагестаном и Закавказьем существует топонимический «мостик», приведённый на карте №3, и составляющий непрерывный массив с переднеазиатскими топонимами. То есть, топонимы «**казан**» на Северный Кавказ попали из Передней Азии. Их носители прошли горными районами Азербайджана через Карабах, оставив в стороне комфортную долину Куры. Место уже было кем – то занято.

Несмотря на минимальное количество объектов между Донским и Приднестровским массивами, можно предположить их проникновение на территорию Балкан с востока через южные степи. Косвенным аргументом в пользу этого предположения является наличие в Болгарии топонемы «*Казанка*», в Турции и Средней Азии отсутствующее. Но с другой стороны имело место историческое событие колонизации Болгарии турецкими переселенцами, занявшими преимущественно восточные районы, в том числе и Румынии. Болгарские турки являлись потомки переселенцев – юрюков. Они также могли перенести топонимы «kazan», а проникнув на левый берег Дуная, создав серию топонимов *Cazanesti*.

В остальной части Балкан, включая турецкую территорию, это в подавляющем большинстве природные объекты. В Македонии и Греции они выстроились в виде прямой линии (Карта №4). Это означает что «казанцы» здесь присутствовали на длительных стоянках, но поселений не оставили, а потом исчезли. Это характерно для кочевников, либо воинских соединений конкретной племенной принадлежности. В турецкий период таковые могли нести дозор достаточно долго. Меридиональное расположение в большей степени продиктовано особенностями ландшафта и стратегическими задачами. Существовала насущная потребность в охране долин и горных проходов. Подобное явление наблюдается и на примере основы «байрак» [16, с. 283].

В топонимике Кавказа имеется один примечательный объект. Это горный проход на юге Дагестана под названием Лаказани. Если бы он был единичным, а не находился в массиве себе подобных, то его отнесение к рассматриваемой группе не было бы столь однозначным. Появился бы ряд фантастических этимологий, проблему нерешающих. Участок Дуная у Железных ворот румыны называют Lacazane. Он характеризуется сужением речной долины. Прослеживается явная не только фонетическая, но и семантическая параллель с узким горным проходом на Кавказе, поэтому корень «казан» приобретает ещё один оттенок – гирло. Прошедшие всю Малую Азию огузы охарактеризовали новое место в соответствии с племенной традицией, сформированной ранее. Этот факт является дополнительным указанием на источник его появления.

В заключении необходимо добавить ещё два маршрута, не оставивших промежуточных следов. В верховья Колымы проявилось селение Он–казан. Это десять родов, совершив затяжной рейд, оказались на краю Азии. Судя по наличию топонима ***Казанка,*** река в устье Енисея, можно сделать вывод, что определённая часть мигрантов сплавилась по течению вниз, также как это сделали якуты [16, с. 307]. Однако, существовал ещё один маршрут на восток, о нём мы расскажем несколько позже. Судя по эпиграфу, племя ***казан*** по мере исхода с Алтая в южных районах вступило в альянс с ранними огузами. В результате оно было поглощено, а тотем Казан, лишившись носителя, перешёл в категорию эпических героев. Такая же судьба постигла божество енисейских кыргызов Манаса [6, с. 123]. Имя Казан сохранилось в современном тюркском антропонимиконе. Чему было обязано его появление?

Культово-тотемные истоки «казан»ского ономастикона. Для того, чтобы понять мировоззрение наших предков, необходимо абстрагироваться от современных реалий и попытаться поставить себя на их место. Чем является котёл для современного человека? – практически ничем. Он стоит в одном ряду с остальной кухонной утварью, которая не вызывает никаких эмоций и тривиально используется по прямому назначению. Чем являлся котёл для кочевников? – огромной ценностью. Во-первых, медный казан стоил целого табуна и был большой редкостью. Во-вторых, от него зависела жизнь целого рода – племени. Он являлся кормильцем.

Сам процесс общественного принятия пищи являлся ритуалом. Недаром в румынском языке от тюрок осталось слово casan, означающее эту процедуру, а у испанцев это звучит как caldaia, cucina. Поэтому котёл был культовым предметом. Древние люди во многие обиходные вещи вкладывали высокий смысл, зачастую не одну сущность, что соответствовало их миропониманию, выражавшееся в языческой религии, мифах.

Культ котла был характерен для кочевых сообществ, начиная с индоевропейцев. Он существовал ещё у кимвров (север Ютландии) [9, с. 249]. В Ирландии магический котелок был символом изобилия и бессмертия. У бога Дагды в котле никогда не кончалась каша. Это подтверждается существованием котловой топонимии у ряда народов. Так, у германцев присутствует большое количество топонимов «kessel», в Англии несколько «copper», в Испании и Италии «caldera». У древних ирландцев котёл назывался *core*, а у скандинавов *hverr*, что также нашло отражение в топонимах [26, с. 66]. Древние германцы, кимвры, послали императору Августу священный котёл [2, с. 40].

«**Казан**» в турецкой армии обозначал полк. Это было то количество людей, которое кормились из одного котла определённой емкости, оно было относительно фиксировано. Считать каждый рот в отдельности было недосуг. Вместе с тем «казан» называлась пушка большого калибра (очевидно, мортира). В киргизской национальной игре «кук бори» в ворота (казан) нужно было забросить тушу козла [16, с. 360].

Этимология корня «каз» связывается с действием «копать, делать ямку», тогда казан является его метафорическим результатом. Известны и другие значения «казан», как глагола, приобретать, добывать, получать, собирать, накапливать, запасаться, зарабатывать, наживаться, стараться, заботиться, завоёвывать (тур., кум., тат., гаг.), добиться, достигать, выигрывать (туркм., кар. – к.). Так, на гагаузском «казанч» означает доход, выигрыш. Их объединяет семантическое родство, которое можно охарактеризовать как «приобретать нечто (не обязательно материальное) посредством активного действия» [13, с. 203].

Племя, имевшее котёл, было сытым, стабильным, здоровым, самодостаточным, оно вело успешные боевые действия по захвату новых пастбищ, что означало увеличение поголовья скота и общего благосостояния. Всегда имело *доход* и *выигрыш*. Представим, как выглядело бы по сравнению с ним племя, котлом не обладавшее. А такие, наверняка, были. Не хватило табуна для его приобретения, добычи захватить не смогли. Приходилось пользоваться непрочной керамической посудой малого размера из необожжённой глины. Потребление пищи при этом происходило в узком семейном кругу, а не *casan* (обществом), терялось племенное духовное единство, являющееся одной из основных сильных черт кочевников.

Для осёдлых народов – земледельцев казан был менее значимым, не приемлемым для печей, и его заменяла относительно дешёвая керамическая посуда, для кочевого образа жизни непригодная. Именно, поэтому в топонимии славян «котловая» компонента занимает менее одной сотой доли процента, в то время как в тюркских странах она неизмеримо выше.

Три слова, *каз – казан – казанч*, соединяет единый семиотический стержень. Во времени происходила трансформация их прямых значений, а исходный базовый корень стал архаизмом. По мере того, как котёл начинал становиться обыденным предметом, и от него уже мало зависела жизнь рода значение его культа начало стираться. Однако по инерции он сохранялся в веках, а слово «казан» почиталось автоматически.

Описанная ситуация возникла ещё в период медного века, когда начали появляться первые котлы. До появления литых, с которыми скифы познакомились в ходе рейдов в Азию, производились клепаные. У них были известны священные жертвенные котлы, выставляемые на пересечениях путей [26, с. 359]. В Армении в захоронениях у храмов времён Урарту находят медные котлы. Ещё в начале нашей эры гунны, не владевшие металлургией, изготавливали керамические котлы, – металлические им продавали китайцы [1, с. 251]. Литьё требовало больше металла и мастерства. Далее стали изготавливать железные круглые, подвесные и стоячие на ножке [3, с. 74]. Половцы клали в могилы ханов котелок, символизировавший власть. Предводитель племени, обладавший в древности казаном, мог диктовать свою волю членам сообщества под страхом отлучения от общего котла, превращения в изгоя.

Таким образом, казан выполнял в медном веке консолидирующую функцию, как и огонь в каменном, в нашей эре он стал культово-ритуальным символом. Теперь можно не удивляться тому, что персонаж огузского героического эпоса Казан Салор, легендарный хан Золотой Орды Казан, ильхан Газан, Сибирский нойон Казанчи, Газан-хан, окончательное установивший господство ислама, а равно и населённые пункты получали такие имена. В них вкладывался более глубокий сакральный смысл.

Интересно, что на алтайском языке паровой котёл звучит как «салар казан». Как видите, для характеристики магической силы богатыря (Казан Салор) и парового котла используется одно и то же слово. «**Казан**» является одним из примеров, когда творения рук человеческих становятся культовыми. К

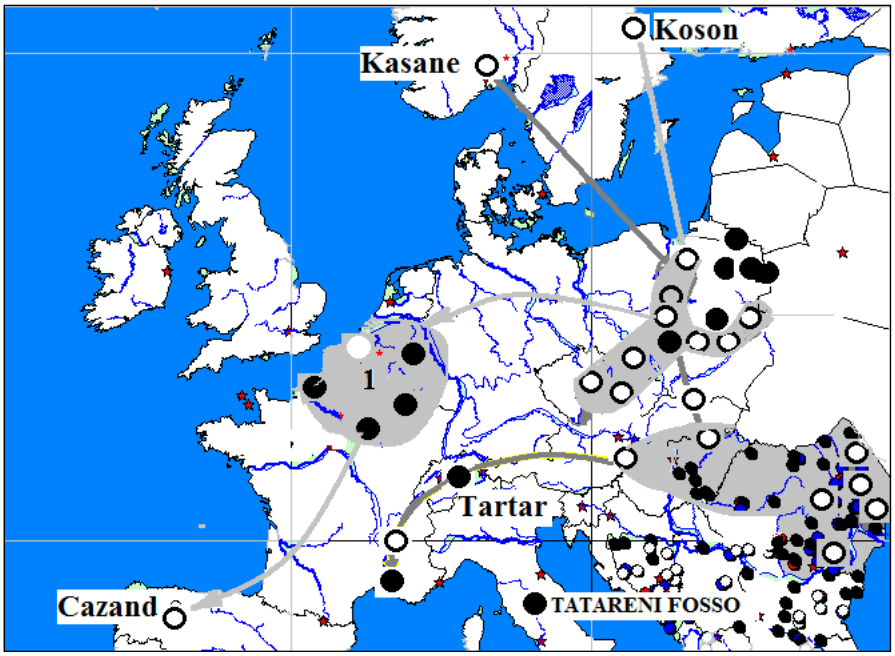
таковым также относились рукотворный огонь, хмельной напиток (soma, инд., surya, слав.), металл (penz, герм., obol, слав.).

«Татар»ские и «казан»ские топонимы в Западной Европе. В Польше обнаруживается несколько топонимов «kazan» и Kasane в Норвегии. В «подозрительной» близости от последнего в Южной Швеции присутствует Koson (котёл, узб.). Этот факт можно рассматривать как ещё одно доказательство тюркской миграции, только теперь уже в Скандинавию (Карта №6).

Проникшие в балтийское поморье носители «татар» и «казан» – топонимов двинулись по северу Западной Европы. Там они создали достаточно характерный анклав: Kazand, Tattert (Бельгия), Tartarenk (Германия), Tartarat, Tartaras (Франция) (индекс 1 на карте). В его сфере у города Турне (Бельгия) находится гуннский памятник [1, с. 38] (на самом деле Турно на границе с Голландией).

До Испании добрался Cazand. Если это все проявления причислить к случайностям, то их очень много. В случае единичных топонимов не было бы достаточных оснований для их этнического отнесения, аргументируя, например, тем, что Tartaren очень близок по звучанию к известному персонажу произведения А. Додэ «Тартарен из Тараксона». Однако tartar была западноевропейской формой произношения слова татары. Топонимы располагаются группой на северном маршруте. Присутствие «казан» делает картину более убедительной.

Это в полной мере объясняет присутствие в войске толедского эмира в период войны Карла Великого с маврами (VIII в.) наряду со славянами гуннов, турок и печенегов. На испанском языке cazanga – свадебное варенье. Такая традиция может быть обязано казанку, занесённому тюркофонами в ходе переселения на Иберийский полуостров вместе с вандалами и аланами. Тюрки не проигнорировали альпийский маршрут, оставив в Швейцарии топоним Tartar, а на юге Франции Tartara и Cazan. Небольшая орда оказалась на Аппенинах, которой было отведено некомфортное место Tatareni fosso (овраг, ит.).

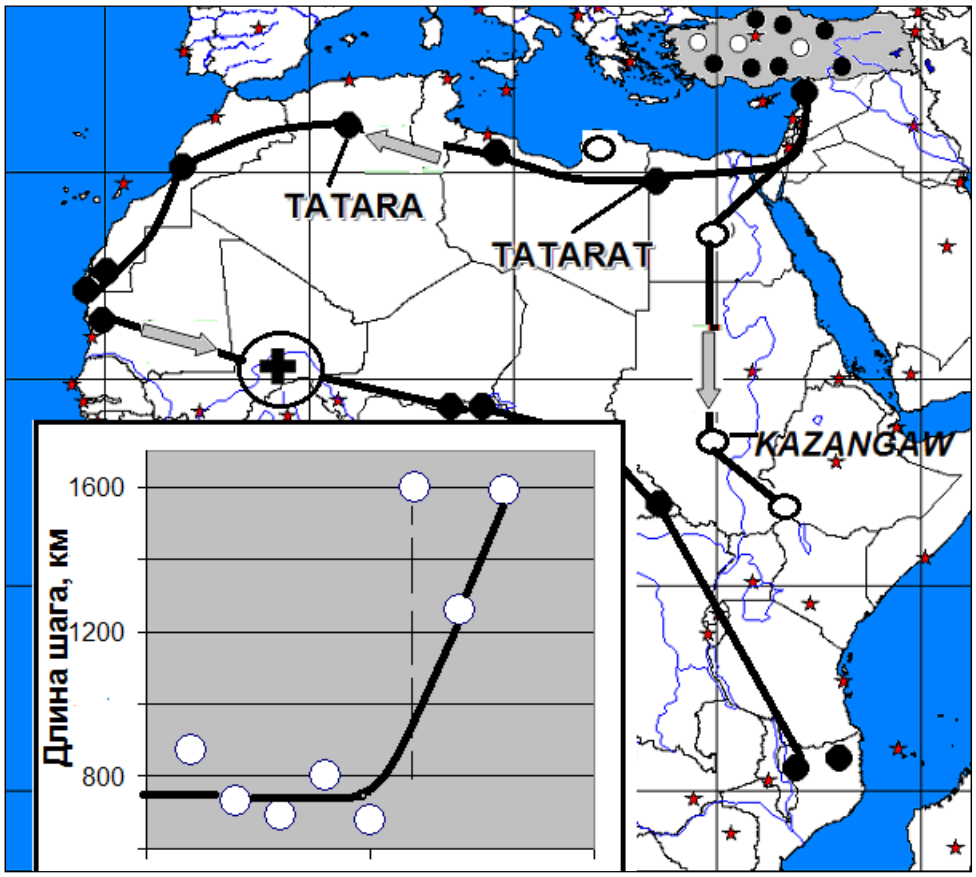
Карта №6. Топонимия «tatar» ● и «kazan» ○ в Западной Европе

Африканский анабазис

Топонимы с основой «татар» расположены в основном на севере Африки, проходя от Египта до Мавритании. Они образуют, хотя и редкую, но конкретную цепочку. В Египте это источник Tatararat, Ливии – Tataret uadi (иссохшее русло, в сезон дождей, наполняемое водой), Алжире – гора Tatara, Марокко – развалины Tatarine, Мавритании – дюны Tatarik mdeineit (Карта №7). По заключению лингвистов в композитах присутствуют вторые арабские слова uadi (иссохшее русло реки), jebel (горы), но корень «tatar» является сторонним. На этой траектории в Западной Сахаре расположены источник, обозначенный на трёх языках Tartar aauinat, – hasi, – poso. Сказываются местные диалекты. Помимо указанных, в Мавритании имеются пруд Tatrare и местность **Tatraret melzem**.

Фактически речь идёт об этимологизации этой группы топонимов, относятся ли они к рассматриваемым названиям? Топониму **Tartar** могла быть придана европейская фонетика **Tartar**, так как карто-

графирование осуществляли англоязычные специалисты. Возможно, изначально Tatrar звучал как Tatarar. Утеря гласной буквы, в данном случае «а», является нередко встречающимся случаем, происходящим в результате эволюции языка. Однако предложенные варианты являются лишь гипотезами. Лингвистически эта задача не решается, но она решается картографически. Если исследуемые названия входят в массив топонимов с определённой этимологией, то степень вероятности их отнесения к данной семантической категории является достаточно высокой [11, с. 91]. В данном случае это условие выполняется.

Карта №7. Топонимия «tatar» ● и «kazan» ○ в Африке

■ – безымянная стоянка «татар» в Мали (массив в Турции представлен схематично)

В глубине Африки обнаружены ещё пять топонимов с основой «татар». В Нигерии это населённые пункты ***Tatara*** и ***Tatarawa***, в Центральной Африканской республике и Эфиопии – *Tatara* и Tatare, Мозамбике – река Tatari и холм *Tatariane*. Началом этого протяжённого маршрута следует считать территорию Турции, где плотность объектов «татар», как мы уже знаем, относительно высока. Звеном, соединяющим азиатскую и африканскую часть, является отмель Tatarus в Сирии. В настоящее время это название считается образным сравнением и переводится как «чёртова отмель».

Полученная картина является следствием миграции «татар»ских племён, проникнувших на территорию Малой Азии и продолживших движение. Вначале путь пролегал по наиболее комфортабельному средиземноморскому побережью. Примечательно, что на этом участке расстояние между топонимами составляет около 800 км. Такой характер миграции характеризуется как стационарная. Это означает, что сообщество совершало скачок на указанное расстояние и останавливалось, что отражалось в появлении топонима.

Далее расстояние начинает увеличиваться до 1600 км, с района оз. Чад миграция переходит в псевдо-прогрессирующий режим (см. график на карте №7). Одна точка на графике выходит за пределы зависимости. Её абсолютное значение ровно в два раза больше расстояния на стационарном участке. Вероятно, на реке Нигер находилась ещё одна стоянка, название которой, либо исчезло, либо она осталось необозначенной. То есть, на стационарном участке должно было присутствовать семь точек. Ещё раз напомним, что переход в псевдо – прогрессирующий режим связан с утерей общностью миграционного потенциала. Поэтому она вливалась в более дееспособные коллективы, которые выполняли роль транспортёра. В этих

условиях начинали интенсивно протекать ассимиляционные процессы. Периодически теперь уже от внутренней общности «татар» происходило отделение небольших групп (минимум одна семья), которые организовывали поселение. Со временем этот процесс происходил всё реже, что выражается в прогрессии расстояний между топонимами. Исходная общность постепенно «растворялась».

Основная часть топонимов представлена природными объектами. Кочевники стабильных поселений не создавали, ограничиваясь стоянками около гор, местностей, в названия которых впоследствии закладывалась этническая принадлежность. Среди топонимов «татар» в Африке значительная доля принадлежит гидронимам. В условиях засушливого климата стойбища возникали преимущественно около источников. Вероятно, они были первопроходцами, на пути, по которому Порта осуществляла свою экспансию.

Примечательно, что путь «татар» по Атлантическому побережью от Марокко до Сенегала практически совпадает с автотрассой Марракеш – Дакар, а по центру Африки весьма близка к расположению дороги Уагадугу (Верхняя Вольта) – Кано (Нигерия) – Нджамена (Чад). Она доходит до Найроби, где начинается новая трасса на юг до Мозамбика через Танзанию. Современные магистрали возникали не на пустом месте, а были проложены по тропам, по которым двигались народы в древности.

Существующие представления в области теории сухопутных миграций позволяют произвести хронологические оценки. Как следует из полученных данных, средняя скорость движения составляла более 30 км в год, то для прохождения пути от Турции до Мозамбика понадобилось менее 400 лет. То есть, последние топонимы могли появиться в конце XV – начале XVI века. При этом мигранты, будучи ассимилированными, уже не ассоциировали себя с исходной общностью, а использовали основу «татар» как неосознанную традицию.

В Африке имеются и названия с основой «казан»: в Египте – ***Kasan kalhef, Kasanu ghawt*** в Ливии, в Судане ***Kazangaw*** и ***Kasan gora jebel***. Последнее наводит на размышление. Причиной является семантическое совпадение двух слов, относящихся к арабскому и русскому лексиконам, gora и jebel, объяснения в настоящий момент не имеющее. И снова в Сирии находится звено между и Африкой и Турцией. Это топоним *Kasan*.

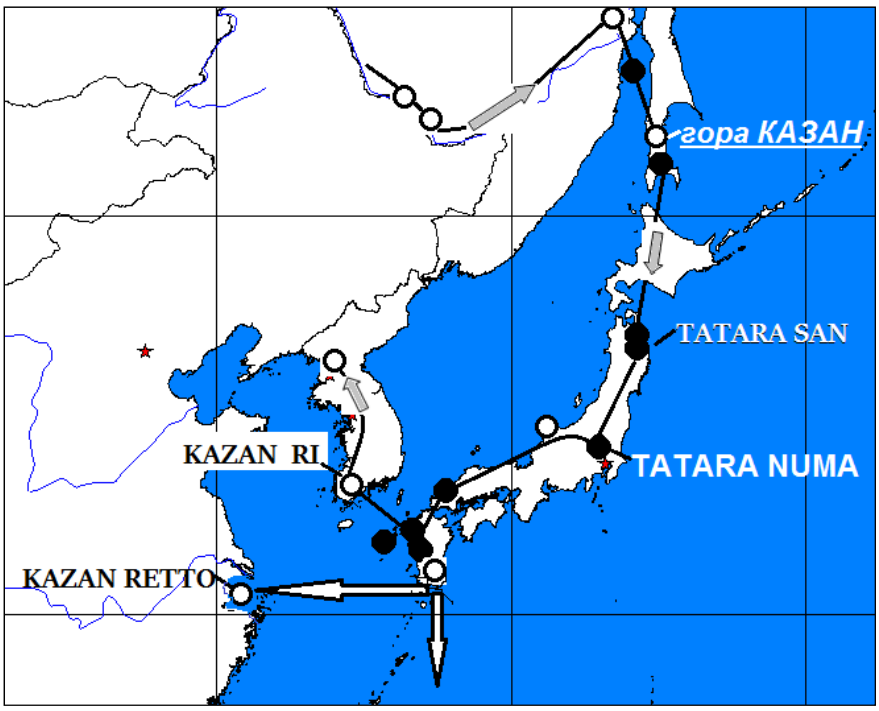
Картина в данном случае менее насыщенная, но достаточно убедительная. Топонимы «казан», помимо отмеченных, сконцентрированы в центре африканского континента, Замбии, Заире, Танзании, Конго, Уганде. Имеется ответвление на северо-запад в район Ганы, Того.

Наиболее характерными являются: **Kasanka, Kasani, Kasanu, Kasanga, Kasana, Kasania, Kasanza**. В этом массиве встречаются несколько названий с заменой на букву «z» вместо «s», Kazanga, Kazani. Различия могут быть связаны с субъективным звуковым восприятием и последующей транскрипцией африканских слов. Как видим, существует достаточно близкое, а иногда и полное совпадение африканских топонимов «казан» с евро – азиатскими. Очерченный ареал захватывает места обитания племён банту. На языке этой народности «kasa» означает степь или юг, как направление [27]. В таком случае «nga», «nka», «i» являются окончаниями, образующими новое слово на основании общего корня. То есть, совпадение оказалось исключительно формальным. Данный пассаж приведён в качестве примера, лишний раз демонстрирующего, что фонетике нельзя отдавать легкомысленное предпочтение перед семантикой.

В расположении «*tatar*» и «*kazan*» – маршрутов просматривается логика. Это совместное движение из района общей локализации, Турции, и последующее их разделение после прохождения Суэцкого перешейка. Они предпочли населённые и освоенные места, Северное и Северо-Западное побережье Африки и долину Нила. Полученный результат мог являться следствием миграции огузов и сельджуков во время османской экспансии в Северную Африку. Примечательно, что границы их империи на средизмноморском побережье и долине Нила соответствуют установленным маршрутам. Поэтому поначалу не вызывающие доверия параллели в тюркских и языках банту могут иметь вполне обоснованные причины.

Ранние тюрки на осторовах японского архипелага. Мы уже были участниками совместных путешествий топооснов «*казан*» и «*матар*» по России, Западной Европе, Азии и даже Африке. Это является свидетельством миграций тюркских народов. Неожиданно выяснилось, что подобные топонимы присутствуют и в Японии.

В северной низменной части о. Хонсю между городами Аоморе и Хатинохе расположены горы ***Tatara yama*** (гора, яп.) и ***Tatara san*** (по отношению к людям эта частица означает уважительное обращение. В данном случае может отражать отношение к горе как одушевленному существу или духу горы). К северу от Токио (префектура Тиба) есть островок ***Tatara numa*** (болото, яп., очевидно, заболоченный), принадлежащий неизвестному гидрониму. На южной оконечности острова севернее г. Убе примостилось озерцо ***Tatara saki***. Заканчивается эта серия своеобразным трио в западной части о. Рюкю, двумя островами и горой *Tatara shima* (остров, яп.), а также рекой ***Tatara gawa*** (река, яп.).

Карта №8. Топонимия «tatar» ● и «kazan» ○ в Японии

Топонимов «казан» имеется всего три, селение *Kazanshi* на полуострове Ното и холмистая местность Kazan у мыса Сата. В составе архипелага Нампо, находящемся в островной системе Рюкю в Восточно-Китайском море, находится группа островков *Kazan retto*. На основании этого можно сделать предположение, что тюрки посетили Японию. Оно представляется весьма необычным и поэтому требует подтверждений. Если это событие имело место, то должны быть следы также топонимические. Переправиться в Японию удобнее всего было через о. Сахалин или полуостров Корея. На южной оконечности Сахалина обнаружены гора *Казан* и р. *Татарка*. Им предшествуют в долине Амура посёлок Татарстан и различные Казанские, а Сахалин и материк разделяет Татарский пролив. На юго-восточном побережье Кореи имеется поселение *Kazan* – ri (маленький посёлок, кор.), а у границы с Россией *Kazan*.

Полученная картина позволяет утверждать, что носители «казан» и «татар» топонимов переправились сначала на Сахалин, а затем в Японию. Причём, по всей видимости, о. Хоккайдо обошли с востока или с запада. Высадка произошла в северной части о. Хонсю в местности Нобедзи около оз. Огавара. Отсюда побережьем или по долине реки Китаками прошли до р. Тоне. Дальнейшие следы обнаруживаются уже на западной стороне острова, которой достигли, сначала поднявшись по реке Кисо и её притоку, между оз. Бива и хребтом Хида. Шествие топонимов «татар» остановилось на о. Кюсю, их покинули только носители «*казан*», прошедшие Корейский полуостров до р. Амноккан. Здесь движение остановилось. Из залива *Kazan* японские лоцманы перенесли это название на южные острова и к берегам Китая.

При всей убедительности полученной картины не будем забывать главного методологического принципа, что пионерские находки должны иметь подтверждение данными других наук. В истории Японии существует один малоизвестный факт [6, с. 185]. В начале нашей эры японские князьки вдруг садятся на коней и начинают осуществлять захоронения родичей в курганах. Их специфика состояла в том, что они выполнялись в виде пирамиды. Точно такие же курганы в Средней Азии оставили «андроновцы», а позже передали эту традицию кыргызам на Алтае [10, с. 50], к этому же периоду относятся находки в скифском зверином стиле. Архетипический индоевропейский сюжет борьбы бога – громовника со змеем присутствует и в японской мифологии. «Бог ветра и воды Сусаноо (функции сходные с индийским Индрой) победил змея Ямато» [25, с. 148].

Такая быстрая смена устоев жизни и образа поведения должны были иметь свои причины. Д. Киддер сделал предположение, что в этот период на острова вторглась группа тюркских кочевников. Это были тюрки, заимствовавшие основные элементы индоевропейской культуры. При этом надо добавить, что не просто вторглась и передала кавалерийские навыки, а существенно изменила религиозную философию добуддийских японцев и их представления в области эсхатологии, что выразилось в изменении характера

погребения. Это было глубокое проникновение в устои древнего японского общества. При этом можно добавить, и оставившее следы на карте.

Основная масса топонимов является природными объектами. И это понятно, тюрки – кочевники селений не создавали, а проживали в стойбищах, находящихся около рек, болот, гор. Длилось это достаточно долго, поэтому окружение придавало этим объектам имена постояльцев, «татар» и «казан»цев. Пришельцы кто уходил, кто растворялся, а названия оставались на карте.

Ещё раз напомним, что в сино-корейских языках имеется лексема «кха», идентичная тюркской «ка», означающая «старший родственник, брат». Карта №8 исчерпывающе объясняет причины появления такой параллели. То есть, названия *Татарка*, *Казанка* не являются существительными женского рода с русифицированным окончанием «-ка». Тюрки переселились из Японии в Корею и оставили свои следы в языке. Этнографическая экспедиция Института истории им. Марджани АН РТ в префектуре Симанэ обнаружила технологию выплавки высококачественного металла под названием «tatara». Согласно существующим представлениям она попала в Японию из Кореи в VII в. и исторически связана с татарами [24]. В целом переселение с Амура заняло не менее 200–250 лет.

Таким образом, проникновение пришельцев в культуру древнего японского общества было весьма глубоким. В японском языке вулкан звучит как «казан». Безусловно, это метафора, автором которой являются тюрки, впервые встретившие это явление и нашедшие ему аналогии в обыденной жизни. При этом можно добавить, что тюркское вторжение оставило следы, не только в топонимиконе, но и в лексиконе японского языка. Он подлежат более пристальному изучению на предмет присутствия тюркизмов.

Татары. Район исхода. Область формирования носителей топонимов «*казан*» и «*казанка*» определённо находится на Алтае, но фиксируется по сравнению с другими категориями топонимов с невысокой точностью. Более определённая ситуация существует относительно сообществ «*татар*». Они расселялись по трём направлениям, на восток, запад и юг. С этой точки зрения становится понятным их упоминание в различных исторических областях и в отличающиеся хронологические периоды, на Амуре и Маньчжурии, Монгольских степях и на Иртыше, у жужаней и странах Магриба. Также становятся ясными причины отсутствия консолидации этих этнических образований. Они были разбросаны зачастую в различных частях света и на маршрутах, исчисляющихся тысячами километров. И даже на одном маршруте исторические катаклизмы дробили их орды, а злая воля рока бросала в объятия различных партнёров.

Пути исходили из алтайского региона, в котором практически все топонимы имеют одно и то же название – *Татарка*, среди которых за исключением двух, все принадлежат гидронимам. Они присутствуют и в других регионах. В частности, на Северном Кавказе имеется такой анклав, состоящий из рек, кроме одной балки. Вероятно, и она была когда – то рекой.

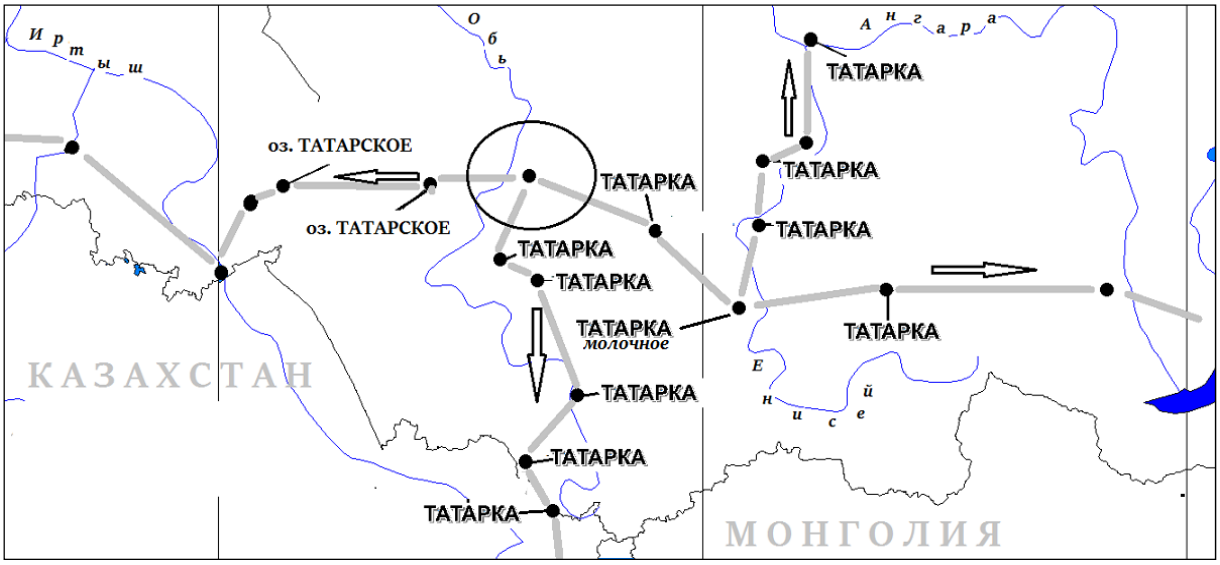
Эта тема представляет отдельный интерес. Подобные названия не являются результатом массового выражения симпатии к женским особям данной национальности. Формант «- ка», как уже неоднократно было сказано выше, в тюркских языках означает «старший родственник, брат». Старший родственник некого *Татара*? Следовательно, он был высокого статуса и в его честь называли реки. Почему в основном реки? Потому, что древние татары исповедовали анимистические культы и названия давались в первую очередь природным объектам, и только позже около них возникали одноимённые поселения. Это палеотопонимы.

Именно такие присутствуют на Алтае. Они расположены, как правило, по руслам Оби и Енисея и формируют маршруты. Западное направление миновало Обь в районе Новосибирска и продолжилось в Барабинских степях, где два озера имеют название Татарское. Это явно более поздний русифицированный вариант, каков был исходный неизвестно. На восток двинулись через Минусинск, миновав Енисей, назвали ещё одну реку *Татарка*. После Байкала в траектории возникает провал и топонимы возобновляются на Дальнем Востоке. На юг проследовали через Бийск. Перейдя Катунь у Горно-Алтайска, направились в верховья Бухтармы. Существовал и четвёртый маршрут, на север. Он следовал по левому берегу Енисея вплоть до устья Ангары, где кроме реки Татарка возник одноимённый населённый пункт. Далее сплавлялись по реке и перед Туруханском возник посёлок Татарское (см. Карту №9).

Таким образом, на Алтае имеются две узловые точки, селение Татарниково и ферма Татарка молочное (она же *Татарский*). В этом районе северо-востока Хакасии у подножья горы Самохвал ранее располагалась гуннская каменная крепость. Названия Татарниково и Татарский наверняка не являются оригинальными, а лишь вторичными, имеющими своих предшественников. Из них исходят по три маршрута. Отличие состоит в том, что из первого существует направление на юг, а второго на север.

Причина возникновения узловых точек состоит в специфике старта этногенеза. Новые образования возникают в результате взаимоассимиляции различных этнических компонент. Этот процесс характеризуется высокой репродуктивностью и повышенной пассионарностью возникающих особей. Данное обстоятельство определяет миграционный импульс и количество возникающих маршрутов. Оба из отмеченных топонимов могут претендовать на центр формирования исходного племени ТАТАР. Первый возник в об-

ласти Верхнеобской культуры, второй – Тагарской, если они имеют к ним отношение. В плане приоритета они равноценны. Однако существует ещё один признак – это интенсивность миграционных маршрутов. Западный и южный имеют явное преимущество над восточным и северным. Поэтому в качестве центра формирования ранней татарской общности несколько предпочтительнее смотрится область, расположенная между реками Обь и Томь. В настоящее время здесь расположено только распаханное поле. Но по свидетельству старожилов около 60 лет назад, действительно, находилось село Татарское, а неподалеку от него – Басалаевка. На месте Татарка молочное остался только выгон.

Карта №9. Топонимия «Татарка» в алтайском регионе

Вывод. Мы проследили миграции «татарских» и «казанских» сообществ в евро-афро-азиатском ареале. Их масштабы являются беспрецедентными. Причину следует искать в высоком пассионарном импульсе, обусловленным генетическим разнообразием, возникшем при скрещивании исходных индоевропейской и тунгусо-манчжурской компонент, обогащаемым в ходе миграций. Пути «казанцев» и «татар» часто совпадали. Но это не значит, что они мигрировали совместно. Их дороги разошлись в дельте Нила, татары обошли Волжскую Булгарию с юга и севера, едва перейдя Волгу. «Казанцы» использовали эту территорию как транзитную, добравшись до Балкан, что связано с более ранним появлением. Маршруты продвижения по Малой Азии также различаются. «Казанцы» продвигались сплошным фронтом, татары предпочитали северные и срединные территории. «Татары» по долине Ганга глубоко проникли на восток Индостана, а «казанцы» на юг.

Полученные результаты ставят точку в проблеме этнического отнесения татар. Их прародина находится в зоне тюркского этногенеза. Этнонимы «казан» и «татар» имеют теофорное происхождение. В настоящей работе и в [13, с. 211] были высказаны соображения на эту тему. Но это только гипотезы. Истинные представления наших далёких предков о богах – тотемах, основанные на образно-ассоциативном мышлении, остаются для нас недоступными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боталов С.Г. Гунны и тюрки. Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.
2. Граков Б.Н., Моравский С.П., Неусыхин А.И. Древние германцы. М.: Соцэкгиз, 1937. 224 с.
3. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 2002. 560 с.
4. Измайлов И., Исхаков Д. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа // История татар. Т. 2 / под ред. М. Усманова, Р. Хакимова. Казань: РухИЛ, 2006.
5. Исхаков Д.М. Улус Джучи в период могущества. Клановая структура // История татар. Т. 3 / под ред. М. Усманова, Р. Хакимова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
6. Киддер Д. Япония до буддизма. М.: Центрполиграф, 2003. 286 с.

7. Кляшторный С.Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трёх тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
9. Кузьмин А.Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 428 с.
10. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.
11. Курбатов В.А. Россия до Руси. По следам индоевропейцев. М.: Буки Веди, 2012. 528 с.
12. Курбатов В.А. Тайна рождения славян. М.: Алгоритм, 2015. 464 с.
13. Курбатов В.А. Славянские континенты. М.: Алгоритм, 2005. 382 с.
14. Курбатов В.А. Математическая модель пассионарности. Метод «контактирующих плотностей» // Вестник РАЕН. 2012. Т. 12, № 4. С. 140–147.
15. Курбатов В.А. Загадки дворянских фамилий. СПб.: Алетейя, 2017. 234 с.
16. Курбатов В.А. Тюркский мир. Начало и расцвет. М.: Юстицинформ, 2021. 516 с.
17. Кычанов Е. Кочевой мир Центральной Азии: тюрки и ранние монголы // История татар. Т. 3 / под ред. М. Усманова, Р. Хакимова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
18. Микушев А.К. Коми-эпическая традиция и её связи с эпосом соседних народов // Типология народного эпоса / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1975.
19. Седов В.В. Славяне. М.: Языки славянской культуры, 2002. 622 с.
20. Тасин Д. Татары на Балканах // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
21. Жужаньский каганат. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жужаньский_каганат (дата обращения 19.05.2025).
22. Усманова М.Г. Гидронимы с этнонимом теле на Южном Урале // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Т. IV. С. 85–87.
23. Фоменко И. Татарские государства в европейской картографии XV–XVIII вв. // История татар. Т. 4 / под ред. Р. Хакимова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.
24. Хакимов Р.С. По следам «tatara» // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 9–12.
25. Черницкий А.М. История исчезнувших цивилизаций. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 429 с.
26. Шрадер О. Индоевропейцы. М.: URSS, 2003. 216 с.
27. Mueller E. Woertebuch der Djagu-Sprache gesprochen am Kilimangaro in Ostafrika. Hamburg: Eckard & Messtorff, 1947. 411 s.

Сведения об авторе: Владимир Анатольевич Курбатов – доктор технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук (Москва, Российская Федерация). E-mail: kurbatov_va@mail.ru

ORIGINAL LOCALIZATION AREAS AND MIGRATION ROUTES OF TATAR-KAZAN COMMUNITIES

V.A. Kurbatov
Russian Academy of Natural Sciences

The article examines the areas of initial localization and migration routes of Tatar-Kazan communities. The study used the method of continental toponymy of differentiated toponymics and established the location of toponyms with the base "Tatar" and "Kazan" in Central and Asia Minor, the countries of the East, as well as in Europe and Africa. The resulting picture reflects the areas of localization and settlement routes of Tatar-Kazan communities. The results obtained put an end to the problem of ethnic classification of Tatars. Their ancestral homeland is located in the zone of Turkic ethnogenesis. The ethnonyms "Kazan" and "Tatar" have a theophoric origin. In this work, considerations on this topic were expressed.

Keywords: Tatars, Kazan, migrations, Europe, Asia, Africa

About the author: Vladimir A. Kurbatov – Dr. Sci. (Technique), Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kurbatov_va@mail.ru

УДК 167.7

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛА «ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Л.С. Гиниятуллина
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена анализу динамики развития журнала «Золотоордынское обозрение» в контексте современных исследований истории Золотой Орды. Создание журнала в 2013 году стало ответом на растущий академический интерес к данной тематике и потребность в консолидации научного сообщества. Издание зарекомендовало себя как ключевая площадка для публикации исследований ведущих и молодых ученых, способствуя развитию золотоордынской историографии. В статье рассматриваются основные этапы становления журнала, его роль в международном научном дискурсе, а также перспективы дальнейшего развития, включая расширение международного сотрудничества и цифровизацию исторических источников.

Ключевые слова: Золотая Орда, научный журнал, периодическое издание, исследование

Изучение истории Золотой Орды и постордынских государств остается ключевым направлением в медиевистике. Создание специализированного научного журнала «Золотоордынское обозрение» (далее – журнал) в 2013 г. стало ответом на растущий интерес к данной тематике и необходимость консолидации исследований. Развитие журнала как академической платформы и его динамичный рост отражают эволюцию научного дискурса в области тюрко-татарской истории.

Организационной основой для создания журнала послужила деятельность Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Необходимость периодического освещения результатов научной деятельности по данной тематике была подкреплена решением Ученого совета института в 2013 г., которое закрепило статус издания как специализированного периодического. Регистрация СМИ (свидетельство ПИ № ФС 77-87864) и присвоение ISSN (2313-6197, 2308-152X) подтвердили его соответствие международным стандартам.

Формирование редакционной коллегии с участием ведущих российских и зарубежных ученых (Р.Р. Салихов, М.Г. Крамаровский, С.П. Карпов, А.А. Горский, Чарльз Гальперин, Юлай Шамильоглу, Виктор Спиней, Мария Иванич, Никола Ди Космо и др.) обеспечило высокий экспертный уровень журнала.

За десятилетие журнал прошел путь от регионального издания до признанной международной площадки. Динамика его развития свидетельствует о качественной работе коллектива (редакционной коллегии и редакции журнала). О высоком научном уровне издания говорит его включение в ведущие наукометрические системы: Scopus (Q1), Web of Science, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, ERIH PLUS, ResearchBib, OAJI, EBSCO, Dimensions, Google Scholar, а также в «Белый список» научных журналов (1 уровень), Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (К1), РИНЦ, Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), КиберЛенинка.

За одиннадцать лет на страницах журнала опубликовано 756 научных статей на русском и английском языках. Уровень отклонения рукописей превышает 30%, что свидетельствует о строгом рецензировании. При этом спорные научные гипотезы публикуются и сопровождаются полемикой в формате рецензий, которые сами по себе представляют отдельные научные статьи. Тематический охват включает нумизматику, источниковедение, историографию, наследие Золотой Орды, а также публикацию новых источников и монографий.

Важным аспектом является популяризация знаний о татарской истории через презентации и научные мероприятия не только в России, но и за рубежом – в Великобритании, Турции, Узбекистане, Египте, Казахстане и других странах. Это способствует распространению культурного и исторического наследия Золотой Орды. Таким образом, развитие журнала, проведение форумов и создание профессиональных ассоциаций служат целям углубления исследований и популяризации истории Золотой Орды на международном уровне.

«Золотоордынское обозрение» зарекомендовало себя как ключевой ресурс в изучении средневековой тюрко-татарской истории. журнал стал площадкой для обмена идеями как среди ведущих исследователей, так и среди молодых ученых, способствуя развитию специализированных исследований и акцентируя внимание на важнейших аспектах истории.

Перспективы дальнейшего развития журнала связаны с углублением международного сотрудничества, что расширит горизонты исследований. Важную роль также сыграет цифровизация исторических источников, которая сделает информацию более доступной и упростит взаимодействие между учеными worldwide.

Таким образом, рецензируемый научный журнал «Золотоордынское обозрение» утвердился в качестве ведущего научного издания по истории Золотой Орды, сочетая академическую строгость с открытостью к новым исследовательским подходам. Его дальнейшее развитие будет способствовать не только углублению специализированных исследований, но и интеграции золотоордынской тематики в мировой историографический контекст.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

THE DYNAMICS OF THE JOURNAL "GOLDEN HORDE REVIEW" DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF RESEARCH THE GOLDEN HORDE HISTORY

L.S. Giniyatullina
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The article presented to the reader's attention is devoted to the dynamics of the development of the journal "Golden Horde Review" in the context of research into the Golden Horde history. The creation of the scientific journal "Golden Horde Review" was a response to the growing interest in this topic. The journal has become a platform for knowledge exchange among both leading researchers and young scientists. The article also discusses the prospects for the development of the journal through the expansion of international cooperation and the digitalization of historical sources, which will increase the availability of information and promote an active exchange of knowledge among scientists.

Keywords: Golden Horde, scientific journal, periodical, research

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus AuthorID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

ПРОГРАММА
VIII Международного
Золотоордынского Форума:
http://вики.татаровед.рф/data/pdf/program_MZF2025.pdf

МАТЕРИАЛЫ
VIII Международного
Золотоордынского Форума:
http://www.tataroved.ru/publicat/books/GH_Legacy6.pdf

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ:

Материалы VIII Международного Золотоордынского Форума «Pax Tatarica: средневековые источники и исторический контекст», Болгар–Казань, 9–11 июня 2025 г.

Выпуск 6

GOLDEN HORDE LEGACY:

Materials of the VIII International Golden Horde Forum “Pax Tatarica: Medieval Sources and Historical Context”, Bolgar–Kazan, June 9–11, 2025

Issue 6

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*
Подписано в печать 29.05.2025 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$
Усл. печ. л. 55,335 Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт Института истории Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
http://татаровед.рф/departments/6
http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/